ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Е. И. КЫЧАНОВ

ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ivanov

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1724
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

Evgeny I. Kychanov

HISTORY OF THE TANGUT STATE

St. Petersburg
St. Petersburg State University
Faculty of Philology and Arts
2008

Е. И. Кычанов

ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Санкт-Петербург
Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

ББК 63.3(0)
К97

Кычанов Е. И.

К97 История тангутского государства. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 767 с. — (Исторические исследования).

ISBN 978-5-8465-0652-7

Настоящая книга подводит итог более чем сорокалетнего труда доктора исторических наук, профессора Е. И. Кычанова по восстановлению истории и культуры государства тангутов Великое Ся (982–1227), павшего под ударами армий Чингисхана. В книгу вошли работы, написанные в разные годы, содержание которых отражает значительные достижения тангутоведения за последние пятьдесят лет, а именно имеющиеся на сегодняшний день знания о тангутской политической истории, экономике, праве, религии и культуре благодаря расшифровке, переводам, изучению и публикации тангутских словарей и других рукописей, обнаруженных около ста лет назад известным российским путешественником П. К. Козловым в мертвом городе Хара-Хото в песках на юге пустыни Гоби, а также изучению памятников материальной культуры Си Ся.

Книга предназначена как для специалистов-востоковедов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой стран Центральной Азии и Дальнего Востока.

ББК 63.3(0)

Kychanov E. I.

History of the Tangut State. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. — 767 p. — (Historical Studies).

ISBN 978-5-8465-0652-7

This book is the result of more than forty-year scholarly work of Prof. Dr. E. I. Kychanov devoted to reconstructing the history and culture of the Tangut State of the Great Xia (982–1227) which had been smashed by the army of Genghis Khan. The works included in the book were written in various years, and their contents reflect the considerable achievements in the field of Tangut studies for the last fifty years, viz. the growth of our knowledge about Tangut political history, economy, law, religion and culture owing both to deciphering, translating, and publishing the Tangut glossaries and other manuscripts discovered around 100 years ago by the famous Russian traveler P. K. Kozlov in the dead city of Khara-Khoto located in the Southern Gobi sands, and to studying the monuments of material culture of Xi Xia as well.

This book is intended both for the experts in the field of Oriental studies and for the general readership interested in the history and culture of the Central Asian and Far Eastern lands.

Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-01-16179д)

© Е. И. Кычанов, 2008
© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5-8465-0652-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти двухсотлетнее существование государства тангутов — лишь эпизод в трехтысячелетней истории Китая как многонационального государства. На окраинах расселения китайского этноса веками происходил процесс появления государств неханьских народностей. Большие государства или присоединяли к своим владениям часть китайской территории (сяньбийское Тоба-Вэй, 386–534, киданьское Ляо, 916–1125, чжурчжэньское Цзинь, 1115–1234) или полностью подчиняли своей власти Китай (монгольское Юань, 1271–1368, маньчжурское Цин, 1644–1911). В правлении каждого из этих неханьских народов было что-то особенное, но и имелось общее. Изучать эти неханьские династии с позиций выявления общего и особенного — задача и китайской исторической науки, и историков Китая зарубежных стран. Были также некитайские менее значимые и менее мощные государства Бохай (698–926), Великое Ся (982–1227), Наньчжао — Дали (653–1253).

Их опыт тоже поучителен, особенно для изучения общего (основ китайской государственности) и особенного (использования национальных форм организации государственной власти). К сожалению, наука не располагает достаточно полной информацией о таких государствах, в ее распоряжении имеются лишь краткие китайские описания и достижения современной археологии. Утеряны целые пласты оригинальных культур, о чем свидетельствует изучение истории, культуры, письменности тангутского государства Великое Ся, с начала XI в. именовавшегося китайцами Си Ся — Западное Ся и под этим именем вошедшего в современную историческую науку.

Россия и тангутское государство оказались связанными некоей мистической связью. В 1833 г. Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) опубликовал переводы основных китайских сведений о Великом Ся в объемистой монографии «История Тибета и Хухунора». Эти переводы не привлекли большого внимания мировой исторической науки, не вызвали они особого интереса даже тогда, когда в 1908–1909 гг. на южной окраине пустыни Гоби, в мертвом городе Хара-Хото известный исследователь Центральной Азии П. К. Козлов нашел сотни рукописных и напечатанных способом ксилографии и даже наборным (подвижным) шрифтом книг на тангутском языке. Их сохранность — в известной мере историческая случайность, но эта случайность наглядно показала, что́ потеряно цивилизациями тех государств, о которых мы упомянули выше, может быть, за исключением Юань и Цин.

Подборка материалов в данной книге дает достаточное представление об истории государства тангутов и его высокой культуре. Феноменальны были успехи филологической науки, пусть даже достигнутые на базе развитой китайской филологии, — изобретение своего письма, высокий уровень организации словарного дела, высокопрофессиональный свод законов, осмысление своей традиционной мифологии, широкий интерес к китайской конфуцианской классике, к китайской литературе. Подлинный взлет культуры и крах государства под копытами монгольских коней, а затем и исчезновение самого народа — вот главные темы этой книги. В ней собраны работы, опубликованные в разные годы. Они отражают динамику исследования проблемы, показывают путь совершенствования переводов, отражают изменения в подходах к изучению истории тангутского государства. Статьи публикуются в первоначальном виде, поэтому в ряде работ можно встретить повторы и некоторые противоречивые суждения, немного отличающиеся друг от друга названия тангутских документов, что отражает процесс уточнения перевода. В текстах ряда статей приводятся названия тангутских учреждений, а также Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН так, как их было принято называть в момент написания работы. При необходимости в тексте даются пояснения.

Почему же погибла тангутская цивилизация и исчез тангутский народ? Во второй половине VII–VIII в. часть минягов-тангутов, ведомая своими правителями из дома Тоба, под давлением тибетцев, начавших с VII в. широкое наступление на западные окраины Китая, переселилась из северо-западной части современной провинции Сычуань (район Сунпань). Вместе с ними ушла также часть населения разгромленного тибетцами сяньбийского государства Тугухунь (303–663), занимавшего в основном территорию современной китайской провинции Цинхай. Расселившись на южных окраинах Ордоса, на западных рубежах китайского государства Тан (618–907), тангуты, с одной стороны, получили защиту от китайских властей, с другой — сами стали на пути тибетских рейдов в глубь китайской территории.

С началом VIII в. в связи с экспансией арабов на Согдиану, в Среднюю Азию, с образованием Тюркских каганатов, тибетскими вторжениями на территорию Западного края (Дуньхуан, Турфан, Хотан и др. районы современной китайской провинции Синьцзян) танский Китай на значительное время утратил частично или полностью контроль над Западным краем. Арабское завоевание привело к исламизации Маравеннагра (бывшей советской Средней Азии). Арабы, иногда в союзе с тибетцами и тюрками, рвались дальше на восток, но были остановлены китайцами после сражения на реке Талас в 751 г.

Объективно дальнейшее продвижение арабов и ислама на восток остановили и тибетцы, установившие свой контроль над территорией Западного края. Основная масса населения Западного края, несмотря на присутствие китайцев, тибетцев, тюрков, оставалась индоевропейской по языковой принадлежности и буддийской по вероисповеданию. Очевидно, ослаб и натиск арабских завоевателей, но совершенно определенно, что события VIII в. в Западном крае временно приостановили продвижение ислама на восток.

Оказывая военную помощь китайской династии Тан, предводители тангутов перешли на китайскую службу и стали генерал-губернаторами (цзедуши)

региона южного Ордоса. Полно оценить этническую ситуацию в данном районе достаточно трудно. Он не был густо заселен — китайские власти пустили тангутов на относительно пустующие земли. Хотя, безусловно, там жило некоторое количество китайцев, а также небольшие группы сяньбийцев, тюрков, согдийцев, возможно, других этносов, ибо через эти районы проходил торговый путь международного значения, связывавший Китай с Западом.

Тангуты скорее всего утратили связь с ядром минягского этноса в Сычуани. Район расселения минягов перешел под контроль Тибета. Но условия жизни на новом месте оказались относительно благополучными, и численность тангутов быстро возрастала, можно даже полагать, что в конце X в. они оказались в большинстве в этом регионе, возможно, вместе с другими проживавшими здесь группами цянского, тибето-бирманского по языку этноса. Эта отколовшаяся от основного ядра минягского этноса группа минягов (уже тангутов) при сложившихся благоприятных обстоятельствах — развале Тибета, разгроме в середине IX в. Уйгурского каганата киргизами, наконец, распаде Китая на ряд независимых государств в период так называемых Пяти династий (X в.) — оказалась способной создать свою государственность и выступить в качестве государствообразующего этноса — организовать на юге Ордоса и в прилегающих областях единое многонациональное государство при лидерстве тангутов. Кто же, помимо китайцев, был вовлечен силой оружия в создание многонационального тангутского государства? Прежде всего это были тибетцы и уйгуры. После распада Великого Тибета и его армий (середина IX в.) в районе города Лянчжоу (современный город Увэй, провинция Ганьсу) расселилась стабильная группа тибетцев. К концу X в. на территории провинции Цинхай образовалась тибетское княжество, первым правителем которого был Цзюесыло. В итоге тибетско-тангутских войн первой половины XI в. лянчжоуские тибетцы и часть тибетцев Цинхая были включены в состав тангутского государства.

После разгрома киргизами Уйгурского каганата основная масса уйгуров переселилась в западные районы провинции Ганьсу и на территорию провинции Синьцзян. Ганьсуйские уйгурские ханства под эгидой ханов Яглакар находились в городах западной части провинции Ганьсу — в Ганьчжоу (современном Чжанъе), Сучжоу (современном Цзюцюань) и Шачжоу-Дуньхуан. На территории провинции Синьцзян образовалось Турфанское уйгурское государство (или государство Кочо от китайского названия города Гаочан). На этой территории начались процессы тюркизации (уйгуризации) местного индоевропейского населения и были заложены основы современного уйгурского этноса Синьцзян-уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. В первой половине XI в. уйгурские ханства западной части Ганьсу были завоеваны тангутами и включены в состав тангутского государства.

Уйгурское население Турфанского уйгурского государства было буддийским по вероисповеданию. С завоеванием тангутами ганьсуйских уйгурских ханств в составе тангутского государства оказался комплекс дуньхуанских и комплексы других соседних буддийских пещерных храмов, существовавших к этому времени уже примерно 500–600 лет.

Тангутская правящая верхушка, а возможно, и значительная часть тангутов к началу XI в. по вероисповеданию также были буддистами. Так, на западе

современного Китая образовался новый уйгурско-тангутский буддийский анклав, который и политически, и в военном отношении, и идеологически преградил в этом регионе путь распространению ислама на восток. В основании и уйгурского, и тангутского буддизма находился буддизм, характерный для западных районов танского Китая.

Став государствообразующим этносом, тангуты должны были сформировать государственный аппарат управления, организовать боеспособную армию, обеспечить делопроизводство и обслуживание религиозных нужд своего населения на родном языке. С этой целью в 1036 г. была введена в употребление оригинальная тангутская письменность, сформирован государственный аппарат, ориентированный на китайские образцы, с 1038 г. под наблюдением государства был начат перевод буддийского канона на тангутский язык.

Реально в государстве Великое Ся (так государство было названо первым тангутским императором Юань-хао в 1039 г.) государственными языками, скорее всего, были и тангутский, и китайский. У нас нет прямых доказательств на этот счет, но судя по многим косвенным свидетельствам, такова была реальная действительность. В пользу мнения об ограниченном использовании китайского языка может служить только то, что большая часть хозяйственных и иных документов, дошедших до наших дней, написана на тангутском языке.

Однако мы точно знаем, что языками религии были признаны три языка: тангутский, китайский и тибетский. Из некоторых китайских источников известно, что уйгурские монахи на первых порах помогали делать переводы буддийского канона с китайского на тангутский язык. Но конкретных текстов, в которых было бы отражено уйгурское участие, пока не обнаружено. Это можно объяснить тем, что уйгуры, начавшие переводческую деятельность несколько раньше, были сами заняты переводами китайского канона на родной язык.

В период расцвета тангутское государство могло иметь до пяти миллионов населения, включавшего четыре основные народности — тангутов, китайцев, тибетцев и уйгуров, и некоторые другие небольшие по численности этнические группы, о которых у нас нет достаточных сведений. Тангутское государство сложилось примерно через сто лет после образования на севере Китая государства киданей Ляо. Кидани в целом поддерживали тангутов против Китая, а тангуты следовали киданьскому примеру в создании своего письма, а не заимствовании китайского. Как полагают исследователи истории киданьского государство Ляо, «национальный вопрос» в Ляо был решен таким образом, что кидани и китайцы жили по своим собственным обычаям и законам, имело место известное «сосуществование» (симбиоз) господствующего, но немногочисленного киданьского этноса и составлявшего большинство населения государства китайского этноса. Не совсем ясно, каково было положение бохайцев, в прошлом государствообразующего этноса в уничтоженном киданями государстве Бохай.

В тангутском государстве, помимо господствовавшего тангутского этноса, три других крупных этноса имели этническую базу за пределами Великого Ся, и это требовало особого порядка решения межэтнических отношений. В Великом Ся была выработана практика равенства этносов. Тангутское законодательство не предусматривало никаких исключительных прав или поражения в пра-

вах, исходя из этнической принадлежности. В системе управления и в армии старшим считался тот, кто был старше по должности и рангу, независимо от его этнической принадлежности. В единственном случае, когда требовалось установить старшего, а тангут и нетангут имели одинаковый чин, старшим должен был быть признан тангут. Китайцы имели стабильное положение советников, а затем и брачных партнеров династии, соседние уйгуры имели преимущества в торговле с Ся, а уйгуры, проживавшие в Ся, легко могли переходить через государственную границу между Ся и Кочо. Тибетцы, если и жили несколько обособленно своими буддийскими общинами, на деле поддерживали активные связи с тибетскими буддийскими общинами Амдо и Кама, а также, вероятно, и Центрального Тибета. Тангутское право выделяло тангутские, китайские, смешанные тангутско-китайские и тибетские буддийские общины. Не упоминается наличие смешанных тангутско-тибетских общин и общин уйгурских. И хотя со второй половины XII в. тангутский буддизм уделял все большее внимание буддизму тибетскому, проблемой для тангутов стала китаизация, а не слияние с тибетцами или уйгурами. Тангуты не смогли или не захотели пойти по тому пути, по которому пошли их соседи — чжурчжэни в государстве Цзинь. В Цзинь были введены этнические сословия, и чжурчжэни получили особые права. Чуть позже опыт Цзинь в полную меру использовали монголы. В Ся с середины XII в. китаизировалась династия, император Жэнь-сяо был полукитайцем, его дети от императрицы Ло — на $^3/_4$ китайцами. Стало обычным явлением двуязычие. Утверждалось отношение к традиционной китайской культуре во многом как к «своей». Это было характерно для элиты тангутского этноса. Другие этносы воспринимали элементы тангутской культуры. Существовала некая общая культура — культура тангутского государства Великое Ся, которая отличалась от культур ведущих этносов государства.

Мы вправе задаться вопросом, что было бы с населением и культурой государства Великое Ся, с тангутским этносом и тангутской культурой, не будь монгольского нашествия? Возможно, сложился бы особый тип синкретической культуры Ся, в которую внесли бы свой вклад все основные этносы Ся. Очень вероятно, что при наличии хозяйственных и культурных связей с Китаем тангутский этнос (и, может быть, отчасти тибетский и уйгурский) подвергался прогрессирующей китаизации даже при наличии патриотической струи, которая отмечается в некоторых сохранившихся тангутских текстах.

Но сложилось все иначе. Несмотря на упорное сопротивление в течение 22 лет, тангутское государство было уничтожено монголами. Гибель на его территории Чингисхана усугубило и без того жестокое обращение с местным населением. Несмотря на то что часть этнических тангутов перешла на монгольскую службу, а хан Хубилай пытался возродить экономику области Тангут, тангутоязычное буддийское книгопечатание, тангутский этнос клонился к закату. В отличие от уйгурского и тибетского этносов у него не было подпитки от основного этнического ядра, да такого ядра уже практически и не существовало. Мы не будем принимать во внимание беженцев в Китай, в пограничные районы Китая и Тибета, в Тибет и далее на юг вплоть до Непала и Сиккима. Известно, что беженцы в Китае сохраняли язык, хотя бы письменный, и буддийские тексты на тангутском языке до конца XV — начала XVI в. Это были

осколки, обломки некогда единого этноса, постоянно подвергавшиеся ассимиляции. Во второй половине XIII — XIV в. наиболее многочисленной этнической группой оставались тангуты (миняги) юаньской области Тангут, будущей провинции Нинся (Усмиренное Ся). И судьба населения области Тангут, не только тангутов, но и других этнических групп, сложилась по-разному. Веротерпимость верхушки монгольского общества, равное или почти равное отношение к буддизму, христианству и исламу, принятие представителями этой верхушки разных вероисповеданий, разгром киданьского государства Западное Ляо (1211 г.), буддийского заслона против продвижения ислама на восток, уничтожение государства хорезмшахов, породившее поток беженцев на восток, добровольное подчинение монголам уйгуров и тюрков-карлуков, если не открыли, то приоткрыли новую дорогу исламу. Беженцы, торговцы, воины искали места и часто небезуспешно при монгольском и монгольском юаньском дворах. Пока нет достаточно полного исследования, в котором были бы изучены мусульмане на монгольской службе, учтены сведения о принятии ислама монгольской знатью и простыми монголами. Что касается области Тангут, лежавшей на пути следования приверженцев ислама в Китай, то наши данные о мусульманах на бывшей территории тангутского государства практически равны нулю. Разве что развалины мечети в Эдзине (Хара-Хото) позволяют думать, что мусульманские общины в бывших городах тангутского государства были не столь уж редки.

Рашид-ад-дин, как видно из одной из статей, представленных в этом сборнике, — единственный автор, который сохранил для нас сведения об исламизации населения области Тангут. Хан Ананда, правитель области Тангут в конце XII–XIII в., несмотря на свое буддийское имя с детства склонявшийся к исламу, на первом этапе обратил в ислам свою армию, а на втором — все население области Тангут. Поэтому те миняги-тангуты, которые еще оставались на бывшей территории своего государства к началу XIV в., силой или по принуждению были обращены в ислам. Этому способствовало и то, что большинство тангутов-минягов было раздроблено и рассеяно, они были лишены какой-либо подпитки извне. Ислам наступал на уйгуров, уйгуры отходили от буддизма и становились мусульманами. Вероятно, это происходило и с теми, кто жил на территории Тангута. Тибетцы, учитывая особые связи, установившиеся между Хубилаем и юаньскими императорами со школой Сакья, вероятно, в подавляющем большинстве исламизации избежали. Пожалуй, этого нельзя сказать о местных китайцах, принимая во внимание традиции китайцев-мусульман, имевшие место с династии Тан. У нас нет фактов, но можно думать, что на территории Ся были небольшие китайские и уйгурские общины христиан-несторианцев и общины потомков мусульман — выходцев с Ближнего Востока при династии Тан.

Итак, по нашему мнению, значительная часть населения области была обращена в ислам по приказу правившего областью Тангут принца Ананда. Та группа китайцев-мусульман, которая ныне населяет Нинся — мусульманский автономный район и сопредельные районы провинции Ганьсу — в значительной мере сформировалась из остатков населения бывшего тангутского государства Ся. Оно состояло, возможно, из незначительного количества мусульман, пришедших в этот регион еще при династии Тан и мусульман —

выходцев из Средней Азии и других стран Ближнего Востока, которых забросили сюда монгольские завоевания и надежды устроить новую жизнь. Это были коренные или старые мусульмане. Новые мусульмане были обращены в ислам по принуждению (прямому и, вероятно, экономическому). Прежде всего военнослужащие юаньской армии местных гарнизонов и местные жители, которых, если верить Рашид-ад-дину, «толпами» загоняли в ислам. Этнический состав такой толпы был многообразен, но по логике вещей он состоял преимущественно из тангутов, китайцев и уйгуров. Для тангутов переход в новую этноконфессиональную общность, в которой религией был ислам, а языком общения — китайский, означал утрату своего этноса. Поскольку это касалось основного ядра тангутского этноса, сложившегося в годы существования тангутского государства, то это означало и его гибель. С утратой буддизма стала ненужной и своя письменность. Буддийский канон заменил Коран. Родной язык мог сохраняться как язык внутрисемейного общения и постепенно выходил из употребления. Смена религии привела к смене одежды и образа жизни, жизненных установок и идеалов. Остатки тангутского этноса стали на территории своего бывшего государства китайцами-мусульманами. Те же, кто попал в Китай, — просто китайцами.

Объективности ради следует сказать, что китайские историки династии Юань не признавали такого развития событий прежде всего потому, что они не знали текста Рашид-ад-дина. Не согласны с этим и представители китайцев-мусульман данного региона, которые стараются увязать свое происхождение со Средней Азией и Ближним Востоком. А некоторые из них возводят свое происхождение даже к окружению пророка Мухаммеда. Только они затрудняются с ответом на вопрос, где они были с X по XIII в. включительно, почему не упоминаются в китайских сведениях о государстве Ся и в тангутских документах, в частности в кодексе Ся, и отчего их сразу стало так много с XIV в.?

Е. И. Кычанов

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ТАНГУТСКИЙ МИФ О БЕЛОМ ЖУРАВЛЕ И СОЛНЦЕБЕДРОЙ ДЕВУШКЕ

В некоторых сочинениях на мертвом тангутском (Си Ся) языке сохранились упоминания о сотворении мира. По этим упоминаниям, первоначально была пустота, где зародился камень, преобразовавшийся затем в гору, которая, вырастая, разделила небо и землю. Затем появились солнце и луна, начали чередоваться свет и мрак, тепло и холод, определились верх и низ, левая и правая стороны и т. д.[1]

Дополнительные материалы о происхождении мира мы обнаруживаем в тангутской «Большой оде», опубликованной в 1185 г. В ней чередуются изложение мифа, отсылки к реалиям тангутского государства конца XII в., хвала государям правящей династии и их предкам. В тексте много архаичной лексики, и она трудна для перевода. Непосредственно к повествованию о Белом журавле и Солнцебедрой девушке относятся следующие строки оды:

Под твердью Небесной Белый журавль
Ндон, черно-глупый...
Солнцебедрая девушка [по имени]...[2] забавлялась,
С луноликим западным смелым сыном играла.
Месяц взошел, Западный сын Ра забавлялся,
Под твердью Небесной Белый журавль Ндон, черно-глупый.
Высматривал красную плоть [Земли],
Чтобы схватить [ее] мощной рукой.
Перед ним красная плоть Земли не рушится,
[Он] долго-долго грустит...
Ищет опору для трудной работы...

---

[1] См.: *чжи хао* — знаки для шифровки каждых 10 глав «Маха праджняпарамиты сутры», составляющие связный текст. Тангут. фонд СПбФ ИВ РАН. Танг. 334; Вновь собранные крупинки золота на ладони. Танг. 30.

[2] Ни чтение, ни значение знака, которым записано ее имя, не известны. Текст «Большой оды» см.: Тангут. фонд СПбФ ИВ РАН. Танг. 25.

С силой на посох оперся,
[Твердь] не колеблется.
Неспешно появляется гора, окутанная туманом...
Медленно вздымается высокая Земля, окутанная облаками.
Муж благородный, мастер искусный,
Ткет драгоценный камень...
На рассвете ослабел...
Избалованная красавица, как ребенок, резвится,
Громом громыхает...
Белый журавль, твердь Небесную творя,
Сам вихрем обернулся.
Перед ним плоть красная, ног не видать,
И черноголовые работают, как ветер.
И краснолицые Землю устраивают,
В облаках проходы делают,
С Солнцем ярким навек породнились,
Отныне за Солнцем наблюдать должны...
Череда сыновей краснолицых явилась,
[Они] — исток рождения людей.

Судя по этому тексту, сформировать Вселенную, подтолкнуть Камень-Гору к росту помог Белый журавль с именами Ндон и Ра. Процесс творения уподоблен ткачеству. Откуда появился Белый журавль? Может быть, от «духов Небесных» или из Яйца, упоминающихся в тексте «из сутры».

Небо и Земля не исток,
[А] Пустота обширная, всепобеждающий исток.
Из недр Земли вершина горы Ме,
Светлые духи Небесные собрались [на этой вершине],
Снесенное птичье Яйцо,
[Оно] порождено в воздаяние за милости...

Акт творения сравнивается с полетом, вихрем, ветром. Упоминание об этом есть и в другой оде указанного сборника «Строфы»:

Белый журавль, красоту подлинную обретя,
Мощь явил, с Белых высот спустился,
Ветром западным выпрямился.

По тексту «Большой оды», в акте творения мира играла свою роль и Солнцебедрая девушка. Сам акт творения предстает и как ее любовная игра с Белым журавлем. Она, по-видимому, Женщина-Солнце; сравнение женщины с солнцем мы неоднократно встречаем в тангутских изречениях: «У женщины благородной кость чистая, как лучи солнца»; «Помыслы женщины благородной — солнечные лучи» и т. д. Неясным образом появляются две составляющие тангутского народа — черноголовые и краснолицые. Они участвуют в завершении акта

творения, их потомки — люди, «череда сыновей». Белый журавль как творец Вселенной упоминается в мифах ицзу:

Белый журавль был занят работой,
Белый журавль ткал голубую нить.
Журавль поднимал Высокое Небо,
Белые крылья журавля строили Небо.

[*У ши цзи люэ. Т. 1. С. 222*]

«ГИМН СВЯЩЕННЫМ ПРЕДКАМ ТАНГУТОВ»

Среди тангутских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [Тангутские рукописи] есть книга без названия, довольно посредственной сохранности, которая является одним из наиболее ценных памятников этого собрания. Еще в начале 30-х годов Н. А. Невский, занимаясь разбором коллекции, обнаружил, что на оборотных сторонах листов ксилографа записан от руки целый сборник оригинальных тангутских поэтических произведений, названных им одами. И бесспорно, как это сразу же и отметил Н. А. Невский, самыми ценными среди них были «Ода в честь создателя тангутской письменности»[1] и «Гимн священным предкам тангутов». Последняя ода уже своим названием заинтересовала Н. А. Невского. Он тщательно копирует текст оды [АВ. Ф. 69. Оп. 1. № 11. Л. 37–42] и приступает к ее исследованию.

Однако общий уровень тангутоведения того времени, признанным лидером которого был Н. А. Невский, оказался еще недостаточным, чтобы дать хотя бы черновой перевод памятника. Словарь самого Н. А. Невского также был еще далек от того объема, который он имеет теперь. И поэтому, выступая на сессии АН СССР в 1935 г. с обзорным докладом «Тангутская письменность и ее фонды», Н. А. Невский, прежде чем зачитать отрывки из этого произведения, должен был предварительно заявить: «Эта ода, на мой взгляд, представляет значительный интерес, проливая свет на раннюю историю возвышения тангутов. Но, к сожалению, она полна собственных имен, установление чтения которых сопряжено с громадными трудностями, и в ней масса неизвестных мне идеографов, так что при моем настоящем знании тангутской письменности я еще не в состоянии зачитать полный перевод этой оды, но все же хотел бы остановиться на некоторых местах, доступных расшифровке» [Невский, 1960. Кн. 1. С. 75; далее — ТФ].

За прошедшие тридцать с небольшим лет благодаря трудам Н. А. Невского и посмертному опубликованию его трудов, удостоенных в 1962 г. Ленинской премии, а также усилиями тангутоведов разных стран тангутоведение продви-

[1] Точное название: «Церемониальная песнь [в честь] благородного учителя». Полный, слегка художественно обработанный и точный перевод этой оды выполнен Н. А. Невским [ТФ. Кн. 1. С. 80].

нулось вперед. Мы имеем теперь возможность попытаться опубликовать полный тангутский текст оды и дать ее посильный перевод, верно, пока еще неокончательный, требующий дальнейшего изучения и критического разбора как специалистами в области тангутского языка, истории и культуры, так и специалистами смежных дисциплин, в первую очередь тибетологами.

Публикация включает краткую характеристику ксилографа, тангутский текст оды, транскрипцию текста, перевод, комментарий к переводу и заключение, посвященное краткой оценке оды как источника по ранней истории тангутов.

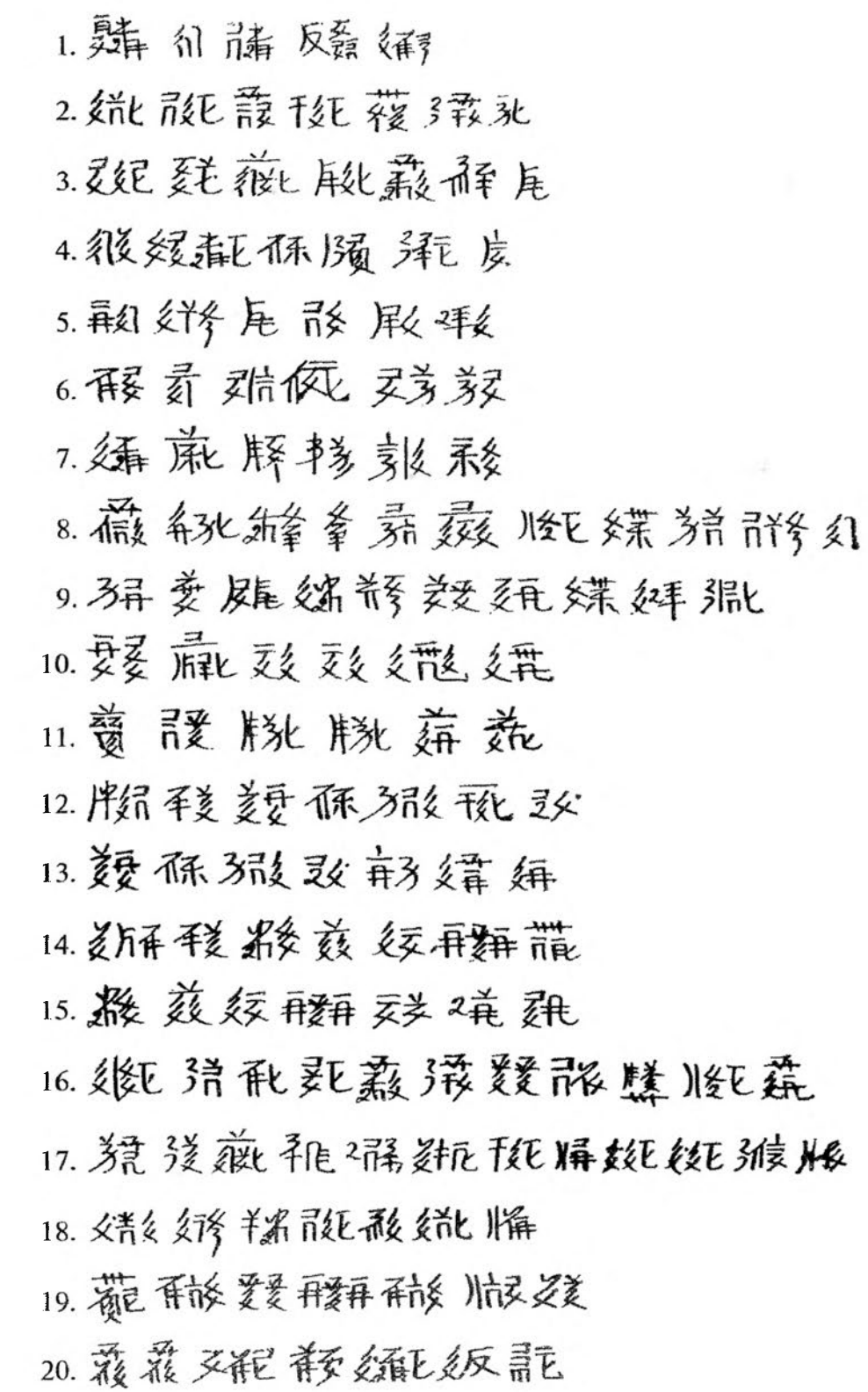
Книга, на оборотных сторонах листов которой записаны тексты од [Танг. фонд. Инв. № 121], представляет собой ксилограф, сброшюрованный «бабочкой», размер листа 25,0 × 16,5 см, размер текста 18,8 × 13,0 см, 8 строк на странице, по 16 знаков в строке. Пагинация текста несквозная, каждый раздел книги имеет свою разметку листов, по-китайски от л. 1а и т. д. Общий объем памятника — 61 лист. Основной, отпечатанный ксилографическим способом текст состоит, по-видимому, из поэтических произведений, так называемых больших од. Другой записан от руки на оборотных сторонах листов по 8 строк на странице, подогнанных между просвечивающими строками ксилографированного текста. В каждой строке чаще всего по 17–19 знаков. Почерк четкий, но иногда с элементами скорописи, что, естественно, затрудняет разбор текста. «Гимн священным предкам тангутов» написан на оборотной стороне л. 2б–3б раздела «Большие оды», по-видимому, первого из сохранившихся разделов книги. Строки записи, начиная со строки 5л. 2б до строки 7л. 3б, не совпадают со строками поэтического текста «Гимна». Однако строки поэтического текста выделены при переписке просветами, и поэтому при воспроизведении его мы смогли каждую строку «Гимна» переписать отдельно.

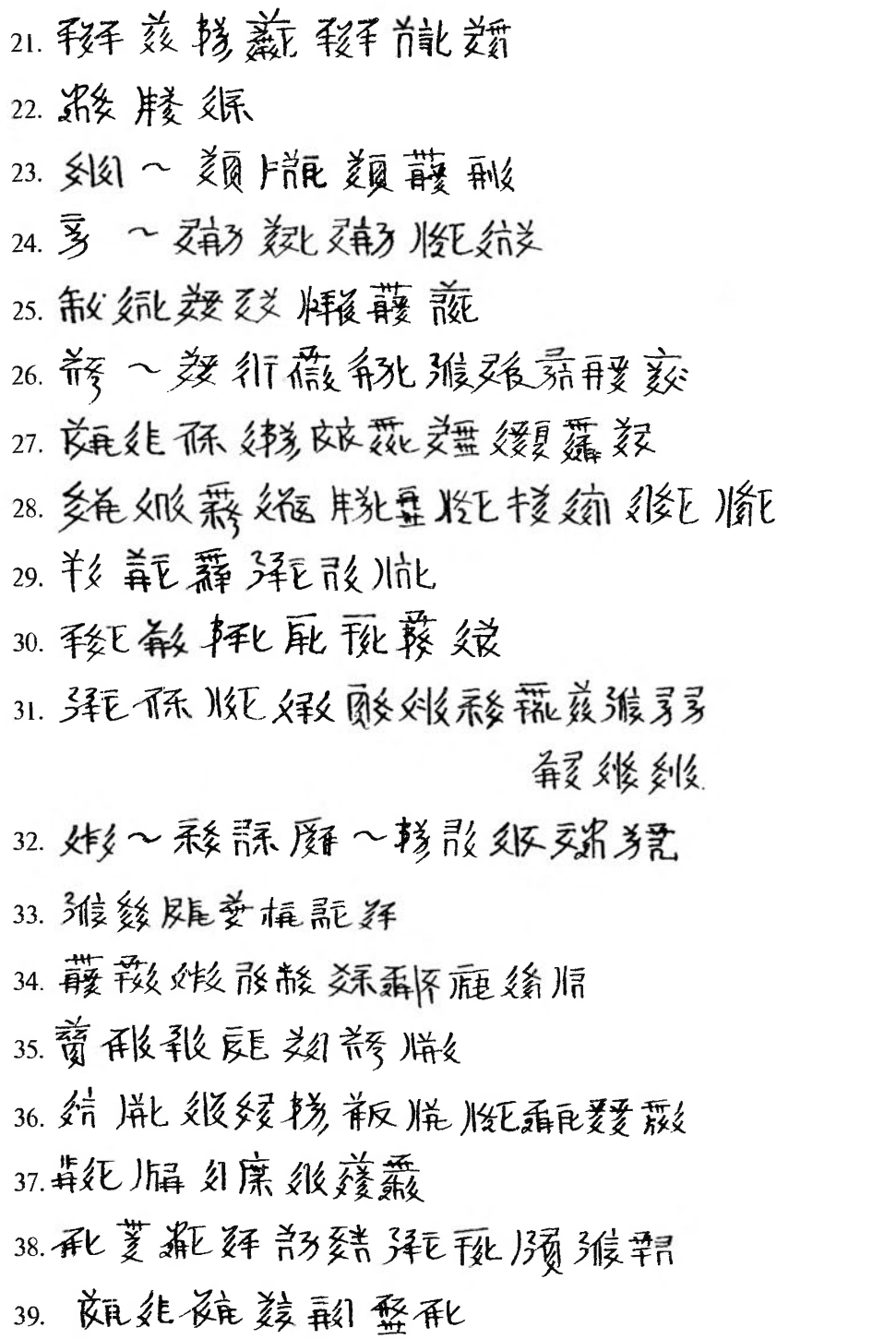
Сказать точно, когда был сочинен «Гимн», трудно, но несомненно, что он, как и все остальные оды, был переписан после 1185 г., когда вышла в свет книга, оборотные стороны листов которой были использованы для их записи. Наиболее поздней вероятной датой переписки мог быть 1226 г. — год взятия Хара-Хото монголами, поскольку коллекцию в целом можно датировать концом XI — началом XIII в. [Тангутские рукописи. С. 21].

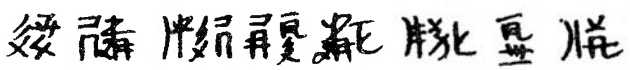
Каких-либо данных о лице, записавшем текст оды, пока обнаружить не удалось.

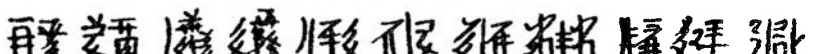
Ниже воспроизводится текст «Гимна», переписанный от руки, так как фотографии его получаются очень нечеткими из-за плохой сохранности листов оригинала и еще потому, что первоначальный ксилографический текст, просвечивая сквозь недостаточно плотную серую бумагу, затемняет и без того не всегда ясный текст «Гимна».

Транскрипция дается в реконструкции Нисида Тацуо [Нисида Тацуо, 1964–1966]. Однако, к сожалению, система принятых Нисида Тацуо знаков крайне сложна для воспроизведения ее типографским способом. Этим объясняется воспроизведение факсимиле транскрипции текста, переписанного от руки, а также и то, что в дальнейшем в текстах перевода и комментария передача звучания тангутских слов средствами русского алфавита приблизительна и условна.

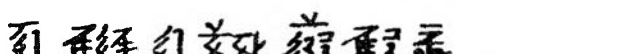

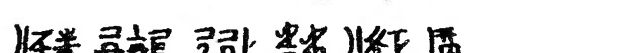

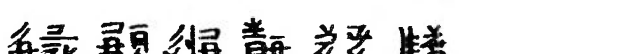
40.

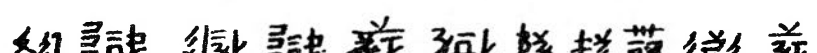
41.

42.

43.

44.

45.

46.

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. lhɛ́ ʂĺɛ̃ mɯh ʼɣoh Gạ
2. ɣuh nhĭah lụ vI tshõ ɓzɨr phĭu
3. nih neh ɱvía lhĭu mah phĭõ mbeh
4. mɨ niah ⁿdžĭɔh ʻyeh lheh thɑh wɛh
5. mbɨr ? mbeh ɣạ tʂhĭah ⁿdzɯh
6. ɲeh lĭụ ɲhạ ɲɣɯh mah kʷIh
7. mɯh tsĭər neh ʻa ɣoh ŋgih
8. rɑr tụ pɑh pʷɨ́ ʻyeh ɣklɛ́ mih khʷɛ phɑ̃ ɓzɛ ʂĺɛ̃
9. tʂhɨh ɓzʊh neh ɲɣu wi mɨ ⁿdžĭʷõ khʷɛ nĭeh tʂhĭu
10. tʂɛh mbĭeh lĭu lĭu ŋgih mbeh
11. ʂɑ ɓɪh rĭẹ rĭẹ wi ?
12. le ɣoh phɯh ʻyeh tsĭɛ̃ tʂhĭah lĭu
13. phɯh ʻyeh tʂĭɛ̃ lĭu sɑ̃ mbɯh lõ
14. khɑ ɣoh ɓzɑr rir lĭụ ndzɯr ʂih
15. ɓzɑr rir lĭụ ndzɯr tʂɪh kɯh rʊh

16. Gɪ neh rɪ̌ẹ mɪ̣ mah ɓzɨr ⁿdzeh Bõ̃ mih tsɐ̌̃
17. xoh xah ɲvɪ̌a ŋɣɐr ndɨ nreh vɪ 'wu phõ̃ phõ̃ ɲvɨh ɪu̯
18. ŋgu̯ ndih bɐ nhɪ̌ah lõ̃ ɣuh khʷih
19. šɪ̌a mɪ̌u kɨ ndzɐr mɪ̌u ? ŋgɨ
20. nrɪ̌u̯ nrɪ̌u̯ khʷɨ mɪ̌u ŋeh lhe šʷIh
21. lɪ rir ʾɑ ɣɛ ɪI ⁿdzɪh ša
22. ɓ-zɑr mɐh ɓzɨ
23. nɨ nɨ Lɪ̌ʊh čɨ Lɪ̌ʊh ndɑh nɪ̌e
24. ŋgɨ ŋgɨ tshih tɪ̣ tsɪh mih 'yɪ̌ẽ
25. pɪ̌u̯ tšhɪ̌a mɨ kɑh Hɪ̌ew ndɑh nɑh
26. wɪ wɪ mɨ tšɪɐ̌r rɑr tu̯ ɲvɨh ? 'yeh meh lhi
27. ɲhɑh mih 'yeh ʾɑ mbɑh mah mɨ rʊr ɪɪ̌u̯ tɪ̣
28. ŋɔh mah kɪnɐw rɪ̌ẹ sɪ̌u̯ mih mbɑh mɪ̌eh Gɪ mih
29. ' ya tshɑ̃ ɣoh thɑh rõ̃ nɨ
30. Gɪ 'yɪ̌u rɑr ŋɣu tšhɪ̌ah nɑh tɔh
31. thɑh 'yeh nɔh ɪɪ̌ẹ ŋɣɐh ndeh ŋgih ɲvI rir ɲvɨh
Gɪr wɑ 'yɪɐw nɔh
32. ku̯ ku̯ ŋgih ? mɪ̌eh mɪ̌eh 'ɑ lɪ̣ mih seh xoh
33. ɲvɨh thuh neh ɓzʊh nhɨ šʷIh ɣoh
34. ndɑh ⁿdzɑh ku̯ ɣɑ̣ mah ŋgɪ̌ʊh rɪ̌ur ɓih ⁿdzɪ̌u ⁿdzɨ
35. šɑ̌ ⁿdzɛ šɐ̌r šɪ̌ow ⁿdzu wɪ ɮɛ
36. ƛI ɲvɪ̌or mɨ nɨah 'ɑ mɪ̌u ɪa mih ƛɨ̣ kɨ ŋɣu
37. lɨh ? šɪ̌ẽ nreh nɑ̣ sɪh nhah
38. rɪ̌ẹ ɓzɐw ɣɑh ɣoh Geh neh thɐh tšhɪ̌ah lheh
ɲvɨh khʷɛ
39. ɲhɑh mih thɨ ɲvɨh mbɨr rɪe
40. ? mɐh le khʷɐh ɣɑh rɪ̌ẹ sɪ̌u̯ ɪa
41. meh ? ŋgɛ̣'yɪ̌ew mbɪ̌eh theh mɪ̌eh khɑh ʁir nieh tshɪ̌u

42. 𗥃𗴲 𗵘𗹦 ? 𗍫𗏵 𗼻𗀀 𗵆𗵘 𗅋𗹭

43. 𗗙𗥤 𗏴𗵆 𗵆𗵘 𗍫𗗙𗹭 𗧓𗏵 𗏴𗏵 𗌽𗏵

44. 𗖵𗖵 𘜶𗍊 𗧓𗹭 ? 𗅇𗹭 ?

45. 𗴲𗴲 𗲟𗼻𗹭 𗏴𗵆 𗲟𗴲 𗼃 𗧓𗹭

46. 𗼃 ? 𗵘𗵘 ? 𘜶𗏵 𗍫𗍫𗏵 𗼻𗀀 𗅋𗏵 𗧓𗏵 𗼃𗵘𗏵 𗅇𗹭

ПЕРЕВОД*

1. Гимн[а] священным[б] предкам тангутов[1].
2. Каменный город[2] черноголовых[3] на берегу[в] реки Цзон[4].
3. Могилы отцов краснолицых[5] в верховьях Белой реки[6].
4. Длинных[7] тангутов[1] страна там находится[г].
5. Народ [там] талантливый, высокий, в десять футов[7] [ростом] люди[д].
6. Кони телом добрые, пятистремянные[8].
7. Роды и поколения[9] — близкая родня [и] сыновья одной утробы.
8. Батюшка Рар-ту[10] сам хоть и ростом был невелик, но необыкновенно[е] мудр.
9. В то давнее время, малое делать не соглашаясь, замысел великий таил[ж].
10. Тибетскую девушку, красивую-красивую, взял себе в жены.
11. Семь [его] доблестных-доблестных сыновей крепко любили друг друга.
12. Решили нарушить замысел[з] западного тибетского государя.
13. Замыслы тибетцев нарушил Сан-мбух-лон[и11].
14. Отправились на войну[к] с восточным китайским государем.

---

* В дальнейшем буквами русского алфавита обозначены подстрочные комментарии к переводу, а цифрами курсивом — комментарии к тексту, помещенные вслед за комментариями к переводу.

[а] Буквально «хвалебная песнь».

[б] Или «мудрым».

[в] Знак переводится как «край», «бок», «окраина», «рубеж», «граница».

[г] У Н. А. Невского эти строки переведены следующим образом: «Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни. Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки, Длинных 'mi-'ṇiä страна там находится» [ТФ. Кн. 1. С. 75].

[д] Эта строка также встречается в переводе Н. А. Невского: «Высокого [человеческого] роста люди в 10 футов» [там же. С. 75].

[е] В тексте: *пхан рдзе*; *пхан* — «необыкновенный», «удивительный», «изумительный», «небывалый», «название чего-либо очень хорошего», *рдзе* — служебное слово для выражения степени сравнения. Все сочетание буквально значит «необыкновенно мудр».

[ж] Эта строка цитируется Н. А. Невским: «С некой поры, не желая быть малым, замысел великий таил» [там же. С. 76].

[з] Буквально «напасть на замыслы».

[и] *Сан* — фамильный знак. *Мбух-лон* могло быть именем. Одновременно это слово значит «волдырь», «прыщ»; «свиток».

[к] В тексте: *лиу-ндзур* — в этом слове (или словосочетании) неясно значение *лиу*. В словаре «Гомофоны» этот знак поясняется знаком «тело», «форма». Возможно, вместе с *ндзур* — «ссориться», «враждовать», «сражаться с...».

15. Сражался с китайцами Чих-кух-рух[л] [12].
16. Ги-нех[м][13] с внешностью коня[н] реку переплыл, в низинах не укрывался[о].
17. Отец [наш] Хох-хах[14] в китайской столице был накрепко заточен[п].
18. Непреклонный вожак, крутолобый черный бычок[15] с [крепкими] рогами[р].
19. С благовонным слоном сразился[16] — слону бивни отрезал.
20. Нриу-нриу[17], с внешностью[с] собаки, рот, как ущелье, и клыки.
21. С тигром сразился — тигру когти выдрал.
22. Китайский император[т].
23. Каждодневно об заклад бился[у] пересилить [тангутов?] — заклад проиграл.
24. Еженощно ставил в ряд колесницы — колесницы не помогли[ф][18].
25. [Ибо его и тангутов?] сила и доблесть были не равны, [и его] сомнения углубились[х][19].
26. Что бы [китайский император] ни делал, не добился успеха, Рар-ту противился[ц], [но] сам еще не добился независимости[ч][20].
27. Наша матушка 'А-мбах[ш][21] — рода источник[э],

[л] Как и в случае, оговоренном выше (строка 13, прим. «и»), *Чих* — фамильный знак. *Кух-рух* могло служить именем, буквально «шкатулка». Строки 12–13 и 14–15 параллельны по построению.

[м] В китайских текстах данный знак транскрибируется как 嵬. Это первый знак в фамилии тангутского правящего рода Вэймин. Нисида Тацуо [Изучение языка Си Ся. С. 175] дает еще реконструкцию «Гиух».

[н] *Ми* — «вид», «образ», «контур».

[о] *Бон* — «низ», «низкий», «внизу». Слово *чан*, кроме «прятаться», «укрываться», имеет еще значение «труднопроходимая местность», «горы и ущелья». Смысл последних трех слов недостаточно ясен.

[п] *Пхон-пхон*. Значение слова неясно. В словаре «Гомофоны» знак поясняется словом, означающим «корень», «столб», «опора», «опираться». Поэтому употребление слова *пхон* в повторе в качестве обстоятельства образа действия мы переводим условно как «накрепко». *Лу* — «преграда», «препятствие», «заковать в кандалы».

[р] Смысл фразы не совсем ясен. Мы трактуем ее как характеристику «отца Хох-хах», бывшего в плену в Китае. *Нгу* — «крепкий», «твердый», «непреклонный». *Ндих* — точное значение неизвестно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «глава», «вождь», «руководитель». Отсюда наш перевод «непреклонный вожак». *Бу-нхиах* — «черный бычок». *Лон-гух-кхвих* — «крутая рогатая голова», ибо *лон* — «холм», «крутизна», «крутой склон».

[с] *Миу* — точное значение неясно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «вид», «цвет», «наружность», «красота». Как и в строке 16, мы переводим это место как характеристику внешнего облика предка, там — с «внешностью лошади», здесь — с «внешностью собаки». Кстати, оба слова пишутся по-разному, но фонетически близки.

[т] Буквально «сын Неба». Словосочетание, по-видимому, выделено не как отдельная поэтическая строка, а как написание высокого титула. Такая форма записи была широко принята на Дальнем Востоке.

[у] *Лиух* — «биться об заклад», «ставить на кон».

[ф] Буквально «не получил выгоды».

[х] *Хиеу* — «сомневаться», «не верить», «сомнения», «неуверенность»; *нах* — «глубокий».

[ц] Значение знака см.: [ТФ. Кн. 2. С. 234].

[ч] *Йех мех лхи*. Связь этих слов с предыдущими не совсем ясна. Буквально они значат «сам (сам себя) еще не освободил». Если допустить, что переписчик написал слово *мех* вместо *ндах* (см. строку 25, предпоследний знак), то тогда следует перевести «сам себя освободил».

[ш] *'А-мбах* еще значит «теща». Если это не собственное имя, то надо переводить: «Наши тещи и матери — рода источник».

[э] Эта строка переведена у Н. А. Невского: «Наша матушка Ама стала [рода] истоком» [ТФ. Кн. 1. С. 76].

28. Серебряное чрево, золотые груди. Доблестное племя не прекращается и именуется Ги-мих[ю][22].

29. Дедушка Йа-цхан[23] неужто знал это?

30. Корову искал, на границу вышел.

31. После этого [его] сын Нгух-ндех с драконом спарился[я][24] по какой причине?

32. Позднее сыновья и внуки [его] повсюду процветали [и появился] тангут[1] Сех-хох[25].

33. Еще до рожденья имел [он] два зуба,

34. Вырос, всеми десятью благими знаменьями[26] овладел.

35. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором[аб],

36. На земле[ав] тангутов[1] призвал, кто к нему не пришел?[27]

37. [Как] ветер промчалась (?)[аг] священных князей божественная армия,

38. Коня ведя на поводу[ад], [Сех-хох] усилился, и на этом государство расцвело,

39. [Поэтому] отныне мы — люди, выполняющие церемониал лошади[28].

40. Доблестное племя идет на запад, где лики предков[29].

41. Еще не отложившись[ае], не бросив клича, среди захолустных окраин [он] замысел смелый таил[30].

42. К иноземцам всех четырех стран света одинаковых[аж] гонцов послал,

43. Первым среди прочих обратился к мудрецам со словами мира:

44. Землю холить[аз], злаков не губить,

45. Среди людей земли равно не знать грабежей,

46. [Под] вечным солнцем и вечной луной сраженья и раздоры прекратились и радость пришла!

[ю] Как уже указывалось, знак реконструируется Нисида Тацуо так же и как «Гиух». Строка в переводе Н. А. Невского:

Это серебряное чрево и груди златые,
Хорошее семя не прерывается и носит название Нвей-ми...
[ТФ. Кн. 1. С. 76]

[я] *Гир* — «два», «пара», «парный», также фамильный знак. Поскольку перед этим словом стоит глагольный префикс, значит, это сказуемое, отсюда перевод «спарился».

[аб] Строки 32–35 переведены у Н. А. Невского так:

Когда же впоследствии широко развернулось потомство,
[появился] ми Се хук,
С момента рожденья имел он два зуба,
Когда же подрос он, все десять удач в нем одном собрались,
Ведя за собою семь всадников, он явился, чтобы быть государем...
[ТФ. Кн. 1. С. 76]

[ав] *Лди-мвиор* — буквально «спинной хребет», «спина земли».

[аг] После слова «ветер» — непонятный знак. Возможно, в данной строке речь идет о том, что призыв Сех-хоха получил отклик не только среди живых тангутов, но и среди божеств, духов предков.

[ад] Буквально «коня в руке имея».

[ае] Буквально «еще не вытаскивать, не срезать».

[аж] Точное значение слова *сви* неясно. В «Гомофонах» это слово поясняется словом «один», «некий». Поэтому *нде-сви* мы переводим как «одного рода», «одной категории», «одинаковый».

[аз] *Гон* — «подушка», отсюда «делать мягким, как подушка», «холить».

КОММЕНТАРИЙ

1. В тексте «Гимна» встречаются три слова для наименования тангутов: *лхе* (строка 1), *ми-ниах* (*миняг*) (строки 4 и 36) и *мих* (строка 32). Два последних этнонима наиболее часто встречаются в тангутских текстах, и их с полным основанием можно считать наиболее распространенными самоназваниями тангутов. Употребление слова *мих* в качестве самоназвания тангутов впервые было установлено А. И. Ивановым [Ифэнгэ, 1923. Цз. 1. С. 677]. Этноним *ми-ниах* был расшифрован в тангутских текстах Н. А. Невским [ТФ. Кн. 1. С. 39–40, 75; Кн. 2. С. 135]. Наименование *ми-ниах* впервые зафиксировано в китайских источниках [Синь Тан шу. Гл. 221 (1) — «Новая история [династии] Тан. Гл. 221А] в форме 弭藥, по реконструкции Б. Карлгрена mjie jak [Karlgren, № 360, 1125]. *Миняг* являлось и тибетским наименованием тангутов, верно отражавшим одно из распространеннейших их самоназваний. По мнению Р. А. Штейна, *миняг*, возможно, были лишь одной из этнических составных частей населения тангутского государства Си Ся (982–1227) [Stein, 1951. P. 234]. Этноним *лхе* как самоназвание тангутов зафиксирован в тангутском словаре «Море письмен, смешанные категории» на с. 9б: одно из наименований тангутов, название тангутов (буквально «людей *мих*»). Его можно попытаться очень условно сопоставить с IHe-rNegs тибетских источников. IHe-rNegs упоминаются в связи с Гвопи Той, возможно, предками тангутов [Stein, 1961. P. 25, 78].

Этноним «тангуты», под которым население Си Ся известно в русской и европейской литературе, по своему происхождению связан или с самоназванием тибетцев [Bailey, 1941. P. 599–605], или с китайским названием племен северо-восточного Тибета — дансян [ТФ. Кн. 1. С. 74; Poucha. S. 285], названием, вероятно, уходящим в глубь веков и имеющим автохтонное происхождение [Stein, 1961. P. 32, 40, 48].

Этноним «тангуты» употреблялся у центральноазиатских народов — древних тюрок, монголов [Малов, 1959. С. 16, 20] для обозначения родственных тибетских и дансянских (тангутских) племен.

2. К а м е н н ы й г о р о д — строки 1, 2, 3, 4 «Гимна» были в свое время детальнее разобраны Н. А. Невским. Под Каменным городом Н. А. Невский понимал город Хара-Хото, расположенный в устье реки Эдзин-Гол, на северной границе тангутского государства [ТФ. Кн. 1. С. 40]. Однако Р. А. Штейн считает, что Каменный город — это Шичэн (буквально «каменный город»), находившийся в свое время в районе между реками Синин и Хуанхэ [Stein, 1951. P. 229–230]. Трактовка этих трех строк «Гимна», данная Р. А. Штейном, кажется нам более убедительной, о чем подробнее будет сказано в следующих комментариях.

3. Ч е р н о г о л о в ы е — одно из наименований тангутов, обычно употребляется в сочетании с «краснолицыми» [ТФ. Кн. 1. С. 36–37; Нисида Тацуо, 1964–1966. С. 170]. Кроме словосочетания, указанного в «Гимне», понятие «черноголовые» передается также другими словами, одинаковыми по смыслу («голова» и «черный»), но звучащими иначе: *лиу мур* и записываемыми, соответственно, другими знаками [ТФ. Кн. 1. С. 51. Табл. 16]. В словаре «Море письмен» мы встречаем упоминание о прародителе, «отце черноголовых» [с. 33б] по имени *мбух* [написание знака см.: ТФ. Кн. 1. С. 51. Табл. 17]. Кроме того, в этом же

словаре сохранилось упоминание об одном из его сыновей по имени *гух* [с. 10б] 𗍫. Черноголовые известны нам и из тибетских источников, где рассказывается о том, что 18 яиц были источником «появления на свет черноголовых людей Тибета» [Stein, 1961. P. 22]. Н. А. Невский полагал, что слова «черноголовые» и «краснолицые» были «синонимическими выражениями, употреблявшимися в значении тангутского народа в целом» [ТФ. Кн. 1. С. 37]. Думается, что исторически, как и полагал Н. А. Невский, «это было популярным наименованием каких-то двух основных племен тангутского народа, образовавших свое государство» [там же. С. 37]. В пользу этого предположения, как нам кажется, говорит упоминание о прародителе, «отце черноголовых», и только их, а также упоминание об одном из его сыновей.

4. На берегу реки Цзон — в переводе Н. А. Невского «на берегу вод пустыни». Под водами пустыни Н. А. Невский понимал реку Эдзин-Гол. Р. А. Штейн позднее предложил считать знак «пустыня» употребленным здесь фонетически и полагал, что в тексте имеется в виду не река Эдзин-Гол, а река Цзуншуй, в районе озера Кукунор, обозначенная между городами Шичэн (Каменный город) и Цзунгэ на китайской карте этого района, относящейся к династии Мин, но отражающей еще более ранние сведения. «Это река Tsoṅ долины Tsoṅ-ka, перед которой расположен Шичэн, или "город из камня", точно соответствует реке Tsoṅ, на берегу которой находится Шичэн из стихотворения Си Ся» [Stein, 1951. P. 229–230]. Нам кажется, что локализация страны «длинных тангутов» в районе к западу от Гумбум, в Tsoṅ-ka, предложенная Р. А. Штейном, поскольку речь идет о предках тангутов, а не о более позднем периоде тангутского государства Си Ся (982–1227), более приемлема и предпочтительна. Из китайских источников хорошо известно, что дансянские (тангутские) племена действительно заселяли этот район, и поэтому предлагаемый перевод этих строк «Гимна» выполнен на основании толкования, данного в свое время Р. А. Штейном.

5. Краснолицые — как уже указывалось в комментарии 3, одно из наименований тангутов, встречающееся в парном сочетании: «краснолицые и черноголовые». Кроме того, оно передавалось также словами *лхе ших* [письменные знаки см.: ТФ. Кн. 1. С. 51. Табл. 16] и *рзах* 𗍫 «краснолицые», «название людей с красными лицами» [Море письмен, строка 24а] и *не* 𗍫 «краснолицые», «название краснолицых» [Море письмен, строка 68а]. Н. А. Невский полагал, что данное название происходит от известного по китайским источникам обычая древних тибетцев мазать лица красной краской [ТФ. Кн. 1. С. 36–37]. Тибетские женщины еще до недавнего времени мазали лица темно-коричневым составом [Цыбиков, 1919. С. 162]. Постоянное, бесспорно, образно-поэтическое в эпоху Си Ся наименование тангутов «черноголовыми» и «краснолицыми» предполагало, по-видимому, разделение древних предков тангутов на две какие-то группы — разделение, происхождение и характер которого предстоит еще выяснить.

6. Верховья Белой реки — под этой рекой Н. А. Невский подразумевал реку Байшуй (буквально «белая вода»), стекающую с гор Миньшань [ТФ. Кн. 1. С. 47]. Такое отождествление не противоречит и толкованию, данному трем указанным строкам «Гимна» Р. А. Штейном. Таким образом, если мы будем считать северной границей страны тангутов, описанной в «Гимне», реку

Синин, к югу от которой, в междуречье рек Синин и Хуанхэ, течет река Tshõ, на берегах которой стоял Каменный город (совр. провинция Цинхай), а южной границей верховья реки Байшуйцзян, на линии (с востока на запад) современных городов Вэньсянь — Жоэргай (провинция Сычуань), то указанная территория довольно точно будет соответствовать той, на которой, судя по китайским источникам, в VII–VIII вв. размещались дансянские (тангутские) племена [Ямамото, б. г. С. 26–27; Кычанов, 1961а. С. 153].

7. Длинных тангутов страна там находится, народ [там] талантливый, высокий, в десять футов [ростом] люди. — В строках 4 и 5 «Гимна» дается характеристика тангутского народа. В тексте подчеркивается, что тангуты были высокорослыми — «длинные тангуты». Высокий рост тангутов не раз подчеркивается и другими источниками. В тибетском сочинении d'Pag-bsam самоназвание тангутов *миняг* объясняется как «люди с красивыми телами» [Stein, 1951. P. 229]. В китайских источниках также не раз подчеркивается высокий рост тангутов; император Юань-хао «был круглолиц, с высоким носом, ростом более 5 чи» [Сун ши. Цз. 485, 1935–1936. С. 3786], князь Жэнь-чжун был «высокого роста» [Дай Си-чжан, 1924. Гл. 24. С. 106]. Вильгельм де Рубрук писал: «Среди тангутов я видел людей больших, но смуглых» [Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, 1910. С. 110]. Таким образом, как и отмечается в нашем источнике, тангуты действительно были в глазах современников высокорослым народом.

10 футов, или *чи* (тангутское *чхиах* — явно заимствованное китайское слово 尺 *чи*), в данном случае, очевидно, поэтическое преувеличение, так как 1 *чи* равняется приблизительно 0,32 м. Тангуты, по-видимому, в своей значительной части были близки тому современному антропологическому типу тибетцев, который характеризуется высоким ростом, выступающим носом, долихокефалией. Этот тип широко представлен и сейчас в древних областях расселения тангутов и родственных им племен — в восточном и северо-восточном Тибете [Журавлев, 1961. С. 86–87].

8. Пятистремянные кони — по-видимому, поэтическая характеристика хороших, породистых коней. Ее происхождение и другие случаи употребления, а также иноязычные аналогии нам неизвестны.

9. Роды и поколения — *мух* «род», «фамилия», слово, переводимое китайским 姓 *син*, *циэр* по словарю «Море письмен» [л. 90а], «своя кость», «кровная родня», «близкие родственники по отцу и братьям», т. е. только по мужской линии. Нам кажется, что между *мух* и *циэр* у тангутов в глубокой древности было, возможно, то же различие, что и между *син* и *ши* 氏 у древних китайцев, т. е. первое — это «восходящее к тотему родовое имя», а второе — «патронимическое наименование», общее наследственное имя всех членов группы семей, происходивших от общего предка по мужской линии [Крюков, 1965. С. 16]. Однако следует сразу же отметить, что изучение родоплеменных терминов родства у тангутов требует специального исследования.

10. Рар-ту — имя предка, отца-прародителя тангутов. Н. А. Невский писал: «Имени Рар-ту мне пока не удалось отождествить ни с одним именем, встречающимся в китайских источниках» [ТФ. Кн. 1. С. 76]. Рар-ту «Гимна» трудно сопоставить с кем-нибудь из реальных предков правящего дома Си Ся,

несмотря на множество известных нам из китайских источников имен. Ограничимся пока лишь тем, что укажем на возможную близость Рар фамилии правящего данчанского рода Лян 梁. Как известно, данчанские племена также являются вероятными предками тангутов Ся.

11. С а н-м б у х-л о н, он же Сан-волдырь, — предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с тибетцами. Имя его можно попытаться сопоставить с именем Сифэн Бу-лая 細封步賴, si piwong b'uo lai [Karlgren. № 1241, 1197i, 73, 272e], хотя китайские источники ни слова не сообщают о борьбе Сифын Бу-лая с тибетцами [ЦТШ. Цз. 198. С. 1651].

12. Ч и х-к у х-р у х, он же Чих «шкатулка», — предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с Китаем. Отдаленное сходство с его именем можно найти в имени хорошо известного Тоба Чи-цы, действительно воевавшего с Китаем 赤辞 tšiäk zi [Karlgren. № 793, 968].

13. Г и-н е х — предок тангутов, тоже, возможно, один из сыновей Рар-ту. Имел внешность коня. В этой связи любопытно заметить, что конь Гэсэра должен был победить демона-лошадь из страны Sa-tham, а эта лошадь-демон должна была родиться из скалы [Stein, 1951. P. 531]. В связи с этим мы обращаем внимание читателей на тот факт, что первая часть имени Рар-ту значит «гора», а его сын (?) Ги-нех имел внешность коня.

14. Х о х-х а х — предок тангутов. Сын ли он Рар-ту или другое лицо, так как сам назван «отцом», — неизвестно.

15. Ч е р н ы й б ы ч о к. — Любопытно отметить, что черный бычок на Дальнем Востоке обычно был жертвенным животным.

16. Б л а г о в о н н ы й (а р о м а т н ы й) с л о н (санскр. Gandhahasti) — один из семнадцати почитаемых слонов Bhadha-kalpa — настоящего периода. Также имя бодхисатвы, жившего на севере, на горе Благовоний.

17. Н р и у-н р и у — предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту.

18. К а ж д о д н е в н о... к о л е с н и ц ы н е п о м о г л и. — Возможно, в этих строках нашла легендарное отражение подлинная история переселения тангутов из Амдо в Ордос и их расселение в Ордосе. В 635 г. Тоба Чи-цы, вынужденный подчиниться Китаю, получил должность правителя области Сижун, в районе современного города Цинъян провинции Ганьсу. Позднее, где-то между 678–680 гг., под давлением тибетцев в Ордос переселяется часть тангутских племен. В 763 г. из-за восстания Ань Лу-шаня тангутские племена, жившие к востоку от Кукунора, тоже переселяются в район Ордоса. К этому времени тангуты плотно заселяют южную окраину Ордоса (округа Линчжоу, Цинчжоу, Иньчжоу, Сячжоу) по обеим сторонам Великой стены. Они оказались беспокойными соседями и в союзе с тибетцами и другими племенами создавали угрозу расположенной неподалеку столице танского Китая — городу Чанъань. В VIII в. Го Цзы-и представил двору проект переселения тангутов в более отдаленные районы. Это переселение, хотя и недобровольное, состоялось, и дансяны (тангуты) заселили центральные и северные области Ордоса. В начале IX в. произошло восстание тангутских племен, вызванное притеснениями китайских чиновников. Край выпал из-под власти Тан, и сам император возглавил карательную армию. После подавления восстания часть тангутских

племен переселилась в район Наньшанских гор. Возможно, что все эти события и нашли туманное отражение в строках 22–26 «Гимна».

19. [Е г о] с о м н е н и я у г л у б и л и с ь. — О каких и даже чьих сомнениях, неуверенности, неверии идет речь — неясно. Может быть, углубилась неуверенность китайского императора в его власти над тангутскими племенами?

20. Р а р-т у п р о т и в и л с я, [н о] с а м е щ е н е д о б и л с я н е з а в и с и м о с т и («с а м с е б я е щ е н е о с в о б о д и л»). — По-видимому, речь идет о периоде истории тангутов до 873 г., когда Тоба Сы-гун захватил город Сячжоу, так как до этого тангуты постоянно зависели от танского Китая, хотя, как уже указывалось в предыдущем комментарии, и противились его господству.

21. М а т у ш к а 'А-м б а х. — В примечании к тексту мы уже указывали, что 'А-мбах может значить «теща», и тогда это несобственное имя. В тексте речь идет о прародительнице тангутского правящего рода, известного в китайских источниках как Вэймин 嵬名. В «Море письмен» [с. 67а] упоминается еще «несравненная прародительница тангутов Те» 𗼇𗾞. Р. А. Штейн указал нам (в частном письме), что, по его мнению, бесполезно пытаться отождествить Рар-ту с каким-то конкретным историческим лицом, а матушка 'А-мбах, по логике легенды, должна быть легендарной женой Рар-ту, хотя она и упомянута в легенде значительно позднее. По-видимому, и Рар-ту, и 'А-мбах просто легендарные прародители тангутского народа. (Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность проф. Р. А. Штейну за то, что он взял на себя труд прочесть комментарий в рукописи и сделал ряд очень ценных замечаний.)

22. Г и-м и х — правящий род тангутов. В китайских источниках известен как Вэймин и Тоба. Насколько нам известно, фамилия Тоба еще ни разу не зафиксирована в тангутских источниках. О Вэймин см.: [Кычанов, 1964б].

23. Д е д у ш к а Й а-ц х а н — предок тангутов, возможно, муж (или сын?) матушки 'А-мбах. Может быть, его можно попытаться сопоставить с государем минягов gYu-rce [Stein. Recherches. P. 191]. О нем говорится, что он искал корову. Легенда о корове известна и в тибетских преданиях [ibid. P. 202], а также в легендах древних тюрок (информация получена от Ю. А. Зуева).

24. Н г у х-н д е х — предок тангутов, сын деда Йа-цхана. О нем говорится, что он «спарился с драконом». Он же прародитель Сех-хоха. Из тибетских источников известно, что отец Сех-хоха был змеем-демоном, а мать — демоном-людоедом [Stein, 1951. P. 240]. Нам кажется, что в тексте «Гимна» мы имеем дело с отзвуком этой легенды, известной уже из тибетских источников.

25. С е х-х о х, или Ц и х-х о х (имеется два очень сходных по написанию, но различных по звучанию знака 𗼇𗾞 *сех* и 𗼇𗾞 *цих*), — основоположник правящей тангутской династии, лицо, хорошо известное в тибетских источниках как Se-hu, Se'u — сын змея-демона и демона-людоеда [ibid. P. 240]. В «Гимне» сообщается, что он стал императором тангутов и родился с двумя зубами. В «Истории [династии] Сун» также сообщается, что у первого тангутского императора Цзи-цяня еще до рождения прорезались зубы [Сун ши. Гл. 485. С. 3748].

Это дало Н. А. Невскому полное основание считать Сех-хоха и Цзи-цяня одним и тем же лицом [ТФ. Кн. 1. С. 76]. Имя Цзи-цяня (繼遷 ki ts'iän, [Karlgren. № 1241, 206], даже если принять чтение его имени в тексте «Гимна» как Цих-хох, не совпадает с оригинальным тангутским именем первого госу-

даря Си Ся. То, что Цзи-цянь был первым тангутским императором и что рассказ о его рождении также сопровождается легендой о зубах, которые прорезались еще до рождения, дает очень веские основания для сопоставления Сех-хоха и Цзи-цяня.

Но мы заметим, что если исключить легенду о зубах, то право на отождествление с Сех-хохом имеет и Тоба Сы-гун (思恭 si kung [Karlgren. № 973, 1182]). Основания для попытки такого сопоставления следующие: 1) имена Сы-гуна и Сех-хоха довольно близко совпадают, 2) Сы-гун тоже может считаться основоположником правящего дома Си Ся, ибо именно со времени его правления тангуты дома Тоба стали ванами и цзедуши армии Диннань, полусамостоятельными, а зачастую фактически и самостоятельными, правителями будущих центральных областей государства Си Ся. Действительно, в 873 г. Сы-гун завладел городом Сячжоу и объявил себя его правителем. Затем он отличился во время подавления народного восстания в Китае, предводительствуемого Хуан Чао, и в 881 г. был назначен цзедуши армии Диннань (военным генерал-губернатором округов центрального и южного Ордоса), а затем в 884 г. получил титул вана Ся, т. е. первого князя будущего государства Си Ся. Начиная с Тоба Сы-гуна управление центральным и южным Ордосом и должность цзедуши стали наследственным правом дома Тоба. Мы не оспариваем отождествления Н. А. Невским имени Сех-хох с Цзи-цянем, а лишь указываем на тот факт, что, не будь легенды о зубах, претендентом на отождествление с Сех-хохом с неменьшими основаниями был бы и Тоба Сы-гун.

26. Десять благих знамений — десять счастливых предзнаменований, предрекавших необычное будущее ребенка. Образ заимствован из буддийских представлений [Бяньвэнь о Вэймоцзе, бяньвэнь «Десять благих знамений», 1963].

27. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором. На земле тангутов призвал, кто к нему не пришел? — Семь всадников сопровождали Сех-хоха, у Рар-ту было семь сыновей. Эти совпадения неслучайны и, вероятно, говорят о включении буддийских элементов в тангутские предания. Семь сыновей известны в притче Nirvāna sūtra [Soothill, 1937. P. 11], семь всадников, семь разбойников упоминаются в Гэсэриаде, легенда о семи всадниках существует и независимо от эпоса о Гэсэре [Stein. Recherches. P. 140]. Упоминание о семи всадниках, сопровождавших Сех-хоха, возможно, только относит эти легенды в глубь веков.

Как известно, в 982 г. с группой своих единомышленников Цзи-цянь бежал из города Иньчжоу в степь и поднял тангутов на борьбу за независимость, так как его брат Цзи-пэн в том же году из-за ссоры с родственниками подарил все тангутские земли сунскому двору. Тангутские племена охотно поддержали Цзи-цяня в борьбе с Сунами. Именно эти события, по-видимому, и описываются в строках 35–36 «Гимна».

28. Мы — люди, выполняющие церемониал лошади. — О церемониале лошади у тангутов нам ничего неизвестно. Но обожествление лошади, необычайность лошади героя хорошо известны в мировом фольклоре, в частности в тибетских легендах и эпосе [Stein. Recherches. P. 535–542; 1961. P. 35]. Думается, что в тексте «Гимна» мы сталкиваемся с аналогичным явлением.

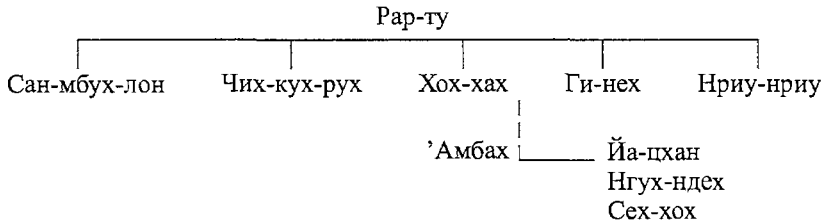
29. Доблестное племя идет на запад, где лики предков. — По буддийским поверьям, на западе находился рай будды Амиды, где пребывали души праведников, в том числе, конечно, по поверьям тангутов, и их предков. Упоминание о продвижении тангутов на запад в тексте «Гимна» является, возможно, отражением войн тангутов с восточнотибетскими племенами и уйгурами [Кычанов, 1962. С. 140–153].

30. Еще не отложившись, не бросив клича, среди захолустных окраин [он] замысел смелый таил. — Из китайских источников известно, что, еще не добившись полного признания, ведя войну на западе с тибетцами и уйгурами, на востоке — с Китаем, Цзи-цянь не раз обращался к Сунам с предложениями о мире, считая почетный мир с Китаем непременным условием победы над другими врагами и укрепления тангутского государства. Именно по его настоянию его сын Дэ-мин в 1006 г. добился мирного договора с Сунами и тем самым юридически признания своего независимого положения. Возможно, именно эти события и отражены в последних строках «Гимна».

* * *

«Гимн священным предкам тангутов» повествует о ранней истории тангутских племен. Эта история в тексте «Гимна» изложена в поэтической и легендарной форме. Два последних обстоятельства сильно затрудняют выявление в тексте реальных исторических фактов и сопоставление их с материалами китайских источников, единственным полным сводом сведений по истории тангутов. Однако изложение ранней истории тангутов в тексте «Гимна» имеет сходство с тибетскими легендами и тибетским эпосом. Корни этого сходства понятны: они объясняются родством всех тибетоязычных народов, тем, что тангутские легенды, с одной стороны, сами впитывали в себя тибетские легенды, а с другой — становились, по-видимому, их составной частью. Стоит указать на то обстоятельство, что ранняя история самих тибетцев, как правило, носит тоже легендарный характер.

Генеалогия предков тангутов, составленная по тексту «Гимна», может быть отражена в следующей схеме:

Следует заметить, что мы имеем дело как бы с двумя уровнями, на которых распределяются предки правящего дома Ся: прародитель Рар-ту и последующие пять предков — это первая группа. Потомков Рар-ту можно считать его сыновьями, так как рассказ об их подвигах замыкается новым упоминанием о Рар-ту, напоминанием об его успехе, который можно расценивать и как результат деятельности его пятерых сыновей. Это как бы прародители тангутов-минягов вообще. Затем мы имеем дело со второй группой предков, на этот раз

твердо названных прародителями правящего тангутского дома. Характер связи этих двух групп предков неясен. Наконец, лишь последнего из перечисленных в «Гимне» предков мы можем сопоставить с реальным историческим лицом. Остальные ждут своего отождествления, если оно вообще будет возможно. А это произойдет лишь тогда, когда мы найдем о них дополнительные сведения для сопоставления в тангутских же источниках. Большую пользу может принести изучение тибетских источников, к которым тангутский материал, как мы попытались показать, имеет большее тяготение, чем к китайским. Многие, еще неуловимые нити связывают тибетскую и тангутскую традиции. Сопоставление их станет возможным при более полном выявлении тех и других материалов.

Однако если уровень наших знаний еще не позволяет нам точно интерпретировать генеалогическую таблицу предков, то мы можем все-таки найти в «Гимне» целый ряд фактов, подтверждающих сведения, известные из других источников, и просто новые факты, доселе неизвестные. Текст «Гимна» подтверждает точность китайских сведений о первоначальном месте расселения тангутских племен (коммент. 6), характеристику их внешнего облика (коммент. 7), указывает на то, что составители «Истории [династии] Сун» [Сун ши, 1935] знали некоторые тангутские легенды (легенду о рождении основателя династии с двумя зубами).

К числу новых и важных сведений относятся сообщение о женитьбе Рар-ту на тибетской девушке, чем, вероятно, в легенде подчеркивается древность родства и общность происхождения, исторически достоверная, двух народов, а также, если мы правильно поняли текст, сообщение о коне предка — коне, участнике всех его побед и поражений, положившем якобы начало «церемониалу лошади» у тангутов. Содержание данного обряда нам пока неизвестно[2], но упоминание о нем заслуживает всяческого внимания.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о художественных особенностях «Гимна». Как и другие поэтические произведения этой группы, «Гимн» написан торжественно и просто, без употребления сложных поэтических образов. Определить точные закономерности построения стиха затруднительно. Построенный на принципе параллелизма, стих не отличается четким чередованием ровного и восходящего тонов, параллелизм тонов скорее угадывается, чем прослеживается как закономерность. Нет строгой последовательности и в чередовании коротких и длинных строк. Окончательные выводы о характере стиха всей группы од могут быть сделаны только после комплексного их изучения.

Пока же мы ограничиваемся лишь тем, что представляем читателю тангутский текст и перевод «Гимна» — перевод, требующий критики, но, как нам кажется, позволяющий уже на тангутских материалах приоткрыть завесу, скрывающую отдаленное прошлое тангутских племен, как оно отразилось в тангутских преданиях.

---

[2] В «Истории [династии] Сун» сообщается, что, потерпев поражение, тангуты возвращались на место неудачи и убивали там человека и лошадь для того, чтобы «убить злых духов и призвать добрых» [Сун Ши, 1935. Гл. 486. С. 3797].

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАНГУТОВ[1]
(по китайским источникам)

В конце X в. в Центральной Азии возникло новое сильное государство Си Ся (982–1227), созданное народом, который со второй половины VI в. в китайских источниках называется дансян [Сы бу... Т. 022. С. 592; Т. 023. С. 854], у тюрко-монгольских народов — тангут[2] и у тибетцев — миняг[3].

Древние китайские авторы рассматривали дансянов как потомков западных цянов времен династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) [там же. Т. 025. Ч. 2. С. 1651], а древнейшие китайские источники указывали на западных цянов и дансянов как на потомков древних сань мяо 三苗 [там же. Т. 017. С. 1075][4]. Поэтому рассмотрение ранней истории тангутов мы начнем с краткой характеристики цянских племен и выяснения вопроса об их отношении к племенному объединению сань мяо. Здесь будут затронуты лишь важнейшие моменты истории племен, главным образом вопросы этногенеза и развития социально-экономического строя.

Верховья реки Хуанхэ и степи, прилегающие к озеру Кукунор, — вот область, в пределах которой на протяжении многих столетий протекала жизнь цянских племен. Впервые они упоминаются в иньских гадательных надписях на костях [Lin Ch'ao-yang, 1946. P. 48–50] (II тыс. до н. э.). Так как по надписям цяны заселяли тогда западные районы Шэньси и юго-восток Ганьсу, они могут быть предположительно связаны с неолитической культурой Цзицзя, относящейся приблизительно к тому же времени и к той же территории.

---

[1] Ссылки на классические книги и династийные истории даются по изданию: 四部備要, 上海, 1935 (далее — Сы бу...).

[2] Народ тангут впервые упоминается в начале VIII в. в орхонских надписях [Малов, 1959. С. 16, 20; Мелиоранский, 1899. С. 140]. Встречающееся в согдийских документах упоминание народа tanywt также, по-видимому, относится к тангутам [Hamilton, 1955. P. 50].

[3] Первое свидетельство — в китайских источниках [см.: Сы бу... Т. 025. С. 1651]. Подборка и анализ тибетских материалов о тангутах даны в статье: [Stein, 1951. P. 223–265].

[4] Ряд китайских текстов о ранней истории тангутов был переведен на русский язык Иакинфом (Бичуриным) и опубликован в 1833 г. в его книге «История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р.Х. до 1227 г. по Р.Х.».

Цзицзя и другие неолитические культуры Ганьсу II тыс. до н. э. пришли на смену культуре Яншао (III тыс. до н. э.). Если между культурами Яншао и Цзицзя существовала генетическая связь, то мы, по-видимому, вправе предположить следующее: либо носители культуры Яншао, от которых обычно выводят иньские племена, этнически разнородны и были предками двух разных народов — инь и цянов, либо на рубеже III и II тысячелетий до н. э. предки цянов заселили восточные районы Ганьсу и Кукунора[5].

В этой же связи встает и вопрос о родстве цянских племен с древним племенным объединением сань мяо. В одних китайских источниках (например, в «Чжаньго цэ») сань мяо локализуются в районе озера Дунтин [Сы-бу... Т. 044. С. 109], в других они упоминаются в связи с легендой об изгнании их Шунем в Саньвэй [там же. Т. 01. С. 6].

В советской востоковедной литературе было высказано мнение о том, что племенное объединение сань мяо действительно в конце II — начале I тысячелетия до н. э. населяло район среднего течения реки Янцзы [Итс, 1957. С. 210]. Если это так, то не исключена возможность выделения из этого племенного объединения и цянских племен, о чем китайские источники впервые упоминают в связи с легендой об изгнании сань мяо на запад [Сы бу... Т. 017. С. 1075]. В самом деле, получается любопытное совпадение фактов: 1) легенда относит изгнание сань мяо в Саньвэй к 2022 г. до н. э.; 2) при династии Инь (1562–1066 гг. до н. э.) мы застаем цянов уже на западных границах иньского племенного союза (надписи на костях); 3) ко II тыс. до н. э. относится появление на территории Ганьсу нового археологического комплекса Цзицзя; вторым тысячелетием до нашей эры датируется существование сань мяо к югу от Янцзы; 5) из китайских источников известно, что народ мяо, входивший, по-видимому, в состав сань мяо [Итс, 1957. С. 211], вместе с цянами участвовал в походе чжоуского У-вана против Инь [Сы бу... Т. 01. С. 37].

Эти сопоставления позволяют предположить, что легендарные сведения китайских источников об изгнании сань мяо в Саньвэй (Ганьсу) отражают какое-то реальное передвижение части племен Центрального Китая на запад, что и дало древним китайским авторам основание считать цянов потомками сань мяо. Разумеется, все это пока лишь предположения. Может быть также, что эти передвижения племен были частью общего процесса распространения народов тибето-бирманской языковой семьи, которые, возможно, складывались на территории Центрального и Центрально-Южного Китая[6].

---

[5] Андерсон отмечал различный характер памятников культуры Яншао в западных и восточных районах ее распространения [см.: Anderson, 1943. P. 43]. Если на востоке Китая культуру Яншао сменила культура Луншань, то в Ганьсу археологи выделяют во II тыс. до н. э. самостоятельную культуру Цзицзя. Андерсон считал, что во II тыс. до н. э. «Ганьсу осталась сравнительно замкнутым захолустьем, получающим импульсы из иных источников, чем династийный ареал» (т. е. области к востоку от Ганьсу. — *Е. К.*) [ibid. P. 223]. О заселении этих районов во II тыс. до н. э. другим народом писал и Пэй Вэнь-чжун [см.: Pei, 1948. № 8. P. 113].

[6] Немногие исследования древних языков Южного Китая показывают, что они были по своему строю тибето-бирманскими. Так, по исследованиям китайского ученого Ван Цзин-жу, язык княжества Чу принадлежал к той же языковой ветви, что и тибетский язык [см. 王靜如, 西夏研究, 二北平, 1932, 86 頁].

Независимо от того, были ли цяны пришельцами с юго-востока или аборигенами Ганьсу, надписи на костях свидетельствуют, что в конце II тыс. до н. э. они были западными соседями иньских племен, а к первой половине I тыс. до н. э. относится первый археологический памятник Ганьсу, бесспорно принадлежавший цянам. Мы имеем в виду могильник Сыва[7] близ города Линтао с его характерным обрядом погребения посредством трупосожжения, который китайские источники I тыс. до н. э. приписывают цянам [呂氏春秋, 1875, 卷十四, 14a 頁].

Наивысшего расцвета цянские племена достигли в конце I тыс. до н. э., когда сложился так называемый западноцянский племенной союз. В этот период цянское общество находилось в стадии перехода от материнского рода к патриархату. По сведениям китайских источников, на рубеже нашей эры «западные цяны вели кочевой образ жизни, передвигаясь в зависимости от наличия источников воды и пастбищ. Земля их родила мало хлеба, и основным занятием цянов было скотоводство. По обычаям цянов их роды (щицзу) не именовались по (одному) определенному принципу. Названия им давались то по имени отца (фумин), то по родовому прозванию матери (мусин)[8]. Близкие родственники могли вступать в брак лишь через 12 поколений. Если умирал отец, то женились на мачехе, а если умирал брат, то брали в жены невесток... Цяны не устанавливали правителей и министров и не имели друг над другом начальников. Если какой-нибудь род усиливался, то от него отделялась группа родственников, (глава которой) становился старшиной. Если род ослабевал, то его члены присоединялись к другим родам» [Сы бу... Т. 017. С. 1075; Бичурин, 1833. С. 2–3].

Билатеральная филиация — счет родства и происхождения одновременно как по материнской, так и по отцовской линиям (о чем упоминает китайский источник) — форма специфически переходная, создающаяся при переходе от матриархата к патриархату.

Как указывает источник, при выделении из усилившегося рода отдельных родственных групп глава такой группы становился старшиной вновь образовавшегося генеалогического рода. I–II вв. н. э. были веками все большего усиления родовых старшин, власть которых стала наследственной.

В первые столетия нашей эры цянские племена вели длительные войны с Китаем, которые постепенно привели к ослаблению цянских племен. В 310 г. цяны, жившие в районе озера Кукунор, были покорены сяньби, основавшими на их землях свое государство Тугухунь. Сильные, сохранившие независимость племена цян жили далеко на западе у реки Лопочуань, близ современной Лхасы. Это были предки туфань (тибетцев) [Morse, Yen Yin, 1936. P. 128].

IV–VII вв. н. э. были временем разделения цянских племен на несколько обособленных групп. Крайние западная и восточная группы постепенно складывались в два самых больших народа, ведущих свое происхождение от цянов, — тибетский и тангутский. Непосредственными предками тангутов были данчанские и дансянские цяны.

Данчанский союз оформился в конце IV в. н. э. [Сы бу... Т. 023. С. 864; Бичурин, 1833. С. 109], а в VI в. он вошел в состав дансянского союза цянских племен

[7] Подробное описание могильника см.: [Воробьев, Итс, 1954. С. 454–455].

[8] Соответственно 父名, 母姓.

[Сы бу... Т. 022. С. 592]. Поэтому данчанов обычно принято рассматривать в качестве более ранней ветви дансянского народа [Thomas, 1948. P. 30].

Попытаемся дать характеристику данчанско-дансянского общества в IV–VI вв. н. э.

В IV–VI вв. продолжался процесс дробления родовых объединений и выделения из них больших групп родственников во главе со своими старшинами. Каждая такая группа, объединенная единством происхождения (так мы понимаем китайский термин «син»: «фамилия, род»), образовывала самостоятельный общественный организм, который в китайских источниках обозначался термином «було» (в современном значении «племя»). Все старшины вместе со своими сородичами имели особые участки земли и не подчинялись друг другу [Сы бу... Т. 023. С. 864; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 110]. Данчанские, а затем и дансянские цяны как раз первоначально были группами таких родовых объединений, выделившихся из общей массы цянских племен.

Нам кажется, что под термином «син» в данную эпоху следует понимать патриархально-родовую группу кровных родственников, объединенную происхождением по отцовской линии, возглавляемую старейшиной и совместно (в лице старейшины) владеющую определенной территорией. Такие вновь выделившиеся агнатные генеалогические роды были экзогамны, так как браки запрещались между всеми, кто принадлежал к данному сину. При вступлении в брак женщина переходила в семью мужа, так как после его смерти она не возвращалась в свой син, а могла стать женой брата покойного мужа или его сына от другой жены.

Дансянское общество не знало единых законов, в нем не существовало ни налогов, ни повинностей. Отдельные кровнородственные группы слабо поддерживали связи между собой и объединялись лишь во время войны и религиозных празднеств [Сы бу... Т. 022. С. 592; Т. 023. С. 864; Т. 025. Ч. 2. С. 1651; Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 110, 238].

В VII в. дансянские родовые объединения («було») продолжали дробиться, выделяя родственные группы «малые (сяо) було» [Сы бу... Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. С. 238], состоявшие из больших групп кровных родственников. Об этом свидетельствует численность всадников, которыми располагали такие группы. Большие було имели по 5 тыс. (VI в.) — 10 тыс. (VII–VIII вв.), малые було по 1000 (VI в.) или несколько тысяч (VII–VIII вв.) всадников [там же].

Несмотря на указания источников об отсутствии в дансянском обществе социальных различий, косвенные данные этих же источников позволяют предполагать, что в IV–VII вв. в данчанско-дансянском обществе началось классовое расслоение. В конце IV–V в. существовало данчанское объединение племен, которым наследственно правили старшины дома Лян. Если в «Суйшу» еще нет указаний ни на одно из сильных и богатых старшинских семейств, то в «Цзютаншу» уже перечислены восемь самых могущественных дансянских старшинских домов («ши») во главе с домом Тоба [Сы бу... Т. 025. Ч. 2. С. 1651]. Эти старшины получали от китайского правительства титулы и богатые подарки. Они со своей стороны платили дань китайским дворам, причем, очевидно, сбор скота и других средств, нужных для отправки дани,

производился с рядовых членов родовых объединений, а ответные дары китайских императоров, как правило, оставались в руках старшин, увеличивая их богатства.

По способу ведения хозяйства данчаны и дансяны существенно отличались от западных цянов. Они вели оседлый образ жизни [Сы бу... Т. 022. С. 592; Т. 023. С. 864; Т. 025. Ч. 2. С. 1651; Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 110, 238] и от кочевого перешли к яйлажному (отгонному) скотоводству. Эту перемену в способе ведения хозяйства мы в состоянии пока объяснить только тем, что в начале IV в. эта часть цянов была вытеснена сяньби из степей Кукунора в горные районы верховьев Хуанхэ и ее притоков. По описаниям источников, занимаемая дансянами территория на востоке граничила с китайскими округами Синин, Линьчжоу (город Линьтао, провинция Ганьсу) и Сунчжоу (город Сунпань, провинция Сычуань). Таким образом, приблизительная граница дансянских земель с Китаем проходила от современного города Синин в направлении на Ланьчжоу, далее она следовала по реке Таохэ до Миньсянь (у города Миньшань) и продолжалась от города Сунпань по реке Миньцян. На севере и северо-западе, в районе озера Кукунор, дансяны граничили с государством Тугухунь. Крайним западным пунктом их владений на границе с тибетскими племенами был Еху, точное местоположение которого установить пока не удалось. В южном направлении, как сообщают китайские источники, земли дансянов тянулись на несколько тысяч ли и граничили с цянскими племенами мисан и чуньсан [Сы бу... Т. 025. Ч. 2. С. 1651; Т. 027. С. 1883; Бичурин, 1883. Ч. 1. С. 238]. Все это были горные местности, и ведение интенсивного кочевого хозяйства там было невозможно.

Данчаны и дансяны разводили яков, лошадей, овец, ослов и свиней. По сообщениям китайских источников, земледелием они не занимались[9] и ввозили зерно из соседних китайских областей для выкуривания из него вина.

Жили данчаны и дансяны в домах, которые покрывали тканями из шерсти яков и овец. И данчаны, и дансяны, без различия пола и возраста, носили шубы и платье из грубой шерстяной ткани, а в ненастную погоду прикрывались накидкой из куска той же ткани или войлока [Сы бу... Т. 022. С. 592; Т. 023. С. 864; Т. 025. Ч. 2. С. 1651; Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 110, 238]. Таким образом, у дансянов было развито прядение шерсти и ткачество. Хозяйство дансянов носило натуральный характер, и каждая семья, по-видимому, сама обеспечивала себя всем необходимым.

Среди данчанов и дансянов очень сильно был распространен обычай кровной мести. До тех пор пока враг не был обезглавлен, мститель ходил босой, нечесаный, с лицом, вымазанным грязью. Лишь отомстив, он возвращался к прежнему образу жизни. По обычаям дансянов трупы умерших сжигались. Письменности дансяны не имели, счет времени вели по временам года. Им были известны два музыкальных инструмента — струнный, вроде китайского

[9] Немецкий историк П. Ольбрихт с полным основанием считает, что поскольку дансянам были известны свинья и мул, они, вероятно, частично занимались земледелием [Olbricht, 1956. Vol. II. № 2. S. 146].

пипа, и глиняный барабан (по-китайски «фоу») [Сы бу... Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 238].

О религиозных представлениях данчанов и дансянов источники сообщают очень мало. Известно, что раз в три года дансяны собирались «все вместе», убивали быков и баранов и приносили их в жертву Небу [там же] (или небожителям, как сообщается в «Суйшу») [Сы бу... Т. 022. С. 592]. Очевидно, что в данном случае источники сообщают об одном из обрядов древней религии бон, некогда общей для всех цянских племен.

В VII–VIII вв. н. э. растет политическая активность дансянских племен. Из их среды выделились самостоятельные объединения, одновременно кровнородственные и политические по своему характеру, которыми наследственно руководили представители самых могущественных старшинских семей, таких как Сифэн, Фэйтин, Ванли, Почао, Еци, Фандан, Мицинь и Тоба[10]. Самым могущественным было объединение, возглавляемое семьей Тоба.

Были ли дансянские старшины Тоба связаны общим происхождением с сяньбийскими Тоба, основоположниками династии Северной Вэй (386–535)?

В науке нет твердого мнения по этому вопросу[11]. Как известно, предки дома Тоба, основавшего на территории северного Китая династию Вэй, во второй половине II в. входили в союз сяньбийских племен. В 248 г. Тоба Ли-вэй, подчинявшийся до этого племени Молухуй[12], убил ее вождя и вскоре встал во главе большой группы племен, армия которых насчитывала 200 тыс. лучников. Возможно, еще раньше часть племен Тоба, известная под именем Туфа, под руководством старшего брата Ли-вэя — Тоба Пи-гу отделилась от основного ядра племени и, переправившись на западный берег реки Хуанхэ, откочевала на юго-запад Ганьсу, где в горах Наньшаня под его властью возникло государство Нань Лян (397–414). Большинство его населения говорило на языке, принадлежавшем к тибетской ветви языков, тогда как сяньбийцы Тоба говорили на одном из тюркских языков, с некоторой примесью монгольских элементов. Туфа как прямая ветвь Тоба тоже должны были говорить на тюрко-монгольском языке. Но, как показывают исследования Томаса, язык Нам был цянским диалектом [Thomas, 1948. P. VI]. Очевидно, сяньбийцы Туфа, постоянно воевавшие с цянами и подчинившие часть цянских племен, быстро ассимилировались и утратили свой язык. Неслучайно, что китайские авторы связывают имя Туфа с названием всей будущей тибетской империи Туфань [古今圖書集成, 中華書局影印, 1935, 卷 69, 48а 頁]. Таким образом, проникновение этой ранней

[10] Соответственно 細封, 費聽, 往利, 頗超, 野辭, 房當, 米擒, 拾跋.

[11] Против происхождения дансянских Тоба от вэйских выступал Шаванн, считавший эту теорию выдумкой генеалогов, желавших польстить самолюбию государей Си Ся [см.: Chavannes, 1904. P. 205; Franke, 1952. Bd. V. S. 71]. Напротив, В. Эберхард указывает на сяньбийское происхождение дансянских Тоба как на нечто само собой разумеющееся [см.: Eberhard, 1949. S. 308, 323, 382]. Другие авторы ограничиваются изложением имеющихся в распоряжении современной науки фактов и приходят к выводу о вероятной возможности сяньбийского происхождения дансянских Тоба [см.: Olbricht, 1956. S. 154].

[12] Молухуй — одно из сяньбийских племен. Старшине этого племени Доу Бинь Тоба Ли-вэй подчинился после того, как его собственное племя было разгромлено в результате набега «западных племен» (каких — неизвестно).

ветви Тоба в цянскую среду, из которой позднее выделились дансянские племена, по нашему мнению, вполне возможно[13].

В конце VI в. некоторые дансянские племена подчинились Китаю, а с VII в. все дансяны стали платить дань китайскому двору.

В первой половине VII в. Китаю подчинился сильнейший дансянский старшина Тоба Чи-цы, не признававший до этого власти танского двора. Чи-цы получил пост губернатора области Сижун (близ современного города Цинъян, Ганьсу), и ему была пожалована фамилия Ли, которую носил сам китайский император. Китайский двор был очень заинтересован в привлечении дансянов на свою сторону, так как в это время на крайнем западе появился новый грозный враг Китая — молодое государство Туфань.

В 660 г. теснимые тибетцами Тоба вместе с зависимыми дансянскими племенами просили танский двор предоставить им землю для поселения, которая была им отведена в округе Цинчжоу (ныне город Цинъян, Ганьсу) и сопредельных районах. Так часть дансянских племен оказалась значительно северо-восточнее первоначального места обитания. Занимаемая ранее дансянами территория и оставшиеся там дансянские и другие цянские племена попали под власть тибетцев. Страну дансянов тибетцы называли Skyi (Ский) [Bacot, Thomas, Toussaint, 1940. P. 67], а оставшиеся под тибетской властью дансянские племена — миняг[14].

С этих пор тибетское слово «миняг» стало относиться не только к покорному тибетцам дансянскому населению, но и к независимым дансянам, а позднее сохранилось как тибетское наименование государства Си Ся[15].

Из ранних китайских источников известно, что сами себя дансяны называли сяньхоу [Сы бу... Т. 022. С. 592]. Однако не исключено, что самоназванием тангутов как раз и было слово «миняг» (или «ми»), переданное нам тибетцами. В одной из тангутских поэм, переведенной Н. А. Невским, говорится: «Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни, Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки, Длинных минягов (mi-nia)[16] страна там находится» [Невский, 1933. С. 137]. В свете перевода и интерпретации Н. А. Невского тибетское «миняг» передает нам самоназвание тангутов.

В VIII в. переселившиеся на северо-восток дансяны в союзе с тибетцами стали тревожить пограничные районы Китая. Китайские власти решили вновь переселить дансянов и отвели для их размещения территории округов Сячжоу (древний город в западной части современного уезда Хэнщань, провинция Шэньси), Иньчжоу (близ современного города Мичжи, Шэньси) и сопредельные округа [Сы бу... Т. 027. С. 1683; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 244–245]. Пересели-

[13] Рольф Штейн указывает на возможность происхождения Тоба Си Ся от правящего дома Тоба Вэй. В «Цзиньши» сообщается, что после падения династии Вэй представители этой династии, жившие в городе Сунчжоу (ныне Сунпань, Сычуань), сохранили за собой фамилию Тоба [Stein, 1951. P. 234]. Веских возражений не может быть выдвинуто и против этого варианта, поскольку город Сунчжоу находился непосредственно на дансянской границе, а первые упоминания о дансянском доме Тоба относятся ко второй половине VI в., т. е. немногим позднее падения династии Вэй (535 г.).

[14] 弭藥 *мияо* в китайской транскрипции.

[15] Многочисленные доказательства этого собрал в своей вышеуказанной работе Рольф Штейн.

[16] Т. е. тангутов, разъясняет Н. А. Невский.

вшаяся часть дансянов оказалась, таким образом, еще севернее, на землях, где через двести пятьдесят с лишним лет были заложены основы их собственной государственности.

К концу VIII в. дансянское население в Китае было размещено следующим образом: в районе современного города Цинъян жили дансяны елиюеши, елилунэр, елицюеелюй, эрхуан, ехай и есу, известные под общим названием «племена восточных гор». Дансяны, переселенные в Сячжоу и сопредельные области, были известны китайцам как племена в Пинся. Постепенно дансяны проникли на восток в провинцию Шаньси, на север в Ордос и на запад в Алашань [Сы бу... Т. 025. Ч. 2. С. 1652].

В IX в. еще более возросло политическое могущество дансянских старшин. Дом Тоба оказал большую помощь китайскому двору в подавлении восстания Хуан Чао, и представитель этого дома Тоба Сы-гун был назначен военным губернатором (цзедуши) трех округов (Сячжоу, Суйчжоу, Иньчжоу) и получил право носить фамилию Ли. Таким образом, старшины Тоба второй раз при танской династии были удостоены чести носить фамилию императоров Китая [там же. Т. 027. С. 1684; Бичурин, 1833. Ч. 1. С. 248].

Дальнейшая политическая история дансянов до возникновения государства Си Ся — это история постепенного усиления дома Тоба. Не останавливаясь на ее изложении, мы попытаемся дать характеристику дансянского общества в X в., накануне возникновения государства Си Ся.

Китайские источники позволяют полагать, что уже в IX в. у дансянов усилился процесс социального расслоения и становления классового общества. В результате переселений и постоянных войн возросла власть старшинской родовой верхушки. Представители семей старой родовой знати присваивали себе почетные титулы и получали щедрые награды из Китая и Тибета, грабили пограничные области этих стран и своих соплеменников. Это неизбежно приводило к накоплению богатств в одних руках и укреплению имущественного неравенства. Накоплению богатств и закреплению собственности в руках отдельных лиц способствовало также дальнейшее развитие торговли с Китаем [Сы бу... Т. 028. С. 612].

Однако в первой половине X в. власть старшин, несмотря на их богатства и пышные китайские титулы, все еще базировалась главным образом на кровнородственных связях и родовых институтах управления. Китайские источники по-прежнему сообщают, что у дансянов «есть лишь большие поколения (син), но нет начальников» [там же. С. 319]. Не было еще собственной, дансянской власти, отделенной от народа и поставленной над народом, особых учреждений, гражданских и военных, какие китайцы привыкли видеть у себя на родине. Поэтому они и писали, что у дансянов «нет ни государства, ни начальников» [там же. С. 612] и о них попросту нечего писать. Вся власть в кровнородственных объединениях принадлежала родовым старшинам, знатность которых прочно подкреплялась их материальными богатствами. Старшины, к концу X в. окончательно оформившиеся в господствующий класс тангутского общества и закрепившие свою власть государственным порядком, в первой половине X в. были единственными представителями как военной, так и гражданской власти, а также, возможно, руководили и религиозной жизнью соплеменников.

И старая, и новая истории пяти династий сообщают, что в первой половине X в. дансяны были оседлым народом [там же]. Однако факты говорят о том, что часть их после переселения в степные местности Ордоса и Алашаня стали кочевниками. Уже в VIII в. некоторые дансянские племена кочевали «в зависимости от наличия воды и пастбищ» [там же. Т. 025. Ч. 2. С. 1652]. Кроме того, в X в. источники приводят много данных о подвижности дансянских родов[17].

С другой стороны, часть дансянов не только сохранила оседлый образ жизни, но и переходила к земледелию. Это были в первую очередь те роды, которые подчинялись китайцам[18] и селились на их землях. В 1003 г. был отдан приказ «покорившимся иноземцам в крепости Хундэчжай дать китайские земли для занятия земледелием и помочь им продовольствием» [Сун ши. Цз. 491. С. 20а].

В 1002 г. пограничным властям было приказано «переселить всех покорившихся иноземцев Хэси во внутренние земли и дать им огороженные поля» [там же. С. 18а]. Когда в 1004 г. на китайскую границу переселились дансяны рода Ни, сунский двор распорядился «выделить им общественные земли, расселить их в горных районах и брать с них налог хлебом по количеству ртов» [там же. С. 20б]. Таким образом, совершенно очевидно, что к началу XI в. часть дансянов занималась земледелием.

Дансянские роды, которые подчинялись Китаю, платили китайским властям налоги [там же. С. 12а].

Скот, вероятно, находился уже в частной собственности. Когда в 997 г. при закупках лошадей сунские чиновники грубо производили в родах счет имущества, дансяны зароптали. Китайские власти арестовали и казнили 18 зачинщиков, а их оружие, овцы и лошади были конфискованы [там же]. Тот факт, что в данном случае было конфисковано имущество и скот именно этих 18 человек, а не всего рода, подтверждает, что к концу X в. имущество и скот были уже в частной собственности отдельных лиц.

Основой социальной организации дансянов продолжал оставаться род, состоявший в среднем из 100 кибиток [там же. С. 22б]. Однако члены рода были связаны не только кровными узами, но и, по-видимому, общей собственностью на пастбища, а также необходимостью совместной защиты от грабительских нападений. Имущественное положение членов рода было неодинаковым — в рамках старой родовой организации уже четко выкристаллизовались две противоположные силы: богатые старшины и их родственники, обладавшие всей полнотой власти, и простые скотоводы, которые постепенно все больше и больше попадали в экономическую зависимость от старшин. Классовое расслоение дансянского общества, начавшееся еще в VI в., к концу X в. в основном завершилось и привело к созданию тангутского государства.

Итак, тангуты были потомками цянских племен, с древнейших времен живших на западных границах Китая. В IV–VI вв. из среды западноцянских пле-

[17] Так, например, в 1002 г. три рода Лэцюема, всего 1500 кибиток, переправились через реку и пришли на китайскую территорию [宋史, 卷 491, [б. м.], 1836, 18а 頁 (далее — Сун ши)].

[18] *Шуху* 熟戶 или *шуцан* 熟食 китайских источников. Нам кажется, что это тангутские (тибетские) слова, переданные в китайской транскрипции. Первое состоит из тибетского (тангутского) *шу* — «спокойный», «покорный» и китайского *ху* — «двор». Второе — целиком тибетское (тангутское) слово *шучан* — «спокойный», «покорный».

мен выделились данчаны и в конце VI в. — дансяны, непосредственные предки тангутов. В середине VII в. часть дансянских племен переселилась в Ордос и заняла ряд районов в провинциях Ганьсу и Шэньси. Позднее дансяны проникли севернее реки Хуанхэ и к западу от нее в Алашань, может быть, до реки Эдзин-Гол.

Таким образом, к XI в. громадная территория в Центральной Азии была заселена дансянами, которые на севере граничили с киданьским государством Ляо, на западе — с уйгурами, на юго-западе — с Тибетом, на востоке, по реке Хуанхэ, — с Китаем. На юге дансянские племена занимали горные районы северо-запада Сычуани. Очень вероятно, что племенной состав народа, известного в китайских источниках под именем дансян, был неоднороден и дансянские племена явились предками не только тангутов (в данном случае речь идет о дансянах, основавших государство Си Ся), но и целого ряда других, современных Си Ся и позднейших племен и народов Сикана, Цинхая, Сычуани и Ганьсу.

Общая картина этногенеза и социальной истории цянских, а затем данчанских и дансянских племен представляется нам следующим образом.

I. Цяны	II тыс. до н. э.	Материнский род
II. Западные цяны	Конец I тыс. до н. э. — IV в. н. э.	Разложение материнского рода, переход к патриархату
III. Данчаны и дансяны	IV–IX вв. н. э.	Становление классового общества
IV. Дансяны (тангуты)	X в. н. э.	Завершение процесса классообразования и появление тангутского государства

Разумеется, у различных групп племен этот процесс протекал очень неравномерно. Наиболее сильным экономическим и культурным центром дансянов севера был район округов Сячжоу, Иньчжоу и Ючжоу, где и было создано в конце X в. государство Си Ся.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ТАНГУТОВ
(Тоба – Вэймин – Вамо)

Были ли сяньбийские и дансянские (тангутские) Тоба связаны общностью происхождения?

На этот важный вопрос в истории этногенеза тангутов и их правящего рода наука до сих пор не в состоянии дать окончательного ответа.

Первые сведения письменных источников о дансянах относятся к концу VI в. н. э. Дансянские племена заселяли район излучины реки Хуанхэ в Амдо, крайние северные и северо-восточные пределы которого ограничивались областями, расположенными к югу от городов Синин и Ланьчжоу, восточные — рекой Таохэ и верховьями реки Миньцзян. Южная граница расселения дансянов, по мнению Ямамото Сумико, проходила где-то между городами Сунпань и Маосянь (провинция Сычуань) [Ямамото, б. г. С. 71]. Западная граница расселения дансянских племен точно не установлена. На западе дансяны граничили с байланьскими цянами, которые, возможно, обитали у горы Байлань, юго-западнее Кукунора. Ближайшими соседями дансянов кроме байланьских цянов были на севере и северо-западе сяньбийцы Тугухунь, на западе и юго-западе — Восточное женское царство (Дун нюй го) и Еху, на юге — цянские племена мисан и чуньсан.

Что скрывается под наименованием Еху (Шэху), до сих пор не установлено. В этот же период выражением «еху» (шэху) в китайских источниках передавался тюркский термин «ябгу» [Liu Mau Tsai, 1958. Bd. II. S. 823]. Однако можно согласиться с Ямамото Сумико в том, что для отождествления соседних с дансянами Еху с тюрками пока мало оснований.

Сяньбийцы Тугухунь были северными и северо-западными соседями дансянских племен. С их приходом в кукунорские степи связаны окончательный распад западноцянского племенного союза и вытеснение цянских племен на юг, в горные районы Амдо.

Начиная с IV в. н. э. история дансянских племен оказалась на несколько столетий связана с сяньбийцами. Где-то в глубине этих столетий и теряется происхождение наименования правящего дансянского, а затем и тангутского (Си Ся) дома Тоба. Дансянские Тоба появляются на исторической арене вместе

с шестью другими дансянскими родами. До этого, еще в конце VI в., по сведениям некоторых источников, у местных племен «не было ни отцов, ни сыновей, не имелось ни государей, ни сановников, различные (племенные) группы жили изолированно» [Цэ фу юань гуй, 1960].

Появление дансянских Тоба, племенной группы, носящей столь хорошо известную на Дальнем Востоке фамилию, не может не вызывать интереса. Сразу же встает вопрос о вероятном иноплеменном происхождении хотя бы отдельных членов этой группы. Поскольку Тоба — наименование сяньбийского рода, правомерно спросить, а не были ли столь неожиданно появившиеся дансянские Тоба сяньбийцами по происхождению?

Отвечают на этот вопрос по-разному. Можно выделить по крайней мере три точки зрения.

Первая сводится к тому, что дансянские Тоба — сяньбийцы по происхождению. Вольфрам Эберхард считает это, по-видимому, бесспорным. Он пишет, что потомки дома Тоба, владевшие Северным Китаем и основавшие там династию Вэй (386–535), «прочно обосновались в китайско-тибетской пограничной области. Некоторые члены этой семьи стали даже соплеменниками полутибетского народа дансян. Из этой семьи позднее произошел правящий дом династии Си Ся, который играл большую роль при Сун, вплоть до монгольского времени» [Eberhard, 1949. S. 382]. Эберхард не подкрепляет свою точку зрения какими-либо точными доказательствами.

Эту версию, опираясь на более основательные данные, поддерживает французский исследователь Рольф Штейн [Stein, 1951. P. 234]. Он ссылается на утерянную ныне работу сунского историка Ло Ши-чана «Си Ся го пу» («Родословная царства Ся»), одна фраза из которой цитируется в «Цзинь ши» [1935–1936]. В этом отрывке сообщается, что представители дома Тоба, жившие в городе Сунчжоу, на границе с дансянами, и после гибели Северной Вэй сохранили за собой фамилию Тоба. Возможность такого развития событий нельзя сбрасывать со счета. К этому вынуждает и то обстоятельство, что один из государей Ся, первый тангутский император Юань-хао, в письме сунскому двору заявлял: «Мои предки происходят из императорского рода. Когда власть династии Восточная Цзинь клонилась к упадку, они положили начало династии Хоу Вэй» [Сун ши, 1935; 1936].

Однако верить этому свидетельству бесповоротно нельзя. Юань-хао писал письмо в тот момент, когда он только что самовольно принял императорский титул и должен был обосновывать свое право на него. Появление дансянских Тоба на исторической арене вскоре после гибели династии Вэй было ему хорошо известно из китайских историй, и он, естественно, попытался воспользоваться столь удобным аргументом для придания видимости законности своим притязаниям. Авторы «Сун ши» к тому же достаточно, очевидно, сомневались в достоверности цитируемого ими же уверения Юань-хао, ибо во всем прочем описании Ся, занимающем две главы «Сун ши», нет ни слова о том, что дансянские Тоба являлись потомками Тоба Вэй. Будь этот факт бесспорным, они не преминули бы сообщить о нем. Таким образом, мы вынуждены считать, что несомненных данных о происхождении дансянских Тоба от Тоба Вэй нет.

За происхождение дансянских Тоба, связанное с сяньбийцами, правда, иным путем, высказывались японские ученые Миядзаки Итисада и Оногава Хидэми. Первый объясняет существование дома Тоба у дансян пережитком их подчинения сяньбийцам, второй полагал, что род Тоба встал во главе объединения цянских племен, организованного сяньбийцами [Окадзаки Сэйро, 1947. С. 62].

Вероятность таких предположений правомерна. Действительно, отношения дансянских Тоба с сяньбийцами Тугухунь были весьма тесными еще в середине VII в. Эти связи были прерваны лишь под сильным китайским давлением, а окончательно исчезли только после разгрома Тугухунь тибетцами в 663 г. Весьма вероятно поэтому и очень раннее проникновение сяньбийцев в цянскую среду, и частичное смешение с ними.

В начале III в. н. э. часть племени Тоба, известная в китайских источниках под именем Туфа, отделилась от основного ядра сяньбийских племен и, переправившись на западный берег реки Хуанхэ, откочевала на юго-запад Ганьсу, где под властью этой группы Тоба возникло государство Нань Лян (397–414), известное в тибетских хрониках как страна Нам, или Небесная страна.

Язык сяньбийцев Тоба, как полагают, был языком тюркским с примесью монгольских элементов [Boodberg, 1938. Part I. P. 183, 185]. Однако Ф. В. Томас показал, что язык страны Нам был цянским диалектом [Thomas, 1948. P. 61]. А это может означать, что сяньбийцы Туфа были ассимилированы местными цянскими (тибето-бирманскими по языку) племенами. В литературе не раз отмечалось, что этноним «Туфа», возможно, неслучайно связывают с будущим, известным по китайским источникам наименованием тибетской державы Туфань [Olbricht, 1956. S. 164].

Таков был, возможно, наиболее ранний путь проникновения сяньбийцев в цянскую среду, из которой позднее вышли дансяны. В 310 г. в кукунорских степях возникло сяньбийское государство Тугухунь. В IV–V вв., когда различные государства с иноплеменными правителями сменяли одно другое на всей территории Северного Китая, взаимосвязи и взаимовлияние цянских и сяньбийских, а также других племен были вполне реальными. Поэтому предположения названных выше японских авторов правомерны. Однако и такие широкие связи племен не могут служить твердым основанием к тому, чтобы считать дансянских Тоба сяньбийцами по происхождению или даже утверждать, что объединение дансян под властью Тоба было организовано сяньбийцами.

Именно поэтому первая точка зрения оказывается совершенно противоположной взглядам Отто Франке [Franke, 1954. S. 71] и Эдуарда Шаванна, считавшего теорию возникновения дансянских Тоба от Тоба Вэй выдумкой генеалогов, желавших польстить самолюбию государей Си Ся [Chavannes, 1904. Part 2. P. 205]. Однако недостатком такой точки зрения является ее категоричность, не обоснованная фактами из источников, ибо если не можем сказать твердо «да», то у нас не имеется пока оснований заявлять категорически «нет».

Именно поэтому сторонники третьей гипотезы (например, Петер Ольбрихт), учитывая бесспорно существовавшую связь племен, высказываются более осторожно, говоря лишь о возможном сяньбийском происхождении дансянских Тоба и необязательно от правящего дома Вэй [Olbricht, 1956. S. 154]. Современный японский исследователь дансянских племен Окадзаки Сэйро прихо-

дит к выводу, что твердых доказательств как наличия связи дансянских Тоба с сяньбийскими, так и ее отсутствия в настоящее время нет [Окадзаки Сэйро, 1947. С. 62]. Он безусловно прав.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание исследователей на уже известное высказывание сунского автора Дэн Мин-ши. В своем труде «Критические суждения о книге древних и современных родов и фамилий» Дэн Мин-ши сообщает о фамилии Тоба следующее: «В 20-м году Майхэ (496 г.) был издан указ об изменении [императорской] фамилии [Тоба] на Юань. С этого времени фамилия Тоба начинает распространяться в низших слоях общества и становится простонародной фамилией. [Она] входит в употребление повсюду среди иноземцев. В танское время дансяны, принявшие [эту] фамилию, выделяются в особое племя и дом Тоба [среди них] становится самым сильным» [Дэн Мин-ши, 1936. С. 535–536].

Эта версия, изложенная еще в сунское время Дэн Мин-ши, может, по нашему мнению, пояснить многое. Вряд ли это был контрответ со стороны Сун на притязания тангутских государей вести свое происхождение от Тоба Вэй. Такие притязания, кроме вышеприведенного письма Юань-хао, не зафиксированы в источниках. Значит, они были редки — в китайских источниках сохранилось много из переписки Си Ся и Сун, и такой важный момент вряд ли был бы опущен историками. Шаткость своей аргументации, по-видимому, понимали и сами государи Ся. Кстати, они не прочь были считать себя и потомками гуннского вождя Хэлянь-бобо, основавшего в V в. в Ордосе свое государство Великое Ся.

Несомненно, правящий дом Ся носил фамилию Тоба, что и зафиксировано в китайских историях. И нам кажется, что именно Дэн Мин-ши хорошо истолковал ее появление, указав, что одна из групп дансянов присвоила фамилию Тоба для подкрепления своих прав на гегемонию среди прочих племен. Разъясняется разрыв во времени между гибелью Тоба Вэй и появлением дансянских Тоба. В «Суй шу» не упоминается ни один из сильных дансянских родоплеменных коллективов. Во второй половине VI в. их еще просто не замечали. Появились они в связи с социальными изменениями, происшедшими среди дансянских племен к началу VII в. Родоплеменное объединение Тоба было одним из семи больших дансянских племен, хотя и самым сильным из них. И почему бы этому дому нельзя было подкрепить свое право на верховенство принятием авторитетнейшей в Центральной Азии и Китае фамилии? Ею пользовались точно так же, как позднее фамилией Ли, дарованной китайскими императорами, и фамилией Чжао, полученной от императоров Сун.

В пользу толкования Дэн Мин-ши, против версии о происхождении правящего дома Ся от сяньбийского правящего дома, говорит и то обстоятельство, что во всех ныне известных нам тангутских источниках фамилия Тоба вообще не встречается, хотя сунская история и описывает тангутских государей под этой фамилией. Это, вероятно, была дань традиции. В оригинальных тангутских источниках тангутские государи всегда указываются под своей тангутской фамилией — Вэймин. Текст тангутской оды, воспевающей государей Ся, расшифрованной Н. А. Невским, свидетельствует о глубокой древности этого рода, а фамилия Тоба в тексте оды не упоминается:

«Наша матушка Ама стала (рода) истоком, (это) серебряное чрево и груди златые! Хорошее семя не прерывается и носит название Вэймин» [ТФ. Кн. 1. С. 76].

Следовательно, не исключено, что и задолго до образования тангутского государства фамилия Тоба использовалась тангутскими старшинами больше для переписки с Китаем и иных внешнеполитических нужд.

Совсем недавно китайским исследователем Ван Чжуном было выдвинуто положение о том, что тангутский правящий дом Вэймин произошел от проживавшего в Ганьсу и зависимого от тибетцев племени Вамо. Вэймин периода Сун, по мнению Ван Чжуна, являлось модификацией танского этнонима Вамо [Ван Чжун, 1962. С. 23].

Сведения о Вамо очень малочисленны. Они имеются в «Синь Тан шу» и «Цзы чжи тун цзянь». В «Синь Тан шу» сообщается: «Хуньмо, также зовутся Вамо, наименование племени, зависимого от тибетцев. По существующему у тибетцев законодательству о пленных рабах, когда войска выступают в военный поход, всегда высылают в поход и знатные семьи, и все они берут с собой рабов. В мирное время (эти рабы) живут по разным местам и занимаются земледелием и скотоводством. Когда (Лунь) Куньчжэ поднял мятеж, они не вернулись к (хозяевам), а соединились все в группы по нескольку человек и назвали себя Вамо. Живут в пределах округов Ганьчжоу, Сучжоу, Гаучжоу, Шачжоу, Хэчжоу, Вэйчжоу, Миньчжоу, Кочжоу, Дэчжоу и Танчжоу» [Синь Тан шу. С. 1650].

В «Цзы чжи тун цзянь» в дополнение к этим сведениям говорится: «В этом году (862) Вамо начали представлять дань. Вамо — туфаньское название раба» [Цзы чжи тун цзянь. С. 3030].

В свете этих данных предложенная Ван Чжуном гипотеза вряд ли может быть принята. Она основана на чисто формальном сходстве звучания Вамо и Вэймин. Действительно, совершенно неясно, почему в источниках ничего не говорится, что Вамо — дансянский род. Почему, хотя дансяны в то время уже и проникли в район Алашаня, не упоминается в качестве места их расселения район южного Ордоса — вотчина дансянских вождей? Почему нет упоминаний о связи, если уж не о тождестве, как должно было бы быть, Вамо и Тоба? Тем более что с IX в., к которому относятся сведения о Вамо, эволюция будущего правящего дома Ся хорошо известна и довольно детально отображена в тех же китайских источниках. Совершенно очевидно, что гипотеза Ван Чжуна пока ничем не обоснована.

Таким образом, мы твердо знаем следующее. С начала VII в. правящий род, а затем императорский дом тангутов Ся был известен в китайских источниках как дом Тоба. Это дало в свое время тангутскому государю Юань-хао основание претендовать на родство с северо-китайской, сяньбийской по происхождению, династией Тоба Вэй. Попытки обосновать эту версию известны и у китайских авторов эпохи Сун.

Тем не менее у нас нет твердых данных считать дансянских Тоба ни потомками Тоба Вэй, ни отангутившимися потомками сяньбийцев вообще. Фамилия Тоба не зафиксирована в тангутских источниках, хотя списки тангутских фамилий дошли до наших дней. Тангутские государи носили фамилию Вэймин. В тангутском словаре «Гомофоны» об этих знаках сказано — «человеческая

фамилия», следовательно, рассматривать Вэймин как какой-то непонятный титул нельзя.

Толкование Дэн Мин-ши, возможно, приоткрывает нам путь к пониманию истинной истории принятия одним из сильнейших дансянских родов чужой фамилии для укрепления своего престижа среди соплеменников. Фамилия закрепилась за этим родом, и именно под ней он стал известен в китайских источниках. В период существования Западного Ся китайские историки традиционно обозначали правящий тангутский дом под фамилией Тоба, ибо уже в ту пору было ясно, что нет очевидных данных для того, чтобы считать тангутских государей потомками императоров Северной Вэй. Тангутские же императоры и их многочисленные родственники носили внутри страны только свою тангутскую фамилию Вэймин. Отождествление этой фамилии с упоминаемым в китайских источниках племенем Вамо, предложенное Ван Чжуном, пока не обосновано.

Вместе с тем у нас нет оснований отвергать существование всякого взаимоконтакта сяньбийских и дансянских племен. Как показывают источники, в плане политическом такие контакты были очень широки. Не исключено, что сяньбийцы могли участвовать в этногенезе дансянских — тангутских — племен. Исследование происхождения дансянских Тоба в этом плане могло бы дать очень многое, но пока существующие сведения противоречивы, небесспорны и решение вопроса во многом будет зависеть от получения новых материалов.

ИЗ ИСТОРИИ ТАНГУТСКО-УЙГУРСКИХ ВОЙН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

В конце X в. в южной части современного Ордоса, в центральном районе западной Шэньси (на территории современных уездов Хэншань, Юйлинь, Мичжи), появилось новое тангутское государство Си Ся. Оно было создано народом, известным в китайских источниках под именем *дансян*, в тибетских — *миняг* и у тюрко-монгольских народов — *тангут*.

В V–VII вв. н. э. тангуты были аборигенным населением территории современного Амдо[1]. В середине VII в. (около 660 г.) под угрозой тибетского завоевания часть тангутских (дансянских) племен получила разрешение китайского правительства переселиться на северо-восток, в район современного города Цинъян. Постепенно тангутские племена заселили весь Ордос, часть их переправилась на север за реку Хуанхэ и признала вассальную зависимость от киданьского государства Ляо. В то же время в течение VIII–X вв. тангуты постоянно продвигались на запад, в районы Наньшаньских гор и Алашаня, вплоть до реки Эдзин-Гол. В X в. большой район Центральной Азии оказался заселенным тангутами. Однако тангутское население было монолитным только в районе Ордоса, к северу и югу от Великой Китайской стены. В остальных районах тангуты жили смешанно с тибетскими и тюркскими племенами, главным образом уйгурами.

В 982 г. тангутский старейшина Тоба Цзи-цянь начал открытую борьбу против китайского двора. К началу XI в. ему удалось овладеть всей территорией Ордоса, за исключением города Линчжоу.

Резкое усиление тангутов вызвало беспокойство их западных соседей — тибетцев и уйгуров[2].

Тангутские племена оттесняли уйгуров на запад, они отрезали им путь к выгодным китайским рынкам. Поэтому уйгуры стремились установить связь с Китаем для совместной борьбы против тангутов. Уже в 1001 г. к сунскому двору прибыло посольство от уйгурского хана Люй-шэна, который просил, «что-

[1] Амдо — горная страна на северо-востоке Тибетского нагорья, к югу от озера Кукунор.

[2] Мы опускаем всю политическую историю уйгуров до их столкновения с тангутами и отсылаем читателя к некоторым работам, где он найдет отдельные сведения по этому вопросу. См.: [Радлов, 1893; Якубовский, 1947; Позднеев, 1899; Hamilton, 1955].

бы ему позволили внести вклад в обуздание Цзи-цяня» [Сун ши. Хуйху чжуань, 1836. Цз. 490. С. 13а].

Однако посольство 1001 г. было неудачным. По старым традициям, не слишком доверяя своим западным союзникам, готовым в любую минуту стать врагами, китайцы довольно сдержанно отнеслись к предложению уйгуров и аналогичному предложению тибетцев, но окончательно не отказались от их помощи.

Для координации действий китайских войск с тибетскими и уйгурскими был послан китайский чиновник Юй Цинь-лун [Дай Си-чжан. Гл. 3. С. 10а; далее — Си Ся цзи]. Но решительные действия тангутов и взятие ими в 1002 г. города Лянчжоу ликвидировали угрозу полного окружения и прервали прямую связь Китая с Западом [Ло Фу-чан, 1937. Цз. 485. С. 8а]. Отныне перед тангутскими войсками был открыт путь на запад.

В 1004 г. в борьбе с тибетскими племенами области Линчжоу погиб первый государь княжества Си Ся Цзи-цянь. Умирая, он завещал своему сыну Дэ-мину любыми усилиями добиться мира с Китаем и укрепить свое государство. В 1006 г. Дэ-мину удалось заключить мирный договор с Сун [Си Ся цзи. Цз. 4. С. 13б]. Этот договор гарантировал тангутам безопасность восточных границ. Поэтому вся наступательная энергия тангутов была перенесена на запад.

Молодое тангутское государство стремилось к расширению своих границ. Возможности агрессии на север против Ляо и на восток против Сун были исключены. И там и тут тангутам противостояли могучие армии двух сильнейших держав тогдашнего Востока, от которых тангуты могли отстоять свою независимость, но добиться значительных успехов в войне с ними они были не в состоянии.

Иная картина была на западе. Некогда великая туфаньская держава лежала раздробленная на мелкие племенные и феодальные княжества, раздираемые религиозной борьбой. Почти в таком же состоянии находились и уйгурские владения, растянувшиеся от Хуанхэ до Ферганской долины[3].

Притязания тангутов на западные земли подкреплялись тем, что часть этих земель была заселена тангутскими племенами, проникшими туда в IX–X вв.

О наличии в Алашане племени минягов, т. е. тангутов, упоминают китайские источники. В «Сун ши» есть сведения о роде Мино, жившем близ города Лянчжоу [Сун ши. Цз. 7. С. 9б–10а] округа Минго, к югу от пустыни Гоби, указаны на ранней Сунской карте, выгравированной на камне [Stein, 1951. P. 231]. Все эти племена были тангутскими или родственными тангутам, и объединение их под властью Тоба способствовало образованию единой тангутской народности и укреплению тангутского государства.

Важной причиной тангутского наступления на запад была давнишняя вражда уйгуров и тибетцев с тангутами и то обстоятельство, что именно в войне на западе погиб отец Дэ-мина Цзи-цянь.

С тех пор как тангуты приобрели самостоятельность и начали враждовать с Сун, они постоянно перехватывали уйгурские посольства с данью, направлявшиеся в Китай, грабили их, а послов обращали в рабов [Цзю у дай ши, 1935.

[3] В китайских источниках сообщается, что «убежавшие на запад хуйху жили в это время рассеянно по стране и управлялись разными лицами» [Позднеев, 1899. С. 119].

Цз. 138. Т. 28. С. 612]. Уйгурские купцы, сопровождавшие посольства, везли в Китай породистых коней, отличные луки и стрелы, знаменитые уйгурские ковры. Раньше уйгурские посольства направлялись в столицу Китая через территорию Си Ся, а когда тангуты стали нападать на них, уйгурские купцы и послы ездили в Китай через земли тибетских племен в районе озера Кукунор и города Синин. Частые нападения тангутов на уйгурские посольства только разжигали вражду между этими народами. Кроме того, Дэ-мин был полон решимости отомстить за гибель отца и уже в 1007 г. думал напасть на Лянчжоу и уйгуров. При китайском дворе узнали о готовящемся походе тангутов и срочно послали гонцов предупредить тибетского старейшину Сыдоду и рекомендовали ему заключить союз с уйгурами против тангутов [Сун ши. Туфань чжуань, 1836. Цз. 492. С. 9а–9б]. Подготовленность противника заставила тангутов отложить предполагавшийся поход, но не отказаться от него. В начале 1008 г. Дэ-мин отдает приказ о нападении на уйгуров [Си Ся цзи. Цз. 6. С. 1а], но начавшаяся в Си Ся засуха вновь отсрочила выступление тангутской армии.

И все же в этом году большая тангутская армия под командованием полководца Вань-цзы выступила в поход против уйгуров. Лянчжоуские уйгуры и местные тибетские племена объединили свои силы и были готовы к обороне. Командующий союзной армией уйгурский хан Шижо не вступал в сражение, выжидая тактического промаха со стороны тангутского полководца. Он устроил засаду и заманил в нее тангутскую армию. Тангуты потерпели страшное поражение. Почти вся их армия была уничтожена, а оставшиеся в живых попали к уйгурам в плен. Всю захваченную добычу и пленных уйгуры угнали в степь. Лишь самому Вань-цзы удалось спастись. Боясь гнева Дэ-мина, он бежал в китайскую крепость Чжэньжунцзюнь и сдался Сун. Выслушав его сообщение о разгроме тангутской армии, китайский император сказал: «Уйгуры постоянно совершают убийства. Они были извечными врагами Цзи-цяня. Послы из Ганьчжоу также сообщают, что Дэ-мин нападает на них и притесняет их. Отсюда можно заключить о мощи его армии. Дэ-мин — нелегкий враг» [Сун ши. Хуйху чжуань. Цз. 490. С. 13б–14а; Си Ся цзи. Цз. 5. С. 2а–2б].

Действительно, китайский император не ошибся. Дэ-мин был нелегким врагом. В четвертом месяце 1009 г. тангутские войска снова напали на уйгуров, на этот раз в Ганьчжоу. Двадцатитысячная тангутская армия под командованием Чжан Пу подошла под стены города. Хан Елогэ ночью совершил вылазку и разбил тангутов [там же. С. 46].

Тангуты просили у сунского двора разрешения закупить в Китае луки и стрелы, но получили отказ [Си Ся цзи. Цз. 5. С. 3б]. Оружие было нужно тангутам для продолжения войны с уйгурами. Собственные тангутские луки уступали по качеству китайским и, очевидно, уйгурским. Они были с кожаной тетивой, которая размокала во время дождя или снегопада, отчего оружие выходило из строя. Китайские источники не раз отмечают, что у тангутов «луки были слабы, а стрелы коротки» [там же. Цз. 2. С. 6а].

В конце 1009 г. Дэ-мин снова хотел отправить войска в поход на Ганьчжоу, но отказался от него, потому что «днем были видны звезды», а это у тангутов считалось нехорошей приметой [Ло Фу-чан, 1937. Цз. 485. С. 10а]. В 1010 г. тангуты снова напали на уйгуров в Ганьчжоу и тибетские войска в Цзунгэ (близ

города Синин) [там же. С. 10б]. Чем завершился этот поход — неизвестно. В 1010 г. заканчивается первый этап тангутско-уйгурских войн. Он не принес тангутам никакого успеха. Тангутские армии терпели одно поражение за другим.

Войны уйгуров с тангутами, относящиеся к этому периоду, возможно, нашли отражение в тюркских народных песнях, отрывки из которых приводятся в «Книге свода тюркских наречий» Махмуда Кашгарского (Махмуд ибн ал Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари, сочинение 1073–1074 гг.). Нам кажется, что в имеющихся там двух стихотворных отрывках, по-видимому, рассказывается о разгроме уйгурами тангутской армии под командованием Вань-цзы. В одном из них говорится: «Эмир выкрал себя из войска и схоронился, пока не нашли случая и возможности, тогда почтил его Аллах всевышний победой и поэтому поднялась пыль власти и счастья» [Книга свода тюркских наречий, 1914. С. 253][4]. Этот отрывок очень напоминает сообщение китайских источников о разгроме ханом Шижо армии Вань-цзы, и мы считаем возможным высказать предположение, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии. Тем более что дальше, в другом стихотворном отрывке, рассказывается, что «враг напал ночью на войско тангута [а это управляемая область вблизи ас-Сина (Китая)] в сильный холод, чтобы оно не нашло победы. Затем насмеялся над ними, так что пригнал их конницу и пехоту в подарок нам. И [тот тангут] опустил свою голову перед тем, что вытерпел от испытаний»[5]. Несомненно, и этот отрывок из древней тюркской песни можно отнести к этому же периоду тангутско-уйгурских войн, столь неудачному для тангутов.

Понесенные поражения заставили тангутов на время отказаться от агрессивных планов на западе. Начиная с 1010 г. 18 лет тангуты не предпринимали самостоятельных военных действий против уйгуров, но никогда не упускали случая досадить своим врагам.

В 1016 г. ганьчжоуские уйгуры напали на Лянчжоу. Область Лянчжоу, населенная уйгурскими, тибетскими и тангутскими племенами, не входя в состав государства Си Ся, видимо, в какой-то мере признавала в это время власть тангутов. Дэ-мин послал для обороны города полководца Су Шоу-синя с семитысячной армией. Су Шоу-синь контролировал действия местных племен, и они не осмеливались перекочевывать в другие местности. После смерти Су Шоу-синя его сын Лома вступил в правление областью. Народ не подчинялся ему. Пользуясь этим, ганьчжоуский хан Елогэ напал на Лома, разбил его армию и взял в плен более ста его родственников. Сам Лома бежал. Город Лянчжоу остался за уйгурами [Си Ся цзи. Цз. 5. С. 12б]. Осенью 1017 г. Лома просил уйгуров возвратить ему Лянчжоу. Местные племена тоже обратились за помощью к Дэ-мину. Но уйгуры в союзе с тибетцами смогли отразить нападение Лома [У Гуан-чэн, 1836. Цз. 10. С. 6б; далее — Си Ся шу ши], которому, по-видимому, помогли тангуты. В 1018 г. тангуты ограбили уйгурское посольство, направлявшееся в Китай [Сун ши. Хуйху чжуань. Цз. 490. С. 14б].

---

[4] Автор пользовался любезно предоставленным ему К. Б. Старковой рукописным переводом части «Книги свода тюркских наречий», за что, пользуясь случаем, приносит свою искреннюю благодарность [Рукопись. С. 29].

[5] Там же. С. 258, 29б.

Мусульманские авторы сообщают, что в 1017–1018 гг. уйгуры подверглись большому нашествию армий с востока. В 408 г. хиджры (1017–1018) «несметное число неверных двинулось из Хатайских стран и, разоряя попутные места, приблизилось уже на три станции не доходя до Баласагуна [на реке Чу]... Тоган-хан, сделав воззвание ко всеобщему ополчению, успел собрать до 120 000 войска, и, хотя число неверной рати простиралось до 200 000 кибиток, оно, прослышав о сборе мусульман, обратилось опять восвояси. Тоган-хан преследовал ее в течение трех месяцев, наконец настиг, когда неприятель не ожидал его, и около 100 000 человек побил, да такое же число полонил...» [Григорьев, 1874. С. 10]. Радлов предполагал, что, «несомненно, это было войско, состоявшее из кочевых уйгуров (христиан или язычников), если мы здесь не имеем дела с первым напором тибетцев, которые... через 10 лет после того отняли у уйгурских ханов области, граничившие с Китаем» [Радлов, 1893]. Под тибетцами в данном случае Радлов понимает тангутов. Однако китайские источники ни о каком походе тангутов против уйгуров в 1017–1018 гг., тем более в Синьцзян, не упоминают.

В 1026 г. кидане начали поход на Ганьчжоу. Причиной, вызвавшей нашествие киданей, был отказ правителя Ганьчжоу Арслана признать сюзеренитет Ляо. На помощь киданям выступила тангутская армия. Кидани три дня штурмовали Ганьчжоу, но не смогли овладеть городом и сняли осаду. Тангутская армия также возвратилась [Си Ся шу ши. Цз. 10. С. 14б–15а].

В 1026 г. началось новое большое наступление тангутов на уйгурские земли. Мы не знаем подробностей этой кампании. Известно лишь, что в шестом месяце 1028 г. сын Дэ-мина Юань-хао овладел Лянчжоу, а затем и Ганьчжоу [Си Ся цзи. Цз. 5. С. 23б]. Ганьчжоуский хан Елогэ сжег сам себя, а его жена и сын попали к тангутам в плен [ССЦШБМ. Цз. 10. С. 1а].

В «Сун ши» сообщается, что в 1030 г. тангутам сдался правитель Гуачжоу уйгурский хан Сяньшунь [Сун ши. Ся го чжуань. Цз. 485. С. 12а]. Китайские историки подвергают сомнению достоверность этого факта, ссылаясь на отдаленность Гуачжоу и то, что в «Хуйху чжуань» это событие не зафиксировано [Си Ся шу ши. Цз. 11. С. 4б; Си Ся цзи. Цз. 55. С. 25а]. Возможно, что в «Ся го чжуань» действительно допущена ошибка, однако не исключено, что после побед Юань-хао один из уйгурских ханов признал вассальную зависимость от тангутов.

Через восемь лет после овладения Лянчжоу и Ганьчжоу Юань-хао продолжил свои завоевания и в 1036 г. овладел округами Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу [Сун ши. Ся го чжуань. Цз. 485. С. 14а], расширив границы тангутского государства до Хамийского оазиса (Синьцзян).

Этот заключительный этап тангутско-уйгурских войн также нашел отражение в тюркском песенном творчестве.

Два других отрывка из тюркской песни, приведенные в словаре Махмуда Кашгарского, рассказывают именно об этом периоде борьбы уйгуров с тангутами.

Все события, о которых говорится в этих отрывках, развиваются у города Хатун-сыны (Katun sini в современном турецком написании). По сведениям Махмуда Кашгарского, город Хатун-сыны был расположен «между Китаем и

Тангутом» [Divanu, 1943. P. 138]. На первый взгляд кажется, что автор допустил неточность, так как уйгурский город никак не мог находиться на восточной границе Си Ся, между Китаем и Тангутом. Однако здесь нет никакой ошибки. Дело в том, что в данном случае под словом «Китай» — Cin (Чин) следует понимать не сунское государство (которое было известно под именем Ма-Чин, очевидно, от индийского Маха Чин — Великий Китай, восходящего к китайскому Да-Цинь), а киданьскую империю Ляо. Западная граница ее, включая и вассальные киданям племена дадань, проходила как раз по южной окраине пустыни Гоби, и город Хатун-сыны должен был находиться между юго-западной границей Ляо и западной границей Ся. Действительно, точно таким образом местоположение города Хатун-сыны указано на карте, приложенной Махмудом Кашгарским к его описанию расселения тюркских племен. Этот город находился к востоку от центра расселения уйгурских племен (в данном случае провинции Синьцзян) и к северо-западу от сунского Китая (Ма-Чин), т. е. на восточной границе владений уйгурских племен с территорией Си Ся.

В тексте песни рассказывается, что народ Хатун-сыны враждовал с народом Тангута. Население Хатун-сыны очень страдало от этой вражды. Сражения были кровопролитными, и «кровь текла, словно журчащая вода» [Divanu, 1943. P. 138]. Далее рассказывается, что тангутский хан перехитрил хана Хатун-сыны и разгромил его войска. «Побежденных и родню хана опозорил, и враги его были обрадованы. И когда умирающий хан увидел все это, его лицо исказилось [от скорби и гнева]» [ibid. P. 327].

Итак, в этих двух отрывках говорится о разгроме уйгуров тангутами и гибели их хана. Это соответствует сообщениям китайских источников о втором периоде тангутско-уйгурских войн.

Какой же город следует понимать под Хатун-сыны? Это не мог быть город Лянчжоу. Лянчжоу попеременно владели то тибетцы, то уйгуры, не раз он находился под тангутским протекторатом, а население района Лянчжоу было очень смешанным (тибетцы, тангуты и уйгуры). При этом Лянчжоу никогда не был крупной ханской ставкой уйгуров.

Другое дело город Ганьчжоу. Он был столицей уйгуров современной территории провинции Ганьсу, ставкой восточных уйгурских ханов. Ганьчжоуские уйгуры больше всего поддерживали связь с Китаем[6], они были главными врагами тангутов. В 1028 г. Ганьчжоу был взят тангутами, хан Ганьчжоу сжег сам себя, а его жена и сын попали к тангутам в плен. Об этом событии, возможно, и рассказывается в тюркской песне, отрывки из которой приведены у Махмуда Кашгарского.

Вряд ли под городом Хатун-сыны следует понимать другие уйгурские города — Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Эти города не были пограничными с Тангутом и не являлись главной ставкой уйгурских ханов на востоке. Правда, они могли стать пограничными после взятия тангутами Ганьчжоу (1028 г.), но поскольку описываемые в песне события больше совпадают с рассказом китайских источников о падении Ганьчжоу (гибель хана, пленение его семьи), мы

[6] Посольства из Ганьчжоу были в 1004, 1007, 1008, 1011, 1021 и 1027 гг. [Позднеев, 1899. С. 117–120].

считаем, что в тюркской песне рассказывается о войне 1028 г., а под городом Хатун-сыны следует, вероятно, понимать город Ганьчжоу.

Таким образом, долголетние войны тангутов с уйгурами закончились победой тангутов и потерей уйгурами своих восточных владений, которые они никогда не смогли больше возвратить. Часть уйгурских племен откочевала на запад, а часть осталась под властью тангутов. Эти племена «укрылись в горах. Все они были вассалами тангутов и несли повинности» [Си Ся цзи. Цз. 8. С. 20а].

Победа тангутов, хотя и нелегкая, объясняется тем, что молодое тангутское государство имело дело с противником, ослабленным внутренней раздробленностью и враждой между ханами.

Завоевание тангутами земель Принаньшанья и Алашаня имело большое значение для молодого тангутского государства. В Принаньшанье оно получило плодородные пахотные земли, а в Алашане превосходные пастбища, в то время богатые скотом, особенно верблюдами. Верблюд, с которым тангуты познакомились от уйгуров, вскоре занял ведущее место в хозяйстве тангутов-кочевников Алашаня. Позднее, после завоевания Си Ся монголами (1227 г.), разведение верблюдов широко распространилось среди монгольских племен [Владимирцов, 1934. С. 36]. Земледельческая культура уйгуров и проживавших в этих районах китайцев оказала большое влияние на развитие земледелия в Си Ся. Вполне вероятно, что тангуты восприняли и лучшие достижения уйгурского ремесленного производства (особенно изготовление оружия и ковров).

Несомненно, что уйгуры сыграли большую роль в распространении буддизма в Си Ся. Многочисленные буддийские храмы уйгуров[7] продолжали функционировать и при тангутском господстве, а ученые уйгурские монахи были вовлечены в дело пропаганды нового учения среди тангутских племен. Уйгуры проделали большую работу по переводу буддийских сутр с китайского на тангутский язык.

В 1047 г. Юань-хао построил монастырь Гаотай (близ своей столицы города Синцин, современный Иньчуань). В этом монастыре тангутское правительство собирало все пожалованные китайцами сутры. «При монастыре жило много уйгурских монахов, которые обрабатывали присланные китайцами сутры и готовили их для перевода на тангутский язык и записи тангутским письмом» [Си Ся цзи. Цз. 11. С. 9а]. В 1055 г., после получения очередной партии текстов буддийских канонов из Китая, близ столицы был построен новый монастырь Чэнтяньсы, в который эти тексты были переданы на хранение. Тангутский двор, государыня-регентша и малолетний государь Лян-цзо часто посещали этот монастырь. Во время их визитов уйгурские монахи «усаживались на возвышение и вслух декламировали сутры» [Си Ся шу ши. Цз. 19. С. 11б]. В 1067 г. тангутский двор подарил киданьскому двору сутру на санскритском языке и золотую статую Будды вместе с уйгурскими монахами [Wittfogel, Fêng Ch'ia-shêng, 1949. P. 294].

[7] В 982 г. китайский путешественник Ван Янь-дэ писал: «В столице их находится больше 50 храмов, посвященных индийским богам, с библиотекою, содержащею в себе буддийские книги» [Позднеев, 1899. С. 130].

Тангуты составляли подавляющее большинство населения в государстве Си Ся, но тангутская культура восприняла лучшие достижения и традиции других проживающих здесь народов, особенно китайцев, тибетцев и уйгуров. Китайские источники показывают, что представители всех народов, населявших Си Ся, успешно трудились в государственных учреждениях, школах и монастырях. Никаких существенных ограничений по признаку национальной принадлежности, по-видимому, не существовало.

Представители завоеванных тангутами уйгурских племен внесли свой вклад в создание высокой и еще мало изученной культуры Си Ся.

КИТАЙСКИЙ РУКОПИСНЫЙ АТЛАС КАРТ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СИ СЯ, ХРАНЯЩИЙСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА*

Тангутское государство Си Ся (982–1227) играло важную роль в истории Центральной Азии.

В Китае и китайских исторических хрониках тангуты были известны под именем дансянов. В VI–VII вв. дансяны занимали территорию к югу от озера Кукунор, в верховьях реки Хуанхэ. Теснимые тибетцами, они подчинились Китаю и частично были переселены китайским правительством на север, в излучину реки Хуанхэ. Первое переселение дансянов, судя по данным хроник, произошло в 663 г., второе — после 765 г. Постепенно дансянские племена заселили территорию Ордоса и современный Алашань.

В X в. один из дансянских вождей Ли Цзи-цянь отказался подчиниться китайским властям, а в 1038 г. его внук Ли Юань-хао объявил себя императором. Еще до этого Ли Юань-хао провел ряд успешных войн против уйгуров — соседей тангутов; в результате к 1036 г. на западе власть тангутов распространилась на области Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу и Шачжоу. В первой половине XII в. тангуты овладели еще рядом областей к востоку от озера Кукунор. В этих границах государство Си Ся просуществовало до 1227 г., когда оно было уничтожено Чингисханом.

Тангутское государство занимало большую территорию, протянувшуюся вдоль северных склонов Наньшаньских гор. На западе, в районе современных городов Дуньхуана и Юймыня, оно граничило с уйгурами, на севере, в устье реки Эдзин-Гол и по южной границе пустыни Гоби, — с племенами дадань, на севере и северо-востоке, по реке Хуанхэ, — с киданьской империей Ляо, на

* Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 17 апреля 1958 г. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина — Российская государственная библиотека. — *Прим. ред.*)

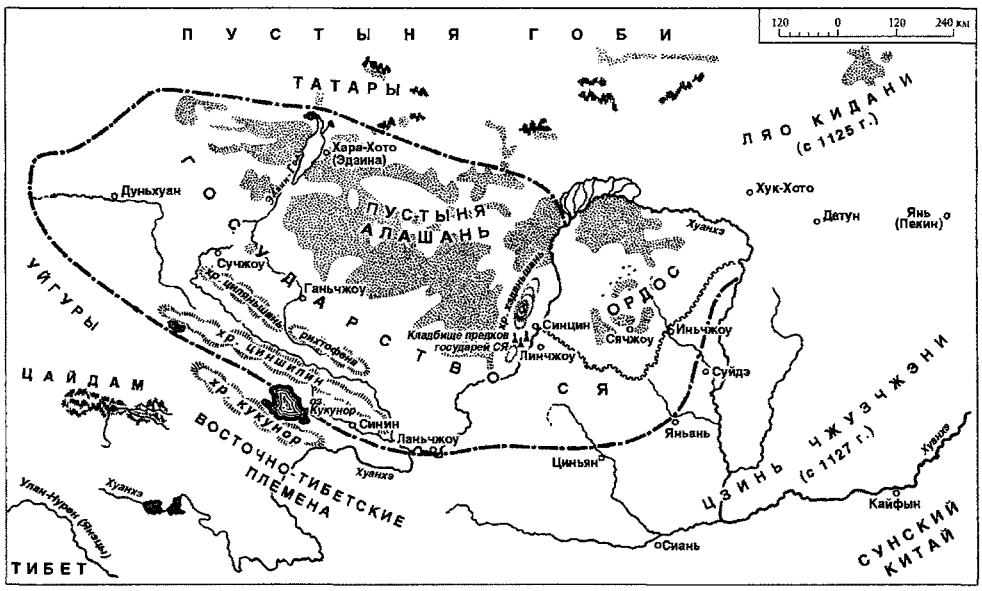

Рис. 1. Карта тангутского государства Си Ся (982–1227) в XI в.

востоке, юго-востоке и юге — с пятью областями Сунской империи: Линьфу, Фуянь, Хуаньцин, Цзинъюань и Сихэ, на юго-западе — с тибетскими племенами.

До нас не дошли подробные карты тангутского государства и его областей, которыми, несомненно, располагали как сами тангуты, так и китайцы[1]. Поэтому естественно, что для всякого, кто интересуется историей государства тангутов, а также Китая и Центральной Азии вообще, большую ценность представляет китайский рукописный атлас карт тангутского государства, хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд № 274 К. А. Скачкова. Рукопись 1250).

Атлас представляет собою отдельную тетрадь объемом 38 страниц[2] в серой бумажной обложке, сброшюрованную обычным старым китайским способом. В рукописи не указаны ни имя автора, ни время составления атласа. Лишь на странице 38 есть красная печатка с надписью «Жэн-мэй-хэ-цзи» 仁美和記. Всего в атласе содержится 13 карт, из которых 12 составлены неизвестным автором атласа, а последняя является воспроизведением старинной китайской карты государства тангутов, составленной еще при династии Сун (X–XIII вв.). Все карты, вычерченные самим автором рукописи, нанесены на сетку и выполнены в масштабе.

[1] Например, одна из таких карт, на которую были нанесены центральные районы государства Си Ся, называлась «Си Ся Хэланьшань-ту». Она упоминается в энциклопедии 通志 (Тунчжи), 72卷, 上海, 1935, 838頁 о.

[2] Страницы указаны карандашом, в европейском порядке, очевидно, при первоначальной обработке рукописи.

На страницах 1 и 3 рукописи помещены, соответственно, семь и одна строка скорописного текста, содержащего названия крупных населенных пунктов на территории государства Си Ся, и указано расстояние их друг от друга. Вторая и четвертая страницы чистые. На пятой — помещено авторское введение к атласу, озаглавленное «Карты Си Ся», в котором говорится: «До наших дней не дошли карты и списки населения Си Ся. Лишь в старинном сочинении "Фань Вэнь-чжэн гун-цзи" 范文正公集[3] помещена карта, составленная автором, жившим еще при династии Сун. Теперь [я] воспроизвожу эту карту из собрания Фань [Вэнь-чжэна] с дополнениями. Указанные на [этой] старинной карте 12 цзяньцзюньсы[4] совпадают с перечнем цзянь-цзюнь-сы в истории династии Сун. Имеется лишь одно небольшое несоответствие: среди округов государства Си Ся, расположенных в пределах [изгиба] реки Хуанхэ и вне его, в Сунской истории назван округ Нань-вэй и нет упоминания об округах Сюнчжоу, Цзинчжоу и Гуйшуньчжоу, а на [старинной] карте указаны округа Сюнчжоу, Цзинчжоу и Гуйшуньчжоу, но нет округа Наньвэй. На карте не указаны области Синин и Цзиши; объясняется это только тем, что пограничная Сунам территория тангутов распространялась лишь на три области: Фуянь, Хуаньцин и Цзинъюань — и на западе не достигала Сихэ. Поэтому и не указаны ни Синин, ни Цзиши. Теперь четыре округа[5] нанесены [мною] на карту на основании древних карт. Перечисленные в Сунской истории 22 округа указаны [мною] на этой карте каждый в отдельности. Помимо этого, из раздела географических описаний Сунской истории и сочинения Цзююй чжи[6] выбраны все перечисленные там крепости, которые только были известны, и на основании этих данных были составлены карты крепостей пяти областей. При этом все они прокомментированы в соответствии с современным делением на округа и уезды, чтобы читатель мог в них разобраться. Хотя все крепости отождествить и не удалось, в основном все они приблизительно отысканы. Что касается [месторасположения] местных населенных пунктов в пределах областей, то везде в качестве критерия были взяты сочинения Юань-хэ чжи[7] и И тун чжи[8]. Если возникали малейшие сомнения, то из предосторожности я оставлял пропуски. Всего [мною] составлено 12 карт — общая карта границ Си Ся, десять карт границ Си Ся и Сун и карта границ Си Ся с киданями, а старая карта приложена в конце».

---

[3] Автором этого произведения является Фань Чжун-янь (989–1052). Он родился в уезде У, рано осиротел, жил в бедности, но усердно учился. В 1008 г. Фань Чжун-янь получил ученую степень и поступил на государственную службу. Когда Ли Юань-хао объявил себя императором и сунский двор начал с ним войну, Фань Чжун-янь был назначен на должность командующего в провинцию Шэньси. Он был образованным и способным человеком и оставил после себя ряд литературных произведений.

[4] Цзяньцзюньсы — управление военным округом в тангутском государстве.

[5] Имеются в виду Синин, Цзиши, Кочжоу и Лэчжоу.

[6] Полное название 元豐九域志 (Юань-фэн цзю юй чжи). Автор 王存 (Ван Цунь). Написано в 1078–1085 гг.

[7] Полное название 元和郡縣志 (Юань-хэ цзюньсянь ту-чжи). Автор 李吉甫 (Ли Цзи-пу). Написано при династии Тан в 806–820 гг.

[8] Полное название 一統志 (И тун чжи). Автор 和珅 (Хэ Шэнь). Составлено в 1765 г.

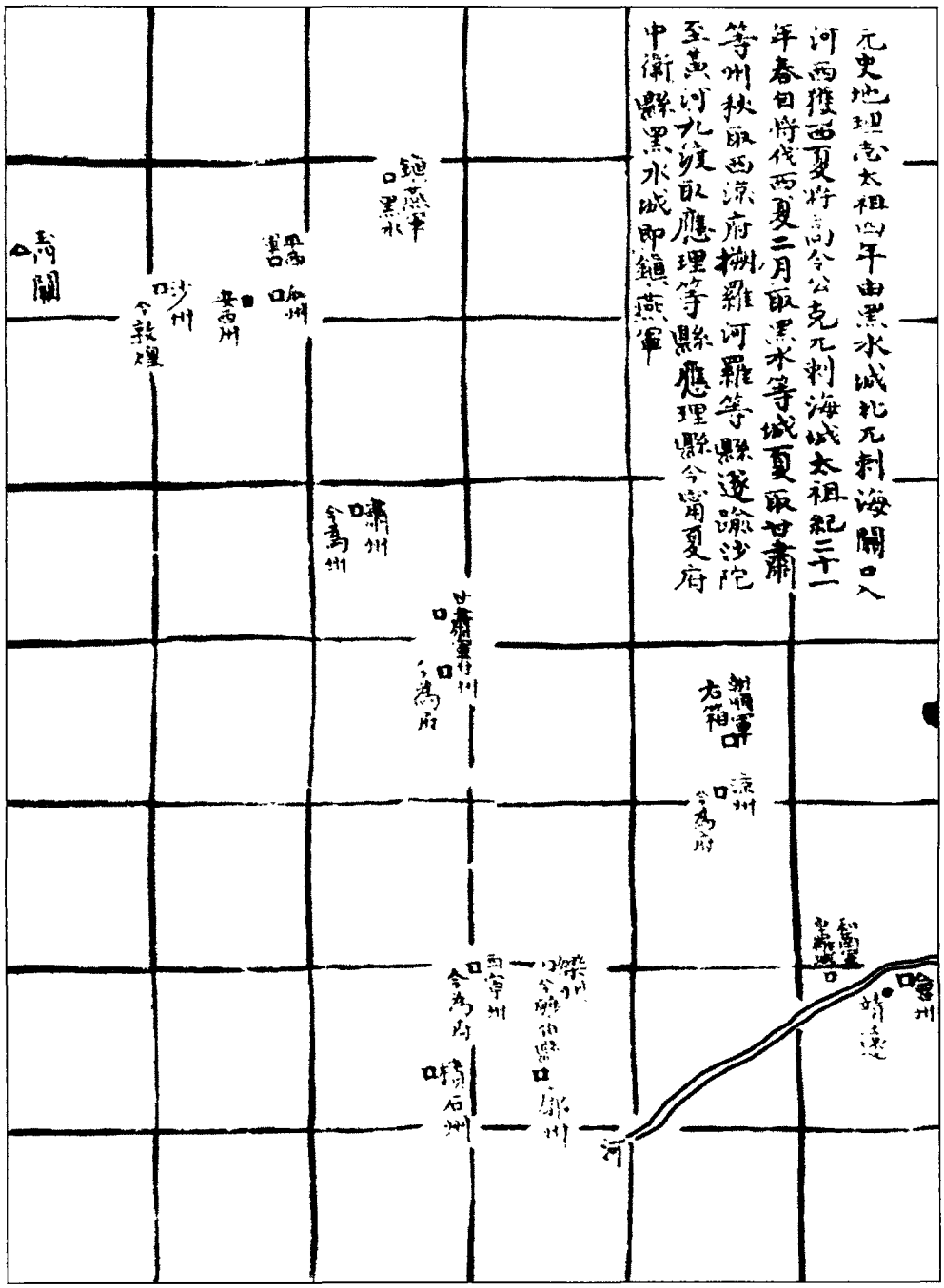

Рис. 2. Карта атласа, изображающая территорию государства Си Ся в излучине реки Хуанхэ (левая сторона)

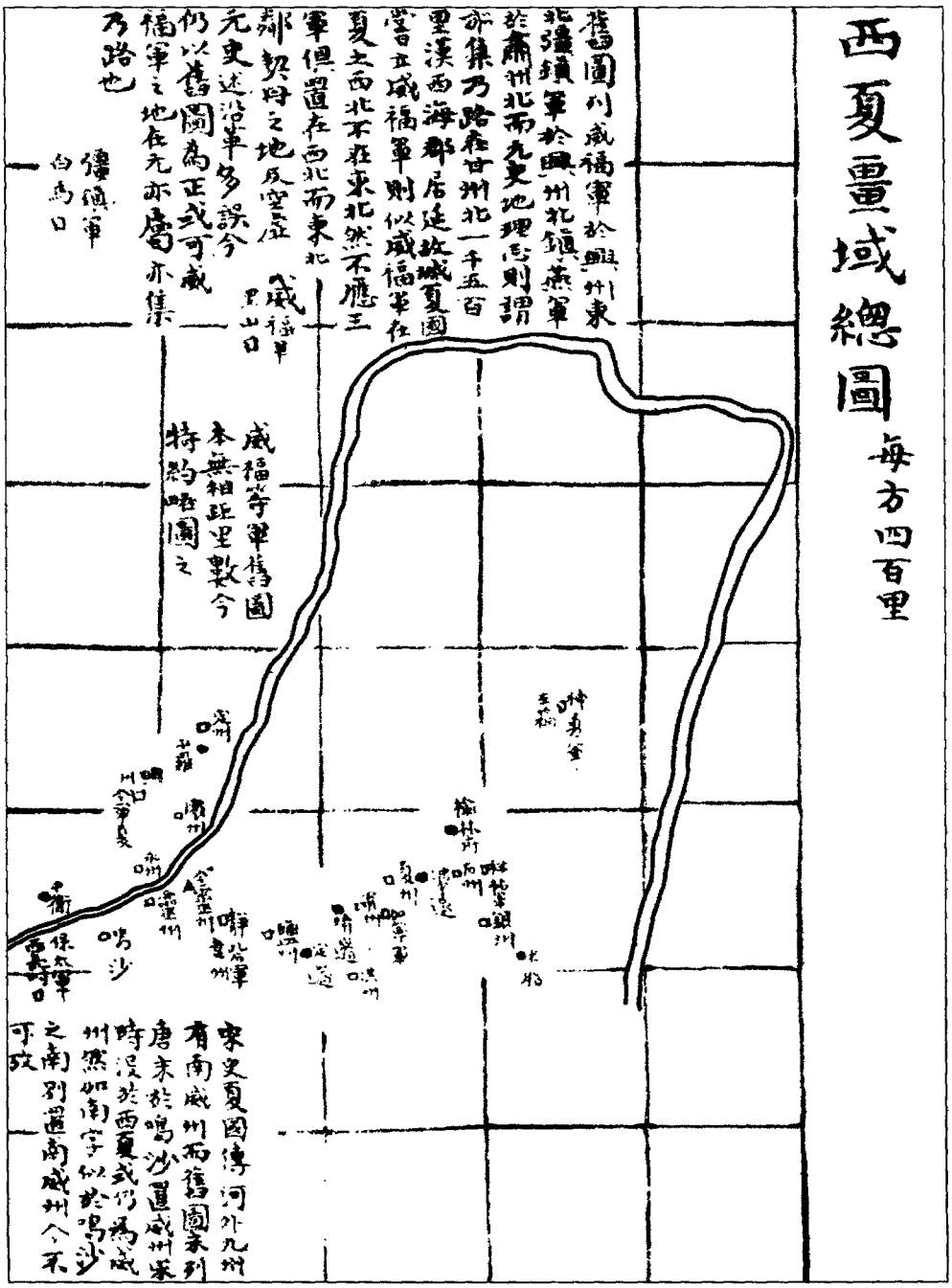

Рис. 3. Карта атласа, изображающая территорию государства Си Ся в излучине реки Хуанхэ (правая сторона)

Карты в атласе расположены в указанном самим автором порядке.

На страницах 6–7 дается общая карта территории государства Си Ся с комментариями, выполненная в масштабе «в каждом квадрате 400 ли», т. е. каждая сторона квадрата в сетке равна 400 ли.

В комментариях говорится:

«1. На старинной карте указано, что армия[9] Вэйфу-цзюнь находится на северо-востоке от Синчжоу, армия Цзян-чжэн-цзюнь — на севере округа Синчжоу, а армия Чжэньяньцзюнь — на севере округа Сучжоу. Но в географическом разделе истории династии Юань сказано: "Область Ицзинай находится на севере от Ганьчжоу, на расстоянии 1500 ли, в древнем городе Цзюйянь-гучэн, области Сихай династии Хань. Когда государство Ся учредило армию Вэйфу-цзюнь, то, вероятно, Вэйфу-цзюнь находилась на северо-западе Ся, а не на северо-востоке". Однако не может быть, чтобы три армии одновременно были расположены на северо-западе, а на северо-востоке, на соседней с киданями территории, наоборот, было бы пусто. В Юань ши в ходе изложения допущено много ошибок. Теперь на основании старинной карты возможно [заключить], что армия Вэйфуцзюнь при Юань также относилась к области Ицзинай.

2. В описании государства Ся, помещенном в Сунской истории, среди 9 округов в пределах [изгиба] реки Хуанхэ и за рекой есть округ Наньвэй, а на старинной карте он не обозначен. В последние годы правления династии Тан в Минша был создан округ Вэйчжоу. В сунское время он попал в руки Си Ся и, возможно, по-прежнему назывался Вэйчжоу, только к названию [округа] добавили иероглиф "Нань" — "юг". Возможно, в южной части Минша особо был создан округ Наньвэй. Теперь это невозможно точно установить.

3. В географическом разделе истории династии Юань сообщается, что Тайцзу [Чингисхан] в четвертом году правления [1209] из Хэйшуйчэня, к северу от заставы Улахай, совершил нападение на Хэси, взял в плен полководца Си Ся Гао Лин-гуна и овладел городом Улахай.

В разделе Тай-цзу цзи сообщается, что в 21-м году правления [1226] весной [Чингисхан] сам возглавил войска и предпринял поход на Си Ся. Во втором месяце он овладел городом Хэйшуйчэн, летом взял Ганьчжоу, Сучжоу и осенью Силянфу и уезд Шолохэло [уезды Шоло, Хэло?]. После этого он перешел пустыню, дошел до Цзюду на р. Хуанхэ, занял уезд Инли. Уезд Инли — это нынешний уезд Чжунвэй департамента Нинся, а Хэйшуйчэн – это Чжэньяньцзюнь».

На страницах 8–9 рукописи помещена общая карта границ Си Ся с областями сунской империи, выполненная в масштабе «каждая сторона квадрата равна 200 ли», с комментарием.

В комментарии говорится:

«По сведениям географического раздела истории династии Сун, назначаемый в прежние времена областной военный комиссар [цзин-люэ-ань-фу-ши] области Циньфэн управлял всего пятью округами и одной армией: округами Циньчжоу, Лунчжоу, Цзечжоу, Чэнчжоу, Фэнчжоу и армией Тунюань-цзюнь. После этого армия Тунюань-цзюнь была отделена, подчинена области Сихэ и

[9] Под словом «армия» в данном случае и в дальнейшем следует понимать опорный пункт, центр дислокации местных войск.

преобразована в округ Гунчжоу. Кроме того, округ Хуйчжоу области Сихэ был подчинен области Цзинъюань. С этого времени все территории, пограничные с Ся, принадлежали к областям Цзинъюань и Сихэ».

Следующие карты подробно указывают расположение крепостей на границе Си Ся и Сунской империи. В атласе карты расположены в следующем порядке:

Стр. 10–11. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Линьфу. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 50 ли».

Стр. 12–13 и 14–15. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Фуянь, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 35 ли». С комментарием на стр. 13.

Стр. 16–17, 18–19. Карта крепостей области Фуянь, ч. 2. Выполнена в том же масштабе.

Стр. 20–21. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Хуаньцин. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли». С комментарием на стр. 20.

Стр. 22–23. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Цзинъюань, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли».

Стр. 24–25. Карта крепостей области Цзинъюань, ч. 2. Выполнена в том же масштабе. С комментарием на стр. 25

Стр. 26–27. Карта крепостей области Цзинъюань, ч. 3. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 80 ли». С комментарием на стр. 27.

Стр. 28–29. Карта (пограничных с Си Ся) крепостей Сунской области Сихэ, ч. 1. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 70 ли». С комментарием на стр. 28.

Стр. 30–31. Карта крепостей области Сихэ, ч. 2. Выполнена в том же масштабе.

Стр. 32–33. Карта северо-восточной границы Ся с киданями. Выполнена в масштабе: «каждая сторона квадрата 100 ли». С комментарием.

Комментарий:

«1. Согласно тому, что живший при династии Мин Аньда[10] построил город в округе Фэнчжоу, а этот город и есть город Гуйхуачэн, г. Фэнчжоу также должен находиться на территории, на которой расположен город Гуйхуачэн.

2. От города Гуйхуачэн на юго-запад до древнего окружного центра Дун-шэн 140 ли.

3. По географическому разделу истории династии Ляо имеющийся округ Цзиньсучжоу не что иное, как армия Хэцин-цзюнь. В сочинении "Юань-фэн цзю юй чжи" сказано, что от Фучжоу на северо-восток до Хэцинцзюнь 220 ли. Что касается Цзиньсучжоу, то его местонахождение неизвестно.

4. По сочинению Хуаньюй цзи[11] от г. Фучжоу до танской крепости Лунчжэнь 150 ли. Так как по сообщению, имеющемуся в географическом раз-

[10] Аньда (Аэрдань) — монгольский князь, который при династии Мин захватил Ордос и подчинил все жившие там племена. Он не раз нападал на китайские границы, но потом признал власть минских императоров и получил титул вана, а на месте своей ставки построил город Гуйхуачэн. Известен как покровитель ламаизма. Умер в последней четверти XVI в.

[11] Полное название 太平寰宇記 (Тай-пин хуаньюй цзи). Автор 樂史 (Юе Ши). Написано в 960–976 гг.

Рис. 4. Копия старинной карты государства Си Ся (левая сторона)

Рис. 5. Копия старинной карты государства Си Ся (правая сторона)

деле истории династии Ляо, округ Нинбяньчжоу происходил от танской крепости Лунчжэнь, то от Нинбяньчжоу до сунского округа Фучжоу было 150 ли».

На стр. 34–35 автор воспроизводит старинную карту Си Ся. Карта не имеет никакого наименования.

Страницы 36, 37, 38 остались незаполненными.

Данный атлас имеет большую научную ценность. Старинная сунская карта Си Ся, воспроизведенная автором атласа из работы Фань Чжун-яня, воспроизведена и в начале некоторых экземпляров сочинения Чжан Цзяня «Си Ся Цзиши-бэнь-мо». Сравнение этих карт показывает, что они лишь очень незначительно отличаются друг от друга, главным образом тем, что на рукописной карте применены более древние формы написания иероглифов, чем на печатном экземпляре в «Си Ся Цзи-ши-бэнь-мо». Об этом предположительно говорил еще Пельо, когда он, будучи в Москве, ознакомился с данным рукописным атласом [Pelliot, 1932. P. 105].

По нашему мнению, атлас был составлен в XIX в. Об этом говорит приведение параллельно со старыми наименованиями современных автору наименований городов (например, город Сичжоу назывался Дидао только при династии Цин. В сунскую эпоху он назывался Сичжоу, при династии Мин — Линьтао, современный город Линьсянь), использование работ, составленных при минской династии (И тун чжи составлено в 1765 г., вторая редакция — между 1796 и 1821 г.). Все карты составлены на сетках квадратов, стороны которых равны 2 см. По-видимому, автор атласа был хорошо знаком с европейской системой мер.

Атлас представляет большую ценность не только благодаря воспроизведению старой карты сунской эпохи, ставшей библиографической редкостью и, кстати, совершенно не вошедшей в научный оборот. Автор атласа на основании этой карты критически пересмотрел данные других китайских источников и составил свои карты, которые должны прочно войти в обиход каждого, кто займется изучением истории государства Си Ся. Несомненный интерес они представляют и для историков, изучающих историю государств Ляо, Цзинь, раннюю историю монголов и историю уйгуров.

Воспроизведенная автором атласа старинная карта Си Ся, по-видимому, была составлена в 1066–1081 гг. На карте указано расположение армий, установленное Ли Юань-хао в 1036 г. Действительно, как и отмечено в авторском предисловии, названия всех армий совпадают[12]. Город Ланьчжоу на карте обозначен в составе тангутского государства. Тангуты владели им очень недолго — с 1063 до 1081 г.[13] Город Суйдэ, бывший окружной центр тангутского государства Суйчжоу, указан уже в составе сунской империи. Известно, что он был взят китайцами в 1066 г.[14] Таким образом, карта была составлена после 1066 г. и ранее 1081 г.

---

[12] За исключением маленького несходства в наименовании одной из них. Армия Сишоубаотайцзюнь на карте названа Юншоубаотайцзюнь.

[13] 西夏紀 • 甲子歲 (1924 年) 朝立春日開聚鐵錫章海王册、京華印書局刷印, 16 卷, 9a, 頁, 116 頁 [Си Ся цзи].

[14] 宋史 [Сун ши] 道光十六年重修 (1836 年), 485 卷, 23a 頁.

Из этого вывода вытекает и другое заключение: Фань Чжун-янь, из собрания сочинений которого воспроизведена данная карта, сам не мог быть ее автором, так как умер в 1052 г. Вероятно, карта была составлена каким-то другим неизвестным автором, а уже после смерти Фань Чжун-яня вошла в собрание его трудов.

Старинная сунская карта помогает еще раз проверить точное местоположение центральных округов Ся — Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу, Яньчжоу и др. Она дает возможность установить местонахождение городов Шичжоу (石州), Хуайчжоу (懷州) и Юнчжоу (永州), которое до этого оставалось неясным[15]. Карта помогает точно установить места дислокации тангутских армий и центры военных округов, один из которых, Чжэньянь-цзюнь в городе Хэйчэн, расположенный на реке Хэйшуй [Эдзин-Гол], можно смело отождествить с городом Хара-Хото, 50 лет тому назад обогатившим науку ценной коллекцией тангутских рукописей.

Карта содержит и другие важные указания.

К западу от столицы Си Ся — города Синцинфу, к югу от горы Мунэй и востоку от горы Линъушань указано место захоронения тангутских императоров. Очевидно, когда составлялась карта, здесь были похоронены императоры Дэ-мин и Юань-хао. Первой столицей государей Ся был стольный город их предков Сячжоу. Овладев городом Линчжоу, Цзи-цянь переименовал его в Сипинфу и в 1003 г. перенес туда свою столицу [Си Ся цзи. Гл. 3. С. 16а, б]. В 1020 г. его сын Дэ-мин перенес столицу за реку Хуанхэ, в крепость Хуайюаньчжэнь, которую он переименовал в Синчжоу [там же. Гл. 5. С. 15а]. В 1033 г. Юань-хао переименовал Синчжоу в Синцинфу [там же. Гл. 6. С. 4а].

По-видимому, до 1003 г. кладбище государей Ся находилось близ города Сячжоу, где, по сведениям китайских источников, совершалось поклонение душам предков.

Организация археологической разведки в указанном на карте районе и раскопки этих могил в случае их обнаружения, возможно, обогатили бы науку многими новыми материалами по истории Си Ся[16].

На карте обозначен главный путь, по которому тангуты совершали свои походы на Китай. Он проходил от города Линчжоу, через Яньчжоу на китайские города Яньаньфу, Цинчжоу и Хуаньчжоу и армию Баоань-цзюнь.

На карте менее подробно обозначены западные границы Си Ся. Это объясняется тем, что по причине своей удаленности они были менее известны китайцам, да, вероятно, и меньше интересовали их.

На карте совершенно не указаны четыре области Си Ся, занимавшие территорию к востоку от озера Кукунор (Синин, Цзиши, Кочжоу и Лэчжоу). Причина этого, действительно, заключалась в том, что в это время территория Си Ся

[15] 西夏書事青浦吳廣成西齋纂道光乙酉年金集 (1826 年) ○ 北平隆福寺文奎堂影印36卷, 2a 頁 [Си Ся шу ши].

[16] На карте, помещенной в «Си Ся цзи-ши-бэнь-мо», местонахождение могил императоров Ся также указано к западу от столицы. Сообщение об этом имеется в статье: [Stein, 1951. P. 231]. Поскольку карты почти совпадают, в качестве рабочей гипотезы можно было бы предположить, что автором рукописи является Чжан Цзянь, автор труда «Си Ся цзи-ши-бэнь-мо», написанного в год правления императора Гуань-сюя.

на западной границе Сунской империи «не достигала Сихэ», как объясняет автор рукописи в своем предисловии. В XI в. эти земли принадлежали тибетскому правящему дому Цзюэ, самым выдающимся представителем которого был Цзюэсыло[17]. Еще в 1084 г. тангуты посылали послов в Цинтан (Синин) и хотели воспользоваться посредничеством тибетцев, чтобы добиться примирения с сунским двором [там же. Гл. 18. С. 4–6]. Лишь в 1136 г. тангуты овладели городами Синин и Лэчжоу [там же. Гл. 23. С. 17а].

Имеющееся в «Сун ши» перечисление округов государства Си Ся относится, по-видимому, к концу XII — началу XIII в. и поэтому не совпадает с данными карты, составленной в середине XI в.

Можно надеяться, что опубликование этого краткого сообщения об атласе вызовет интерес к нему и рукопись, свидетельствующая о большой эрудиции и изумительном трудолюбии неизвестного автора, станет достоянием широких кругов читателей и будет введена в научный обиход.

[17] Монгольский ученый Дамдинсурэн отождествляет его с известным героем тибетского и монгольского эпоса Гэсэром [см.: Дамдинсурэн, 1957].

ГОСУДАРСТВО СИ СЯ*

ТЕРРИТОРИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СИ СЯ

Новый государь Си Ся — Вэймин (Тоба) Юань-хао родился в 1003 г. Его детское имя — Вэйли, что по-тангутски значит «любящий почести и богатство» [СШ. Гл. 485. С. 3786]. Судя по описаниям китайских источников, это был талантливый человек, с непоколебимой волей, суровым и жестоким характером, кипучей энергией и дерзновенными помыслами [см.: там же; ССШЛ. С. 3; ЛПЦ. Гл. 20. С. 5а]. В детстве он получил хорошее образование, владел китайским и тибетским языками и мог читать и писать по-китайски и по-тибетски. Юань-хао хорошо изучил буддийские каноны и был отменным знатоком военного дела. Юношеские годы он провел за учением, в охотничьих прогулках и военных упражнениях. Он любил посещать пограничные рынки и подолгу беседовал с купцами из Китая, Ляо и с далекого Запада. Встречавшийся с Юань-хао китайский чиновник Цао Вэй отозвался о нем как об «истинно талантливом человеке» [ССЦ. Гл. 5. С. 246]. Юань-хао не одобрял мирной политики отца и был принципиальным сторонником разрыва мирных отношений с Сун. Он считал, что тангуты, «рожденные смелыми», должны «властвовать над Китаем». После того как в 1028 г. возглавляемые 25-летним Юань-хао тангутские войска овладели Ганьчжоу и Лянчжоу, он официально был объявлен наследником престола [см.: СШ. Гл. 485. С. 3786].

В 1031 г.[1] Юань-хао стал государем Си Ся. Киданьские послы вручили ему грамоту на титул вана Ся, а сунский двор прислал свидетельство на титул Сипин вана (вана, умиротворителя Запада). Молодой тангутский государь с первых дней своего правления дал понять, что он тяготится опекой своих могущественных

---

* Из кн.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 57–78, 132–136.

[1] Осабэ Кадзуо считает, что Юань-хао стал государем Ся в 1032 г. [см.: Осабэ Кадзуо, 1933. С. 35]. Осабэ Кадзуо детально исследовал хронологию тангутского государства, зафиксированную в «Сун ши», «Ляо ши» и других китайских трудах начиная с правления Юань-хао. Составленные им хронологические таблицы представляют большую ценность и положены в основу нашего «Очерка». Однако, по нашему мнению, не исключено, что Юань-хао вступил на престол в последние месяцы 1031 г., и в данном случае мы следуем хронологии, принятой в труде Дай Си-чжана «Си Ся цзи».

соседей. Принимая от сунского посла свидетельство на титул, Юань-хао, обращаясь к придворным и гостям, многозначительно заметил: «Прежний ван допустил большую ошибку. Имея такое (сильное. — *Е. К.*) государство, он признавал себя Вассалом!» [ССЦШБМ. Гл. 10. С. 26]. Юань-хао сразу же отказался от китайской фамилии и в дипломатических документах, направляемых Сун, подписывался тангутской фамилией Вэймин. Одновременно он принял тангутский титул уцзу, соответствовавший китайскому хуанди — император [см.: СШ. Гл. 485. С. 3786]. С 1032 г. Юань-хао ввел в Си Ся свой собственный девиз лет правления [там же]. По существовавшим в те времена нормам международных отношений это был прямой отказ от признания зависимости со стороны более могущественного государства, короче говоря, это был прямой вызов Китаю. Стремясь упрочить внутреннее положение страны, Юань-хао решил прежде всего ликвидировать племенную раздробленность тангутов. Он ввел в Си Ся строгие военные законы, с помощью которых подчинил все племена [там же].

Начиная с 1033 г. Юань-хао проводит серию реформ, в результате которых тангутское государство оформляется не только территориально, но и приобретает те государственно-административные и социальные формы, которые просуществовали вплоть до его гибели.

Как уже упоминалось выше, в результате тангутско-уйгурских войн тангуты расширили границы своего государства вплоть до Хамийского оазиса. Через 100 лет они присоединили к своим владениям еще земли четырех округов в районе между рекой Хуанхэ и озером Кукунор (город Синин и прилегающие к нему области). В этих границах тангутское государство просуществовало до завоевания его монголами.

В 1036 г. в состав тангутского государства входили округа Сячжоу, Иньчжоу, Суйчжоу, Ючжоу, Цзинчжоу, Линчжоу, Яньчжоу, Хуйчжоу, Шэнчжоу, Эрчжоу (Ордос и прилегающие районы), Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу [см.: СШ. Гл. 485. С. 3786] (территория современной китайской провинции Ганьсу).

В 1082 г. в письме тангутов китайскому двору указывалось, что протяженность границ государства Си Ся 10 тыс. ли (рис. 4–5) [там же. Гл. 486. С. 3792]. В общем описании государства Си Ся в «Сун ши» сообщалось, что «длина границ государства Си Ся составляла более 20 тыс. ли» [там же. С. 3796]. Эти данные явно преувеличены. Хотя к территории Си Ся в 1136 г. была присоединена область Синина с прилегающими тремя округами, вряд ли за счет этого протяженность границ могла увеличиться вдвое. Исследование территории Си Ся по приведенному в «Сун ши» перечню округов показывает, что длина границ тангутского государства не превышала 5 тыс. км, т. е. могла быть немногим более 10 тыс. ли.

Об административном делении Си Ся мы пока в состоянии судить, лишь анализируя отрывочные сведения китайских источников. Судя по материалам «Сун ши» и «Цзинь ши», основной первичной административной единицей Си Ся был округ (чжоу). По-видимому, отдельные округа делились на уезды, так как эта административная единица (сянь) упоминается в тангутском кодексе законов. Особо важные в стратегическом, политическом или экономическом отношении районы выделялись в особо управлявшиеся обла-

сти — фу. Области были учреждены в столице и в Лянчжоу — втором по значению городе Си Ся.

В 30-е гг. XI в. Юань-хао была создана область Сюаньхуафу, местонахождение которой неизвестно.

В западной части страны, после завоевания тангутами областей Ганьчжоу и Сучжоу, были организованы два специальных военных округа (цзюнь) — в Сучжоу под названием Фаньхэцзюнь (округ примирения иноземцев) и в Ганьчжоу — Чжэньи цзюнь (округ подчинения чужеземцев). В кодексе законов упоминается военный округ Миншацзюнь (поющие пески). Минша указан на старинной карте Си Ся XI в.

К концу XII в. территория Си Ся была разделена на 22 округа: девять округов южнее Хуанхэ — Лин, Хун, Ю, Инь, Ся, Ши, Янь, Наньвэй и Хуй (территория Ордоса); девять округов западнее реки — Син, Дин, Хуай, Юн, Лян, Гань, Су, Гуа и Ша (территория Алашаня и Принаньшанья); у Сицинь за рекой было четыре округа — Синин, Лэ, Ко и Цзиши [там же] (область Синина).

В XII в. тангутские административные центры делились на пять категорий: к высшей категории не относилась ни одна из административных единиц; ко второй категории была отнесена столица тангутского государства Чжунсин (Синчжоу, Синцин); к третьей (средней) категории — область Минша; к четвертой (низшей) категории — Шачжоу, Диннань, Хуайюань, Лунхун (Лунчжоу и Хунчжоу?), Баоцзинь, Линчжоу, Ганьчжоу, Юнчжоу, Хэйшуй (Хара-Хото), Иньчжоу; к пятой категории — Сячжоу и Суйчжоу.

В список, по-видимому, внесены наиболее важные центры, где размещались центральные и местные органы гражданской и военной администрации.

Точное местонахождение подавляющего большинства перечисленных округов (за исключением округа Наньвэй) указано на одной из старейших карт тангутского государства, составленной в XI в. (по нашему мнению, между 1066 и 1081 г.) [Кычанов, 1959б. С. 204–212]. Эта карта воспроизведена в некоторых изданиях работы Чжан Цзяня «Си Ся цзи ши бэнь мо», а также в рукописном атласе карт тангутского государства Си Ся, хранящемся в Российской государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве[2]. Автор ее неизвестен.

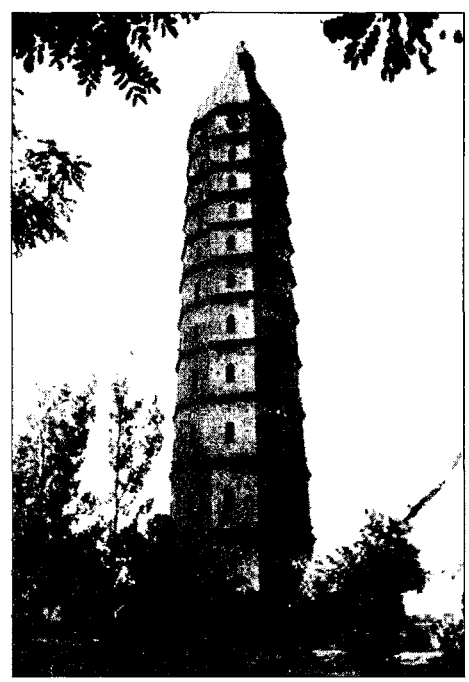

Рис. 6. Пагода Чэнтяньсы. Постройка времен Си Ся. Город Иньчуань, бывший город Чжунсин, столица тангутского государства Си Ся

[2] См.: РГБ. Фонд № 274 К. А. Скачкова. Рукопись 1250.

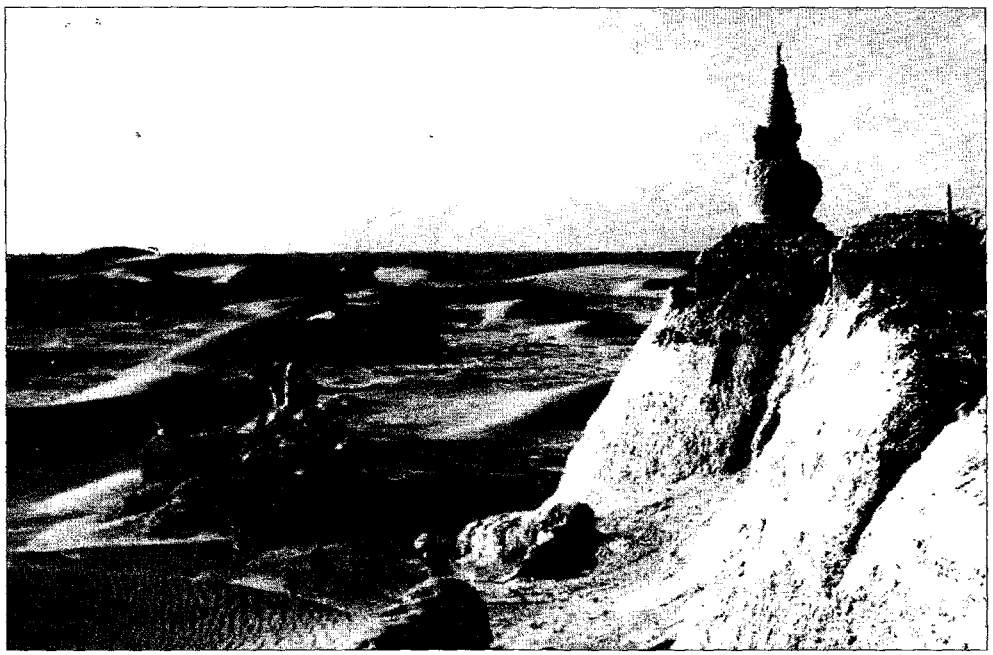

Рис. 7. Развалины тангутского города Эдзина (Хэйшуй, Хара-Хото)

Местонахождение округа Наньвэй точно не установлено и до настоящего времени. Неизвестный автор полагал, что он находился в Минша, юго-западнее Линчжоу.

Можно предполагать, что тангутское государство также было разделено на ряд больших областей, объединявших по несколько округов. По-видимому, такими областями, в которых были сосредоточены высшие местные органы власти, были в Си Ся цзяньцзюньсы — военно-административные центры тангутского государства. Таких центров было 12. О том, что эти округа были именно центрами местной администрации, свидетельствуют некоторые факты. Так, в 1078 г. китайцы стали запахивать брошенные ими ранее земли в районе Линчжоу. Местные тангутские племена были озлоблены тем, что не могут сами завладеть этими землями. Они «обратились с жалобой в цзяньцзюньсы, а цзяньцзюньсы поставило об этом в известность государя» [ССЦ. Гл. 16. С. 2а]. В качестве высших административных единиц военно-административные округа характеризуются в сунском сочинении 1116 г. «Си чжэн дао ли цзи». Каждому цзяньцзюньсы было выделено для управления определенное количество дворов. Так, Цзосяи цзяньцзюньсы имело в своем ведении более 20 тыс. дворов, Ючжоуское цзяньцзюньсы — более 40 тыс. дворов и т. д. Таким образом, наряду с областями и специальными военными округами цзяньцзюньсы были высшими административными единицами тангутского государства, в состав которых входили округа и уезды.

В районах развитого кочевого скотоводства низовая администрация первоначально, возможно, в какой-то мере совпадала с родовым делением. В кодек-

се законов в качестве административных единиц указано немало крепостей. Крепости могли быть опорными пунктами на границах и на севере, в полупустынных кочевых областях. Упоминание крепостей в числе административных центров и то обстоятельство, что военно-административные округа были одной из главных высших административных единиц Си Ся, позволяют нам высказать предположение, что местная тангутская администрация была тесно связана с военной, а административное деление тангутского государства — с его делением на военные округа.

Таким образом, государство Си Ся занимало территории современной китайской провинции Ганьсу и западной части провинции Шэньси, громадную область, простиравшуюся с запада на восток примерно на 1400 км — от Дуньхуана до берегов Хуанхэ в районе Мичжи, и с юга на север примерно на 650 км — от Синин до устья Эдзин-Гол.

Южная граница тангутского государства проходила по линии городов в бассейне реки Вэйхэ (принадлежавших вначале Северной Сун, а затем чжурчжэням) до озера Кукунор[3].

От Кукунора южная граница Ся шла по горам Наньшань (хребты Циншилин, Рихтгофена, Гумбольдта); западная граница проходила в районе реки Данхэ и Хамийской впадины[4]. На севере территория Си Ся доходила до пустыни Гоби, на северо-востоке и востоке граница продолжалась по реке Хуанхэ. Здесь, в районе современного Датун (провинция Шаньси), Си Ся до 1115 г. граничило с Ляо, а затем Цзинь. На востоке, юго-востоке и юге в XI в. тангутское государство граничило с сунской империей, а с XII в. — с Цзинь. Соседями Си Ся на юго-западе были тибетцы, на западе — уйгуры, на севере — тюрко-монгольские племена. Таково было этническое окружение тангутского государства.

По физико-географическим условиям территорию Си Ся можно условно разделить на пять районов: Ордос; район к югу от Великой Китайской стены, включая часть северошэньсийской котловины и котловины Лунси; пустыня Алашань и район Алашаньских гор (Хэланьшань); горный район Наньшаня и прилегающий к нему Бэйшань; северо-восточная часть Цинхайского плато, охватывающая часть долины верхнего течения Хуанхэ и Кукунорской впадины.

О р д о с. Плато Ордос с севера ограничено Хуанхэ, с юга границей ему служит Великая Китайская стена. Рельеф плато в основном равнинный. Плато имеет уклон с юга на север и может быть поделено на две части — восточную, степную, удобную не только для скотоводства, но и для земледелия, особенно в районах, прилегающих к Хуанхэ и орошаемых ее многочисленными притоками, и западную, полупустынную и пустынную, пригодную лишь для кочевого скотоводства[5].

---

[3] Н. А. Невский, на наш взгляд, допускал неточность, когда писал, что южной границей Си Ся была провинция Сычуань [см.: ТФ. Кн. 1. С. 19а].

[4] Ховорс предположил, что власть Си Ся распространялась на Баркуль, Урумчи и Турфан. См.: [Howorth, XV, 1883. P. 443].

[5] Русский путешественник Г. Н. Потанин, характеризуя окраины Ордоса, писал: «Для кочевой жизни это области достаточно озаренные природой. Обе они сходны в том, что завалены передвижными песками, но эти пески не походят на те, которые лежат к западу от Алашаня... Ордосские пески не так мертвы — они окрашены водами... обилие воды вызывает достаточную растительность...» [Потанин, 1950. С. 105].

Климат Ордосского плато резко континентальный. Здесь бывает морозная и ветреная зима и жаркое сухое лето. Реки чаще всего замерзают в октябре, а вскрываются только в апреле. В наши дни средняя температура января в Баотоу –15,1 °С, а средняя температура июля +21,3 °С. Ежегодно выпадает 273 мм осадков [Чу Шао-тан, 1953. С. 298].

Район к югу от Великой Китайской стены занимает северо-западную часть лёссового плато. Здесь сохранились остатки многочисленных древних хребтов гор Хэншань, Байюйшань и северные отроги гор Люпаньшань. Восточная часть плато орошается многочисленными реками: Тоувэйхэ, Удинхэ с притоком Лихэ, Цинцзяньхэ, Яньшуй с притоком Чжоушуй, верховья Лохэ, Хуаньцзян и Пиншуй, текущая с юго-востока на северо-запад.

Климат лёссового плато засушливый. В наши дни здесь средняя температура июля +25 °С, а средняя температура января –7 °С. Осадков выпадает около 380 мм в год [Китай, 1956. С. 8][6], поэтому земледелие требует искусственного орошения. Растительность степная.

Алашань. «Страна эта наполнена голыми сыпучими песками, которые тянутся к западу от реки Эдзинэ, на юге упираются в высокие горы пров. Ганьсу, а на севере сливаются с бесплодными глинистыми равнинами средней части гобийской пустыни», — так описывал Н. М. Пржевальский этот район [1875. Т. 1. С. 156]. Но не весь Алашань представляет бесплодную пустыню. Пустынные территории Алашаня перемежаются с оазисами; восточная часть Алашаня, примыкающая к предгорьям Алашаньских гор, орошается горными ключами. В юго-восточной части пустыни протекает река Шуйхэ. Здесь, как и в западной части Алашаня, по берегам реки Эдзин-Гол раскинулись прекрасные пастбища.

Климат Алашаня резко континентальный. По современным данным, средняя температура января –15 °С, –20 °С, а средняя температура июня в отдельных местах доходит до +30 °С. Осадков выпадает до 200 мм в год. Более благоприятным климатом отличаются лишь предгорья Алашаньского хребта и узкая полоска земли между хребтом и рекой Хуанхэ, в районе города Иньчуань, бывшего некогда столицей Си Ся. Здесь местное население занимается земледелием. В остальном Алашане в наши дни обрабатывается лишь 0,58 % его общей площади [Чу Шао-тан, 1953. С. 298].

Район Наньшаня и Бэйшаня. «Пустыня кончилась чрезвычайно резко, — писал Н. М. Пржевальский, когда его отряд вступил в предгорья Наньшаня, — всего на расстоянии двух верст от голых песков, которые потянулись далеко к западу, расстилались обработанные поля, пестрели цветами луга и густо рассыпались... фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здесь так близко между собой, что удивленный путник едва верил собственным глазам» [Пржевальский, 1875. Т. 1. С. 215]. Узкое плато, шириной в 40–100 км с многочисленными оазисами, орошаемыми потоками талых вод с гор Наньшань, высота которых превышает 5000 м, протянулось у их подножия более чем на 900 км.

[6] Река Хуанхэ у города Ланьчжоу замерзала каждую зиму [см.: ССЦ. Гл. 23. С. 6а].

Но дыхание пустыни сказывается и здесь. Климат предгорий также характеризуется резкой сменой температур, очень незначительным количеством осадков [Чу Шао-тан, 1953. С. 298]. Зимой в пустыне поднимаются сильные песчаные бури, часто превращающие плодородные земли в пустыню. Западные районы — Аньси и Дуньхуан — орошаются реками Данхэ и Сулахэ. Население здесь издавна занималось земледелием. Лежащий к северу от них район Бэйшань представляет собой полупустыню[7].

Северо-восточная часть Цинхайского плато. Это горный район, пересеченный многочисленными речными долинами; самые значительные из них — долины рек Хуанхэ и Датунхэ. В горах и степях, примыкающих к озеру Кукунор, имеются превосходные пастбища. В долинах население занимается земледелием. В районе Синина вызревают пшеница и рис. Зима здесь не слишком холодная, а лето теплое. В наши дни в районе Синина средняя температура января –6,5 °С, а средняя температура июля +18,1 °С, годовое количество осадков — 377 мм [там же. С. 337].

Как мы можем судить, бóльшую часть территории Си Ся составляют пустынные, полупустынные и горные районы. Климат страны континентальный, с холодной зимой, жарким летом и незначительным количеством осадков.

Описание климата государства Си Ся дано на основании современных данных. Очевидно, за 750 лет, прошедших со времени гибели этой страны, климат в Центральной Азии претерпел какие-то изменения. Советский географ В. М. Синицын предполагает, что «Центральная Азия переживает стадию прогрессивного усыхания» [Синицын, 1949. С. 3][8]. Такой же точки зрения на изменение климата Центральной Азии придерживался выдающийся русский географ и историк Г. Е. Грум-Гржимайло, который на большом историческом материале, в том числе и на примере Си Ся, показывал уменьшение жизненных ресурсов центральноазиатских степей[9].

Таким образом, есть основания предполагать, что в начальный период существования государства Си Ся климат на его территории был более мягким и более благоприятным для жизни человека. Например, в «Истории династии Цзинь» (1115–1234) мощь государства Си Ся объясняется исключительно его природными богатствами: «Хотя территория государства Си Ся и не велика,

---

[7] По описанию А. Стейна, в районе Бэйшаня, где проходил путь из Дуньхуана в Хамийскую впадину, «пастбища могут быть найдены только в нескольких изолированных котловинах широких пустынных долин», и местность к югу от Дуньхуана «полностью покрыта высокими грядами медленно текущих песков, которые дали городу его последующее название Шачжоу, “города песков”» [Stein, 1923. P. 95–96].

[8] Автор полагает, что причиной этих климатических изменений «явилось поднятие горных систем Куэньлуня, Гималаев, Циньлиньшаня, Люлианя и Большого Хинганского хребта, отделивших ту часть континента от влажных муссонов, поступающих со стороны Индийского и Тихого океанов» [там же. С. 9].

[9] «Главным источником доходов царства Си Ся был скот, — писал Г. Е. Грум-Гржимайло, — значительное же животноводство требовало и обширных пастбищ. Между тем главное богатство Алашаня, население которого не превосходит 10 тыс. семейств, составляют верблюды потому только, что верблюд довольствуется растительностью пустыни и не нуждается в проточной воде. Луга в Алашане исчезли под надвинувшимся песком...» [Грум-Гржимайло, 1933. С. 446].

оно смогло стать мощным и сильным благодаря богатству своих земель. Это так» [ЦШ. Гл. 134. С. 828].

Геологические изменения происходили и в период существования государства Си Ся. Например, источники часто упоминают о сильных землетрясениях[10].

Но все-таки основная характерная черта климата территории Си Ся — его резкая континентальность существовала уже в XI–XII вв., о чем свидетельствуют сообщения о частых засухах, от которых страдало тангутское государство. Возможно только, что пастбищные угодья в то время были обширнее.

НАСЕЛЕНИЕ СИ СЯ

Государство Си Ся было неоднородным в этническом отношении. Самыми многочисленными народностями Си Ся были тангуты, составлявшие основное ядро населения страны, и китайцы. Кроме того, на территории Си Ся жили уйгуры, тюрки [Ögel, 1961. S. 169–181], тибетцы, тугухунь [Poucha, 1985. S. 286]. Китайцы жили главным образом в земледельческих районах страны, уйгуры — в западных областях Ганьчжоу, Сучжоу, Шачжоу, тибетцы и тугухунь — в юго-западных областях, прилегавших к озеру Кукунор и верховьям Хуанхэ. Большая часть нетангутского населения Си Ся была завоевана тангутами и присоединена к их государству. Естественно, что в течение более чем 200-летнего периода существования тангутского государства происходил процесс расселения господствующей тангутской народности на землях подчиненных народов, особенно в районах, удобных для земледелия. Таким, вероятно, было постепенное распространение тангутов на запад [Позднеев, 1899. С. 125].

В источниках сохранились отдельные описания внешности тангутов. Первый тангутский император Юань-хао «был круглолиц, с крупным носом (буквально «высоким». — *Е. К.*), ростом более 5 чи» [СШ. Гл. 485. С. 3786][11]. Тангутский ван Жэнь-чжун «был высокого роста, имел прекрасные бакенбарды и усы» [ССЦ. Гл. 24. С. 106]. Рубрук писал: «За ними (уйгурами. — *Е. К.*) к востоку... живут тангуты, очень храбрые люди... среди тангутов я видел людей больших, но смуглых» [Иоанн де Плано Карпини, 1910. С. 109–110].

Марко Поло сообщал о жителях области Ергинул (Лянчжоу): «Люди толсты, курносы, волосы черны, без бород и усов» [Минаев, 1902. С. 94]. Данные письменных источников хорошо подтверждаются сохранившимися изображениями тангутов. Именно этими чертами характеризуются изображения тангутов, которые дошли до нас вместе с памятниками тангутской и китайской письменности из Хара-Хото.

---

[10] В 996 г. в округе Сячжоу было «землетрясение, длившееся более 100 дней. Городские стены и много домов были разрушены» [ССЦ. Гл. 2. С. 15а]. В конце XI в. «два года зимой в округе Лянчжоу были большие землетрясения» [Devéria, 1898. P. 8]. В 1143 г. в «государстве Си Ся землетрясение не прекращалось свыше месяца. Из образовавшихся в земле трещин били источники и выходил черный песок» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

[11] Чи = 0,32 м.

На одном из экземпляров словаря «Перл в руке» [см.: Танг. фонд ЛО ИНА. № 214] сохранился сделанный от руки набросок тангутского монаха. Это человек с вытянутым лицом и длинным носом. Очень хорошее изображение приносящих жертву тангутов сохранилось в пещере Юйлиньку (Аньси). Это высокорослые полнолицые люди с крупными носами, лица продолговатые, скулы обозначены слабо, глаза слегка раскосые [Се Чжи-лю, 1957. Рис. 42].

Эти источники позволяют нам сделать следующий вывод: волосы тангутов, как правило, черные, большей частью прямые, кожа смуглая, с желтоватым оттенком, третичный волосяной покров (усы и борода) развит значительно, скулы выступают не очень сильно, лицо продолговатое, но встречались и широкие лица, крупный нос, ширина носа по сравнению с его высотой (носовой указатель) невелика, глаза широко открыты, эпикантус почти отсутствует. Наружная слизистая оболочка губ развита умеренно, иногда значительно (утолщенные губы). Рост средний, часто даже высокий[12].

Поскольку тангуты и китайцы составляли подавляющее большинство населения Си Ся, тангутский и китайский языки были самыми распространенными в стране. Государственным языком был тангутский[13]. Источники не дают ответа на вопрос о численности населения Си Ся, но подчеркивают большую населенность территории Си Ся. Об этом говорится и в монгольском эпосе. В песне-плаче о Чингисхане есть следующие строки:

Ужели и прах твой так вот восхочет
Покинуть старых монголов своих
Из-за теплой погоды на Харугун-хане,
Из-за многолюдья тангутского царства,
Из-за красы ханши Гурбелджин?

[*Сокровенное сказание. С. 69*]

[12] Нынешнее коренное население горных областей Ганьсу и Кукунора, в среде которого, без сомнения, имеется и тангутский антропологический тип, хотя и подвергшийся сильному тибетскому влиянию, сохранило эти характерные черты. «Общий их рост, — писал Н. М. Пржевальский о населении этих мест, — средний, частью даже большой, сложение коренастое, плечи широкие. Волосы, брови, усы и борода у всех без исключения черные, глаза черные, обыкновенно большие или средней величины, но не узко прорезанные, как у монголов. Нос прямой, иногда (не особенно редко) орлиный или вздернутый кверху (курносы у Марко Поло. — *Е. К.*); губы большие и довольно часто отвороченные. Скулы хотя отчасти и выделяются, но не резко, как у монголов, лицо вообще продолговатое, но не плоское; череп круглый, зубы отличные, белые. Общий цвет кожи и лица смуглый, у женщин иногда матовый, кроме того, женщины вообще меньше ростом, нежели мужчины. У тангутов сильно растут усы и борода» [Пржевальский, 1875. С. 256]. Разумеется, что народ, описанный здесь Н. М. Пржевальским и называемый им тангутами, неидентичен тангутам Си Ся, хотя и связан общностью происхождения с древним дансянским населением верховий Хуанхэ. Тангуты были близки тому современному антропологическому типу тибетцев, который характеризуется высокорослостью, более выступающим носом, долихокефалией. Этот вариант представлен тибетцами Кама и северных областей их расселения [см.: Журавлев, 1961. Т. II. С. 86–87].

[13] Автор тангутско-китайского словаря «Перл в руке» при его составлении (XII в.) руководствовался стремлением укрепить взаимопонимание между тангутами и китайцами и сетовал по поводу того, что «тангутские мудрецы не почитают китайских, а китайские ученые не уважают тангутских; все это происходит из-за незнания языков» [Тангут. фонд ЛО ИНА. № 214].

Большую населенность страны даже после опустошения ее монголами подчеркивали в своих сообщениях Рашид-ад-дин и Марко Поло[14].

По сообщениям китайских источников, тангуты могли выставить армию численностью свыше 500 тыс. человек [СШ. Гл. 486. С. 3796][15]. По существовавшей в Си Ся системе воинской повинности военнообязанным считался всякий мужчина, достигший пятнадцатилетнего возраста. Из каждых двух военнообязанных один должен был отбывать службу в регулярной армии [там же]. При такой системе набора 500-тысячная армия предполагала наличие миллиона мужчин. Если число подростков и пожилых мужчин, не служивших в армии, определить приблизительно в 250 тыс. (т. е. полагать, что они составляли четверть всех мужчин), то все мужское население страны при грубом подсчете составляло 1250 тыс. Приняв условно, что численность женщин равнялась числу мужчин, мы получим цифру, очень приближенно отражающую численность населения Си Ся, а именно 2500 тыс. человек.

ЖИЛИЩА, ПОСЕЛЕНИЯ, ОДЕЖДА. ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ТАНГУТОВ

Ж и л и щ а тангутов были различны — в зависимости от характера хозяйства их владельцев. Кочевники-скотоводы жили в юртах и палатках, оседлые скотоводы и земледельцы — в глинобитных домах, знатные строили себе дома, вероятно, по китайскому образцу и покрывали их черепицей. Наиболее типичными жилыми постройками для Си Ся были глинобитные дома. В «Сун ши» указывается, что «все тангуты обычно жили в глинобитных домах» [СШ. Гл. 486. С. 3797]. Эта характерная особенность жилищ тангутов не раз упоминается в «Сокровенном сказании». «Городища у нас глинобитные» [Сокровенное сказание. С. 180], — говорят тангуты Чингисхану. Монгольский полководец Толун-Черби, предлагая отложить поход против Ся, следующим образом обосновывает свое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища» [там же. С. 189]. Глинобитные дома тангутов, не крытые черепицей, как и у дансянов, покрывались тканями, сотканными из шерсти яков и овец [см.: ССЦ. Гл. 11. С. 7а]. Иногда тангуты-пастухи строили легкие временные хижины [там же. Гл. 3. С. 3а]. Кочевники жили в юртах или палатках. Аша-гамбу говорил монгольскому послу: «...есть у меня... Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты» [Сокровенное сказание. С. 190]. Китайские источники упоминают только о военных палатках. Но, вероятно, эти легкие жилища во время существования Си Ся были распространены среди тангутов-скотоводов в горных районах Кукунора и Ганьсу. Подробное описание устройства палаток мы нахо-

[14] «В стране тангутов много владений, состоящих из городов, селений и крепостей» [Рашид-ад-дин, 1953. Т. I. Кн. 1. С. 143]. «Городов и поселений тут много, страна Тангутская» [Минаев, 1902. С. 94].

[15] Эти данные, разумеется, не могут считаться абсолютно достоверными.

дим у многих русских путешественников [Пржевальский, 1875. С. 261; 1883. С. 344; Козлов, 1948. С. 235–236]. По-видимому, такие палатки обычно были черного цвета. В связи с этим интересно отметить, что древние монголы, которые называли «пять цветных» народов среди окружавших их государств, определяли тибетцев-тангутов черным цветом. Н. П. Шастина предполагает, что они «могли быть названы "черными" за свои черные палатки, сделанные из грубых самотканых тканей, выделываемых из черной шерсти яков» [Шара Туджи, 1957. С. 179]. Таким образом, весьма вероятно, что такой тип жилищ бытовал и в некоторых районах государства Си Ся.

Тангутские чиновники и знать, «получившие на то особое разрешение» [ССЦ. Гл. 11. С. 7а][16], могли крыть свои дома черепицей. Дома знатных резко выделялись среди прочих своими черепичными крышами, большими размерами и благоустроенностью.

Императоры и члены правящего дома жили во дворцах, имели свои летние резиденции. В 1046 г. Юань-хао построил «летний дворец с павильонами, беседками, башнями и водоемами, который растянулся на несколько ли» [там же]. При этом китайские авторы особо подчеркивают хорошую отделку дворца Юань-хао.

В XII в., в период расцвета тангутского государства, дома некоторых ванов и высших сановников были так же богато отделаны, как и дворцы.

Китайцы, уйгуры и другие народы, жившие в государстве Си Ся, сохранили свои традиционные жилища.

П о с е л е н и я. Очень немногое известно пока о тангутских городах. Тангуты владели китайскими городами Линчжоу, Хуайюань, Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу и другими, захваченными в период войн. Построенные и первоначально населенные главным образом китайцами, эти города со временем не могли не подвергаться влиянию культуры тангутов. Китайские источники сообщают, что «в [тангутском] государстве издавна было мало городов и крепостей. [Государь] Цянь-шунь, подражая китайской системе, построил много крепостей и укреплений вдоль северо-восточной границы» [ССЦ. Гл. 22. С. 3а]. Сообщение это относится к 1102 г. Другие источники неоднократно упоминают о том, что тангуты сами строили города и крепости. В городах помимо жилых домов были здания правительственных учреждений и местной администрации, склады, тюрьмы, дворцы, храмы [там же. Гл. 20. С. 28]. Часть городских зданий строилась из обожженного кирпича. Города, по-видимому, не отличались очень большими размерами. Так, протяженность Ланьчжоу, некоторое время входившего в состав тангутского государства, с востока на запад составляла более 600 бу[17] и с юга на север — приблизительно 300 бу [там же. Гл. 16. С. 11а]. Небольшим был и город Хара-Хото, подарив-

[16] По сведениям «Цинтан лу» (записки о Цинтане) сунского автора Ли Юаня, у восточных тибетцев черепичную кровлю могли иметь только буддийские храмы и дворец правителя страны. «Туфаньцы, — сообщает Ли Юань, — чрезвычайно почитают буддийских монахов. Среди городских домов — половина буддийские кумирни. И только дворец владыки страны и буддийские кумирни покрывают черепицей, а остальные дома, будь то даже жилища государя, покрывают земляной кровлей» [Эноки Кадзуо, 1944. Т. 1. С. 90–91].

[17] 1 бу = 1,6 м.

ший науке ценную коллекцию памятников тангутской письменности. «Вступив в город, — писал П. К. Козлов, — мы встретили квадратный пустырь, сторона квадрата равняется одной трети версты, — пересеченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построек... Там и сям стояли субурганы, не менее резко выделялись и основания храмов, сложенные из тяжелого, прочно обожженного кирпича» [Козлов, 1948. С. 77]. Город был разбит на правильные кварталы, улицы его состояли из «мелких глинобитных домишек». Кроме кумирен в городе было всего несколько других двухэтажных зданий. В северо-западной части города здания особенно выделялись своими размерами и техникой постройки. Здесь, по мнению П. К. Козлова, «было удобнее всего жить владыке Хара-Хото, отсюда был устроен ступенчатый ход на вершину стены к субурганам, с которых открывался широкий горизонт на прилегающие окрестности» [там же. С. 78]. Стены Хара-Хото были глинобитными, более толстыми у основания и имели высоту «три-четыре сажени, при толщине у основания две-три сажени и одной-полутора сажень у вершины» [там же]. Стены, судя по приложенному П. К. Козловым плану Хара-Хото, имели по 5–6 выступов с каждой из четырех сторон.

О небольших размерах древних городов, которые могли относиться также и ко времени существования государства Си Ся, свидетельствует Г. Н. Потанин. В северо-восточной части Ордоса он видел старое городище. «Стены бывшего города превратились в плоские валы до $1^1/_2$ сажени высоты, с севера на юг город имел 600 шагов длины, с запада на восток — 300» [Потанин, 1950. С. 87]. Другой виденный Г. Н. Потаниным город — «Боро-балгасун, по преданию разрушенный Чингисханом, как и Хара-Хото, имел форму четырехугольника, со всех сторон огражденного стенами» [там же. С. 98]. Таким образом, как свидетельствуют самые различные источники, большинство средневековых городов Центральной Азии отличалось небольшими размерами. Из дневника Сюй Канцзуна, участника первого сунского посольства к чжурчжэням, мы узнаем, что представлял собой округ (чжоу) у соседних с тангутами киданей. «Во времена наивысшего могущества киданей "чжоу" называли укрепление из земли протяженностью несколько десятков ли, в котором находилось 100 семей и резиденция чиновников, имевших лишь по три стропила на крышах своих домов. Такой "чжоу" не равен даже городку Серединного государства» [Chavannes, 1898. P. 405][18]. Этим центральноазиатские города отличались от больших и густонаселенных городов Внутреннего Китая. Сравнительно небольшие размеры городов Центральной Азии объясняются, по нашему мнению, тем, что основная масса населения этих стран вела кочевой образ жизни или жила в селениях, разбросанных по оазисам и долинам рек, занимаясь земледелием. Это было свидетельством и недостаточного уровня развития ремесла и торговли, свидетельством натуральной замкнутости хозяйства скотоводов и земледельцев. Города служили главным образом военно-административными центрами и вместе с храмами являлись основными очагами культуры и просвещения.

[18] В 1043 г. кидани открыли прямую дорогу из Верхней столицы в Си Ся и основали на ней город, который «назвали Хэцинцзюнь, и переселили туда триста семей» [Чжоу Чунь. Си Ся шу. Предисловие датировано 1796 г. Рукопись библиотеки Пекинского университета. Гл. 9. С. 9а–9б].

Относительно большими размерами отличались лишь старые китайские города, вошедшие в состав государства тангутов. О древнем Ганьчжоу Марко Поло писал как «о большом и величественном городе» [Минаев, 1902. С. 79]. Значительным по величине городом была и столица Си Ся. В последние годы правления династии Юань столица Ся, переименованная монголами в Нинся, была заброшена и восстановлена лишь в правление династии Мин. По сведениям минского времени, город занимал территорию площадью в 18 ли в окружности и имел 6 ворот [Чи сю Ганьсу тунчжи, [б. г.]. Гл. 7. С. 18а]. В монгольскую эпоху гарнизон Нинся состоял из 37 817 человек [Гуан юй ту, 1799. Гл. 2. С. 35].

Рис. 8. Знатные тангут и тангутка

В городах жили не только тангутская знать, чиновники, старое китайское и уйгурское население, но позднее, особенно ко времени монгольского завоевания, и значительное число простых тангутов. По сообщению Рашид-ад-дина, племя тангут «большей частью обитало в городах и селениях» [Рашид-ад-дин, 1953. Т. I. Кн. 1. С. 143].

К сожалению, китайские источники не позволяют проследить как сам процесс оседания тангутского населения в городах, так и экономические причины его.

О д е ж д а т а н г у т о в, как и жилища, указывала на принадлежность владельца к тому или иному классу. Все тангуты без исключения носили летом распашной халат, зимой — шубу, сапоги и шапку.

О том, как одевалась тангутская знать в первые десятилетия после создания самостоятельного государства, нам дает сведения «История Сун». В детстве одежда будущего императора Юань-хао состояла из красного халата с длинными рукавами, черной шапки и лука со стрелами. Его сопровождала вооруженная охрана с черным зонтом. Став государем, он носил белую узкую рубашку, войлочную шапку с шариком на макушке, с красной подкладкой и красными шнурами [СШ. Гл. 485. С. 3786]. Члены императорской семьи и тангутская знать пользовались также и китайскими одеждами. Для гражданских и военных чиновников Юань-хао ввел специально форменное платье. Гражданские чиновники носили головную повязку, сапоги с высокими голенищами, ху — дощечку для записей распоряжений начальника и коричневый или темно-красный халат. Военные носили на голове позолоченные шлемы с золотой инкрустацией и шлемы, покрытые черным лаком, темно-красное с узорами платье и серебряный с позолотой пояс с длинными, свешивающимися концами. К поясу подвешивали острую короткую саблю, лук и колчан. При верховой езде к седлу с красными кистями подвешивали музыкальные тарелки и опахало. Повседневное платье военных было коричневого или черного цвета с узорами в форме шара. Его подпоясывали пестрым, с украшениями поясом.

Не состоящее на службе в государственном аппарате или армии население Си Ся различалось по платью следующим образом: знатные носили зеленые, а незнатные — черные халаты [там же].

Наглядное представление об одежде военных чиновников Си Ся можно получить из фрески в пещере Юйлиньку (Аньси). У двух первых мужчин узкие халаты, поверх халатов набедренные накладки, как и положено военным, или шлемы с тем самым гребнем, который упоминается в описании в «Истории Сун», конец пояса свешивается почти до пола. Халаты очень длинные; тип обуви трудно разобрать (похоже, что это сапоги с высоким подъемом). Третий из приносящих жертву, по-видимому, низший военный чиновник. Он в таком же узком, облегающем фигуру, длинном, почти до земли, халате, поясок тонкий, без длинных концов; его головной убор похож на простой шлем, крытый черным лаком. Следует отметить, что, по-видимому, все три жертвователя имели различные ранги. У первого шлем украшен гребнями спереди и сзади, у второго — только спереди, у третьего гребни на шлеме вообще отсутствуют [Се Чжи-лю, 1957. Рис. 42].

Простые тангуты-скотоводы были одеты, как и дансяны, в шубу и одежды из грубых шерстяных тканей [там же].

Общее представление о тангутской женской одежде дает гравюра, приложенная к тангутскому изданию на китайском языке «Strivivarta vyacarana sutra»[19]. По-видимому, женщины, как и мужчины, носили распашной халат, который отличался окраской ткани, вышивкой и разрисовкой.

Прически. Вероятно, до 1033 г. тангутские мужчины отпускали длинные волосы. В 1033 г. император Юань-хао издал указ, предписывавший всем его подданным носить одинаковую прическу, которая по-китайски называлась «туфа». В «Си Ся шу ши» сообщается: «Юань-хао пожелал изменить древние обычаи Инь и Ся. Прежде всего он сам сбрил себе волосы и затем отдал распоряжение сделать это во всем своем государстве. Заставили всех подчиненных фаней выполнять этот приказ. Если в течение трех дней приказ не выполнялся, войскам и народу позволялось нападать на непокорных и убивать их. Тем людям, которые противились приказу сбрить волосы, чтобы выделить их среди прочих, привешивали к ушам тяжелые кольца» [ССШШ. Гл. 11. С. 112].

В «Сюй цзы чжи тун цзянь чан бянь» об этом приказе говорится: «Прежде чем отдать приказ обрить головы (туфа), Юань-хао сам сбрил себе волосы. Только тогда он приказал людям своей страны всем также обрить голову. Если в течение трех дней приказ не исполнялся, войскам и народу (чжун) разрешалось убивать их» [ЧБ. Гл. 115. С. 146].

Окадзаки Сэйро считает, что в число подданных Юань-хао, которым надлежало выполнить приказ о новой прическе, «с самого начала были включены китайцы» [Окадзаки Сэйро, 1961. Т. 19. С. 78]. Приказ о введении одинаковых причесок как своеобразный метод подчинения, по справедливому мнению Окадзаки Сэйро, не очень удивителен. Так поступали позднее чжурчжэни и маньчжуры по отношению к покоренным китайцам, когда вопрос ставился предельно

[19] Китайские рукописи и ксилографы коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото [Рукописный отдел ЛО ИНА, ТК-8].

просто: «...или оставлять голову и не оставлять волос, или оставлять волосы, но не оставлять головы». Так, видимо, действовал и Юань-хао по отношению к покоренным уйгурам и китайцам, проживавшим на территории Ся, а также и по отношению к своим непокорным соплеменникам. Окадзаки Сэйро убедительно показывает, что в конце X — начале XI в. дансяны, как и их далекие предки цяны, ходили с распущенными волосами. Приказ о «туфа» был частью реформ, направленных на объединение страны. Юань-хао стремился к тому, чтобы изменить все — и жилища, и одежду, и головные уборы, и письмо предков [там же. С. 83].

О прическе «туфа» мы можем судить по сохранившимся на фресках Дуньхуана изображениям тангутов-жертвователей. Им прислуживают мальчики без головных уборов. Волосы у них выбриты на темени и на затылке и оставлены только на висках и надо лбом, образуя своеобразное обрамление лица.

Окадзаки Сэйро приводит любопытные факты о том, что и полвека спустя после реформы Юань-хао тангуты брили взятых в плен китайцев, как позднее чжурчжэни, а затем маньчжуры заставляли пленных отпускать волосы и заплетать косу [там же].

Очень похожие прически были у киданей. Кидани брили не всю голову, на висках они оставляли волосы, свешивавшиеся наподобие двух косиц. Изображения киданьских чиновников с такими прическами были обнаружены японским ученым Тамура в усыпальнице киданьских императоров. Диапозитивы этих портретов Тамура демонстрировал во время своего пребывания в Ленинграде осенью 1957 г. Подобные же прически мы видим у музыкантов на одном из изображений божеств из Хара-Хото (Эрмитаж). Возможно, что тангутская прическа появилась не без влияния киданьской.

О б ы ч а и и о б р я д ы. Китайские источники отмечают, что тангуты были сильными и закаленными людьми, хорошо переносили холод и жару, голод и жажду. Если они заболевали, то не лечились лекарствами, а звали знахаря изгонять злых духов. По-тангутски такой знахарь назывался «сы» [ЛПЦ. Гл. 20. С. 76; ЛШ. Гл. 115. С. 420]. Иногда больной сам переселялся в дом знахаря, и это в народе называлось «уклониться от болезни» [ССЦ. Гл. 24. С. 1а]. У тангутов существовало многоженство. Жен у них было столько, сколько они могли содержать.

На основании сведений о женитьбе тангутских императоров можно предположить, что в брак тангуты вступали в возрасте 16–18 лет. Так, тангутский император Жэнь-сяо женился, когда ему было 16 лет [там же. Гл. 13. С. 26а; Гл. 14. С. 1а]. Другой тангутский император, Лян-цзо, женился, видимо, еще раньше. В 1067 г. он умер в возрасте 21 года, оставив на престоле после себя семилетнего сына Бин-чана [там же]. Император Цянь-шунь в 1100 г., когда ему было 17 лет, просил у киданей себе в жены княжну [там же. Гл. 21. С. 276]. Родители могли выдать девушку замуж, не спросив ее согласия. По данным «Си Ся цзи ши бэнь мо», «всякий раз, как только девушка подрастала и становилась привлекательной, [родители] через сватов назначали срок [свадьбы]. При этом они не спрашивали согласия невесты» [ССЦШБМ. Гл. 10. С. 6а]. Юноша, который ухаживал за девушкой, узнав о решении родителей выдать ее замуж за другого, вместе с ней убегал в горы. Среди скал они отыс-

кивали укромное местечко и кончали жизнь самоубийством. Родственники шли их искать. Когда юношу и девушку находили, то не плакали по ним, говоря, что это «радость юноши и девушки» и незачем оплакивать их. Тела заворачивали вначале в узорный шелк, потом в войлок, забивали быка и устраивали жертвоприношение. После этого тела накрывали травой, выбирали одинокую скалу, ставили на ней шест высотой в чжан (3,2 м) и переносили трупы на эту скалу, объявив, что умершие «взлетят на небо». Целый день под скалой родственники умерших били в барабан и пили вино, а затем расходились [там же][20].

О похоронных обрядах тангутов рассказывает Марко Поло. Как известно, дансяны сжигали трупы умерших. Очевидно, этот обычай сохранился до XIII в.: «Тела мертвых идолопоклонников всюду сжигают» [Ивановский, 1887. Т. 1. Ч. 1. С. 47, 63]. Обычай трупосожжения был и у других народов той же тибетобирманской языковой группы, например у мосо, нужэнь [там же] и у тибетцев в первые столетия существования государства Туфань [Bacot, Thomas, Toussaint, 1940–1946. P. 41, 49].

Тангутских государей хоронили в усыпальницах, как императоров Ляо и Сун. Кладбище тангутских государей находилось в районе гор Алашань к западу от столицы Си Ся. Его местонахождение точно указано на старинной карте Си Ся.

Когда умирал знатный и богатый человек, то на дороге к месту сожжения сооружался дом, который покрывали шелковыми золотыми тканями. Гроб с покойником вносили в этот дом, ставили перед ним пищу и питье, «чтобы и на том свете мертвецу был такой же почет». Совершив этот обряд, похоронная процессия двигалась дальше. Впереди шли музыканты. Вместе с трупом сжигали обычно фигурки животных, людей, вырезанные из бумаги, чтобы на том свете у покойного было столько же рабов и скота [Минаев, 1902. С. 74–75]. Перед похоронами обычно производилось гадание о том, «в какой день покойника следует сжигать». Иногда покойник находился в доме неделю, месяц, а то и полгода. В таких случаях труп укладывали в ящик, плотно сколоченный и красиво разрисованный; сверху ящик прикрывали тканями, пропитанными камфорой или другими благовониями, чтобы избавиться от трупного запаха. Все это время покойнику приносили еду и питье. Иногда знахари решали, что выносить покойника через такие-то двери нехорошо. Тогда гроб выносили через другие двери, а то и через стену, которую предварительно ломали [там же].

По рассказам Марко Поло, семьи, в которых были дети, откармливали барана в честь какого-то божества, «идола». В конце года или в праздник этого божества семья вместе с детьми и приготовленным бараном отправлялась в храм. «Там они все поклоняются идолам, барана после того жарят и несут с великим почтением к идолу, баран стоит перед идолом, пока они справляют

[20] Любопытно отметить, что у родственных тангутам по происхождению наси до недавнего времени также не было свободы брака. «Поэтому среди молодежи наси смерть из-за любви — очень распространенное явление. Бывает, что три-четыре пары договариваются и вместе кончают жизнь самоубийством» [см.: Куньмин, 1959. С. 3].

службу и читают молитвы о спасении сынов; идол, говорят они, ест мясо» [там же][21]. После богослужения гости и родственники съедали барана, а кости его запирались на хранение в ящик. Об обрядах, связанных с рождением детей, совершеннолетием, свадебных и других источники сведений не содержат.

Тангутские ваны, очевидно, как и императоры, получали посмертные имена. Так, в 1211 г. после смерти вана Янь-цзуна ему было дано посмертное имя Чжун-у [ССЦ. Гл. 27. С. 4а].

Как и у дансянов, среди тангутского народа в государстве Си Ся был очень распространен обычай кровной мести. Если тангут хотел отомстить, он говорил: «Пока я не отомщу, я не буду есть хлеба, пусть мужчины и женщины (в моем роде, семье) покроются паршой и облысеют, пусть подохнет скот, пусть змея заползет в мою кибитку» [ЛШ. Гл. 115. С. 420]. Если обиженный сам не мог отомстить, он собирал людей, щедро угощал их говядиной, бараниной и вином, после чего все они бежали к дому врага и сжигали его [там же; ЛПЦ. Гл. 20. С. 86]. Во время траура мстящие не нападали на врага, а носили на спине особый отличительный знак, похожий на лист, по которому можно было узнать мстящего. Когда чувство мести было удовлетворено, отомстивший пил из черепа [убитого врага] кровь куриц, свиней, собак, смешанную с вином [ЛШ. Гл. 115. С. 420]. Естественно, обычай кровной мести наносил ущерб тангутскому обществу. Поэтому постепенно кровная месть стала заменяться денежным выкупом. При этом примирение враждующих сторон происходило при непосредственном участии представителя государственной администрации. Потерпевшая сторона подавала жалобу чиновнику, тот подбирал «справедливого человека, умелого оратора и просил его примирить враждующих» [там же; ЛПЦ. Гл. 20. С. 86]. После разбора дела убийца платил «выкуп за жизнь» в размере 120 тыс. [там же].

Сохранился у тангутов и древний дансянский обычай, по которому мстящий не причесывал волосы и не мыл лица. Окадзаки Сэйро приводит любопытное сопоставление этого древнего обычая с действиями попавшего уже в начале XIII в. к монголам в плен тангутского полководца Вэймин Лингуна. Сидя в яме-тюрьме, Лингун «распустил [волосы] на голове и загрязнил лицо», т. е. поступил точно так же, как его далекие предки, когда они стремились отомстить врагу. Этот факт свидетельствует о том, что древние обычаи тангутов сохранялись в тангутском государстве до последних лет его существования [Окадзаки Сэйро, 1961. Т. 19. С. 84].

Преступников и пленных тангуты содержали в тюрьмах-ямах [ССЦ. Гл. 16. С. 1а–1б][22].

Тангуты праздновали каждый первый день четырех времен года. По сведениям китайских источников, эти праздники были введены Юань-хао. До этого по старым тангутским обычаям праздновался только день зимнего солнцестояния[23].

---

[21] Очевидно, это был старый тангутский обряд, который вошел в буддийский ритуал после принятия тангутами буддизма [см.: Кычанов, 1960б. С. 86–90].

[22] Такие же тюрьмы-ямы были и у чжурчжэней [см.: Васильев, 1857. С. 207].

[23] Этот праздник праздновали и у киданей.

Праздничным считался и день рождения государя. Так, в день рождения Юань-хао, в «пятый день пятого месяца» (7 июня), в «его государстве все поздравляли друг друга» [ССЦ. Гл. 11. С. 9а][24].

Со времени правления Юань-хао на свадьбах, праздниках, при приеме гостей, на пирах и во время жертвоприношений духам предков совершалось три коленопреклонения вместо прежних девяти. Впервые низкое коленопреклонение было введено у тангутов после того, как в 635 г. Тоба Чи-цы подчинился Тан. Юань-хао упростил порядок церемониала, руководствуясь тем, что «истинный правитель», утверждая церемониал и музыку, должен следовать народным обычаям местных племен [ССШШ. Гл. 12. С. 13а–13б].

Тангуты верили в существование злых и добрых духов, в различные предзнаменования. У них существовало много разных поверий, гаданий, суеверных обычаев и даже ведомство избавления от демонов. Китайские источники сообщают особенно много поверий и обычаев, связанных с военным делом. Например, для выступления в поход тангуты всегда выбирали нечетное число и не отправляли войска в последний день лунного месяца. Перед началом похода всегда гадали. Наиболее распространенными были четыре вида гаданий: на бараньей селезенке, на бамбуке, на сердце и желудке барана, при помощи стрелы и тетивы лука [СШ. Гл. 486. С. 3797]. Встретить женщину во время выступления в поход считалось дурным предзнаменованием. Тангуты не считали позорным бегство с поля боя. Но, потерпев поражение, они через три дня обязательно возвращались обратно, убивали там из лука человека и лошадь, чтобы «убить злых духов и призвать добрых». Иногда они закапывали на этом месте поражения соломенное чучело человека, стреляли в него из луков и возвращались [там же]. Не отомстить врагу они считали позорным, и поэтому через некоторое время тангутские войска вновь появлялись перед противником. Мы уже убедились, с каким упорством Дэ-мин несколько раз посылал свои войска против уйгурского хана Елогэ и, потерпев ряд неудач, все же захватил у него город Ганьчжоу и другие области. Потерпев поражение, тангуты обычно предавались глубокому отчаянию, рвали на себе волосы, царапали лицо. После неудачной осады города Пинся в 1096 г. тангутский император и его мать, лично возглавлявшие войска, «были очень пристыжены и озлоблены. Они расцарапали себе в кровь лица и возвратились» [ССЦ. Гл. 19. С. 9а].

Трупы погибших воинов тангуты всегда стремились унести с собой. Одержав победу, они жестоко расправлялись с побежденными врагами. Торжества по случаю победы, по-видимому, иногда завершались ритуальным съедением сердца и печени наиболее выдающихся бойцов из вражеского стана. Так, в 1105 г., овладев вместе с тибетцами китайским городом Сюаньвэй, тангуты убили командующего китайскими войсками, «вынули его сердце и печень и съели их» [там же. Гл. 22. С. 86].

[24] Этот день праздновали кидани и китайцы, так как они считали, что в этот день сливаются две противоположные силы инь и ян, это время усиления жизни. В этот день собирают лекарственные травы, на воротах домов вывешивают артемизию для изгнания злых духов и т. п. [см.: Васильев, 1857. С. 189].

В центре главной спальной комнаты своего дома тангуты всегда оставляли пустое место для «духа-ясновидца», где они сами и их гости гадали [ССЦШБМ. Гл. 10. С. 26].

Чтобы заполучить себе в союзники какое-либо племя, тангуты посылали его вождю стрелу. Такую стрелу получил, например, от тангутов в 1003 г. тибетский старшина Фаньлочжи [ССЦ. Гл. 3. С. 56]. Когда заключали мирный договор, стрелу ломали. В 1044 г. при заключении перемирия с киданями «в качестве клятвы была сломана стрела, и каждый возвратился в свой лагерь» [там же. Гл. 10. С. 146]. Тангуты верили в чудеса, добрые и дурные предзнаменования. В 1204 г., за год до того как Ань-цюань сверг с престола законного государя, в Сячжоу свинья родила необычное животное по названию «линь», у которого было две головы. Прорицатели, истолковавшие это необычное явление, сказали: «В одном государстве будет два государя» [ССШШ. Гл. 39. С. 86].

Чудесным предзнаменованием считали тангуты астрономические явления и по-своему истолковывали их. Если при дневном свете была видна планета Венера (Цзинь син), то это предвещало неудачу в войне [ССЦ. Гл. 5. С. 36; Гл. 19. С. 106]. Когда Марс (Хо син) заходил в созвездие Южного Креста (Нань доу), то это означало, что государь должен отправиться в храм и молиться там. Подобное явление произошло в 1030 г. Дэ-мин отправился молиться в горы Хэланьшань [там же. Гл. 5. С. 25а]. В 1155 г. после затмения солнца император Жэнь-сяо, «принимая во внимание это небесное предзнаменование, провел амнистию в стране» [ССШШ. Гл. 36. С. 10а]. Все эти поверья и гадания имели большое значение в жизни тангутского государства.

Те немногие сведения об обычаях, обрядах, образе жизни тангутов, которыми мы располагаем из китайских источников, показывают, что здесь мы находим много общего с обычаями и обрядами тибетцев и других тибетоязычных народов Китая и родственных им народов тибето-бирманской языковой группы[25]. Сопоставление этих обычаев не входило в нашу задачу. В своих некоторых чертах обычаи и обряды тангутов совпадали с таковыми у киданей, чжурчжэней и даже монголов. Во всем этом проявились и общность эпохи, и культурно-историческое родство народов Центральной Азии.

Однако тангуты всемерно сохраняли и развивали собственные обычаи и обряды. Именно в этом многие современники справедливо видели одну из причин сохранения самобытного характера этого государства. Чжурчжэни, которые в XII в. болезненно переживали утрату своих обычаев, постепенное забвение родного языка и обрядов, не раз обращались к примеру Ся. Так, в 1185 г. сановник Ватэла в беседе с государем Ши-цзуном указывал ему на пример тангутов: «Небольшое царство Ся, возвысив свои обычаи, сумело сохранить свое бытие на продолжении нескольких сот лет»[26]. Любовь тангутов к своим собственным обычаям отмечали и их современники-китайцы. В одном из сунских

[25] «По большей части, — сообщается в "Сун ши", — обычаи и нравы дансянов и туфаньцев схожи между собой» [СШ. Гл. 264. С. 2334].

[26] «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год» / Перевод с маньчжурского Григория Розова [Архив ЛО ИНА. Разд. 1. Оп. 1. № 3. С. 241а].

сочинений XI в. сообщается, что этим тангуты резко отличались от жителей Янь, области, входившей в то время в состав киданьского государства. «Яньцы, — сообщается в этом источнике, — в одежде, питье и пище подражают китайцам. Тангуты (сяжэнь) не любят Китая и пользуются такими обычаями и правилами, как им заблагорассудится» [Чэнь Ши-дао, 1935–1936. Цз. 21. С. 116].

ПРИНЯТИЕ ЮАНЬ-ХАО ТИТУЛА ИМПЕРАТОРА

После первой серии реформ, осуществленных в 1033 г., Юань-хао в дипломатических документах, направляемых Сун и Ляо, продолжал признавать себя младшим. Но в своем государстве он был полноправным государем, власть которого была равной власти китайского и киданьского императоров. В церемониале, одежде, организации дворцовой охраны и многом другом при тангутском дворе подражали правилам, принятым при сунском и киданьском дворах. Приближенные советовали Юань-хао покончить с формальным признанием зависимости и для начала принять свой девиз лет правления. Один из китайских чиновников на тангутской службе, Ян Шоу-су, обратился к Юань-хао с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Правитель мудрый и могущественный, обладающий заслугами, добродетелью и величием, управляя своими подданными, обязательно должен учредить девиз лет правления, чтобы тем самым показать обновление. Государи [Си Ся] из поколения в поколение управляли обширными территориями, пользуясь при летосчислении старыми китайскими девизами правления. Этим может довольствоваться только тигренок!» [ССШШ. Гл. 11. С. 13б]. Юань-хао уже был готов к решительным действиям. В 1034 г. он объявил своим девизом правления Кайюнь и провел амнистию в стране [СШ. Гл. 485. С. 3786]. Это был первый крупный внешнеполитический акт на пути к официальному принятию Юань-хао императорского титула.

Первые же реформы Юань-хао вызвали недовольство некоторых старшин, приверженцев старых порядков. В том же 1034 г. родственник Юань-хао по материнской линии Шаньси организовал заговор против молодого государя. Заговорщики боялись открытого разрыва с Китаем. Однако заговор был раскрыт. Юань-хао жестоко расправился с заговорщиками. Шаньси был немедленно казнен, а свою мать, которая поддерживала заговорщиков, Юань-хао приказал отравить. Остальные заговорщики и родственники Шаньси были утоплены [ЧБ. Гл. 115. С. 15а; ССШЛ. С. 3; ССШШ. Гл. 11. С. 13б; ССЦ. Гл. 6. С. 6б]. Император объявил императрицей свою неродную мать Эцзан Цюйхуай [ЧБ. Гл. 115. С. 15а; ССЦ. Гл. 6. С. 7а].

Напряженная политическая обстановка, в которой Юань-хао приходилось проводить свои реформы, обусловила жестокость, с которой он расправлялся со своими политическими противниками. Трагическая гибель матери Юань-хао вызвала недовольство его жены, происходившей из той же семьи Вэйму. Поддерживаемая родственниками, она пыталась вмешиваться в государственные дела. Разгневанный Юань-хао казнил всех ее родственников, а жену, поскольку она была беременной, заточил в уединенном дворце. Здесь она родила

сына. Родственники другой жены Юань-хао (из рода Ели) распустили слух, будто ребенок не похож на Юань-хао. Юань-хао поверил слуху и казнил жену и новорожденного сына [ССШШ. Гл. 12. С. 1б–2а]. Поступок старшин дома Ели свидетельствует о борьбе за власть среди сильных дансянских родов при дворе. Впоследствии эта борьба между отдельными группировками стала более ожесточенной и привела к внутреннему ослаблению государства Си Ся.

30-е годы XI в. с полным правом можно считать годами формирования тангутского государства. Именно в эти годы правления Юань-хао сложился тангутский государственный аппарат, была создана и введена в употребление тангутская письменность, учреждены школы, определилась система военной организации.

В 1037 г. Юань-хао ввел придворные обряды и музыку [там же. С. 13а–13б]. Теперь ему оставалось сделать еще один шаг на пути официального оформления независимости тангутского государства, шаг, который уже был подготовлен его отцом и дедом, — открыто принять императорский титул. Дед Юань-хао — Цзи-цянь посмертно получил от сына Дэ-мина императорский титул. Сам Дэ-мин, имея свидетельства на титул вана из Китая и от киданьского двора, в пределах своей страны правил как император. Юань-хао, окрыленный внутриполитическими и международными успехами, решил открыто принять императорский титул.

Осенью 1038 г. Юань-хао велел соорудить алтарь у южной стены своей столицы и 10 ноября торжественно принял императорский титул [СШ. Гл. 485. С. 3786; ССШЛ. С. 3; ССШШ. Гл. 12. С. 17б; ЧБ. Гл. 122. С. 10б]. При этом он сменил девиз лет правления Дацин (1036–1038) на Тянь шоу ли фа янь цзо и дал посмертные императорские титулы Цзи-цяню и Дэ-мину. После этого он назначил высших чиновников и отправился в Лянчжоу на поклонение духам [ССШЛ. С. 3; СШ. Гл. 486. С. 3786; ССШШ. Гл. 12. С. 17б][27].

К новому году все признававшие себя зависимыми обязаны были присылать к сунскому двору послов с дарами. Юань-хао решил такого посольства не посылать [ССЦ. Л. 6. С. 12а]. Таким образом, он решился на открытый разрыв с Китаем.

Вместо подарков к новому году Юань-хао в первом месяце (27 декабря 1038 г. — 25 января 1039 г.) 1039 г. отправил к сунскому двору посольство с письмом, в котором сообщал о принятии им императорского титула. В письме говорилось: «Мои предки происходят из императорского рода. Когда власть династии Восточная Цзинь клонилась к упадку, они положили начало династии Хоу Вэй. Мой предок Тоба Сы-гун оказал военную помощь династии Тан в последние годы ее существования, за что получил титул и был награжден правом носить фамилию танских императоров. Дед мой, Тоба Цзи-цянь, сердцем знавший все нужды военного дела и владевший мандатом неба, поднял знамя справедливости и покорил все племена. Постепенно были завоеваны расположенные рядом с рекой Хуанхэ пять областей и один за другим присоединены семь расположенных вдоль границ округов. Отец мой, Тоба Дэ-мин, на-

[27] Есть сведения, что, став императором, Юань-хао ввел тангутский календарь [ССШШ. Гл. 18. С. 4а].

следовав владения предков, усердно исполнял приказы (Вашего) двора и добился того, что положение дома Тоба действительно стало отвечать носимому его представителями титулу ванов. Он постоянно заботился о расширении небольшого владения, которое получил от своих предков.

Я неожиданно из запутанных узоров создал малое фаньское (тангутское) письмо, заменил одежды и головные уборы Великой Хань (т. е. заменил китайские на тангутские. — *Е. К.*). Как только были введены новая одежда, (новое) письмо, обряды и музыка, а ритуальные сосуды были готовы к употреблению, то сразу Туфань (тибетцы), Тата (татары)[28], Чжанъе и Цзяохэ[29] — все подчинились мне. Они были недовольны, когда я называл себя ваном, и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и требовали, чтобы мой титул соответствовал моему положению. И я выразил желание, чтобы на этих окраинных землях была создана империя. Но в назначенный срок я еще раз отказался спешить с этим делом. Однако они снова принуждали меня, и ничего не оставалось, как занять этот высокий пост и тем самым удовлетворить их желание.

Поэтому в одиннадцатый день десятого месяца (10 ноября 1038 г.) в пригороде был сооружен алтарь, совершены обряды, и я стал называться Ши цзу ши вэнь бэнь у син фа цзян ли жэнь сяо хуанди — «основоположником династии, изобретателем письма, полководцем, учредителем законов и церемониала, человеколюбивым и отцепочтительным императором». Государство мое названо Да Ся (Великим Ся) года правления Тянь шоу ли фа янь цзо (да пребудут вечно дарованные небом церемонии и законы).

Я покорно ожидаю, Ваше Величество, что Вы, мудрый, щедрый и милостивый человек, позволите в Западных землях, на окраине Вашего государства, считаться мне государем, обращенным лицом к югу (императором. — *Е. К.*). Я же постараюсь всеми силами поддерживать между нами самую искреннюю любовь и дружбу. Рыба ли поплывет, дикий гусь ли полетит, всякий раз поручу им передать весточку в соседнее государство. И до тех пор пока будут существовать небо и земля, я вечно буду стараться предотвращать всякие беспорядки на границах.

Искренне Ваш и почтительно жду Вашего решения.

Чтобы известить Вас, почтительно посылаю к Вам Нуше Эцзи, Нисымэна Вопулина и Цзивэй Яйнай» [СШ. Гл. 485. С. 3786–3787].

Письмо настолько ошеломило сунских чиновников, что они долго не могли решить, как им поступить с тангутскими послами. Одни «предлагали казнить их незамедлительно, другие — отослать обратно. Наконец решением шумиюань тангутских послов возвратили обратно [ЧБ. Гл. 123. С. 2а–2б; ССЦ. Гл. 7. С. 2а]. Сунский император приказал лишить Юань-хао всех должностей и титулов, пожалованных Сун, вычеркнуть его имя из списка подданных и немедленно прекратить торговлю с Си Ся. На границе было введено военное поло-

[28] Татары были соседями тангутов на протяжении всей северной границы Ся (см. старинную карту XI в.). В тангутском государстве татары проживали в северных степях Ганьсу и в горах Алашань [см.: Ögel, 1961. S. 170].

[29] Чжанъе — ганьчжоуские или кара-мурэн уйгуры. Цзяохэ — уйгуры Турфана (Синьцзян).

жение и объявлено, что если кто-нибудь сумеет схватить Юань-хао и доставить его живым ко двору или же хотя бы представить его голову, то получит должность цзедуши армии Диннань (т. е. все владения тангутов в Ордосе) [СШ. Гл. 486. С. 3787; ЛПЦ. Гл. 20. С. 5б].

В ответ на это Юань-хао прислал посла с оскорбительным для сунского императора письмом и всеми ранее пожалованными ему сунским двором регалиями и жалованными грамотами [ССЦ. Гл. 7. С. 8б].

Дипломатические отношения между Сун и Си Ся были прерваны. Обе стороны начали активную подготовку к войне.

ПОЛИТИКА ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЮАНЬ-ХАО*

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ ВОЙНА. НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА КУКУНОРСКИЕ СТЕПИ

Годы правления Юань-хао были наполнены постоянными войнами с соседями. Это были годы непрерывного роста тангутского государства, укрепления его военной мощи. Тангуты вели наступательные войны (против уйгуров и тибетцев), и оборонительные (против киданей), и войны, в которых сочетались грабительские набеги тангутов на китайские границы с тяжелыми оборонительными боями против нашествия китайских армий.

В первые годы правления Юань-хао были победоносно завершены многолетние войны тангутов с уйгурами. Мы уже говорили о том, что в 1028 г. тангутская армия, предводительствуемая Юань-хао, овладела Лянчжоу и Ганьчжоу, а в 1036 г. Юань-хао совершил новый поход на запад и захватил области Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу. С 1035 г. тангуты вели постоянные войны с тибетцами, а в 1040 г. началась четырехлетняя китайско-тангутская война.

Тангутско-тибетская вражда, возникшая еще в конце X в. и стоившая жизни основателю тангутского государства Цзи-цяню, в 1035 г. вспыхнула с новой силой. В первой четверти XI в. значительно усилились восточные тибетские племена. После разгрома тангутами Фаньлочжи и захвата ими Лянчжоу политический центр объединения восточнотибетских племен переместился на юг, в район озера Кукунор. Объединение племен происходило под руководством энергичного и талантливого тибетского вождя Цзюесыло[1]. Цзюесыло — пото-

---

* Из кн.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. (Гл. 4.) С. 137–162.

[1] Монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн отождествляет Цзюесыло с легендарным Гэсэром, героем народного эпоса, широко известного в Центральной Азии. В эпосе рассказывается о войне Гэсэра с королем страны Сатам, при этом некоторые детали описания битвы, в частности о нападении армии Гэсэра на войска страны Сатам при переправе через реку, совпадают с эпизодами тангутско-тибетской войны 1035 г. Страну Сатам Ц. Дамдинсурэн отождествляет с Си Ся, считая это слово производным от тибетских слов «Са» (Ся) — «земля» и «тан» — «степь» (Сатам — степная страна)

мок тибетских королей, родился в Гаочане и 12-летним мальчиком был привезен в Цинтан (Синин), где вскоре стал главой местных тибетских племен. Цзюесыло имел титул Сяса цзяньпу, что, вероятно, соответствовало тибетскому титулу btsang-po — король [ССЦШБМ. Гл. 8. С. 1а]. В китайских источниках названо подлинное имя Цзюесыло — Цинань линвэнь [СШ. Гл. 492. С. 3837]. Цзюесыло, очевидно, было одним из его титулов. В «Сун ши» сообщается, что в переводе на китайский язык «Цзюе» значило Будда, а «сыло» — «сын» [там же]. Таким образом, титул Цзюесыло означал «сын Будды» и, по мнению китайских авторов, соответствовал титулу императора [ССЦШБМ. Гл. 8. С. 1а].

Управляемая Цзюесыло территория простиралась на юго-восток от города Цзунгэ на 915 ли, на северо-восток до Лянчжоу на 500 ли, на северо-запад до Ганьчжоу на 500 ли, на восток до Ланьчжоу на 300 ли и на юг до Хэчжоу на 400 ли [СШ. Гл. 492. С. 3838][2]. После захвата Юань-хао Лянчжоу многие тибетские племена ушли из этой области к Цзюесыло. Подчинились ему и некоторые уйгурские племена. Объединение тибетских племен под властью Цзюесыло становилось серьезной угрозой для тангутов с тыла[3].

Тангуты и тибетцы имели большую общую границу. Район озера Кукунор с богатыми пастбищами и плодородными землями у Синина привлекал внимание тангутов.

В 1032 г. Цзюесыло вступил в тесный контакт с китайским двором и получил звание цзедуши. Это очень обеспокоило Юань-хао. Он принял решение внезапным ударом если не сокрушить, то ослабить своего противника. В 1035 г. 25-тысячная тангутская армия под командованием Сунура вторглась во владения Цзюесыло. Тибетцы разгромили тангутские войска, а Сунур был взят в плен. Тогда Юань-хао сам возглавил армию и осадил тибетский город Маонючэн. Месячная осада не увенчалась успехом для тангутов. Тогда Юань-хао прибегнул к хитрости. Он вступил в переговоры о мире и добился того, что тибетцы открыли городские ворота. Тангутская конница ворвалась в город и истребила все население. После этого тангуты осадили города Цинтан (Синин), Аньэр (между Синином и Няньбо), Цзунгэ и Дайсинлин [СШ. Гл. 485. С. 3786]. По сведениям Чжан Цзяня, именно воспользовавшись победами над тибетцами, Юань-хао захватил в 1036 г. Гуачжоу и Шачжоу [ССЦШБМ. Гл. 8. С. 2а]. Но победа нелегко досталась тангутам. Тангутские войска, далеко углубившись во владения Цзюесыло, оторвались от своей базы. Тибетскому полководцу Аньцзыло удалось отрезать тангутские войска от территории Си Ся. Почти год Юань-хао вел борьбу с Аньцзыло и разгромил его армию [СШ. Гл. 485. С. 3786]. Затем Юань-хао начал военные действия на западе против уйгуров, оставив часть своих войск для продолжения борьбы с тибетцами. Осаж-

[Дамдинсурэн, 1957. С. 210]. Однако Р. А. Штейн оспаривает эту точку зрения Ц. Дамдинсурэна. События, связанные с жизнью Гэсэра, на основании исследований им хроники V далай-ламы он относит приблизительно к 1370–1430 гг. [Stein. JA, 1962. T. CCL. P. 77–102]. Следовательно, отождествление упоминаемой в эпосе страны Сатам и Си Ся пока является спорным.

[2] С запада на восток владения Цзюесыло простирались более чем на 2000 ли [ССЦШБМ. Гл. 8. С. 1а].

[3] Цзюесыло и его сына Дунчжаня китайские историки считали «безусловными соперниками военной мощи государства Си Ся» [СШ. Гл. 485. С. 3783; ССШЛ. С. 3].

денный тангутами, Цзюесыло укрылся в Шаньчжоу, куда ему доставляли сведения о продвижении тангутских войск. Переправляясь через реку Цзунгэ, тангуты отметили вехами места, где можно перейти вброд. Тибетцы, заметив это, переставили вехи на глубокие места и внезапно атаковали тангутов. Тангуты решили временно отступить за реку и попали в расставленную Цзюесыло ловушку. Большая часть солдат или утонула, или попала в плен. Тангуты, понеся огромные потери, сняли осаду с городов Цзюесыло и отступили [там же. Гл. 492. С. 3838].

Возвратившись из похода на запад, Юань-хао решил совершить нападение на племена, жившие поблизости от южных границ Си Ся. Подчинение этих племен сильно затруднило бы связи Цзюесыло с сунским двором. Тангуты напали на цянов, проживавших в районе Лянчжоу. Захватив их земли, они построили здесь крепости и разместили в них свои гарнизоны. Таким образом, тибетцы потеряли удобный путь связи с Китаем [там же. Гл. 485. С. 3788; ССЦШБМ. Гл. 8. С. 26; ССЦ. Гл. 6. С. 13б–14а].

1036 год принес Цзюесыло большие неудачи. К постоянной угрозе нападения извне добавились внутренние неурядицы в семье самого Цзюесыло и в среде тибетской знати, приведшие к отпадению некоторых областей из-под власти Цзюесыло. Цзюесыло имел несколько сыновей от разных жен. От первого брака с дочерью влиятельного тибетского сановника Ли Ли-цзуня у него было два сына — Сячжань и Мачжаньцзюе. Третий его сын — Дунчжань был от киданьской принцессы.

Когда Ли Ли-цзунь умер, его дочь была отправлена в монастырь, а ее многочисленная родня попала в немилость. Подстрекаемый родственниками по матери, старший сын Цзюесыло Сячжань похитил мать из монастыря и бежал с нею и многочисленной родней в город Хэчжоу, к китайской границе. Мачжаньцзюе перебрался на реку Мяочуань. Оба сына заняли по отношению к отцу враждебную позицию и переманивали на свою сторону из Цинтана родственников и сторонников. Все попытки Цзюесыло добиться примирения оказались напрасными.

Узнав о случившемся, Юань-хао послал к обоим сыновьям Цзюесыло своих людей с дорогими подарками. Посланцы Юань-хао уговаривали тибетских старшин подчиниться власти тангутского государя. Один из знатных старшин, Шэнцюаньлун, вместе с 10 тыс. своих подданных восстал против Цзюесыло и подчинился Юань-хао. Союз их был скреплен браками их детей. Эти события вынудили Цзюесыло переселиться в западный район своих владений, в Лицзин [ССЦ. Гл. 6. С. 14а; ССЦШБМ. Гл. 8. С. 16; ССШШ. Гл. 12. С. 2б–2а; ЧБ. Гл. 119. С. 17а]. Постоянные контакты Цзюесыло с Китаем были прерваны, угроза нападения на Си Ся с тыла временно ликвидирована. В 1038 г. к Цзюесыло прибыл китайский посол Лу Цзин и предложил ему начать войну с Юань-хао [СШ. Гл. 492. С. 3838].

Исполняя желание сунского двора, Цзюесыло в начале 1039 г. напал на Лянчжоу. Тангуты были осведомлены о готовящемся нападении и не дали застать себя врасплох. Тибетцам удалось лишь убить несколько десятков тангутских дозорных, и они вынуждены были возвратиться обратно. Они распустили слух, что скоро предпримут новый поход [там же].

Начиная войну с Си Ся, сунский двор обсуждал вопрос о том, не предложить ли Цзюесыло владения Юань-хао, если он поможет китайцам разгромить тангутов. «Покончив с одним Юань-хао, — заявил сановник Чэн Линь, — мы лишь приобретем другого... Но если добиться, чтобы между цянами не было согласия, разве это не будет выгодно для Китая?» [ССЦШБМ. Гл. 8. С. 26]. Совет принял решение не обещать Цзюесыло владений Юань-хао.

Во второй половине 1039 г. при дворе был разработан новый проект нападения на Юань-хао с участием Цзюесыло. Предполагалось, что одновременно выступят тибетские войска и восстанут зависимые от Юань-хао племена цзанцалэ (жили в округе Фэнчжоу, на северо-западной окраине Ордоса). Однако план этот осуществлен не был [ЧБ. Гл. 124. С. 2б–3а; ССЦ. Гл. 7. С. 6а–6б]. Цзюесыло так и не удалось добиться согласия со своими сыновьями. Оба они стали независимыми правителями и создали свои армии и органы управления. В конце 1040 г. Мачжаньцзюе вызвался захватить Лянчжоу. Китайский посол прибыл в Мяочуань (современный уезд Няньбо) и предложил Цзюесыло также участвовать в походе против тангутов [ЧБ. Гл. 127. С. 26; ССШШ. Гл. 14. С. 1а; СШ. Гл. 10. С. 112]. Состоялся ли этот поход, неизвестно.

В первой половине 1042 г. Юань-хао разгромил старшего сына Цзюесыло — Сячжаня. Сячжань, как и Мачжаньцзюе, перешел на сторону китайцев, напал на тангутский город Агань. Тангуты не только отразили его нападение, но и целиком разгромили армию Сячжаня. Цзюесыло ничем не смог помочь сыну [ЧБ. Гл. 123. С. 9а; ССЦ. Гл. 9. С. 2а].

На этом тангутско-тибетские войны прекратились на довольно длительный срок.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1040–1044 гг.

После вступления Юань-хао на престол тангуты начали совершать мелкие нападения на китайскую границу. Молодой тангутский государь решил испытать силу своего оружия и проверить одновременно боевую готовность китайских пограничных крепостей.

В юные годы Юань-хао любил ездить по пограничным рынкам, прислушиваться к разговорам. Он интересовался китайскими пограничными управлениями, знакомился с устройством китайских крепостей, военной техникой, жизнью солдат. Став государем, он постоянно засылал шпионов на пограничные рынки, и тангутский двор был хорошо осведомлен обо всем, что происходит в Китае. Это вызвало беспокойство китайских пограничных чиновников. В начале 1034 г. один из них, Хань И, отправился ко двору с просьбой издать указ, разрешающий тангутам прибывать только в отведенные им подворья [СШ. Гл. 315. С. 2683].

В 1034–1035 гг. между Си Ся и Сун произошло несколько пограничных инцидентов. Со второй половины 1035 г. тангуты, занятые войной с тибетцами и уйгурами, а также реформами внутри страны, не тревожили китайских границ.

В начале 1038 г., готовясь к принятию императорского титула и понимая, что это неминуемо приведет к войне, Юань-хао решил разведать состояние боевой готовности китайских войск в пограничных областях. С этой целью он снарядил большое посольство с дарами в знаменитые буддийские храмы в горах Утайшань. Сунские власти согласились пропустить тангутское посольство, разрешили ему пользоваться в дороге подворьями и выделили для сопровождения тангутов специального чиновника [СШ. Гл. 485. С. 3786; ЧБ. Гл. 121. С. 1а; ССЦ. Гл. 6. С. 17а].

Как только посольство возвратилось, Юань-хао собрал совет племенных старшин. Каждый из собравшихся надрезал себе руку, смешал кровь с вином и пил эту смесь из чаш, сделанных из черепов. Совет принял тайное решение о том, что тангутские войска нападут на китайскую границу в трех направлениях на участке между городами Фучжоу и Яньчжоу (Яньань) [СШ. Гл. 485. С. 3786; ЧБ. Гл. 122. С. 86; ССЦ. Гл. 6. С. 18а], т. е. на том участке, который в случае успеха открывал наиболее удобный путь к Центральной Китайской равнине. Старшины, высказавшиеся против нападения на Китай, были тут же убиты. Удалось бежать в Яньчжоу лишь дяде Юань-хао по отцу, Шаньюю, активному сторонника продолжения политики Дэ-мина. Местные китайские власти, не желая нарушать тангутско-китайский договор 1006 г., обратились с запросом ко двору, как им поступить, и двор приказал выдать Шаньюя. Шаньюй, члены его семьи и его сподвижники, закованные в кандалы, были переданы тангутскому конвою. Юань-хао еще раз собрал старшин и публично казнил своего дядю вместе со всеми его родственниками. Таким образом он продемонстрировал силу своей деспотической власти. А колебавшиеся старшины поняли, что отныне им небезопасно искать убежище в Китае [ССШШ. Гл. 12. С. 15а–16б].

Начиная с 1039 г. мирные отношения Си Ся с Китаем были прерваны. Обе стороны активно готовились к войне. Сунское правительство начало спешную концентрацию войск на своих северо-западных границах. Чтобы предотвратить могущие возникнуть у киданей подозрения, будто китайские войска предназначены для нападения на Ляо, сунский двор послал к ним посольство с известием «о мятеже Юань-хао» (т. е. о принятии им императорского титула) [ССЦ. Гл. 7. С. 6а].

Все сведения о подготовке Китая к войне Юань-хао получал через своих шпионов. На их содержание он не жалел денег, которые не пропадали даром. Среди подкупленных тангутами людей были и видные китайские чиновники. В 1039 г. на рыночной площади столицы Сун был казнен управляющий крупнейшим сунским пограничным округом Хуаньчжоу Лю Ци-чэ, уличенный в шпионаже [там же. С. 6б].

В течение 1039 г. обе стороны так и не решились на открытые военные действия. Они лишь усиленно готовились к войне, составляя планы предстоящих боевых операций, разрабатывая стратегию и тактику предстоящей борьбы.

Любопытным памятником этого подготовительного периода является план сунского чиновника Лю Пина, проявившего великолепное знание реальной обстановки. Лю Пин предложил очень разумный план действий: «Если бы сам Юань-хао, — писал Лю Пин, — не смог занять престол, то какой-нибудь дру-

гой старшина заменил бы его. Если он на западе помирится с Цзюесыло, а на севере договорится с киданями, то как можно будет предотвратить его нападение?

Сейчас положение Юань-хао непрочно. Если, воспользовавшись моментом, рассредоточить по двум дорогам войска четырех областей — Фуянь, Хуаньцин, Цзинъюань и Циньлун — и пополнить их иноземными (фаньскими) и китайскими лучниками, а также отборными воинскими частями, то получится 200-тысячная армия, превосходящая в три раза войска Юань-хао. Следует также подвезти продовольствие на 200 ли, и не пройдет одного месяца, как можно будет захватить пограничные горные округа Хуачжоу, Ючжоу и другие, собрать старшин и, припугнув их, назначить каждого на службу в должностях фанъюйши и ниже, цыши и выше, пожаловать им платье, назначить жалованье, одарить шелком. Кроме того, из местных людей выделить командиров. Храбрые заинтересованы в жалованье, а богатые — в спокойствии для своих семей. Не пройдет месяца, как сердца людей сами собой успокоятся. Тогда можно будет послать гонца и назначить Цзюесыло цзедуши Линъу. Удравшие за реку (Хуанхэ. — *Е. К.*) роды из-за тяжелого положения Юань-хао снова возвратятся в Линьфу и Шичжоу.

Иноземные и китайские пехотные и кавалерийские части возьмут под свой контроль племена Хэси (район к западу от Хуанхэ. — *Е. К.*), соберут старшин и уведут их от соплеменников. Вслед за ними (иноземными и китайскими войсками. — *Е. К.*) послать большую армию [против тангутов]. Ему (Юань-хао. — *Е. К.*) будет не до разбоя. При этом в округах Лин, Ся, Суй, Инь не производят пяти сортов хлеба. Тамошние жители не привыкли к трудностям — каждый год необходимое количество продовольствия доставлялось из округов Хунчжоу и Ючжоу. А хунчжоуские и ючжоуские цяны сильны и храбры, они хорошие воины, и тангуты (ся жэнь) полагаются на них и считают их своими близкими. Если мы заполучим этих цянов и сделаем горы границей, то сможем с высоты гор смотреть на пустыню и, создав ряд крепостей, расположив там войска, будем защищать этот важный стратегический район. Планы двора строятся без учета этих обстоятельств, а борьба за округа Лин, Ся, Суй, Инь, которая продлится несколько лет и будет вестись старыми войсками, потребует чрезмерных затрат и принесет Китаю одни несчастья. Такие мелкие, подлые, разбойничьи замыслы являются преступлением со стороны чиновников. Некоторые из придворных сейчас прощают преступления Юань-хао или, запасаясь еще большим терпением, не заботятся о войсках. Перевозки возросли. Расходы стали огромными. Юань-хао тайно вступил в союз с киданями. Если они объединятся против нас, то мы в одном теле не сможем лечить сразу две болезни. Необходимо вылечить вначале легкую (тангуты. — *Е. К.*), а потом приниматься за тяжелую (кидани. — *Е. К.*). Зачем уменьшать количество войск (на границе с Си Ся. — *Е. К.*), создавать достаточную армию в Хэ-бэй (в районе китайско-киданьской границы. — *Е. К.*). Прошу созвать пограничных чиновников и командующих войсками двух департаментов и выработать план [действий]» [СШ. Гл. 325. С. 2747].

План Лю Пина был рассчитан на расчленение Си Ся, на использование стремлений отдельных старшинских группировок к миру, рассчитан на разжигание племенной розни. Предложение Лю Пина было оставлено двором без ответа.

Некоторые чиновники предлагали заключить союз с западными соседями Си Ся и применить старую тактику «разгрома варваров руками варваров» [ЧБ. Гл. 126. С. 17а; ССЦ. Гл. 7. С. 186].

Снова начались разговоры о восстановлении союза Сун, уйгуров и тибетцев против тангутов. Однако реальность этого союза была поколеблена мечом трех поколений тангутских государей, подчинивших своей власти уйгуров Ганьчжоу и заперших Цзюесыло в горах у озера Кукунор.

В 1040 г. китайцы начали военные действия на южной границе Си Ся с Китаем в районе современных городов Яньань, Циньян, Хуаньцин. Китайские войска напали на тангутскую крепость Хоуцяо и овладели ею. Тангутские войска, в свою очередь, вторглись в пределы сунской территории, захватили крепость Цзиньминчжай, разрушили крепости Аньюань и Саймынь и осадили Яньчжоу. Осада Яньчжоу длилась неделю. Маленький гарнизон города героически защищался. На восьмой день осады выпал обильный снег. Тангутская конница лишилась подножного корма, и тангуты отступили [СШ. Гл. 295. С. 2550; Гл. 485. С. 3787]. Одновременно тангутские отряды совершили грабительские налеты на расположенную к северо-востоку от Яньчжоу область Фучжоу [там же. Гл. 265. С. 2343].

Большие хлопоты доставляли китайцам шпионы. В столице Сун — Кайфэне был объявлен указ, обещающий за поимку тангутского шпиона высокое денежное вознаграждение. Укрывавшие тангутских шпионов подвергались строгому наказанию — главу семьи казнили, а членов его семьи отправляли в ссылку. Пограничным войскам было категорически приказано не принимать перебежчиков [ЧБ. Гл. 126. С. 6а; ССЦ. Гл. 7. С. 17б, 18а, 22а–22б].

Юань-хао, по-видимому, сознавал всю тяжесть войны с Китаем и стремился к одной цели — добиться признания его прав на императорский титул. Поэтому уже в первой половине 1040 г. он отправляет к сунскому двору своего посла Мэйин Доцзи для ведения переговоров о мире. Китайцы согласились принять посла, если он выполнит церемониал, предписанный послу вассального государя [ЧБ. Гл. 126. С. 1а; ССЦ. Гл. 7. С. 17а]. Тангуты на это не согласились, поскольку Юань-хао боролся за право называться независимым государем.

В седьмом месяце (11 августа — 9 сентября) 1040 г. сунский двор направил к киданям посла с сообщением о начале военных действий против Юань-хао (китайцы опасались нападения киданей, благосклонно относившихся к тангутам) [ЧБ. Гл. 128. С. 4а; ССЦ. Гл. 7. С. 23а].

Между тем война продолжалась. Тангуты удачно устроили для китайских войск ловушку в Саньчуанькоу и взяли в плен несколько китайских полководцев, в том числе и Лю Пина [СШ. Гл. 485. С. 3787][4], автора известного проекта уничтожения Си Ся.

В свою очередь, китайским войскам удалось овладеть тангутским городом Бобао и разграбить его. Отряд тангутов пытался перехватить возвращавшуюся с победой колонну китайских войск, но попал в засаду и был рассеян [СШ. Гл. 485. С. 3787; Гл. 325. С. 2749].

[4] В «Си Ся цзи» упоминается, что после пленения Лю Пина тангуты заключили с тибетцами секретное соглашение о том, что последние не окажут Китаю помощи в войне с Си Ся [см.: ССЦ. Гл. 7. С. 23а–23б].

Потеряв крепости Аньюань и Саймынь, китайцы в конце 1040 г. начали строительство новой крепости в 200 ли к северу от Яньчжоу. К концу года крепость была построена и названа Цинцзянь [там же. Гл. 335. С. 2831].

А тангуты в это время сконцентрировали большую группу войск на восточной границе Си Ся, по соседству с китайской областью Линьфу. Особенно сильный гарнизон был размещен в местечке Мито. Тангуты открыли здесь железоделательные мастерские. Помимо добычи и обработки железной руды тут же было организовано производство оружия и доспехов. Все это обеспокоило китайское командование. На Сячжоу, к востоку от которого находились железоделательные мастерские, были направлены значительные воинские силы. Тангуты оказывали отчаянное сопротивление. В этих боях особенно отличились горные племена Хэншаня. Наступление сунских войск захлебнулось. Разрушив несколько пограничных крепостей, они возвратились [ЧБ. Гл. 129. С. 11а; ССЦ. Гл. 7. С. 26а–27а].

Таким образом, первый год активных боевых действий между Си Ся и Сун не принес успеха ни той, ни другой стороне. И китайцы, и тангуты с переменным успехом вели бои за пограничные крепости, не давая генеральных сражений, не рискуя засылать войска внутрь территории противника. Тангуты не теряли надежды на мирные переговоры. В 1040 г. в Китай прибыл представитель киданей Ду Фан, предложивший сунам заключить мир с Си Ся на условии возвращения каждой из воюющих сторон захваченных ею территорий [ЛШ. Гл. 86. С. 366][5]. Соглашение не было достигнуто.

Первый месяц зимы нового 1041 г. не принес никаких изменений. Китайские войска отсиживались в крепостях, тангуты не нападали на них. Китайский командующий Фань Чжун-янь говорил: «За стенами крепостей стоят большие холода. [Враги] не придут. Подождем весны, узнаем, когда у мятежников отощают лошади, а люди начнут голодать. Вот тогда-то и настанет такой момент, когда их можно будет легко подчинить» [СШ. Гл. 314. С. 2673–2674].

Тангуты же не стали ждать разгара весны. В марте 1041 г. их армия перешла южную границу Си Ся, вторглась в китайский округ Вэйчжоу и направилась к важному стратегическому пункту китайцев в этом районе, к городу Хуайюань (в горах Люпаньшань, южнее современного Цинъян). Китайская армия, возглавляемая Хань Ци, расположилась к северо-западу от Хуайюань, чтобы помешать тангутам обойти с тыла Яньчжоу. Но тангуты продолжали двигаться на юг и грозили вторгнуться в долину реки Вэй. Сунские войска начали их преследование. Колонна войск, возглавляемая Сан И, заметила у дороги посеребренные ящики, в которых что-то шевелилось. Сан И заподозрил недоброе и остановил войска. Когда подошел другой отряд под командованием Жэнь Фу, ящики открыли. Из них вылетело более сотни домашних голубей со свистульками под крыльями. Голуби стали кружить над войсками. Внимание китайцев было отвлечено. И тут-то тангуты их атаковали. Бой длился до полудня. После

[5] Вряд ли здесь мы имеем дело с личной инициативой киданей. Последние скорее были заинтересованы во взаимном ослаблении противников и, вероятно, действовали по настоянию тангутов, с которыми были в достаточно дружественных отношениях и которых рассматривали в какой-то степени как союзника против врага номер один — Сун.

полудня тангуты ввели оставленный в засаде резерв. Сунская армия была полностью разгромлена [СШ. Гл. 485. С. 3787].

В это же самое время другая часть китайской армии штурмовала тангутские позиции у Чжанцзябао. Хорошо укрепленный лагерь тангутов оказался неприступным. К осажденным прибыло подкрепление. К вечеру восточный фланг китайской пехоты был сжат, и китайская армия побежала. Лишь глубокой ночью тангуты прекратили преследование и отвели войска. По данным «Сун ши», в этих боях китайцы потеряли более 300 тыс. человек [там же].

Положение сунских войск было нелегким. Хань Ци докладывал двору: «Мои войска вновь потерпели поражение. Среди солдат царит уныние» [ССЦ. Гл. 8. С. 16]. На ведение войны не хватало средств. «А император Жэнь-цзун только и думал, что о своем вечернем столе» [СШ. Гл. 485. С. 3787].

И в это время Юань-хао вновь предложил начать переговоры о мире. Сунскому правительству ничего не оставалось, как согласиться. В письме тангутскому двору китайцы красочно описывали бедствия войны и все прелести мира. Основное требование, которое выдвигал сунский двор, — отказ Юань-хао от императорского титула: «Если названия вещей неправильны, то и слова не гладки, — говорилось в письме. — Если слова не гладки — дела́ не завершить. Великий Ван (т. е. Юань-хао. — *Е. К.*) постоянно жил в западных землях. Его одежда, головные уборы, язык — все соответствует обычаям его страны. И только его титул похож на титул сына Неба». Вместо императорского китайцы предлагали Юань-хао принять титул шаньюя, хана или какой-либо другой, больше соответствовавший обычаям его страны. Если не нравятся титулы шаньюя и хана, то и «в языке твоего собственного государства есть подходящие титулы», писали китайцы. Суны сообщили тангутам, что их 400-тысячная армия начала наступление в пяти направлениях, и в случае заключения договора обещали Юань-хао ежегодную компенсацию и предлагали открыть торговлю с Си Ся [ЧБ. Гл. 130. С. 6а–10б; ССШЛ. С. 4; ССЦ. Гл. 8. С. 2а–7а].

Китайские парламентеры, доставившие это письмо, 40 дней оставались в Сячжоу. Юань-хао приказал Ели Ван-юну ответить на письмо и отпустить китайских парламентеров. Неизвестно, что ответили тангуты китайцам. Очевидно, «текст письма был непочтителен», и Фань Чжун-янь сжег его [ЧБ. Гл. 131. С. 196; ССЦ. Гл. 8. С. 10а–10б].

Летом 1041 г. китайские войска, возглавляемые Фань Чжун-янем, усмиряли цянские племена на территории Сун, которые помогали тангутам. В союзе с Юань-хао было более 600 цянских старшин [СШ. Гл. 314. С. 2674]. Их помощь, вероятно, сыграла немалую роль в успешном наступлении тангутов весной 1041 г.

Сунский командующий Ся Сун объявил высокую награду за голову Юань-хао. На этот раз голова тангутского государя была оценена в 500 тыс. связок монет и титул Сипин вана. Разгневанный Юань-хао подослал в резиденцию Ся Суна, город Фучжоу, своего человека, который подбросил на местном рынке корзинку для кормления шелковичных червей. К корзинке было прикреплено объявление Юань-хао: «Кто доставит голову Ся Суна, получит две связки монет». Слух об этом быстро распространился по всей округе. Ся Сун, искренне

оскорбленный тем, что враг так низко оценил его голову, стал всеобщим посмешищем [ССЦ. Гл. 8. С. 11б–12а; СШ. Гл. 283. С. 2469][6].

В конце лета тангуты начали переговоры с киданями о совместном нападении на Сун. Было решено ждать зимы, а когда встанет Хуанхэ, киданьские войска форсируют ее по льду и атакуют западные районы Сун [ССЦ. Гл. 8. С. 16а; ЧБ. Гл. 134. С. 26].

В связи с заключением такого соглашения осенью 1041 г. тангуты перенесли центр своего наступления с юга на восток. Они осадили города Фучжоу[7] и Фэнчжоу. Вскоре Фэнчжоу был взят, вслед за ним пала сунская крепость Нинюаньчжай. Тангуты препятствовали подвозу продовольствия в область Линьфу. В рядах китайцев царила растерянность. Полководец Ян Цзе предлагал даже оставить все укрепления к западу от Хуанхэ и сосредоточить силы для обороны переправ через реку [СШ. Гл. 485. С. 3787]. К счастью для Сун, делать этого не пришлось. Китайские войска под командованием Чжан Кана, Чжао Чжэна и Гао Цзи-сюаня нанесли тангутам несколько ударов, и территории к западу от Хуанхэ были удержаны.

Стремясь сделать более гибким управление пограничными районами, осенью 1041 г. сунское правительство разделило пограничные с Си Ся районы Шаньси на четыре области: Циньфэн, Цзинъюань, Хуаньцин и Фуянь. Во главе их были назначены Хань Ци, Ван Янь, Фан Чжун-янь и Пан Цзи.

Учитывая опыт понесенного летом поражения, Хань Ци обратился с письмом ко двору, прося увеличить численность войск на южной границе в округах Фучжоу, Циньчжоу и Вэйчжоу, в каждом на 30 тыс. человек, и поставить во главе их хороших боевых командиров. Он предлагал распределить часть отрядов по дальним заставам и, прочно удерживая их, наносить оттуда удары по врагу; во время затишья войскам указанных трех округов совершать вылазки на территорию Си Ся, чтобы грабить население, уничтожать рынки, переманивать в китайское подданство отдельные племена. Хань Ци считал, что такая тактика через 2–3 года обязательно принесет победу Китаю [ССЦ. Гл. 8. С. 17а]. В конце осени 1041 г. тангуты напали на Яньчжоу, но были отбиты войсками Пан Цзи [СШ. Гл. 311. С. 2652]. Их нападения на пограничные крепости в округе Фучжоу и на город Дашунь также не увенчались успехом [там же. Гл. 323. С. 2735].

Положение Си Ся было тяжелым. Засуха и грызуны уничтожили почти весь урожай 1041 г. Народ страдал от налогов и поборов, а средств для ведения войны все-таки не хватало. Недовольство войной все больше росло. По сведениям «Сун ши», «хотя Юань-хао и одерживал неоднократно победы, более половины его людей были или убиты, или ранены, или болели» [там же. Гл. 485. С. 3787; ССШЛ. С. 5]. Все это вынуждало тангутское правительство думать о заключении мира. О мире подумывали и многие государственные деятели Сун [там же. Гл. 318. С. 2701].

---

[6] В биографии Ся Суна сказано, что за голову Ся Суна Юань-хао назначил награду в 3 тыс. связок монет.

[7] При осаде Фучжоу тангуты перерезали систему водоснабжения города. Лишь после того как часть гарнизона удачной вылазкой отбила тангутов и обеспечила подачу воды в город, тангуты отступили [ССЦ. Гл. 8. С. 13а].

В конце 1041 г. между воюющими сторонами снова начались переговоры о мире. Юань-хао отпустил находившегося у него в плену бывшего коменданта крепости Саймынь и предложил начать мирные переговоры. В ответе китайцев были изложены все преимущества мирного решения вопроса. С ответным письмом в Китай отправился полководец Ели Ван-юн [там же. Гл. 485. С. 3787]. Но, по-видимому, снова возник старый спор о титуле и церемониале. Китайцы сочли письмо тангутского двора оскорбительным, и переговоры были сорваны [там же].

Военные действия во время переговоров не прекращались. Китайцам удалось нанести тангутам несколько поражений и обезопасить движение по дороге из Фучжоу в Линьчжоу. Одновременно китайские пограничные власти провели широкую проверку лиц, перешедших на сторону Сун и ныне служивших в китайской армии, так как среди них оказалось много тангутских шпионов [ССЦ. Гл. 8. С. 186].

В 1041 г. на тангутов с запада напали уйгуры. После разгрома тангутами ганьчжоуских уйгуров и присоединения их территории к Си Ся уйгурские племена в Ганьсу пришли в упадок. Они были вытеснены с удобных земель в горные районы Наньшаня. Часть уйгуров ушла на запад, в нынешний Синьцзян.

Китайскому чиновнику Цао Цуну через посредство уйгурских купцов[8] удалось установить связи с уйгурскими ханами. Сын бывшего шачжоуского хана возглавил уйгурскую армию и осадил Шачжоу. Город взять уйгурам не удалось. А вскоре тангуты подтянули к своим западным границам дополнительные силы, и уйгуры вынуждены были снять осаду [СШ. Гл. 258. С. 2292].

Начало 1042 г. было трудным для Сун временем, и этим воспользовались кидани. Они объявили о готовящемся походе на Китай, а в Кайфэн прибыл киданьский посол и потребовал от Сун уступить Ляо 10 пограничных уездов. Одновременно киданьский двор потребовал от сунского двора отчета в том, на каком основании Китай ведет войну с Си Ся. Китайские дипломаты приложили много усилий, чтобы ликвидировать нависшую над Сун угрозу войны на два фронта.

Кидани, разумеется, мало заботились об интересах тангутов. Более того, они всерьез и не решились бы начать войну с Китаем. Поэтому быстро была достигнута договоренность, согласно которой кидани прекращали свои территориальные притязания, а сунский двор увеличивал ежегодную контрибуцию Ляо на 100 тыс. связок монет и 100 тыс. кусков шелка [ЛШ. Гл. 19. С. 77].

В начале 1042 г. китайский отряд под командованием Ван Чжун-бао и Ди Цина пять дней грабил округ Ючжоу. Несколько поражений нанес тангутам другой китайский полководец — Чжоу Мэй. Когда 40-тысячная тангутская армия вторглась в Яньчжоу, она была разбита войсками полководца Ма Хуай-дэ [СШ. Гл. 323. С. 2735–2736]. Пользуясь этими успехами, китайцы обнесли стеной город Дашунь (к северо-западу от Цинчжоу). Пытавшиеся помешать им тангутские войска были также отбиты [там же. Гл. 314. С. 2674].

[8] Уйгуры торговали с Сун и Ляо. Путь купцов, торговавших с этими государствами, шел через территорию Си Ся, где их облагали пошлиной в размере $^1/_{10}$ стоимости товаров. Кроме того, тангутские чиновники и военачальники часто попросту обирали купцов, отнимая у них лучшие товары. Поэтому уйгуры с готовностью могли поддержать любую акцию против Си Ся.

Но эти сражения не оказали решающего воздействия на ход войны. Тангуты начали новое наступление и разграбили территорию округа Вэйчжоу. По некоторым сведениям, во вторжении в Вэйчжоу участвовала 100-тысячная тангутская армия [там же. Гл. 326. С. 2753]. Воспользовавшись старой тактикой киданей, тангуты объявили, что, если кто-нибудь из китайцев сумеет захватить город или крепость, пусть обороняет этот пункт местными силами и за это государь Си Ся объявит его правителем данной области [ССЦ. Гл. 9. С. 10б–11а].

Вторжение тангутов в Вэйчжоу было последним большим сражением в войне Си Ся с Сун. Вновь начались длительные переговоры о мире.

За год до переговоров 1042 г. (в конце 1041 г.) китайцы начали интриги против известного тангутского полководца Ели Ван-юна. Сунские чиновники написали ему письмо, уговаривая сдаться и обещая за это большую часть территории Си Ся и свидетельство на титул. Управляющий городом Цинцзянь Чжун Ши-хэн подослал к Ели Ван-юну некоего Ван Суна с письмом, спрятанным в восковую капсулу. В своем письме он советовал Ели Ван-юну поскорее сдаться, угрожая тем, что об этом письме станет известно Юань-хао и он заподозрит его в измене. При переходе через границу Ван Сун был схвачен тангутским дозором и привезен к Ван-юну. Ван-юн не придал найденному у Ван Суна письму никакого значения, а самого Ван Суна посадил в яму. Однако через своих лазутчиков китайцы добились того, что Юань-хао узнал о письме. Он потребовал доставить в столицу Ван Суна. Ели Ван-юн также был вызван ко двору.

Сохранилось интересное описание их поездки в столицу Ся. От границы до Синчжоу им потребовалось проделать путь в несколько сот ли. В Синчжоу они первоначально явились в Шуми, а затем Ван Суна отправили в Чжуншу. Здесь его подвергли допросу, причем связали и сильно избили.

Ван Сун твердил одно — письмо предназначено самому Юань-хао и он не может показать его тангутским чиновникам. Тогда его вдруг перевели в другое место. Помещение было очень просторное. Со стен свешивались пестрые бамбуковые занавески, отороченные по краям голубой бахромой. Ван Сун понял, что попал в дом самого Юань-хао. Через некоторое время из-за занавески вышел человек, и Ван Суна опять стали допрашивать, предупредив, что, если он не скажет правды, его казнят. Ван Сун стоял на своем, играя свою роль до конца. Человек приказал вывести Ван Суна и немедленно казнить. Ван Сун понял, что долгожданный момент наступил. В дверях он громко закричал: «Командующий послал Суна тайно передать письмо князю Ели и строго наказал не выдавать секрета. Теперь ему нет никакой радости умирать понапрасну». Он снял монашескую рясу, достал тщательно спрятанное в складках одежды письмо и отдал его. Ван Суна накормили и приказали хорошо обращаться с ним. А в душу Юань-хао прочно закралось сомнение в преданности Ели Ван-юна [ССШЛ. С. 5; СШ. Гл. 485. С. 3787; Гл. 335. С. 2813].

В 1042 г. тангуты отпустили Ван Суна, и тот в сопровождении представителя тангутского двора Ли Вэнь-гуя прибыл в город Цзинцзянь. От имени тангутского двора Ли Вэнь-гуй заявил: «С тех пор как идет война, мы постоянно испытываем трудности и недостатки. Чувства всех людей на стороне мира» [СШ. Гл. 485. С. 3787]. Китайские власти задержали Ли Вэнь-гуя под тем предлогом, что он «является гостем китайской армии» [там же]. Затем переговоры

были возобновлены. Ли Вэнь-гуя отпустили обратно с официальным предложением о начале переговоров о мире. Перед его отъездом Пан Цзи имел с ним беседу, во время которой, в частности, говорил: «Наше государство богато, [оно] владеет Поднебесной, и, хотя наши войска на флангах терпели небольшие поражения, дело никогда не доходило до большого разгрома. Если же Вы потерпите одно поражение, то [Вам] можно беспокоиться и о престоле» [ССЦ. Гл. 9. С. 126]. И добавил, что китайское правительство согласно заключить мир на прежних условиях. Ли Вэнь-гуй смиренно склонил голову и ответил: «Это как раз те думы, которые дни и ночи думают люди запада» [там же].

Пан Цзи несколько покривил душой, сообщив Ли Вэнь-гую, что двор готов заключить мир на прежних условиях. Сунский двор готов был пойти на бóльшие уступки. В инструкции о ведении переговоров, полученной Пан Цзи, говорилось, что, если Юань-хао признает себя младшим, он может оставить себе императорский титул, а если Юань-хао откажется от титула хуанди и согласится называться шаньюем или ханом, то сунский двор увеличит подарки. Пан Цзи справедливо счел, что это большие уступки, и умолчал о решении двора. Через месяц Ли Вэнь-гуй возвратился в Китай в сопровождении Ели Ван-юна, его младшего брата Ван-мина и Вэймина Хуаньво, трех прославленных в спорах тангутов, для ведения переговоров. Но Юань-хао не пожелал отказаться от императорского титула. «Когда солнце достигло зенита, то оно по законам Неба двигается только на запад, — говорили тангутские послы. — Разве может оно вопреки этим законам спуститься на востоке?» [СШ. Гл. 485. С. 3787]. Пан Цзи не уступал. Переговоры затянулись. Пограничные власти рекомендовали тангутам обратиться непосредственно ко двору. Двор отказался принять тангутских послов и приказал Пан Цзи возобновить переговоры на границе [там же]. Тангутские послы возвратились домой.

А вскоре Юань-хао, человек мнительный и жестокий, усомнился в верности Ели Ван-юна. После срыва переговоров Ели Ван-юн и его брат Ели Юй-ци были обвинены в государственной измене и казнены [МЦБТ. С. 164].

Кидани были обеспокоены возможностью заключения мира между Си Ся и Сун. Они начали с тангутами переговоры о совместном нападении на Китай [ЛШ. Гл. 85. С. 354]. Но вспыхнувшее вскоре после этого на территории Ляо восстание дансянских племен не только обострило отношения между странами и сорвало намечавшийся поход, но и в конце концов привело к тангутско-киданьской войне.

Казнив Ели Ван-юна и Ели Юй-ци, Юань-хао очень скоро понял, что допустил большую ошибку и лишил себя хороших советников и верных друзей. Страна была в тяжелом положении. «Народ роптал... торговля давно прекратилась, не было чая, одежды и шелк вздорожали» [ЧБ. Гл. 5. С. 236; ССЦ. Гл. 10. С. 2а–2б]. Не оставалось ничего иного, как возобновить переговоры о мире. Тангутское посольство прибыло в Китай. На этот раз Юань-хао соглашался именоваться титулом «уцзу» (по-тангутски «император») [ТФ. Кн. 1. С. 49–50], в обращении к сунскому императору называть его отцом и императором Великой Сун, но не желал называться младшим (чэнь), а предлагал именовать его сыном [ЛПЦ. Гл. 20. С. 6а]. Китайцы долго не могли решиться, принять или отвергнуть предложение Юань-хао. Особенно смущал их необычный титул —

«уцзу». Они понимали, что этот титул равнозначен титулу «шаньюй» или «хан» и означает по-тангутски «император», но уж очень тангутское «уцзу» походило на китайское «у цзу» («мой дед»). Знаменитый китайский ученый Оуян Сю с возмущением говорил: «"У" значит "я", "мой", "цзу" значит "дед". Неужели какой-то иноземный мятежник является нашим дедом? Не знаю, кто осмелится открыть рот, чтобы сказать такое!» [СШСГЧЦЧ. Гл. 6. С. 3а].

Другой китайский чиновник говорил: «Надменные и недоброжелательные намерения цянжунов достаточно очевидны. Если даже Юань-хао признает себя младшим, то в обращении к [нашему] императору он будет именовать себя "уцзу" — "нашим дедом". Двор в жалованных ему грамотах и письмах также будет называть его "уцзу". Как же все это согласовать между собой?» [ЧБ. Гл. 142. С. 13б–14а]. Сунский двор решил, что тангуты преднамеренно оскорбили китайцев, и прервал переговоры.

И все-таки положение самого Китая было не настолько хорошим, чтобы он мог продолжать войну. В 1043 г. обе стороны ограничивались мелкими стычками. Из докладов пограничных чиновников явствует, что из 200-тысячной сунской армии, расквартированной в четырех пограничных с Си Ся областях, лишь половина была по-настоящему боеспособной. Кроме того, тангутские войска были более подвижны, и тангутским командирам часто удавалось обеспечивать численное превосходство своих войск в бою. «Десять их солдат борются против одного нашего, а один наш против десяти тангутов» [СШ. Гл. 292. С. 2528], — сообщал Ван Яо-чэнь. Китайские чиновники просили увеличить армию, а войск не было. Поэтому вместо увеличения армии сунский двор отправил в Си Ся посольство для ведения переговоров о мире. На этот раз суны согласились, чтобы Юань-хао называл себя государем государства Ся (Ся го чжу) [там же. Гл. 485. С. 3787]. За это сунский двор соглашался выплачивать тангутам 100 тыс. кусков шелка и 30 тыс. цзинь чаю. Тангутские послы, прибывшие ко двору, должны были выполнять тот же церемониал, что и киданьские. В день рождения Юань-хао из Китая ему обязывались присылать подарки. Оба государства оставались в своих прежних границах [ССЦ. Гл. 10. С. 4а].

Юань-хао послал ответное посольство. Он соглашался признать себя младшим партнером сунского императора, принимал предложенные Сун условия мира, но просил еще открыть торговлю солью и позволить тангутам ежегодно продавать в Китай 100 тыс. дань соли[9]. Он хотел обменивать соль на чай и просил, кроме того, увеличить сумму ежегодных выплат. Однако приток дешевой тангутской соли уменьшил бы доходы государственной казны Сун. Кроме того, как отмечали китайские чиновники, ежегодная закупка в Си Ся 100 тыс. дань соли не только подорвала бы монополию, но принесла бы тангутам громадный доход. Получаемые тангутами из Китая суммы стали бы равны суммам, посылаемым сунами киданям, а это сразу же испортило бы отношения Сун с Ляо [СШ. Гл. 295. С. 2547]. Поэтому китайцы не согласились принять условия тангутов.

Юань-хао решил шантажировать китайцев. Он обратился к киданям с просьбой объявить о походе на Сун. Отношения между Си Ся и Ляо оставляли же-

[9] Один дань в XII в. был равен приблизительно 60 кг.

лать лучшего, но кидани в это время снова обратились к Сун с территориальными притязаниями и поэтому были заинтересованы в распространении слухов о якобы готовящемся походе. На деле, конечно, они и не думали помогать Си Ся [ССШШ. Гл. 17. С. 1а–1б].

В январе 1044 г. тангуты снова отправили посольства в Китай. Юань-хао согласился признавать себя младшим и обозначил дату письма циклическими знаками, принятыми в Сун. Кроме того, он по-прежнему ставил условием мира разрешение на торговлю солью и просил увеличить ежегодные пожалования до 300 тыс. [ССЦ. Гл. 10. С. 96; ЧБ. Гл. 145. С. 12а]. На этот раз китайцы согласились открыть пограничные рынки и увеличить обещанную сумму ежегодных выплат на 50 тыс. [ССШШ. Гл. 17. С. 7а][10]. Ведя переговоры, тангуты отстраивали пограничные укрепления, возводили крепости и при этом частенько прихватывали китайские земли. Местные пограничные власти не решались чинить им препятствий, боясь возобновления войны. Тангутские отряды стали даже снова грабить пограничные районы округа Цинчжоу [там же]. Однако разразившаяся в это время киданьско-тангутская война потребовала от Си Ся немедленного заключения мира с Сун. Было уже не до торга: речь шла о судьбе Тангутского государства.

В 1044 г. сунскому императору был представлен текст договора с Ся: «Уже семь лет как между [договаривающимися] сторонами нарушены мир и дружба. С сегодняшнего дня устанавливается клятвенный договор. Желательно хранить его в Минфу[11]. Каждая сторона не возвращает взятых в плен до этого дня полководцев, офицеров и простых людей. Пограничных жителей, которые после заключения договора будут переходить границу, также не требовать обратно. В ближайшее время [тангуты] должны передать двору захваченные города и крепости. На древних китайских землях Каолао, Ляньдао, Наньана и Чэнпина, а также в других пограничных районах, населенных и тангутами, и китайцами, [тангутский двор] просит установить границы. В пределах своей территории каждой стороне позволяется строить города и крепости. Каждый год [Китай] представляет [тангутам] серебра, узорного шелка и чаю на 255 тыс. лан[12]. [Тангутский двор] просит, чтобы все это представлялось в твердо установленном количестве. Тангутская сторона не будет допускать оскорблений и просит обнародовать этот договор.

Она обязуется из поколения в поколение свято соблюдать его с тем, чтобы между Си Ся и Китаем вечно существовали отношения дружбы. Если же этот договор не будет соблюдаться тангутским государем или его родственниками

---

[10] Имеется в виду общая сумма и денежных, и натуральных выплат, вероятно, в денежном исчислении.

[11] Минфу 盟府. Возможно, в тексте ошибка и имелось в виду 盟保寻 «хранилище клятвенных договоров».

[12] Суммы китайских выплат тангутам распределялись следующим образом: общий ежегодный взнос — шелка 130 тыс. кусков, серебра 50 тыс. лан, чаю 20 тыс. цзинь. К празднику Неба — серебра 10 тыс. лан, шелка 10 тыс. кусков, чаю 5 тыс. цзинь. К новому году — серебра 5 тыс. лан, шелка 5 тыс. кусков, чаю — 5 тыс. цзинь. Во второй месяц зимы дарились одежды, серебра 5 тыс. лан, шелка 5 тыс. кусков. Ко дню рождения Юань-хао — серебра 2 тыс. лан, шелка 2 тыс. кусков, полотна на платье 1 тыс. кусков. В сумме действительно получается 255 тыс. единиц в год.

или изменятся намерения его сановников, то пусть навечно прекратятся жертвоприношения в храме предков тангутских государей, а дети и внуки их будут бедствовать» [СШ. Гл. 485. С. 3787].

Китайский двор ответил императорским указом: «Мы владеем четырьмя морями (вселенной), обширной территорией в 10 тыс. ли, а земли Си Ся из века в век считались пожалованными. Теперь Вы сообщаете о преданности, раскаиваетесь в совершенных преступлениях и предлагаете договор верности, клянетесь солнцем, луной и духами в том, что и потомки Ваши не изменят этому договору. Неожиданные сердечные просьбы Ваши дошли до нас, и мы очень рады им. [Мы] снисходительно прочли присланный Вами договор и во всем согласны с его условиями» [там же. С. 3787–3788].

Мирный договор был заключен.

Уже воевавшему с киданями Юань-хао требовался срочный мир с Сун. Как только был получен ответ из Китая, он послал к сунскому двору посла, прося пожалования свидетельства на титул.

Несмотря на то что некоторые китайские чиновники советовали подождать и воспользоваться войной Си Ся и Ляо в интересах Сун, в декабре 1044 г. — январе 1045 г. из Китая выехало посольство для вручения Юань-хао свидетельства на титул и окончательного оформления договора. Послы вручили Юань-хао два полных комплекта одежды, золотой пояс, серебряную упряжь, 20 тыс. кусков шелка, 20 тыс. лан серебра и 30 тыс. цзинь чаю. Юань-хао получил свидетельство на титул, написанное черным лаком на 24 бамбуковых дощечках, укрепленных на парчовой подкладке, и позолоченную из серебра печать, текст которой гласил: «Печать государя государства Ся».

При заключении договора было особо подчеркнуто, что тангутский государь признает себя младшим по сравнению с императором Сун и принимает китайский календарь. Однако сунский император согласился, что в обращениях к государю Си Ся он не будет называть его по имени (так как это считалось унизительным), а тангутские послы будут пользоваться в Китае правительственными почтовыми станциями и получат право торговать. Во время торжественных встреч их будут принимать во флигеле (додянь). Для торговли тангутам были открыты рынки в Баоаньцзюнь (современный Баоань) и в крепости Гаопин. Соль продавать в Китай запрещалось [ЧБ. Гл. 153. С. 9а–10а; СШ. Гл. 485. С. 3788]. В договоре особо были оговорены торговые льготы правящего дома Ся [ЛПЦ. Гл. 20. С. 6а; ССЦ. Гл. 10. С. 156].

Как выполняли китайцы все условия договора, мы не знаем. В китайских источниках сообщается лишь, что после заключения договора сунские послы обычно принимались в Ючжоу и не допускались в столицу Ся и другие большие города, а в своем государстве Юань-хао, как и прежде, звался императором [СШ. Гл. 485. С. 3788].

Так закончилась эта война, одна из самых больших в серии тангутско-китайских войн, начатых еще Цзи-цянем.

Каковы же были ее результаты?

В конечном итоге она была победоносной для тангутов. Кроме права торговать с Китаем они стали получать ежегодные выплаты, составлявшие весомую часть доходов Си Ся. Обе стороны оставались в прежних границах. Сунская

империя оказалась не в состоянии справиться с тангутским государством. Но сунский Китай сумел сохранить свой престиж. Юань-хао в отношениях с Сун по-прежнему признавал себя младшим. И здесь он потерпел поражение. Он уступил. Тангуты, которые, не успев покончить с одной войной, оказались вовлеченными в другую, не менее опасную и изнурительную, со всех сторон окруженные врагами (уйгуры, тибетцы), смогли только активно защищаться. Много раз их войска одерживали победу, но ни разу не могли закрепить ее. Все их походы на китайскую территорию были набегами, ничего общего не имеющими с планомерным захватом и освоением территории противника. Возможно, тангуты и не стремились к этому, хорошо понимая фактическое превосходство сил китайской армии и свою экономическую заинтересованность в торговле и мире с Сун. Неслучайно на протяжении всей войны они стремились к урегулированию конфликта мирным путем. Исход войны в равной мере был решен как на поле брани, так и в дипломатических спорах, которые часто лишь подкреплялись силой оружия. Надо отметить, что со стороны тангутов это была справедливая война за свою независимость. Она потребовала огромного напряжения всех сил молодого тангутского государства.

Война резко отрицательно сказалась на экономике Си Ся. Неокрепший хозяйственный организм тангутского государства, подорванный непосильной войной с Китаем, переросшей для него непосредственно в войну с Ляо, был сильно ослаблен. В последующие годы хозяйство Си Ся развивалось также в обстановке постоянных войн с Сун, Ляо, тибетцами и смогло окрепнуть только к середине XII в.

Отразилась эта война и на экономике Северной Сун. В результате увеличения налогового бремени и отрыва значительной части трудоспособного населения от производительного труда произошло заметное сокращение числа землевладельцев, основных налогоплательщиков [Kracke, 1953. P. 10]. Это, несмотря на бурный рост населения (в 997 г. в Сун насчитывалось 4 514 257 семей, в 1063 г. — 12 462 311 семей) [ibid. P. 15], незамедлительно привело к резкому сокращению поступлений в казну, особенно с сельскохозяйственных районов. Так, если в 1021 г. поступления в казну составили 150 850 100 единиц, то в 1048 г. они упали в результате войны с Си Ся до 122 190 000 единиц [ibid. P. 17], т. е. значительно сократились. При этом финансовые трудности Сун возросли в связи с необходимостью ежегодных выплат Ся. Вместе с выплатами Ляо ежегодная сумма китайских выплат составляла 755 000 единиц [Reischauer, Fairbank, 1960. P. 205]. Однако основная причина финансовых трудностей — увеличение расходов на армию. Военные расходы Северной Сун составили к середине XI в. 80 % общей суммы всех расходов правительства [ibid.], а численность армии возросла более чем в три раза (378 тыс. человек в 976 г., 1259 тыс. человек в 1041 г., в разгар войны с Си Ся) [ibid.]. И все-таки, несмотря на напряженное положение всей экономики страны, сунские войска не смогли одержать ни одной сколько-нибудь крупной победы. По суровой оценке Е. К. Кракке, в 1040–1041 гг. тангуты «оказались в состоянии разгромить несколько сунских армий и поставить нацию в критическое положение» [Kracke, 1953. P. 10–11].

Именно в период войны Сун и Си Ся в жизни Китая остро проявились те затруднения, которые послужили через четверть века одной из причин реформ

Ван Ань-ши. Это и было одним из важнейших последствий тангутско-китайской войны 1040–1044 гг. для Китая.

Очень верно отмечает Ван Чжун, что, хотя тангутское государство признавало себя зависимым вначале от Сун и Ляо, а затем от Сун и Цзинь, оно, «тем не менее было в состоянии отразить внешние вторжения в пределы своих границ и сохранять фактическую независимость» [Ван Чжун, 1962. С. 20].

ПЕРВАЯ КИДАНЬСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА

Еще не успели тангуты заключить мир с Китаем, как были вынуждены начать войну со вторым своим могущественным соседом — киданями.

Во время войны между Си Ся и Сун киданьские послы, как вороны, перелетали из одного стана в другой, зная, что ослабление обеих сторон — это их успех, их нажива. Однако нельзя не отметить, что главным своим врагом кидани считали сунский Китай и поэтому оказывали поддержку государству Си Ся.

Отношения Си Ся и Ляо в 1044 г. резко обострились. Мы уже отмечали, что в X в. дансянские племена распространились далеко на север и часть их стала затем проживать на территории Ляо. Большинство дансянских старшин из Ляо поддерживали связи с Си Ся и пользовались покровительством тангутских государей. Это вызывало недовольство киданей.

В начале 1044 г. восстало несколько проживавших в Ляо дансянских племен. Часть из них, как, например, 800 семейств рода Дайэр, перекочевали на территорию государства Си Ся. Преследовавшие дансянов киданьские войска неожиданно столкнулись с отрядом тангутской конницы, высланным Юань-хао на помощь восставшим. В пограничных инцидентах погибли несколько военачальников Ляо [ЛШ. Гл. 115. С. 421; Гл. 19. С. 78; СШ. Гл. 485. С. 3788][13]. Юань-хао, может быть, и не решился бы на конфликт с киданями, но он был очень недоволен тем, что они так и не начали войны с Сун, да еще, пользуясь случаем, сорвали с Китая дополнительные выплаты. В официальном заявлении Юань-хао оправдывал посылку войск тем, что кидани давно ведут подготовку к войне с Си Ся. Они посылают на границу войска, строят там крепости и укрепляют города. А это не могло не вызвать беспокойства тангутов. Все эти причины сами по себе еще не вызвали бы столкновения, но они явились причиной посылки тангутских войск на помощь дансянам и другим восставшим племенам.

Защитив перешедших на территорию Си Ся дансян, тангуты не рассчитывали продолжать борьбу с Ляо. Когда в Синчжоу стало известно, что кидани собирают войска и готовят большой поход на Си Ся, Юань-хао сразу послал

[13] В «Ляо ши ши и» сообщается: «Восстали племена Баоцзя в Сяншань на киданьской границе. Многие из них подчинились Юань-хао. Кидани обратились по этому случаю с запросом. Однако Юань-хао не отвечал и именовал себя "Западным двором", а киданей называл "Северной границей" (т. е. отзывался о них уничижительно, как о пограничных варварских племенах)» [см.: Ли Э. Ляо ши ши и. Гл. 22. С. 418].

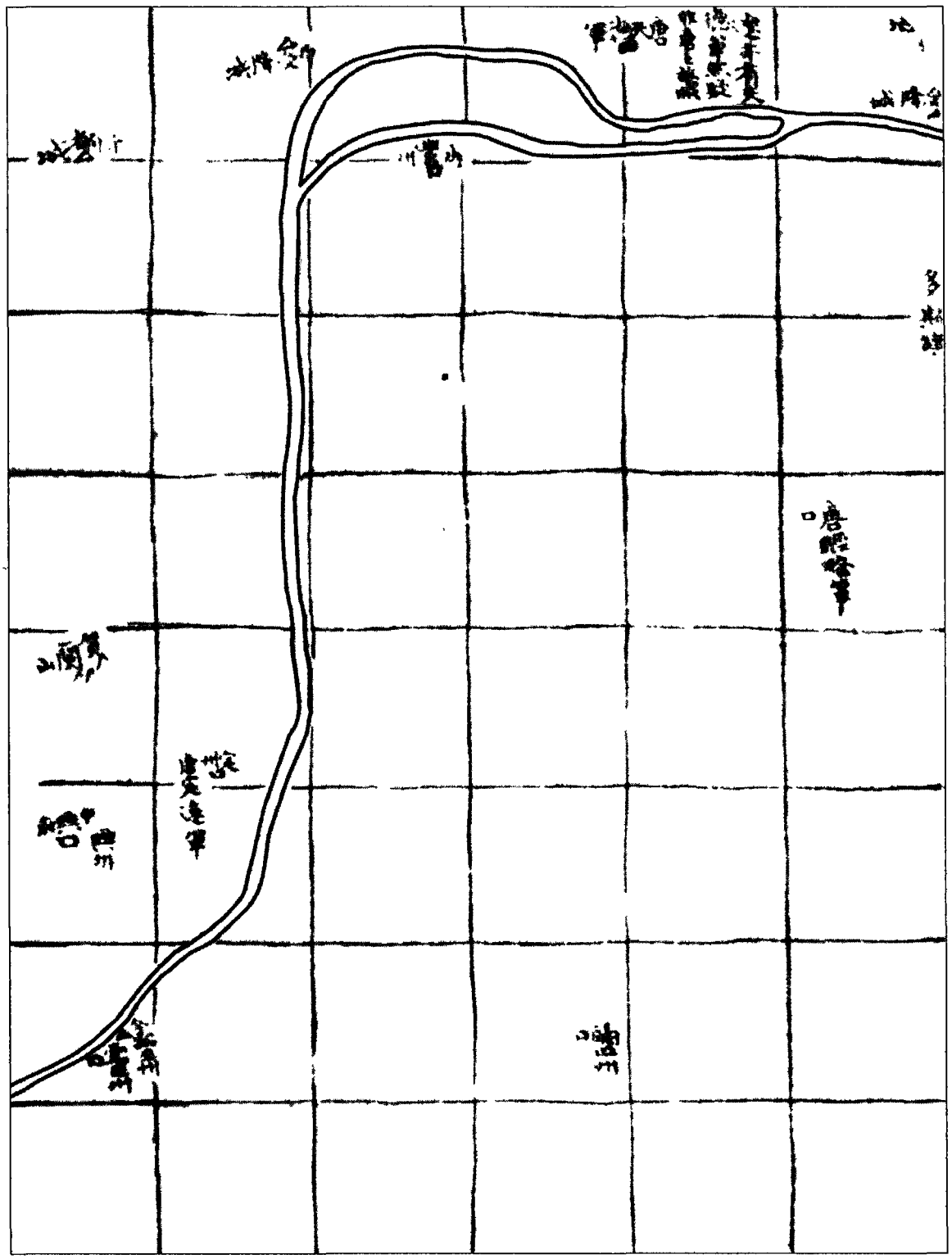

Рис. 9. Границы Си Ся с государством Ляо (левая сторона)

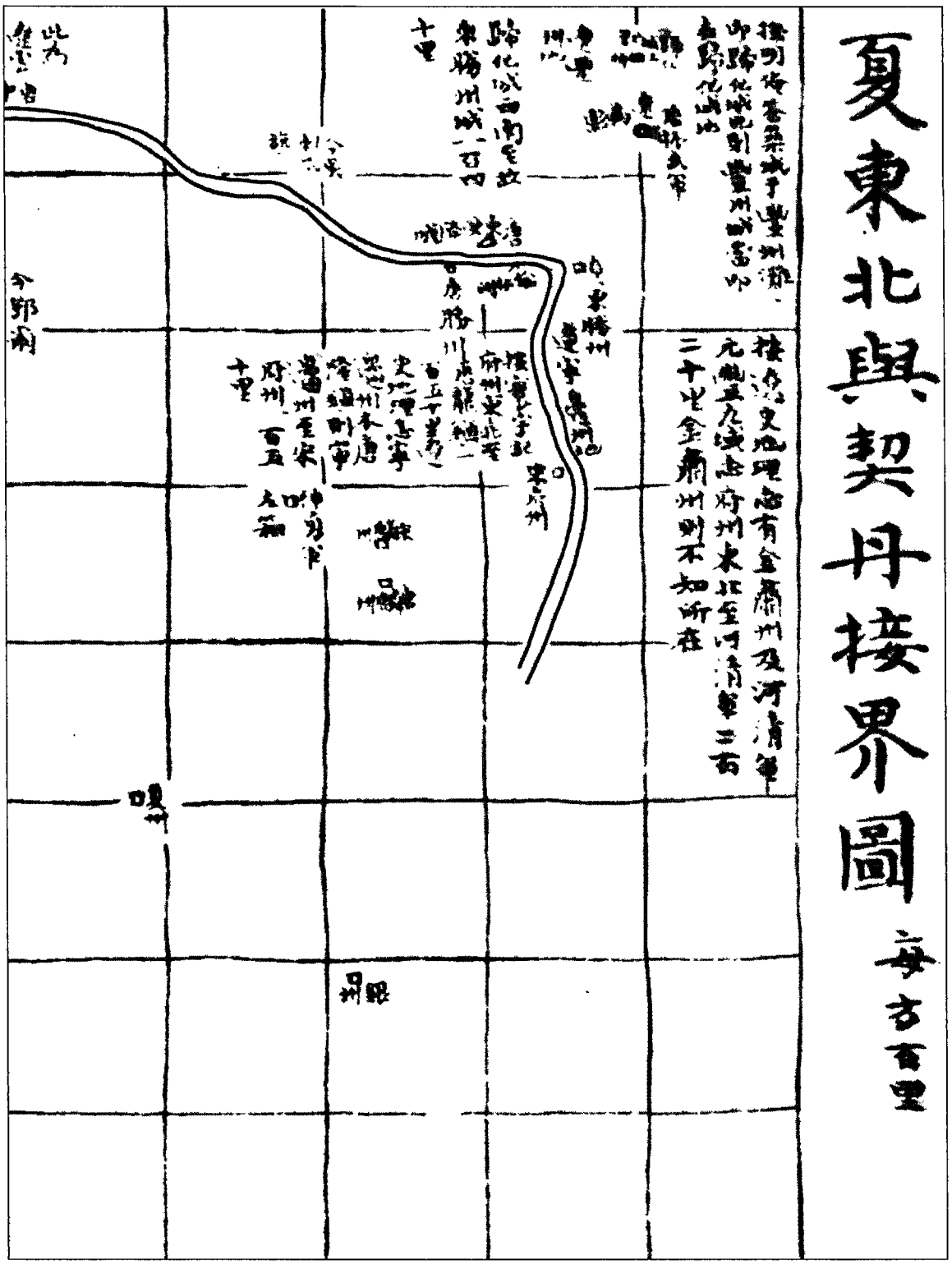

Рис. 10. Границы Си Ся с государством Ляо (правая сторона)

подарки киданьскому двору. Тангутский посол был арестован. Задержали и второго посла, прибывшего из Си Ся, чтобы узнать о причине ареста своего предшественника [ЛШ. Гл. 19. С. 83]. Тангутские лазутчики, прибывшие до этого к проживающим в Ляо племенам цзубу (татарам), чтобы уговорить их выступить против киданей, были арестованы и переданы киданьским властям, причем старшины цзубу заявили о своей готовности помочь киданям в борьбе с Си Ся [там же].

В десятом месяце (24 октября — 22 ноября) 1044 г. киданьская армия, переправившись через Хуанхэ, вторглась в пределы Си Ся по трем направлениям. 100-тысячной конницей центрального направления командовал сам киданьский император. Основные силы киданей выступили из города Цзиньсу[14].

К северу от главной колонны войск двигалась 60-тысячная армия Ханьго вана, а с юга — армия Тяньци вана, младшего брата императора Ляо. Тангуты не принимали боя. Их отряды отступали, опустошая покидаемую территорию.

В столицу Сун прибыло киданьское посольство. На этот раз кидани просили о немногом — они хотели, чтобы Китай не заключал мира с Си Ся. Усиление киданей за счет Си Ся было совершенно невыгодно Сун. И китайский двор без долгих колебаний направил в Си Ся посольство для ускорения переговоров о мире.

В это время киданьская армия продвинулась в глубь территории Си Ся более чем на 200 км, так и не встретив основных сил тангутов. Это беспокоило киданьских полководцев, опасавшихся внезапного нападения. Основная армия Ляо разбила лагерь у монастыря Шэнсы. Из Ляо продолжали прибывать дополнительные отряды. Тангутские гонцы, высланные Юань-хао для согласования действий дансянских племен, проживавших в Ляо, с войсками Си Ся, были схвачены киданьскими разъездами и расстреляны из луков. Наконец, незначительные силы тангутов произвели разведку боем. Завязалась упорная битва. Тангуты не смогли устоять и отступили [СШ. Гл. 485. С. 3788].

В Си Ся отлично понимали, что страна истощена только что кончившейся войной с Сун, армия утомлена и трудно рассчитывать на успех в борьбе с более сильным противником. Юань-хао отправил письмо императору Ляо и просил решить спор мирно. Думается, что это не был просто тактический прием. Тангуты искренне желали прекращения войны. Недоверчивый государь Ляо направил в Си Ся гонца, чтобы тот лично убедился в правдивости тангутов. Было решено, что тангуты отведут свои войска на 10 ли и выдадут киданям мятежных дансянских старшин. В киданьский лагерь прибыло тангутское посольство с дарами [ЛШ. Гл. 19. С. 78; Гл. 115. С. 421]. Затем туда приехал сам Юань-хао со старшинами трех мятежных племен. Император Ляо устроил в честь Юань-хао прием, а в знак клятвы о мире торжественно была сломана стрела [там же. Гл. 19. С. 78; ССЦ. Гл. 10. С. 14а–14б]. Вскоре тангуты возвратились в свой лагерь, и всем уже казалось, что мир будет заключен.

Однако большая группа киданьских сановников во главе с Сяо Хоем считала, что кидани должны продолжать военные действия и разгромить про-

[14] Город Цзиньсу указан на карте провинции Шэньси эпохи Сун. Он был расположен к северу от Хуанхэ и к западу от Фэнчжоу [см.: Шэньси тунчжи. Гл. 2. Таблицы и карты].

тивника. Им удалось повлиять на императора. Тот заколебался, и мир не был заключен.

Не получив твердого ответа, Юань-хао отвел свои войска на 30 ли и стал ждать. Напряженное ожидание длилось довольно долго. Три раза тангутская армия меняла свои позиции, опустошая покидаемую территорию. Таким образом тангуты отступили на 100 ли.

Нерешительность киданей стала для них роковой. Наступила зима. Армия голодала. Начался падеж лошадей. Кидани уже были готовы заключить мир, но теперь Юань-хао намеренно затягивал время, изматывая киданьские войска. Тангуты стали нападать на киданьские отряды. Все это вынудило киданей наконец начать военные действия. Киданьская армия атаковала лагерь тангутов. На этот раз тангуты приняли бой. Ряды тангутской пехоты, прикрываемые конницей, стойко отражали натиск киданей. Тогда Сяо Хой именно на тангутскую конницу обрушил всю мощь удара киданьской армии и рассеял ее. Часть тангутской армии попала в окружение. Окруженным тангутам ценой тяжелых потерь удалось прорвать вражеское кольцо. С той и другой стороны в бой были введены все имеющиеся в наличии войска. Внезапно поднялся ветер. Тучи песка слепили солдат. И в этот момент дрогнули и смешались ряды киданей. Тангутская армия смяла киданьские полки, и началось жестокое избиение бегущей киданьской армии. Затем тангуты атаковали ставку императора Ляо. Охранявшая ее гвардия не выдержала натиска и побежала. Бежал и сам император Ляо, сопровождаемый лишь несколькими всадниками. Юань-хао не захотел брать его в плен и приказал прекратить преследование. Большая часть киданьской армии погибла. Тангуты одержали блестящую победу. Всем пленным киданям в знак вечного позора тангуты отрезали носы [СШ. Гл. 485. С. 3788; ЛШ. Гл. 93. С. 371; Гл. 109. С. 405].

Тангуты поспешили воспользоваться победой для заключения мира. Одержав победу, они сразу же направили в Ляо тангутское посольство. Тангуты возвратили взятых в плен киданей и предложили мир. Кидани освободили задержанных ранее тангутских послов [ЛШ. Гл. 19. С. 78].

Государь Ляо, опасаясь распространения слухов о его поражении, послал на киданьско-сунскую границу манифест, в котором, скрывая свою неудачу, обвинял во всем тангутов и превозносил свои заслуги. В манифесте, в частности, говорилось: «Забыв оказанные ему милости и полагаясь только на безрассудную дерзость своего характера, [Юань-хао] лично завлекал [дансянские племена], хитро шпионил, радовался преступлениям, совершаемым на границе. Все это вызвало неисчислимые бедствия. Трудно было простить ему все его преступления, и я сам во главе армии, состоящей из отборных войск, отправился, чтобы уничтожить опасность в зародыше. Но как только я приблизился, мятежный двор просил возобновить прежние дружеские отношения» [ССЦ. Гл. 10. С. 16а]. Однако все китайское население южных областей Ляо прекрасно знало о поражении киданей. Знали об этом и сунские шпионы, своими глазами видевшие многочисленные повозки с тяжелоранеными и убитыми, одна за другой прибывавшие с запада [там же].

Сунский двор с самого начала войны занял по отношению к Си Ся благожелательную позицию. Юань-хао прислал в Кайфэн доклад о победе и подарил

сунскому двору плененных киданей. Китайцы доклад приняли, а пленных возвратили, так как не желали обострять отношений с киданями [ЧБ. Гл. 154. С. 2а–2б]. Они больше доверяли тангутам и даже во время похода киданей на Си Ся сконцентрировали свои войска на границе с Ляо. Они справедливо опасались, что в случае успеха в войне с Си Ся кидани могут напасть и на Сун.

Узнав о поражении киданей на востоке, против их господства восстали чжурчжэни и бохайцы. Лишь с большим трудом кидани смогли подавить эти восстания. Осмелели и тангуты. Они часто делали грабительские налеты на пограничные районы Ляо. Эти мелкие стычки были очень болезненны для киданей, и государь Ляо снова стал подумывать о большом походе на Си Ся.

Победа тангутов не только укрепила их престиж в глазах окружавших Си Ся народов, но и свидетельствовала о начавшемся упадке киданьской империи. Вскоре кидани потерпели еще одно поражение от тангутов. И хотя в 1075 г. киданям удалось завладеть рядом пограничных территорий Сун, поражение Ляо в войне с Си Ся было первым свидетельством начавшегося ослабления киданьского государства.

ОСЛАБЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ВОЙНЫ СИ СЯ В СЕРЕДИНЕ XI в.*

ВТОРАЯ КИДАНЬСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА

Скоро нашелся и предлог для войны — тангутское посольство запоздало с поздравлениями к новому 1049 г. Кидани, искавшие любого повода к ссоре, арестовали послов и приступили к концентрации войск на границе, оповестив сунский двор о предстоящем походе на Ся [ЛШ. Гл. 20. С. 81]. Встревоженные тангуты через полгода послали к киданям новое посольство с подарками. Тангутские послы опять были задержаны [там же]. Кидани уже подготовились к войне, и тангуты поняли, что мирное урегулирование конфликта невозможно.

В седьмом месяце (2–31 августа) 1049 г. киданьские войска перешли границу Ся. Переправившись через Хуанхэ, они овладели тангутской крепостью Танлунчжэнь, которая стала базой их дальнейшего наступления на юг. Действия сухопутных войск поддерживал киданьский речной флот [там же; ССЦШБМ. Гл. 19. С. 16; ССЦ. Гл. 12. С. 36].

Пограничные тангутские гарнизоны были смяты киданями. Разгромили они и высланные им навстречу небольшие отряды тангутской армии. Их войска успешно продвигались в глубь территории Ся. Уверенность в легкой и скорой победе ослабила бдительность киданьских командиров и солдат. Доспехи и оружие погрузили на повозки, которые часто отставали от колонн. Разведка не высылалась. Фураж и продовольствие, оставшееся на кораблях, доставлялись нерегулярно.

Колонна войск, которой командовал Сяо Хой, три дня не вставала лагерем. Солдаты устали. Упоенный победным шествием, Сяо Хой не принял должных мер предосторожности даже тогда, когда получил известие о подходе тангутских войск. Укрывшиеся в горах отряды тангутской конницы внезапно обрушились на армию Сяо Хоя. Пока солдаты разыскивали свое оружие и доспехи, большая часть их была перебита. Сам Сяо Хой едва спасся бегством [ЛШ. Гл. 93. С. 371].

Несмотря на разгром армии Сяо Хоя, государь Ляо, командовавший центральной группой киданьских войск, приказал продолжать наступление. Елюй

---

* Из кн.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. (Гл. 5.) С. 170–178, 200–209.

Жэнь-сянь и другие полководцы вынудили его отменить этот приказ [там же. Гл. 96. С. 377]. Основная группировка киданьских войск также прекратила наступление.

Успешным оказалось наступление лишь третьей, западной колонны киданьских войск, двигавшейся из монгольских степей в направлении гор Хэланьшань под командованием Елюй Дигу. Кидани опустошили окрестности столицы Си Ся, разгромили трехтысячный отряд тангутов и взяли в плен одну из вдовствующих жен государя Юань-хао и ее свиту [там же. Гл. 115. С. 421].

Сами кидани в письме сунскому двору так характеризовали это выступление 1049 г.: «Войска напали на Си Ся по трем направлениям. Киданьский государь выступил по центральной дороге и одержал большую победу. Войска, выступившие по северной дороге, дошли до Силян, захватили миллион овец, 200 тыс. верблюдов, 500 коров и взяли в плен много стариков и детей. Лишь войска, выступившие по южной дороге, потерпели небольшое поражение» [ССЦ. Гл. 12. С. 46].

Китайцев было трудно обмануть. Сунские пограничные власти доносили, что киданьская армия страдает от недостатка фуража и продовольствия. Большая часть лошадей пала [ССШШ. Гл. 19. С. 3а–3б]. И сунские сановники, читая письмо киданей, отлично понимали, что большая победа армии императора Ляо состояла лишь в том, что она осталась цела, «небольшое поражение» армии Сяо Хоя на деле было полным разгромом, а данные о трофеях, захваченных армией Елюй Дигу, явно преувеличены.

Да и в действительности сами кидани думали совсем иначе, чем писали сунскому двору. Сразу после нового 1050 г. в Си Ся было отправлено киданьское посольство с заданием прощупать почву для заключения достойного мира.

Тангуты были настроены по-боевому. В конце зимы 1050 г. тангутская армия форсировала Хуанхэ и осадила город Цзиньсу, но потерпела поражение, за которым вскоре последовал еще ряд неудач.

Киданьский полководец Сяо Далидэ разбил тангутов у реки Саньцзюечуань, а Сяо Пуну совершил удачный набег в глубь территории Си Ся. Киданьские войска даже появились в окрестностях Синцина [ЛШ. Гл. 87. С. 358; Гл. 20. С. 81]. Вскоре киданям удалось завладеть большими запасами продовольствия, собранными тангутами в северо-западной части гор Хэланьшань [ССЦ. Гл. 12. С. 5б–6а].

На этот раз тангутам пришлось подумать о скорейшем заключении мира. Их посольство прибыло к киданьскому двору и предложило мир на прежних условиях. Тангуты согласились признавать себя младшими по отношению к Ляо. Полгода кидани не вступали в переговоры. Лишь в начале весны 1051 г. они выдвинули свои условия, главным из которых было возвращение всех дансянских племен, сдавшихся Си Ся еще при Юань-хао [ЛШ. Гл. 20. С. 82].

Это условие было неприемлемым для тангутского двора, считавшего позором выдачу своих соплеменников. Тогда тангуты предложили компенсацию убытков, причиненных войной, скотом. Кидани согласились. Кроме того, тангуты требовали, чтобы кидани немедленно освободили крепость Танлунчжэнь, важный стратегический пункт к северо-востоку от Сячжоу, и прекратили оборонительные работы на границе [там же]. Переговоры о мире затянулись почти на два года.

В 1053 г. мир был заключен. Тангуты признали себя младшими по отношению к Ляо. Обе стороны оставались в прежних границах.

Когда в начале 1054 г. ко двору государя Ляо прибыло тангутское посольство, киданьский император в беседе с послом намекнул, что неплохо бы по обычаю предков закрепить мир брачными узами. Тангуты отлично поняли, о чем идет речь, и осенью 1054 г. в Ляо прибыло торжественное посольство просить невесту для Лян-цзо [там же. С. 83]. Жениху, по самым оптимальным подсчетам, в это время было около 7 лет.

Такой оборот дела всполошил китайцев, которые каждый союз Ляо и Ся рассматривали как потенциальную угрозу Сун. Сунский представитель при киданьском дворе Ван Гунчэнь сделал все, чтобы не допустить заключения брачного договора. В беседе с Син-цзуном, императором Ляо, он говорил: «Южному двору (т. е. Сун. — *Е. К.*) известно, что принцесса Северного двора (т. е. Ляо. — *Е. К.*) уже некогда была замужем за Юань-хао. От слишком грубого обращения она затосковала и умерла...» Син-цзун ответил: «[Она] умерла от вражды. Но это была девушка из семьи только родственной императорской». На это Гун-чэнь возразил: «Хотя и известно, что эта девушка была из семьи только родственной императорской, однако ее тоже разрешалось именовать Ваше Величество (би-ся). Возможно, теперь Вы, Ваше Величество, снова породнитесь с ними. Это уж слишком унизительно!» [ССЦ. Гл. 12. С. 96].

Хитрый дипломат добился своего. Брачный союз не был заключен. Не произошло и обмена клятвенными договорами — в середине 1055 г. государь Ляо скончался.

Так закончилась вторая киданьско-тангутская война. Начатая киданями, она не принесла Ляо желаемой победы. Киданям не удалось ни разгромить армию Ся, ни получить большой военной добычи.

Война и на этот раз воочию показала Сун и подчиненным киданям народам, что государство Ляо теряет свое былое могущество.

Тангутам, как стороне пострадавшей, война принесла одни бедствия. Разгромив армию Сяо Хоя, тангуты не сумели больше добиться успеха. Предпринятые ими попытки перенести военные действия на территорию Ляо окончились неудачей.

Каковы были реальные последствия войны для внутренней жизни Ся, мы не знаем. Имеющиеся источники характеризуют лишь внешнеполитическую историю Си Ся этого периода.

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1069–1072 гг. И ТАНГУТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1073–1080 гг.

Когда тангутское посольство с известием о смерти Лян-цзо прибыло к сунскому двору, был возобновлен разговор о причинах убийства Ян Дина. Тангуты заявили, что Ян Дин был в тайном сговоре с тангутским двором, затем предал интересы государя Си Ся, за что и был убит. Сунский император Шэнь-цзун

был вполне удовлетворен представленным ему объяснением. Убийцы Ян Дина были прощены, а покойный Ян Дин лишен всех чинов и имущества [СШ. Гл. 486. С. 3791].

Инцидент с Ян Дином был замят еще и потому, что сунский двор хотел через это тангутское посольство, во главе которого стоял китаец, установить контакт с сильными тангутскими старшинами, посеять соперничество между ними, поссорить их с двором и правящим домом Лян и тем самым ослабить тангутское государство. Через посла был переправлен указ о пожаловании нескольким тангутским старшинам имен и фамилий, почетных титулов и о назначении им жалованья [там же]. Некоторые из этих старшин, тяготившиеся властью дома Лян, действительно стали помогать Сун. Этот недружелюбный акт со стороны сунского двора ухудшил и без того натянутые взаимоотношения между Китаем и Си Ся. Обострились отношения между странами и в результате участившихся пограничных инцидентов.

В конце 1068 г. Бин-чан получил свидетельство на титул от государя Ляо [ЛШ. Гл. 22. С. 88]. Весной 1069 г. прибыло посольство со свидетельством на титул от сунского двора. Задержка посольства из Китая произошла потому, что при дворе было много сторонников немедленного развязывания новой войны.

Малолетний государь и взаимная вражда старшин казались удобным случаем для исполнения заветных планов китайского двора — ликвидации тангутского государства. Однако верх одержали сторонники мирных отношений с Си Ся. К ним принадлежали и два наиболее влиятельных лица при дворе — Ван Аньши и Сыма Гуан. После этого китайский двор послал Бин-чану грамоту на титул и обещал не только по-прежнему соблюдать старый договор, посылать ежегодные выплаты, но и возвратить Суйчжоу [ССЦШБМ. Гл. 23. С. 26]. Вопрос о Суйчжоу оказался в центре внимания тангутского и китайского дворов. Тангуты предлагали Китаю обменять Суйчжоу на две крепости — Аньюань и Саймынь.

Не дремали и сторонники войны с Си Ся. Когда сунский двор прислал указ о присвоении титулов некоторым тангутским старшинам, тангутский двор не принял указа. Прибывший из Си Ся посол Дуло Чжун сделал по этому поводу устное заявление китайскому императору, «обвинив его в желании восстановить подданных Си Ся против тангутского государя» [СШ. Гл. 486. С. 3791].

Китайские власти понимали, что их намерения ясны всем, и тем более тангутскому двору. Но они не ожидали встретить такой твердый отпор. Решение было немедленно отменено — китайские титулы могли дорого обойтись некоторым прокитайски настроенным старшинам. И все же последствия этого акта китайского двора не замедлили сказаться — тангуты официально заявили об отказе от китайского церемониала при переписке и приеме послов [там же].

Между тем не был решен вопрос об обмене Суйчжоу на две крепости. Обе стороны боялись обмана. Более того, местные китайские пограничные чиновники без ведома двора обещали передать тангутам Суйчжоу, с тем чтобы урегулировать все пограничные споры между Си Ся и Сун. Тангуты, естественно, заявили, что речь шла об обмене двух крепостей на Суйчжоу и не больше. Высланные для переговоров представители сторон, не решив вопроса, разъехались по домам. Китайцы спешно еще раз укрепили Суйчжоу и переименовали город в Суйдэ.

Вклейка 1
Молящиеся знатные женщины и мужчины.

1

2

3

Вклейка 2

1,2. Портреты тангутских знатных мужчины и женщины.

3. Божество Бодхисатва Водяной Луны.

1

2

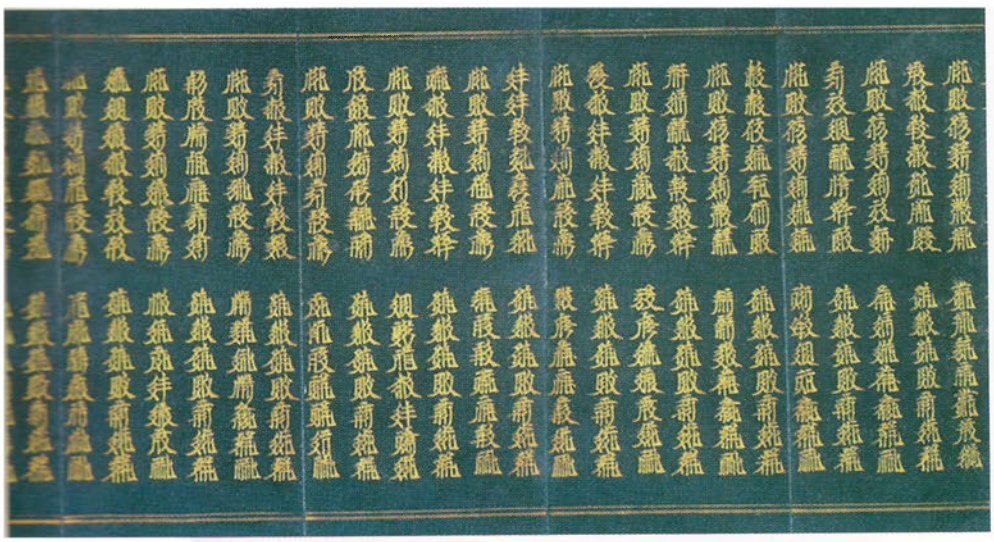

3

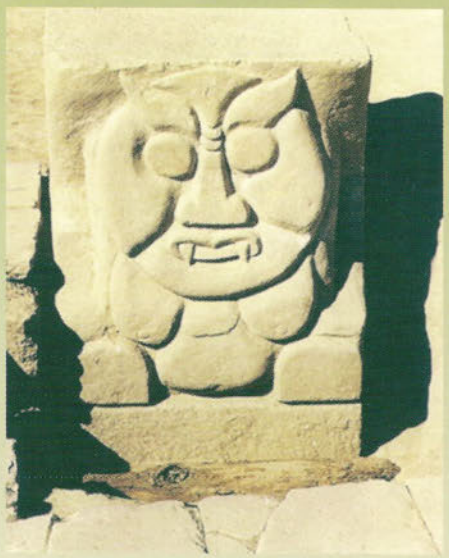
Вклейка 3

1. Голова мужчины.
2,3. Тангутские верительные бирки (пайцзы).

Вклейка 4
Буддийские тексты на тангутском языке.
Книга-гармоника.

1.

2.

3.

4.

Вклейка 5

1. Основание пьедестала в образе предка.
2. Концевая черепица.
3. Большой бык (бронза).
4. Фляга (образец тангутской керамики).

1 2

Вклейка 6

1. Знатный тангутский чиновник.
2. Божество Луны.

Вклейка 7
Тангутская кузница.

1.

2.

Вклейка 8

1. Животный мир в в образах тангутских художников.
2. Гадание по лицу.

Все вышеперечисленные обстоятельства, финалом которых был отказ китайских властей возвратить Суйчжоу, и послужили поводом к началу новой тангутско-китайской войны 1069–1072 гг.

Только что пришедший к власти Ван Ань-ши стоял за сохранение мира с Си Ся. Он говорил императору: «Поскольку теперь Бин-чану пожалована грамота на титул, следует твердо и ясно выполнять условия и обязательства и не позволять пограничным чиновникам развязывать конфликты и безрассудно строить новые города и крепости. Спорить из-за ничтожных выгод и убытков, конечно, несправедливо» [ССЦ. Гл. 14. С. 10а].

Но пограничные власти действовали при поддержке влиятельной группировки сторонников войны. Виновник разрыва переговоров Го Куй не только не был наказан, но и получил награду — в поданном императору докладе местные чиновники представили его героем, разоблачившим обман тангутов, которые, дескать, желали получить Суйчжоу и не отдавать крепостей.

Война могла разразиться в любую минуту. На границе были закрыты все рынки, местные жители бежали в глубь страны.

В конце 1069 г. тангуты напали на пограничные сунские крепости и некоторое время осаждали Суйдэ. Война началась. В первые месяцы 1070 г. для ведения правильной регулярной осады Суйдэ тангуты построили вокруг города восемь острогов. В каждом остроге был поставлен небольшой гарнизон. Но начавшийся в Си Ся голод свел на нет все усилия тангутов. Они были вынуждены отвести войска от стен Суйдэ. Китайцы, воспользовавшись этим, уничтожили все восемь острогов.

Затем военные действия были перенесены на запад, в район города Цинчжоу. Тангуты выстроили здесь крепость Наоэбао. Китайские отряды, высланные для осады крепости, были разгромлены тангутами. Стремясь скрыть поражение, китайские командиры атаковали брошенный тангутами Цзиньтан, убили около двухсот стариков и детей и доложили о своей большой победе.

В конце лета 1070 г. две китайские армии под командованием Ли Кэ-чжуаня и Чжао Юй-циня попали в тангутскую засаду на реке Лохэчуань и были разгромлены. Одержав эту победу, тангутские войска вторглись в округа Хуаньчжоу и Циньчжоу. Все сколько-нибудь значительные китайские пограничные города и крепости были осаждены. Тангутские войска насчитывали более 100 тыс. человек [СШ. Гл. 486. С. 3791]. Сунские войска несли большие потери. Второй раз за последние полвека под угрозой иноземного вторжения была вся долина реки Вэйхэ. Все города и крепости западных областей Сун спешно готовились к обороне. Нужно было принимать какие-то решительные меры.

Командующему сунскими войсками Го Кую через шпионов удалось узнать, что Бин-чан находится близ границы в городе Ючжоу. Ючжоу, по-видимому, вообще служил ставкой дома Лян. Он был первым крупным тангутским городом на пути из Китая в Си Ся. В этот период все письма сунского двора направлялись не в Синцин, а в Ючжоу. Распустив слух, что они готовятся напасть на Ючжоу, и выслав в этом направлении сильный отряд войск, сунские командиры стали оттягивать к границе гарнизоны из глубинных округов. Тангуты поверили, что Ючжоу грозит действительная опасность, и постепенно стали отводить свои войска с сунской территории.

Весной 1071 г. в Китай из Си Ся прибыло посольство с новогодними подарками. Тангуты были намерены заключить мир. Но переговоры не состоялись. Более того, по приказу сунского императора все серебро и шелк, которые должны были быть посланы в 1070 г. в Си Ся по договору 1044 г., перевезли в пограничные районы и стали раздавать тангутским старшинам, переходившим в китайское подданство. Узнав об этом, тангутское посольство немедленно возвратилось обратно [ССЦ. Гл. 14. С. 18а].

В 1071 г. основным театром военных действий стала область города Лоу, построенного тангутами на берегу реки Удинхэ. Город защищал подступы к горам Хэншань. Сунские войска внезапным ударом овладели Лоу, укрепили город и поставили в нем гарнизон. По приказу Чжун Э, руководившего взятием Лоу, у восточных отрогов Хэншаньских гор было выстроено несколько крепостей. Предполагалось, закрепившись в этом районе, овладеть областью Хэншань и поставить под удар центр тангутского государства — округа Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу. Падение Лоу вызвало панику в Си Ся. Рекруты не являлись на сборные пункты [там же. С. 20а]. Тангутский двор в первый момент также растерялся и послал посольство к киданям с просьбой о помощи. Государь Ляо объявил о посылке своих войск на помощь Ся.

Все отлично знали, что кидани не пошлют войска. Это понимал Ван Аньши, который правильно расценил указ государя Ляо о высылке войск как хитрый маневр, рассчитанный на то, чтобы оказать давление на сунский двор [ЧБ. Гл. 220. С. 14б–15б]. Знали об этом и тангуты, которые, не надеясь на прибытие войск из Ляо, приняли все меры для ликвидации нависшей над этим районом угрозы. И все же этот дружеский акт киданьского двора оказал благоприятное моральное воздействие на население Си Ся. Дом Лян смог быстро собрать большую армию и начать контрнаступление.

Одна за другой пали все новые китайские крепости. Сунские войска несли тяжелые потери. Лоу был обречен. Такой способный военачальник, зачинатель всей операции, как Чжун Э, совершенно растерялся и не знал, что предпринять [СШ. Гл. 486. С. 3791]. Двор отдал приказ во избежание новых потерь немедленно оставить Лоу. Возвращавшийся из Лоу сунский гарнизон попал в засаду и был почти полностью уничтожен. Успешно начатая операция закончилась для сунов полным поражением. Сражения в районе Лоу были ожесточенными. Вся территория восточных склонов гор Хэншань была опустошена. «На расстоянии в 300 ли дома и колодцы были брошены и сожжены. Старики и дети бродили без приюта» [ССЦ. Гл. 14. С. 23а].

И как это случалось уже не раз, тангуты, одержав победу, не смогли развить успеха. Они стремились использовать временно добытое превосходство для заключения мира. К сунскому двору прибыло тангутское посольство с подарками. Тангуты опять просили обменять Суйдэ на две крепости и все отношения между государствами строить на основе договора 1044 г. [СШ. Гл. 486. С. 3791]. Сунский двор от переговоров отказался, но согласился на обмен пленными.

В начале 1072 г. тангуты предложили Китаю установить границу в 20 ли севернее Суйдэ, примирившись фактически с потерей этого города. Китайцы и на этот раз отказались вести переговоры. В отместку тангуты разграбили рай-

он Суйдэ. Весной 1072 г. переговоры, наконец, состоялись. Было решено, что та и другая сторона могут строить оборонительные сооружения в пограничной зоне в пределах 20 ли [ЧБ. Гл. 230. С. 6а]. Полностью пограничные вопросы не были решены, но военные действия были прекращены. Китайский двор выслал причитающиеся Си Ся по договору 1044 г. выплаты в счет 1072 г. Сторонники мира с Си Ся во главе с Ван Ань-ши одержали при дворе верх. Отвечая некоторым сановникам, сомневавшимся в прочности мира, поскольку не было заключено клятвенного договора, Ван Ань-ши говорил: «Если можно вообще полагаться на клятвенный договор, то достаточно и того, что государство Си Ся ввело в действие прежний договор. Боюсь, что независимо от того, есть ли клятвенный договор или же его нет, обеспечить полную безопасность границ невозможно. Однако поскольку они (тангуты. — *Е. К.*) только что получили ежегодное пожалование, то, разумеется, не осмелятся протестовать» [там же. Гл. 237. С. 3б–4а].

Ван Ань-ши правильно полагал, что это мир временный и дело не в клятвенном договоре, а в более глубоких территориальных разногласиях между странами. Но обе стороны нуждались в мире, и мир был заключен. Данная война как раз совпала с началом проведения реформ Ван Ань-ши, поэтому ему нужен был мир с Си Ся. А поскольку Ван Ань-ши находился тогда у власти, его политика восторжествовала.

Обе стороны согласились признать остающимся в силе договор 1044 г. Сунский двор отдал приказ не совершать нападений на территорию Си Ся. Китайское посольство прибыло с подарками ко дню рождения Бин-чана. В Си Ся была доставлена очередная партия буддийских канонов.

Двухлетние кровопролитные бои не принесли успеха ни той, ни другой стороне. Пограничные конфликты, вызвавшие войну, не были решены. Тангуты не могли примириться с потерей Суйдэ, а при китайском дворе осталась влиятельная группировка сторонников войны с Си Ся. Войны с тангутами желали и многие пограничные китайские чиновники, искавшие в ней славы и наград. Поэтому неудивительно, что мир между двумя странами продержался только восемь лет.

Отношения между странами продолжали быть настороженными. Особое недоверие тангутов вызывала экспансионистская политика китайцев в отношении восточных тибетцев (о которой будет рассказано ниже). Кроме того, не прекращались местные грабительские налеты на пограничные районы с обеих сторон. Из Си Ся в Китай и из Китая в Си Ся регулярно засылались шпионы для разведки состояния обороноспособности границ. Все последующие после войны 1069–1072 гг. восемь лет мира прошли под знаком настороженности и подготовки к новой войне. До 1075 г. обстановка на границе была сравнительно спокойной. Возобновилась торговля.

В 1075 г. сунский двор произвел генеральный инспекторский смотр готовности границ к обороне. 42 полководца (цзян) разместились со своими армиями на китайско-тангутской границе [ССЦ. Гл. 15. С. 18б]. Тангуты же, чтобы продемонстрировать силу своей армии, вторглись в округа Линьчжоу и Фучжоу [ЧБ. Гл. 290. С. 12б]. С 1077 г. тангуты стали постоянно засылать разведчиков в Китай. Тангутские шпионы проникали на территорию Китая под видом

торговцев лошадьми и селились среди тангутов, проживавших на территории Сун. Тангутские шпионы не только вели разведку, но и распространяли ложные слухи о предстоящих нападениях тангутских войск, подбивали местные племена к восстанию против сунских властей.

То же самое делали китайские шпионы на территории Си Ся. Сунские власти издали указ о немедленной казни пойманных шпионов.

В 1077–1078 гг. между Си Ся и Сун велась оживленная переписка по поводу пахотных пограничных земель. В результате было достигнуто соглашение о разделе земель в округе Фэнчжоу. Граница была установлена по реке Шахэ. Каждая сторона получила по 30 цин пахотной земли [ССЦ. Гл. 16. С. 3а]. В других округах договоренность о размежевании не была достигнута и поэтому постоянно происходили мелкие столкновения на границе, в результате чего в 1079 г. тангуты совершили несколько незначительных нападений на китайскую территорию. Все эти инциденты, однако, носили чисто локальный характер. Активные военные действия тангуты вели лишь с тибетцами и уйгурами, которые по подстрекательству китайцев совершили нападение на Си Ся [СШ. Гл. 490. С. 3823].

КИТАЙСКО-ТАНГУТСКАЯ ВОЙНА 1081–1086 гг.

Хорошо продуманный план был провален его же составителями, едва они начали его осуществлять. Их вялые разрозненные действия, когда каждый искал славы лишь для себя, только содействовали успешному применению тангутами их старой тактики «вытоптанных полей».

Как только тангутский двор получил известие о готовящемся походе китайских армий, вдовствующая императрица Лян собрала военный совет. Все молодые участники совета единодушно высказались за активное сопротивление. Но один из старых полководцев, помнящий еще войны Юань-хао и победу тангутов над киданями, сказал: «Не нужно оказывать сопротивление китайским войскам. Необходимо лишь укреплять стены городов и оставлять врагу опустошенную территорию. Позволим им проникнуть в глубь страны. Соберем отборные войска в Лянчжоу и Сячжоу и вышлем отряды легкой кавалерии, чтобы отрезать пути подвоза продовольствия их армии. Громадная китайская армия, лишенная продовольствия, будет не в состоянии вести войну и окажется в очень трудном положении» [там же]. Императрица Лян поддержала старого полководца. План его был принят военным советом.

Наибольшего успеха китайские войска добились на крайнем западе. В конце 1081 г. сунский отряд под командованием Ли Сяня овладел Ланьчжоу [ЧБ. Гл. 316. С. 16]. Ли Сяню помогала 30-тысячная тибетская армия [СШ. Гл. 486. С. 3792]. Армии Ли Сяня было также приказано двигаться в район Синцин — Линчжоу, а в случае сильного сопротивления тангутов форсировать Хуанхэ и овладеть Лянчжоу с последующим продвижением к Синцину. Но, несмотря на поддержку тибетцев, Ли Сянь не смог развить успеха [там же. Гл. 492. С. 3839]. Встав лагерем в горах Тяньдушань, он сжег там дворец Наньмунэйдянь, в ко-

тором, по-видимому, некогда жил Юань-хао и который служил местом отдыха тангутских государей, разграбил склады продовольствия и фуража, разбил тангутскую армию под командованием Жэньдо Эдина и повернул свои войска обратно, прекратив дальнейшее наступление. Он не только не выполнил приказа императора о наступлении на Синцин, но и не взял Лянчжоу.

Крайняя восточная колонна китайских войск численностью в 60 тыс. человек выступила под командованием Ван Чжун-чжэна из Линчжоу. Пройдя всего несколько ли, Ван Чжун-чжэн поспешил послать донесение двору о том, что он уже вступил на территорию Си Ся, а сам встал лагерем в долине Байцаопин и десять дней не трогался с места. Наконец он решился действительно вступить на территорию Си Ся и, переправившись через Удинхэ, стал двигаться на север по болотистой долине этой реки. В результате, не дав ни одного сражения, Ван Чжун-чжэн потерял много солдат и лошадей. Когда армия подошла к Ючжоу, в городе осталось не более 500 семей. Два дня армия двигалась на восток от Ючжоу, питаясь захваченным по дороге скотом. У местечка Найванцзин округа Ючжоу продовольствие кончилось. Начался голод. Обессиленные от голода и мертвые валялись прямо у дорог. Голодные солдаты отрезали от трупов куски мяса и ели их. 20 тыс. солдат погибло от голода. Ван Чжун-чжэн вынужден был отдать приказ об отступлении [СШ. Гл. 486. С. 3792; СШСГЧЦЧ. Гл. 9. С. 17б].

93-тысячная армия, сформированная из войск области Фуянь и столичного военного округа (Кайфэн), выступила под командованием Чжун Э из Суйдэ. Осенью 1081 г. армия Чжун Э овладела Мичжи. Тангутский отряд, прибывший на помощь осажденному гарнизону крепости, был разбит китайцами у реки Удинчуань, и вскоре крепость Мичжи пала. От одного из взятых в плен тангутских чиновников Чжун Э узнал местонахождение складов продовольствия в округах Синчжоу и Линчжоу, численность всех тангутских войск и стал стремительно развивать наступление, рассчитывая прежде всего захватить продовольственные склады. Его войска вошли в округ Шичжоу и затем, быстро продвигаясь по реке Сячуань, вступили на территорию округов Иньчжоу и Сячжоу. Вступив в город Сячжоу, сунские войска разграбили продовольственные склады и вскоре оставили город. До Синчжоу и Линчжоу Чжун Э так и не дошел.

При приближении китайских войск все местное население разбегалось, оставляя разоренные селения, опустошенные поля и склады. Китайская армия голодала. С наступлением зимы в горах Хэншань выпал обильный снег. Голодные китайские солдаты быстро гибли от холода. Оставшиеся в живых разбегались. Чжун Э также был вынужден повернуть свои войска обратно. Когда его армия пересекла сунскую границу, она едва насчитывала 30 тыс. солдат [СШ. Гл. 486. С. 3792; СШСГЧЦЧ. Гл. 9. С. 12б].

Так бесславно закончилось наступление двух основных ударных групп восточного крыла сунских армий.

Двумя большими колоннами двигались сунские войска, наступавшие с юга, из Цинчжоу. 87-тысячная армия под командованием Гао Цзун-юя наступала в направлении Цинъюаньцзюнь–Линчжоу. Один из ее корпусов овладел крепостью Цинъюаньцзюнь — форпостом тангутской обороны на южной границе.

От Цинъюаньцзюнь до Линчжоу было всего 300 ли. Сунские войска наступали широким фронтом, успешно продвигаясь вперед. Отлично действовала и вторая, 50-тысячная колонна южной армии под командованием Лю Чан-цзо. Наступая одновременно с Гао Цзун-юем на Линчжоу, Лю Чан-цзо разбил тангутскую армию в горном проходе Люциай, переправился через реку Хупухэ, вынудил принять бой командующего войсками юга младшего брата императрицы Лян и нанес ему поражение.

137-тысячная сунская армия подошла к Линчжоу. Лю Чан-цзо первым прибыл к городу. Городские ворота оказались открытыми. Авангард корпуса Лю Чан-цзо атаковал город. Гао Цзун-юй испугался, что вся слава победителя при Линчжоу достанется Лю Чан-цзо, спешно прислал гонца и просил подождать подхода его войск. Лю Чан-цзо боялся соперничества с Гао Цзун-юем и прекратил наступление.

После подхода корпуса Гао Цзун-юя оба полководца начали осаду города. 18 дней осады не дали никаких результатов. На 19-й день тангуты разрушили плотины по берегам Хуанхэ, регулировавшие подачу воды в систему оросительных каналов, и затопили китайский лагерь. Одновременно они отрезали все пути подвоза продовольствия. Стояли сильные холода. Те солдаты, которые не утонули, замерзали и умирали от голода. В живых осталось лишь 13 тыс. человек [СШ. Гл. 486. С. 3792; СШСГЧЦЧ. Гл. 9. С. 12б].

Отступавшие из Си Ся сунские войска несли большие потери от частых набегов тангутской конницы. К концу 1081 г. все крупные соединения сунских войск покинули территорию тангутского государства.

Так печально для Сун кончился этот поход. Более чем 300-тысячная армия вступила на территорию Си Ся осенью 1081 г. Взятие Ланьчжоу, ограбление Сячжоу и Ючжоу, осада Линчжоу были самыми блестящими ее успехами. Ни один из корпусов сунских войск не сумел даже дойти до столицы Си Ся. Большая часть солдат погибла. Даже скупые на оценки составители «Сун ши» были вынуждены при описании этих событий отметить, что «сунские войска погибли бесславно» [СШ. Гл. 486. С. 3792][1].

Война убедительно показала низкую боеспособность китайской армии, бездарность большинства командовавших войсками полководцев. За шесть лет до

---

[1] Бесславная гибель сунских армий потрясла страну. Безвестный поэт писал:

Одинокие звезды, мерцая, освещают холодную степь,
Ржут ханьские кони у подножья пяти могил.
В зале дворцовом не согласны использовать искусные планы,
Сын Неба напрасно приглашает советников мудрых,
Бедствия, охватившие территорию в 10 тыс. ли, проникли в Янь и Цзи (территория провинции Хэбэй. — *Е. К.*).
Дух истребления со всех сторон направляется от Лин и Ся.
Кажется, успехи обернулись неудачей,
Жизнь моя действительно проходит даром.

[*Ван Жэнь-цзинь. 1904. С. 16*]

Горечь поражения была еще более тяжелой от сознания, что Китай сам развязал эту войну. Сыма Гуан говорил: «Нельзя отрицать, что столкновения при Лин и Ся были вызваны нами» [Чжоу Чунь, 1796. Гл. 5. С. 8а].

этого, в 1075 г., сунский двор не решился вступить в войну с Ляо и безропотно отдал киданям значительные территории в Шэньси. Решив взять реванш в Си Ся, китайцы лишний раз продемонстрировали слабость своей армии. Неудача китайских войск в 1081 г. была в какой-то мере предтечей их поражений в боях с чжурчжэнями.

Война на этом не закончилась. Но военные действия уже не были столь грандиозны по своим масштабам. Тангуты не смогли воспользоваться случаем и быстро организовать нападение на Китай. Им мешала разгоревшаяся вражда двух группировок — дома Лян и представителей рода Жэньдо, поделивших между собой войска на восточное и западное крыло [ССЦ. Гл. 17. С. 1а].

Весной 1082 г. в столицу Ляо прибыло тангутское посольство, обратившееся к киданям с просьбой помочь заключить мир с Сун. Кидани отправили в Китай короткий письменный запрос: «Из государства Си Ся прибыло сообщение, что Сун безо всякого к тому повода начало с ним войну. Хотелось бы знать причину таких действий» [СШ. Гл. 486. С. 3792]. Сунский двор, ответил, что Бин-чан признает старшинство Сун и арест его является бесчестьем и для Сун. Поэтому долгом Сун было вступиться за него. Кроме того, тангуты первые напали на Сун, и, обратившись за помощью к киданям, они надеялись поссорить Сун и Ляо. Китайцы выражали надежду, что кидани внимательно разберутся во всем [там же]. Кидани были удовлетворены ответом. Однако установление мира между Си Ся и Сун было совсем не в их интересах.

В начале 1082 г. тангуты начали восстановление города Наньмоу в горах Тяньдушань, ограбили сунский город Динси (находился восточнее Хэчжоу), сконцентрировали войска в округе Ючжоу. Затем они совершили несколько нападений на города северо-западной границы Сун — Цзиньтан, Яньань и др. В стране была объявлена всеобщая мобилизация. К восточным границам стягивались войска из Силян, Ганьчжоу и Гуачжоу. Из десяти человек, годных к военной службе, девятерых забирали в армию [ССЦ. Гл. 17. С. 5б–7а]. В середине года тангуты осадили Чжэньжунцзюнь и Саньгуаньчжай, но были отбиты.

Сунские войска также укрепляли границы и те немногие крепости, которые они захватили во время «великого похода». Было решено укрепить предгорья Хэншань и с этой целью восстановить город Уянь и обнести стенай город Юнлэ.

Юнлэ не имел достаточного количества воды. Опытный в пограничных делах Чжун Э и другие командиры считали поэтому бесполезным возведение вокруг этого города новых стен. Тем не менее город был заново укреплен и переименован в Иньчуаньчжай. В новой крепости разместили десятитысячный гарнизон.

Появление новой крепости с таким большим гарнизоном создавало угрозу безопасности Ючжоу и смежных с ним округов. Поэтому не прошло и десяти дней после завершения всех работ, как тангуты осадили новую крепость, взяли ее и уничтожили весь гарнизон вместе с прибывшей ему на помощь армией. Всего в боях под Юнлэ сунские войска потеряли несколько сот командиров и 200 тыс. солдат [СШ. Гл. 486. С. 3792]. Это было второе большое поражение китайских войск в этой войне. Тангуты же, одержав победу под стенами Юнлэ, напали на Суйдэ и после нескольких попыток штурмом овладеть городом устроили демонстративный смотр своих войск у пограничных крепостей и возвратились.

Итоги двух лет войны были плачевны для Сун. «Китайские войска взяли всего шесть крепостей: Цзялу, Убао, Ихэ, Мичжи, Футу и Саймынь, а в боях под Линчжоу и Юнлэ потеряли убитыми 600 тыс. солдат, добровольцев и покорных цянов. А сколько десятков тысяч денег, хлеба, серебра и шелка ушло на ведение войны или было захвачено тангутами — и не сосчитать!» [там же].

Тангуты тоже были измотаны войной и хотели заключения мира. Для того чтобы позондировать почву возможности переговоров, один из сановников, Вэймин Цзи, направил письмо Лю Чан-цзо, в котором писал: «Недавно двор вдруг поднял войска и совершил на нас нападение потому, что Сын Неба и его пограничные чиновники рассуждали так: "Государство Си Ся соблюдает прежний договор, а [посему] следует выступить неожиданно. Если одновременно двинем войска из пяти областей, то одним ударом сможем подчинить его".

Поэтому в прошлом году имело место сражение под Линчжоу, а нынешней осенью шли бои под Юнлэ. Но что же получится, если сравнить победы и поражения китайских войск с прежними намерениями [их руководителей]?

Двор постоянно занимался государством Ся. [Он] в свое время проводил тактику наступления из пяти областей и [другие] несправедливые планы на всех границах. Познав безуспешность того, чего добивались силой, следовало бы уповать на Небо и идти путем смирения. К тому же государство Ся обладает территорией в 10 тыс. ли в окружности и несколькими сотнями тысяч тех, кто одет в латы. На юге Юйтянь[2] — наш дружественный сосед, на севере Даянь[3] — наш могущественный помощник. И даже если, как это сделали Вы, пользуясь случаем, в удобный момент начать борьбу, то пусть она будет длиться хоть десятки лет, едва ли [Вы] можете рассчитывать на успех. К тому же подумайте и о том, что простые люди Поднебесной незаслуженно испытывают огромные трудности.

Наш государь[4] с начала войны постоянно думал, что еще со времен далеких предков наше служение Китаю безупречно. Мы всегда посылали дань или подарки. Но Ваши пограничные чиновники, стремясь добиться заслуг, наговаривали на нас императору, а тот слушал их, и это привело к смутам. Союз предков нарушен, отношения между сюзереном и вассалом разорваны.

Причины существования и гибели государств обнаруживаются далеко не сразу. Разве двор не заботится об этом? Ведь несчастья государства Лу не начались мгновенно с Чжуаньюй, а свержение дома Суй зародилось у Ян Ганя[5].

---

[2] Юйтянь — соседнее с Си Ся государство, занимавшее территорию современного Хотана. Вместе с тем есть упоминания о том, что люди из Юйтянь участвовали в войне на стороне китайских войск. В 1083 г. Лян Имай, отразив нападение одного из китайских отрядов, взял в плен «нанятых в Юйтянь людей для перевозки продовольствия и верблюдов» [ССЦ. Гл. 17. С. 16б].

[3] Вероятно, имеется в виду государство Ляо. Янь, современный Пекин, был одной из столиц киданьского государства.

[4] К этому времени Бин-чан, по-видимому, уже был освобожден из заключения. К 1082 г. относится сообщение о том, что он участвовал в походе вместе со своей матерью [см.: СШСГЧЦЧ. Гл. 9. С. 26б].

[5] Чжуаньюй — государство эпохи Чунь-цю, вассал княжества Лу. Вероятно, во втором примере имеется в виду Ян Сюань-гань, суйский сановник, восставший против императора Ян-ди незадолго до падения династии Суй.

Все эти злые умыслы вынашивались в сердцах людей, наделенных властью и титулами. Не следует и говорить об их последствиях, они хорошо известны. Сейчас Поднебесная клонится к упадку. Почему бы как раз теперь не сказать правду в лицо, не раскрыть все злые замыслы и добиться того, чтобы Китай и государство Ся жили дружно, как прежде? Тогда и простой народ увидел бы благоденствие. Разве это доставит счастье только Ся? Ведь это также счастье и Поднебесной!» [СШ. Гл. 486. С. 3792].

Этот документ — один из лучших образцов дипломатической переписки той эпохи, написан в спокойном тоне, с полным сознанием своей правоты и силы. Он поражает трезвым анализом событий и реальной оценкой последствий, которые могли вытекать из затяжной войны Сун с Си Ся. Успехи тангутов в этой войне дали им возможность предложить Китаю «уповать на Небо и идти путем смирения». Письмо было представлено сунскому императору, и тот приказал ответить на него, но ответ нам неизвестен. Только ясно, что мир не был достигнут. Тангутское посольство, с подарками прибывшее в Китай в начале 1083 г., не было принято [СШ. Гл. 350. С. 2915]. Война продолжалась.

Уже ранней весной 1083 г. началось большое наступление тангутов на Ланьчжоу. Потеря Ланьчжоу — важного стратегического пункта на тангутско-тибетско-китайской границе — явилась серьезным ударом по интересам Си Ся в этом районе. Тангуты прилагали все усилия к тому, чтобы возвратить город. Весной 1083 г. большая тангутская армия начала осаду Ланьчжоу. Благодаря находчивости и мужеству китайского военачальника Ван Вэнь-юя, организовавшего дерзкую ночную вылазку, приведшую в смятение лагерь тангутов, осада была снята.

Одновременно тангутские войска осадили Аньдин и Баоаньцзюнь [ССЦ. Гл. 17. С. 14а].

В первой половине 1083 г. тангуты еще три раза осаждали Ланьчжоу, и всякий раз неудачно. Тогда летом они предприняли новую попытку заключить мир. Война тяжело сказалась на хозяйстве Си Ся. В стране резко возросли цены. В пограничных районах страны «все хозяйство было заброшено и никто не осмеливался пахать землю. Люди голодали» [там же. С. 18а]. Как всегда, экономика Си Ся не выдержала длительной войны. Это была одна из главных причин стремления тангутов заключить мир. Война не сулила им ничего хорошего. Они сознавали неравенство сил. Опыт, приобретенный благодаря потере Суйдэ, подсказывал им, что вряд ли они сумеют возвратить Ланьчжоу. Почетный и выгодный мир был лучшим выходом из войны.

Тангутское посольство вновь было отправлено в Китай. Письмо сунскому императору было написано от имени Бин-чана. В письме говорилось, что некоторые тибетские князья желают мира Си Ся с Сун, что причиной войны явились подлые люди, оклеветавшие государя Си Ся [СШ. Гл. 486. С. 3793].

Сунский двор согласился на заключение мира. Как обычно, виновниками развязывания войны были объявлены пограничные чиновники, действовавшие якобы вопреки воле двора, а основой взаимоотношений Си Ся и Сун признавался старый договор 1044 г.

Сунский император направил в Си Ся письмо, в котором говорилось: «Сейчас Ваш посол, прибывший к нашему двору, ведет себя почтительно и выпол-

няет установленный нами ритуал. Более того, получив сообщение о том, что прежнее государственное правление восстановлено, я очень обрадовался и принял Ваше представление. Я уже предупредил пограничных чиновников, чтобы они самовольно не начинали военных действий. Вы, в свою очередь, также должны сохранять прежний союз» [там же]. Сунский двор выслал шелк и деньги в счет ежегодных выплат по договору 1044 г. Однако он отказывался рассмотреть вопрос о границах, «вернуть все то, что им было захвачено» у тангутов. В результате очень скоро Бин-чан и его окружение стали поговаривать о том, что «требуемое можно получить, лишь полагаясь на военную силу» [ССЦ. Гл. 17. С. 21а]. Более того, тангуты получили сообщение, что посланные сунским двором в Си Ся шелк и деньги были довезены только до границы. По приказу сунского двора эти средства предписывалось использовать «для привлечения тангутов к сдаче» [ЧБ. Гл. 341. С. 13б]. Суны прекратили возобновившуюся было торговлю [там же. С. 18а]. Все это свидетельствовало об изменении решения китайского двора. Мир, казавшийся таким близким, был нарушен.

И весной 1084 г. 80-тысячная тангутская армия снова осадила Ланьчжоу. 10 дней тангуты атаковали город. К стенам одновременно приставляли до ста штурмовых лестниц. «Стрелы сыпались дождем». Через десять дней у тангутов кончилось продовольствие, и они сняли осаду [СШ. Гл. 467. С. 3675]. В течение 1084 г. тангутские войска не раз атаковали сунские пограничные крепости на всем протяжении границы от Яньань до Ланьчжоу. И одновременно через посредничество тибетцев они снова стремились добиться мира с Сун [ЧБ. Гл. 348. С. 12а].

В последние дни 1084 г. Бин-чан послал новое посольство к сунскому двору. Послы передали подарки и просили возвратить Си Ся Ланьчжоу. Китайцы ответили категорическим отказом [СШ. Гл. 16. С. 144].

К 1084 г. относится первое сообщение о нападении на Си Ся татарских племен (дадань). Татары «питали вековую вражду» к государству Си Ся, так как оно прервало все их связи с Китаем. Татары часто грабили северные границы тангутского государства. Захваченных в плен тангутов они продавали в рабство киданям. В 1084 г., узнав о войне Си Ся и Сун, татары из пустыни Гоби вторглись в район Ганьчжоу.

Получив известие о походе татар на Си Ся, сунский двор отправил посла с заданием добраться до татар и добиться координации их действий против Си Ся с тибетцами. Посол сумел добраться лишь до Цинтана, где был задержан одним тибетским старшиной и оставлен в местном монастыре [ЧБ. Гл. 346. С. 1а–2а; ССЦ. Гл. 18. С. 2б–3а].

Весной 1085 г. скончался госян тангутского государства Лян Имай. По некоторым данным, он был убит, так как его заподозрили в измене [ССЦ. Гл. 18. С. 6б–7а]. Должность перешла по наследству к его сыну Лян Ибу, который продолжал политику отца. Все его усилия были направлены на возвращение потерянных территорий. Весной 1085 г. скончался сунский император Шэньцзун. Новый император Чжэ-цзун отдал приказ не нападать на границы Си Ся и произвести обмен траурными и поздравительными посольствами. Это приостановило военные действия и послужило поводом к новым переговорам о мире. Вскоре скончалась мать Бин-чана — императрица Лян. Тангут-

ское посольство с табуном лошадей и белых верблюдов прибыло к сунскому двору с сообщением о трауре. Посол передал письмо Бин-чана, в котором тот писал: «Мать, чувствуя приближение конца, сказала окружавшим ее сановникам: "Испокон веков мы получали титулы от [китайского] двора и пользовались его милостями и церемониалом. Хотя сейчас не решены пограничные дела, наказываю Вам послать в дар оставленные мною в наследство [сунскому двору] вещи, чтобы показать, что я не забыла почтительность и следую приличиям. И хотя глаза мои закроются, в моем сердце нет ненависти"» [ЧБ. Гл. 362. С. 3а].

Сунский двор подарил тангутам новый календарь [там же. Гл. 360. С. 4а]. Все это свидетельствовало об известном улучшении отношений между двумя странами.

В конце лета к сунскому двору прибыло новое тангутское посольство с просьбой возвратить Ланьчжоу и пять самых больших из захваченных китайцами крепостей. На заседании дворцового совета с большой речью по этому поводу выступил Сыма Гуан. Он сказал: «Обязательно следует рассмотреть вопрос об этих землях, так как от них зависит безопасность той окраины. Ведь сражения при Линчжоу и Сячжоу, по сути дела, были начаты нами. Несколько наших вновь построенных крепостей — все находятся на их территории. Разве следует скупиться и не отдать их теперь, когда мы приняли их (тангутов. — *Е. К.*) в свое подданство? Безусловно, тангуты говорят: "Новый Сын Неба взошел на трон. Если сейчас мы с еще большим усердием будем служить Китаю, то, возможно, он и возвратит захваченные у нас земли". Поэтому если сейчас не решить этот вопрос, то не только их почтительность не возрастет, но они снова попытаются возвратить их силой. В лучшем случае они обратятся с письмом к императору, в котором проявят невежливость и непокорность, в худшем — они нападут и захватят новые города. Когда это случится, делать будет нечего и невольно придется отдать эти земли. Это будет позором для нашего государства! Разве это будет хорошо?.. Эти совершенно бесполезные земли, из-за которых не прекращаются войны, приносят государству только несчастье. Надеюсь, что Вы, государь, сами решите этот вопрос на благо всех Ваших подданных» [СШ. Гл. 486. С. 3793].

Большинство членов дворцового совета не поддержали Сыма Гуана. Некоторые предлагали крепости возвратить, но потребовать взамен возвращения китайских военнопленных, захваченных тангутами при Юнлэ. За каждого возвращенного человека предполагалось дополнительно дать 10 кусков шелка [СШСГЧЦЧ. Гл. 10. С. 24б, 26а]. Остается неясным, были ли приняты эти предложения, но война явно шла на убыль.

Ведение переговоров было прервано внезапной смертью Бин-чана, последовавшей 21 августа 1086 г. Бин-чану было всего 36 лет. Он правил государством 20 лет. За это время в Си Ся были сменены следующие девизы лет правления. Цянь-дао — два года, Тянь-сы-ли-шэн-го-цин — пять лет, Да-ань — одиннадцать лет, Тянь-ань-ли-дин — один год. Бин-чану было дано посмертное имя императора Кан-цзин, храмовое имя Хуй цзун. Могила его была названа Сяньлин. Престол перешел к трехлетнему сыну Бин-чана Тоба Цянь-шуню. Пограничные споры Си Ся и Сун так и не были разрешены.

Бин-чан все 20 лет своего правления покорно следовал советам своей матери и ее братьев. Попытка Бин-чана начать самостоятельное правление в 1081 г. окончилась неудачей и привела к фактическому устранению его от активного вмешательства в государственные дела. Если Лян-цзо добился некоторых успехов в укреплении своей власти, продолжая во внутренней политике линию своего отца Юань-хао, то Бин-чан, с детства поставленный в оппозицию к своей матери, пытался опереться на группировки, тяготевшие к Китаю. Такая политика, естественно, не обеспечила ему широкой поддержки и потерпела провал. Поэтому в годы правления Бин-чана в Си Ся, по-видимому, не было проведено никаких существенных реформ. Стоявший у власти дом Лян всю свою энергию тратил на борьбу с постоянной и сильной оппозицией. Непрерывные войны с Китаем привели к упадку хозяйства Си Ся. Страна оказалась в трудном положении, которое усугубилось неурожаем и голодом в 1085 г. Прекращение войны, заключение мира с Китаем и урегулирование пограничных вопросов — все это стало насущной задачей внешней политики Си Ся. От быстрого ее решения зависело сокращение военных расходов, армии и подъем экономики страны. Но прежде чем эта задача была решена, Си Ся пришлось пережить еще долгий период войн и разрухи.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ПУТИ К НОВОМУ ПОДЪЕМУ*

ТАНГУТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1096–1099 гг.

Китайские полководцы хотели войны, и они добились своего. В 1096 г. война началась большим общим наступлением тангутских войск на китайские границы. В течение полугода их отряды штурмовали крепости Саймынь, Ихэчжай, Шуньнин и многие другие. В конце года тангуты начали наступление на Яньчжоу. Сам Цянь-шунь и его мать принимали участие в походе. Вскоре пал сунский город Цзиньмин; из солдат его гарнизона в живых осталось лишь пять человек. Тангуты захватили 50 тыс. дань хлеба и 10 млн снопов соломы. Разграбив окрестные города, тангутские войска отступили, оставив письмо следующего содержания: «В прошлом, когда государство Си Ся вело переговоры с двором о границах, почти по всем вопросам мнение сторон было едино... Трудно предположить, чтобы двор изменил свое мнение и отказался установить границу по линии размещения пограничных гарнизонов» [СШ. Гл. 486. С. 3794]. Китайские пограничные чиновники утаили это письмо от императора.

Тангуты не имели достаточно сил, чтобы проникнуть далеко в глубь территории Китая [там же]. Как правило, они совершали набеги на пограничные области Китая, откуда увозили награбленное имущество и пленных.

Прослышав о войне Си Ся и Сун, юйтяньский правитель совершил нападение на тангутские округа Ганьчжоу, Шачжоу и Сучжоу. Ограбив их, он послал своего сына к сунскому двору с докладом о победе. На этот раз китайский император щедро наградил юйтяньских послов [там же. Гл. 940. С. 3820; Гл. 18. С. 152].

В 1097 г. обе стороны продолжали военные действия с переменным успехом. К концу года сунские войска одержали несколько побед. Отряду под командованием Ли Синя удалось пробиться в глубь территории Си Ся и разрушить город Хунчжоу. Другой китайский отряд разрушил стены Яньчжоу. Сунские войска вернули крепости Цзялу и Аньцзян.

---

* Из кн.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. (Гл. 6.) С. 217–222.

Осенью 1097 г. в Си Ся начался сильный голод. Китайские войска разграбили Ючжоу. Страна оказалась в тяжелом положении. Начало 1098 г. ознаменовалось упорным наступлением китайских войск. Сунские отряды постоянно вторгались на территорию Си Ся, строили новые крепости и оборонительные сооружения. Главный удар сунских армий был направлен на Линчжоу. К середине года тангутам удалось сдержать напор китайских войск, а местами они сами перешли в контрнаступление и разграбили сунские области Фуянь и Цзинъюань.

Очередное тангутское посольство прибыло в этом году в Ляо с просьбой о помощи. Кидани охотно писали письма сунскому двору, но войск не высылали. На этот раз письмо императору Ляо написала сама государыня Лян. Кидани без особого энтузиазма объявили о мобилизации войск для оказания помощи тангутам. Собранные войска были подтянуты к границам Сун, но с выступлением кидани медлили [см.: ССШШ. Гл. 30. С. 12а].

Во второй половине 1098 г. китайские войска пытались овладеть горами Тяньдушань и Хэншань. Они стремились закрепиться в этих горных массивах и с двух сторон — с юга и востока — начать наступление в сердце тангутского государства, на округа Линчжоу и Синчжоу.

Пока китайцы готовили эту операцию, тангутские войска потерпели сильное поражение под Пинся. Крепость Пинся была построена китайцами на берегу реки Хаошуйхэ (в районе Вэйчжоу) всего год назад. В результате тангуты лишились плодородных пахотных земель к западу от Вэйчжоу. Местное население тяжело переживало утрату этих земель. «Песни и веселье, пахотные земли — все отнято китайцами... они отобрали у нас кусок хлеба», — говорили тангуты. Борьба за эти земли была неизбежной.

И вот 300-тысячная тангутская армия перешла границу Сун. Началась осада Пинся. Город был уже на краю гибели, когда внезапно поднявшаяся буря заставила тангутские войска отступить [ЧБ. Гл. 503. С. 5а; ССЦ. Гл. 21. С. 8б–9а]. В это же время тангуты потерпели поражение в областях Сихэ и Фуянь. Они потеряли более 20 тыс. человек убитыми и несколько десятков тысяч голов скота. В пограничных районах «на протяжении нескольких сот ли были сожжены все кибитки и уничтожены запасы продовольствия. [Страна] лишилась боевого духа» [ССЦ. Гл. 21. С. 10б]. Боясь ответного наступления сунских войск, тангутский двор отдал приказ в тылу «выкопать погреба и создать запасы продовольствия, войскам всех цзянь-цзюнь-сы вытоптать все хлеба вдоль границы и прибегнуть к тактике “чистого поля”» [там же. Гл. 71. С. 460]. Мертвая, пустынная зона разделила Китай и Си Ся. Тангутские послы отправились на север, к киданям, просить войск [ЛШ. Гл. 115. С. 421].

Но наступление сунских войск затягивалось, а в 1099 г. при тангутском дворе произошли большие перемены. В начале этого года скончалась государыня Лян, и Цянь-шунь стал полновластным правителем страны. Он сразу же приложил все усилия к тому, чтобы при посредничестве киданей добиться мира с Сун. Тангутские войска помогли киданям подавить восстание племен басыму [там же]. Пограничным китайским властям было отправлено письмо с просьбой разрешить тангутам прислать дары. Письмо было возвращено, так как оно было написано на тангутском, а не на китайском языке [ССЦ. Гл. 21. С. 12а; ЧБ.

Гл. 50б. С. 9б]. Посольство, прибывшее к сунскому двору с известием о кончине государыни Лян, просило «простить [тангутов] за совершенные ими преступления» [ЧБ. Гл. 506. С. 5б]. В качестве условия заключения мира китайцы потребовали выдачи старшин, особенно жестоко грабивших во время войны пограничные районы [там же. С. 6а]. Тангуты молчали.

В третьем месяце (25 марта — 22 апреля) 1099 г. с просьбой о заключении мира с Си Ся обратились к Сун кидани. В беседе с сунским императором киданьский посол сказал: «Император Северного двора осмеливается обратиться к императору Южного двора по вопросу о делах Си Ся и предлагает вначале дать [тангутам] передышку, а уже потом добиваться мира». Сунский император ответил: «Жители запада несколько лет подряд нарушали правила приличия и их, безусловно, нужно было покарать. Зачем же докучать нам посылкой послов?» Киданьские послы только почтительно поддакивали и вручили ноту киданьского двора, в которой, в частности, говорилось: «Поскольку Ляо питает к Сун самые почтительные чувства и относится к Сун, как внук к деду, а Си Ся в отношении Ляо ведет себя справедливо и почтительно и относится к нему, как племянник к дяде, то [Ляо] безусловно стремится к тому, чтобы обе стороны полностью пришли к твердому соглашению» [там же. Гл. 507. С. 10а].

Ответная нота Сун была написана в довольно резком тоне. Суть ее сводилась к тому, что сунское государство само вправе решать все вопросы, касающиеся его взаимоотношений с Си Ся, и не потерпит постороннего вмешательства в свои дела.

Тем не менее киданьская нота оказала свое действие. Суны не хотели ссориться с Ляо, хотя и были твердо уверены, что Ляо никогда не вышлет войска в помощь Си Ся. Летом 1099 г. Цянь-шунь по просьбе сунского двора казнил двух старшин, Вэйбаомо и Эюй, военных советников императрицы Лян и предполагаемых виновников нападений на Сун [там же. С. 7б; ССЦ. Гл. 21. С. 18а–18б].

Пользуясь передышкой, китайские пограничные власти строили на границе новые крепости. Из-за этого во второй половине 1099 г. вновь возникло несколько пограничных инцидентов, но они не помешали ходу переговоров. К сунскому двору прибыли тангутские послы с извинениями. Цянь-шунь писал Чжэ-цзуну: «Я, молодой и неопытный, наследовал дело отцов и не справился с многочисленными трудностями по управлению государством. Кроме того, я боялся ограничений со стороны матери. Некогда злые дядья лишили ее самостоятельности. Они искали повода для ссоры. Постепенно лукавые сановники все больше укрепляли свою власть и безрассудно начали войну, чем вызвали Ваш гнев и, более того, вынудили Вас прибегнуть к крайним мерам — карательному походу и прекращению посылки ежегодных подарков... Теперь мать умерла, а продажные люди казнены или изгнаны. Поэтому [я] спешно послал послов с известием о трауре и приложил доклад с извинениями... Разрешите восстановить прежний договор (договор 1044 г. — *Е. К.*)» [ЧБ. Гл. 515. С. 1а–1б].

Китайцы были удовлетворены письмом Цянь-шуня, они объявили о прекращении военных действий и просили прислать текст договора.

Пограничный конфликт на тибетско-китайской границе, в который вмешались и тангуты, несколько задержал его присылку.

Лишь в начале 1100 г. к сунскому двору прибыл тангутский сановник Вэймин Цзи с письмом, текст которого гласил: «Давно неспокойно в моем государстве. Продолжительное время оно подвергалось всяческим бедствиям. Два раза власть в нем захватывали родственники матери государя, а продажные чиновники много раз отдавали воровские приказы, неоднократно вызывали беспорядки на границе и тем самым только увеличивали гнев в сердце Вашего Величества. Причины наших раздоров глубоки, а справедливым жалобам трудно было дойти до Вашего Величества. Теперь эта клика, державшая в своих руках судьбу моего государства, уничтожена. Я сам вернулся на правильный путь и давно искренне умоляю принять мой доклад, простить нам наши прежние преступления. Прошу продолжить старый союз наших государств. С глубочайшим почтением подносим мы этот доклад. Поэтому распорядитесь принять дары и это клятвенное обязательство и дайте нам тем самым возможность показать свою искренность и преданность. Призовите к порядку пограничных чиновников, и навсегда будут уничтожены причины раздоров, предостерегите Ваших государственных деятелей, и в отношениях между нашими странами мы постоянно будем руководствоваться принципами святости и мудрости. Если нарушать договор, то преступления и злоупотребления не прекратятся, а если отказаться от договора, то причины всех недоразумений и войн по-прежнему будут существовать. Будем же строго соблюдать статьи договора [1044 г.]».

В ответном указе, полученном тангутами, говорилось:

«Если ты (Цянь-шунь. — *Е. К.*) будешь строго соблюдать договор, то мы не нарушим данного нами слова. Начиная с сегодняшнего дня ежегодные подарки от нашего двора будут поступать в прежних размерах» [СШ. Гл. 486. С. 3794].

Итак, между Си Ся и Сун был наконец заключен мир. Обе стороны обязались выполнять условия договора 1044 г. Но это был мир на условиях status quo. Он не решал ни одного спорного пограничного вопроса. Суйчжоу и Ланьчжоу остались за Китаем. Китайцы не возвращали ни одной из захваченных крепостей. Таким образом, этот мир был выгоден только Сун. Однако тангутское государство как никогда нуждалось в мире. Мир должен был способствовать укреплению экономики страны, упрочению государственной власти. Мирный договор с Сун был первым дипломатическим успехом молодого тангутского государя Цянь-шуня. Он не думал отказываться от возвращения потерянных областей и рассматривал этот мир как временную передышку. Силы войны сохранили свое влияние и в Си Ся, и в Сун. В Си Ся они были представлены родовыми старшинами, видевшими в грабительских войнах источник обогащения, в Китае — пограничными чиновниками, пользовавшимися большой самостоятельностью и жаждавшими в войне найти славу. Все это делало заключенный мир непрочным.

Тем не менее этот кратковременный мир имел большое значение для укрепления центральной власти в Си Ся, укрепления тангутской экономики и общего усиления всего тангутского государства.

Период с 1048 по 1100 г. можно считать третьим этапом в истории тангутского государства. Он характеризуется ослаблением центральной власти внутри страны и упадком внешнеполитического могущества Си Ся. Ослабление

центральной власти было вызвано непрерывной борьбой старшинских группировок за влияние при дворе, господством родственников матерей-императриц вначале из дома Моцзан, а затем дома Лян и оттеснением от власти представителей правящего дома Вэймин. По сути своей это была борьба за право распределения доходов внутри страны, борьба за лучшие пастбища и пахотные земли, борьба за преимущественное право эксплуатации тангутского народа.

Лян-цзо, Бин-чан и Цянь-шунь вступили на престол детьми. Ни Лян-цзо, ни Бин-чан не сумели добиться установления прочной власти государя, власти, которой обладали их предки. И хотя Лян-цзо постепенно удалось упрочить свое влияние, его преждевременная гибель поставила страну в очень тяжелое положение.

Резко ухудшилось международное положение тангутского государства. Си Ся вело непрерывные войны с Китаем, киданями и тибетцами. Оно сумело отстоять свою независимость, но понесло территориальные потери, утратив районы Суйчжоу и Ланьчжоу. Война нарушила торговые связи страны с Китаем и сильно подорвала ее экономику. Перед Цянь-шунем стояла трудная задача восстановить былое могущество тангутского государства.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД ГИБЕЛИ ЛЯО И ПОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К СИ СЯ РАЙОНА СИНИНА

В 1115 г. политическая обстановка на Дальнем Востоке в корне изменилась. На далеких северо-восточных окраинах киданьской империи появилось новое могущественное государство — Цзинь.

Предки чжурчжэней — мохэ — известны в китайских источниках с VI в. н. э. Южной ветви этих племен в VIII в. удалось создать свое государство Бохай, уничтоженное в первой половине X в. киданями.

Центром расселения чжурчжэньских племен было среднее течение реки Сунгари, в районе впадения в нее рек Линьхэ и Нонни. Судя по китайским источникам XI в., чжурчжэньские племена заселяли в тот период огромные пространства от истоков Ялуцзяна и гор Чанбайшань на юге до среднего течения Амура.

Основным занятием чжурчжэней были скотоводство, земледелие, охота. В XI в. в чжурчжэньском обществе появились ранние формы государственности. В начале XII в. Агуда, старшина правящего чжурчжэньского рода Ваньянь, проживавший на реке Аньчуху, притоке Сунгари в ее среднем течении, отказался признавать верховную власть киданей, от которых чжурчжэни зависели, и создал собственное государство Цзинь.

В 1115 г. чжурчжэни начали войну против киданей. Одна за другой области Ляо попадали под власть новой династии. Недальновидные сунские политики поддержали чжурчжэней и начали войну с Ляо. Киданьское государство доживало свои последние годы.

Выше мы уже упоминали, что при Цянь-шуне произошло сближение между тангутским и киданьским дворами. В 1104 г. кидани дали в жены Цянь-шуню принцессу Чэнь-ань [ЛШ. Гл. 26. С. 102; Гл. 27. С. 103; Гл. 115. С. 421; ССШШ. Гл. 31. С. 15б–16а; СШ. Гл. 486. С. 3794]. В 1108 г. от принцессы Чэнь-ань родился первый сын Цянь-шуня Жэнь-ай [ЛШ. Гл. 115. С. 421].

Установление родственных связей между двумя дворами привело к сближению Си Ся и Ляо. Кидани неоднократно выступали посредниками в мирных переговорах Си Ся и Сун. Когда кидани стали терпеть от чжурчжэней одно поражение за другим, а сунские войска атаковали Ляо с юга, тангуты неоднократно пытались оказать помощь киданьскому двору. Войска Си Ся постоянно совершали набеги на пограничные области Сун, вынуждая китайцев держать на границах с Си Ся значительную армию.

В начале 1122 г. войска чжурчжэней впервые появились у границ Си Ся. Оседлое население и кочевые племена из юго-западных районов Ляо бежали в Си Ся. Узнав о подходе чжурчжэней, тангуты выслали дополнительно большие отряды конницы к северо-восточной границе и стали готовиться к обороне.

Когда под новым натиском чжурчжэней государь Ляо, искавший убежища у заставы Цзюйюнгуань, бежал на запад, Цянь-шунь выслал 30-тысячный корпус в помощь киданям. Тангутская армия вступила на территорию Ляо и встала лагерем у Тяньдэ. Первоначально тангутам удалось нанести поражение авангарду чжурчжэней. Но когда подошли основные силы цзиньской армии, между тангутами и чжурчжэнями произошло решающее сражение на берегах реки Ишуй, и тангутский экспедиционный корпус был разгромлен [ЦШ. Гл. 134. С. 825; Гл. 71. С. 459]. Поражение сразу заставило тангутов стать осторожнее. Они уже больше не решались открыто выступать против чжурчжэней и тайно оказывали киданям незначительную поддержку. Чжурчжэни продолжали преследовать императора Ляо, который искал спасения в южной части пустыни Гоби. Цянь-шунь, чтобы хоть как-то поддержать своего родственника, послал к нему небольшой тангутский отряд с продовольствием [там же. Гл. 134. С. 825].

Чжурчжэни, занятые войной с Ляо и подготовкой к войне с Сун, не видели для себя никаких выгод в войне с Си Ся и предложили в 1123 г. тангутам мир при одном условии — безоговорочной выдаче императора Ляо, если он будет искать убежища на территории Си Ся [там же. Гл. 71. С. 460].

Тангуты вступили в контакт с Цзинь, не отказавшись от мысли хоть как-то еще помочь киданям. Тангутские войска несколько раз нападали на пограничные чжурчжэньские гарнизоны. Несмотря на энергичные протесты Цзинь, они продолжали охотно принимать беженцев из Ляо. В одном из своих указов цзиньский император вынужден был официально заявить: «Тангуты... все еще не хотят вернуть мои дворы (т. е. беженцев из Ляо. — *Е. К.*) и мешают мне преследовать государя Ляо...» [там же. Гл. 71. С. 460].

В 1123 г. чжурчжэни отдали Си Ся несколько пограничных киданьских областей с условием, что тангуты будут сохранять нейтралитет.

Тангуты с готовностью приняли предложенные территории. Цянь-шунь в письме государю Цзинь писал: «Если между нашими странами будет установлен союз, то взаимоотношения Си Ся и Цзинь будут строиться на той же осно-

ве, как и отношения Си Ся с Ляо. Пожалуйте нам клятвенный договор и не беспокойтесь о будущем» [там же. Гл. 134. С. 825].

Но «подарок» оказался фиктивным. Все передаваемые тангутам районы занимали союзные чжурчжэням сунские войска, которые и не думали покидать их. Цянь-шунь направил государю Цзинь жалобу на китайцев и одновременно признал себя зависимым от чжурчжэней. Но чжурчжэни не приняли никаких мер к действительной передаче тангутам бывших областей Ляо. Поэтому тангуты продолжали всячески препятствовать им преследовать государя Ляо. Они не могли укрыть его у себя — это привело бы к тому, что вся мощь чжурчжэньской армии обрушилась бы на Си Ся. Поэтому тангуты решались только ставить чжурчжэням палки в колеса. Как только войска Цзинь вышли к Тяньдэ, Цянь-шунь выслал войска для встречи и защиты киданьского императора. Чжурчжэни стали угрожать тангутам: «Если Вы действительно хотите подчиниться нам, — заявил их полководец Цзун-ван, — то, как Вам и было приказано ранее, арестуйте государя Ляо и пришлите его нам. Если же Вы будете не искренни, то потом раскаетесь» [там же. Гл. 74. С. 481].

Несмотря на строгое предупреждение, тангуты и на этот раз помешали чжурчжэням взять в плен киданьского императора.

Благодарный император Ляо прислал в Си Ся грамоту, в которой признал Цянь-шуня императором (хуанди) государства Си Ся [ЛШ. Гл. 115. С. 421]. Вмешательство тангутов в какой-то степени больше чем на год отсрочило окончательный крах Ляо. Вместе с тем тангуты так и не решились оказать киданям настоящую поддержку. Это ставило под угрозу само существование Си Ся. Чжурчжэням война с тангутами тоже была не нужна, она не сулила никаких особенных материальных выгод и могла отнять лишь много сил. В Цзинь были осведомлены о войнах Си Ся с киданями и китайцами. К тому же чжурчжэни уже всерьез думали о войне с Сун и не хотели создавать для себя дополнительных затруднений. Они поняли, что смогут добиться нейтралитета Си Ся, лишь обещая тангутам новые земли.

В 1124 г. император Цзинь Тай-цзун (Уцимай) отдал Сун десять округов провинции Шаньси, а область Тяньдэ, которую чжурчжэни не могли удержать в своих руках, подарил тангутам. Но и на этот раз тангуты ничего не получили. Сунские войска, вступившие в бывшие киданьские владения в Шаньси, заняли и Тяньдэ.

Киданьский государь, отчаявшись укрыться на западе, думал найти спасение в Си Ся и направился в Тяньдэ. При переходе через Гоби его настигли чжурчжэни, и он едва спасся бегством. Несколько дней он скрывался в доме простого крестьянина, пока снова отважился пуститься в путь. В дороге его взял в плен чжурчжэньский полководец Лоуши. Государство Ляо перестало существовать[1].

В этом же году войска Цзинь форсировали Хуанхэ и начали войну с Сун. Китайцы терпели одно поражение за другим. Два сунских императора попали

[1] «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год / Переведено с маньчжурского студентом миссии Григорием Розовым». Архив ЛО ИНА. Разд. I. Оп. 1. № 3. С. 876.

к чжурчжэням в плен. Гао-цзун, новый император Южной Сун, в 1128 г. вынужден был искать спасения на одном из островов в море. В 1129 г. чжурчжэньская армия переправилась через Янцзы. В 1130 г. чжурчжэни создали на границе с Си Ся во всем зависимое от них государство Ци. В этом же году чжурчжэни овладели Ланьчжоу. Государство Си Ся фактически перестало граничить с Сун. Лишь в 1142 г. чжурчжэни приостановили походы на Сун. Южный сунский двор обязался платить Цзинь ежегодно 250 тыс. лан серебра и 250 тыс. кусков шелка. Границей между двумя государствами была признана река Хуанхэ. Весь Северный Китай остался под властью чжурчжэней [там же. С. 123б].

Гибель Ляо и поражения сунских войск потрясли тангутов. В эти годы скончались жена Цянь-шуня, киданьская принцесса Чэнь-ань, и ее сын, наследник тангутского престола Жэнь-ай [ССШШ. Гл. 33. С. 17а–17б].

Необходимо было налаживать отношения с новым соседом. Тангутские посольства зачастили к цзиньскому двору. Войска Си Ся с 1125 г. стали нападать на китайские границы, оказывая помощь чжурчжэням в войне с Сун [ДДШЛ. Гл. 128. С. 4б].

Весной 1126 г., когда сунские войска были разгромлены чжурчжэнями, тангуты завладели областями Тяньдэ и Юнь-чжун [ЦШ. Гл. 134. С. 825; Гл. 486. С. 3795]. Но тангутские войска недолго оставались в этом районе. Вскоре действовавший на границе с Си Ся чжурчжэньский полководец Лоуши изгнал тангутские войска из подаренных им ранее областей [там же]. Цянь-шунь пожаловался на него цзиньскому двору, но ответа на свою жалобу не получил. Правда, чтобы окончательно не раздражать тангутов, чжурчжэни послали в Синцин посольство с грамотой для Цянь-шуня на титул государя Си Ся. В ранее жалованной грамоте они признавали Цянь-шуня лишь ваном Си Ся и именовали даже цзедуши [ЦШ. Гл. 134. С. 825; ССЦ. Гл. 23. С. 3б–4б]. Повышение титула должно было компенсировать отобранные земли.

Напуганные могуществом чжурчжэней, тангуты, невзирая на обиду, в конце 1126 г. начали с ними переговоры о совместных нападениях на Сун [СШ. Гл. 486. С. 3795]. По окончании переговоров войска Ся стали постоянно совершать грабительские рейды в глубь территории Сун. В последние месяцы 1126 г. — в первые месяцы 1127 г. они овладели городами Сиань и Хуайдэ [СШ. Гл. 23. С. 17б].

Новый 1128 г. был исключительно тяжелым для Сун. Чжурчжэньские войска наносили по сунам удар за ударом. Некоторые чжурчжэньские полководцы, видя, что тангуты стерпели утрату района Тяньдэ–Юньчжун, поговаривали о присоединении Си Ся к Цзинь. Вероятно, сведения о таких разговорах при цзиньском дворе дошли и до китайцев. В первой половине 1128 г. в Си Ся был послан сунский дипломат Се Лян, чтобы добиться союза с Си Ся в войне против чжурчжэней. Сунский двор придавал поездке Се Ляна большое значение. Один из сунских сановников, Ван Шу, писал в письме Се Ляну: «Перед Вами стоит одна задача — обеспечить безопасность престола и интересов нашего государства. Это особая миссия. Бедствия, причиняемые Китаю тангутами, невелики. Бедствия же, причиняемые чжурчжэнями, грандиозны» [там же. Гл. 486. С. 3795]. Ван Шу советовал Се Ляну добиваться совместного выступления тангутских и китайских войск против Цзинь.

Однако тангуты боялись чжурчжэней. Цянь-шунь отнесся к Се Ляну очень надменно и продержал его в Си Ся несколько месяцев. Сразу после отъезда Се Ляна тангуты захватили сунскую крепость Динбяньцзюнь и предъявили ультиматум сунским войскам в Фуянь, требуя присоединения этой области к Си Ся на том основании, что чжурчжэни якобы подарили ее тангутам. Ван Шу, главнокомандующий сунскими войсками в этом районе, ответил тангутам: «Когда чжурчжэни еще только предприняли нападение на нашу страну, они отдали Вам Цзиньсу и Хэцин. Кто же теперь владеет этими землями? В вашей стране, попустительствуя жадности продажных чиновников, не заботятся о добрых отношениях с соседями. В какой же стране нет таких жадных и корыстолюбивых сановников? Разве государство Ся желает собственной гибели? Недавно я получил известие, что чжурчжэни намерены из Цзинъюань кратчайшим путем напасть на Синчжоу, Линчжоу и захватить их. Только абсолютно холодные люди, совершенно не задумываясь, желают воспользоваться горем других. Хотя в моем лагере и мало солдат, однако с этой во всем послушной мне армией и при поддержке с флангов я смогу еще дать бой. И если Вы действительно намереваетесь осуществить то, что задумали, так зачем же тратить много слов?» [там же].

На этот раз тангуты не выступили против Сун. Дело в том, что в это время они имели сведения о намерении чжурчжэней начать войну с Си Ся. Тангутам очень часто досаждал управлявший округом Фучжоу дом Чжэ. Теперь, опасаясь мести тангутов, Чжэ сдались Цзинь. И как раз в это время, полагаясь на дом Чжэ, чжурчжэни намеревались присоединить к своим владениям и Си Ся [Сюнь Кэ, 1936. Гл. 4. С. 52].

Поэтому, предлагая свои планы ведения войны с чжурчжэнями, сунские сановники в этом году делали серьезную ставку на помощь Си Ся. Бывший правитель Кайфэна Цзун Цзэ предлагал послать хороших дипломатов на запад для переговоров с Си Ся и на восток для переговоров с Гаоли (Кореей), чтобы они оказали Китаю военную помощь [СШ. Гл. 486. С. 3795][2]. В основе этих замыслов несомненно лежала хорошая осведомленность сунских властей о недовольстве тангутов чжурчжэнями и их опасениях за безопасность своей страны. Китайцы вели с тангутами переговоры о совместных действиях против Цзинь на протяжении 1129–1130 гг.

Однако тангуты не осмелились, да и не могли выступить против чжурчжэней. В течение этих двух лет все пограничные с Си Ся территории оказались в руках чжурчжэней. Тангуты ограничились лишь тем, что предоставили возможность беженцам из Сун переходить границы Ся. В 1129 г. государь Цзинь при приеме тангутских послов потребовал, чтобы тангуты «тщательнее оберегали границы и не принимали беглых» [ССШШ. Гл. 34. С. 8б].

В 1130 г. на очередной аудиенции послы созданного чжурчжэнями государства Ци были приняты первыми. За ними — послы Ся и Гаоли. Достоинство тангутов было вновь принижено.

В это время чжурчжэни получили сведения о связях тангутов с Елюй Даши, основателем династии Западное Ляо на Тянь-Шане, и обратились к тангутам

[2] Гаоли признало себя зависимым от Цзинь в 1127 г. В этом же году к чжурчжэням прислали посольство с дарами уйгуры [см.: История дома Цзинь. С. 99б–100а].

по этому поводу с запросом. В ответ на их ноту Цянь-шунь довольно резко заявил: «Мое государство не граничит с землями Хэчжоу[3], и я не знаю, где находится Елюй Даши» [ССШШ. Гл. 34. С. 10б]. Чжурчжэни не поверили тангутам, и справедливо.

С 1131 г. тангуты начали тайные переговоры с южным сунским двором. Одновременно в 1132 г. они приняли несколько киданьских родов, восставших против Цзинь. А с 1133 г. тангуты стали нападать на пограничные области государства Ци. По не совсем ясным причинам, одной из которых мог быть спад завоевательной энергии чжурчжэней, действия тангутов в отношении Цзинь становились год от году смелее. В 1135 г. в ответ на провокационное требование цзиньского полководца Няньханя тангуты перебили отряд чжурчжэней, присланный за лошадьми. Дерзость тангутов испугала чжурчжэньского полководца. По сообщению источника, «с этого времени он не осмеливался пускать стрелы в западную сторону» [ССЦ. Гл. 23. С. 15б].

В 1136 г. к территории Си Ся были присоединены плодородные степные районы к востоку от озера Кукунор. Местные тибетские старшины постоянно враждовали между собой и еще в конце XI в. попали в зависимость от Сун. Отдельные тибетские владетели тяготились зависимостью от Китая и были склонны признать верховную власть тангутов. В 1100 г. тибетские старшины предложили Цянь-шуню крепость Наньцзунбао, расположенную на границе Ся, Китая и Восточного Тибета, единственную крепость в этом районе, которой еще не овладели китайцы [там же. Гл. 21. С. 27а]. Цянь-шунь не желал осложнений с Сун, так как только что заключил с Китаем мирный договор, и крепости не принял. Вместе с тем он обещал послать отряд солдат для ее обороны.

Начиная с XII в. эти тенденции к сближению Си Ся и тибетцев, сменившие давнюю вражду, стали очевидными. После смерти Цзюесыло восточнотибетские племена не могли сплотиться в единое государство. Их земли постепенно переходили под управление сунских чиновников, а сами они утрачивали былую власть.

Стремление сохранить свое могущество толкало их на сближение с родственными тангутами.

В 1102 г. старшина Лунцза, правитель округов Шаньчжоу и Хуанчжоу, получивший от китайцев имя и фамилию Чжао Хуан-дэ, вступил в брачный союз с девушкой из правящего дома Си Ся [СШ. Гл. 492. С. 3839; ССЦ. Гл. 22. С. 2б]. Однако на следующий год Лунцза лишился власти в междоусобной борьбе с другим тибетским старшиной, Долоба, потомком Цзюесыло [ССШШ. Гл. 31. С. 17а]. Долоба мечтал о восстановлении былого могущества восточнотибетского государства. В 1103–1104 гг. тангуты пытались несколько раз вмешаться во внутреннюю борьбу тибетских старшин и противопоставить свое влияние в этом районе китайскому. Существенных успехов в сближении с тибетцами тангуты добились в 1104 г., когда тангутские войска в союзе с тибетцами выступили против Сун [ССЦ. Гл. 22. С. 6а]. Действия союзных войск были неудачны-

[3] Западные области современного Синьцзяна, из которых, по сведениям чжурчжэней, кара-китаи вели переговоры с тангутами.

ми. Китайцам удалось овладеть рядом тибетских территорий. К 1117 г. суны «захватили много областей и уездов Цзюесыло» [там же. С. 19а].

В 1131 г. чжурчжэни завладели округами Гунчжоу, Таочжоу, Хэчжоу, Лочжоу, Синичжоу, Ланьчжоу, Кочжоу и Цзишичжоу [История дома Цзинь. С. 112а]. Таким образом, значительная часть земель восточных тибетцев и пограничные сунские области оказались под властью Цзинь. Через некоторое время чжурчжэни утратили власть в тибетских районах. Этим быстро воспользовались тангуты. В 1136 г. войска Си Ся заняли Синин и Лэчжоу [ССШШ. Гл. 34. С. 16а–16б]. На следующий год чжурчжэни продали тангутам два других соседних с Сининым округа — Кочжоу и Цзиши [ЦШ. Гл. 78. С. 501; ССЦ. Гл. 23. С. 17б–18а] и дали согласие на присоединение к Си Ся ранее занятого тангутами округа Лэчжоу. Таким образом, в состав Си Ся вошли четыре новых округа, некогда составлявших ядро владений восточнотибетского государства Цзюесыло. Плодородная долина Синина, где хорошо произрастал рис, вскоре стала одним из важнейших сельскохозяйственных районов Ся. После 1137 г. тангутское государство не увеличивало свою территорию.

В 1138 г. Си Ся предпринимает первые шаги к установлению торговых отношений с Цзинь. К этому времени государство Ци было ликвидировано Цзинь, и чжурчжэни стали непосредственным соседом Си Ся на востоке и юге тангутского государства. Между двумя государствами постепенно стали складываться добрососедские отношения. Период длительных, почти непрерывных войн тангутов с соседями закончился.

В четвертый день шестого месяца 1139 г. скончался Цянь-шунь. Более пятидесяти лет находился он на тангутском престоле. За это время он неоднократно менял девизы лет правления: Тянь-и-чжи-нин — четыре года, Тянь-ю-минь-ань — восемь лет, Юн-ань — три года, Чжэн-гуань — тринадцать лет, Юн-нин — пять лет, Юань-дэ — восемь лет, Чжэн-дэ — восемь лет и Да-дэ — пять лет. Ему было дано посмертное имя Шэн-вэнь, храмовое имя Чун-цзун, могила его была названа Сянь-лин [СШ. Гл. 486. С. 3795].

Полувековое правление Цянь-шуня было периодом постепенного подъема тангутского государства. Новому усилению Си Ся способствовали укрепление власти государя внутри страны и изменение международной обстановки на Дальнем Востоке в первой половине XII в. Начиная с 1140 г. Си Ся вступает в наиболее благоприятный период своей истории. Вторая половина XII в., несмотря на отдельные внутренние потрясения, которые пришлось пережить тангутскому государству, была временем наибольшего расцвета культуры и экономики Си Ся.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.*

ВОССТАНИЕ ХЭДА. НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 1143 г.

Новый государь тангутов Жэнь-сяо родился в девятом месяце (9 октября — 7 ноября) 1124 г. Его мать из дома Цао в 1120 г. 14-летней девушкой попала во дворец. По совету приближенных государь Си Ся взял ее в жены [ССШШ. Гл. 33. С. 7б]. Став государем Ся, Жэнь-сяо дал своей матери почетный титул — «мать государства». В конце 1139 г. он женился на девушке из рода Ван.

В первые годы правления Жэнь-сяо в стране возникли беспорядки. Смену власти использовал для осуществления своих честолюбивых замыслов правитель Сячжоу киданин Хэда. Хэда происходил из знатнейшей в Ляо фамилии Сяо. Впервые он прибыл в Си Ся со свитой киданьской принцессы Чэнь-ань. Хэда был искусным оратором, храбрым воином и хорошим стрелком из лука. Цянь-шуню понравился этот молодой, талантливый киданьский сановник, и он оставил его при своем дворе. Вскоре Хэда отличился в войне с Сун и был назначен правителем округа Сячжоу. Хэда усердно служил тангутскому престолу вплоть до гибели Ляо. В те трагические для киданей дни он оказался одним из самых видных сторонников активного вмешательства Си Ся в войну против чжурчжэней. Постепенно идея восстановления былого могущества Ляо целиком завладела Хэда. Он вел переговоры с Елюй Даши, а когда и здесь потерпел неудачу, задумал объединить киданьские племена в Си Ся, поднять их на восстание и утвердить прежнюю власть киданей.

Удобный для восстания момент настал после смерти Цянь-шуня. В 1140 г. Хэда овладел Сячжоу, ликвидировал там тангутские органы управления и поднял на восстание киданьские племена. Вначале восставшие добились значительных успехов. Отряды Хэда подошли к Линчжоу и начали осаду этого важнейшего центра тангутского государства. Восставшие киданьские старшины приняли решение о восстановлении государства Ляо.

---

* Из кн.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. (Гл. 7.) С. 236–258.

Осаждавшая Линчжоу армия киданей насчитывала несколько десятков тысяч человек. Осада Линчжоу затянулась, и, пользуясь этим, тангутский двор сумел подтянуть войска для подавления мятежа. Тогда Хэда снял часть армии из-под стен Линчжоу и принял решение овладеть более мелкими городами восточных областей Ся. Осенью 1140 г. восставшие кидани взяли Яньчжоу и разграбили большие запасы соли, сосредоточенные в этом городе. Пастбища вокруг Яньчжоу были разорены. Летучие отряды киданей переправлялись через Хуанхэ и доходили до гор Хэланьшань.

Одновременно Хэда послал своих лазутчиков с крупными денежными суммами ко многим сановникам и влиятельным старшинам Си Ся, преимущественно нетангутского происхождения, и пытался убедить их примкнуть к восставшим. Но здесь он сразу потерпел неудачу. Большинство лазутчиков Хэда были схвачены и выданы тангутским властям. Лишь некий Жэнь Дэ-цзинь[1], китаец, состоящий на службе у тангутов, согласился примкнуть к восставшим. Очень скоро выведав все планы Хэда и получив полную информацию о состоянии его войск, Жэнь Дэ-цзинь представил Жэнь-сяо план подавления мятежа. Этот план был одобрен двором.

Пятитысячный отряд конницы, руководимый Жэнь Дэ-цзинем, совершил внезапный рейд к Сячжоу и, застав врасплох противника, овладел городом. Жена и дети Хэда попали в плен. Жэнь Дэ-цзинь открыл государственные кладовые, роздал хлеб народу и тем самым сразу добился симпатий населения округа. Не прошло и нескольких дней, как в самом сердце восстания — в Сячжоу — все сторонники Хэда были обезоружены и арестованы. Получив известие о падении Сячжоу, Хэда вынужден был спешно снять осаду Линчжоу. Киданьские войска устремились в Яньчжоу для защиты этого важного центра соледобычи в Си Ся. Известие о поражении с быстротой молнии облетело восставших. Многие отряды повстанцев тотчас же распались. Люди разбегались по своим домам и кочевьям. Вернулись на свои кочевья и киданьские племена, составлявшие ядро армии Хэда. На подступах к Яньчжоу остатки повстанческой армии столкнулись с правительственными войсками. Армия Хэда была разбита и рассеяна. Сам Хэда с несколькими спутниками бежал на север. Беглецы не сумели переправиться через Хуанхэ. Тогда спутники Хэда, чтобы вымолить себе прощение, отрубили голову своему предводителю и представили ее в дар двору [см.: ССШШ. Гл. 35. С. 9а–11б]. Восстание было подавлено. За разгром восстания Хэда Жэнь Дэ-цзинь в 1140 г. получил титул Си пин-гуна.

[1] Жэнь Дэ-цзинь происходил из семьи судейских чиновников старинного китайского города Сианьфу. Когда в 1126 г. тангутские войска, действовавшие в союзе с чжурчжэнями против Сун, овладели городом, Жэнь Дэ-цзинь вместе с местным гарнизоном сдался тангутам. Цянь-шунь отдал приказ о назначении его на должность управляющего делами округа. В 1136 г. Жэнь Дэ-цзинь подарил уже далеко не молодому Цянь-шуню свою семнадцатилетнюю дочь. Цянь-шунь принял подарок и вскоре сделал девушку своей супругой. Жэнь Дэ-цзинь, ставший родственником государя, получил щедрую награду и был определен на должность командующего обороной в город Цзинчжоу. С этого момента и началась бурная карьера бывшего судейского чиновника, задумавшего основать свое государство.

В 1138 г. Цянь-шунь возвел свою новую жену, китаянку, в ранг императрицы. Немало потрудился для этого сам Жэнь Дэ-Цзинь, раздававший взятки дворцовой знати и родственникам Цянь-шуня. Дочь Жэнь Дэ-цзиня стала императрицей, а сам он — главнокомандующим войсками округа Цзинчжоу [ССШШ. Гл. 15. С. 1б–2а].

Несмотря на то что Хэда поднял восстание, движимый патриотическими чувствами, это было восстание сепаратистских сил тангутского государства, объективно наносившее большой ущерб Си Ся и прежде всего сплоченности его народов в рамках единого государства. В условиях кочевого быта и феодальной разобщенности попытки родоплеменных старшин отделиться были вполне естественны. Такие тенденции наблюдались у некоторых тангутских старшин, не говоря уже об иноплеменных. Но эти выступления не были сколько-нибудь массовыми. Поднятое под лозунгом восстановления киданьского государства, поддержанное патриотически настроенными беженцами из Ляо[2], восстание Хэда было тем не менее вредным для тангутского государства движением.

Вместе с тем у нас есть основания полагать, что в восстании принимали участие не только иноплеменные и тангутские старшины, обуреваемые сепаратистскими замыслами. К восстанию присоединилась и часть тангутской бедноты. В пользу этого предположения говорят некоторые действия Жэнь Дэцзиня, направленные на подавление восстания. По-видимому, именно этим восставшим был роздан хлеб в Сячжоу с целью «успокоить народ». Эта мера оттолкнула от движения ту часть восставших, которой были чужды его цели. Это поставило восстание под удар и способствовало его быстрому подавлению. После подавления восстания Жэнь-сяо принял почетный титул «Утверждающий справедливость, изгоняющий зло» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

Молодому государю Си Ся вновь пришлось «утверждать справедливость и изгонять зло» уже на следующий год после принятия почетного титула. В 1142 г. в Си Ся был неурожай и начался голод, а в третьем месяце (18 марта — 16 апреля) 1143 г. тангутское государство сильно пострадало от землетрясения. «Из образовавшихся в земле трещин била фонтанами вода и выходил черный песок». Песчаные валы высотой в несколько метров тянулись вдоль трещин, напоминая плотины [ССШШ. Гл. 35. С. 15а–15б]. В районах землетрясения погибли все деревья, почти все жилища были разрушены. Землетрясение вызвало голод. Тысячи людей остались без крова. Чтобы предотвратить восстания, вызванные голодом, правительство спешно издало указ об освобождении пострадавших от землетрясения районов от налогов. Семьи, потерявшие во время землетрясения двух человек, освобождались от уплаты налога на три года. Семьи, потерявшие одного человека, — на два года. Семьи, в которых имелись раненые и увечные, — на один год. Местным управлениям было предписано оказывать помощь населению в восстановлении разрушенных жилищ [там же].

Однако меры, принятые правительством, не смогли предотвратить восстаний. По сведениям китайских источников, к седьмому месяцу (13 августа — 10 сентября) 1143 г. обстановка в стране была очень тяжелая, «у всех племен нечего было есть, народ начал грабить» [там же. С. 15б]. Отряды восставших в округах Вэйчжоу и Динчжоу насчитывали 5–10 тыс. человек. Многочислен-

[2] Численность беженцев из Ляо, вероятно, была велика. Си Ся граничило с Ляо и было в момент гибели киданьского государства дружественной Ляо страной. Вспомним, что даже в Средней Азии киданей оказалось столько, что, опираясь на них, Елюй Даши смог утвердиться в Семиречье и создать империю кара-китаев.

ные отряды повстанцев атаковали окружные центры. Местные правительственные войска не смогли справиться с восстанием [там же].

Один из сановников Ся, Сучжили, писал в своем докладе о восставших: «Это, по существу, хорошие люди. Лишь голод заставил их заниматься такими делами, и поэтому их нельзя равнять с разбойниками. Следует сейчас же помочь страдающим от голода и холода» [там же. С. 15б–16а].

Голос Сучжили был услышан. Правительство приняло новое решение об оказании помощи голодающим. Были уточнены размеры бедствия, организовывались рынки по продаже продуктов питания [там же. С. 16а]. Принятые меры приостановили распространение восстаний. Для подчинения несдававшихся повстанцев прибыли карательные войска во главе с Жэнь Дэ-цзинем. Специальные чиновники были разосланы в районы восстаний, для того чтобы успокоить народ и уговорить восставших сложить оружие. Руководителям повстанцев была объявлена амнистия. Отряды, не пожелавшие сложить оружия, жестоко истребляли. К концу 1143 г. восстания в стране были подавлены [там же].

Восстания 1143 г. — единственное народное движение в тангутском государстве, о котором мы имеем какие-либо сведения. Это было антиправительственное выступление народных масс Си Ся, вызванное тяжким стихийным бедствием и жестоким голодом. Разрозненные отряды восставших были достаточно большими. Численность отдельных отрядов достигла 10 тыс. и, возможно, была связана также с сохранением родоплеменной организации у тангутов-кочевников. Это подтверждается источниками. В округе Динчжоу, например, самое упорное сопротивление правительственным войскам, подавлявшим восстание, оказали роды Чилан и Фуэр, закрепившиеся в горах [там же]. Выступление имело ярко выраженный антиправительственный характер. От голода пострадали в первую очередь бедные слои населения, и они главным образом составляли основную массу восставших. Восставшие нападали на правительственные учреждения. Государственные деятели Си Ся, как это видно из доклада Сучжили, отчетливо сознавали, что имеют дело с народным восстанием, а не с грабительскими налетами разбойничьих шаек. Поэтому они не только высылали против них войска, но и оказывали помощь голодающим.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЖЭНЬ-СЯО

После Юань-хао Жэнь-сяо оказался одним из самых деятельных и просвещенных правителей Си Ся. В середине XII в. ему удалось в широких масштабах развернуть просветительскую деятельность в стране. Он строил школы, поощрял конфуцианское образование и с 1146 г. официально ввел в Си Ся культ Конфуция [см.: СШ. Гл. 486. С. 3796]. Во всех областях страны было приказано соорудить храмы Конфуцию. При поклонении ему воздавались императорские почести [ССШШ. Гл. 36. С. 3а]. В XII в. в Си Ся процветали искусство и литература. Время правления Жэнь-сяо стало временем расцвета буддизма в тангутском государстве. Сам Жэнь-сяо, по-видимому, занимал один из высших постов в буддийской церкви и был полудуховным правителем. Среди имеющихся в коллекции ЛО ИНА сутр на тангутском языке очень многие содержат указа-

ние, что они были переведены на тангутский язык в годы его правления и даже отредактированы лично Жэнь-сяо.

Жэнь-сяо стал активно претворять в жизнь свои планы широкого внедрения в Си Ся конфуцианского образования. В 1145 г. двор пожаловал высокие титулы и большие награды ведущим ученым, работавшим в конфуцианских школах [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Специальным постановлением предписывалось, чтобы при выборе кандидатов на ученые должности применялся метод поименного отбора [там же], т. е. чтобы люди знающие, но не имеющие связей и богатства, получили возможность занять высокую должность. В 1148 г. была учреждена «внутренняя школа», которой руководили лучшие конфуцианцы страны [там же].

Нововведения проводились во всех сферах культурной жизни государства. Мы знаем, что при жизни Жэнь-сяо в 1148 г. были созданы и введены в употребление новые музыкальные гаммы, в 1162 г. была организована тангутская академия наук, начаты работы над составлением истории тангутского государства, осуществлен перевод отдельных произведений китайской классики, создано управление по отливке монеты и т. д. Именно в эти годы тангутское государство стало одним из процветающих и культурных государств Дальнего Востока и Центральной Азии.

Мы, к сожалению, почти ничего не знаем о внутренней политике Жэнь-сяо в области экономики и управления. После того как Си Ся перестало граничить с Сун, китайцы имели гораздо меньше информации о внутренней жизни тангутского государства, да и почти не интересовались ею. Поэтому в сохранившихся источниках мы имеем крайне мало сведений о тангутском государстве в XII в. А сохранившиеся тангутские источники еще недостаточно изучены.

В эти годы государство Си Ся неуклонно крепло. В 1157 г. возвратившиеся от тангутского двора чжурчжэньские послы докладывали императору Цзинь: «В государстве Си Ся много талантливых людей. Оно очень усилилось по сравнению с прежними временами» [ССШШ. Гл. 36. С. 11б–12а]. Тремя годами ранее уйгуры, «видя, что Си Ся день ото дня крепнет, послали послов с подарками» [там же. С. 9а].

Крепла экономика тангутского государства, расширялись его торговые связи с соседними странами. В правление Жэнь-сяо был составлен хранящийся в коллекции ЛО ИНА двадцатитомный «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесного процветания (1149–1169)», в котором были собраны основы тангутского законодательства. На эти же годы приходится большинство ксилографических изданий тангутской коллекции института. Все эти факты свидетельствуют о расцвете культуры тангутского государства в XII в.

ПОПЫТКА ЖЭНЬ ДЭ-ЦЗИНЯ РАСКОЛОТЬ ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Жэнь Дэ-цзинь, окрыленный успехами при подавлении мятежа Хэда и восстаний 1143 г., решил попытаться создать собственную династию, стать Тай-цзу. Он считал, что прежде всего следует опереться на нетангутские племена, китайских и других иноплеменных чиновников и полководцев на тангутской службе.

Поэтому после подавления восстаний 1143 г. Жэнь Дэ-цзинь всячески старался добиться места при дворе. В 1147 г. он с этой целью просит аудиенции у Жэнь-сяо. Жэнь-сяо уже был намерен допустить ко двору родственника правящего дома, но столкнулся с вескими возражениями со стороны тангутских сановников.

Один из них, Жэла Гунцзи, в беседе с Жэнь-сяо сказал: «На мой взгляд, сановник Жэнь Дэ-цзинь, родственник [императора], прося разрешения допустить его ко двору, имеет намерение узурпировать власть. С древних времен, как только родственники со стороны матери (государыни. — *Е. К.*) захватывали власть, в государстве возникали беспорядки. Хотя Жэнь Дэ-цзинь принадлежит к числу добродетельных людей, он не одного с нами рода (т. е. нетангут. — *Е. К.*), и необходимо остерегаться, как бы у него не было намерений отделиться» [там же. Гл. 36. С. 3б–4а].

Веские доводы Жэла Гунцзи, напомнившего Жэнь-сяо о печальных страницах в истории Си Ся, оказали воздействие на государя. Жэнь-сяо отказал Жэнь Дэ-цзиню в аудиенции и повелел ему оставаться на своей должности.

В 1148 г. Жэнь Дэ-цзинь несколько раз заставлял свою дочь добиться для него придворного титула. Все ее попытки повлиять на Жэнь-сяо заканчивались неудачей благодаря контрмерам тангутских сановников, возглавляемых Пу ваном (князь удела Пу) Жэнь-чжуном [там же. С. 5б].

В конце 1148 г. Жэнь-чжун скончался. Как только Жэнь Дэ-цзинь получил извещение о его смерти, он постарался использовать все средства, чтобы оказаться при дворе. Осенью 1149 г. благодаря большой взятке золотом и жемчугом, данной Жэнь Дэ-цзинем дяде государя Цзиньвану Чагэ, он был призван ко двору и получил одну из высших государственных должностей — пост шаншулина. Через год его назначили на должность чжуншулина, и он стал во главе управления всеми гражданскими делами Ся [там же. С. 5б–6а, 7а].

Жэнь Дэ-цзинь сумел так организовать работу управлений, руководимых чжуншу, что скоро завоевал безграничное доверие Жэнь-сяо. В 1156 г. Жэнь Дэ-цзиня назначают на высшую должность в стране. Он становится всесильным визирем-госяном. По сведениям У Гуан-чэна, источник которых, к сожалению, неизвестен, «он со дня на день все больше захватывал власть в свои руки. Своим быстрым продвижением он вызывал зависть придворных» [там же. С. 11а–11б].

С этого времени Жэнь Дэ-цзинь начал энергично претворять в жизнь свои планы по созданию независимого государства. Он выдвинул и назначил на высшие должности государства своих сторонников и родственников. В 1157 г. управляющим столицей Си Ся был назначен младший брат Жэнь Дэ-цзиня — Жэнь Дэ-хун [там же. С. 12а].

В 1160 г. под предлогом экономии средств Жэнь Дэ-цзинь просил ликвидировать школы конфуцианского образования, многие выпускники которых были его врагами и претендентами на должности, приберегаемые Жэнь Дэ-цзинем для своих родственников и друзей. В своем докладе Жэнь-сяо по этому вопросу Жэнь Дэ-цзинь писал: «Мудрость управления государством заключается в бережливости, в соразмерении доходов и расходов. Наше государство невелико и находится на территории иноземцев. Земли его малоплодородны, народ беден, урожаи очень плохие. Сейчас на службу взяли много чиновников. Занимая должности и получая жалованье, они едят даром хлеб. Как возместить такие расходы? Хотя

эти китайские порядки и введены в нашем государстве, соблаговолите, Ваше Величество, полностью ликвидировать их» [там же. С. 14а–14б].

Жэнь-сяо уклонился от ответа. Однако в том же году он даровал своему госяну титул вана Чу и тем самым юридическое право иметь свой небольшой двор и удел. В своем доме Жэнь Дэ-цзинь тотчас же установил церемониал, очень похожий на церемониал, существовавший при дворе государей Ся [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Ставкой Жэнь Дэ-цзиня стал город Сипинфу, древний Линчжоу. В 1165 г. в Сипинфу силами выполняющих трудовую повинность был воздвигнут богатый дворец [ССШШ. Гл. 37. С. 5б]. В Линчжоу отныне сосредоточивались все силы, оппозиционные тангутскому двору.

Жэнь Дэ-цзинь стремился найти поддержку за пределами Си Ся. В 1167 г. он вступил в переговоры с сунскими властями в Сычуани. Одновременно гонцы Жэнь Дэ-цзиня зачастили ко двору государя Цзинь. Сунский двор мог бы оказать Жэнь Дэ-цзиню в случае нужды поддержку войсками, а признание Цзинь сразу же придало бы юридическое основание притязаниям Жэнь Дэ-цзиня на право самостоятельного государя.

В пятом дополнительном месяце (16 июня — 15 июля) 1170 г. Жэнь Дэ-цзинь создает свое независимое государство Чу с центром в Линчжоу [ЦШ. Гл. 134. С. 826]. Жэнь Дэ-цзинь не только вынудил Жэнь-сяо временно пойти на такой шаг, но заставил его послать послов к чжурчжэням и просить утвердить права Жэнь Дэ-цзиня на самостоятельное владение. Принимая послов Ся, император Цзинь сказал: «Как может государь, владеющий государством, безо всякой на то причины делить свое государство и раздавать его людям?! Безусловно, к этому его принудил всесильный сановник. Конечно же, это не личное желание вана Ся. Много лет государство Ся называлось вассалом. И вот в один прекрасный день оно оказалось под пятой мятежного сановника! Мы — государь великой державы. Как можно допустить такое зло?! Уж если ты сам не в состоянии справиться с ним, то тогда возьми войска, разгроми его и казни. Такое нельзя допускать!» [там же].

Чжурчжэни отказали Жэнь Дэ-цзиню во всякой поддержке, по-видимому, по двум причинам: в его действиях они справедливо усмотрели нарушение священного для тех времен порядка взаимоотношений между вассалом и сюзереном и, с другой стороны, опять-таки справедливо полагали, что появление государства Чу усилило бы позиции главного врага Цзинь — сунского Китая.

Существование единого тангутского государства, у которого были дружеские отношения с чжурчжэнями, гораздо лучше обеспечивало безопасность юго-западных границ Цзинь. К тому же дурной пример мог стать заразительным. На службе у чжурчжэней было немало китайских сановников, пользовавшихся большим влиянием на местах.

Исходя, вероятно, из таких соображений, император Цзинь не принял тангутских подарков и отослал послов обратно с письмом Жэнь-сяо, в котором говорилось: «С тех пор как моя держава укрепилась на Центральной равнине, мы всегда опекали западные земли. Мы установили границу с твоим отцом и дали право на титул тебе самому. Наши милости и щедрость — это только одна сторона дела. Кроме того, попраны приличия вассала. Следует свято оберегать дело, переданное нам предками. Теперь вот ты просишь приказ [на право существова-

ния Чу]. Дело это весьма необычайное. Не зная истинного источника такого распоряжения, мы решили послать к тебе посла и разузнать лично от тебя, в чем же дело. Присланную тобою дань уже распорядились отослать обратно» [там же].

Отказ чжурчжэней поддержать Жэнь Дэ-цзиня позволил Жэнь-сяо предпринять решительные действия. Жэнь Дэ-цзинь после провала своих расчетов на Цзинь теперь полагался во всем только на помощь Сун и вел тайные переговоры с китайским двором. Сунские агенты с письмом китайского двора Жэнь Дэ-цзиню были схвачены тангутскими дозорными. Обнародование текста письма дискредитировало Жэнь Дэ-цзиня в глазах многих старшин и сановников Ся, поддержкой которых он ранее пользовался.

Они поняли, что осуществление планов Жэнь Дэ-цзиня угрожало существованию тангутского государства. Подчиненные ему войска также отказались поддержать его. На основании перехваченного письма Жэнь-сяо, почувствовавший, что сила на его стороне, обвинил Жэнь Дэ-цзиня в государственной измене и в восьмом месяце (12 сентября — 11 октября) 1170 г. казнил его [там же]. Расправиться с остальными сторонниками Жэнь Дэ-цзиня, деморализованными гибелью руководителя, оказалось нетрудно. Жэнь-сяо быстро восстановил порядок в стране. Визирем (сяном) государства Си Ся был назначен один из самых видных тангутских просветителей, известный переводчик китайских классических книг Ва Дао-чун.

В благодарственном письме императору Цзинь Жэнь-сяо писал: «Как только Жэнь Дэ-цзинь получил пожалованные ему земли, он сразу послал гонца к Вашему двору, требуя себе титула. Ваш двор любит справедливость, и его обращение не было принято. Государство Ся даже не в состоянии выразить чувства своей благодарности. Мы безрассудно докучали Вашему двору, дерзко просили титула для мятежного сановника и тем самым нарушили все приличия. Поскольку теперь мятежный сановник уже казнен, великий двор не станет посылать посла для выяснения обстоятельств дела. Земли, которые были выделены Жэнь Дэ-цзиню, граничат с Вашей областью Сицинь. Опасаясь, что со времени отделения этих земель на границах могли возникнуть особые недоразумения, мы ввели там еще более строгий порядок и ограничения и просим Вас также ввести более строгие правила» [там же]. Последние строки письма содержали завуалированную просьбу не позволять бежавшим сторонникам Жэнь Дэ-цзиня переходить границы Цзинь.

Так бесславно кончился тщательно подготовленный и уже начавшийся осуществляться план Жэнь Дэ-цзиня. Попытка Жэнь Дэ-цзиня расколоть тангутское государство — примечательный эпизод в жизни Си Ся. Он помогает глубже понять жизнь страны. Предпосылкой такого раскола были феодальный характер тангутского государства, многоплеменный состав его населения, наличие кочевого уклада с постоянными стремлениями части родовых старшин отделиться, относительно независимое положение местной государственной власти и отдельных военных округов от центра. Внешним условием успеха всякого рода попыток отделиться была поддержка со стороны более могущественных соседей Си Ся. При этих условиях, существовавших почти с момента появления тангутского государства, в любой благоприятный момент, связанный с внутренними или внешними затруднениями тангутского государства, могла быть предпринята попытка к его расколу. Относительную независимость

тангутских старшин и чиновников часто использовали китайцы, понуждая их к отделению и переходу на службу Сун.

Попытку узурпации власти и смены династии предпринимали Моцзан Эпан, братья Лян, родственники императриц. Именно этой категории сановников, занимавших самые высокие посты в государстве, удавалось сконцентрировать вокруг себя всех недовольных. А многие тангутские сановники самоуправно вели себя во вверенных им округах и своих уделах. Поэтому попытка Жэнь Дэ-цзиня образовать самостоятельное государство была крупной и даже относительно успешной акцией по реализации всех вышеперечисленных условий. Как и всякое феодальное государство, Си Ся имело в недрах своей экономической и государственной системы элементы сепаратизма и децентрализации, усиливаемые особенностями социальной организации тангутского общества (сохранение родоплеменных отношений) и сдерживаемые лишь сильной деспотической властью в центре и общностью политических и экономических интересов ядра государства — тангутских племен, сложившихся к XII в. в единую тангутскую народность. В многоплеменном тангутском государстве центробежные тенденции ярко проявлялись даже в период его наивысшего расцвета, но сепаратистские силы не были способны одержать верх без поддержки извне; поэтому тангутское государство просуществовало как единое целое вплоть до монгольского нашествия.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИ СЯ И ЮЖНОЙ СУН В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЖЭНЬ-СЯО

После образования цзиньского государства Си Ся перестало граничить с сунским Китаем. Лишь северные области провинции Сычуань очень близко подходили к юго-западным границам Си Ся. Обмен посольствами между тангутским и сунским дворами был редким и нерегулярным. Основной целью сунов в этот период стало стремление добиться совместных выступлений с Си Ся против чжурчжэней.

Слабые связи между Си Ся и Сун привели к резкому сокращению сведений о Си Ся в китайских источниках. История тангутского государства начиная с гибели Северной Сун освещена в них слабо и фрагментарно.

Жэнь-сяо был просвещенным государем и страстным почитателем конфуцианства. Поэтому он с симпатией относился к Китаю и не раз принимал меры к укреплению ослабевших связей с южным сунским двором.

В 1140 г. сунский двор поручил шэньсийскому сюаньфуши Ху Ши-цзяну начать с тангутами переговоры о присылке даров.

После того как Цянь-шунь признал себя зависимым от Цзинь, тангуты прекратили всякую посылку даров сунскому двору. И вот в 1140 г. по приказу двора Ху Ши-цзян отправил посольство в Синцин. Посольство должно было урегулировать вопрос об обмене дарами и о церемониале представления послов. Жэнь-сяо, только что взошедший на престол и боявшийся чжурчжэней, не дал послам никакого ответа [СШ. Гл. 29. С. 213], и отношения между Си Ся и Сун были порваны окончательно.

В 1143 г. сунский пограничный чиновник У Линь захватил три области чжурчжэней. Шесть или семь раз он посылал в Си Ся своих людей, призывая тангутов к совместной борьбе с чжурчжэнями. И снова тангуты ничего не ответили китайским послам. В Си Ся проходили восстания. Сильные чжурчжэньские гарнизоны стояли рядом, и ссориться с ними было нельзя. Поэтому в конце 1143 г., когда чжурчжэни напали на границы Сун, тангуты выслали свои войска и захватили сунский город Хуйчжоу [ССЦ. Гл. 24. С. 7б].

Тангуты не отвечали китайским послам из страха перед Цзинь, а нападали на сунские границы не только по принуждению чжурчжэней, но и из желания поживиться.

В первой половине 1144 г., как бы принося извинения за нападения в прошлом году, Жэнь-сяо отправил посольство с дарами к сунскому двору (послы с дарами из государства Ся не были в Китае уже двадцать лет).

На этот раз тангуты прислали южносунскому двору «мелкий жемчуг, пояс из золота, ткани и десять лошадей» [Юйвэнь Мао-чжао, 1798. Гл. 11. С. 6б]. Китайцы с радостью приняли послов из Си Ся. Сведений о взаимоотношениях Сун с Си Ся до 1159 г. у нас никаких нет.

В 1159 г. перебежавший к сунам чиновник Ли Цзинь-жунь обратился к императору с письмом, в котором говорил: «Тангутский фуши Цзюйи два раза посылал послов к южному двору, считая, что используемые там одежды, головные уборы, церемониал и музыка не имеют себе равных ни в одной другой стране. Тангуты очень озлоблены тем, что чжурчжэни изменили союзу и захватили те земли, которые дали им прежде. В этом году, в месяц под циклическими знаками Жэнь-цзы Няньхань собрал войска в Юньчжун и рассчитывает захватить Сычуань. Узнав о его замыслах, тангуты укрепили свои границы и ждут его подхода. Если послать к ним сейчас для ведения переговоров искусного дипломата, то государство Си Ся беспрепятственно вышлет войска, вполне достаточные для восстановления власти в Северном Китае» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

Одновременно Ли Цзинь-жунь предлагал заключить против чжурчжэней союз с татарами, у которых цзиньские эмиссары постоянно выменивали лошадей для армии [СШСГЧЦЧ. Гл. 13. С. 13б].

Оба его письма остались без ответа.

В 1161–1162 гг. чжурчжэни вели новую войну с Сун, на этот раз малоуспешную. Цзиньские войска выступили из Кайфэна, возглавлял их сам государь, Ваньянь Лян. Вместо победного шествия цзиньских армий «офицеры и солдаты, неохотно идя на войну, убегали с дороги и возвращались в дома» [История дома Цзинь. С. 134б]. Воспользовавшись случаем, тангуты оккупировали некоторые территории Цзинь [ЦШ. Гл. 134. С. 826]. У Линь снова обратился к тангутам, побуждая их совместными силами отразить чжурчжэней [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Он разработал план широких военных действий против Цзинь и направил письма к киданям, в Гаоли, к бохайцам и татарам с предложением начать борьбу против общего врага [СШСГЧЦЧ. Гл. 13. С. 16а].

В 1161 г. группа чжурчжэньских полководцев убила Ваньянь Ляна, и императором Цзинь стал внук Агуды Улу (Ши-цзун). Цзиньские войска так и не смогли форсировать Янцзы. В 1165 г. между Сун и Цзинь был заключен мир. Сунский император писал Ши-цзуну, что «он, как племянник своему дяде,

униженно подносит доклад императору великого царства Цзинь и обещается ежегодно представлять двести тысяч концов шелковых тканей и двести тысяч ланов серебра» [История дома Цзинь. С. 180б].

Тангуты еще до заключения мира между Сун и Цзинь вывели свои войска из занятых ими районов [ЦШ. Гл. 134. С. 826]. В 1163 г. сунский сановник Чэнь Кан-бо послал письмо государю Ся, в котором предлагал установить дружеские отношения между странами. Что ответили тангуты китайцам — неизвестно.

Последние сведения об отношениях Си Ся с Сун при Жэнь-сяо относятся к 1186 г. В это время сунским двором были получены сведения, что киданин Даши Ялинь просил у тангутского двора разрешения пройти с войсками через территорию Си Ся для войны с Цзинь. Китайский двор срочно отдал приказ чиновникам У Тину и Лю Чжэну начать с ним переговоры при посредстве тангутов, с которыми У Тину было приказано вступить в контакт. Однако, по словам составителей «Сун ши», «чем закончились тогда эти переговоры, приняли ли тангуты китайские предложения или отказались от них — неизвестно, так как все это не было записано историками» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

Таким образом, между Си Ся и Южной Сун при правлении Жэнь-сяо не было постоянного контакта. Южный сунский двор стремился добиться союза с Си Ся для борьбы с чжурчжэнями. Тангуты, которые, возможно, были и не прочь завязать мирные, дружеские отношения с Сун, из-за боязни перед Цзинь не только не могли отвечать на китайские предложения, но и вынуждены были иногда поддерживать чжурчжэней в их нападениях на Сун. Однако они явно делали это по принуждению чжурчжэней, так как в противном случае китайцы не стремились бы так упорно добиваться союза с тангутами, не рассчитывая найти у них поддержки и зная об их враждебном отношении к себе.

Возможно, что через Си Ся суны вели переговоры с Западным Ляо. Тангуты были в постоянном контакте с татаро-монгольскими племенами и уйгурами. Это неизбежно, ибо они имели с ними общую границу большой протяженности.

К сожалению, в доступных нам источниках мы встречаем лишь туманные намеки на эти отношения. Для нас в настоящее время вся история международных отношений Ся повернута только на Восток. Интереснейшие связи тангутов с Западом, несомненно простиравшиеся до владений Хорезм-шахов, остаются тайной, которая сможет быть раскрыта только при условии привлечения новых источников.

СИ СЯ И ЦЗИНЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЖЭНЬ-СЯО

Между Си Ся и Цзинь в годы правления Жэнь-сяо установились мирные, даже порой дружеские отношения. К этому времени кончился период завоевательных войн чжурчжэней. Все усилия цзиньской дипломатии были направлены на установление и урегулирование отношений с сунским государством. Зависимое от Цзинь тангутское государство вынуждено было поддерживать чжурчжэньскую политику по отношению к Сун.

Си Ся не представляло для чжурчжэней большого интереса как объект завоевания. К тому же силы чжурчжэней были уже истрачены на освобождение из-под власти киданей и на завоевание богатых областей Северного Китая.

С 1141 г. между Си Ся и Цзинь начали устанавливаться торговые отношения. Тангуты регулярно посылали к цзиньскому двору посольство с поздравлениями к новому году и ко дню рождения императора. Чжурчжэньских послов тангутский государь после долгих споров о церемониале стал принимать стоя. В первый раз Жэнь-сяо принял чжурчжэньского посла Ванахая по тому же церемониалу, по которому раньше принимались в Си Ся киданьские послы.

Ванахай не согласился с таким приемом и заявил: «Отношения между киданями и Ся были подобны отношениям племянника и дяди. Поэтому ван государства Си Ся принимал послов (Ляо) сидя. Теперь отношения Великой Цзинь и государства Си Ся подобны отношениям господина и его вассала. И принимать послов великого государства нужно по подобающему церемониалу» [ЦШ. Гл. 134. С. 825]. Спор длился несколько дней. В конце концов государи Си Ся стали принимать послов Цзинь стоя.

Как только послы Цзинь вступали на территорию Си Ся, государь Си Ся посылал им подарки. Посланные встречать посольство люди должны были узнавать, сколько послы везут докладов и предписаний. При переписке с Цзинь тангуты пользовались цзиньскими девизами лет правления [ССЦ. Гл. 27. С. 8б].

К 1146 г. по просьбе тангутов чжурчжэни отдали им пограничные территории в районе Дэвэйчэн и Динбяньцзюнь [ЦШ. Гл. 26. С. 187]. В полученных областях Жэнь-сяо разместил свои войска и создал свою администрацию. Присылая подарки к новому 1147 г., он отправил цзиньскому императору доклад с благодарностью [ССШШ. Гл. 36. С. 3б].

В 1149 г. цзиньский император Си-цзун был убит и престол занял один из заговорщиков, Ваньянь Лян. Когда послы Цзинь с поздравлениями к новому году прибыли к границам Си Ся, тангуты остановили посольство и спросили, как и почему был убит их император.

Чжурчжэньские послы не смогли дать вразумительного ответа, тангуты объявили, что, поскольку они не получили объяснений, они не могут принять посольства. Находящиеся в это время в дороге тангутские послы с новогодними подарками были возвращены с половины пути. По-видимому, с таким приемом чжурчжэньские послы столкнулись не только в Си Ся. Весной 1150 г. Ваньянь Лян направил послов в Сун, Си Ся и Гаоли с объяснением причин, «по коим свергнул с престола Си-цзуна и сам вступил на оный» [История дома Цзинь. С. 134б]. Принимая чужеземных послов, Ваньянь Лян наградил их всех богатыми подарками и отменил запрет на торговлю железом на границе с Си Ся [ССЦ. Гл. 24. С. 12а]. Этими мерами он хотел добиться, чтобы его признали государем, и пресечь излишние разговоры за пределами Цзинь о массовых казнях, которые он провел в стране.

В 1155 г. тангуты напали на Тайюань, чтобы отомстить местным племенам, управляемым домом Чжэ, которые не раз совершали набеги на Си Ся. Чжурчжэни выслали войска для защиты подвластных им племен, а затем, во избежание раздоров в будущем, решили переселить их в Цинчжоу [там же. Гл. 128. С. 792]. На чжурчжэньско-тангутской границе в 1156 г. чжурчжэни расставили сигнально-сторожевые посты, чтобы быть наготове в случае нападения тангутов [там же. Гл. 26. С. 187]. В 1160 г., принимая послов Си Ся, Ваньянь Лян, решивший напасть на Сун, предложил тангутам готовить войска для войны с

Китаем. В 1161 г. чжурчжэньские войска напали на Сун; тангуты воспользовались удобным моментом и заняли несколько цзиньских областей. В том же году Ваньянь Лян был убит. Когда на престол взошел Ши-цзун, тангуты вывели свои войска из оккупированных ранее районов, но не вернули захваченное имущество, скот и пленных [там же. Гл. 134. С. 826].

В 1166–1170 гг. в отношениях между Ся и Цзинь появилась некоторая настороженность из-за беспорядков на тангутско-тибетской границе. Тибетские племена, проживавшие на территории присоединенных в 1136 г. к Си Ся четырех округов, не все признали власть тангутов. В 1166 г. тангуты были вынуждены послать войска для подчинения кланов Чуйчжэ и Мицзан племени Чжуанлан. Два других клана этого племени — Лунбу и Панпай — признали свою зависимость от рода Цяоцзя, хотя все племя Чжуанлан [джярунг] считалось вассалом Ся.

Род Цяоцзя поручил управление кланами Лунбу и Панпай старшине Цзешэцзюе, сыну Шичана, правнука знаменитого Дунчжаня. Когда чжурчжэни вышли к границам тибетских племен Шичан, отец Цзешэцзюе подчинился Цзинь и за это был убит своими соплеменниками. Чжурчжэни выслали карательный отряд, казнили убийц Шичана, а на его место назначили его старшего сына Тегэ.

В 1164 г. сунские войска напали на ставку Тегэ — город Таочжоу и разрушили его. Мать Тегэ вместе с его младшим братом нашла приют в роде Цяоцзя. Старшины рода Цяоцзя и старшины родов Мупо, Бинли и кланов Лунбу и Панпай племени Чжуанлан признали потомка Дунчжаня Цзешэцзюе своим главой и дали ему титул Ван цзы — сын вана.

Вскоре Цзешэцзюе вместе со всеми признававшими его власть родами перешел на сторону Цзинь. Тем самым два клана племени Чжуанлан, давнего вассала тангутов, оказались подданными чжурчжэней. Жэнь-сяо направил послов в Цзинь и заявил, что он вышлет войска и истребит племя Чжуанлан. Чжурчжэни, в свою очередь, решили присоединить земли тибетцев к территории Цзинь. Все это привело к конфликту между Си Ся и Цзинь.

В 1169 г. Цзешэцзюе приехал в ставку племени Чжуанлан, где жила его мать. Тангуты узнали об этом через шпионов и послали войска. Цзешэцзюе с трудом удалось бежать. В бою он потерял руку. Его мать попала к тангутам в плен. Вскоре Цзешэцзюе скончался от ран.

В последующие десять лет между Си Ся и Цзинь установились очень дружественные отношения. Жэнь-сяо был благодарен Ши-цзуну за поддержку во время попытки Жэнь Дэ-цзиня расколоть Си Ся. Ши-цзун, один из самых просвещенных и деятельных государей Цзинь, проводил миролюбивую внешнюю политику и поддерживал хорошие отношения с соседями. Оба государства регулярно обменивались посольствами и вели взаимовыгодную торговлю. Обычно перед прибытием своего посольства тангуты ставили в известность чжурчжэньское учреждение, именуемое синшэн, в функции которого входило обслуживание посольств. Специально посланный чиновник встречал посольство на границе с письмом от имени государя. Когда посольство вступало на территорию Цзинь, то впереди его следовала группа встречающих чжурчжэней, заботившаяся о столе и ночлеге послов. Прибыв в столицу Цзинь, послы отправлялись с визитом в синшэн. На следующий день для них устраивали пир, а затем следовали официальные приемы и аудиенции [ЦШ. Гл. 38. С. 246].

В 1171 г. из-за сильных дождей и грязи у тангутов заболело много коней и верблюдов. Чжурчжэни спешно выслали им из столицы ветеринара [там же]. В 1177 г. Жэнь-сяо прислал в дар Ши-цзуну громадную юрту, вмещавшую сто человек [там же. Гл. 134. С. 826].

Но вскоре, особенно после смерти Ши-цзуна, отношения Си Ся и Цзинь ухудшились в результате ограничений в торговле, введенных на границе чжурчжэнями. В 1178 г. тангуты захватили и разграбили город Линьчжоу [см.: ССЦ. Гл. 25. С. 14б]. В 1190 г. они снова напали на границы Цзинь [там же. С. 21б]. Чжурчжэньский командующий пограничными войсками Алудай выступил с большим отрядом. Трехтысячный отряд тангутов устроил засаду в районе местечка Цзяньчжун. Чжурчжэни были наголову разбиты, а сам Алудай убит [ЦШ. Гл. 134. С. 826]. Тангуты забрали с собой его лук и доспехи и отступили. Этот инцидент очень испортил отношения Си Ся и Цзинь. По требованию чжурчжэней тангутское правительство вынуждено было сослать на каторгу, а затем и казнить убийц Алудая.

Установить прежние дружественные отношения между Си Ся и Цзинь так и не удалось. А в первой четверти XIII в. перед самым нашествием монголов между Ся и Цзинь вспыхнула война, сильно ослабившая обе страны.

Жэнь-сяо скончался осенью 1193 г. на семидесятом году жизни. Он дольше всех государей Ся (пятьдесят пять лет) находился на престоле. Задолго до его смерти скончались обе его супруги, императрица Ван в 1165 г. и императрица Жэнь, дочь Жэнь Дэ-цзиня, в 1170 г. Вдовствующей осталась императрица Ло. Она вела свой род от китайца, сдавшегося тангутам, и была матерью наследника престола Чунь-ю.

Жэнь-сяо было дано посмертное имя императора Шэн-дэ, храмовое имя Жэнь-цзун. Могила его получила наименование Шоулин. Сын Жэнь-сяо Чунь-ю продолжил внутреннюю и внешнюю политику своего покойного отца.

ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРОЦВЕТАНИЯ. ПРАВЛЕНИЕ ЧУНЬ-Ю

Правление Чунь-ю, пожалуй, менее всего освещено в имеющихся в нашем распоряжении источниках. В 1194 г. чжурчжэни прислали Чунь-ю грамоту на титул вана государства Си Ся. В 1195 г. тангутское посольство с традиционными дарами — лошадьми — было отослано чжурчжэнями обратно. До этого Си Ся ежегодно посылало Цзинь восемьсот коней. Кроме тангутов такие же дары представляли все кочевые народы северо-запада, признававшие верховенство Цзинь. В 1195 г. чжурчжэньский управляющий северо-западными областями Ваньянь Цзун-дао просил двор отменить эту повинность и получил согласие двора. Вероятно, эта мера была как-то связана с происходившими в то время в монгольской степи войнами Чингисхана. Чунь-ю направил послов с выражениями благодарности [ЦШ. Гл. 73. С. 472].

С 1196 г. послы Си Ся на аудиенции у государя Цзинь должны были подавать письменные доклады. Отношения тангутов и чжурчжэней до конца XII в. оставались хорошими.

В 1200 г. заболела мать Чунь-ю императрица Ло. Чунь-ю просил чжурчжэней прислать опытного врача. Врачи Цзинь издавна пользовались доверием в Си Ся. Еще Жэнь Дэ-цзинь, желая вступить в контакт с чжурчжэньским двором, просил прислать ему врача из Цзинь и добился этого. И на этот раз чжурчжэни два раза посылали врача и лекарства матери Чунь-ю [там же. Гл. 134. С. 826].

В 1201 г. в Цзинь начались внутренние беспорядки. Опасаясь, что восставшие могут вступить в контакт с племенами севера и запада, государь Цзинь приказал вдоль северных и западных границ Цзинь вырыть рвы и создать военные поселения. Это крайне обидело тангутов. Чунь-ю расценил эту меру как враждебный акт по отношению к Си Ся. На запрос тангутского двора чжурчжэни предпочли уклониться от ответа [ССШШ. Гл. 39. С. 6а–6б]. С этого момента дружеские отношения Си Ся и Цзинь были нарушены. И нарушены как раз в тот момент, когда дружба и взаимная помощь двух государств могла стать единственным источником их спасения.

В 1205 г. Си Ся впервые подверглось нашествию монголов. Тангуты, южные соседи татаро-монгольских племен, издавна находились в тесном контакте с ними. Тангутское государство не раз подвергалось грабительским набегам своих беспокойных северных соседей. Первые упоминания о монголах в китайских источниках встречаются еще во времена династии Тан (618–907). Среди племен шивэй, заселявших местности к югу от Байкала, было одно по имени мэнва (монголы) [СТШ. Гл. 119. С. 1671]. В этом же районе на древней карте владений Ляо, помещенной в «Цидань го чжи», указана гора Мэншань (гора монголов). В описании народов севера, приведенном в «Цидань го чжи», названы и монголы (мэнгули). По имеющемуся здесь описанию, племена мэнгули «не имеют для управления начальников и не знают хлебопашества; живут только охотой, не имеют постоянного местожительства и кочуют все четыре времени года. Питаются только мясом и кумысом. С киданями не воюют, а поставляют для них быков, баранов, верблюдов, лошадей и шерсть» [ЦДГЧ. Гл. 22. С. 6б]. О том, что упоминаемые в танское время мэнва (вариант мэнъу), тот же народ, что и мэнгули при киданях, говорится в другом источнике XII в., «Сунмо цзивэнь». Здесь же сообщается, что местожительство монголов только рекой отделено от чжурчжэней. Монголы часто переправляются на южный берег и грабят [Хун Хао, 1933–1934. Бэнь 7. Гл. 1. С. 5а–10б].

О набегах народа мэнгусы на границы Цзинь сообщается в найденной в провинции Гирин стеле первой половины XII в., посвященной создателю чжурчжэньского письма Ваньянь Сииню [Сюй Бин-чан, 1936. С. 17].

Наконец, описание монголов мы находим в «Да Цзинь го чжи». «Мэнгу-цзы, — сообщается в этом источнике, — это народ, о котором кидани говорили “Владение Мэнгу”. Эти люди ростом в 8 чи. Они ловят диких оленей и питаются ими. Очень зорки, видят на расстоянии в несколько десятков ли. Видят все, вплоть до волоса. Они потому так зорки, что не едят вареной пищи» [Юйвэнь Мао-чжао, 1798. Гл. 20. С. 2б].

Таким образом, судя по сообщениям китайских источников, до XIII в. монголы жили на северо-западных границах Цзинь. Это была одна из групп племен, известных больше в китайских источниках этого периода под именем дада (татары) и цзубу.

Невольными участниками событий, происходивших на территории Монголии, тангуты впервые стали в 1193 г., когда хан племени кереитов Ван-хан, глава многочисленного народа, обитавшего по берегам Орхона и Толы, был разбит своим дядей Гур-ханом, восстановившим против племянника найманов.

Ван-хан едва спасся с сотней всадников и просил помощи у Есугая, отца Чингисхана. Есугай выступил против Гур-хана, разбил его и принудил бежать в Си Ся [Оссон, 1937. С. 55; Бичурин, 1829. С. 14–15]. Позднее, когда между Чингисханом и Ван-ханом возникла вражда, Чингисхан напомнил об этом событии в своем послании к Ван-хану:

«О мой отец хан, когда ты подвергся преследованиям со стороны твоего дяди Гур-хана за то, что ты похитил верховную власть после смерти его брата Бугорука и погубил двоих из твоих братьев, ты спасся в Каравун Каб-джал, где ты был окружен и осажден. Кто исторгнул тебя из этого места, как не мой отец? Он дал тебе помощь, с которой ты возвратился, ты нашел Гур-хана в Курбан-Беласут, ты обратил его в бегство, и он вынужден был искать спасения в сопровождении только двадцати или тридцати человек в стране Хашин (т. е. Си Ся. — *Е. К.*), откуда он более уже не появлялся» [Оссон, 1937. С. 65].

Во второй половине XII в. соседние татаро-монгольские племена находились в близких взаимоотношениях с тангутами. Не случайно некоторые монгольские ханы носили тангутские титулы. Например, брат кереитского Ванхана Керандай больше был известен «под тангутским титулом Джагамбу» [там же. С. 60]. Видимо, и у Гур-хана были основания искать спасения в Си Ся. Как известно, кереиты были христианами несторианского толка, а в пограничном с монгольской степью городе Хара-Хото найдены документы, свидетельствующие о наличии там христианских общин.

В 1203 г. Ван-хан был разбит Чингисханом и убит. Сын Ван-хана Илха (Илько-Сингун) бежал в Си Ся (по данным мусульманских источников, в Бури-Тибет) [там же. С. 69] и занялся там грабежами. Тогда тангуты выслали войска и вытеснили Илху и его людей во владения уйгуров (Гуйцы) [Бичурин, 1829. С. 31; ЮШ. Гл. 1. С. 30][3].

В 1204 г. Чингисхан разгромил найманов и стал полновластным правителем монгольских степей. С этого времени начинаются большие организованные походы монголов против соседних государств. В 1205 г. монгольские войска вторглись в западные районы Си Ся, опустошили округа Гуачжоу и Шачжоу и ушли обратно, уведя с собой много пленных и угнав большие стада скота. Напа-

[3] Монголами были взяты и разграблены крепость Лицзили и город Лосы. Рашид-ад-дин следующим образом описывает поход монголов в 1205 г. на Ся: «Чингисхан соизволил привести свое войско в порядок и выступил в поход против области Кашин, которую называют Тангут. Когда они вступили в эту область, то прежде [всего] они достигли крепости [кал'э], называемой Лигили, а место это чрезвычайно укрепленное. Они ее окружили и в короткое время взяли, они разрушили все! И ее стены, и фундамент. Оттуда они пошли на город, название которого Клин-Лоши, а он был очень крупным городом, его они взяли и разграбили. [Затем] захватили некоторые другие области Тангута и разграбили [их], а скот, найденный ими в тех пределах, они весь угнали [с собою]. [Затем] с многочисленной военной добычей и бесчисленным [количеством] верблюдов и скота они [монгольские отряды] повернули назад и явились с выражением рабской покорности Чингисхану. И все» [Рашид-ад-дин, 1952. Т. I. Кн. 2. С. 149–150].

дение монголов произвело в Си Ся ошеломляющее впечатление. Давно не воевавшие тангуты не сумели дать им должного отпора.

После ухода монголов Чунь-ю приказал восстановить разрушенные врагом крепости и селения, провел амнистию в стране и в знак избавления государства от бедствия переименовал столицу Си Ся Синцин в Чжунсин (Возрождение) [ССШШ. Гл. 39. С. 10б–11а][4].

Внешнеполитическими трудностями Си Ся и растерянностью двора перед лицом новой угрозы воспользовался Чжэньицзюнь ван Ань-цюань, двоюродный брат Чунь-ю.

Отец Ань-цюаня — Юе ван Жэнь-ю был младшим братом Жэнь-сяо. Он оказал Жэнь-сяо большую помощь при ликвидации мятежа Жэнь Дэ-цзиня и получил за эту услугу титул Юе вана. Когда в 1196 г. Жэнь-ю скончался, его сын Ань-цюань, человек грубый и жестокий, подал Чунь-ю доклад, в котором просил разрешить ему наследовать титул отца. Чунь-ю отклонил просьбу Ань-цюаня и дал ему менее почетный титул Чжэньицзюнь вана (князь области Чжэньи). Ань-цюань, обиженный отказом, затаил в душе злобу против Чунь-ю [ССШШ. С. 2б]. С этих пор он стал противником всех мероприятий Чунь-ю и, по мнению тангутских сановников, «постепенно пробирался к власти» [там же. С. 3б].

К 1204 г. относится сообщение У Гуан-чэна о чудесном явлении, якобы происходившем в Сячжоу, после чего Ань-цюань еще активнее приступил к разработке планов захвата власти [ССШШ. С. 8б].

Первое монгольское нашествие оказалось тяжелым испытанием для тангутского государства. Видимо, многие видные сановники Ся считали, что Чунь-ю не способен управлять страной в столь грозное для нее время. В их числе была и мать государя императрица Ло. Во всяком случае, пользуясь поддержкой придворных кругов, в 1206 г. Ань-цюань совершил государственный переворот и сверг Чунь-ю с престола. Через несколько месяцев Чунь-ю внезапно умер в изгнании [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Сразу же после переворота мать Чунь-ю императрица Ло послала людей к цзиньскому двору с докладом, в котором сообщила о перевороте и требовала пожалования Ань-цюаню свидетельства на титул. «Чунь-ю, — говорилось в письме государыни Ло, — не мог сохранить унаследованного престола. С главными сановниками [мы] договорились возвести на престол Ань-цюаня и сделать его ваном...» [ЦШ. Гл. 134. С. 826].

После некоторых колебаний и расспросов послов чжурчжэни в конце 1206 г. дали Ань-цюаню свидетельство на титул вана Си Ся [там же].

Первое нашествие монголов на Си Ся и государственный переворот Ань-цюаня знаменовали собой конец процветания тангутского государства и начало периода его быстрого упадка и гибели.

---

[4] Чунь-ю пытался принять меры для борьбы с монголами. В конце 1205 г. тангуты получили известие о том, что монголы напали на Цзинь. Чунь-ю отдал приказ тангутским полководцам вступить в союз с цзиньскими войсками в Хэдун и начать совместные военные действия против монголов. Тангутская армия выступила в поход и несколько дней двигалась по степи, так и не встретив противника. Тангуты на практике столкнулись с той тактикой, которую они сами неоднократно применяли против своих врагов. В это время шпионы донесли, что монголы разбили чжурчжэней и основные силы монгольской армии возвращаются обратно. Тангутские полководцы, которые рассчитывали как раз на то, что часть монгольской армии будет воевать с чжурчжэнями и они встретятся с ослабленным противником, испугались и повернули войска обратно [ССШШ. С. 11б].

РАЗДЕЛ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ТАНГУТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОМ АППАРАТЕ СИ СЯ

С каждым новым шагом в изучении уникальной коллекции тангутских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) обнаруживаются и важные первоисточники, позволяющие по-новому осветить ту или иную сторону жизни давно исчезнувшего и малоизученного государства Си Ся (982–1227). Как бы ни были ценны китайские источники, они дают нам информацию из вторых рук, часто отрывочную, требующую систематизации и тщательной проверки. Поэтому только комплексное использование и тангутских, и китайских источников поможет нам нарисовать приблизительно верную картину истории тангутского государства.

Если китайские источники по истории Си Ся тщательно собраны и систематизированы китайскими учеными [У Гуан-чэн, 1924], то освоение тангутских первоисточников, прежде всего из самой обширной тангутской коллекции — коллекции ЛО ИНА СССР, сопряжено с большими трудностями и продвигается крайне медленно.

По сравнению с другими проблемами истории Си Ся, например с проблемой социально-экономических отношений, вопрос о государственно-административном аппарате [Кычанов, 1959а. С. 110–115] оказался более полно отображенным в китайских источниках. Однако и в данном случае имеющаяся информация была далеко не достаточной. Поэтому несомненный интерес представляют обнаруженные в тангутской коллекции ЛО ИНА «Табель о рангах» (рук. № 4170 и 5921) и перечень административных учреждений Си Ся в десятом томе «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)»[1].

«Табель о рангах» представлен двумя фрагментами одного и того же свитка (№ 5921 и 4170). Размеры фрагментов: № 5921 — 20×51 см, № 4170 — 10×67 см. Фрагменты отпечатаны ксилографическим способом на светло-серой плотной бумаге со слегка шероховатой поверхностью. Текст напечатан в два столбца, шириной 7,3 см каждый, отделенных друг от друга пробелом в 1,4 см. Колонки заключены в рамку и разделены на строки вертикальными линиями. Ширина

[1] В более поздних работах Е. И. Кычанова этот источник называется «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)».

каждой колонки 1,5 см. Ширина полей: верхнего — 2,5 см, нижнего — 2 см. В каждой колонке помещено по одному титулу, всего в двух фрагментах 79 колонок в верхнем ряду и 80 колонок в нижнем ряду. Колонки 1–3, 44, 45, 52–58, 70 и 79 верхнего ряда и колонки 1–3 нижнего ряда не заполнены. В колонках 34–43 и 47–51 верхнего ряда текст написан в направлении сверху вниз, как и в колонках нижней половины рукописи. В остальных колонках верхнего ряда текст написан в направлении снизу вверх. На строках 46, 51, 61, 68, 71 верхнего ряда и 48, 51, 56, 61, 63, 70, 74 нижнего ряда текст напечатан мелким шрифтом в горизонтальном направлении. К титулам, написанным в колонках 19, 25, 31, 60, 69, 71 верхнего ряда и в колонках 4–7, 19, 25, 31, 63, 72, 74 нижнего ряда, к титулам прибавлены примечания мелким шрифтом в две строки. Обе части свитка были найдены в разное время и поэтому записаны под разными инвентарными номерами. Часть свитка, записанная под № 5921, — начало с утраченным начальным титром (33 колонки в верхнем ряду и 35 колонок в нижнем ряду), текст под № 4170 — продолжение (46 колонок в верхнем ряду и 45 колонок в нижнем ряду). Текст без конца и обрывается, по всей вероятности, где-то посередине. Фрагменты непосредственно не соединяются, между ними, по-видимому, был еще кусок текста, который утерян. В горизонтальном пробеле, разделяющем колонки верхнего и нижнего рядов, во фрагменте под № 5921 против колонок 1–7, 19, 25, 31 в горизонтальном направлении записаны титулы государей Ся, наследника престола и номера первых семи рангов. Оба фрагмента удовлетворительной сохранности.

Двадцатитомный «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного Процветания» представлен в нашей коллекции двумя изданиями большого и малого форматов. Относительно полно сохранились девятнадцать томов этого памятника, целиком отсутствует только текст шестнадцатого тома. Фрагменты и части книг двух указанных изданий иногда дублируют, иногда дополняют друг друга. Поэтому мы можем восстановить бóльшую часть этого замечательного источника.

Для данного сообщения нами было использовано издание малого формата (ксил. № 170–171). Это ксилографы, сброшюрованные «бабочкой», размером 25,5×16,5 см. Размер текста 21,5×16 см. Рамка неровная, сбоку двойная. Поля: сверху от 0 до 1 см, сбоку 4–8 мм, внизу от 0 до 1 см. Текст отпечатан в 9 строк на странице, по 14–16 знаков в строке. Два указанных фрагмента, внешние характеристики которых полностью совпадают, — части одной и той же книги. На сгибе каждого листа — колофон, указывающий сокращенное наименование свода законов (два последних знака полного наименования) и порядковый номер тома и листов вразворот. В ксил. № 170 соответственно представлены л. 1–14, в ксил. № 171 — л. 25–43. Середина тома не сохранилась. Бумага серая, тонкая. Начальные листы того и другого фрагментов сильно измяты. В целом сохранность фрагментов удовлетворительная.

Десятый том «Измененного и заново утвержденного кодекса законов...» полностью отведен под описание государственно-административного устройства Си Ся и связан по содержанию с «Табелем о рангах», который является как бы схематическим приложением к нему. Публикуемый ниже перевод познакомит читателя с материалами о государственно-административных учреждениях Си Ся, содержащимися в десятом томе кодекса.

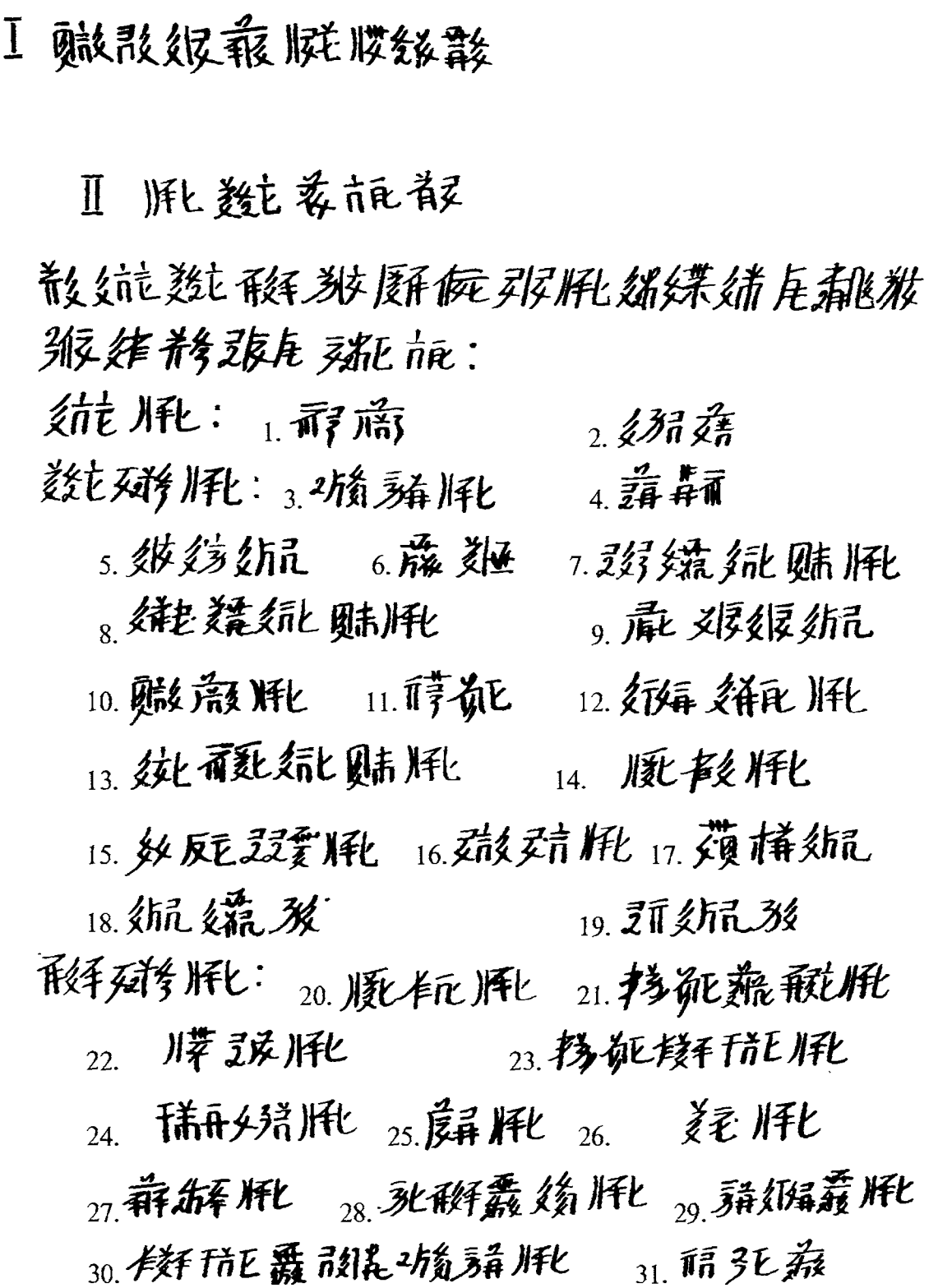

Рис. 11. Текст оригинала перечня административных учреждений Си Ся в десятом томе «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)»

Рис. 12. Текст оригинала перечня административных учреждений Си Ся в десятом томе «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)»

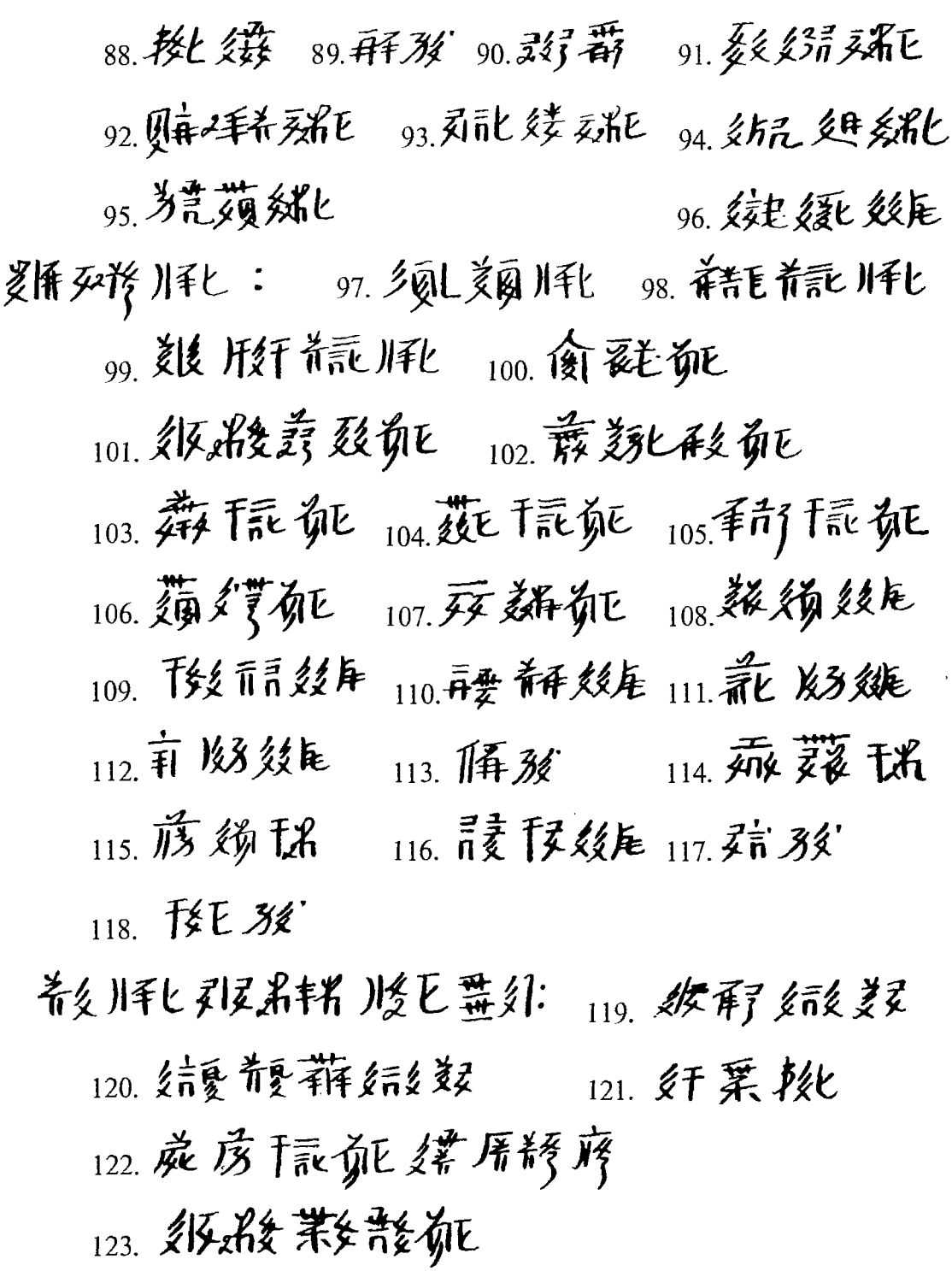

Рис. 13. Текст оригинала перечня административных учреждений Си Ся в десятом томе «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)»

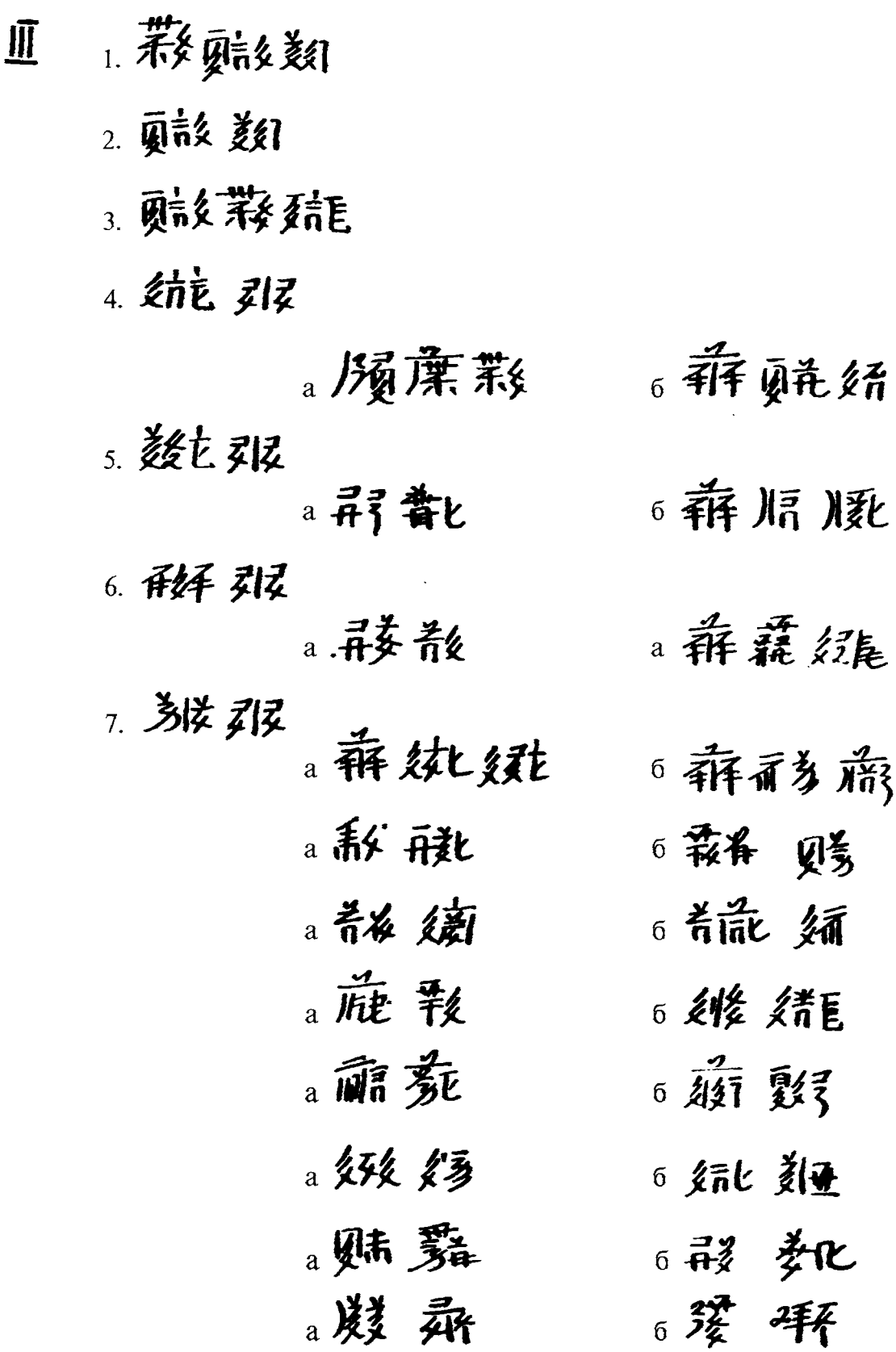

Рис. 14. Дешифровка текста «Табеля о рангах»

Рис. 15. Дешифровка текста «Табеля о рангах»

Рис. 16. Дешифровка текста «Табеля о рангах»

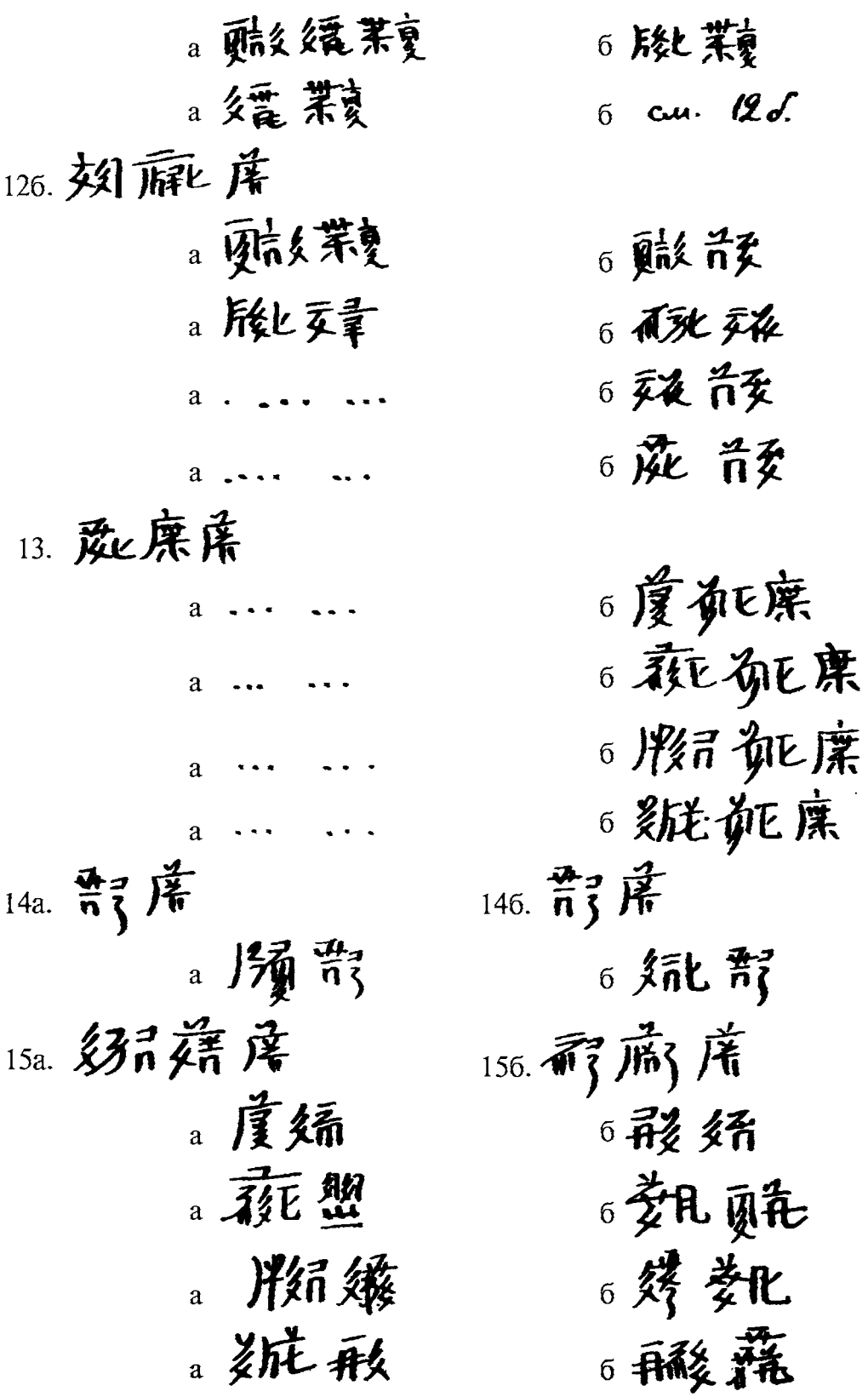

Рис. 17. Дешифровка текста «Табеля о рангах»

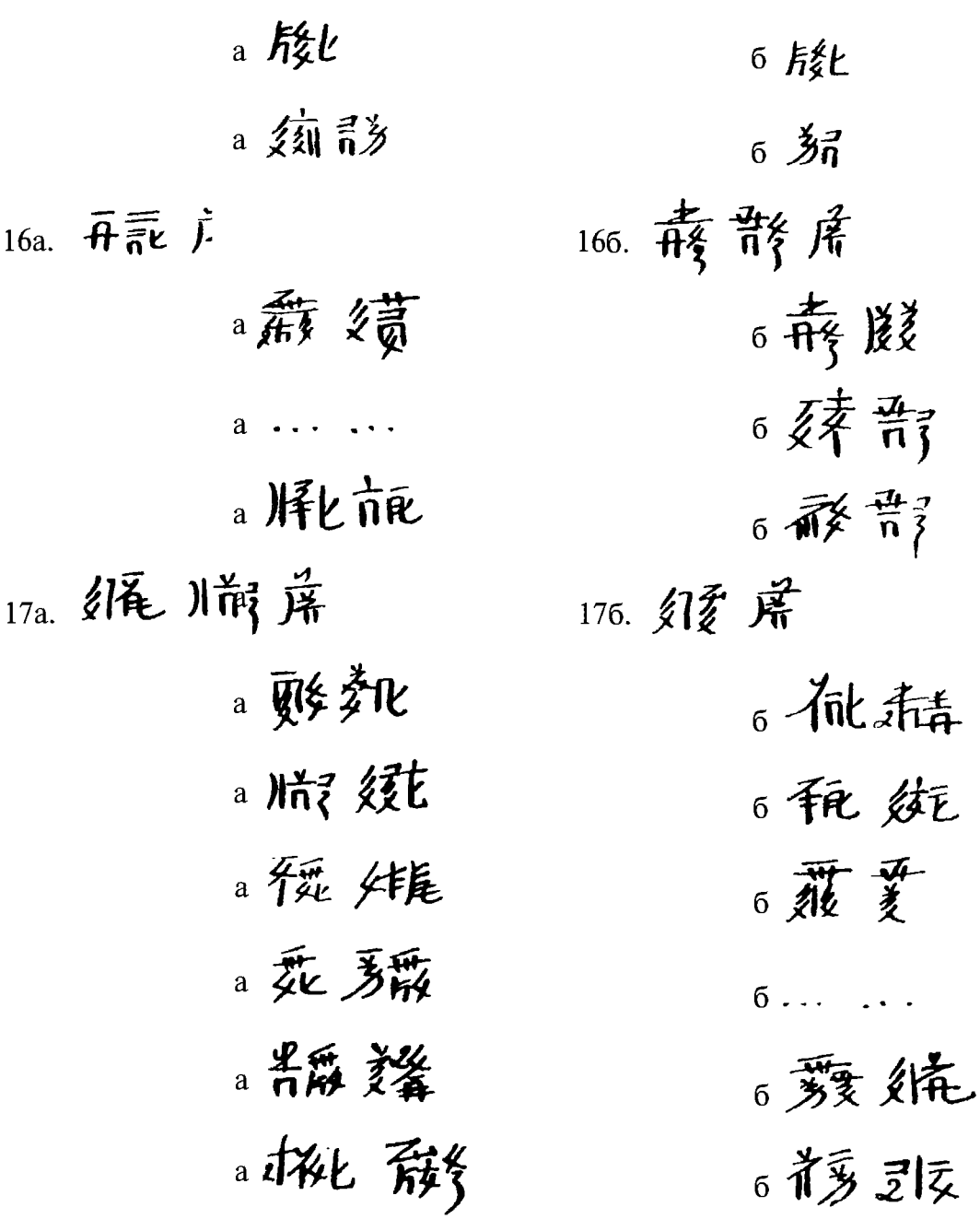

Рис. 18. Дешифровка текста «Табеля о рангах»

«ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС ЗАКОНОВ ЭПОХИ НЕБЕСНОГО ПРОЦВЕТАНИЯ (1149–1169)»[2]

ПЕРЕЧЕНЬ УПРАВЛЕНИЙ ПО КЛАССАМ

Имеющиеся управления пяти классов — высшего, второго (буквально «следующего»), среднего, низшего и последнего, малые и большие, низшие и высшие, располагаются (по своим классам) в нижеследующем порядке.

Управления высшего ранга

[1]. Верховное управление гражданскими делами. [2]. Верховное управление делами армии.

Управления второго (следующего) ранга

[3]. Дворцовое управление. [4]. Цензорат. [5]. Управление столичным округом. [6]. Финансово-налоговое управление. [7]. Управление делами буддийских монахов (?). [8]. ? [9]. Генерал-губернаторство. [10] ? [11]. Совет дворцовых дел, ведающий формулированием и опубликованием приказов государя. [12]. Управление женской половиной императорского дворца. (?). [13]. ? [14]. Управление по приему иноземных посольств. [15]. Управление [ведающее] императорским столом. [16]. Управление, ведающее перепиской двора. [17]. Управление города Силян. [18]. Фуичжоу. [19]. Чжун (чун, чжан, чан) фучжоу.

Управления среднего ранга

[20]. Управление, ведающее календарем. [21]. Транспортное управление. [22]. Управление докладов. [23]. Управление, ведающее государственными экзаменами. [24]. Управление юстиции. [25]. Управление скотоводством. [26]. Управление земледелием. [27]. Управление, ответственное за создание государственных запасов. [28]. Управление военными округами на границе и внутри страны. [29]. Управление, ведающее дворцовой прислугой (?). [30]. ? [31]. Миншацзюнь. [32]. Управление историографии и астрологии. [33]. Янсиньу (?). [34]. Цзышэу (?). [35]. Хуйиу (?). [36]. Должностное управление. [37]. Уезд Хуа (сюэ сян) янсянь. [38]. Уезд Чиюань. [39]. Область Уюань. [40]. Общее управление мастерскими. [41]. Область Хукуан (кун, кэ). [42]. Область Вэйди. [43]. Область Датан [44]. Область Сюаньвэй. [45]. Шэнь-яндицзюй (?).

[2] Каждое государственное учреждение Си Ся в переводе и в воспроизведенном тексте оригинала указано арабской цифрой.

Управления низшего ранга

[46]. Управление загородными дворцами. [47]. Управление по подбору чиновников. [48].? [49]. Управление коневодством. [50]. Управление Западного двора. [51]. Управление областью Шачжоу. [52]. Уезд Динюань. [53]. Уезд Хуайюань. [54]. Уезд Лунхун. [55]. Уезд Баоцзинь. [56]. Область Линъу (Линчжоу, Ганьсу). [57]. Управление городом Ганьчжоу. [58]. Город Юнчжоу. [59]. Город Кайпин (бин). [60]. Управление трех (?) мастерских (?). [61]. Северный двор. [62]. Южный двор. [63]. (?) чжоу (?) [64]. Управление, [ведающее] перевозками на границе и внутри страны. [65]. Шачжоу. [66]. Хэйшуй. Хара-Хото. [67]. Вместилище Черных гор (?) [68]. Чжо... (?) [69]. Южный двор. [70]. Западный двор. [71]. ...чжоу (?) [72]. Юаньчжоу. [73]. Дадудуфу. [74]. Гора с храмом (с храмами — ?) [75]. Управление округом Динбянь. [76]. (?) чо (?). [77]. Город Чжэньу (?) [78]. Сиань. [79]. (?) шань (?). [80]. Ведомство по делам избавления от демонов. [81]. (?) [82]. Шэнцюань. [83]. Цзицин. [84]. Синьтун. [85]. Ли... [86]. Чжаньчжи. [87]. Округ Лунчжоу. [88]. Юаньшэ. [89]. Иньчжоу. [90]. Хэань. [91]. Город Няньцзин. [92]. Город Дигун. [93]. Город Лайпин (бин). [94]. Уезд Фуцзин. [95]. Уезд Хэси. [96]. Наечай.

Управления последнего ранга

[97]. Управление, ведающее резанием досок и печатанием с них книг. [98]. (?) [99]. Управление мастерскими по обработке золота. [100]. Управление шелкоткачества. [101]. Управление, ведающее музыкантами — исполнителями тангутской и китайской музыки. [102]. (?) [103]. Управление железоделательными мастерскими. [104]. Управление деревообрабатывающими мастерскими. [105]. Управление мастерскими по изготовлению бумаги. [106]. Управление гончарными мастерскими. [107]. Управление мастерскими по изготовлению экипажей. [108]. Крепость Маоюань. [109]. Крепость Суми (мянь) чай. [110]. Крепость Синвэй. [111]. Крепость Чжэнго (цзян). [112]. Крепость Дэго (Динган). [113]. Фучжоу. [114]. Округ Хуа. [115]. Крепость Сюаньдэ. [116]. ...фучай (?) [117]. Сячжоу. [118]. Суйчжоу.

Управления, не вошедшие в число вышеназванных рангов

[119]. (?) [120]. (?) [121]. Бишуцзя (бикшу?) [122]. Шицзе цзянюань гуаньвэй вэйчжэ. [123]. Управление, [ведающее] тангутской и китайской высшими школами.

КОММЕНТАРИЙ

Управления высшего ранга

1. Кит. — Чжуншу. 2. Кит. — Шуми. 3. Кит. — Дяньцяньсы. 4. Кит. — Юйши. 5. Кит. — Чжунсинфу. Столица Си Ся город Синцин, переименованный позднее в Чжунсин, находился в районе современного города Иньчуань, провинция Ганьсу (см. старинную китайскую карту Си Ся XI в. [Кычанов,

1959б], опубликованную в этой книге (рис. 4–5)). Столица Си Ся именовалась Синцином с 1033 до 1205 г. Судя по сведениям китайских источников, Синцин был переименован в Чжунсин в 1205 г. в честь избавления Си Ся от первого нашествия монголов. Так как текст законов, как это ясно из их наименования, относится к 1149–1169 гг., то или наименование Чжунсин для столицы Си Ся было в ходу уже ранее, во всяком случае, в наименовании управления столицей и столичным округом, или мы имеем лишь более позднее и уже исправленное издание законов, относящееся к первой четверти XIII в., после 1205 г. 6. Кит. — Саньсы. 7. Кит. — Хэшан дэюнсы. 8. По-китайски расшифровывается 家出德用司 (?) 9. Кит. — Дадудуфу. Указано на старинной карте Си Ся близ города Линчжоу [см.: У Гуан-чэн, 1836. Гл. 39. С. 10б–11а]. 10. (?) 11. Кит. — Сюаньвэйюань. — Ведал формулированием и опубликованием приказов государя. 12. Кит. — Нэйсусы 内宿司.

13. 求法德用司? 14. Кит. — Гэмыньсы. 15. Кит. — Сянь-чупаосы. 16. Кит. — Гуйсясы (от «гуйся» — металлический ящик, в который складывали поступавшие письма). 17. Силянфу — управление городом Силян (Лянчжоу, провинция Ганьсу), вторым по значению городом Си Ся. 18. Округ не упоминается в известных нам китайских источниках. Местонахождение неизвестно. 19. Округ не упоминается в известных нам китайских источниках. Местонахождение неизвестно.

Управления среднего ранга

20. Кит. — Дахэнлисы. 21. Кит. — Июань юньчжисы. 22. Кит. — Чэньгаосы. 23. Кит. — Июань моканьсы. 24. Кит. — Фаньсинсы. 25. Кит. — Цзюньмусы. 26. Кит. — Нунтяньсы. 27. Кит. — Шоунасы. 28. Кит. — Бяньчжун цзяньцзюньсы. 29. Кит. — Чжогуншисы 棹宮侍司. 30. По-китайски расшифровывается 磨勘軍案殿前司中管. 31. Кит. — Миншацзюнь 鳴沙郡 — область на юге Си Ся (см. старинную карту). 32. Кит. — Шиюань. 33–35. Названия неизвестных административных единиц. 36. Кит. — Жэньжэньюань 人任院. 37. Хуа (сюэ, сян) янсянь, уезд Хуа (сюэ сян) ян, местонахождение неизвестно. 38. Чиюаньсянь, местонахождение неизвестно. 39. Уюаньцзюнь, местонахождение неизвестно. 40. Кит. — Шицзе гунюань 世界工院. 41. Хукуан (кун, кэ) цзюнь, местонахождение неизвестно. 42. Вэйдицзюнь, местонахождение неизвестно. 43. Датанцзюнь, местонахождение неизвестно. 44. Сюаньвэйцзюнь, местонахождение неизвестно. 45. Шэньяндицзюй (?)

Управления низшего ранга

46. Кит. — Сингунсы. 47. Кит. — Цзэжэньсы 擇人司. 48. 南院行宮三司? 49. Кит. — Маюаньсы. 50. Кит. — Сиюань цзинчжисы. 51. Кит. — Шачжоу цзинчжисы. 52. Динюаньсянь, близ Хуанхэ, к востоку от столицы Ся (см. старинную карту Ся). 53. Хуайюаньсянь, к юго-востоку от столицы Ся. 54. Лунхунсянь, местонахождение неизвестно. 55. Баоцзиньсянь, на левом берегу Хуанхэ, к юго-западу от столицы Ся (см. старинную карту Ся). 56. Линъуцзюнь,

область Линъу (Линчжоу, Ганьсу). 57. Ганьчжоу чэнсы. 58. Находился северо-западнее Линчжоу, на противоположном берегу Хуанхэ [см.: Кычанов, 1959б. С. 207]. 59. Кайпин (бин) чэн, местонахождение неизвестно. 60. Кит. — Саньчу гунюань 三處工院. 61. Кит. — Бэйюань. Вероятно, двор одного из великих князей. Упоминаются Северный, Южный, Западный и Восточный дворы, возглавляемые князьями с титулами ванов (см. ниже, «Табель о рангах»). 62. Кит. — Наньюань. 63. (?) чжоу (?) 64. Кит. — Бянь чжун юньчжисы 邊中運治司. 65. Шачжоу. 66. Хэйшуй. Хара-Хото. 67. 焚山黑 — название местности (вместилище Черных гор). 68. Чжо... (?) 69. Наньюань. 70. Сиюань. 71. ... чжоу (?). 72. Округ на южной границе Си Ся. В 1126–1128 гг., пользуясь нападением чжурчжэней на Сун, тангуты захватили ряд сунских городов, в том числе в 1126 г. Сиань (см. № 78), и в 1128 г. город Динбянь (см. № 75). Судя по нашему источнику, эти города, в том числе и округ Юаньчжоу, остались в составе тангутского государства. 73. Генерал-губернаторство. 74. Сымяошань. 75. Динбяньчжоусы. 76. (?) чо (?). 77. Чжэньучэн, местонахождение неизвестно. 78. Сиань. 79. (?) шань (?). 80. Гуяцзюе 鬼絶. 81.Частично расшифровывается... (?) 忍. 82–84. Вероятно, географические названия. 85–86. Не переведено. 87. Лунчжоу, упоминается в китайских источниках. Находился в пределах современного уезда Пинло, Ганьсу. 88. 遠攝. 89. Иньчжоу, один из самых старых тангутских округов (см. старинную карту Ся). 90. Вероятно, географическое название. 91. Няньцзинчэн, город Няньцзин, местонахождение неизвестно. 92. Дигунчэн, местонахождение неизвестно. 93. Лайпин(бин)чэн, местонахождение неизвестно. 94. Фуцзинсянь, местонахождение неизвестно. 95. Хэсисянь, т. е. находящийся к западу от реки Хуанхэ, точное местонахождение неизвестно. 96. Наечай, крепость (? ср. кит. «чжай») Нае. Местонахождение неизвестно.

Управления последнего ранга

97. По-китайски расшифровывается 字刻司. 98. По-китайски расшифровывается 案造司 (?) 99. По-китайски расшифровывается 金造司. По-китайски расшифровывается 曉嚴院. 108. Местонахождение неизвестно. 109. Местонахождение неизвестно. 110. Местонахождение неизвестно. 111. Местонахождение неизвестно. 112. Местонахождение неизвестно. 113. Сунский пограничный с Ся округ (см. старинную карту). 114. Хуачжоу, местонахождение неизвестно. 115. Сюаньдэбао, местонахождение неизвестно. 116. ... фучай? 117. Один из старейших тангутских городов, первоначальный центр тангутских владений (см. старинную карту Ся). 118. Один из городов, ранее принадлежавших тангутам (до второй половины XI в.). Судя по китайским источникам, в XII в. этот город тангутам не принадлежал. 119. По-китайски расшифровывается 官招流從. 120. По-китайски расшифровывается 飛禽主流從. 122. По-китайски расшифровывается 世界匠院官位為者?

Если десятый том «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания» знакомит нас с перечнем государственно-административных учреждений Си Ся и распределением их по рангам, то «Табель о рангах» содержит важные сведения о титулах и должностях государственного аппарата Си Ся и об их принадлежности к тому или иному классу

чинов. Так как цель статьи — прежде всего ознакомить читателя с самими первоисточниками, поэтому ниже воспроизводится посильная дешифровка «Табеля о рангах» (арабской цифрой обозначены разделы или ранги «Табеля», литерой «а» — верхние графы «Табеля», литерой «б» — нижние).

«Табель» открывается титулом государя Ся, указанным в центральной разделительной колонке.

ЧТЕНИЕ ТИТУЛА В КИТАЙСКОЙ ИЛИ ТИБЕТСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ (тибетская дана в транслитерации)

1.	大皇帝	Великий император	令孔辛
2.	皇帝	Император	孔辛
3.	皇太子	Наследник престола	孔令
4.	上品	Титулы высшего класса	普頂
а	大國王	Великий ван (князь)	領寧令
б	受全備[3]		嚷我勒

Жаловался посмертно (?) достигшим совершенства в литературе, военном искусстве, знании законов и почитании родителей и старших.

5.	次品[4]	Титулы второго (следующего) класса	質頂
а	智慧[4]		(醋+三)尼+倉
б	受集禮		嚷尼+則頂

Жаловался посмертно (?) достигшим совершенства в литературе, военном деле и почтительным к родителям и старшим.

6.	中品	Титулы среднего класса	悟頂
а	智慧		頂嵬
б	受辦式		嚷尼贊+宅

Жаловался посмертно (?) достигшим совершенства в литературе, военном деле и почтительным к родителям и старшим.

[3] Здесь и далее примечания в тексте даются в приблизительном переводе.

[4] Так как перевод титулов крайне труден и порой не все тангутские знаки известны, мы даем их в простой подстановке известных китайских эквивалентов для каждого тангутского знака.

7.	下品	Титулы низшего класса	启頂
а	受扶能		嚷玉你合
б	受正清		嚷正腮
а	威取		喃令合
б	崇艷		..... 嚷
а	特揚		覺尼+長
б	開聽		嵬陶
а	盡豐		當.....
б	因集		(蜕+州)謀
а	皆.....		bïu 至+舍
б	福順		利水
а	望芽		(迷+隆)le
б	德秤		德秤
а	用租		與合藥
б	智觀		寫貌
а	臣悲		迷.....
б	教孝		餘匆
а	送順		嗲成
б	安式		乃(尼積+罷)
а	功正義		屈由
б	.....益		苟 kle, le
а	術廣		為斡
б	意指		皮嵬
а	榮.....		嵬每
б	覆全		米尼+則
8.	下品	Титулы нижеследующего ранга	名頂
а	受盛.....		嚷.....耿

Жаловался посмертно (?) отличившимся в военном деле и почтительным к родителям и старшим.

б 受忠..... 噱多叔

Жаловался посмертно (?) отличившимся в литературной деятельности, военном деле и почтительным к родителям и старшим.

а 論..... ldi....

б 義平 因耶

а 功一 哈你合

б 識睦 gse六合

а 力(?)西 šu妻

б 益榮 gi力

а 諦定 泥窮

б 意利 令.....

а 漲圓 嘚成

б 持穩 多.....

9. 六品 Титулы шестого ранга 抽頂

а 金那 金那

Жаловался посмертно (?) отличившимся в военном деле и почтительным к родителям и старшим.

б 清恭 宜dka

Жаловался посмертно (?) отличившимся в литературной деятельности, военном деле и почтительным к родителям и старшим.

а .....侃 魚繪

б 長真 互多

а 恩利 一協.....

б 慧行 嵬客

а 床打 居+追丁合

б 祿就 名由

а	忍□		嚇□
б	略治		(尼+卓)由
а	殊……		hgye....
б	隱藏		折項
10.	七品	Титулы седьмого ранга	折項
а	珍結		……

Жаловался посмертно (?) отличившимся в военном деле и почтительным к родителям и старшим.

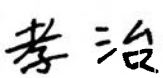
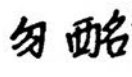
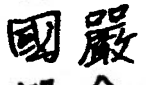
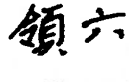
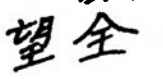
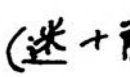
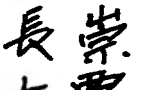
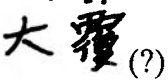
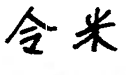
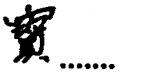
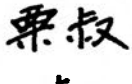
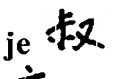
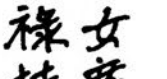
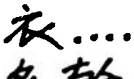
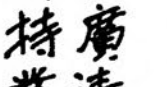
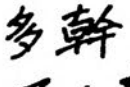
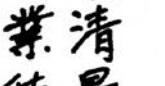
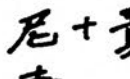
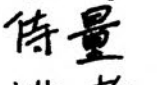
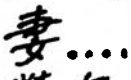
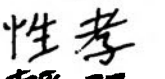
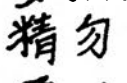
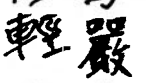
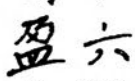
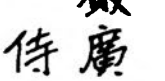
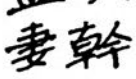
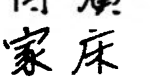
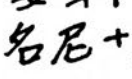
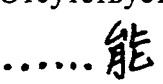
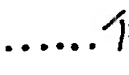
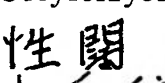
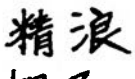
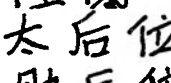
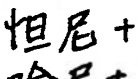
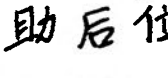
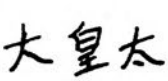
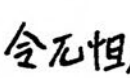
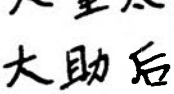
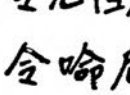
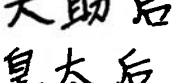
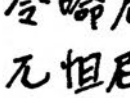
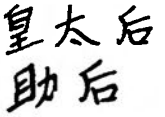
б	知智	菁項

Жаловался посмертно (?) отличившимся в литературной деятельности, военном деле и почтительным к родителям и старшим.

а	良障	領月
б	誠珍	呢乙
а	祿命	衣渠
б	禮勞	項力
а	志□	苟□
б	才益	
а	□□	□□
б	目詳	割車

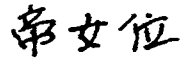
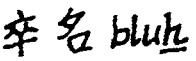
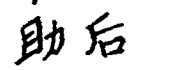
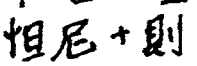
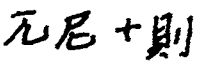
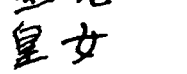
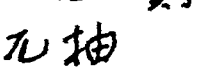
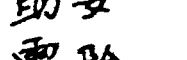
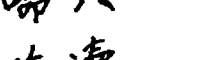
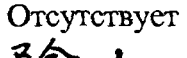
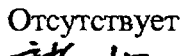
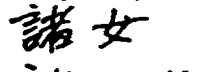
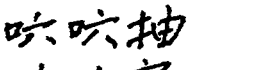
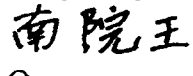
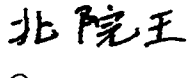
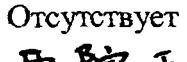
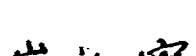
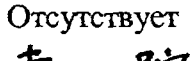
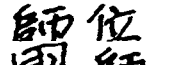
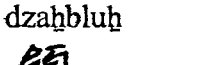
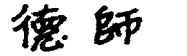
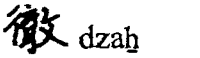
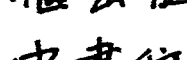
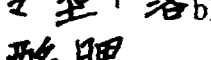
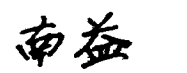
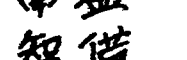
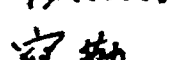
Разрыв и конец рук. № 5921. Рук. № 4170.

а	德全	徹我
б	上大[illegible](?)	普令米
а	聖……	聖je
б	悲怪	……(義+耶
а	皇……	兀……

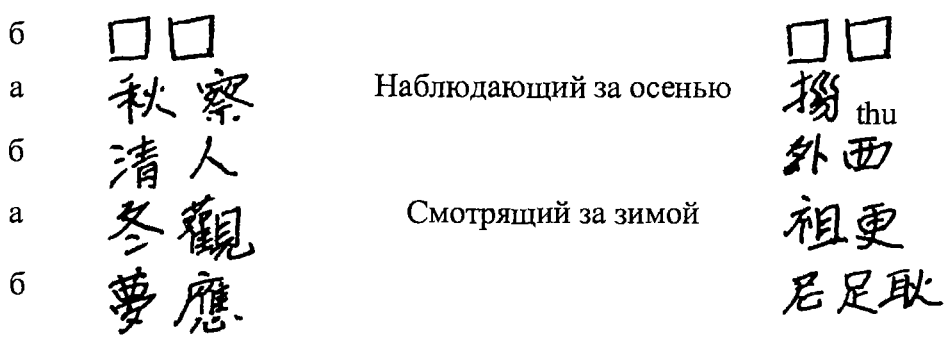
б			
а			
б			
а			rdzi....
б	(?)		
а			
б	...		je
а			
б			
а			
б			
а			
б			
а			
б			
а	Отсутствует		
б			
а	Отсутствует		
б			
11а		Титулы императриц	
11б		Титулы императриц-помощниц	
а		Великая государыня императрица	
б		Великая императрица-помощница	
а		Государыня-императрица	
б		Императрица-помощница	

[5] Титул упоминается в китайских источниках в написании .

Верхняя линия (линия «а») продолжается. Нижняя линия (линия «б») прерывается пометой.

12б.		Принцессы	
а		Вдовствующая императрица	
б		Вышеуказанная помета 12б	
а		Императрица	
б		Дочь государя	
а			
б			
а	Отсутствует		
б			
а	Отсутствует		
б			
13.		Титулы ванов	
а	Отсутствует		
б		Ван Южного двора	
а	Отсутствует		
б		Ван Северного двора	
а	Отсутствует		
б		Ван Западного двора	
а	Отсутствует	Ван Восточного двора	
б			
14.		Наставники	dzaḥbluḥ
а		Государственный наставник	dzaḥ
б		Добродетельный наставник	dzaḥ
15а.		Титулы и {должности} в Шуми	bluḥ
15б.		Титулы и {должности} в Чжуншу	bluḥ
а			
б			

а	北床		辨尼追
б	業全		尼+則我
а	西攝		嶺 dgi
б	義觀		因貌
а	東拒		勿金
б	習辦		易.....
а	助		唸
б	助		唸
а	名入		名訛
б	同		托
16а.	權位		bluḫ
16б.	諫師位		dzaḫbluḫ
а	軍統	Командующий войсками	遏暮
б	諫臣	Помета: [данный титул] равен титулу второго ранга	迷
а	Отсутствует		
б	仁師		尼+芎 dzaḫ
а	平起	Помета: [данный титул] равен титулу среднего ранга	六合常
б	忠師		多 dzaḫ
17а.	史位	Астрологи и историки	bluḫ
17б.	巫位	Гадатели (?)	bluḫ
а	天觀	Наблюдающий за небом	魚+骨貌
б	.....		路竹
а	算能	Способный делать расчеты (?)	腮.你合
б	.....就		溺合有
а	春宣	Объявляющий о весне	
б	..... 偕		
а	夏察	Наблюдающий за летом	尼+頃 thu

На этом таблица обрывается.

Таковы известные нам сведения тангутских источников о государственно-административном аппарате Си Ся.

Помимо того что мы узнаем из данных источников о принятой в Си Ся системе деления государственных учреждений на пять классов и о семи рангах титулов тангутских чиновников и сановников (см. цветную вклейку «Знатный чиновник») вышеизложенный перечень сообщает нам сведения о существовании в Си Ся ряда учреждений, неизвестных ранее, наличие которых мы могли лишь предполагать [Кычанов, 1960а. С. 12]. Это прежде всего управления, ведавшие различными государственными мастерскими, управления высшими тангутской и китайской школами, музыкой. Перечень учреждений и титулов крайне важен для дальнейшей работы над тангутскими источниками. Не все удалось дешифровать в китайской подстановке, не все из дешифрованного, в особенности титулы, понятно, но общее представление о государственном аппарате Си Ся и титулах этого государства, полученное прежде из китайских источников, подтверждается и существенно пополняется оригинальным тангутским материалом. В настоящее время мы можем сказать, что китайские источники приблизительно верно передают звучание тангутских титулов.

Десятый том «Измененного и заново утвержденного кодекса законов» содержит много сведений о государственно-административном аппарате Си Ся. Овладение ими потребует дополнительной и напряженной работы. О том, насколько важны эти сведения, можно судить хотя бы по немногим примерам, которые мы приведем ниже.

Из китайских источников мы знали о существовавшей в Си Ся практике передачи должностей по наследству [Кычанов, 1959а. С. 111]. В тангутских законах порядок наследования должностей разработан досконально, с точным указанием прав наследования всех родственников различных степеней родства по мужской и женской линиям. В источнике, в частности, говорится [Т. Х. С. 7б. Инв. № 170]: «Среди сыновей и внуков гражданских, военных и ...(?) чиновников, состоящих на службе в государственных учреждениях, должности наследуют представители знатных фамилий (буквально: больших семей, фамилий, кит.: 大姓). Наследование должностей представителями незнатных (малых) фамилий не разрешается. Если же закон будет нарушен и должность наследует представитель незнатной фамилии, то повинные в этом чиновники наказываются тринадцатью ударами палкой».

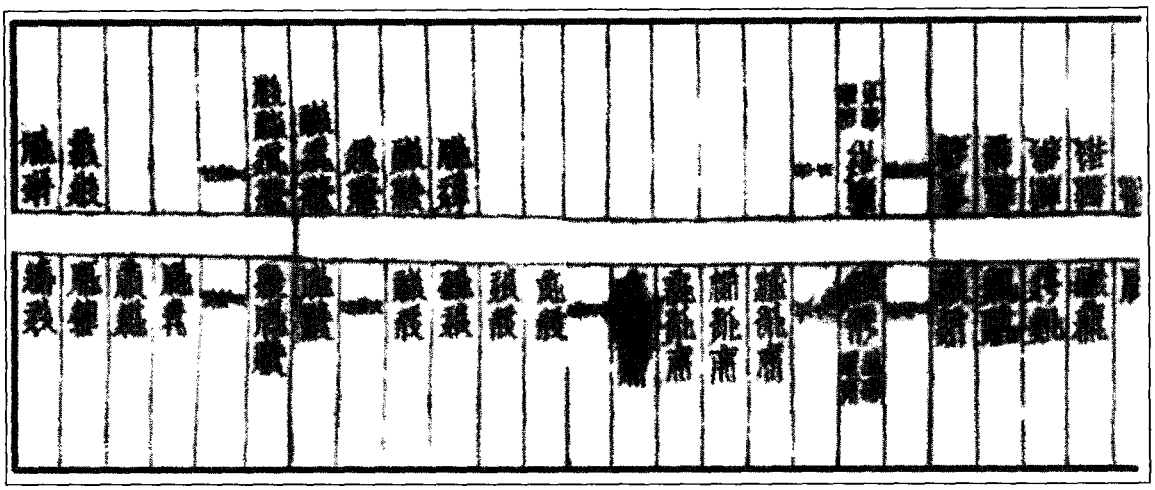

Рис. 19. Фрагмент текста «Таблица должностей и титулов»

Главы тех или иных учреждений Си Ся не могли занимать свои посты более трех лет. В «Кодексе законов» [там же. С. 1б] говорится: «Главы всех управлений и присутствий, больших и малых, подлежат замене по истечении трех лет [службы]. Не подлежащие замене должны продолжать свою деятельность. По прошествии трех лет подготовки к их (чиновников) замене она осуществляется по указанию Чжуншу и Шуми». Как и в чжурчжэньском государстве Цзинь, наказание тангутских чиновников палками, по-видимому, было весьма распространенным явлением. Текст законов предусматривает телесные наказания за самые разнообразные преступления. Так, в одном месте мы читаем: «Все чиновники при получении служебного ранга не имеют права вносить в жалуемую при этом грамоту свою фамилию и титул, если не получено на то правительственное предписание. В случае нарушения закона виновные наказываются тринадцатью ударами палкой» [там же. С. 14а].

Дальнейшее знакомство с текстом «Измененного и заново утвержденного кодекса законов эпохи Небесного Процветания» и последующее критическое исследование его в сравнении с «Новыми законами» и «Новыми законами года Вепря», отдельные тома которых также имеются в нашей коллекции, не только увеличат наши знания о структуре и деятельности государственно-административного аппарата Си Ся, но и несравненно расширят наши познания о тангутском государстве, одном из интереснейших явлений в средневековой истории Центральной Азии.

ТАНГУТСКИЕ ПАЙЦЗЫ

Пайцзы[1] широко известны в основном по монгольской эпохе [Банзаров, 1955]. Именно тогда с ними впервые познакомились европейцы. Однако пайцзы — верительные бирки из разного материала, удостоверяющие личность гонца, или дающие ему определенные права, или же, наконец, бирки — свидетельства определенной власти, с глубокой древности имели хождение на Дальнем Востоке.

В Китае уже в эпоху Чжоу (1122–247 гг. до н. э.) гонцы снабжались верительными бирками — цзе — в форме тигра (хуцзе), человека (жэньцзе), дракона (лунцзе). Такие бирки изготовлялись из нефрита, рога, металла. Позднее, при династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), их стали отливать из бронзы, наибольшее распространение получили бирки в форме тигра [Лоу Цзу-и, 1958. С. 68–69]. Очень часто такие бирки состояли из двух частей — левой и правой. Правая часть оставалась в центре, левая рассылалась местным чиновникам. Гонцу давали правую половину бирки, и, если она совпадала с левой, составляла с ней одну фигуру с одним рисунком, это являлось свидетельством, удостоверяющим личность гонца и правдивость его сообщения. Такой порядок сохранялся до VII в. н. э., до утверждения в Китае династии Тан (618–907).

При династии Тан были введены в употребление так называемые иньпай[2] — серебряные пайцзы с надписью на лицевой стороне: «Серебряная пайцза [гонца], едущего с высочайшим повелением на резвом скакуне» [Лоу Цзу-и, 1958. С. 70]. При династии Сун (960–1279) использовались такие же серебряные пайцзы, только больших размеров.

Пайцзы получили очень широкое распространение у соседних с Китаем народов. В «Цидань го чжи» сохранилось любопытное описание киданьских серебряных пайцз: «По своему внешнему виду серебряные пайцзы похожи на [музыкальный инструмент] фансян[3]. На них по-киданьски выгравированы два слова: "должно спешить". Гонец, держа пайцзу, мчится на лошади по несколь-

---

[1] По определению «Китайско-русского словаря» А. Палладия и П. С. Попова (Пекин, 1888. С. 464), пайцзы — «верительные дщицы, выдававшиеся командируемым военным чинам, бывали разные: деревянные, медные, серебряные и золотые. Обычай распространился с династии Сун. Дщицы по окончании службы или по смерти возвращались в казну».

[2] Иньпай — серебряные почтовые дощечки при династии Тан, подорожные [Иннокентий, 1909. С. 731].

[3] Киданьские пайцзы были квадратной формы [см.: Лоу Цзу-и, 1958. С. 72].

ку сот ли в день. Прибытие гонца с пайцзой равносильно прибытию лично государя, и по его требованию ему быстро меняют [лошадь], и никто не осмеливается ему перечить» [Е Лун-ли, 1793. Гл. 25. С. 6а]. По другим сведениям, у киданей имелись еще пайцзы с надписью: «Пайцза [гонца], едущего с высочайшим повелением на резвом скакуне». Если дело было особо важным, киданьский хан лично вручал пайцзу гонцу. Гонец привешивал пайцзу к поясу с левой стороны. Когда гонец возвращался, хан также сам принимал его с отчетом [Лоу Цзу-и, 1958. С. 72–73].

Гонец с пайцзой пользовался широкими правами, и прибытие его, особенно в области с иноплеменным покоренным населением, было для местных жителей настоящим бедствием. Вот что сообщается о нравах и поведении киданьских гонцов с пайцзами у покоренных в то время киданями чжурчжэней: «Имеются гонцы, которые зовутся небесными [императорскими] гонцами. Они имеют при себе серебряную пайцзу. Каждый из них, прибыв в это (чжурчжэньское. — *Е. К.*) владение, обязательно желает получить ночлег. В их [чжурчжэней] государстве издревле существовал такой обычай, по которому средние и низшие семьи поочередно предоставляют гонцам ночлег, а незамужние девушки прислуживают им. Позднее гонцы стали прибывать один за другим и вести себя самонадеянно. Великие государственные послы [да го ши] требовали и выбирали себе только красивых девушек и женщин, не спрашивая о том, замужем они или нет, и [брали их] даже из знатных семей. Чжурчжэни озлобились, и из-за этого во всех областях часто происходили бунты» [Сюй Мэн-синь, 1878. Гл. 3. С. 9б].

Свергнув господство киданей, уничтожив их государство и завоевав весь Северный Китай, чжурчжэни основали свою династию Цзинь (1115–1224). Практика употребления пайцз сохранилась и у них. В 1116 г. было объявлено о введении золотых и серебряных пайцз. Наряду с ними использовались пайцзы деревянные, крытые лаком, с текстом, написанным красным. Один из видов чжурчжэньских пайцз имел форму оленя. На чжурчжэньской серебряной пайцзе была надпись: «Срочно отправиться и вручить», а над ней стояла личная подпись императора [Лоу Цзу-и, 1958. С. 73].

Пайцзы были в широком ходу и в современном киданям и чжурчжэням тангутском государстве Западное Ся (982–1227). На этот счет имеются свидетельства источников, и, что самое главное, несколько тангутских пайцз сохранилось до наших дней.

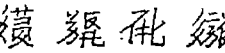
У тангутов, по-видимому, были в употреблении те же серебряные пайцзы, которые известны у киданей, чжурчжэней, а в Китае они вошли в практику с династии Тан. Гонцы с такими пайцзами упоминаются в источнике, описывающем события 1081 г. Как раз в начале этого года одной из правящих придворных группировок, возглавляемой семьей Лян, из которой происходила вдовствующая императрица, временно был отстранен от власти тангутский государь Бин-чан. Сторонники Бин-чана стали объединяться и в разных районах страны собирать войска с целью возвращения к власти Бин-чана. Из ставки Лян, один из членов семьи которых в те дни был главой правительства, во все концы страны мчались гонцы с серебряными пайцзами, призывая восставших повиноваться и уговаривая колеблющихся [Дай Си-чжан, 1924. Гл. 11. С. 7б].

До наших дней сохранилось около десятка тангутских пайцз. Часть их хранится в Пекинском историческом музее, две были опубликованы [Ван Цзин жу, 1932. Ч. 1. Табл. 1 и след.]. Все известные нам тангутские пайцзы бронзовые.

Весной 1964 г. во время пребывания в Пекине автор этого сообщения скопировал надписи с некоторых тангутских пайцз.

Большая пайцза (см. цветную вклейку «Большая пайцза») сохранилась в двух экземплярах, поэтому ее даже в витрине музея можно было рассмотреть со всех сторон. Она крупного размера — высота с ручкой около 15–16 см, диаметр круга, образующего собственно тело пайцзы, около 6–7 см. Основу пайцзы составляет правильный полированный бронзовый круг с возвышающимися округлыми бортами. Сверху к кругу прикреплена *П*-образная квадратная дужка, плотная, с округлыми внешними краями и квадратным отверстием внутри, за которую можно было держать пайцзу или прикрепить ее к ремню. Не исключено, что тангутские пайцзы такого рода, как и киданьские, носили у пояса. *П*-образная дужка скреплена с круглым телом пайцзы посредством дугообразного, имитирующего круг пайцзы втульчатого сцепа, в котором и закреплен круг. Втульчатый сцеп удобно и прочно крепился за возвышающиеся округлые края пайцзы.

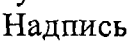
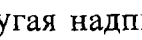
На лицевой стороне пайцзы четкая надпись по-тангутски, стандартным шрифтом (в порядке сверху — вниз, слева — направо):

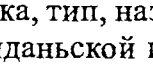

Эта надпись точно копирует тот текст, который был на китайских пайцзах в эпоху Тан и позднее на пайцзах киданей: «Пайцза гонца, едущего с высочайшим повелением на резвом скакуне». (Первый из четырех знаков означает «высочайшее повеление, приказ», второй — «воспламеняться, самому зажечься» и в сочетании со следующим знаком «лошадь» передает по-тангутски китайское «цзоу ма» — «резвый скакун, хорошая лошадь». Последний знак имеет значение «гонец с пайцзой, пайцза».)

С обратной стороны пайцзы, в центре круга, — узор из четырех выпуклых переплетенных дуг, обращенных вогнутой частью внутрь круга. Наружные края дуг загнуты внутрь, и все это сложное переплетение линий похоже на причудливый цветок. Сверху на втулке, удерживающей *П*-образную ручку пайцзы, снова надпись по-тангутски: «Высочайшее повеление» (первый знак лицевой надписи).

Пайцзы гладко отшлифованы и являются бесспорным свидетельством умения тангутов отлично обрабатывать металлы.

В Пекинском историческом музее хранится также шесть пайцз меньшего размера, их высота примерно 4,5 см, диаметр круга около 4 см. Форма их повторяет форму большой пайцзы — это круг с выступающим тонким бортом и *П*-образной ручкой сверху для прикрепления пайцзы. Маленькие пайцзы по качеству значительно уступают большой. На лицевой стороне их имеются две надписи по-тангутски. Надпись на первой — , на второй — . И та и другая надпись — фамилии и имена владельцев пайцз: Сынгиу Лдива и Тон (?) Киэнну. На оборотной стороне этих пайцз тоже надписи по-тангутски, но их разобрать нам не удалось.

Пайцзы, опубликованные Ван Цзин-жу, в то время хранились в частной коллекции у некоего Ма Шу-пина. Настоящая их судьба нам неизвестна. Одна из них, судя по фотографии, по размерам и по форме относится к пайцзам того же типа, что и маленькие пайцзы из Пекинского музея. Это такой же круг, с выступающими бортами и ручкой, только слегка вытянутый к ручке. На лицевой стороне круга надпись по-тангутски: — фамилия и имя владельца пайцзы Нгуджви Мбеуйеу. На обратной стороне пайцзы никакой надписи нет.

Вторая пайцза из коллекции Ма Шу-пина лопатовидной формы, с выступающими бортами. Ее нижний край вырезан двумя равными дугами, вогнутыми внутрь тела пайцзы и образующими в центре и по краям три заостренных зубца. Верхние края пайцзы, там, где они переходят в *П*-образную ручку для закрепления пайцзы, закруглены. На ее лицевой и оборотной сторонах имеются надписи. На лицевой стороне надпись состоит из четырех знаков, нацарапанных очень небрежно, неразборчиво. Но, вероятно, и она представляет собой фамилию и имя владельца пайцзы. Надпись на обратной стороне состоит из трех знаков: одного вверху, в центре, и двух внизу, по краям. Верхний знак в том виде, в каком он прорисован Ван Цзин-жу, нам неизвестен — . Если это ошибочно написанный знак , то он означает «сладкое вино», а если знак , то хорошо известную тангутскую фамилию Лян. Из двух нижних знаков правый нами не разобран, а левый мы понимаем как — «вступать в брак». Смысл надписи остается нераскрытым.

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить три типа тангутских пайцз. Первый, представленный большой пайцзой, это пайцзы, выдаваемые гонцам, едущим с разными приказами и поручениями государя или высшего начальника, тип, назначение которого хорошо известно по примерам из китайской и киданьской практики. На пайцзах такого типа та же надпись, что и на китайских и киданьских. Эти пайцзы отличаются тщательной отделкой и, судя по сведениям письменных источников, могли делаться из серебра.

Второй тип — пайцзы небольших размеров, работы низкого качества. Как мы видели, у всех у них на лицевой стороне записаны фамилии и имена, вероятно, их владельцев. Можно полагать, что такие пайцзы были свидетельствами на право занятия должности, на право какого-либо владения или удостоверяли еще какие-то неизвестные нам права. Упоминания о них в тангутских или китайских источниках неизвестны. В конце концов, это могли быть даже просто личные знаки солдат или командиров.

Наконец, третий тип лопатовидной пайцзы остается невыясненным в связи с тем, что надписи на пайцзе не поддаются пока чтению.

Как можно убедиться, пайцзы были широко распространены у многих народов Дальнего Востока в домонгольскую эпоху. Поэтому монголы, удивив европейцев своими пайцзами, познакомили их не с чем-то специфически монгольским, как иногда принято думать до сих пор [см.: СЭС. М., 1980. С. 968. Статья «Пайцза»], а просто с давней дальневосточной традицией, которую они сами заимствовали у соседних народов, возможно в первую очередь у этнически близких им киданей или чжурчжэней, от которых на заре своей истории они зависели.

ИЗ ИСТОРИИ ТАНГУТСКОГО ПРАВА
(«Десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.)

«Измененный и заново утвержденный кодекс законов периода Небесного Процветания (1149–1169)»[1] — замечательный памятник не только тангутского, но и дальневосточного права в целом, был составлен по указу тангутского государя Жэнь-сяо (1139–1193) комиссией из 23 человек, в числе которых были: Вэймин Тхиндзиу, Вэймин [?]нде[2], Вэймин Тхикхва, Вэймин Ньджиндиеу, Шеулиен Шиопон, Вэймин [?][?], Хату, Вэймин Тундже, Хуань Ли-чжо, Валхи Канндиунджи, Чжао Цзы, Ян Ту, Мэн [?], Рунгхе [?][?], Ян [?][?], Э Ли, Вэймин Лиушань, Цзю Цзин-чжоу, Лвепу Ниекхие, Ян [?]-чжун, Гхому [?]су, Пхали Киуцу и Сучжили. Таким образом, судя по именам членов комиссии, в ее составе было, вероятно, пятнадцать тангутов и восемь китайцев. Из пятнадцати тангутов семь принадлежали к правящей фамилии Вэймин. Глава комиссии Вэймин Тхиндзиу имел великокняжеский титул Северного вана, восемь следующих членов комиссии носили княжеский титул гуна. Все члены комиссии занимали высокие посты в различных руководящих учреждениях Ся. Три последних из перечисленных выше членов комиссии — тангуты Гхому [?]су, Пхали Киуцу и Сучжили имели официальные звания переводчиков с китайского языка.

К сожалению, о проделанной комиссией работе кроме ее результата — самого кодекса законов — мы можем судить лишь по краткому предисловию к этому кодексу. В нем говорится: «Волею Неба путь указующий, являющий воинскую доблесть, прославленный литературными заслугами, божественных замыслов и священномудрый, утверждающий справедливость и противоборствующий злу, умиротворитель, почитающий красоту император[3], почтитель-

[1] В более поздних работах Е. И. Кычанова этот источник называется «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)». Краткое описание памятника и сведения о его сохранившихся частях, инвентарные номера, под которыми они хранятся в тангутском фонде ЛО Института востоковедения АН СССР, см.: [Тангутские рукописи. С. 68–86].

[2] [?] означает лакуну в тексте или знак, чтение которого не установлено.

[3] Полный титул тангутского государя Жэнь-сяо (Жэнь-цзуна).

но унаследовав заслуги предков и продолжая хранить добродетели древности, стремясь целиком постичь замыслы мудрецов прошлого, пожелал исправить смысл великих законов. Поэтому мы, верноподданные сановники, сообща обсудили [этот указ], просмотрев старые и новые кодексы законов и сопоставив одни с другими, выявили [в них] неясное, сомнительное и вредное и, отобрав все то, что годилось для [нашего] народа, составили [кодекс] из двадцати глав. По высочайшему повелению [этот кодекс] назван "Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного Процветания". Когда вырезывание текста [законов] на досках для печатания было закончено, [кодекс] был представлен перед ступенями [трона][4]. Поскольку высочайшее повеление [о принятии законов] доведено до всеобщего сведения и [кодекс законов] вводится в действие в Поднебесной[5], то [впредь] надлежит поступать, исходя из имеющегося в этих новых законах» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 1б].

Таким образом, по свидетельству самих составителей «Измененного и заново утвержденного кодекса», их труд явился результатом изучения и переосмысления применительно к тогдашним тангутским условиям имевшихся ранее сводов законов, как тангутских, так и китайских, ибо китайское право к этому времени было уже отлично разработано и влияло на право народов Дальнего Востока. О тангутских законах до появления «Измененного и заново утвержденного кодекса» мы знаем крайне мало, за исключением сохранившихся фрагментов свода военного законодательства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» [Кычанов, 1969. С. 229–243]. Из китайских кодексов комиссия, очевидно, в первую очередь использовала танский уголовный кодекс «Тан люй шу и» (653 г., обнародован в 737 г.) и действовавший в то время в Китае кодекс Сунов «Сун син тун», составленный на основе танского (составление завершено в 959 г., опубликован в 963 г.). Следовательно, рецепция тангутским правом ряда положений китайского права может быть предусмотрена заранее. «Измененный и заново утвержденный кодекс» не содержит первой части раздела «Наименование наказаний и общие правила»[6], в котором описана система наказаний как совокупность мер наказания, принятых в данном праве, что обычно характерно как для уже указанных, так и позднейших китайских кодексов, а начинается с изложения статей, характеризующих группу преступлений, известных в китайском уголовном праве под названием «десять преступлений» — кит. *ши э* — десять тяжких, великих [Попов, 1880. С. 26], отвратительных [Ou Koei-hing, 1935. С. 99] или непрощаемых [T'ung-tsu Ch'u, 1965. С. 179] преступлений, перечень которых содержится во всех разделах «Мин ли» китайских кодексов. В данную группу преступлений, традиционно считавшихся самыми тяжкими, входили преступления против государя, старших родственников и человечности. Впервые этот раздел китайского права был окончательно оформлен при династии Северная Ци (550–577) [По-

[4] Т. е. государю.

[5] Употребление тангутами термина «Поднебесная», равнозначного китайскому «Тянься», разумеется, означало введение новых законов только на территории Великого Ся (982–1227), а не по всему Китаю. Но этим подчеркивались сила и величие тангутского государства и его известные притязания на равенство с соседним Китаем и чжурчжэньским государством Цзинь.

[6] Кит. *мин ли*. См.: [Ratchnevsky, 1937. P. XI].

пов, 1880. С. 26] и включался затем во все китайские кодексы вплоть до свержения маньчжурской династии. Статьи законов, относящиеся к каждому из десяти преступлений, содержатся в первой главе[7] «Измененного и заново утвержденного кодекса». Соответственно они составляют десять следующих подразделов главы:

I. Мятеж ( ); II. Нарушение правил почтительности ( ) и добродетели (); III. Предательство (); IV. Вопиющее злодеяние ( ); V. Бесчеловечные поступки ( ); VI. Великое непочтение ( ); VII. Непочтение к родителям (); VIII. Несогласие (в семье) ( ). IX. Нарушение верности ( ); X. Кровосмешение ( ).

Содержание первого из десяти преступлений, соответствующего китайскому *моу фань* «замышлять мятеж», раскрывается в пяти статьях кодекса, из которых первая, в свою очередь, дополнительно разделена на девять параграфов.

«Если некто, — говорится в первой статье кодекса, — злоумышлял против государя: намеревался причинить ущерб княжескому достоинству, то по выявлении наличия или отсутствия сговора и установлении вины и главный виновник преступления, и [его] пособники одинаково подлежат смертной казни путем обезглавливания[8]. Члены семей [преступников], сыновья, братья, кровные родственники [также] несут ответственность и по конфискации скота и имущества с ними поступают по нижеустановленному порядку» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 4а].

Следующие девять параграфов статьи и определяли меру наказания родственников преступника. Отец и сыновья преступника подлежали смертной казни, если преступник совершил преступление и нанес жертве телесные повреждения. Жена, дети, внуки и правнуки преступника независимо от того, совершил ли он преступление или покушался на него, живут ли они одной семьей с преступником или нет, а равно и родители, деды и бабки, братья и незамужние сестры преступника, живущие с ним одним домом, подвергались ссылке и отдаче на [принудительные] работы, где им надлежало пасти скот и обрабатывать землю. Дяди и племянники преступника ссылались на каторжные работы на границу или отдавались в солдаты. Невеста преступника или наложницы, с которыми преступник договорился о браке, но официально в брак еще не вступил, выкупались их родственниками у государя за цену полученного за них от преступника калыма. Тещи, жены дядьев, дочери и сестры преступника, вышедшие замуж и отданные на воспитание, а также лица, ушедшие в монастырь, ответственности не несли [там же. С. 4а–7б].

Имущество преступника и его семьи: скот, зерно, ценности, утварь, земля, люди — подлежало конфискации и переходило в собственность государя. От кон-

[7] Речь скорее должна идти не о главе и не о томе, а о том технико-издательском подразделе при издании сочинений в Китае, который назывался *бэнь*, что иногда переводится как «тетрадь», но не имеет для своего перевода на русский язык достаточно точного эквивалента.

[8] Тангутский термин буквально означает «подлежат смерти посредством разрубания» ( ). Но что реально означал этот вид смертной казни — отсечение ли головы преступника, как это было принято в танском и сунском Китае, или же это был вид казни, известный как рассечение тела преступника на части [см.: Поршняков, 1909. С. 8], мы не знаем. Думается, что, как это было принято в соседнем Китае, данный вид казни заключался в обезглавливании преступника.

фискации освобождалось только имущество дедов, бабок, братьев и сестер, живущих отдельно. От конфискации имущества освобождались также мужчины старше восьмидесяти лет и женщины старше шестидесяти лет и тяжелобольные: эти лица по случаю лишения кормильца получали долю из конфискованного имущества на сумму двести связок монет.

Второй статьей кодекса устанавливалось, что если в разговоре было допущено оскорбление государя и зачинщик ( ) не был выявлен, то все участники разговора подлежали смертной казни путем обезглавливания. Смягчение приговора допускалось лишь для пьяных и сумасшедших при условии наличия свидетелей, подтверждавших, что они были пьяны или действительно больны. Если человек не участвовал в разговоре, но слышал, о чем идет речь, и не донес или промедлил с доносом, то он наказывался так же, как и участник разговора [там же. С. 7б–8б].

Вторая группа преступлений, объединенных под названием «Нарушение правил почтительности и добродетели» (кит. *моу да ни* «замыслить великое непокорство») состоит из двух статей, посвященных наказаниям за осквернение изображения, могилы или храма предков государя. Данные преступления считались равными мятежу против государя и наказывались соответственно. Если же преступление было только задумано, а не совершено, то зачинщик подлежал смертной казни путем удавления[9], а соучастники ( ) ссылались на каторжные работы на двенадцать лет. Рамки общесемейной ответственности в данном случае были уже значительно сужены: к ответу привлекались только жена и дети преступника, проживающие с ним одной семьей. Родители и остальные родственники преступника, даже жившие с ним одной семьей, к ответственности не привлекались и при конфискации имущества преступника им выделялась их доля из скота, зерна, ценностей, земли и людей [там же. Гл. 1. С. 9а–10а].

Пять статей определяли наказание за предательство (кит. *моу бань* «замыслить предательство»): «Если какие-то люди сговорились совершить измену и сделали шаг на пути к предательству, то зачинщики подлежат смертной казни путем обезглавливания, а [прочие] заговорщики, [как] враги не одинаковые [с зачинщиками], — наказанию каторжными работами сроком на тринадцать лет и используются на работах у чиновников пограничных городов. Их жены и дети — и главарей, и помощников ( ) — привлекаются к ответственности и отдаются в [принудительные] работы, где они должны пасти скот и обрабатывать землю... Скот и имущество, которые предатели имели при себе и бросили на полпути [к врагу], когда их преследовали, или же оставили дома, делится на три доли. Две доли поступают государю, а одна доля доносчику» [там же. С. 10а–10б]. Если же предательство было только задумано, зачинщик подлежал смертной казни путем удавления, а соучастники — наказанию каторжными работами сроком на двенадцать лет [там же. С. 11а]. Если соучастниками предательства оказывались рабы и наложницы, то при отдаче на каторжные работы их под-

[9] Смертная казнь путем удавления преступника считалась у тангутов, как и в соседнем Китае, наказанием на одну степень легче, чем обезглавливание, по-видимому, в силу того, что при этом не расчленялось тело казнимого.

вергали битью палками, клеймению и приговаривали к пожизненному ношению железной рогатки на шее. Вместо каторжных работ виновный мог быть отдан поимщику или доносчику, а наложница — в жены не имеющему семьи чиновнику [там же. С. 11б].

Статья пятая данного раздела отведена наказаниям за шпионаж. Шпионаж в пользу враждебного государства или укрывательство шпиона приравнивались к измене. Все пойманные шпионы подлежали смертной казни путем обезглавливания [там же. С. 12а].

В разделе четвертом «Вопиющее злодеяние» (кит. *э ни* «злостное непокорство») в шести статьях определяются наказания за убийство старших родственников — родителей, дедов и прадедов, теток и дядей и за убийство женой мужа. И зачинщики, и соучастники, совершившие такого рода преступление, подлежали обезглавливанию, а жены и дети преступника — отдаче на [принудительные] работы, где они должны были пасти скот и обрабатывать землю. Если же преступление было раскрыто до его совершения и виновный под пыткой признавался в намерении осуществить свой замысел, зачинщик, как и в случае совершения преступления, подлежал обезглавливанию. Соучастникам смертная казнь через обезглавливание заменялась смертной казнью через удушение; семьи виновных к ответственности не привлекались [там же. С. 12а–12б].

Если преступление было совершено, но жертва осталась в живых, приговор виновным выносился как за совершение преступления со смертью жертвы и только семьи преступников освобождались от наказания [там же. С. 12б]. Гибель старшего родственника от ран, нанесенных младшим родственником, даже в период с третьего по девятый месяц с момента первого появления крови на одежде пострадавшего, также приравнивалась к убийству. Виновный наказывался смертной казнью путем обезглавливания [там же. С. 14а]. Жена за убийство мужа, раб или слуга за убийство хозяина тоже наказывались смертной казнью путем обезглавливания [там же]. Разным наказаниям подвергались и родственники преступников, знавшие о готовящемся преступлении, но не донесшие о нем [там же. С. 14а–15а].

Пятое из десяти преступлений — «Бесчеловечные поступки» (кит. *бу дао* «несправедливость») трактуется в «Измененном и заново утвержденном кодексе» в семи статьях, содержащих меры наказания за особо злостные преступления. К числу таковых отнесены убийство в одной семье трех и более человек сразу, зверское убийство с расчленением тела жертвы или после издевательств над жертвой (наказание — смертная казнь путем обезглавливания) [там же. С. 15а–15б], умышленное убийство или умышленное нанесение ранения (в соответствии с нормами тангутского права различные меры наказания, включая и смертную казнь в зависимости от того, кто и кого убил) [там же. С. 15б–24б].

Человек, знавший о готовящемся убийстве, но не донесший о нем, наказывался десятью годами лишения свободы. Если же таковой был в ссоре с убитым или ранее дрался с ним и потому не донес о готовящемся на жизнь врага покушении, то наказание увеличивалось до двенадцати лет [там же. С. 25а]. Статья седьмая этого раздела предусматривала определение тех же наказаний, что и за предумышленное убийство, за наговор или колдовство, приведшие к гибели намеченной жертвы [там же. С. 25б].

В семи статьях, отведенных мерам наказания за «великое непочтение» (кит. *да бу цзинь*) — шестое из десяти преступлений, предусматривались наказания смертной казнью путем обезглавливания тех сановников, которые в докладах государю и беседах с ним говорили одно, а за глаза — другое [там же. С. 25а–25б], наказание за подделку императорской печати (смертная казнь путем обезглавливания) [там же. С. 26а], подделку пайцзы (смертная казнь путем удавления) [там же], за искажение текста доклада государю или государева указа (смертная казнь путем обезглавливания) [там же. С. 26а–26б], за кражу платья государя или вещи, предназначенной в жертву предкам государя (смертная казнь путем удавления) [там же. С. 26б], за ошибку в выписанном рецепте или неверное приготовление лекарства для государя (смертная казнь путем удавления) [там же], за ошибку в приготовлении пищи для государя («Если некто совершит ошибку в приготовлении любой пищи, предназначенной для государя, все [виновные], не разбирая, главари или помощники, подлежат смертной казни путем обезглавливания, а их жены и дети, живущие с ними одной семьей, также привлекаются к ответственности и раздаются владельцам стад и полей. Дети от наложниц ответственности не несут») [там же. С. 26б–27а].

Суровые наказания предусматривались за «непочтение к родителям» (кит. *бу сяо*). Если кто-либо из младших родственников позволял себе кинуть золой или плюнуть в деда, бабку, родителей или если жена сделала то же самое в отношении мужа и на теле пострадавшего остался след, то виновный наказывался смертной казнью путем удавления. Эта же мера наказания предусматривалась и за грубое оскорбление словом. Закон запрещал детям доносить на родителей [там же. С. 27б–28а].

Раздел восьмой «Несогласие» (кит. *бу му*) состоял только из одной статьи: «Если родственник низшей степени родства ( ) продаст [в рабство] кого-либо из родственников высшей степени родства ( ): деда, бабку, отца или мать, то виновный подлежит смертной казни путем обезглавливания, а пособники отдаются на каторжные работы» [там же. С. 28а].

Девятое из десяти преступлений — «нарушение верности» (кит. *бу и*) заключалось в нанесении побоев со смертельным исходом низшими чиновниками высшим (смертная казнь путем обезглавливания), высшими чиновниками низшим (в зависимости от ранга преступника — казнь путем удавления или каторга), нанесении побоев со смертельным исходом государеву гонцу с пайцзой (смертная казнь путем удавления или каторга — в зависимости от ранга виновного) и нанесении побоев учеником учителю [там же. С. 28а–29а].

Последним из десяти преступлений было «кровосмешение» (кит. *нэй луань*). Половые связи между близкими родственниками строго преследовались по закону: «Если любое из указанных ниже в этой статье лиц совершит непотребное ( ) с действительно близкими родственниками высшей или низшей степени родства, то и мужчина, и женщина одинаково подлежат смертной казни путем обезглавливания. [Прочие] члены семьи ответственности не несут» [там же. С. 29б]. Последние две статьи этого раздела не сохранились.

Сам состав и основное содержание «Десяти преступлений» тангутского кодекса не отличаются от «Десяти преступлений» китайских кодексов [Ou Koei-hing, 1935. P. 99–102; Ratchnevsky, 1937. P. 13–16; T'ung-tsu Ch'u, 1965. P. 179]. Нали-

цо в первую очередь формальное различие: если китайские кодексы только перечисляют десять преступлений в главе «Мин ли», а содержание их раскрывается в разных статьях иных разделов кодексов, то тангутские юристы в данном случае отступили от китайской традиции, сделав свой кодекс более удобным для пользования и поместив соответствующие статьи закона сразу после определения каждого из десяти преступлений. По-видимому, именно в этом и состояло их новаторство применительно к данному разделу тангутского права. Так, например, в танском кодексе «Тан люй шу и» все десять преступлений перечислены в главе 1 после описания системы наказаний, а соответствующие статьи о наказании за мятеж, измену или за убийство в одной семье трех человек (*бу дао* «несправедливость») изложены в главе 17 [ГТЛШИ. Гл. 1. С. 16–24; Гл. 17. С. 395, 398, 404], статья о злословии против государя в главе 10, за подделку печатей в главе 25 и т. д. [там же. Гл. 10. С. 225; Гл. 25. С. 572], что, безусловно, представляло некоторые затруднения для отыскания в кодексе статей, связанных с наказанием за десять преступлений.

Имелось, разумеется, различие и в мерах наказания, ибо система наказаний в китайском и тангутском законодательстве была неодинакова. Правда, именно десять преступлений наказывались в большинстве случаев одинаково — смертной казнью. Так, за первое из десяти преступлений — мятеж — в танском кодексе устанавливались почти те же наказания, что и в тангутском: «Всякий, кто замыслит мятеж или же будет иметь умысел разрушить храм и могилу предков государя, подлежит смертной казни путем обезглавливания. Отец и сыновья преступника в возрасте шестнадцати лет и старше — смертной казни через удавление. Сыновья пятнадцати лет и младше, а также мать, дочери, жена, наложницы, включая жен и наложниц сыновей, дед, внуки, братья и сестры, как и буцюй[10], имущество, земля, постройки, переходят в собственность казны, за исключением мужчин в возрасте 80 лет [и старше] и тяжелобольных женщин в возрасте 60 лет [и старше] и неизлечимо больных. Дяди и племянники преступника подлежат ссылке на расстояние в три тысячи ли...» [там же. Гл. 17. С. 395].

При сопоставлении соответствующих статей о мятеже тангутского и китайского кодексов становится очевидным, что законы по существу совпадают. Но в тангутском тексте нет оговорки о возрастном пределе для наказуемых, хотя, следуя статье 15 главе 2 «Измененного и заново утвержденного кодекса», наказание лицам, причастным к преступлению в возрасте от семидесяти до восьмидесяти лет и от одиннадцати до четырнадцати лет уменьшалось на две степени [Тангут. кодекс. Гл. 11. С. 21а–22а. Инв. № 151].

В соответствии с системой наказаний тангутского кодекса жена, дети, внуки и правнуки преступника передавались в пастухи и земледельцы, а по китайскому законодательству просто передавались в казну. Дяди, тетки и племянники преступника по тангутскому законодательству ссылались на каторжные работы на границу, а по китайскому кодексу подлежали ссылке с конкретным указанием расстояния — три тысячи ли [11].

[10] Категория рабов в период Тан, принадлежавших частным лицам.

[11] До сих пор неясно, измерялось ли расстояние от столицы Тан — города Чанъани — или от места рождения преступника. См.: [Ou Koei-hing, 1935. P. 22].

Точно такую же незначительную разницу мы видим и в наказаниях за предательство. Если наказания за замышление предательства (удавление) и совершение предательства (обезглавливание) совпадают, то наказания, предписываемые законом соучастникам и членам семей преступников, неодинаковы: в китайском кодексе — это ссылка, в тангутском — каторга на различные сроки (см. с. 306 настоящей книги и [ГТЛШИ. Гл. 17. С. 398–399]).

Совершенно очевидно, что включение в тангутский кодекс XII в. десяти преступлений было прямой рецепцией китайского права. Десять преступлений с VI в. н. э. занимали особое место в китайском праве, так как рассматривали проступки, направленные против основ средневековой китайской государственности и морали — императора и семьи. Поэтому это и были преступления, за которые по закону не могло быть прощения. Даже лица, попадавшие под «восемь условий» (кит. *ба и*) — непременного помилования или смягчения наказания, также важную категорию средневекового китайского права, лишались своих привилегий в случае совершения одного из десяти преступлений [там же. Гл. 2. С. 31]. Законы о десяти преступлениях карали за нарушение основ конфуцианской морали: отношений между знатным и простолюдином, высшим и низшим, старшим и младшим (кит. *сань ган* [см.: T'ung-tsu Ch'u, 1965. P. 237]). В тангутском праве, как и в средневековом китайском, члены общества не были равны перед законом — наказание за одно и то же преступление различно определялось для двух лиц в зависимости от их места в системе социальных и родственных отношений. В разделе десяти преступлений тангутского права это особенно хорошо отразилось в определении наказаний за пятое из десяти тяжких преступлений — «бесчеловечные поступки». Средневековое китайское право наследовало многие положения древнекитайского права. Одним из ярких свидетельств этого была разработка группы «десяти преступлений», карающих в первую очередь за нарушение конфуцианской морали. Проявление непочтительности к родителям издревле считалось в Китае злейшим из преступлений: «Есть три тысячи преступлений, против которых имеются пять наказаний, но ни одно из них не является бóльшим, чем непочтительность к родителям» [Сяо цзин, 1935. Гл. 6. С. 15]. Поэтому в китайские кодексы были не только включены статьи, карающие за непочтение к родителям и старшим, но и в состав десяти преступлений был введен специальный раздел (седьмой). Сутью десяти преступлений и было определение более суровых, чем обычные, и несмягчаемых наказаний за проступки, направленные против родителей [см.: T'ung-tsu Ch'u, 1965. P. 43] и государя, ибо мятеж против государя, измена и т. п. рассматривались так же, как одна из крайних форм выражения непочтительности. Как мы знаем, в духовной жизни тангутского общества конфуцианской идеологии отводилось видное место [см.: Кычанов, 1968. С. 273–276; Китайская классика. IV. 1966], и поэтому неудивительно, что соответствующие ей положения китайского права, важнейшим из которых являлась категория «десяти преступлений», были полностью или с известными приспособлениями к местным условиям восприняты и тангутским законодательством.

ТАНГУТСКИЙ СВОД ЗАКОНОВ XII в. ОБ ИНОПЛЕМЕННИКАХ И ИНОЗЕМЦАХ

«Измененный и заново утвержденный свод законов [девиза царствования] Небесное Процветание»[1] (1149–1169) — возможно, один из самых интересных памятников светской части тангутской коллекции ЛО ИВ АН СССР из мертвого города Хара-Хото. Его обнаружение в Эдзина-Хара-Хото, в застенном субургане одного из городов северной окраины Тангутского государства, в месте, согласно данным «Свода законов», официально служившем для ссылки каторжан, не представляется удивительным. Ни одно административное учреждение тангутов не обходилось без «Свода законов» и дополнений к нему, ибо любое управление Великого Ся (982–1227) было и судом, где решались тяжбы и дела обвиняемых, находившихся в подчинении или ведении данного учреждения. Теперь уже очевидно, что в субурган при угрозе нашествия орд Чингисхана с севера были где-то в конце 1225 — начале 1226 г. упрятаны не только книги местного буддийского храма, но и часть бумаг местной администрации, в том числе и книги законов, ибо, только руководствуясь такими книгами, тангутский чиновник мог судить или миловать всех обоснованно или необоснованно попавших в поле зрения правосудия.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» был вершиной правотворчества юристов Ся. К середине XII в., как минимум где-то около ста лет назад, утратило силу, вернее, монополию, в решении тяжб обычное право. С середины XI до середины XII в. были созданы какие-то, до сих пор нам неведомые своды законов. Лишь от одного из них, «Яшмового зерцала управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань (1101–1113)», из той же коллекции П. К. Козлова до нас дошли фрагменты [Кычанов, 1969. С. 229–243]. Это был специфический свод законов военного права, который в основных своих частях, очевидно, не утратил силы и после введения «Измененного и заново утвержденного свода законов». Но «Яшмовым зерцалом», безусловно, не исчерпывалось законодательство Великого Ся до середины XII в. Само название — «Измененный и заново утвержденный свод законов» — свидетельствует о том, что тангутам

[1] В ранних работах Е. И. Кычанова этот источник называется «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)», в более поздних публикациях — «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание».

было что «изменять» и «заново утверждать». Словосочетание, традиционно переводимое на русский язык начиная с Н. А. Невского как «измененный», по-тангутски буквально означает «изменить старое». К сожалению, как мы только что говорили, об этом «старом» приходится пока догадываться, да и мало шансов на то, что оно станет когда-либо нам известным, если, конечно, не будет открыто новых памятников древности с упрятанными в них рукописями.

В середине XII в. над составлением нового свода законов Ся работала комиссия из 23 человек. Ее члены перечислены в предисловии к «Своду» со всеми своими должностями, титулами и рангами. Среди них 7 человек принадлежали к правящему у тангутов роду Нгвеми (Вэймин). В числе членов комиссии было 17 тангутов и 6 китайцев. Несколько тангутов и китайцев, членов комиссии, занимали официальные должности переводчиков с китайского языка и имели ученые степени магистров китайской словесности. Несомненно, что эти лица использовались для перевода с китайского на тангутский язык китайских сводов законов, танского «Тан люй шу и» и сунского «Сун син тун», служивших образцовыми кодексами для тангутских юристов.

«Измененный и заново утвержденный свод законов» состоял из краткого предисловия, 20 глав, в которых содержалось 1460 статей, и составленного по главам указателя к ним. Сохранился он не полностью, но в двух изданных ксилографическим способом книгах разного формата, правда, отпечатанных с одних и тех же досок. Общая сохранность текста составляет примерно 70–75%, из 20 глав полностью не дошла до нас лишь глава 16.

Как известно, Великое Ся, в нашем, современном понимании, было многонациональным государством. В данной статье нас будет интересовать, во-первых, как раз то, как в тангутском своде законов юридически отражено положение прочих народностей, проживавших в Ся, кроме господствовавшей народности ми (тангутов), и, во-вторых, то, как отразились в законах правовые моменты взаимоотношений государства Ся с соседями.

В Ся были компактные группы иноплеменного населения, прежде всего уйгуров в западных областях Шачжоу и Гуачжоу и тибетцев на юге страны, в районе Кукунора. Китайцы, по-видимому, жили преимущественно в восточных районах тангутского государства, главным образом в городах, занимаясь ремеслами, торговлей, земледелием в пригородах и составляя заметный по влиянию элемент в государственном аппарате тангутов.

Уйгуры, жившие вдоль западных границ, даже не рассматривались в качестве лиц, целиком подчиненных властям Ся. В частности, это видно из того, что они не были подсудны тангутским законам, а при совершении ими преступлений по каждому случаю требовалось особое решение вышестоящих властей: «Если в числе таковых [преступников-иноплеменников], — говорится в “Своде законов” Ся, — окажутся уйгуры, перешедшие [нашу] западную границу и живущие вдоль границы в ее внутренних пределах, которые хотя и считаются подведомственными нам, но о которых говорят, что [они] не являются как подчинившимися, так и непокорными, то [о таких уйгурах, совершивших преступление] следует своевременно доносить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями» [Тангут. кодекс. XX. Инв. № 202. С. 3б].

Компактность проживания в Ся тибетцев подтверждается другими тангутскими источниками. Как раз в годы Небесного Процветания в тангутском государстве имел место мятеж тибетцев, во время которого только одна из групп восставших, укрывшихся в лесу, состояла из 145 семей, насчитывавших 2790 человек [Без названия. Инв. № 4189. С. 20]. В этом же тексте упоминаются тангутские (ми) и тибетские «хозяева». «Хозяевами» в Ся именовались земледельцы и скотоводы. В перечне 54 буддийских общин, встречающемся в главе XV «Новых законов года Свиньи», собрании дополнений к «Измененному и заново утвержденному своду законов», введенном в силу 26 апреля 1212 г. [Кычанов, 1972б. С. 93–98], упоминаются отдельно тибетские буддийские общины, а также и смешанные тангутско-китайские общины [Новые законы. XV. Инв. № 748. С. 24].

Тангутское законодательство не предусматривало правового неравенства иноплеменников по сравнению с тангутами. Мера ответственности разных лиц за одно и то же преступление зависела от их социального положения (лично свободный, лично несвободный, начальник или подчиненный, имеющий ранг или не имеющий ранга) и от места данного лица в системе родственных отношений (старший или младший родственник), но не от племенной принадлежности виновного. Более того, в исключительных случаях установленное законом право на смягчение наказания или на освобождение от наказания имели и чужеземцы, например вражеские полководцы, которые сдались добровольно тангутам вместе со своей армией, и так называемые «гости». «Гостями» считались «сыновья и внуки ванов (князей. — *Прим. пер.*) и сановников других государств, потомки тех, чьи собственные государства подчинились или исчезли» [Тангут. кодекс. II. Инв. № 153. С. 1б–4б]. О некоторых других льготах для добровольно подчинившихся тангутам лиц будет сказано ниже.

Положение чиновников-иноплеменников в государстве Ся определялось прежде всего должностью, а не племенной принадлежностью. «Когда должностные лица — тангут, китаец, тибетец, уйгур — служат вместе, то в том случае, когда [они] занимают неодинаковые должности и исполняют разные поручения, они должны сидеть в соответствии с установленными правилами, в зависимости от занимаемого ими самими лично высокого или низкого положения». Первенство господствующей тангутской народности законодательно утверждалось только при должностном равенстве сторон. В тех случаях, когда принадлежавшие к разным народностям чиновники, тангут и нетангут, «занимают равные должности, то независимо от величины рангов [этих должностных лиц] тангут должен считаться старшим. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок». Тангут, отказавшийся соблюдать установленный законом порядок, штрафовался на пять связок (5000) монет [там же. X. Инв. № 4054. С. 44а–45а].

Равно в соответствии с законом наставниками буддийских общин могли быть одинаково тангуты, китайцы или тибетцы, если они обладали установленным уровнем знаний канона и знали языки, в том числе обязательно тибетский [там же. XI. Инв. № 178. С. 32б–33а]. Чиновниками по делам буддийской религии в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами (Чжуншу) также одинаково могли быть тангуты, китайцы или тибетцы: «Если

в числе тангутских, китайских или тибетских юношей есть такие, которые хорошо знают и могут читать сутры и гаты, то те из них, для которых определен устав поведения, по одному или по двое могут быть назначены на должности старших начальников и передающих приказы [чэнчжи] в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами» [там же. XI. Инв. № 178. С. 34б–35а].

Единственным исключением являлся запрет иноплеменникам служить в охране, несущей караульную службу непосредственно в том месте, где находился тангутский государь: «Не должны использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и местопребывания государя в большом числе *пхинга*[2], а также отобранные в вышеуказанных случаях для несения охранной службы люди из покорившихся нам китайцев, *шаньгхо* [Кычанов, 1971. С. 157–158] (возможно, *шарайголы. — Е. К.*), тибетцев и уйгуров. Вместо этих [людей] сторожевую службу должна нести охрана внутренних дворцовых покоев, а те из людей, которые отобраны [из числа иноплеменников] для несения караульной службы, должны находиться там и охранять те места, которые не являются местопребыванием государя, а также охранять дальние дворцовые склады и прочие места, в которых им позволено находиться» [Тангут. кодекс. XII. Инв. № 114. С. 18а–19б].

От охраны особы государя как нигде требовалась приверженность охраняющих правящему дому и лично императору. Это в общем-то естественное требование закона отражало тем не менее известное недоверие, которое все-таки испытывали тангуты к служившим в их армии иноплеменникам, или отражало хотя бы то трезвое понимание действительности, в которой любой нетангут потенциально мог быстрее стать врагом правящей династии, чем соплеменники государя. Правда, из текста статьи не очень ясно, распространялось ли данное положение на всех иноплеменников вообще, в том числе и из поколения в поколение проживавших в Ся, или же только на тех, кто сравнительно недавно покорился тангутам. Возможно, такая дифференциация тоже могла существовать.

Как же отразились в «Своде законов» юридические моменты взаимоотношений населения тангутского государства с соседями?

Ся, особенно на востоке и юге, имело постоянно охраняемую границу с нейтральной полосой и режимом, во многом похожим на современные порядки на границах между государствами. Охрану границ несла тангутская караульная служба. Там, где граница была точно демаркирована, местное население — земледельцы и скотоводы-кочевники — обязано было селиться и передвигаться только в строго отведенных для этого местах. Самовольный переход границы был строжайше запрещен. За этим следили караульные-пограничники, и за каждый случай перехода границы несли личную ответственность начальники караулов [там же. IV. Инв. № 157. С. 26б]. Однако не все участки пограничной территории были строго разграничены, особенно в пустынных, полупустынных и горных районах: «На дальних границах с другими государствами, где строгого разграничения территорий не имеется и [наше государство] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы в тех случаях, когда к [на-

[2] В тангутском государстве одна из категорий лично несвободных людей.

шей] внутренней стороне границы подойдут кочующие семьи, передвигающиеся совместно в поисках воды и травы для прокормления скота, или же охотники, должны возвращать [таковых] обратно или задерживать и не позволять [им] проникать в [наши] внутренние пределы» [там же. IV. Инв. № 157. С. 28а–28б]. Таким образом, тангутские пограничники были обязаны не пускать на территорию Ся соседей.

Перебежчиков принимали только в тех случаях, если они изъявляли желание жить и работать в государстве тангутов: «В том случае, когда какие-то чужеземцы явятся и действительно подчинятся [нам], то там, где [они] добровольно изъявили [свою] покорность, [они] могут быть включены в число солдат пограничных войск, войск внутренних районов страны или же в число служащих вспомогательных войск [этих] армий. Если среди таковых окажутся лица, которые в чужеземных пределах занимали важные посты, или те, кто, явившись и подчинившись [нам], привели с собой большое число семей, а также доставили нам достоверные секретные сведения, то по определении характера заслуг [таких] людей следует своевременно доложить о том, какой ранг, какую награду или какую должность может получить [данное лицо], кем [оно] может стать в соответствии со своей категорией, и поступать в соответствии с полученными указаниями» [там же. VII. Инв. № 161. С. 1б]. Присвоение имущества беглых чужеземцев, подчинившихся Ся, сокрытие их самих и использование в принудительном порядке в качестве работников, а также продажа беглых другим лицам рассматривались как ограбление и наказывались соответственно в зависимости от суммы присвоенного дохода [там же. С. 2а].

Тангут, взявший в плен чужеземца в бою, мог сделать его принадлежащим лично ему человеком, относящимся к одной из двух лично несвободных категорий людей в Ся — *пхинга* (лично несвободный мужчина) или *нини* (лично несвободная женщина). Если после этого родственники пленника, «желая соединиться с ним», покорялись «государству Ми» (тангутов), то пленный получал свободу и право жить в Ся вместе со своими близкими, а пленившему его ранее человеку в соответствии с законом выплачивалась от казны стоимость пленного [там же. С. 8б–9а].

Тангут не имел права продавать и покупать пленного чужеземца без разрешения властей: «Любому человеку запрещается покупать человека-чужеземца. Когда же окажется, что есть продавец такого человека, то на покупку следует спросить разрешение у чиновника военно-полицейского управления, пограничного эмиссара, командующего войсками или его заместителя, и если [данные должностные лица] позволят купить [чужеземца], то [его] можно купить. Когда же кто-то купит чужеземца, не испросив на то разрешения у должностного лица, то [виновному] два года [каторжных работ]» [там же. XX. Инв. № 202. С. 7б–8а].

Добровольно подчинившиеся тангутам чужеземцы в случае совершения ими преступления, за исключением тяжких преступлений, наказуемых смертной казнью, могли получить смягчение наказания. Иноземцу, который подчинился Ся и прожил там «пять лет, считая со дня прибытия, за преступление, совершенное в первый раз, мера наказания уменьшается на две степени, а за преступление, совершенное вторично, — на одну степень. От наказания

палками [таковые] освобождаются полностью... Если [подчинившиеся нам чужеземцы] живут [в нашей стране] менее пяти лет или же совершили преступление в третий раз и более, то по отношению к [таковым] меры по облегчению наказания не применяются и приговор [им] выносится по закону» [там же. С. 3а–3б].

Население Ся не имело права торговать с прибывшими из-за границы послами. Это объяснялось тем, что внешняя торговля была монополией казны, действовавшей от имени государя. Даже в случае уплаты торговой пошлины тот, кто торговал с иноземцами самовольно, карался двумя годами каторжных работ [там же. XI. Инв. № 178. С. 24а]. Императорским указом запрещалось продавать за пределы Ся «людей, коней, доспехи для воинов и коней, коров, верблюдов и другое имущество», а также монету [там же. VII. Инв. № 161. С. 22а]. «Если высочайше запрещенная торговая сделка была заключена с послами или купцами, прибывшими из другого государства, то в тех случаях, когда в числе тех, с кем [была заключена эта сделка], будут послы или купцы из государств Даши (арабы, Иран и Средняя Азия) и Сичжоу (Турфан, Восточный Туркестан), а высочайше запрещенная сделка будет уже совершена и проданный товар переправлен в [чужеземные пределы], то приговор [виновным] выносится по закону о наказаниях за совершение высочайше запрещенных сделок в стране чужеземцев. Что же касается послов и купцов из государств Даши и Сичжоу, то, поскольку [они] являются гостями, [они] наказываются наложением на них штрафа, размеры которого законом не установлены, а та сумма, которую [они] дали за товар, должна быть возвращена [им]» [там же. VII. Инв. № 165. С. 22а–27а]. Вместе с тем в случае нужды купцы из Даши и Сичжоу с разрешения тангутских властей могли приобрести оружие для охраны каравана, а также фураж и продовольствие, но только в том количестве, которое им требовалось для благополучного возвращения домой [там же].

Тангутским послам, отправлявшимся за рубеж, тоже запрещалось «брать с собой слишком много людей и большой обоз» [там же. XI. Инв. № 178. С. 24б]. Кроме того, им запрещалось в неофициальной обстановке, не надев положенного по чину и должности платья, встречаться за границей с людьми, ходить к ним или звать их к себе в гости, пить с ними вино и распевать песни [там же. С. 25б–26а] — короче, вступать в эти и иные неофициальные контакты, которые могли повлечь за собой утечку информации из Ся. Тангутские послы могли просить для себя в чужой стране только необходимое: «еду, дрова, вино, фрукты, лекарства» [там же. С. 26а–26б].

Иноземные послы содержались на территории Ся за счет казны: «Что касается посольств, прибывших из других государств, то военно-полицейское управление должно отдать приказ управляющим постоялых дворов выделить из государевых запасов зерна и казны продовольствие, фураж, коней и людей, передать [все это] посольству и обязать [людей] заботливо обслуживать [посольство]» [там же. XIII. Инв. № 219. С. 41а–41б]. Если послов ждали, они могли прямо явиться со своими делами по инстанции. Если же они прибыли неожиданно, то послы были обязаны заявить на границе местным властям о своем прибытии и ждать разрешения двигаться дальше. По территории Ся послов сопровождали тангутские чиновники. Часто один из таких чиновников

получал пайцзу, что давало ему и посольству преимущества в пути в случае необходимости получения транспортных животных и продовольствия [там же. XIII. Инв. № 219. С. 41а–41б]. За ограбление чужеземного посла по закону полагалось наказание на одну степень большее, чем за ограбление соплеменника на ту же сумму [там же. III. Инв. № 169. С. 7б–8а].

Только при расследовании дел послов из Китая, киданьских, тибетских, из Сичжоу и Даши, по-видимому, допускалось нечто вроде состязательного процесса, ибо дела рассматривались «посредством диспута тяжущихся сторон» [там же. IX. Инв. № 168. С. 10б]. Существо этой формы расследования преступлений и суда остается для нас пока еще недостаточно ясным.

Тангутские купцы, выезжавшие за рубеж с государевыми и своими товарами, обязаны были прежде всего радеть о выгоде своего государя: «В том случае, когда купец отправляется в чужое государство и с ним вместе посылают разные государевы вещи, которые должны быть проданы, и составляются списки их, то количество [государева имущества] должно устанавливаться в момент отъезда купца и оформляться соответствующими документами. Когда купец прибудет в чужое государство, то [он] обязан государево имущество продавать отдельно. Вырученные за него деньги и полученные вещи должны быть действительно освидетельствованы лично главой посольства, [с которым ехал купец], и его помощниками, их внешнее описание и количество зафиксированы в документах, и на списке вещей поставлена государева печать, та, которая находится в ведении служб внутренних дворцовых покоев. Когда же купцы возвратятся и прибудут в "государство [народа] ми [тангутов]", то эти вещи и документы на них должны быть переданы должностным лицам, и эти [документы] должны быть просмотрены, а внешнее состояние вещей и их количество проверены одновременно. Никому из купцов смешивать государевы и частные вещи, ...подменять добротные государевы вещи на плохие частные не разрешается. Если же закон будет нарушен и произведена подмена [вещей] или же [вещи государя и частного лица] будут смешаны, то равно те и другие вещи, государевы и частные, должны быть сосчитаны и сопоставлены, а [виновному], не считаясь с его положением и рангом, два года [каторжных работ]» [там же. XVIII. Инв. № 5040. С. 23б–24а].

Наконец, в одной из статей «Свода законов», правда, в завуалированной форме, говорится о поставке тангутами верблюдов и коней чжурчжэням в качестве уплаты дани: «Что касается верблюдов и лошадей, подготовляемых ежегодно для передачи в другое государство, и пастухов, [сопровождающих их], то [таковыми] должны стать: пастухи — 80 семей из числа скотоводов, ранее приписанных к Северному двору, и 20 семей из числа скотоводов, приписанных к Восточному двору, а также верблюды и лошади, выделенные для передачи в другое государство на основании имевшихся ранее особых постановлений» [там же. XIX. Инв. № 20. С. 19а][3]. Статья составлена глухо, нечетко, с явной целью соблюсти внутри страны достоинство «государства [народа] ми», признававшего старшинство чжурчжэньской династии Цзинь, хотя, конечно, ни о какой фактической зависимости Ся от Цзинь не могло быть и речи.

[3] В данном случае Восточный и Северный дворы — единицы в довольно пестрой местной администрации Ся. Находились в северо-восточных районах тангутского государства.

Почерпнутые нами из «Измененного и заново утвержденного свода законов» сведения об иноплеменниках в Ся и отношениях тангутов с иноземцами немногочисленны, но любопытны. Мы имеем весьма интересный для Средневековья пример юридического равноправия народностей в рамках одного государства — юридически, как мы видели, иноплеменники, да и то, возможно, из недавно покорившихся тангутам, были лишены только права охранять жилые покои или местопребывание государя, т. е. служить в его личной охране, — равноправия, даже не декларированного обязательным единством религиозных взглядов. Напомним, что через 50 лет после гибели Ся монгольская политика в том же регионе по тому же вопросу была совсем иной. Иначе решалась проблема и в современных Ся государствах киданей и чжурчжэней, где существовал ряд преимуществ для господствующей народности. У киданей, например, были одни законы для киданей, другие — для китайцев [Wittfogel, Fêng Ch'ia-shêng, 1949. P. 464–465]. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, тангуты ощущали себя стойким большинством в своей стране и не боялись, как кидани или чжурчжэни, а позднее монголы, быть поглощенными подчиненными им народами. Во-вторых, в отличие от киданей, чжурчжэней, монголов они создали свое государство не в процессе завоевания культурных регионов народом, вышедшим недавно из пеленок первобытнообщинного строя и еще не научившимся по-настоящему ценить культуру, сохранившим к ней независимое и даже презрительное отношение, а будучи народом, длительное время стабильно жившим на перепутье трех больших культур — китайской, тибетской и уйгурской, народом, привыкшим ценить культуру соседей и строившим в государственный период свою собственную культуру и на базе достижений соседних культур. Тангуты традиционно ценили в китайце чиновника, способного администратора-конфуцианца, в тибетце и уйгуре — ученого буддиста. И хотя и у них не было недостатка, по меткому выражению акад. В. М. Алексеева, «в квасном патриотизме», таковой никогда не принимал в духовной жизни тангутского общества, насколько мы знаем, форм отрицания чужой культуры вообще. Отсюда синкретизм, свойственный процессу становления тангутской культуры, наиболее отчетливо отмечаемый исследователями в буддийской живописи, и юридическое признание равноправия всех разноплеменных подданных тангутских императоров. Наконец, тангуты нуждались и в способных к службе, грамотных людях и охотно принимали таковых из-за рубежа, даже ценой предоставления кое-каких льгот. Подчинившиеся Ся чужеземцы служили как в гражданских управлениях, так и в армии.

И последнее. Для средневекового сознания понятие племенной принадлежности, выражаясь современным языком, «национальное самосознание индивида» было иным, чем в наши дни, хотя и неодинаковым для разных регионов. Для христианского мира часто важнее было быть христианином вообще или христианином определенного вероисповедания, чем итальянцем, французом и т. п. Религиозный момент стоял на первом месте и на Ближнем Востоке: и там все мусульмане прежде всего противостояли всему немусульманскому миру. Дальний Восток, в частности Китай, в масштабах Средневековья тоже никогда не обходился без иноплеменников на службе той или иной династии, не считая иноплеменных, некитайских по происхождению династий, нередко правивших

страной. Для Дальнего Востока на первом месте было не единство религиозных взглядов, хотя и здесь многие народы объединяло учение Будды, а принадлежность к тому культурному комплексу, в центре которого стояла китайская культура с ее конфуцианской идеологией — представлениями о необходимости хранить преданность тому государю, которому служишь. Каждый из трех регионов выдвинул и свой единый для всех язык — латынь, арабский, китайский письменный язык вэньянь, который помогал выходить за рамки своего этноса.

Тангутская культура в целом, безусловно, тяготела к дальневосточному региону, хотя и несла в себе определенные черты кочевых скотоводческих культур, а потому и отражала многие взгляды, свойственные той эпохе и тому региону. Известно, что китайские правители сознательно проводили в жизнь линию на приобщение к их идеологии и культуре чужеземцев. Чужеземцы должны были «преобразоваться» (*хуа*), т. е. принять китайский костюм, церемониал, образ жизни и мышления, язык и в конечном итоге стать китайцами. Например, при Тан в Чанъани функционировала специальная школа для сыновей правителей и знати соседних стран. Постепенное окультуривание соседей с последующей их ассимиляцией всегда было частью великодержавной политики китайских правящих слоев. Принять покорившихся чужеземцев в надежде постепенно «преобразовать» их и уподобить себе — вот доктрина, которая была воспринята и тангутским правящим домом. Чтобы чужеземцы покорялись, их надо было обласкать — отсюда и раздача должностей и рангов, и предоставление вышеупомянутых льгот в случае совершения чужеземцем преступления. Все эти представления нашли свое отражение в тангутском своде законов. Данный кодекс воспринял идеи дальневосточного права, в центре которых находилось право китайское, для тангутов в тех его нормах, которые сложились к эпохе Тан и за столетия правления династий Тан и Сун.

«ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ (1149–1169 гг.)»[1] ГОСУДАРСТВА СИ СЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАКТИКИ ОБМЕНА ПОСОЛЬСТВАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В XI–XII вв.

Среди памятников тангутской письменности, обнаруженных в 1909 г. в субургане поблизости от мертвого города Хара-Хото П. К. Козловым, безусловно, самым примечательным для историка является свод законов тангутского государства XII в. «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)». Это ценный источник, в котором, хотя и в специфической форме памятника материального права, затронуты самые разные стороны жизни тангутского государства Великое Ся (982–1227). В данной статье мы остановимся на тех параграфах кодекса, которые регулировали практику обмена посольствами между странами Дальнего Востока.

К середине XI в., после ряда войн, отбушевавших на границах китайской империи Сун (960–1279), на материке Восточной Азии определилось следующее распределение сил: сунский Китай, киданьское государство Ляо (907–1125), тангутское государство Великое Ся, Корея (Гаоли) и Вьетнам (Цзяочжи), тибетские и уйгурские княжества. Япония активного участия в континентальной политике не принимала.

Между тремя первыми государствами старшим признавался сунский Китай, а отношения «субординации» в практике общения были закреплены в тер-

[1] Описание структуры и содержания памятника см.: [Кычанов, 1983. С. 118–126; Кодекс, 1987–1989]. В более ранних работах Е. И. Кычанова этот источник назывался по-другому (см. с. 163, 198 настоящей работы).

минах родства: император Сун полагался старшим братом киданьского императора и отцом императора тангутского, император Ляо — младшим братом императора Сун и дядей императора Си Ся, император Си Ся — сыном императора Сун и племянником императора Ляо. За признание своего старшинства в практике общения императоры Сун были вынуждены щедро платить наличными (деньгами, шелком, чаем и т. п.) императорам Ляо и Си Ся. Суммы этих выплат были обусловлены после войн межгосударственными договорами (1005 г. — с Ляо и 1044 г. — с Си Ся). В пределах своей территории и своего суверенитета правители всех государств именовались императорами, сынами Неба, и характер их власти был в полном соответствии с китайскими традиционными теориями природы императорской власти как власти, дарованной Небом, мощь которой зависела от мистической благой силы *дэ* императора, уподобляемой благой силе *дэ* Неба.

В XI в. в сунском Китае на официальных приемах император Сун первыми принимал послов Ляо, вторыми — послов Си Ся, третьими — послов Гаоли, четвертыми — послов Цзяочжи, а затем всех остальных.

Такое распределение силы и влияния в Восточной Азии существовало до середины XII в. Уничтожение чжурчжэнями государства киданей Ляо (1125 г.) и завоевание ими Северного Китая изменили соотношение сил первой тройки государств. Отношения Цзинь и Сун были определены договором 1141–1142 гг. Самым сильным отныне было признано государство чжурчжэней Цзинь, его император в терминах родства стал считаться старшим братом императора Сун, а китайский император Южной Сун — младшим братом императора Цзинь. С 60-х гг. XII в. император Цзинь стал именоваться дядей, а император Южной Сун — племянником. Между Цзинь и Си Ся также были установлены отношения старшей и младшей сторон, их выражение в терминах родства нам неизвестно. Возможно, как и во времена Ляо, это в первое время были отношения дяди и племянника, но после того, как племянником стал император Южной Сун, император Ся быть племянником, вероятно, не мог. После оформления границ Цзинь и Южной Сун тангутское государство перестало иметь общую границу с Сун, и регулярных отношений между Си Ся и Южной Сун с середины XII в. практически не существовало. Однако и в XII в. Си Ся продолжало оставаться третьим по признанию авторитета и могущества государством Дальнего Востока, и такая ситуация сохранялась вплоть до начала активных монгольских завоеваний в этом регионе.

Государства Дальнего Востока в указанный период, как и европейские государства в Средние века, не имели своих постоянных представительств за рубежом, в соседних странах. Посольств как постоянных представительств одной страны в другой не было. Вместо этого регулярно происходил обмен посольствами. Это были посольства, которые после имевших место между их странами военных действий ехали договариваться о мире и его условиях, везли от «старших родственников» к младшим свидетельства на титул, акт дипломатического признания соседнего государя и акт договоренности о титуле, употреблявшемся в переписке между обеими сторонами. От младших к старшим везли подарки, расценивавшиеся как подношение или дань (*гун*), а от старших к младшим передавали дары, которые рассматривались как пожалование. Посольства поздрав-

ляли друг друга с Новым годом, с днем рождения императора, принимали участие в похоронах императоров и членов их семей, в церемониях восшествия на престол новых императоров. Посольства, связанные с регулярными ежегодными или окказиональными процедурами (рождения, смерти и т. п.), как правило, не сопровождались переговорами на правительственном уровне, хотя и могли подготовить почву для нового посольства и проведения переговоров. Переговоры на государственном уровне вели посольства со специальными полномочиями, которые по-китайски именовались «го синь ши» — «посольствами с государственными полномочиями» [Franke, 1981. P. 2–4].

Следует отметить также и то, что бюрократический аппарат стран Дальнего Востока не имел ни профессиональных дипломатов, ни министерств иностранных дел. Послом, заместителем посла, членом посольства мог быть назначен любой гражданский или военный чиновник.

Отправление посольств производилось от имени и по поручению государя, их охрана и обеспечение в пути, прием осуществлялись по строгим правилам, имевшим силу закона. Часть таких правил включалась в действующее законодательство: мы находим их и в тангутском «Измененном и заново утвержденном кодексе девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)».

Тангутский кодекс требовал от послов своей страны соблюдение «закона и дела государя» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 151]. Примерный состав посольства очерчен в кодексе следующим образом: посол, его заместители, члены посольства, обслуга. Обслуга посольства состояла из «надежных и знающих свое дело людей» [там же. С. 152], — это были офицеры, солдаты, пастухи, повара и т. п. Пастухи обслуживали стада, которые перегонялись вместе с передвижением посольства для обеспечения его нужд. В сунском Китае был установлен примат гражданского над военным. Поэтому посол обычно был гражданским чиновником, а его заместитель — военным. Тангутский кодекс, по крайней мере в сохранившейся части текста, такого порядка не предусматривал.

Посол и его заместители как лица, обладающие полномочиями лично от императора, имели право за незначительные проступки незамедлительно судить провинившихся членов посольства и определять им меру наказания в соответствии с законом, наказывать осужденных прямо на месте. Однако «если кто-либо из [входящих в одну из] трех групп — посол, его помощники и прочие [члены посольства] — не имея на то права, побьет тонкими палками [своего] подчиненного, не объяснив [ему его] вины, то виновный подлежит наказанию: с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — 13 палок» [там же].

После того как посольство было сформировано, в зависимости от цели поездки определялся способ его передвижения по тангутской территории. Если дело было срочным, посол получал пайцзу, и, соответственно, посольство по мере продвижения могло требовать в любом месте коней, верблюдов, быков, мулов, ослов, продовольствие и фураж. Если срочной необходимости в решении вопросов не было, в дело вступала общая система почтовых станций тангутского государства. Закон выдвигал одно условие: маршрут движения посольства находился под контролем, нельзя было ехать, «минуя те места, где есть должностные лица, и брать с собой слишком много людей и большой обоз» [там же. С. 149].

Непосредственным обеспечением нужд иностранного посольства, в свою очередь, проезжавшего по территории тангутского государства, ведали высшие учреждения местной администрации, так называемые военно-полицейские управления. Именно им подчинялась служба почтовых станций и постоялых дворов. Постоялые дворы были государственными предприятиями, и в задачу управляющего постоялым двором входило обеспечение посольства всем необходимым. «Что касается посольств, прибывших из других государств, то военно-полицейское управление должно отдать приказ управляющим постоялых дворов выделить из государевых запасов продовольствие и фураж, коней и людей, передать [все это] посольству и обязать [людей] заботливо обслуживать [посольство]. Если послы заранее получили приказ [от центральных тангутских властей к местным] и имеют право [сами] являться во все инстанции, то [они] могут явиться, а если [они] не имеют права являться и заявят [местным властям]: "Мы прибыли", то должны оставаться на месте. [Об их прибытии] надлежит доложить в вышестоящие инстанции, а [они сами] должны дожидаться приказа. Кроме того, если сопровождающие послов лица имеют право быть с пайцзой, то [им] должна быть вручена пайцза. В том же случае, когда [таковые] не имеют права держать пайцзу, [они] должны перевозить послов на транспортных животных, полученных от военно-полицейского управления. Если [вышеперечисленные лица] не станут обслуживать [посольство], то [они подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — 13 палок» [там же. Кн. 4. С. 52][2].

При пересечении границы посольство подчинялось действующим в стране пребывания правилам приема иностранных посольств: разрешалось официальное общение только с представителями местной и центральной администрации. Законом запрещались любые частные, «тайные» встречи, устройство банкетов для неофициальных лиц или посещение неофициальных банкетов, неофициальный обмен подарками. На приемах посол и члены посольства всегда должны были быть одеты в форменное, положенное им по должности и рангу платье [там же. Кн. 3. С. 150]. Официальные приемы посольств были пышными, с участием большого числа людей, они сопровождались банкетами и спортивными состязаниями, стрельбой из лука, конскими скачками и т. п. Члены посольства в зависимости от своего чина получали от принимающей стороны подарки. При этом не следовало просить или брать лишнего, это могло расцениваться как взятка [там же. С. 150–151]. У чжурчжэней в государстве Цзинь существовала даже специальная градация на размеры подарков членам посольств из Си Ся — посол и его заместитель получали по 140 кусков ткани и 2 собольи шкурки, а если не было собольих шкурок, то вместо них посол получал 150 лан серебра, а его заместитель — 60 кусков ткани [Franke, 1981. P. 6–8].

Тангутский закон запрещал членам посольства, находясь за рубежом, писать доносы, оскорблять друг друга, затевать драки [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 151–152].

[2] Иноземцы не всегда употребляли в пищу местные продукты. Например, курьезный случай произошел в 1094 г. с членами китайского посольства в киданьском государстве Ляо. Им выдали для питания 10 овец и 10 сурков. Сурки у киданей считались деликатесом. Китайцы же не стали их есть и выпустили, чем вызвали негодование киданей [Franke, 1981. P. 12].

В беседах с официальными представителями другой стороны посол был обязан тщательно хранить государственную тайну, не допускать хулы на своего императора и его действия. «Если кто-либо [из членов посольства] без всякого дурного умысла, разболтавшись в беседе с иноземцами, очернит государя, отзовется непочтительно обо всех великих [людях нашей страны], то [виновному] определяется та же мера наказания, что и тем, кто не увещевал государя в его присутствии, а за глаза говорил о нем дурное. За выдачу врагу сведений о том, что приведена в готовность какая-либо армия для вторжения в пределы вражеской территории, что есть местные жители, получившие и принявшие предложение [поддержать нас], за выдачу сведений о людях врага, которые подадут [нам] сигнал, о кочевниках, которые подчинились [нам], и тому подобные сведения [виновные] независимо от ранга подлежат смертной казни путем обезглавливания. Что касается разглашения тех внутридворцовых дел, которые следовало скрывать, то после установления путем допроса неясностей относительно разглашения каких-либо сведений, подлежащих сокрытию, и времени происходившего разговора обо всем необходимо сообщить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями. Что касается разговоров о состоянии армии, то тому, кто начал этот разговор, — 12 лет, участникам разговора — 10 лет каторжных работ. Если же [послы, находясь за рубежом], будут вести [там] разговоры о тайных делах, замыслах и слабостях [наших] мудрых сановников, то тому, кто начал этот разговор, — 6 лет, участникам — 5 лет каторжных работ. В случае ведения [нашими людьми аналогичных] разговоров с послами других государств меры наказания устанавливаются в зависимости от того, что было сказано, и [при вынесении виновным приговоров] следует поступать в соответствии с вышеизложенными законами» [там же. С. 149–150].

Прямая измена члена посольства своему государству приравнивалась к мятежу, наказание за который влекло за собой уже общесемейную ответственность, например казнь всех членов семьи преступника. «Если члены посольства — глава и [его] помощники, подчиненные им люди, — затаив в сердце злобу [к нашей стране], в другом государстве добровольно подчинятся врагу и заявят: "[На государство тангутов] должна напасть [ваша] армия!" — или проявят готовность поднять [в нашей стране] мятеж и причинить ущерб [нашему] государству, то приговор [виновным] выносится по закону [о наказаниях] за поднятие мятежа, а если [кто-либо] из таковых в другом государстве заявит: "Я пришел, чтобы подчиниться!", то приговор ему выносится по закону [о наказаниях] за попытку к бегству» [там же. С. 149]. И мятежники, и беглые попадали под закон о наказаниях за три самых тяжких преступления из числа так называемых десяти зол (группа наиболее серьезных антигосударственных преступлений и преступлений против господствующей морали), и если, как сказано выше, членам семьи виновных по общесемейной ответственности (кит. *юань цзо*) не угрожала смертная казнь, то они обращались в рабство.

Меры наказания за непочтение к правящему дому были общими для Дальнего Востока. В 1097 г. посол сунского Китая в Ляо и его заместитель были оштрафованы на 20 цзинь (примерно 12 кг) меди каждый за «недостойные» вопросы и ответы при объявлении о смерти вдовствующей императрицы [Franke, 1981. P. 10].

Посольства из других государств, прибывшие в Си Ся, встречали и провожали должностные лица — на границе пограничные армейские командующие и специально прибывшие из столицы для приема посольства чиновники, «те, кто отвечает за подготовку встреч и проходов посольств».

Хотя, как уже говорилось выше, специального органа управления, схожего с современными министерствами иностранных дел, в администрации, видимо, всех государств Восточной Азии не было, всюду существовали управления, ответственные именно за прием, встречи и проводы иноземных посольств. В сунском Китае эту функцию выполняло управление Госиньсо (Бюро государственных полномочных мандатов), если речь шла о послах из Ляо, а за прием посольств из Си Ся и Кореи отвечало уже другое, менее значимое управление [ibid. P. 3]. В Си Ся также различались приемы послов из Сун и Ляо (позже Цзинь), из Турфана, Средней Азии и Восточного Ирана.

В назначенный день генералы, офицеры и чиновники, встречавшие иноземное посольство, должны были явиться на место сбора. Неявка или опоздание были наказуемы. «В том случае, когда при прибытии или отбытии посольства другого государства для встречи или проводов выезжают пограничные армейские командующие, высылаются люди и специально назначаются должностные лица, которые отвечают за подготовку [встречи или проводов] посольства, если не явится главный [из назначенных лиц], ему — 6 месяцев каторжных работ. Если люди, [обязанные встречать или провожать посольство], будут отправлены, то тем, кто ушел, и тем, кто задержался, — 3 месяца каторжных работ» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 155].

По сведениям Г. Франке, если посол или кто-либо из членов посольства умирал в чужой стране, их хоронили за счет принимающей стороны [Franke, 1981. P. 10].

Как правило, посольства везли с собой для продаж товары. Функции внешних сношений (иностранных дел) и внешней торговли не были разделены, если не считать приграничной торговли на специальных пограничных рынках. Посольство могло везти с собой как казенные, «государевы», по тангутской терминологии, товары, так и товары, являвшиеся собственностью членов посольства или сопровождавших посольство лиц. Члены посольства, находясь за рубежом, не имели право, «забросив службу, заниматься торговлей» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 152]. Однако закон не запрещал торговать вообще, а запрещал увлекаться торговлей в ущерб основным служебным обязанностям. Продавать государевы товары следовало отдельно от своих [там же. Кн. 4. С. 161–162]. Государевы товары тщательно упаковывались в тюки и опечатывались. Если печать почему-либо оказывалась разрушенной, то о порче следовало доложить, а товары снова опечатать. Разумеется, имелись и самые тщательные описи казенных товаров [там же. С. 163]. Выручка от продажи, будь то в деньгах или товарах, поскольку бытовала широко и меновая торговля, тщательно учитывалась. Недопустимо было продавать товар по более высокой цене, чем было предусмотрено, а разницу класть в карман [там же. С. 163–164]. Все махинации с казенными товарами наказывались, как кража [там же. С. 162–163].

Что касается китайских законов, то, судя по сунскому своду законов «Цинюань тяо фа шилэй» («Тематический свод законов девиза царствования Цин-

Рис. 20. Казнь преступника

юань, 1195–1200 гг.»), членам южносунских посольств в Цзинь вообще запрещалось торговать приватно. Нарушение закона наказывалось двумя годами каторжных работ. Следить за соблюдением закона был обязан посол или его заместитель [Franke, 1981. P. 8].

Всегда существовал список запрещенных к продаже товаров. Члены посольств, направляемых из Си Ся к чжурчжэням или уйгурам, не имели права продавать в пределах территории принимающей стороны зерно, рис, муку [Новые законы. 56. Инв. № 826. Гл. VII. С. 26]. Членам посольств, направлявшихся в Монголию, к татарам, запрещалось изготовлять для продажи посуду и всякую утварь. Нарушение законов влекло за собой наказание тремя годами каторжных работ [там же. С. 26–27]. В списке запрещенных товаров были и «стратегические товары» — «высочайше запрещено продавать в другие государств людей, коней, доспехи для воинов и коней, коров, верблюдов и другое имущество» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 2. С. 225–227]. Незаконная продажа вышеназванных товаров обычно каралась смертью. Продажа человека приравнивалась к умышленному убийству. Естественно, что в числе запрещенных к продаже товаров было и оружие. Под оружием понимались «лук и стрелы, копья, мечи, ножи, алебарды, пики, седла для коней, колчаны, разного рода золотые, серебряные и железные рукоятки, орудия для вспарывания и разламывания доспехов» [там же. С. 226]. Продажа оружия наказывалась, как ограбление. Любые валютные операции карались смертной казнью (рис. 20) [там же. С. 230].

Если посольство, прибывшее в тангутское государство, привезло с собой товары для продажи, оно прежде всего было обязано уплатить за их ввоз по-

шлину, размеры которой в тангутском кодексе не оговорены. Казна имела право первой руки на покупку привезенного товара, и лишь в случае отказа казны приобрести его он мог быть продан местным купцам. «Когда прибудут послы другого государства и разместятся на каком-либо подворье, то при отсутствии там государевых [купцов и должностных лиц, взимающих] торговую [пошлину], кому-либо торговать за спиной [властей] не разрешается. Если закон будет нарушен и торговая пошлина не будет уплачена, то [виновные] получают то же наказание, что и любой человек за уклонение от уплаты торговой пошлины, а донесший [о том] должен получить положенную по закону награду за донос. Если торговая пошлина была уплачена в соответствии с законом, то [виновным] за совершение незаконной торговой сделки — 2 года каторжных работ» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 148–149].

Судя по сведениям, сохранившимся в китайских источниках, в XI в. торговая пошлина составляла одну десятую общей стоимости товара. Так, с уйгуров тангуты «из десяти частей взимали одну и обязательно брали у них самые лучшие товары» [Хун Хао, 1923. С. 6].

В Си Ся наряду с запретом на вывоз товаров существовал перечень товаров, ввоз которых был запрещен или ограничен: это вино, чай, соль. «Если кто-либо купит вино у чужеземца и лично воспользуется [им], то получает наказание, [следующее по тяжести за наказанием] за изготовление вина частным образом. [Купленное] вино должно быть изъято в качестве штрафа и попадает в казну государя» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 4. С. 158]. «Если высочайше запрещенная торговая сделка была заключена с послами или купцами, прибывшими из другого государства, и если в числе тех, с кем [была заключена эта сделка], будут послы или купцы из государств Даши [Иран и Средняя Азия] и Сичжоу [Турфан, Восточный Туркестан], а высочайше запрещенная сделка уже совершена и проданный товар уже переправлен в чужеземные пределы, то приговор [виновным] выносится по закону о наказаниях за совершение высочайше запрещенных торговых сделок на территории другого государства... Что же касается послов и купцов из государств Даши и Сичжоу, то, поскольку они являются гостями, [они] наказываются наложением на них штрафа, размеры которого не установлены, а та сумма, которую [они] дали за товар, должна быть возвращена [им]. Если прибудут послы или купцы из других государств и если проданный товар уже передан [им], то [виновным] выносится тот же приговор, что и за продажу [высочайше запрещенных к продаже товаров] на территории другого государства. Если покупающая и продающая стороны лишь договорились о цене, а товар еще не передан [покупателю], то [виновные] получают наказание на одну степень меньшее, чем в том случае, когда попытка [совершить торговую сделку] еще не была предпринята» [там же. Кн. 2. С. 226–227]. О каких-либо штрафах, налагаемых на послов и членов посольств из «других государств», например Южной Сун или Цзинь, кодекс не упоминает.

Все эти ограничения на торговлю, касающиеся как тангутских послов, отправляемых за рубеж, так и иноземных послов, прибывших в Си Ся, были достаточно общими для стран Восточной Азии той эпохи. Сунское правительство, оберегая свою монополию, запрещало тангутам продавать в Китае соль [ССЦ. 1924. Цз. 5. С. 1а–1б; Цз. 12. С. 12б–13а] и покупать там оружие [там же.

Цз. 5. С. 3б]. Кидани охраняли свой рынок от ввоза тангутского скота и продуктов скотоводства [там же. С. 15б], запрещали населению Ляо скупать у тангутов железо [ЛШ. Цз. 115. С 440], не разрешали продавать в Си Ся медь и бронзу [там же. С. 421]. Чжурчжэни не разрешали своим подданным торговать с тангутами железом [ССЦ. Цз. 24. С. 12а]. В 1190 г. чжурчжэньские власти запретили тангутским послам вести какую-либо торговлю на территории Цзинь, а в 1191 г. император Цзинь издал указ, согласно которому члены тангутских посольств, прибыв на подворье, могли торговать там дозволенными к продаже в Цзинь товарами не более трех дней [там же. Цз. 25. С. 22а]. Сами же чжурчжэни постоянно стремились торговать на территории Си Ся. По сведениям династийной истории «Цзинь ши», в 1216 г. чжурчжэньские послы и члены их посольств торговали с тангутами, «заботясь о выгодах и забывая об интересах дела» [там же. Цз. 27. С. 10а].

Сохранились некоторые любопытные эпизоды из практики обмена посольствами между Сун и Си Ся в XI в. В 1042 г. в Кайфэн, столицу Сун, прибыло тангутское посольство для переговоров о мире между Сун и Си Ся и для согласования титулатуры в переписке между двумя государствами. Император Си Ся Юань-хао предлагал сунской стороне титуловать его «уцзу», что по-тангутски в китайской транскрипции значило «император». Это вызвало возмущение при сунском дворе: в первую очередь сунских сановников взволновало не то, что титул Юань-хао соответствовал императорскому, а то, что титул в тангутском произношении звучал как китайские слова «у цзу» — «наш дед». Известный государственный деятель и писатель Оуян Сю с гневом говорил: «“у” значит “я”, “мой”, “цзу” значит “дед”. Неужели какой-то иноземный мятежник является нашим дедом? Не знаю, кто осмелится открыть рот, чтобы сказать такое?» [Ло Фу-чан, 1937. Цз. 6. С. 3б]. Другой придворный сановник поддерживал его: «Юань-хао в обращении к нашему императору... будет именовать себя “у-цзу” — “нашим дедом”. Двор в жалованных ему грамотах и письмах также будет называть его “у-цзу”. Как все это согласовать между собой?» [Ли Дао, 1881. Цз. 142. С. 13б–14а]. Остроту проблемы усугубляла принятая субординация правителей. Сунский двор решил, пусть зовется хаганом, шаньюем (китайцы отлично сознавали соответствие этих титулов императорскому), но только не «хуанди» и не «уцзу».

В 1062 г. в Си Ся прибыл китайский посол Чжан Цзун-дао с подарками ко дню рождения тангутского императора. Си Ся переживало внутренние трудности, император Лян-цзо (приблизительно 1048–1066 гг.) был заинтересован в урегулировании пограничных конфликтов с Сун. Поэтому китайский посол, видимо, получил инструкции держаться высокомерно. Как только Чжан Цзун-дао и его посольство пересекли границу Ся, возникли осложнения в ритуале приема. Встретивший посольство тангутский чиновник непременно хотел ехать впереди сунского посла, что вызвало протест Чжан Цзун-дао. Во время обеда Чжан Цзун-дао непременно хотел сидеть на почетном месте, слева от представителя тангутских властей. В ответ на это тангутский чиновник заявил: «С левой стороны находится государь. Такому порядку следуют постоянно. Как посол сына Неба может сомневаться в этом?» Сунский посол возразил: «[Твой] государь и Цзун-дао находятся в равном положении, так как оба служат сыну

Неба. Если прибудет даже сам государь Си Ся, он должен быть гостем. Твой государь вассал! Как он может быть хозяином? Должно следовать древним порядкам, а в соответствии с ним Цзун-дао надлежит занимать верхнее место!» Это было прямым оскорблением тангутского императора, и встречающий посольство тангутский чиновник прямо указал Цзун-дао на то, что если тот и далее будет рассуждать подобным образом, то ему не сносить головы: «Разве у вас несколько голов, что вы осмеливаетесь поступать так?» Однако хорошо осведомленный о сложившейся ситуации и уверенный в своей безнаказанности сунский посол на это ответил: «У Цзун-дао одна голова. Однако государство Си Ся не осмелится на такое!» Решив замять неприятный разговор, тангутский чиновник пытался перенести вину на переводчика: «Ошибся переводчик. Я сказал, что сам не имею двух голов». Чжан Цзун-дао ответил: «Переводчик ошибся? Почему бы тогда не отрубить переводчику голову раньше, чем Цзун-дао?» Желая заверить строптивого сунского посла в дружбе, представитель тангутских властей заметил: «Любовь двух наших государств подобна любви рыбы и воды». На это, безусловно, находчивый сунский посол ответил: «Однако Небесный двор — это вода, а государство Си Ся — это рыба. Вода может обойтись без рыбы, а рыба без воды — нет!» [там же. Цз. 196. С. 23б–24б]. За свою находчивость Чжан Цзун-дао попал на страницы исторической хроники.

Другой пример. В 1063 г. на похороны сунского императора Жэнь-цзуна в Кайфэн прибыло тангутское посольство. Тангутские послы стремились быть принятыми в зале Хуанцзыдянь, куда их обычно не допускали. Получив отказ и на этот раз, тангутский император Лян-цзо немедленно объявил о своем отказе носить в дополнение к своей природной фамилии Нгвеми (Вэймин) фамилию и сунских императоров Чжао. Это было равнозначно отказу от дружественных отношений. Сыма Гуан, который стоял не только за соблюдение декретируемых принципов внешней политики, но и за реалистический подход к внешнеполитическим проблемам, за сохранение мирных отношений с Си Ся, осудил нецелесообразные, с его точки зрения, действия придворных церемониймейстеров: «Известно, что послы, присланные государством Си Ся, прежде не могли появляться в дверях [зала Хуанцзыдянь]. Они настойчиво требовали допустить их, но двор не разрешил и вынудил их возвратиться на подворье. Я спрашиваю: зачем жалеть несколько шагов территории двора? А взоры послов, устремленные снизу вверх, были бы радостнее» [там же. С. 2а–2б].

Известно, что во взаимоотношениях с внешним миром императорский Китай, как и другие державы древности — Рим, Византия, выдвигал на первый план идею «государство центр — варварская периферия» (кит. *хуа-и*). В теории эта модель отрицала равенство государств. В практике дипломатических отношений многое зависело от соотношения военных сил на данный момент, и, как правильно подметил Г. Франке, часто «не делалось никакого различия в зависимости от того, имело ли другое государство статус данника при более или менее гипотетическом сюзеренитете Сун, как, например, над Аннамом, Си Ся, или это была полностью независимая империя, признаваемая таковой Сун, как, например, Ляо и Цзинь» [Franke, 1981. P. 16]. Напомним, что и киданьская империя Ляо признавалась младшей, действительное исключение составляла Цзинь в период своего наивысшего военного могущества. Для китайской стороны было

характерным любой ценой сохранять отношения типа «хуа-и», оказывать «сопротивление навязываемым противной стороной формам, отношение к ним, как к позорным» [Мартынов, 1981. Ч. II. С. 10]. С этой целью китайцы развивали доктрину «Поднебесная — одна семья» и вовлекали соседних государей в отношения мнимого родства, разных степеней близости. Отношения «старшинства» и «принадлежности к младшему» находили выражение в ритуалах приема послов. Следование тому или иному ритуалу, однако, не означало реального, фактического подчинения одного государства другому. Ритуал выражал признанную на данный момент «значимость» государств на международной арене, исходя из подлинной величины и силы, культурного влияния, — явление, знакомое и в современной дипломатической практике, выражающееся также в уровне приема послов. Модель «хуа-и» действовала лишь в пределах Сун, хотя могла воспроизводиться и во взаимных отношениях других государств Восточной Азии. За пределами Сун, как мы видим из тангутского первоисточника, другая сторона сама устанавливала правила приема послов, обязательные и для послов Сун. Каким бы ни было дипломатическое искусство сунского посла вроде Чжан Цзун-дао, он на практике не мог поставить императора Си Ся в положение чиновника, служащего сыну Неба так же, как он сам. И ритуальная субординация, устанавливаемая сунским двором при приемах послов из соседних государств, означала не что иное, как субъективную оценку на данный момент сунским двором их значимости в рамках отстаиваемой им доктрины «хуа-и», а отнюдь не отсутствие фактической независимости и суверенитета этих государств, имевших своих императоров, сынов Неба, свою суверенную территорию, свою армию, свои границы, свою администрацию и свое право. Правитель тангутов знал о модели «хуа-и» и иногда не без выгоды для себя пользовался ею, стремясь получить за свою ритуальную уступчивость побольше с Китая. Он понимал, что в Китае его считают «и» — «варваром-чужеземцем», но, ощущая свою силу, он дома титуловался императором, сыном Неба независимо от того, титуловали ли его китайцы ваном (князем), чжу (государем), хаганом или шаньюем. А уж если «и» — «варвары» брали очевидный верх, как это произошло в середине XII в., когда чжурчжэни разгромили Китай, то иноплеменник «и» мог и перевернуть модель, сочтя себя за «хуа», «метрополию и старшего», а китайского императора трактовать как младшего и зависимого. Когда же иноплеменники, как, например, монголы в XIII в. или маньчжуры в XVII в., завоевывали Китай и их правители утверждались на китайском престоле, они усваивали китайскую доктрину и начинали осуществлять ту же политику «центр — периферия», как и подлинные китайские императоры.

В течение всей трехтысячелетней истории Китая, по крайней мере истории писанной, китайский центр медленно, но верно поглощал свою периферию, добиваясь того, что иноплеменники превращались в китайцев. Для иноземца вполне понятным было желание остановить этот процесс. Временное могущество тех же чжурчжэней, киданей, тангутов порождало ощущение того, что это удалось. Интересные примеры тому мы находим в некоторых пассажах из тангутской поэзии. Так, в тангутском сочинении «Большая ода» (1185) тангутский поэт не только ставит свой народ вровень с китайским, но даже как бы предрекает своему народу и государству более долгую жизнь, чем народу и государству китайскому:

С момента появления людей годы прошли, счет им немалый.
Тангуты и китайцы удачу поделили, и солнцу это очевидно.
С удачей тангутов, тангутов рожденьем провиденье промедлило,
Рука творца их породила, как древо, взрастила,
Но раньше родившийся раньше состарится, раньше в прах обратится,
Выросший позже, позже расцветший, останется молодым и сильным.
Обряды тангутов широко распространились по земле,
Их учение неоценимо,
Тангуты в середине расцвета, это [они] — центр Неба.

[*Большая ода. Тангутские оды*]

И ирония судьбы заключалась в том, что поэт еще и не подозревал, что уже родился Темучжин, будущий Чингисхан, и в пламени монгольского нашествия «рано родившийся» выстоит, а молодой погибнет, погибнет безвозвратно. Для нашей темы важно не столько роковое несовпадение слов поэта и судьбы народа, сколько то, как подлинные источники с китайской периферии, не подвергшиеся китайской обработке, дают нам представление о пусть и гипертрофированном самоосознании себя соседями-иноземцами Китая. Чужеземцы знали свое место в мире, и это не могло не влиять на практику реализации доктрины «хуа-и» и, значит, на характер международных отношений. И именно тангутские источники XII в. дают нам возможность хоть как-то узнать подлинную позицию другой, некитайской стороны.

ВЗЯТКА В ТАНГУТСКОМ ПРАВЕ (XII–XIII вв.)

В принципе, взятка родилась до появления государства как подношение людям и сверхъестественным силам, божествам с целью ожидать от них каких-либо действий или бездействия. С возникновением государства взятка стала одним из основных зол, разлагающих властные структуры. Знаменитый древнекитайский реформатор Шан Ян писал, что государство страдает от двух вшей — от стяжательства и пренебрежения должностными лицами своими обязанностями [Книга правителя, 1968. С. 157]. И то и другое поощрялось взятками.

«Взяточничество заключается в умышленном обусловливании своего служебного положения (действий или бездействий) получением для себя или других предшествующей ему или следующей за ним противозаконной имущественной выгоды» [Познышев, 1923. С. 184]. Взятка полагается уголовным преступлением, относящимся к числу должностных преступлений. В тангутском праве взятка рассматривалась как «истинное зло», как «причинение вреда народу и основам государства» [Новые законы. Гл. 11. С. 2].

Китайское право, основополагающее для дальневосточных правовых систем, право, которому следовало и право тангутское, разработало к XII в. н. э. следующие нормы, связанные с квалификацией преступных действий в виде взятки и наказаний за них:

1. Взятка приравнивалась к хищению имущества.

2. Виновными и подлежащими наказанию считались обе стороны — взяткополучатель и взяткодатель.

3. Взяткодателем считалось лицо, «имевшее какое-либо дело и добивавшееся его осуществления с помощью своего имущества».

4. Взяткой полагалось приобретение взяткополучателем имущества как до, так и после завершения дела.

5. Мера наказания определялась суммой взятки, количеством «незаконно приобретенного имущества».

6. Закон выделял два вида действий взяткополучателя — «с нарушением закона» (*куан фа*) и «без нарушения закона» (*бу куан фа*). По общему правилу наказание за взятку без нарушения закона предполагалось на две степени меньшим, чем за взятку с нарушением закона. За взятку с нарушением закона приме-

нялось наказание смертной казнью как посредством обезглавливания, так и посредством удавления (по старому китайскому праву удавление было более легким видом наказания, чем обезглавливание). За взятку без нарушения закона высшей мерой наказания была ссылка с дополнительными каторжными работами.

7. Китайское право предусматривало групповую дачу взятки по одному делу. В этом случае при наказании выделялись главарь и пособники. Главарем полагался тот, кому принадлежала мысль (идея) дать взятку, или тот, кто собирал с группы взяткодателей имущество (деньги) для дачи взятки.

8. Если взяткополучатель добровольно, до его разоблачения являлся с повинной и возвращал взятое, то и взяткополучателю, и взяткодателю наказание смягчалось на одну степень. Например, вместо удавления наказывали ссылкой с дополнительными каторжными работами.

9. Если должностное лицо взяло взятку из нужды, не имея достаточного содержания для себя и своей семьи, то допускалось принятие во внимание данного обстоятельства и смягчение меры наказания на одну степень, например наказание палками вместо каторжных работ [Гу, 1936. С. 6а–6б].

Тангутское право также полагало взятку хищением имущества, свидетельством чему является то, что в начале XIII в. взятку приравняли к краже. За донос о взятке с нарушением закона была установлена такая же награда, что и за тайную кражу. По тангутскому праву взяткополучатель всегда считался главарем, а взяткодатель — пособником.

«Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)» следующим образом пояснял воспринятое и тангутским правом различие между взяткой с нарушением закона и взяткой без нарушения закона: «Если должностное лицо за ведение какого-либо дела возьмет с другого человека взятку и если решение по делу уже принято и допущено нарушение закона или хотя решение по делу еще не принято, но в бумагах, составленных по делу для принятия по нему решения, тяжелое превращено в легкое или легкое изображено как тяжелое и сам факт преднамеренного нарушения закона обнаружен, а также в тех случаях, когда взяткодатель скажет: "Я, хлопоча по делу, нарушил закон" — и сказанное им подтвердится или взяткополучатель заявит: "Я нарушил закон" — и его словам и факту получения взятки найдутся доказательства, то таковые действия должны считаться взяткой с нарушением закона. Если в ходе следствия ведущий дело скажет: "Ты бы меня угостил!" — и принял такую взятку, но нарушения закона независимо от того, вынесено решение по делу или нет, не обнаружено, то это следует считать взяткой без нарушения закона» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 1. С. 173–176; Кн. 2. Гл. 1–7. Ст. 48–53].

Таким образом, тангутские юристы взяткой с нарушением закона полагали:

а) получение взятки и как следствие этого нарушение закона при вынесении решения;

б) получение взятки и отражение нарушения закона в документе, приготовленном для последующего принятия решения;

в) под нарушением закона понималось сознательное искажение сути дела и неверный подбор меры наказания — подмена определения состава преступления, когда тяжелое трактовалось как легкое, а легкое — как тяжелое;

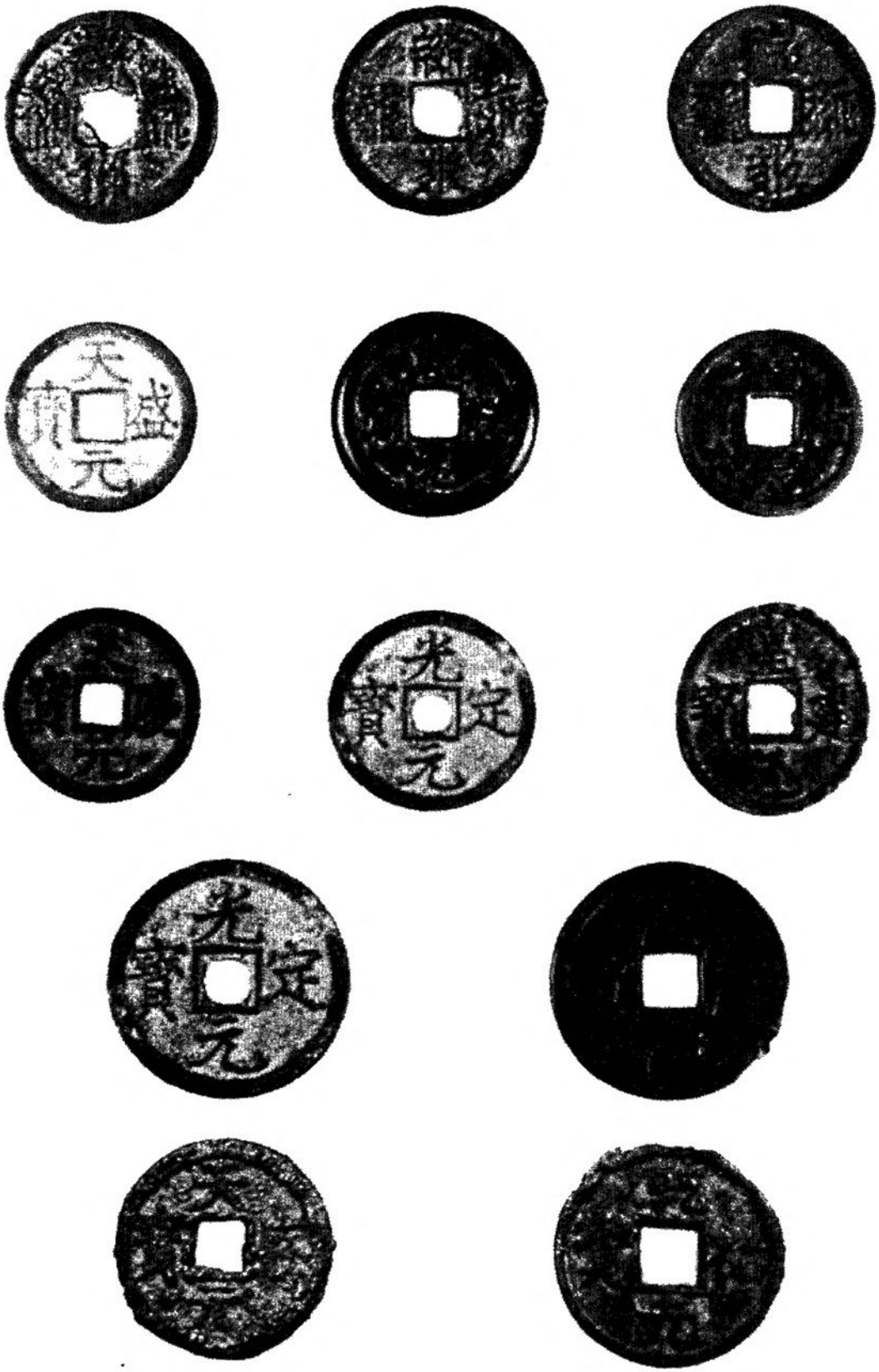

Рис. 21. Монеты государства Ся

г) личное признание в даче и получении взятки взяткодателя и взяткополучателя и имевшее место нарушение закона.

Взяткой без нарушения закона считалось вымогательство угощения в ходе следствия по делу, не сопровождавшееся последующим нарушением закона.

Как всегда при наказаниях за взятки, и по тангутскому праву мера наказания за взятку была прямо увязана с суммой взятки. Минимальной суммой для квалификации состава преступления при взятке с нарушением закона была определена сумма от ста монет (рис. 21) до одной связки монет (тысяча монет), минимальное наказание назначалось 13 ударами палкой. Максимальной суммой при взятке с нарушением закона была признана сумма в 40 связок (40 тыс. монет) и выше, наказанием служила смертная казнь путем удавления. Наказание за взятку путем обезглавливания в тангутском праве не применялось (см. цветную вклейку «Монеты государства Ся»).

Соответственно за взятки без нарушения закона при взятке на сумму от ста монет до одной связки монет давали 8 ударов палкой, а за взятку на сумму в 80 связок (80 тыс. монет) — 12 лет каторжных работ.

При групповой даче взятки и получении взятки группой должностных лиц при определении мер наказания выделяли главаря и пособников.

Тангутское право предусматривало многократное получение взяток.

При этом различались случаи:

а) получение нескольких взяток от одного человека;

б) получение взяток от разных лиц по одному делу;

в) получение нескольких взяток от одного лица, но по разным делам.

При наказании за несколько взяток от одного лица и по одному делу стоимость взяток суммировалась. Если же взятки были получены с разных лиц, но по одному делу или с одного лица, но по разным делам, то при расчете суммы взятки для определения меры наказания считали две связки монет за одну и плюсовали сумму самой большой взятки.

При многократном получении взяток — со многих лиц и по разным делам — мера наказания определялась общей суммой полученных взяток, к которой добавляли сумму самой крупной взятки.

Что касается взяток в форме угощения, то при наказании лиц, сочтенных взяткополучателями, стоимость угощения делилась поровну между всеми, кто угощался.

Тангутское право предусматривало ответственность лица, являвшегося посредником при передаче взятки. Посредник получал наказание, на одну степень меньшее, чем пособник, т. е. наказывался на одну степень ниже, чем взяткодатель.

Взяткодатель мог добровольно раскаяться в содеянном, что влекло за собой уменьшение меры наказания и возвращение ему вещи, отданной им в качестве взятки. Во всех прочих случаях данное в качестве взятки, если оно было налицо, конфисковывалось и отходило в казну.

К взятке тангутское право приравнивало получение чего-либо в долг с последующим отказом кредитора от взыскания долга, лихоимство должностных лиц-гонцов с пайцзами (верительными бирками) разных достоинств, если они присваивали в пути скот и имущество местного населения в нарушение закона

сверх положенного для обеспечения успешного выполнения данного им поручения. Взяткополучателем полагали и того, кто поймал вора, а затем за получение от вора имущества или денег отпускал его. Последнее обстоятельство квалифицировало в качестве взяткополучателя не только должностное лицо, но вообще любого подданного, уклонившегося в корыстных целях от выполнения предписанного ему законом долга.

Взяточничество, по-видимому, действительно ощутимо подрывало основы государства, если после 1212 г. законом было предписано, чтобы правители округов подыскали тайных соглядатаев из числа отставных чиновников и способных молодых людей для выявления случаев дачи и получения взяток. Несомненно, такая практика открывала дорогу для оговоров, но законодатель решил, что выявление подлинного взяточника более важно, чем те случаи, когда может пострадать невиновный.

Таким образом, мы видим, что и китайское, и дочернее по отношению к нему тангутское право детально разработали нормы права, квалифицирующие преступное деяние как взяточничество и меры наказания за дачу и получение взятки. Взяткополучателем в принципе могло быть только должностное лицо, от которого ожидали каких-то действий или бездействия. Старое китайское право не предусматривало определенных законом критериев, которые позволили бы отличить взятку от подарка должностному лицу. При традиционной коррумпированности аппарата управления традиционное китайское право было строго к должностным лицам, запрещая им служить по месту рождения, совершать многие действия в сфере своей административной деятельности (например, жениться на дочери подчиненного), предписывая менять место службы раз в три года, и т. п.

Взятка — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата при самых разных формах социального устройства общества. Отнесение взяток к уголовным правонарушениям предполагает борьбу с ними методами устрашения, которые еще никогда и нигде не смогли устранить уголовную преступность, хотя и абсолютно необходимы. Столь же безуспешны и попытки полагаться исключительно на честность и верность долгу чиновника. Честные люди все-таки всегда в большинстве, но в любом стаде есть немало «паршивых овец». Китайское право и тангутское как часть его уделяли много внимания кадровой политике — ответственности за подбор кадров, рекомендациям, введению системы государственных экзаменов для занятия должностей и т. д. Традиционно во всех звеньях китайской администрации сверху донизу имелись управления кадров.

Оптимальным в борьбе со взяточничеством является, очевидно, сочетание уголовного наказания (устрашения) с тщательным подбором кадров (опора на честность должностного лица) и выплатой должностному лицу такого жалованья, которое не ставило бы его в трудное материальное положение и не побуждало изыскивать дополнительные средства к существованию незаконным путем.

СВОД ВОЕННЫХ ЗАКОНОВ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА «ЯШМОВОЕ ЗЕРЦАЛО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕТ ЦАРСТВОВАНИЯ ЧЖЭНЬ-ГУАНЬ (1101–1113 гг.)»[1]

В Тангутском фонде ЛО ИВ АН во фрагментах сохранился важный источник для изучения армии тангутского государства Великое Ся (982–1227), один из самых ранних известных нам законодательных памятников тангутов «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань» (1)[2]. Памятник был издан, судя по заглавию, в годы правления Чжэнь-гуань (1101–1113) тангутского государя Цянь-шуня ксилографическим способом. Во фрагментах, зарегистрированных под инв. № 2616, 2617, 2618, 3481, 4183, 4184, 7766, 7931, до наших дней сохранились отрывки трех изданий памятника большого и малого форматов. Все книги были сброшюрованы «бабочкой» в сунском варианте этого способа брошюровки. Издание большого формата было двух типов. Первый представлен фрагментом под № 2617; размер листа 30×18,5 см, размер текста 19,5×15,5 см, 9 строк по 13 знаков в строке, в начале каждой статьи кодекса по 14 знаков в строке. Пагинация тангутская, л. 4б–9а, 10 страниц. Бумага белая, тонкая, прочная. Глава вторая памятника имеет хорошую сохранность. Второй тип издания большого формата представлен фрагментом под № 3481; размер листа 29×17 см; размер текста 20,5×15,5 см, 9 строк по 14 знаков в строке, в начале каждой статьи кодекса по 16 знаков в строке. Пагинация тангутская, л. 1–3б, 5а–10б, 12а–17б, 30 страниц. Бумага белая, тонкая. Глава третья памятника. Края книги оборваны, сохранность фрагмента плохая.

Издание малого формата представлено фрагментами под инв. № 2616, 2618, 4183, 4184, 7766, 7931; размер листа 24,5×18 см, размер текста 21,2×15 см, 9 строк по 14 знаков, в начале каждой статьи кодекса по 15 знаков. Пагинация тангутская. Инв. № 2616, л. 1а–6а, 11 страниц. Оглавление главы второй и две

[1] В других работах Е. И. Кычанова этот источник называется по-другому (см. с. 198, 235, 242–258).

[2] Здесь и далее в скобках арабскими цифрами обозначены номера текстов в тангутском оригинале, соответствующих слов и выражений, помещенных в приложении к данной статье.

страницы текста. Инв. № 2618, л. 7б–11б, 9 страниц, глава вторая. Инв. № 4183, л. 7, 2 страницы, глава вторая. Инв. № 4184, л. 12а, 1 страница, глава вторая. Инв. № 7766, л. 2б–8б, 13 страниц, глава четвертая. Инв. № 7931, л. 1а–2а, 3 страницы. Оглавление и начало главы четвертой. В двух названных последними фрагментах главы четвертой начало каждой статьи кодекса выделено не одним, а двумя знаками, и поэтому в начале каждой статьи по 16 знаков в строке. Бумага серая, тонкая, прочная. Сохранность удовлетворительная.

Тангутские военные законы времен царствования Чжэнь-гуань были изданы в начале XII в., когда после длительного ослабления Ся и господства в стране императриц-регентш из семьи Лян и их братьев к власти в лице Цянь-шуня снова прочно возвратились представители правящего дома Вэймин. Издание законов, очевидно, было одним из мероприятий по укреплению государства, которые проводил в те годы Цянь-шунь. Само объявление девиза правления Чжэнь-гуань имело на Дальнем Востоке определенную историю, поскольку это был девиз правления танского императора Тай-цзуна (627–649), годы правления которого позднее стали рассматриваться конфуцианской традицией как время спокойствия и порядка. Неслучаен выбор и наименования кодекса военных законов — «Яшмовое зерцало». С глубокой древности «яшмовое зерцало» в Китае было символом «пути чистоты и света», т. е. пути порядка, пути управления, основанного на законе и справедливости.

К началу XII в. тангутская армия продолжала оставаться одной из сильнейших армий Дальнего Востока и Центральной Азии. Она доказала свою боеспособность в многочисленных войнах с сунским Китаем, киданями, уйгурами, восточнотибетскими племенами. По данным китайских источников, численность тангутской армии достигала 500 тыс. человек [СШ. С. 3797]. Из китайских источников было известно, что основной организационной единицей в армии Ся был отряд в 300 человек. Десять таких отрядов образовывали более крупное воинское соединение, состоящее из трех тыс. человек [ССЦ. Гл. 6. С. 12б].

Эти сведения в значительной степени подтверждаются и тангутским первоисточником. В сохранившихся фрагментах текста «Яшмового зерцала управления» повсюду речь идет о командирах от сотника до командира трех тыс. человек, причем последний рассматривается как командир основного, достаточно крупного организационного соединения тангутской армии. Отряд в 300 человек[3], о котором сообщают китайские источники, в «Яшмовом зерцале управления» не упоминается. Но из текста военных законов совершенно очевидно, что в основе деления отряда в 3000 человек на более мелкие подразделения лежал принцип разбивки на сотни, так как в законах постоянно дается перечень командиров от сотника до трехтысячника, причем определенным, зримым рубежом было звание полуторатысячника, ибо награды и наказания часто определялись особо для командиров от сотника до полуторатысячника и от полуторатысячника до трехтысячника.

Из текста военных законов совершенно ясно видно, что командный состав тангутской армии делился на старших и младших командиров. К числу старших командиров относились:

[3] В «Истории династии Сун» [СШ. Гл. 485. С. 3786] сообщается, что отряд конницы в 3000 всадников делился на 10 подразделений.

1) командующие (2), среди которых различались «полный командующий» (3) и его помощник (4);

2) командиры марша (5), среди которых различались «полные командиры марша» и их помощники;

3) командиры строя, или «командиры пешего и конного строя» (6), среди которых также различались полные командиры и их помощники.

Основное звено младших командиров, очевидно, составляли так называемые «направляющие», или «вожаки» (7), среди которых в законах упоминаются «полные», «большие» (8), «малые» (9) и обозначенные эпитетом — (10), в котором первый знак соответствует по смыслу русским «ссужать», «давать в долг», а второй — «настоящий», «подлинный», «полный» [командир]. Возможно, это было звание, означающее «исполняющий обязанности полного направляющего», «временно командующий».

Кроме того, из числа младших командиров свод законов упоминает «замыкающего» (11), командира охраны (12), квартирмейстера (13), адъютанта (постельничего (?), 14) и самых младших командиров — «унтер-офицеров» (15). Четверо из названных выше младших командиров: командир охраны, «направляющий», «замыкающий» и адъютант, а также лицо, буквально поименованное «лесной человек» (16), составляли охрану трех старших командиров: командующего, командира марша и командира пешего и конного строя.

Отметим, что в уже известном нам, тоже, правда, во фрагментах, тангутском «Табеле о рангах» упоминается только звание командующего [Кычанов, 1965б. С. 194, 217].

По образцу Цензората в гражданской администрации Ся в тангутской армии, очевидно, существовала военная инспекция. В тексте законов встречаются «военные инспектора» (17) и «чиновники [военного] управления» (18), также, судя по контексту, осуществлявшие службу контроля.

Из китайских источников известно, что при тангутской армии могли находиться и служить в ней лица, не входящие в состав «регулярной» армии. Упоминание о них встречается и в «Яшмовом зерцале управления». Это так называемые лица, «не состоящие в армии» (19), «частные лица» (20), которым за ратные подвиги тоже предусматривались строго определенные награды, и, возможно, «командиры вспомогательных отрядов» (21) — первый знак имеет значение «те, кто помогает армии».

Таким образом, «Яшмовое зерцало управления» сообщает нам много важных сведений о командном составе армии Ся и позволяет выделить ряд тангутских обозначений воинских званий этой армии, что чрезвычайно важно для чтения других тангутских текстов. К сожалению, не сохранилась глава первая законов, где, судя по оглавлению, имелось описание субординации — «О порядке сидения в управлении командиров и инспекторов» (инв. № 7931) — и давалось описание прав и обязанностей командиров. Судя по этому оглавлению, все старшие командиры в качестве символа своей власти имели пайцзы (22). Образцы этих пайцз сохранились до наших дней. Их можно было видеть в экспозиции Пекинского исторического музея[4].

[4] Описание тангутских пайцз с расшифровкой их легенд сделано нами в специальной статье «Тангутские пайцзы» (с. 186–189 данного издания).

По-видимому, вышеперечисленные наименования командного состава тангутской армии были не обозначением должностей, а воинскими званиями. Поименованные старшие командиры могли командовать числом людей ниже полутора тысяч и выше полутора тысяч, до трех тысяч человек [Яшмовое зерцало управления. Гл. 4. № 7766. Л. 2б–3б]. Все они или многие из них занимали в армии и в управлении армией определенную должность (23). Кроме того, в тангутской армии существовал дробный, исчисляемый, возможно, несколькими десятками единиц табель рангов (24); повышение или понижение в ранге служило важной формой поощрения или наказания, так как, вероятно, было связано как-то с размером получаемых материальных благ. Все командиры входили в состав служилого сословия (25). Между младшими и старшими командирами имелось существенное различие, это подтверждается прежде всего тем, что, судя по материалам сохранившихся фрагментов законов, старшие командиры не подвергались телесным наказаниям.

В основе тангутского военного законодательства лежала идея дифференцированных поощрений и наказаний за достаточно детально разработанные категории заслуг и провинностей.

По сохранившимся фрагментам «Яшмового зерцала управления» (тексты и оглавления) законом предусматривались награды в следующих случаях:

1) когда командир лично убивал врага;

2) участвовал в общем наступлении, в результате которого армия противника была разгромлена;

3) отличился в бою в условиях, когда противник был осведомлен о готовящемся нападении;

4) когда командир лично убил врага, но вверенные ему войска потерпели поражение;

5) когда были захвачены военнопленные, скот и имущество противника;

6) когда победа была одержана именно той частью, во главе которой стоит этот командир. Вместе с тем законом предусматривались такие ситуации, когда: а) помощник заменял командира; б) было налицо перепоручение командования; в) командир и его помощник, каждый в отдельности, не завися друг от друга, командовали войсками в бою.

Награды предусматривались также:

7) за пролом бреши в стене осажденного города;

8) за хорошее знание местности;

9) за задержание вражеского шпиона;

10) за пленение командира китайских войск местной обороны — *туаньляня* (26), за захват китайского чиновника высокого ранга — *цзуньгуаня* (27), за поимку китайского чиновника из свиты знатного лица — *цунгуаня* (28);

11) за доставку «знатного китайца» (29) человеком, «не состоящим на службе в армии»;

12) за поимку китайцев «низких званий» (30);

13) за привод «знатных киданей» (31) и знатных людей «других противников» (32);

14) за прикрытие тыла разбитой и отступающей армии.

Из трофеев в первую очередь всегда учитывались следующие «семь видов» боевых трофеев: люди, лошади, доспехи, знамена, барабаны, гонги (33). Законом предусматривалась прямая количественная зависимость между численностью трофеев и размером наград.

К числу самых употребительных наград относились: повышение в ранге, награждение серебряной или золотой чашей, комплектом одежды, поясом с различными украшениями, чаем и шелком. Для старших командиров и командиров крупных войсковых частей помимо перечисленного предусматривалось награждение особым украшением на пояс (34), седлом, отделанным серебром, конской сбруей с серебряной... (35). В числе наград упоминается еще нечто, обозначенное словом (36), значение которого нам непонятно.

Размеры наград были твердо установлены в зависимости, во-первых, от звания, а во-вторых, от занимаемой должности.

По этому поводу известны следующие указания:

а) «Награды командующим.

Полному командующему:

Если сразится с противником и своею собственной рукой убьет одного человека и больше, то по существующим правилам получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями (37) на 5 лан серебра, чаю и шелку по сто [единиц]» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 2. № 2616. Л. 5б].

«Помощникам командующего:

Если убьет одного человека и больше, то по существующим правилам получит повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 20 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 лан серебра, чаю и шелку по пятьдесят [единиц]» [там же. № 4183. Л. 7а; № 2618. Л. 7б].

б) В зависимости от занимаемой должности:

«Если проверкой точно установлено, что в результате нападения на территорию противника там разрушены дома, армия противника отступила и среди возвратившихся участников сражения есть те, кто разбил вражескую армию и вернул наш скот и людей, попавших в руки врага, или если армия противника вторглась на нашу территорию и там, где находились командиры, [первоначально] в руки противника попали скот, люди, доспехи, кони, знамена, барабаны, гонги и [потом это все] возвращено обратно, а армия противника разбита, то при определении наград и наказаний [имеющие должность] ниже сотника за выдающиеся заслуги наград не получают. От сотника и выше до [командира] полутысячи получают повышение на один ранг, чашу [стоимостью] в 30 лан серебра, комплект одежды, пояс с семью украшениями на 5 лан серебра, чаю и шелку по 50 [единиц]; от полутысячника до тысячника — повышение на два ранга, чашу [стоимостью] в 40 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 6 лан серебра, чаю и шелку по 100 [единиц]; от тысячника до полуторатысячника — повышение на три ранга, чашу [стоимостью] в 50 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 7 лан серебра, чаю и шелку по 150 [единиц]; от полуторатысячника до двухтысячника — повышение на четыре ранга, чашу [стоимостью] в 70 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 8 лан серебра, чаю и шелку по 220 [единиц];

от двухтысячника до двух с половиной тысячника — повышение на пять рангов, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 9 лан серебра, чаю и шелку по 300 [единиц]; от двух с половиной тысячника до трехтысячника — повышение на шесть рангов, чашу [стоимостью] в 10 лан золота, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями на 10 лан серебра, чаю и шелку по 400 [единиц]; от трехтысячника и выше — повышение на семь рангов, чашу [стоимостью] в 30 лан золота, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, комплект одежды, пояс с десятью украшениями, в том числе... (34) на 7 лан золота, седло, отделанное серебром, конскую упряжь с серебряной... (35), чаю и шелку по 800 [единиц]» [там же. № 2618. Л. 7б–9а].

При перепоручении командования сумма награды делилась на пять частей, командир получал три доли, а его помощники две [там же. Л. 11а]. Законом особо подчеркивается, что размер награды командира зависит от числа военнопленных, в том числе женщин и детей [там же].

Порядок награждения за разгром армии противника был таков, что первоначально награда определялась в зависимости от общего числа трофеев всей армии без учета личных заслуг. При этом количество трофеев, захваченных командиром от полуторатысячника и ниже, первоначально не учитывалось. Лишь за трофеи, захваченные командирами выше полуторатысячника, назначались награды: «Если помощник командующего участвовал в сражении с противником, собственными силами обратил врага в бегство и, преследуя, разгромил его, то до установления того, что именно он сам разгромил врага, вознаграждение за разгром врага [именно ему лично] не назначается, а награждение производится лишь за количество захваченных людей, коней и доспехов. Первоначально лично одержанная победа и семь видов трофеев — люди, лошади, доспехи, знамена, барабаны, захваченные [командиром] ниже полуторатысячника, при назначении наград за разгром противника не засчитываются. Если же они захвачены полуторатысячником и выше, то должны быть учтены при определении наград за разгром врага. [Эти командиры] получают повышение на семь рангов, чашу [стоимостью] в 100 лан серебра, чашу [стоимостью] в 30 лан золота, комплект одежды, пояс с семью украшениями, среди них... (34) на 7 лан золота, седло с серебряной отделкой, конскую упряжь с одной серебряной... (35), чаю и шелку по 800 [единиц] и по 60... (36)» [там же. Гл. 4. № 7766. Л. 2б–3а]. При этом для командиров младших званий, от «направляющего» и ниже, было предусмотрено повышение звания до «полного направляющего», при условии если они занимали должности полуторатысячников и выше. Награды получала и охрана старших командиров; при этом для так называемых лесных людей она была совсем мизерная — по куску шелка и лану серебра в случае службы при командующем и только по куску шелка состоящим при «командире марша» [там же. Л. 5б].

Во фрагментах главы третьей памятника сохранились сведения о наказаниях, применявшихся в тангутской армии. Командиры подлежали наказанию за отступление без приказа, за неприбытие к месту сбора на исходную линию для совместной атаки, за неоказание в бою помощи соседу, за гибель старшего командира в бою, за поражение, понесенное от контрудара противника, за невы-

полнение командиром данной лично ему боевой задачи, за потерю знамени и барабана, за преувеличение количества захваченных трофеев и числа убитых врагов или за покупку голов убитых противников и выдачу их за убитых лично им с целью получения награды.

Наказания были строго дифференцированы и зависели от воинского звания командира, которое, разумеется, в значительной степени зависело от его социального положения. Старшие командиры и их помощники — командующие, командиры марша и командиры пешего и конного строя — не подвергались телесным наказаниям и смертной казни. Судя по сохранившимся фрагментам законов, старшие командиры могли наказываться: арестом до вынесения решения вышестоящими инстанциями, понижением в ранге, лишением должности, лишением права служить в армии, штрафом, уплачиваемым лошадьми, переводом в разряд низших чиновников (38). Командиры марша и командиры пешего и конного строя могли быть разжалованы в рядовые. На командующих это наказание не распространялось.

Младшие командиры и чины охраны старших командиров карались смертной казнью, битьем палками, клеймением лица, пожизненной каторгой или каторжными работами на определенный срок.

Смертной казни подлежала охрана и младшие командиры за гибель командира: «Когда погибнут командующий или помощник командующего, то будут казнены четыре человека: командир охраны, направляющий, замыкающий и адъютант. Их сородичи должны быть переведены в пастухи и земледельцы, а "лесные люди" по закону наказываются двадцатью ударами палкой, клеймением лица и пожизненной каторгой. Их родственники не должны допускаться к службе в армии» [там же. Гл. 3. № 3481. Л. 13б–14а]. Смертной казни за гибель командира подлежали также и те, кто хотя и не служил в регулярной армии, но, сопровождая командира, во время боя струсил, бросил командира и бежал [там же. Л. 14а].

Мы видим, что тангутское военное законодательство признавало общесемейную ответственность за гибель командира. При этом за гибель командира пешего и конного строя родственники четырех казненных лиц не просто переводились в пастухи и земледельцы, а «должны быть забраны в число пастухов и земледельцев государя (39)» [там же], т. е. стать людьми, работающими на тангутского императора. Статус этих людей (становились они рабами или крепостными) неясен, но наш источник содержит в данном случае важнейшие сведения об одной из категорий зависимого населения Великого Ся, сведения, которые, к сожалению, отсутствуют в прочих источниках.

Общесемейная ответственность признавалась тангутским военным законодательством также за бегство командира с поля боя и его гибель вследствие этого: «Если командующий, командир марша, командир строя и их помощники, а также направляющие, большие и малые, не выстоят в сражении с врагом и погибнут по причине бегства с поля боя, то потерянные ими в армии ранги и должности должны быть удержаны с их сыновей и братьев. [Последним] не разрешается получать награды и армейские ранги за наследственные заслуги. Но если в армии будут служить другие члены этой семьи, твердые в исполнении воинского долга, и [именно] они нанесут поражение противнику, первыми

пробьют брешь в городской стене или разрушат стену, то они смогут получать армейские ранги» [там же. Л. 10а–10б]. Данный параграф «Яшмового зерцала управления» связан с тангутским наследственным правом, согласно которому должности в государственном аппарате Ся могли наследоваться сыновьями и внуками умерших чиновников [Кычанов, 1965б. С. 196].

Тангутским военным законодательством предусматривалось, что командир не может отступать без приказа: «Когда командующий или его помощник, отступая с поля боя, не имея на это права, отведут войска, то их следует взять под арест. [Им] должно быть запрещено отдавать приказы и осуществлять инспекцию в армии. О наказании должно быть сообщено в высшие инстанции» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 3. № 3481. Л. 3а].

Ущерб, нанесенный армии противником, обычно исчислялся в потерянных данным соединением лошадях и делился на десять частей. Взыскание на потерпевшего поражение командира накладывалось в зависимости от размера ущерба. Так, если потери составляли от трех до четырех десятых конского состава соединения, то ранг командующего понижался на пять ступеней и он отдавал в качестве штрафа семь коней; ранг помощника командующего снижался на три ступени и с него взимался штраф в количестве пяти коней [там же. Л. 6а–6б].

Как мы видим, наказания, как и награды, устанавливались в зависимости от размеров понесенного ущерба и воинского звания командира. Последнее обстоятельство было оговорено особым параграфом закона [там же. Л. 7а].

Одновременно законом допускался ряд смягчающих вину обстоятельств. К числу таковых относились трудности пути и плохая погода во время движения войск, а также упорное сопротивление противника. При потере знамени и барабана смягчить вину могло то обстоятельство, что знамя или барабан не попали в руки противника и были вновь найдены своими же солдатами. За потерю только древка или только полотнища знамени назначалось наказание, вполовину менее обычного.

Законом предусматривались строгие наказания за так называемые легковесные головы (40), т. е. за преувеличение числа лично убитых солдат противника или перекупку голов убитых врагов и выдачу их за добытые лично. В последнем случае наказывался не только тот, кто купил голову, но также и тот, кто ее продал. Человек, разоблачивший такую сделку, получал награду. Однако был установлен годичный срок разоблачения обмана, после которого претензии не принимались к рассмотрению [там же. Л. 16а].

Этим в основном исчерпывается содержание сохранившихся фрагментов «Яшмового зерцала управления лет царствования Чжэнь-гуань».

Мы уже упоминали о том, что это не только первый известный нам по содержанию свод законов Великого Ся, но и самый ранний из дошедших до наших дней памятников тангутского законодательства вообще.

Источником тангутского военного права в том виде, в каком мы с ним познакомились, является закон. Думается, что это было не первое по времени тангутское военное законодательство. Еще в 1032 г. государь Юань-хао, желая покончить с племенной разобщенностью, ввел в Ся строгие военные законы, опираясь на которые и подчинил своей власти все племена [СШ. Гл. 485.

С. 3786]. Источником законов, введенных Юань-хао, вероятно, во многом было еще обычное право тангутских племен. Но, насколько нам это известно в данный момент, именно в 1032 г. в Ся впервые были введены в действие какие-то самостоятельные тангутские законы. Законодательство Ся, по-видимому, было усовершенствовано в период 1033–1039 гг. — в те годы, когда был сформирован тангутский государственный аппарат. В пространном императорском титуле, принятом Юань-хао в 1038 г., он именовал себя «учредителем законов и обрядов» [там же]. Во всяком случае, мы можем полагать, что именно в 30-х гг. XI в. могла произойти кодификация тангутского права, имевшего своим источником обычай и закон.

Тяжелое внутреннее и внешнее положение тангутского государства во второй половине XI в. заставляет предполагать, что в это время вряд ли предпринимались серьезные попытки усовершенствовать разработанное ранее, при Юань-хао, законодательство. В 1099 г. государь Цянь-шунь смог наконец освободиться от полувековой опеки дома Лян. Он проводит ряд мероприятий, направленных на укрепление тангутского государства. В 1101 г. он создает государственную школу для подготовки чиновников, в 1112 г. издает указ о назначении на службу способных людей вопреки господствующему в Ся семейно-наследственному принципу. Издание «Яшмового зерцала управления лет царствования Чжэнь-гуань», несомненно, было одним из актов в ряде мероприятий Цянь-шуня, отдельные упоминания о которых дошли до нас в китайских источниках. Было ли это переиздание и усовершенствование старых законов, разработанных еще при Юань-хао, или издание новых, судить пока невозможно. Даже если дошедшие до нас памятники не являются первыми изданиями, сами законы действительно были составлены в годы Чжэнь-гуань (1101–1113), не позднее 1124 г., года гибели Ляо, так как в качестве потенциальных врагов в них названы прежде всего китайцы и кидани, пришедшие же на смену им после 1124 г. чжурчжэни в законах совсем не упоминаются.

Тангутское военное право сложилось не без некоторого влияния китайского. В современном тангутскому государству китайском военном законодательстве был ряд моментов, с которыми мы встречаемся и в тангутских военных законах. Так, по китайским военным законам размер награды тоже зависел от воинского звания [Цзэн Гун-лян и др., 1934. Гл. 14. С. 7б][6]; предусматривалась общесемейная ответственность за капитуляцию без боя или предательство [там же. С. 12б]. Если погибал командир, то казнили его окружение (*цинь бин*) [там же]; за потерю знамени и барабана или захват их противником казнили весь отряд [там же. С. 13а].

Однако тангутские законы в целом отличались от китайских. Отличались как определением состава поступков, за которые следовало наказывать или награждать, так и характером наград и наказаний. Китайские военные законы были значительно более жестокими. Смертной казнью каралось большинство проступков, в том числе такие, как громкий разговор в военном лагере [там же.

[6] 曾公亮, 武經總要, 四庫全書 [Цзэн Гун-лян и др. У цзин цзун яо. Сы ку цюань шу. Пекин, 1934. Гл. 14. С. 7б].

С. 11б], присвоение головы противника, добытой другим [там же. С. 12а], за что по тангутскому законодательству смертная казнь не предусматривалась.

Важное различие имелось и в мерах поощрения. Если такие виды наград, как повышение в ранге, награждение шелком и вещами (кит. *у*), совпадали и в том и в другом военных законодательствах, то тангутские военные законы не знали такого серьезного поощрения, как денежная награда. Это объяснялось спецификой тангутской экономики: в государстве Ся денежное хозяйство по-настоящему сложилось, по-видимому, только в середине XII в.

Одновременно следует иметь в виду и то, что некоторые положения, общие для китайского и тангутского законодательств, несомненно, объясняются не просто влиянием первого на второе, а сходством породивших их причин. Так, принцип общесемейной ответственности, сохранившийся в сунском военном законодательстве от законов Древнего Китая, имелся и у других народов и являлся отражением их обычного права. Наказание смертью за гибель командира (в далеком прошлом родового вождя) мы находим и у современников тангутов — чжурчжэней — в догосударственный период их истории [см.: Кычанов, 1966. С. 277]. В тангутском военном законодательстве одновременно наблюдаются и элементы, свойственные праву других народов Центральной Азии, например обычай уплачивать штраф лошадьми, который помимо тангутского отразился и в калмыцком праве [Рязановский, 1924. С. 119].

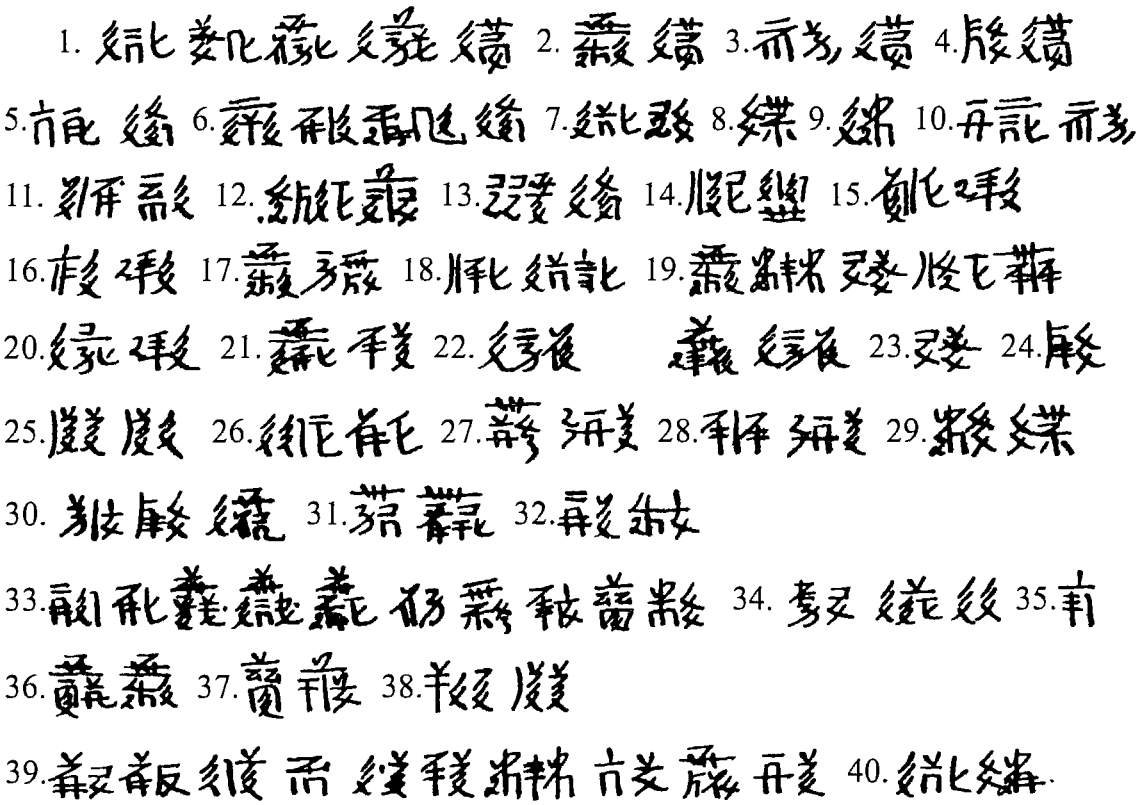
Как одну из характерных черт тангутских военных законов следует отметить их сравнительную по тем временам мягкость. Мы уже говорили о том, что тангутские военные законы были мягче китайских. В тангутском военном законодательстве нет, например, упоминаний о дифференцированной смертной казни. Следующее по степени суровости наказание — пожизненная и срочная каторга — могло быть смягчено, если наказанный совершал какие-либо поступки, достойные поощрения [Яшмовое зерцало управления. Оглавление к гл. 2. Инв. № 2616. Л. 5а].

Тангутские военные законы носят ярко выраженный классовый и сословный характер. Они не знали принципа равной награды и равной ответственности за один и тот же поступок. Мы уже упоминали о том, что старшие командиры не подлежали по закону смертной казни (видимо, для этого требовалось решение двора или другой высокой инстанции) и не подвергались телесным наказаниям, как младшие по чину. Так называемые лесные люди за все проступки наказывались битьем палкой и клеймением, а награждались лишь куском шелка, возможно, и они не были рядовыми солдатами армии Ся. О тех наказаниях, которым подвергались солдаты, мы пока ничего не знаем.

Следует отметить и вещественно-конкретный характер тангутских наград, — это чаши, одежда, чай, шелк, седла и т. п. И только украшения на пояс — серебряные и золотые — могут быть отнесены к числу наград-символов. Однако и они указаны в конкретном весовом выражении.

«Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань» — ценный памятник тангутского военного права, который существенно дополняет наши сведения о тангутской армии и тангутском государстве. Знакомство с ним должно положить начало чтению, переводу и исследованию более поздних и неизмеримо более объемистых памятников тангутского законодательства.

ТАНГУТСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВОИНСКИЕ ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

ПРАВИЛА НАГРАЖДЕНИЯ ГЕРОЕВ В АРМИИ СИ СЯ

Среди памятников тангутской письменности значительный интерес представляют образцы тангутского законодательства. Наиболее ранним из таковых является «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)»[1]. От этого свода военного права Си Ся остались до наших дней: один лист предисловия плохой сохранности; один лист оглавления-указателя к главе первой; оглавление-указатель и четыре статьи (последняя неполностью) от главы второй; оглавление-указатель и четырнадцать статей от главы третьей; полностью глава четвертая с оглавлением-указателем, состоящая из шестнадцати статей. Перевод этой главы мы и предлагаем читателю одновременно с воспроизведением текста ее оригинала факсимиле (рис. 22–38)[2].

ПЕРЕВОД ТЕКСТА[3]

Л. 1а. С. 1. Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань. Глава четвертая.

С. 2. Полный командующий армией отличился в боях.

С. 3. Заместитель командующего армией отличился в боях.

С. 4. Командир марша отличился в боях.

С. 5. Командир пешего или конного строя отличился в боях.

С. 6. Полный направляющий или исполняющий обязанности полного направляющего отличился в боях.

С. 7. [Младший] направляющий отличился в боях.

С. 8. Солдат отличился в боях.

С. 9. Частное лицо отличилось в боях.

---

[1] В ряде работ Е. И. Кычанова этот источник называется «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)». Краткую характеристику памятника см.: [Тангутские рукописи. С. 92–93].

[2] Нам уже приходилось писать об этом памятнике в общей форме, см.: [Кычанов, 1972а. С. 229–243; Kychanov, 1976. P. 29–42].

[3] [Тангут. фонд. Танг. 59. Инв. № 7766, 7931]. В переводе: Л. — его пагинация в оригинале, С. — строка данного листа. Нумерация статей сделана переводчиком, в тексте оригинала она отсутствует.

Л. 1б. С. 1. Военнослужащий отличился в боях тем, что задержал и возвратил [на поле боя] потерпевших поражение и бегущих.

С. 2. Повышение в ранге отличившихся в боях военнослужащих, которые ранее имели [ранги из разряда] «смешанные ранги» или вообще не имели рангов.

С. 3. Награды направляющему личной охраны отличившегося в боях командующего армией.

С. 4. Награды направляющему личной охраны отличившегося в боях командира марша.

С. 5. [Награды] направляющему личной охраны отличившегося в боях командира строя.

С. 6. Командир строя, направляющий солдат, не обратившись к командующему армией, [сам первым атаковал противника].

С. 7. Командир марша, не обратившись к командующему армией, сам первым атаковал противника.

С. 8. Командующий армией, не обратившись к армейскому инспектору, сам первым атаковал противника.

С. 9. Раздел: «Атаковать и победить».

Л. 2а.

Л. 2б. С. 1–4.

[Статья 1]

Если полный командующий армией сразился с противником и в сражении с противником своими силами лично атаковал врага и благодаря этому противник, устрашась его армии, бежал и был разбит, то, поскольку нет указаний о том, кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, руководствуясь какими-либо иными количественными показателями, [кроме числа трофеев], таковой должен получить награду и ранги в зависимости от захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней. Если [полный командующий армией] является героем, который первым ринулся в бой и лично атаковал врага, и в наши руки попали в качестве трофеев люди, кони, доспехи для воинов и доспехи для коней, знамена, барабаны, золото в количестве тысячи пятисот единиц и менее, то [полный командующий армией] не может считаться героем, а должен получить награду и ранг в зависимости от числа трофеев. Если же в наши руки попало трофеев свыше тысячи пятисот единиц, то [полный командующий армией] может считаться героем, разбившим врага и совершившим великий подвиг, и получает повышение на семь рангов, серебряную чашу весом 100 лан, золотую чашу весом 50 лан, комплект одежды один, пояс с десятью золотыми украшениями на десять лан один, украшенную серебром упряжь для коня и седло, отделанное серебром, один комплект, чаю и шелку по тысяче [единиц] одинаково, семьдесят военнообязанных.

Л. 2б. С. 5–9.

Л. 3а. С. 1–7.

[Статья 2]

Если заместитель командующего армией сразился с противником и [в сражении с противником] своими силами лично атаковал врага и благодаря этому

противник, устрашась его армии, бежал и был разбит, то, поскольку ранее нет указаний о том, кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, руководствуясь какими-либо иными количественными показателями, [кроме числа трофеев], таковой должен получить награду и ранги в зависимости от числа захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов, доспехов для коней. Если [заместитель командующего армией] является героем, который первым ринулся в бой и лично атаковал врага, и в наши руки попали в качестве трофеев семь видов трофеев: люди, кони, доспехи для воинов, доспехи для коней, знамена, барабаны, золото в количестве тысячи пятисот единиц и менее, то [заместитель командующего армией] не может считаться героем. Если же в наши руки попало трофеев более тысячи пятисот единиц, то [заместитель командующего армией] может считаться героем, разбившим врага и совершившим великий подвиг, и получает повышение на семь рангов, серебряную чашу весом 100 лан, [золотую] чашу весом 30 лан, комплект одежды один, пояс с восемью золотыми] украшениями на [9] лан один, украшенную серебром упряжь для коня, отделанное серебром седло один комплект, чаю и шелку одинаково по восемьсот [единиц], шестьдесят военнообязанных.

Л. 3а. С. 8–9.
Л. 3б.
[Статья 3]

Если командир марша сразился с противником и в сражении с противником своими силами лично атаковал врага и благодаря этому противник, устрашась его воинского соединения, бежал и был разбит, то, поскольку ранее нет указаний, кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, руководствуясь какими-либо иными качественными критериями, [кроме числа трофеев], то таковой должен получить награду и ранги в зависимости от числа захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов, доспехов для [их] коней. Если [командир марша] сражался на глазах командующего армией или они оба, и тот и другой, шли [в сражение] и [командир марша] является героем, который первым ринулся бой и лично атаковал врага, и в наши руки попали тысяча пятьсот и менее [единиц] семи видов трофеев: люди, кони, доспехи для воинов, доспехи для коней, знамена, барабаны, золото, то [командир марша] не может считаться героем. Если же в наши руки попало трофеев более тысячи пятисот единиц, то [командир марша] должен считаться героем и получает повышение на восемь рангов, серебряную чашу весом восемьдесят лан, большой халат из парчи один, украшенный серебром пояс с украшениями на семь лан один, чаю и шелку одинаково по пятьсот [единиц], военнообязанных пятьдесят.

Л. 4а.
Л. 4б. С. 1–2.
[Статья 4]

Если командир пешего и конного строя сразился с противником и в сражении с противником своими силами лично атаковал врага и благодаря этому противник устрашился его подразделения, бежал и был разбит, то, поскольку ранее нет

указаний, кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, руководствуясь какими-либо [иными] количественными показателями, [кроме числа трофеев], то таковой может получить награду и ранги в зависимости от числа захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней. Если [командир пешего или конного строя] сражался на глазах у командующего армией, или оба, и тот и другой [вместе] шли в сражение и [командир пешего или конного строя] является героем, который первым [ринулся в бой и лично атаковал врага] и в наши руки попали тысяча пятьсот и менее единиц трофеев: людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней, знамен, барабанов, золота, то [командир пешего или конного строя] не может считаться героем. Если же в наши руки попали более тысячи пятисот единиц трофеев, то [командир пешего или конного строя] должен числиться среди героев и получает повышение на десять рангов, серебряную чашу весом семьдесят лан, большой халат из парчи один, серебряный дин один, чаю и шелку одинаково по триста [единиц], военнообязанных сорок пять.

Л. 4б. С. 3–9.
Л. 5а. С. 1–4.
[Статья 5]

Если полный направляющий или вместо полного направляющего исполняющий его обязанности эмиссар (инспектор) сразится с противником и в сражении с вражеской армией лично своими силами атакует врага и благодаря этому [противник] устрашится его подразделения, бежит и будет разбит, то, поскольку ранее [нет указаний] кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, [руководствуясь какими-либо иными] количественными критериями, кроме числа трофеев, то таковой может получить награду и ранги в зависимости [от числа] захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов, доспехов для коней. Если [полный направляющий или лицо, исполнявшее его обязанности,] сражались на глазах у командующего армией либо оба, и тот и другой, шли в сражение и [полный направляющий или лицо, исполнявшее его обязанности,] является героем, который первым ринулся в бой и лично атаковал врага, и в наши руки попали тысяча пятьсот и менее единиц трофеев: людей, коней, доспехов для воинов, доспехов для коней, знамен, барабанов, золота, то [полный направляющий или лицо, исполнявшее его обязанности,] не может считаться героем. Если же в наши руки попало более тысячи пятисот единиц трофеев, то таковой должен считаться героем и получает повышение на двенадцать рангов, серебряную чашу весом семьдесят лан, большой парчовый халат один, чаю и шелку одинаково по триста единиц, военнообязанных сорок.

Л. 5а. С. 5–9.
Л. 5б. С. 1–8.
[Статья 6]

Если младший направляющий, замыкающий, провиантмейстер, лесной (шеренговый, командир ряда, шеренги), означенные в официальных документах как [младшие направляющие] и замыкающие, [а также] левые и правые квартирмейстеры [ответственные за размещение] сразятся с противником и в сра-

жении с вражеской армией лично своими силами атакуют врага и благодаря этому противник, устрашенный их отрядом (армией), бежит и будет разбит, то, поскольку ранее нет указаний, кого считать героем, который отличился в сражении, сам лично атаковав врага, и нельзя вычислить героя, руководствуясь какими-либо [иными] количественными показателями, [кроме] числа [трофеев], то таковой может получить награду и ранги в зависимости от числа захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней. Если младший направляющий и [приравненные к нему лица] сражались на глазах командующего армией и оба, тот и другой, шли в сражение и [младший направляющий и приравненные к нему лица] являются героями, которые первыми ринулись в бой и лично атаковали врага, и в наши руки попали тысяча пятьсот и менее единиц трофеев: людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней, знамен, барабанов, золота, то [младшие направляющие и приравненные к ним лица] не могут считаться героями. Если же в наши руки попало более тысячи пятисот единиц трофеев, то таковые должны числиться среди героев и получают повышение на... рангов, серебряную чашу весом в шестьдесят лан, большой халат из парчи один, [чаю и шелку] одинаково по двести пятьдесят [единиц], военнообязанных тридцать пять. Сами они должны быть назначены на должность полного направляющего.

Л. 5б. С. 9.
Л. 6а.
[Статья 7]

Если солдат сражался с противником и в сражении с вражеской армией лично своими силами атаковал врага и благодаря этому противник, устрашенный [нашей] армией, бежал и был разбит, то [солдат еще] не может считаться среди героев, а должен получить награду и ранг в зависимости от количества захваченных в качестве трофеев людей, коней, доспехов для воинов и доспехов для коней. Если [солдат] сражался на глазах командующего армией или командира марша и является героем, первым ринувшимся в сражение и лично атаковавшим врага, а в наши руки попало тысяча пятьсот единиц трофеев и менее: людей, коней, доспехов для воинов, доспехов для коней, знамен, барабанов, золота, то [солдат не может числиться среди героев]. Если же в наши руки попало трофеев более тысячи пятисот единиц, то солдат может числиться среди героев и получает повышение на пятнадцать рангов, серебряную чашу весом в пятьдесят лан, большой халат из парчи один, чаю и шелку одинаково по двести [единиц], военнообязанных тридцать. Сам он также должен получить должность полного направляющего.

Л. 6б. С. 1–8.
[Статья 8]

Если частный человек был в числе тех, кто сражался, и в сражении лично своими силами атаковал врага и благодаря этому вражеская армия, испугавшись [нашей] армии, бежала и потерпела поражение, то [только поэтому такой человек] не может еще считаться героем. Если он сражался на глазах у командующего армией или командира марша и является героем, первым ринувшимся в бой и лично своими силами атаковавшим врага, и в наши руки попало

пятьсот единиц семи видов трофеев: доспехов для воинов, доспехов для коней, коней, людей, барабанов, золота, то [частный человек] не может числиться среди героев. Если же в наши руки попало более пятисот единиц трофеев, то [таковой] может числиться [среди героев] и, проходя по разряду частных лиц, должен получить ту же армейскую награду и тот же ранг, что и герой-солдат.

Л. 6б. С. 9.
Л. 7а. С. 1–3.
[Статья 9]

Если во время сражения с врагом наша армия потерпела поражение и побежала, а какой-либо человек, защищавший тылы (хвост) армии, ринется в сражение с армией врага и, лично сам атаковав его, задержит [бегущих] и внесет большой вклад в дело разгрома врага, то [такой человек] может получить армейские награды и ранги по закону о награждении героев.

Л. 7а. С. 4–9.
[Статья 10]

В том случае, когда вышеуказанным героям — полным командирам марша и командирам строя, заместителям командиров марша и командиров строя, направляющим, солдатам производится какое-либо повышение в ранге, то такое повышение должно быть произведено по приказу командующего армией. [Военнослужащие], действительно не имеющие даже рангов разряда «смешанные ранги», должны получить: полные командиры строя и заместители командиров марша [ранг] «помощников командира сбора», заместители командира строя [ранг] «ответственных за издание приказов», полные направляющие [ранг] «главных», младшие направляющие, провиантмейстеры, замыкающие и солдаты [ранг] «отважных».

Л. 7б.
[Статья 11]

Если полный командующий армией или заместитель командующего армией в сражении лично своими силами атакуют врага и нанесут ему сильное поражение, за что и получат награду героя, то четыре человека, обеспечивавшие охрану командующего армией: направляющий, личный телохранитель, замыкающий и квартирмейстер, также в соответствии с законом о героях получают награды за то, что в сражении они лично сами атаковали врага: личный телохранитель полного командующего армией и направляющий [охраны] награду полного направляющего... а личный телохранитель и направляющий [охраны] заместителя командующего армией... полный и заместитель... квартирмейстер одинаково получают повышение на один ранг, [серебряную чашу] весом пятнадцать лан... [чаю и шелку] одинаково по двадцать [единиц], большой халат из парчи один. «Лесные люди» должны получить по лану серебра каждый.

Л. 8а (?). С. 1–7.
[Статья 12]

Личный телохранитель, направляющий [охраны], замыкающий, квартирмейстер командира марша, которые в сражении лично атаковали врага и нанесли

ему большое поражение, за что получили награду героя, получают награду за обеспечение охраны [командира марша] во время атаки. Личный телохранитель [командира марша] и направляющий [его охраны] получают повышение на три ранга... серебряную чашу весом... лан, халат из «смешанной парчи» один, чаю и шелку... Три человека: замыкающий, квартирмейстер и... по серебряной чаше весом семь лан каждый, халаты (?) каждый по одному (?), чаю и шелку одинаково по десять [единиц], а «лесной человек» должен получить три куска шелку...

Л. 8а (?). С. 8–9.
Л. 8б (?). С. 1–5.
[Статья 13]

Если полный командир строя или заместитель командира строя в сражении лично атаковали врага и нанесли противнику большое поражение, за что и получили награды героя, то их личные телохранители, направляющие [охраны], замыкающие и квартирмейстеры за то, что они обеспечили надежную охрану [командира], должны получить награды: направляющий повышение на один ранг, серебряную чашу весом в семь лан, халат из смешанной парчи один, чаю и шелку одинаково по десять [единиц]. Замыкающий и квартирмейстер получают каждый по серебряной чаше весом в пять лан, по халату из «смешанной парчи», чаю и шелку — из семи [единиц] по три куска шелку и [по четыре упаковки чаю]. «Лесные люди» получают шелку по...

Л. 8б (?). С. 6–8.
[Статья 14]

Если командир строя, направляющий, солдат, любой другой человек желают проявить героизм, они должны бросаться в сражение... только обратившись за разрешением к командующему армией или командиру марша. Если же таковые не спросят разрешения, то любому из них самому [без приказа] кидаться в атаку, покидать строй или нарушать его запрещается.

Л. 8б (?). С. 9.
Л. 9а (?). С. 1.
[Статья 15]

Хотя командир марша и заявит [о своем стремлении] отличиться в бою, он должен обратиться к командующему армией и [только по его приказу] вступать в сражение... Не получив приказа [от командующего армией] любому из них [командиров марша] вступать в сражение запрещается.

Л. 9а (?). С. 2.
[Статья 16]

Хотя командующий армией и может отличиться в бою, он прежде должен обратиться к армейскому инспектору и уже только после этого может начинать сражение.

Л. 9а (?). С. 3. Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань, глава четвертая
[конец].

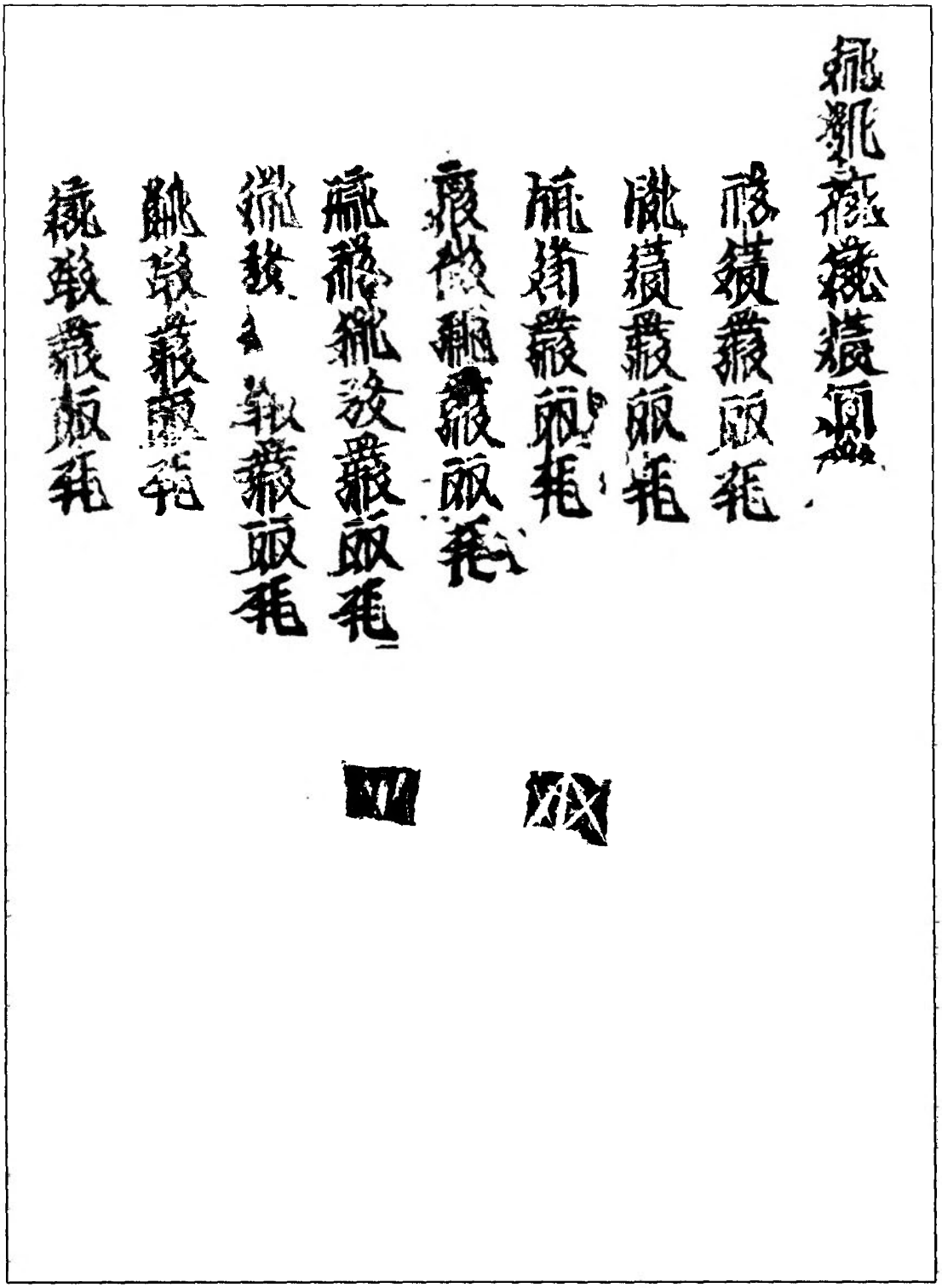

Рис. 22. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 1а)

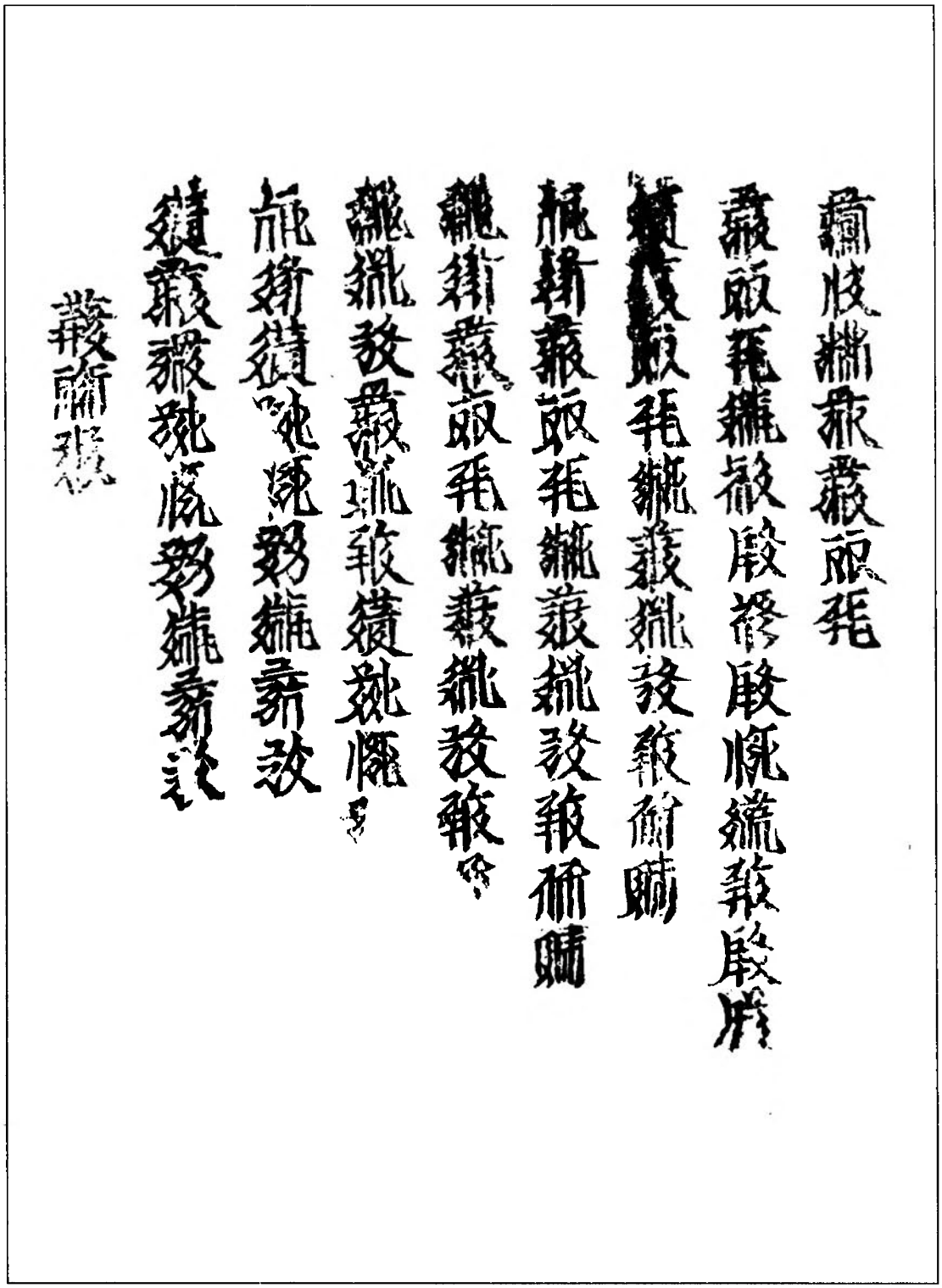

Рис. 23. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 1б)

Рис. 24. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 2а)

Рис. 25. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 2б)

Рис. 26. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 3а)

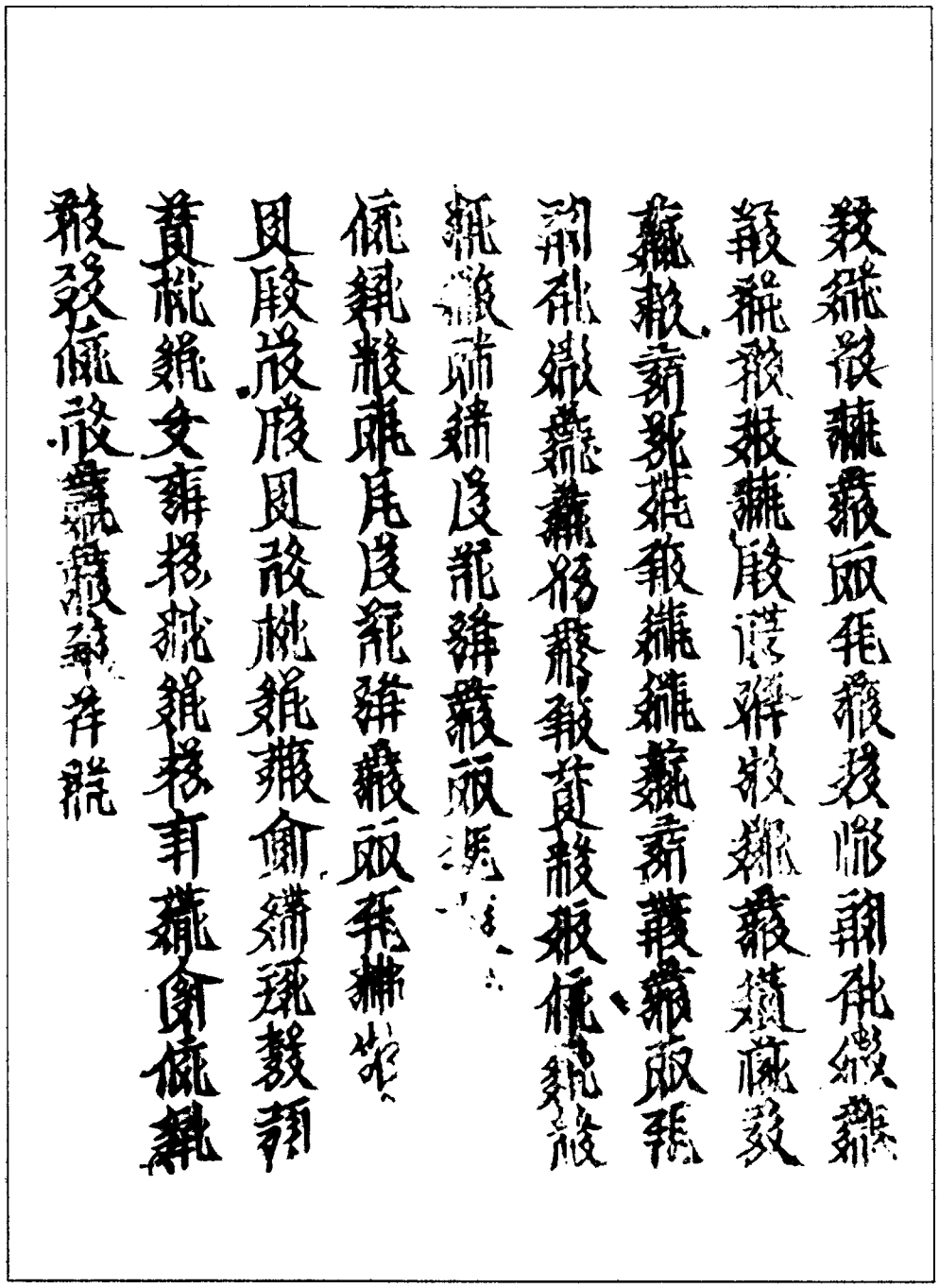

Рис. 27. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 3б)

Рис. 28. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 4а)

Рис. 29. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 4б)

Рис. 30. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 5а)

Рис. 31. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 5б)

Рис. 32. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 6а)

Рис. 33. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 6б)

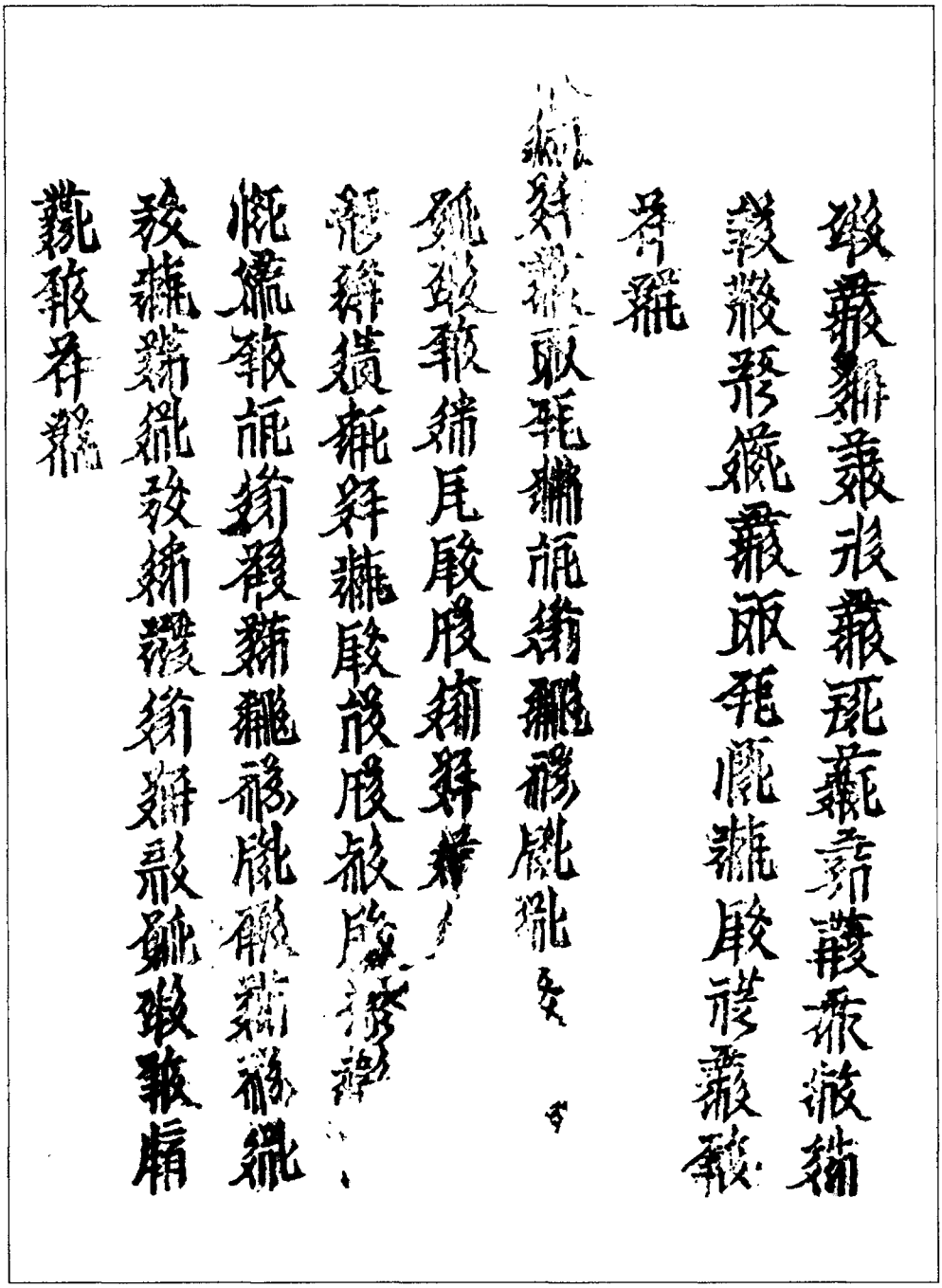

Рис. 34. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 7а)

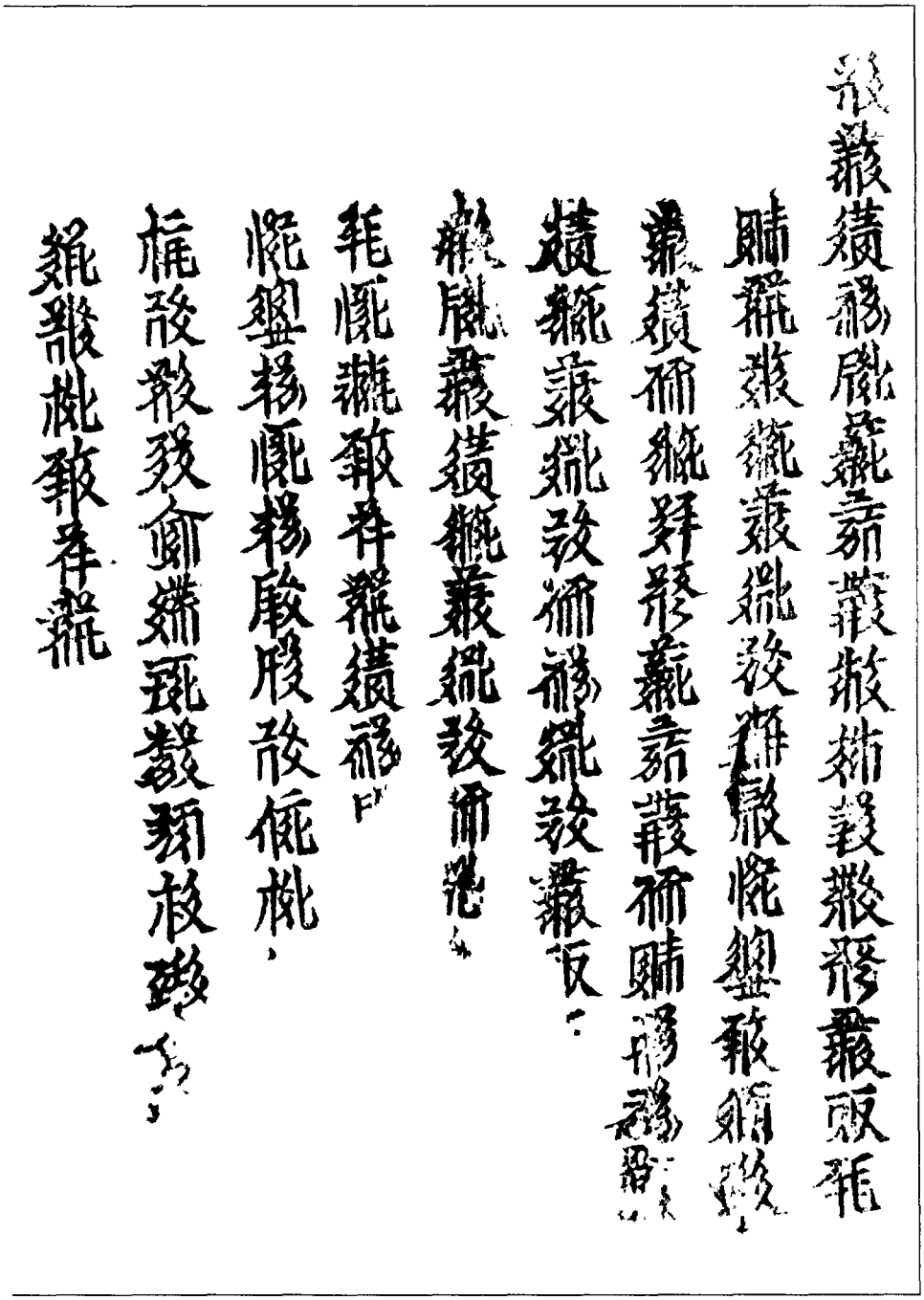

Рис. 35. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 7б)

Рис. 36. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 8а)

Рис. 37. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 8б)

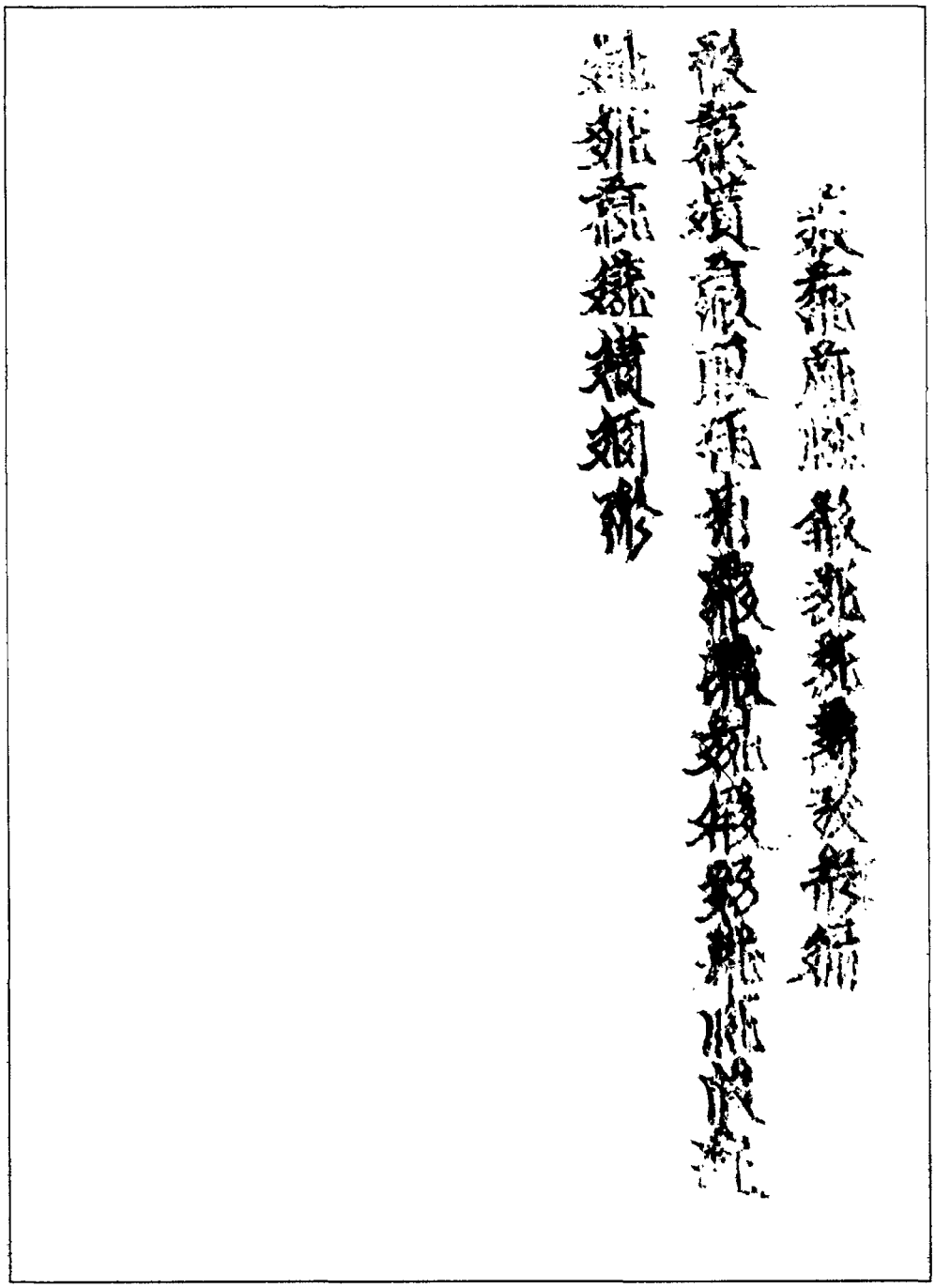

Рис. 38. Факсимиле оригинала памятника тангутской письменности «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)» (л. 9а)

Таким образом, четвертая глава «Яшмового зеркала командования войсками» — это глава о героях, военнослужащих, особо отличившихся в боях. Понятие «герой» выражено идиомой 𘝦𗥃𗤶𗍫 с буквальным значением «тот, кто отрезал губы [врагу]». Текст главы, как и весь сохранившийся текст памятника, позволяет реконструировать субординацию чинов в тангутской армии.

Вооруженные силы Си Ся делились на армии, воинские соединения, которыми командовали генералы, «командующие армиями» 𗼇𗾔. Это могли быть «полные командующие армиями», полные генералы, «действительные, истинные» генералы 𗹦𗾔 и их заместители, буквально «помощники» 𗥤𗾔. Очевидно, к числу старших командиров относились также «командиры марша» 𗹐𗾔, следовавшие по субординации чинов непосредственно за командующими армиями и их заместителями. Командиры марша также были в звании полного, действительного командира марша и его заместителя (помощника).

Средний командный состав был представлен «командирами пешего и конного строя» 𗼇𗏁𗥤𗾔. Командиры пешего и конного строя были полными и в ранге заместителей.

Младшие командиры, «направляющие» 𗥃𗦳 подразделялись на «полных» 𗹦, «старших» 𗦳 и «младших» 𗴿. Неясно, были ли чины «полный направляющий» и «старший направляющий» одним и тем же чином или они отличались друг от друга. Кроме того, в памятнике неоднократно упоминаются лица «временно исполняющие обязанности» 𗥃 направляющих. «Направляющий» — это универсальная должность в администрации Си Ся как гражданской, так и военной. Направляющие помимо командования низовыми подразделениями в армии были главами низовых административных единиц Си Ся («гвонов» 𗥃), «волостей», различных казенных хозяйств (скотоводческих, ремесленных и т. п.). Неслучайно по наблюдениям проф. Ли Фаньвэня, до наших дней больше всего сохранилось печатей направляющих [Ли Фаньвэнь, 1983. С. 100–113]. Направляющие командовали рядовыми воинами, солдатами 𗥃𗏵.

Где-то на уровне, промежуточном между направляющими и солдатами, находились упоминаемые неоднократно: унтер-офицер из арьергарда «замыкающий» 𗥃𗼻, провиантмейстер (интендант) 𗥃𗾔, «лесной человек» (командир ряда, шеренги) 𗥃𗏵 и квартирмейстеры 𗥃𗥤, подразделявшиеся на «левых» 𗥃 и «правых» 𗥃 квартирмейстеров. По субординации они, судя по тексту шестой статьи публикуемого отрывка из «Яшмового зеркала командования войсками», были равны младшим направляющим. При командующем армией, командире марша и командире пешего и конного строя (как полных, так и в ранге заместителей) была личная охрана и обслуга, состоявшая из четырех человек, при старших командирах — возможно, из четырех унтер-офицеров с подчиненными им солдатами. Этими унтер-офицерами были личный охранник командира 𗥃𗹦, направляющий, замыкающий и квартирмейстер. Судя по нашему тексту, эти люди (и их подчиненные?) сопровождали своего командира в походе и шли с ним в сражение, в атаку.

В памятнике упоминаются «частные люди» 𗹦𗏵. В принципе этот термин мог означать: а) человека, принадлежащего другому человеку, лично несвободного человека, принадлежавшего частному лицу, в отличие от лично несво-

бодных людей, принадлежащих казне (императору); б) человека «частного», постороннего по отношению к людям, состоящим на штатной службе в регулярной армии. В публикуемом отрывке, как нам кажется, термин «частный человек» употреблен в своем втором значении.

«Яшмовое зеркало командования войсками» — свод норм права, определявших размеры наград за одержанные победы и меры наказания за поражения и материальные потери, за нарушения воинского долга и воинской дисциплины, за подлоги, допускаемые при подаче сведений о трофеях и убитых врагах с целью получения наград. Награды, даже за проявленный героизм, определялись числом трофеев, прежде всего так называемых семи видов трофеев, в число которых входили люди (пленных обращали в рабство: рабов-мужчин именовали *пхинга* 蒲盎, рабынь-*нини* 逐鄉), лошади, доспехи для воинов, доспехи для коней, знамена, барабаны и золото. Просто героического поступка для того, чтобы считаться героем, было недостаточно. Геройский поступок, подвиг тогда считался подвигом, когда он приносил победу или успех и непременно добычу, трофеи. Награды были конкретными, материальными, символических наград (орденов, медалей или иных наградных знаков) не было. Наградой служило и продвижение по службе. Награда заключалась в повышении в ранге или в должности (солдат получал должность направляющего) и в пожаловании ценных вещей: серебряных или золотых чаш различного веса, комплектов одежды, халатов, пояса с украшениями из серебра, серебра с позолотой, золота определенного суммарного веса, седла с украшениями из серебра, конской сбруи с украшениями из серебра, серебряных слитков, «динов» 釘錠, если китайское слово в тангутской передаче имеет именно этот смысл, наконец, в пожаловании шелку в кусках (отрезах) и чаю в каких-то единицах (упаковках). Судя по оглавлению (указателю содержания каждой статьи) к главе второй памятника, командующие армиями, командиры марша и командиры строя могли получать в качестве награды захваченных у врага женщин и детей. В определенных ситуациях (неясно каких, так как полный текст статьи не сохранился) в счет наград могли быть употреблены трофейные знамена, барабаны и золото. Статья вторая главы второй предусматривала, что «если в сражении с врагом захвачены доспехи для воинов и доспехи для коней, лошади, знамена, барабаны, золото, живые люди — здоровые мужчины, дети и женщины, то таковые могут включаться в общую сумму наград за заслуги получаемых командующими армиями, командирами марша и командирами строя». В качестве наград лицам, не состоявшим на службе в регулярной армии, могло быть зачисление их на службу в регулярную армию. Служащие вспомогательных войск, отличившиеся в боях, получали награды в тех же размерах, что и солдаты регулярной армии. Судя по упоминавшемуся уже нами тексту статьи второй главы второй «Яшмового зеркала командования войсками», в число наград не могли входить захваченные у врага скот, ценности, утварь, жилища (юрты?).

Награждение производилось по итогам сражения. Сопоставлялись понесенные потери и взятые трофеи. В случае превышения числа трофеев над потерями выдавались награды. Превышение числа трофеев над потерями, за которым следовало получение награды, было неодинаковым для командиров разных степеней. Для командующего армией оно должно было составить от ста до

пятисот единиц, чтобы он мог получить минимальную награду — повышение на один ранг, серебряную чашу весом 30 лан, комплект одежды один, пояс с серебряным украшением на пять лан один и чаю и шелку по сто единиц. Для командира марша такое превышение должно было составлять пятьдесят единиц и более. Других сведений нет.

Чем отличались награды за героизм от обычных наград в случае одержанной победы и превышения захваченных у врага трофеев над собственными потерями? Героизм был самоотверженным поступком, проявлением храбрости, результатом которых была победа и получение трофеев более тысячи пятисот единиц. Количественно награда за героизм равнялась в целом максимальной награде за одержанную победу и приобретение трофеев без проявления личного геройства, когда превышение трофеев над потерями (в условных единицах) составляло три тысячи единиц и более. Прийти к такому выводу нам позволяют единственные сохранившиеся полностью сведения о награждениях командующим армиями. Награды трех видов: за убитого лично врага, за победу и превышение числа трофеев над понесенными потерями, за героизм — генералу, командующему армией — были следующими.

За личное убийство врага: повышение на один ранг, серебряная чаша весом 30 лан, комплект одежды один, пояс с семью серебряными украшениями на пять лан, чаю и шелку по сто единиц. В случае превышения трофеев над потерями на тысячу пятьсот единиц командующий армией получал повышение на три ранга, серебряную чашу весом семьдесят лан, комплект одежды один, пояс с десятью серебряными украшениями на семь лан, чаю и шелку по двести двадцать единиц. Максимальная награда давалась за превышение трофеев над потерями на три тысячи единиц и более. Если мы сопоставим эту награду с наградой за проявленный героизм, то обнаружим, что суммы наград почти совпадают:

I. Максимальная сумма награды за превышение трофеев над потерями

а) повышение на 7 рангов;
б) серебряная чаша весом 100 лан;
в) золотая чаша весом 50 лан;
г) комплект одежды один;
д) пояс с 10 золотыми украшениями на 10 лан;
е) конская упряжь, украшенная серебром;
ж) седло, украшенное серебром;
з) чаю и шелку по 1000 единиц.

II. Награда за проявление героизма

а) повышение на 7 рангов;
б) серебряная чаша весом 100 лан;
в) золотая чаша весом 50 лан;
г) комплект одежды один;
д) пояс с 10 золотыми украшениями на 10 лан;
е) конская упряжь, украшенная серебром;
ж) седло, украшенное серебром;
з) чаю и шелку по 1000 единиц;
и) военнообязанных 70.

Как мы видим, по восьми пунктам максимальная награда за успешное сражение (трофеи на 3000 единиц и более превысили потери) и награда за проявленный героизм совпадают у командующих армиями. Можно предполагать,

что точно так же было и с командирами всех уровней, хотя конкретных данных о максимальных размерах их награды за успешно проведенное сражение мы не имеем. Награда за героизм отличалась одним пунктом — пожалованием герою военнообязанных (от 70 человек командующему армией до 30 солдату). Младшие направляющие, лица, приравненные по своему положению к младшим направляющим, и солдаты за проявленный героизм получали также должность полного направляющего.

Слово, переведенное нами как «военнообязанный» 軍, китайская транскрипция 宅,, реконструкция проф. Нисида Тацуо tšhew (М. В. Софронова — tšhêw) означает или военнообязанного, лицо, подлежащее призыву на военную службу, или кандидата на должность. Институт кандидатства на должность существовал в администрации Си Ся. Нам думается, что слово 軍 передает известное из китайских источников при описании набора в армию Си Ся слово 抄 *чао* в значении «хватать», «брать», «конфисковать», «копировать», «дублировать».

Что делали герои с пожалованными им военнообязанными, нам непонятно. Можно полагать, что это была какая-то своеобразная форма клиентелы, но что конкретно крылось за ней, остается пока загадкой. Другие доступные нам источники, содержащие сведения о социальной истории Си Ся, ответа на этот вопрос не дают.

«Яшмовое зеркало командования войсками», как мы видим, интересный памятник, приоткрывающий в известной мере завесу над проблемами тангутской социальной истории.

Тангутоведение, изучение Си Ся, получило достаточно мощный стимул в начале 60-х гг. И роль проф. Нисида Тацуо, шестидесятилетний юбилей которого мы отмечаем[4], в этом весьма существенна. Можно очень приблизительно выделить следующие этапы изучения Си Ся как самостоятельной отрасли востоковедения — тангутоведения. Это интерес к истории Си Ся у китайских историков периода Цин (У Гуан-чэн, Чжан Цзянь, даже Дай Си-чжан, хотя его труд был опубликован в 1924 г.). Второй этап — обнаружение и идентификация с прошлым Си Ся первых тангутских текстов европейскими учеными (Г. Девериа, Э. Шаванн, М. Морис). Третий — открытие П. К. Козловым в 1908–1909 гг. мертвого города Хара-Хото, обнаружение собрания рукописных и печатных книг Си Ся на тангутском и китайском языках. С первоначальным изучением этой коллекции связаны имена А. И. Иванова, В. Л. Котвича, Ло Фу-чана и Ло Фу-чэна. С середины 20-х гг. изучение памятников письменности Си Ся начали ученые условно следующего поколения: Исихама Дзюнтаро, Н. А. Невский, Ван Цзин-жу. Исихама Дзюнтаро и Ван Цзин-жу, в свою очередь, передали эстафету следующему поколению. Проф. Нисида Тацуо, наш юбиляр, был непосредственным учеником проф. Исихама Дзюнтаро. Он чуть позже появления в свет посмертного труда Н. А. Невского «Тангутская филология» опубликовал фундаментальный труд «Изучение языка Си Ся», ставший настольной книгой каждого тангутоведа. Этот и другие труды проф. Нисида Тацуо определили во многом успехи современного тангутоведения, существо

[4] Статья впервые опубликована в 1988 г.

которых сжато можно определить так — наука получила возможность чтения не отдельных отрывков из тангутских текстов, а тангутские тексты целиком, в том числе и не являющиеся переводами с китайского или тибетского языков. Конечно, с тангутским языком и тангутским письмом есть еще немало вопросов и нерешенных проблем, отнюдь не все мы понимаем в тангутских текстах и, вероятно, понимаем не все абсолютно верно. Но, как известно, дорогу осилит идущий, и в том, чтобы осилить этот нелегкий путь, мы надеемся, будет большой подмогой общему делу и талант, и трудолюбие проф. Нисида Тацуо, которого все мы, так или иначе связанные с изучением языка, культуры и истории Си Ся, горячо поздравляем с юбилеем и которому сердечно желаем доброго здоровья и новых свершений в науке, общем деле всех народов Земли.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ЯСТРЕБЫ» – КОНИ И КОННИЦА В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (982–1227 гг.)

Тибетско-тангутский юго-западный угол Центральной Азии всегда славился хорошими лошадьми и силой своих конных армий. В пору расцвета тибетского государства (VI–IX вв.) Тибет мог выставить четыре элитных гвардейских кавалерийских корпуса по 10 тыс. всадников, и в каждом корпусе кони были одной масти. У этнически близких тибетцам тангутов коневодство было традиционным видом хозяйственной деятельности, и в догосударственный период, и в период существования тангутского государства лошади являлись основной статьей экспорта в Китай.

Конница была основной ударной силой армии Ся. Основную часть ее составляли так называемые железные ястребы. Как писал китайский современник, эта конница «путь в сто или тысячу ли... всегда сможет преодолеть быстро и в срок, подобно удару молнии или полету тучи». Тангуты подчинили уйгуров Ганьсу, восточных тибетцев, в XI в. они отстояли свою независимость от Китая, а в первой четверти XIII в. долго и упорно сопротивлялись Чингисхану, явив значительно бóльшую силу к сопротивлению, чем государство Хорезмшаха, кипчаки, государства Кавказа, Булгарское государство и Русь.

Коневодство было заботой государства, тангутские законы регулировали работу государственных конных заводов, а также содержание в частных хозяйствах лошадей, предназначенных для армии.

В тангутском фольклоре, в частности в пословицах, как и у многих народов Центральной Азии, распространенным видом сравнения является человек — лошадь:

> Обеднел человек — и желания его ограничены и руки короче прежнего,
> Одряхлела лошадь — и шерсть у нее длинная и корму ей не дают.
>
> (*Тангутская пословица*)

> У хорошего коня ровный бег,
> У хорошего человека твердое слово.
>
> (*Монгольская пословица*)

Известно более двадцати тангутских изречений, где упоминается лошадь:

Лошадь привязывают у порога юрты,
Пест прячет ногу в ступке.
Выносливость и лошади, и всадника дальняя дорога покажет.
Многолетнюю дружбу людей разве вино определяет?

Быть безлошадному — горе:

Ездить тебе верхом на палке!
Сидеть тебе в грязи!

В XIII в. наиболее мощной оказалась конница монгольская, это напрямую было связано и с породами монгольских боевых коней. Эффективность конницы стала постепенно сходить на нет с появлением огнестрельного оружия. В этом плане характерен пример разгрома цинскими войсками ойратских армий с помощью пушек, отлитых по европейским технологиям. Тем не менее конные армии сохраняли свою эффективность до первой трети XX в. «Железные ястребы» конной армии Буденного не сумели прорваться до Варшавы, а во Вторую мировую войну на смену коннице пришли танки, как когда-то конница пришла на смену боевым колесницам древности.

ПАМЯТНИКИ ТАНГУТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТАНГУТСКОГО ОБЩЕСТВА XII–XIII вв.

Основным источником для написания данной статьи послужил «Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси» — «Измененный и заново утвержденный кодекс законов [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)», хранящийся в коллекции рукописей и старопечатных книг, привезенных из мертвого города Хара-Хото П. К. Козловым. Кодекс включает в себя 20 глав, 1460 статей. Составлен он был специальной комиссией из 23 человек — 17 тангутов и 6 китайцев. Эта комиссия, вероятно, закончила свою работу не ранее 1168 г. Общие сведения о кодексе уже публиковались нами [Кычанов, 1974а. С. 309–326; Kychanov, 1976. P. 29–42].

Привлечены также и материалы двух других памятников тангутского права: «Чхиа-мбиоу сы ти мбиу» «Яшмового зерцала управления [девиза царствования] Чхиа-мбиоу (1101–1113 гг.)» и «Цзе сёу» («Новых законов») — дополнений начала XIII в. к «Измененному и заново утвержденному кодексу».

По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса» тангутское общество предстает перед нами как сложный социальный организм, стратификация которого определялась наличием большого числа социальных групп (сословий), имеющих свой правовой статус. Последнее обстоятельство очень важно, ибо, во-первых, в наших источниках мы видим социальное положение тех или иных групп общества в отражении их правового состояния, т. е. имеющее точную, но своеобразную фиксацию, не всегда полностью соответствующую фактической, социальной; а во-вторых, сильное влияние китайского права на право тангутское повлекло за собой и закрепление прав или обязанностей тех или иных социальных групп по китайскому образцу. В свою очередь, последнее обстоятельство также не означает, что в законах что-то было записано так, а на деле выглядело совсем иначе. Право в значительной степени должно было отражать реальное положение вещей. И наконец, хорошо известна формирующая роль права, его активное обратное влияние на социальную структуру общества.

Все члены многоплеменного тангутского общества — тангуты, китайцы, тибетцы, уйгуры и т. д. — в первую очередь подразделялись на людей лично свободных и лично несвободных, хотя тангутский кодекс не содержит соответствующей терминологии, хорошо известной из современных государству Си Ся кодексов китайских: *лянжэнь* (1)[1] — «добропорядочные, лично свободные люди» и *цзяньжэнь* (2) — «низкие, подлые, презираемые, лично несвободные люди». Каждая из этих двух групп в Ся, в свою очередь, подразделялась еще на две: лично свободные люди делились на имеющих чиновничий ранг (3) и не имеющих чиновничьего ранга простых людей (4), а лично несвободные — на людей, принадлежащих государю (государству), и людей, принадлежащих частным лицам, на государевых и частных людей (5). Деление лично несвободных людей на людей государевых и принадлежащих частным лицам отражало общее положение тангутского права о наличии в тангутском государстве двух форм собственности — государевой и частной. При этом тангутское право не различало собственности самого императора, лично государевой и собственности государственной, казенной. Наличие этих двух правовых титулов при определении прав собственности встречается на многих страницах кодекса. Например, при незаконной продаже земли в зависимости от того, чья это была земля, «государева или частная, [она сама] или [ее] стоимость должны быть возвращены прежнему владельцу» [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 11а]. При исчислении убытков, причиненных прорывом оросительного канала, речь шла о «засеянных полях, хозяевах и постройках, принадлежащих государю и частным лицам» [там же. С. 23б–26б]. «Чиновникам запрещалось просить [для себя] в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей» [там же. Гл. 11. С. 18а–18б]. «Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал [его], то [он] должен отправить его туда, откуда [этот беглец] бежал» [там же. Гл. 13. С. 30а]. Лично несвободные люди входили в стандартный перечень основных объектов собственности, казенной или частной: «скот, зерно, ценности, имущество, земля, люди» [там же. Гл. 1. С. 4а–7б].

Принадлежащие частным лицам люди обозначены в кодексе двумя терминами — *пхинга* (6) и *нини* (7). Исследование текстов показало, что пхинга и нини различались не как две различные по социальному статусу группы несвободных, а как несвободные мужчины (пхинга) и несвободные женщины (нини). Данное различие имеет аналогию в китайской практике и кодексах в случае с *буцюй* (8) и *кэнюй* (9). Сами термины *пхинга* и *нини* тоже представляются нам заимствованными из китайского права. «Пхинга» буквально означает «посланный служить в армию», и это генетически связывает тангутское слово с китайским термином «буцюй» [Chang Chi-yun, 1968. P. 15]. Китайский термин «буцюй» был заимствован для обозначения лично несвободных также в Японии (*букёку*), в Корее (*пугок*). Не исключено, что к этой группе относится и монгольское *богол.* В таком случае социальные термины «буцюй» (китайский) —

[1] Здесь и далее см. список иероглифов, помещенный в конце данной статьи.

«пхинга» (тангутский), «пугок» (корейский), «букёку» (японский) и «богол» (монгольский) оказываются генетически взаимосвязанными, восходя к китайскому «буцюй». Тангутский термин «нини» также, вероятно, происходит от одного из средневековых китайских, главным образом сунских, наименований рабыни — *ни* (10).

Итак, пхинга и нини были лично несвободные мужчины и лично несвободные женщины, принадлежавшие частным лицам, не казне. В «Новых законах» мы встречаем такую формулировку: «Постройки, пахотные земли, пхинга, нини и прочий скот и имущество, принадлежащие любому человеку» [ЦС. Гл. 3. С. 53]. Кроме тех отличий, которые диктовались различиями по полу, а также за исключением неравного положения в семье, где старшинство принадлежало мужчине, мы не видим в кодексе другой разницы в статусе между пхинга и нини и можем рассматривать их совокупно.

Источниками пополнения социальной группы пхинга и нини были продажа свободных людей и захват военнопленных. Все это, естественно, помимо наследственного состояния личной несвободы. Официально продажа одних членов семьи другими преследовалась, но сам факт запрета говорит о ее существовании на практике. Такая продажа допускалась в годы стихийных бедствий, когда выручка от проданных одного или нескольких членов семьи могла спасти остальных от гибели. В тангутской рукописи под инвентарным № 4189 (конспект указов и официальных решений) есть запись от 1164 г., в которой говорится, что в северных округах страны последние два-три года шли непрерывные дожди, хлеба вымокли, а поэтому народ бедствует и «люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников в соответствии с законом продают другим людям в пхинга и нини» [Танг. рук. б. н. С. 4]. Другим источником пополнения рядов лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, были военнопленные. В одной из статей кодекса мы читаем: «Если наш человек, твердой рукой пленив врага, сделал [его] пхинга или нини, а после его [врага] родственники покорились государству Ми (тангутов. — *Е. К.*), то...» [Тангут. кодекс. Гл. 7. С. 8б–9а]. Людьми в тангутском государстве свободно торговали. Вероятно, запреты имели силу только в случаях продажи родственников, особенно младшими родственниками старших, детьми родителей и т. п. [там же. Гл. 6. С. 22б; Гл. 7. С. 28а].

Тангутское право в значительной мере приравнивало лично несвободных к домашним животным. Так, правило «приплод остается с самкой» в равной мере распространялось на скот и лично несвободных женщин. «Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш... или если у женщины есть ребенок, то [и детеныш животного, и ребенок женщины] равно [вместе с матерями] подлежат возврату владельцу» [там же. Гл. 3. С. 34а]. Если пхинга без разрешения хозяина выдавал замуж женщину из своей семьи, то «дети, родившиеся у каких-то из этих уже проданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу» [там же. Гл. 12. С. 1б–2а].

С другой стороны, пхинга и нини в ряде случаев приравнивались к младшим членам семьи хозяина, особенно свойственникам — жене, невесткам и т. п. Это касалось правил доноса на мужа и хозяина и дачи свидетельских показа-

ний [там же. Гл. 13. С. 16а–16б]. В случае убийства хозяина пхинга и нини приравнивались к жене, убившей мужа [там же. Гл. 7. С. 14а]. Пхинга был обязан носить траур, если умирали его хозяин, жена хозяина или кто-то другой из членов семьи хозяина [там же. Гл. 8. С. 16б].

По закону хозяин не имел над своими пхинга или нини абсолютной власти (т. е. до физического уничтожения своей собственности). За предумышленное убийство пхинга или нини хозяин наказывался восемью годами каторжных работ [там же. С. 4а]. Однако в случае нечаянного убийства или убийства во время наказания пхинга или нини за непослушание мера наказания хозяину определялась всего в шесть месяцев каторжных работ [там же. С. 7б–8б]. Если при этом учесть, что хозяин, особенно чиновник, имеющий ранг, часто имел право на уменьшение меры наказания, то станет ясно, что в ряде случаев он мог убить принадлежавшего ему человека практически безнаказанно.

Приравнивание лично несвободных людей к имуществу и скоту, с одной стороны, и к младшим членам семьи — с другой, признание в определенных случаях (предумышленное убийство со стороны хозяина) за лично несвободными известных человеческих прав отражали в тангутском праве соответствующие позиции китайского права в данном вопросе. Как справедливо отмечал Э. Г. Пуллиблэнк, «китайцы не делали логического вывода из того, что, если сам раб есть собственность, он — "вещь", а не человеческое существо» [Pulleyblank, 1958. P. 214].

Пхинга имели семью и свое хозяйство. Хозяин мог продать своих пхинга, заложить их, но мы не знаем, распространялось ли это право на имущество пхинга и на какую долю плодов их труда он имел права. Эти важные вопросы не нашли отражения в кодексе. Для того чтобы отпустить пхинга или нини на свободу, хозяин должен был выдать им документ об освобождении (вольную).

Социальные группы людей, принадлежавших государю (государству), очерчены в кодексе менее четко. Деление лично несвободных на принадлежащих частным лицам и казне было характерно для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан, текст которого различает *гуань нуби* (12) («казенных рабов») и *сы нуби* (13) («рабов, принадлежащих частным лицам»), а также группы казенных лично несвободных: *гуаньху* (14), *фаньху* (15), *цзаху* (16) и т. п.

Государевых лично несвободных людей в тангутском государстве условно можно разделить на две группы: тех, кто был занят в хозяйстве, и тех, кто служил в армии. Источниками пополнения государевых лично несвободных людей были военнопленные и люди, которые переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т. п., т. е. преступления из группы «десяти зол» (17), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности — *юаньцзо* (18). Родственники лиц, казненных за преступления против государя и государства, переводились «в число государевых пастухов и земледельцев» [Яшмовое зерцало управления. С. 14а]. В «Новых законах» упомянуты «приписанные к управлениям государевы земледельцы» [ЦС. Гл. 20. С. 13]. Эта группа государевых людей в Ся, очевидно, была близка к китайским гуаньху — землепашцам, приписанным к разным управлениям. Таково

же было положение и государевых пастухов. В кодексе упоминается 80 семей пастухов, принадлежащих Северному двору, и 20 семей пастухов, принадлежащих Восточному двору, которые ежегодно выделялись, разумеется, из бóльшего числа семей государевых пастухов, для (как сказано в тексте) «передачи (сопровождения. — *Е. К.*) в другие государства верблюдов и лошадей», т. е. для перегона скота, который шел в качестве ежегодных обусловленных выплат в Китай (в Сун) и к чжурчжэням (в Цзинь), и для продажи государева скота за границу. В списках государевых людей кроме пастухов и землепашцев в кодексе названы: прислуга жилых покоев государя, паромщики, лодочники, конюхи, посыльные, различные мастера, добытчики соли из озер и т. д. [Тангут. кодекс. Гл. 7. С. 3б–4б]. Как сказано в том же тексте, все это были люди, выполнявшие «тяжелые работы».

На государева человека «накладывались разные работы и повинности», а находился он в ведении чиновника [там же. Гл. 13. С. 28а–28б; Гл. 19. С. 50а–50б], представлявшего какое-то управление. Государевы землепашцы наделялись землей, которую обязаны были обрабатывать [там же. Гл. 20. С. 11б]. Эти «тяглые, записанные за государем» [там же. Гл. 7. С. 13а–14а], имели свои семьи и имущество. В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка площадью в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами (в сумме 10 связок монет), пшеницей (4 ху = 237,6 л), горохом (5 ху 5 доу = 326,7 л); если же налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками, как сказано, «в соответствии с законом» [ЦС. Гл. 15. С. 13–14]. Государевы землепашцы назначались и на работы на оросительных каналах [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 23б–26б]. Государевы пастухи пасли казенный скот, имея право на часть приплода, получая лишь «то, что они дают», после очередного клеймения скота [там же. Гл. 19. С. 10б]. Если же государевы пастухи «в деле ухода за скотом проявляли непокорство, отказывались работать, не слушались приказания», то их наказывали не по закону, а на основании каждый раз особо получаемых свыше указаний [там же. С. 50а–50б].

И на государевых лично несвободных распространялось общее правило, одинаковое с законом о скоте: приплод следует за самкой. «Если государевы или частные люди, женщина и мужчина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся у [бежавшего мужчины] от [бежавшей с ним] чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана [своему] владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [там же. Гл. 8. С. 26б–27а]. В управлениях составлялись списки государевых людей [там же. Гл. 11. С. 6а–8б], и менять место их приписки было строго запрещено [там же. Гл. 12. С. 3а]. Запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государевых людей из списков, так же как и необоснованное привлечение их на какую-либо работу, не связанную с их прямыми обязанностями, рассматривалось как тайная кража человека [там же. С. 29б].

Таким образом, первая группа государевых людей работала на государя (государство) в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках (19). В «Яшмовом зерцале управления» прямо указывается, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, отдавались в казенное рабство на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу (с целью получения награды) ложных сведений о числе убитых им врагов, его «родственники должны были быть включены в армию» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 3. С. 15а]. Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, если они были причастны к предательству. «По определении их в каторжные работы в пограничные города [они] по закону должны были стать [людьми, работающими на] регулярную армию» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 11б]. Во вспомогательные войска отправлялись также сыновья государевых девушек — как от государевых людей, так и от пхинга. «Если государевы девушки, девушки, следящие за порядком в жилых покоях [государя], девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и др., не могущие иметь мужей по своей воле, с обоюдного согласия [с мужчиной] заведут семью и нарожают детей, то дочери могут остаться с матерью и могут быть проданы [замуж] по ее желанию. Что же касается сыновей [таких лиц], то, если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если [он] пхинга, то [его сыновьям] становиться тоже пхинга не разрешается, а [они] по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же [по чьей-либо вине такие люди] не будут взяты на учет, то [с виновного], имеющего ранг, штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок» [там же. Гл. 8. С. 27б].

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Те лица, которые распоряжались служащими вспомогательных войск или другим государевым человеком, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск или государева человека. Правда, при этом требовалось формальное согласие женщины на то, чтобы ее отдали в залог [там же. Гл. 11. С. 10а–11а].

В целом статус лично несвободных государевых людей, видимо, существенно не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам. Правда, государевы люди не имели таких личностных обязанностей по отношению к своему владельцу — государю (государству), которые составляли важную часть социального положения пхинга и нини. Учитывая, что дети лично несвободных государевых людей тоже становились несвободными людьми, можно заключить, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, передававших мастерство детям. Непрерывным источником пополнения рядов государевых людей было уголовное бессрочное казенное рабство, в особенности для родственников лиц, совершивших тяжкие преступления против государя и государства. В отличие от китайского права в тангутском кодексе не засвидетельствовано дробление статуса государевых (государственных) лично несвободных людей по степени их зависимости (нуби, гуаньху, мастеровые — *гун* (20), музыканты — *юе* (21) и т. д.). Возможно, поэтому тангутское право не знало по-

этапного освобождения. Но это только предположение, ибо, строго говоря, никаких материалов о предоставлении свободы лично несвободным государевым людям в Ся у нас вообще нет.

Лично свободные люди, как уже говорилось, делились на две большие группы: лиц, имевших чиновничьи ранги, и лиц, их не имевших, так называемых простых людей. Ранг мог быть унаследован или заслужен лично. *Простые люди* совсем не обязательно отличались от лиц, имевших ранги, как лица, не состоявшие на государственной службе, от лиц, которые на ней состояли. Можно было служить по военной или гражданской части, занимать незначительную должность и не иметь ранга.

В тангутском обществе, аппарат управления которого был создан по китайскому образцу, роль бюрократии была очень высока. Успех по службе и получение ранга вводили чиновника в сферу действия хорошо известного принципа средневекового китайского права *гуань дан* (22), важнейшего социального института средневековых обществ Дальнего Востока. Гуань дан («зачет вместо наказания ранга, титула и должности») был правовым институтом, фиксирующим важную социальную привилегию чиновничества — освобождение от наказания за уголовное преступление каторжными работами; гуань дан всегда был также связан с откупом от наказания, если для избавления от него не хватило ранга и должности. Это был институт, безусловно, рассчитанный на людей состоятельных. И хотя некоторые исследователи [Дай Яньхуэй, 1964. С. 246] указывают на двойственную природу гуань дан — это был не только откуп от наказания рангом и ценностями, но и факт, позорящий чиновника, связанный с «потерей лица», — в целом это, безусловно, была важнейшая социальная привилегия.

До нас не дошло полного перечня тангутских рангов. По различным косвенным данным можно установить, что ранги подразделялись на гражданские и военные и группировались по 12 разрядам. Вне этих 12 разрядов были только титулы самого государя и наследника престола. К высшему разряду относились титулы и ранги великих князей. В каждом разряде было несколько степеней рангов, которых насчитывалось больше сотни. Одним из рангов самой низшей степени, относящихся к разряду «смешанные ранги», был ранг, именуемый «командир десяти всадников». Среди прочих наименований рангов можно назвать такие, как «руководящий строительством», «способный чиновник», «надежный посыльный», «приводящий в покорность», «противостоящий злу» и т. п. [Тангут. кодекс. Гл. 1, 2]. «Ранги трех [первых] разрядов — высшего (первого), следующего (второго) и среднего (третьего) — давались по высочайшему указу начальникам управления (23), "передающим приказы" (24) и "выносящим решения" (25)[2], а также начальникам управлений четвертого (низшего) класса. В каждом отдельном случае дело оформлялось чиновником Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами (Чжуншу) или Главного управления военными делами (Шуми) в зависимости от принадлежности [лица, которому дается ранг,] к гражданскому или военному ведомству» [там же. Гл. 10. С. 26а–26б]. При равенстве рангов старшим счи-

[2] Высшие должности в тангутском управлении.

тался тот чиновник, который имел гражданский ранг [там же. С. 44б–45а]. Данное положение находилось в прямом соответствии с установленным при династии Сун приоритетом гражданских властей над военными. Ранги давались за безупречную службу наряду с материальными вознаграждениями. «Если любой старший или младший управляющий пастбищами и пастухами исправно выполняет свою службу, то [он] может получить пожалованный от государя какой-либо ранг. За один год службы старшим или младшим управляющим пастбищами и пастухами жалуется награда: денег и шелку два [куска и две связки монет], ординарного чая три ндзи[3], накидка из атласа одна. За два года непрерывной службы выдаются вышеуказанные законом награды и, [кроме того, награждаемый] получает один ранг. После этого за каждый год службы может добавляться один ранг и должны выдаваться вышеустановленные награды» [там же. Гл. 19. С. 42б–43а]. Ранг можно было наследовать или просить. «Во всех случаях, когда какой-либо человек наследует ранг, просит о присвоении [ему] ранга или [ему] дается ранг от государя, каждое дело о [присвоении ранга] должно проходить отдельно: о присвоении гражданского ранга — через Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, а о присвоении воинского ранга — через Главное управление военными делами. Все [дела] должны быть доложены в вышестоящие инстанции, и [только после этого] ранг может быть получен» [там же. С. 12а]. Оформление рангов шло через наградное управление. Чаще всего ранг автоматически повышался через три года безупречной службы [там же. С. 12а–13а]. При наследовании рангов ранги низших разрядов наследовались полностью, а ранги высших разрядов, как правило, уменьшались. Для наследования самых высших рангов каждый раз требовалось особое решение [там же. С. 25б–26а].

Собственно, предполагалось, что любой служащий рано или поздно получит ранг. Закон прямо предлагал в ряде случаев рассматривать младших должностных лиц, не имеющих пока ранга, «как лиц, могущих получить ранг» [там же. С. 14б], а наследника — как лицо, которое могло унаследовать ранг, но еще не унаследовало его [там же. Гл. 10. С. 14б]. Ранг оставался у чиновника до самой его смерти; даже в случае понижения или оставления должности по старости чиновник не понижался в ранге [там же. С. 25б].

В кодексе, в гл. 11, подробно указаны соотнесенности различных рангов и мер наказания, прежде всего за уголовные преступления — убийство, ранение и т. п. Закон утверждал позицию «наибольшего благоприятствования» лицу, имеющему или даже имевшему ранг, но в силу каких-то причин лишившемуся его. «Если кто-то совершил преступление, когда он имел ранг, а раскрыто оно было после того, как он ранга лишился, или кто-то совершил преступление, когда он не имел ранга, а раскрыто оно было тогда, когда он уже приобрел ранг, а также если кто-то совершил преступление, имея низкий ранг, а когда это преступление было раскрыто, он уже получил ранг более высокий, то во всех этих случаях одинаково приговор [виновному] выносится по закону [о наказании лиц], имеющих ранги, и на основании соизмерения меры наказания с тем рангом

[3] Тангутская мера, величина которой неизвестна.

[виновного], который он получил в последний раз» [там же. Гл. 2. С. 16а–16б]. Имеющий ранг чиновник не только сам был огражден этим рангом от уголовного наказания, но и мог, как тенью своей, прикрыть им своих родственников. Этот принцип китайского права, так и именовавшийся *инь* (26) «тень», был полностью заимствован правом тангутским из китайского, хотя мы не находим в кодексе самого термина «инь», как, кстати, и термина «гуань дан». Правом «тени» не пользовались лишь лица, имеющие низкие ранги [там же. С. 13а–14а].

В начале XIII в. была дополнительно разработана подробная шкала откупов. Имеющий ранг и деньги мог в случае совершения им преступления сохранить свой ранг, если он был способен откупиться от наказания. Низшие ранги были оценены в 9 связок монет каждый, средние — в 21 связку и высшие — в 27 связок монет [ЦС. Гл. 12. С. 7]. По нашим подсчетам, сумма откупа от смертной казни для лица, имевшего высокий ранг «противостоящий злу», 99-й при отсчете от самого низшего, должна была составить большую сумму — 1031 связку монет (1031 тыс. монет).

«Идея ранга — одна из характернейших черт феодального строя» [Раевич, 1929. С. 31], и ранг был одной из самых важных социальных привилегий.

По принципу привилегированности вслед за императором, наследником престола, великими князьями и вообще прямыми членами императорской семьи шли так называемые родственники (27) государя, члены одного с ним рода Нгвеми (Вэймин) (28), или свойственники императорского рода, члены рода Сими (29). Мужчины этого рода по традиции, очевидно идущей из глубины веков, и в середине XII в. должны были иметь на каждый данный момент не менее пяти женщин, взятых ими в жены из императорского рода Нгвеми [Тангут. кодекс. Гл. 8. С. 20б–21а].

На «родственников» возлагались обязанности советников (30), действовавших по особому поручению. Это были, по определению закона, «занимающие важные должности и пользующиеся почтением люди» [там же. Гл. 15. С. 27а–27б]. Они составляли высшую группу бюрократии[4].

Все люди, состоявшие при особе государя и несшие при нем самую разную службу, будь то слуги в полном смысле слова или государственные служащие, сановники и чиновники, назывались общим термином «ожидающие приказаний» (31). «Ожидáющие приказаний» имели ряд привилегий: брать себе людей, обязанных работать на них [там же. Гл. 6. С. 18б], им автоматически (вне зависимости от наличия или отсутствия ранга) снижалась на одну степень мера наказания за любое преступление, кроме преступления против государя и государства.

«Ожидающие приказаний» были освобождены от воинской повинности [там же. С. 26б–27а]. Определенную корпоративную группу составляла гвардия императора, его личная охрана, несшая службу в караулах во внутренних дворцовых покоях [точнее, на линии, отграничивающей их от внешних дворцовых служб в дворцовом комплексе построек). Эта гвардия именовалась «держащие

[4] Здесь мы находим близкую аналогию с древнетибетским государством. В Тибете *лонпо*, советники государя («цэнпо»), обычно также принадлежали к высшей аристократии страны, к семьям, часто связанным брачными узами с родом цэнпо [Tucci, 1950. P. 61].

железные стрелы» (32) и пользовалась определенными привилегиями, особенно по части обеспечения их личной неприкосновенности и достоинства [там же. Гл. 12. С. 35б].

В плане социальном, по принципу ведения хозяйства, прежде всего земледельческого или скотоводческого, все лично свободные и некоторые несвободные, принадлежавшие частным лицам или казне, были объединены в одну правовую группу, именовавшуюся *ни* («хозяева») (33). Этот термин также, вероятно, был заимствован из Китая (ср. китайское *хучжу*) (34). Каковой представляется нам из материалов тангутского права эта по существу социально-юридически центральная фигура тангутского общества?

Хозяева — это народ. В «Новых законах» мы встречаем любопытный термин *нисин* («хозяева-народ») [ЦС. Гл. 7. С. 26]. Хозяева — это не только тангуты, это все многоплеменное население Ся, так как тексты упоминают, например, «тибетских хозяев» [Танг. рук. б. н. Инв. № 4189. С. 20]. Хозяин — это всегда владелец какой-то собственности, не неимущий, ибо «сын бедняка — не хозяин» [Тангут. кодекс. Гл. 20. С. 5а–6а]. И поэтому, чтобы считать себя хозяином, надо было иметь на то право. «Всем чиновникам, взрослым мужчинам и женщинам, всем людям, которые не имеют права числиться хозяевами, запрещается брать и выделять для себя коров, овец, топливо, сено, траву, другое имущество» [там же. Гл. 7. С. 29а]. Хозяин, как правило, это глава семьи. В «Новых законах» мы встречаем термин *а ни-о* («хозяева семей») [ЦС. Гл. 15. С. 3]. Как видно из цитированного ранее текста, хозяином, главой семьи в определенных условиях могла быть и женщина.

Хозяева имели землю, которую, они обрабатывали. Неслучайно хозяева именуются иногда «хозяевами-землепашцами» [Тангут. кодекс. Гл. 20. С. 8а–9а]. Хозяева платили налоги: земледельцы — зерновыми, а также соломой, сеном и хворостом; скотоводы — скотом, шерстью, молочными продуктами. Хозяева отбывали трудовую повинность, в том числе ремонтировали мосты, следили за состоянием ирригационных сооружений, за сохранностью зеленых насаждений вокруг каналов. Хозяева могли кому-то принадлежать [там же. Гл. 15. С. 32б–33б] и сами иметь принадлежащих им людей [там же. Гл. 20. С. 23а–23б]. Как и в Китае, откуда был скопирован юридический статус хозяев, хозяева в Ся делились на несколько категорий в зависимости от получаемого ими дохода. В «Новых законах» упоминаются хозяева, «имеющие доход от двухсот до трехсот связок монет» [ЦС. Гл. 6. С. 1–2], которые могли являться на военную службу без коня. Богатые хозяева принадлежали к числу «мудрых и сильных хозяев», они могли обращаться с жалобами прямо к государю [там же. Гл. 9. С. 53].

Хозяином считался как имевший несколько аров, так и имевший несколько десятков, а то и сотен гектаров земли. Такова была особенность китайских средневековых представлений: и крестьяне, и крупные землевладельцы, помещики, а у тангутов и крупные и мелкие владельцы скота, — единая социально-правовая группа хозяев. Хозяевами числились и чиновники, в том числе и самые крупные. Составитель тангутского документа от 1224 г. Мбэнин Ндживува, ответственный за оборону Хара-Хото, высокий чиновник, держатель серебряной пайцзы, одновременно числился хозяином на юге стра-

ны, в другом конце государства, в области Минша [Kychanov, 1971. P. 140, 143]. Списки хозяев из Дуньхуана показывают, что хозяевами также считались и чиновники с высокими должностями и титулами [Согабэ Сидзуо, 1967. С. 222]. Чиновники-хозяева в Китае не облагались налогами [Смолин, 1974. С. 108, 110, 112]. В тангутском кодексе эти привилегии законодательно не закреплены. Дальневосточное средневековое право, конечно же, признавало разного рода привилегии и, как всякое средневековое право, было «правом-привилегией». Но, характеризуя земельных собственников, а у тангутов в эту категорию попадали и собственники скота, дальневосточная правовая мысль не выделяла крупную собственность и крупных собственников в особую категорию, с правами, вытекавшими из факта величины собственности, а рассматривала всех собственников как хозяев, плательщиков налога и исполнителей повинностей, формально равных перед законом и государством в данном аспекте, делая (в Китае) исключение лишь для чиновников определенного ранга. Два основных класса общества — помещики и крестьяне — были объединены в одну социально-юридическую группу хозяев. Помещики оказывались юридически растворенными в массе крестьянства. Социальные границы проходили не там, где они фактически имели место — прежде всего между крупными собственниками, владевшими большим количеством земли или скота, и мелкими собственниками, а между теми, кто служил и имел ранги, и теми, кто не служил, между лично свободными и лично несвободными. Более того, социально-юридическое понятие «хозяин» в какой-то степени затушевывало грань и между лично свободными и лично несвободными, так как лично несвободный, имея собственность, тоже мог быть в известных ситуациях отнесен к группе хозяев. Вместе с тем очевидно, что к хозяевам не относились крестьяне-арендаторы. К сожалению, мы не в состоянии описать их правовое положение в Ся, так как глава XVI кодекса, в которой о них шла речь, полностью не сохранилась.

Важнейшей социальной единицей тангутского общества был гвон (35). Гвон — это многоплановая армейская, хозяйственная и административная единица, место которой в жизни тангутского общества еще предстоит исследовать.

В Ся была принята десятеричная система организации населения. В законе сказано: «Чиновники обязаны объединять хозяев податных дворов, проживающих поблизости друг от друга, в группы и над каждыми десятью дворами назначать одного *цзясяо* (36), над каждыми пятью цзясяо — одного старшего (37), человека, способного вести дела, а над каждыми двумя старшими — одного старосту кочевий и землепашцев (38) из проживающих поблизости младших чиновников» [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 45а]. Иначе говоря, десять семей в Ся в середине XII в. объединялись в один десяток, во главе которого стояло должностное лицо, именуемое цзясяо. Пять десятков, или пятьдесят, семей образовывали следующее, высшее подразделение, во главе которого стоял старший (или старшина). Это была промежуточная инстанция ко второй после десятка основной единице — к сотне, объединению ста семей, во главе которого в зависимости от рода занятий местного населения стояли старосты кочевий или землепашцев. Цзя, или цзясяо, главы десяти семей, отвечали за все, в частности за кражи и противопожарную безопасность, во вверенных им семьях [ЦС. Гл. 8. С. 34].

В начале XIII в. в земледельческих районах должности цзясяо были упразднены, с тем чтобы, по официальной версии, «не иметь на десять баранов девять пастухов», т. е. уменьшить число начальников [там же. Гл. 15. С. 46–47]. Но должность главы десяти семей сохранилась в районах кочевого скотоводства. Кочевники имели еще и особого начальника над каждыми 200–250 семьями [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 45а–47а].

Где-то на этом уровне численности населения находилось и основное звено в цепи низшей местной администрации Ся, так называемые направляющие (39). Это была воинская должность младшего командира, как и упоминавшаяся ранее должность цзясяо, — цзя («командир десяти всадников»). Но одновременно это была универсальная должность как для военных, так и для гражданских целей, которые в тангутской администрации в ее низших звеньях не разделялись. «В [нашем] государстве, — читаем мы в "Новых законах", — все отцы и сыновья находятся в подчинении у направляющих, и среди тех из них, кто состоит как в гвонах управления [местным населением], так и в [армейских] солдатских гвонах, нет таких, которые не использовались бы для какой-нибудь работы» [ЦС. Гл. 13. С. 3]. Направляющие были командирами или начальниками гвонов — воинских подразделений и основных низовых производственно-административных единиц Си Ся. Гвоны были универсальной единицей, по которым было распределено все самостоятельное население Ся, «все отцы и сыновья». Человек был приписан к тому или иному гвону «по приказу», и смена гвона влекла за собой наказание смертной казнью или большим сроком каторжных работ. «Если исполняющие тяжелые работы уклонятся от тяжелой работы и уйдут с теми, кто исполняет легкую работу, или из пограничных войск перейдут [в войска] внутренних [районов страны], или сменят гвон и... окажутся не в том гвоне, в котором [они] должны [находиться] по приказу, то [виновные в том] одинаково подлежат смертной казни путем удавления». Далее был указан примерный перечень таких лиц: пастухи и земледельцы, дворцовая прислуга, лодочники, конюхи, птичники, повара, ткачи, ювелиры, суконщики, тележники, рабочие, добывающие соль из озер, разные мастеровые и т. д. Те же, кто, «состоя в очереди на легкие работы», «по своему желанию и ради собственной выгоды» уходил с легких работ, «менял гвон», осуждался на пожизненные каторжные работы. К числу таковых относились чиновники, врачи, торговцы и т. п. [Тангут. кодекс. Гл. 11. С. 6а–8б]. Гвон занимал определенное место в пространстве, ибо текст законов упоминает о том, что каждый направляющий имел «вверенную ему территорию» [там же. С. 23а–23б].

Гвон был не только производственной, но и фискальной единицей. «Деньги, поступающие в счет уплаты налогов с гвонов... ежемесячно подсчитываются, [и об итогах подсчета] подается доклад» [там же. Гл. 17. С. 11а]. Специальному расследованию подлежали дела, связанные со «сбором местными гвонами подлежащего уплате зерном поземельного налога с орошаемых и неорошаемых земель» [там же. Гл. 9. С. 7б–10б]. При сборе молочных продуктов и шерсти «в каждом своем гвоне из числа имеющихся там... управляющих пастбищами (40) назначаются старшие в соответствии с официальными документами и донесениями и должны присылать столько [молочных продуктов и шерсти],

сколько их имеется в наличии» [там же. Гл. 19. С. 14а–16б]. Скотоводческие хозяйства, в обязанность которым вменялось «непосредственно снабжать государя... в отличие от всех скотоводческих гвонов освобождаются от поставок шерсти, овец и коз» [там же. С. 16б–18б].

Гвон был и единицей назначения на трудовые повинности, что видно из указателя к несохранившемуся тексту статьи 1342-й «Об установлении [норм] трудовых повинностей для скотоводческих гвонов, которые не работают ни на какое управление». Закон требовал, чтобы «в гвонах разные налоги государю и работы на государя взимались и выполнялись в соответствии с установленными нормами» [там же. Гл. 7. С. 30б]. Функции фиска и организации отработок, возможно, являлись центральными для гвона помимо связанной с ними функции учета населения, ибо следует отметить, что излишние поборы и неверное назначение на работы в кодексе нередко приравниваются к смене гвона и соответственно строго наказываются [там же. Гл. 15. С. 10б, 23а].

Каждый должен был быть на предписанном ему месте и выполнять свои повинности. Даже переход в одной сфере труда от одного направляющего к другому, смена гвона в пределах одного производства и своего социального статуса влекли за собой наказание двенадцатью годами каторжных работ. К смене гвона приравнивался и незаконный уход в монашество [там же. Гл. 11. С. 36а–36б, 38б–43а]. Подлежали наказанию и все должностные лица за взятку, из личной симпатии или по другим причинам способствовавшие кому-либо в смене гвона. Сменить гвон можно было лишь по приказу свыше [там же. Гл. 6. С. 25а–25б; Гл. 11. С. 23б–24а; Гл. 12. С. 3а]. Отбывшие уголовное наказание, в первую очередь пастухи или землепашцы, снова возвращались в свой гвон [там же. Гл. 1. С. 14а–15а]. Это не касалось лишь тех, кто наказывался каторжными работами без последующего права возвращения в свой гвон, а пожизненно поселялся по месту отбывания наказания. Для определенной категории людей, лиц, занятых на тяжелых работах, прикрепление к гвону рассматривалось одинаково с личной несвободой людей, принадлежавших какому-либо владельцу. Так, закон предписывал, что «если [преступника] в дополнение [к прежнему наказанию] клеймят и бьют палками, то [после этого] он по-старому должен быть передан своему владельцу или в [свой] гвон» [там же. Гл. 2. С. 30б–31а].

Социальное положение членов одного и того же гвона не было одинаковым. Если, например, какой-то хозяин из данного гвона разорялся и оказывался «не в состоянии кормить [государева] коня, ремонтировать доспехи», то он должен был «передать [государева коня и доспехи] кому-либо из [того же] гвона» [Тангут. кодекс. Гл. 6. С. 11б–12б], кто мог, будучи военнообязанным, содержать в порядке государева боевого коня и сохранять в готовности оружие и доспехи. Только в случае, если в том же гвоне не оказывалось лица, которому можно было передать государева коня и доспехи, их передавали в другой гвон [там же. С. 13а–13б].

Один член гвона мог работать на другого. «Если кто-то из солдат в [нашем] государстве, бедный сын неимущего хозяина будет квартировать в доме человека того же самого или другого гвона и добровольно наймется на работу к кому-то из хозяев, то [он] может наняться на работу» [там же. С. 17б–18а].

В гвоне брались на учет и лично несвободные, принадлежавшие частным лицам. Списки членов гвона составляли мелкие чиновники гвона. В армейских гвонах велся строгий учет всех мальчиков [там же. Гл. 12. С. 3а]. Менять гвон было нельзя даже при наследовании должности. «Тот, кто наследует, и тот, [чья должность] наследуется, равно не имеют права из числа лиц... одного гвона перейти в число лиц... другого гвона» [там же. Гл. 7. С. 12а].

Можно определить три основные группы гвонов.

Армейские гвоны совпадали с воинскими частями — «регулярные войска любого гвона» [там же. Гл. 5. С. 20б–21а] — или с теми территориальными и производственными единицами, которые образовывали соответствующий армейский гвон, обязанный выставлять определенное число военнослужащих [там же. Гл. 6. С. 24б–25а, 26а].

Так называемые местные гвоны (41) составляли самую низшую административную единицу. Это были гвоны «округов особого управления армий, областей и уездов (42) внутренних и пограничных районов страны» [там же. Гл. 17. С. 16б]. Гвоны различались «по величине» [там же. Гл. 13. С. 19б–20а], их основным населением были хозяева [там же. Гл. 11. С. 48а–48б]. Гвоны имели «ничейные» (не государевы, не частные) земли общего пользования — выпасы, леса, места, заросшие кустарником, и т. п. [там же. Гл. 11. С. 43а–48б]. Для хранения собранного в качестве уплаты налога зерна гвоны имели склады [там же. Гл. 17. С. 4а–11а]. Местный гвон следил за тем, чтобы родственники кормили старых и слабых, малолетних и нетрудоспособных членов гвона [там же. Гл. 11. С. 49а]. Отделение от гвона не только не поощрялось, но и наказывалось. Если скотовод кочевал вне своего гвона и, лишенный коллективной защиты гвона, был ограблен, то даже в том случае, если похищенные скот и имущество удавалось спасти, их изымали у отступника в качестве штрафа за то, что он отбился от гвона [там же. Гл. 4. С. 26а–26б].

Третью группу составляли те гвоны, которые представляли собой специализированные хозяйства и мастерские. Часть таких гвонов находилась при управлениях. Для надзора за имуществом в этих гвонах «начальник управления по принадлежности направлял уполномоченных в каждый гвон и назначал их интендантами» [там же. Гл. 17. С. 12а–14а]. В числе производственных гвонов можно назвать «государевы скотоводческие гвоны» [там же. Гл. 19. С. 35б–36а], подчинявшиеся управлению скотоводством, гвоны по добыче соли [там же. Гл. 18. С. 19а], гвоны по вышиванию тканей нитями из драгоценных металлов [там же. Гл. 17. С. 37б–48а], гвоны по производству шелка, конные дворы, монетный двор [там же. Гл. 5. С. 2а–8б] и др. Мастера, работавшие в производственных гвонах (а эти гвоны, вероятно, объединяли мастеров всего казенного ремесленного производства), в отличие от чиновников не подлежали замене каждые три года. «В тех случаях, когда могут быть произведены очередные перемещения [должностных лиц] во всех управлениях, начальники-мастера в управлениях по производству высокохудожественных работ не могут подлежать замене... [Управления, в которых не производится замена начальников-мастеров, следующие]: управление железоделательными мастерскими, управление мастерскими по обработке золота, управление по производству украшений, управление гончарными мастерскими, управление мастерскими по изготовлению бумаги» [там же. Гл. 10. С. 42б].

Можно высказать предположение, что тангутское слово «гвон» было заимствовано от китайского (43) («поместье», «подворье», «управление»)[5], приобретшего то специфическое значение в административной практике Си Ся, которое мы знаем из кодекса: армейский гвон, местный гвон (хозяйственно-административная единица), производственный гвон (определенная мастерская, отрасль ремесленного производства, управление каким-то производством, организация его).

Все население Ся строго учитывалось. «Если окажется кто-то, кто подаст официальное заявление, в котором будет сказано: "Найден человек, общественное положение которого неясно!", то [найденного человека] можно трижды допросить с битьем тонкими палками, и если общественное положение [его] будет выяснено, то [он] должен быть отправлен туда, где обязан находиться. Если же то место, где [он] обязан находиться, действительно остается неясным, то [он] должен быть с [его] согласия отправлен в ближайшее место пастухом или земледельцем или включен в ученое сословие и [там] взят на учет» [там же. Гл. 6. С. 31б–32а]. Таким образом, каждый житель Ся должен был быть там, «где он обязан находиться». Лично несвободные, в силу того что были собственностью лично свободных, не могли располагать собой, и это был как бы первый уровень зависимости для бедной части населения Ся, зависимости полной, вплоть до продажи одного человека другим. Однако, как мы видели выше, и лично свободные жители Ся, состоявшие и не состоявшие на службе, также были ограничены в свободе деятельности и передвижения. Они были распределены по гвонам и не могли, не рискуя быть подвергнутыми уголовному наказанию, по собственному желанию покинуть гвон — место своей приписки. Это был уже второй уровень, уровень своеобразного всеобщего закрепощения. Очевидно, большинство населения Си Ся, начав трудовую деятельность, не было свободно в выборе места приложения своих сил. Суровая государственная необходимость, властная сила закона приковывала людей к месту их труда и жительства. Человека, трудящегося или служилого чиновника, могли перевести в другое место, но он не мог сделать этого сам. Если же он это делал, то становился вне закона, считался беглым со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Несмотря на предполагаемое китайское терминологическое происхождение слова «гвон», мы не находим тангутскому гвону широкой аналогии в современном Ся сунском Китае. Возможно, нечто близкое к гвону было в раннем общемонгольском государстве. Пожаловав Хорчи лесные народы, Чингисхан сказал: «Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь право свободных передвижений. По поводу самовольных передвижений нечего задумываться!» [Сокровенное сказание. С. 161]. Допустимо, что это правило распространялось и на все население Монголии, разверстанное по тысячам — основным военно-административным единицам страны.

Личная несвобода, прикрепление работника к месту производства — характерная черта древних и средневековых обществ, отражавшая уровень развития производительных сил той эпохи и соответствующие этому уровню способы организации производства. Однако формы закрепощения и степень его были различны в разных регионах и разных странах одного и того же региона, даже в

[5] Старое чтение, по Б. Калгрену, *g'wân*, корейск. *вон*, вьетнам. *нгуен*.

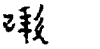
одну и ту же эпоху. Для тангутского государства помимо общей для тех времен собственности на людей такой специфической формой закрепощения стал гвон. Большая степень закрепощения населения в Си Ся объясняется, по нашему мнению, особыми условиями, в которых существовало государство. Нелегкие природные условия, хотя и более в то время благоприятные в том районе, чем в наши дни, многочисленные для XI в. непрекращающиеся войны и постоянная угроза уничтожения требовали напряженных усилий для поддержания экономики страны, а следовательно, и повышенных норм эксплуатации населения.

Гвон в какой-то мере стирал грани между лично несвободными и лично свободными, приписанными к одному гвону, между состоятельными и несостоятельными его членами. Прикрепление к гвону в значительной мере приближало добропорядочных хозяев к презираемым государевым людям; гвон как бы социально уравнивал их, включая и тех и других в ту гигантскую машину всеобщего закрепощения, которая довлела над всеми непосредственными производителями тангутского общества.

Мы полагаем, что гвон был спецификой тангутского общества, открывшейся нам только из тангутских первоисточников. Возможно, наши выводы слишком прямолинейны, в чем-то неточны или неверны. Необходимы дополнительные исследования и, если это окажется возможным, привлечение дополнительных материалов. Таковыми, например, могут оказаться тангутские хозяйственные и иные документы, написанные скорописью и пока практически не поддающиеся чтению.

Естественно, в рамках данной статьи мы коснулись не всех аспектов жизни тангутского общества. Вне нашего внимания остались сложные вопросы прав собственности, налогообложение и трудовые повинности, права и обязанности чиновников, брак и семья и т. п. Эти проблемы с той или иной степенью полноты разработаны нами в исследовании текста и перевода «Измененного и заново утвержденного кодекса» [Кычанов, 1987–1989. Публикация памятника]. Однако нам кажется, что приведенные выше материалы уже сами по себе представляют интерес хотя бы потому, что они отсутствуют в более широко доступных китайских источниках, содержащих сведения о государстве Си Ся.

СПИСОК ИЕРОГЛИФОВ

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.

19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43.

РАЗДЕЛ III

ЭКОНОМИКА ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СЯ (982–1227 гг.)

В этой статье автору хотелось бы поделиться результатами своих первых изысканий и попытаться сделать некоторые предварительные заключения о характере тангутской экономики.

Изучение основных отраслей экономики тангутского государства Ся возможно в первую очередь на основании тех немногих косвенных свидетельств, которые сохранились в китайской исторической литературе. Но это не только и не столько потому, что отсутствуют оригинальные тангутские источники — они есть, и исследование их представляется чрезвычайно перспективным [Кычанов, 1965в. С. 44–49]. Дело в том, что даже при современном, очень обнадеживающем уровне тангутоведения потребуется очень много усилий, чтобы большие по объему тангутские документы стали доступным материалом для исследователя.

Обобщение немногих китайских сведений как раз и призвано облегчить работу над тангутскими первоисточниками. Опыт показал, что китайские источники зачастую достаточно точны и помогают разобраться в трудных тангутских текстах. Так было, например, при изучении организации тангутского административного аппарата [Кычанов, 1959а. С. 103–115; 1965б. С. 180–196, 210–218]. Поэтому, работая с такими материалами, как своды тангутских законов, тангутские документы и т. п., целесообразно выбрать из китайских источников все сведения об экономике тангутского государства.

Основными отраслями хозяйства тангутского государства были скотоводство и земледелие.

Исторически скотоводству в хозяйстве тангутских племен принадлежала главенствующая роль [Кычанов, 1961а. С. 53–54]. На заре существования тангутского государства, во время войн его основателя Цзи-цяня с сунскими войсками, китайские чиновники докладывали двору, что тангуты «пасут скот, передвигаясь в зависимости от наличия воды и травы, и не имеют постоянного местожительства» [ССЦ. Гл. 2. С. 14б]. Скотоводство не утратило своего значения в экономике страны и в годы расцвета тангутского государства.

«Основные продукты производства государства Си Ся, — сообщается в другом китайском источнике, — овцы, лошади, войлоки, шерстяные ткани, ковры...» [ССШШ. Гл. 2. С. 4а]. Скотоводство было возможно на всей территории Ся (современная китайская провинция Ганьсу и западная часть провинции Шэньси), а в степных, полупустынных и пустынных районах оно было единственной отраслью хозяйства. «Их (тангутов. — *Е. К.*) земли, — сообщается в "Истории (династии) Цзинь", — богаты водой и травой и годны для скотоводства. Так называемые лянчжоуские стада — лучшие в Поднебесной» [ЦШ. Гл. 134. С. 828][1].

Судя по упоминаниям различных источников, основными животными в хозяйстве тангутов были овцы, лошади, коровы, яки, верблюды, ослы, мулы. Овец, лошадей, коров разводили во всех районах Ся, яков — преимущественно в горных районах Наньшаня и Кукунора. Алашань славился в то время по всей Центральной Азии своими верблюдами. Интересно, что монголы до нападения на тангутов очень мало разводили верблюдов и верблюды у них «в большом количестве появились после походов Чингисхана на Тангут» (рис. 39) [Владимирцов, 1934. С. 36].

Рис. 39. Изображение верблюдов, на одном из которых едет человек

[1] Территория бывшего государства Си Ся и в наши дни — важнейший скотоводческий район Китая [см.: Люй Чао, 1955. С. 8, 10–11, 15].

Можно предполагать, что государство как-то стремилось контролировать ведение скотоводческого хозяйства в масштабах всей страны. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов эпохи Небесного Процветания (1149–1169)» в администрации Ся среди управления среднего ранга упоминаются управление скотоводством и управление коневодством [Свод законов. Т. X. Инв. № 170–171; Кычанов, 1965б. С. 183, 185, 210]. На существование управления скотоводством указывается и в китайских источниках [ССШШ. Гл. 11. С. 11б]. К сожалению, мы ничего не о знаем функциях этих управлений. Возможно, они ведали стадами, принадлежащими правящему дому (и государству?). По сведениям «Си Ся шу ши», одной из задач управления скотоводством был надзор за принадлежащими государству лошадьми (*го ма*) [там же], хотя, судя по тангутскому первоисточнику, для этого было создано специальное управление коневодством.

Думается, что основная масса скота находилась в собственности частных лиц. О богатых и бедных скотоводах, т. е. о существовании частной собственности на скот, красноречиво говорят тангутские изречения:

Мудрый и скота накопивший в Совете заседает.
Поймали и внутренности отбили — чужую лошадь украл.
Пословиц не знает, разговора вести не сможет,
Лошадей и яков мало имеет, досыта не поест.
На лошади округи не объедешь — не годится для езды,
Скота не сосчитать — хозяин только им и занимается.

[*Парные изречения. С. 11а, 11б, 13а*]

Из текста пословиц очевидно, что положение в обществе непосредственно зависело от количества имевшегося скота: у одного его было много, и он заседал в Совете, т. е. участвовал в управлении, у другого мало, и тот поэтому даже досыта не ел. Судя по косвенным свидетельствам китайских источников, богатые скотовладельцы имели десятки тысяч голов скота. Когда в 1098 г. китайцы внезапно напали на стойбище семей двух тангутских чиновников, то захватили «не менее 10 тысяч голов скота» [ССЦ. Гл. 21. С. 4а–4б]. Мы знаем, что большими стадами владел правящий тангутский дом Вэймин. В 990 г. два изменивших Цзи-цяню рода внезапно напали на него и «захватили его скот» числом более 20 тысяч голов [там же. Гл. 1. С. 15а]. Эти факты позволяют говорить об очевидной имущественной дифференциации среди тангутских скотоводов, хотя мы пока не в состоянии охарактеризовать хозяйство тангутского скотовода.

Несмотря на то что значительная часть территории Ся была неудобна для земледелия, все области страны располагали землями, годными для обработки и возделывания тех или иных культур. Западная и восточная окраины Ордоса и сейчас вполне пригодны для земледелия. Земли по реке Хуанхэ, особенно от Иньчуаня (Синчжоу — бывшей столицы государства Ся) до Ланьчжоу, обрабатывались с глубокой древности и давали хорошие урожаи. Важными земледельческими областями страны были Принаньшанье и район города Синин. Именно в указанных местностях «земли у тангутов были плодородны, и они сеяли на

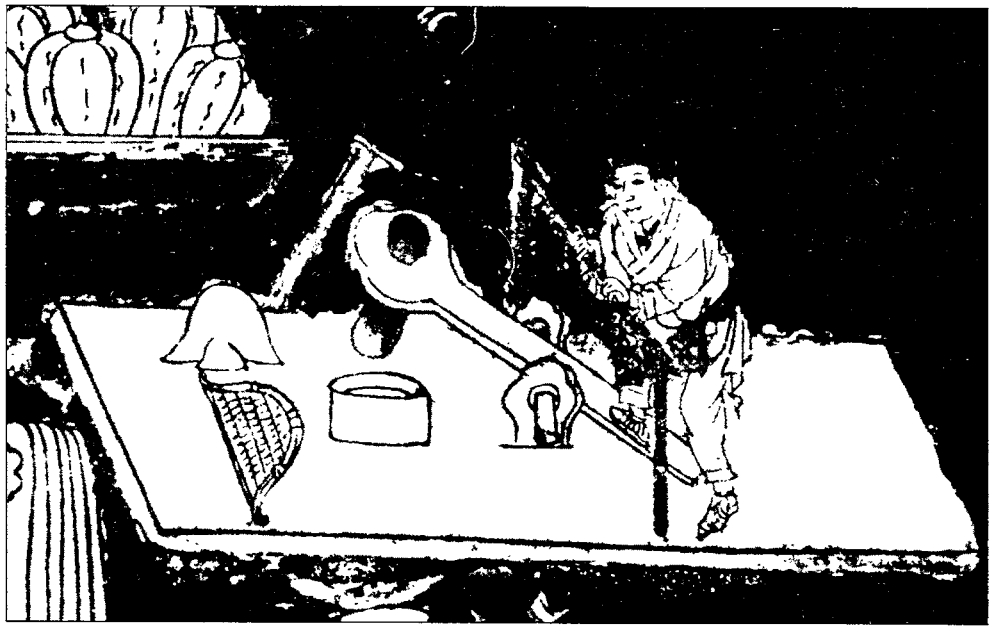

Рис. 40. Рисообдирочная мельница с ножным приводом

них пять видов хлебных культур (рис, просо, пшеницу, ячмень, соевые бобы. — *Е. К.*). Особенно хорошо их земли годились для посевов риса и пшеницы» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

Почти повсеместно земледелие в Си Ся было поливным. По некоторым данным, 68 больших и малых каналов орошали 90 с лишним тысяч цин земли (один цин равен 5,68 га) [ССШ. Гл. 9. С. 10б]. В Шачжоу, Гуачжоу, между Ганьчжоу и Лянчжоу «полив производился прямо из рек» [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Мощная ирригационная сеть была в районе столицы Ся — города Синчжоу, и у города Линчжоу, где для орошения использовали воды реки Хуанхэ. В этой местности пять древних каналов: Циньцзя, Ханьбо, Айшань, Цицзи и Тэцзинь — каналом Юйчжи соединялись с двумя каналами округа Сячжоу — Ханьюань и Танлян. Канал Ханьюань был длиной в 250 ли (одно ли равно 576 м), канал Танлян — в 320 ли [ССЦ. Гл. 3. С. 13а]. Все каналы этого района «были связаны между собой, собирали и распределяли воды реки Хуанхэ» [ССШШ. Гл. 20. С. 7б].

Ирригации в тангутском земледелии принадлежала решающая роль, и, судя по первому знакомству, тангутские законы содержали подробное описание оросительной системы Ся и строгую регламентацию пользования водой и ирригационными сооружениями [Тангут. кодекс. Т. XV. Инв. № 196–197]. Вероятно, нуждами земледелия и ирригации ведало управление сельским хозяйством, имевшееся у тангутов наряду с управлением скотоводством [Кычанов, 1965б. С. 183, 185, 210].

Земледельцы Ся пахали землю на волах. Вол как тягловое животное упоминается в тангутско-китайском словаре 1190 г. «Жемчужина в руке» [Нисн-

да Тацуо, 1964. С. 213]. На одной из гравюр в тангутском фонде ЛО ИВ АН изображена сцена пахоты на быке. В западных областях страны, возможно, пахали на верблюдах, так как жившие в тех районах уйгуры еще в X в. использовали верблюдов для обработки земли [Позднеев, 1899. С. 108]. В словаре «Жемчужина в руке» названы некоторые сельскохозяйственные орудия тангутов: соха, каменный каток для разрыхления и выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, каменный каток для обрушивания зерна, веялка-решето, ручная мельница для помола зерна [Нисида Тацуо, 1964. С. 212–213]. Все это говорит о хорошей по тем временам оснащенности земледельческого хозяйства Ся.

К сожалению, мы пока мало знаем, кому и на каких правах в тангутском государстве принадлежали как обрабатываемые земли, так и пастбища. Возможно, там юридически признавались две формы владения землей — государева (императорская) и частновладельческая. При этом, вероятно, предполагалось, что, как и вся власть в стране, все земли, вся территория Ся были собственностью государя. А он уже жаловал земли своим подданным. Эти предварительные выводы сделаны автором на основании изучения «Новых законов» государства Ся, составленных после «Измененного и заново утвержденного кодекса законов», со ссылкой на статьи последнего. В преамбуле к главе XV «Новых законов», содержащей законы о земле, мы читаем: «Испокон веков используемые каналы, земля, вода и арыки находятся в вечном владении государя и частных лиц» [Новые законы][2]. Далее поясняется, что все население страны — князья, служилое сословие, простой народ — государем «жалованную землю используют» [там же. С. 2]. Оба свода законов точно предусматривают размеры жалуемых участков и причитающуюся с них ренту. Таким образом, мы можем полагать, что право владения распространялось кроме земли и на воду (что совершенно понятно в условиях орошаемого земледелия) и юридически признавались два вида владения — государево (вероятно, в широком понимании государя и государства в целом) и частных лиц.

Пока мы вынуждены говорить о владении землей, а не о собственности на землю. Из доступного автору материала можно сделать лишь один вывод, что полноправным собственником земли был только государь. Он жаловал ее князьям, служилому сословию и всем прочим подданным. Последние были владельцами-землепользователями. Это подтверждается законами о купле-продаже земли. Земля покупалась и продавалась, но неизменно под контролем верховного собственника — государя (государства), которому при любом землепользователе принадлежала определенная рента с этой земли. Поэтому тангутское законодательство очень подробно регламентирует куплю-продажу земли. О каждой сделке было необходимо доложить местной администрации [Тангут. кодекс. Т. XV. Инв. № 7932б. С. 11б]. Государство должно было твердо знать, с кого получать налог-ренту. «Когда любой человек продает облагаемую податью землю, — говорится в законе, — то продавец из земельного реестра вычеркивается, а собственное имя покупателя [в реестр] вносится» [там же. Инв. № 196. С. 38а].

[2] Формула «государево и частное» постоянно встречается в тангутских законах.

Землю не только можно было получить по пожалованию или купить, но и приобрести ее, возделав целинный участок. Закон предусматривал, что «необработанную (целинную) землю вспахавший ее во владение получает. Он и родичи его владеют ею вечно и имеют право продавать» [там же. Инв. № 7933][3]. Однако, вероятно, и в этом случае земледелец платил налог государству и вносил плату за воду, которая, возможно, ему не принадлежала. Предполагать так заставляет продолжение только что цитированного текста: «Если оросительный канал разрушается, то хозяин данной земли должен чинить его» [там же]. Если бы канал безраздельно принадлежал владельцу участка, то вряд ли стоило оговаривать, что именно он обязан содержать его в хорошем состоянии. С другой стороны, возможно, указанная приписка вызвана заботой государства о сохранении нового участка в числе обрабатываемых земель и обеспечении с него устойчивого дохода.

Поземельный налог у тангутов, судя по кодексу законов, взимался натурой. Размер налога определялся количеством земли и тем продуктом, которым он выплачивался, например размер налога, выплачиваемого пшеницей или рисом, был неодинаков с равного по площади участка земли [там же. Инв. № 2581. С. 3б–4а]. Налоговые поступления расходовались на содержание армии, государственного аппарата, школ и создание необходимых запасов продовольствия. От налогов освобождали только в крайних случаях, во время стихийных бедствий, как это было, например, в 1143 г. после страшного землетрясения, опустошившего целые области страны [ССШШ. Гл. 35. С. 15а–15б].

В тангутском государстве основную массу земледельцев составляли рядовые тангуты и представители других народов, населявших Ся. «В государстве Ся, — сообщается в “Си Ся шу ши”, — земледелием занимались фактически те же, кто шел на службу в армию. Когда набирали солдат на службу, то это препятствовало земледелию, так как земля приходила в запустение и росли пустыри» [там же. Гл. 42. С. 4а]. Однако положение этой основной массы земледельцев остается нам пока совершенно неясным. О принудительном труде в сельском хозяйстве мы имеем лишь одно упоминание в китайском источнике: «Если тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их *чжуанлинлан*, а если [пленные] оказывались слабыми, трусливыми или не обладали никакими способностями, то их отсылали за реку заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу» [СШ. Гл. 486. С. 3797].

Есть сведения о прикреплении людей к храмам, но мы мало знаем о том, в каких отраслях храмового хозяйства они работали, хотя при пожаловании они и названы земледельцами [Нисида Тацуо, 1964. С. 169][4].

Зато, по-видимому, с достаточной уверенностью можно сказать, что наряду с поземельным налогом — рентой — другой важной повинностью населения Ся в пользу государства было отбывание трудовой повинности. Отбывавшие трудо-

[3] Пагинация не сохранилась.

[4] По тангутскому законодательству можно судить, что у всякого лица могло быть четыре основных объекта собственности: «скот, зерно, имущество, люди» [см., например: Тангут. кодекс. Т. I. Гл. 1. Инв. № 154].

вую повинность, как правило, работали на больших строительствах. Так, в 1020 г. они возводили стены вокруг новой столицы Ся — города Хуайюань [ССЦ. Гл. 5. С. 15б], а в 1047 г. строили монастырь Гаотай, один из крупнейших в стране [там же. Гл. 11. С. 9а]. О массовом участии населения Ся в несении трудовой повинности свидетельствует большое число работников, отбывавших повинность единовременно и в одном месте. В 1165 г. для строительства стен и дворца в городе Линчжоу было собрано 100 тысяч человек [ССШШ. Гл. 37. С. 5а]. В 1169 г. для строительства г. Сианьчан было согнано 40 тысяч солдат и 30 тысяч человек, отбывающих трудовую повинность [ССЦ. Гл. 25. С. 6а]. В источниках нет сведений о том, сколько дней или месяцев в году отбывали эту повинность, но, очевидно, она была как-то регламентирована. Обязанные отбывать трудовую повинность не были постоянно заняты строительством. Так, в 1082 г., когда тангуты начали строительство города Наньмоу, а китайские войска помешали работам, власти «прекратили работу и распустили отбывавших трудовую повинность» [там же. Гл. 17. С. 2а]. Таким образом, насколько это известно в данный момент, трудовая повинность и натуральный налог — рента с земли — были двумя важнейшими формами эксплуатации населения Ся.

Наряду со скотоводством и земледелием заслуживают упоминания ремесла, промыслы и торговля Ся.

Из перечня управлений в администрации Ся мы знаем о существовании ведомств, которые руководили разного рода мастерскими. К числу таковых относились: общее управление мастерскими, управление, ведавшее резанием досок и печатанием с них книг, управление мастерскими по обработке золота, управление шелкоткачеством, управление железоделательными мастерскими, управление деревообрабатывающими мастерскими, управление мастерскими по изготовлению бумаги, управление гончарными мастерскими, управление мастерскими по изготовлению экипажей [Кычанов, 1965б. С. 183, 185, 212]. Поскольку существовали упомянутые управления, значит, были и соответствующие мастерские. В тангутской надписи 1094 г., воздвигнутой по случаю реставрации пагоды Ганьин в Лянчжоу, упомянуты чиновники — руководители работ по производству черепицы, плотницких работ, чиновники, возглавлявшие каменщиков, слесарей [Нисида Тацуо, 1964. С. 175–176]. На основании этой надписи можно полагать, что крупные строительства городов, храмов, дворцов осуществлялись в централизованном порядке под наблюдением администрации и опытных мастеров.

Помимо строительства и работы в разного рода мастерских в хозяйстве Ся важную роль играли промыслы, в частности разработка естественных богатств страны. В северо-восточном районе тангутского государства, в округе Сячжоу, добывали железную руду и плавили металл [ССЦ. Гл. 7. С. 26б; Гл. 15. С. 6б]. В округе Сучжоу добывали асбест, процесс добычи и обработки которого был описан еще Марко Поло [Путешествие Марко Поло, 1910. С. 70].

Очень важную роль в экономике Си Ся играл соляной промысел. По сообщениям китайских авторов, «все цянские племена добывали соль и обменивали ее у пограничных жителей на зерно» [ССЦ. Гл. 2. С. 17а]. Соль добывалась из озер, которыми особенно изобиловал Ордос. Объем работ и количество добываемой соли было велико: в 1043 г. третий государь Ся Юань-хао предло-

жил сунскому двору ежегодно продавать в Китай 100 тыс. дань (один дань равен 59,68 кг) соли [там же. Гл. 10. С. 7а]. Китайские чиновники рекомендовали двору отклонить предложение Юань-хао и, в частности, указывали на то, что тангутская соль «обладает прекрасными вкусовыми качествами, а поскольку она добывается из озер, возможности ее добычи беспредельны. Если снять запрет на ее ввоз, то она хлынет в народ потоком, который не сдержат никакие плотины» [там же].

Подсобным промыслом у тангутов было пчеловодство, которое давало им мед и воск, охотно покупаемые китайцами [там же. Гл. 4. С. 18].

Видимо, такие работы, как обработка кож, пошив обуви, прядение шерсти, изготовление шерстяных тканей, пошив одежды, чаще всего производились на местах. Можно сослаться на Марко Поло, который отмечал, что в области Егрегайа (т. е. в Алашане) «ткут лучшее в свете сукно из верблюжьей шерсти» [Путешествие Марко Поло, 1910. С. 95–96]. Такая специализация отдельных районов, во многом определявшаяся их природными условиями, весьма показательна. Она являлась одним из условий развития торговли внутри страны и способствовала внешней торговле Ся.

Торговлю наряду со скотоводством и земледелием тангуты считали одним из трех светлых начал в мире. В тангутской пословице говорилось:

Три светлых начала в мире: скотоводство и земледелие —
два, и торговля — это три,
Три темных начала искоренить бы, да они живут: ложь и
разбой — два, и распутство — это три.

[*Парные изречения. С. 20а*]

Торговец считался особым лицом, обладающим капиталом и занятым только своим делом. Снова сошлемся на пословицу:

Овец имеющий занимается скотоводством в горных областях
Тангутской земли,
Деньги имеющий ищет выгоды в торговле с китайскими
купцами.

[*там же. С. 2а*]

С первых лет независимости государства тангутские государи заботились о развитии торговли. В 1002 г. Цзи-цянь для нужд местного населения открыл рынки в местечке Чиша округа Сячжоу и городке Тотокоу округа Линчжоу [ССЦ. Гл. 3. С. 11б]. К сожалению, мы не имеем прямых свидетельств о развитии внутренней торговли в Ся. Но можно полагать, что наличие достаточно широкого внутреннего обмена предусматривалось самим характером хозяйства страны. Две его ведущие отрасли — скотоводство и земледелие — предполагали взаимный обмен продуктами. Более того, каждый район страны славился какими-либо товарами: Алашань — скотом и сукнами из верблюжьей шерсти, горные районы Наньшаня — ревенем и мускусом, Ордос — солью, западные области — знаменитыми уйгурскими коврами. Поэтому можно думать, что внутренняя

торговля в Ся была развита достаточно, хотя доступные нам источники и не упоминают о ней.

В первые десятилетия существования тангутского государства там, по-видимому, не было своей монеты. Любопытно, что одно из свидетельств китайских источников дает возможность предположить, что в государстве Ся, как и в соседнем киданьском государстве Ляо, из общей массы товаров выделился продукт, ставший всеобщим эквивалентом при обмене. Если в Ляо этим продуктом были ткани, то здесь была соль. В 1043 г. китайский пограничный чиновник докладывал двору, что «на территории нескольких округов, принадлежащих Юань-хао, финансовые сделки совершались в расчете на соль» [там же. Гл. 10. С. 7б]. По имеющимся в настоящее время данным, тангутское правительство стало выпускать свою монету только с середины XI в. Наиболее ранняя из известных монет Ся датирована девизом правления Фу-шэн (1053–1056) [Пэн Синьвэй, 1954. С. 362]. Тангутские монеты изготовлялись по китайскому образцу, техника их производства, по мнению специалистов, была очень высокой [там же].

Тангутские племена издавна торговали с Китаем и другими соседями. И после возникновения тангутского государства внешняя торговля Ся развивалась главным образом с соседними районами Северного Китая — вначале с Сун, а затем с чжурчжэньским государством Цзинь. Для торговли на границе открывались специальные рынки. При покупке тангутских товаров право первой руки принадлежало китайской казне, и только в том случае, если казна отказывалась закупать какие-либо товары, тангутам «разрешалось вести меновую торговлю с местными жителями» [ССЦ. Гл. 5. С. 18б–19а]. Правящий дом Ся также имел льготы при покупке китайских товаров.

Однако монополия китайской казны на закупку тангутских товаров регулярно нарушалась. Источники сообщают, например, что так как «в Сячжоу много дешевых товаров», то «на границе нелегально были созданы рынки для меновой торговли и людей, торгующих (на этих рынках. — *Е. К.*), было очень много» [там же. С. 3б].

Торговля была меновой. Основной список подлежащих обмену товаров был опубликован сунским правительством в 1007 г. Он достаточно полно отражал состав и характер торговли Ся с Китаем. Тангуты возили на продажу в Китай соль, скот, шерсть, войлок, ковры, лекарственные травы, мускус, мед, воск, пух и перья, а покупали у китайцев шелковые ткани, благовония, лекарства, изделия из лака и фарфора, пряности, чай и, если была возможность, металлы [там же. Гл. 4. С. 18б]. История торговли Ся с Сун, Ляо и Цзинь показывает, что тангутское государство больше своих партнеров было заинтересовано в ней, ибо Ся было затруднительно сбывать большинство своих товаров другим соседям, жившим в сходных с Ся условиях и не нуждавшимся в продуктах скотоводства и сырье, а купить целый ряд товаров, таких, как чай, фарфор, хорошие шелковые ткани, тоже можно было только в Китае. Неслучайно один из китайских чиновников говорил, что тангуты рассчитывают на торговлю с Китаем, как «новорожденный смотрит на материнскую грудь» [там же. Гл. 12. С. 12б]. Такая зависимость тангутов от северокитайского рынка давала в руки сунского, а затем цзиньского правительств то преимущество, которое они постоянно использовали в своих взаимоотношениях с Ся: возможность закрыть пограничные рынки,

прекратить торговлю и поставить тем самым тангутское правительство в затруднительное положение, вынуждая его идти на уступки. Но в то же время местное население северо-западных областей сунского и цзиньского государств тоже нуждалось в торговле с Ся, прежде всего в приобретении соли, скота, лошадей. Поэтому, если сунский и цзиньский дворы, преследуя свои политические цели, часто накладывали запреты на отдельные товары или торговлю вообще, то частная торговля, даже под угрозой смертной казни [там же. С. 17а–17б], не прекращалась никогда [там же]. Поэтому сунский и цзиньский дворы, налагая запрет, были вынуждены смотреть сквозь пальцы на его многочисленные нарушения.

Надо отметить, что ощутимую роль в экономике Ся играли и те «пожалования» на общую сумму 255 тыс. лан, которые по договору 1044 г. тангуты получали от сунского двора. Войны с Сун и связанные с ними прекращения выплаты «пожалований» всегда приводили в заметное расстройство финансы тангутского государства.

Лишь кратко и в самых общих чертах охарактеризовали мы хозяйство тангутского государства Ся. Даже в этом сжатом обзоре много еще предположительного, нуждающегося в дополнительной проверке. И можно предугадать, что многое удастся проверить, когда мы подробно ознакомимся с тангутским законодательством. Те данные, которые мы могли почерпнуть из тангутских источников, уже существенно пополняют скупые китайские сведения. Показать важность привлечения оригинальных тангутских документов и настоятельную потребность проделать эту работу по возможности скорее — также одна из задач настоящей статьи.

Тангутское государство возникло на территории, не располагающей богатыми природными условиями. Однако тангуты смогли создать достаточно стабильное хозяйство, обеспечивавшее в течение двух с половиной столетий существование 2,5 млн человек[5]. При этом почти полтора века тангуты вели тяжелые, кровопролитные войны с Сун, Ляо, позднее с Цзинь и выстояли в этой неравной борьбе. Ся достаточно долго для такого небольшого государства оказывало сопротивление монголам и погибло в этой борьбе (1227 г.). И, как нам кажется, один из секретов этой стойкости не только и не столько, как полагал Г. Е. Грум-Гржимайло, в том, что природные условия территории Ся семь веков назад были более благоприятными, чем сейчас [Грум-Гржимайло, 1933. Т. 65. С. 437–454], хотя и этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, но и в жизнеспособности хозяйства тангутского государства, в котором кочевое и отгонное скотоводство умело сочеталось с поливным земледелием, основывавшимся на контролируемой государством системе ирригации. Узнать секреты организации тангутского хозяйства, вскрыть причины жизнестойкости тангутской экономики помогут нам только оригинальные тангутские документы, изучение которых уже стоит на повестке дня.

[5] Таково, по нашим подсчетам, было население Ся в период расцвета тангутского государства. Мы основываемся на китайских сведениях [СШ. Гл. 486], по которым тангуты могли выставить армию в 500 тыс. человек при существующей у них системе набора, когда из двух здоровых рекрутов в возрасте от 15 до 55 лет в регулярную армию брали одного.

ЛЮДИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГОСУДАРЮ (ГОСУДАРСТВУ)

(По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)»)

Тангутское право различало четко только два вида собственности: собственность императора, государя, и собственность частную, отдельных лиц. При этом собственность императора совпадала с его казной, казенной собственностью, собственностью государственной. Юридического различия собственности правящего дома, императорской и государственной собственности не было.

Люди, лишенные личной свободы или ограниченно свободные, тоже делились на принадлежавших частным лицам и государевых. Частным лицам принадлежали *пхинга*, лично несвободные мужчины, и *нини*, лично несвободные женщины. Люди, принадлежавшие государю (государству) именовались просто «государевы люди», точно так же, как были «государева земля», «государев скот», «государево имущество» и т. п. Такое деление лично несвободных на принадлежавших частным лицам и казне было характерно и для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан. Текст танского кодекса четко различает *гуань нуби* «казенных рабов и рабынь» и *сынуби* «рабов и рабынь, принадлежащих частным лицам», а также различные группы казенных лично несвободных: *гуаньху*, *фаньху*, *цзаху* и лично несвободных, принадлежащих частным лицам: *буцюй*, *кэнюй* (лично несвободных мужчин и лично несвободных женщин соответственно).

Если группы лично несвободного населения тангутского государства, принадлежавшие частным лицам, пхинга и нини достаточно легко выделяются и могут быть сравнительно подробно описаны по тексту кодекса, то выделить и описать группы государевых (государственных) людей значительно сложнее. Они упоминаются в тангутском кодексе редко, и тексты статей, в которых о них говорится, не всегда достаточно четки.

Государевых лично несвободных людей можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди — это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т. п. из группы «десяти зол»), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности (*юаньцзо*). «Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление, — говорится в кодексе, — независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также [его] родители, дед и бабка, братья, и сестры, еще не выданные замуж, если эти [родственники] живут в одной семье [с мятежником, все] подлежат наказанию — должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев» [Тангут. кодекс. Гл. 1. Л. 4а–7б]. То, что эти люди становились казенными лично несвободными, ясно из китайской аналогии: по кодексу Тан члены семьи мятежника «конфисковались», переходили в казну, а также из текста предшествовавшего «Измененному и заново утвержденному кодексу законов» «Яшмового зерцала управления [девиза царствования] Чжэнь-гуань», где указывалось, что в случае гибели в бою командира, четыре человека из его охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены «в государевых пастухов и земледельцев» [Яшмовое зерцало управления. Гл. Ш. Л. 14а]. Наконец, мы имеем свидетельства этому и непосредственно в тексте нашего кодекса. «Если женщина приговорена работать в государевом скотоводческом хозяйстве и уже отправлена в это скотоводческое хозяйство, то

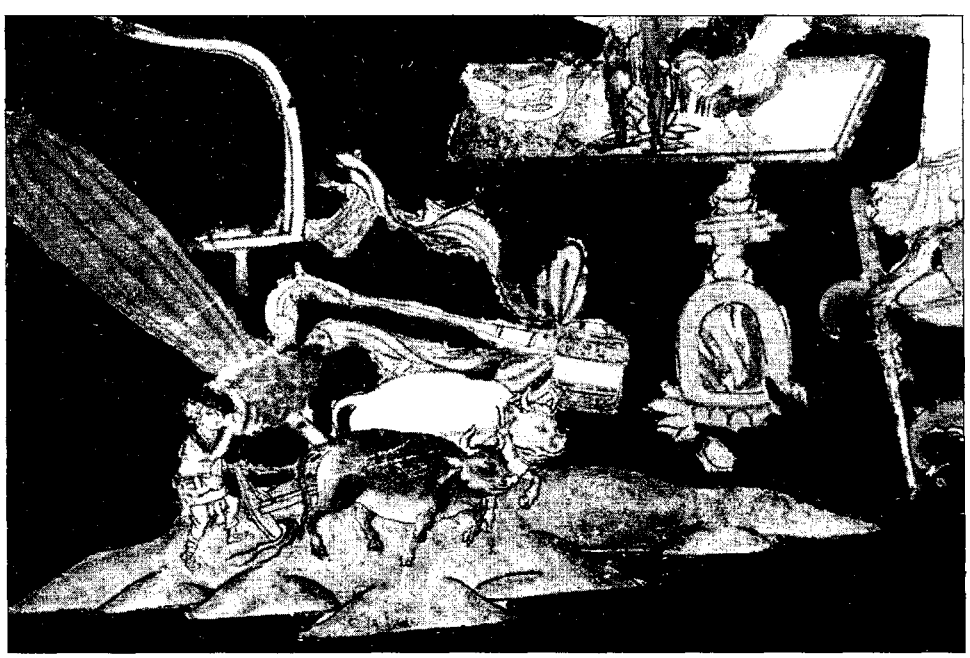

Рис. 41. Пахота на быках. Аньси. Настенная живопись. XII в.

сбывать ее в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец приговаривается к наказанию по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал [что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве,] по закону о пособничестве в совершении такой кражи. Плата, полученная продавцом [за женщину], должна быть взыскана в качестве штрафа и поступить в пользу государя. Если покупатель не знал [о незаконности сделки], то наказанию не подлежит, но сумма [которую он уплатил за женщину], должна быть у него изъята. Женщина за то, что она не донесла об ее продаже, получает тринадцать палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла [о незаконной ее продаже], то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое она сама пожелает» (рис. 41) [Тангут. кодекс. Гл. 19. Л. 50б].

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским государевым пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казенных лично несвободных людей, именовавшихся *гуаньху*. Это были «земледельцы, приписанные к ведомствам». Но как и в танском Китае, лиц, оказавшихся в уголовном рабстве, использовали и на других работах. В Китае рабский труд казенных рабов «использовался довольно широко при строительстве ирригационных сооружений, в казенных мастерских, при перевозке грузов. Мужчины-рабы пасли скот, разводили домашнюю птицу, выращивали овощи. Казенные рабыни занимались изготовлением тканей, керамических изделий, работали на кухнях. Назначение на работу и приписка к соответствующему ведомству определялись согласно исходной квалификации раба» [Козина, 1976. С. 96]. И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использовалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдаленных районах страны. Помимо постоянных указаний о переводе таких людей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для «передачи в другие государства верблюдов и лошадей» [Тангут. кодекс. Гл. 19. Л. 19а], т. е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота за границу. Но помимо сельскохозяйственных работ государевы люди довольно часто использовались в иных сферах хозяйства. Список государевых людей по профессиям сохранился в статье 393 кодекса. Он достаточно обширен. В него кроме пастухов и земледельцев входят «смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, официанты... дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шелка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений (кистей, лент, бахромы), погонщики караванов верблюдов... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в предусмотренном законом порядке рвов и укреплений,

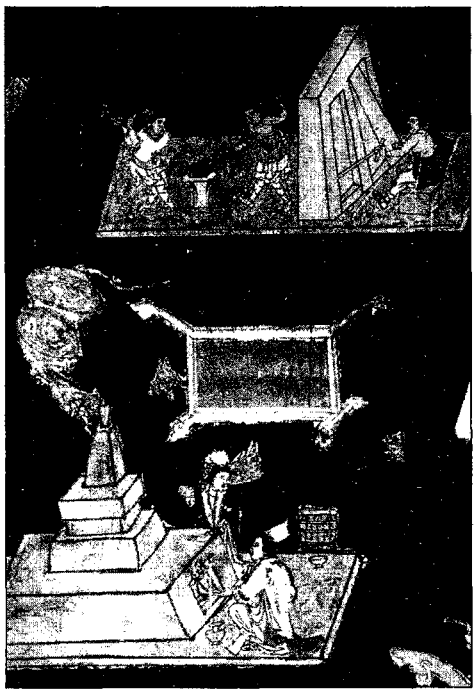

Рис. 42. Кузнецы и виноделы. Аньси. Настенная живопись. XII в.

разные мастеровые, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ночных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе» [там же. Гл. 17. Л. 3б–4б]. Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались как обслуживающий персонал и в качестве рабочих и мастеровых, можно думать, сосредоточенных главным образом при дворе или в столице. Все это были лица, выполнявшие, как сказано в этой же статье, прежде всего «тяжелые работы».

Эти люди принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. «Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить [для себя] в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей или просить или делать людьми, принадлежащими частным лицам, людей, совершивших тяжкое преступление, приговоренных к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон будет нарушен, то просителю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по двенадцать лет каторжных работ» (рис. 42) [Тангут. кодекс. Гл. 13. Л. 28а–28б].

На «государева человека» «накладывались разные работы и повинности», и он находился в ведении определенного чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством или другое. В «Новых законах» названы «приписанные к управлениям государевы земледельцы» [Новые законы. Гл. 15. С. 13].

Государевы люди, «тяглые, записанные за государем», имели свои семьи и свое имущество, в том числе и недвижимость. Текст одной из статей кодекса гласит: «Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то [виновным] выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия» [Тангут. кодекс. Гл. 7. Л. 13а–14а]. «Государевы люди наделялись землей, которую были обязаны обрабатывать полностью». «Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои *ндзие* (*цин*) и *ндзвон* (*му*) — [участки земли] в тех размерах, в каких они их держат. Нару-

шать границы первоначально установленных участков пахотных земель, облагаемых налогом, мест соединения оросительных каналов, увеличивать [свой участок] за счет чужих земель, уменьшать размеры участка земли и сокращать посевы запрещается. Если закон будет нарушен и посевы сокращены, то [виновные получат наказание] по закону о тайной краже в зависимости от стоимости похищенного имущества, а когда [кем-то] его участок земли будет увеличен за счет чужой земли и будут нарушены границы участков, то [виновный] получит наказание на одну степень меньшее, чем наказание за тайную кражу, в зависимости от стоимости [незаконно] приобретенной земли. Награда за донос выплачивается в размере одной десятой стоимости [присвоенной земли], но не должна превышать сто связок монет» [там же. Гл. 15. Л. 11б]. В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка размером в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами десять связок монет, пшеницей 4 ху (237,6 л), горохом 5 ху 5доу (326,7 л), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками «в соответствии с законом» [Новые законы. Гл. 15. С. 13–14]. Наряду с прочими несвободными людьми землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. «Что касается назначений "наблюдающих за водой" и "обслуживающих канал" на больших магистральных каналах, то [таковые] должны назначаться из года в год поочередно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также [землепашцев], принадлежащих родственникам [государя], советникам, старшим и младшим [чиновникам], хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок. Если же имела место взятка, то [таковая] должна считаться взяткой с нарушением закона. Государевы люди, "наблюдающие за водой" и "обслуживающие канал" несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае его прорыва за "ущерб, причиненный хлынувшей на поля и постройки водой"» [Тангут. кодекс. Гл. 15. Л. 23б].

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить то, что ему дают. Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государева скота и некомпенсацию причиненных убытков «под угрозу должна быть поставлена жизнь» государевых людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государевы пастухи «при уходе за скотом проявят непокорность, откажутся работать, не станут слушать приказаний». Такие пастухи наказывались на основании полученных свыше указаний [там же. Гл. 19. Л. 50а–50б].

На государевых, как и на частных, людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте, — приплод следует за самкой. «Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с матерью, или если у женщины есть ребенок, который уже родился, то [и детеныш животного и ребенок женщины] равно [вместе с матерями] подлежат возврату владельцу» [там же. Гл. 3. Л. 34а]. «Если государевы или частные люди, женщина или мужчина, совратят один

другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся [у бежавшего мужчины] от [бежавшей с ним] чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана [своему] владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [там же. Гл. 8. Л. 26б–27а].

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государева человека из списка рассматривалось как тайная кража человека. Использование государева человека в личных целях как слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого [там же. Гл. 13. Л. 29б].

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за принадлежащего частному лицу мужчину (пхинга) женщин, членов своей семьи — свою дочь, сестру, тетку по отцу. Вообще, судя по этому тексту и тексту статьи 521 о государевых девушках, лично несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам, т. е. только в пределах своей и родственной социальной группы [там же. Гл. 8. Л. 27б].

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно, не менее многочисленная группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках. В «Яшмовом зерцале управления» прямо указывается, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, наказываемые по принципу общесемейной ответственности, отдавались в казенное рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу ложных сведений о количестве убитых им врагов с целью получения награды, его «родственники должны быть включены в армию [Яшмовое зерцало управления. Гл. 3. Л. 15а]. Если военный инспектор допустит обман, все перевернет с ног на голову (буквально «голову и хвост поменяет местами») и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его «семья включалась в армию» [там же. С. 15б]. Таким образом, люди, обращавшиеся на основании принципа общесемейной ответственности в казенное рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения при ней тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет и следующее сообщение «Сун ши» о судьбах пленных китайцев: «Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их *чжуанлинлан*, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу» [СШ. Гл. 486. С. 3797]. Этот текст «Сун ши» крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко — как земледельцы или вообще на хозяйственных работах и для армии, будь то в передовых частях, т. е., как это я понимаю, на границах с сунским Китаем или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признались в какой-то причастности к предательству. Таковые «по определении их на каторжные работы в пограничные города должны по закону стать [людьми, работающими] на регулярную армию» [Тангут. кодекс. Гл. 1. Л. 11б]. Сын женщины, чужой жены, похищенной кем-то раньше, и рожденный на чужбине от похитителя, если он не признавался ее первым мужем, законным хозяином этой женщины, и оказывался вне семьи, «по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск» [там же. Гл. 8. Л. 5б]. Во вспомогательные войска отправлялись сыновья государевых девушек, рожденные как от государевых людей, так и от пхинга. «Если государевы девушки, девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя, девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей, по своей воле, с обоюдного согласия [с мужчиной] заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы [замуж] по ее желанию. Что же касается сыновей [таких лиц], то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если он пхинга, то [его сыновьям] становиться также пхинга не разрешается, а они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же [по чьей-либо вине такие люди] не будут взяты на учет, то [с виновного], имеющего ранг, — штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок». [там же. Гл. 8. Л. 27б].

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом данная женщина должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отдали в залог [там же. Гл. 9. Л. 10а–11б].

Государевы и частные лично несвободные люди, очевидно, нередко бежали со своего места приписки или от своего хозяина, о чем свидетельствует наличие в кодексе ряда статей о беглых людях и их поимке. «Что касается государева человека, ставшего беглым, то имеющиеся в данном месте чиновники: направляющие, армейские командиры, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники — должны выяснить фамилию и имя бежавшего человека, кто он, сколько человек в его семье и перечень имен [членов его семьи], почему и куда он мог сбежать и известно или неизвестно его местопребывание, и в течение десяти месяцев [все это] доложить должностному лицу. Если местонахождения беглого известно, то следует организовать его преследование, поймать, наказать и препроводить к тому чиновнику, в ведении которого он находился» [там же. Гл. 13. Л. 28а–28б]. И далее еще текст другой статьи: «Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал [его], то [он] должен отправить его туда, откуда [этот беглец] сбежал. В том случае, когда кто-то со слов беглого знал, что тот [беглец], но взятки с него не брал, то [таковому] не засчитывается стоимость работы [на него] беглого в течение шести месяцев. Также в том случае, когда кто-то встретится в дороге с беглым и будет ехать вместе с ним, если он не знал, что [его спутник] беглый,

то наказанию не подлежит. А если знал, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок. Если же кто-то из таковых возьмет [с беглого] взятку, то ее следует считать "взяткой с нарушением закона"» [там же. Л. 30а].

Счет беглых велся на семьи, причем семьей должны были считаться от одного до трех человек одиноких беглых, а также муж и жена или любых два человека из одной семьи. За укрывательство одной-двух семей в таком подсчете виновному полагалось три года, трех семей — четыре года, а за укрывательство десяти семей и более — смертная казнь путем удавления. Соответствующие меры наказания родственников укрывателя за укрывательство беглых были значительно более низкими: от шести месяцев до трех лет каторжных работ. Все были обязаны активно участвовать в поимке беглых: «Если о побеге государевых или частных людей были оповещены старшие и младшие направляющие по принадлежности, те, кто приписан к регулярной армии, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ближайшие соседи, но они не начали преследования [бежавших] или отправились в погоню и могли настичь беглецов, однако проявили в пути нерадивость и не догнали их, или догнали, но из-за своей немощи и, дорожа жизнью, не разгромили [беглецов], то [виновным] одинаково один год каторжных работ» [там же. Гл. 13. Л. 26б].

Пойманных беглых собирали в ближайших местных управлениях и группами с сопроводительными документами и охраной отсылали по этапу на прежнее место.

Донесшие о беглых получали награду за донос, обычно из расчета десять связок монет за одну семью, однако размер награды не мог превышать ста связок монет. Поимщик беглого получал награду из расчета пятнадцать связок монет за одну семью. За донос о беглых награждались и каторжане. Так, в тексте одной статьи говорится: «Когда убегут государевы или частные люди и укроются в пределах нашего государства, то в том случае, если в числе людей, донесших на [таких беглых], в ближайшем округе окажутся женщины, отбывающие наказание за совершенные ими преступления в качестве ткущих сукна, ткани из растительных волокон, белошвеек или отданные в жены пастухам и земледельцам, то они могут получить вознаграждение за донос в соответствии с законом. Можно позволить таковым сменить их местопребывания, [однако] менять им хозяйство [мастерскую] не разрешается» [там же. Л. 25б–26а].

Наконец, государевы и частные люди могли бежать из пределов Великого Ся за границу. Если они после этого добровольно возвращались обратно, то им свободно передвигаться по территории страны запрещалось. Их не наказывали, но их статус не менялся. Исполнявшие ранее тяжелые работы вновь возвращались на тяжелые работы, но могли в качестве награды за верность отечеству сменить хозяйство или место приписки. Если это были люди, ранее работавшие во внутренних дворцовых покоях, они после возвращения из-за рубежа к работе во внутренних дворцовых покоях, т. е. поблизости от особы государя, не допускались. Такие люди переводились в число служащих вспомогательных войск [там же. Гл. 7. Л. 3а–4б].

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных, принадлежавших казне людях в тангутском государстве. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, правда, кроме одного — они не имели таких обязательств к своему владельцу — государю (государству), которые составляли важную часть социального положения пхинга и нини: ношение траура, право доноса и т. п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных тоже становились несвободными — людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времен, когда будущие области Ся входили еще в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия, кроме естественного прироста, было уголовное бессрочное казенное рабство, распространявшееся и на потомков (привлечение к ответственности родственников государственных преступников), и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

В отличие от китайского права тангутское право не знало дробления статуса зависимых по степени их зависимости: рабы, гуаньху, мастеровые (гун), музыканты (юэ) — как это было для казенных лично несвободных в Китае, или рабы и буцюй, кэнюй — для лично несвободных, принадлежавших частным лицам. Следовательно, оно не знало поэтапного их освобождения. Кстати, каких-либо материалов о предоставлении свободы лично несвободным государевым людям в Ся у нас вообще нет.

Наконец, определенной спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично несвободных служащих вспомогательных войск. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать значительную армию. Обслуживание регулярной армии — конницы, пехоты, камнеметной артиллерии — было трудоемким делом. Еще больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных инженерных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЮДЕЙ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (982–1227 гг.)

Собственность на людей, выражавшаяся в юридической и экономической зависимости лица — объекта собственности — от его хозяина, зависимости рабской или близкой по характеру к ней, проявлялась на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в многообразии форм.

О наличии рабов в тангутском государстве до обращения непосредственно к тангутским источникам, по существу, ничего не было известно, за исключением двух-трех упоминаний в китайских источниках [ССЦ. Цз. 10. С. 6б; Цз. 14. С. 5б, 17а; Цз. 23. С. 8б; ЦУДШ. С. 612; У Гуан-чэн, 1934. Цз. 30. С. 7б], фиксировавших отдельные факты обращения пленных в рабство и продажи людей. Лишь использование тангутских первоисточников из тангутского фонда ЛО ИВ АН позволяет ныне достаточно подробно осветить этот вопрос.

Тангутское общество знало четкое идеологическое обоснование рабства. Помимо конфуцианского утверждения необходимости социального неравенства (конфуцианство было влиятельной идеологией в среде тангутской бюрократии) существовало, возможно (и даже господствующее), объяснение рабской зависимости с позиций буддизма — кармой. В тангутском сочинении «Море значений, установленных святыми» (издание 1183 г.) в разделе о рабах и слугах сказано: «Благородный человек или низкий, лично свободный (буквально "чистый") или раб — обусловлено его прошлыми деяниями. В этой жизни получаем воздаяние за прошлые поступки, и если не повезло, то становишься рабом или слугой» [Море значений. С. 32б]. Источник утверждает, что задача рабов и слуг — прислуживать знатным, выполнять в их хозяйствах и домах самую различную работу [там же]. От раба требовалось быть физически крепким и преданным семье хозяина; это давало ему надежду на награду в этой жизни, вплоть до получения должности на гражданской или военной службе, что, очевидно, означало как получение статуса лица «чистого», лично свободного, так и надежду на более благоприятное перерождение после смерти. Эта мысль высказана и в тангутских изречениях — памятнике, также, видимо, широко популярном, изданном способом ксилографии [Парные изречения, 1974. № 58, 192]:

Хорошо, когда короткие — ноги у птицы, шея у быка и шея у раба.
Счастье раба зависит от благополучия его хозяина.

Адские муки ожидали тех, кто, как гласит популярный плакатик с изображением сфер перерождения, хранящийся в Государственном Эрмитаже, «не различал высших и низших». По-видимому, такое объяснение рабской зависимости было господствующим в тангутском обществе.

Однако самым важным источником о формах личной несвободы в тангутском обществе является кодекс Ся. Составление «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)» предположительно было завершено в 1168–1169 гг. Этот источник содержит сведения первостепенной значимости. Вместе с тем его недостатком является то, что он знакомит нас прежде всего с юридическим аспектом форм личной несвободы в Си Ся и дает мало материала для характеристики экономического положения и конкретной занятости лично несвободных в тех или иных сферах хозяйственной деятельности или услужения.

В соответствии с бытованием в тангутском государстве двух основных форм собственности — частной и государственной — люди, лишенные личной свободы, также принадлежали или частным лицам, или государю (государству). Нам известны лично несвободные, именовавшиеся *пхинга* и *нини*, которые принадлежали частным лицам (возможно, частным лицам принадлежали и упоминаемые в кодексе так называемые отроки), и государственные люди, люди, принадлежавшие казне, а также «постоянно живущие» (чанчжу), лично несвободные, закрепленные за буддийскими общинами.

Как показали исследования текста, пхинга и нини не составляли двух разных по правовому статусу групп лично несвободных; они различались терминологически по полу как лично несвободные мужчины (пхинга) и лично несвободные женщины (нини). Лично несвободные в Си Ся входили в стандартный перечень собственности любого лично свободного человека, который включал «скот, зерно, ценности, имущество, землю, людей» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 4а–7б]. Более конкретные формулировки уточняют это понятие «людей» — «постройки, пахотные земли, пхинга, нини и прочий скот и имущество, принадлежавшие любому человеку» [Новые законы. Гл. 3. С. 53].

Источниками пополнения людей статуса лично несвободных кроме наследования этого статуса, рабства по рождению, являлись захват военнопленных и продажа ранее свободных людей в рабство в бедственные годы, обычно младших членов семьи старшими. В своде военных установлений тангутского государства «Яшмовое зерцало управления девиза царствования Чжэнь-гуань»[1] (1101–1113) мы читаем: «Если в сражении с противником захвачены доспехи, кони, знамена, барабаны, золото, люди... дети и женщины, то они входят в счет общей награды командирам марша и командирам строя» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 2. С. 11а]. В «Измененном и заново утвержденном кодексе» говорится: «Если наш человек, твердою рукою пленив врага, сделал его пхинга или нини...» [Тангут. кодекс. Гл. 7. С. 8б–9а], добыча считалась законной собственностью

[1] В ряде работ Е. И. Кычанова этот источник называется по-другому.

захватившего ее. Если родственники пленного ради его вызволения подчинялись тангутскому государству, то владелец пленного за то, что он лишался своей собственности, получал его реальную рыночную стоимость в данное время и в данной местности «в возмещение убытка в соответствии с законом из ближайшего государева скота, зерна и имущества» [там же. С. 8б–9а].

Голод гнал людей в рабство. К 1164 г. в северных областях Си Ся из-за частых дождей два, а то и три года подряд вымокали хлеба. Чтобы как-то прокормиться, сообщает анонимный тангутский источник, «люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников в соответствии с законом продают другим людям в пхинга и нини» [Рукопись №4189. Тангут. фонд. С. 4]. Закон фактически не содержал запретов на продажу старшими родственниками или членами семьи младших. Запрещалось продавать «кого-либо из числа родственников старшей степени родства — деда, бабку, отца или мать». В наказание за это полагалась смертная казнь путем обезглавливания, а за продажу более дальнего родственника старшего поколения — смертная казнь путем удавления (считалась более легким наказанием, чем обезглавливание) или 12 лет каторжных работ [Тангут. кодекс. Гл. 2. С. 28а; Гл. 7. С. 22б]. Кроме того, закон запрещал покупать неподданного тангутского государства [там же. Гл. 20. С. 7б–8а] и, соответственно, продавать подданного тангутского государства за пределы государства. В последнем случае продавец осуждался как за предумышленное убийство, а лично несвободный, если он выражал согласие на продажу его за пределы государства, наказывался как за побег [там же. Гл. 7. С. 22а–27а].

Хозяин распоряжался *пхинга* и *нини* как своей собственностью, движимой и недвижимой. Он мог продать их, отдать в залог. «Если любой человек заложит или продаст другому пхинга, нини, пахотные земли, постройки и документы (закладная или купчая) будут уже составлены, а деньги под залог или продажная стоимость еще не взяты, а тот, кто продавал или закладывал свое имущество, изменит своему слову, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок» [там же. Гл. 11. С. 13б]. Хозяин мог отдать *пхинга* и *нини* в качестве приданого за дочерью [там же. Гл. 8. С. 27б–28а]. Без разрешения хозяина (отпускной) *пхинга* и *нини* не могли уйти в монашество.

В правовом отношении закон очень часто приравнивал пхинга и нини к младшим членам семьи, а также к домашнему скоту. Правило, гласящее, что приплод принадлежит тому, кому принадлежит мать, равно распространялось как на скот, так и на нини. «Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с ней или если у женщины есть ребенок, который уже родился, то [они]... вместе с матерями подлежат возврату владельцу» [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 34а]. «Если государевы и частные люди, женщина и мужчина, совратят один другого и убегут, то те дети, которые родятся, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [там же. Гл. 8. С. 26б–27а]. Если пхинга без разрешения хозяина выдавал замуж женщин из своей семьи, то «дети, родившиеся у каких-то из этих уже проданных замуж женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу» [там же. Гл. 12. С. 1б–2а]. Собственно, это был общий для Средневековья

порядок, известный, например, также в Корее [Niida Noboru, 1965. P. 14], Византии и Киевской Руси. «Плод от челяди [рабыни] подобно тому, как и плод от скота, является собственностью господина, передаваемой по наследству» [Новосельцев и др., 1972. С. 171]. Действие этого принципа в Си Ся также является доказательством наследственного пожизненного статуса рабства, личной несвободы. Рабы по рождению, очевидно, составляли (по сравнению с новообращенными) бóльшую часть общего количества пхинга и нини.

В ряде случаев пхинга и нини трактуются законом на правах младших родственников хозяина. Судя по косвенному упоминанию, пхинга обязан был носить траур по хозяину и членам его семьи в случае их смерти [Тангут. кодекс. Гл. 13. С. 16а–16б], т. е. рассматривался не только как скот, имущество, собственность хозяина, но и как лицо, состоящее с хозяином в отношениях, носящих характер родственных. В случае убийства хозяина пхинга или нини они приравнивались к жене, убившей мужа [там же. С. 14а]. За ложный донос на хозяина пхинга и нини наказывались точно так же, как жена или невестка за ложный донос на мужа [Новые законы. Гл. 13. С. 14а]. Таким образом, статус лично несвободного в семье формально рассматривался как статус жены, наложницы, невестки, младшего члена семьи. Следствием этого было то, что хозяин по закону не имел над своими пхинга и нини абсолютной власти, вплоть до уничтожения своей собственности по своей воле. За предумышленное убийство пхинга или нини хозяин по закону осуждался на восемь лет каторжных работ [Тангут. кодекс. Гл. 8. С. 4а]. Закон предусматривал и суровые меры наказания за предумышленное причинение пхинга или нини увечья. «Если хозяин поранит пхинга или нини глаз, ухо, нос, ногу, руку, палец и сделает их инвалидами, то виновному — пять лет. Если отрежет по суставу руку или ногу, перережет сухожилия, то шесть лет, если выколет оба глаза, отрежет обе ноги или обе руки или перережет на них сухожилия — восемь лет. Если от причиненных им ранений пхинга или нини умрут — десять лет каторжных работ» [там же. С. 7б–8б]. Наказание за зверское, сознательное убийство пхинга или нини было, таким образом, даже более «суровым (десять, а не восемь лет каторги), чем за обычное предумышленное убийство. Но закон был столь суров только в случае очевидного предварительного намерения и изуверских действий. Если же хозяин, наказывая пхинга или нини за непослушание, калечил их, он, если имел чиновничий ранг, платил в качестве штрафа одну лошадь, а если ранга не имел — получал 13 палок. Если же пхинга или нини умирали от побоев, хозяину грозили лишь шесть месяцев каторжных работ. Фактически жизнь пхинга или нини была в руках хозяина. Хозяин всегда имел возможность обвинить своих рабов в непослушании (и наказание за их убийство снижалось с восьми лет до шести месяцев каторги), а знатные хозяева оставались вообще безнаказанными, так как благодаря их рангу на основании действующего законодательства они совершенно освобождались от наказания. В крайнем случае хозяин всегда мог откупиться от него. Любопытно, что наказание за предумышленное убийство пхинга и нини приравнивалось к убийству и домашнего животного, и младшего родственника. Тангутское государство в законодательном порядке преследовало немотивированный убой крупного рогатого скота и коней хозяевами по их произволу на мясо [там же. Гл. 2. С. 26б]. А с другой

стороны, хозяин, предумышленно убивший пхинга или нини, получал наказание, лишь на два года каторги большее, чем в том случае, если бы он предумышленно убил кого-то из своих детей или невесток [там же. Гл. 8. С. 3а–3б].

Мы не знаем, как наказывались пхинга или нини за покушение на убийство хозяина; соответствующие статьи кодекса, к сожалению, не сохранились. Если кто-то из них убивал хозяина, то получал высшую меру наказания — смертную казнь путем обезглавливания, ту же меру наказания, которая полагалась жене за убийство мужа.

«Если женщина убьет мужа, а пхинга или нини убьет хозяина, то виновные наказываются смертной казнью путем обезглавливания» [там же. Гл. 1. С. 14а]. И в данном случае лично несвободный приравнивался к жене хозяина.

По крайней мере до середины XII в. пхинга и нини рассматривались как члены семьи хозяина и при разбирательстве дел о покушении на хозяйское имущество. Тангутское право рассматривало кражу имущества одним родственником у другого как дело семейное, как передвижение данного имущества из одних рук в другие в пределах одной сферы общесемейной собственности, и поэтому такие дела не рассматривались в суде. По указу 1166 г., если пхинга обокрал хозяина, то он не подлежал наказанию. Это положение было отражено и в кодексе. Кодекс лишь настаивал на том, чтобы хозяин доложил о краже властям. Только при повторном обращении хозяина к властям и по его настоятельной просьбе лично несвободный человек, обокравший своего хозяина, наказывался по закону [там же. Гл. 3. С. 11б–12а]. Если хозяин не просил власти наказать его пхинга или нини, то, как он их наказывал сам, нам неизвестно: закон об этом умалчивает. Вероятно, обращенная к властям настойчивая просьба хозяина наказать пхинга силою и средствами государства и осмыслялась как передача хозяином государству его первоначальных прав на наказание находящегося в его собственности человека. Но если пхинга обворовывал постороннего семье хозяина человека, хозяин уже не мог сам решать дело и пхинга подлежал наказанию по закону [Рукопись. Инв. № 4189. Тангут. фонд. С. 11].

Однако, когда хозяйская воля была направлена на покушение на чужие права собственности, т. е. если хозяин приказывал пхинга или нини украсть что-либо у другого человека или казны, даже прибегая к насилию, закон требовал от пхинга и нини не исполнять хозяйский приказ. В случае подчинения приказу хозяина именно хозяин получал наказание как зачинщик, а пхинга и нини рассматривались как пособники [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 10а–10б].

Как и от младших родственников семьи, закон требовал от пхинга и нини выйти из-под власти хозяина и проявить свою волю, наделяя их правом доноса на хозяина и выступления свидетелем в суде против хозяина в случае совершения последним преступлений против государя и государства [там же. Гл. 13. С. 1б–3а]. За ложный донос или дачу ложных свидетельских показаний пхинга и нини наказывались точно так же, как жена или невестка в аналогичных случаях [Новые законы. Гл. 13. С. 14]. Как и младшие родственники не могли доносить на старших, пхинга и нини не могли доносить на хозяина, если он совершал преступления, за которые полагалось наказание меньшее, чем смертная казнь или пожизненная каторга [Тангут. кодекс. Гл. 13. С. 6а].

Таким образом, закон не лишал пхинга и нини абсолютно всякой правомочности. Он охранял их жизнь от преднамеренного и особо жестокого покушения на нее хозяина, наделяя их правом доносить об антигосударственных и других серьезных (наказуемых смертной казнью или пожизненными каторжными работами) преступлениях хозяина, позволял им выступать свидетелями в суде по таким делам и признавал за их показаниями юридическую силу. Позднее эти права были даже расширены, и в XIII в. пхинга и нини получили право доносить на хозяина и выступать свидетелями по его делу, если последний обвинялся в участии в ограблении, наказуемом четырьмя годами каторжных работ, или совершал тайную кражу на сумму, за которую полагалось шесть лет каторжных работ [Новые законы. Гл. 3. С. 8–9].

Определенную правоспособность и дееспособность пхинга и нини имели и в сфере экономической. Закон двойственно подходил к правам на ту собственность, которая находилась в руках пхинга и нини. С одной стороны, они сами являлись собственностью хозяина, и, соответственно, их собственность, собственность собственности, могла рассматриваться в качестве хозяйской. Во всяком случае, покушение на собственность пхинга тангутские юристы в XIII в. рассматривали как покушение на собственность хозяина. «В кодексе, — говорится в "Новых законах", — не указаны меры наказания в том случае, когда пхинга и нини одного и того же хозяина обкрадут друг друга. Поскольку похищение имущества пхинга есть причинение ущерба хозяину, то следует поступать исходя из закона об ограблении пхинга и нини своего хозяина» [там же. Гл. 3. С. 12–13]. С другой стороны, имущество хозяина и имущество пхинга и нини не смешивались. Пхинга и нини, виновные в совершении кражи, выплачивали стоимость украденного и награду доносчику из своего имущества — «из числа их собственного скота и имущества» [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 21а–22а]. Хозяин мог заплатить за пхинга компенсацию только по собственной воле. Пхинга и нини могли брать у кого-либо в долг как при гарантии оплаты их долга хозяином, так и без гарантии. Если они оказывались несостоятельными, хозяин лишь штрафовался за самовольные поступки принадлежавших ему людей, «но отдавать долг за счет скота и имущества, принадлежащего хозяину, не разрешалось» [там же. С. 446]. Мы не знаем сумму штрафа, которая уплачивалась не заимодавцу, а в казну. Важно то, что формально хозяин не отвечал своей собственностью за проступки своей собственности. И наоборот. Собственность не отвечала своей собственностью за проступки своего хозяина. В тех ситуациях, когда хозяин отвечал своим имуществом, он не должен был делать это за счет имущества своих пхинга и нини. Виновный в поджоге по небрежности, хозяин был обязан возмещать ущерб из той части своего имущества, которая «не являлась имуществом его жены, детей, невесток, пхинга и нини» [там же. Гл. 8. С. 2б–3а]. Возможно, это был частный случай, и, скажем, при уплате долга хозяин, скорее всего, мог отдать заимодавцу всех своих пхинга и нини с их чадами и домочадцами и всем их имуществом.

В случае совершения пхинга и нини государственных преступлений и казни преступников их имущество не конфисковывалось, как имущество лично свободных, а отдавалось их хозяину, т. е. закон признавал его хозяйским. Если пхинга и нини задумывали бежать, то при отсутствии у них семьи их имуще-

ство не конфисковывалось государством, а отдавалось хозяину [там же. Гл. 1. С. 4а–7б]. Более того, если преступника не казнили, а ссылали на каторгу и он начинал работать на казну, государство платило хозяину за право наказания его собственности, и сколько пхинга или нини у хозяина изымалось, столько же людей государство давало хозяину в возмещение ущерба. Если людей у государства не было, оно платило за наказанных по рыночной цене человека в данной местности [там же. Гл. 2. С. 19а]. Однако важно указать, что в определенной ситуации собственность собственности все же была неприкосновенна. И во всех случаях она юридически отличалась от собственности хозяина. Имущество пхинга н нини рассматривалось и как хозяйское, и как нехозяйское.

Пхинга имели семью. Когда пхинга и нини бежали и бывали пойманными, то при конфискации их имущества как имущества беглых какая-то доля, если они содержали семью, «должна была быть отдана семье, а если семьи не было — хозяину» [там же. Гл. 7. С. 19а]. Члены семьи пхинга (как собственность хозяина, если хозяин сам этого не хотел) не могли по приказу властей отправляться на отработки, связанные с компенсацией ущерба, причиненного пхинга, совершившим кражу [там же. Гл. 3. С. 21а–21б]. Члены семьи человека, принадлежавшего частному лицу и совершившего побег, если они не бежали вместе с ним, «не подвергались за бегство ссылке, а должны [были] быть возвращены прежнему владельцу» [там же. Гл. 7. С. 18а].

Таким образом, пхинга имели семьи, хотя неясно, были ли терминологически все члены одной семьи мужчины — пхинга, а женщины — нини? Естественно, что пхинга — глава семьи не мог по своему волеизъявлению распоряжаться членами своей семьи: как и он сам, все они были собственностью хозяина. Пхинга не имел права без согласия хозяина отдавать замуж или продавать женщин — членов своей семьи. Если такое случалось, «женщина вместе с родившимися у нее детьми должна была быть возвращена владельцу» [там же. Гл. 12. С. 1б–2б].

Собственно этими сведениями и ограничиваются имеющиеся в нашем распоряжении материалы, характеризующие положение пхинга и нини. Мы не знаем процедуру продажи лично несвободных, отпуска их на волю, наконец, не знаем характер их труда на своего хозяина. В начале XIII в. стоимость одного взрослого мужчины-пхинга оценивалась в 200 монет, взрослой женщины-нини и подростка-пхинга — в 150 монет [Новые законы. Гл. 13. С. 16б].

Пхинга находились на государственном учете. Скрывать своих пхинга и не подавать сведений о них властям хозяин не имел права (сокрытие десяти человек и более грозило ему и десятью годами каторжных работ) [Тангут. кодекс. Гл. 6. С. 30б]. На наш взгляд, это было связано с тем, что в трудные для государства годы пхинга забирали на военную службу во вспомогательные войска. Они снабжались конем, оружием и доспехами, которые, естественно, на руки им не выдавались, а «оставались у командиров подразделений» [там же. Гл. 5. С. 2а–8б]. Если пхинга был хорошим воином, он мог рассчитывать на получение свободы, ему даже оказывали почет. «По заслугам раба возвышают. Некогда прежде среди живущих в доме четырех или пяти рабов был раб преклонных лет. Он трижды говорил одному из этих рабов: “Судя по твоей тени, ты до-

бьешься высокого поста!" Тот раб отвечал: "Разве я не смогу пожертвовать своей жизнью? Я также полон решимости добиться всего!" После этого войска государя выступили в поход и сразились с врагом. Во время сражения этот раб сумел взять в плен командующего вражеской армией и представил его государю. Этому рабу дали высокую должность» [Море значений. С. 33а–33б].

«Море значений, установленных святыми», возможно, единственный наш источник, который упоминает о численности рабов в семье рабовладельца: «четыре-пять», «в семье жило несколько рабов». Не исключено, что четыре-пять человек и было средней нормой. В XIII в. богатым чиновникам и армейским командирам, имевшим, как сказано в источнике, «много людей», было дано право из десяти пхинга создавать пять пар кандидатов на военную службу и из них пятерых отправлять на службу в армию, «дав каждому по жене» [Новые законы. Гл. 6. С. 22а]. Пхинга, поступившим по воле своих хозяев в отряды, охраняющие границу, позволялось получать чин командира пятерки и даже ранг с последующим переводом на службу в регулярную армию. Фактически это означало приобретение личной свободы. Состоящие на военной службе пхинга тем не менее «не должны были в большом числе использоваться для охраны императорской резиденции» [Тангут. кодекс. Гл. 13. С. 18б].

Пхинга и нини, безусловно, относились к классу, именовавшемуся в дальневосточном праве «презираемым» (кит. *цзянь минь*, яп. *сэммин*), хотя данный термин в тангутском кодексе не встречается. Лично несвободные противопоставлялись лично свободным, «простым людям» (по терминологии кодекса), т. е. людям, не состоявшим на государственной службе и не имевшим чиновничьего ранга, и лицам, «имеющим ранг». Класс лично несвободных людей, юридически подразделявшийся по крайней мере на три сословия: (1) *пхинга* и *нини*; 2) государевы люди и 3) «постоянно живущие», класс наиболее эксплуатируемый, противостоял классу людей лично свободных, и в правовом смысле это противопоставление было основным.

К сожалению, как мы уже говорили выше, почти нет сведений о том, какими видами работ занимались пхинга и нини. В сочинении «Море значений, установленных святыми» говорится: «Рабы работают в деревне и выполняют самые различные работы. Слуги работают в доме: ткут, выносят золу из очага, подносят дрова и воду» [Море значений. С. 32б]. Это сообщение совпадает с упоминанием о сферах применения рабского труда в соседнем с тангутским государством сунском Китае: «Набрав рабынь, не притесняй их сильно, а обучи их ткачеству, и этого будет достаточно, чтобы они одевали сами себя. Набрав слуг, не притесняй их сильно, а обучи их землепашеству, и этого будет достаточно, чтобы они прокормили сами себя... Рабы пашут землю на равнине, а рабыни исполняют свою работу у кухонного очага» [Тан Кёдзи, 1971. С. 89, 100]. По аналогии с сунским Китаем и опираясь на свидетельство тангутского источника «Море значений, установленных святыми», мы можем в известной степени говорить о применении рабского труда в сельском хозяйстве Си Ся, но судить о его масштабах совершенно невозможно. Если сословие пхинга и нини, лично несвободных, принадлежавших частным лицам, достаточно легко выделяется и может быть сравнительно подробно описано по тексту кодекса Си Ся, то выделить и описать сословие людей государевых (государственных) зна-

чительно труднее. Сведения о них встречаются в единственном нашем источнике — кодексе, а тексты статей не всегда достаточно четки и легки для понимания.

Сословие государевых лично несвободных можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди — это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т. п. из группы «десяти зол», при наказании за которые вступал в силу принцип «общесемейной ответственности» (*юаньцзо*). «Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление, — говорится в кодексе, — независимо от того, живут ли они с ним вместе одной семьей или не живут, а также его родители, дед и бабка, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти родственники живут в одной семье с мятежником, все подлежат наказанию — должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 4а–7а]. То, что эти люди становились казенными лично несвободными, явствует из китайской аналогии. Согласно кодексу Тан, члены семьи мятежника «конфисковывались», переходили в казну. Текст свода военных законов Си Ся «Яшмовое зерцало управления девиза царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» указывает нам, что в случае гибели в бою командира четыре человека из его личной охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены «в государевых пастухов и земледельцев» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 3. С. 14а]. Наконец, текст кодекса гласит: «Если женщина получила наказание — работать в государевом скотоводческом хозяйстве, то сбывать ее в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец по приговору получает наказание по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал, что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве, получает наказание по закону о пособничестве в совершении тайной кражи. Плата, полученная продавцом за женщину, должна быть взыскана в качестве штрафа в пользу государя. Если покупатель не знал о незаконности сделки, то наказанию не подлежит, но сумма, которую он уплатил за женщину, должна быть у него изъята. Женщина, за то, что она не донесла о ее продаже, получает 13 палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла о незаконной ее продаже, то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое сама пожелает» [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 50б].

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казенных лично несвободных людей, именовавшихся гуаньху. И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использовалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдаленных районах страны. Помимо постоянных указаний о переводе таких лю-

дей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для «передачи в другие государства верблюдов и лошадей» [там же. Гл. 19. С. 19а], т. е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота в другие государства. Государевы люди довольно часто использовались и на иных работах кроме сельскохозяйственных. Сохранился список государевых людей по профессиям в одной из статей кодекса. Он достаточно обширен: «...смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, те, кто прислуживает при трапезах, дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шелка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений (кистей, лент, бахромы), караванщики верблюдов... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в соответствующем законом порядке рвов и укреплений, разные мастеровые, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ночных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе (озера, богатые солью высокого качества в Ордосе. — *Е. К.*)» [там же. Гл. 7. С. 3б–4б].

Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались в сфере услуг, а также как рабочие и мастеровые, в основном при дворце и в столице. Все они выполняли, как сказано в той же статье, прежде всего «тяжелые работы», принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. «Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить [для себя]... кого-либо из государевых людей или просить... людей, совершивших тяжкое преступление, приговоренных к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон будет нарушен, то просителю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по 12 лет каторжных работ» [там же. Гл. 13. С. 28а–28б].

На государева человека «накладывались разные работы и повинности», и он находился в ведении определенного чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством и т. п. В «Новых законах» названы «приписанные к управлениям государевы земледельцы» [Новые законы. Гл. 15. С. 13].

Государевы люди, «тяглые, записанные за государем», имели свои семьи и имущество, в том числе недвижимость. Текст одной из статей кодекса гласит: «Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то виновным выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия» [Тангут. кодекс. Гл. 7. С. 13а–14а]. Государевы люди наделялись землей, которую были обязаны обрабатывать полностью. «Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои... участки

земли в тех размерах, в каких они их держат» [там же. Гл. 15. С. 11б]. В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка величиной в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами (10 связок монет), пшеницей (4 ху = 237,6 л), горохом (5 ху 5 доу = 326,7 л), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками «в соответствии с законом» [Новые законы. Гл. 15. С. 13–14]. Наряду с прочими лично несвободными людьми землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. «Что касается назначений наблюдающих за водой и обслуживающих канал на больших магистральных каналах, то таковые должны назначаться из года в год поочередно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также землепашцев, принадлежащих родственникам государя, советникам, старшим и младшим чиновникам, хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же имела место взятка, то таковая должна считаться взяткой с нарушением закона». Государевы люди, «наблюдавшие за водой» и «обслуживающие канал», несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае прорыва воды — за ущерб, причиненный «хлынувшей на поля и постройки водой» [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 23б].

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить «только то, что ему дают». Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государева скота и возмещение причиненных убытков «под угрозу должна быть поставлена жизнь» государевых людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государевы пастухи «в деле ухода за скотом проявят непокорство, откажутся работать, не станут слушать приказаний». Такие пастухи наказывались на основании «указаний, полученных свыше» [там же. Гл. 19. С. 50а–50б].

На государевых, как и на частных, людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте: приплод следует за самкой.

«Если государевы девушки и девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя, девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей по собственной воле, с обоюдного согласия с мужчиной заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы замуж по ее желанию. Что же касается сыновей таких лиц, то, если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, его сыновья должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если он пхинга, то его сыновьям становиться также пхинга не разрешается. Они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках» [там же. Гл. 8. С. 27б].

«Если государевы или частные люди, мужчина или женщина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся у бежавшего мужчины от бежавшей с ним чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [там же. С. 26б–27а].

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государева человека из списка, так же как необоснованное привлечение государевых людей на какую-то работу, которую они не должны были обязательно делать, рассматривалось как тайная кража. Использование государева человека в личных целях в качестве слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого [там же. Гл. 8. С. 29б].

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за мужчину, принадлежащему частному лицу (пхинга), женщин — членов своей семьи: свою дочь, сестру, тетку по отцу. Вообще, судя по этому тексту, а также тексту статьи о государевых девушках, лично несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными, принадлежащими частным лицам, т. е. только в пределах своего сословия или класса лично несвободных [там же. Гл. 8. С. 27б].

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно, даже не менее многочисленная группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках. В «Яшмовом зерцале управления» прямо указывается на то, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, наказываемые по принципу «общесемейной ответственности», отдавались в казенное рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу с целью получения награды ложных сведений о количестве убитых им врагов, его «родственники должны быть включены в армию» [Яшмовое зерцало управления. Гл. 3. С. 15а]. Если военный инспектор допустит обман, «все перевернет с ног на голову» (буквально «голову и хвост поменяет местами») и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его «семья включалась в армию» [там же. С. 15б]. Таким образом, люди, обращавшиеся на основании принципа «общесемейной ответственности» в казенное рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет сообщение «Сун ши» о судьбах пленных китайцев: «Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их чжуанлинлан, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны г. Сучжоу» [СШ. Гл. 486. С. 3797]. Этот текст «Сун ши» крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко — как земледельцы (и вообще на хозяйственных работах), а также в армии, будь то в передовых частях (как нам кажется, на границах с сунским Китаем) или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признавались в

какой-то причастности к предательству. Таковые «по определению их в каторжные работы в пограничные города должны по закону стать людьми, работающими на регулярную армию» [Тангут. кодекс. Гл. 1. С. 11б]. Сын женщины, чужой жены, похищенной «кем-то раньше», рожденный на чужбине от похитителя, если он не признавался законным хозяином матери, ее первым мужем, и оказывался вне семьи, «по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск» [там же. Гл. 7. С. 5б]. Во вспомогательные войска, как уже упоминалось выше, отправлялись сыновья государевых девушек, рожденные от государевых людей и от пхинга.

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Те лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом учитывалось желание женщины: она должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отдали в залог [там же. Гл. 11. С. 10а–11а].

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных в Тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных, принадлежавших частным лицам, кроме одного — они не имели таких обязательств к своему хозяину — государю (государству), которые составляли важную часть социального положения пхинга и нини: ношение траура, право доноса, дача свидетельских показаний и т. п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных также становились несвободными — людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времен, когда будущие области Си Ся входили еще в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия кроме естественного прироста были уголовное бессрочное рабство, распространявшееся и на потомков, привлечение к ответственности родственников государственных преступников и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

Определенной спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично несвободных, служащих вспомогательных войск. Правда, и это сословие казенных лично несвободных может быть соотнесено с гунху и чжуаньху в киданьском государстве Ляо. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать большую армию. Обслуживание регулярной армии — конницы, пехоты, камнеметной артиллерии — было трудоемким делом. Еще больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

Особую группу лично несвободных в тангутском государстве составляли «постоянно живущие» (кит. *чанчжу*), люди, находившиеся в ведении буддийской общины и получившие свое название от общего наименования всего имущества общины (*чанчжу*).

Тангутские чанчжу упоминаются в кодексе несколько раз. Они были прикреплены к буддийской общине (упоминаются храмовые «постоянно живущие»); закон допускал использовать для вновь выстроенного храма «прислужников общины» и «постоянно живущих», тех, которые «прикреплены к ней» [там же. С. 33б–34б]. «Постоянно живущие» жертвовались храмам по регламенту, в зависимости от богатства храма, той суммы пожертвований, которые (в иных ценностях, чем люди) получал храм. Если пожертвования составляли 1 тыс. связок монет, храм получал двух человек «постоянно живущих», 2 тыс. — трех человек, более 3 тыс. — пять человек [там же. С. 34б]. Жертвователями могли выступать как государь (государство), так и частные лица. На «постоянно живущих» сохранялся как бы знак их жертвователя. В «Новых законах» упоминаются «государевы и частные всех общин — “постоянно живущие”» [Новые законы. Гл. 15. С. 1; Гл. 3. С. 53]. Пожертвованные храму люди полностью переходили во владение храма. «Что касается имущества и “постоянно живущих”, выделенных каким-либо человеком выстроенному храму, то они должны быть переданы храму полностью» [Тангут. кодекс. Гл. 11. С. 34].

Таким образом, в полном соответствии со своим названием «постоянно живущие» абсолютно приравнивались к любому прочему храмовому имуществу и в данном контексте прямо рассматриваются как вещь. Закон потому и настаивал на подлинной, а не на мнимой передаче людей буддийской общине, чтобы, переданные ей, они изымались из государева учета и поступали на особый учет буддийской общины.

«Постоянно живущие» работали на общину и ее храм, причем, вероятно, выполняли самую разнообразную работу. В тангутском тексте лянчжоуской стелы, датированном 1094 г., говорится о пожаловании (очевидно, государством) вновь отремонтированной пагоде Благодарения: «Выделены сангхе... “постоянно живущие” — четыре семьи землепашцев и мастеров по производству стрел» [Ниида Нобору, 1959. С. 169], с тем чтобы те могли обрабатывать землю общины или приносить ей доходы продажей изготовленных ими стрел. «Постоянно живущие» могли также работать снабженцами (тицзюй) общих трапез общины [Тангут. кодекс. Гл. 11. С. 33б].

«Постоянно живущие» (во всяком случае, бывшие государевы люди) не переставали быть налогоплательщиками государства, но платили налог в ограниченном размере, ибо часть их труда и дохода шла той общине, которой они были пожертвованы. Требования к ним со стороны государства, судя по тексту «Нового закона», были непостоянны: они или полностью освобождались от поставок сена (из трех обязательств: отработок по трудовой повинности, поставок зерна, сена в счет поземельного налога), или освобождались от трудовой повинности; или год платили поземельный налог зерном, а год поставляли сено [Новые законы. Гл. 15. С. 3].

Имущество буддийской общины (следовательно, и «постоянно живущие») в целом ряде случаев приравнивалось законом к государственному [там же. Гл. 3. С. 5–6]. Однако похищение «постоянно живущим» чего-либо из имущества буддийской общины, того имущества, частью которого он сам в известной мере являлся, каралось как хищение государева, т. е. казенного, имущества [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 7б]. Приговор виновному выносился как «чужому чело-

веку», обокравшему государя или частное лицо [Новые законы. Гл. 3. С. 43–44]. Это значит, что «кровных уз» между хозяином (буддийской сангхой) и принадлежащими ей людьми («постоянно живущими») закон не признавал. Этим «постоянно живущие» отличались от пхинга и нини.

Наконец, тангутский кодекс содержит несколько упоминаний о социальной группе населения Си Ся, именуемой отроками. Из истории иных древних и средневековых обществ известно, что отроками, представителями младшего поколения, как бы естественно обязанными прислуживать старшему, нередко именовались группы зависимых или даже лично несвободных людей. В. О. Ключевский отмечает, что отроки, или «детские», старорусских летописей являлись терминами, которые «самим значением своим указывали на членов младшей дружины», прислужников [Ключевский, 1959. С. 148]. В Китае в эпоху южных и северных династий (IV–VI вв. н. э.) при чиновниках были люди, также именовавшиеся отроками — *ганьтун* или *тунгань*. Этих отроков раздавали чиновникам. В «Сун шу» («Истории династии Сун», 420–478), упоминаются «отроки (ганьтун), раздаваемые чиновникам пяти палат (у шэн)». Суть службы отроков объясняется в «Цзы чжи тун цзянь»: «Отроки (тунгань) — это те, кто дается для того, чтобы служить на посылках (ши) и исполнять приказы (лин)». «При династии Южная Ци (479–501), — сообщается в "Тун дянь", — существовали отроки (тунгань). Они выполняли обязанности, одинаковые с современными (VIII в. — *Е. К.*) рассыльными и привратниками» [Сун шу. С. 530; Тун дянь, 1935. С. 30].

В тангутском государстве отроки также находились при лицах, занимающих высокое положение, знатных и влиятельных. В той статье кодекса, где о них упоминается впервые, говорится: «Если какой-то человек в целях обмана, пользуясь своим положением, заявит, что он лично владеет большим количеством скота и имущества, и после этого его старшие пастухи и отроки захватят у какого-либо человека места ночлега у колодцев и будут там поить и пасти скот, то...» [Тангут. кодекс. Гл. 7. С. 28а–28б]. Отроки-пастухи упоминаются также в других статьях кодекса [там же. Гл. 13. С. 35а].

Отроки-пастухи работали на своего хозяина, они «поили и пасли» его скот.

Отроки служили на посылках, иногда выполняя ответственные поручения. Их могли послать на переговоры с третьим лицом, прося у него помощи в деле похищения чужой жены [там же. Гл. 8. С. 18а–18б]. Чиновник, желающий получить отпуск по семейным обстоятельствам и не могущий в силу занимаемого им положения испросить его на месте, должен был «послать отрока-прислужника к вышестоящему чиновнику или военному комиссару (цзинлюе) и подать прошение о предоставлении освобождения от службы на такой-то срок» [там же. Гл. 10. С. 6б–7а]. Отроки-прислужники обычно сопровождали чиновников-ревизоров и следователей и, соответственно, указаны в кодексе в числе лиц, получавших довольствие на время выезда к месту ревизии или проведения следствия по какому-то делу. У начальника группы ревизоров, например, было три отрока-прислужника. Любопытно, что в списках на довольствие отроки всегда указывались после лошадей: «Начальнику группы на семь дней — одна туша мяса, риса и муки в зависимости от числа дней работы, по 4 шие (шэна) в день, в том числе риса по одному шие. Фураж из расчета на четырех

коней: одному коню — 7 шие, трем коням — по 5 шие каждому. Его трем отрокам-прислужникам в зависимости от числа дней работы по шие риса в день каждому» [там же. Гл. 20. С. 17б–20а; Гл. 19. С. 25а–25б].

Отроки служили и родственникам государя, обслуживали его двор. «Родственникам государя, советникам, старшим и младшим сановникам, "ожидающим приказаний", а также отрокам — прислужникам при них и всяким прочим лицам, не имеющим пайцзы и железных стрел, запрещается во время поездок забирать у населения транспортных животных» [там же. Гл. 18. С. 43а]. Есть сведения, что отроки обычно сопровождали посыльных с пайцзой [там же. С. 39б–40а].

Таким образом, мы можем четко выделить две группы отроков по роду занятий: отроки-пастухи при старших пастухах и владельцах стад и отроки-прислужники при чиновниках, возможно, чаще всего при тех, которые исполняли экстраординарные поручения, — при ревизорах, учетчиках скота, воинского снаряжения, имущества казны, следователях, высылаемых для разбора дела на месте происшествия, гонцах с пайцзой и т. п.

Наконец, мы можем выделить и третью группу отроков — отроков, находившихся при буддийских общинах. Юноши-отроки, состоявшие при буддийской общине, обучались учению Будды и при наличии у них успехов в ознакомлении с буддийскими текстами могли быть даже выдвинуты на разные должности при сангхе [там же. Гл. 11. С. 32а–33а]. Отроки, жившие при буддийской общине, могли быть также произведены в монахи [там же. С. 33б–34б]. И лишь одна строка в тексте позволяет допустить зависимость, неполноправное состояние отроков, живших при буддийских общинах. При создании новых храмов буддийских общин в монахи могли производиться юноши из старых общин. Закон при этом подчеркивает, что в результате этого «человек не должен исчезать из поля зрения властей». Эти производимые в монахи отроки «должны находиться в ведении (гуань) новой общины, а продавать их какому-либо человеку запрещается» [там же]. Следовательно, отроки, жившие при буддийских общинах, были людьми с ограниченной личной свободой, поскольку их можно было продавать. Находились ли в таком же состоянии ограничения личной свободы отроки-пастухи и отроки-прислужники, мы не знаем, так как никаких прямых сведений относительно этого у нас нет, кроме возможного сопоставления их со скотом (лошадьми). Отроки в Китае дотанского периода, по всей вероятности, были людьми зависимыми, даже лично несвободными. Мы помним, что их раздавали. Авторам времен Тан они напоминали посыльных (цюйши), лиц, о которых есть сведения, что они были из казенных лично несвободных [Тан люй шу и, 1935. Гл. 3. С. 66]. В танском Китае при чиновниках были люди, именовавшиеся фангэ, чжаншэнь, байчжи, циньши, шоудан и др., задача которых, по сообщению сунского автора Чэн Дачана, состояла в том, чтобы «быть у них (чиновников. — *Е. К.*) на посылках и исполнять работы по их обеспечению» [Согабэ Сидзуо, 1967. С. 117]. Возможно, тангутские отроки, по крайней мере некоторые из них, были близки по своему социальному статусу к этим людям. Не утверждая, что все отроки были людьми лично несвободными или зависимыми, отметим одно — любой переход в услужение, в «работающего на хозяина», даже по

найму, по средневековому дальневосточному праву влек за собой определенное поражение в правах.

Работать по найму, как сказано в тангутском кодексе, шел «бедный сын неимущего хозяина». При найме «обе стороны с взаимного согласия должны договориться о плате за работу, о чем должен быть составлен документ и доложено в управление», а если нанимавшийся был солдатом, то «старшему или младшему армейскому направляющему». Став наемным работником, солдат попадал в зависимость от хозяина, он уже не ходил во все военные походы, а «должен был покидать хозяина» только в том случае, «когда будет поднята в поход большая армия» [Тангут. кодекс. Гл. 6. С. 17б–18а].

Нанявшийся на работу человек становился лицом, стоявшим на порядок ниже простого лично свободного человека. У него возникали свои особые отношения с работодателем-хозяином, и если при расчете за работу наемный работник в ссоре был убит хозяином, то хозяин получал наказание на одну степень меньше, чем за убийство в драке простого, не имеющего чиновничьего ранга или какой-либо должности человека [там же. Гл. 11. С. 14а]. А в современном Ся сунском Китае при попустительстве властей хозяин даже мог безнаказанно убить наемного работника или арендатора [Ниида Нобору, 1967. С. 237].

Средневековые дальневосточные общества, во многом моделируемые по образцу китайского общества, знали разнообразные степени зависимых людей. В тангутском государстве это были пхинга и нини, лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, социальный статус которых находился где-то между танско-сунскими рабами и буцюй и кэнюй, государевы люди, служащие вспомогательных войск — лично несвободные, принадлежавшие государству, «постоянно живущие», люди, отданные в собственность буддийским общинам, и т. п. Упоминаемые в тангутском кодексе отроки также с большой долей вероятности могут быть соотнесены с китайскими тунганями дотанского времени и с цюйши эпохи Тан. Нет достаточной ясности в представлении о социальном статусе этих групп людей в Китае, мало материала, чтобы отчетливо обрисовать группу отроков в тангутском обществе. Мы думаем, что пока мы вправе только трактовать отроков как зависимую прослойку населения Си Ся, близкую соответствующим ей китайским моделям. Призванные быть в услужении, они самим фактом своей службы становились в положение людей, имевших особые отношения с хозяином или чиновником, вероятно, трактуемые как отношения родства между старшим и младшим родственниками, что в случае взаимных правонарушений ставило лиц, находившихся в услужении, в неравноправное положение и влекло для них всегда бóльшую ответственность, а для хозяина или чиновника, соответственно, меньшую. Тот факт, что отрóк, проживавший в буддийской общине, мог быть продан, с нашей точки зрения, подтверждает зависимое состояние социальной группы отроков в тангутском государстве.

Подведем некоторые итоги. Нет никаких сомнений в наличии в тангутском государстве прав собственности одних лиц или государства на других лиц. Человек, находившийся в собственности у другого лица, был лицом лично несвободным, причем форма зависимости таких людей была рабской или близ-

кой к рабской. Для всех докапиталистических формаций было характерно наличие принуждения непосредственного, прямого, внеэкономического принуждения в отличие от экономического при капитализме. Это непосредственное принуждение, его формы прежде всего отражались в праве. «В праве и выявляется, — писал К. К. Зельин, занимавшийся теоретической стороной проблемы в широком масштабе, — в общей форме, к кому и отчасти какого рода может быть применено принуждение» [Зельин, 1967. С. 16]. Формы принуждения и их юридические закрепления были в странах средневекового Востока многообразны.

Для тангутского государства наличие двух форм собственности — частной и государственной (государевой) — определяло и наличие двух основных сословий лично несвободных людей: пхинга и нини и государевых. Тангутское право вслед за средневековым китайским, приравнивая лично несвободных к вещам, скоту, одновременно в определенных ситуациях отходило от последовательного истолкования лично несвободного человека только как вещи, а приравнивало его к младшим родственникам хозяина и в конкретных случаях наделяло правоспособностью и дееспособностью, аналогичными с таковыми у младших родственников хозяина. Все это вполне соответствовало позиции китайского права в отношении лично несвободных, про которых в кодексе Тан говорится, что они «то же самое, что имущество» [Тан люй шу и, 1935. Гл. 14. С. 304], «их можно сравнить с имуществом» [там же. Гл. 20. С. 435; Гл. 18. С. 411], но одновременно в определенных ситуациях они признавались людьми. В сочинении «Син тун фу» сунского времени о рабах сказано: «Рабы презираемы и порабощены. Трудно рассматривать их как людей. Лишь будучи убиты или ранены ночью или давая свидетельские показания, только в этих случаях в качестве исключения они временно рассматриваются как человеческие существа, в прочих же случаях, там, где дело касается их, применимы правила, относящиеся к собственности» [Pulleyblank, 1958. P. 214]. Как справедливо отметил Э. Г. Пуллиблэнк, «китайцы не делали логического вывода из того, что если раб есть собственность, то он — вещь, а не человеческое существо» [ibid. P. 213]. Ниида Нобору, крупнейший в недавнем прошлом специалист по дальневосточному праву, считал, что в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме рабы рассматривались как «полулюди-полувещи» [Ниида Нобору, 1959. С. 121].

В этом плане как раз любопытен цитированный выше текст «Син тун фу» о том, что рабы «временно рассматриваются как человеческие существа», «будучи убиты или ранены ночью», т. е. в такой обстановке, когда обвиняемый не мог знать, свободный перед ним человек или лично несвободный. Рабы на Дальнем Востоке не имели фамилий [Е Лунли, 1793. С. 49], имена им заменяли клички, нередко оскорбительные; из тангутских текстов известна нини, которую звали «Рабыня-сука, ставшая человеком» [Рукопись. Инв. № 4189. Тангут. фонд. С. 27].

Теоретически сложной является проблема прав собственности как на определенные группы лично несвободных, так и на их имущество. «Постоянно живущие», с одной стороны, принадлежали буддийским общинам, являясь частью «постоянно пребывающего» имущества сангхи. С другой стороны, они

несли повинности в пользу государства и, как мы уже упоминали, именовались в «Новых законах» государевыми и частными «постоянно живущими», т. е. на них как бы сохранялся знак собственности пожертвователя. Пхинга и нини принадлежали хозяину как его имущество, входили в перечень скота, зерна и имущества состоятельного свободного человека. Их имущество, казалось бы, логично, должно было быть также собственностью их хозяев. Однако в определенных ситуациях, о которых мы говорили выше, этого не было. Закон запрещал хозяину расплачиваться имуществом его пхинга и нини (хозяин виновен в поджоге), а хозяину — платить из своего имущества за кражу, совершенную пхинга или нини. На имуществе и скоте пхинга и нини было как бы два знака собственности — их, пхинга и нини, собственности и собственности их хозяина, ибо, например, в случае совершения пхинга или нини антигосударственного преступления их имущество не отходило в казну, как имущество любого осужденного простого лично свободного человека, а оставалось у их хозяина как имущество хозяйское. Очевидно, мы имеем дело с тем широко распространенным в эпоху Средневековья бытованием форм собственности, которые именовались «собственностью разделенной» (dominium divisum), исследование которых блестяще было сделано в свое время видным советским юристом А. В. Венедиктовым [1948].

СЛУЖБА СКЛАДОВ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Экономика феодального тангутского государства Западное Ся (Си Ся, 982–1227) строилась на кочевом и отгонном скотоводстве и орошаемом земледелии [см. подробнее: Кычанов, 1969б. С. 79–99; Тангутские рукописи]. Налог с тангутских скотоводов и земледельцев взимался в натуральном виде — мясом, молоком, маслом, шерстью, зерном, соломой и сеном, вязанками хвороста. Хранение разного рода продуктов, поставляемых различным дворцовым и государственным управлениям в центре и на местах, требовало создания разветвленной сети складов, содержания большого числа складских служащих и разработки специальных охранительных мер против хищений продуктов этими служащими.

Ниже на основании тангутского первоисточника «Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси» — «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] эпохи Небесное Процветание (1149–1169)» [см.: Тангутские рукописи. С. 68–86] мы попытаемся охарактеризовать службу складов в тангутском государстве в середине XII в.

Склады сооружались из тех материалов, которые были наиболее доступны в данной местности. Там, где было достаточно леса (в горных и прилегающих к ним районах), рекомендовалось складские помещения делать деревянными. Там, где производили кирпич, склады строились из кирпича. В степных и полупустынных районах зерно рекомендовалось хранить в ямах. Ямы рылись в сухих местах, там, где земля была плотной и не осыпалась. Вырытую яму изнутри обжигали, хорошо просушивали и затем выкладывали изнутри широкими, толстыми и плотными матами, сплетенными из соломы или травы. По краям ямы примерно метровым слоем насыпался песок [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 42б–43а]. В складских помещениях, построенных из дерева или кирпича, особое внимание обращалось на состояние полов и крыш, на то, чтобы в склад не попадал дождь и не проникали грунтовые воды. Служащие складов должны были систематически проверять состояние складских помещений и производить их просушку. В случае если по их вине помещение не было вовремя просушено и это приводило к порче хранимых продуктов, стоимость причиненных убытков взыскивалась со служащих склада, а сами они и их вышестоящие начальники, допустившие недосмотр, подлежали наказанию [там же. Гл. 3. С. 26а].

Складом ведали: заведующий складом [I][1], кладовщик, занимавшийся приемом и выдачей хранимого имущества [II], складские надзиратели (сторожа) [III]. Кроме того, в штате продуктовых складов числились весовщики [IV] и обмерщики (хранители мер) [V]. На некоторых складах были специальные должностные лица, ведавшие «открыванием замков» (ключари) [VI], а также складские рабочие (*чантоу*) [VII]. Обычно служащие складов назначались из числа низших чиновников управлений, людей обязательно грамотных [там же. Гл. 17. С. 15а, 17а–18б]. Все служащие склада, в том числе и заведующий, должны были являться на службу с восходом солнца, весь день находиться на складе и покидать его только поздно вечером. Причинами, уважительными для неявки на работу, считались: болезнь, выполнение какого-либо поручения вышестоящих инстанций или передача дел. Во всех остальных случаях виновные за неявку на службу сурово наказывались [там же. С. 16б–17а]. Ключари дворцовых складов приносили замки вечером, запирали склады, а утром открывали их и уносили замки. Складские помещения при местных управлениях на ночь закрывали чиновники того управления, которому принадлежал склад, а замки на главном входе на территорию складов запирал и открывал заведующий складом [там же. С. 16б]. Некоторые данные «Измененного и заново утвержденного кодекса» говорят нам о размерах оплаты труда служащих складов. Заведующие складом податного управления и управления по продаже вина в столичном департаменте получали по триста связок монет, кладовщики — по двести, ключари — по сто, а рабочие складов — по семьдесят связок монет [там же. Гл. 22. С. 51б][2].

Склады могли быть ведомственными, т. е. принадлежать какому-нибудь управлению административного аппарата тангутского государства, или быть в ведении местной администрации — военно-полицейских управлений (*цзяньцзюньсы*), высших административных единиц Ся, а также департаментов (*фу*), армий (*цзюнь*), областей (*цзюнь*), округов (*чжоу*) и уездов (*сянь*). На складах велся строгий учет и оформлялись различного рода документы, например акты выдачи товара и его поступления. Контроль за работой складов и сохранностью имущества осуществляли вышестоящие инстанции, в ведении которых находились склады, а также управление инспекций и ревизий, регулярно проверявшие склады.

Все служащие складов могли находиться на занимаемых должностях только три года, после чего подлежали замене и в течение 15 дней должны были передать дела преемнику. Вышестоящие инстанции обязаны были выслать чиновника для проведения ревизии на складе [там же. Гл. 17. С. 4а–11а]. Эти меры предусматривались для предотвращения хищений, по-видимому, не столь редких на складах тангутского государства. Закон строго карал за хищение на складах или за ссужение хранимого продовольствия или имущества другому лицу без соответствующего разрешения. Наказание за хищение или личное потребление хранимого имущества назначалось на степень большее, чем за

[1] Здесь и ниже см. список иероглифов (в конце статьи), где в порядке, обозначенном римскими цифрами, даны оригинальные написания некоторых тангутских терминов.

[2] Возможно, тангутские чиновники, как и китайские, получали плату за работу два раза в год, «в два времени года» (осень–зима, весна–лето).

«тайную кражу», а за отдачу в долг или во временное пользование — на степень меньшее, чем за «тайную кражу»[3].

«Должностным лицам складов по своей личной воле и своею рукой красть, а также давать в долг любому человеку что-либо из разного государева имущества запрещается... Если старшие или младшие должностные лица складов тайно, по своей воле съедят, поделят, отдадут или продадут другому человеку, не оформив на то документов, или используют для своих личных нужд разное государево имущество, то наказание главам управлений, принимающим приказы (*чэнчжи*), военачальникам и принимающим решения [VIII][4] одинаково выносится на две степени большее, а должностным лицам (столоначальникам, делопроизводителям, приказным)[5] и служащим складов на одну степень большее, чем наказание за тайную кражу. Если кто-то из них не знал, [что это государево имущество], то наказанию не подлежит.

Когда старшие и младшие должностные лица там, где в их ведении находится разный государев скот, зерно, деньги, имущество, постройки, пахотные земли и всякое имущество внутри дворца — воинские доспехи, регалии и т. п., сами, своею рукой похитят много [из этого имущества] или используют и поделят, [т. е.] совершат действительно тяжкое преступление, то, если [виновным] может быть вынесено тяжкое наказание, о том, какое они наказание могут получить, следует доложить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями.

Если старшие и младшие чиновники, действуя в личных интересах, дадут в долг другому какое-то государево имущество и оформят на него документы или хотя и не оформят на него документы, но [этому незаконному действию] есть доказательства и свидетельства, то тому, кто дал в долг [государево имущество], и тому старшему или младшему должностному лицу, которое просило [его] в долг, определяется одинаковое наказание — на одну степень меньшее, чем наказание за тайную кражу. Если по прошествии трехмесячного срока имущество не будет возвращено, то приговор [виновным] выносится как за тайную кражу...» [там же. С. 22а–23б].

Таким образом, закон самым суровым образом наказывал глав управлений и высших чиновников за хищение вверенного им имущества — на одну степень больше, чем служащих складов. Такой порядок вряд ли можно признать несправедливым. Принцип феодального права предусматривает разную степень ответственности за одно и то же преступление в зависимости от общественного положения преступника. В данном случае вполне разумно исходили из того, что тот, кому доверено от государства хранение основ богатства страны, должен нести особую ответственность за их сохранность.

Служащие складов не имели также права закладывать казенное имущество. За заклад казенного имущества и служащий склада, и держатель заклада (если

---

[3] Тангутское уголовное право различало «тайную кражу» (похищение чужого имущества тайно и без применения насилия) и ограбление (похищение чужого имущества с применением насилия), учитывая при этом факт использования или неиспользования оружия.

[4] Вторым по степени важности чиновникам управлений.

[5] Основные должности чиновников управлений.

он знал, что взял казенное имущество) получали по полгода каторжных работ, причем держатель заклада должен был также отдать полученные им проценты [там же. С. 26а].

Ссужать в долг или во временное пользование государево имущество можно было только по распоряжению государя [там же. С. 23б].

При выдаче имущества со склада лицам, прибывшим за ним, запрещалось уговаривать служащих не торопиться с выдачей, не имея на то права, самим выбирать предназначенное для получения имущество, оскорблять служащих склада и наносить им побои. Виновные в нарушении этих правил наказывались тремя годами каторжных работ [там же].

Законодательством предусматривались и неизбежные потери при хранении некоторого имущества или при операциях с ним. В первую очередь это касалось зерна. Предусмотренные потери: 5 шэнов с 1 ху, а при веянии зерна — 7 шэнов с 1 ху. Для риса и муки допускались потери 3 шэна с 1 ху[6].

При хранении медной монеты на шнурках в связках по тысяче монет в каждой допускалась при поломке монет или обрыве шнурка потеря двух монет на одну связку. При хранении листов бумаги большого и малого форматов допускались потери десяти листов из каждых ста; посуды — десяти из ста единиц, вина — одного шэна из каждого доу[7], а при перевозках — двух шэнов из каждого доу; шерсти — двух цзиней[8] из каждых десяти; соломы и камыша — десяти вязанок из ста; масла — двух цзиней из десяти; конопли — одного цзиня из десяти; кож — одного цзиня из десяти; древесного угля — двух цзиней из десяти и т. д. [там же. С. 37б–48а].

В случае если умирал служащий склада, а после его смерти обнаруживалась растрата, то возмещение убытков возлагалось на сына или брата покойного (если они жили с ним одной семьей или же были кандидатами на замещение должности умершего). В том случае, когда они не могли возместить ущерба, все имущество семьи умершего подлежало конфискации [там же. С. 48а–48б].

При перевозках зерна и вина со склада на место назначения для их сохранности обоз должен был сопровождать служащий склада. Если во время перевозки допускались потери, превышающие допустимые нормы, то все излишние потери должен был возместить сопровождавший [там же. С. 49а].

Любопытны условия хранения серебряной и золотой посуды.

«В местах хранения разной золотой и серебряной посуды [ее] вес в ланах[9] должен быть определен самими [служащими склада] и выгравирован [на сосудах]. Что касается тех из них, которые изнашиваются от употребления, мытья и чистки, то, когда ранее [на сосуде] было выгравировано, сколько ланов он действительно весил, [его нынешний вес] должен быть сопоставлен с [его прежним весом], и если сколько-то ланов недостает, то они должны быть списаны. Если же выгравированная ранее надпись уже неразличима, то она не должна приниматься во внимание» [там же. С. 49б–50а].

---

[6] Ху — мера объема, равная приблизительно 30 л, шэн — приблизительно 0,6 л.

[7] Доу — мера объема, равная приблизительно 6 л.

[8] Цзинь — мера веса, равная приблизительно 600 г.

[9] Один лан равен приблизительно 37 г.

На окрашенных сосудах с тою же целью ставилась печать с указанием веса сосуда [там же. С. 50а].

Закон довольно подробно регламентировал порядок, сроки и контроль за оформлением документации складов. Например, поступление на склад зерна и другого имущества закон обязывал оформить в пятидневный срок соответствующим актом [IX]. Если допускалось промедление, то виновные в задержке на срок от шести до десяти дней подлежали наказанию тремя месяцами каторжных работ, свыше десяти дней до пятнадцати дней — шестью месяцами и свыше пятнадцати дней — годом каторжных работ [там же. С. 24а]. Строгому учету подлежали все операции с хранимым имуществом, а обо всех происшествиях на складе требовалось немедленно доложить по инстанциям.

Сеть складов продовольствия, фуража, оружия, доспехов, одежды, кирпича, леса широко охватывала всю страну. Иногда склады служили не просто помещениями для хранения имущества. Их служащими часто проводились сбор налогов, продажа хранимого, например товаров, на торговлю которыми существовала государственная монополия (вина и соль). На дворцовых складах производилась обработка сырья и работали ремесленники. Такой вывод можно сделать, читая раздел кодекса о допустимых потерях, в котором имеются косвенные свидетельства вышесказанному.

«Что касается допустимых потерь на каждые 100 цзиней на складах продажи вина, то в городах внутренних районов [допускаются потери] одного цзиня из 100, в пограничных районах — полутора цзиней из 100».

«Потери при разматывании и резании шелка-сырца, а также тканье тонких шелковых тканей: при разматывании 100 цзиней шелка-сырца из каждых девяноста восьми ланов [готового шелка] хорошего качества должно быть 91,5 лана, браку — 4 лана, потерь — 2,5 лана. При тканье 100 ланов тонких шелковых тканей допускаются потери в 2 лана, а также потери одного лана выданных ниток».

«В тех случаях, когда шелк непригоден для тканья и бракованными нитями и [их] остатками набивают седла для коней, то допускаются потери в 7 ланов на 100».

«Тому, кто делает кэсы[10], допускаются потери в 5 ланов на каждые 100 ланов ниток» [там же. С. 37б–48а].

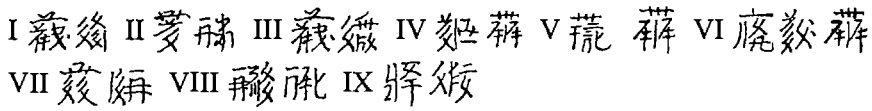
В регламентации службы складов в тангутском государстве мы прослеживаем определенное влияние китайского законодательства династий Тан и Сун (VII–XII вв.). Китайское законодательство определяло меры наказания за невозвращение взятой казенной вещи (по прошествии десяти дней — 30 палок и т. д.), за пользование служащими склада вверенными им на хранение вещами, за одолжение другому лицу казенной вещи, за виновность в порче казенного имущества [Сун син тун, 1918. Гл. 20. С. 13а–17б; Тай люй шу и, 1931. С. 338–341]. Однако этим сходство и ограничивается. В тангутском кодексе мы не находим статьи китайских кодексов, которая предусматривала бы обыск охраной всех лиц, покидавших помещение склада [Сун син тун, 1918. Гл. 20. С. 13б; Тай люй шу и, 1931. С. 338]. Кроме того, в целом тангутский кодекс содержит го-

[10] Вид дорогой ткани.

раздо более полную регламентацию службы складов. Это во многом определялось важностью этой службы для молодого тангутского государства, не имеющего своих традиций в этом деле. Склады, в особенности зерновые, при которых была налажена служба поступления и хранения поземельного налога[11], должны были обеспечить благополучие страны на случай войны или стихийных бедствий.

Безусловно, изучение службы складов только по своду законов без исследования других документов и источников об их деятельности недостаточно. Но можно надеяться, что данная в этой краткой заметке информация прольет дополнительный свет на этот сложный и весьма существенный институт в жизни средневековых государств Дальнего Востока.

СПИСОК ИЕРОГЛИФОВ

[11] Ср. у киданей [Wittfogel, Fêng Ch'ia shêng, 1949. P. 378–379].

ЗАКОНЫ, РЕГУЛИРОВАВШИЕ ВЕДЕНИЕ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (XII–XIII вв.)

Законы о скоте, возможно, наиболее интересная часть тангутского права, поскольку она находит меньше всего аналогий в рецептированном тангутами китайском праве. Тангуты (исторически в прошлом дансяны и цяны) являлись древним скотоводческим народом Центральной Азии, хотя вопреки нашим первым впечатлениям [Кычанов, 1969а. С. 104] в XII в. основной отраслью хозяйства тангутского государства Си Ся (982–1227) было уже не скотоводство, а земледелие. Однако бесспорно, что до этого многие сотни лет скотоводство было основной отраслью хозяйства тангутов, само понятие «имущество» в тангутском языке выражалось биномом «скот + имущество».

Как любой объект собственности в тангутском государстве, скот делился на скот, принадлежавший частным лицам, и скот, принадлежавший государю [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 36а; Гл. 19. С. 20б–21а]. Тангуты делили весь скот на четыре вида: 1) верблюды; 2) лошади; 3) коровы, быки, волы; 4) овцы и козы. Кроме того, существовало подразделение скота на крупный, в число которого включались животные, используемые для военных нужд, транспортных нужд и получения мяса и молока, а именно лошади, верблюды, ослы, быки, мулы, волы и коровы, и мелкий, дающий шерсть, молоко и мясо, к которому относились овцы, козы, свиньи. Особняком в тангутском кодексе рассматриваются яки, разводившиеся в горных районах Ся. Судя по имеющимся упоминаниям, соотношение ценности основных четырех видов скота было следующим: верблюд и лошадь рассматривались примерно как равноценные животные, а одному верблюду или одной лошади по ценности были равны пять коров или быков и двадцать овец или коз [там же. Гл. 19. С. 23а–23б]. В кодексе есть незначительные сведения о содержании скота. Были стада, в которых самцы и самки содержались вместе, были стада, где они содержались раздельно [там же. С. 10а]. В одном стаде с самками паслись старые животные, выхолощенные жеребцы и новорожденные и годовалые ягнята и телята. Молодые самцы часто выделялись в отдельные стада [там же]. В отдельные стада также выде-

лялись старые и больные животные [там же. С. 10б–11а]. Закон запрещал пасти вместе жеребят и жеребцов, молодые жеребята паслись вместе с кобылицами [там же. С. 12б–13б].

На каждом животном было клеймо, знак собственника. Клеймили скот «огненными клеймами», т. е. раскаленным железом. «Приплод от четырех видов домашнего скота — верблюжата, жеребята, телята и ягнята — все, сколько их появилось с первого дня четвертого месяца [май] и до первого дня десятого месяца [ноябрь], должны быть заклеймены на глазах [учетчиков], причем клейма ставятся: верблюжатам, жеребятам и телятам на ушную раковину, а ягнятам — на щеку. ...Что касается порядка клеймения [молодняка], то по прибытии в первый день десятого месяца учетчиков они лично должны осмотреть [молодняк] и на самцах и самках одинаково в соответствии с узаконенным порядком должны быть поставлены огненные клейма» [там же. С. 47а–48а].

Клеймился как государев [казенный] скот, так и скот, принадлежавший частным лицам. «Новые законы», дополнения к «Измененному и заново утвержденному кодексу», сделанные в первой четверти XIII в., предписывали в случае находки животного установить его клеймо и вместе с описанием внешних примет животного вывесить изображение клейма на рынке [Новые законы. Гл. 3. С. 38]. Клеймо было символом правомочий собственника. Поэтому, если казенный скот отдавался кому-то в собственность, ставилось второе клеймо в дополнение к стандартному клейму государя [казны], так называемое «клеймо о пожертвовании», знак отказа от прав собственности на данное животное. Овцам клеймо о пожертвовании ставилось на правой щеке [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 10б].

Судя по материалам кодекса, тангутский скотовод мог вести рентабельное, жизнеспособное хозяйство, позволяющее благополучно переживать мелкие бедствия со скотом, если у него было 15–20 голов крупного скота — верблюдов, лошадей, коров и быков — и 70 овец и коз [там же. С. 49б–50а]. Скотовод, который имел 200 овец и 20 коров, был уже обязан являться на военную службу в полном собственном снаряжении и с конем, с доспехами для себя и своего коня. Собственник 100 овец и 10 коров обеспечивал себя конем и одним из видов доспехов — или для себя, или для своего коня. Тот, у кого было 50 овец и 5 коров, являлся на военную службу только с конем, без доспехов. Это была граница обеспеченности и платежеспособности при призыве на военную службу [там же. Гл. 5. С. 20б–21а]. Прочих уже брала на обеспечение казна.

Скот принадлежал хозяевам, семье. По-видимому, при правах собственности на скот особенно сильны были позиции общесемейной собственности. Член семьи не имел права по своему произволу, без общего согласия выделить для себя какое-то количество скота. Скот, очевидно, пасли группами семей, возможно, родоплеменными коллективами. Тексты статей, которые так или иначе упоминают об этом, недостаточно четки. В одной из них сказано: «Всем чиновникам, взрослым мужчинам и женщинам, всем людям, которые не имеют права числиться хозяевами, запрещается брать и выделять для себя коров, овец, топливо, сено, траву и другие имущество» [там же. Гл. 7. С. 29а]. Эта статья связана с текстом предыдущей, где сказано: «Если какой-то человек в целях обмана и пользуясь своим положением заявит, что он лично владеет большим

количеством скота и имущества, и после этого его старшие пастухи и отроки захватят у какого-либо человека места ночлега у колодцев и будут там поить и пасти скот или же, участвуя в охране, выделит принадлежащий лично ему скот, имущество и, выделив людей, заставит их стеречь [свой скот отдельно], то допускать такой произвол над хозяевами запрещается» [там же. С. 28б–29а]. Таким образом, вероятно, хозяева пасли скот и охраняли его совместно. Социального равенства среди скотоводов не было. Те, кто имел много скота, стремились, пользуясь своим богатством и связанным с ним социальным положением, выделиться, пасти свой скот отдельно, не участвовать в общей охране скота. Возможно, само по себе такое выделение не было делом противозаконным, если оно не соединялось с побочными действиями. Во-первых, хозяин, должностное лицо, чиновник, выделяясь, использовал служебное положение и обирал своих сородичей или соседей. Поэтому такое выделение в кодексе наказывалось как взятка. Во-вторых, он захватывал удобные колодцы, места ночлега у них и близлежащие пастбища, чем ставил свой скот и своих пастухов в лучшие условия. При этом колодцы и места ночлега не были общинными, ибо их захватывали у «какого-либо человека». Колодцы, видимо, были источником дохода того, кто их выкопал. Пастухи были обязаны следить за колодцами и ремонтировать их. Очевидно, на своей земле каждый был волен вырыть колодец. Но и на государственной земле, пастбищах это можно было сделать, если это не вредило государеву скоту и если против рытья колодца не возражали государевы пастухи. «Пастухи обязаны ремонтировать колодцы. Если колодец придет в запустение, то [виновному] тринадцать палок. Кроме того, если в преде-

Рис. 43. Фрагмент гравюры к сутре «Золотой блеск»

лах государевых земель обнаружится увлажненное место [водяной глаз] и найдется какой-то человек, который мог бы выкопать колодец, то там, где это не повредит государеву скоту, колодец должен быть выкопан. Если же колодец будет выкопан там, где он вредит [государеву скоту], или же если пастухи воспротивятся тому, чтобы вырыть колодец там, где он не вредит государеву скоту, то одинаково с [виновных], имеющих ранг, штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок» [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 49а].

Скот подлежал учету. Составлялись списки скота как государева, так и частного. В эти списки входила и опись тех пастбищ, на которых этот скот пасся [там же. С. 48а–48б]. Государевы и частные пастбища были разграничены. «Хозяевам... там, где пасется государев скот, запрещается пользоваться водой и травой и пахать землю» [там же. С. 48б–49а]. Закон указывал, что в скотоводческих районах «государевы и частные земли должны быть разграничены» [там же. С. 48а–48б].

С владельцев скота требовался натуральный налог продуктами скотоводства и трудповинности. К сожалению, статьи, содержащие указание на нормы отработок по трудповинности скотоводов, не сохранились. Из оглавления — указателя к кодексу ясно только, что в число работ по трудповинности скотоводов входили поставки веников, метелок и древков для стрел. Налог натурой исчислялся по спискам скота, которые хранились в управлении скотоводством, и взимался молочными продуктами и шерстью. Каждый скотовод был обозначен в налоговых списках поименно с точным указанием количества причитающихся с него продуктов в лдие (цзинь) и ливу (лан)[1]. На каждого обязанного платить налог «должен заводиться отдельный документ, который заранее следует передать [чиновнику] управления столицы, финансово-налогового управления, управления загородными дворцами или же другому чиновнику. Управляющие пастбищами и пастухами производят расчет по имеющимся у них своим спискам и вносят дополнения. [По поставкам молочных продуктов и шерсти] в каждом своем гвоне из числа имеющихся там старших и младших управляющих пастбищами назначается старший. [Старшие] в соответствии с официальными документами и донесениями и должны присылать столько [молочных продуктов и шерсти], сколько их имеется в наличии. Запрещается допускать упущения по службе и недослать хотя бы один лдие [цзинь] или один ливу [лан]. ...Те шерсть и молочные продукты, которые следует поставлять, должны быть через управление скотоводством переданы должностным лицам финансово-налогового управления [саньсы], которые, в свою очередь, должны выдать [на принятые продукты] квитанции. Пастухи, [получив квитанции,] разъезжаются на места по своим гвонам. Когда же прибудет большая ревизия, то все квитанции следует собрать вместе и проверить в соответствии с законом» [там же. С. 14а–16б]. Поставок шерсти и молочных продуктов не требовалось с лошадей и вьючных верблюдов.

Сохранились некоторые сведения о нормах выплаты шерстью. Верблюжья шерсть стриглась с передних ног и шеи животного. Со взрослых верблюдов-самцов, не ходящих под вьюками, требовалось восемь ливу (300 г) шерсти, с

[1] Лдие (цзинь) равен 596,82 г, ливу (лан) — $^{1}/_{16}$ цзинь.

молочных верблюдиц — три ливу (112 г), со старых верблюдов и верблюдиц — по два ливу (75 г) шерсти. С овцы или козы требовалось платить шерсти весенней стрижки около 260 г, шерсти осенней стрижки — по 150 г. С ягнят шерсти весенней стрижки — 75 г, шерсти осенней стрижки — 150 г. Со взрослых яков шерсти весенней стрижки — 375 г, с годовалых телят яков — примерно 185 г. Молочных продуктов требовалось: с верблюдицы 1 кг 200 г, с овцы и козы примерно по 110 г с каждой [там же]. Неясно, что входило в понятие «молочные продукты», судя по требуемым нормам обложения, видимо, речь могла идти о сыре и масле.

В государственных хозяйствах среди пастухов распределялись дойные коровы, овцы и козы, молоко которых и приготовляемые из этого молока сливки, масло, сыр шли непосредственно к столу государя. Нормы поставок с этих животных не указаны; по-видимому, все молоко, получаемое от них, шло к столу государя [точнее, двору]. С дойных овцематок и коз не требовалось поставок шерсти. Дойные коровы, овцы и козы всегда находились в обозе государя во время его поездок по стране.

По-видимому, если не все, то по крайней мере часть пастухов ухаживали за молочными стадами государя в порядке отбывания трудовой повинности [там же. С. 16б–18б].

Помимо сбора налога казна скупала у скотоводов излишки молочных продуктов и шерсти «за деньги в соответствии с законом по реально существующим на данный момент продажным ценам» [там же. С. 14а–16б].

Законодательно были установлены нормы сохранения приплода от скота. Можно предположить, что они распространялись только на казенные стада и вряд ли касались частных хозяев. Но они интересны тем, что в любом случае фиксировали средние нормы сохранения молодняка. Кодекс зафиксировал, что ежегодно от каждых ста верблюдиц требовалось сохранить тридцать верблюжат, от ста кобылиц — пятьдесят жеребят, от ста дойных коров — шестьдесят телят и от ста овец или коз — шестьдесят ягнят или козлят. Пять ячат должны были быть сохранены от каждых десяти ячих [там же. С. 13б]. Естественно, что при оценке приплода с любого стада во внимание не принимались яловые верблюдицы, кобылы и коровы и несуягные овцы и козы [там же].

Государев скот был закреплен за государевыми пастухами, лично за каждым конкретное животное, и пастух отвечал за их сохранность, был в нашем современном понимании материально ответственным лицом. Мы не знаем точно, сколько голов скота было на попечении одного пастуха в тангутском государстве. Укажем лишь для сравнения, что в скотоводческих хозяйствах танского Китая (VII–X вв.) на десять коней полагался один коновод-погонщик, на десять коров — один пастух. Один пастух отвечал за шесть верблюдов, шесть ослов или мулов, один пастух ухаживал за стадом в 70 овец (рис. 44) [Тан лю дянь, 1974. Гл. 22. Л. 30а].

В государственных скотоводческих хозяйствах (гвонах) пастух имел право на часть приплода от казенного скота в качестве вознаграждения за службу. Такой скот клеймился особым «клеймом-пожертвованием». Пастух отвечал за гибель государева скота по его вине своим личным скотом. Эти факты свидетельствуют о том, что так называемые государевы пастухи, т. е. те, которые

Рис. 44. Козел и антилопа

работали не по трудповинности, а постоянно в казенных хозяйствах или даже были людьми лично несвободными, имели свой, лично им принадлежавший скот. Пастух мог взять себе мясо каждого из десяти погибших животных своего стада (мясо павших животных шло в пищу), если гибель скота произошла не по его вине и он не отвечал за падеж скота своим имуществом [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 10а].

Мы не знаем, сколько в каждом казенном скотоводческом хозяйстве было скота. Это могло, естественно, зависеть как от породы скота, так и от величины хозяйства. В танском Китае «конные дворы имели на своем попечении примерно пять тысяч коней каждый. Средний размер конского табуна был определен в 120 голов, стада верблюдов — в 70 голов» [Тан хуй яо, 1955. Гл. 72. С. 1305; Тан лю дянь, 1974. Гл. 17. Л. 24б–25а]. Китайский опыт был, весьма вероятно, сориентирован на опыт кочевников пограничных районов северо-запада, и эти цифры могут быть с должной степенью вероятности приняты и для рассмотрения вопроса о количестве скота в одном стаде или табуне в тангутских скотоводческих гвонах.

Много статей кодекса отведено пресечению возможных злоупотреблений при уходе за государевым скотом и правилам возмещения убытков казне. Имелись списки скота, в том числе в управлении скотоводством находились документы «с достоверным описанием внешнего вида животных», дубликаты которых также имелись в управлении ревизии и контроля. Подробное описание животных содержали и документы о выдачах скота. Они подписывались начальниками управлений, а по истечении года сброшюровывались в единую тетрадь. Управление ревизии и контроля использовало хранящиеся в нем документы при ежегодных проверках состояния казенных стад.

Отправляясь на ревизию казенного скота, ревизоры получали от казны бумагу для составления списков скота, медную печать для заверки документов с надписью «Финансово-налоговое управление», клеймо для клеймения скота и XIX главу кодекса законов, посвященную правилам ведения скотоводческого

хозяйства, текстом которой они должны были руководствоваться в своих действиях. Скот ревизовали на месте, «там, где он находится». Пастухи были обязаны предъявить ревизорам и учетчикам наличный скот без всяких ухищрений и обмана. Нельзя было предъявлять одно и то же животное в разных местах дважды, брать скот у другого пастуха или соседа и предъявлять его вместо своего. Такая подмена, в случае если было подменено более двадцати верблюдов или коней, каралась смертной казнью [Тангут. кодекс. Гл. 19. С. 25б–28а]. При обнаружении недостачи скота убытки вначале взыскивали с пастухов, затем, если те были платить не в состоянии, со старших и младших управляющих пастбищами и пастухами, а если и эти лица оказывались неспособными возместить потери, к ответу привлекали и низовую местную администрацию, «направляющих» и «замыкающих», ведающих скотоводством в данном районе. В случае если и эти лица оказывались несостоятельными, то виновные за ущерб, причиненный казне, «должны были поплатиться жизнью». Смертной казни подлежали пастухи, не возместившие казне потерю двадцати пяти коней или верблюдов, тридцати пяти коров, пятидесяти овец или коз [там же. С. 34б–35а]. Нельзя было в возмещение ущерба сдавать в казну яловых маток и тем самым лишать ее будущего приплода и дохода с этого скота [там же. С. 35б].

Учетчикам и ревизорам, взыскивающим убытки, запрещалось «вступать в личный контакт с человеком, обязанным выплачивать компенсацию, брать у него взятку и позволять благополучно здравствовать тому лицу, которое относится к числу не заплативших за причиненные убытки». Если учетчики и ревизоры незаконно списывали с пастухов скот, они несли наказание как за кражу на сумму, равную стоимости незаконно списанного скота [там же. С. 43а–44б].

Допустившие подмену упитанного и породистого казенного скота отощавшим или худопородным скотом, принадлежавшим частным лицам, также наказывались как лица, обокравшие казну на сумму разницы в рыночной стоимости подмененных животных [там же. С. 24а].

Имеющиеся материалы дают возможность составить представление об административном аппарате, ведавшем казенным скотом. Рабочей силой, низовой ячейкой его были пастухи, о которых, к сожалению, известно не так уж много. Это были или люди, работавшие по трудповинности на казну в порядке уплаты налога государству натурой и физическим трудом с тех земли и скота, которыми они владели, или лично несвободные государевы люди из числа «государевых пастухов и земледельцев», в том числе и каторжане, осужденные за уголовные преступления, и, наконец, что не исключено, люди, просто работавшие на казну по найму. Каждым хозяйством или группой хозяйств управляли старшие и младшие управляющие пастбищами и пастухами. Над ними начальствовали представители местной низовой администрации, так называемые направляющие и замыкающие данного региона. Одновременно «направляющие» и «замыкающие» могли назначаться и управляющими пастбищами и пастухами. В делах, связанных с государевым скотом, они непосредственно подчинялись управлению скотоводством. Управление скотоводством, центральная организация с функциями своеобразного «министерства животноводства», ведало не только казенным (государевым) скотом, но и сбором налогов с частного ско-

та, передавая затем налоговые поступления финансово-налоговому управлению (*саньсы*). Управление скотоводством вместе с управлением ревизии и контроля ведало также учетом и ревизией казенных стад. Чиновники управления скотоводством должны были на местах размещать свои канцелярии поблизости от пастбищ. На их содержание выделяли из казенных стад слабый и выбракованный скот.

Управление скотоводством не вмешивалось в проверку стад, принадлежавших частным лицам. Учетом скота частных лиц ведало управление ревизии и контроля.

Помимо управления скотоводством частью скота, предназначенного непосредственно обеспечивать нужды двора в летнее время, ведали управления загородными дворцами государя. Некоторые хозяйства, обслуживающие нужды армии, были в ведении военных комиссариатов (*цзинлюе*).

Любое потребление казенного скота оформлялось документами. Основанием для выдачи скота мог быть приказ государя, управления скотоводством и иногда, видимо, разрешение низовой администрации. Во всех случаях пастухи, выдавшие на какие-то нужды казенных животных, получали квитанции, свидетельствующие о законном уменьшении стада.

Мы имеем возможность указать на некоторые каналы расходования казенного скота помимо прямого потребления мясо-молочных продуктов на нужды двора и в качестве средства уплаты жалованья чиновникам.

Никто, кроме казны, не имел права продавать скот за границу. «Если кому-то из врагов [чужеземцев] будут проданы верблюд, корова или лошадь, безразлично, взрослое животное или маленькое... то, если виновен простой человек, зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания, а пособники наказываются пожизненными каторжными работами. Имеющим ранг мера наказания определяется в соответствии со степенью ранга». Продажа мелкого скота (овцы, козы, свиньи) наказывалась как ограбление без использования оружия [там же. Гл. 7. С. 22а–27а]. Существенную часть скота составляли боевые кони для армии. Не все военнообязанные были в состоянии явиться на службу с конем. Те, у кого своего коня не было, получали государева коня из казенных табунов. Те же, кто мог явиться с конем или расплачивался конем за причиненный казне убыток, должны были для армии «клеймить лошадь доброкачественную от копыт и до зубов. Запрещается клеймить ожиревшую или исхудавшую [лошадь], а также лошадь с неровной спиной, или не имеющую всех зубов, или слишком старую лошадь» [там же. Гл. 5. С. 21а–21б].

Государевы кони, переданные военнообязанным, закреплялись за ними лично. «Что касается государева коня, который находится в пользовании военнослужащего, то... запрещается использовать [его] для верховой езды и охоты. Когда же закон будет нарушен, то должно быть высчитано количество дней использования [государева коня] для охоты и верховой езды и стоимость произведенной [им] работы из расчета семьдесят [монет] в день и приговор виновному должен быть вынесен по закону о наказаниях за взятку с нарушением закона» [там же. Гл. 6. С. 11б].

Верблюды и ряд других животных использовались для перевозок грузов. Государевы караваны верблюдов составлялись из верблюдов, принадлежа-

щих казне, находившихся в ведении управления скотоводством и управлений загородными дворцами, в основном из верблюдов-самцов. Если самцов не хватало, то использовали и верблюдиц, но уже не требуя с них поставок шерсти и приплода [там же. Гл. 19. С. 18б]. Над вьючными верблюдами назначались старшие начальники, а во время работы к верблюдам были приставлены погонщики.

Эти лица отвечали за сохранность верблюда, и «если у верблюда оказывались поврежденными глаз, спина или нос», то виновных наказывали палками [там же. С. 11а–11б].

Верблюды, предназначенные на продажу за рубеж, переходили в ведение управления столицей. Если верблюд погибал от болезни, его шкура и мясо должны были быть представлены должностному лицу, после чего животное подлежало списанию. Во всех случаях гибели любых животных от болезни закон требовал доказательств того, что они погибли от болезни и что принимались меры к их лечению. Ветеринар или шаман, взявшиеся вылечить больное животное, но не сумевшие сделать это, не получали вознаграждения за свой труд [там же. Гл. 7. С. 32а–32б]. Кстати, врачи-ветеринары в Си Ся, видимо, имели даже узкую специализацию. Так, закон требует, чтобы больных лошадей лечил только «специалист по коневодству». Погибшее от болезни животное списывали, с трупа снимали шкуру, а мясо шло в пищу или на продажу. Есть даже упоминание о ценах на мясо павших животных. Конина в зависимости от возраста коня, стоила пятьсот-тысячу монет, стоимость туши мяса верблюда, коровы, быка была пятьсот монет, верблюжонка, жеребенка, теленка, взрослой овцы, козы — сто монет, ягнят — пятьдесят монет [там же. Гл. 19. С. 23б].

С эпидемиями государство вело борьбу. В случае возникновения эпидемий закон предписывал немедленно выявить количество заболевших животных и доложить об эпидемии по инстанции. Пастухи были обязаны в данном случае приводить мясо павших животных в негодность, а шкуры и уши их сохранять до прибытия властей для отчета. Специальные комиссии выясняли причину эпидемии, «обследовали колодцы, заросли трав, больных той же болезнью [животных] у окрестных государевых и частных хозяев, проверяли, что приобретали люди, соседние чиновники, старшие и младшие управляющие пастбищами того же самого и других гвонов» [там же]. Члены комиссии освидетельствовали шкуры и уши погибших животных. С ушей срезали клейма и уши сжигали. Шкура павших животных шла в дело и уничтожению не подлежала [там же].

Употребление мяса погибших животных в пищу, сохранение шкур павших во время эпидемии животных и выделка из них кож не могли не способствовать распространению болезней.

Тангуты приносили в жертву «три вида священных животных» — жеребцов, быков и дойных коров. Ежегодно «на грани зимы и лета», в третий день четвертого месяца (в мае), в старом императорском дворце их приносили в жертву духам Неба. При принесении в жертву коней производили возлияние чая и вина. На теле приносимого в жертву животного писали священные знаки. Выделялся скот для принесения жертв и устройства пиров в честь духов-хранителей, к которым обращались с просьбами даровать силу и успех в делах и избавить от бедствий. Если предназначенное для принесения в жертву жи-

вотное внезапно умирало, то его погребением по особому обряду занимался шаман. На землю сыпали зерно, сооружали погребальный костер, и труп животного сжигался. Кремация сопровождалась возлияниями в костер ароматических веществ и масла [там же. С. 21б–22а].

Поощряя и регламентируя законом приношение в жертву животных в тех случаях, когда это были признанные государством жертвоприношения, государство одновременно запрещало частным лицам приносить в жертву домашних животных, в особенности убивать их для сопогребения. «Всякому, за кем лично закреплен государев конь, запрещается приносить его в жертву в память умерших» [там же. Гл. 6. С. 10б]. «Что касается [животного], предназначенного быть связанным и загубленным при захоронении кого-либо из умерших людей, то оно должно быть отпущено на свободу» [там же. Гл. 2. С. 28б].

Любопытная черта тангутских законов о скоте — запрет собственникам скота забоя на мясо принадлежавших им животных. «Когда какой-либо человек зарежет на мясо принадлежащих ему лично корову, верблюда или лошадь, то за молодое или взрослое [животное] безразлично: за одно — четыре года, за двух — пять лет, за трех и более — одинаково шесть лет каторжных работ» [там же. С. 26б]. Если животное было украдено и зарезано на мясо, наказание возрастало до десяти лет каторжных работ [там же. С. 26б–27а]. Забивший на мясо государева коня наказывался как за его кражу [там же. Гл. 6. С. 10б].

Запрет резать на мясо верблюдов, лошадей, быков и коров распространялся также на ослов и мулов, но со значительно меньшими сроками наказания [там же. Гл. 2. С. 28а]. Совершенно ясно, что эти законы были направлены на обеспечение сохранности стад тягловых и молочных животных в стране. Специально на мясо разводили только овец, коз и свиней. В XIII в. в некоторых ситуациях была запрещена охота и рыбная ловля. «В [нашем] государстве запрещается чиновникам и народу резать на мясо коров, верблюдов, лошадей, мулов и ослов, а для уплаты налогов и при выполнении трудовой повинности стрелять диких животных, ловить рыбу и ставить силки на птиц» [Новые законы. Гл. 2. Без пагинации]. Очевидно, государство не допускало уплаты налога натурой мясом диких животных (тексты не сохранились, но думается, что поставки мяса в уплату налога со скота должны были существовать, хотя бы с кочевников), прокормления людей, собранных для работы по трудповинности, за счет охоты и рыбной ловли и охраняло казенные охотничьи угодья и рыбные водоемы.

О забое коров, быков, верблюдов, лошадей на мясо следовало доносить властям. За донос давали награду, а власти были обязаны расследовать дело и наказать преступника. Наказуемо было сознательное участие в съедении мяса незаконно забитого животного, будь оно краденое или некраденое — безразлично [Тангут. кодекс. Гл. 2. С. 27а–29а; Гл. 3. С. 19б–20а]. Не освобождало от наказания и добровольное признание в совершенном преступлении.

Если какой-то человек из мести, пользуясь оружием, губил скот другого, то он наказывался на одну степень больше, чем если бы он зарезал на мясо такое лично принадлежащее ему животное. Туша убитого животного отдавалась преступнику, а хозяину загубленного скота он возмещал его стоимость. Если животное было только ранено или покалечено, преступник получал его в свою собственность за полную стоимость здорового животного. «Если раненое жи-

вотное окажется хорошей породы и можно будет добиться того, чтобы оно понравилось, и владелец не согласен отдать его, то это животное следует оценить дважды: определить его стоимость до того, как оно было ранено, и из первой стоимости [его] тогда, когда оно еще не было ранено, следует вычесть то, сколько оно стоит в данный момент, [будучи раненым], а само животное отдать [его] хозяину» [там же. Гл. 11. С. 14б–15а]. Убивший мелкое домашнее животное оплачивал его стоимость, а мясо забирал себе. «Если какой-либо человек заколет, подстрелит или зарубит овцу, козу, собаку или свинью, то с имеющего ранг штраф пять связок монет, простому человеку десять палок. Убитые овца, коза, собака, свинья должны быть оплачены, а труп животного отдан тому, кто оплатил [их] стоимость» [там же. С. 15б].

Если кто-то губил чужое животное нечаянно, «не увидав находившегося за изгородью чужого скота, нечаянно бросив туда что-то, или срикошетившей от препятствия стрелой, или поднимаясь на крутизну с тяжелым грузом и сорвавшись» оттуда, то виновный возмещал половину стоимости загубленного животного, труп которого делился поровну между владельцем животного и нечаянно загубившим его человеком. Нечаянное причинение ранения скоту каралось для имеющего ранг штрафом в пять связок монет, а для не имеющего ранга — десятью ударами палкой [там же. С. 15а–15б]. Такие же наказания были предусмотрены для хозяев поля или огорода, если они, выгоняя со своих посевов или посадок скот, при этом убивали или калечили его, с той только разницей, что таковой оплачивал полную стоимость животного, ибо в его действиях был элемент преднамеренности, умысла. Труп животного получал тот, кто животное загубил [там же. С. 15б–16а].

Скот мог потравить посевы или причинить травмы человеку. Эти случаи также подробно оговорены в кодексе. Различалась предумышленная и нечаянная потрава. При предумышленной потраве, «когда какой-то человек сам по своей воле при выпасе скота пустит скот на посевы другого», виновный наказывался как за кражу на сумму причиненного его скотом ущерба. Виновный, однако, не мог наказываться смертной казнью. Помимо наказания с него взыскивали стоимость причиненных его скотом убытков. При незначительной потраве, если стоимость причиненного ущерба предусматривала наказание каторжными работами всего на срок до шести месяцев, мера наказания была единой и более строгой — год каторжных работ [там же]. При нечаянной потраве полагалось возместить стоимость потравленных хлебов, а пастух за недосмотр наказывался восемью палками [там же. С. 16б].

Скот, в особенности с дурным характером, мог быть опасен и для людей. Злые собаки и домашние животные свирепого нрава (быки, например) должны были иметь на себе знаки, оповещающие о том, что они опасны, и содержаться на привязи. Взбесившееся животное срочно изолировалось. За несоблюдение этих правил, даже если животное никому не причинило вреда, с имеющего ранг предусматривался штраф в пять связок монет, простому человеку полагалось десять палок. «Если же животное искусает, затопчет или забодает человека и человек умрет, то владелец [животного] наказывается шестью месяцами каторжных работ. Домашнее животное независимо от того, принадлежало ли оно государю или частному лицу, одинаково должно быть отдано хозяину по-

койного». Преднамеренное натравливание собаки или другого животного на человека, в случае причинения ранения последнему или его гибели, наказывалось на одну степень меньше, чем за причинение ранения или убийство человека в драке. Если же человек, не имея на то права, влез туда, где находилось опасное животное, дразнил его или бил, то в случае несчастья владелец животного к ответственности не привлекался, а животное не конфисковалось в пользу пострадавшего [там же. Гл. 8. С. 9а–9б].

Если одно животное убивало другое, то компенсация за погибшее животное не выплачивалась [там же].

Пастух, пасший как государев, так и частный скот, не имел права одалживать его для верховой езды, вспашки земли или прочих хозяйственных нужд. Одолжение чужому человеку верблюда или коня на срок от одного до десяти дней наказывалось десятью палками, а на срок свыше ста дней — восемью годами каторжных работ. За одолжение коровы или осла на срок свыше ста дней полагалось два года каторжных работ. Пастух, одолживший кому-то двадцать шесть и свыше хозяйских коров, подлежал смертной казни. Соответственно пастухи не имели права и брать взаймы чужой скот, особенно если они хотели представить его во время проверки взамен потерянного или погибшего. За одолжение свыше двадцати одного верблюда или коня пастух-заемщик подлежал смертной казни [там же. Гл. 19. С. 20б–21а, 26а–28а].

Наконец, кодекс уделяет внимание такой части житейской ситуации, как находка чужого, отбившегося от стада скота и задержание его в целях использования для своих нужд. Потеря частного скота его владельцем, естественно, была ненаказуема. При потере государева коня, верблюда, коровы и т. п. с пастуха снимался допрос, на основании которого составлялся официальный документ со сведениями о пропавшем животном. Пастух, потерявший животное, получал за небрежность тринадцать палок, а если оно не было найдено, возмещал казне его стоимость [там же. С. 24а]. Нашедший животное в пустынной дикой местности — здоровое, больное или даже погибшее (безразлично) — должен был известить о находке ближайшее управление или местные власти. Если таковой зарезал его на мясо, то в наказание имеющий ранг платил штраф в размере одной лошади, простой человек получал тринадцать палок. Если кто-то намеренно загонял животное в пустынную дикую местность, он отвечал за свой поступок так же, как если бы он зарезал чужое животное на мясо [там же. Гл. 2. С. 27а–28а].

Нашедшему чужое животное для заявления властям устанавливался месячный срок. Все время розыска владельца частного скота (срок один месяц) животное находилось у лица, нашедшего его. По истечении этого срока и при необнаружении владельца животного на найденное животное составлялись документы, и оно отходило в казну. Необъявление о найденном скоте наказывалось как кража. Власти, получив заявку о находке, высылали человека для определения возраста, упитанности и клейма животного. Закон предписывал чиновникам в первую очередь определять принадлежность лошадей. Если найденная лошадь не имела клейма собственника, ее клеймили государевым клеймом и отдавали от имени казны солдатам, не имевшим коней [там же. Гл. 3. С. 34а–36а]. Нашедший животное во время розысков хозяина был обязан кор-

мить его и не загружать чрезмерно тяжелой работой. Если животное погибало у нашедшего его от истощения или тяжелой работы, нашедший платил стоимость этого животного обнаруженному собственнику или казне. В случае болезни найденного животного нашедший его срочно должен был доложить о заболевании животного чиновнику, в случае неизвещения властей, если животное погибало, нашедший его платил за гибель животного компенсацию.

В XIII в. процедура оповещения о найденных животных подверглась некоторым изменениям. Нашедший чужое животное должен был не только в месячный срок доложить властям о его находке, но, кроме того, в трехмесячный срок установить клеймо, сам описать найденное животное и на основании этих данных вывесить на ближайших рынках объявление о своей находке. Если (в неоговоренный срок) хозяин не был найден, власти изымали животное у нашедшего его лица и передавали во временное пользование в ближайшее государево скотоводческое хозяйство [Новые законы. Гл. 3. С. 37].

Предумышленное задержание чужого животного наказывалось штрафом — лошадью для чиновника, имеющего ранг, и тринадцатью палками для простолюдина. Если задержавший чужое животное в пятидневный срок не оповещал о содеянном хозяина или кого-то из других людей, его проступок квалифицировался как кража [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 17а].

Кодекс — специфический источник, и приведенные выше сведения не удовлетворяют нашего интереса к проблемам организации и ведения скотоводческого хозяйства в такой стране, как Си Ся, значительная часть населения которой в догосударственный период (X в. н. э.) вела кочевое скотоводческое хозяйство. Очень мало мы узнаем о частных лицах, собственниках скота, поскольку их обычная хозяйственная деятельность, стоящая за пределами их взаимоотношений с государством и третьими лицами, не регулировалась законом, во всяком случае, кодексом. Особенно интересным является факт запрещения собственникам скота убоя на мясо животных, полезных для хозяйственной деятельности страны и армии. Данный факт бесспорно являлся известным ограничением со стороны государства правомочий собственника, ограничением, введенным в интересах государства. Подобные ограничения были и в соседнем с тангутским чжурчжэньском государстве. В Цзинь в какой-то период до 1168 г. было запрещено резать на мясо волов как основную тягловую силу при пахоте земли. В 1168 г. цзиньский император Ши-цзун в беседе с сановниками сказал: «Законом запрещается забивать волов. Почему не воспрещается забивать лошадей? Лошади необходимы для войска, так же как волы необходимы для возделывания земли. Он повелел прекратить забой коней» [Воробьев, 1975. С. 225]. Данный отрывок из «Цзинь ши» очень хорошо объясняет мотивы, которыми руководствовалось государство, вводя такие запреты.

Тангутские законы о скоте имеют некоторые аналогии в более позднем монгольском праве. По монголо-ойратскому уставу 1640 г. нашедший животное обязан был объявить о находке, а за пользование найденным животным платил хозяину. Умышленное убийство чужого скота рассматривалось как его кража. Туша павшего животного принадлежала всегда хозяину, ибо «падаль... идет в пищу и присвоение ее наказывается штрафом» [Рязановский, 1931. С. 48]. Хозяин отвечал за причинение его скотом ранений или смерти какому-то лицу, осо-

бенно если это было сделано животным, находящимся под присмотром [там же. С. 59]. Позднее по «Халха-Джиром» (XVIII в.) смерть от скота «возмещалась человеком» [там же. С. 74], т. е. выдачей лично несвободного, а то и отдачей члена семьи в неволю. По законам хоринских бурят всякий обязан был доложить о заболевании скота начальству, иначе он отвечал за урон, причиненный чужому скоту [там же. С. 158]. Наконец, по «Уложению Палаты внешних сношений» (1789 г.) для Монголии «монголы обязаны были кочевать в пределах отведенных им земель, не заходя на кочевья соседей». У простых монголов, «как виновных в нарушении чужих кочевий, так и знающих про то, но не донесших, отбирался весь скот в пользу владельца земли» [там же. С. 87].

Конечно, эти близкие по духу (необязательно букве закона) совпадения отнюдь не являются заимствованиями, а отражают схожие регламентации реальных нужд скотоводческого хозяйства и сопутствующих ему обстоятельств.

ЗАКОНЫ, РЕГУЛИРОВАВШИЕ УПЛАТУ ПОЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (XII в.)

Основной источник нашей информации «Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)» позволяет воссоздать следующую картину. Осень. Собран урожай. Представитель управления транспортом, ведавшего сбором поземельного налога, верхом на лошади объезжает селения и приказывает хозяевам, собственникам земли, внести причитающийся с них поземельный налог государству натурой — зерном, сеном, соломой и хворостом. Тангутский (тибетский, китайский, уйгурский) крестьянин запрягает быка и везет то, что по закону требуется с его участка земли, на государственный склад. У входа на территорию склада (складом могли быть саманный или деревянный амбар или яма для хранения зерна) сидел старший весовщик-обмерщик, подле него находились инспектора. Приемщики зерна поименно по списку выкликали плательщиков налога, принимали у них зерно, и старший весовщик выписывал уплатившему налог земледельцу квитанцию. Одновременно с выдачей квитанции производилась запись в особую тетрадь уплаты налога и поступлений зерна в казну. Запись количества сданного зерна производилась в квитанции лично весовщиком-обмерщиком. Что касается тетради учета поступлений зерна и уплаты поземельного налога, то всякий раз, как она была заполнена, она отсылалась в центральный орган гражданской власти страны — Главный секретариат по управлению гражданскими делами. Сделанные в ней записи проверялись и тетрадь сдавали в Архив Главного секретариата на постоянное хранение [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 44а–44б].

Все пахотные земли, принадлежавшие частным собственникам, «хозяевам», облагались поземельным налогом и трудповинностью. Налог устанавливался государством и должен был взиматься только по установленной норме. Земля облагалась налогом в зависимости от ее количества и качества. В зависимости от качества земли было установлено «пять категорий налога» [там же. С. 6а–7а], детальное описание которых, к сожалению, не сохранилось. Кодекс оговаривал нормы обложения только в особых случаях. «Хозяева

дворов, выплачивающие поземельный налог со всех принадлежащих им лично земель, кроме участков, заросших кустарниками и многолетними травами, в соответствии с законом об обложении поземельным налогом лично принадлежащих хозяевам земель должны сдать в пользу государя в качестве уплаты натурального поземельного налога с каждого участка площадью в один цин пятьдесят му: пшеничной соломы семь вязанок, просяной соломы тридцать вязанок, считая, что каждая вязанка вяжется размером в четыре чи пять цунь, и пшеничной муки два мешка, считая в каждом мешке по три ху муки» [там же. С. 4а–4б]. По этим данным примерно с 9 га земли брали в качестве поземельного налога 354,4 л муки, 7 вязанок пшеничной соломы и 30 просяной, каждая вязанка должна была быть 1 м 40 см в перехвате. С вновь возделанного участка брали с одного му по три шэна любого зерна [там же. С. 12а–12б], т. е. с 0,06 га 1,7 л зерна или приблизительно 28 л зерна с одного га. Если обобщить эти сведения, то получится, что в среднем с одного га пахотной земли при засеве полей пшеницей, вероятно, в «центральных орошаемых районах страны брали 60 л пшеничной муки, а при засеве прочими зерновыми — 28 л зерна. Кроме того, с каждого му (0,06 га) земледелец поставлял вязанку травы (сена), а с каждых 0,9 га по одной вязанке камыша, тальника и веток кустарника муло».

Если следовать сведениям кодекса, то нормы обложения определялись следующими документами. С одной стороны, крестьяне имели на руках деревянные бирки, в которых обозначалась сумма налога. «Хозяевами податных дворов, которые пашут какое-то количество земли, владеют сколькими-то быками, должен быть определен налог зерном в ху, доу, шэн и па, а также поставки хвороста и сена. Каждый хозяин обязан принести деревянную бирку, на которой и записываются сведения [о налоге]. На каждый двор должно быть выдано по одной бирке» [там же. С. 45а]. С другой стороны, хозяева земли получали специальный документ на бумаге с указанием суммы налога. «Всем хозяевам податных дворов отдается распоряжение о том, какой с них лично требуется и в какой сумме в доу, шэн и траве налог в соответствии с записанным за ними в цинах и му [количеством земли], указанным в описи земель. Управление транспортом обязано выдать владельцам документы, которые хозяева обязаны проверить и выплачивать налоги в соответствии с указанным в них количеством» [там же]. Возможно, документы на бумаге и на бирке сосуществовали, ибо на бирке была фиксирована только ставка налога, а документ транспортного управления, ответственного за сбор налога, содержал сведения как о количестве земли, так и о количестве требуемого с нее налога.

Обо всех изменениях в размерах обрабатываемого участка хозяин обязан был спешно доложить властям. Если он не заявлял об исключении земли из-под посева, он платил за нее налог как за засеянную, за подачу ложных сведений о размерах засеянной земли хозяин наказывался как за кражу в размере той суммы налога, которую он недодал государству.

Сборщики налога еще до начала выплат информировали налогоплательщиков о требуемом с них количестве зерна и других поставок. «Сборщики поземельного налога, совершающие свои объезды верхом на лошади, обязаны иметь при себе выданные им их транспортным управлением “белые списки”, каждая цзюань которых должна быть заверена печатью, и в эти “белые списки” долж-

на быть вписана норма налоговой ставки, которую следует взять с хозяина. Там, на месте, сборщик налога должен собственноручно показать [эту запись] владельцу, обязанному внести [налог]» [там же. С. 35б]. Таким образом, налоговая ставка была в каждом конкретном случае после обычной текущей калькуляции в управлении доведена до сведения налогоплательщика и имелась на руках у сборщика налога. И плательщик, и сборщик руководствовались именно этими документами.

После первого основного тура взимания налога списки налогоплательщиков со сведениями об уплате поземельного налога и книги учета управления транспортом ежегодно в одиннадцатом месяце ревизовались управлением ревизии и контроля в месячный срок. Ревизоры выявляли недоимки, и сборщики налога вновь высылались для их взыскания. Недоимки взыскивались всю зиму. Если и потом было не все собрано, Главный секретариат высылал своего уполномоченного, «способного выполнять работу по взысканию недоимок». Его властью на недоимщиков налагался штраф, и с них «за то, что они нарушили сроки уплаты налога, всякий раз должна была быть потребована половина урожая» [там же. С. 2б–5а]. Непокорных ожидало и более суровое наказание: битье палками и арест. Закон обязывал родственников помогать неспособному плательщику налога расплатиться с государством. Этому же должна была способствовать и специальная организация дворов в десятки. Над каждыми десятью дворами ставился один «младший ка» (*ка цай*), пять десятидворок «ка» объединялись в группу из пятидесяти дворов, которую возглавлял «старший» (*гхукха*), где группы по пятьдесят дворов составляли сотню, объединение в сто дворов возглавлял «управлявший кочевьем» (*чиве ре*). В начале XIII в. было решено сократить одно из звеньев этой системы, ибо, как сказано в «Новых законах», «на десять баранов оказалось девять пастухов». Соответственно, были ликвидированы десятки и должности десятских [Новые законы. Гл. 15. С. 46–47].

«Новые законы» помогают нам уточнить и сроки сбора поземельного налога. Он взимался с первого дня десятого месяца, т. е. с конца осени, с ноября, по первый день второго месяца, т. е. до начала весны, марта — значит, практически всю зиму [там же. С. 28–29].

Закон, естественно, уделяет большое внимание ответственности должностных лиц за своевременный и правильный сбор налога. Чиновники отвечали за полновесность мер и размеры вязанок. Они вместе с неплательщиками были ответственны за недоимки. Сумма налога, которая должна была быть собрана по уезду или округу, делилась на десять частей. Начальник управления транспортом за недобор двух частей из десяти получал шесть месяцев каторжных работ, за недобор девяти частей из десяти — восемь лет каторжных работ. Зато успешный сбор налога вознаграждался повышением в ранге, пятью ланами серебра, парчовой накидкой. Налог должен был взиматься той культурой, которая предписывалась для данного района. «Сдавать пшеницу должна область Линъу. Сдавать ячмень обязан уезд Баоцзин. Сдача конопли и зеленого гороха возлагается на хозяев уезда Хуаюн. Сдавать клейкое просо обязан уезд Линхун. Сдавать просо обязан уезд Чиюань. Сдавать пшено должны два уезда — Динюань и Хуайюань» [Тангут. кодекс. Гл. 15. С. 2б–3б]. «Если... кто-то обязан

платить зерном, а кого-то заставляли платить налог рисом, то [люди] ставятся в неравное положение перед законом и поэтому при уплате такого налога хозяевами дворов не следует заставлять [их] выплачивать налог рисом, а он, как и положено, должен быть уплачен клейким просом и просом» [там же. С. 3б–4а]. Должностным лицам запрещалось, «не имея на то приказа от государя, самовольно облагать налогом хозяев податных дворов, собирать деньги, имущество, хлопок сорта "красные цветы", коноплю, кожи». Сборщики налога должны были собирать налог, исходя из «указаний, которые имеются в списках об уплате налога, и производить дополнительные поборы им не разрешается». Все, взятое сборщиками сверх нормы, рассматривалось как взятка, подлежало возврату хозяевам, а виновные в сверхнормативных поборах подлежали наказанию [там же. Гл. 7. С 3б; Гл. 15. С. 5б–6а; Гл. 19. С. 10б].

Нормы обложения могли быть увеличены только в том случае, если «установленные ранее нормы обложения... недостаточны» и только на основании письменного распоряжения властей [там же. Гл. 7. С. 31а].

При совершении сделок купли-продажи земли государство прежде всего заботилось о том, чтобы у него сохранился налог, поступавший с данного участка. «В соответствии с законом покупатель обязан платить налог, ходить на отработки и поставлять сено» [там же. Гл. 15. С. 38а]. Власти могли в целях пресечения злоупотреблений произвести переобмер продаваемого и оставшегося у продавца участка. Делало это то же управление транспортом, ответственное за сбор налога. Оно же производило списывание с хозяев погибших пахотных земель. «В том случае, когда облагаемая налогом земля, принадлежащая любому хозяину податного двора, будет смыта рекой, засыпана песком, превратится в солончак, будет завалена камнями или участок поднимется и до него не станет доходить вода... то должен быть отправлен начальник или "принимающий приказы" управления транспортом, осмотреть, выяснить суть дела у соседей по участку, и если сообщение окажется правильным, то по определении того, сколько цин и му в данном участке имелось, доложить [обо всем] в вышестоящие инстанции, а [пахотную землю] списать» [там же. С. 3а–3б].

Таким образом, тангуты создали эффективную систему, позволяющую в установленные сроки и в полной мере собирать поземельный налог с собственников земли в пользу государства. Эта система заимствована ими из Китая. Мы не знаем, какую часть урожая отдавал владелец земли в качестве уплаты налога, но это было явно меньше половины урожая, поскольку половину урожая отбирали у тех, кто не платил налога в срок. По некоторым подсчетам в Китае в XI–XIII вв. у собственника земли изымали в качестве поземельного налога около 20% урожая [Смолин, 1974. С. 116]. Возможно, тангутский земледелец платил государству сумму, близкую к этой.

ДОГОВОР ЗАЙМА ПО ТАНГУТСКОМУ ПРАВУ

Договор займа — односторонний договор. Обязанной стороной является только заемщик. Заимодавец требует от заемщика возврата долга без процентов или с процентами, но никакой обязанности на нем самом не лежит.

Тангутское право различало заем беспроцентный и заем под проценты (рост). Заем без процентов был возможен только у частного лица, заем под проценты — как у частного лица, так и у государя (казны). При беспроцентном займе в случае несостоятельности должника государство принимало меры к взысканию долга. По жалобе кредитора должника доставляли в присутственное место, где ему предъявлялось требование долг уплатить, а в наказание за несоблюдение взятого на себя обязательства неплательщик, если это был чиновник, имеющий ранг, платил штраф (пять связок монет или одна лошадь в зависимости от того, превышала сумма долга 10 связок монет или нет), а простой человек наказывался, соответственно, 10 или 13 ударами палкой. Если и после этого должник долга не платил, власти назначали ему 2–3-дневный срок, «в течение которого он должен был изыскать способ отдать долг или выделить кого-то для его отработки». Если и на этот раз должник не платил, администратор должен был установить, «какое количество ударов палкой в зависимости от суммы долга должен получить» должник [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 41б–42а]. Дальнейший порядок взыскания долга при беспроцентном займе законом не определялся. Но в любом случае кредитор не имел права силой забирать имущество должника в счет уплаты долга. Если он поступал так, он получал такое же наказание, как должник за неуплату долга, а все взятое у должника обязан был вернуть [там же. С. 42а].

Следует еще отметить, что в статьях тангутского кодекса, характеризующих беспроцентный договор займа, нигде не упоминается, что для возвращения долга устанавливался какой-либо срок.

При договоре о займе под проценты процент устанавливался «с добровольного согласия сторон» и сумма роста «могла быть установлена любой в пределах достижения равенства» суммы долга и суммы роста (процента) [там же. С. 43б–44а]. Однако, по крайней мере на заем деньгами и зерном, закон оговаривает величину роста. При займе деньгами процент должен был исчисляться «из расчета с одной связки (1000) монет, начиная от 5 монет и ниже, а с одного нджиа зерна,

начиная от одного нджиа и ниже» [там же. С. 42а]. Закон снова не оговаривает срок возвращения долга. Он исходит из того, что договор о займе признается недействительным, как только сумма долга и сумма процентов на него сравняются. Для займа зерном, очевидно, существовал естественный срок — осень, время сбора нового урожая. Низкий процент при займе деньгами без установления срока возврата долга остается непонятным. При проценте в 5 монет с 1000, если этот процент исчислялся по 5 монет в день, для уплаты долга требовалось 200 дней, а если рост исчислялся по 5 монет в месяц — почти 17 лет, что было нереально. Очевидно, что без обнаружения реальных договоров займа денег под проценты с соблюдением указанного закона решить этот вопрос невозможно иначе, как признав, что рост в 0,5% при займе деньгами назначался в день или какой-то иной непродолжительный срок.

При займе под проценты требовалось, чтобы в оформлении договора займа участвовали два лица, обеспечивающие интересы как кредитора, так и заемщика, — посредник и поручитель. Без их участия договор о займе не мог быть заключен, и тем самым они обеспечивали интересы заемщика. Но поскольку они обязаны были уплатой долга в случае неплатежеспособности заемщиков, они обеспечивали тем самым и интересы кредитора.

Судя по «Новым законам», если заемщик не возвращал долга и скрывался, первое, что предлагалось сделать посреднику, это разыскать его. Для этого в зависимости от предполагаемого местонахождения должника посреднику давалось три срока для его розыска, но какие точно, закон не оговаривает [Новые законы. Гл. 3. С. 51–52]. Если посредник должника не изловил или если, даже будучи пойманным, должник был не в состоянии уплатить долг, сделать это за него был обязан посредник. Если и посредник не мог заплатить, то жена, дочь или наложница должника, а если у него таковых не было, то посредники должны были быть отправлены к кредитору для отработки долга. Когда же ни у должника, ни у посредника не было членов семьи, которые в соответствии с законом могли бы быть посланы на отработку долга, наступала очередь поручителя или платить, или посылать члена своей семьи для отработки долга того человека, за которого он поручился, правда, при одном условии, а именно: если он, поручаясь за заемщика, имел корысть, например получил от него угощение. И вот только тогда, когда ни члены семьи заемщика, ни посредник и члены его семьи, ни поручитель не платили или не отрабатывали долга, заемщик лично сам отправлялся к кредитору на отработку долга. Закон устанавливал стоимость рабочего дня при отработке долга: для взрослого мужчины — в 70 монет, взрослой женщины или мужчины-подростка в 50 монет, девочки-подростка — в 30 монет. Работа прекращалась, как только был отработан долг и рост на него, равный сумме этого долга. Если за заемщика расплачивались посредник или поручитель, то он обязан был возместить все их расходы, но на льготных условиях, как сказано в кодексе, тогда, «когда он будет в состоянии это сделать» [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 22а–22б, 42а–43а; Гл. 7. С. 7а–8а].

Очень важно отметить следующее: ограничение роста суммой займа, отсутствие законной возможности взять в долг проценты под новые проценты и установление твердой стоимости рабочего дня при отработке долга, допущение такой отработки только до того момента, когда долг и проценты на него

сравняются по величине, нормы права, фундаментальные в своей основе, регулировавшие договор займа, имели своим следствием то важное обстоятельство, что Дальний Восток, по крайней мере до монгольского нашествия, не знал долгового рабства. Работа на хозяина, в том числе и по найму, создавала некоторые особые отношения между хозяином и работающим. Работающий на хозяина, если он оскорблял хозяина или наносил ему побои и т. п., нес более суровую ответственность, чем любой другой простой посторонний человек за аналогичное преступление. Соответственно и хозяин получал более легкое наказание, если он побил своего работника. Но этим дело и ограничивалось. Более того, как мы видели, в соответствии с законом должник, как правило, глава семьи, отправлялся на отработку долга последним. Чиновники, имевшие высокие ранги, родственники императора и члены их семей, вообще не могли быть отправлены для отработки долга. Закон при этом исходил из того, что они «не могут быть уравнены с простым народом» [Новые законы. Гл. 3. С. 49–50].

Несколько статей кодекса формулировали те или иные требования к оформлению договора займа. И документ должен был включать в свой текст имя посредника сторон при заключении договора займа, обязательное указание того, кто брал заем. За внесение в текст документа после его составления каких-либо изменений виновные штрафовались. В соответствии с законом объект займа должен был быть передан только тому лицу, имя которого было указано в документе. Передача объекта займа другому лицу была наказуема. Категорически запрещалось упоминать в документе любое лицо, которое не присутствовало при его составлении. Внесение в текст документа имени человека, не присутствовавшего при его составлении, каралось законом. Документ удостоверялся свидетелями. Свидетелями могли быть «домашние люди», слуги и даже лично несвободные люди, пхинга или нини, принадлежащие данной семье. Свидетели не несли материальной ответственности при несостоятельности заемщика, они давали показания о заключенном договоре в случае возникновения конфликта. Закон указывает, что при возникновении спора сторон свидетели должны были быть разысканы и допрошены. Закон предупреждал их о грозящем наказании за ложные показания [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 43б–46а].

Мы уже упоминали, что заем мог взять прежде всего только глава семьи. Младшие члены семьи относились к числу лиц, «не имевших права» делать долги. Если кто-то из младших членов семьи брал в долг и потом не расплачивался, то глава семьи вначале мог не платить этого долга, а «отдать долг был обязан сам должник». Тем не менее если дело принимало крутой оборот, то даже если глава семьи не знал о займе и не имел от этого займа никакой пользы, он обязан был уплатить долг, в противном случае его привлекали к ответственности за неуплату долга [там же. С. 45б–46а].

Люди, находившиеся в собственности других людей, могли заключать договор займа, но только с разрешения своего хозяина. Если долг был сделан без ведома хозяина, последний не отвечал за его уплату, но подлежал штрафу за плохой надзор за своими людьми.

Закон запрещал дать что-либо в долг должностному лицу, оформить договор займа, а затем кредитору отказаться от основной суммы и процентов, рассматривая такие действия как взятку [там же. С. 44а–44б].

Как мы уже упоминали выше, кредитором могла выступать и казна. На заем у государя (государства) требовалось подать прошение на высочайшее имя и получить императорский приказ на выдачу займа. Должностным лицам, состоявшим при казенном имуществе, самовольно одалживать его запрещалось. Чиновник-кредитор, давший в долг что-то из казенного имущества, и заемщик, если он знал, что одалживает казенное имущество без императорского приказа, получали по шесть месяцев каторжных работ [там же. Гл. 18. С. 26а].

Таким образом, договор займа по тангутскому праву в целом оформлялся на тех же условиях, что и по праву китайскому — и там и тут действовал один фундаментальный принцип оформления займа: рост (проценты) не должен был превышать капитала (суммы займа). Соответственно ни тангутское, ни китайское право не знали долгового рабства. Известной особенностью тангутского права в отношении договоров займа была более значимая роль посредника, который первый привлекался к удовлетворению кредитора в случае несостоятельности должника. Ответственность посредника и поручителя вообще чрезвычайно высока. Тот факт, что они привлекались к отработке долга ранее самого должника, свидетельствует о большой значимости ручательства за кого-либо и ответственности за него. Теоретически, возможно, это было связано с получившим особенно большое распространение в современном Си Ся сунском Китае института *баочжэн* — рекомендации, поручительства и покровительства при выдвижении на службу.

ДВА ТАНГУТСКИХ ЭТЮДА

ТАНГУТСКИЙ ОБЕРЕГ ОТ ВОРОВ

В тангутском собрании рукописей и ксилографов П. К. Козлова из мертвого города Хара-Хото содержится любопытный рисунок, изображающий оберег от воров. Оберегом служила ваджра двух типов, оба из которых имеются на рисунке. По определению справочника «Мифы народов мира», ваджра в ведийской и индийской мифологии — это «дубина, палица (грома), оружие Индры». Ваджра «медная, золотая, железная, у ваджры четыре или сто углов, тысяча зубцов, иногда она в виде диска, позже — крестообразная» [Мифы народов мира, 1980. С. 207]. В буддийской мифологии это «символ прочности и неуничтожимости» [там же. С. 208].

Крестообразная ваджра, часто встречающаяся в буддийской живописи, нарисована в нижней части публикуемого рисунка (рис. 45). Она стандартна, при ней надпись по-тангутски: «Подавить ваджрой».

Верхний рисунок наиболее оригинален. Изображен стилет (кинжал) со сложной рукоятью, увенчанной личиной. Надпись по-тангутски справа от рисунка гласит: «Острие, отпугивающее воров». Слово «острие» (стилет, кинжал) имеет также значение «палица», что в полной мере соответствует первоначальному предназначению ваджры. Слово, переведенное мною как «отпугивающее», имеет более точное значение «отбрасывающее», т. е. на рисунке «палица, отбрасывающая воров» (острие, отпугивающее воров).

В просмотренном мною изобразительном материале, относящемся ко времени существования тангутского государства Си Ся (982–1227), удалось обнаружить лишь одну приближенную аналогию изображенной в верхней части рисунка ваджре. На иконе из Хара-Хото, хранящейся в Государственном Эрмитаже, у многорукого божества в одной из рук

Рис. 45. Оберег от воров

(нижней левой) ваджра в виде стилета. Но рукоять у этой ваджры иная, она схожа с навершием других типов ваджр, отлитых из бронзы и также хранящихся в Эрмитаже [см.: Lost Empire, 1993. P. 115, 251].

Не будучи специалистом по буддийскому искусству и иконографии, я не стану рисковать и делать детальный анализ изображения ваджры-оберега, отпугивающего воров. Представляется чрезвычайно любопытной увенчивающая рукоять ваджры личина. Ее волосы явно изображают языки пламени, как на поздних масках-оберегах, хорошо известных в Монголии и в наши дни. Истоки их в Тибете. Нет только изображения черепов в пламени. Уши личины типичны для иконографии буддийских божеств. Лик личины в целом скорбный: опущены уголки губ, глаза передают упрятанную внутреннюю скорбную, но грозную силу. Это скорбь по содеянному вором и обещание неотвратимости наказания за содеянное. Все это вместе взятое должно было отпугивать вора, служить ему предупреждением. Сосредоточенный, отталкивающий вора своей силой лик дополнительно подчеркнут наличием морщин на лбу. Морщины эти оттеняют нахмуренность лица, внутреннюю сосредоточенность ваджры, ту скрытую силу, которая готова обрушиться на вора и покарать его.

Вне сомнения, как и в любом средневековом обществе, кража, разбой, угон скота (баранта) были повседневным явлением в жизни общества Си Ся. Мы не говорим тангутского, поскольку Си Ся было государством многонациональным. В тангутском кодексе XII в. «Измененном и заново утвержденном кодексе девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)» законам, связанным с похищениями чужого имущества, отведена почти вся третья глава. Юристы Си Ся считали хищение чужого имущества, как казенного, так и принадлежащего частным лицам, преступным деянием, которое «подрывает основы государства и причиняет ущерб народу» [Новые законы. Гл. 3. С. 8–9].

Тангутское право различало при наказаниях за хищение имущества следующие обстоятельства:

а) похищение одним родственником имущества у другого родственника;

б) похищение одним лицом имущества другого лица при отсутствии между ними состояния родства.

Основными способами похищения имущества могли быть:

а) тайная кража;

б) ограбление.

Ограбление могло быть осуществлено:

а) с применением насилия;

б) без применения насилия.

Применение насилия могло быть осуществлено:

а) с использованием оружия;

б) без использования оружия.

Ограбление также могло быть осуществлено:

а) одним человеком;

б) группой лиц или шайкой грабителей.

В зависимости от этих обстоятельств назначалась мера наказания. Мера наказания за хищение имущества помимо способа совершения хищения определялась и стоимостью похищенного имущества в денежном выражении. Закон

требовал также возвращения краденого или компенсации украденного имущества, если оно уже было потреблено. Мера наказания при ограблении шайкой зависела и от личной роли обвиняемого в совершении преступления — был ли он зачинщиком (т. е. принадлежал ли ему план совершения преступления. Зачинщик мог быть сочтен таковым, даже если он сам не участвовал в осуществлении плана ограбления), главарем, т. е. непосредственно руководил совершением преступления на деле, или пособником — рядовым участником преступления.

Меры наказания за хищение имущества предусматривали порку палками, каторжные работы и смертную казнь через удавление или обезглавливание. В соответствии с представлениями дальневосточного права казнь через обезглавливание была более суровым наказанием. При совершении тайной кражи смертная казнь через удавление полагалась за кражу имущества на 30 связок монет (одна связка — 1000 монет) и более, при ограблении без использования оружия — на 25 связок монет и более, при ограблении с использованием оружия — на 21 связку монет и более. В случае совершения ограбления шайкой, если грабителей было пять человек и более, то независимо от количества похищенного, без выявления главаря и пособников, вне зависимости от социального положения грабителей все виновные подлежали смертной казни через обезглавливание. Члены их семей привлекались по закону об общесемейной ответственности и подлежали конфискации, т. е. становились казенными рабами, занятыми в качестве пастухов и землепашцев.

Кража имущества у близких кровных родственников — прапрадеда, прадеда, деда, бабки, родителей и у праправнуков, правнуков, внуков и детей Эго по закону не наказывалась. Это правило распространялось на кровных родственников по мужской линии в восходящем и нисходящем поколениях от Эго, с включением матери и бабушки. Похитившему имущество у близкого кровного родственника могла угрожать лишь компенсация краденого в том случае, если похищенное было уже потреблено (продукты съедены, вино выпито, скот зарезан и съеден и т. д.). Поскольку представители старшего поколения могли, полагаясь на свое старшинство, не компенсировать (или возвращать) похищенное у представителей младшего поколения, то «Новые законы», принятые после 1215 г., предписывали: в том случае, если деды и родители «растратили у детей и внуков имущество и не дали откуп за него, то таковой должен быть с них стребован и отдан детям и внукам» [там же. С. 12].

Что касается хищения имущества у родственников боковых линий, то мера наказания во всех случаях уменьшалась в зависимости от близости родства — чем ближе было родство, тем меньше была мера наказания. При этом кровное родство отличалось от свойства, при похищении имущества свойственника мера наказания уменьшалась на одну степень по сравнению с наказанием за такое же хищение у лица, с которым похититель не состоял в родстве.

Если похититель не смог выплатить компенсацию за похищенное, то предполагались отработки. Труд взрослого мужчины оценивался в 70 монет в день. Следовательно, за кражу имущества на 28 связок монет, за что полагалось 12 лет каторжных работ, при условии неспособности выплатить стоимость краденого, член семьи вора, взрослый мужчина, должен был работать на хозяина похи-

щенного имущества 400 дней. Труд подростка или женщины оценивался в 50 монет, девочки — в 30 монет в день.

Закон допускал частное примирение сторон, если вор не был задержан и в течение месяца с момента совершения хищения имущества возвращал краденое или компенсировал его. Если же вор был задержан или поступал донос о совершении хищения имущества, частное примирение не допускалось.

Скупщик краденого наказывался на одну степень меньше, чем рядовой участник хищения имущества. Важным условием наказания купившего или взявшего в долг краденое имущество было знание того, что это имущество краденое. Даже если купивший имущество не знал, что оно краденое, а вор не был пойман, при точном установлении того факта, что было куплено краденое имущество, покупатель привлекался к выплате компенсации и был обязан возместить $^{2}/_{3}$ стоимости краденого имущества.

ДРЕВНОСТЬ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ НГВЕМИ (ВЭЙМИН)

За последние годы китайские авторы, исследующие прошлое и настоящее народов Юго-Западного Китая, опубликовали материалы, которые позволяют по-новому оценить древность правившего в тангутском государстве Великое Ся (982–1227) дома Нгвеми (Вэймин). Из китайских источников также известно, что правящий дом Ся именовал себя и сяньбийской императорской фамилией Тоба. Под этой фамилией в оригинальных тангутских источниках династия императоров Ся не упоминается ни разу.

Опубликована генеалогия предков народа пуми, признаваемого сейчас в языковом отношении одним из наиболее близких к тангутам Ся. Согласно этой генеалогии, первопредок Нонгка (или Цзонгка) имел девять сыновей, среди которых был и сын по имени Гэйми. Через несколько десятков поколений появился предок Жэжэ, потомком которого в третьем поколении тоже был Гэйми. Любопытно, что в «Хоу Хань шу» в жизнеописании западных цянов, в разделе о происхождении цянов, излагающем цянские предания, известные китайцам эпохи Хань, значится некий Жэн, у которого было девять сыновей. Китайские исследователи сопоставляют Нонгка и Жэна. «Хоу Хань шу» позволяет датировать время жизни Жэна примерно 384–362 гг. до н. э. [Чэнь Цзун-сян, Дэнь Вэнь-фэн, 1990. С. 192–193]. Значит, можно предположить, что «девять сыновей», и среди них Гэйми, предок правящего дома Ся Нгвеми, жили, возможно, во второй половине IV в. до н. э. «Девять сыновей» Нонгка (Жэна), и среди них сын по имени Гэйми, вполне сопоставимы с «девятью братьями» из тангутского предания, предками правящей династии тангутов Нгвеми и всего тангутского народа.

По определению Гэн Шао-цзяна, девять братьев гуэмэ были связаны с культурой каменных гробов в верховьях реки Миньцзян (провинция Сычуань), с насельниками, оставившими эти каменные гробы [Гэн Шао-цзян, 1993. С. 29] — памятники, давно и хорошо известные археологам. По преданию, у гэ или гуэмэ

предками являлись девять братьев, от которых впоследствии образовалось девять племен или подразделений этого народа. Эти гэ или гуэмэ были частью древнецянской общности мэ, обитавшей в верховьях реки Миньцзян [там же. С. 24]. Гэн Шао-цзян увязывает гуэмэ, оставивших после себя каменные гробы в верховьях реки Миньцзян, с *гаоми* древних китайских письменных памятников. Эти гаоми упоминаются в легендарные времена Юя. По китайским описаниям, гаоми отличались относительно высоким ростом, высоким носом и глубоко посаженными глазами, т. е. теми чертами лица, которые мы наблюдаем у современных пуми и у тибетцев северо-востока (амдова) и которые, судя по описаниям источников, были характерны также для тангутов Си Ся. Гаоми были искусными земледельцами и мастерами орошения полей [там же].

Гуэмэ-гаоми-гэйми — Нгвеми образуют единое целое, объединенное преданием о «девяти сыновьях» и «девяти братьях». Это позволяет нам предположить, что корни правящего дома Ся могут быть отнесены к IV в. до н. э., периоду китайской истории, известному как Чжань го (403–221 гг. до н. э.).

По заключению Гэн Шао-цзяна, в китайских транскрипциях наименования вышеуказанной древней цянской общности компонент «ми» это, в его реконструкции, «мэ» — общее название всего древнецянского этноса, смысл которого — «сыновья (потомки) Неба» [там же. С. 19].

Мэ, как полагает Гэн Шао-цзян, это сыновья Неба, мэ — это и имя первопредка, и имя небесного духа, которому поклонялись древние цяны [там же. С. 24].

Результаты исследования Гэн Шао-цзяна хорошо вписываются в тангутский материал. По реконструкции М. В. Софронова, в тангутском языке ряд ключевых слов, связанных с Небом и с происхождением тангутского народа, тоже звучал как «мэ». «Небо» по-тангутски будет mə ( ), корень, исток — mə ( ), род, клан — mə ( ), журавль — mə ( ). Сейчас мы имеем первые сведения о Белом журавле, творце мира и первопредке тангутского народа.

ТАНГУТСКИЙ ДОКУМЕНТ О ЗАЙМЕ ПОД ЗАЛОГ ИЗ ХАРА-ХОТО

Продолжая начатую нами публикацию поддающихся хотя бы предварительной расшифровке тангутских документов из Хара-Хото [Kychanov, 1971. P. 189–201; Кычанов, 1974б], мы предлагаем вниманию читателя документ от 1211 г. о займе зерна под залог. Настоящий документ был обнаружен и занесен в инвентарь еще Н. А. Невским [Тангут. фонд. Инв. № 954]. Как и все документы, он написан на отдельном листе размером 17,8×25 см. Текст собственно документа состоит из 13 строк и записан на серой, прозрачной, «деловой» бумаге с горизонтальной сеткой, имеющей частоту линий примерно 8×1 см. Лист бумаги исписан с двух сторон полностью. На лицевой стороне кроме документа имеются еще две строки текста скорописью, на обратной стороне листа 13 строк, в каждой из которых 11–14 раз написан один и тот же знак тангутского письма. По-видимому, это были своеобразные упражнения в написании иероглифов.

Первые шесть строк текста документа полные, по 17–19 знаков в строке. Строка седьмая состоит вверху только из трех знаков.

Строки 8–12-я, подписи под документом, написанные с отступлением от верхнего края примерно до середины, имеют по 7–11 знаков в строке.

Написание знаков в тексте документа в основном стандартное, хотя и с использованием ряда элементов скорописи. Несколько знаков написаны скорописью полностью: например, «делать» (первая строка, 5-й знак снизу), «один» (четвертая строка, 1-й знак сверху) и др. Рукопись с лицевой стороны не имеет никаких знаков или помет, не относящихся к тексту документа.

ПЕРЕВОД

// Год овцы [девиза царствования] Нду-нджиу (Гуан-дин), четвертый месяц, двадцать шестой день (8 июня 1211 г.)[1]. Тот, по чьей [просьбе] составлен [этот] документ, Ахуа Кэ

[1] На 1211 г. по лунному календарю приходился дополнительный месяц, поэтому 26-й день четвертого месяца и соответствует 8 июня по нашему календарю.

// Ташань[2], сегодня взял [в долг под залог] у Цхигхо Агхиенинвай[3] три нджиа (ху)[4] разного [зерна]. При подсчете основного [взятого зерна] и процента [на него]

// [все вместе это] составит четыре нджиа (ху) и пять ну (доу)[5]. Взамен [взятого зерна Ахуа Кэташань] действительно заложил [Цхигхо Агхиенинвай] одну черную ослиху с пятью зубами и

// одного осла для перевозки грузов. Поручителями при залоге являются Лионжие Неулхиелдие[6] [и его] сын

// Риешань[7]. Срок [займа под залог истекает] в этом же году, в восьмом месяце, в первый день (9 сентября).

// Собрав зерно, [Ахуа Кэташань] должен отдать долг. Если же [он] не отдаст [его], то вышеперечисленные заложенные [им] животные действительно будут отобраны [у него]. С этим вышеизложенным

// согласен: Цхи [гхо Агхиенинвай][8].

// Тот, по чьей [просьбе] составлен [этот] документ, Кэташань, тамга-роспись.

// Сопричастный к [данному] документу, поручитель залога Лионжие Неулхиелдие[9].

// Сопричастный к [данному] документу, поручитель залога, сын [Лионжие Неулхиелдие] Риешань, тамга-роспись.

// Свидетель Лэужэ Лиошиевай[10], тамга-роспись.

// Свидетель Кхон Ваймбай[11], тамга-роспись.

// Чиновник управления Цхигхо Райлхиекхви[12], тамга-роспись.

Две последние строки скорописного текста нами полностью не разобраны, но у нас есть предположение, что они относятся к регистрации исполнения взятого обязательства. В первой (четырнадцатой) строке, знаки с 5-го по 11-й, считая снизу, явно запись фамилии и имени заемщика Ахуа Кэташань. Вторая (пятнадцатая) строка, 6-й, 5-й знаки снизу — фамилия и имя заимодавца Цхигхо. В этой же строке, 7–10-й знаки сверху, упомянута сумма долга с процен-

[2] Собачья гора. Большинство имен лиц, упоминаемых в тексте документа, переводятся, поэтому мы приводим в сносках их перевод.

[3] Алмаз-Процветание.

[4] В тангутском государстве, как и при Тан, один ху был равен 59,4 л.

[5] Доу составлял 1/10 ху, т. е. 5,94 л.

[6] Добрая Луна-Сокровище.

[7] Гора Подвига.

[8] Первый знак имени заимодавца первый раз (2-я строка, 4-й знак сверху) записан полускорописью, сокращен только правый элемент знака. Второй раз (7-я строка, 3-й знак сверху) он записан полностью скорописью, оба элемента знака сокращены. Однако в первом и во втором случаях заключительная линия правого элемента повернута по-разному, один раз вправо, а второй влево. Тем не менее это может быть один элемент, так как оба указанных выше способа сокращения этого элемента зафиксированы в текстах [см.: Китайская классика. С. 133].

[9] Неулхиелдие не знал грамоты абсолютно, он не мог даже поставить свою тамгу-роспись, поэтому вместо подписи отметил свое имя и то, что он поручитель при займе под залог, четырьмя жирными точками справа от записи.

[10] Счастливый-Процветающий.

[11] Процветающий-Радостный.

[12] Холодная Луна-Собака.

тами: четыре нджиа, пять ну. Последние знаки в строке пятнадцатой также отмечают сумму уплаты долга. Причем знак «ну» (доу) и в основном тексте документа, и в приписке скорописью написан совершенно одинаково. Цифра «пять» также читается абсолютно отчетливо. Очевидно, данная приписка к тексту документа — запись об исполнении обязательства. Такие приписки, также после подписей под подобными документами, имеются на документах о займах под залог на китайском языке из Хара-Хото, относящихся к началу XII в. [Maspero, 1953. P. 193–195].

Перед нами чрезвычайно интересный памятник тангутского обязательственного права начала XIII в. Структура документа соответствует в основном структуре заемных документов Дальнего Востока и Центральной Азии VIII–XII вв., периода правления в Китае династий Тан (618–907) и Сун (960–1279), в том числе и документов о займе под залог [см.: Masao Mori, 1961. P. 114–115; Чугуевский, 1971. С. 43–45]. Документ начинается с даты[13], затем указаны заемщик и заимодавец, объект займа и его общая сумма (сумма долга с процентами), которую должен будет выплатить заемщик, объект залога, поручители залога, срок возврата долга, последствия его неуплаты (переход заложенных животных к заимодавцу, держателю залога) и подписи взявшего обязательство, поручителей, свидетелей, должностного лица, составителя документа[14].

Тангутские документы, насколько нам известно, как правило, датировались очень точно — по девизу лет царствования и годом по двенадцатилетнему животному циклу. Этим они отличались от аналогичных уйгурских, датированных практически всегда только годом двенадцатилетнего животного цикла и потому не поддающихся точной датировке вообще [см.: Masao Mori, 1961. P. 115]. Но так же как и в уйгурских документах, в нашем документе уплата долга производилась тем же, что было взято в долг [ibid. P. 119], а долг, как в Китае и у уйгуров, тоже выплачивался осенью [ibid. P. 125; Maspero, 1953. P. 193. Doc. AIV, AV]. Судя по уйгурским документам, процент на взятое в долг не должен был превышать 100%, т. е. сумма долга могла возрастать только вдвое [Masao Mori, 1961. P. 125]. Такой же порядок был установлен и китайским законодательством [Niida Noboru, 1960. P. 576]. И по тангутскому законодательству процент на взятые в долг под залог вещи не должен был превышать самой суммы долга, т. е. 100%. В тангутском кодексе XII в. сказано: «В том случае, когда [какие-то] вещи отдаются в заклад, — обе стороны, владелец вещи и содержатель ломбарда, заключают добровольное соглашение, [что если] отдается в заклад за небольшую сумму денег большое количество вещей и [содержатель ломбарда] заявляет: “Даже когда капитал (взятое в долг под заклад) и проценты на этот капитал сравняются, я не буду иметь права продать [заложенные вещи]” — и этой договоренности имеются сви-

[13] Начиная с династии Юань (1280–1367) и до правления в Китае династии Цин включительно (1644–1911) даты на заемных документах ставились в конце текста документа [см.: Masao Mori, 1961. P. 116].

[14] Для сравнения см. документы на китайском языке из Хара-Хото периода Ляо (916–1124) [Maspero, 1961. P. 193–195], уйгурские заемные документы той же эпохи в русском переводе [Малов, 1951. С. 208, 215–216].

детели, или если отдается в заклад за большую сумму денег мало вещей, устанавливается срок [выкупа заложенных вещей], заключается контракт и содержатель ломбарда заявляет: "Когда срок пройдет, а [заложенные вещи] не будут выкуплены, то я их продам!", то обе стороны должны соблюдать этот договор» [Тангут. кодекс. С. 39а–39б].

То же самое предписывалось и тангутским законодательством в случае простого займа, без залога. Процент мог быть определен заимодавцем и заемщиком, но он не должен был превышать в сумме 100%, сумма долга также могла возрасти только вдвое: «Если какому-то человеку в пределах [нашего] государства будет дан от Государя или от частного лица заем деньгами или зерном, — читаем мы в "Измененном и заново утвержденном кодексе законов", — то с добровольного согласия сторон должен быть определен процент из расчета с одной связки монет начиная от пяти монет и ниже и с одного нджиу (ху) зерна от одного нджиу (ху) и ниже. Брать процент больший, чем этот, запрещается. Когда этот капитал (буквально: основное, т. е. взятое в долг) и процент на него сравняются, а требования [заимодавца об уплате долга] окажутся бесполезными и [долг] не будет отдан, то [заимодавец] должен доложить об этом в управление и того, кто взял в долг, следует заставить [этот долг] уплатить. Если же взявший в долг отдать не в состоянии, то [долг] должен быть востребован с посредника. Если же и посредник также не в состоянии уплатить [этот долг], то брать у этих двух лиц жен, наложниц и еще не выданных замуж дочерей в счет погашения долга запрещается, а [таковые] могут быть отправлены для отработки долга и находиться у [заимодавца] в качестве заложников. Если же оставленные в заложницах жена или наложница [должника] стоят меньше, чем [сумма долга] в денежном выражении, или же если [должнику] действительно некого оставить в заложниках, то долг должен отдать тот, кто поручался [за заемщика]. Если и поручитель [уплатить долг не в состоянии], то в том случае, когда поручитель был в числе тех, кто получал [в свое время] угощение от заемщика, члены его семьи могут быть [также] посланы [к заимодавцу] для отработки долга. Если же [поручитель] никогда не был в числе тех, кто получал угощение от заемщика, то члены [его] семьи не могут быть включены в число лиц, оставляемых [у заимодавца] в заложниках. Когда все вышеозначенные лица не в состоянии уплатить долга, и это правда, то сам должник должен быть отправлен для отработки долга. Как только капитал (сумма, взятая в долг) и проценты [на него] сравняются, после этого начислять проценты и требовать больше того, что было взято в долг деньгами или зерном, запрещается. Если закон будет нарушен, то [с виновного], имеющего ранг, штраф одна лошадь, простому человеку [не имеющему ранга] — тринадцать палок. [Полученные заимодавцем] излишки следует возвратить должнику. Те суммы, которые выделили посредник и поручитель для уплаты долга, должен отдать [им] сам должник, когда он будет в состоянии это сделать» [Тангут. кодекс. Гл. 3. С. 42а–43а].

Таким образом, по тангутскому праву, как и по китайскому, а также, судя по уйгурским документам, и у уйгуров процент при займе и процент при займе под залог не должен был превышать суммы долга, которая как бы удваивалась (кит. *пэй*, *пэйчэн*). Это не исключало по тангутскому праву, что по взаимной договоренности сторон процент мог быть как угодно низок в пределах ста.

В отличие от документов начала XII в. на китайском языке из Хара-Хото [см.: Maspero, 1953. P. 193–195] в тангутском документе не указан месячный процент, который, судя по документам на китайском языке, составлял 3–4 в месяц [там же. Док. A V][15]. Это сближает данный тангутский документ с уйгурскими.

Тангуты, очевидно, унаследовали танскую систему мер. В современном Ся сунском Китае в одном ху (33,21 л) было 5 доу (1 доу = 6,64 л) сыпучих тел [см.: Смолин, 1974. С. 531]. Однако, как свидетельствует наш документ, в тангутском государстве даже в начале XIII в. в соответствии с системой мер, существовавшей при Тан, в одном ху было 10 доу[16] и один ху равнялся 59,4 л [У Чэнло, 1936. С. 72, 104. Табл. 5]. В нашем документе заемщик взял 3 ху зерна, должен возвратить 4 ху 5 доу. Произведем простой расчет: взято 59,4 л × 3 = 178,2 л зерна. Следует отдать (59,4 л × 4) + (5,94 л × 5) = 267,3 л. Сумма процента — 1 ху 5 доу, или 89,1 л; срок займа три месяца, следовательно, месячный процент равен приблизительно 29,7 л, или 17%, и по сравнению с началом XII в. вырос в 4,5–5 раз. Правда, остается неясным, были ли опубликованные Э. Масперо документы на китайском языке непосредственно из Хара-Хото, хотя они и датировались девизами царствования Ляо (киданьскими), или же это были документы из Ляо, завезенные в Хара-Хото беглыми жителями Ляо после разгрома последнего чжурчжэнями в 1121 г. В последнем случае о сопоставительном росте заемного ежемесячного процента за сто лет в данном районе в 4,5–5 раз говорить не приходится. Следует заметить, что ежемесячный процент при займах под залог в 3%, отмеченный в документах начала XII в. на китайском языке из Хара-Хото, соответствует проценту, предусмотренному в данном случае китайским законодательством [см.: Niida Noboru, 1960. P. 575, 578]. Тангутский документ отличается от более ранних документов на китайском языке и тем, что в нем просто говорится об отчуждении залога (в данном случае двух ослов) от заемщика, а не о праве заимодавца, принявшего залог, без сопротивления со стороны заемщика продать заложенное имущество, как это оговорено в китаеязычных документах [Maspero, 1953. P. 193–194. Doc. A VI и др.] и что соответствует тангутскому законодательству, в случае если в залог отдано мало вещей под заем на большую сумму, а заимодавец, держатель залога, с согласия заемщика объявил, что он сможет продать заложенные вещи, если долг и проценты не будут уплачены в срок. Возможно, средний месячный процент в 3% был в ходу только при денежных займах, как на основании анализа уйгурских заемных документов предполагает проф. Масао Мори. В этом случае по уйгурским документам процент составлял от 2,5 до 3,3 в месяц (30 или 39,6% годовых), как и в Китае при Тан-Юань (VII–XIV вв.) [Masao Mori, 1961. P. 145][17].

[15] Сумма месячного процента вычислена нами.

[16] Ср.: «Десять доу составляют один ху» [Море письмен. 1969. Ч. 1. С. 443. № 2731].

[17] Можно думать, что у тангутов при денежных займах месячный процент составлял 5 и ниже, так как в цитированной выше статье закона говорится, что процент при денежных займах берется из расчета с одной связки монет (т. е. от ста монет) начиная от пяти монет и ниже.

Укажем еще на некоторые особенности тангутского документа. Поручители в нем указаны в самом тексте документа (чего нет в документах на китайском языке), а не только в числе лиц, подписавших документ. Роль поручителей при займе (кит. *тунлянь* — при займе под залог; *тунцюй*, *дайбаожэнь*, *баожэнь* — при обычном займе) ясна из цитированных выше статей тангутских законов, и о ней нет нужды говорить дополнительно. Поручители в китайских и уйгурских документах, как и в нашем тангутском, подписывались после заемщика, и чаще всего их было двое [ibid.][18]. Свидетелей (кит. *цзянь-жэнь*, *чжицзяньчжэнь*) в тангутском документе, как обычно и в уйгурских, двое [ibid.]. Однако если уйгурские документы, как правило, писали сами заемщики [ibid. P. 147][19], то тангутский документ был составлен официальным лицом, чиновником управления. И наконец, отметим еще одну особенность тангутского документа. Если мы правильно разобрали третий знак сверху в седьмой строке, то это первый знак фамилии заимодавца, взявшего под залог при выдаче займа ослов заемщика. Характерной чертой средневековых дальневосточных документов такого рода была их некая «односторонность», обязательство подписывала одна сторона — бравший долг, его поручители и свидетели. Здесь же согласие с текстом долгового обязательства первым, возможно, завизировал заимодавец. Его фамилия и фамилия чиновника, составившего документ, совпадают, но вряд ли чиновнику следовало визировать документ дважды, он поставил свою тамгу-роспись последним из подписавших документ. Во всяком случае, если упомянутый выше знак не посторонний для текста документа, а это маловероятно, то мы пока в состоянии прочесть и объяснить его только таким образом.

Изучение тангутских хозяйственных документов из Хара-Хото — важный источник конкретизации наших представлений об экономике тангутского государства, его социальной структуре. Документы позволяют нам также найти конкретные свидетельства юридической практики, использования в реальных ситуациях жизни тангутского общества норм тангутского права, зафиксированных в «Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное Процветание» — огромном памятнике, состоявшем из 20 глав и 1460 статей, переводом и изучением которого уже ряд лет занят автор данного сообщения. Думается, что как и статьей о документе о продаже земли [Кычанов, 1974б], так и публикацией этого документа нами засвидетельствовано огромное сходство тангутских хозяйственных документов с аналогичными документами из Китая и Центральной Азии, и поэтому их публикация должна способствовать как составлению полного корпуса документов такого рода, так и их более успешному пониманию.

[18] В документах, опубликованных Э. Масперо, подписи поручителей также стоят после подписи заемщика, но во всех случаях здесь в документах отмечен один поручитель.

[19] В документах, опубликованных Э. Масперо, составители документов не указаны.

ТАНГУТСКИЙ ДОКУМЕНТ № 8203

Среди тангутских (Си Ся) рукописей из мертвого города Хара-Хото в коллекции П. К. Козлова в рукописном собрании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук обнаружено около 150 документов. Некоторые из них уже публиковались автором этого сообщения [Кычанов, 1974б. С. 193–203; 1977а. С. 139–145; 1977б. С. 146–152, 311; Kychanov, 1971. Т. 24. P. 190–193]. Несколько лет назад, предполагая продолжение публикации документов, автор данного сообщения столкнулся с необходимостью приведения в порядок и совершенствования того словаря, которым он обычно пользуется. Неожиданно эта работа потребовала нескольких лет. В данный момент она близка к завершению. Предлагаемый к изданию документ размером 20 × 54,5 см написан на достаточно плотной бумаге серого цвета, которая, вероятно, в момент ее использования была более светлой. Документ хорошо сохранился, в 1999 г. он был реставрирован при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, выделенного этим фондом для реставрации тангутских рукописей и ксилографов. Реставратор О. С. Григорьева. Документ написан черной тушью, почерк полукурсив с элементами скорописи.

Текст написан вертикально, справа налево, и включает 22 строки. Только первая из них полная и насчитывает 19 знаков. Перед 9-м знаком небольшой просвет, или онорифический, или отмечающий начало изложения собственно сути документа. Строки 2–7 написаны с отступлением на 7 знаков от верхнего края документа и содержат по 12 знаков в строке. В строке 4 между 8-м и 9-м знаками справа приписан один знак. Строки 8, 13, 17 и 21 состоят из одного знака, они открывают перечни доходов с земли, перечни скота, людей и имущества. Каждый знак приподнят на один знак над основным текстом и написан с отступлением на 6 знаков от верхнего края документа. В строке 9 — 9 знаков, в строке 10 — 10 знаков, в строке 11 — 10 знаков и в строке 12 — тоже 10 знаков. В строке 14 — 12 знаков, три записанных в строке имени написаны вразбивку, справа сбоку у каждого имени мелким шрифтом указан возраст названных лиц. В строке 15 — 3 знака имени и сбоку справа приписка возраста названного человека. В строке 16 — 8 знаков, из них знаки 3–8 — имена людей, сбоку справа у каждого имени указан мелким шрифтом их возраст. В строке 18 — 7 знаков, в строке 19 — 8, в строке 20 — 5 и в строке 22 — 6 знаков.

Документ без подписи и даты, без печати. Поскольку нет общепринятой фонетической реконструкции тангутского (Си Ся) языка, публикатор не приводит полной транскрипции текста документа. Все имена, транскрипции наименований должностей и мера веса приведены в фонетической реконструкции М. В. Софронова.

ПЕРЕВОД

«Один человек от корня (клана) Źwẹi-·oẒ Khın-vi̯a[1] служащий внутренних покоев государя[2], и регулярной армии[3] Źwẹi-·o Ngıu-ru-khwı со старшим братом [Źwẹi-·oẒ] Khin-vi̯a [составляли] один 抄[4]. Несмотря на то что [числившийся] в слабых командир марша[5] Ngwe-źwei Nəɯ-wai-Khıu, как и Khın-vi̯a "старый 抄", [он] вместе с армейским направляющим[6] Ngwe-źwei Ngiu-ru-śan-Khıu и Ngwe-źwei Pa-źia, [праджня], три человека образуют один 抄. Khın-źi (сын) сейчас родного дяди по отцу по закону [место службы] получает, [он] усыновленный сын умершего "ведавшего транспортом"»[7] Źwẹi-·oẒ Ngiu-ru-nəɯ.

Что касается скота и имущества, то по закону, определяющему получение [такового], устанавливается нижеследующее:

Земля:
Налог в 7 нджиа (ху)[8] с орошаемых земель Нового канала
Налог в 6 нджиа (ху) с орошаемых земель канала Žeɯ-źe
Налог в 7 нджиа (ху) с орошаемых земель канала i̯ə-ndzi̯e
Налог в 7 нджиа (ху) с земель на склонах Śi̯on-kheɯ

Люди:
Мужчин (?) взрослых и девочек [по] двое:
Мужчины (?):

·A-wa-ngi̯u	40 лет
Śi̯e-swi	25 лет

[1] Не очень ясно, vi̯a (отец) является частью имени или это указание на то, что это отец Khin-źi (сына), главного действующего лица документа.

[2] Служащий внутренних дворцовых покоев 殿 經 設 ·i̯u-khụ-tshi. Управление внутренних дворцовых покоев было связано с обслугой дворца и лично государя, в нем трудились и чиновники, и обслуга в прямом смысле этого слова. Нередкое упоминание людей этого ведомства в провинции, в частности в регионе Хара-Хото, с нашей точки зрения, может означать, что а) это были люди, уже отслужившие в столице и сохранившие за собой в отставке свое звание, б) или они обслуживали собственность и службы государя в провинции.

[3] 番 移 nga-tśi̯e. Армия в Си Ся делилась на армию регулярную и вспомогательные войска.

[4] 設 tśheɯ и 抄 система замещения службы в армии и чиновников в администрации Си Ся.

[5] 旗 綱 ndźi̯e-ndzu условный перевод «командир марша», офицер среднего звена, в начале XIII в. командир 100 всадников, сотник.

[6] 番 繼 設 nga-·u-si̯wi «направляющий» — универсальная должность в администрации и армии Си Ся, в армии — командир 50 всадников, полусотник.

[7] 雜 穀 ·âi-mi̯e. В ведении управления транспортом был сбор налогов для казны и транспортировка зерна и т. п. Возможно, ведало и почтовыми станциями.

[8] 羊刻 ndźia китайское 斛.

[Девочки]:
Śi̯a-ngwə-mbâi 5 лет
Śi̯a-ngwə-khwɪ 3 года
Взрослых работников (?):
Ngi̯u-ma 40 лет
Ngi̯u-...? 30 лет
San-tsin 25 лет

Скот:
Верблюдов три: два взрослых и один маленький (верблюжонок).
Коров, маленьких (телят) и больших десять, четыре больших и шесть телят.
Овец и коз, маленьких (ягнят) и больших — восемьдесят.

Имущество:
Один лук
pei-·i̯e? два».

Документ представляет большой интерес. Это первое конкретное свидетельство функционирования в тангутском государстве Великое Ся (982–1227) института кандидатства на службу в армии и замещение должностей в администрации. По сведениям описания государства Си Ся в «Сун ши», в государстве тангутов каждый «мужчина, достигший возраста 15 лет считался военнообязанным (丁). Из каждых двух 丁 в регулярную армию 正軍 брали одного человека. Каждый «несущий тяготы».負贍 считался одним 抄. 負贍 сопровождал армию и выполнял при ней разные работы. Четыре 丁 выставляли двух 抄, оставшийся считался «пустым обязанным» 空丁[9]. Следует сказать, что этот текст не очень вразумителен. Проф. У Тянь-чи отождествлял 抄 (чао) с 負贍 и полагал, что солдат регулярной армии и 負贍 как служащий вспомогательных войск «образовывали минимальную организационную единицу армии Си Ся»[10]. Авторы «Краткой истории Си Ся» полагают, что из каждых четырех 丁 один шел на службу в регулярную армию, два были 抄, а оставшийся из четверых 空丁[11].

Нет сомнений, что 抄 передавалось тангутским tśheɯ в реконструкции М. В. Софронова и tśhieɯ в реконструкции Ли Фань-вэня. В «Тангутско-китайском иероглифическом словаре» данное тангутское слово Ли Фань-вэнь разъясняет как 抄 и как английское «группа», group[12]. Комментируя тангутское слово, Ли Фань-вэнь пишет 抄爲西夏軍隊組織之名. 西夏軍編制: 正軍一人與負贍一人爲一抄., т. е. это группа кандидатов на службу, прежде всего в армию. Более детальные сведения мы имеем из свода тангутских законов девиза царствования 天盛 (1149–1169). Согласно закону, люди (мужчины?) в возрасте 15 лет и старше считались совершеннолетними, а с 70 лет — стариками. Мальчиков вносили в списки возможных кандидатов на военную службу

[9] 宋史; 卷 486, 四部備要; 上海、1936, 3796 頁.
[10] 吳天, 墀西夏史稿, 成都, 1980, 218 頁.
[11] 李范文, 西夏簡史, 銀川, 1979, 31 頁.
[12] 夏漢字典, 北京, 1997, № 0976.

с 10 лет. С 15 лет подростков подвергали медицинскому освидетельствованию, и все физически здоровые ставились на специальный воинский учет. Такие списки составлялись и подавались в центр ежегодно в установленные сроки, зависевшие от удаленности данной местности от центра. Списки проверялись, они считались секретным документом. Если здоровый обязанный преступно означался умершим, чтобы избежать службы, то виновный в этом чиновник подлежал удавлению. Списки составлялись для людей разного социального статуса отдельно. Судя по тексту закона, за основу при образовании пар принимали 8 военнообязанных и более. Из каждых 8 обязанных составлялись 4 пары. Не имевшие пары, очевидно, в пределах своего клана, могли составить пары с представителями других кланов, если они желали получить место для службы в регулярной армии. «Солдат, не имеющих пары и добровольно пожелавших служить в регулярной армии, следует объединять в пары. Одному из них должно быть дозволено стать кандидатом на службу, и тот из них, кто физически крепче, должен поступить на службу в регулярную армию».

Служба в регулярной армии, очевидно, была престижной и выгодной. Закон требовал, чтобы из 5 реальных кандидатов на службу шел именно тот, чья очередь подошла.

В начале XIII в. в списки кандидатов на службу в регулярную армию было запрещено включать лиц, совершивших ранее уголовные преступления, и лиц, связанных с работой с иностранцами. Согласно этим же, более поздним по сравнению с кодексом XII в., добавлениям, богатым людям, не выражавшим желание служить в армии, разрешалось меняться местами с людьми бедными, но здоровыми и сильными. По крайней мере среди семей, высоких по своему социальному статусу, кандидатом на службу обязательно должен был быть родственник, как сказано в тексте закона, «один из сыновей, старших в роде» [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 424–426].

Понятие tśheш (чао 抄), которое достаточно точно можно обозначить как «кандидатство и отбор на службу», включало не только службу воинскую, но и административную. Ранг, гражданский и армейский, и должность, на гражданской службе или воинской, по закону наследовал старший в роде. «В государстве среди сыновей ранги и tśheш (кандидатство на должность) должны наследовать старшие в роде». Однако хороший чин мог иметь необязательно старший в роде по поколению, и потому наследником мог оказаться и отец, и дядя по отцу скончавшегося чиновника, и, естественно, его сыновья, внуки и племянники по мужской линии. Думается, что не всякая должность наследовалась прямо, вероятно, как и в Китае, наследник мог начать службу с более низкой должности, которую он получал в силу «тени» 蔭 отца, деда или другого старшего родственника. Например, в Си Ся нельзя было прямо наследовать должность лиц группы «ожидающих приказаний» 代詔 — лиц, служивших во дворце при особе императора. Прямо наследовались лишь должности, связанные с материальной ответственностью, при условии, что наследник возмещает те убытки, которые причинил казне его умерший родственник. Для наследования, по крайней мере ряда чиновничьих должностей, была важна хорошая грамотность, и прямой наследник-кандидат не получал «наследство», если был неграмотен или малограмотен. Поэтому кандидаты на должности в адмони-

страции в возрасте с 7 до 20 лет подлежали обучению. Способные ученики «независимо от величины ранга должны быть внесены в подаваемые по начальству списки. Все они входят в число кандидатов на чиновничьи должности и зачисляются на службу». Как и в кандидатстве на воинскую службу, при наличии у чиновника, занимающего важную должность, 8 мужских потомков и более, они составляли 4 пары, и только один из них оставался реальным кандидатом на должность. В кодексе многократно подчеркивается, что любой кандидат должен быть физически здоров, не урод, хорошо грамотен, уметь владеть оружием и хорошо стрелять из лука, знать ритуалы. При совершении важным должностным лицом преступления, кандидат на его должность утрачивал кандидатство [там же. С. 338–342].

Таким образом, институт tśheш был всеобъемлющим и весьма непростым в практическом применении.

В предлагаемом вниманию читателей тангутском документе речь ведется о двух кланах (родах, фамилиях) — Źwẹi-·oẒ и Ngwe-źweiź. Оба они известны из других тангутских источников, относящихся ко второй половине XII — началу XIII в., и оба, вероятно, были связаны с районом города Хара-Хото (Эдзина).

Представители клана Źwẹi-·oẒ упоминаются в колофонах текстов буддийского содержания шесть раз, в номерах описаний:

№ 75 — 1179 г.	Переписчик.
№ 76 — без даты.	Переписчик.
№ 77 — без даты.	Заказчик переписки и владелец текста.
№ 78 — 1201 г.	Заказчик переписки текста.
№ 80 — без даты.	Переписчик текста.

Представители клана Ngwe-źweiź упомянуты 12 раз:

№ 11 — без даты.	Владелец книги.
№ 15 — без даты.	Заказчик переписки текста.
№ 16 — 1178 г.	Служащий внутренних дворцовых покоев, переписчик текста.
№ 97 — 1158 г.	Хара-Хото. Управляющий транспортными перевозками. Заказчик переписки текста.
№ 98 — без даты.	Заказчик переписки текста.
№ 100 — 1190–1191 гг.	Заказчик переписки текста.
№ 110 — 1176 г.	Заказчик переписки текста.
№ 113 — без даты.	Добродетельный муж, заказчик переписки текста.
№ 114 — без даты.	Хара-Хото. Пограничный эмиссар, командир марша, заказчик переписки текста.
№ 182 — без даты.	Переписчик текста.
№ 235 — без даты.	Женщина.
№ 570 — без даты.	Цензор [Каталог].

К сожалению, ни разу не встречаются имена лиц, упомянутых в публикуемом документе.

По тексту на некую неизвестную нам должность требовался один человек из клана Źwẹi-·oẒ, который, как представляется, на данный момент возглавлял Źwẹi-·oẒ Khın-vi̯a (отец) и который имел одно 抄 с уже находившимся в рядах регулярной армии его младшим братом Źwẹi-·oẒ Ngi̯u-ru-khwi. Khın-vi̯a являлся «старым» 抄 старшим братом. Параллельно на эту же должность существовало, возможно, в силу свойства, 抄 и клана Ngwe-źweiź. Его представитель Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-khıu по должности командир марша, прежде числился в «слабых» и, как и Khın-vi̯a, являлся «старым» 抄. Но вместе с двумя другими представителями клана Ngwe-źweiź армейским направляющим Ngwe-źweiź Ngiu-ru-śan и Ngwe-źwei Pa-źia (Праджня) он был включен в одно 抄.

Можно предположить, что когда-то Źwẹi-·oẒ Khıu-vi̯a и Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-Khıu составляли одно 抄, ибо оба они «старые 抄». На момент составления документа Khıu-vi̯a имел в паре своего младшего брата, а Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-khıu был в связке со своими однофамильцами-сородичами, т. е. был приписан к их паре. Очевидно, был какой-то смысл в том, что Źwẹi-·oẒ Khıu-vi̯a и Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-khıu являлись «старыми» 抄, который лично мне не совсем ясен, как и вообще не очень понятно упоминание о 抄 клана Ngwe-źweiź, кроме предположения о том, что этот клан мог быть в свойстве с кланом Źwẹi-·oẒ.

Реально же в документе говорится о том, что представитель клана Źwẹi-·oẒ -Źwẹi-·oẒ Khın-źi (сын), приемный сын умершего дяди по отцу Źwẹi-·o Ngiu-ru-nəɯ, т. е. родного брата Źwẹi-·oẒ Khıu-vi̯a', наследовал должность умершего, возможно, должность «ведающего транспортом», т. е. разного рода перевозками в районе города Хара-Хото. Мы не станем подробно говорить о законах, регулировавших усыновление в Си Ся, скажем только, что усыновление племянника по мужской линии бездетным или оказавшимся бездетным дядей являлось одним из лучших вариантов, ибо происходило в рамках одного клана [там же. С. 313–314].

Итак, нам неясно, почему в документе упомянут клан Ngwe-źweiź. Содержание документа сводится к тому, что в клане Źwẹi-·oẒ племянник наследует должность своего дяди по отцу.

Обратимся к характеристике жалованья, положенного вступающему в должность наследнику. В свое время автор этих строк писал: «Чиновники получали за службу жалованье, чаще всего натурой. Мы не имеем в кодексе сведений о пожаловании за службу в кормление земель» [там же. С. 336]. Очевидно, что это было сказано не совсем точно. Во второй половине XII в., как мы видим из публикуемого документа, за службу в качестве жалованья выделялся доход с определенных в кормление земель. Само понятие жалованья по-тангутски выражалось словами «жалованье-кормление» [Новые законы. Гл. 9. С. 46]. Можно думать, что в качестве жалованья выдавался доход с казенных (по тангутской классификации «государевых») земель. Скот в кормление тоже поступал от казны и выдавался от управления скотоводством [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 336]. Было и жалованье деньгами.

В эпоху Тан-У дай один ndźia 𗍫𗥃 зерна равнялся 5,94 л, в эпоху Сун — 6,64 л. У нас нет твердых данных о том, в какой период истории Си Ся какие

меры использовались — танские или сунские. В целом держатель должности получал 28 斛 зерна, к сожалению, неизвестно какого, ибо была разница между рисом, пшеницей и просом. Неясно и за какой срок выдавалось это зерно — за месяц, за год? Если за основу принять танские меры, то за наследуемую должность в качестве жалованья полагалось 166,52 л зерна, а если сунские — то 185,92 л, т. е. речь шла примерно о полутора центнерах зерна.

В обеспечение жалованья назначались и люди. Из документа неясно, были ли это рабы или люди иных зависимых категорий, как-то связанные с той землей, доход с которой шел держателю должности. Может быть, это была обслуга. В свое время автором этих строк была написана специальная статья «Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся» [Рабство. С. 218–239]. В тангутском государстве люди, лишенные личной свободы, принадлежали и государству, и частным лицам. Люди, пожалованные в услужение получившему должность лицу, очевидно, должны были быть собственностью казны. Их имена ничего не говорят о национальной принадлежности, это могли быть тангуты, китайцы, уйгуры и др. Непонятно назначение детей 5 и 3 лет. Имя пятилетнего ребенка переводится как «Пятнадцать-наслаждение», трехлетнего «Пятнадцать-собака». Заметим от себя, что наличие в имени элемента «собака» у тангутов совсем не означало уничижительное отношение, в имени одного из упомянутых в тексте людей, служащего регулярной армии, также есть слово «собака».

Остался непонятным знак в строке 16 — «большие (старшие)?». Попытка отождествить его со знаком 𗍫 «делать», «работать» и автору этих строк представляется явной натяжкой. Первое имя, возможно, женское, поскольку его можно перевести как «Добрая женщина», «Добрая самка», «Добрая сука». Во втором имени, составленном по тому же шаблону, неясен по значению второй знак. Трудно перевести и третье имя, в нем первый знак транскрипционный, возможно, даже китайское 三 «три», а второй в значении «знать» — «Три знать». В целом было пожаловано пятеро взрослых и двое детей. Взрослые люди, трудно определимые по полу, все были самого работоспособного возраста — 25, 30 и 40 лет.

Тангуты делили скот на четыре вида: 1) верблюды, 2) лошади, 3) быки и коровы, 4) овцы и козы. Одновременно скот подразделялся на крупный (боевой, транспортный и мясо-молочный) — верблюды, лошади, мулы, ослы, быки и коровы, и мелкий — овцы, козы и свиньи. Особое место занимали яки, которых разводили в горных районах Си Ся. По некоторым данным, верблюду или лошади по ценности равнялись пять коров или быков (быков и коров) и двадцать овец и коз. В перечне пожалованного наследователю должности скота разного возраста три верблюда, десять коров и быков и восемьдесят овец и коз. Отсутствие в списке лошадей могло указывать на известную состоятельность хозяина. По закону, тот, у кого было 200 овец и коз и 20 коров и быков должен был являться на военную службу со своим конем и с доспехами для воина и для коня. Имевший 100 овец и коз [Кодекс, 1987–1989. Кн. 3. С. 203–204] и 10 коров и быков являлся в армию с конем и одним из видов доспехов — или для воина, или для коня. Имевший 50 овец и коз и 5 коров и быков являлся только с конем. Khin-źi даже по пожалованному ему скоту должен был иметь своего коня при явке на военную службу.

Итак, мы склонны думать, что упомянутые в публикуемом документе кланы Źwẹi-·oẒ и Ngwe-źweiź жили в районе Хара-Хото или в самом городе Хара-Хото (Эдзина, Хэйшуйчэн). Вероятно, это были служилые семьи среднего или даже выше среднего достатка. Их активность в религиозной жизни региона хорошо прослеживается по материалам буддийского содержания из Хара-Хото. Один из лиц, упомянутых в документе, Źwẹi-·oẒ Ngɯ-ru-khwi служил в регулярной армии и являлся служащим внутренних дворцовых покоев. Как мы уже упоминали выше, возможно, он в свое время служил в столице при императорском дворе и был в числе «ожидающих приказаний» или же обслуживал нужды государева двора на месте, в провинции. Прочие должности лиц, упомянутых в документе, — «командир марша» и «армейский направляющий» — командные должности в армии среднего и даже ниже среднего звена, а ведающий транспортными перевозками был служащим налоговой и почтово-курьерской службы, основные звенья которой находились вне столицы. Таким образом, круг должностей и связанных с ними лиц вполне вписывается в рамки деятельности провинциального города, города второстепенного, каким и был Хара-Хото. Все упомянутые в документе должности встречаются и у лиц, связанных с буддийскими текстами из Хара-Хото [см.: Каталог. С. 686–687]. Следовательно, у нас есть основания связывать документ с районом Хара-Хото, а датировать его условно можно второй половиной XII — началом XIII в.

Нельзя сказать, чтобы документ внес большую ясность в функционирование системы кандидатства на службу в тангутском государстве. Если в нем просто говорилось о том, что племянник наследовал дяде, тем более, если племянник был приемным сыном своему дяде — приемному отцу, все было бы просто и ясно. Но остается непонятным, при чем в этой ситуации был другой клан Ngwe-źweiź? Мы уже выше высказывали предположение, что некоторое время до этого Źwẹi-·oẒ Khɪn-vi̯e и Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-Khɪu составляли одно 抄. Может быть, процедура наследования должности потребовала отнести Ngwe-źweiź Nəɯ-wai-Khɪu третьим в одно 抄 со своими сородичами? И из тангутского свода законов, и из публикуемого документа мы обнаруживаем сложную систему наследования должностей, которая функционировала в государстве Си Ся. Возможно, эта система допускала разные условия и неодинаковый порядок наследования должности в разных сословиях общества Си Ся, в различных социальных группах, когда клановая структура общества сосуществовала с государственным порядком и государственной практикой. Можно думать, что в Си Ся система наследования должностей была господствующей в отличие от соседнего Китая, где при Южной Сун основным путем комплектации штата чинов становится система государственных экзаменов. Вопрос о бытовании в тангутском государстве системы государственных экзаменов по китайскому образцу остается открытым, в кодексе о государственных экзаменах не упоминается.

В публикуемом тексте документа нами не расшифрованы два знака — последний знак в строке 7 и 6-й знак сверху в имени в строке 16. Не определено также, какой вид оружия или воинского снаряжения назван в конце документа в строке 22, который наследник должности получил в двух экземплярах. Косвенно словари свидетельствуют о том, что это было какое-то средство ведения

вооруженной (?) борьбы, для первого знака есть значения «вспарывать», для второго «драться». Очевидно, что это был какой-то вид оружия или средство защиты. Почему оно выдавалось в двух экземплярах? На эти вопросы у публикующего этот документ пока нет ответа.

Автор публикации вполне допускает уточнения в переводе документа, иную его интерпретацию. Но от этого документ не станет менее интересным. Как и то, что публикация всех тангутоязычных документов из мертвого города Хара-Хото окажется крайне важной как для исследования прошлого тангутского государства Си Ся, так и Центральной Азии и Китая в целом.

РАЗДЕЛ IV

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ

ТАНГУТЫ И ЗАПАД

До сих пор все основные сведения о прошлом тангутского народа мы черпаем преимущественно из китайских источников. Поэтому, несмотря на то что взаимоотношения тангутов и тангутского государства с Китаем действительно были важнейшим фактором жизни тангутского общества, именно китайская информация делает наши представления о связях тангутов с соседними народами односторонними, обращенными прежде всего на восток. Но тангутское государство находилось как раз между Китаем, с одной стороны, и территорией уйгуров (современный Синьцзян) и Тибетом — с другой. Тангутский поэт XII в. так определял положение своей страны:

Тибетец, китаец и ми[1] — у всех троих мать одна,
Несходство речей у них — раздельность земель дала.
На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма.
На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
И в этой китайской стране — китайские знаки письма.

[*ТФ. Кн. 1. С. 80*]

В тангутском первоначальном учебнике письма, пышно озаглавленном «Вновь собранные крупинки золота на ладони», автор говорит ученикам о соседях тангутского государства следующее:

Тангуты идут смело и бодро,
Кидани шагают медленным шагом,
Тибетцы много чтут Будд и монахов,
Китайцы все любят светскую[2] литературу,
Уйгурцы пьют кислое молоко,
Шаньгхо очень любят есть гречиху.

[*Крупинки золота. С. 10–11*]

[1] Ми — самоназвание тангутов.
[2] Буквально «вульгарную», «глупую».

В перечне остается неясным наименование «шаньгхо», очевидно как раз западных соседей тангутов. Думается, что по аналогии со всеми предыдущими этнонимами эти знаки также употреблены фонетически, хотя их значение вполне может быть переведено как «владыки гор». Под схожим названием из китайских источников нам известны Шаньго 善国 в Южной Индии [Морохаси Тэцудзи, 1955–1960. Т. 2. С. 1075], упоминание которого в данном контексте маловероятно, и государство Шаньшань 善善, находившееся на территории современного Синьцзяна, район города Шаньшань [там же. С. 338]. Однако на землях Шаньшань «было много песков и солончаков и мало воды и травы» [Чжоу шу, 1936. Гл. 50. С. 259]. Это не исключает, но в значительной мере делает уязвимой трактовку Шаньшань как исключительно земледельческого народа — «очень любят есть гречиху», в противоположность скотоводам-уйгурам, питающимся кислым молоком. Поэтому можно допустить, что речь в цитированном выше описании из тангутского первоисточника идет об округе Шаньчжоу, который находился на территории современного уезда Синин [Морохаси Тэцудзи, 1955–1960. Т. 2. С. 338], округе, соседнем с Ся, не входившем в состав тангутского государства до 1136 г., принадлежавшем тибетцам северо-востока и включавшем в себя плодородные земли в долине реки Синин. В любом из двух последних случаев — Шаньшань или Шаньчжоу? — упоминаемое в тангутском тексте Шаньгхо находилось к западу или юго-западу от тангутского государства, а его население, уйгуры или восточные тибетцы соответственно, было преимущественно земледельческим.

Заселяя Ордос и смежные области к северу и западу от реки Хуанхэ, тангуты встретились там с тюркскими народами — походы тюркских каганов против тангутов [Малов, 1959. С. 16, 20] — и согдийскими колониями, сосредоточенными по важнейшим торговым путям [Кляшторный, 1964. С. 93–94]. Через заселенную тангутами территорию проходил знаменитый Шелковый путь и так называемая Дорога ветров [там же. С. 100–101]. Этими путями традиционно осуществлялись торговые и дипломатические связи Китая с Западом. В 1035–1036 гг. этим путем последний раз следовало посольство из Индии в Китай. Это посольство из девяти человек во главе с буддийским монахом Шань Чэном, видимо, достигло столицы Сун города Бянь (Кайфэн) зимой 1035–1036 г. Путь посольства пролегал через Среднюю Азию (государство Даши), современный Синьцзян (округ Сичжоу) и Ордос (округ Сячжоу). Когда в мае 1036 г. посольство возвращалось обратно, оно было задержано в Сячжоу тангутским государем Юань-хао. Это в конечном итоге привело к прекращению связей Китая с западным краем сухопутным путем [ССЦ. Гл. 6. С. 9б].

Однако главной причиной заброшенности старых путей была не задержка посольства из Индии, а те войны, которые вели тангуты на западе в XI в. Первыми в этой серии войн были войны тангутов с уйгурами. Ганьчжоуское уйгурское ханство сложилось во второй половине IX в. [Малов, 1962. С. 1–26]. И, видимо, с этого же времени возникла тангутско-уйгурская вражда: «Тугухуньцы, шато и дансяны (тангуты. — *Е. К.*), — сообщается в китайской энциклопедии "Цэ фу юань гуй", — из поколения в поколение находились в кровной вражде с уйгурами» [ЦФЮГ. С. 2976]. В 1001 г., когда тангуты вели

с сунским Китаем борьбу за право существования тангутского государства, уйгуры предложили китайцам союз в войне с тангутами [Сун ши. Гл. 490. С. 3822]. Это положило начало ряду кровопролитных тангутско-уйгурских войн, длившихся всю первую треть XI в. Заключив в 1006 г. мир с Китаем, тангуты начали активное наступление на запад. Большие походы 1008 и 1009 гг. окончились для тангутов поражением их армий [там же. С. 3822]. «Враг напал ночью на войско Тангута (а это управляемая область вблизи ас-Сина (Китая)) в сильный холод, чтоб оно не нашло победы. Затем насмеялся над ним, так что пригнал их конницу и пехоту в подарок нам. И (тот) [тангут] опустил свою голову перед тем, что вытерпел от испытаний» [Книга свода. С. 258][3]. Летом 1028 г. тангуты возобновили наступление на уйгуров. На этот раз уйгуры потерпели сокрушительное поражение. Тангуты овладели Лянчжоу и Ганьчжоу [Сун ши. Гл. 485. С. 3786]. В 1036 г. войны завершились присоединением к тангутскому государству округов Сучжоу, Шачжоу и Гуачжоу [там же]. Отныне границы Ся расширились на запад вплоть до Хамийского оазиса.

Одновременно на всем протяжении XI в. тангуты вели частые войны со своим юго-западным соседом — восточнотибетскими племенами. Здесь, в районе озера Кукунор и города Синина, появилось могущественное объединение восточнотибетских племен во главе с Цзюесыло. В 1035 г. тангутская армия, возглавляемая лично государем Юань-хао, вторглась во владения Цзюесыло. Тангуты осадили ряд городов и разгромили тибетские войска под командованием Аньцзыло [там же]. Одержав эту победу, Юань-хао перенес военные действия дальше на запад против уйгуров Гуачжоу и Шачжоу, а для продолжения борьбы с тибетцами оставил лишь незначительные силы. Тибетцы быстро собрали новые войска и разбили тангутов при переправе через реку Цзунгэ [там же. Гл. 492. С. 3838]. Однако война вызвала внутренние трудности во владениях Цзюесыло. Два его сына, Мачжаньцзюе и Дунчжань, откололись от отца и объявили себя независимыми правителями. В 1063 г., воспользовавшись раздорами среди тибетцев, тангуты заняли район Ланьчжоу [ССЦ. Гл. 13. С. 9б]. В конце XI в. китайцы активизировали свою политику в районе Кукунора. В итоге к 1117 г. многие «земли Цзюесыло стали сунскими областями и уездами» [там же. Гл. 22. С. 19а]. Однако после разгрома северной Сун чжурчжэнями тангуты в 1136 г. «присоединили район Синина к своему государству» [ССШШ. Гл. 34. С. 16а–16б].

На всем протяжении войны чжурчжэней с киданями тангуты старались оказать посильную поддержку киданям, с которыми правящий род Ся был связан родственными узами. Когда киданьское государство было уже на краю гибели, в 1124 г. один из членов киданьского императорского дома, Елюй Даши, ушел с частью армии и беженцев на север и закрепился в крепости Кэдунь на реке Орхон. Отсюда он вступил в контакт с тангутами, предлагая им начать совместную борьбу с чжурчжэнями. Но тангуты не решились на открытый разрыв со своими новыми соседями и не смогли помочь Елюй Даши

[3] Автор пользовался переводом с арабского, любезно предоставленного ему К. Б. Старковой, за что выражает ей сердечную благодарность.

[ЛШ, 1936. С. 114]. В 1129 г. Елюй Даши двинулся на запад и закрепился в Семиречье, основав там новое кара-китайское государство. Чжурчжэни получили какие-то сведения о переговорах кара-китаев с тангутами. Они обратились к тангутскому государю Цянь-шуню с запросом по этому поводу, но последний довольно резко ответил: «Мое государство не граничит с землями Хэчжоу (западные районы Синьцзяна. — *Е. К.*), и я не знаю, где находится Елюй Даши» [ССШШ. Гл. 34. С. 10б].

Поддерживали ли в дальнейшем тангуты какие-то контакты с кара-китаями — нам неизвестно. Но думается, что отсутствие торговых и политических связей тангутского государства со своими западными соседями было бы противоестественным. Мы, во всяком случае, не имеем пока сведений об этих связях. Например, возможным отзвуком таковых были какие-то тангутско-кереитские отношения, отрывочные сведения о которых дошли до нас в более поздних источниках. Вероятным их началом были родственные отношения тангутского правящего дома с Кэрабэтаем (Керандаем), братом главы племени кереитов Он-хана. Кэрабэтай в детстве попал в плен к тангутам, поступил на тангутскую службу и дослужился до высокого поста правителя области с титулом Джакамбу. Одна из его дочерей стала женой государя тангутов [Рашид-ад-дин, 1952. С. 109]. Позднее, когда в среде самих кереитов возникли распри, убежище в тангутском государстве нашел Гур-хан, дядя Он-хана [там же. С. 110], а затем к тангутам бежал и сам Он-хан, преследуемый найманами [там же]. Нам кажется, что тот факт, что кереитские ханы искали приюта у тангутов, позволяет предполагать постоянные и дружественные отношения между тангутами и кереитами.

Связи тангутов с племенами запада и северо-запада были достаточно тесными, ибо у этих народов тангуты нашли поддержку и в свои самые черные дни. Отказавшись участвовать в походе Чингисхана на запад и получив от последнего обещание уничтожить тангутское государство, как только он вернется из западного похода, тангуты встали перед необходимостью подготовки к войне. Нужно было искать себе союзников. И любопытно, что тангуты искали их не только на востоке, заключив в 1224 г. мир с чжурчжэнями, но и на западе и северо-западе, среди уже подчиненных Чингисханом племен. Тангутские посольства спешно направляются к племенам, обитавшим к «северу от песков» [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. Речь могла идти или о племенах на территории Монголии, живших к северу от пустыни Гоби, таких, как кереиты или найманы, только недавно подчиненные Чингисханом, или о племенах, живших на территории современного Синьцзяна, к северу от пустыни Такламакан, как полагал Х. Д. Мартин [Martin, 1942. P. 210–211]. Это была смелая попытка организовать военный союз в тылу армий Чингисхана, воевавших далеко на западе. Примечательно, что попытка эта увенчалась успехом. Если не все, то часть племен, живших к «северу от песков», обещали свою помощь тангутам [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. Об этой договоренности стало известно Чингису, и именно это, в числе прочих причин, побудило его срочно возвратиться на родину. «Чингисхан, — сообщает Джувейни, — решил возвратиться из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного возвращения было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили бес-

покойства и вызывали колебания между подчиненными и мятежи» [Juvaini, 1958. P. 139]. Свидетельство Джувейни важно не только как подтверждение сведений китайского источника, но и как указание на то, что тангутам в их деле помогали китаи (кидани), видимо те, которые продолжали жить на своих землях после гибели Ляо. Союзники как могли сдержали свое слово. Весной 1226 г. в первом сражении последней монгольско-тангутской войны у стен Эдзина (Хара-Хото) вместе с тангутскими войсками сражались сали, теле и чиминь [ССЦ. Гл. 28. С. 7б]. Вместе с тангутами они разделили всю горечь поражения.

В 1227 г. тангутское государство перестало существовать. Те из тангутов, которые уцелели и попали потом на монгольскую службу, видимо, бывали очень далеко от своих родных мест. Хорошо известно, что один из них, Сили Кяньбу, вместе с войсками Бату-хана участвовал во взятии Рязани [ЮШ. Гл. 122. С. 916].

Таков сжатый обзор сведений, которыми мы располагаем на сегодня о связях тангутов с западом. Это были мирные и немирные контакты, основной сферой которых являлась территория Северо-Восточного Тибета, современного Синьцзяна и Юго-Западной Монголии. Эти контакты играли важную роль в жизни Си Ся. Западные соседи поддерживали тангутов и политически. В 1038 г., принимая титул императора, тангутский государь Юань-хао в письме к императору Сун писал, что тибетцы, татары и уйгуры Турфана «были недовольны, когда я называл себя ваном, и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и все настаивали, чтобы мой титул был поднят в соответствии с моим положением» [Сун ши. Гл. 485. С. 3786].

Пока мало раскрыто и то влияние, которое оказали западные соседи на тангутскую культуру. Еще акад. С. Ф. Ольденбург указал на влияние уйгурской манеры письма в ряде образов тангутской буддийской живописи [Ольденбург, 1914. С. 40, 71]. Известно, что уйгурские монахи оказали тангутам помощь в переводе текстов буддийского канона на тангутский язык [ССЦ. Гл. 11. С. 9а]. Одновременно специалисты отмечают, что большая группа икон из Хара-Хото «характеризуется близостью в иконографии и в художественно-стилистических особенностях с буддийской школой ваджраяна, распространенной в Восточной Индии, Непале и Тибете (плоская трактовка изображений и заполнение контуров контрастными цветами)» [Грек и др., 1964. С. 60]. Синкретизм, свойственный во многом тангутской культуре вообще [там же. С. 61], особенно проявился в культе небесных светил, где западное влияние было весьма ощутимым. «В синкретическом облике божеств планет в иконографии Хара-Хото, — писала С. М. Кочетова, — мы видим, что содержание образов некоторых светил явно греческое, а внешний облик либо индийский, либо китайский, либо смешанный» [Кочетова, 1947. С. 501].

Как и всякое взаимодействие культур, таковое, естественно, не могло быть односторонним. Известно, например, что, когда Чингисхан выбирал музыку для сопровождения придворных церемониалов при монгольском дворе, он остановил свой выбор именно на тангутской музыке [ЮШ. Гл. 68. С. 523].

К сожалению, в чрезвычайно интересной проблеме связей тангутов с западом многое пока нам недоступно. Нужен разносторонний и тщательный анализ уже известных материалов, нужны новые сведения, как из источников тангутских, так и из письменных памятников соседних с тангутами народов. Говорить же об изучении памятников культуры материальной в настоящее время пока очень затруднительно. Собранный П. К. Козловым в Хара-Хото материал почти весь относится к более позднему, монгольскому времени. Но и здесь положение не представляется совершенно безнадежным. Более тщательное изучение материальной культуры тангутов позволит в будущем выделить и определить ее элементы в памятниках иных культур, в частности в памятниках монгольской эпохи.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА СИ СЯ И ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ

Целое столетие на Дальнем Востоке были соседями два могущественных государства домонгольской эпохи — тангутское Си Ся и чжурчжэньское Цзинь. Еще задолго до того, как они стали соседями, судьбы тангутского и чжурчжэньского народов оказались связаны между собой. На всем протяжении XI в. чжурчжэни находились в зависимости от киданей, империя которых (государство Ляо) была северным соседом и сюзереном тангутов. Отношения сюзерена и вассала были не всегда мирными, и характер этих взаимоотношений оказывал влияние на ход дел в соседних странах.

В конце 1044 г. киданьская армия форсировала реку Хуанхэ и вторглась в пределы Си Ся. Через несколько месяцев она была разбита тангутами на севере Ордоса. Государь Ляо бежал, сопровождаемый несколькими всадниками. Разгром киданьской армии нашел отклик далеко на востоке. Против киданьского господства восстали бохайцы и чжурчжэни. С большим трудом кидани смогли подавить восстание [ССЦ. Гл. 11. С. 1а].

К концу первой четверти XII в. между тангутами и киданями существовали дружеские отношения. Основой их явилась дипломатическая поддержка Ляо, оказанная Си Ся в его войнах с Сун. Союз двух государств был скреплен брачным контрактом представителей правящих династий [ЛШ. Гл. 26. С. 102; Гл. 27. С. 103]. Поэтому, когда кидани стали терпеть от чжурчжэней одно поражение за другим, а сунские войска атаковали Ляо с юга, тангуты неоднократно пытались оказать помощь киданьскому двору.

Тангутские войска постоянно совершали набеги на пограничные области Сун, вынуждая китайцев держать на границах с Си Ся значительную армию.

В начале 1122 г. чжурчжэньские войска впервые появились у границ Си Ся. Государь Ляо едва избежал плена у заставы Цзюйюнгуань. Тангутский государь Цянь-шунь выслал 30-тысячный корпус в помощь киданям. Первоначально тангутам удалось нанести поражение авангарду чжурчжэней. Но когда подошли основные силы чжурчжэньской армии, тангутский экспедиционный

корпус был разгромлен на берегах реки Ишуй [ЦШ. Гл. 71. С. 459]. Поражение заставило тангутов лишь тайно оказывать киданям поддержку. Государь Ляо искал спасения в южной части гобийской пустыни. Тангуты выслали небольшой отряд, доставивший киданям продовольствие [ЛШ. Гл. 29. С. 110].

Чжурчжэни, занятые войной с киданями и готовившие нападение на сунский Китай, в 1123 г. предложили тангутам мир при условии безоговорочной выдачи киданьского государя в том случае, если он вздумает искать убежище на территории Си Ся [ЦШ. Гл. 134. С. 825]. Тангутам пришлось принять предложение чжурчжэней. Правда, они по-прежнему принимали беженцев из Ляо и, по словам чжурчжэньского государя, мешали ему «преследовать государя Ляо» [там же. Гл. 71. С. 460] и даже нападали на пограничные гарнизоны Цзинь. Но дальше этой незначительной помощи киданям дело не шло.

Стараясь добиться расположения тангутов, чжурчжэни пообещали им ряд пограничных киданьских областей. Государь Ся признал себя вассалом Цзинь [там же. Гл. 134. С. 825; Гл. 71. С. 460]. Однако «подарок» оказался фиктивным. Пожалованные области оккупировали тогда еще союзные чжурчжэням сунские войска. Обозленные тангуты препятствовали чжурчжэням поймать киданьского государя. Чжурчжэни пригрозили вторжением: «Если Вы действительно хотите подчиниться нам, — объявил их полководец Цзун-ва, — то, как и было приказано, арестуйте государя Ляо и пришлите его нам. Если же Вы будете двурушничать, то потом раскаетесь» [там же. Гл. 74. С. 481]. Несмотря на строгое предупреждение, тангуты снова помешали чжурчжэням взять в плен государя Ляо. Благодарный киданьский император прислал в Ся грамоту, в которой признал Цянь-шуня императором, т. е. равным себе по титулу.

Вмешательство тангутов больше чем на год отсрочило окончательный крах Ляо [ЛШ. Гл. 115. С. 421]. Но тангуты не решились вступить в войну своими силами, ибо это ставило под угрозу существование Си Ся.

В 1124 г. киданьский государь был пленен, и империя Ляо прекратила свое существование. В этом же году войска чжурчжэней форсировали реку Хуанхэ и начали войну с китайской империей Сун. Походы чжурчжэней против Китая продолжались до 1142 г., в результате чего весь Северный Китай до реки Хуанхэ оказался под их властью.

Гибель Ляо и поражения сунских войск потрясли тангутов. Нужно было налаживать отношения с новым соседом. Тангутские посольства зачастили к чжурчжэньскому двору. А с 1125 г. тангуты стали помогать чжурчжэням в войне с Сун, за что чжурчжэни официально признали Цянь-шуня государем Ся [ЦШ. Гл. 134. С. 825]. В 1136 г., воспользовавшись удобным моментом, тангуты присоединили к своим владениям населенные восточнотибетскими племенами округа Синин и Ляочжоу к востоку от озера Кукунор [ССШШ. Гл. 34. С. 16а–16б]. На следующий год чжурчжэни подарили им два других соседних с Сининым округа Кочжоу и Цзиши [ЦШ. Гл. 78. С. 501; ССЦ. Гл. 23. С. 17б–18а] и согласились на присоединение к Ся ранее занятых тангутами округов.

Это положило начало установлению более тесных отношений между тангутами и чжурчжэнями. С 1138 г. обе стороны предпринимают первые шаги к развитию торговли.

Установление дружественных отношений между Си Ся и чжурчжэньской империей Цзинь означало разрыв отношений тангутского государства с Китаем. Си Ся перестало признавать себя вассалом императоров китайской династии Северная Сун.

В этот период тангуты регулярно посылали к цзиньскому двору посольства с поздравлениями к новому году и ко дню рождения императора. Принимало тангутских послов управление синшэн, чиновник которого с письмом от государя встречал посольство на границе. Он и его сопровождение заботились о столе и ночлеге послов на территории Цзинь [ЦШ. Гл. 38. С. 246]. Государь Цзинь принимал тангутских послов сидя. На торжественных приемах послы Ся вводились в зал сразу после китайских послов династии Южная Сун. За ними принимали послов Корё, а затем уже остальных.

Тангутский государь должен был принимать чжурчжэньских послов стоя. Первый чжурчжэньский посол Ванахай был принят по церемониалу, по которому ранее в Ся принимались киданьские послы. Ванахай не согласился с предложенными правилами приема и заявил: «Отношения между киданями и Ся были отношениями племянника и дяди. Поэтому ван государства Ся принимал послов [Ляо] сидя. Теперь отношения великой Цзинь и Ся — это отношения господина и его вассала. И принимать послов великой державы нужно по подобающему церемониалу» [там же. Гл. 134. С. 825]. В итоге государи Ся стали принимать чжурчжэньских послов стоя.

Как только чжурчжэньские послы вступали на территорию Ся, тангутский государь присылал им подарки. Встречавшие послов чиновники узнавали, сколько послы везут докладов и предписаний. При переписке с Цзинь тангуты, указывая дату, пользовались девизами годов правления чжурчжэньских императоров [ССЦ. Гл. 27. С. 8б], что являлось свидетельством их вассальной зависимости.

В 1149 г. чжурчжэньский император Хэла (Си-цзун) был убит и престол занял один из заговорщиков Дигунай (Ваньянь Лян). Тангуты не приняли чжурчжэньских послов и с полдороги возвратили своих, требуя объяснить причины переворота. Поскольку с таким же приемом чжурчжэньские послы столкнулись при южносунском дворе и в Корее, весной 1150 г. Дигунай вынужден был направить посольства к Сун, Си Ся и Корё с объяснением причин свержения Хэла. Принимая иноземных послов, он одарил их богатыми подарками, а для тангутов отменил запрет на торговлю железом [там же. Гл. 24. С. 12а]. Этими мерами Дигунай желал добиться признания своих прав и избежать разговоров за пределами империи о массовых казнях своих соперников.

Преемник убитого Дигуная император Улу (Ши-цзун) оказал поддержку государю Ся в борьбе с одним из могущественных сановников тангутского государства китайцем Жэнь Дэ-цзинем. Жэнь Дэ-цзинь, отец последней жены тангутского государя Цянь-шуня, добился высоких постов, и, концентрируя вокруг себя всех недовольных, в первую очередь из нетангутского населения Ся, закрепился в городе Линчжоу и задумал создать свое независимое государство. Опираясь на значительные воинские силы, он поставил государя Ся Жэньсяо в исключительно трудное положение.

В 1167 г. Жэнь Дэ-цзинь вступает в переговоры с сунскими властями Сычуани. Одновременно он присылает гонцов ко двору чжурчжэньского императора,

признание которого придало бы юридические основания притязаниям Жэнь Дэ-цзиня. В 1170 г. он создает независимое государство Чу и вынуждает государя Ся послать посольство к цзиньскому двору с просьбой признать Жэнь Дэ-цзиня в качестве государя-вассала.

Чжурчжэни безоговорочно приняли сторону государя Ся и отказали Жэнь Дэ-цзиню во всякой поддержке. На приеме тангутских послов чжурчжэньский император заявил: «Как может государь, владеющий государством, безо всякой на то причины делить свое государство и раздавать его людям?! Безусловно, к этому его принудил всесильный сановник. Конечно же, это не личное желание вана Ся! Много лет государство Ся называлось вассалом. И вот в один прекрасный день оно оказалось под пятой мятежного сановника! Мы — государь великой державы. Как можно допустить такое зло? Уж если ты сам не в состоянии справиться с ним, то тогда возьми войска, разгроми его и казни. Нельзя допускать такое!» [ЦШ. Гл. 134. С. 826].

Чжурчжэни поддержали государя Ся по следующим причинам. В действиях Жэнь Дэ-цзиня они усмотрели нарушение порядка взаимоотношений между вассалом и сюзереном. Они понимали, что появление государства Чу с китайцем-государем во главе усилило бы позиции главного врага чжурчжэней — сунского Китая. Симпатии Жэнь Дэ-цзиня к Южной Сун не вызывали сомнений. Существование единого тангутского государства, дружественного чжурчжэням, гораздо лучше обеспечивало безопасность юго-западных границ Цзинь. К тому же в Цзинь хорошо помнили о перевороте Дигуная.

Поддержка чжурчжэней и одновременное обнаружение тайного сговора Жэнь Дэ-цзиня с южносунским двором позволили тангутскому государю Ся быстро разделаться с мятежным сановником. В 1170 г. Жэнь Дэ-цзинь был казнен.

Улу, самый просвещенный и деятельный государь Цзинь, проводил миролюбивую внешнюю политику. Это сказалось и на взаимоотношениях чжурчжэней с Си Ся. Оба государства регулярно обменивались посольствами и вели взаимовыгодную торговлю. Однако в последние годы жизни Улу, особенно после его смерти, отношения Си Ся и Цзинь стали ухудшаться. Причиной этому явились ограничения в торговле, введенные чжурчжэнями. Начались пограничные столкновения. В одном из них погиб видный цзиньский военачальник Алудай (1191 г.). Этот инцидент нарушил прежние дружественные отношения государств.

С 1205 г. начались регулярные походы монголов на Си Ся. Они производили глубокие потрясения в стране и вызвали ряд дворцовых переворотов. В 1209 г. монголы осадили столицу Си Ся, город Синцин (современный Иньчуань, провинция Ганьсу). Тангутский государь Ань-цюань послал посольство к чжурчжэням, прося их срочно выслать войска на помощь. Наиболее благоразумные сановники Цзинь предлагали императору спешно выслать войска против монголов. «Если Ся погибнет, — говорил один из них, — то монголы обязательно нападут на нас. Лучше уж совместно с Си Ся атаковать их и в хвост и в гриву» [ССШШ. Гл. 40. С. 2б]. Однако новый чжурчжэньский государь Вэйшао-ван, вступивший на престол в 1209 г., был настроен против тангутов враждебно. «Моему государству выгодно, — заявил он в ответ, —

когда его враги нападают друг на друга. О чем же нам беспокоиться!» [там же]. Отказ Вэй-шао-вана поддержать тангутов расстроил возможный союз тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь, который мог бы сдержать в то время агрессию монголов. Отказ Цзинь помочь Ся заставил тангутов признать зависимость от монголов и вскоре по их указке начать войну с чжуржэнями. Тангутско-чжурчжэньская война длилась более десяти лет — с 1214 по 1225 г.

С 1211 г. монголы начали регулярно совершать походы на Цзинь. С запада их неоднократно были вынуждены поддерживать союзники-тангуты. Постепенно в войну с чжурчжэнями было втянуто и южносунское государство.

История войны Си Ся и Цзинь 1214–1225 гг. — это история взаимных нападений, побед и поражений на фоне стремительных ударов монгольской конницы, которые непрерывно и тяжело ранили каждую из воюющих стран. В 1216 г. чжурчжэни предприняли большой поход на Си Ся, но не добились успеха. Вскоре они были вынуждены отвести войска, так как тангуты в союзе с монголами вторглись в западные области империи Цзинь [ЦШ. Гл. 14. С. 106].

После вторичной осады монголами столицы Ся в 1217 г. среди тангутских государственных деятелей появилась влиятельная группировка, выступавшая за установление мира с чжурчжэнями и заключение с ними союза, направленного против монголов. В 1218 г. между тангутами и чжурчжэнями начались переговоры, которые первоначально проходили очень успешно. Но в 1219 г. инициатива тангутов была расценена чжурчжэнями как попытка усыпить их бдительность на западной границе, и чжурчжэни прервали переговоры [там же. Гл. 134. С. 827; ССШШ. Гл. 41]. Удобный момент для союза против монголов был снова упущен. В условиях, когда с 1218 г. основные силы монголов были заняты войной на западе, союз Ся и Цзинь и выступление против монголов с востока могли бы поставить Чингисхана в трудное положение.

Поскольку мир не был достигнут, тангуты стали вести переговоры с Сун, на этот раз против чжурчжэней. В 1220 г. войска Ся овладели рядом пограничных областей Цзинь. Это произошло как раз в тот момент, когда чжурчжэни решили перенести столицу в Чанвань и поэтому разместили большую армию на границах с Ся и одновременно направили тангутам письмо с предложением о мире [Сун ши. Гл. 486. С. 3796]. Присутствие большой чжурчжэньской армии у границ Ся встревожило тангутов. Они срочно договорились с китайцами о совместных боевых действиях против чжурчжэней и осадили город Гунчжоу. Осада кончилась неудачно. Город не был взят, а тангуты и китайцы потеряли более 10 тыс. человек убитыми и ранеными [там же. Гл. 40. С. 281].

Возвращение монголов с запада заставило тангутов еще раз попытаться добиться мира с Цзинь. В 1223 г. на тангутский престол взошел государь Дэ-ван, человек образованный и энергичный, сторонник самой решительной борьбы с монголами. Монголы, узнавшие о смене государя в Ся без их ведома, выслали войска с заданием опустошить центральный район Ся — Хэланьшань. Но на этот раз тангутские войска нанесли монголам поражение и вынудили их покинуть территорию Ся [ЮШ. Гл. 147. С. 1059].

Весной 1224 г. Дэ-ван открыто порвал с монголами. Он принимает решительные меры для прекращения войны с чжурчжэнями. Ко многим племенам

Гоби и Монголии отправляются тангутские посольства с предложением заключить союз против монголов. Тангуты добились согласия отдельных племен, недовольных монгольским господством, на высылку вспомогательных войск [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. Монголы предприняли два новых похода на Ся, и один из них опять закончился их разгромом.

В феврале 1225 г. Чингисхан возвратился с запада на родину. Одной из причин его быстрого возвращения были перемены, происшедшие в Си Ся и во взаимоотношениях государств Си Ся и Цзинь. «Чингисхан, — сообщает Джувейни, — решил возвратиться из Пешавара к себе домой, и причиной для столь поспешного возвращения его было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали колебания между подчиненными и мятежи» [Juvaini, 1958. P. 139].

В девятом месяце 1225 г. между государствами был заключен мирный договор. По новому договору между странами ликвидировались взаимоотношения сюзерена и вассала. Отныне Цзинь должно было именоваться старшим братом, а Си Ся — младшим. При переписке каждая из стран пользовалась своими девизами лет правления. Тангуты даже пытались выторговать себе контрибуцию, но их притязания не увенчались успехом [ЦШ. Гл. 134. С. 828]. Договор был большой победой тангутской дипломатии. Чжурчжэни юридически признали Си Ся равной державой. Но это был запоздалый успех. Как только поступило известие о прибытии Чингисхана, все северные союзники Ся отказались от прежнего договора. Чингисхан предъявил Дэ-вану ультиматум и потребовал в качестве заложника его сына. Долго заседал государственный совет Ся, обсуждая этот ультиматум. Многие предлагали подчиниться монголам. «Своим отказом, — говорил сановник Ли Юань-цзи, — мы сами дадим им повод для войны. Положение Цзинь катастрофическое. Оно само не в состоянии обороняться. Разве оно сможет помочь нам?» Но Дэ-ван решил стоять до конца. «Я только что заключил мир с Цзинь, — заявил он, — и надеюсь общими силами устоять против северного врага. Жэн — мой единственный сын. Послать его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться! Зачем спешить?» [ССШШ. Гл. 42. С. 3а]. Монгольские послы получили категорический отказ. Тангуты приняли преследуемого Чингисханом сына найманского хана Шилгаксан-хону [ЮШ. Гл. 1. С. 32]. Это решило исход событий. В конце 1225 г. Чингисхан лично встал во главе монгольских войск и выступил в поход на Си Ся. На разгром тангутского государства Чингисхану потребовалось более полутора лет. В начале сентября 1227 г. государство Си Ся перестало существовать. Чжурчжэни не смогли оказать своему союзнику никакой поддержки. Чжурчжэньское государство Цзинь само доживало последние дни: в 1234 г. его не стало.

Итак, характер взаимоотношений Си Ся и Цзинь оказывал влияние на жизнь Центральной Азии и Дальнего Востока в XII–XIII вв. В истории взаимоотношений этих государств можно проследить четыре этапа:

1. Период с момента появления чжурчжэньского государства до конца 30-х гг. XII в. Тангуты враждебно относятся к чжурчжэням и в какой-то степени препятствуют им в войне с Ляо.

2. Период мирных, дружеских взаимоотношений с 30-х гг. XII в. до конца XII в.
3. Период ухудшения взаимоотношений и тангутско-чжурчжэньские войны 1214–1225 гг.
4. Период мира и союза против монголов — 1225–1227 гг.

Для истории Центральной Азии и Дальнего Востока во взаимоотношениях Си Ся и Цзинь особенно существенными оказались два последних периода.

Установление дружеских отношений между чжурчжэньским и тангутским государствами гарантировало мир в этом районе. Троякое разделение господства в Восточной Азии, сложившееся еще в конце X в. (Сун, Ляо, Си Ся), в XII в. восстановилось при несколько ином соотношении сил. В отличие от XI в., прошедшего в непрерывных войнах между Си Ся и Сун, вторая половина XII в. явилась периодом мира в Восточной Азии. Основой этого мира наряду с другими причинами было ослабление Сун и дружба Си Ся и Цзинь. Этот период мира стал важнейшим условием того расцвета культуры и экономики, которых добились в те годы чжурчжэньское и тангутское государства. Насколько благотворными оказались мир и дружба для Си Ся, Цзинь и их соседей, настолько отрицательным было влияние на ход событий в этом районе тангутско-чжурчжэньской распри и войны 1214–1225 гг.

Можно предполагать, что эта война была в некоторой мере даже отрицательным фактором в мировой истории. Тангутское государство стало первым объектом внешней экспансии монголов. Первые нападения монголов на Си Ся были только репетицией к войне с главным врагом монголов — чжурчжэнями. В этих условиях вражда, а затем и война Си Ся и Цзинь, которую монголы отчасти инспирировали и ловко использовали, помешала на раннем этапе монгольской агрессии созданию единого антимонгольского фронта на Дальнем Востоке. Создание такого фронта было возможным. Это доказывается союзом Цзинь и Ся в последние годы борьбы с монголами, готовность ряда племен севера присоединиться к такому союзу. И если бы такой фронт появился в начале XIII в., очень возможно, что он смог бы противостоять монголам. Войны с Си Ся и Цзинь и так потребовали от монголов больших усилий. Их попытки покончить с тангутами и чжурчжэнями до похода на запад не достигли цели. Тангуты отказались участвовать в западном походе Чингисхана. И после западного похода монголов тангуты и чжурчжэни оказали монголам более упорное сопротивление, чем Кучлук, овладевший троном кара-китайских гурханов, чем войска Хорезм-шаха и правителей Ирана. Как раз в то время, когда монгольские войска вышли в южнорусские степи, Чингисхан получил известие о попытках тангутов создать антимонгольскую коалицию и, наконец, известие о столь нежелательном для него мире между Си Ся и Цзинь. Монголы были вынуждены приостановить военные действия на западе. Дальнейшее завоевание Си Ся, а затем Цзинь надолго задержало значительные силы монголов на Дальнем Востоке. Можно думать, что упорное сопротивление тангутов и чжурчжэней монголам по крайней мере на десять лет отсрочило их вторжение в Восточную Европу.

В заключение хотелось бы отметить, что в период дружбы и мира между Си Ся и Цзинь существовали тесные культурные связи. Графические средства тан-

гутского письма, по-видимому, повлияли на формирование графики чжурчжэньского письма. Участник двух тангутских посольств к чжурчжэням Ли Ши-ло хорошо изучил их обычаи и нравы и составил описание своих поездок объемом в три цзюаня [ССЦ. Гл. 28. С. 11б]. Это ценное описание, видимо, было написано по-тангутски и, к сожалению, не дошло до наших дней. Чжурчжэни видели в тангутах пример народа, сумевшего создать и отстоять свою самобытную культуру[1].

Все вышеизложенное и позволяет нам считать взаимоотношения Си Ся и Цзинь важным моментом в исторической жизни Центральной Азии и Дальнего Востока в XII–XIII вв.

[1] Чжурчжэни болезненно переживали китаизацию и катастрофически быстрое исчезновение их культуры среди определенных кругов чжурчжэньской знати в Северном Китае. В Си Ся они видели образец страны, сумевшей отстоять свою культуру. Так, чжурчжэньский сановник Ватэла в беседе с государем Цзинь указывал ему на пример тангутов: «Небольшое царство Ся, возвысив свои обычаи, сумело сохранить свое бытие на протяжении нескольких сотен лет» («История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год». Пер. с маньчж. Гр. Розова. Архив ЛО ИНА АН СССР. Разд. 1. Оп. 1. № 3. С. 241а).

РАЗДЕЛ V

ПИСЬМЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА

ТАНГУТСКОЕ ПИСЬМО В ИСТОЛКОВАНИИ САМИХ ТАНГУТОВ

Не раз уже отмечалось, что подавляющее большинство исследователей тангутской письменности — М. Г. Морис, Ло Фу-чан, Н. А. Невский, А. И. Иванов, Дж. Клосон, Нисида Тацуо, М. В. Софронов, Э. Гринстед и другие [Morisse, 1904; Ло Фу-чан, 1937в; Невский. Неоконч. ст.; Ифэнгэ, 1923; Clauson, 1964; Нисида Тацуо. 1964. Т. 1; 1966. Т. 2; Софронов, 1968; Grinstead, 1972a; Кычанов, 1964а] считали эту письменность идеографической. Однако существовала [Devéria, 1898] и существует другая точка зрения на характер тангутского письма: ряд исследователей — Г. Деверия [ibid.], К. Седлачек [Sedláček], Б. И. Кузнецов [1966], В. С. Колоколов считали или считают тангутское письмо фонетическим, близким по характеру к письму тибетскому[1].

При таких обстоятельствах весьма существенным является выяснение взглядов самих тангутов на характер их письменности. Как известно, тангутское письмо, введенное в употребление в 1036 г. по указу императора Юань-хао, не имело за собой длительной истории формирования, а было изобретено в какой-то неясный нам срок «учителем Ири» (Ели Жэнь-юном) лично или же группой лиц, работавших под его руководством. Единственный известный нам источник о создании тангутского письма «Церемониальная песнь [в честь] благородного учителя» [тангутские оды] сообщает о создании тангутами своего письма, в частности, следующее[2]:

Тибетец, китаец и ми[3] — у всех троих мать одна,
Несходство речей у них, раздельность земель дала,
На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
И в этом тибетском краю тибетские знаки письма,
На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
И в этой китайской стране китайские знаки письма...

[1] Не выступая по этому вопросу в печати, проф. В. С. Колоколов не раз высказывал автору этой статьи аналогичные взгляды на характер тангутского письма.

[2] Нами процитирован литературно обработанный, но точный перевод Н. А. Невского [ТФ. Кн. 1. С. 80].

[3] Ми, минья(к) — самоназвание тангутов.

У каждого свой язык, и каждый любит его,
Почтенье к своим письменам питает и тот и другой.
У нас же в нашей стране великий учитель Ири,
На небе звезда письмен — с востока она взошла,
Письмо принеся с собой, она озарила закат...

Мы хотели бы обратить внимание читателя на последние строки стихотворения. Не исключено, что в них в поэтической форме указан источник происхождения тангутской письменности. Находился он на востоке от тангутского государства, т. е. в Китае. Следовательно, по мнению безвестного тангутского поэта, тангутское письмо было создано по образцу восточного, а стало быть китайского, а не западного, тибетского, которое тоже упоминается в стихотворении. Однако все это оставалось бы простым предположением, если бы мы не имели прямого свидетельства о сходстве существа тангутского и китайского письма тангутского филолога Гулэ Мао цая — составителя известного тангутско-китайского словаря 1190 г. «Жемчужина в руке». В предисловии к указанному словарю [ФХХШЧЧЧ] на тангутском и китайском языках сказано: «Что касается тангутской и китайской письменностей, то если рассуждать об их внешнем виде, то они различны, а если [рассуждать] об их сути[4], то они одинаковы». Таким образом, тангутский первоисточник недвусмысленно зафиксировал для нас следующее: тангутская и китайская письменности различались внешне, по своим графическим средствам, но были схожи по своей сути[5], т. е. по типу письма.

Исходя из такого заключения тангутского ученого-филолога, мы вправе ожидать в тангутской письменности обнаружения или даже свидетельства самих тангутов о существовании основных категорий знаков китайского письма, таких, как «сянсин» — изобразительной, «хуйи» — идеографической, «синшэн» — фонетической, «чжиши» — указательной. Однако поскольку тангутская письменность, будучи идеографической, не прошла длительного естественного пути своего формирования, а строилась в подражание уже разработанной системе письма, мы, кроме того, вправе ожидать в ней и массу преднамеренных модификаций, завуалировавших истинный и не всегда понятный источник. Это тем более справедливо, что к эпохе Сун, когда уже более тысячи лет в Китае утвердился почерк «ли», китайцы сами были не в состоянии дать правильный анализ многих знаков своего письма. Они уже не знали истинных исходных частей письма, или же таковые были искажены либо перепутаны еще при утверждении почерка «ли» [Цзян Шань-го, 1959. С. 278]. Поэтому априори было бы трудно ожидать открытия в системе тангутского письма единой закономерности, позволяющей дать последовательное объяснение структуры каждого знака [Grinstead, 1972a. P. 58]. С такой трудностью столкнулись, видимо, и сами тангуты, когда через сто лет после создания своего письма они вынуждены были давать анализ состава знаков в словаре «Море письмен» [Море письмен]. Словарь «Море письмен» был создан тангутами по образцу китай-

[4] Буквально «вершина» по-китайски, «ветвях» — по-тангутски.

[5] И по-китайски, и по-тангутски буквально «корни».

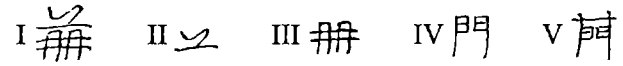
Рис. 46. Гадание по чертам лица. Роспись. Хара-Хото. Государственный Эрмитаж

ского толкового словаря «Гуан юнь», но, будучи, как и «Гуан юнь», словарем рифмическим, отличался от своего прототипа именно наличием анализа составных частей каждого знака. Система принятых объяснений могла также опираться на традицию китайского словаря «Шо вэнь», хотя и отличалась технически прежде всего тем, что тангутские филологи объясняли сложные знаки своего письма через другие, также сложные. Поскольку знак объяснялся через знак же, то, признавая фактически графему как самостоятельную единицу знака, тангутские составители словаря не выделяли ее как таковую, а рассматривали как составную исходного знака, вошедшую в объясняемый знак. Необходимость объяснять все знаки из знаков же привела к тому, что система объяснений в отдельных случаях стала искусственной или же потребовала некоторых отступлений. Но для нашей темы сейчас важно то, что система пояснений словаря «Море письмен» — единственная, отображающая документированное подлинно тангутское понимание письма тангутов самими тангутами, и потому она в первую очередь должна быть положена в основу его анализа (рис. 46).

Итак, первое: признавали ли тангутские филологи в своем письме наличие знаков категории «сянсин» (изобразительной)? Казалось бы, как можно для тангутской письменности вести речь о знаках изобразительной категории, рисунках в своей основе? Но тем не менее указанные уже материалы, засвидетельствованные самими тангутами, позволяют отметить, что идея изобразительности была известна тангутам и даже в редких случаях получила реализацию в их письме.

Знак *men*[6] (см. схему 1, I), транскрипционный знак, поясняется в словаре «Море письмен» так: «По виду напоминает ворота». При рассмотрении знака нетрудно убедиться, что графема II может напоминать перекрытие, верхнюю балку ворот, а графема III — их створки. Знак совершенно очевидно создан как отдаленная модификация китайского *мэн* «ворота», являющегося в первооснове действительным изображением ворот [Море письмен. 515, 102. № 408[7]; Юе чжай, 1954. 152] (IV и V). В значении «ворота» (дворцовые) он встречается в тангутских текстах.

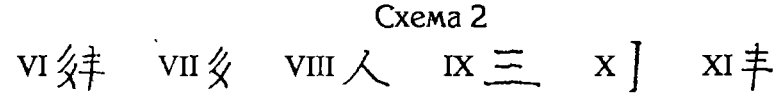
Схема 1

Кстати, нетрудно убедиться, что тангутский знак копирует скорее изображение древнего, а не современного китайского знака.

Есть в интерпретации словаря «Море письмен» и знак, который, вероятно, может быть отнесен к категории «чжиши» (указательной). Знаки этой категории «своим начертанием, группировкой черт выражают то или иное понятие, но не рисунок предмета» [Черниловский, 1927], на них «посмотришь и сможешь знать, вникнешь в [их начертание] и поймешь (их) смысл» [Цзян Шань-го, 1960. С. 65]. Таков тангутский знак «Будда» VI (см. схему 2). По истолкованию авторов «Моря письмен», этот знак означает изображение «человека, постигшего три мира» [Море письмен. 517, 113. № 544], где VII «человек» — модификация китайского изобразительного иероглифа VIII, а «три мира» (IX) — буддийское «сань цзе», мир желаний, мир чувственных восприятий и мир отрешенности от чувственных восприятий и проникновение в эти миры (X) воспроизведены наглядно как XI, т. е. группировкой черт, указывающей на данное понятие.

Схема 2

В китайском письме из комбинаций знаков изобразительной категории и знаков указательной категории образовывались знаки идеографической категории «хуйи». Составные части этих знаков давали представление об их значении. Поскольку в тангутской письменности не было исторически сложившихся знаков двух вышеуказанных категорий (они были единичны и, как все прочие знаки, лишь составлены по принципу «изобразительности» или «указания»), то, естественно, знаки идеографической категории могли состоять из знаков, скомбинированных по смыслу. Они являлись как бы не исторической, а теоретической, логической проекцией тангутского письма на категории письма китайского. Таков знак «ехать верхом» (см. схему 3). В словаре «Море письмен,

[6] Здесь и ниже чтение тангутских иероглифов приводится в реконструкции М. В. Софронова [1968].

[7] При ссылках на словарь «Море письмен» первая цифра после его кодового обозначения является страницей публикации факсимиле тангутского оригинала словаря, вторая — страницей перевода, № — номер знака в переводе.

смешанные категории»[8] [Море письмен. 600, 470, № 2908] этот знак объясняется как знак XIII «лошадь» под знаком XIV «человек». По своему составу и размещению составных частей идеограф буквально изображает человека, сидящего на лошади. Суть идеографического построения состоит здесь в том, что понятие «ехать верхом», т. е. нахождение человека на лошади, передано через сочетание знаков «человек» и «лошадь», а идея изобразительности отражена в первую очередь в порядке размещения составных частей знака: человек изображен не сбоку, не рядом, не под лошадью, а именно на лошади. Этим данный знак отличается от другого синонимичного, XV, где составной элемент «человек» передан другим знаком, а составной элемент «лошадь» графемой, являющейся детерминативом с тем же значением. Причем обе графемы в знаке соположены и разделены чертой-разделителем.

Схема 3

XII XIII XIV XV

Таким образом, совершенно очевидно, что при создании тангутской письменности ее автор(ы) был(и) не только знаком(ы) с идеей передачи понятий посредством изображения, но и в какой-то мере, пусть самой незначительной, воспользовались ею на практике. Мы уже указывали на то, что создатели тангутского письма во многом следовали готовому китайскому образцу. В Китае же с утверждением почерка «ли» произошло изменение изобразительных иероглифов в «неизобразительные по форме изобразительные письменные знаки», по терминологии Цзян Шань-го [1959. С. 175]. Китайское письмо к моменту создания тангутской письменности практически утратило свою изобразительность, хотя за многими знаками стоял традиционно известный их рисуночный прототип. Тангуты пытались использовать это свойство китайского письма при создании своей письменности. А поскольку и в образце они имели дело с «неизобразительными по форме изобразительными знаками», то понятно, учитывая еще стремление авторов сделать их непохожими на все другие, что их собственные творения по внешнему виду еще меньше походили на подлинные изображения. Используя лишь идею, возможность такого пути создания письменных знаков, они и изобрели вышеуказанные знаки, а также ряд других, где в существе конструирования знака лежал принцип наглядного показа и идеографии, а в его форме было мало или практически ничего общего с изображением реалии, которая изображалась. Ибо не зная заранее значения знака «ехать верхом» (XII) и того, что верхний знак имеет значение «человек» (XIV), а нижний «лошадь» (XIII), трудно было догадаться, о чем идет речь. Следовало знать состав знака, а также то, что детерминативы его составных частей «человек» (см. схему 4, XVI и далее) и «лошадь» (XVII) восходят к китайским знакам с тем же значением (XVIII и XIX соответственно), а те, в свою очередь, — к изобразительным знакам почерка «чжуань» (XX и XXI [Юе Чжай, 1954. С. 81] соответственно), чтобы увидеть в знаке XII человека, сидящего на лошади.

[8] В переводе объяснения состава знака допущена ошибка.

Схема 4

XVI XVII XVIII XIX XX XXI

Сами тангутские знаки-детерминативы представляли собой: один — модифицированное усложнение, а второй — модифицированное упрощение соответствующих китайских знаков почерка «ли».

ПРИМЕЧАНИЕ

Конечно, не все поддается расшифровке, но для нас несомненно, что по меньшей мере часть тангутских графем-детерминативов — умышленно замаскированная модификация их китайского прототипа. Вот примеры:

1. «Мясо» из
2. «Рот» из
3. «Насекомое» из
4. «Собака» из
5. «Лошадь» из (верхняя часть знака)
6. «Дерево» из
7. «Камень» из
8. «Слово» из
9. «Злак» из , где дало , а нижняя часть
10. «Металл» из , где перешло в , стало , а
11. «Прямой» из Знак как бы был перевернут по ходу часовой стрелки с перемещением черт.
12. «Родиться» из
13. «Звук» из Верх без
14. «Притеснять», «Власть» из
15. «Трава» из
16. «Богатство» из
17. «Мышь» из

18. «Баран», «Корова» из

19. «Держать» из

20. «Нить» из

21. «Вода» из

22. «Товар» из

23. «Два» из

24. «Человек» из

25. «Усилие», «Воля» из и т. д.

26. «Ткань» из

Тангутские знаки идеографической категории, близкой китайской «хуйи», объяснялись в словаре «Море письмен» как образованные из частей других знаков. Первоначально они должны были составляться из односоставных элементов письма — графем, т. е. составных частей знака, которые были носителями определенного значения и являлись или графемой и самостоятельным знаком одновременно (XVI, «человек»), или графемой-детерминативом (XVII, «лошадь»). Наряду с графемами в тангутском письме есть элементы (см. схему 5).

Схема 5

На уровне наших представлений о письме эти элементы не соотносятся ни с каким значением, не оформляют целого знака, а только являются составляющими сложных графем. Такие элементы тангутского письма следует считать графами.

Если авторам словаря не требовалось объяснять простую или сложную графему, то графему-знак следовало объяснять. И вот здесь-то тангутские филологи вынуждены были уже прибегать к известным ухищрениям. Простая графема первозданна и неразложима на составные части без утери ее значения. Графему-знак, следовательно, нельзя объяснить, исходя из частей других знаков. И поэтому делается обратный ход — на нее просто указывается как на составную часть другого, сложного знака. Графема-знак «один», «обособленный» (см. схему 6) — это знак «два» XXIII без графемы-детерминатива «не» XXIV [Море письмен. 600, 471. № 2914]. Графема-знак «человек», «отшельник» XXV — это знак «отшельник» XXVI без верхней части XXVII [там же. 600, 472. № 2917] и т. п.

Схема 6

XXII XXIII XXIV XXV XXVI XXVII

Иногда для объяснения наличия в графеме-знаке непонятных графов авторам словаря «Море письмен» приходилось прибегать к еще более сложным построениям. Если «восемь» (см. схему 7) — это «семь» XXIX без верхней части знака XXX [Там же. 578, 387. № 2377], то, чтобы объяснить эту верхнюю часть знака (XXX) в цифре «семь» (XXIX), приходилось уже чисто механически в угоду системе объяснения выводить эти графы из знаков «чистый» XXXI и «способ», «средство» XXXII [там же. 563, 326. № 1971], не имеющих никакого отношения к понятию числа «семь».

Схема 7

XXVIII XXIX XXX XXXI XXXII

Незначительное число графем-знаков, т. е. знаков односоставных (по нашим подсчетам 55 знаков), в тангутской письменности также, по-видимому, объясняется влиянием традиций китайского письма. В китайском письме односоставные знаки были созданы в большинстве своем на ранних стадиях появления и развития иероглифики. Начиная с последних веков до н. э. 99% вновь появившихся китайских иероглифов были сложными по своей структуре [Цзян Шань-го, 1959. С. 9]. Китайская традиция психологически давила на создателей тангутского письма. Поэтому почти все знаки этого письма также сложные, состоящие из разных структурных комбинаций двух, трех, четырех и (реже) более графем и граф.

С другой стороны, часть графем тангутского письма, не будучи самостоятельными по употреблению знаками, стойко и наглядно сохраняет свое значение в целой серии знаков, являясь детерминативом и относя тот или иной знак к определенному классу понятий. Если мы еще не в состоянии определить правильные значения всех графем тангутского письма, то графемы-детерминативы выделяют сотнями с должной достоверностью (Нисида Тацуо — 315) [Нисида Тацуо, 1964. Т. 1; 1966. Т. 2; Кычанов, 1964а. С. 242–245]. Признание тангутскими авторами словаря «Море письмен» за отдельными графемами-детерминативами их значения хорошо подтверждается текстом самого словаря. Например, знак «старый», «многолетний» XXXIII (см. схему 8) поясняется как название растения XXXIV без знака «трава» XXXV, где предполагается, что XXXV равно XXXVI, детерминативу «трава» [Море письмен. 516, 108. № 502].

Схема 8

XXXIII XXXIV XXXV XXXVI

Наиболее употребительные детерминативы, широко используемые в образовании новых знаков, в системе пояснений словаря «Море письмен» представляют строго определенные знаки (см. схему 9).

Схема 9

«Земля»		из		«земля»
«Не являться ч.-л.»		из		«не, не являться чем-л., кем-л.»
«Не»		из		«не»
«Дерево»		из		«дерево»
«Драгоценность»		из		«драгоценность»
«Мясо»		из		«мясо»
«Демон»		из		«демон»
«Металл»		из		«металл» и т. д.

Идеографический способ образования тангутских знаков описывался уже не раз. Можно дополнительно привести несколько типичных примеров из словаря «Море письмен» (см. схему 10).

Схема 10

«Вихрь»		из «ветер»		и «кружиться» [Море письмен. 535, 197. № 1118]
«Черпать воду»		из «вода»		и «брать» [там же. 526, 156. № 840]
«Выдать дочь замуж»		из «дочь»		и «продать» [там же. 567, 342. № 2077]

Для нас крайне важно, что приводимые рядом авторов [Ло Фу-чан, 1937в] ранее, без знания объяснений словаря «Море письмен», ставшие «классическими» примеры типа «тростник» — это «трава» и «вода» , т. е. растение, которое растет в воде, точно так же объяснены и тангутскими авторами в словаре «Море письмен»: «тростник» из «трава» и «вода» [Море письмен. 570, 376. № 2176].

Эти примеры, которых сотни, важны для нас тем, что они приведены самими тангутами и свидетельствуют именно об их понимании сущности своего письма.

Можно отметить некоторые логические схемы в образовании идеографов (ср. схему 11).

Схема 11

«Красный» , «киноварь» (красный минерал) и «медь» (красный металл).

Это у казание какого-то определяющего свойства предмета (камыш — легкая трава), действия через орудие действия (ползать — ходить на руках и коле-

нях), орудия действия через объект действия и само действие (путы — связывать ноги), соединение однородных качеств (старый — старый и изможденный), выражение понятия через действие и его результат (обессилеть — стать слабым) или просто через описание предмета (колокольчик — звенящее железо), (дупло — дыра в дереве) и т. д. Этот список, конечно, не исчерпывающий, он только дает некоторое представление о логических схемах образования идеограмм тангутами.

Идеографический способ образования был, видимо, одним из ведущих в процессе создания письма. К сожалению, не всегда и не все идеограммы легко поддаются анализу. Трудность определения значений знаков по их частям состоит не только в незнании нами значения всех графем и в невозможности подчас раскрыть логику рассуждении создателей идеограммы. Трудность и в том, что, по-видимому, определенный процент знаков действительно был создан путем комбинации частей уже готовых знаков, т. е. по схеме, принятой в словаре «Море письмен» в качестве универсальной. А во вновь образуемый знак мог войти любой, не всегда главный, не всегда показательный элемент исходного знака.

Тангутский язык был исключительно богат омонимами. Поэтому фонетический способ образования знаков, основанный на омонимии (китайская категория иероглифов «синшэн»), был вторым ведущим способом создания письменных знаков, не менее результативным, чем способ идеографический. Как и китайские иероглифы данной категории, фонограммы по своему составу указывали одновременно и на звучание знака, и на его смысл. Так, письменные знаки для передачи слов «вишня» XXXVII (см. схему 12), «сливки» XXXVIII, «посылать» XXXIX, омонимов со словом «божество», «дух земли» XL, *nwl* [Море письмен. 534, 192. № 1089–1093] были образованы путем добавления к знаку XL детерминативов «дерево» XLI, «вода» XLII и XLIII.

Схема 12

XXXVII XXXVIII XXXIX

XL XLI XLII XLIII XLIV

При этом по своему составу эти знаки читались не только фонетически, но и идеографически, ибо структурально вишня — это «божественное дерево», а сливки — «божественная вода». Знак XXXIX «посылать» читается не столь наглядно, но по пояснению словаря «Море письмен», графема XLIII привнесена в этот знак из знака «принуждать» XLIV [там же. 535, 196. № 1115], и таким образом он мог структурально «читаться» как «божественное принуждение». Большинство тангутских знаков фонетической категории, как и китайских иероглифов категории «синшэн», составлялись из графем, графем-знаков или знаков и графем. Условно можно выделить по крайней мере три типа комбинаций в сложных знаках: 1) графема + графема, графема + граф; 2) знак + графема; 3) комбинации из графем двух, трех и более знаков. Одна часть знака указывала на чтение, а другая — на смысл или категориально-смысловую принадлеж-

ность знака (например, к классу трав, деревьев, жидкостей, металлов и т. п.). В связи с этим группы омонимов в большинстве своем связаны и графически. Однако встречаются группы омонимов даже одной и той же тональной принадлежности, т. е. абсолютных омонимов, в графической записи которых нет ни одной одинаковой графемы, например пять знаков, читающихся *та* (в ровном тоне): 𗍫 𗍬 ,𗍭 𗍮 ,𗍯 [там же. 525, 149–150. № 797–801]. Это случай, вероятно, весьма сложный для истолкования сторонниками чисто фонетического характера тангутского письма.

Большой интерес представляют в объяснении словаря «Море письмен» способы образования знаков, обозначающих фамилии, а также транскрипционных знаков для передачи терминологии буддийских текстов и китайских слов. Знаки для фамилий образовывались из значимого иероглифа и знака «род», «фамилия» (см. схему 13) с переходом во вновь образуемый знак его левой XLVI или правой XLVII части, например из «горлица» XLVIII и левой части XLV — «Горлицын» XLIX, из «ухо» L и правой части XLV — «Ухов» LI и т. д.

Схема 13

XLV 𗍰 XLVI 𗍱 XLVII 𗍲 XLVIII 𗍳 XLIX 𗍴 L 𗍵
LI 𗍶 LII 𗍷 LIII 𗍸

Наряду с таким способом образования фамильных знаков существовал и другой, когда новый фамильный знак создавался из значимого, уже готового фамильного знака. Материалы словаря «Море письмен» позволяют отметить особую частоту употребления в этих целях графем и графов из фамильных знаков LII и LIII.

Для образования знаков, транскрибирующих китайские слова, тангуты прибегали к своеобразному способу гетерограммы, т. е. вводили в их состав знаки, которые писались по-тангутски, но могли сообразно их значению читаться по-китайски. Так, транскрипционный знак, употреблявшийся для записи китайского слога *фэнь* (см. схему 14), имел своей основой знак LV со значением «делить», по-китайски *фэнь*, LVI; знак, употреблявшийся для записи китайского слога *шэнь*, LVII содержал знак LVIII со значением «дух», «божество», по-китайски *шэнь* LIX.

Схема 14

LIV 𗍹 LV 𗍺 LVI 𗍻 LVII 𗍼 LVIII 𗍽 LIX 𗍾

По свидетельству словаря «Море письмен», для создания транскрипционных знаков часто использовался метод рассечения («фаньце»). Знак, передающий тот или иной слог, комбинировался из частей тех знаков, которые образовывали его чтение. Так, транскрипционный знак *ji̯ei* (см. схему 15) был образован из левой части знака *ji̯e* [LXI] и левой части знака *viei* LXII, фаньце которых и давало слог *ji̯e=viei=ji̯ē* [Море письмен. 516, 103. № 481].

Схема 15

LX LXI LXII

При этом для образования нового слогового знака были использованы обычные значимые идеограммы: первая — со значением «ругаться», а вторая — «иметься».

Известная часть транскрипционных знаков была образована из какого-либо значимого знака и идеографа «звук» LXIII (см. схему 16). При этом чаще всего во вновь образованный знак включалась левая часть идеографа «звук» LXIV, являющаяся детерминативом «звук», например знак *кеп* LXVI образован из левой части знака «звук» и левой части знака «камень» LXVII, хотя встречаются случаи использования и правой части знака LXV.

Схема 16

LXIII LXIV LXV LXVI LXVII

Наконец, третья группа транскрипционных знаков была, по объяснению словаря «Море письмен», образована просто из значимых идеографов. Например, знак, служивший для записи слога *а* (см. схему 17 LXVIII и далее) был образован из правой части знака «рот» LXIX и правой части знака «ад» LXX [Море письмен. 594, 450. № 2777].

Схема 17

LXVIII LXIX LXX

Таким образом, по трактовке самих тангутов, транскрипционные, чисто фонетические слоговые знаки являются генетически производными от обычных значимых идеограмм. Видимо, и в процессе создания письма (пусть предельно кратком во времени) первенство принадлежало идеограммам, которые и послужили базой создания фамильных и транскрипционных знаков.

Следует отметить в заключение, что мы находим в тангутской письменности и знаки, созданные по принципу иных категорий китайской письменности, менее распространенных, например видоизмененной («чжуаньчжу» — «перевертыш»). В знаках этой категории перегруппировка одних и тех же черт вела к созданию знака, выражающего иное, но родственное понятие. Этот способ использовался для создания знаков, передающих написание синонимов, например: *viei* и *ndźɻwu*, «люди», «народ». Как правило, данные знаки, состоящие из одинаковых графических элементов, читаются абсолютно по-разному — явление также труднообъяснимое с позиций истолкования тангутской письменности как письменности фонетической.

Думается, что приведенные выше материалы достаточно обоснованно свидетельствуют о том, что тангутская письменность принадлежала к тому же типу письма, что и письменность китайская.

Соответствие между письменным знаком в тангутском письме и тангутским звуковым языком было таково, что знак мог передавать слово, морфему или слог в сложном слове. Тангутское письмо было словесно-морфемно-слоговым. В основу образования большинства знаков был положен принцип идеограмм, который часто применялся и при образовании знаков фонетическим способом.

Тот факт, что тангуты, создавая свое письмо, приняли за образец китайскую иероглифическую письменность, может быть объяснен двумя причинами: культурным влиянием Китая и характером тангутского языка, в основе своей моносиллабического, тонального и богатого омонимами.

Думается, что тангутские филологи — представители народа, обеспеченная и образованная часть которого к моменту создания тангутского письма была практически трехъязычна, т. е. владела помимо родного тангутского также китайским и тибетским (а иногда и уйгурским) языками, — стояли перед проблемой выбора. Как мы знаем теперь, они этот выбор сделали, возможно, исходя из тех объективных свойств родного языка, о которых мы говорили выше.

К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Исследование характера тангутской письменности имеет решающее значение для определения дальнейших путей и методов ее изучения.

В статье «Основные проблемы тибетского языкознания» проф. Ю. Н. Рерих писал: «Разработку тангутской проблемы, которая имеет свои особенности, созданные наличием иероглифического письма, изобретенного в подражание китайскому, я поставил отдельным пунктом в списке неотложных задач нашей науки» [Рерих, 1958б. С. 111].

Действительно, тангутская письменность весьма интересна как одна из систем письма, созданных под влиянием китайской письменности в сравнительно позднее время. Несмотря на более чем пятидесятилетнюю историю изучения тангутской письменности, сущность системы, положенной в ее основу, до сих пор остается еще не совсем ясной.

Вопрос о природе письменности государства Си Ся встал сразу же после ознакомления ученых с ее памятниками. Если С. В. Бушель, впервые по монетам определивший значение нескольких десятков тангутских знаков (25 иероглифов) [Bushell, 1895–1896], не мог еще ставить вопроса о системе тангутского письма, то уже Габриэль Девериа, опубликовавший текст тангутско-китайской стелы-билингвы из Лянчжоу, высказал первые соображения о характере таинственного письма тангутов. Он считал, что тангутская письменность представляла собой графическую систему, которая позволяла одним и тем же письмом транскрибировать каждый из языков, на которых говорило многоплеменное население Си Ся. Вся система письма, по его мнению, была позаимствована тангутами у киданей, письменные знаки представляли собой отдельные слоги, в большей части с удвоенными согласными в начале слога (типа *mrod*, *rnam*), а большинство из этих односложных слов были графически слиты с различными окончаниями [Devéria, 1898. P. 26–28].

Новый шаг вперед был сделан в 1904 г., когда вышла в свет работа М. Г. Мориса «Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся». В 1900 г. М. Г. Морису, переводчику французского посольства в Пекине, удалось приобрести три тома тангутского перевода широко известной сутры «Saddharmapuṇḍarīkasūtra». Сравнительное изучение тангутского и китайского тек-

стов сутры позволило Морису определить чтение около шестидесяти (56) знаков, встречающихся в транскрипции буддийских имен и терминов, значение 163 знаков, а также дать первую грамматическую характеристику тангутского языка. М. Г. Морис поставил под сомнение алфавитный, или силлабический, характер тангутской письменности и выразил удивление по поводу того, что тангуты приобрели «свои основы религиозной литературы и, может быть, также принципы своей системы письма у народа, так отличного в языковом и расовом отношении, каковым являлись китайцы» [Morisse, 1904. P. 315, 350]. М. Г. Морис был первым, кто близко подошел к пониманию идеографического характера тангутской письменности и указал на китайское письмо как на тот образец, которому тангуты, вероятно, следовали при создании своей системы письма.

Работой М. Г. Мориса завершился второй этап в изучении тангутской письменности. Начало третьего этапа связано с находкой П. К. Козловым весной 1909 г. богатой тангутской библиотеки в Хара-Хото.

Разбирая эту коллекцию, А. И. Иванов обнаружил тангутско-китайский словарь [Иванов, 1909. С. 1221–1233], который позволил приоткрыть завесу над тайной тангутской письменности. Через А. И. Иванова с тангутско-китайским словарем ознакомились китайские ученые, что позволило одному из них, Ло Фу-чану, в 1914 г. создать первую цельную теорию структуры тангутской письменности.

Основной вывод был сформулирован Ло Фу-чаном следующим образом: «Источником создания системы письма Си Ся послужили способы образования китайских иероглифов» [Ло Фу-чан, 1937в. С. 10а].

Ло Фу-чан опубликовал 23 определенных им детерминатива (табл. 1).

Таблица 1

№	Значение	Детерминативы
1	атмосферные явления	
2	вода	
3	огонь	
4	действия с использованием огня	
5	земля	
6	металл	
7	драгоценные камни	
8	дерево	
9	овощи	
10	злаковые культуры	

Таблица 1 (окончание)

№	Значение	Детерминативы
11	трава	
12	птицы	
13	четвероногие животные	
14	копытные животные	
15	насекомые и пресмыкающиеся	
16	ткани	
17	имущество, товар, вещи	
18	рот	
19	человек и его душевное состояние	
20	характер человека	
21	показатель принадлежности к женскому полу	
22	звук	
23	речь	

Через пять лет независимо от Ло Фу-чана к таким же выводам пришли немецкие исследователи А. Бернхарди и Э. фон Цах. Они определили 12 детерминативов (табл. 2), часть которых совпала с теми, которые определил Ло Фу-чан (они нами выделены курсивом).

Зафиксировав очевидное сходство в принципах построения тангутской и китайской письменности, авторы отмечают, однако, что, «несмотря на все эти сближения, тангутское письмо не является рабским подражанием китайскому, напротив, оно имеет очень поразительные особенности, которые, вероятно, были заложены в самом языке» [Bernhardi, Zach, 1918–1919. S. 233–234, 237].

Об идеографическом характере тангутской письменности писали А. И. Иванов[1] и Б. Лауфер[2].

[1] «Способ образования тангутских и китайских знаков, — писал А. И. Иванов, — одинаков» и «...мы можем категорически заявить, что письмо Си Ся не азбука» [см.: 伊鳳閣, 西夏国書說, 国学季刊, 第一卷, 第四号, 1923, 681–682 页 (Ифэнгэ, 1923)].

[2] О системе тангутского письма Лауфер писал как о самой сложной «изобретенной когда-либо человеческим умом, иероглифической, подобно китайской» [см.: Laufer, 1916. P. 4. 5].

Таблица 2

№	Значение	Детерминативы
1	палец	
2	рука	
3	дух, духовная деятельность	
4	вкус	
5	*вода*	
6	огонь	
7	*земля*	
8	демон	
9	*речь*	
10	высокий	
11	*металл*	
12	показатель отсутствия чего-либо, отрицание «не»	

Большое значение для дальнейшего развития тангутоведения имел выход в свет в 1960 г. трудов ныне покойного советского ученого Н. А. Невского [ТФ]. Представленный в данном издании словарь — итог пятнадцатилетних занятий Н. А. Невского тангутской письменностью — дает громадный новый материал для исследования характера тангутского письма.

Н. А. Невский не занимался специально изучением характера тангутского письма, но во всех своих работах писал о тангутской письменности как о письменности идеографической. Такой общий вывод о характере тангутского письма, сделанный еще, как мы указывали выше, Ло Фу-чаном, представлялся ему, по-видимому, бесспорным. Н. А. Невский также считал, что детерминативы, определенные его предшественниками, расшифрованы в основном правильно и сам определил целый ряд новых детерминативов, как об этом свидетельствуют пометы в его словаре.

Ниже приводится список детерминативов (табл. 3), помеченных Н. А. Невским (курсивом выделены те из них, которые указаны ранее Ло Фу-чаном, А. Бернхарди и Э. фон Цахом).

Вместе с тем имеющееся в «Пояснении к словарю» Н. А. Невского указание на то, что данный словарь «составлен по ключевой системе» [ТФ. Кн. 1. С. 169],

Таблица 3

№	Значение	Детерминативы	№	Значение	Детерминативы
1	зубы		19	*вода*	
2	нитка		20	вода	
3	нога		21	глаз	
4	*огонь*		22	*лед*	
5	сила		23	*дерево*	
6	*лошадь*		24	камень	
7	*земля*		25	человек	
8	*трава*		26	правильный	
9	*рука*		27	*трава*	
10	ветер		28	*насекомое*	
11	видеть		29	конец	
12	*демон*		30	телега	
13	*огонь*		31	*овощи*	
14	*металл*		32	тело	
15	красный		33	грязь	
16	кожа		34	*птица*	
17	ночь		35	седло	
18	мясо		36	отшельник	

с нашей точки зрения, неправильно. Идеографы в словаре Н. А. Невского расположены исходя из чисто графического принципа, «по начальным чертам иероглифов» [Nevsky, 1926. P. 19, 20], как определил сам Н. А. Невский свой метод при составлении глоссария тангутских идеографов с тибетской транскрипцией, в котором словарный материал подобран в аналогичном порядке. Тот факт, что значительная часть элементов, положенных Н. А. Невским в основу классификации идеографов (левая и верхняя часть идеографа в порядке увеличения числа составных черт), совпадает или будет совпадать с детерминативами, отнюдь не может означать, что в основу словаря положена классификация идеографов по детерминативам или ключам.

Внимательное рассмотрение и сопоставление лексикографического материала тангутских словарей, тангутско-китайского словаря «Чжан-чжун-чжу» [Тангут. фонд. Инв. № 214, 215, 216, 217, 218, 4777], работ Ло Фу-чана, М. Г. Мориса, А. Бернхарди и Э. фон Цаха, а также исключительно богатого новыми материалами словаря Н. А. Невского, показало, что эти материалы и в настоящее время могут быть использованы для дальнейшего изучения структуры тангутского письма.

Разбор этих материалов помог выделить дополнительно более шестидесяти элементов тангутского письма, проявляющих себя как детерминативы.

Автор этой статьи целиком присоединяется к тому направлению в изучении структуры тангутской письменности, которого придерживались Ло Фу-чан, А. Бернхарди, Э. фон Цах и Н. А. Невский. Цель настоящей работы — довести до сведения читателя результаты изысканий, предпринятых на базе во многом уже известных материалов. На данном этапе изучения системы тангутского письма было бы преждевременным утверждать, что все определенные элементы тангутского письма детерминативного характера равнозначны китайским детерминативам. Как и предыдущие авторы, мы просто указываем на них, как на элементы, встречающиеся в целой серии знаков, близких по смыслу. Иногда, возможно, даже не эти детерминативы являются решающими для определения значения знака, но они придают ему определенный смысловой оттенок. Поэтому знание этих детерминативов является важным для дальнейшего изучения системы тангутского письма. Не претендуя на что-либо большее, мы представляем их лишь как дополнительные материалы к изучению структуры тангутской письменности. Прежде чем представить эти материалы читателю, мы изложим нашу предварительную характеристику графической системы тангутского письма.

Заметим, что наличие открытых Ло Фу-чаном детерминативов не исключает предположения о смешанном характере тангутского письма, например о существовании в нем, как в письме чжурчжэньском, фонограмм [Jamaji, 1956. P. 73]. И хотя большинство исследователей признавали тангутскую письменность идеографической, до сих пор есть необходимость приводить дополнительные данные в пользу этого вывода, а также и продолжать исследования в иных направлениях.

Вначале обратимся к тангутской графике, тем начертательным средствам, которыми тангуты пользовались для конструирования собственных письменных знаков. Можно выделить восемь графических элементов, различные комбинации которых позволяют образовывать отдельные, самостоятельные части знаков тангутского письма:

(1) — (·) (5)

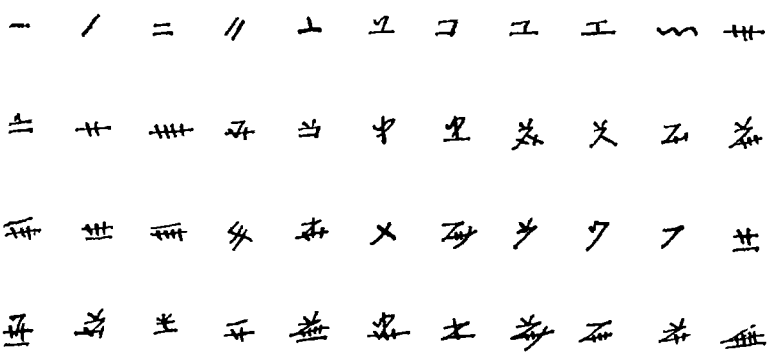
(2) (6)

(3) (7)

(4) (8)

Из указанных восьми простейших графических элементов образуется первая группа составных частей тангутских письменных знаков, частей неразложимых и употребляющихся самостоятельно при конструировании идеографов. Это собственно та первооснова, которая составляет своеобразие тангутской письменности по форме начертания знаков и ее рабочий аппарат при формировании прежде всего не столько самих письменных знаков, сколько так называемых, по нашему определению, идеографообразующих элементов. Идеографообразующие элементы — это значимые составные части тангутских идеографов, проявляющих себя при идеографообразовании как детерминативы и фонетики. Эту группу графических средств тангутского письма мы назовем знаками, формирующими идеографообразующие элементы. Мы выделяем 83 знака, формирующих идеографообразующие элементы:

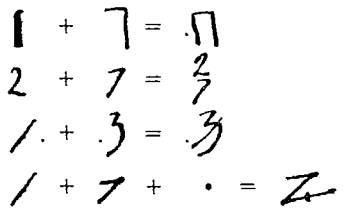
Горизонтальный ряд

Вертикальный ряд

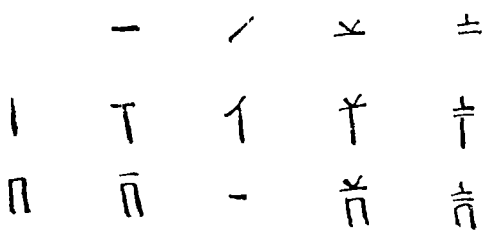
Образование знаков, формирующих идеографообразующие элементы из восьми основных графических элементов, осуществлялось весьма несложно — путем их разнообразных комбинаций:

и т. д.

Идеографообразующие элементы на основе определенных закономерностей их сочетания целенаправленно в рамках определенных структур создавали все богатое многообразие тангутских идеографов.

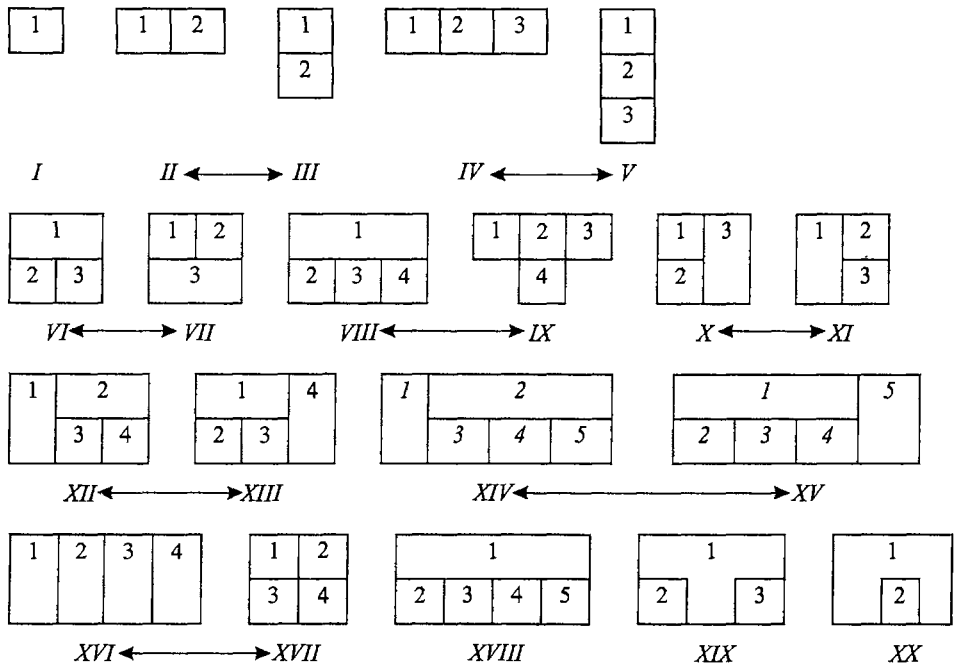
Численность идеографообразующих элементов, насколько удалось установить, в настоящее время приближается к 650. Закономерность формирования идеографообразующих элементов из составляющих их знаков прослеживается очень хорошо. Указанная выше группа знаков, формирующих идеографообразующие элементы, четко подразделяется, как это показано в табл. 4, на горизонтальный и вертикальный ряды. Первый ряд ставится всегда в горизонтальном порядке вверху, реже внизу идеографообразующего элемента или идеографа, второй составляет их вертикальную основу. Например:

Отметим, что в процессе выделения идеографообразующих элементов, с полной четкостью не завершенном еще до конца, многие из них вписывались в такую таблицу столь же закономерно, как некогда вновь открытые химические элементы вписывались в таблицу Менделеева. Однако в целом в процессе формирования идеографообразующих элементов есть и отклонения от нормы и необязательность взаимосочетания знаков горизонтального и вертикального ряда. Закономерность в данном случае хорошо прослеживается, но не является абсолютной.

Сочетание идеографообразующих элементов в идеографы осуществлялось в рамках определенных, большей частью парных структур (см. схему):

Схема

Таков первоначальный, еще незавершенный, чисто формальный анализ тангутских идеографов.

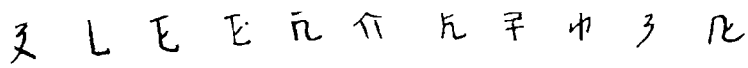
Из китайских источников известно, что составление тангутского письма было завершено в 1036 г. В течение неизвестного нам периода группой придворных ученых была выработана система графических средств, разработаны принципы образования тангутских идеографов и создано новое собственное письмо. Создание письма предполагало высокую степень развития тангутской культуры и хорошее знакомство тангутов с культурами соседних народов, прежде всего Китая.

Громадное большинство составленных в сравнительно позднее время письменностей явились заимствованием или видоизменением средств письма, употребляемых у соседних народов. На какие же традиции опирались тангуты, вырабатывая свою оригинальную систему графических средств? Тангуты не заимствовали тибетское и уйгурское письмо. Это очевидно. Другими соседями тангутов, имевшими высокоразвитые письменности, были китайцы, а также кидани, создавшие свою письменность на основе знакомства с китайской и уйгурской письменностями в первой половине X в. Г. Деверия в свое время предположил, что тангутское письмо было создано на базе киданьского [Devéria, 1898. P. 26]. В то время не было достаточного количества памятников ни киданьского, ни тангутского письма. В 20-х гг. XX в. было обнаружено несколько киданьско-китайских стел-билингв. Сопоставление киданьских письменных знаков с тангутскими показывает, что тангуты могли заимствовать отдельные графические элементы киданьского письма, которые, правда, в свою очередь, восходят к китайской иероглифике. Такими, по нашему мнению, являются:

Киданьские:

Тангутские:

Таким образом, влияние киданьского письма на тангутское вполне вероятно. Существовала ли внутренняя семантико-фонетическая связь между одинаковыми элементами киданьского и тангутского письма — пока неизвестно. Вопрос этот сможет быть разрешен только после дешифровки и подробного изучения той и другой письменности.

Более плодотворным оказывается сопоставление системы тангутских графических средств с китайской иероглификой. Между отдельными элементами тангутского письма и китайскими иероглифами устанавливается не только внешняя — графическая, но и внутренняя — семантическая — связь. Полученные результаты представлены в табл. 4 (использованы детерминативы, взятые из указанных работ Ло Фу-чана, А. Бернхарди и Э. фон Цаха, Н. А. Невского, а также определенные самим автором).

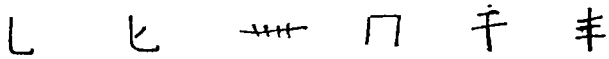
Таблица 4

Значение	Тангутские детерминативы	Значение	Исходные китайские иероглифы и части иероглифов
баран		баран	羊
корова		баран	羊
держать		рука	手
демон		дракон	龍
грызун		мышь	鼠
нить		нить	糸
дерево		трава	艹
вода		вода	氵
мера длины		чи (китайская мера длины)	尺
старый		старый	老
высокий		длинный	長
давний			

Таблица 4 (окончание)

Значение	Тангутские детерминативы	Значение	Исходные китайские иероглифы и части иероглифов
товар		рынок	
удвоение		два	
собака		собака	
пронзать		сила	

Таким образом, некоторая часть составных элементов тангутских идеографов, вероятно, была создана тангутами на основе близких им по значению китайских иероглифов или их частей. Из китайского письма могли быть заимствованы и такие следующие элементы тангутских идеографов:

Однако те составные элементы тангутского письма, происхождение которых из китайского или киданьского письма можно установить без особого труда, составляют незначительное количество общего числа значимых и несущих определенную фонетическую нагрузку идеографообразующих элементов тангутского письма. Они позволяют лишь установить в общей форме тот факт, что при выработке графических средств своего письма тангуты опирались прежде всего на китайскую иероглифическую письменность и ее традиции.

Мы еще не в состоянии решить вопрос, почему тангуты не заимствовали полностью тибетского или даже китайского письма. На наш взгляд, здесь главную роль сыграла неясная еще для нас невозможность непосредственного заимствования чужого письма, вызванная особенностями тангутского языка (вероятно, в частности, сильно развитой медиальностью в слове-слоге), и то самосознание себя тангутами как отдельного, независимого народа, которым были полны тангутские умы в первой половине XI в. и которое красной нитью проходит через всю деятельность тангутского государя Тоба Юань-хао, принимавшего живейшее участие в создании письма.

Очевидно, в процессе создания письма каждому идеографообразующему элементу присваивалось строго определенное смысловое значение и, вероятно, во многих случаях чтение.

Как уже было установлено, отдельные такие элементы, являющиеся детерминативами, выражают то или иное понятие (табл. 5).

Таблица 5

Значение	Детерминативы	Значение	Детерминативы
человек		верх	
рука		низ	

При этом родственные по смыслу элементы часто имеют и сходное начертание, например «верх» и «низ» (см. выше), «увеличение» и «недостаток»; «пронзать», «проникать» и «резать»; «брать» и «хранить»; «птица» и «быстрое движение», «бег» (табл. 6).

Выявление идеографообразующих элементов, проявляющих себя как детерминативы, имеет большое практическое значение для исследования тангутской письменности и даже при изучении памятников тангутского письма. Выше мы уже упоминали, что, сопоставляя различный материал из многих источников, нам удалось выявить дополнительно около семидесяти таких элементов, которые мы и предлагаем вниманию читателей (табл. 7).

Размеры статьи не позволяют нам представить здесь все предполагаемые детерминативы с примерами. Поэтому мы вынуждены ограничиться тем, что приведем список остальных детерминативов, указав, что для каждого из них мы располагаем не менее чем четырьмя примерами (табл. 8).

Таблица 6

Значение	Идеографообразующие элементы	Значение	Идеографообразующие элементы
увеличение		брать	
недостаток		хранить	
пронзать, проникать		птица	
резать		быстрое движение, бег	

Таблица 7

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
отдать, брать (1)		уменьшить	
уносить		отступить, раскаиваться	
уходить, прекратить		передавать (2)	
взять в долг		торговый посредник	
брать		посол	
грабить		передавать (друг другу) заразу	
сокращаться, укорачиваться		передавать	

Таблица 7 (продолжение)

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
двигаться без перерыва		крошечный	
указывать на...		пыль	
история		нож	
соглашаться		булавка	
переместить, изменить (3)		ось, валик	
возникать, рождаться		класс быков(5)	
посылать		корова	
переводить		мычание	
изменять, переворачивать		слон	
перевод		теленок-сосунок	
идти		годовалый теленок	
дойти, навестить		мускусный олень	
маленький, тонкий, острый (4)		резать (6)	
маленький, младенец		отрезать	
колоть		стричь	
древко		рассекать	
маленький		железо	
гнида		решить	
недостаток, не иметь (7)		почва	
забывать		дно, основа	
бедный		полое тело (предмет), впадина (9)	
исчерпать		корзина	
жажда		чаша	
не иметь		колодец	

Таблица 7 (окончание)

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
утомиться		глазная впадина	
вдова		канава	
бездетный		канал	
содрать кожу		полный (10)	
низ, дно, основа (8)		отрыжка	
тюфяк		сытый	
постель		полный	
подошва		литься через край	
циновка		переполнять	
сидеть			

Примечание. Детерминатив помечен цифрой после его значения.

Таблица 8

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
11. приходить		18. увеличение, прибыль	
12. движение		19. степень, мера	
13. длинный, протяженность		20. верх, превосходство, лучший	
14. баран		21. брать, держать	
15. пронзать, прут		22. одежда	
16. мера		23. хранилище	
17. истина		24. середина, стержень, суть	

Таблица 8 (продолжение)

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
25. покрывать, покров		43. прошлый, давний	
26. небесный, императорский		44. торговля	
27. щипать, рвать		45. сделать, совершить	
28. круглые предметы, вращательное движение		46. покорность, уступчивость	
29. обрыв, пропасть		47. удвоение	
30. высокорожденный, богатый		48. режущий инструмент, оружие	
31. смерть, конец		49. семя	
32. большой		50. принуждать, заставлять	
33. сын		51. дом, жилище	
34. пар, газ		52. разрушение, зло	
35. человеческая природа		53. небесные явления, завершенность	
36. болезнь, печаль		54. ухо, слышать	
37. легкие тела, вздыматься; употребляется также в показателях времени		55. косметика, украшения	
38. человеческие чувства		56. penis	
39. дикий зверь		57. низкий	
40. иметь, много		58. голубой цвет	
41. женщина, женское начало		59. армейская служба	
42. пышность, красота		60. свет, блеск	

Таблица 8 (окончание)

Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы	Значение	Детерминативы и содержащие их идеографические элементы
61. желудок		65. мудрость	
62. быстрое движение, бег		66. богатство, прирост	
63. грабить		67. вино	
64. пояс, путы		68. скит	

Из таких элементов и создавался тангутский идеограф, в большинстве случаев передающий односложное тангутское слово, а также морфему или фонему в незначительном числе многосложных тангутских слов и в заимствованных словах. Так, идеограф «сытый» состоит из двух элементов, одному их которых соответствует понятие «желудок», а другому — «полный». Правда, идеографов, образованных таким образом, не очень много. Но они, по-видимому, послужили базой для образования других идеографов путем комбинации их составных частей. Именно таким образом объяснено происхождение идеографов во всех тангутских словарях типа «Вэнь хай» [Тангут. фонд. Инв. № 211, 212]. Так, в словаре «Вэнь хай цза лэй» [там же. Инв. № 213, 7297] происхождение идеографа «голодный» объяснено следующим образом: «Составлен из левой части знака “живот” и центральной части знака “пустой”» [Bulletin, 1932. P. 91].

 (сытый) из (желудок) + (полный);

 (голодный) из левой части (живот) + центральная часть от (пустой).

Одновременно есть все основания полагать, что отдельные идеографообразующие элементы имели и определенное, присвоенное им чтение, которое влияло на чтение всего идеографа. Еще Анна Бернхарди и Э. фон Цах указали на связь детерминатива «звук» со звуком *н*.

В результате произведенной нами проверки из 17 знаков с указанным детерминативом 13 имели чтение со звуком *н* (в китайской транскрипции, соответственно, *гэнь*, *бинь*, *инь*, *лин*, *сянь*, *бань*, *хуань*, *цзянь*, *дуань*, *сян*, *мин*, *чун*). И только четыре знака имели чтение без *н* (*му*, *юй*, *сю* и *фу*). Проверка, произведенная для других элементов, не дала столь ощутимых результатов, но в некоторых случаях указанная закономерность также прослеживается. Так, из 27 идеографов с детерминативом «кожа» 14 имели чтение со звуком *и*, *уи*.

Из пяти знаков с идеографообразующим элементом четыре читаются *мо*, из семи знаков с элементом шесть читаются *мэй*.

Создание по определенной системе идеографообразующих элементов и формирование из них идеографов, а затем образование новых идеографов на базе уже имеющихся путем различных комбинаций последних раскрывают перед нами важнейшую особенность тангутской письменности — наличие семантико-фонетических групп идеографов, связанных общностью происхождения на основе смыслового или фонетического сходства.

Например, на основе знака (чтение в китайской транскрипции *яо,* значение «канава») по смысловому родству созданы знаки (читается *лин*, значение «арык», «городской ров с водой») и (читается *юй*, значение «оросительный канал»), а по фонетическому сходству — знак (читается *яо*), который служит для записи одной из тангутских фамилий. Таковым, возможно, был наиболее распространенный путь образования основной массы тангутских идеографов.

В связи с исследованием системы тангутского письма определенный интерес представляет опубликование и анализ записанных тангутским письмом китайских фамилий, обнаруженных в двух одинаковых списках в словарях тангутской лексики тангутского фонда ЛО ИНА АН СССР[3].

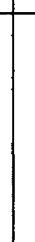
Внимательное рассмотрение тангутских знаков, принятых для передачи китайских фамилий, показывает, что:

1) эти знаки в большинстве своем являются идеограммами;

2) они часто специально создавались для передачи китайских фамилий. Кроме того, многие из них используются для передачи чтения китайских иероглифов в тангутско-китайском словаре и для транскрипции иностранных слов, например в буддийских произведениях;

3) тангутские идеограммы передают приблизительное звучание китайских фамилий.

Таблица 9

Фамилии					
в русской транскрипции	в китайской графике	в тангутской графике	в русской транскрипции	в китайской графике	в тангутской графике
инь, янь	銀 言 驗 蕭 演 陰		лю, люй	柳 留 六 駵	
чжэнь, чжэн	眞 針 蒸 軫		у	午 武 無	
цзинь, цинь	金 晉 盡 親		чжу, чу, шу	珠 樞 處 住	

[3] Инв. № 4151 и 4428. Дешифрованный список китайских фамилий в тангутском написании приложен в конце статьи.

Проиллюстрируем эти выводы. В таблице 9 показано, как тангутскими письменными знаками передаются близкие или одинаковые с ними по звучанию китайские фамильные знаки.

Из таблицы 9 становится ясным, что одинаковые и близкие по звучанию китайские фамильные знаки переданы совершенно различными по написанию тангутскими знаками, что возможно лишь при наличии идеографической системы письма. Можно было бы предположить, что различное тангутское написание зависит от различного тона, под которым произносится та или иная китайская фамилия. Однако из этой же таблицы видно, что один и тот же тангутский знак передает не только разные по тону китайские знаки (например, в группе *у* китайские иероглифы читаются соответственно в третьем, втором, четвертом тонах), но и разные, хотя и близкие, по своему чтению знаки, как-то: *инь — янь*, *цзинь — цинь*, *чжу — чу — шу*.

С другой стороны, происхождение ряда знаков определенно устанавливает их идеографический характер. Многие из этих идеографов подобраны в соответствии со смыслом или китайским чтением близких по значению китайских слов:

Фамилия Жэнь. Тангутский знак образован по сходству звучания китайских фамильных знаков Жэнь, Жэн с чтением и значением китайского слова *жэнь* «человек». Поэтому в тангутском знаке для передачи этих фамилий мы обнаруживаем детерминатив «человек» (I) .

I

Фамилия Ди. Тангутский знак образован по сходству звучания китайских фамилий Ди с китайским словом *ди* «земля». Состоит из написанного полностью идеографа «земля» (II) и детерминатива «основа», «дно» (III) .

II

III

Фамилия Тан. Тангутский знак широко употребляется для транскрибирования буддийских терминов .

Фамилия Хуай. Тангутский знак образован по сходству звучания фамилии с китайским словом *хуай* «разрушать». Детерминатив — «зло», «разрушение» (IV). Сравни с тангутскими идеографами: «разрушать» (V), «погасить», «уничтожить» (VI), «злой», «дурной» (VII) .

IV

V

VI

VII

Фамилия Гао. Поскольку китайский фамильный знак Гао одновременно означает и слово «высокий», в тангутском идеографе также употреблен детерминатив «высокий» (VIII) .

VIII

Фамилия У. Тангутский идеограф образован по сходству чтения китайской фамилии У с тангутским словом *у* «корова» (IX) .

IX

Фамилия Ма. Китайская фамилия Ма означает «лошадь». Тангутский знак образован на основе идеографа «лошадь» (X) .

X

Фамилия Чжэнь. Тангутский знак образован по сходству звучания китайской фамилии Чжэнь с китайским словом *чжэн* «прямой». Поэтому в тангутском соответствии находим детерминатив «прямой», «правильный» (XI). Сравни с тангутскими идеографемами «прямой» (XII), «закон» (XIII) .

XI
XII
XIII

Фамилия Ши. Тангутский знак образован по сходству чтения фамилии Ши с китайским словом *ши* «век», «старина». Поэтому мы находим в тангутском знаке детерминатив «прошлый», «давний» (XIV). Сравни с тангутскими идеографами: «прежний» (XV), «с тех пор как» (XVI), «некогда» (XVII) .

XIV
XV
XVI
XVII

Фамилия Цзо. Тангутский знак образован по сходству звучания фамилии Цзо с китайским словом *цзо* «делать». Поэтому в тангутском идеографе мы находим детерминатив «держать» (XVIII). Сравни с тангутскими идеографами «управлять» (XIX), «брать», «держать» (XX) .

XVIII
XIX
XX

Фамилия Дуань. Тангутский знак образован по сходству звучания китайской фамилии Дуань с китайским словом *дуань* «рубить», «резать». Детерминатив «металл» (XXI) .

XXI

Фамилии Го, Гэ, Гу. Тангутский знак образован по сходству звучания фамилии Го с китайским словом *го* «государство». Сравни с тангутским идеографом «государство» (XXII) .

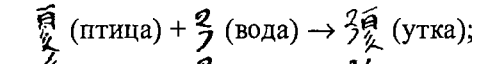
XXII

Фамилия Янь. Тангутский знак образован по сходству звучания фамилии Янь с китайским словом *янь* «пламя». Поэтому употребляется детерминатив «огонь» (XXIII) .

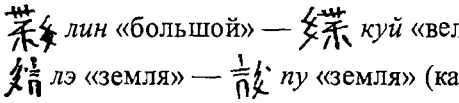
XXIII

Таким образом, тангутские знаки, передающие китайские фамилии, являются идеограммами. Некоторые из них употреблялись и для передачи собственно тангутских слов. И почти все идеографы, примененные для передачи китайских фамилий, одновременно употреблялись как транскрипционные знаки при написании буддийских терминов и слов китайского происхождения. В этом смысле они близки к «чжурчжэньским знакам, транскрибирующим китайские слова» (по классификации Хироаки Ямадзи).

Кроме элементов, проявляющих себя как детерминативы, свидетельством идеографического характера тангутского письма является принцип образования части тангутских идеографов, указанный выше, по типу классических примеров: «утка» из «птица» и «вода» (птица, которая плавает в воде); «камыш» из «трава» и «вода» (трава, которая растет в воде):

Мы можем указать дополнительно на такие примеры, когда смена порядка одних и тех же составных элементов в пределах одного идеографа не только в корне меняет его чтение, а приводит к полному исчезновению первоначально составляющих его звуков.

Кроме того, можно отметить и следующие моменты: а) многозначность отдельных тангутских идеографов, особенно очевидную из словарных статей словаря «Вэнь хай»; б) употребление характерного для китайского иероглифического письма знака повтора 々; в) употребление в тангутских словарях китайской системы «фаньце» для указания чтения неизвестных идеографов. Все это позволяет нам характеризовать тангутскую письменность как письменность идеографическую.

Материал, приведенный нами по данному вопросу, дает возможность сделать важные, хотя, разумеется, неокончательные и неисчерпывающие выводы.

1. Оригинальная тангутская графическая система сложилась под воздействием китайской и отчасти киданьской графических систем.

2. Целый ряд тангутских идеографообразующих элементов, созданных по образцу китайских, имел семантику, близкую к китайским иероглифам или частям иероглифов, которые послужили их прообразом.

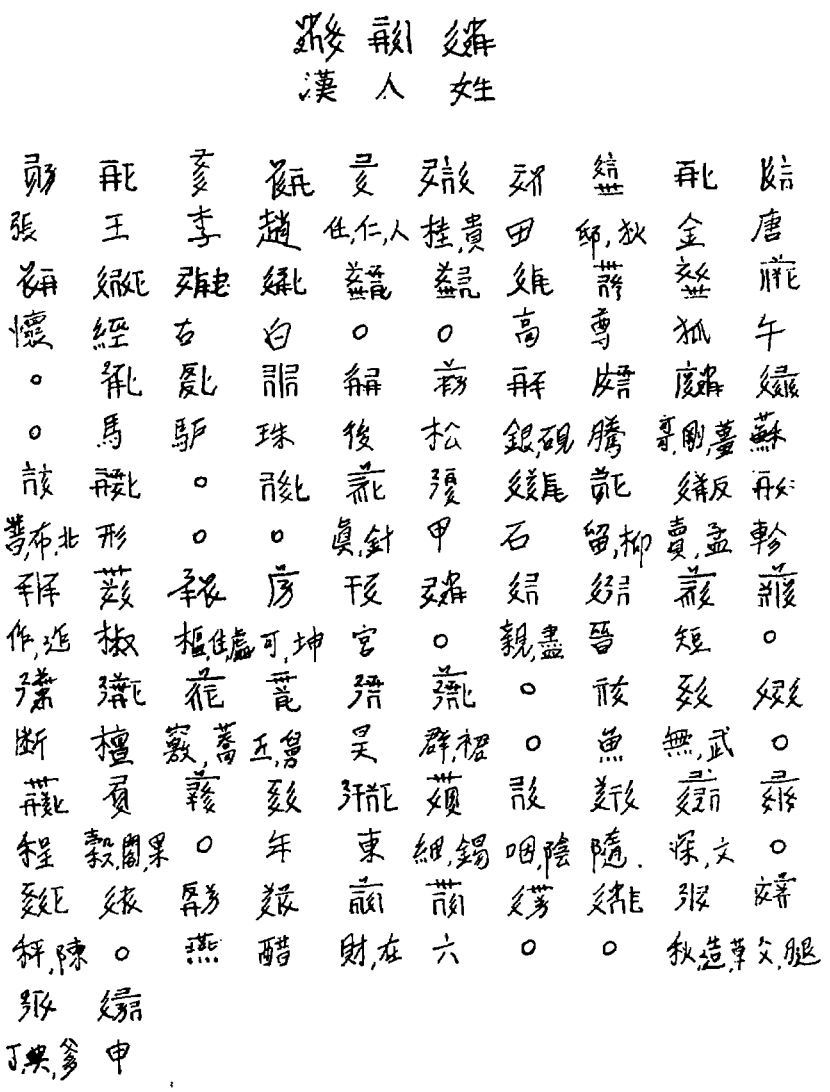
3. В принципах создания идеографообразующих элементов тангутской идеографической письменности есть определенная система, которая имеет в отдельных случаях внутреннюю семантическую связь.

4. Подавляющая масса тангутских идеографов была создана из идеографообразующих элементов (около 650) на основе различных комбинаций родственных в смысловом и фонетическом отношении знаков, составляющих семантико-фонетические группы идеографов.

5. Изучение списка китайских фамилий в тангутском написании подтверждает вывод о том, что тангутское письмо было письменностью идеографической.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список китайских фамилий (нижние ряды) в тангутском написании (верхние ряды)

«КРУПИНКИ ЗОЛОТА НА ЛАДОНИ» — ПОСОБИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома
И пирамиды в сердце тех,
Кто повторяет имена писцов...

Прославление писцов. Папирус
Честер Битти. IV. 2. 5. 3. I.
Перевод А. Ахматовой

Проблема быстрого и надежного обучения грамоте возникает вместе с обретением самого письма как важнейшая культурно-историческая задача. И решалась эта задача для каждой письменности, каждым народом, язык которого эта письменность отражала. «Уши мальчика на его спине» — эту истину любили повторять учителя Древнего Египта, но одной палки, какой бы прочной и гибкой она ни была, всегда недоставало для того, чтобы быстро, а главное с охотой, увлечением дети постигали великое искусство письма. Детей нужно было заинтересовать, а сам процесс обучения грамоте объединить с передачей начатков полезных знаний. Для этого требовалась не только убежденность учителя в том, что «книга нужнее построенного дома» [Прославление писцов], но и уверенность ученика в том, что «аз буки веди, глаголь добро». А эта уверенность приходила не сразу и не ко всем. Чтобы добиться ее, и в древности, и в наши дни во всех странах мира составляют занимательные азбуки и такие подборки знаков первой необходимости неалфавитных систем письма, в которых бы изучаемый материал подавался в увлекательной и высокопоэтической художественной форме. Эту задачу решают педагоги разных стран, и именно благодаря их трудам, например, знаки японского слогового письма объединяются в древний стихотворный алфавит ироха, а буквы церковнославянского алфавита приобретают живую, ощутимую плоть, складываясь в запоминающийся нравоучительный текст.

Это всегда была нелегкая задача, ибо в руках архитектора было ограниченное количество материала, ни один кирпич не походил на другой, а построенное здание должно было быть и гармоничным, и прекрасным, а кроме того, и не лишено определенного смысла.

В XI в. такая задача встала и перед деятелями тангутского просвещения. Вслед за «великим учителем Ири», создавшим по китайским образцам[1] своеобразное тангутское письмо, введенное в употребление в тангутском государстве Великое Ся в 1036 г., они вынуждены были искать пути к скорейшему обучению этому письму. И в данном случае тангутские просветители нашли нужные образцы у своего соседа. С первой половины VI в. н. э. тысяча китайских иероглифов, признанных наиболее необходимыми, по преданию, была в одну ночь зарифмована Чжоу Син-сы в единую поэму, получившую название «Цянь цзы вэнь», или «Тысячесловие»[2]. После этой ночи голова Чжоу Син-сы стала совершенно белой, но старания его были вознаграждены тем, что более тысячи лет его труд изучали школьники во всех уголках огромной страны.

Именно в труде Чжоу Син-сы нашел тангутский автор прототип для своего «Тысячесловия», которое назвал «Вновь собранные крупинки золота на ладони». Основы знания, как крупинки драгоценного металла, предлагал автор каждому, кто протянет руку и отважится идти по торному пути овладения науками. До нас дошла рукопись этого сочинения, переписанная 'yiəw yah prajña veəḛ, судя по имени, буддийским монахом. Книга размером 20,5 × 14 см сброшюрована «бабочкой». Размер текста 15 × 10,4 см. На каждой странице 6 строк текста по 10 знаков в строке. Объем книги 22 листа, пагинация отсутствует, первоначальная обложка не сохранилась. Текст написан черной тушью, стандартным почерком на серой, табачного оттенка, бумаге. В настоящее время книга реставрирована. Сохранность рукописи хорошая [Тангут. фонд. Инв. № 741; см.: Тангутские рукописи. С. 55–56][3].

Ниже мы предлагаем читателю перевод этого своеобразного сочинения, заучивая которое будущие тангутские чиновники, конфуцианцы и буддийские монахи постигали основы своего письма:

Л. 1. Предисловие «Крупинок золота на ладони»

Если люди неграмотны, они не в состоянии вести дела, а если они не знают законов и правил церемониала, то совершают ошибки и преступления. И тех, с кем это случается, много.

[1] В предисловии к тангутско-китайскому словарю «Перл в руке» (1190 г.) его составитель, тангут Гулэ Мао цай, писал: «Хотя письменности Си Ся и китайская различаются во многом, но если заглянуть в их суть, то они являются по существу похожими» [см.: Тангут. фонд; Нисида Тацуо, 1964. С. 186].

[2] По другим данным («Лян шу», «Нань ши»), составителем «Цянь-цзы-вэнь» был Ван Си.

[3] Под инв. № 742 в фонде хранится дубликат «Крупинок», текст которого полностью совпадает с текстом под инв. № 741, но не полон, а обрывается на фразе «Продаются седла и сбруя, отделанная перламутром» [л. 17. Инв. № 741].

Ныне, желая внести вклад в дело обучения потомков заветам и обрядам предков, [я] составил наглядную и удобную книгу важнейших значений. Отобрано не более тысячи письменных знаков, охватывающих десять тысяч значений. Для удобства пользования они соединены друг с другом.

Л. 2. В каждом сочетании скрыто множество вариантов, и не [всегда] дается [нужное] в данный момент значение[4]. И хотя это так, желаешь ли мало или желаешь много, нет того, о чем не было бы сказано; ищешь ли легкое или ищешь трудное, разве стремишься найти что-либо исключительное?

Фразы из пяти знаков составлены в четверостишия и двустишия. Мудрый и благородный муж завершил бы эту работу в месяц, но я, медлительный, и за год не довел ее до совершенства и назвал

Л. 3. «Крупинки золота на ладони». С чувством стыда я выпускаю ее в свет и прошу не осуждать за замеченные грубые суждения и ошибки.

Л. 4. «Вновь собранные крупинки золота на ладони», одна книга.
Когда в прошлом возникли в мире небо и земля,
то в это время появились солнце и луна.
Свет и мрак, лево и право стали чередоваться,
Тепло и холод, верх и низ пришли в состояние гармонии.
Все сущее смогло возникнуть и сформироваться,
Последовательность времен года пришла в порядок.

Л. 5. Весна распускается — тигр, заяц, дракон,
Лето цветет — змея, лошадь, овца,
Осень плодоносит — обезьяна, курица, собака,
Зима притаилась — вепрь, крыса, бык[5].
[Начинается] нынешний день, ранним утром светлеет восток.
В полдень тени направлены прямо на юг,
В вечерних сумерках тьма [сгущается] на западе;
Спать ложимся — глухая ночь на севере.
День завтрашний в прошлое еще не ушел,
Послезавтра и после послезавтра придут вслед за ним.
У каждого дни уходят один за другим,
А годы и тот и другой одинаковы.

[4] Перевод этого места, возможно, неточен.

[5] Циклические знаки, обозначающие названия месяцев указанных времен года.

Л. 6. Поделили время [года] на двенадцать,
Меркнет луна и снова становится полной,
Темные ночи и светлые дни образуют сутки[6] и годы,
Последний зимний месяц и первый весенний месяц, старое и молодое встречаются,
Молодым и старым век прибавляя и уменьшая,
И этим пределы [жизни] определяются.
Вслед за этим [в мир] пришли мудрецы,
Государями став, положили начало законам и церемониалу.
Род Вэймин[7] — многочисленный,
Народу, отцов и сыновей — множество.
Уже стали известны как государи над четырьмя морями[8],
В восьми горах[9] с кем еще могут соперничать?

Л. 7. Наставляют друг друга в управлении страной и делу учатся,
Князья и сановники большие и малые объявлены,
На голове носят красивую шапку в виде облака[10],
Платье [серебряным] поясом [с позолотой и свешивающимися концами] подпоясывают[11].
Блеск и мудрость императорского двора повсюду известны,
В дворцовых покоях мудрецы восседают,
В женских покоях живут императрицы,
В теремах наследники престола забавляются.
Сановники на аудиенции[12] подают доклады и выслушивают [распоряжения].
Экзекутор зачитывает указ государя,
По всей стране учреждены полицейские управления[13],
Во всех городах идет торг и взимаются подати.

Л. 8. Ранги чиновникам определяет Чжуншу,
Сражающимися войсками командует Шуми,
Обсуждая и принимая решения, собираются и расходятся.
Императорский секретариат занимается делопроизводством,
Отказывает или изучает дела.
Скотоводством и земледелием управляют ведомства
Скотоводства и земледелия.

---

[6] В тексте буквально «дни».

[7] Род Вэймин — наименование правящего тангутского рода.

[8] Китай и окружающие его иноземные владения, вселенная. По древним поверьям, все это было окружено четырьмя морями.

[9] По-видимому, по аналогии с четырьмя морями, известные тангутам территории.

[10] О таком головном уборе, который носила тангутская знать, сообщается в «Сун ши» [см.: Сун ши. Гл. 485. С. 3786].

[11] Знак не зафиксирован в наших словарях. Но такой пояс наряду с вышеназванной шапкой упоминается в «Сун ши» как отличительный признак платья чиновников военного ведомства.

[12] В тексте буквально «появляясь перед [императором]».

[13] Буквально «в центре и на окраинах управления, забивающие в канги производящие аресты».

Награждения и наказания производятся справедливо и
нелицеприятно
И в народе нет таких, кто бы не подчинялся:
Заслуженные — nẽ meh bụ —
'yiəw ndɛ Bĭɛ lde — благородные мужи.
tṣih Ɐwi̯ — могущество гор Хэлань[14],
g̊t ṭhih — радость реки [Хуанхэ?].

Далее (л. 9–10) следует перечень тангутских фамилий и наименований родов. Разбивка знаков на отдельные фамилии иногда неясна, но всего в тексте указано около 70 фамилий. В словаре «Идеографическая смесь» перечислено 254 тангутские фамилии и 46 имен [см.: Тангут. фонд. Инв. № 210].

Л. 10. Тангуты смело и бодро идут вперед,
Кидани ступают медленным шагом,
Тибетцы большей частью чтут будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу[15],
Тугу (хунь) (t hu ɣtth) пьют кислое молоко,
šã ɣoh (Шань-го)[16] очень любят гречиху.

Л. 11–13 — перечень китайских фамилий, всего 120. В словаре «Идеографическая смесь» в списке китайских фамилий их 94. Возможно, китайские фамилии даны в таком порядке, что при их чтении по-китайски получался какой-то смысл, например: Чжан Ван — гуманны (жэнь), преданны (чжун) и благородны (гуй), Ли, Чжао, Лю — соблюдают церемониал (ли) и отцепочтительны (сяо). Но дать такого рода расшифровку текста нам не удалось, да и не исключено, что мы имеем дело просто с перечнем слогов, передававших весь набор китайских фамильных знаков.

Л. 13. Бракосочетание — древний обряд,
Родственные связи появились не сегодня,
Сваты совещаются[17],
Собираются и спрашивают о красивых и добрых,
Счастье бедняка и богатого — на противоположных берегах,
Но доходит до каждого[18].
Простолюдины мужчины и женщины живут вперемежку,
Пропитание и одежду каждый сам себе добывает.

[14] Современные горы Хэланьшань, провинция Ганьсу.

[15] Эти четыре строки даны в переводе Н. А. Невского [см.: ТФ. Кн. 1. С. 81].

[16] Шань-го — буквально «владыки гор». Возможно, от китайского Шаньшань (или Лоулань) — название одного из государств на территории современного Синьцзяна.

[17] Буквально «посланцы».

[18] Буквально «до всех спин и глоток доходит».

Л. 14. Отцов сыновья и внуки воспевают,
Матерей дочери и внучки[19] любят,
Невестка приветливая — у свекрови жизнь спокойная[20],
Зять достойный — тестю удовольствие.
В семье женщины [порядок] знают,
Говорят тихо, муж [всем] распоряжается.
Внутренние покои собака оберегает,
Снаружи дом от грабителей избавляет.
Не быть бережливым — руки будут пусты,
Не выпускать из рук [деньги] — не согласишься, чтобы [они] не попадали в оборот,
Добавляй сколько требуется — благосостояние возрастет,

Л. 15. Собирая по капле, накопишь связку в тысячу монет.
В окружающих морях ищут кораллы,
Отбирают, ожерелье нанизывают.
Из жемчуга и нефрита изготовляют серьги и ушные кольца,
Шпильки в шиньоны, ожерелья для запястий.
Золото, серебро и драгоценные камни имея,
Дорогостоящие вещи кладут в кладовую.
Из камки, парчи и тафты [шьют] одежды с поясом,
Приглашают мастера кроить и шить,
[Шьют] халаты без подкладки, размеры соблюдая[21].
Юбки и штаны — длину и ширину подгоняя.
Нагрудник и набрюшник охватывают стан,
Чулки и башмаки надеваются.

Л. 16. В холода кутаются в шубы,
В дождь и жару прикрываются плащом-накидкой[22].
Из хлопчатобумажной ткани шьют изящные кошельки,
Из грубой ткани — прочные переметные сумы.
Дерево срубают топором,
При косьбе работают серпом,
При обжиге кирпича, [изготовлении] щебня необходима войлочная шляпа.
Холст моют, вальком колотят.
Треножники, посуда, миски,
Чашки, поварешки, палочки для еды, ложки,

[19] Данный знак зафиксирован в значении «сестра», но поскольку текст построен по принципу параллелизма, вероятно, находясь в паре со словосочетанием «сыновья и внуки», он должен был иметь значение «внучка».

[20] Буквально «матушка», «мать семейства», в параллель «батюшке», «тестю».

[21] Буквально «узость и короткость».

[22] Такие накидки из грубой шерстяной ткани были известны еще у предков тангутов — дансянов — в VI в. н. э. В областях Восточного Тибета они употребляются и в настоящее время.

Родственников угощая, подают сначала чай и вино,
Близких достаточно кормить рисом и лапшой.

Л. 17. Соль, перец — приправы,
Масло растительное и животное, овощи, сметана, сливки.
Посылают накормить рабов и тягловых быков[23].
Отправляют [их] обрушивать зерно и молоть муку.
Монахи читают нараспев сутры,
Пост кончится, ждут пожертвований,
Ищут спасения в вероучении Будды, приносят жертвы
звездным духам-хранителям,
Величают, поют песни, обращаясь на все четыре стороны[24].
На пир приглашают музыкантов,
На похоронах прислуживают шаману[25].
Продаются седла и сбруя, отделанная перламутром,
Большим спросом пользуются потники из войлока
и попоны.

Л. 18. Берут луки, стрелы, ножи, мечи
И отправляются все вместе [на облавную охоту?][26].
[Когда] ячмень, пшеница, горох вырастают,
Просо, деканская трава, клейкое просо вызревают,
Зерно меряют черпаком объемом в ху.
Латунь и железо взвешивают на фунты и унции,
Сукно и чесучу отмеряют футами и вершками,
Насчитают [сколько надо][27] — и хватит.
Обособленное называют единичным,
Сочетая [единицы], ведут счет тысячами и сотнями.
Пантеры и медведи питаются мясом и кровью,
Лисицы рыщут в траве,

Л. 19. Олени и мускусные олени укрываются в лесной чаще,
Горный козел, оглядываясь, выходит,
Дикие животные мчатся на водопой к источникам,
Домашние животные пьют из канав и колодцев.
Яка трудно убить стрелой из лука,
Мясник легко режет овец и баранов.
Сильный верблюд перевозит грузы,
Слабый осел не годится для верховой езды.
У орла и ястреба узкие крылья,

[23] Интересно, что применительно к рабам наряду с быками употреблен термин «кормить скот».
[24] Буквально «показывая на четыре стороны».
[25] Буквально «шаману-гостю».
[26] Значение данного знака неизвестно.
[27] Буквально «большое число».

У архара[28] широкие и соприкасающиеся рога,
У мыши и волка вытянутые и тонкие губы,
Крепкие челюсти[29] и острые зубы.

Л. 20. Попросил в долг — возврати[30],
Дали — получай и уноси.
Официальным документом доводят до сведения, приказывают...[31]
Желая знать истину, заставляют гадать.
Когда запасают и пересылают [продовольствие и т. п.],
То, отдав приказ, заставляют выполнить его срочно,
[Коль] оповестили о сборе, надлежит, чтобы собрались быстро.
Ножны и древко копья по тяжести различаются...[32]
Внешность человека может ввести в заблуждение,
Между стоимостью [товара] и [уплачиваемыми] деньгами
расхождение невелико.
Следует обращаться в присутствие с просьбой произвести
проверку и
Надлежит установить основания для наказания
или поощрения.

Л. 21. И если случится где-либо остановиться,
То надо оберегать друг друга от [опасности] извне.
Переписчик этой книги 'yiəw yah prajñañ (мудрый. — *Е. К.*)
vẹ (цветущий. — *Е. К.*) в первый месяц, четвертый день
переписку закончил.

Следует сразу заметить, что в отличие от китайского «Тысячесловия» в тангутском тексте, насчитывающем тоже тысячу знаков, в отдельных случаях допущены некоторые повторы.

Когда же было написано сочинение и кто его автор? К сожалению, в предисловии не указана дата составления «Крупинок». Переписчик тоже, заботливо обозначив месяц и день окончания работы, почему-то опустил столь важный для нас год переписки. Поэтому мы можем попытаться датировать памятник только по его содержанию. Помочь нам в этом может одна фраза: «Кидани ступают медленным шагом». В данном месте памятника приведено описание соседних с тангутским государством народов. Наряду с китайцами и тибетцами упомянуты кидани, но ничего не говорится о чжурчжэнях, овладевших Северным Китаем во второй четверти XII в. Следовательно, «Крупинки золота»

[28] Точно неизвестно, что это за животное. Китайское *юань е ян* Нисида Тацуо переводит как «вид овцы» [см.: Нисида Тацуо, 1964. С. 203].

[29] Буквально «рот такой, что схватит и не отпустит».

[30] Первый знак этой строки неизвестен. Возможно, в сочетании со вторым он значит «брать в долг».

[31] Значение последнего знака неизвестно.

[32] Знак в тексте не сохранился.

были составлены в то время, когда киданьское государство Ляо еще существовало, т. е. до 1124 г. О киданях сказано, что они «ступают медленным шагом». Данную характеристику мы вправе расценивать как свидетельство упадка государства Ляо. Этот упадок начался еще в конце XI в. Поэтому мы и считаем, что предположительно «Крупинки золота на ладони» были составлены в конце XI — начале XII в.

Ничего определенного мы не можем сказать и об авторе сочинения. Он оказался настолько скромным, что не назвал себя в предисловии, а считать ʻyiəw yah prajña vẹəę̃ не только переписчиком, но и автором сочинения нет оснований.

Книга, по-видимому, пользовалась популярностью в тангутском государстве. Косвенным свидетельством этого является наличие в тангутском фонде ЛО ИНА двух экземпляров сочинения, написанных разной рукой. Книга бесспорно служила учебным пособием на том этапе обучения письму, когда обучающийся должен был овладеть первой группой письменных знаков, необходимых для ориентации в тексте любого содержания. «Книга, — писал Н. А. Невский, — по-видимому, предназачалась для начинающих изучать иероглифику с целью облегчения запоминания фонетической стороны идеографов, в чем можно усмотреть аналогию с китайским "Тысячесловием" ("Цянь цзы вэнь"), преследовавшим ту же цель» [ТФ. Кн. 1. С. 89][33].

Автор тангутского «Тысячесловия» заимствовал у своего китайского предшественника именно основную идею о назначении и художественной форме учебника. Кроме того, что оба памятника начинаются с описания начал космогонии, между китайским «Тысячесловием» и тангутскими «Крупинками золота» практически в содержании нет никакого сходства. «Вновь собранные крупинки золота на ладони» — это самостоятельный трактат, по-своему решающий поставленную перед ним задачу — обучение грамоте. По содержанию памятник можно разбить на следующие разделы:

1. Происхождение мира.
2. Времена года и обозначение посредством циклических знаков соответствующих им месяцев.
3. Определение четырех стран света.
4. Календарь и пределы человеческой жизни.
5. Установление в стране господства правящего дома Вэймин.
6. Описание системы управления.
7. Перечень тангутских родов и фамилий.
8. Характеристика соседних народов.
9. Перечень китайских фамилий.
10. Брак и семья.
11. Драгоценности и ткани.
12. Одежда.

[33] В архиве Н. А. Невского [ф. 69. Оп. I. № 77] сохранился переписанный им текст памятника.

13. Утварь и продукты питания.
14. Верования и обряды.
15. Конская сбруя и оружие.
16. Злаки и система мер.
17. Животные и птицы.
18. Коммерческие взаимоотношения.

Может быть, не совсем детально, но эти разделы характеризуют главное содержание памятника. Представленные в них знаки отображают основные понятия повседневного обихода, и выучивший их, по представлению автора, выраженному им в предисловии, мог вести свои дела и не нарушать законов и этикета. Автор и не ставил себе иных практических целей и, как нам кажется, выполнил свою задачу удачно. Представленная им учащимся тысяча знаков составляла шестую часть общего числа знаков тангутского письма, но, по-видимому, была подобрана таким образом, что позволяла хоть как-то ориентироваться в повседневных обиходных текстах. Следует подчеркнуть чисто светскую подборку знаков. В «Крупинках золота» нет ни буддийской, ни конфуцианской терминологии.

Запомнить нужное слово и тем самым применить его в соответствующий момент или узнать в тексте помогала простая и, по-видимому, легко запоминающаяся стихотворная форма произведения.

Реконструкция звучания текста показывает, что он был рифмованным, хотя, возможно, рифма и не всегда была точной.

Хотелось бы также обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство: по-видимому, тангутскому стиху была присуща так называемая инициальная рифма или инициальная гармония, когда в пределах одного двустишия или четверостишия мы наблюдаем не только рифму, но и наличие одинаковых, «рифмующихся» инициалей первого слога.

Как известно, каждая из строк рукописи (десять знаков в одной строке) представляет собой двустишие или часть четверостишия, из которых и состоит памятник, о чем пишет в предисловии сам автор. Наличие инициальной рифмы мы можем проследить и в других памятниках тангутской письменности, в частности в стихах знаменитой надписи из Лянчжоу [Нисида Тацуо, 1966. С. 173].

Укажем, что инициальная рифма характерна для стихосложения родственных тангутам по языку и происхождению наси [Куньмин, 1959. С. 17], а также широко используется, например, в бурятском стихосложении [Хамаганов, 1962. С. 404]. Последняя аналогия, может быть, тоже не является чисто случайной, так как мы уже знаем об огромном сходстве формы тангутских и бурятских пословиц [Кычанов, 1965г. С. 46].

Выделить какие-либо закономерности чередования тонов в тангутском стихе нам пока не удалось. Но, вероятно, таковые имелись, так как ритмичность стиха находилась в большой зависимости от гармоничного чередования тонов.

Характерной особенностью литературной формы «Крупинок золота» является параллелизм — смысловой и грамматический. Такой прием, кстати, весьма характерный для тангутской литературы в целом, не только облегчал запо-

минание текста, но и придавал ему дополнительную ритмичность, делал его художественно более совершенным.

«Крупинки золота на ладони» — любопытное учебное пособие и своеобразный памятник тангутской культуры. Это еще одно яркое свидетельство того, что, заимствуя достижения своих соседей, тангуты творчески перерабатывали их и делали достоянием собственной культуры, маленькой, но интересной и своеобразной средневековой культуры Центральной Азии.

КУЛЬТУРА СИ СЯ: ПИСЬМЕННОСТЬ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, МУЗЫКА, ЖИВОПИСЬ

За 250 лет существования государства Си Ся тангутский народ создал высокую культуру, достигшую расцвета в XII в. Тангутская цивилизация сложилась под влиянием китайской, тибетской, уйгурской и киданьской культур. Важнейшим этапом в формировании культуры Си Ся было создание в 1036 г. оригинальной тангутской письменности, которая не только сыграла огромную роль в духовной жизни тангутского народа, но и позволила сохранить его культурные достижения до наших дней и сделать их достоянием современной науки.

Сведения китайских источников о создателе тангутской письменности можно разбить на три группы. Одни источники сообщают, что творцом тангутской письменности был Дэ-мин, создавший 12 цзюаней тангутского письма. Изобретенные им знаки походили на китайское письмо стиля «чжуань» [ЛШ. Гл. 115. С. 420] (древний китайский стиль письма, употребляемый для печатей и т. п.; образцы тангутского письма стиля чжуань приводятся в статье Ло Фу-чана) [Ло Фу-чан, 1937в]. Другая, самая большая группа источников приписывает изобретение письма Юань-хао, который в 1036 г. передал его для упрощения и введения в употребление Ели Жэнь-юну [см.: СШ. Гл. 485. С. 3786][1] — своему сановнику. Наконец, третья группа источников приписывает создание тангутского письма тангутскому чиновнику Ели Юй-ци[2].

Если о первой и третьей версиях нет иных упоминаний, то вторая неоднократно подтверждается сунской историей. В 1039 г., принимая императорский

[1] «Юань-хао сам создал тангутское письмо и приказал Ели Жэнь-юну упорядочить его. Всего было составлено 12 цзюаней. По форме письменные знаки представляли собой правильный квадрат и классифицировались по 8 разделам. Но написание письменных знаков было очень сложным. Все государственные служащие для ведения дел были обучены пользоваться тангутским письмом».

В «Лунпин цзи» сообщается: «Юань-хао сам создал 12 цзюаней тангутского письма. Это письмо походило на китайское письмо стиля чжуань. Он открыл тангутские школы и послал туда учиться детей и младших братьев тангутских чиновников» [ЛПЦ. Гл. 20. С. 5а]. Здесь не упоминается о том, что Юань-хао передал изобретенное им письмо для доработки Жэнь-юну.

[2] «Юань-хао взбунтовался. Его последователь Юй-ци еще до этого создал тангутское письмо. Несколько лет он одиноко прожил в башне и лишь к этому моменту (1036 г.) завершил составление письма. В это время он подарил изобретенное письмо Юань-хао» [МЦБТ. С. 163–164].

титул, Юань-хао направил сунскому двору письмо, в котором заявил: «Я из запутанных узоров неожиданно создал малое тангутское письмо» [СШ. Гл. 485. С. 3786]. О том, что Юань-хао изобрел письмо, упоминалось и в его титуле: «Основоположник династии, изобретатель письма, полководец, создатель законов, учредитель церемониала, человеколюбивый и отцепочтительный император» [там же. С. 3787].

Однако, с другой стороны, в той же сунской истории сообщается, что в 1162 г. создателю тангутского письма, ученому Ели Жэнь-юну, был посмертно пожалован титул Гуанхуй вана [см.: там же. Гл. 486. С. 3796].

Таким образом, китайские источники создание тангутского письма приписывают и Дэ-мину, и Юань-хао, и Ели Юй-ци, и Ели Жэнь-юну. Кто же из них создал письмо?

Очень сомнительно, чтобы Дэ-мин был создателем тангутского письма. Об этом упоминается только в «Ляо ши», где описание государства Си Ся составлено сбивчиво и несистематично. В «Ляо ши» вообще почти все реформы Юань-хао приписаны Дэ-мину. Вероятнее всего, в «Ляо ши» допущена ошибка. Все остальные авторы относят создание письма именно ко времени правления Юань-хао. Правда, Дэ-мин был грамотным человеком, он мог знать тибетский и китайский языки. О Юань-хао сообщается, что он знал фаньское и китайское письмо. Под фаньским письмом в данном случае следует понимать письмо тибетское, а не тангутское[3]. В противном случае источникам сунской эпохи, современным Си Ся, которые единодушно связывают создание тангутского письма с именем Юань-хао, не было бы нужды особо сообщать о создании тангутского письма и указывать одинаковую дату — 1036 г. Сатоси Накадзима полагал, что тангутская письменность была изобретена Юань-хао и упорядочена Ели Жэнь-юном, как и указано в «Сун ши». Факт посмертного пожалования Ели Жэнь-юну как создателю письма почетного титула считает лишь подтверждением этой версии, ибо, по его словам, этот факт «является достаточным для подтверждения правильности записи, содержащейся в "Сун ши" ("Ся го чжуань"), относительно того, что письмо было создано Юань-хао и упорядочено Ели Жэнь-юном» [Сатоси Накадзима, 1937. С. 717]. Но маловероятно, чтобы Юань-хао лично создал тангутскую письменность. Хотя он и был человеком образованным, но большую часть времени он тратил на государственные дела и далекие походы.

Как выдающийся деятель тангутского государства Юань-хао, по-видимому, отлично понимал необходимость создания для тангутов собственной письменности, которая явилась бы важной ступенью в окончательном оформлении их государственного аппарата и одним из существенных условий их независимости. Поэтому не исключено, что идея создания тангутского письма принадлежала ему и именно по его распоряжению и под его наблюдением велась работа над разработкой новой системы письма. Вероятнее всего, что эта работа была выполнена тангутскими учеными Ели Жэнь-юном или Ели Юй-ци. А Юань-хао, талантливому полководцу, просвещенному государю, принимавшему живейшее участие в работе ученых, первоначально приписывалось создание письма.

[3] Сатоси Накадзима полагал, что это могло быть уйгурское или тибетское письмо [см.: Сатоси Накадзима, 1937. С. 717].

Авторство создания письма Ели Жэнь-юном или Ели Юй-ци подтверждается и найденной Н. А. Невским одой в честь изобретателя тангутской письменности «учителя Ири» [ТФ. Кн. 1. С. 80], где тангутское Ири несомненно соответствует Ели в китайском произношении и указывает на старинный тангутский род Ели, упоминаемый в танской истории [ЦТШ. Гл. 198. С. 1651]. По сведениям Н. А. Невского, некоторые китайские ученые отождествляют Юй-ци с Жэнь-юном [ТФ. Кн. 1. С. 80].

Сатоси Накадзима также полагал, что Шэнь Ко в своем труде «Мэнци би тань» ошибочно вместо подлинного имени Жэнь-юн писал Юй-ци. В действительности это был один и тот же человек [Сатоси Накадзима, 1937. С. 718]. Эта же точка зрения была высказана в 1924 г. в китайской печати А. И. Ивановым, который полагал, что «Ели Юй-ци имел прозвание Жень-юн» [Флуг, 1933. С. 158]. Однако К. К. Флуг [там же], а затем Н. А. Невский, предполагавший, что тангутская ода в честь создателя письменности была написана в 1162 г. по случаю дарования Жэнь-юну посмертного титула Гуанхуй вана, высказались за то, что имя создателя письменности было Жэнь-юн [ТФ. Кн. 1. С. 81].

Мы полностью присоединяемся к мнению, высказанному К. К. Флугом и Н. А. Невским, и позволим себе привести дополнительные аргументы для подкрепления их предположения.

Никакого отождествления имен Ели Жэнь-юна и Ели Юй-ци не может быть. Оба они жили в одно время с Юань-хао и были родственниками императрицы из древнейшего тангутского рода Ели. Ели Жэнь-юн скончался в пятом месяце (22 мая — 19 июня) 1042 г. Юань-хао очень любил и ценил своего просвещенного[4] советника и сподвижника и, как сообщает источник, после смерти Ели Жэнь-юна три раза навестил гроб с его телом и каждый раз, рыдая, говорил: «Как скоро я лишился своего самого близкого помощника». Он приказал устроить Ели Жэнь-юну пышные похороны и дал ему посмертно титул князя Фупин [ССШШ. Гл. 16. С. 2а].

Ели Юй-ци, постоянно занимавший пост командующего войсками, расквартированными в горах Тяньдушань, был оклеветан китайцами во время войны Си Ся и Сун в 1040–1044 гг. и казнен в 1042 г. по приказу Юань-хао [ССЦ. Гл. 9. С. 76–78а, 10б, 14а–14б]. Юй-ци, посвятивший себя военному делу, не мог быть создателем тангутского письма.

Другое дело Жэнь-юн — ученый, хорошо знавший китайскую литературу и классиков, верный и постоянный советник Юань-хао. Он создал тангутскую письменность, вероятно, по инициативе или указанию Юань-хао, даже, возможно, при его участии, но честь создателя письма была приписана государю, которому он служил. И только через сто с лишним лет, в 1162 г., второй из самых просвещенных тангутских государей венчает лаврами истинного создателя письма Ели Жэнь-юна, которому посмертно жалуется высокий титул вана. Понятно, что правителю Жэнь-сяо хорошо было известно имя подлинного создателя письма и он недаром предпринял этот важный шаг. Как предполагал Н. А. Невский, тангутская ода в честь создателя письма действительно могла быть написана именно в 1162 г.

---

[4] Ели Жэнь-юн «был ученым и хорошо знал [китайских] классиков» [ССШШ. Гл. 16. С. 1а].

Таким образом, можно полагать, что создателем тангутского письма, введенного в употребление в государстве Си Ся в 1036 г., был тангутский ученый Ели (Ири) Жэнь-юн.

Создание тангутской письменности было вызвано внутренними потребностями тангутского общества, необходимостью подготовки собственных кадров чиновников и ученых, способных обеспечить работу хозяйственных и административных органов. С созданием тангутской письменности появились условия для формирования общетангутского литературного языка. Тангутский язык стал языком государственным, употребляемым не только в Си Ся, но и в дипломатических документах, иногда даже в письмах к сунскому и киданьскому (позднее цзиньскому) дворам.

Создание тангутской письменности было колоссальным сдвигом в духовной жизни тангутского народа. Именно с этого момента мы можем говорить о появлении тангутской культуры. Тангутская письменность позволила сохранить культурные достижения тангутов до наших дней и сделать их достоянием современной науки. Письмо Си Ся, очевидно, было создано в основном по образцу китайской иероглифической письменности [Morisse, 1904. P. 350; Ло Фу-чан, 1937в. С. 10а] с некоторым влиянием графических средств не только китайского, но и киданьского письма. Однако в целом начертательные средства тангутской письменности настолько самостоятельны, что ее резкое отличие от китайской и киданьской письменностей ясно и для неопытного глаза. Графические средства тангутской письменности оказали влияние на формирование чжурчжэньского письма [Кычанов, 1961в. С. 240–242; 1964а. С. 126–150].

Впервые с тангутской письменностью европейские ученые познакомились в конце XIX в. Г. Деверия, исследуя текст тангутско-китайской стелы из Лянчжоу, предположил, что тангутское письмо было слоговым [Devéria, 1898. P. 26–28]. В 1904 г. М. Г. Морис, изучавший тангутский текст «Лотосовой сутры», выразил сомнение в правильности выводов Г. Деверия и высказался за то, что тангуты позаимствовали «принципы своей системы письма» у китайцев [Morisse, 1904. P. 350].

Открытие в мае 1909 г. русским путешественником по Центральной Азии П. К. Козловым целой тангутской библиотеки в Хара-Хото, в том числе фрагментов тангутско-китайского словаря «Перл в руке» (1190 г.), пролили некоторый свет на тайну тангутского письма. В 1914 г. китайский ученый Ло Фу-чан пришел к выводу, что «источником создания системы письма Си Ся послужили способы образования китайских иероглифов» [Ло Фу-чан, 1937. С. 10а]. Ло Фу-чан выделил более двух десятков детерминативов, напоминавших по своему характеру ключи китайской иероглифики. К аналогичному выводу пришли немецкие ученые А. Бернхарди и Э. фон Цах [Bernhardi, Zach, 1918–1919. S. 233–234].

Особый интерес к культуре государства Си Ся в России появился более пятидесяти лет назад, после экспедиции П. К. Козлова. Коллекция П. К. Козлова, составляющая ныне Тангутский фонд рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, начиная с 1909 г. стала объектом изучения русских и зарубежных ученых.

Вслед за А. И. Ивановым, который первым взялся за изучение памятников, написанных письмом Си Ся, к работе над тангутскими рукописями и ксилографами в начале 20-х гг. приступил Н. А. Невский, проживавший в то время в Японии. В 1929 г. Н. А. Невский приехал в Ленинград и начал систематическое исследование тангутской коллекции. Работы Н. А. Невского, опубликованные в СССР и за рубежом, являются одним из лучших достижений мировой востоковедной науки в области тангутоведения. Путем сопоставления текстов, переведенных на тангутский язык с китайского и тибетского, Н. А. Невскому удалось дешифровать значения и дать приблизительные чтения большого числа тангутских письменных знаков и подготовить первый в мире словарь тангутской письменности [ТФ. Кн. 1–2]. Невский не оставил трудов о системе тангутского письма, но он, как и его предшественники, считал письменность Си Ся идеографической.

На какие же традиции опирались тангуты, вырабатывая свою оригинальную систему графических средств? Тангуты не заимствовали тибетское и уйгурское письмо. Это очевидно. Другими соседями тангутов с высокоразвитой письменностью были китайцы и кидани, создавшие свое письмо на основе китайской графики в первой половине X в. Г. Деверия предположил, что тангутское письмо было создано на базе киданьского [Devéria, 1898. P. 26]. В его время не было достаточного числа памятников ни киданьского, ни тангутского письма. В 20-е гг. было обнаружено несколько киданьско-китайских стел-билингв. Сопоставление киданьских письменных знаков с тангутскими идеографами показывает, что тангуты могли заимствовать отдельные графические элементы киданьского письма, которые, правда, в свою очередь, восходят к китайской иероглифике.

Более плодотворным оказалось сопоставление системы тангутских графических средств с китайской иероглификой. Между отдельными элементами тангутского письма и китайскими иероглифами устанавливается не только внешняя графическая, но и внутренняя семантическая связь. Полученные результаты уже опубликованы в специальной статье, к которой мы и отсылаем читателя [Кычанов, 1964а. С. 126–150].

Однако элементы тангутского письма, происхождение которых из китайского или киданьского письма можно установить без особого труда, составляют незначительное количество общего числа идеографообразующих, значимых и несущих определенную фонетическую нагрузку элементов тангутского письма. Они позволяют лишь установить в общей форме, что при выработке графических средств своего письма тангуты опирались прежде всего на китайскую иероглифическую письменность.

Анализ показывает, что создание идеографообразующих элементов тангутского письма производилось по определенной системе. Очевидно, в процессе сложения письма каждому идеографообразующему элементу присваивалось строго определенное смысловое значение и, вероятно, во многих случаях чтение.

Создание по определенной системе идеографообразующих элементов и формирование из них идеографов, затем образование на базе уже имеющихся идеографов новых раскрывают перед нами важнейшую черту тангутского письма — наличие семантико-фонетических групп идеографов, связанных общностью происхождения на основе смыслового или фонетического сходства.

Таковым, вероятно, был наиболее распространенный путь образования большинства тангутских идеографов. Следовательно, создавая свою письменность, тангуты в первую очередь ориентировались на принципы построения хорошо разработанного, имеющего длительную традицию развития китайского письма. А это предполагает глубокое знакомство его создателей с китайской филологической наукой того времени. По своему характеру тангутское письмо было морфемно-слоговым, т. е. каждый отдельно взятый знак тангутского письма передавал или морфему, или слог, или слово тангутского языка[5].

Появление тангутской письменности создало прочную основу для закрепления и дальнейшего развития достижений духовной культуры тангутского народа. Оно явилось толчком для развития просвещения в Си Ся и открыло тангутскому народу путь к знакомству на родном языке с достижениями культуры соседних стран.

Начало тангутской системе образования было положено государем Юаньхао. Через год после создания тангутского письма, в 1037 г., для подготовки кадров, хорошо владеющих тангутским и китайским языками, он учредил тангутскую и китайскую школы. В тангутской школе обучали тангутскому языку и письму двух стилей — стилю, который по-китайски назывался *чжуань*, и обычному деловому почерку, который по-китайски назывался *ли*. В китайской школе обучали как стандартному письму, так и скорописи. Доклады, направляемые в Китай, писались по-китайски, но рядом тот же текст приводился по-тангутски. Тангутское письмо употреблялось при переписке с тибетцами, уйгурами и другими соседними народами, но обычно рядом помещался текст на языке каждого из этих народов, при этом тангутский как основной размещался справа [ССШШ. Гл. 12. С. 13б–14а].

Созданная школа, по-видимому, не удовлетворяла потребностей нового государственного аппарата. В 1039 г. правительство создало новые тангутские училища. Было открыто центральное тангутское училище, во главе которого Юань-хао назначил создателя тангутской письменности Ели Жэнь-юна. В эту школу направлялись наиболее талантливые дети и родственники тангутских и китайских чиновников. Закончив курс обучения, они сдавали выпускной экзамен и в зависимости от уровня знаний получали должности. Было приказано создать тангутские школы во всех округах страны и набрать для обучения в них учеников [там же. Гл. 13. С. 13б–14а]. Преподавание в школах было организовано по китайскому образцу, на тангутский язык с этой целью были переведены «Сяо-цзин», «Эръя», «Сы янь цзацзы» [см.: там же][6].

В 1001 г. государь Цянь-шунь создал «государственную школу» (го сюе), набрал для учебы в ней 300 учеников, а всем преподавателям гарантировал государственное содержание [СШ. Гл. 486. С. 3794]. В 1143 г. государь Жэньсяо открыл школу при дворце. Все дети и внуки родственников государя от

[5] Подробнее о тангутской письменности см.: [Нисида Тацуо 1964. Т. 1; 1966. Т. 2].

[6] Что за сочинение упоминается в «Сун ши» под названием «Сы янь цзацзы», точно не установлено. Дэн Лун высказал предположение, что в данном случае речь идет, очевидно, о хорошо известном тангутско-китайском словаре «Перл в руке» («Жемчужина в руке») [см.: Дэн Лун. Си Ся и мяо фа лян хуа цзин ипу. Рукопись Пекинской библиотеки, сун 291/9254, без пагинации].

7 до 15 лет были обязаны посещать эту школу. Для работы в школе были отобраны лучшие преподаватели, и иногда уроки давали сам государь с государыней из дома Ван [там же. С. 3796; ССЦ. Гл. 24. С. 7а–7б; ССШШ. Гл. 35. С. 17а]. В том же году Жэнь-сяо открыл школы во всех областях страны. Число учеников достигло 3 тыс. [ССШШ. Гл. 35. С. 17а]. Жэнь-сяо поощрял конфуцианское образование. Он лично отбирал отличившихся учеников и жаловал им различные ранги [СШ. Гл. 486. С. 3796]. В 1148 г. была создана «внутренняя школа» (нэй сюе). Для преподавания в ней были отобраны известные конфуцианцы, им увеличили жалованье. Эта школа получила наименование «Дин синь» — «Обновление» [там же]. В 1162 г. тангуты создали Академию наук (Ханьлинь сюеши юань) и поручили ученым Цзяо Цзинь-яню и Ван Цзяню отредактировать свои исторические хроники [см.: там же][7].

Для обучения в школах тангуты составили учебники и словари, образцами которых мы располагаем. К числу учебников в первую очередь должно быть отнесено сочинение «Вновь собранные крупинки золота на ладони». Эта книга в стихах, состоящих из тысячи идеографов, каждый из которых встречается в тексте только один раз, представляет собой тангутское подражание китайскому «Цянь цзы вэнь». Книга служила пособием для первоначального обучения тангутскому письму. В Тангутском фонде ЛО ИНА есть несколько черновиков, содержащих упражнения в написании тангутских знаков.

К числу учебных пособий можно отнести и словари «Идеографическая смесь», состоящие из списков обиходных тангутских слов, расположенных «по материям». Три больших раздела словаря — Небо, Земля и Человек делятся на многие подразделы: земля, горы, реки и моря, драгоценности, ткани, мужская одежда, женская одежда, деревья, овощи, травы, злаки, лошадь, верблюд, корова, козы, птицы, дикие животные, пресмыкающиеся, насекомые, тангутские фамилии, тангутские имена, китайские фамилии, термины родства, части человеческого тела, жилища, продукты питания, утварь, военная подготовка, календарь и т. д. Это, по-видимому, было второе (после «Крупинок золота на ладони») пособие, вводившее ученика в круг тангутской лексики и расширявшее запас знаков тангутского письма.

Целям обучения китайскому языку отвечал оригинальный словарь «Собрание необходимого», фрагментом которого мы также располагаем. Это своеобразный тангутско-китайский словарь, составленный также «по материям», но выполненный только тангутским письмом. Здесь каждое тангутское слово поясняется соответствующим китайским, однако записанным не китайским иероглифом, а в тангутской транскрипции тангутскими знаками. По-видимому, это было пособие для изучения прежде всего устной китайской речи.

Таким образом, просвещение в тангутском государстве было организовано на высоком по тем временам уровне, и неудивительно, что тангуты сумели создать достаточно своеобразную музыку, литературу и живопись, признанные современниками.

[7] Образцы тангутских исторических записей типа китайских «шилу» хранятся в настоящее время в Тангутском фонде ЛО ИНА.

В государстве Си Ся успешно развивалась музыка и изобразительное искусство, преимущественно религиозного содержания. Музыкальные инструменты типа лютни — «пипа»[8] и барабана были известны дансянам в VII в. Дансяны очень любили песни, и, когда они в X в. приезжали к китайскому двору, император Мин-цзун (династия Поздняя Тан (926–934)) любил слушать их пение. Супруга Юань-хао из дома Со «целыми днями пела песни и слушала музыку» [ССЦ. Гл. 6. С. 9б]. Вероятно, любовь к музыке и танцам была широко распространена среди тангутского народа. На иконе бодисатвы Гуань-инь из города Хара-Хото (коллекция Государственного Эрмитажа № Х. 2439) изображена бытовая сцена, в которой показаны «два музыканта, играющие на поперечной флейте и лире (кунхоу), пляшущий человек и человек, хлопающий в ладоши. В стороне два коня. Все четверо в простых зеленых куртках и шароварах, с косами на затылке» [Зубер, 1940. С. 330][9]. Музыка не только широко бытовала среди народа, она имела и государственное значение, занимая важное место в торжественных обрядах и церемониях, как светских, так и религиозных. В IX в. танский император Си-цзун (874–889) подарил Тоба Сы-гуну духовые инструменты и барабаны. Музыка тангутов «была выразительной, манера игры чиста и строга» [ССШШ. Гл. 12. С. 13а][10].

Когда Дэ-мин заключил мир с Сун, обряды, церемонии и праздничная музыка были те же, что и при сунском дворе. Преемник Дэ-мина Юань-хао, обращаясь к Ели Жэнь-юну, говорил: «Истинный правитель, утверждая порядок церемониала и музыку, должен следовать местным народным обычаям... Что касается сунских и танских празднеств и музыки, то они очень сложны. Я не принимаю их» [там же. С. 13б]. С этих пор на тангутских свадьбах и праздниках, при приеме гостей, жертвоприношениях, поклонении предкам и на пирах вместо девяти коленопреклонений совершалось лишь три, а в сопровождавшую этот церемониал музыку были внесены изменения [там же]. Эти нововведения Юань-хао в официальную музыку Си Ся более 100 лет не претерпевали никаких изменений. Новые правила были введены в 1148 г. государем Жэнь-сяо. Он послал известного в Си Ся музыканта Ли Юань-жу собрать все китайские книги по музыке, изучить их и обновить музыкальную систему страны. Новая система была разработана и введена в действие под названием «Синь люй» («Новая музыка, или гаммы»). В разработке новой

[8] Пипа — «этот инструмент считался китайцами иноземным, происходящим якобы от народов Центральной Азии — хюнну, юечжи, цянов и сяньби» [Зубер, 1940. С. 333].

[9] По мнению С. М. Зубер, «по всей вероятности, здесь изображены тангуты, играющие на музыкальных инструментах, бытовавших среди тангутского народа» [1940. С. 331]. Она справедливо ссылается на то место «Сун ши», где сказано, что простым тангутам предписывалось носить одежды зеленого цвета. Таким образом, материалы живописи из Хара-Хото подтверждают данные китайских источников.

[10] Китайские источники сообщают, что тангуты пользовались барабаном, гонгом и духовыми инструментами. Среди музыкальных инструментов, изображенных на иконах из Хара-Хото, встречаются свирель, поперечная флейта, флейта «худи» — «иноземная», поперечная флейта с отогнутой вверх головой дракона, флейта Пана, губной орган, лютня, китайская лира, кастаньеты, тарелки или цимбалы, набор звучащих камней. «Все эти инструменты во время существования Хара-Хото, т. е. в XII–XIII вв., были широко распространены в Китае и также приняты у тангутов» [Зубер, 1940. С. 332–333].

музыкальной системы участвовал не только Ли Юань-жу, но и другие чиновники [ССШШ. Гл. 36. С. 5а]. Музыка Си Ся пользовалась большим успехом у соседних народов. Знаменательным является тот факт, что, когда Чингисхан выбирал музыку для своего двора, он остановился именно на тангутской [ЮШ. Гл. 68. С. 523].

Среди тангутских рукописей фонда ЛО ИНА обнаружен любопытный фрагмент чертежа для изготовления струнного музыкального инструмента. Судя по рисунку верхнего грифа, инструмент, по-видимому, должен был быть двухструнным. Чертеж корпуса инструмента дан в двух вариантах различной степени завершенности. На чертеже указаны размеры деталей инструмента в вершках. Здесь же приложены рисунки образцов гвоздей и скобок для крепления и даны краткие пояснения скорописью.

В настоящее время обнаружены и фрагменты музыкальных записей. Тангутские нотные знаки были похожи на китайские, известные по материалам из Дуньхуана.

Широкое распространение буддизма в Си Ся вызвало расцвет религиозной живописи. Современная наука располагает блестящими образцами иконописи из города Хара-Хото, часть которых определенно принадлежала кисти тангутских иконописцев. Крупнейший специалист по буддизму академик С. Ф. Ольденбург выделил из всех икон, найденных в Хара-Хото, иконы тибетского письма [Ольденбург, 1914. С. 75]. Как установлено последними исследованиями сотрудников Государственного Эрмитажа, эти иконы по своим художественно-стилистическим особенностям близки к иконографии буддийской школы ваджраяна, распространенной в Восточной Индии, Непале и Тибете [Грек и др., 1964. С. 60]. Исследователи считают, что «может быть поставлен вопрос о наличии внутри группы так называемых тибетских икон отдельных художественных школ, отражающих религиозный синкретизм и тем самым культурные и политические взаимоотношения государства Си Ся с их соседями на Юге и Востоке, а также элементы, которые могут быть охарактеризованы как черты самобытной тангутской художественной школы» [там же]. Около трети икон выполнено в традициях дальневосточной буддийской иконографии, одна из групп может быть связана с художественной школой, известной по памятникам, найденным в Наланде (Бенгалия). Иконография «дальневосточной» группы икон связана с традициями живописи Дуньхуана [там же. С. 60–61]. Часть икон была выполнена тангутскими художниками, и поэтому вполне справедливо будет отметить некоторые особенности стиля и техники исполнения буддийской живописи Хара-Хото как особенности, в какой-то мере отражающие состояние тангутского изобразительного искусства вообще.

«Уже в начале XI в. в тангутском царстве занимались живописью» [Ольденбург, 1914. С. 74]. Тангутские художники пользовались «больше всего бумажными тканями, которых поверхность покрывали лаком» [там же].

Все иконы тибетской школы резко отличаются от китайского письма и, по мнению С. Ф. Ольденбурга, свидетельствуют о том влиянии, которое «индийская живопись имела на древнетибетскую, а вместе с нею и на тангутскую, если в тангутском царстве существовала своя самостоятельная школа живописи или иконописи» [там же. С. 75].

Образа писались так: при помощи трафарета на грунт наносился контур (холст загрунтовывался, вероятно, мелом с клеем). Затем рисунок раскрашивался. Краски икон из Хара-Хото отличаются большой прочностью, так как на многих иконах они до сих пор сохранили свой блеск и свежесть. Образ окаймлялся рамкой. «Есть основание полагать, — писал С. Ф. Ольденбург, — что и в старинной тибетской или тангутской живописи существовал уже обычай окружать образ тремя цветными каймами: красною, желтою, синею, символизирующими радугу» [там же].

Композиция образов такая же, как в современной тибетской живописи, — в центре Будда или бодисатва, а по бокам от центральной фигуры две другие поменьше — будд, бодисатв, божеств или монахов [см.: там же][11].

Некоторые образа очень оригинальны смешением различных стилей[12]. Например, в изображении будды Дипамкары «будда, его престол — почти совершенно тибетско-индийские, монахи, скала — китайские; золотой фон — своеобразный, по-видимому, тангутский» [Ольденбург, 1914. С. 35]. Некоторые иконы позволяют предполагать уйгурское влияние [там же. С. 40, 71]. Это совершенно справедливо, так как из китайских источников хорошо известна роль уйгурских монахов, которую они сыграли в деле распространения буддизма в Си Ся. «Оригинальная трактовка лиц, особенно носов» [там же. С. 21], отмеченная С. Ф. Ольденбургом, возможно, отражает некоторые характерные черты физического типа самих тангутов.

Таким образом, замечательная тибетская живопись, выросшая под индийским влиянием, нашла плодотворную почву в тангутском государстве, где она не только процветала, но и обогатилась своеобразным влиянием тангутского и других (например, уйгурского) стилей письма. Поэтому мы вправе рассматривать ее как составную часть культурного достояния всего тангутского народа.

Свидетельством высокой степени развития изобразительного искусства в Си Ся являются гравюры, приложенные ко многим сутрам на тангутском языке. Несмотря на то что большая часть гравюр написана на религиозные сюжеты, в некоторых их фрагментах запечатлены яркие картины народной жизни. Тангутские художники, разрабатывавшие религиозные сюжеты, связанные с темой той или иной сутры, стремились приблизить облик изображаемых лиц к облику своих соплеменников. Такова, например, замечательная по своей выразительности сценка «Мясники» на одной из гравюр коллекции Ленинградского (ныне — Санкт-Петербургского. — *Ред.*) отделения Института народов Азии. На гравюре изображены круглолицые, со вздернутыми носами люди, с пышными усами и бородой. Очень реалистично выглядят туши баранов, курицы,

[11] Образцы икон имеются в книге С. Ф. Ольденбурга. Большое число их представлено на выставке в Государственном Эрмитаже. Авторы доклада «Изучение памятников тангутской культуры из г. Хара-Хото в Эрмитаже» отмечают, что «наряду с устойчивой иконографией центральных персонажей [Будды и бодисатвы] существенно своеобразие трактовки второстепенных [стражи мира]» [Грек и др., 1964. С. 60].

[12] На некоторых иконах из Хара-Хото изображены божества планет. По мнению С. М. Кочетовой, «в синкретическом облике божеств планет в иконографии Хара-Хото мы видим, что содержание образов некоторых светил явно греческое, а внешний облик либо китайский, либо индийский, либо смешанный» [Кочетова, 1947. С. 501].

утки. Живые сценки мы видим и на других гравюрах — женщин, моющих и расчесывающих волосы, дом представителя знати, колодников, конвоируемых стражником с копьем, сцену казни.

Изобразительное искусство Си Ся заслуживает специального изучения. Коллекция Государственного Эрмитажа, дополненная гравюрами из ксилографического Тангутского фонда Ленинградского отделения, дает возможность специалисту-искусствоведу изучить богатый материал по изобразительному искусству Си Ся. Такого рода исследование позволит выявить как влияние, которому подверглось тангутское изобразительное искусство, так и специфические черты, которые были характерны для существовавшей в Центральной Азии в XI–XIII вв. тангутской школы живописи и гравюры.

Прикладное тангутское искусство представлено в Государственном Эрмитаже несколькими образцами предметов буддийского культа довольно грубой работы. Любопытна расцветка тангутских тканей. Орнамент простой, цветочный, звездочки, ромбики на синем, голубом, золотистом, коричневом фоне. Зафиксированы образцы тканей с надписями. Предпринятая в настоящее время сотрудниками Эрмитажа работа над коллекцией из Хара-Хото позволяет надеяться, что в ближайшие годы мы сумеем значительно расширить свои представления о тангутском искусстве, важнейшей составной части культуры Си Ся.

ПАМЯТНИКИ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Вместе с тангутским письмом родилась и тангутская книга. Поскольку в то время бумага широко была распространена на Дальнем Востоке, секретом бумажного производства владели и тангуты. В «Измененном и заново утвержденном кодексе законов» среди прочих органов управления Си Ся упоминаются ведомства по производству бумаги и книгопечатанию.

Тангутская бумага была весьма разнообразна. Анализ ее образцов, произведенный Всесоюзным научно-исследовательским институтом целлюлозно-бумажной промышленности, показал, что основным продуктом для ее производства служило хлопчатобумажное и льняное тряпье.

Буддийские произведения писались на хорошей, светлой, плотной бумаге. Деловая корреспонденция велась на мятой, серой, низкосортной бумаге. Ксилография, как правило, производилась на достаточно мягкой, сероватой бумаге среднего качества.

С искусством ксилографии тангуты, естественно, познакомились в Китае, где оно во второй половине X в. было широко распространено. Поэтому метод книгопечатания у тангутов, по-видимому, практически был такой же, как и у китайцев. Об этом свидетельствуют и образцы досок для печатания книг, хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже. Тангутская печать отличалась четкостью и мастерством исполнения. По мнению большого знатока древней китайской книги советского ученого К. К. Флуга, большинство ксилографов из Си Ся по своему исполнению не уступало лучшим сунским изданиям, считавшимся образцом непревзойденного мастерства [Флуг, 1933. С. 164].

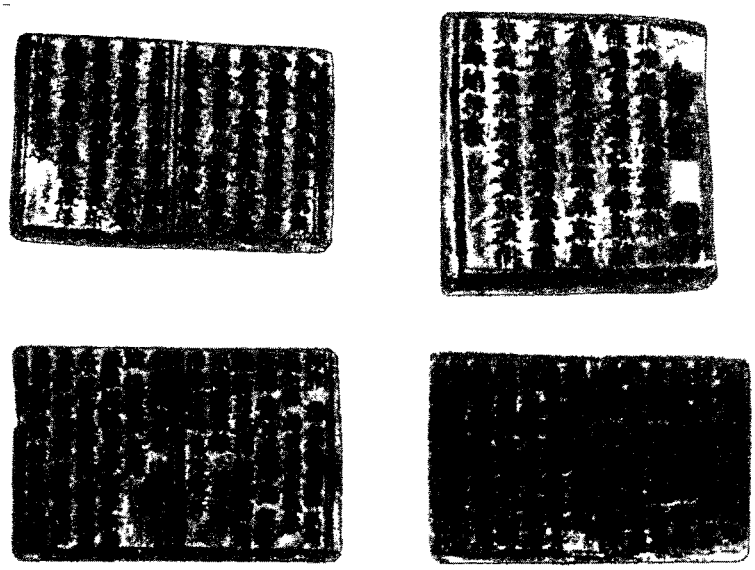

Рис. 47. Доски с вырезанным на них текстом для печатания книг. Хара-Хото. XII в. Государственный Эрмитаж

Самая ранняя датированная печатная книга в Тангутском фонде ЛО ИНА относится к 1085 г. [Тангут. фонд. № 4773]. Наиболее поздний из памятников фонда датирован 1212 г. [ТФ. Кн. 1. С. 86]. Внешне тангутские книги очень похожи на современные им китайские [Флуг, 1959. С. 26–56]. Большинство книг светского содержания брошюровались «бабочкой» [Флуг, 1940. С. 87]. Буддийские произведения представлены в свитках или книгах-гармониках. Но много книг буддийского содержания брошюровались, как тибетские книги, т. е. способом, заимствованным из Индии и известным под названием «потхи». Книги-потхи в то время в сунском Китае, по-видимому, не были распространены. Во всяком случае, К. К. Флуг не упоминает их в своей «Истории китайской печатной книги сунской эпохи» (рис. 47).

Книги в Си Ся печатались массовыми тиражами. Особенно это относится к изданиям буддийской литературы. Большими тиражами печатались и светские издания. Выходило много и объемных книг. Так, «Измененный и заново утвержденный кодекс законов» состоял из 20 томов по 100 страниц (европейских) каждый и зафиксирован в коллекции ЛО ИНА в двух изданиях. Тангутско-китайский словарь «Перл в руке» представлен тремя разными изданиями. По меньшей мере двумя изданиями представлен словарь «Гомофоны». Все это свидетельство широкого распространения грамотности в тангутском государстве.

На тангутский язык было переведено много произведений китайской классической литературы. Китайские источники не раз упоминают о том, что тангуты просили продать или передать им те или иные книги и переводили их на родной язык. Сунское правительство всегда охотно выполняло эти просьбы, так как идеям и их воздействию оно доверяло не меньше, если даже не больше, чем своим солдатам.

В 1055 г. тангутские послы просили продать собрание биографий из династийных хроник и буддийские каноны. Тангутов интересовали сведения по истории своего народа, имеющиеся в китайских историях. Получили они лишь буддийские книги, так как у китайских властей в тот момент в наличии были лишь истории Восточной Цзинь и Юань Вэй и «среди записанных там событий нельзя было найти [описаний] иноземцев» [ССЦ. Гл. 12. С. 10а]. В 1062 г. тангуты прислали сунскому двору в дар лошадей и просили в обмен стихи, написанные рукой императора Тай-цзуна, эстампы письма стилем «лишу», девять классических книг, историю династии Тан, энциклопедию «Цэ фу юань гуй» и сочинение «Сун чжэн чжи чао хэ и» [там же. Гл. 13. С. 5а][13]. Девять классических книг были получены тангутами в 1063 г., кроме того, тангуты получили сочинение «Чжэн и Мэн-цзы», а также медицинский трактат. Все эти книги были специально отпечатаны в Китае по заказу тангутов [там же. С. 9а][14].

Конфуцианство сыграло большую роль в духовной жизни не только Китая, но и многих других народов Дальнего Востока. В некоторых соседних с Китаем странах конфуцианство нашло для себя почву и стало важнейшей составной частью отдельных дальневосточных культур. В домонгольскую эпоху конфуцианское мировоззрение проникло в кочевую степь, завладев умами представителей господствующего класса народов, создавших свои государства на северо-западных и западных границах Китая. Кочевая степь являлась естественным барьером, преграждающим распространение конфуцианства. Нужны были особые условия, чтобы кочевые и полукочевые в прошлом народы восприняли конфуцианство как идеологическую основу управления.

Такие специфические условия существовали на окраинах сунской империи в период создания государств киданей, тангутов, чжурчжэней. Главными предпосылками распространения конфуцианства в этих странах было значительное китайское влияние на верхушку общества, принятие китайских форм правления наряду с сохранением своих, наличие большего или меньшего для различных стран китайского компонента и связанного с ним присутствия значительного числа китайских чиновников и ученых-конфуцианцев на государственной службе. В таких случаях постоянное освоение китайских методов управления, феодализация родоплеменной знати сопровождались распространением конфуцианства, т. е. той идеологии, которая наиболее тонко и в наиболее завуалированной форме обосновывала эти изменения.

Среди известных переводчиков китайской классики на тангутский язык упоминается Ва Дао-чун. В сочинении Юй Цзи «Дао юань сюе гу лу» в предисловии, датированном 1346 г., сохранились следующие сведения о Ва Дао-чуне: «Князь (гун) носил фамилию дома Ва, его предки жили в Линъу и вслед за государями Ся перебрались в Синчжоу. Из поколения в поколение они являлись составителями истории государства Ся. Посмертное имя князя Дао-чун, а про-

[13] Государь Лян-цзо построил специальное книгохранилище [см.: ССЦШБМ. Гл. 20. С. 4а].

[14] Упоминаемые в «Сун ши» сочинения «Тай и цзинь цзянь» и «Е чжань гэ», а также сочиненная Жэнь-сяо песня «Лин чжи гэ» рассматриваются в «Си Ся и вэнь чжи» как произведения тангутской литературы [см.: Си Ся и вэнь чжи, 1904. С. 2а].

звание Цзун-шэн. Восьми лет он постиг "Шан шу", подростком проник [в тайны] пяти канонов и стал наставником тангутского [фань] и китайского языков и литератур. Перевел на [тангутский язык] "Лунь-юй" и особо прокомментировал его, написав [к тексту] "Разъяснения" ("Цзе и") в 20 цзюанях. [Сочинение] называлось "Лунь юй сяо и". Кроме того, он составил суждения о гаданиях на панцире черепах и стеблях трав из "И цзина" (Чжоу и), записал их письмом своего государства и распространил в стране. Они сохранились вплоть до наших дней. По службе он достиг должности чжуншу цзайсяна своей страны и скончался. Жители Ся постоянно чтили Кун-цзы и объявили его Чжэ шэн вэнь сюань хуан ди — мудрейшим императором, распространителем просвещения. Вот почему они нарисовали портреты князя и вменили в правило приносить жертвы и ему вместе с прочими жертвоприношениями в школах уездов и областей их страны. Они так и поступали, руководствуясь этим правилом» [Юй Цзи. Гл. 4. С. 46]. Портрет Ва Дао-чуна сохранился в Лянчжоу после гибели Си Ся. Его видел потомок Ва Дао-чуна юаньский лянфанши Мин Дао в одном из полуразрушенных дворцов Лянчжоу. Мин Дао «плакал навзрыд и никак не мог оттуда уйти, требовал рабочих, чтобы скопировать портрет и хранить его в семье». Портрет погиб в годы правления Янь-ю (1314–1320), когда дворец был отремонтирован. Другой потомок Ва Дао-чуна, известный юаньский поэт Ва Юй луньду, внук Мин Дао, написал славословие в честь своего далекого предка:

Когда процветало Си ся,
То поклонялись и служили Кун-цзы.
И так сильно его почитали и любили,
Что поставили ему алтарь в императорском храме.
Вот тогда-то и появился некий сановник-конфуцианец,
Который рано постиг поучения и заповеди
древних мудрецов[15],
Проник в тайны канонов, написанных одним и тем же письмом[16],
И преподавал их в столице своего государства,
Вследствие чего стал сяном у своего государя.
Ему были пожалованы одежды и знаки отличия,
Он заботился о храмах науки,
И портрет покойного там сохранялся.
Государство опустошено, и люди ушли далеко,
И из людей редко кто знает [о нем].
Разрушенные дворцы перестраиваются,
И не известны золотые нити.

[15] 典謨 — намек на «Шу-цзин», где имеется два раздела «дянь» — «Яо дянь» и «Шунь дянь» и три раздела «мо» — «Да Юй мо», «Гао Тао мо» и «И Цзи мо». В целом термин означает поучения и наставления древних мудрецов [см.: Морохаси Тэцудзи, 1955–1960. С. 1185].

[16] 同文 — одинаковое письмо. Выражение из «Чжун-юн», один из символов единства страны: «Теперь в Поднебесной ездят в колесницах с одинаковой колеей, пишут одним и тем же письмом, исполняют одни и те же морально-этические правила». В данном случае это выражение означает, что Ва Дао-чун постиг каноны именно на китайском языке.

Но не забывают своего родственника
Ныне живущие мудрые внуки,
Подновили картину красной и синей краской
И приобрели доказательства славного прошлого.

[*Юй Цзи. Гл. 4. С. 46*]

Усиленное распространение в Си Ся конфуцианской морали, как правильно определил проф. Н. А. Невский, имело своей главной целью «научить правителей править государством, а подданных — подчиняться» [ТФ. Кн. 1. С. 85].

О том, насколько широко были распространены в Си Ся переводы китайских классиков, свидетельствуют материалы тангутской библиотеки из Хара-Хото (Эдзина). Хотя лишь 12,5% рукописей и ксилографов этой библиотеки, замурованной в субургане, составляют книги небуддийского содержания — переводы китайских произведений, словари, памятники тангутской литературы, тем не менее здесь имеются фрагменты тангутских переводов «Лунь-юя», «Сяо-цзина» и два варианта переводов «Мэн-цзы» [Китайская классика. IV. 1964]. Кроме того, здесь обнаружены фрагменты книги, содержащей переводы цитат из самых разнообразных китайских классических сочинений — «Ли-цзи», «Цзо-чжуань», «Чжоу-шу», «Ши-цзин» и др.

Весьма любопытны комментарии к тангутским переводам «Лунь-юя» и «Мэн-цзы». Они не совпадают с известными китайскими комментариями и принадлежат, очевидно, кисти тангутских ученых. На тангутский язык переводились не только классические произведения. Мы уже упоминали о большом интересе тангутов к китайской военной теоретической мысли. Кроме перевода трактата «Сунь-цзы» мы располагаем тангутским переводом «Трех тактик» Хуан Ши-гуна с комментариями и «Шести секретов» («Лю тао») без комментариев. Как сообщил нам научный сотрудник Британского музея Э. Гринстед, среди памятников тангутской коллекции музея ему удалось обнаружить небольшой фрагмент перевода военного трактата «Синь-шу», приписываемого Чжу Гэляну.

Большой интерес представляет десятитомное энциклопедическое издание «Лес категорий», отпечатанное в августе 1181 г. управлением печати Си Ся. Это своеобразный свод биографий знаменитых людей Древнего Китая. Биографии распределены по разделам: доблестные, верноподданные, мудрые чиновники, верные жены, чародеи, врачеватели, писатели, гуляки, знатные и богатые, неимущие, благородные бедняки, искусные стрелки из лука, актеры, богатыри, уроды, счастливцы и др. Оригинал этого произведения в Китае, вероятно, не сохранился. К. К. Флуг предположил, что эта энциклопедия биографий была составлена в чжурчжэньском государстве Цзинь[17].

Мы уже отмечали, что тангуты весьма интересовались китайскими историческими сочинениями. До наших дней в переводе на тангутский язык дошли большие фрагменты из «Чжэнь-гуань чжэн яо», представляющего запись бесед танского императора Тай-цзуна со своими приближенными в годы правле-

[17] См.: Архив ЛО ИНА. Материалы К. К. Флуга.

ния Чжэнь-гуань (627–649), т. е. именно в тот период, когда дом Тоба установил первые контакты с танским двором, и из сочинения «Двенадцать царств» — собрания различных эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю. Н. А. Невский предполагал, что это сочинение, возможно, является переводом сунской книги «Ши эр го люе ши» («Краткой истории двенадцати царств») [ТФ. Кн. 1. С. 86].

Тангутские переводы китайских художественных произведений пока неизвестны. Но следует учесть, что мы располагаем лишь частью библиотеки монастыря из Хара-Хото — одного из обычных городов Си Ся, к тому же расположенного довольно далеко от жизненно важных центров тангутского государства. Но и то, что сохранилось, свидетельствует о глубоком знании тангутами китайской литературы и о высоком мастерстве тангутов-переводчиков.

Тангуты не только переводили на родной язык произведения литературы соседнего Китая, но и имели собственную литературу. Это блестяще доказал Н. А. Невский — один из первых исследователей тангутской коллекции ЛО ИНА, не имевший себе равных в знании тангутского языка и культуры. Уже в начале 30-х гг. он обнаружил в фонде сборник тангутской поэзии и дал блестящие образцы переводов тангутских придворных од [там же. С. 90–91]. Позднее был обнаружен впервые упоминаемый еще А. А. Драгуновым [Bulletin, 1932. P. 376] сборник тангутских литературных произведений в стихах и прозе, озаглавленный «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям». Собранные в нем произведения преимущественно религиозно-нравоучительного содержания, разных жанров, иногда с комментариями. Составителями его были два монаха, «принявшие обет чистой веры», Хуй Мин и Дао Хуй. В сборнике представлены оды, повествования, новеллы, критические рассуждения, славословия и официальные донесения. Все эти жанры заимствованы из китайской литературы. Вероятно, китайская поэзия имела влияние на тангутскую. Это отмечал в своих трудах Н. А. Невский. «Тангуты в своей поэзии, — писал он, — обильно пользовались китаизмами, употребляли китайские слова и находились под значительным влиянием китайской конфуцианской идеологии... Наряду с китайской идеологией находим и идеологию буддийскую...» [ТФ. Кн. 1. С. 90]. Образцы тангутской поэзии известны уже по переводам А. Н. Невского [там же. С. 80–81, 90–91]. Приведем оду из сборника «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям».

ОДА В ЧЕСТЬ СОБСТВЕННОГО ПУТИ И ОБЫЧАЕВ ЦАРСТВА СЯ

Слух о наших победах больших
Перешел границы страны,
Спала с глаз у чужих пелена,
И о нас узнали они.
Не иссякает источник,
Ученых мужей порождающий,
Сыновья их придут на смену им в будущем.
Наши обычаи и нравы, утвердившись,

Вознеслись подобно взлету павлина.
Коль летнее солнце жарко печет,
Где воздух прохладен и чист?
В снежных ущельях, в наших горах
Непременно прохладу найдешь.
А коль сумрак спустился, в небе ночном
Яркая светит луна,
И где еще, кроме нашей страны,
Есть столь белые облака?
Ночное облако в небе плывет,
Лунный воздух прохладен и чист,
А под пологом трав, в ночной тишине
Фениксы бродят и львы.
Если в наши леса и горы пойдешь,
Тигров, барсов далеко разносится рев,
А коль с черным драконом встретишься вдруг,
Храбрым воином станешь навек.

[*Собрание светлых слов. № 4166. С. 106*]

В тангутских стихах много подражания, но многие из них проникнуты неподдельным чувством глубочайшей любви к своему отечеству и культуре. И потому так естественно вписываются иногда в тангутский текст павлины, фениксы и драконы, образы, заимствованные из китайской поэзии, но ставшие средством выражения больших патриотических чувств в тангутском стихе.

Подлинным памятником самобытной тангутской культуры является сборник тангутских изречений. Сборник был составлен во второй половине XII в. (издан в 1186 г.) Лян Дэ-яном. Образцы переводов из этого памятника имеются в трудах Н. А. Невского [см.: ТФ. Кн. 1. С. 92–93; Кычанов, 1965г. С. 44–46]. Эта книга — сокровищница живой мысли и искрящегося юмора тангутского народа.

Распространены в тангутском государстве были и различные произведения морально-этического содержания буддийского и конфуцианского характера. Образцами их являются произведения из коллекции ЛО ИНА: «Сборник вдохновенной мудрости» — сочинение монаха Бао Юаня (издано в 1188 г.), содержащее «различного рода моральные проповеди о вреде пьянства, блуда, о женщинах-мирянках и пр.» [ТФ. Кн. 1. С. 83], «Сборник доблестного поведения», «Вновь собранные записки о любви и сыновней почтительности», произведения компилятивного характера, содержащие конфуцианские истории, сентенции и проповеди. Такого рода литература пользовалась наибольшим спросом среди ученого сословия, буддийского духовенства и обычно ими создавалась.

Большой интерес представляют сохранившиеся во фрагментах три книги многотомной своеобразной тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми». В пятнадцати главах энциклопедии можно найти всевозможные сведения — от кратких заметок по астрономии до трактовки различных моральных категорий.

Даже то незначительное количество произведений, которыми мы располагаем, свидетельствует о существовании в тангутском государстве большой,

многообразной и широко распространенной литературы. Литература, конечно, была в первую очередь достоянием ученого и служилого сословий и тангутской знати. Но ценно то, что наряду с рассуждениями на морально-этические темы в духе буддизма или конфуцианства в тангутской литературе были сильны самобытные патриотические мотивы, содержащие яркие поэтические гимны родной природе, произведения, полные гордости за свою маленькую, но независимую и просвещенную страну.

Тангуты с большой любовью относились к разработке и распространению своего письма и языка. «Особенно должно отметить в нашей коллекции, — писал Н. А. Невский, — обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью» [там же. С. 93]. Действительно, разнообразие лексикографической тангутской литературы поражает. Все имеющиеся в коллекции ЛО ИНА словари составлены, по-видимому, в XII в.

Тангутская словарная литература свидетельствует о хорошем знании тангутами достижений китайской лингвистической науки. Словарь «Море письмен» был составлен по образцу китайского словаря «Гуан юнь». Это отмечал еще А. И. Иванов [1918. С. 800]. Конечно, специфика тангутского языка и письма потребовала от тангутов внесения некоторых дополнений. Они вынуждены были дополнительно пояснить происхождение каждого знака, составить приложение к словарю, в котором были выделены слова, начинающиеся на префикс и ликвидную инициаль (словарь «Смешанные категории моря письмен»)[18].

В 1132 г. тангуты выпустили в свет словарь омонимов своего языка (словарь, известный в литературе как «Гомофоны»). В предисловии к словарю говорилось: «Иероглифы составляют слова и выражения; благодаря своим звукам они образуют великую сокровищницу знаний и являются основой просвещения народа» [ТФ. Кн. 1. С. 96]. Далее в предисловии, которое разбирал Н. А. Невский, по его словам, «следует утверждение, что отыскание иероглифов во всех предшествующих словарях (т. е. в рифмических словарях «Море письмен». — *Е. К.*) было сопряжено с большими трудностями и что "настоящий метод" был известен только тем, кто обладал знаниями» [там же]. Словарь омонимов был большим достижением тангутских ученых-лингвистов и свидетельствовал об их упорной работе над своим языком и письмом. По-видимому, позднее была предпринята весьма удачная попытка объединить словарь омонимов и словарь «Море письмен». В коллекции ЛО ИНА есть рукописные фрагменты такого словаря. Объединенный словарь содержит самую подробную характеристику тангутского идеографа: его происхождение, точнее, способ образования, значение, чтение по системе фаньце, его рифму, наиболее употребительное сочетание, в котором встречается данный идеограф, его тон [Тангут. фонд. № 4153].

По-видимому, одновременно во второй половине XII в. были составлены и тангутские фонетические таблицы. Один из рукописных экземпляров таблиц датирован 1173 г. Тангутские фонетические таблицы были составлены по об-

[18] Здесь мы не даем подробного описания словарей, так как эта работа уже осуществлена Н. А. Невским [см.: ТФ. Кн. 1. С. 95–106].

разцу китайских фонетических таблиц Сыма Гуана. Однако тангутский язык не походил на китайский, и тангуты, естественно, были вынуждены внести в таблицы некоторые дополнения. Они ввели четыре медиальных ряда и специальную группу для ликвидных. Приведенные в таблице знаки представляли группу слов, увязанных с их рифмой первого или второго тона. Один из экземпляров таблиц содержит вклейки с полным списком данных знаков по словарю «Море письмен». Таким образом, словари и фонетические таблицы представляли собой единую связанную систему, характеризующую всесторонне язык и письменность Си Ся [Словарь синонимов][19].

Стремясь поддерживать связи с соседними государствами, тангуты составили тангутско-китайский словарь «Перл в руке» (мы располагаем изданием 1190 г.). Словарь, как об этом говорится в его предисловии, должен был служить сближению двух культур.

Тангуты часто посещали соседние страны и, безусловно, оставили их описания. Об одном из таких трудов мы встречаем упоминание в китайских источниках. Некий Ли Ши-ло, два раза участвовавший в посольствах к чжурчжэням, «хорошо знал их обычаи и нравы и написал путевой дневник объемом в 3 цзюаня» [ССЦ. Гл. 25. С. 3а–3б]. Тангуты аккуратно вели запись собственной истории. Мы уже упоминали о семье Ва, представители которой из поколения в поколение были придворными историографами, об ученых Цзяо Цзинь-яне и Ван Цзяне, которым в 1162 г. было поручено составлять историю Си Ся. Историю Си Ся составлял придворный историк Доэрцзи (Дорчжи), а в последние годы существования Си Ся ее писал Ло Ши-чан. К сожалению, эти истории до нас не дошли. Упорно сопротивлявшееся Тангутское государство было предано огню и мечу, и в огне пожарищ погибли ценные архивы и библиотеки. Монгольские воины «хватали мальчиков и девочек, золото и парчу. Лишь Елюй Чуцай взял оставшиеся книги и лекарственный ревень» [там же. Гл. 28. С. 11б]. Но таких, как он, по-видимому, было немного. И ценные истории Си Ся либо погибли безвозвратно, либо погребены в песках.

Мы ничего не знаем о развитии начатков естественнонаучных знаний в Си Ся. В народной медицине определенно существовали некоторые элементы научных знаний о природе. Известно, что тангуты выписывали из Китая медицинские книги, среди тангутских книг ЛО ИНА СССР есть и медицинские сочинения, например описание пилюль из Aster tartaricus и способы их применения, небольшой фрагмент по акупунктуре, книги с рецептами лечения лошадей и т. п. [ТФ. Кн. 1. С. 89].

В источниках нет сведений о том, каким календарем пользовались тангуты — своим или китайским[20].

---

[19] В тангутской коллекции ЛО ИНА имеется также словарь синонимов тангутского языка (№ 2539). Словарь датирован 1189 г.

[20] Тангуты постоянно получали календарь от китайцев. Однако это не значит, что они пользовались только китайским календарем. Пожалование календаря просто было символом признания тангутами старшинства Сун. Тангуты получали из Китая календарь в 1007 г. [ССЦ. Гл. 4. С. 19а], в 1045 г. [там же. Гл. 11. С. 3б], в 1087 г. [там же. Гл. 18. С. 11б] и в 1101 г. [ССЦШБМ. Гл. 29. С. 6а]. После того как тангуты, пользуясь наступлением чжурчжэней, захватили ряд китайских крепостей, в 1131 г. посылка календаря в Си Ся была прекращена. Получали ли тангуты календарь из Цзинь, неизвестно.

Тангутские рукописи обычно датировались годом, который обозначался соответствующим годом девиза лет правления и циклическими знаками, имевшими соответствия в двенадцатилетнем животном цикле. Центральноазиатский животный цикл широко употреблялся в Си Ся, и мы располагаем рукописями, датированными знаками животного цикла. На одной рукописи дата «год Мыши» обозначена по-тангутски, по-уйгурски и по-китайски циклическим знаком, соответствующим году Мыши в животном цикле. В коллекции ЛО ИНА имеются фрагменты тангутских календарей. Судя по первому знакомству, составлены они по образцу китайских календарей, в некоторых экземплярах даже часть текста записана по-китайски. Исследование этих фрагментов позволит поближе познакомиться с календарем, употреблявшимся в Ся.

Из краткого анализа духовной культуры Си Ся можно заключить, что тангутское государство являлось одним из культурнейших государств Центральной Азии XI–XII вв. Тангутская культура сложилась под влиянием двух больших восточных культур — китайской и тибетской. Вместе с тем тангуты сумели сохранить свою самобытность, развить свои традиции и, творчески восприняв многие достижения соседей, сформировать свою собственную культуру. Именно эта своеобразная культура позволяла автору тангутско-китайского словаря «Перл в руке» («Жемчужина в руке») Гулэ Мао цаю надеяться, что его труд поможет созданию более тесных контактов между Си Ся и Сун. Он сетовал по поводу того, что «тангутские мудрецы не почитают китайских, а китайские ученые не уважают тангутских. И все это происходит из-за незнания языков» [Перл в руке. Предисловие]. Видимо, Гулэ Мао цай имел основания полагать, что ученым великого Китая будет небезынтересно ознакомиться с трудами их тангутских коллег.

Современный китайский историк Ван Чжун рассматривает возникновение тангутского государства как следствие постоянного стремления родо-племенных вождей после краха туфаньской державы восстановить свое былое могущество и славу и получить в свои руки надежное средство «нападать на ханьские границы и возвратить древние фаньские земли» [Ван Чжун, 1962. С. 21]. Ван Чжун считает органы управления и военную организацию тангутов прямым продолжением этих же институтов туфаньской державы и подчеркивает стремление тангутских государей (Юань-хао) и одеваться, и поступать так же, как тибетские государи. «И хотя, — пишет он, — империю Си Ся более 160 лет отделяло от краха туфаньской империи, и духовно, и по системе своих институтов она была самой прямой ее наследницей» [там же. С. 22].

Ван Чжун прав, подчеркивая духовную и культурную близость тибетцев и тангутов. Прав он и тогда, когда указывает, что старшинская родовая верхушка нуждалась в сильной государственной власти. Однако у нас пока нет никаких конкретных данных, подтверждающих, что именно тангуты считали себя наследниками и целеустремленными преемниками туфаньской державы. Развитие дансянско(тангутско)-тибетских отношений свидетельствует о том, что тангуты всегда отделяли себя от тибетцев (как, кстати, в свою очередь, и тибетцы), а на их органы управления несомненно преобладающее влияние оказал Китай. Да и по его могуществу и влиянию считать тангутское государство прямым наследником туфаньской державы, к сожалению, не представляется возможным. Против данной точки зрения Ван Чжуна приходится возражать еще и

потому, что он, объявив тангутов единокровными наследниками тибетцев, делает неприемлемый для нас вывод об отсутствии у тангутов собственной культуры. «Империя Си Ся, — пишет он, — имела собственное письмо, однако не имела созданной ею систематизированной, коренной, национальной культуры. Ее культура происходила частью из культуры Туфань, а в значительной своей части из китайской культуры» [там же. С. 31]. Современная наука еще далека от полного исследования памятников письменности и материальной культуры тангутов, но даже то, что мы знаем, в корне противоречит этому несправедливому заключению. Мы вправе говорить о сильном китайском и тибетском влиянии (прежде всего в сфере буддизма), но все, о чем мы говорили выше, заставляет нас высказаться за то, что самобытная тангутская культура существовала и даже оставила свой след в далеком прошлом Центральной Азии. О судьбах тангутской культуры мы расскажем в одной из следующих статей, так как этот вопрос тесно связан с проблемой исчезновения самого тангутского народа.

Тангутская культура во многом была культурой буддийской. Без рассмотрения вопроса об истории буддизма в Си Ся и без учета этой специфики тангутской культуры всякое хоть сколько-нибудь серьезное исследование ее проблем невозможно. Буддизм был составной частью духовной культуры тангутов, самой господствующей в Си Ся идеологией и пронизывал все стороны жизни тангутского государства. Поэтому к рассмотрению некоторых вопросов, связанных с историей буддизма в Си Ся, мы и обратимся.

ИЗ ИСТОРИИ БУДДИЗМА В СИ СЯ. КУЛЬТ ПРЕДКОВ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ТАНГУТОВ

Государственной религией Си Ся был буддизм. Трудно установить, когда буддийское учение начало проникать к тангутам. В X в. в областях, где позднее возникло тангутское государство, буддизм был широко распространен в среде господствующего класса тангутского общества. К этому же веку относится начало его распространения среди простого народа, у которого он стал вытеснять местные верования. Процесс этот затянулся надолго и продолжался в XI в.

Откуда тангуты познакомились с буддизмом — с востока от китайцев или с запада от тибетцев или уйгуров? Как известно, в Тибете буддизм начал утверждаться в VII в. Распространение его встретило противодействие не только среди народа, но и некоторой части господствующего класса во главе с сановником Машанг [Roerich, 1953. P. 40–44]. Однако в конце VIII в. буддизм утвердился в Тибете, и монашеские общины появились даже в таких отдаленных областях, как Кам.

В IX в. начались преследования сторонников учения Будды в Тибете. Буддийские общины могли свободно существовать только в районах, отдаленных от столицы. Гонения не коснулись лишь общин в Каме [Richardson, 1957. P. 57] и Амдо [Roerich, 1953. P. 64]. Тибетские хроники сообщают, что, когда начались гонения, три монаха со священными книгами бежали на запад, а оттуда

через страну хор-уйгуров — в Амдо. Управляющий этой областью сановник решил стать монахом и вступил в одну из общин. Желая глубже изучить веру, он отправился на север в страну минягов. Затем он последовал в Нижний Кам проповедовать учение Будды [ibid.].

Все эти события происходили в конце IX — начале X в. Как уже отмечалось, страной минягов тибетцы называли области, населенные тангутами. Таким образом, к началу X в. в стране тангутов было уже известно учение Будды, и тибетские проповедники даже укрывались там от гонений. Этого факта недостаточно для того, чтобы судить о степени распространения буддизма, но он подтверждает, что в X в. буддийское учение было уже известно в стране тангутов. Тем не менее еще не совсем ясен вопрос о корнях тангутского буддизма.

Дансяны могли познакомиться с буддизмом и из Китая, в северо-западную часть которого они переселились в VII в. А в Китае в V–VI вв. буддизм был уже широко распространен. Поскольку распространяли буддизм проповедники различных сект из разных частей Индии и Центральной Азии, то в VII в. в Китае появилось определенное стремление к унификации буддийского учения.

Так, была разработана система поклонения Будде Амитабе, которого особенно почитала секта «Цзин ту цзяо» («Учения чистой земли»), главными организаторами и идеологами которой были наставники Шань Дао и Фа Чжао [Zenryu Tzukamoto, 1933. P. 2]. В середине VIII в. наступил подлинный расцвет китайского буддизма. Столица Китая Чанъань и монастыри Утайшаня в провинции Шаньси становятся религиозными центрами страны. В IX в. культ Амитабы проник из Китая в Корею и Японию. Поскольку дансянские племена жили по соседству с религиозными центрами Китая и, особенно в IX в., поддерживали довольно тесные политические и торговые отношения с Китаем, буддийское учение, в особенности культ Амитабы, мог проникнуть к ним из Китая.

Кроме того, близ западной границы расселения дансянских племен (в X в. дансяны проникли в глубь Ганьсу до реки Эдзин-Гол) находился известный центр буддизма — пещерные храмы Цяньфодун в Дуньхуане. Культ Амитабы, особенно укоренившийся в танском Китае, был широко представлен и в Дуньхуане, где найдено много рукописей о Фа Чжао и его учении, а среди настенных росписей сохранились изображения гор Утайшань и храма Фа Чжао Дачжулиньсы [ibid. P. 7]. Поскольку, как подтверждают материалы иконописи Хара-Хото, культ Амитабы был широко распространен в Си Ся [Ольденбург, 1914][21], можно думать, что он проник туда из Китая. Китайский буддизм оказал в свое время большое влияние на народы Центральной Азии.

В IX в., когда буддизм преследовался в Центральном Тибете, он процветал на его окраинах, в Дуньхуане, где преобладание китайского буддизма было бесспорным. Возможно, для тех, кто не знал китайского языка, но знал тибетский, китайские сутры снабжались тибетской транскрипцией или просто писа-

[21] В коллективном докладе сотрудники Государственного Эрмитажа также отмечают, что в наборе образов тангутских икон «наблюдается отражение сложного религиозного синкретизма с преобладанием культа Амиды, астральных божеств и Гуань Инь...» [Грек и др., 1964. С. 61].

лись в тибетской транскрипции [Thomas, Clauson, 1927a. P. 282–283]. Поскольку переписчик одного из таких фрагментов был выходцем из княжеского дома страны Киргиз [Thomas, Clauson, 1927b. P. 282–283], можно думать, что такие транскрипции предназначались для иноплеменников, которые не знали китайского письма, но могли овладеть более простым тибетским и читать написанные им китайские священные тексты, возможно, и не понимая их смысла. К таким племенам вполне могли относиться тангуты, которые не имели тогда своей письменности.

Китайские источники ничего не сообщают о времени появления буддизма у тангутов. Однако одно косвенное упоминание, относящееся к концу X в., подтверждает указания тибетских источников о знакомстве тангутов с буддийским учением в это время. В 996 г., когда китайцы, предприняв экспедицию в глубь пустыни, нанесли поражение Цзи-цяню и их войска достигли ставки Цзи-цяня, тангуты зарыли в песок всех старых и слабых, которых не смогли взять с собой при отступлении. Пленные сообщили китайцам, что более половины закопанных в песок людей, несмотря на то что их головы были оставлены снаружи, погибли, и они (по неясным из текста причинам) «не смогут перевоплотиться». Источник добавляет, что, «по словам иноземцев (т. е. тангутов. — *Е. К.*), жизнь является перевоплощением» [ССЦ. Гл. 2. С. 15а].

Видимо, к концу X в. буддийское учение приобрело уже довольно много адептов в среде тангутов, во всяком случае, в среде господствующего класса, так как речь идет о ставке Цзи-цяня, где жили его родственники и приближенные.

Таким образом, буддийское учение было известно тангутам уже в конце IX — начале X в. Мы не имеем никаких данных о непосредственном знакомстве тангутов с буддизмом от китайцев. Хотя нам неизвестны тангутско-тибетские связи, но факт поездки одного из видных тибетских буддистов в страну минягов говорит об их существовании, и мы вправе предположить, что тангуты впервые познакомились с буддийским учением от родственных им тибетцев, но одновременно получили первое сведение об учении Будды из Китая, о чем свидетельствует широкое распространение в Си Ся культа Амитабы. Определенное влияние на тангутов имел и уйгурский буддизм. Уйгурские монахи в XI в. составляли важный контингент переводчиков сутр на тангутский язык, а уйгурские мотивы отмечены исследователями в иконописи Хара-Хото, о чем уже упоминалось выше.

Роль буддизма в жизни тангутского общества резко возросла после создания независимого тангутского государства. Буддийское учение быстро распространялось сначала среди тангутской знати, а потом и среди народа.

Дэ-мин еще в детстве «изучил буддийские книги» [там же. Гл. 4. С. 1а], знатоком буддизма был и его сын Юань-хао, родившийся в начале XI в. [ДДШЛ. Гл. 127. С. 3а]. Тангутские государи стали успешно насаждать буддизм среди своих подданных. Китайские буддийские святыни пользовались у тангутов большим почетом. В 1007 г., когда умерла мать Дэ-мина, он во время похорон просил сунский двор позволить ему сделать подношения десяти храмам в горах Утайшань [СШ. Гл. 485. С. 815]. В 1029 г. Дэ-мин послал сунскому двору 70 лошадей и просил прислать ему буддийские сутры. Китайский двор удовлетворил его просьбу [ССЯЦ. Т. I. С. 2].

Впервые вся «Трипитака» была отпечатана в 972–983 гг. в Сычуани [там же. Т. II. С. XIII]. Возможно, в конце X в. были кайфынские издания «Трипитаки», тридцать один цзюань из которой найден, но исследователи предполагают, что они, вероятно, были отпечатаны с досок, привезенных в столицу из Сычуани [Kenneth Chen, 1951. P. 209]. Таким образом, в 1029 г. тангуты, по-видимому, получили сутры, отпечатанные с досок сычуаньского издания, тем более, что другие издания XI в. в Китае неизвестны [ibid.]. Корейские первое и второе издания XI в. и киданьское издание XI в. были выполнены с китайских сычуаньских образцов [ССЯЦ. Т. II. С. XIV]. Поэтому все тангутские переводы «Трипитаки» в XI в. были сделаны, по всей вероятности, именно с этого китайского издания.

Начиная с 1029 г. на всем протяжении XI в. тангутский двор не раз получал из Китая печатные сутры. Постоянное обращение тангутов к Китаю за каноническими текстами Н. А. Невский объяснял тем, что к этому времени там имелись уже переводы почти всей «Трипитаки» [ТФ. Кн. 1. С. 81].

Нам кажется, что к этому следует добавить и то обстоятельство, что войны тангутов с уйгурами и восточнотибетскими племенами испортили тангутско-тибетские отношения, а это, естественно, препятствовало получению сутр из Тибета. Переводы буддийских текстов с тибетского имели место уже в XII в. В рукописном фонде ЛО ИНА хранится коллекция сутр, переведенных, по определению Н. А. Невского, непосредственно с тибетского [Тангут. фонд. Инв. № 1, 28, 32, 40, 43 и др.]. Сведения о получении тангутами тибетских канонов просто не нашли должного отражения в дошедших до нас источниках.

Наибольшего расцвета в Си Ся буддизм достиг при Юань-хао и его преемниках. В 1034 г. Юань-хао обменял у китайских властей 50 коней на буддийские сутры [ССЦ. Гл. 6. С. 7а]. В 1038 г. большое тангутское посольство посетило храмы в горах Утайшань и совершило там жертвоприношения [там же. С. 17а]. В 1045 г. мы имеем новое сообщение о прибытии в Китай тангутских монахов с целью поблагодарить сунский двор за подаренные Си Ся сутры. К этому времени в Си Ся уже были построены свои монастыри и храмы. Наиболее известным был расположенный близ столицы монастырь Цзетансы.

В 1047 г. в столичном округе был построен монастырь — Гаотай. В нем тангутское правительство собрало все пожалованные китайцами сутры. По сохранившимся описаниям в этом монастыре все статуи богов буддийского пантеона были высотой в несколько десятков чжан[22]. При монастыре жило много уйгурских монахов, которые обрабатывали присланные китайцами сутры и готовили их для перевода на тангутский язык. Одновременно в том же 1047 г. был издан указ, предписывавший всем чиновникам и народу праздновать первый день первого месяца каждого из четырех времен года и в эти дни совершать буддийские обряды и молиться Будде [там же. Гл. 11. С. 9а]. Таким образом, мы имеем прямое свидетельство о насильственном распространении буддизма государством.

Уйгуры сыграли большую роль при распространении буддизма в Си Ся. В 1035 г. Юань-хао завоевал принадлежавшие уйгурам области Ганьчжоу, Су-

[22] При династии Тан (618–907) один чжан был равен 3,11 м.

чжоу, Гуачжоу и Шачжоу. Буддизм был очень широко распространен среди уйгуров. В 982 г. китайский путешественник Ван Янь-дэ писал: «В столице их находится больше 50 храмов, посвященных индийским богам, с библиотекою, содержащею в себе буддийские книги» [Позднеев, 1899. С. 130]. По-видимому, буддийские храмы уйгуров продолжали функционировать и при тангутском управлении, а ученые уйгурские монахи занимались распространением нового учения среди тангутских племен. К. Виттфогель и Фэн Цзя-шэн, не подвергая сомнению китайское происхождение буддизма в Ляо, считают, что позднее к киданям «религиозные элементы проникали от уйгуров и еще позднее от их соседней Си Ся» [Wittfogel, Fêng Ch'ia-shêng, 1949. P. 294].

Со второй половины XI в. буддизм прочно утвердился в тангутском государстве. В 1055 г. тангуты получили очередную партию текстов буддийских канонов из Китая [ССЦ. Гл. 12. С. 109]. Около столицы появился новый монастырь Чэнтяньсы. Эти сутры были отданы на хранение новому монастырю. Представители правящего дома Моцзан и малолетний государь Лян-цзо часто посещали монастырь. Уйгурские монахи усаживались на возвышение и вслух декламировали для них сутры [ССШШ. Гл. 19. С. 11б][23]. Лян-цзо был ревностным буддистом. В 1058 г. тангуты снова послали выкуп за заказанные в Китае сутры. Сутры еще не были отпечатаны, и китайское правительство просило подождать нового 1059 г. [ССЦ. Гл. 12. С. 18б–19а][24]. В 1062 г. тангутский двор опять заказал в Китае сутру. Сунский двор в ответном послании известил государя Си Ся, что приказ отпечатать сутру уже отдан и для этого выделены старинная бумага и краска. Вся работа будет стоить 50 лошадей, и сутра будет отпечатана к 1066 г. [там же. Гл. 13. С. 5б]. В 1067 г. тангутский двор подарил киданьскому двору буддийские реликвии [Wittfogel, Fêng Ch'ia-shêng, 1949. P. 294].

По справедливому, на наш взгляд, мнению Ван Цзин-жу, до конца царствования Лян-цзо (1068 г.) буддийские сутры еще не печатали письмом Си Ся, во всяком случае, в настоящее время такие тексты еще не найдены [ССЯЦ. Т. I. С. 7][25]. В 1072 г. при новом государе Бин-чане тангуты снова получили сутры из Китая [ССЦ. Гл. 15. С. 11б]. Бин-чан вместе со своей матерью сам переводил сутры с китайского на тангутский язык. Современная наука располагает образцами выполненных ими переводов [ССЯЦ. Т. I. С. 283]. Переводами сутр занимался и следующий тангутский государь — Цянь-шунь (1087–1139). Он вместе со своей матерью сделал перевод сутры «Го цюй чжуан янь цзе цянь фо мин цзин» [там же. С. 107]. В тангутской коллекции ЛО ИНА много сутр, переведенных государынями Лян и их сыновьями.

---

[23] В XIV в. от этого монастыря осталась лишь одна ступа [ССЦ. Гл. 12. С. 12а].

[24] При этом упоминается, что стоимость отпечатка одной сутры в обложках была равна стоимости 70 лошадей.

[25] Найденный в китайской части коллекции из Хара-Хото комментарий на сутру «Цзинган цзин», датированный 1016 г., судя по колофону, был отпечатан не в Си Ся. «Отсюда, — считает Л. Н. Меньшиков, занимавшийся китайскими раннепечатными изданиями из Хара-Хото, — можно сделать вывод, что наиболее ранние книги на китайском языке в библиотеке Хара-Хото привезены из Китая и не были отпечатаны в тангутском государстве» [Меньшиков, 1961. С. 144].

Если X в. можно назвать веком проникновения буддизма к тангутам, то XI в. был веком утверждения буддизма в Си Ся. О том, как это утверждение происходило, мы можем косвенным образом узнать из знаменитой тангутско-китайской стелы-билингвы из Лянчжоу, воздвигнутой в 1093–1094 гг. В тексте стелы сообщается, что «учение Будды исповедуется по всей стране» и жители Си Ся «соблюдают внимательно каноны из Индии... [У них] внутренняя вера превзошла ее внешние проявления» [Devéria, 1898. P. 13].

В надписи отмечается отсутствие единства в толковании учения Будды: «Будда покинул землю во времена очень отдаленные; его религии не хватает единства; каждый может чтить его по-своему, но тем не менее среди его адептов нет никого, кто бы глубоко не уважал его» [ibid. P. 10]. Текст надписи свидетельствует о том, что и в Си Ся не было единства между буддийскими сектами (иначе зачем было бы в надписи упоминать об отсутствии единства в толковании учения Будды и оговаривать, что, несмотря на различие точек зрения, все буддисты одинаково чтут Будду), что, на наш взгляд, объясняется различными (тибетско-китайско-уйгурскими) корнями тангутского буддизма.

Но текст стелы свидетельствует о том, что и в конце XI в. часть тангутов продолжала придерживаться старых тангутских верований и не очень-то чтила Будду. Неслучайно авторы надписи с горечью замечали: «Увы! Имеются люди, которые упорствуют во зле и живут в состоянии невежества» [ibid.].

Буддизм в Си Ся бесспорно распространялся в упорной борьбе со старыми народными верованиями, близкими к тибетской религии Бон. Это и нашло отражение в тексте стелы. Но и в XII в. — веке процветания буддизма в Си Ся — тангутские государи воздвигали стелы с обращениями «ко всем духам» и приносили им жертвы.

В 1176 г. была воздвигнута стела, текст которой очень интересен. Приведем его целиком:

> «Заклинание, обращенное ко всем духам реки Хэйшуй.
> Заклинаю всех владык воды и земли, тайных и явных, всех проживающих в верхнем и нижнем течении реки Хэйшуй, в пределах области Чжэньицзюнь. Слушайте, все духи гор, духи вод, духи-драконы, все духи земли. Я, Сяньцзюе шэнгуан пу-са, крайне опечален. На этой реке из года в год внезапно поднимается вода и затопляет людей и скот. Поэтому [я, являя] великое милосердие, возвел этот мост, с тем чтобы все могли ездить по нему туда и обратно и, если есть какое дело, не терпели бедствий во время переправы через реку вброд, а все имели бы счастье спокойно переправляться. Это поистине выгодно для государства и великое благо для народа.
> Я ранее уже лично осмотрел этот мост и одобрил заслуги мудрых и проницательных, возведших его.
> Как и прежде, я лично чистосердечно и искренне принес жертвы вам, всем духам. С этого времени сразу же прекратились наводнения, из чего твердо можно заключить, что все духи остались довольны. Мое самое сокровенное желание и в дальнейшем поддерживать и еще строже оберегать то, что уже достигнуто.

Ныне, еще раз выражая свое удовлетворение и радость, я надеюсь, что все вы, многочисленные духи, станете еще более милосердными, еще более добродетельными по отношению к переправляющимся через реку, удвойте свои божественные силы, с тем чтобы тайно содействовать перевозкам. Можно будет надеяться, что наводнения исчезнут навсегда, дорога через мост будет существовать долго. А это позволит всем, кто имеет какое-либо дело, каждый раз пользоваться ею с выгодой для себя, это будет благоприятствовать моему государству. Разве это не отвечает и вашим желаниям, духи, а также является и моим самым большим желанием: Предостерегаю вас, духи, не нарушайте моего приказа».

[*Ло Фу-и, 1934: С. 21а–21б*]

Таким образом, старые верования продолжали существовать. Они враждовали с буддизмом, но значительная часть их уживалась с ним и даже была включена в буддийский ритуал.

На примере Тибета мы знаем, что ряд бонских божеств почитается ламаизмом. Таковы домашний бог Нанглха (ср. с тангутским духом дома), бог очага Тхаблха, «Владелец фундамента», Шидаг, которого имеет каждый ламаистский храм и которому до сих пор приносятся кровавые жертвы, и др. [Nebesky-Wojkowitz, 1947. S. 36, 53].

Распространение буддизма в Си Ся сопровождалось подавлением и поглощением местных культов, пополнением заимствованными из них обрядами и божествами. Описание одного из таких обрядов мы находим у Марко Поло [Минаев, 1902. С. 74; Кычанов, 1960б]. Поэтому буддизм в Си Ся определенно имел ряд своих специфических черт, обусловленных этими местными верованиями.

XII в. был золотым веком тангутского буддизма. На тангутском языке печатались буддийские произведения; строились новые монастыри. Самым крупным из них был монастырь Вофосы, построенный в 1103 г. По легенде, на месте будущего монастыря по ночам постоянно был виден свет. Когда там произвели раскопки, то нашли три древние опрокинутые буддийские статуи. Статуи были подарены государю Цянь-шуню. Он приказал построить для них монастырь, который и получил имя Вофосы — «Лежащих будд» [ССШШ. Гл. 31. С. 16б–17а]. Палладий Кафаров в своем комментарии на путешествие Марко Поло отождествлял этот монастырь с храмом, виденным Поло в Канпичионе (Ганьчжоу) [Кафаров, 1902. С. 12–13]. Тангуты продолжали получать буддийские каноны из других стран. Так, осенью 1153 г. они просили цзиньский двор прислать им буддийские книги [ЦШ. Гл. 60. С. 390].

К середине XII в., к годам правления государя Жэнь-сяо (1139–1194), были отпечатаны основные буддийские трактаты на тангутском языке. Печатались большей частью отрывки из сутр или отдельные сутры [ССЯЦ. Т. I. С. 7]. Жэнь-сяо не только организовал печатание канонов, но и сам лично редактировал сутры и писал к ним предисловия.

В послесловии к изданной в Си Ся на китайском языке сутре «Фо шо шэн фо му баньжо боломидо цзин» рассказывается, что она была переведена с санскрита (или пали) ланьшаньским шраманой Дэ Хуй по приказу Жэнь-сяо и от-

редактирована самим государем. Перевод выполнялся под покровительством императрицы Чжоу. Сутра после перевода была отпечатана с досок на тангутском и китайском языках тиражом в 20 000 цзюаней и роздана чиновникам и народу. Видным ученым монахам было приказано организовать чтение сутры вслух. Послесловие датировано 1167 г.

Из послесловий к сутрам, изданным в Си Ся, мы узнаем, что сутры часто читались на торжественных религиозных собраниях на трех языках — тангутском, китайском и тибетском. Сутры печатались тиражами в несколько десятков тысяч экземпляров.

Н. А. Невский считал, что в XII в. сами тангутские государи «были, по-видимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора "гуманным царем бодисатвой" и даже "буддой — сыном Неба"» [ТФ. Кн. 1. С. 82]. Н. А. Невский полагал, что на тангутский язык была переведена китайская «Трипитака», если не вся, то большая ее часть [там же]. П. Пельо прямо заявлял, что «Трипитака» на тангутском языке была напечатана полностью. В подтверждение он ссылается на «Юань ши» [цз. 18. С. 4], где рассказывается о покупке в XIII в. «Трипитаки» в Хэси (т. е. бывшем государстве Си Ся) [Pelliot, 1914. P. 20].

В середине XII в. функционировала знаменитая школа тангутских переводчиков сутр в Ланьшане, местности, очевидно, находившейся близ столицы. Она часто упоминается в заставках сутр из Хара-Хото.

Тангуты переводили сутры с китайского, тибетского, санскрита, пали, а также, возможно, уйгурского. Исследуя тангутские фрагменты буддийских произведений, хранящихся в библиотеке Тэнри, один из самых видных знатоков тангутского языка в наши дни Нисида Тацуо отметил, что при переводе тангуты использовали оригиналы на нескольких языках. Так, переводя с тибетского, они постоянно обращались и делали отсылки к китайскому тексту [Нисида Тацуо, 1957. С. 15]. Нам известны имена некоторых монахов-переводчиков из Си Ся, например Чжи Цзи-сянь, Жи Ми, Цзинь Цзун-чи, Жи Чэн [Си Ся и вэнь чжи. С. 2а].

После смерти Жэнь-сяо, по-видимому, большое внимание книгопечатанию уделила одна из его жен — императрица Ло. Под покровительством и на средства государыни Ло издавались буддийские произведения и в последние годы жизни Жэнь-сяо. Большинство из них датировано 1189 г. Большая партия изданий, выпущенных после смерти Жэнь-сяо и в его память, датируется 1195 г. В них, как правило, есть послесловия, повествующие о заслугах и добродетелях покойного государя [Меньшиков, 1961. С. 145].

Так, в послесловии к сутре «Да фан гуан фо хуа янь цзин цу сянь син юань пин» сказано, что вдовствующая императрица Ло скорбит о покойном императоре. В память о нем она распорядилась издать, читать и раздавать сутры, повысить в ранге три тысячи тибетских, тангутских и китайских монахов, освободить от строгих обетов 35 590 монахов, раздать священные знамена, 16 088 связок жемчуга, освободить 52 преступников, провести амнистию в стране, раздать 70 779 баранов и т. д.

Как справедливо отметил Л. Н. Меньшиков, «буддийские тексты, изданные в Тангутском государстве, отличаются некоторыми особенностями, придаю-

щими им особую ценность. Первая из этих особенностей — это то, что все они сопровождаются приложениями, расположенными как в начале, так и в конце сутры. Так, издания "Цзиньган цзин" вначале сопровождаются восемью небольшими (от одной до восьми строк) молениями, которые, очевидно, читались перед тем, как приступали к чтению сутры. Ни одно из этих молений в каталогах не числится и в «Трипитаку» не входит... Издания, осуществленные при участии императрицы Ло, сопровождаются гравюрами, фронтисписами... наличие фронтисписов представляет собой вторую особенность тангутских изданий» [там же. С. 146].

В настоящее время в тангутской части коллекции из Хара-Хото зафиксировано более 350 наименований буддийских сочинений, в китайской части этой же коллекции — 57. В подавляющем большинстве это издания середины и второй половины XII в., переведенные с китайского и тибетского языков [Тангутские рукописи].

Сведения о тангутской буддийской литературе имеются как в европейских, так и китайских статьях и работах, посвященных тангутоведению.

Наряду с переводной в Си Ся возникла и оригинальная тангутская буддийская литература. Образцы ее имеются в Тангутском фонде ЛО ИНА. Тангутские оригинальные произведения были мистического созерцательного или проповеднического характера, и написаны они под сильным тибетским влиянием [ТФ. Кн. 1. С. 83]. Среди этих сочинений можно назвать трактаты «Высочайшая добродетель бездеятельности», «Все добродетели великого милосердного сердца», «Рассуждения о добре и зле» и т. п. [Тангут. фонд ЛО ИНА. № 4116, 5607, 5194, 4361]. Если принять во внимание, что мы располагаем лишь частью монастырской библиотеки одного из рядовых городов Си Ся, то какие литературные богатства должны были храниться в книгохранилищах императорского дворца, столицы и столичных монастырей и храмов!

И после гибели Си Ся его территория оставалась одним из оазисов буддизма. По сведениям юаньского автора Ван Юня, в Хэси большая часть населения области состояла из членов буддийских монашеских братств (сэнчжи) [Сатоси Накадзима, 1937. С. 732]. Монголы, которые стремились использовать буддизм для обуздания подчиненных ими народов, издавали много буддийской литературы, в том числе и на тангутском языке.

Хотя буддизм занимал большое место в духовной жизни тангутского общества и играл ведущую роль в его идеологии, тем не менее на основании сведений, сохранившихся в китайских источниках, можно заключить, что в Си Ся кроме буддизма были распространены поклонение душам предков, даосизм и конфуцианство.

Вряд ли поклонение душам предков первоначально было связано у тангутов с конфуцианским мировоззрением. Скорее оно уходило своими корнями к древнему дансянскому культу небесных духов. Храмы предков и поклонения их душам особенно часто упоминаются в первые десятилетия существования государства. Деды и прадеды Цзи-цяня уже в X в. ввели культ своих предков на территории подвластных им округов [ССЦ. Гл. 1. С. 1а]. Бежавший в полупустынные степи Цзи-цянь собирал вокруг себя старшин, показывал им изображение своего предка И-сина, «при этом все тангуты вставали на колени и пла-

кали» [там же. С. 5б–6а]. В письме к сунскому императору Цзи-цянь писал: «Я оберегаю души умерших предков и забочусь об их могилах» [там же. Гл. 2. С. 6б].

Когда Цзи-цянь овладел городом Сячжоу, его первой заботой было восстановление храма предков [там же. Гл. 3. С. 16а]. В 1003 г. младший брат Цзи-цяня, возражая против перенесения столицы из Сячжоу в Сипинфу (Линчжоу), мотивировал свое возражение тем, что «Иньчжоу и Сячжоу веками управлялись нашими предками и там находятся их души» [там же]. А когда столица была перенесена, младший брат Цзи-цяня Цзи-хуань и полководец Ли Чжи-бо были назначены «надзирать за тем, как строится храм предков» [там же. С. 16б]. Храм предков сразу же был сооружен и в городе Хуайюань (Синцин), куда Дэмин перенес столицу государства [там же. Гл. 5. С. 15б].

Государь Юань-хао почитал старые верования и обычаи тангутов и сам не раз совершал поклонения душам предков. В 1038 г. с этой целью он специально отправился в город Силян [там же. Гл. 6. С. 20а]. В тексте клятвенного договора (1044 г.) Юань-хао писал сунскому двору, что если он или его потомки нарушат этот договор, то «пусть вечно прекратятся жертвоприношения в храме предков тангутских государей, а дети и внуки их будут бедствовать» [СШ. Гл. 485. С. 3787].

Ко времени правления государя Юань-хао относятся и первые сведения о даосизме в Си Ся. Старший сын Юань-хао Нинмин «был красивым и умным человеком, хорошо учился, знал все обряды и был очень мягким и добрым, не любил славы и корысти. Он постоянно проводил время с даосскими монахами в горах Динсяньшань, учился строгому посту и целыми днями бездельничал» [ССЦ. Гл. 8. С. 16а]. Юань-хао был недоволен этим увлечением сына и отстранил его от себя. Нинмин был очень огорчен и напуган. В 1042 г., «обучаясь правилам даосов, он долго не принимал пищи и умер» [там же].

В Си Ся были даосские храмы и даосские монахи, возможно, и из числа самих тангутов. В 1081 г. во время войны с Китаем в городе Линчжоу после эвакуации населения осталось лишь несколько сот буддийских и даосских монахов [там же. Гл. 16. С. 14а, 14б]. Даосские монахи упоминаются и в следующем, 1082 г., когда тангуты начали большое вторжение на китайскую территорию [там же. Гл. 17. С. 6а]. Однако даосизм не мог соперничать с буддизмом и, безусловно, играл подчиненную роль в религиозной жизни страны. Китайское происхождение даосизма в Си Ся не подлежит никакому сомнению. На наш взгляд, даосизм был распространен главным образом среди китайской части населения тангутского государства и был предметом увлечения немногих представителей тангутской знати.

Как уже упоминалось, в середине XII в. в Си Ся официально был введен культ Конфуция. В 1146 г. государь Жэнь-сяо дал Конфуцию почетный титул императора Вэнь-сюань. Во всех областях, округах и уездах было приказано соорудить храмы в честь Конфуция и совершать в них поклонения. Жэнь-сяо, время правления которого было временем наивысшего расцвета тангутского государства, прославился как большой почитатель и последователь идей Конфуция. Конфуцианское учение наиболее широко было распространено в среде ученых людей в Си Ся, и культ Конфуция вряд ли выходил за пределы этого сравнительно узкого круга.

Несомненно, что ни даосизм, ни культ Конфуция не могли соперничать с буддизмом. Единственным его соперником могли быть старые народные верования, о которых, к сожалению, пока мало известно. Поклонение различным духам, верования анимистско-шаманского толка были, по-видимому, очень широко распространены. В составе государственных органов Си Ся мы находим «ведомство по избавлению от демонов». В тангутской коллекции ЛО ИНА много заклинательных и гадательных текстов, среди них такие значительные по объему сочинения, как «Поучение относительно избавления от демонов» [Тангут. фонд. № 815], составленное одним из ланьшаньских монахов. Большого распространения в тангутском государстве достиг культ небесных светил, о чем свидетельствуют тангутские письменные памятники и материалы Эрмитажа. Среди икон из Хара-Хото четко выделяются иконы божеств астрологического культа. Блестящее описание одного из обрядов астрологического культа дал в свое время Н. А. Невский [ТФ. Кн. 1. С. 52–73]. По его заключению, дошедшие до нас астрологические тангутские произведения носят ярко выраженное влияние китайской астрологии [там же. Кн. 2. С. 59].

Астрологические культы, как и многие народные верования бонского толка, тесно переплетались и срастались с буддизмом. Тангутская духовная культура развивалась под решающим воздействием двух идеологий — буддизма и конфуцианства и была буддийской по преимуществу.

Значительный интерес представляет вопрос о существовании в Си Ся христианских общин. Как известно, несториане довольно рано проникли в Китай. В 781 г. была сооружена знаменитая сианьская стела — один из самых выдающихся памятников деятельности христиан в Китае и Центральной Азии [Saeki, 1928][26]. Проникая в Китай, христианство несторианского толка приспособлялось к местным традиционным религиям, таким, как буддизм и культ предков. Из буддизма была позаимствована некоторая терминология при передаче догм христианства на китайском языке. По мнению Н. В. Пигулевской, не исключено, «что священные и литургические книги — во всяком случае, какой-то минимум христианского Канона — должны были быть переведены на тюркские языки. Фрагмент сиро-тюркской рукописи, найденный во время раскопок в Хара-Хото, указывает на то, что такая литература существовала» [История Мар Ябалахи III, 1958. С. 7; Пигулевская, 1940. С. 213].

Были ли христианские колонии в Си Ся до гибели тангутского государства — неизвестно. Но мы твердо знаем, что они были весьма многочисленны после гибели Ся. Около 1278 г. два монаха-несторианца, уйгуры по происхождению, пустились в далекий путь из Пекина к святыням Иерусалима. Когда они достигли города Тангута, то «...услышали жители этого города, что раббан Саума и раббан Маркос пришли, чтобы отправиться дальше в Иерусалим, и они все поспешно вышли им навстречу — мужчины и женщины, молодые и отроки, юноши и дети, ибо весьма горяча вера тангутов и чист их помысел. Они почти-

[26] Полагают, что несториане появились в Китае приблизительно в 505 г. [Holm, 1909. P. 39]. Прибывший в конце XIII в. в Рим несторианский священник раббан Саума рассказывал римским кардиналам: «Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрок и китайцев и проповедовали. Теперь многие монголы христиане...» [История Мар Ябалахи III... 1958. С. 13].

ли их всякими подарками и получили благословения. Их сопровождала толпа, плача и говоря: "Господь наш, который избрал вас для чести служения ему, да будет с вами, Аминь"» [История Мар Ябалахи III, 1958. С. 66–67]. Позднее, когда Маркоса должны были избрать патриархом в далекий Багдад, на выборы приехал и митрополит Тангута [там же. С. 74]. Вместе с некоторыми другими митрополитами он стал интриговать против Маркоса, ставшего уже католикосом Мар Ябалахой, за что и был лишен сана и отставлен от церковного служения [там же. С. 76, 78–79].

После завоевания Си Ся монголами на территории тангутского государства произошли значительные изменения в составе населения. Возможно, что в это время произошел приток в города Тангута христианского населения. Но то обстоятельство, что, как это мы видим из «Истории Мар Ябалаха III и раббан Саумы», христианские колонии в Тангуте были многочисленны и процветали, а этот же источник дает нам сведения о том, что христианские колонии функционировали в Севёрном Китае и до монгольского нашествия (оба паломника были из старых христианских, уйгурских по этнической принадлежности семей), заставляет нас думать, что христианские общины могли быть в тангутском государстве и в период процветания Си Ся. Во всяком случае, это обстоятельство никоим образом не следует упускать из виду при исследовании памятников культуры Си Ся.

ТАНГУТСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Свыше 750 лет назад в сердце Азии, на территории современных провинций КНР Шэньси и Ганьсу, а также автономной области Внутренняя Монголия существовало тангутское государство Великое Ся (982–1227)[1]. Это было государство, населенное тангутами (ми, миняг), тибетцами, уйгурами и китайцами. Тангуты-миняги составляли самую большую по численности и господствующую по своему положению часть населения Великого Ся. Воспринимая лучшие достижения культуры своих соседей — сунского Китая, Тибета, уйгуров, тангуты создали свою самобытную культуру, ставшую неотъемлемой частью культурно-исторического прошлого Центральной Азии. Творческие силы тангутского народа нашли выражение в знаменательном факте создания своей оригинальной письменности, развитии и совершенствовании своей музыкальной культуры, создании своей оригинальной школы буддийской живописи, в расцвете тангутоязычной светской и буддийской литературы.

Благодаря трудам известного русского путешественника по Центральной Азии П. К. Козлова часть памятников тангутской культуры, случайно избежавших гибели в одном из субурганов пограничного города тангутского государства Эдзина (позднейшее монгольское название Хара-Хото), стала достоянием современной науки. Достижения исследователей за последние десять лет [ТФ. Кн. 1–2; Нисида Тацуо, 1964. Т. 1; 1966. Т. 2; Софронов, 1968; Море письмен], в особенности советских ученых, сделали возможным прочтение тангутских рукописей и старопечатных книг (ксилографов).

Тангутская литература даже в той своей незначительной части, в которой она сохранилась, интересна и многообразна. И пожалуй, на наш взгляд, одним из самых любопытных ее образцов является книга тангутских изречений — замечательный памятник тангутской литературы и один из интереснейших памятников центральноазиатского фольклора. Это ксилограф, размером 21,5 × 15 см, сброшюрованный «бабочкой», объемом в 31 лист тангутской пагинации, что соответствует 62 современным страницам. Хранится он в Тангутском фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [Тангут. фонд. Инв. № 765][2].

Судя по предисловию и послесловию, к сожалению, очень плохо сохранившимся, составитель сборника «Изречений» Лян Дэ-ян, чиновник цензората и

[1] Подробно о нем см.: [Кычанов, 1968].

[2] Краткое описание см.: [Тангутские рукописи. С. 59].

преподаватель тангутской Академии, скончался в 1176 г., не завершив своего труда. Только через десять лет после его смерти, в августе 1187 г., другой ученый Ван Жэнь-чи довел до конца начатое Лян Дэ-яном дело и издал сборник под названием «Вновь собранные драгоценные парные изречения».

Н. А. Невский полагал, что основной составитель сборника Лян Дэ-ян, «судя по фамилии и имени», был китайцем [ТФ. Кн. 1. С. 92]. Однако думается, что это не так. Род Лян известен у тангутов с VI в., он был правящим данчанским родом [Бэй ши. Гл. 96. С. 864]. В X в. были известны тангутские (дансянские) роды Большой и Малый Лян [Сун ши. Гл. 491], а в XI в. семья Лян играла большую роль в управлении Тангутским государством [Кычанов, 1968]. Выходцами из этой семьи были три императрицы и два главы правительства. Китайские авторы тех лет, которые много писали о семье Лян как о возможном конкуренте правящей семьи Вэймин в борьбе за тангутский престол, ни разу не называют ее китайской [Тао Ли, 1881. Гл. 407. С. 20а, б]. Думается, что Лян Дэ-ян, который, кстати, упоминается в тангутских памятниках неоднократно [ТФ. Кн. 1. С. 120; Словарь синонимов] и который, судя по всему, был выдающимся представителем тангутской культуры XII в., принадлежал к этой известной и древней семье Лян, т. е. был тангутом, а не китайцем.

Тангутские изречения представляют собой парные фразы, от 3 до 18 знаков в каждой, рифмованные и нерифмованные, со смысловым, морфологическим и синтаксическим параллелизмом и строгим параллелизмом цезуры. Например:

Овец имеющий занимается скотоводством в горных
областях тангутской земли.
Деньги имеющий ищет выгоды в торговле с китайскими купцами.

[*Парные изречения. С. 2а*]

Гнилое мясо не срежешь — язва не заживет.
Занозу из ноги не вытащишь — от хромоты не избавишься.

[*там же. С. 11б*]

Определяя характер тангутских «парных изречений», первый их исследователь Н. А. Невский писал, что «они весьма напоминают наши пословицы» и в них «можно распознать и образцы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость» [ТФ. Кн. 1. С. 91]. То, что подавляющее большинство тангутских изречений, представленных в нашем сборнике, — пословицы, нам также кажется несомненным. Вместе с тем наряду с пословицами в сборнике имеется некоторое количество изречений, которые, возможно, были индивидуально-авторскими или даже специально написанными для данного сборника. К числу таковых могут быть отнесены первое и второе изречения сборника:

Правила вежливости и изящные выражения тангутов неисчерпаемы.
Тангутские изречения говорят [повсеместно?].

[*Парные изречения. С. 2а*][3]

[3] Последние два знака изречения не сохранились.

или

> В золотой башне, в яшмовом дворце Небесный владыка восседает.
> Небесной дорогой, облачным путем солнце [и луна плывут?].
>
> [*там же*]

и некоторые другие.

Такие изречения в какой-те мере можно попытаться сопоставить с китайскими изречениями, известными как ляньцзюй (ляньюй, дуйлянь, инлянь) — «парные изречения». Точнее, их можно сопоставить с одной из разновидностей ляньцзюй. Тематика ляньцзюй чрезвычайно разнообразна — от лирико-пейзажных двустиший[4] до нравоучительных сентенций по любому поводу, но она в целом довольно четко отличается от пословиц, хотя и некоторые из пословиц могли стать ляньцзюй, а отдельные ляньцзюй — войти в пословицу[5]. Лишь немногие тангутские изречения нашего памятника могут быть сопоставлены с ляньцзюй-славословиями типа:

> Императорские добродетели постоянно возвышаются над северными дворцовыми воротами.
> Грозное величие повсеместно озаряет южное небо.
>
> [*Чжоу Ши-дэ*]

Но они не являются характерными для всего сборника в целом. Фактически мы имеем дело со сборником тангутских пословиц[6], с достаточно древним и хорошо датированным памятником центральноазиатского фольклора.

В связи с этим важной проблемой является определение места тангутских пословиц среди аналогичных памятников фольклора народов Центральной Азии.

Наиболее ранним известным нам памятником такого рода являются «Изречения матери Сумпа» — список пословиц из Восточного Тибета, район Сунпань, провинция Сычуань, найденный в Дуньхуане и датируемый их издателем и переводчиком Ф. В. Томасом приблизительно IX–X вв. [Thomas, 1957. P. 108]. «Изречения матери Сумпа», которые Ф. В. Томас также определяет как пословицы [ibid. P. 103], сохранились в тибетском переводе, но, по словам Томаса, «оригинальный язык Сумпа не мог быть тибетским» [ibid. P. 106], а являлся тибето-бирманским языком района Сунпань. Следует отметить, что тангуты Си Ся были выходцами именно из этого района и переселились на территорию

[4] Образцы лирических ляньцзюй, правда не китайских, а корейских, абсолютно аналогичных китайским [см.: Пэкрён чхохэ].

[5] Исследование связи тангутских изречений с китайскими ляньцзюй не входит непосредственно в нашу задачу. Отметим только, что не исключено, что именно тангутско-тибетские парные изречения могли, возможно, оказать влияние на появление жанра ляньцзюй в китайской литературе. По мнению некоторых китайских авторов, этот жанр как самостоятельный появился в Китае в X в., в период Пяти династий [см.: Лю Линь-шэн, 1936–1937. С. 145] и впервые в Шу, в Сычуани, т. е. области, непосредственно соприкасавшейся с Восточным Тибетом [см.: Цюй Ин-шэн, 1932. С. 1а].

[6] Пословицу в данном случае мы понимаем так, как трактуют ее последние советские исследования. См.: [Аникин, 1961. С. 8].

Ордоса в VII и VIII вв. [Ямато Сумико. Т. 26–27; Окадзаки Сэйро, 1947. Т. I; Кычанов, 1961а. С. 148–160]. Поэтому «Изречения матери Сумпа» — в известной мере прямой предшественник тангутских изречений[7], а тот факт, что они древнее нашего памятника приблизительно на три века, свидетельствует о распространенности этого жанра среди племен Восточного Тибета и его популярности за пределами этого района (тибетский перевод памятника был найден в Дуньхуане).

Пословицы из сборника «Изречения матери Сумпа», как и тангутские пословицы, построены по принципу параллелизма, что хорошо заметно даже в их тибетском переводе. Помимо сходства формы, сходна во многом и тематика пословиц, особенно тех, которые посвящены нравоучениям о почитании родителей, воспитании детей и т. п. Например:

Сын мудрее отца — огонь, пущенный на луговину,
Сын хуже отца — кровь, разбавленная водой.

«Изречения матери Сумпа» [*Thomas, 1957. P. 109*]

Доблестный сын возмужал — скалы опасные преодолеет,
Слабый сын вырос — за ворота (выйти боится).

[*Парные изречения. С. 4б*]

Оба сборника подчеркивают практический характер изречений как сокровищницы житейской мудрости. В предисловии к тангутскому сборнику говорится, что Лян Дэ-ян «разыскал изящные изречения, касающиеся ведения разного рода дел», а в заключительной части «Изречений матери Сумпа» прямо дается совет: «...а посему усвой наставления мудрой, доброй матери, тесно связанные с успехами в жизни» [Thomas, 1957. P. 111].

Таким образом, сопоставляя эти сборники, мы можем заключить, что истоки тангутских изречений так же древни, как история самого тангутского народа. Корни их мы находим в тех же районах, выходцами из которых были и сами тангуты.

Тангутские пословицы имеют сходство с пословицами многих народов Центральной Азии. Сопоставления показывают, что по своей форме и во многом по характеру образов тангутские пословицы близки тибетским, монгольским, бурятским, калмыцким, маньчжурским, тувинским, шорским и в какой-то их части, уйгурским, киргизским, казахским, китайским, якутским пословицам. Те особенности формы, которые являются характерными для тангутских пословиц того типа, который зафиксирован в нашем сборнике, очень широко представлены в пословицах народов Центральной Азии или даже являются, по-видимому, господствующей формой пословицы у отдельных народов. Мы, по всей видимости, имеем дело именно с центральноазиатским комплексом. Поэтому, может быть, есть некоторые основания поставить вопрос о выявлении одного из типов древ-

[7] Возможно, что и «Изречения матери Сумпа» и тангутские изречения были в своем далеком прошлом как-то связаны с древнеиндийскими субхашита — «изящными изречениями», частично схожими с ними по форме и также фольклорными в своей основе. Субхашита проникли в буддийскую литературу и благодаря последней могли получить распространение в Тибете и Центральной Азии. О субхашита см.: [Winternitz, 1920. S. 133–155].

ней центральноазиатской пословицы, хотя, разумеется, вскрытие причин сходства в определенном типе пословиц у указанных народов потребует больших и специальных исследований. Пока можно было бы отметить такие факторы, как взаимное влияние, связанное с территориальной близостью этих народов, и общие условия жизни, выражающиеся прежде всего в ведении скотоводческого хозяйства. Это порождало появление в пословицах близких образов, например:

Позже родившиеся рога перерастают ранее родившиеся уши.

(*Баитская пословица*) [*Бурдуков, 1910. С. 1–6*]

Уму непостижимо, чтобы сын был более достойным, чем отец.
Глазам своим не веришь, чтобы уши были длиннее, чем рога.

(*Тангутская пословица*) [*Парные изречения. С. 14а*]

Можно указать и на прямое совпадение пословиц:

Обеднел человек — и желания его ограничены, и руки короче прежнего,
Одряхлела лошадь — и шерсть у нее длинная, и корму ей не дают.

(*Тангутская пословица*) [*там же. С. 2б*]

У худой лошади шерсть длинная,
У нерадивого человека ум короткий.

(*Маньчжурская пословица*)
[*Chrestomatie Mandchou*]

Когда человек беден, так ум короток,
Когда лошадь похудеет, так волосы у нее длинные.

(*Китайская пословица*) [*Васильев, 1883. С. 2*]

Для всех центральноазиатских пословиц характерно использование образов, порожденных практикой скотоводческого хозяйства, определенных типов сопоставлений, например человека и лошади:

Если на лошади округи не объедешь — не годится она для верховой езды,
Если скота не сосчитать — хозяин только им и занимается.

(*Тангутская пословица*) [*Парные изречения. С. 11а*]

Кони узнают друг друга по ржанию,
Люди знакомятся, разговаривая друг с другом.

(*Шорская пословица*) [*Дыренкова, 1940. С. 349*]

Задатки хорошего человека с детства видны.
Задатки богатырского коня с жеребенка видны.

(*Бурятская пословица*) [*Шаракшинова, 1959. С. 68*]

Виноватый человек оглядывается,
Шелудивая лошадь хвостом обмахивается.
(*Монгольская пословица*) [*Аникин, 1961. С. 387*]

Приведенные примеры — не свидетельство случайных совпадений или заимствований. Это отражение реальных условий жизни и быта целой группы народов Центральной Азии, закрепленное в пословицах, ибо, как отмечал А. М. Горький, «пословицы и поговорки образцово формируют весь социально-исторический опыт трудового народа» [Горький, 1953. С. 493].

Тангутские пословицы — важный источник изучения всех сторон жизни тангутского государства. Уже из цитированных выше пословиц хорошо видна главенствующая роль скотоводческого хозяйства в экономике тангутов. Она подчеркивается и особой пословицей, в которой скотоводство названо первым среди трех основных видов хозяйственной деятельности:

Три светлых начала имеются в мире: скотоводство и
земледелие — два и торговля — это три.
Три темных начала не должны бы оставаться, да есть:
разбой и ложь — два и распутство — это три.
[*Парные изречения. С. 29а*]

Многие пословицы свидетельствуют о социальном неравенстве в тангутском государстве:

У знатного перед входом в дом люди жестокосердные стоят,
У богача во дворе злая собака живет.
[*там же. С. 4б*]

К знатному в кабалу попал — дни считаешь,
В стужу попал — ждешь теплой погоды.
[*там же. С. 5а*]

В пурпурные одежды одетому — все кланяются,
По сравнению с тем, кто сел первым, остальные ниже садятся.
[*там же. С. 3а*]

Из китайских источников известно, что знатные тангутские чиновники носили одежды пурпурного (фиолетового) цвета [Сун ши. Гл. 485. С. 3786].

Изучение художественных особенностей тангутских пословиц должно вестись в сопоставлении со всем центральноазиатским комплексом пословиц. Мы можем указать на тот факт, что, как и в пословицах других народов Центральной Азии, смысловой параллелизм в тангутских пословицах основывался на принципах (по классификации Д. Д. Елисеева) [Пэкрён чхохэ. С. 11]:

а) усиления:

Пусть лучше я буду съеден тигром в горах, чем лисицей в низине.
Уж лучше я буду плакать вместе с человеком достойным,
чем радоваться вместе с подлецом.
[*Парные изречения. С. 20б*]

б) сравнения:

Камень в рисе хоть сто лет вари — каши не сваришь,
Со злобой в сердце хоть десять тысяч дел переделай —
толку не добьешься.

[*там же. С. 19б*]

в) противопоставления:

Птицы с доблестным сердцем, мясом питающиеся,
располагаясь на отдых, отдельно друг от друга сидят,
Птицы с робким сердцем, грязью питающиеся, улетая,
в стаи собираются.

[*там же. С. 17б*]

г) повтора:

Пятый месяц, как верблюд, состарится и упадет,
Десятый месяц, как олень, скроется и уйдет.

[*там же. С. 16б*]

Когда смысл обоих стихов пословичного двустишия одинаков, то усиливать, оттенять уже выраженную мысль может как первый, так и второй стих. В пословице:

Травы зеленеют и травы увядают — увядают год за годом,
Молодые умирают и старятся — старятся поколение за поколением.

[*там же. С. 4б*]

Основную мысль пословицы — быстротечность жизни, неизбежность смерти каждого — выражает второй стих, а первый служит как бы зачином. Но иногда и, наоборот, второй стих может усиливать, еще раз повторять мысль, уже высказанную ранее в первом стихе:

Река ото льда освободилась, а душа не оттаяла,
На земле все цветет, а на душе по-прежнему холод.

[*там же. С. 10а*]

Ряд пословиц построен в форме вопроса:

Если даже от участия в войне уклонился, разве будешь
жить вечно?
Если даже будешь скаредничать, разве скот не исчерпается?

[*там же. С. 14а*]

Другие — категорического отрицания:

Мрак со светом быть вместе не могут,
Слабый с сильным дружить не в состоянии.

[*там же. С. 4б*]

В пословицах чрезвычайно широко использованы тонкие наблюдения над жизнью животных. Они вводят нас в реальный мир тангута-скотовода со всеми его радостями и горестями, они — подлинная сокровищница народной мудрости, накапливаемой столетиями и благодаря трудам Лян Дэ-яна и Ван Жэньчи дошедшей до нас сквозь века. Любопытно, что в пословицах совершенно отсутствуют буддийские и конфуцианские мотивы.

О популярности пословиц среди самих тангутов говорит уже тот факт, что они были специально изданы ксилографическим способом, т. е. имели своего широкого читателя. Известен и рукописный список тангутских пословиц, аналогичный нашему[8]. Сам факт собирания и систематизации пословиц свидетельствует о высоком уровне тангутской культуры.

Мы сделали попытку ознакомить читателя лишь с первыми результатами работы над этим интереснейшим памятником. Издание полного перевода «Вновь собранных драгоценных парных изречений» и их дальнейшее исследование, думается, будут полезны для изучения фольклора народов Центральной Азии.

[8] Рукописный свиток с текстом тангутских пословиц хранится в Британском музее. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность бывшему хранителю музея Э. Д. Гринстеду за присланные копии этих текстов.

«СОБРАНИЕ СЛОВ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ ОТ ОДНОГО К ДРУГОМУ В ТРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ» — УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КНИГОПЕЧАТАНИЯ ПОДВИЖНЫМ ШРИФТОМ

1. ТЕКСТ

Зарегистрированная под инв. № 4166 печатная книга на тангутском языке «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» давно привлекает внимание тангутоведов.

Сочинение, вероятно, впервые упоминается в списке книг на языке Си Ся, составленном А. А. Драгуновым, и помечено Ван Цзин-жу как сочинение, содержание которого «не установлено» [Dragunov, 1932; Го ли, 1932. С. 376, 382].

Книга по непонятным причинам не была занесена в инвентарь Н. А. Невским, а после 1937 г. и А. А. Драгуновым. Эта работа выпала позже на делавшего тогда только первые шаги в тангутоведении автора этих строк, который передал название сочинения в подстановке китайских знаков под тангутские как «Сань ши шу мин янь цзи вэнь», а по-русски как «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям» с аннотацией «Сборник тангутских литературных произведений в стихах и прозе, преимущественно религиозно-нравоучительного содержания, иногда с краткими толкованиями». Были названы имена составителей текста монахов Хуй Мин и Дао Хуй и имя резчика досок для печати как Ян Цзинь ошибочно, без указанной в колофоне его фамилии Чэнь [Тангутские рукописи. С. 54–55]. Под этим названием книга не раз упоминалась разными авторами, пока в 2000 г. китайский специалист по изуче-

нию Си Ся проф. Ши Цзинь-бо не представил несколько уточненный перевод названия книги «Сань дай сян чжао янь вэнь цзи», который и я принимаю на данный момент и передаю по-русски как «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» [Ши Цзинь-бо, 2000. С. 56].

Книга оказалась замечательна тем, что в ее колофоне, что не сразу было понято, четко указано, что она была отпечатана набором, подвижным шрифтом. Ниже я позволю себе остановиться на двух моментах — на характеристике содержания книги в самой общей форме и на способе ее напечатания.

Для начала позволю себе предоставить читателю полный перевод колофона:

«Мы, недостойные, слышали: в глубокой древности слова добродетели были раскрыты в сутрах Будды, в большом числе разошедшихся по вселенной. Были собраны чаньские песнопения, наставления восьми категорий[1]. В данном случае мы говорим о представлении книги [чаньских песнопений] одной категории [одного вида, жанра]. Мы всей душой [всем сердцем] следуя заветам предков, [как] ветки, влекомые течением, достигли песков[2], чтобы передавать от одного к другому лампу [Учения] с тем, чтобы не исчерпались прекрасные слова и распустились цветы [истинного знания]. Среди прочих книг нет подобной этой. Ныне в собственном государстве (Великом Ся. — *Е. К.*) немало своих процветающих семей, три поколения [последователей чань] с блеском передают путь от одного [поколения] к другому, дожди Учения, проливающиеся из облаков, распространились на четыре моря[3]. Два Высокочтимых будды — [будда Шакьямуни и будда Амида] помогают друг другу, и шум ветра Учения слышен в восьми направлениях[4]. Мы, ничтожные, и другие участвуем в собраниях [последователей] прекрасного Учения, знаем разные дела и о [разных делах] слышали, драгоценных гор достигли и с пустыми руками не возвращаемся. В изложенных текстах [мы], почтенный друг Хуй Мин и странствующий монах Дао Хуй по обету глубокое и важное записали. От недавних и нынешних знающих истину учителей прежние наставления, которые имелись, полностью собрали, чтобы усердно передать другим, и по пятидесяти разделам составили. Их [тексты] много раз проверяли с учителями, последовательно установили места, требующие поправок [комментариев]. Когда основных текстов недоставало, то в разделах "рука [наставлений древности]" — шесть песен, "нынешние указания" — три раздела, "от себя" — тринадцать, пользовались другими [текстами]. Внутренние (знак испорчен) двадцать (?) и "внешние запреты" — шесть [лакуна] — все также защищены от людских упреков [лакуна] и истинны. Среди этих [представленных здесь текстов] недостает только тех, до которых не дошли [наши] глаза и сердца [лакуна]. [Эти тексты] знающие люди соберут и передадут в другое время, и (они) будут востребованы полностью.

Совершив это доброе дело, единственно желаем, чтобы жить долго-долго со всеми добрыми друзьями, а там, где получим [новое] рождение, встретить

[1] Восемь категорий (видов, жанров) чаньских песнопений.

[2] Территории Си Ся, песков Ордоса и Алашаня.

[3] Всю Поднебесную, всю вселенную.

[4] Т. е. повсюду.

добродетельных учителей и стать сосудами-вместилищами истинной дхармы. Книга веры должна быть полной, истины, которых придерживались деды, должны светить ярким светом. Кроме того, желаем, чтобы нынешний, следующий истине император воспринял престол будды, все великие князья и высшие чиновники искренне достигли колесницы Учения, государство и народ избавились от всего дурного, ложного, стремились к добродетели и получили [пере]рождения в пределах Учения. [Чтобы] покинувшие семьи [монахи] процветали, чтобы все-все откликнулись на призыв и все вместе встали на путь [Учения] Будды.

Чистой веры заказчик, родственник государя Хуй (Мин)
Чистой веры созаказчик Ша Дао Хуй
Тот, кто сделал новые знаки для набора текста, Чэнь Цзи-цзинь».

Обратимся к началу книги. После заглавия текст ее открывается благопожеланием:

«[У] предков, вверивших себя [Учению] Будды,
[У] всех основоположников-наставников
Мы слов истины
С их внешним (буквально "макушечным") и внутренним смыслом просим,
[Чтобы] мы вечно желанными в соответствии с кармой
Семенами пути стали.
И в число тех, кто следуют истинной, добродетельной дхарме,
Смогли войти!»

Следующие два стиха — «Гата об обителях и пути сынов Шакьямуни Белого облака» и «Песнь о совершенном знании великих наставников Белого облака» — ясно указывают на принадлежность текстов к буддийскому учению Чань (дхьяна), школе Белого облака. Школа Белого облака (Бай юнь) как раз возникла во времена существования тангутского государства Ся и являлась ответвлением учения Белого лотоса [Ter Haar Brend, 1992]. Основателями школы считаются Мао Цзы-юань (1086/88–1160) и Кун Цин-цзюе (1043–1121). Название свое школа получила от монастыря Белое облако, хотя оба основателя начинали свою проповедь в небольших монастырях. Последователи школы именовались еще Бай юнь цай — Вегетарианцы Белого облака. Специалисты полагают, что школа Белого облака была прежде всего ориентирована на мирян, верующих буддистов из числа образованных чиновников. Буддизм становился как раз частью китайской образованности. Позже патронажем Белого облака и Белого лотоса в 1296–1308 гг. в городе Ханчжоу был издан буддийский канон [Buddism in the Sung, 1999. P. 506].

Нарастает контроль государства за деятельностью буддийских общин. Наставник Цзун Нин (919–1001) выступил с обоснованием необходимости такого контроля. По его мысли, император как бесспорный глава китайского государства и китайского общества является и главным законным контролером всей деятельности буддистов. Буддизм полезен императору для ведения дел страны.

Каждая из трех главных китайских религий (каждое из главных учений) — буддизм, конфуцианство и даосизм — занимает свое место в функционировании государства. Поэтому долг императора следить за деятельностью этих трех религий и направлять эту деятельность в интересах государства [ibid., 1999. P. 38].

Исследователи полагают, что традиция школы Чань во многом продукт времени правления в Китае династии Сун, а не более ранней Тан. Российский буддолог Е. А. Торчинов писал, что «процесс институциализации Чань завершается в XI–XII вв.» [Торчинов, 2000. С. 196]. В настоящее время имеются переводы чаньских текстов на русский язык, однако среди таковых нет переводов чаньских песнопений (стихотворных текстов) [Линь-цзи лу, 2001; Буддизм в переводах, 1992. С. 35–128; 1993. С. 88–99; Чаньские истины, 1998].

Что касается рекомендуемого читателю текста, то хотя он и не датирован, его можно отнести к XII в. или даже к концу XII — началу XIII в., учитывая публикацию его набором. Тангутский язык текста бесспорно относит его принадлежность к тангутскому государству Си Ся или Великое Ся (982–1227), тем более что в тексте есть ода с упоминанием государства Ся. Наличие этой оды и отсутствие упоминания имен переводчиков заставляет даже думать о вероятности изначального составления этих стихов на тангутском языке, хотя бы части таковых.

В свое время автор этих строк опубликовал перевод оды из этого сборника, которая посвящена государству Ся [Кычанов, 1968. С. 277–278]. Учитывая состояние изученности тангутского языка тех лет, это скорее был эмоциональный пересказ приблизительного содержания оды. Позволю себе предложить новый перевод:

ОДА СЛАВНОМУ ДОМУ И СОБСТВЕННОМУ ПУТИ ГОСУДАРСТВА СЯ

Одержаны великие победы,
Надежен свой авторитет.
Нет на чужих глазах бельма,
То, что достигнуто, открыто и ясно!
Корень рода государей не прерывается,
Сыновья потомки наследуют друг другу,
Молва о славном доме [государей]
Вознеслась и подобна павлину.
[Если] летнее солнце докучает жарой,
Где найти прохладу?
Снег лежит в горных ущельях,
В горах найдешь прохладу.
Разве лунный свет
Виден оттого, что небо темное?
И разве только после того,
Как из белых облаков выпал снег,
Становится очевидным, где границы [страны]?

Темные облака летят в пустоте,
Чисто дыханье луны,
Тонкие [шелковистые] травы
[Как] птица феникс и львята.
В одиночку идешь по горным лесам,
На просторах [слышен] рев [оленей].
А затем обнаружишь барсов, тигров и зеленых драконов!
Два человека идут,
Медленно ступают один за другим,
И на двух ногах идучи, падают,
Там, где и одну [ногу] негде поставить.
Это время, когда начинаются осенние дожди
И снег в ущельях изнутри птичьи гнезда засыпал!

Ода, безусловно, не перевод с китайского. Хотя и сдержанно, в ней восхваляется славный правящий дом императоров Нгвеми, трон в котором переходит от отца к сыну, и собственный путь государства Ся. Одержаны победы, это признано и соседями, нет больше бельма непризнания на их глазах. Описание природы страны определенно содержит намеки в духе Чань, луна (читай — государство Ся) ярко светит не потому, что небо темное, а сама по своей сущности, природе. И границы страны определяет не только выпавший из облаков снег, отделивший белое от черного. Белые облака — явный намек на учение Чань школы Белого облака и выпадающий из этих облаков снег — это распространение учения, и он тоже отнюдь не определяет границ влияния Чань. Феникс — знак счастливого предзнаменования, лев — символ могущества и один из эпитетов Будды. Зеленый (черный) дракон тоже счастливое предзнаменование, а тигр и барс символизируют силу и храбрость людей и их страны. Явные иносказания и последние строки оды — под двумя медленно идущими людьми можно понимать соседей — киданей и Китай (если это так, то это относит текст оды к началу XII в.), из другого тангутского текста «Крупинки золота на ладони» мы знаем, что именно «кидани ступают медленным шагом» [ТФ. Кн. 1. С. 81]. Их время — время упадка, время осенних дождей и первых снегопадов в горах. Снег проник внутрь их гнезда, т. е. упадок коснулся самого сокровенного.

Изучая на тексте этого памятника рифмованную поэзию на тангутском языке, Аракава Синтаро перевел некоторые оды на японский язык. Это «Человек, который следует пути воды и обретает знание» (с. 7б–8а оригинала) и «Песни боли и тоски. Предостережение против тайных стрел» (с. 34а–38б) [Shintaro Arakawa, 2001. P. 211–221]. Ниже автор тоже предлагает читателю для иллюстрации характера текста памятника несколько своих переводов:

ПЕСНЯ

Учитель есть [или] Учителя нет?
[Если] нет Учителя, [то] откуда знания?
А если есть знания, [но] нет Учителя,
Кто Учителя знает?

[*там же. С. 3б*]

Любопытны также «Двенадцать рекомендаций о том, как предостеречь самого себя тому, кто следует по пути Учения»:

1. Согласуй свои действия с тремя достоинствами: почитанием родителей, уважительным отношением к друзьям, соблюдением молчания и чудесного закона [саддхармы].
   Полностью отрешись от преступных действий и неправедных поступков окружающего тебя с четырех сторон мира.

2. Открыть ворота и закрыть ворота:
   Следует навечно закрыть ворота всем дурным намерениям.
   Следует распахнуть ворота вступлению на путь делающего добро бодхисатвы.

3. Находясь в пути на рынке и дома:
   Не позволяй языку оскорблять других, сеять смуту и призывать к мятежу.
   В отличие от других соблюдай тишину, познай тихий досуг и молчание.

4. И на пути Учения и дома блюди себя:
   Во всем не знай досуга, навсегда оставь семью,
   Не причиняй другим вреда, не добивайся заслуг,
   В каждом деле блюди свое, особое!

5. От порога дома уходи на большие дела:
   Стремись только к самому важному — заботе о пути и пользе бодхисатвы.
   Сторонись мирских дел, даже не говори о них.

6. Покинь порог дома.
   Не задерживайся даже на миг, в одиночестве покинь порог родного дома,
   От всего сердца десять тысяч дел свершая, не сможешь [лакуна]

7. От порога дома уйди в ночь:
   В полночь, под покровом ночи ищи свет вдали,
   Только прилагая все силы к постижению пути [Учения]
   Никогда не будешь одинок.

8. Жену имея, из дома уходи.
   И тремя зеркалами внутреннего света не подавить,
   [Если] три пути саддхармы [контроль над телом, речью и мышлением] приобретешь!

9. Жену имея, домой приходи
   Праведную жизнь пять сторон [5 дхяни будда пяти регионов] освещают
   Пять частей дхармакайя[5] в паре процветают

[5] Панча дхармакайя — пять атрибутов дхармакайя или духовного тела Татхагата — он выше всех моральных установок, спокоен и свободен от всех заблуждений, мудр и всезнающ.

10. Отрешись от всех мирских дел
Опираясь на три[6] Цзиньган ван
Мирские несчастья и беды уничтожает.
Когда полагаешься только на себя,
Прилагаешь все силы к тому, чтобы следовать пути Учения,
То в поселениях не находишься.

11. Мирские домашние дела:
Соблюдай тишину и молчание,
Как будто находишься в тюрьме.
Навечно отрешись от всех мирских докук и печалей!

12. Правила жизни приходящих и приезжающих:
Там, где грязно, как в грязной комнате, не живи.
Всегда будь чист душой [сердцем],
Других ложных [учений] не придерживайся.

[*там же. С. 38а–39б*]

Приведенные выше в качестве примера три разных по характеру текста в какой-то мере характеризуют содержание памятника. Но можно с уверенностью сказать, что эта книга важный и перспективный источник для исследования бытования буддизма школы Чань в тангутском государстве.

ИЗДАНИЕ

Книга, о которой мы ведем речь, одна из немногих в собрании СПб ИВ РАН, в колофоне которой, как мы видели ранее, четко указано на то, что она была отпечатана «живыми знаками», «подвижным шрифтом», т. е. набором. Проф. Ши Цзинь-бо полагает, что эта книга и другие тангутские книги, отпечатанные подвижным шрифтом, «самые древние образцы печати подвижным шрифтом в мире, сохранившиеся до наших дней» [Ши Цзинь-бо, 1997. С. 22].

Общеизвестно, что книгопечатание появилось в Китае. Однако не сохранилось никаких сведений о месте появления книгопечатания и о возможных лицах, с именами которых это великое изобретение связано. К X в. в Китае было достаточно широко распространено производство бумаги, в основном из тряпичной массы с добавлением различных растительных волокон [Лю Жэнь-гуань, Ху Юй-си,1976. С. 78]. В XII в. в тангутском государстве производили бумажные листы шириной до 30–35 см и длиной от 45 до 75 см. Согласно анализу 1964 г., произведенному во Всесоюзном институте бумажной промышленности, сырьем для производства бумаги в основном служили «хлопчатобумажная тряпичная полумасса», «льняная полумасса» и пеньковое волокно. Тушь в Китае изготовляли из ламповой сажи с добавлением камеди (вишневой смолы).

[6] Три силы (сань ли): личную, Татхагаты и внутреннюю природу Будды.

При наличии таких исходных материалов появилась ксилография — печатание текста с доски, на которой он был вырезан в зеркальном отражении. Судя по находкам и сохранившимся текстам с упоминанием о печатных изданиях, книгопечатание появилось на западе Китая, вероятно, в провинции Сычуань, в IX в. [Pelliot, 1953. P. 40–41]. 10 мая 868 г. датирована первая известная пока науке книга, отпечатанная способом ксилографии, — «Алмазная сутра». Это свиток длиной 4 м 80 см при ширине 24,4 см, отпечатанный с шести досок на семи листах бумаги (найден в 1900 г. А. Стейном) [Carter, 1955. P. 60]. В X–XIII вв. при правлении в Китае династии Сун печатание книг способом ксилографии достигло своего расцвета [Флуг, 1953] и стало успешно вытеснять рукописную книгу, хотя и, как во многих странах мира, рукописная книга и печатная книга достаточно долго сосуществовали. Указывая на особенность развития книгопечатания в Китае, К. К. Флуг писал: «Согласно западноевропейским понятиям, ксилография, или печатание при помощи деревянных досок, представляло собой не более чем предварительный этап в развитии книгопечатания, подготовивший почву для изобретения подлинного искусства книгопечатания при помощи подвижного шрифта. В Китае же, напротив, книгопечатание при помощи досок с момента его появления пользовалось вплоть до последнего времени преимущественным значением, между тем как подвижный шрифт, в особенности первое время, как некоторое не имеющее большого практического значения нововведение» [там же. С. 57]. Ниже мы попытаемся ответить на вопросы, почему это было так, почему печатание подвижным шрифтом имело успех не собственно в Китае, а у тангутов и уйгуров и почему понадобилось почти два с половиной века, пока оно попало в Европу?

Как раз имя изобретателя печатания книг набором известно — это был некто Би Шэн, и его изобретение датировано девизом правления Цин-ли (1041–1048). Би Шэн изготовил наборные знаки (шрифт) из глины, подвергал их обжигу. Наборной кассой служило приспособление, представлявшее собой железную доску, смазанную смесью из сосновой смолы, воска и бумажного пепла, на которую накладывалась железная рамка для разделения строк. Такая рамка заполнялась глиняными литерами, образуя сплошную доску для печатания — матрицу [там же. С. 60–61]. Затем он матрицу разогревал и покрывал сверху гладкой доской для выравнивания ее поверхности. Такой способ печатания давал эффект тогда, когда отпечатывались большие тиражи в несколько тысяч экземпляров книг и более. Для каждого знака изготовлялась отдельная литера, но знаков наиболее употребительных, служебных слов и т. п. делалось до двадцати и более. Наборной кассой служили деревянные ящики, в которых знаки размещались по рифмам, каждая рифма фиксировалась в наборной кассе бумажным ярлыком. Знаки, которых в наборной кассе не оказывалось, срочно изготовляли прямо на месте. Почему Би Шэн предпочел делать знаки из глины, а не из дерева, объяснялось тем, что деревянные литеры от влаги разбухали и поверхность наборного текста становилась неровной. Кроме того, деревянные литеры прилипали к матрице, а глина нет. Могила Би Шэна сохраняется до сих пор в уезде Иншань провинции Хубэй. В надгробной надписи, в частности, говорится:

Хуайнаньский старец в холщовой одежде
Совершенномудрый господин Би Шэн...
Выделив один знак,
Понял, что он стоит десяти тысяч,
Вырезал знаки, расположил их в два ряда,
Это и есть сунское книгопечатание!

[*Ши Цзинь-бо, 2000. С. 16*]

На данный момент пока не найдено ни одного текста на китайском языке, бесспорно отпечатанного подвижным шрифтом (набором), об этом есть лишь упоминания в литературе [там же]. В написанной в 1298 г. книге Ван Чжэна «Нун шу» (Книга сельского хозяйства) есть раздел о способе печатания книг набором[7]. В этом тексте дополнительно поясняется, что наборные кассы располагали на вращающемся круге. Однако таких круга было два, отдельный круг использовался для наиболее часто употребляемых знаков. Работало два наборщика — один доставал нужную литеру, второй помещал ее в наборную кассу. Тушь наносили щеткой вдоль строк, после наложения бумаги отпечатки также получали с помощью щетки, которой проводили вдоль строк.

Итак, первый вопрос: почему книгопечатание набором не получило распространения в самом Китае? Причина в китайской иероглифической письменности. В «Большом китайско-русском словаре» содержится более 15 500 знаков. Исторически реально их не менее чем в два раза больше, даже при выделении части наиболее употребляемых знаков, наборные кассы были слишком громоздки. Матрицы с набранным текстом тоже не могли долго сохраняться. Поэтому печать с досок способом ксилографии все-таки оказалась удобнее. Доски хранились десятки, а то и сотни лет, и текст можно было обновлять в нужное время. Именно поэтому ксилография дожила в Китае до XX в. Исключительно китайским влиянием следует объяснить и то, что книги способом ксилографии печатали на тибетском и монгольском языках, тем более что такие издания нередко осуществлялись и в Китае. В данном случае решающим фактором оказалась не целесообразность, а культурное влияние. Ниже на примере уйгурского книгопечатания мы можем убедиться в том, что и тибетцы, и монголы вполне могли печатать свои книги набором.

Почему книгопечатание набором нашло свое применение в тангутском государстве Си Ся? Прежде всего потому, что число тангутских письменных знаков было значительно меньше китайских, где-то около 6500, в широком употреблении и меньше этого, что и сделало печатание набором более приемлемым, хотя тангуты очень много книг печатали и способом ксилографии.

Готовя к публикации «Каталог тангутских буддийских памятников», автор этих строк писал: «Печатание подвижным шрифтом, вероятно, стало утверждаться в Си Ся во второй половине XII — начале XIII в., так как до этого есть только упоминания о государственном управлении печатанием книг способом ксилографии, например в кодексе Си Ся» [Каталог, 1999. С. 23]. В нашем собрании нет ни одного датированного отпечатанного набором текста, кроме

[7] Полный перевод этого текста см.: [Флуг, 1953. С. 64–68].

«Собрания слов...», которому посвящена эта статья. В рукописном тексте, датированном 17 июня — 17 июля 1216 г., в пространном колофоне упоминается должностное лицо, ведавшее печатанием книг набором: «Просмотрел текст для императора направляющий-столоначальник печатания книг подвижным шрифтом, начальник мастерской Вон Тву-мбиу» (вероятно, китаец Ван Чжун-цзинь) [там же. С. 491–492].

Проф. Ши Цзинь-бо также считает, что печатание набором получило развитие в Си Ся с середины XII в. По его мнению, первоначально использовались литеры, изготовленные из глины, а затем из дерева [Ши Цзинь-бо, 2000. С. 40–41]. Не имея пока соответствующего навыка, я не стану вдаваться в детали возможного различения текстов, набранных или с глиняных литер, или с литер деревянных, а также высказывать твердую уверенность в том, что текст отпечатан набором только по косвенным признакам, когда на это нет указания в колофоне. Обычно обращают внимание на ряд технических признаков, по которым можно предполагать, что книга отпечатана подвижным шрифтом. Это в первую очередь неровность строк (строки), различие в пропечатке знаков в одной строке и т. п. Проф. Э. Гринстед, издавая тангутские тексты из собрания Раху Вира в Индии (микрофильмы были получены от нас и из КНР), высказал соображения о том, что некоторые из них были отпечатаны подвижным шрифтом [Grinstead, 1973. P. 4–6]. Проф. Л. К. Гудрич в частном письме к проф. Р. В. Вяткину, а затем к автору этих строк просил найти среди текстов из Хара-Хото тексты, отпечатанные набором, и опубликовал статью на эту тему [Goodrich, 1974. P. 466–477]. Можно вполне предполагать, что среди печатных книг коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото может оказаться немало книг, отпечатанных подвижным шрифтом. Но прежде чем это утверждать, следует, возможно, вместе со специалистами в области полиграфии выделить ряд достаточно надежных признаков, указывающих на использование набора. Ведь отдельные недочеты могли быть допущены и резчиками досок для печатания способом ксилографии, упущения могли иметь место и в процессе печатания.

В 1908 г. в Могаоку (Дуньхуан) в гроте № 181 (по современному китайскому каталогу № 464), построенном во времена существования тангутского государства Ся, были найдены деревянные литеры уйгурского письма для печатания книг набором. В настоящее время они хранятся в Музее Гюме в Париже. Это выпуклые, рельефные, вырезанные в зеркальном отображении литеры из грушевого дерева или китайского каштана (жужуба). Литеры соответствовали:

1. Буквам уйгурского алфавита (*а*, *и*, *к*, *м*, *р* и т. д.).
2. Отдельным словам уйгурского языка (*бурхан* — будда, *уч* — три).
3. Основам уйгурских слов.
4. Аффиксам уйгурского языка.
5. Сочетаниям букв (*мд*, *кд* и т. п.).
6. Чертам и точкам, используемым в письме.

То есть это была хорошо разработанная и гибкая система набора текста [Ши Цзинь-бо, 2000. С. 92–105]. Такая система явилась не только продвижением книгопечатания в иную языковую среду, но и в иную систему письма, письма

неиероглифического, каковыми являлись китайское и тангутское письмо. Это был настоящий прорыв в будущее книгопечатания, прорыв, который остался втуне и не стал в силу определенных причин достоянием ближневосточных и европейских культур.

Одновременно, вероятно, в XIII в. в Корее был сделан еще один шаг к совершенствованию книгопечатания. Чиновник Ли Гу бо (ум. в 1241 г.) оставил воспоминания о том, что его отец отпечатал книгу наборным шрифтом, изготовленным из металла [Петрова, 1956. С. 8]. В 1403 г. в Корее было отлито из металла 10 тыс. иероглифов для печатания книг набором. Книгопечатание книг набором в Японии появилось в XVI в. В целом же в Корее и Японии, как и в Китае, книги печатали способом ксилографии.

Дойдя до границ исламских культур Средней Азии и Ближнего Востока, навыки книгопечатания подвижным шрифтом не получили дальнейшего распространения. Тому были свои причины. В этом регионе бумага, привозимая из Китая, стала первоначально известна в Иране с конца VI — начала VII в. Производство ее было освоено в Самарканде после военного столкновения Арабского халифата и танского Китая в середине VIII в., технология стала известна от пленных китайцев. Лишь со второй половины X в. бумагу стали изготовлять в сирийских и иракских городах. Появление бумаги, заменившей папирус и пергамен, создало основу «расцвета арабской литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг» [Халидов, 1987. С. 292]. Старейшие персидские рукописи относятся к XI в. [Акимушкин, 1987. С. 360]. «Книжная продукция производилась в средневековом Иране на двух языках (арабском и персидском. — *Е. К.*), насчитывала многие сотни рукописей и отличалась исключительным разнообразием своего репертуара. Над копированием и продажей произведений персидской и арабской словесности трудились поколения многотысячной армии писцов... Профессиональные переписчики в массе своей работали индивидуально, выполняя заказы как авторов, так и читателей» [там же. С. 375].

Ближневосточная рукописная книга отличалась высокими художественными достоинствами, она была дорогой и поэтому немассовой даже при условии сравнительно широкой грамотности городского населения.

Священный для мусульман Коран должен был только переписываться. Поэтому религиозная и культурная традиции книги на Ближнем Востоке не приняли книгопечатания [Дмитриева, 1987. С. 471]. Ислам, сменив буддизм и став религией уйгуров, не востребовал достижений уйгурского (дальневосточного) книгопечатания, не принял их, и соответственно ближневосточная книга не стала мостом передачи искусства книгопечатания с Дальнего Востока в Европу. Книгопечатание пришло на Ближний Восток уже из Европы.

В 1727 г. Ибрагим Мутофорил, уроженец Трансильвании, пытался начать печатание книг в Оттоманской империи. Типография его вскоре была разгромлена. Как писала Л. В. Дмитриева, «книгопечатание встретило яростную оппозицию со стороны духовенства и поддерживающих его феодалов, видевших в книгопечатании вероотступничество: имя Бога и ниспосланный им Коран не должны были воспроизводиться на бумаге механически, к тому же эту бумагу при печатании будут держать грязные руки (или же рука гяура), а в текст Кора-

на могут вкрасться ошибки» [там же]. Против книгопечатания на Ближнем Востоке выступили и переписчики книг, ремесленники, связанные с производством рукописной книги. В результате первоначально для Ближнего Востока оказалась более приемлемой литография, которая не лишала переписчиков работы. Литография на Ближний Восток и в Индию тоже пришла из Европы.

Таким образом, к середине XII — началу XIII в. в Китае и соседних регионах — тангутском государстве Си Ся и уйгурском государстве Кочо (Гаочан) ксилография стала заменяться печатанием книг набором, т. е. примерно на 350 лет раньше вышло на уровень европейского книгопечатания — книгопечатания середины XV — XVI в. Кажется, эти выдающиеся достижения общечеловеческой культуры не получили в то время дальнейшего поступательного широкомасштабного развития. Исламский мир еще не испытывал потребности в печатной книге, и конкретные пути заимствования Европой книгопечатания с Дальнего Востока и из Центральной Азии до сих пор для науки загадка. Если такое заимствование вообще имело место.

ФРАГМЕНТЫ ПЕРЕВОДА НА ТАНГУТСКИЙ (СИ СЯ) ЯЗЫК СОЧИНЕНИЯ У ЦЗИНА «ЧЖЭНЬ-ГУАНЬ ЧЖЭН ЯО»

Сочинение «Чжэнь-гуань чжэн яо» («Основы управления в период Чжэнь-гуань») У Цзина (670–749), составленное в 705 г., является главным образом записью бесед танского императора Тай-цзуна (правил в 627–649 гг.) с его окружением по проблемам управления страной [Попова, 1999]. Это сочинение было переведено на многие языки стран Восточной Азии, в том числе и на тангутский язык. Кроме того, памятник переведен и на современный китайский язык. Переводы на европейские языки нам неизвестны. Значительные по объему отрывки данного сочинения переведены на русский язык в вышеназванной книге И. Ф. Поповой.

Первое упоминание о фрагментах перевода «Чжэнь-гуань чжэн яо» на тангутский язык мы находим в «Списке работ Си Ся в Азиатском музее Академии наук, Ленинград, СССР», опубликованном в 1932 г. в «Бюллетене Национальной библиотеки Пекина» [Bulletin, 1932. P. 387].

Н. А. Невский в своих статьях дважды упоминает тангутский перевод «Чжэнь-гуань чжэн яо». Из других переводов с китайского должно отметить труд танского У Цзина «Чжэнь-гуань чжэн яо», состоящий из набора бесед императора Тай-цзуна со своими приближенными в годы правления Чжэнь-гуань [ТФ. Кн. 1. С. 31]. В статье «Тангутская письменность и ее фонды» он повторно упоминает: «Помимо военных знаний пересаживалась на тангутскую почву и китайская конфуцианская мораль... (Из книг подобного рода в нашей коллекции можно назвать: ... 4) фрагменты ксилографированного «Чжэнь-гуань чжэн яо», труда танского У Цзина, излагающего беседы китайского императора Тай-цзуна с его приближенными в годы правления Чжэнь-гуань» [там же. С. 85–86].

В архиве Н. А. Невского сохранились пять листов рукописи — переписанный тангутский текст с подстановкой китайских знаков [Архив востоковедов СПб. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 37].

В настоящее время в нашем фонде сохранилось 30 страниц тангутского текста «Чжэнь-гуань чжэн яо», изданного способом ксилографии. Они занесены в

инвентарные книги Тангутского фонда под инв. № 122, 123, 2556 и 2557. Листы под № 122 и 123 были внесены в инвентарь Н. А. Невским, а под инв. № 2556 и 2557 — А. А. Драгуновым. На трех листах сохранились штампы и номера Азиатского музея Российской Императорской Академии наук:

Гл. IV. Л. 12а — «Азиатский музей Российской Академии наук. Дальневосточный фонд. Язык Си Ся. Формат Д. № 108» (инв. № 122).

Гл. V. Л. 40б — «Азиатский музей Российской Академии наук. Дальневосточный фонд. Формат С. № 951. Том... тетрадь...» (инв. № 2556).

Гл. V. Л. 44а — «Азиатский музей Российской Академии наук. Дальневосточный фонд. Язык Си Ся. Формат С. № 345 (?)». Тетрадь... (инв. № 123).

При наличии в данном и иных случаях на некоторых рукописях и ксилографах на тангутском языке регистрационных штампов мы не знаем, были ли инвентарные книги Тангутского фонда в Азиатском музее или нет. Кажется, рукописи и ксилографы не очень строго классифицировались по их форматам (размерам), и на них ставился штамп музея.

Книга «Чжэнь-гуань чжэн яо» (возможно, скорее несколько книг) была отпечатана способом ксилографии на белой плотной бумаге хорошего качества. Формат листа (страницы) 25,5 × 14,5 см, размер текста на листе 17,5 × 14 см. Текст заключен в рамку, строки разлинованы. Боковые рамки двойные (в две линии). На странице 8 строк по 15 знаков в строке, очень хорошей, четкой резьбы и печати (за некоторыми незначительными исключениями). Различий в почерках не наблюдается, и, вероятно, текст для воспроизведения его на доске для печати резали одни и те же мастера. На пробеле в центре (байкоу), месте сочленения двух страниц текста, вверху указано краткое наименование книги и порядковый номер цзюаня: «Чжэнь-гуань, 4», «Чжэнь-гуань, 5», а также по-тангутски порядковый номер листа. Несмотря на то что иногда края листов испорчены сыростью, общая сохранность фрагментов книги хорошая. По внешним признакам книга может быть датирована серединой XII — началом XIII в.

Фрагменты реставрированы. Как это, к сожалению, нередко бывает, при реставрации, когда старая брошюровка для нужд реставрации расшивается, листы и порядок текста могут оказаться смешанными. И в данном случае вместе оказались страницы 12а и 10б главы IV, а страница 14б главы V вместе со страницей 14б главы IV. От автора этих строк потребовалось немало усилий, чтобы отождествить место страницы 14б главы IV в тексте китайского оригинала.

Итак, какие части сочинения сохранились в переводе на тангутский язык? Китайский оригинал использован нами в издании в серии «Сы бу бэй яо» [СББЯ], книги большого формата, европейской брошюровки с уплотненным текстом и разметкой текста.

Стр. 10б, строки 1–4. Чжэнь-гуань чжэн яо, цзюань 4. Конец сюжета Чжэнь-гуань 18-й год.

Стр. 10б, 11а, 11б, 12а. Начало сюжета Чжэнь-гуань 7-й год.

Стр. 14б. Сюжет под 10-м годом Чжэнь-гуань.

Стр. 15а, строки 2–8, стр. 15б, строки 2–5. Сюжет под 10-м годом Чжэнь-гуань.

Стр. 15б, строки 7–8, стр. 16а, строки 1–5, сюжет под 11-м годом Чжэнь-гуань полностью.

Стр. 16а, строки 7–8, стр. 16б, 17а, стр. 17б, строки 1–2, сюжет «В годы Чжэнь-гуань».

Стр. 17б, строка 3, наименование нового раздела «Тайцзы гуйлянь», 12.

Далее пропуск большого раздела оригинала под 5-м годом Чжэнь-гуань.

Стр. 17б, строки 4–8, стр. 18а, строки 1–5, сюжет «В годы Чжэнь-гуань».

Стр. 18а, строки 6–8, стр. 18б, стр. 19а, стр. 19б, стр. 20а, сюжет «Чжэнь-гуань 13-й год».

Стр. 20а, строки 6–8, стр. 20б, 21а, 21б, 22а, строки 1–5, сюжет «Чжэнь-гуань 14-й год».

Стр. 22а, строка 5 «Чжэнь-гуань чжэн яо, цзюань 4-й» (конец).

Стр. 22а, строка 6 без текста.

Стр. 22а, строка 7 «Чжэнь-гуань чжэн яо, цзюань 5» (начало).

Стр. 22а, строка 8, наименование трех разделов цзюани 5-й.

Стр. 22б, строка 1, наименование двух разделов цзюани 5-й.

Стр. 22б, строка 1, наименование первого раздела цзюани 5-й.

Стр. 22б, строка 3 до стр. 40а включительно. Первый сюжет цзюани 5-й «В первом году Чжэнь-гуань». Без конца.

Стр. 40б, 41а, 41б, 42а, 42б, 43а, 43б, стр. 44а, строка 1, текст из раздела «Чэнь синь ди ши ци», Чжэнь-гуань 10-й год.

Стр. 44а, строки 2–8, раздел «Чжэнь-гуань 17-й год».

Таким образом, в нашем фонде в тангутском переводе сохранилась лишь незначительная часть книги — цзюани 4-й и 5-й во фрагментах. Если все сочинение было переведено на тангутский язык, то это, скорее всего, должна была быть книга, состоявшая из нескольких отдельных томов, так как, судя по всему, тангуты, как и китайцы, еще не умели помещать такие объемные сочинения в одном переплете.

Оценивая перевод в целом, разумеется, на уровне знания тангутского языка и строго китайского языка автором этих строк, можно заключить, что он сделан удовлетворительно и в целом адекватно передает содержание оригинала. Приведем простой пример:

Оригинал: «К тому же качества благородного мужа и низкого человека не являются постоянными. Если человек делает добрые дела, то является благородным мужем. Если делает дурные дела, то является низким человеком».

Тангутский перевод: «Постоянно не определено, благородный ты муж или низкий человек. Если совершаешь добрые дела, то становишься известен как благородный муж. Если делаешь дурные дела, то ты — низкий человек».

Судя по исследуемым фрагментам, текст памятника не переводился полностью и дословно. Переводчик иногда опускал целые сюжеты, иногда — куски текста, иногда только отдельные фразы. Например, полностью не переведена ода Ли Бай-яо «Воспеваю дао», некий исторический экскурс в поэтической форме, с которым танский Тай-цзун ознакомился еще будучи наследником престола. Можно думать, что причиной могла стать сложность адекватного перевода сложного по смыслу и художественному воплощению текста. Действительно, мы пока не знаем переводов китайской классической поэзии на тангутский язык.

Пропущен заключительный раздел цзюани 4-й, «Чжэнь-гуань 14-й год». В данном сюжете один из управляющих Восточного двора, Юй Чжи-нин протестует против излишних трат со стороны наследника престола Чэн Цяня на строительство парковых сооружений и вообще против его мотовства. Сюжет мог быть опущен переводчиком потому, что в известной мере повторяет предыдущий.

В конце цзюани пятой полностью опущен сюжет со слов: «Тай-цзун чан вэй Чансунь У-цзи».

В разделе «В годы Чжэнь-гуань» из доклада увещевания сановника Чжу Сюй-ляня выпущен большой кусок текста, в котором речь шла о том, что при династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в Китае были кроме областей (цзюнь), и уделы (го), а при правящей династии Тан учреждены только области и уезды, следуя порядку, установленному династией Цинь (221–207 гг. до н. э.). Очень часто на тангутский язык не переведены названия должностей. Очевидно, что при передаче их в тангутском тексте простой заменой китайских иероглифов тангутскими их смысл стал бы непонятен многим читателям-тангутам. Перевод же их значений превратился бы в обширный комментарий, наличие комментариев при переводе исследуемого текста, кажется, было не предусмотрено. Имеются пропуски отдельных слов и выражений, возможно, переводчик не счел эти слова и фразы существенными для уяснения текста сочинения, а иногда и просто затруднялся с переводом.

В отдельных случаях переводчик прибегал просто к передаче основного смысла отрывка, пользуясь пересказом. Например: 1) в оригинале: «Малолетние сыновья императора. Многие из них назначены на должности правителей округов [цыши], разве вы, Ваше Величество, не используете ваши кости и мясо, чтобы защитить себя с четырех сторон? Священномудрые, создавая систему управления, возвышали Путь Дао. Поэтому, с моей точки зрения, имеющиеся малолетки не вполне годятся. Почему? Цыши должны быть примером друг для друга, опорой народа, чтобы добиваться спокойствия». 2) Тангутский перевод: «Ныне все эти малолетние сыновья государя, назначенные на службу на все четыре стороны и сделавшиеся цыши, действительно непригодны для службы. Если спросите: "Почему?", то хотя они милые сердцу государя ваши сыновья, назначенные на должности на все четыре стороны, но цыши-то это опора народа». Можно привести пример упрощенного перевода: «Сюань Су бил челом. Просил аудиенции и строгими речами порицал и увещевал [наследника престола]». Тангутский перевод: «Сюань Су отправился ко двору и строго увещевал наследника». Мы видим, что в оригинале наследник престола не обозначен, он только подразумевается, в тангутском переводе он назван. Иногда небольшие дополнения в переводе означают комментарий. Например, в оригинале назван Фу Юе, в тангутском переводе сказано «иньский сановник Фу Юе», т. е. уточняется для читателя, что это был сановник древней китайской династии Инь. Указание на лицо с жалованьем в две тысячи ши в переводе просто названо цыши, поскольку данное количество зерна как раз в период, о котором идет речь, составляло жалованье цыши. Сянь Юй, один из претендентов на китайский престол, назван не по имени, как в оригинале, а Хуа ваном, вместо сказанного в оригинале «вошел в Сяньян» (столица государства Цинь) в пере-

воде говорится, что он «захватил государство Цинь», т. е. в перевод включен элемент комментирования. Почему-то в переводе всегда опущены слова «Ваше Величество», их заменяет слово «государь», например, «Ваше Величество унаследовали эти пороки» переведено как «государь унаследовал эти дела». Непонятно, почему очень часто слово «государство» заменено словом «государь», а иногда слово «государь» на слово «государство».

Очевидно, что есть замены, связанные с несовпадением лексических выражений. Например, в оригинале «не прошло шести декад», в переводе «не прошло и двух месяцев», — возможно, в тангутском языке не было понятия «декада». Еще некоторые примеры таких замен: «долго» на «прошли годы и месяцы», «резать слух» на «быть не по сердцу», «дела не сообщены наверх» на «добрые дела не достигали государева уха» и т. п.

Конечно, в данном кратком сообщении нами отмечены не все особенности, не все тонкости перевода. Не вдаваясь в теорию перевода, в частности в представления о переводе древних и средневековых переводчиков на Западе и на Востоке, отметим, что переводы разного рода китайских текстов на тангутский язык дают интересный материал для исследования того, как это практиковалось на Дальнем Востоке в XI–XIII вв. Здесь любопытно все — выбор текстов для переводов (в данном случае речь не идет о переводах текстов буддийских), выбор их редакций (списков, изданий), степень точности переводов, политические мотивы и нравственные представления переводчиков, лексика переводов, особенности лексики и грамматики языка, с которого переводят и на который переводят.

Формировавшаяся в течение двух веков культура Си Ся, культура государства многонационального, в основе своей опиралась на язык, традиционную культуру и вновь созданную письменность тангутов (дансянов, минягов). Это был большой пласт тангутской культуры в целом неравнозначный культуре Си Ся, так как культура Си Ся включала в себя китайскую культуру, культуру тибетскую и, возможно, частично традиционную уйгурскую культуру. В письменной культуре Си Ся китайская традиционная словесность в переводах на тангутский язык занимала весомое место. На конфуцианских идеях и традиционном китайском праве во многом базировалась государственность Си Ся, а знание традиционной китайской военной теоретической мысли дополняло то, что было в активе тангутских по этнической принадлежности воинов и командиров армии Си Ся.

Исследовав все, что по счастливой случайности дошло до наших дней, мы, может быть, сможем уяснить, почему, что и как переводили тангуты на родной язык из сокровищницы китайской словесности.

В X–XIII вв. сунский Китай с севера окружали еще государства киданей Ляо и чжурчжэней Цзинь. Мы знаем, что и там имела место большая переводческая деятельность. К сожалению, ничего не дошло на данный момент до наших дней, хотя чисто теоретически находки рукописных и печатных текстов письмом и на языке киданей и чжурчжэней не исключены. Сопоставление сведений о переводах с китайского и возможное обнаружение таких переводов вкупе с тем, что осталось от Си Ся, может составить интересную и впечатляющую картину взаимодействия культур Китая и его соседей в эту эпоху. А эта

эпоха отличалась тем, что если в предшествующий период (династия Тан) соседи непосредственно заимствовали китайское письмо (Япония, Корея, Вьетнам) и, в сущности, во многих случаях переводы не требовались, китайские тексты просто заимствовались и вводились в обиход заимствовавшей их культуры, то позже, начиная с Ляо, наступила эпоха создания собственных письменностей и переводов на родной язык. Хотя такое деление несколько условно, так как известно, что и ранее кое-что из китайской небуддийской словесности переводилось на тибетский и уйгурский языки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стр.17, строка 3 и далее:

Наставления наследнику престола (пропуск текста оригинала «Чжэнь-гуань 5 год»).

Далее: «В годы Чжэнь-гуань наследник престола Чэн Цянь нарушал этикет (пропущено "много раз день ото дня"), занимался мотовством и предавался распутству. Чиновник (в переводе слово "чиновник" заменяет наименование конкретного чина тайцзы цзошуцзы) Юй Чжи-нин составил "Сборник увещеваний" объемом в 20 цзюаней и увещевал наследника. (В это время — слова есть в оригинале, в переводе опущены) учитель (слово "учитель" заменяет чин — тайцзы юшуцзы) Кун Ин-да, не страшась, изо всех сил увещевал наследника прямо в лицо. Кормилица наследника (в оригинале — кормилица Ли Чэн Цяня) говорила Ин-да: "Наследник вырос, годятся ли эти строгие слова?" Ин-да ответил: "Я удостоился щедрых милостей от императора (в оригинале — от государства), пусть меня предадут смерти, но я не смогу не увещевать!" И после этого стал увещевать еще строже. Чэн Цянь сказал: "Ин-да! Составь комментарии к "Сяо цзину". Ин-да в этот комментарий включил еще больше увещеваний (пропущено из оригинала — Тай-цзун одобрил и принял их). Поэтому Тай-цзун наградил этих двух людей, пожаловав каждому по 50 кусков шелка и по одному цзиню золота».

«В 14 году Чжэнь-гуань (640) Тай-цзун, зная, что Сюань Су постоянно находится при наследнике престола и часто дает ему наставления, повысил Сюань Су в должности (наименование должности в переводе опущено). В это время наследник престола во дворце часто бил в барабан и бой [барабана] был слышен за пределами [дворца]. Сюань Су отправился ко двору (опущено — просил об аудиенции) и строго увещевал [наследника]. Наследник, взяв барабан, на глазах у Сюань Су разбил его. Тайком приказал домашнему рабу ранним утром с конской плетью пойти к Сюань Су. Этот домашний раб избил Сюань Су и чуть не убил его. В это время этот наследник престола был увлечен строительством башни и расходы [на строительство] были чрезмерны. Поэтому Сюань Су снова подал письмо с увещеваниями на высочайшее имя, в котором писал: "Я, глупый, (пропущены слова — пребывающий в двух дворцах) получал от государя награды и милости, подобные морям и рекам, а сам государю (в оригинале — государству) выгоды не принес даже на пушинку. Поэтому как осмелюсь говорить слова увещевания (далее в переводе пропуск части текста

оригинала)... то, что делает наследник престола, — дела незначительные и необширные. А если нет больших добродетельных поступков, то как [ему] наследовать государев престол? Государь и наследник престола — отец и сын, и близости большей, чем эта, нет! Наследник производит траты по своему усмотрению!"

Не прошло и двух месяцев (в оригинале — шесть декад), как имущества было потрачено на сумму около 70 тысяч. Немыслимые траты, и превышать их нельзя. У дворца (в оригинале конкретно сказано — под Драконьей башней) собраны рабочие, а в окружении наследника не видно мудрых людей. Если говорить о сыновней почтительности, то не обнаружишь и прислуги, почтительно задающей вопросы. С моей точки зрения на почтительность, если родители отдают распоряжения, а [с ними] не соглашаются, если заботятся о репутации, а поступают не так, как учит смысл древних книг, то по закону это может быть наказано смертью. То, что добродетельные и мудрые сановники отдалены, а развратных и коварных любят приближать, не приносит пользы. Пристрастны к редким вещицам и развлечениям с женщинами низкого поведения, раздаривают много картин и гравюр, которых не увидишь за пределами [дворца], имеются разговоры о тайных делах во дворце, внутренние покои наследника похожи на рынок. Денно и нощно туда приходят и уходят, и раздаются нехорошие звуки. Чжао Хун-чжи — знаток канонических книг, человек чистых и высоких поступков, добродетельный и мудрый (далее пропущено — таков, каким должен быть современный ученый-чиновник). То, что я постоянно обращаю на это внимание, означает, что наследник должен пригласить его. (Далее пропуск перевода части текста оригинала.) Древние говорили: "Горькими словами желают увеличить мудрость". Наш наследник престола совершает сомнительные поступки, и я не могу одобрить это. Как можно, желая поступать добродетельно, совершать ошибки? Если не слушать слов увещевания, то непременно будет причинен ущерб. Древние говорили: "Горькое лекарство полезно для лечения болезни, горькие слова полезны для людей". Надеюсь, [Вы] день ото дня должны стараться обдумывать то, как жить спокойно и избегать опасностей».

Наследник престола, прочитав это письмо, разгневался и тайно послал человека убить Сюань Су, но вскоре погиб сам.

Л. 44а. «В 17 год Чжэнь-гуань (Тай-цзун) сказал приближенным сановникам: «В сочинении Лу (в оригинале — Лунь юй) говорится: "Человек отказывается от пищи, но сохраняет преданность". Фу-цзы (Конфуций) сказал: "Если человек лишен преданности, то он — несчастный человек!" Хуа ван (в оригинале — Сян Юй) захватил государство Цинь (в оригинале — вошел в Сяньян), после этого в Поднебесной все подчинились. Но если бы он, подобно императору Хань (в оригинале этих слов нет), смог бы действовать гуманно и приобрести доверие, то кто бы осмелился отобрать у него это государство? Фан Сюань-лин сказал: "Гуманность, долг, нормы поведения, мудрость и доверие — пять постоянств (далее опущена фраза оригинала — невозможно отказаться хотя бы от одного). Если сможешь действовать, используя их все полностью, то приобретешь большую пользу!"»

ТАНГУТСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Как некая особая отрасль востоковедных знаний тангутская текстология появилась с обнаружением текстов на мертвом тангутском (Си Ся) языке на рубеже XIX–XX вв. Восточная Азия, понимаемая в данном случае широко, как нынешние пределы Китая и прилегающие регионы, включая Японию и Вьетнам, сотрясаемая с конца VI в. — нового объединения страны после падения династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) — непрекращающимися войнами и восстаниями в период расцвета династии Тан (618–907), обрела культурное, цивилизационное единство, спаенное прочно китайской иероглифической письменностью, буддизмом и отчасти конфуцианством. На окраинах Танской империи продолжался процесс возникновения и создания независимых государств народов, достигших уровня государственности, — Тибета, Наньчжао, Бохая, государств, продолжавших традицию кочевой государственности, — тюрков, уйгуров, киргизов, государств, развивавших и укреплявших свои государственные традиции, — Корейский полуостров, Япония, часть Вьетнама, не входящая в состав Тан.

Кочевники и ближние соседи — Тибет, Наньчжао — китайской цивилизации широко не принимали, поскольку в отличие от Японии, Кореи, даже Бохая они видели в Китае не только высококультурного соседа, но и врага.

После развала Китая в X в. «кочевая традиция» и традиции «ближних» соседей Китая окрепли с появлением государств киданьского Ляо (916–1125), тангутского Си Ся (982–1227) и чжурчжэньского Цзинь (1115–1254). Сформировавшиеся в условиях ослабления и развала Китая, осознавшие возможность «своего пути», в сфере культурных взаимосвязей эти государства на примере бытования до этого и в это время письменностей тюркской, тибетской, уйгурской развили идеи создания своего письма для своего языка [ТФ. Кн. 1. С. 80]: «у каждого свой язык и каждый любит его, почтение к своим письменам питает и тот и другой» — и отказа от китайской иероглифики, что привело к появлению письменностей киданьской, тангутской, чжурчжэньской, использовавших в разной мере принципы, лежавшие в основе китайского иероглифического письма, но отличавшихся внешне. Взаимные войны и монгольское нашествие оставили к концу XIX в. от этих письменностей лишь десяток камнеписных текстов. Первый прорыв произошел лишь тогда, когда в 1909 г. в субургане подле мертвого, заброшенного города Хара-Хото экспедицией П. К. Козлова была обнаружена целая «библиотека» рукописных и отпечатанных способом

ксилографии текстов на тангутском (Си Ся) языке [Козлов, 1923]. Думая в течение уже не одного десятка лет над судьбой тангутской письменной культуры, автор этих строк пришел к глубокому убеждению, что Си Ся, тангуты, не могли быть каким-то необъяснимым исключением в триаде кидани — тангуты — чжурчжэни. Наверняка существовала и обширная литература, написанная по-киданьски и по-чжурчжэньски времен Цзинь и их национальными письменностями. Эта литература, как и тангутская, погибла в огне взаимных войн и монгольского завоевания (рукописи вопреки расхожему суждению горят). Субурган в Хара-Хото — это скорее случайность, чем закономерность, и кто может поручиться, что через некоторое время не будет открыт тайник с текстами на киданьском или чжурчжэньском языках. Обнаружено же среди тангутских рукописей несколько страниц текстов на бумаге на чжурчжэньском языке чжурчжэньским письмом. Значит, такие тексты были.

Но пока лишь памятники тангутской письменности ставят перед исследователями проблемы, связанные с текстами этих исчезнувших цивилизаций X–XIII вв.

Работа с текстами на неизвестном или плохо изученном языке требует прежде всего дешифровки системы письма и выявления его принадлежности тому или иному языку. До обнаружения достаточно большого количества текстов на тангутском (Си Ся) языке принадлежность тангутской письменности государству Си Ся была определена на камнеписных памятниках (лянчжоуская стела и надпись в Цзюйюнгуань). Дешифровка письма в высоком смысле этого слова имела место только до находок в Хара-Хото в труде французского китаеведа М. Г. Мориса, который, пользуясь усилиями безвестного дешифровщика-китайца (?) и развивая их, сумел определить найденный при подавлении восстания ихэтуаней у пагоды Байта на окраине Пекина текст на тангутском языке как текст «Лотосовой сутры», сличить китайский текст оригинала и тангутский перевод, отождествить (=дешифровать) несколько десятков знаков тангутского письма и высказать первые, оказавшиеся весьма верными суждения о характере письма (идеографическое) и грамматике языка (язык по строю тибето-бирманский) [Morisse, 1904]. Таким образом, в отношении тангутского письма только М. Г. Морис действовал как дешифровщик с заглавной буквы.

Открытие экспедицией П. К. Козлова текстов из субургана близ Хара-Хото и обнаружение среди них уже в Санкт-Петербурге А. И. Ивановым тангутско-китайского словаря «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени» (1190 г.) [Иванов, 1909. С. 1231–1233] примерно на тысячу знаков (слов) перевело стрелку часов с дешифровки письменности на дешифровку найденных текстов. Это не сняло ряда вопросов с глубокого уяснения существа тангутского письма — признавая его систему основанной на принципе письма китайского, что абсолютно справедливо, исследователи не могут сойтись в понимании (дешифровке) некоторых использованных тангутскими филологами способов сформирования письменных знаков.

С обнаружения словаря «Жемчужина в руке» начался первый этап тангутской текстологии: отождествление текстов, прежде всего переведенных с китайского, их сличение с оригиналом и пополнение запаса установленных по значению (или транскрипции средствами китайского письма) тангутских пись-

менных знаков, пополнение словаря. Здесь следует вспомнить проф. А. И. Иванова, который к 1918 г. составил словарь на три тысячи знаков [Иванов, 1918. С. 799–800]. Этот словарь «сгорел» в огне Гражданской войны, затерявшись в недрах архива издательства Академии наук, во всяком случае, кажется, его не было у А. И. Иванова в 1937 г., во время его ареста. В свое время на запрос ЛО ИВ АН из КГБ поступил ответ, что в его архиве такого материала нет. Эту же работу делали Ло Фу-чан, Ло Фу-чэн, Ван Цзин-жу, Исихама Дзюнтаро и особенно Н. А. Невский. Последнего следует выделить не только потому, что он был русским исследователем, а потому, что за короткий срок своей работы в Институте востоковедения добился на том этапе тангутоведения наибольших успехов, увенчанных посмертным изданием чернового словаря в двухтомнике «Тангутская филология» и даже (посмертно) награждением Ленинской премией.

Н. А. Невским и его современниками тексты на тангутском языке справедливо были поделены на переведенные с китайского языка и с языка тибетского, а также на переводы, условно оригинальные, составленные самими тангутами «по образцу» (словари, фонетические таблицы, документы, законы и т. п.) или отражавшие их собственную культурную традицию. Что касается переводов с тибетского, то здесь вся основная работа еще впереди, и, возможно, в этой области науку ждут важные открытия для выяснения формирования школ тибетского буддизма, контактов тибетского буддизма с современным Си Ся буддизмом китайским, влияния и результатов влияния тибетского буддизма на бытование буддизма в Си Ся, особенно во второй половине XII в. Пока нет налицо достаточно квалифицированного специалиста, который мог бы выполнить такую работу.

Что касается переводов с китайского, то такие исследования осуществлялись и осуществляются успешно. Принципы этой работы не отличаются от работы с переводными текстами вообще, будь то с китайского или тибетского и, возможно, других языков — такие тексты пока не обнаружены, но есть упоминания об участии в переводческой деятельности уйгурских монахов, а значит, возможны и переводы с уйгурского языка, и сведения о привлечении для переводов текстов на санскрите.

Тексты, переведенные с китайского языка, были поделены по их содержанию на небуддийские (светские) и буддийские. Теоретически среди еще неразобранных тангутских текстов допустимо наличие текстов даоских (религиозных), христианских (несторианских) и даже, возможно, манихейских и принадлежащих исламу. Но пока такие тексты, если они и есть, не выявлены.

При работе с буддийскими текстами, переведенными с китайского, определяется сутра, шастра или иной памятник, перевод которого сделан, время перевода. При сверке с дошедшим до наших дней текстом оригинала выясняют сходство и различие структуры (деление на разделы) текстов, наличие различий в самом тексте, способы передачи буддийской терминологии — перевод мог делаться и одновременно с китайского и тибетского языков. Путем сопоставления перевода с оригиналом пополняется запас слов тангутского языка. Такого рода работа делалась проф. Ван Цзин-жу, проф. Нисида Тацуо [Ван Цзинжу, 1931–1932; Nishida, 1977]. Результаты подобного рода исследований ана-

логичны исследованию буддийских китайских текстов из Дуньхуана — установление репертуара буддийских текстов, бытовавших в Северо-Западном Китае в XI–XIII вв., сходство и различие с современной китайской «Трипитакой». В огромной мере для значительной части тангутских текстов эта работа еще впереди.

Выявление текстов, которые не находят точной привязки к китайскому или тибетскому оригиналу, даст по меньшей мере два важных результата. Текст, безусловно (для исследователя), переведен с китайского, но китайский оригинал утрачен. Это апокрифические китайские тексты, не дошедшие до наших дней на языке оригинала. Или текст (например, комментарий, разъяснения, проповедь и т. п.) был сочинен кем-то из тангутских буддийских вероучителей и отражает их понимание тех или иных канонических текстов. Такие тексты следует признать оригинальными тангутскими сочинениями на буддийскую тематику. Определять их очень трудно, и в этой области вся работа впереди.

Тексты буддийского содержания составляют от 80 до 90% фонда тангутских рукописей и отпечатанной способом ксилографии книги. Из этого числа до 20% текстов не имеет пока точной иди даже приблизительной идентификации. Последнее же — самая трудоемкая работа: «проявив» хотя бы часть текста в китайской иероглифике, нужно, если это неясно, по буддийской терминологии предположительно отыскать тот текст, с которого сделан перевод. Если же это ясно или текст отыскан, следует определить место исследуемого куска текста (фрагмента) в этом тексте. Даже для китайских текстов из Дуньхуана это была огромная работа (кстати, так для фрагментов и неоконченная), для выполнения которой было в свое время привлечено достаточно много людей. Избежать же подключения к такой работе большого числа сотрудников можно только в том случае, если за нее возьмутся квалифицированные буддологи, знатоки «Трипитаки» (то же и для переводов с тибетского, когда имеется только тибетский оригинал).

Для чего нужна такая работа? Для того, чтобы понять такое явление в истории буддизма, как буддизм Си Ся (тангутский), определить круг священных текстов на китайском и тибетском языках в XI–XIII вв., установить сходство и различие текстов того времени с современными текстами. Понять идеологию эпохи, в частности населения тангутского государства, для большинства которого буддизм был важной ее составляющей. И — не последнее дело — это священные тексты для верующих буддистов наших дней, для тех, кто изучает историю своей веры, формирования основного (основных) текстов той «школы» буддизма, к которой он себя относит.

Если говорить о небуддийской части фонда, то и в этом случае первостепенное значение имеют переводы с китайского. Обращение к тангутским переводам китайских классических текстов [Китайская классика, 1966] и военных трактатов [Сунь цзы, 1979] сразу же обнаружило известное различие иногда в основных текстах, а чаще в комментариях по сравнению с теми текстами и комментариями к ним, которые ныне признаны нормативными, стандартными. Это проявилось на тексте «Лунь юя», комментариев к нему, поначалу оказавшихся неизвестными, хотя позже в море памятников китайской письменности был найден и этот, ныне забытый комментарий [Wu Chi-yu, 1969. P. 298–315].

Забытыми оказались и комментарии Люй Хуй-цина к тексту «Сяо цзина», по слухам, также недавно найденные в Китае, наконец, следует упомянуть фрагмент комментариев к «Мэн-цзы», который пока не идентифицирован.

Мы не станем обсуждать каждый конкретный случай, но тангутские тексты уже поставили важный для истории китайской культуры вопрос, на который, вероятно, должны дать ответ и не тангутоведы, — какие тексты и комментарии на них были популярны в сунском Китае? Те, которые дошли да нас в современном виде или отличные от них? Когда, как и зачем был произведен отбор в пользу современных стандартных текстов? Если эти последние уже были господствующими при Сун, то чем объяснить выбор переводчиков в Си Ся? Предпочтением более ранней, например, танской традиции, при враждебности к Сун в XI в.? Или некоторой изоляцией от Сун после создания в Северном Китае чжурчжэньского государства Цзинь? Вопросы возникли, возникли из недр субургана, затерянного в песках на южной окраине пустыни Гоби. И вопросы не праздные — и для истории Си Ся, и для истории китайской культуры.

А встречаются и апокрифы, т. е. такие тексты, которые хотя и, очевидно, переведены с китайского, но китайский оригинал которых неизвестен. Сошлемся на недавний пример, на работу с еще неизданным текстом, начало которого не сохранилось, а в конце есть его наименование, трудно понимаемое даже после прочтения текста — «Алтарная запись о примирении Конфуция». Было ясно, что текст, в котором рассказывается, как Конфуций встретился с неким Старцем, относится к серии достаточно многочисленных в старой китайской философской литературе историй о порицании Конфуция и его учения, чаще всего даосами и легистами. В данном тексте оппонент и победитель Конфуция, «Старец», возможно, и сам Лао-цзы в одном из своих обликов. Достаточно длительные поиски, особенно для автора этих строк, человека далекого от данной тематики, привели к 31-й главе «Чжуан-цзы», именуемой «Рыболов». Совпал сюжет, совпали идеи, заложенные в тексте. Не совпадало число участников описываемых событий — в тангутском тексте их трое: Конфуций, Старец и ученик Конфуция Цзы Лу, в 31-й главе «Чжуан-цзы» — четверо: Конфуций, Рыболов и два ученика Конфуция — Цзы Лу и Цзы Гун. Тем не менее этот тангутский текст — безусловно, вариант данного сюжета, который не попал в трактат «Чжуан-цзы» и бытовал еще в XII в. как отдельный текст. Позже он был утрачен и сохранился до наших дней только в тангутском переводе. Это не значит, как это случилось с комментарием к тангутскому тексту «Лунь юя», оригинал которого после публикации тангутского текста был найден в провинции Фуцзянь, или, возможно, с комментариями Люй Хуй-цина к «Чжуан-цзы», также, правда, пока по слухам, якобы обнаруженного в Китае, что китайские ученые, роясь в провинциальных архивохранилищах, не найдут оригинала и этого текста. Важно и очевидно то, что ныне этот текст забыт и не в ходу, и публикация его тангутского перевода напомнит о нем и введет его в круг текстов по истории китайской философии.

Китайская литература вошла в плоть и кровь значительной части тангутской небуддийской словесности. Определить источник бывает чрезвычайно трудно, когда нет конкретных отсылок. Это проявилось при публикации К. Б. Кепинг китайской энциклопедии (лэй шу) «Лес категорий» [Лес категорий], ког-

да только усилия китайских ученых помогли полностью найти оригиналы жизнеописаний лиц, разбросанные по династийным историям и иным сочинениям [Ши Цзинь-бо, Хуан Чжэн-хуа, Не Хун-инь, 1993]. Дело в том, что если даже названы имена, они переданы в тангутском написании, их дешифровка не дает твердо однозначных китайских имен.

Автор данной статьи в полной мере познал трудности такого рода при публикации другой лэй шу, даже не переведенной с китайского, а составленной самими тангутами, но содержащей в качестве иллюстративных примеров десятки отсылок на, возможно, широко известные, популярные в то время сюжеты из китайской словесности. Когда рассказ начинается со слов: «В давние времена жил некто...», то найти первоисточник можно только по содержанию или сходству содержания. Часть сюжетов так мной и не была отождествлена, и, очевидно, это смогут сделать китайцы, знатоки родной литературы. Для нас же важно то, что в последней трети XII в. тангутские авторы уже во многом рассматривали китайскую литературную традицию «как свою», а люди в Си Ся, читавшие по-тангутски, эту традицию достаточно неплохо знали. Отсылки не требовались и потому, что в Средние века, как известно, было совсем иное отношение к компиляции, к требованию указания на автора, источник и т. п. Заключая этот раздел, укажем на то, что переведенная с китайского светская литература пока также исследована неполностью (например, сборник цитат из китайских классических книг, военные трактаты «Шесть тактик», «Три тактики Хуан Ши-гуна» и др.).

Особый тип текстов представляют те, которые, говоря языком музыки, являются «вариациями на тему». Это хозяйственные и официальные документы, форма которых копирует документы китайские, и памятники тангутского права. О последних — кодексе Си Ся 1149–1169 гг. — «Измененном и заново утвержденном кодексе девиза царствования Небесное Процветание» [Кодекс. 1987–1989] и дополнениях к нему от 1212–1215 гг. — «Новые законы» и «Новые законы года Свиньи» следует сказать особо. При достаточно жестком копировании текстов из сокровищницы китайской словесности юристы Си Ся отказались от слепого следования форме кодексов династии Тан (Тан люй шу и) и Сун (Сун син тун). Они приняли структуру кодекса, чуждую китайскому традиционному праву, практически совпадающую по структуре статьи с современными кодексами. Корни этого заимствования хорошо пока не выяснены, их можно видеть в китайских линах (статутах) или даже в западном влиянии. Причины, побудившие юристов Си Ся отказаться от китайской традиции, тоже неясны, тем более что часть составителей кодекса являлись этническими китайцами.

В тангутском кодексе мы находим заимствование сути основного круга правовых представлений (правосознания, правовой культуры, круг составляющих их норм права китайского), но не формы изложения их в китайских памятниках материального права.

«По образцу» были составлены словари — «Жемчужина в руке» по трем разделам: «небо», «земля», «человек», «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» по образцу китайского рифмического словаря «Гуан юнь»; словари омонимов («Гомофоны») и синонимов, кажется, не имеют абсолютно

прямых аналогов в китайской лексикографии, как и «Фонетические таблицы». Наряду с высоким для тех лет развитием правовой мысли в Си Ся удивление вызывает и высокая филологическая квалификация тангутских языковедов, она еще ждет своей компетентной и комплексной оценки. Узкое место для нашей современной «тангутской филологии» — отсутствие единой общепризнанной фонетической реконструкции языка. Не будучи лингвистом и понимая, что любая фонетическая реконструкция, выполненная квалифицированно, — система, тем не менее автор этих строк предложил бы своим коллегам-лингвистам выделить то, в чем они все согласны, включая и унификацию транскрипционных знаков, а также предпочтения в их выборе простоты написания, что облегчит работу их коллег-нелингвистов.

Что касается грамматики языка, то после Н. А. Невского и Исихама Дзюнтаро, пионеров наших дней Нисида Тацуо и М. В. Софронова самого большого успеха удалось добиться К. Б. Кепинг [1985]. Но есть еще «служебные слова», значение которых следует уточнять или же оно просто неясно, неподнятой целиной является синтаксис тангутского языка.

Исследователи, в особенности китайские коллеги, что и понятно, пытаются отыскать среди языков тибето-бирманских народов Юго-Западного Китая язык, наиболее близкий к умершему тангутскому языку. Успехи в этой области есть, особенно с языком *пуми*, хотя возможных прямых потомков (или предков на прародине тангутов в провинции Сычуань) тангутов (ми, минягов) Си Ся пока не найдено. Но в этой области, как думается, возможно еще ожидать больших успехов по мере обследования языков этого региона. Несомненно, что с приходом молодых сил наука добьется и новых результатов в изучении грамматики языка тангутов (Си Ся) и фонетической реконструкции языка. В этой области перспективно движение навстречу друг другу в исследовании языков народов Юго-Западного Китая и памятников тангутской письменности.

Обнадеживает выявленное сходство между генеалогией западных цянов, зафиксированной в китайских источниках с IV в. до н. э., тангутским генеалогическим преданием и преданиями тех же пуми [Кычанов, 1996], также сходство мифов о сотворении мира у народов ицзу и тангутов Си Ся, это прежде всего касается места птицы (конкретно журавля, белого журавля) в сотворении мира [Море значений, 1997].

То, что культура Си Ся, именно многонационального государства Си Ся, а не только тангутов-ми (китайская и японская терминология не различает этносов, населявших Си Ся, китайское *си-ся жэнь* означает не только тангутов-ми, а всех жителей Си Ся), была если не сплавом, то единением трех начал — культуры (образа жизни и образа мышления) ми, минягов (тангутов), китайцев, тибетцев, уйгуров и иных этносов, населявших территорию Си Ся с буддизмом и конфуцианством как государственной идеологией, не может вызывать удивления, достаточно посмотреть на прошлое и настоящее корейской, японской, вьетнамской культур. В культуре Си Ся мы находим и даосизм, только затруднительно сказать, был ли он исключительно достоянием китайского населения Си Ся или же пользовался и вниманием минягов-тангутов (тибетцы и уйгуры, возможно, хотя и необязательно, особенно в жизни отдельных индивидуумов, были далеки от даосизма). Это же мы наблюдаем и в государстве

киданей Ляо, которое к моменту сформирования тангутской государственности уже существовало сотню лет и которому тангуты явно подражали, и в государстве Цзинь. И там и тут местные традиции и верования шаманского толка — само слово «шаман», широко вошедшее в современные языки, это слово чжурчжэньское — сосуществовали с буддизмом и культом Конфуция, кстати, введенном киданями, шире — с заимствованиями достижений китайской культуры. Снова хочется сказать: «Где тот субурган, с книгами на киданьском или чжурчжэньском языках, которые существовали в ту далекую эпоху и обнаружение которых изменило, скорректировало бы наши представления о культуре сунского Китая да и всей Восточной Азии до монголов?»

Из сказанного выше очевидно, в чем состоят трудности работы с памятниками тангутской (Си Ся) письменности. Мало, точнее, недостаточно для хорошего издания памятника определить его характер, если это памятник переводной, найти его оригинал или близкие по характеру тексты. Надо одновременно усвоить хотя бы азы той отрасли знания, которую данный памятник представляет, как, например, было в практике пишущего эти строки (историю китайских словарей [Море письмен, 1969], паремическое речетворчество [Парные изречения, 1974], традиционное право Китая (Дальнего Востока) [Кодекс, 1987–1989], мифы и предания народов Юго-Западного Китая [Море значений, 1997] и т. д.) или в научно-исследовательской практике К. Б. Кепинг (системы родства [Записи о любви]). От этого никуда не уйдешь, это важнейшая составляющая «тангутской текстологии» для того, кто берется за тангутский текст. Это хорошо усвоили и представители молодого поколения тангутоведов [Двенадцать царств, 1995].

В ближайшие годы изучение текстов на тангутском языке расширится благодаря публикации основных текстов из собрания П. К. Козлова, предпринятой совместно Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН и Китайской Академией общественных наук и шанхайским издательством «Древняя книга» («Гу цзи чубаньшэ»)[1]. Тексты станут более доступны мировой науке и, думается, привлекут новых энтузиастов для их публикации отдельными изданиями, сопровождающимися исследованиями. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения в известной мере лишится своей монополии на тексты, но увеличится число специалистов по Си Ся, прежде всего в Китае. При Академии общественных наук в КНР создан специальный «Центр по изучению Си Ся», который возглавляет проф. Ши Цзинь-бо. По числу ученых, умеющих читать тангутский (Си Ся) текст, Китай уже вышел на первое место. Кроме того, в КНР и на Тайване появились десятки исследователей истории, археологии, культуры Си Ся, пока не читающих тангутский текст, но активно работающих с китайскими источниками и памятниками материальной культуры. Для КНР «изучение Си Ся» (наше тангутоведение) имеет актуальное значение как исследование сложной страницы истории Китая в X–XIII вв., истории национальностей Китая, наконец, как элемент современной национальной политики многонационального государства. Хорошо известно, что теоретические аспекты взаимоотношений собственно китайских государств с неки-

[1] Э цзан Хэйчэн вэньсянь (Памятники письменности из [города] Хэйчэн (Хара-Хото), хранящиеся в России). Серия начата в 1997 г.

тайскими государствами, существовавшими в прошлом на территории современного Китая, занимают видное место в китайской исторической науке и решаются китайскими историками неоднозначно.

Наличие в мировом востоковедении двух десятков исследователей, которые могут работать с тангутским текстом, на данный момент вполне достаточно для такой небольшой отрасли востоковедной науки, как тангутоведение. Думается, что тангутская текстология, основные черты и особенности которой были обрисованы выше (хотя таковые отнюдь не относятся исключительно к текстологии тангутской), имеет неплохие перспективы, а работы непочатый край, особенно в нашей стране, когда тысячи текстов нуждаются еще в реставрации, десятки, если не сотни, — в идентификации и где исследователей еще вполне могут ждать свои маленькие (а то и большие!) сюрпризы.

ТАНГУТСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА
(вторая половина XII — первая четверть XIII в.)

Среди разных гор —
самая высокая гора Сумеру.
Среди всех искусств —
[сочинение книг] не имеет себе равных!

[*Тангутские фонетические таблицы. Предисловие*]

Под тангутской рукописной книгой мы имеем в виду рукописные книги на мертвом (тангутском) языке государства Си Ся, найденные в 1907–1909 гг. русским исследователем Центральной Азии П. К. Козловым в развалинах города Хара-Хото. Эти книги относятся к тому времени, когда на территории современных административных единиц Китая — провинций Шэньси и Ганьсу, Нинся-Хуэйского автономного района и автономного района Внутренняя Монголия — существовало самостоятельное государство народа ми (минья, тангутов) Си Ся (982–1227)[1].

Данная оговорка необходима потому, что в русской и европейской литературе XVIII в. нередко упоминаются «тангутские книги», на самом деле — тибетские книги, а в литературе XIX в. тангутами именуется население северо-восточных районов Тибета, в частности Амдо. Объясняется это тем, что монголы, уничтожившие государство Си Ся, называли тангутами его основное население ми (минья) и тангутами же в течение последующих веков традиционно называли тибетцев, в особенности тибетцев северо-восточных областей Тибета.

Тангутская рукописная книга бытовала в то время, когда на Дальнем Востоке и в Центральной Азии уже получило широкое распространение печатание книг способом ксилографии. Как во многих странах, и не только Дальнего Востока, рукописная книга сосуществовала в государстве Си Ся с печатной. Главными причинами этого общего культурного феномена, на наш взгляд, были

[1] Уже после того как данный очерк был написан, вышла в свет книга А. П. Терентьева-Катанского «Книжное дело в государстве тангутов» [Терентьев-Катанский, 1981], в которой читатель найдет сведения как о рукописной, так и о печатной тангутской книге, и мы обращаем на нее внимание читателя как на важный источник сведений о книжном деле у тангутов.

почитание и влияние традиции, в особенности религиозной, высокая стоимость печатания способом ксилографии на Дальнем Востоке и — до появления совершенных типографских станков — в Европе, несомненная самостоятельная культурная и эстетическая ценность рукописной книги, не утратившая своей значимости и в наши дни.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Первым условием появления на свет собственно тангутской книги, несомненно, было создание тангутами своего письма. Сейчас совершенно очевидно, что тангутское письмо (или письмо Си Ся) было создано в первой половине XI в. Китайские источники, освещающие историю создания тангутской письменности, называют четырех возможных ее составителей. Судя по материалам «Ляо ши», это был второй император Си Ся — Дэ-мин, по данным «Сун ши», сын Дэ-мина, третий император Си Ся — Юань-хао, который в 1036 г. «сам создал тангутское письмо и приказал Ели Жэнь-юну упорядочить его» [Сун ши. С. 3786]. Кроме Дэ-мина, Юань-хао и Ели Жэнь-юна в своем сочинении «Мэнци би тань» Шэнь Ко называет также имя Ели Юй-ци: «Юань-хао взбунтовался. Его последователь Юй-ци еще до этого создал тангутское письмо. Несколько лет он одиноко просидел в башне и лишь к этому моменту (1036 г. — *Е. К.*) завершил составление письма. И тогда же он подарил изобретенное письмо Юань-хао» [Шэнь Ко, 1936. С. 163–164]. Таким образом, по китайским сведениям, два императора и два вельможи претендуют на честь быть создателями тангутской письменности.

Среди этих лиц явное преимущество источники отдают Ели Жэнь-юну. По сообщению «Сун ши», в 1162 г. ему как создателю тангутского письма был посмертно пожалован княжеский титул. В общем авторы «Сун ши» соблюдают последовательность: вначале приписывают идею введения в стране своего письма императору Юань-хао, сообщают о его повелении конкретно воплотить идею в жизнь Ели Жэнь-юну, а потом указывают на Ели Жэнь-юна как на подлинного создателя тангутского письма. В «Мэнци би тань» назван Ели Юй-ци, а не Ели Жэнь-юн, вероятно, по ошибке — оба эти лица жили в одно время и скончались в одном и том же 1042 г. [Кычанов, 1968. С. 259–262].

Тангутская ода в честь создателя письменности — тангута по имени Ири была обнаружена и опубликована Н. А. Невским [ТФ. Кн. 1. С. 80]. Отождествляя Ели как китайскую транскрипцию имени Ири, Н. А. Невский и его коллега К. К. Флуг заключили, что именно Ели Жэнь-юн — создатель тангутского письма [Флуг, 1933. С. 158]. В 1968 г. я привел дополнительные данные из китайских источников, подтверждающие эту идею. Ели Жэнь-юн был действительно важный гражданский сановник Си Ся, близкий сподвижник Юань-хао, а Ели Юй-ци — человек военный, командующий армией — был казнен Юань-хао в 1042 г., став жертвой китайского оговора [Кычанов, 1968. С. 262].

Однако впоследствии американский профессор Лук Квантен попытался обосновать иную точку зрения: по его мнению, изобретателем тангутского пись-

ма был второй император Си Ся — Дэ-мин. Аргументация Лука Квантена сводится к тому, что Дэ-мин проявлял интерес к буддизму, просил из Китая буддийские тексты и контролировал такой центр буддизма, как Лянчжоу, и, очевидно, ему могла прийти мысль о необходимости введения собственного письма [Luc Kwanten, 1977]. По утверждению Лука Квантена, Ли Дэ-мин, «создавая единую систему письма для тангутского государства, использовал в качестве основы киданьское письмо и, возможно, также китайское. Заслуга Ли Юаньхао состоит в стандартизации используемых письменных знаков» [Luc Kwanten, 1979. P. 98].

Профессор Лук Квантен, как мы видим, не принимает во внимание тангутскую оду об учителе Ири как о создателе тангутского письма и утверждает, что «до сих пор не представляется возможным читать тангутские тексты в каких-либо практических целях». И все же немногие подлинно тангутские источники, в которых есть сведения о создании тангутского письма, существуют, и мы обратимся к ним.

Предисловие словаря «Гомофоны» (послесловие датировано 25 октября 1132 г.) содержит пространное рассуждение о пользе письма и намек на некие обстоятельства, которые могут быть даже истолкованы в пользу версии Лука Квантена: «Знаки письма — средство передачи звуков. Произносятся звуки, и получаются фразы. Обозревая все ценное и великое в мире, людскую мудрость и глупость, создают книги. То, что было накоплено и собрано ранее, понемногу приходит в беспорядок, после чего заново используется лишь единичное, немногое. Я сам, как другие, потерял [многое из того, что знал]. И хотя тем, кто учится, добиваться знаний нелегко, но именно благодаря им (знаниям. — *Е. К.*) есть люди, которые руководят и правят своей семьей и родней, достойные наставники, люди, способные со знанием дела служить в Императорском секретариате по управлению гражданскими делами и в Главном управлении военными делами, писать правильные и чистые по духу сочинения, собирать войска для сражений, искусно вести дела, почитать родителей и старших, быть учтивыми и вежливыми. Восточный и Южный кланы, Гхон [Во] и Пху [Пу], стали опорой Неба. Нгвеми Чхясвеу (Вэймин Дэ-мин), понемногу читая книги, благодаря приобретенным небольшим, но разносторонним [познаниям] учредил Цензорат. И хотя мало было чиновников, подававших верные советы, но они были просвещенными и учтивыми. Восточный и Южный кланы, Гхон (Во) и Пху (Пу), велики и многочисленны, прозваны богатыми и талантливыми людьми, и из [них ныне] приглашены грамотные и верные люди. Они снова исправили то, что было смешано и запутано, и собрали, расположив по классам звуков, больших (основных) письменных знаков — 6133 и вспомогательных (поясняющих) — 6230» [Танг. 18. Инв. № 208][2].

В послесловии к этому словарю сказано: «Ныне легко установить, что число тангутских письменных знаков возросло [по сравнению с тем], которое мы находим при царствовании предков [наших] государей».

[2] Здесь и далее приводятся шифры хранения рукописей в Рукописном отделе ИВ АН СССР.

Текст утверждает два факта — письменность была создана прежде всего для государственных, а не религиозных нужд и к 1132 г. имела свою историю, так как число знаков увеличилось по сравнению с исходным. Упоминание имени Дэ-мина как учредителя органа контроля — Цензората — могло бы свидетельствовать в пользу версии Лука Квантена, но о том, что Дэ-мин заложил основы государственного управления в Си Ся, известно и из китайских источников, а тангутский текст вовсе не называет Ли Дэ-мина создателем тангутского письма.

В предисловии к «Фонетическим таблицам» от 1173 г. тоже говорится о значении письменности, разработки фонетики языка: «Ныне в силу наших заслуг составление "Фонетических таблиц" своевременно и обоснованно завершено. [Они] чрезвычайно важны для государства и являются основой процветания и источником истинной мудрости. [Они] суть источник сочинения и записи сутр и законов Будды, княжеского церемониала, законодательных актов, приказов, талантливых стихов, повременных записей как о чистом (хорошем), так и грязном (плохом), светлом, [связанном со стихией Ян,] и темном, связанном со стихией Инь, [записей] как о счастливых удачах, так и о бедствиях, [источник] сочинения трудов монахов, ищущих спасения в дхарме, сочинения чистых церемониальных песнопений дхармы и составления списков [людей и имущества]. Их можно сравнить с Великим морем, глубоким и безбрежным, вбирающим в себя все реки, неусыхающим и непереполняющимся. [Они] имеются у всех, кто ищет их или желает пользоваться ими, и при солнечном и при лунном свете все приобретают знания. Среди разных гор — самая высокая гора Сумеру. Среди всех искусств — [сочинение книг] не имеет себе равных! Среди всевозможных сокровищ — литература наивысшая драгоценность!» [Танг. 22. Инв. № 620].

Как широко и четко очерчен круг использования письмен! Какой поэтический гимн значению письма в жизни человеческого общества и роли культуры! Но мы в этом тексте не встречаем и намека на имена тех, кто одарил тангутов радостью пользования письмом.

Можно с большой долей вероятности думать, что вопрос о создателях тангутского письма в тангутских сочинениях XII в. обходился сознательно. Процитируем предисловие к тангутскому словарю «Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам»: «Ныне употребляемые письменные знаки явились предкам [народа] ми (тангутов) с помощью прекрасного Неба. Взяв знаки трех Небес, а именно "золото", "дерево" и "железо", сделали [их] главными. [Знаки] "небо", "земля", "ветер", "вода" [также] взяты и выделены особо. [Письмо] оказывает помощь в разных делах со всякими различными ценностями. Однако, поскольку впоследствии были неполные [написания знаков] и пропуски, несоответствия правильной, стандартной форме знаков, а также для того, чтобы все могли изящно выражать свои мысли, как в стихах и одах *фу* и *цы*, великие сановники, исполненные милосердия, выверили чтения [знаков], собрали старые и новые [знаки], исправили [их] произношение в ровном и восходящем тоне. Люди страны должны с любовью учиться правильно [писать и читать], избегать пагубы дурных слов. В отдаленных селениях люди весной пашут землю, светлым летом усиленно работают на прополке полей, осенью косят и жнут, а зимой

[все равно] нищенствуют. Во все прекрасные времена года у этих [людей], не имеющих досуга, разве есть свободное время, чтобы еще и выучить сокровенный смысл письмен? Из сострадания к этим невежественным людям я лично собрал самые жизненно необходимые [письменные знаки] и составил [книгу] "Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам", где они систематизированы по трем разделам. Когда знающие письменность благородные мужи посмотрят на эти письмена, то не смогут не понять мое намерение позаботиться о письме. Если же обнаружится что-то недостающее или что-то лишнее, то после люди смогут сами дополнить или сократить [эту книгу]» [Танг. 23. Инв. № 2535].

Итак, по уверению автора словаря, тангутские письмена были дарованы предкам тангутов Небом. Эта же идея повторяется в оде в честь создателя тангутской письменности учителя Ири:

[В] нашей стране — муж благородный Ири.
В небе — звезда письмен на востоке явилась.
Следуя вместе с письменными знаками,
Запад осветила.

[*Тангут. фонд. 25. Инв. № 121*]

Наконец, в предисловии к «Лотосовой сутре» названо имя императора, при котором было создано письмо: «Эта сутра была рассказана в Индии и в конце концов передана в государства Востока. При императоре [Яо-цинь] династии Цзинь Лоши перевел сутру [на китайский язык]. После этого по указанию, [данному] в своей стране императором Лэкуйвэй, тангуты, установив законы и создав письмо, перевели сутру. <...> Предшествующими поколениями сутра переводилась много раз. <...> Ныне унаследовавший княжеский престол священномудрых предков, почитающий Три Сокровища <...> выступил как Великий заказчик. Еще и месяц не переменил лик, как перевод, исполненный священномудрой рукою, был закончен от начала до конца и распространен в государстве» [Танг. 218. Инв. № 6253].

Недавняя публикация китайских тангутоведов позволяет точно установить, кто был назван «императором Лэкуйвэй». В послесловии к переведенной с китайского языка сутре «Го цюй чжуан янь це цянь фо мин цзин» юаньского издания содержится краткая история перевода буддийского канона на тангутский язык: «Император-Ветер (*Лэ*) государства Ся, заново восприняв и возвысив права этикета, законы и добродетели (силу *дэ*), в год под циклическими знаками *у-инь* (1038 г.) приказал перевести буддийские сутры на тангутский язык наставнику государя Бай Фа-синю и *хоу-бинь-дэ суй чэнь* Чжи Гуану, которые, вначале первый, а потом второй, возглавили группу [переводчиков] в 32 человека» [Ши Цзинь-бо, 1981. С. 72]. Поскольку 1038 год, указанный в этом послесловии, приходится на период правления Юань-хао, не остается сомнений в том, что «император Лэкуйвэй» и есть император Юань-хао.

Таким образом, все доступные нам тангутские источники приписывают сам факт появления письма небесной благодати, рассматривают его как дар Неба, указывают, что письмо было создано по указу императора с именем

Лэкуйвэй (Юань-хао), и только ода о создателе тангутской письменности упоминает благородного мужа Ири в качестве наставника трех тысяч учеников, овладевших дарованным Небом письмом. Это свидетельствует о том, что к середине XII в. история появления самобытного тангутского письма была или все еще табуирована, или попросту неясна широкому кругу лиц. Совсем необязательно, что она была забыта. Возможно, ее намеренно скрывали, чтобы приписать заслугу императору, а не подлинному создателю. Это, по нашему мнению, и привело к тому, что и китайцы по-разному осветили историю создания письма.

Рис. 48. Собрание монахов, занятых переводом буддийских сутр с китайского на тангутский язык. Гравюра XII в. Пекинская национальная библиотека

Думается, что роль императора Юань-хао в действительности свелась к роли организатора и вдохновителя этого дела государственной важности. Письмо составляли и упорядочивали грамотные и ученые люди, целью этой работы было введение законов и делопроизводства для нужд государства. Подчеркнем, что эта работа, наверняка многолетняя, могла вестись как в последние годы правления Дэ-мина, так и в первые годы правления Юань-хао, поэтому и современники, и потомки затруднялись назвать подлинного вдохновителя создания письма. Один из ученых людей, реальных «сочинителей» письма, происходил из старого тангутского рода Ели (Ири). Автор данного очерка сохраняет свою прежнюю точку зрения и считает, что «учителем Ири», благородным мужем Ири был сподвижник Юань-хао — Ели Жэнь-юн. Один ли он изобрел письмо, мы не знаем. Он упорядочил его, обучил этому письму чиновников, ввел его в обиход. Позже письмо упорядочивали еще не раз, о чем красноречиво свидетельствуют цитированные выше тангутские тексты.

Итак, в первой половине XI в. было создано оригинальное по форме тангутское письмо, окончательно введенное в употребление в 1036 г. в ходе административных реформ Юань-хао. Тангутская письменность была создана по образцу китайской иероглифики. Многие графические элементы тангутского письма являлись умелым и хитроумным преобразованием графических элементов китайской письменности, возможно, не без влияния киданьского письма, в свою очередь, также восходящего к письму китайскому.

Следуя принципам, положенным в основу иероглифики, прежде всего идеограмм (*хуэйи*) и фонограмм (*синшэн*), тангуты создали около шести с половиной тысяч знаков. Тангутский письменный знак мысленно вписывался в квад-

рат, тангуты писали сверху вниз справа налево, во всем подражая китайскому способу размещения текста на бумаге.

Следовательно, после 1036 г. тангуты могли фиксировать с помощью своего письма собственный язык, писать на нем деловую корреспонденцию, светские и религиозные книги.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПИСЬМА

Вторым условием бытования тангутской рукописной книги являлось наличие материала для письма. Таким материалом служила бумага. В Китае принято считать, что бумага была изобретена в 105 г. н. э.[3] В 1957 г., во время раскопок в провинции Шэньси обнаружена бумага, датируемая II–I вв. до н. э. Как показали анализы, она была изготовлена из волокон конопли. Близкой к ней по составу оказалась и бумага из Дуньхуана, датируемая VI–VII вв. [Лю Жэньгуан, Ху юй-си, 1976. С. 74]. По заключению Пань Цзи-сина, «на протяжении более тысячи лет, от Хань до Тан, большую часть бумаги, используемой в нашей стране, составляла бумага из конопли». Среди бумаг из Дуньхуана бумага из волокон конопли занимает от 80 до 90% [Пан Цзи-син, 1977. С. 51]. В современном Си Ся сунском Китае начали изготовлять бумагу из луба шелковицы и бамбука. Сунский Китай уже знал вощеную бумагу [Фан Хао. С. 123]. Т. Ф. Картер указывает, что в бумаге из Северного Китая и Восточного Туркестана содержится значительное количество растительных волокон, это объясняется использованием ветоши и тряпья в качестве сырья [Carter, 1955. P. 3]. Тангутская бумага, на которой создавалась тангутская печатная (ксилографированная) и рукописная книга, вся была также изготовлена из тряпок и ветоши. Мы опираемся на результаты анализа, выполненного во ВНИИ бумажной промышленности (Ленинград) в 1964 г. Как показал анализ отобранных 20 образцов, которые отличались цветом, плотностью, наличием видимых вкраплений волокон, твердостью или мягкостью и т. п., бумага изготовлялась из разного сырья и отличалась по качеству.

1. Бумага из льняной и хлопчатобумажной тряпичной полумассы[4]:

Образец № 1. Светло-серая, плотная, лощеная бумага с крупными волокнами. Частота сетки — 7 линий на 1 см[5].

---

[3] Полагают, что из ойкумены китайской культуры бумага попала в VIII в. к арабам, а от них распространилась на Запад. Примерно 800 г. датируется первая греческая бумажная рукопись, созданная не в Византии, а в Дамаске; в Византии же бумага появилась не позднее XI в. 1109 г. датируется древняя бумажная грамота в Сицилии, в XIII в. бумага появляется в Германии.

[4] Следует подчеркнуть, что, по данным анализов, древняя ближневосточная и европейская бумага тоже изготовлялась из льняных тряпок.

[5] Поскольку речь идет о сетке, пересечениях линий, то заметим, что в старом Китае для изготовления сеток обычно использовался конский волос [Пан Цзи-син, 1977. С. 51]. В европейской бумаге, где сетки с давних пор были из проволоки, принято различать горизонтальные, видимые на свет линии сетки — вержеры и вертикальные — понтюзо. На тангутской бумаге видны только вержеры, была ли там сетка из пересечения линий — нам неясно. Плохая различимость понтюзо вообще отмечается как особенность восточной бумаги.

Образец № 2. Светлая, почти белая, хорошо лощеная бумага, более высокого качества, чем образец № 1. Частота сетки — 7–8 линий на 1 см (линии плохо просматриваются). Такая бумага использовалась для светских книг и буддийских рукописных книг высокого качества.

Образец № 4. Белая или почти белая, хорошо лощеная бумага хорошей выработки, без крупных волокон, с затемнениями, где бумажная масса и волокна более сгущены. Частота сетки — 8 линий на 1 см.

Образец № 6. Серая или светло-серая, очень тонкая бумага с включением крупных волокон, близка к образцу № 1. Частота сетки — 7 линий на 1 см (линии четкие). В основном употреблялась для документов.

2. Бумага из льняной полумассы с примесью пенькового волокна:

Образец № 5. Светло-серая или почти белая бумага (всегда следует учитывать естественное потемнение от времени). Частота сетки — 7 линий на 1 см (линии четкие). Мягче и чуть тоньше, чем бумага образцов № 1, 2, 4.

3. Бумага из хлопчатобумажной тряпичной полумассы:

Образец № 16. Светлая, хорошего качества, плотная, даже, можно сказать, толстая бумага без грубых примесей волокон. Частота сетки — примерно 7 линий на 1 см.

4. Бумага из хлопчатобумажной тряпичной полумассы с верхним слоем из шерстяных волокон:

Образец без номера. Светло-серая или почти белая, плотная и мягкая бумага, близкая к образцу № 16, без грубых волокон. Частота сетки — 7 линий на 1 см. Примесь шерстяных волокон внешне незаметна.

Размером рамы, на которую наливали размолотую волокнистую бумажную массу, предварительно сваренную с золой, определялся размер бумажного листа[6]. Встречаются следующие форматы листов тангутской бумаги: 26,5×40,5; 22,3×44,6; 30×45; 32,5×50; 19,5×54,5; 19×55; 23×62,5; 19×66; 20,5×68; 22×68 и 34×78,5. Возможно, данный перечень не является исчерпывающим, но из него видно, что длина листа тангутской книги колебалась от 40 до 80 см, а ширина — от 19 до 35 см. Эти размеры близки к северосунским и даже превышают их.

Писались тангутские тексты тушью и очень редко — как правило, отдельные строки или несколько строк — киноварью. Тушь к XI в. была давним китайским изобретением. Она изготовлялась из так называемой ламповой сажи — в сосуд с маслом опускался хорошо горящий фитиль, сверху его прикрывали железной воронкой. Копоть, обильно оседавшую на воронке, счищали и смешивали с раствором камеди или клейковины до получения пасты, которую затем раскладывали по небольшим формам. Подобный же состав имели и античные чернила, которые тоже изготовлялись из смеси сажи с камедью (вишневым клеем).

[6] Китайские авторы приводят следующие средние размеры листа бумаги для I тысячелетия н. э.: древняя бумага — 10×10 см, династия Цзинь (265–419) — 25×38 см, династия Тан (VII–X вв.) — при разной ширине длина листа до 48 см, северосунская бумага (XI в.) — 30×45 и 33×58 см [Лю Жэнь-гуан, 1976. С. 78]. Формат листа ранней европейской бумаги — 28×45 см, т. е. примерно танский, что и соответствует времени проникновения бумаги на Запад.

Тангуты писали кистью и, может быть, каламом. Определить, каким орудием письма написан тот или иной текст, как это оказалось осуществимым, например, для текстов монгольских [Кара, 1972. С. 110], мы не можем. Рисунки тангутских писцов с орудием письма в руках нам тоже неизвестны. Кисть как орудие письма упоминается в тангутских текстах.

ФОРМЫ ТАНГУТСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

В зависимости от способа брошюровки различаются четыре основные формы тангутской рукописной книги: 1) книги-свитки, 2) книги-гармоники, 3) книги-потхи и 4) книги-кодексы, состоявшие из отдельных сфальцованных тетрадей, переплетенных различным способом вместе.

Книги-свитки представляли собой простейшую и древнейшую форму книги. Листы бумаги, чаще всего стандартного размера, склеивались последовательно в длинную ленту. Первоначальный, основной текст писался на одной, внутренней стороне ленты справа налево. Левый конец свитка аккуратно наклеивался на деревянную или камышовую палочку, концы которой иногда могли равномерно выступать с верхней и нижней стороны бумажной ленты. Книга-свиток сворачивалась слева направо, от окончания текста к его началу. К началу текста приклеивался или лист плотной бумаги вместо обложки (он мог быть склеен из нескольких тонких листов, наложенных друг на друга), или бумажный лист с наклеенной на него (с наружной по отношению к тексту книги стороны) хлопчатобумажной или шелковой тканью. К краю ткани пришивали длинную тесьму. Свернутый в рулон текст заворачивался в такую обложку и перевязывался тесьмой. Сверху на обложку нередко наклеивался ярлык с кратким или полным названием сочинения.

Текст на бумажной ленте писался обычно на определенном расстоянии от верхнего и нижнего края листа. Эти отступы образовывали верхнее и нижнее поля, которые чаще всего были отделены от текста горизонтальными линиями. Вертикальные строки текста нередко имели графление, возможно, разбавленной тушью. Текст начинался с названия сочинения, имени автора, переводчика (если произведение было переведено на тангутский язык с китайского, тибетского или санскрита), редактора (если таковым был император). В конце, как правило, название сочинения повторялось, затем указывались заказчик книги (переписки текста), переписчик, а также время завершения переписки (год, месяц, день), стояли отметки о сверке текста, иногда с указанием имен сверщиков.

Думается, что текст книги-свитка совсем необязательно писали после склейки листов. Листы стандартного формата заполняли текстом последовательно, а затем уже склеивали. Доказательством этому являются последовательно пронумерованные листы в рукописях. Так, в книге-свитке с текстом буддийского сочинения [Танг. 96. Инв. № 4584] каждый лист длиной 54,5 см пронумерован по-китайски, начиная с листа 14 (первые 13 листов не сохранились). Всего свиток длиной 16 м был склеен из 31 листа, сохранились лишь 10 м этого свитка. Чаще

всего для книг-свитков употреблялись листы длиной 45, 50, 53–55, 61, 74–79 см. Общая длина книги-свитка 15–20 м — не редкость: книга-свиток под шифром Танг. 99. Инв. № 5922 имеет длину 15 м, Танг. 300. Инв. № 4925 — 20 м и т. д. Нередко книга-свиток содержала только главу сочинения. Для того чтобы записать все сочинение, требовались десятки и сотни метров бумажной ленты. От буддийского сочинения под шифром Танг. 100 сохранились лишь главы 6, 8, 9, 11, 12, 16. Общая длина книг-свитков с этими главами — более 80 м.

Ширина свитка чаще всего колеблется в пределах 20–30 см. Отметим одну широкую книгу-свиток — 39 см [Танг. 119. Инв. № 899]. Сохранился фрагмент 39×300 см. Эта книга-свиток вообще отличается нестандартным исполнением. Текст обрамлен трехполосной цветной рамкой (полосы коричневая, черная, зеленая), название сочинения в отступление от правил написано с наружной, а не с внутренней стороны листа, близко к самому правому краю, и его было видно тогда, когда свиток был свернут. Графление строк сделано не тушью, а простыми сгибами листа.

Прочно связанная с традицией, прежде всего религиозной, буддийской для Си Ся, тангутская книга-свиток и была по содержанию в подавляющем большинстве случаев буддийской. Это был или канон в тангутском переводе, или комментарии к нему. С религиозной традицией были связаны и некоторые ритуальные обрядовые тексты, необязательно буддийские, также представленные в книгах-свитках. Приведем для примера отрывок из книги-свитка под шифром Танг. 52. Инв. № 4521 «Важнейшие сведения о молении о дожде» (1)[7]: «Если, выбрав подходящий момент и место, ради всеобщего блага и по многочисленным просьбам желают молить у Небесного князя дождь, то извлекают всех драконов, приносящих дождь, из места их обитания и помещают в центре установленного ограждения. Для этих, что добыты, прежде всего сооружают ступенчатый жертвенник. В центре рисуют восемь лепестков чистого цветка (лотоса), затем, связав восемь больших ванов-драконов, сооружают дворец Победы. Вслед за этим среди рисунков, изображающих море и облака, рисуют все существа, относящиеся к воде, и затем в конце все-таки окружают и укрепляют [их] бесчисленным количеством дождевых облаков. В центре белым пишут иероглиф “корень”, “исток” и, приговаривая: “Во благо!”, в соответствии с правилом ставят чистый сосуд в центре алтаря, а на окружающем пространстве размещают ветви ивы и плодовых деревьев, а также деньги, [вырезанные] из бумаги. Затем возжигают три белых и три сладких цветочных аромата и делают подношения разными ароматными съедобными плодами-фруктами. После этого в чистый сосуд и на находящиеся в центре восемь лепестков призывают и вмещают силу роста, цветения и изобилия Небесных князей. После на Змеиные ворота и имеющихся в числе прочих восемь великих ванов-драконов по правилу призывают и вмещают силу роста, цветения и изобилия. Вслед за этим, воздавая хвалу великой мудрости всех ванов-драконов, молят о дож-

[7] Цифра в скобках указывает на порядковый номер данного названия в списке тангутских написаний имен, терминов, названий сочинений, отрывков из этих сочинений, который приводится в конце статьи (см.: Перечень написания имен, терминов, названий сочинений, отрывков из этих сочинений, упомянутых в этой статье, на с. 542–545).

де». Далее говорится, что просьба должна быть повторена два-три-четыре раза, моление о дожде желательно производить в 7, 14, 21-й дни месяца и все это гарантирует дождь и урожай.

Животворящая сила Неба и, соответственно, Небесных князей-ванов, драконы, цветок лотоса, ива, существа и растения, связанные со стихией воды, — все это представления, издревле свойственные китайской культуре, вместе с тем, наверное, и давно слившиеся с культурой тангутской, древним тангутским культом Неба, лотосом — священным цветком буддизма, драконами — представителями подземного и водного царства. Море, дождевые облака, существа, связанные со стихией воды, — все это должно было благодаря магической силе сродства явлений вызвать появление реальных дождевых облаков на небе и обрушить на землю желанное море дождя. Плоды и фрукты, плоды дождя, содействовали произрастанию обильного урожая, а бумажные деньги символизировали то богатство, которое этот урожай обещал.

К ритуальным текстам может быть отнесена книга-свиток Танг. 47. Инв. 4924 «Сочинение, содержащее важнейшие вопросы и ответы об избавлении от демонов», книга оберегов (2) и сочинение учителя Юэло (3) — Танг. 59. Инв. № 4841. Приведем еще в качестве примера «Оберег от болезней»: «Поклоняемся всем Верховным наставникам. Проситель сжимает левую руку в пригоршню. В середине месяца воссоздает в памяти какой-нибудь алтарь (жертвенник). На нем на пяти чисто-белых спицах среди того, что пяти бело-цветным яшмам подобно, вспоминает пять письменных знаков: *сёу* (4), *ха-ха* (5), *хум-хум* (6). Когда в центре между знаками *ом* (7) и *хум* (6) будет вызвано в воображении имя того, кто просит его оберечь, то, направленное вместе с рукой этого больного человека, [оно], очистив тело больного человека и освободив его от болезней, все зло искоренит, а человек, думая о том, что он уже подобен выздоровевшему, должен сто раз прочитать заклинание».

Известны и немногие примеры книг-свитков светского содержания. К числу таковых относится уже описанная в литературе книга-свиток с фрагментом военного трактата «Сунь цзы», крупнейшего военного теоретика Древнего Китая[8]. Примером книги-свитка светского содержания является и свиток под инвентарным номером 5936, сохранившийся лишь фрагментарно. Свиток представляет собой какое-то руководство по фонетике (возможное название сочинения — «Об обучении основам речи по группам [слов], размещенных по инициалям и рифмам»). Наконец, в форме свитка был переписан словарь «Море письмен» (инв. № 4153, 8179), сохранившийся также во фрагментах.

Логическим развитием книги-свитка явились книги-гармоники, очевидно, известные только на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. На возможную связь книг-гармоник с книгами-потхи указывает Д. И. Кара. Книга-гармоника, пишет он, «состоит из одного длинного листа бумаги, сложенного "гармоникой" таким образом, что его поля имеют формат "пальмовых листьев": ширина бумаги остается неизменной и совпадает с длиной "пальмового листа", а бывшая длина разделяется на короткие полосы, образуя ширину "пальмового

[8] В статье об этой книге К. Б. Кепинг заключает, что текст рукописной книги и текст, изданный ксилографически, были «вариантами одного и того же перевода» [Кепинг, 1977. С. 165].

листа"» [Кара, 1972. С. 119–120]. Вместе с тем книга-гармоника могла быть естественным развитием желания преодолеть существенный недостаток книги-свитка — если нужно было прочесть что-то в середине и тем более в конце текста свитка, то следовало разворачивать весь свиток, а это могло быть и 10, и 20, и 30 м. Книга-гармоника представляла собой длинную бумажную ленту, склеенную из равновеликих листов и сложенную в виде гармоники, — такую книгу уже можно было листать. Если текст книги вначале писался на отдельных листах, а потом склеивался, то листы, как и в книге-свитке, нумеровали. Так, в книге-гармонике под шифром Танг. 61. Инв. № 730 бумажная лента была склеена из листов длиной 64,5 см. Такой лист сгибался, образуя шесть страниц книги-гармоники, и каждый лист у места склейки пронумерован по-китайски, сохранились листы 52–55. В книге-гармонике под шифром Танг. 74. Инв. № 34 листы пронумерованы по-тангутски, причем с указанием и главы сочинения: «2-я [глава, лист] 4» (8), «2-я [глава, лист] 5», «2-я [глава, лист] 6», «2-я [глава, лист] 7» и т. д. В книге-гармонике Танг. 74. Инв. № 35 место склейки листов помечено особым знаком .

Книга-гармоника могла иметь отграфленное поле и графление листа (страницы) на строки. К книге изготовлялась обложка, обычно из-за отсутствия картона основа ее была из нескольких склеенных листов тонкой бумаги, практически всегда уже использованной (в одном случае [Танг. 218. Инв. № 64] в обложку вклеена белая ткань). Сверху обложка оклеивалась шелком или холстом. Первый и последний листы книги-гармоники подклеивались, соответственно, к первому и последнему листу обложки (этим книга-гармоника также отличалась от книги-свитка, у которой обложка прикреплялась только к началу текста). На обложке было два сгиба — средняя часть обложки равнялась величине листа книги-гармоники, левая, к которой крепился конец книги, обычно была чуть меньше листа книги или равна его величине и охватывала книгу слева направо, прикрывая ее спереди. Правая часть обложки, к которой крепилось начало книги, охватывала книгу справа налево, она, как правило, была меньше листа книги, составляя от $^1/_4$ до $^3/_4$ листа, и также закрывала лицевую часть книги, покрывая часть и левой трети обложки. На наружной ее стороне в левом верхнем углу обычно была наклейка с рукописным или ксилографированным, часто неполным названием сочинения [см., например: Танг. 74. Инв. № 2863].

Отличный экземпляр книги-гармоники представляет собой книга под шифром Танг. 165. Инв. № 150. Это одно из немногочисленных сочинений, переписанных по заказу (или принадлежащих) императрице Ло, вдове императора Жэнь-сяо и матери императора Чунь-ю, о чем свидетельствует красная печать на книге. В книге 42 листа и 2 листа гравюры, 6 строк по 17 знаков в строке. Бумага хорошего качества. Формат листа — 31×12 см. Четкий, красивый почерк. Поля отграфлены двойной рамкой, наружная линия широкая, внутренняя — тонкая. Верхнее поле — 4 см, нижнее — 3 см. Обложка книги не сохранилась.

Одни из списков «Маха праджняпарамита сутры» — это также книги-гармоники небольшого формата (28,5×13,5 см, 6 строк по 18–20 знаков без графления строк и полей), в синих матерчато-«картонных» обложках. На верхнем

отвороте обложки в левом верхнем углу — наклейка с ксилографированным текстом краткого названия сутры и указанием цзюани: «Сутра Великой праджни, цзюань 1-я», ниже желтой краской «шифр» книги, ее маркировочный знак, отмечающий место данного раздела в общем тексте сутры. Между обложкой текста, с ее внутренней стороны, и текстом вклеена гравюра с изображением Будды, излагающего учение о праджне.

Самая маленькая книга-гармоника в нашей коллекциям имеет формат 4×3,6 см [Танг. 158. Инв. № 783].

Среди рукописных книг-гармоник тангутской коллекции есть любопытная книга [Танг. 144. Инв. № 809], сброшюрованная гармоникой, небольшого формата (11×13 см), сшитая потом в тетрадь — сложенная гармоникой бумажная лента сшита у правых сгибов толстой желтой ниткой.

По содержанию книги-гармоники исключительно книги буддийские, в основном это сутры. Ни одной книги-гармоники светского содержания нам в тангутской коллекции ЛО ИВ АН неизвестно.

Точно так же книгами исключительно буддийского, религиозного содержания являются книги-потхи[9]. У тангутов книги-потхи, естественно, писались только на бумаге. Формат их чаще всего соответствовал формату вырабатываемого бумажного листа, обычно слегка подрезанного, подровненного по краям. Поскольку толстую бумагу тангуты вырабатывать не умели, а тонкий лист для книги-потхи не годился, так как он сгибался и сворачивался в трубку, то листы тангутских книг-потхи обычно клеенные, т. е. составленные из нескольких (трех-семи) тонких листов бумаги. Различаются лицевая и обратная сторона листа. И та и другая стороны заполнялись текстом, могли иметь рамку для текста, поля — верхнее, нижнее, справа и слева (или только верхнее и нижнее) — и графление для строк, всегда вертикальных, идущих сверху вниз, справа налево. На лицевой стороне листа на правом поле мог стоять порядковый номер листа в книге, иногда сокращенное название сочинения и маркировочный знак, указывающий место данного раздела в больших по объему сочинениях. Левое поле листа с лицевой стороны оставалось незаполненным, точно так же, как и поля с обратной стороны. Листы складывались один на другой, вверху было начало книги, внизу — ее окончание, пагинация поглавная.

Между собой листы книги не скреплялись. Прочитав лицевую сторону листа, читатель переворачивал его и читал обратную. Таким образом он прочитывал всю книгу, складывая листы один на другой, и книга оказывалась перевернутой: начало внизу, а конец сверху. Автор данных строк уверен, что такие книги хранились в футлярах или, что, может быть, более вероятно, судя по тибетскому и монгольскому примерам, книга помещалась между двух деревянных досок-обложек и связывалась либо ее заворачивали в ткань. Никаких следов футляров или оберток для тангутских книг-потхи мы не имеем. Ясно и то, что эти громадные книги требовали особого хранения. Приведем примеры размеров книг-потхи. Мы располагаем двумя списками сутры «Суварна-прабхаса» в форме потхи: первый список — формат листа 21×46 см, 33 строки

[9] Этот способ брошюровки был заимствован в Китае и Центральной Азии из Индии. Об индийской книге-потхи см.: [Воробьева-Десятовская, 1988].

Рис. 49. Последняя страница одной из глав «Маха праджняпарамита сутра»

текста по 13 знаков, второй список — 21×32 см, 23 строки по 12 знаков в строке [Танг. 376]. «Махаратнакута-сутра» также имеется в двух списках в книгах-потхи: первый список — формат листа 19,5×54,5 см, 29 строк по 13 знаков, второй список — 32,5×50 см, 21 строка по 19 знаков в строке. Рукопись сутры «Да фан гуан фо хуа янь цзин» имеет форму потхи, размер листа — 22×68 см. Таким образом, все тангутские книги-потхи — это книги больших размеров, точно таких же, как, скажем, пекинские издания буддийского канона на монгольском языке XVIII в. (27,7×71,7 см).

Среди тангутских рукописных книг мы находим только две книги-потхи небольшого формата. Это сутра (9), хранящаяся под шифром Танг. 159, инв. № 5654. Размер листа — 10×21,5 см, верхнее и нижнее поле по 0,9 см, боковые поля по 1 см, на листе 15 строк по 11 знаков. На правом боковом поле лицевой стороны листа — два знака (10) из полного названия сутры и пагинирующий знак. Формат листа второй книги-потхи [Танг. 83] — 8,5×25 см, 17 строк по 7 знаков. Строки графлены киноварью, киноварью очерчены и рамки (верхнее поле — 0,8 см, нижнее — 1 см, боковые — по 1,5 см). Этот экземпляр также любопытен тем, что сокращенное название сочинения из двух знаков пишется справа на лицевой стороне листа, а пагинация проставлена на оборотной стороне листа, т. е. допущены известные отступления от стандарта. Книги-потхи малого формата стали позднее массовой тибетской и монгольской книгой.

Книги-кодексы[10], обычно обозначенные в инвентарных книгах Тангутского фонда Рукописного отдела ЛО ИВ АН как книги-бабочки или книги-тетради («брошюровка по образцу европейской тетради»), на деле отличаются большим разнообразием способов брошюровки [Терентьев-Катанский, 1977. С. 167–168]. Не претендуя на исчерпывающее их описание, мы выделим по крайней мере следующие.

К первому типу книг-кодексов можно отнести те, которые в литературе именуются «сунской книгой-бабочкой». Листы бумаги формата будущей книги складывались пополам по вертикали. Затем эти листы накладывались друг на друга и в месте их сгиба склеивались или сшивались. Такова, например, книга под шифром Танг. 103. Инв. № 2555, состоящая из сложенных пополам по вертикали листов. Текст писался только на внутренней стороне листа. Листы все вместе по сгибу могли быть обклеены полоской бумаги и сшиты, но не по сгибу, а по этой полоске (например, Танг. 49. Инв. № 6500, нитка сшива светло-зеленая, с вплетением золотой нити). Если книга была не очень объемной (это относится и к склеенным образцам), то она сшивалась изнутри по месту сгиба

[10] Книги-кодексы появились в Средиземноморье вместе с началом употребления в качестве писчего материала пергамена. Пергамен легко поддавался фальцеванию, т. е. сгибался не ломаясь. Папирусная книга брошюровалась чаще всего в книгу-свиток, ибо папирус был хрупок, а книга из пергамена брошюровалась в форме книги-кодекса, составленной из отдельных сфальцованных тетрадей, переплетенных вместе. Кодексами по-латыни первоначально назывались *церы* — покрытые воском и соединенные вместе таблички, на которых писали римляне. Предназначались они прежде всего для черновых записей. Позже кодексами стали называться книги, сборники законов. Не исключено, что книга-кодекс пришла на Дальний Восток с Запада. Как отмечает исследовавшая этот вопрос М. И. Демидова, «эта удобная форма книги, по свидетельству дуньхуанских материалов, стала распространяться в Китае с VIII в.» [Демидова, 1974. С. 17].

так, как скрепляются современные школьные тетради. Швы делались по краю листов, по полю [например, Танг. 35. Инв. № 3787], но чаще всего в середине сгиба по внутренней стороне. В этом случае сложенные пополам листы не накладывались друг на друга, а вкладывались один в другой.

Ко второму типу книги-кодекса можно отнести книги, сшитые из нескольких тетрадей, каждая из которых составлена из вложенных друг в друга листов. Так, тангутский перевод «Сяо цзина» [Танг. 1. Инв. № 2627] состоит из четырех тетрадей по 6–10 листов в каждой. Размер листа в разворот по центру — 23,7×29,5 см. Текст заключен в рамку, размер текста — 19×24,7 см. На каждой половине листа (странице) 7 строк по 17–24 знака в строке.

Иногда не заполненные текстом стороны листов склеивали с чистыми сторонами соседних листов по боковому краю. Мы располагаем образцом такой книги [Танг. 164. Инв. № 205]. Книга состоит из 6 тетрадей по 14 листов, размер листа — 25×15 см. Верхнее и нижнее поля — по 2 см. Строки графленые, ширина строки — 2,1 см. На странице 6 строк по 16 знаков. Четкий, стандартный почерк, хорошая бумага. Книга сшита желтыми нитками в два шага, размер шага — 7 см, от места сшива до верхнего и нижнего края листа по 4 см. Переплет склеен из многих слоев бумаги и сверху оклеен синим шелком. Правая сторона переплета, что не очень типично, длиннее левой и, как в книгах-гармониках, охватывает одну пятую часть лицевой стороны книги. На этой заходящей на лицевую сторону части обложки на наклейке из ткани написаны название сутры и номер книги в этой серии. Книга эта интересна тем, что сброшюрована в форме кодекса, а ее обложка явно сделана как обложка для книг-гармоник.

Иногда в рукописных книгах под влиянием ксилографированных изданий встречается *байкоу* — колонка в середине листа по месту его сгиба. Так, книга Танг. 91. Инв. № 2086 и 2090 по способу брошюровки типичная «сунская бабочка», имеет байкоу, выполненное по лучшим образцам ксилографированной книги: каждая страница, правая и левая сторона листа, на определенном расстоянии от середины, т. е. линии сгиба листа, отделена от него вертикальной линией. Текст каждой страницы, таким образом, заключен в рамку, а в середине образована пустая вертикальная колонка, в которой четырьмя короткими горизонтальными линиями выделены сверху вниз два участка: один — для сокращенного названия книги, второй — для номера листа (в данном случае пагинация китайская).

В тех случаях, когда рамка, ограничивающая текст, была сделана на лист в разворот и не было байкоу, композиция текста осуществлялась в пределах рамки и различались правая и левая половины листа, разделенные сгибом. Введение байкоу, когда текст делился рамкой на страницы, не привело в китайскую и подражавшую ей тангутскую книги понятия страницы, и пагинация, если она была, оставалась полистной. Отметим один любопытный случай, когда книга-бабочка [Танг. 116. Инв. № 802] изготовлена из листов бумаги, явно заготовленных для книг-потхи, т. е. листов многослойных, склеенных из нескольких тонких бумажных листов.

Следующий способ брошюровки книги-кодекса заключался в том, что лист сгибался не один раз, а несколько и не только по вертикали, но и по горизонтали.

По вертикали бумажный лист сгибали вчетверо двумя способами. Первый способ — лист большого формата сгибали пополам, а потом еще раз пополам. Получались четыре заполненные текстом страницы книги, из которых две находились на одинарных листах, а две — на одном двойном листе. В книге под шифром Танг. 31. Инв. № 616 четыре таким образом сложенных листа (16 страниц) образуют тетрадь. Книга же состоит из двух таких тетрадей, сшитых вместе в центре сгиба листов двумя нитками, охватывающими корешок книги снаружи.

Второй способ состоял в том, что лист бумаги складывали как гармошку: вначале правая четверть листа сгибалась внутрь, затем на согнутую правую половину листа загибалась его левая половина и, наконец, крайняя левая четверть листа отгибалась в обратную сторону (влево). При таком способе четыре страницы книги приходились на два двойных листа, подобных листам современной китайской книги-бабочки. Но поскольку оба наружных края листа оказывались внутри, такую тетрадь сшивали по байкоу, а не по сгибу. Так сброшюрована, например, книга под шифром Танг. 322. Инв. № 2887.

Строго говоря, эти два способа брошюровки, в сущности, не отличались от вышеописанных способов, когда лист сгибался только один раз пополам по вертикали, здесь просто брался лист большего размера и не разрезался предварительно полистно, а сгибался вчетверо.

Лист большого формата для книги-кодекса сгибали и по горизонтали: сначала пополам по горизонтали, а затем один раз по вертикали. Получалось тоже четыре страницы книги, соединенные между собой неразрезанным верхним или нижним краем. Такие листы или вкладывались один в другой, если книга была небольшой, и сшивались на минимальном расстоянии от края вертикального сгиба [Танг. 30. Инв. № 7104], или складывались один на другой (и тогда книга могла быть толстой) и сшивались [Танг. 22. Инв. № 621].

Во всех случаях страницы книги-кодекса заполнялись текстом только с одной стороны (мы не имеем в виду случаи употребления уже использованной бумаги), и тангутская книга-кодекс при всех способах сгибания, укладки и сшивания листов отличалась чередованием заполненных текстом и чистых листов. Книги всегда были многотетрадными. Как и листы, эти тетради могли быть пронумерованы. В книге-кодексе Танг. 120. Инв. № 6375 10 тетрадей — каждая из 4 листов (8 страниц) — пронумерованы слева от сгиба листа: тетради 1–5 — по-китайски, тетради 6–10 — по-тангутски.

Книги-кодексы имели обложки. Иногда это были просто бумажные обложки, склеенные из нескольких слоев тонкой бумаги. Верхний же лист был чистым, иногда из окрашенной, например желтой, бумаги, или это была ткань, наклеенная на многослойную бумагу, как и в книгах-гармониках, то одноцветная: синяя, желтая, песочного цвета, черная, красная, то с узором в виде кружков, ромбов, цветов, листьев [например, Танг. 74. Инв. № 688]. Переплет мог быть изготовлен из кожи [Танг. 22. Инв. № 620], хотя, возможно, это была большая редкость, по крайней мере если судить по материалам нашей коллекции. Элементом украшения книги-кодекса служила и цветная нитка, которой сшивалась книга (если книга была без специальной обложки). Так, книга Танг. 112. Инв. № 2540 сшита красно-сине-белой цветной ниткой. У книги Танг. 186.

Инв. № 2891 сшиты лишь верхний и нижний края книги, но оставлены длинные концы нитей, скрученные в фитильки и украшающие книгу.

Размеры книг-кодексов были самые разные. Например: «Сяо цзин» [Танг. 1. Инв. № 2627] — 24×14,7 см, «Мэн цзы» [Танг. 3. Инв. № 360] — 21×14 см, «Фонетические таблицы» [Танг. 22. Инв. № 621] — 13×12 см, сутра [Танг. 169. Инв. № 205] — 25×15 см и т. п. К книгам-малюткам относится книга Танг. 185. Инв. № 6771, ее размер — 10×10,5 см. Обложка этой книги оклеена шелком не только снаружи, но и изнутри переплета. Книга под шифром Танг. 167. Инв. № 6775, возможно, самая маленькая книга в фонде, ее размер — 8,5×4 см.

Наконец, если признать наличие специфического вида книги-листа, как это делает, например, М. И. Демидова [1974. С. 19], то к числу таковых могут быть отнесены имеющиеся в Тангутском фонде ЛО ИВ АН немногочисленные чертежи [Танг. 46. Инв. № 5217] и таблицы.

ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСИ

Тангутская рукописная книга, за исключением шелковых обложек, не блистала художественным оформлением и не была иллюстрирована. К числу элементов художественного оформления тангутской книги относятся рамки, которые ограничивали текст, графление строк, оформление байкоу.

Чаще всего рамка была черной, одинарной, того же цвета, что и текст. Но, как мы уже отмечали выше, иногда рамки были выполнены толстой и тонкой линиями, даже тройной линией и могли быть многоцветными, например начерченными красным и черным [Терентьев-Катанский, 1977. С. 168]. Хорошо подбирая пропорции между размером текста и форматом бумаги, ровные и соразмерные поля, создатели книг, несомненно, украшали книгу. Графление строк делалось тоже тушью, но разбавленной, и линии были бледновато-черные; если при графлении употреблялась, например, киноварь, то линии были красные [Танг. 142. Инв. № 571]. Один раз отмечено графление строк двойными линиями [Танг. 67. Инв. № 102]. Ширина строки чаще всего колебалась в пределах от 1,4 до 2,1 см.

По нормам каллиграфии знак должен был вписываться в воображаемый квадрат, чаще всего размером 1 × 1 см. В хорошо исполненных рукописях число знаков в строке было постоянным или расходилось в пределах 1–2 знаков, при более небрежном письме отклонений больше. Стихи (гатхи) записывались с разбивкой текста внутри строки, таким образом, получалось два горизонтальных ряда. Есть случай, когда стихи записаны в три ряда [Танг. 325. Инв. № 5116]. Периоды текста могли быть отмечены кружками или точкой — сбоку или внутри текста [Танг. 1. Инв. № 2627]. Комментарии всегда писали, отступив на один-два знака от основного текста.

Редкое явление — книга на окрашенной бумаге: на желтой и в двух-трех случаях на красной [см.: Танг. 335. Инв. № 2000].

В тангутской коллекции ЛО ИВ АН есть только один образец рукописной книги с иллюстрациями — «Сутра об именах будд» [Танг. 194. Инв. № 8090,

7774]. Перечень имен будд сопровождается довольно грубо исполненными изображениями их в верхней части книги-гармоники. Будды изображены в разных, не менее десяти, позах (санскр. *мудра*). Тело будд желтое, волосы черные, одежды красные, зонты попеременно то желтый, то красный, красные зонты выше, желтые — ниже, рукоять зонта всюду исполнена как китайский иероглиф *му* «дерево». Нимбы белые и красные. Фон двухцветный: за корпусом до головы зеленый, символизирующий растительность, за головой и нимбом — желтый с символическими, контурными рисунками гор красным. Будды восседают на лотосовых тронах (троны нарисованы под надписью с именем будды), контуры лепестков лотоса очерчены красным или черным, лепестки белые. Краски везде сочные, но грубые.

Книга под шифром Танг. 159. Инв. № 5654 украшена рисунком цветов, выполненным тушью, стебли цветов зеленые, сами цветы желтые, под цветами мелкие знаки — свастики.

Но чаще всего немногочисленные рисунки исполнены той же черной тушью, которой написан и текст книги. Приведем некоторые примеры: рисунок человека, возлагающего к субурганам цветы, Будда на лотосовом троне с учениками и рисунок ваджры [Танг. 162. Инв. № 7675, в конце книги]; небольшой, но очень четкий рисунок человека: голова в большой войлочной (?) шапке с загнутыми внутрь высокими полями и правая рука, согнутая у пояса [Танг. 50. Инв. № 4841]; стилизованный рисунок головы быка, исполненный в очень выразительной манере [Танг. 30. Инв. № 6803].

Мы в самом начале своего очерка подчеркнули, что рукописная тангутская книга сосуществовала с печатной, ксилографированной. Поэтому в целом ряде случаев украшением рукописной книги являются печатные гравюры. Обычно они вклеивались перед началом текста книги, между обложкой и заглавием. Так, рукописная книга с текстом «Аштасахасрика праджняпарамита сутра» [Танг. 164] иллюстрирована гравюрами с надписями по-тангутски и по-китайски. Глава 1 [инв. № 49] предварена гравюрой с изображением проповедующего Будды, в левом углу гравюры — надпись по-тангутски: «Будда в горах [под названием] Скопления птиц и зверей излагает учение о праджне». В правом углу — та же надпись по-китайски: «Будда (Жулай) в горах Цзюфэншань излагает учение о праджне». Главу 6 [инв. № 206] украшает гравюра с тремя изображениями ламы с учениками. Лама, поджав ноги, сидит на возвышении в шесть ступеней (войлоков, одеял?), под балдахином с ниспадающими вправо и влево складками. Голова ламы обрита, правое плечо и рука обнажены. Лицо его, на котором не выражены черты монголоидности, изображено довольно реально, стилизованно изображены лишь большие уши. На всех трех рисунках ученики стоят на коленях справа от возвышения, на котором сидит лама, сложив руки ладонями внутрь на уровне груди. Ученики бритоголовы, но плечи и рука у них не обнажены, платье на них с глухим воротом. У учеников тоже стилизованно изображены только уши. На первом рисунке учитель положил правую обнаженную руку на голову ученика. На втором и третьем рисунках левая рука учителя опущена на колени, а правая в мудре наставления.

Реже, чем в печатных книгах, встречаются в тангутских рукописных книгах виньетки, например виньетка в виде цветка или скорее даже целого соцветия

[Танг. 198. Инв. № 833]. Встречаются заглавия, обрамленные орнаментальной рамкой [Танг. 280. Инв. № 4359].

Некоторые рисунки в тексте явно служили для заполнения пустот [см.: Танг. 303. Инв. № 6750], местами между текстом и полем встречается узор в виде спирали с длинным концом № 34 [Танг. 74. Инв. № 35], там, где текст не заполняет строку, поставлен знак ; кстати, этим же знаком, как уже говорилось выше, помечены места склейки листов. Наконец, в целом ряде случаев начальные знаки строки или раздела выделены заставками в виде схематического изображения шатра без острого верха (оно могло быть выполнено и в две линии или в две линии и затушевано), иногда начальные знаки заключены в двойные рамки, основания и навершия которых украшены стилизованными изображениями лотоса [Танг. 24. Инв. № 2539]. На страницах ряда рукописных книг встречаются тамги и стилизованные части знаков тангутского письма[11]. В ряде текстов разделы выделены кружком киноварью [Танг. 1. Инв. № 2627]. Кружками могли быть заполнены неполные строки [Танг. 154. Инв. № 42], или для этой цели использовался знак [Танг. 67. Инв. № 102].

Как бы ни был старателен писец, он допускал ошибки, ошибки могли быть и в переводах, в точном подборе слов; поэтому, говоря о тангутской рукописной книге, нельзя не упомянуть и о способах правки текста. Самым грубым и радикальным способом правки было удаление (вырезание) из текста неправильно написанного знака или знаков и замена его — подклеивался кусочек бумаги с одним, двумя, несколькими знаками правильного текста с тыльной, не заполненной текстом стороны листа так, чтобы новый, правильный текст был точно вмонтирован в вертикальную строку вместо удаленной части. Такой способ правки применялся широко [см., например: Танг. 61. Инв. № 948]. Ошибочно написанный текст мог быть заклеен и сверху полоской бумаги с правильным текстом, так же как это мы делаем сейчас в наших рукописях [см.: Танг. 87. Инв. № 6502].

Вторым способом правки было использование киновари. Неверно написанный знак «вычеркивался» кружком, рядом сбоку писался киноварью правильный знак, который вводился в строку откинутой вправо и вниз сплошной чертой [см.: Танг. 1. Инв. № 2657]. Собственно, такая правка могла быть сделана и не киноварью, а обычной тушью. Правильный знак мог быть и просто написан сбоку, без вводящей его в текст черты. Обычно правильный знак всегда писался справа от исправленного, поскольку приписанный слева знак мог стать причиной смешения текста и искажения смысла. Есть случаи, когда знак написан слева, но только у последней строки листа, на поле.

Чертой вниз вправо вводились и пропуски, допущенные в тексте. Пропущенный знак мог быть и просто приписан справа, напротив промежутка между знаками, там, где должно было быть его место [Танг. 3. С. 15]. Исправления иногда могли вводиться в текст и прерывистой чертой (пунктиром), например в книге под шифром Танг. 24. Инв. № 2539. Замена знака могла быть отмечена крестиком (11). Знак, помеченный крестиком, подлежал замене, а знак, написанный справа, был тот, который должен был заменить неверный знак. Нако-

[11] Описания этих знаков см.: [Терентьев-Катанский, 1969. С. 21–27].

нец, неверные места могли быть просто вымараны (например, зеленой краской в Танг. 119. Инв. № 899) или же вымараны, а рядом еще поставлены крестики [Танг. 67. Инв. № 102].

В удвоениях тангуты никогда не повторяли знак, а пользовались тем же значком, что и китайцы, — птичкой, обращенной «клювом», острием, слева направо.

К числу любопытных пояснительных знаков в тексте можно отнести цифры в заглавиях переводных сочинений. Многие буддийские сочинения имеют два заглавия: санскритское название оригинала в тангутской транскрипции и тангутский перевод. При этом в обоих заглавиях одинаковыми цифрами слева от слова помечались соответствующие друг другу слова. Так, в книге под шифром Танг. 116. Инв. № 801 китайскими цифрами от 1 до 4 помечены соответствующие друг другу санскритские слова в тангутской транскрипции и тангутские слова.

Тангутская рукописная книга во многих своих образцах не знала пагинации. Не пагинированы книги-свитки и книги-гармоники. Рукописные книги-кодексы в отличие от книг-кодексов печатных также очень редко имеют пагинацию. Отсутствует нумерация листов в светских книгах-кодексах, таких, как «Сяо цзин» [Танг. 1], «Мэн цзы» [Танг. 3], словарь «Море письмен» [Танг. 16. Инв. № 4152], словарь «Идеографическая смесь» [Танг. 20. Инв. № 4428], «Фонетические таблицы» [Танг. 22. Инв. № 620 и др.], «Крупинки золота на ладони» [Танг. 30]. Чаще пагинированы те книги, которые имеют байкоу [см.: Танг. 91. Инв. № 4086, 7090, пагинация по-китайски[12]]. Пагинация была нужна не для удобства читателя, а для правильного сложения листов, и появилась она, скорее всего, именно с ксилографией. Сама же идея пагинации, нумерации листов, видимо, была взята из книг-потхи, в которых пагинация всегда присутствует для того, чтобы листы книги не были перепутаны.

Пожалуй, можно в рабочем порядке высказать гипотезу о том, что для центральноазиатской и китайской книги идея пагинации пришла из Индии и Тибета с книгой-потхи, а в практику она была внедрена с утверждением ксилографии, т. е. печатания книг.

ПРЕДИСЛОВИЯ. КОЛОФОНЫ

Тангутская рукописная книга не изобилует предисловиями, послесловиями и расширенными колофонами. Тем не менее в том или ином сочетании в ней имеются указания на автора сочинения, переводчика, государя (если под его покровительством или высочайшей редакцией было переведено или выпущено в свет данное сочинение), переписчика, в буддийских сочинениях — заказчика (донатора) книги, владельца книги, редактора (сверщика текста), указывается дата переписки.

Предисловия и послесловия более характерны для книг светского содержания. Предисловием, написанным, к сожалению, трудно поддающейся чтению

[12] Очень вероятно, что это рукописная копия ксилографированного издания.

скорописью, снабжен тангутский перевод «Сяо цзина». В свое время Н. А. Невскому удалось прочесть дату предисловия (1095 г.) и установить, что комментарии к тому изданию, с которого был сделан тангутский перевод, принадлежали сунскому государственному деятелю Люй Хуй-цину [ТФ. Кн. 1. С. 85]. Судя по этому упоминанию и по частичной расшифровке текста путем подстановки китайских знаков на место расшифрованных тангутских, выполненной Э. Д. Гринстедом [Grinstead, 1972. P. 292–296], тангутское предисловие, видимо, не было оригинальным, а переведено с китайского.

Тангутское предисловие к «Фонетическим таблицам» [Танг. 22. Инв. № 620] было впервые начерно переведено Н. А. Невским [ТФ. Кн. 1. С. 133–134], его полный перевод опубликован нами в книге, посвященной Н. А. Невскому [Громковская, Кычанов, 1978. С. 206–207], и частично процитирован выше в данном очерке. Точно так же мы уже привели выше перевод предисловия к словарю «Разные письменные знаки, классифицированные по трем разделам» [Танг. 23. Инв. № 2535]. Вместе с текстом памятника было опубликовано нами предисловие к сочинению «Вновь собранные крупинки золота на ладони» [Кычанов, 1969. С. 215–219]. Судя по этим публикациям, предисловия к тангутской рукописной книге обосновывают необходимость данного сочинения, дают сведения о времени написания или переписки текста, о лицах, причастных к этой работе. Поскольку часть рукописных книг копировала их ксилографированные издания (например, Танг. 36, инв. № 4930, рукопись сочинения «Вновь собранные драгоценные парные изречения» в Британском музее), предисловия к ним не могут рассматриваться как оригинальные предисловия к рукописной книге.

Предисловия к буддийским сочинениям в рукописной книге чрезвычайно редки. В связи с вопросом о создателе (создателях) тангутского письма мы уже цитировали предисловие к «Лотосовой сутре» [Танг. 218. Гл. 1]. Есть еще предисловие к сутре «Правила исповеди в храме Милосердного и Сострадательного», составленное лянским императором У-ди (502 г.): «Это сочинение “Правила исповеди” составлено (буквально “собрано”) императором Лян ради императрицы из рода Си. После того как императрица Си скончалась, прошло несколько месяцев, а император все оплакивал [ее кончину]. Однажды ночью, будучи во дворце, он услышал звук и, посмотрев, увидел большую змею, которая смотрела на него. Император удивился и спросил: “Мой дворец не место для обитания змей, ты, наверное, нечистый дух, который желает моей гибели?” И змея ответила человеческим голосом: “Змея — истинное тело [императрицы] Си”». Далее рассказывается, что змея из-за болезни зубов не могла принимать пищу. Император прежде очень любил императрицу, и теперь она просила его милосердия. Опечаленный император и созванные им шраманы помолились за змею — покойную императрицу [Танг. 286. Инв. № 5752].

Предисловие это явно неоригинально, оно копирует предисловие к ксилографическому изданию текста и является переводом с китайского. Таким образом, мы имеем одно оригинальное предисловие к буддийской книге, и на основании ленинградской коллекции можно смело утверждать, что тангутские по происхождению предисловия к буддийским сочинениям на тангутском языке практически не составлялись.

В целом для тангутской рукописной книги нехарактерен и колофон, выходящий за пределы указания имен автора, переводчика, заказчика, переписчика и даты. Мы располагаем всего несколькими пространными колофонами на сотни тангутских рукописных книг. К сочинению под шифром Танг. 68. Инв. № 5253 имеется приписка, в которой сказано: «Ради заслуг родивших и воспитавших, батюшки Итэ и матушки Яхэ, мы, тот и другой, выразили пожелание написать золотыми буквами и уже написали "Сутру сердца", благодаря чему принесли дары для увековечивания [их] памяти, описали [родительские] заслуги и пожертвовали всем людям. Пожертвователь — сын Лян Хавачэн. Эти буквы написал Лян Хаваюй». Два брата, оплативших переписку одного из вариантов сутры «Божо синь цзин», посвятили свое пожертвование памяти покойных родителей, что было столь же обычным для буддийской практики той эпохи, сколь и дозволительно было оставлять запись об этом. Любопытно то, что рукописная книга была сделана с ксилографа, изданного по приказу императора Жэнь-сяо тоже в память матери, умершей в 1167 г.

В данном случае колофон на рукописной книге был оригинален и не следовал тексту ксилографического издания сутры.

К главе 358 «Маха праджняпарамита сутры» [Танг. 334. Инв. № 6643] есть приписка: «Заказчик переписки «Трипитаки», двенадцати лет, не обремененный семьей, пребывающий в состоянии покоя монах Люй Юйло (Цзисян) к драгоценным книгам дополнение сделал». В иных случаях в колофоне прямо оговаривается заслуга самого факта переписки книги: «Переписка ныне этой добродетельной книги есть заслуга» [Танг. 334. Инв. № 997]. В другом случае мы находим неподписанный колофон: «Сверив все книги "Пути синь ци фа цзюй" и уяснив [их] смысл, я в этот день, утвердившись в добрых поступках, сделал шаг на пути к тому, чтобы спастись и стать бодхисатвой. Просмотрев мудрые, прекрасные и полные сострадания книги, [люди] прежде всего смогли открыть для себя пользу от учения. Они собрались, будучи назначенными по императорскому приказу, и при рассмотрении трудов [этих] доблестных, мудрых и благородных [людей] нельзя их ни хулить, ни превозносить» [Танг. 114. Инв. № 4718]. В данном случае мы имеем дело с нередкой сентенцией, призывающей к снисхождению к авторам и переписчикам, составителям книги, что вместе с нарочито уничижительными характеристиками автора или составителя было нормой этикета авторского представления книги той эпохи.

В книгах есть приписки, говорящие о пользе: «Кто знает грамоту и прочтет это, тот избавится от болезни» [Танг. 162. Инв. № 7679]. «Когда [эту книгу] прочтут люди, то все обиды и подозрения исчезнут», и далее в стихах:

Я изложил добродетельные законы всех будд,
Дошедшие [до нас] от Пуса и Пути.
И я, сделав это, настаиваю на том,
Чтобы исполненную добра книгу взявший
Приобрел для себя пользу от той мудрости,
Которая в ней содержится.

[Танг. 273. Инв. № 4975]

Один раз встречается благопожелание: «Желаю всех одарить этими доблестями и добродетелью!» [Танг. 74. Инв. № 5757б].

Есть редкие пояснения к переводу. Например, в книге Танг. 116. Инв. № 801 переводчик поясняет, почему он не перевел на тангутский язык слово *бодхи* (12) и оставил его в транскрипции: «Санскритское слово не переведено на тангутский язык из-за своей многозначности. Соответствующее этому [санскритскому] слову слово названо *Пути*. Оно также означает и "сострадательный", и "мудрый", и "тело" и соответствует тангутским словам "доблестный", "достойный", "просветленный", а также означает "ствол дерева"».

А за текстом словаря «Различные письменные знаки» автор или переводчик написал изречение, утверждающее его мужское достоинство:

> Мужчина хоть и захудалый, а на женщине спит,
> Женщина хоть и сильная и благородная, а под мужчиной спит!
>
> [*Танг. 20. Инв. № 4428*]

Другое изречение мы находим на листе текста «Махапраджняпарамита-сутры»:

> Не живут в соответствии со смыслом [этой] книги —
> нарушением долга почитания родителей расплачиваются,
> Из числа писцов и самый захудалый бумагой и кистью
> для письма дорожит.
>
> [*Танг. 334*]

Как мы видим, колофоны в тангутской рукописной книге, особенно буддийской, составляющей большинство, малочисленны и достаточно по-буддийски стандартны.

На тангутских рукописных книгах нет печатей. Лишь один экземпляр книги-гармоники превосходного качества [Танг. 153. Инв. № 87] украшен большой красной печатью императрицы Ло: «Белого Высокого государства вдовствующая императрица Ло, преданная ученица, к сутрам Великой «Трипитаки» на тангутском языке (13) один раздел «Трипитаки» (14) полностью добавила и заново переписала. Он положен в хранилище сутр (15) в общине монастыря Тяньсяцинъюсы (16) для того, чтобы быть там вечно, и уже стал тем, что читают и распространяют, чему поклоняются и приносят жертвы». Текст этой печати сообщает нам крайне важные сведения: во-первых, мы узнаем, что к концу XII в. существовала «Трипитака» на тангутском языке, т. е. что примерно за 150 лет весь или почти весь буддийский канон был переведен на тангутский язык [см.: Kychanov, 1984. P. 386]; во-вторых, что в Си Ся при монастырях существовали хранилища сутр, библиотеки. Это можно было предполагать, но важно подтверждение факта существования такой библиотеки при монастыре, китайское название которого, видимо, было Тяньцинсы («Небесное счастье», или «Счастье Поднебесной», как можно думать, исходя из тангутского названия монастыря).

В своем описании китайских рукописных книг и ксилографов из Хара-Хото Л. Н. Меньшиков высказал предположение, что вся библиотека, точнее, все книги, найденные П. К. Козловым в субургане, — личная библиотека вдовствующей императрицы Ло, сосланной, по мнению Л. Н. Меньшикова, в Хара-Хото после того, как был лишен престола ее сын — император Чунь-ю [Меньшиков, 1984. С. 85][13].

«Можно не сомневаться, — пишет Л. Н. Меньшиков, — что после того, как сын ее был свергнут, а новый правитель не без ее участия получил утверждение на престоле, она была отстранена от государственных дел. Ее дальнейшая судьба неизвестна, но некоторые данные... заставляют предполагать, что она стала буддийской монахиней, была сослана в Хара-Хото и после смерти погребена там в "знаменитом субургане" ...Если это все верно, то можно думать, что и собрание книг в "знаменитом субургане" — это ее личная библиотека» [там же. С. 75].

Таким образом, доводы Л. Н. Меньшикова в пользу его гипотезы следующие: по некоторым данным можно предположить, что императрица Ло в последние годы стала монахиней; в найденном субургане захоронена женщина; в субургане же среди книг имеются «личные императорские экземпляры» [там же. С. 74–75]. Мы не будем опровергать гипотезу Л. Н. Меньшикова, она нам кажется заманчивой и интересной, хотя доказательства, приводимые им, недостаточны и не подтверждаются, как мы увидим ниже, материалами тангутской рукописной книги. Среди рукописных книг на тангутском языке, найденных в Хара-Хото, упомянутый нами экземпляр — единственный, который мог принадлежать императрице Ло. Действительно, в субургане, по первому определению антропологов, была захоронена женщина, но череп «хозяйки» субургана утерян, во всяком случае, проверить правильность данного определения пока невозможно. Наличие большого числа изданий, выполненных по заказу Ло, можно объяснить (как это делает Л. Н. Меньшиков) тем, что это часть не розданных ею книг, но допустимо и то, что в Хара-Хото могло попасть и попало немалое число этих изданий, тираж которых был велик. Среди тангутских рукописных книг, судя по заказчикам и переписчикам, явно преобладали книги местного происхождения. Этот аргумент не отрицает гипотезу Л. Н. Меньшикова: императрица могла собирать свою библиотеку книг местного происхождения, но и не подтверждает ее. Хотелось бы, чтобы точка зрения Л. Н. Меньшикова была подкреплена более вескими доказательствами.

Обратимся к тем терминам, которые мы встречаем в колофонах тангутской рукописной книги и которые отражают процесс создания книги. Для производства книги (17) требовались кисть для письма (18), бумага (19) и знание грамоты, письменных знаков, идеографов (20). Книги могли делиться на цзюани (21, 22). В больших, многоглавных (многоцзюаневых) сочинениях было принято понятие раздела, группы глав (цзюаней), обычно десяти, объединенных одним маркировочным, шифровальным знаком. Такая группа из де-

[13] О ссылке императрицы Ло у нас нет достоверных сведений, но есть данные, свидетельствующие о том, что она сама считала сына неспособным управлять страной в опасный момент перед угрозой монгольского нашествия.

сятка глав в многотомных книгах именовалась связкой (23)[14]. Книжное значение этого тангутского термина было неизвестно ранее, мы установили его по колофонам, прежде всего по колофону к третьей главе (издание в виде книги-потхи) «Махаратнакута-сутры» [Танг. 357], где сказано: «Заказчик, оплативший часть заказа, переписчик связки (десяти глав сутры) под маркировочным знаком (24)» (25). Маркировочным знаком (24) шифровались главы 21–30 этой сутры.

Указания на авторов нередки, хотя авторство обозначалось разными терминами: «сочинил», или «сделал» (26, 27), и «собрал» (28), «по государеву (высочайшему) приказу собрал» (29), «передал» («переложил», «пересказал») (30), «изложил» (31). Существовал особый термин для авторов предисловий: «с чувством робости написал предисловие» (32). Установить разницу в употреблении этих терминов мы в данный момент затрудняемся, хотя можно предположить, что слово «сделал» в смысле «сочинил», очевидно, могло отражать максимальную степень творчества, а «передал», «переложил» — минимальную. Хорошо известно, что средневековое представление об авторстве далеко не совпадало с нашим. Помимо предисловий авторами, как правило, были написаны небольшие сочинения (это касается не только тангутских авторов, но и тибетских, и китайских, которых переводили), сутры же, естественно, как и целый ряд значимых и священных для буддистов Центральной Азии сочинений, были только переведены на тангутский язык.

Мы встречаем термин «переводчик на тангутский язык» (33) и целый ряд формул, вводящих в колофон сведения о переводчике: «этой книги переводчик» (34), «с тибетской книги на тангутский язык перевел» (35), «перевел» (36), «на тангутский язык заново перевел» (37), «с текстом книги на санскрите (на одном из индийских языков) сверил и повторно перевод правильный сделал» (38), «по императорскому указу перевел» (39), «на тангутский язык перевел» (40), «высочайше перевел» (об императорах и императрицах) (41). Наконец, встречается термин, отражающий какую-то авторскую работу в процессе перевода: «перевел и переложил (пересказал, передал)» (42).

Хорошо известно, что переписка и распространение буддийских священных текстов почитались большой религиозной заслугой, потому люди состоятельные жертвовали деньги на переписку сутр как во имя накопления своих личных заслуг, так и в память умерших близких, прежде всего родителей (см. выше). Имя заказчика (донатора) часто упоминается в колофонах. Заказчик обозначается в колофонах следующими формулами: «заказчик» (43), «этой книги заказчик» (44), «этой книги добродетельный заказчик» (45), «чистой книги заказчик» (46), «этой сутры заказчик» (47), «чистой сутры заказчик» (48), «[книги] истины заказчик» (49), «чистой истины заказчик» (50), «заказчик переписки» (51–52). В ряде случаев может быть приведено сокращенное название произведения, которое заказало переписать данное лицо (53–54). Встречается упоминание о «заказчике перевода» (55).

Заказчики по-разному упоминаются в колофонах и в зависимости от участия в оплате переписки, их доли в этом благом деле. Один раз [Танг. 334.

[14] По-видимому, понятие связки заимствовано от китайцев: кит. *чжи* — связка в 10 свитков.

Инв. № 981] упоминается «заказчик переписки "Трипитаки"» (56). Нередко встречается термин (57–58), означающий, по-видимому, заказчика переписки большого раздела многоглавной сутры или какой-то сутры в целом, — мы затрудняемся передать его точно по-русски, но полагаем, что этому термину может соответствовать такой эквивалент, как «генеральный заказчик», в тех случаях, когда заказчиков было несколько. При нескольких заказчиках выделяются также «главный заказчик» (59) и второстепенные: «заказчик, сделавший заказ с имеющимся главным» (60), а также «долевые заказчики», заказчики, «оплатившие часть заказа» (61–63). Термин, определяющий долевое участие, тоже не сразу поддался переводу и был раскрыт нами лишь посредством фронтального просмотра всех рукописей. Помогли более развернутые записи в колофонах, где доля — заказанная данным лицом часть сочинения — была точно указана: «долевой заказчик, [оплативший переписку] двух цзюаней» (64), «долевой заказчик, [оплативший переписку] пяти цзюаней» (65), «одной цзюани долевой заказчик» (66). Мы встречаем случаи, когда слово «долевой», или «оплативший долю (часть заказа)» (67), в колофоне отсутствует, а указан лишь конкретный объем заказа: «заказчик переписки одной связки (10 цзюаней)» (68), «"Великой праджни" одной связки заказчик» (69), «заказчик переписки одного раздела "Великой праджни"» (70). Конкретный объем понятия «один раздел» — два первых знака из термина (70) — нам пока установить не удалось. Наконец, в разных вариантах отмечены лица, которые были одновременно и заказчиками, и переписчиками текста (71–73).

Встречается и другой термин (74), обозначавший дарителя (жертвователя, заказчика). Было ли это чисто терминологическое расхождение или какое-то различие в оформлении взноса, заказа, мы сказать не в состоянии. Термин употреблялся в значительной мере в тех же сочетаниях и в тех же значениях, что и вышеприведенный (43); упоминаются «пожертвовавший на переписку» (75) и «пожертвовавший долю на переписку» (76).

Книгу писал переписчик, и всегда или почти всегда он упомянут в паре с заказчиком в колофоне, если таковой имеется. И упоминается переписчик (77–79) с теми же атрибутами, что и заказчик: «книги переписчик» (80), «этой книги переписчик» (81), «чистой книги переписчик» (82), «сутры переписчик» (83), «этого переписчик» (84), «этих знаков письма переписчик», «тот, кто переписал эти знаки письма» (85). Как и заказчик, заказывавший часть сочинения, переписчик мог переписать только часть текста, поэтому мы в той же терминологии, как и с долевыми заказами, встречаем упоминания в колофонах о переписке части текста: «переписчик части текста» (86), «переписчик части — третьей цзюани текста», «переписчик части — пятой цзюани текста» (87–88), «этой первой цзюани переписчик» (89). В одном случае [Танг. 334] переписчик назван образно: «[Для написания] чистой книги кисть державший»[15] (90).

Переведенный и переписанный текст подвергался сверке и редактированию. Отметки о проверке присутствуют в подавляющем большинстве буддийских рукописных книг, даже тогда, когда не упомянуты ни заказчик, ни

[15] Ср. китайский термин *бишоу* «принимающий на кисть».

переписчик. Редко, но указывается и имя сверщика текста. В колофонах, в отметках о проверке текста, мы встречаем следующие термины: «сверщик», «редактор» (вероятно, эти два вида работы с текстом в Си Ся строго не различались), «тот, кто производил сверку текстов и исправил ошибки» (91, 92), «высочайше отредактировано» (об императоре и членах императорской фамилии) (93), «с тибетским текстом сверено» (94), «тот, кто повторно эту сутру из серии "Панча ракша" тщательно сверил» (95), «чистые тексты сопоставлял» (96). Ряд терминов при сверке текстов, именно сверке, а не редактировании в нашем смысле слова, содержит и упоминание о результатах сверки: «сверено, [текст] идентичен» (97), «один раз сверено. [Текст] идентичен. Книга чистая» (98), «повторно проверено, чисто» (99). Пометы указывают на неоднократность проверки, сличения текстов, поскольку копирование канонических книг должно было производиться без ошибок: «один раз проверено» (100), «один раз повторно проверено» (101), «три раза проверено» (102) и т. д. В одном случае, когда переводчиком и редактором, видимо, было одно и то же лицо, мы находим формулу: «перевел и сверил (отредактировал)» (103) [Танг. 283. Инв. № 2544]. Один раз мы встречаем формулу визирования текста императором: «просмотрел и утвердил» (104). По меньшей мере дважды упомянуты не общие, итоговые, а конкретные результаты проверки: «Смысл знака неточен, кажется, он означает "на", "находится на"» [Танг. 353], «Вверху не хватает одного знака» [Танг. 349].

В колофоне книги также редко может быть обозначен и ее владелец — «книги владелец» (105) или — с указанием сокращенного наименования книг — «этой книги "Праджня" владелец» (106) (см. также Танг. 230, инв. № 890 и др.). В одном лице могли совмещаться заказчик книги и ее владелец, что выражено словами «владелец-заказчик» (107). Одним лицом мог быть переписчик и владелец книги (108).

Существовала в тангутском государстве и цензура. Именно так мы можем расценить три отметки о дозволении книг. Цензор именовался «тот, кто дозволил» (111), «дозволивший книгу» (112) или «это дозволивший» (113). Наше мнение о том, что это дозволяющее, разрешающее лицо исполняло функции цензора, подтверждается в колофоне книги под шифром Танг. 64. Инв. № 7578б: «тот, кто разрешил книгу, сочинения просматривающий Ркачэн».

В одном случае в колофоне указан разметчик текста: «тот, кто сделал надписи красным» (114). Действительно, текст размечен красными точками. Понятно, что разметка текста, членение его на какие-то смысловые единицы, способствующие его усвоению, была делом, требовавшим высокой квалификации. Один раз [Танг. 74. Инв. № 562] упомянут брошюровщик книги (115), лицо, которому было поручено сделать брошюровку (116).

В заключение о формулах колофона отметим одну из них (109), которую нам не удалось расшифровать из-за отсутствия основного слова среди известных нам знаков. Так же непонятно, почему в одной из глав «Маха праджняпарамита сутры» в колофоне есть упоминание о лице, вслух читавшем текст 270-й главы сутры: «письмена одной цзюани вслух прочитавший» (110). Может быть, это тоже было как-то связано со сверкой текста или с удостоверением в том, что этот текст понятен и на слух.

ДАТИРОВКА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Колофон тангутской рукописной книги часто содержит дату, как правило, дату завершения переписки книги. Обычный способ датировки: указание года по девизу царствования, подкрепленное обозначением его китайскими циклическими знаками в тангутской графике, а также месяца и дня[16]. Даты, не поддающиеся расшифровке, встречаются довольно редко. Это те случаи, когда рукопись датирована только годом двенадцатилетнего животного цикла. Например: «Переписка окончена в 25-й день пятого месяца года Зайца» [Танг. 226] или «Закончено в последний зимний месяц в 5-й день» [Танг. 243]. Без дополнительной информации установить соответствие таких датировок нашему календарю невозможно.

В коллекции тангутских рукописных книг в ЛО ИВ АН книги под 27 шифрами имеют точные даты. Самая ранняя из рукописных книг датирована 1151 г., самая поздняя — 1222 г. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что эта коллекция отражает состояние рукописной книги в Си Ся за последние 75 лет существования тангутского государства. Как уже отмечалось выше, дату в предисловии к тангутскому переводу «Сяо цзина» (1095 г.) мы не считаем датой переписки этой книги или перевода ее на тангутский язык, этим годом датировано китайское предисловие оригинала.

Чтобы выяснить хотя бы приблизительно региональную принадлежность тангутской рукописной книги из собрания ЛО ИВ АН, обратимся к упоминаниям местностей и должностных лиц среди заказчиков и переписчиков книг. Среди заказчиков трижды упоминаются жители Хара-Хото: Хара-хотоский хозяин Ехуа На<...>ю (117) [Танг. 74; Танг. 61], в книге Танг. 61 он же назван и как владелец книги, хара-хотоский хозяин, чиновник, служащий внешних дворцовых покоев государя Вэйрви Ланьква (118) [Танг. 74] и, видимо, его родственник (брат?), ответственный за транспортные перевозки в Хара-Хото, Вэйрви Юква (119) [Танг. 357]. Происхождение этих рукописей из места их находки, т. е. из мертвого ныне города Хара-Хото (на территории современного аймака Эдзина, автономный район Внутренняя Монголия, КНР), несомненно. Среди заказчиков упоминается также ганьчжоуский монах Нюйнюй Цзунмин (120) [Танг. 76; Танг. 357][17].

Два заказчика были из мест, которые не поддаются пока определению: Ютэ Далян (121) с гор Мэйшань (122) и Аюй Квию (123) родом из местности Наньюань (124). Он покинул семью и жил отшельником, сутру [Танг. 334] заказал в память о своей матери Ин Пан, судя по имени, возможно, китаянки. В одном случае упомянуто место переписки в 1154 г. текста «Маха праджняпарамита сутры», гармоники малого формата, — Инбао (125). Инбао, судя по названию,

[16] Датировка тангутской книги ранее была уже описана в специальной статье, к которой мы и отсылаем читателя [Терентьев-Катанский, 1974. С. 215–225].

[17] Известно, что Хара-Хото административно относился в Си Ся к Сучжоуско-Ганьчжоускому району.

крепость, и не исключено, что тоже располагалась в районе Эдзина — Хара-Хото. Среди переводчиков упоминаются шрамана Хуй Мин и шрамана Фа Хуй: первый — с гор Бэйшань (126), второй — с гор Юйниншань (127). Отсутствие в колофонах упоминаний столицы и крупных административных центров тангутского государства, за исключением Ганьчжоу, расположенного к югу от Хара-Хото, позволяет нам считать, что рукописная тангутская книга нашей коллекции «провинциальная», она, по крайней мере в большей своей части, происходит из Хара-Хото и прилегающих к нему районов.

Упоминаемые в колофонах монастыри, как правило, были местами перевода, и они необязательно связаны с местами заказа и переписки книги. Это — монастырь «Явление пяти прозрений» (128), здесь был переводчиком Хуй Мин, монастырь «Опора государства» (129), Ланьшаньская пагода Цзуаинь (130) в горах Ланьшань (современные горы Хэланьшань), Ланьшаньская обитель (131) и «Святая обитель», или «Святой монастырь» (132), где работал переводчик Фа Хуй (133). То же ли это лицо, что и переводчик Фа Хуй с гор Юйниншань, о котором мы упоминали выше, сказать трудно: монашеские имена монахов-переводчиков могли совпадать. Если это одно и то же лицо, то тогда «Святая обитель» находилась в горах Юйниншань. Несколько раз встречающийся в колофонах монастырь «Великий народ (?)» (134), кажется, был монастырем китайским, местом перевода буддийских сочинений на китайский язык с тибетского и санскрита.

Поскольку книги делались в провинции, мы не находим среди заказчиков людей из столицы. Среди заказчиков «Маха праджняпарамита сутры» упоминается один, названный «родственником» (следует иметь в виду «родственник правящего дома»), во второй раз прямо названный «родственником императорского дома» и по должности — *чэнчжи*, или «принимающий приказы»[18] и, наконец, в третий раз обозначенный как «переводчик тангутского и китайского языков, чэнчжи управления достойных и заслуженных (буддийской сангхой), родственник императорского дома Хуй Шэн» (135). То, что заказчик — монах, родственник правящего дома, еще не значит, что он человек из столицы, что заказ сделан и выполнен в столице. Это мог быть дальний родственник какой-нибудь из императриц или жен великих князей. Самое отдаленное родство с правящим домом давало некоторую правовую защиту, было почетно и поэтому, естественно, отмечалось. Но этот человек вполне мог быть жителем Хара-Хото или близкого к нему района.

Двое из заказчиков носят фамилию правящего императорского рода Вэймин [Танг. 28; Танг. 334]; заказчик Вэймин Ваваю (136) и, судя по имени, монах Вэймин Цзюехай (137).

Однако упоминаний об их родстве с государем нет, а, как мы видели выше, такое родство непременно было бы обозначено. В числе прочих заказчиков-чиновников мы не находим людей с высокими должностями. Или упоминается, что данное лицо просто чиновник: «заказчик переписки — добродетельный муж, чиновник Ехэ Нацзичэн» [Танг. 67], или указывается точная должность:

[18] «Принимающий приказы» — должность одного из заместителей начальников управлений в системе тангутской администрации.

«генеральный заказчик — пограничный эмиссар, командир марша Вэйи Шанька» [Танг. 357], «заказчик текста — пограничный эмиссар Вэйи» [Танг. 376]. Это должности, вполне соответствующие рангу Хара-Хото как пограничного города с пограничным гарнизоном. Заказчик Ехуа чэнчжи [Танг. 376], т. е. имеющий должность «принимающего приказы», был старшим служащим любого из административных управлений, размещенных в Хара-Хото. Два лица — «чистой истины заказчик — служащий дворцовых покоев монах Лян Рцзенго Шаньжун» [Танг. 334] и «служащий внешних дворцовых покоев Кэн Санка» — были в штате многочисленной администрации, разбросанной по всей стране и обслуживающей разнообразные нужды двора, «заказчик двух цзюаней — приближающийся к добродетели направляющий Рамбу Кхавачэн» занимал самую низшую в администрации Си Ся должность направляющего. Можно быть почти уверенным, что все это были чиновники местной хара-хотоской администрации. Среди 78 четко обозначенных и выделенных нами заказчиков — 22 монаха. Очевидно, что большинство заказчиков рукописных книг, книг разового заказа и нетиражированных, были миряне.

Из 58 переписчиков один носит фамилию Вэймин, без указания на то, что он родственник правящего дома [Танг. 334], один — служащий внутренних дворцовых покоев в должности клерка или секретаря [Танг. 349] и один — просто служащий внутренних дворцовых покоев, без указания конкретной должности [Танг. 334]. Кроме того, в числе переписчиков 22 человека были монахами. Прочие переписчики никак не обозначены, указаны только их имена. Социальный статус переписчиков, очевидно, был ниже, чем у заказчиков.

Из 10 владельцев книг ни один не имеет чиновного звания, два из них — монахи. Все сверщики текстов — люди тоже нечиновные, один из них монах. Зато среди трех лиц, дозволивших появление книги на свет, двое четко определены как цензоры по службе: «тот, кто разрешил книгу, сочинения просматривающий Ркачэн» [Танг. 64. Инв. № 7578б] и «цензор, допустивший переписку [книги], Вэйрви Рцзингу» [Танг. 77]. Совершенно очевидно, что копирование буддийских книг, их переписка контролировались официальной государственной службой цензуры.

Переводчики не могут характеризовать локальную привязку книги. Из 23 выделенных нами переводчиков все до одного монахи. В этом нет ничего удивительного: буддийские тексты с китайского, тибетского, санскрита на тангутский переводили ученые буддисты, люди, принявшие обет монашества. Пять раз в качестве переводчика выступает монах по имени Хуй Чжао. Четыре раза он указан как «шрамана Хуй Чжао» [Танг. 81, 89, 322, 325] и один раз [Танг. 241] с указанием на служебную принадлежность к «Бюро по изучению трех учений (или трех школ)»[19]. Еще раз с титулом и фамилией как «магистр тангутской и тибетской словесности добродетельный Ли Хуй Чжао из монастыря "Пять прозрений"» указан он в книге под шифром Танг. 103. К сожалению, из-за стандартности монашеских имен мы не можем быть уверены, что во всех

[19] Данное управление встречается и в текстах из Хара-Хото на китайском языке как Сань сюэ юань, и, видимо, это было учреждение по переводу и пропаганде основных канонов буддизма, конфуцианства и даосизма.

случаях монах Хуй Чжао непременно одно и то же лицо. Это относится и к переводчику шрамане Фа Хуй (133). В книгах под шифром Танг. 289 и Танг. 203 он упомянут как «"Святой обители" шрамана», затем в тех же книгах [Танг. 203] «указан "знаток Трипитаки", магистр тангутской и тибетской словесности, наставник в законе (*фаши*) шрамана Го Фа Хуй». Вероятно, это одно и то же лицо. Но в книге Танг. 309 указан «с гор Юйниншань Хуйцин государственный наставник (*гоши*) шрамана Фа Хуй», и мы не можем с определенностью идентифицировать его с вышеупомянутым шраманой Фа Хуй. Дважды в книгах упомянут с одной и той же должностью переводчик Дэ Мяо [Танг. 86; Танг. 252]: «оставивший семью, *чэнчжи* управления достойных и заслуженных шрамана Ли Дэ мяо».

Среди прочих титулованных переводчиков назовем «переводчика книг на тангутский язык, настоятеля, шраману, носящего красные одежды, Ини Фа Хая» [Танг. 362], ланьшаньского Мудрого и светлого, государственного наставника шраману Дэ Хуй [Танг. 126], «знатока «Трипитаки» с гор Чжи шань (139), государственного наставника Ян Се И» [Танг. 103], «*фаши "Трипитаки"* на китайском языке И Цина» [Танг. 176] и Ло Ши [Танг. 171], «проникающего в сокровенное, *фаши*, помощника (заместителя начальника) в управлении достойных и заслуженных Чжоу» [Танг. 195], переводчика «Северных гор скромного шраману Дэу... Хуй Мина» [Танг. 179]. Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство переводчиков носит китайские фамилии. Была ли это какая-то традиция, или они действительно были китайцами или китайцами по происхождению? Мы не имеем возможности ответить на этот вопрос.

Среди авторов назовем только тангутов в тех случаях, когда это совершенно очевидно. Авторство большинства сочинений коллекции, сутр приписывалось Будде. Следующую значительную часть книг составляли труды проповедников и комментаторов из монастырей Тибета и Китая, и авторами их были буддисты Китая или Тибета. Поэтому тангуты выступают или авторами комментаторских сочинений, или переводчиками и составителями тех или иных книг. К числу оригинальных тангутских авторов, возможно, относится ланьшаньский монах в звании государственного наставника, с монашеским именем Фа Шицза («Лев Закона») (140). Его кисти принадлежат явно не канонические сочинения [Танг. 47; Танг. 90; Танг. 397]. Возможно, тангутом был автор комментариев на «Бодхисатвачарьяватару» Бао Шицза («Лев-Драгоценность») (141) с официальным званием «знаток тибетской и китайской "Трипитаки"». Не раз упоминавшийся в тангутских текстах ланьшаньский просветленный государственный наставник шрамана Дэ Хуй (142) в списке авторов рукописной книги появляется один раз [Танг. 68] как лицо, по императорскому приказу сделавшее перевод и изложение сочинения «Шэн фому божо синь цзин». Из авторов, выполнявших ту же работу, т. е. перевод и переложение, композицию текста, подборку из разных оригинальных источников, работавших над текстами конфуцианского содержания, назовем Цао Даоаня (143), возможно китайца, действительного члена Тангутской академии, чиновника в должности чэнчжи в управлении особым районом генерал-губернаторства (*дудуфу*) — областью, расположенной вблизи столицы. Цао Даоань «заново собрал и перевел» «Вновь

собранные записки о сыновней любви и почтительности» [Танг. 31] и «перевел и изложил» сочинение, называвшееся «О достойном поведении» [Танг. 36].

Можно назвать еще автора заклинательных текстов [Танг. 50; Танг. 90] Юэло (144) и тангутских поэтов, сочинителей од [Танг. 26] — Моюй Гоурцзи (145), Морцзе Вонго (146), Мбевэй Гоунцзэн (147), И ... Динме (148).

Анализ списков заказчиков, переписчиков, сверщиков текстов, владельцев книг, т. е. людей, с большей долей вероятности проживавших в регионе появления на свет рукописной книги, позволяет выявить некоторые фамилии или кланы, состоятельность и образованность которых позволяли им быть в числе первых в деле распространения книги.

Судя по нашим материалам, наибольший вклад в книжное дело района Хара-Хото внесла семья Лян (149), представители древнего тангутского рода, упоминавшегося еще до существования Си Ся в китайских сведениях о тангутах. Мы можем указать из семьи Лян шесть переписчиков, семь заказчиков, одного владельца книги, одного редактора и одного сверщика текстов. Монах Лян Рцзеню Шань Жун (150) дважды назван заказчиком таких объемных сочинений, как «Маха паринирвана сутра», «Маха праджняпарамита сутра». Упоминаются братья Лян Хаваюй, Лян Хавачэн и Лян Хавачун: один (Лян Хавачэн) как жертвователь и два как переписчики — Лян Хаваюй (текст под шифром Танг. 68), Лян Хавачун (часть текста «Маха ратнакута сутры»).

Семья Вэйрви, судя по имеющимся данным, уже бесспорно проживавшая в Хара-Хото, упоминается по меньшей мере двенадцать раз. Из этой семьи мы встречаем восемь заказчиков, двух цензоров, «лиц, разрешивших переписку книги», двух переписчиков и одного владельца книги. Многие Вэйрви — чиновники, в их числе один официальный цензор, один пограничный эмиссар и один военнослужащий в звании командира марша.

К семье Ехуа (152), тоже проживавшей в Хара-Хото, что засвидетельствовано и колофонами, и тангутскими документами из Хара-Хото, относятся семь заказчиков и три переписчика. Четыре заказчика и один переписчик происходили из семьи Минбу (153), один заказчик и четыре переписчика из семьи Гунди (154), два заказчика и один заказчик и владелец книги одновременно из семьи Ехэ (155), три заказчика и один переписчик из семьи Ши (156), возможно, китайской.

Все эти семьи, как правило, делали большие по объему заказы и, очевидно, были из числа богатых семей региона. Переписка буддийских текстов, как мы уже говорили, считалась благим делом. Бумага, тушь, кисти, работа переписчиков, переплеты — все это стоило больших денег, хотя данных, позволяющих хоть как-то оценить это в стоимостном выражении, у нас нет. Поэтому часто, о чем мы тоже говорили, заказы делались коллективно. Главы 71–80-я сутры «Да фан гуан фо хуа янь цзин» (книга-потхи) были заказаны одиннадцатью лицами, из них, судя по именам, было по меньшей мере четыре монаха, причем пятеро сделали заказ совместно на цзюани 1, 8, 9, 10, шесть человек заказали по одной цзюани каждый (цзюани 2, 3, 4, 5, 6, 7). Главу 10 «Маха праджняпарамита сутры» (книги-гармоники с наклейками текста дхарани письмом ланджа) помимо генерального заказчика заказали еще 78 человек. Это самый массовый по числу пайщиков из всех известных нам заказов. Фамилии всех

заказчиков перечислены в колофоне, 56 из них помечены почему-то кружочками, назначение которых остается для нас пока непонятным. Заказы части текста, особенно многоглавных сутр, были широко распространенным явлением.

БУДДИЙСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Перевод буддийского канона на тангутский язык и переписка его, безусловно, многократная и выполненная в разных монастырях, были грандиозным мероприятием, на которое потребовалось, возможно, значительно больше ста лет. Как мы уже писали, в 1036 г. было введено тангутское письмо. К середине XII в. «Трипитака», видимо, уже существовала в тангутском переводе, в том объеме, в каком она тогда бытовала на китайском. Думается, что к тому времени еще в значительной части тангутская «Трипитака» была в рукописи, поскольку, если судить по материалам нашей коллекции, самые объемные сутры так и не были изданы способом ксилографии, хотя наша коллекция, коллекция провинциальная, не показатель. Однако мы вправе предполагать интенсивную переводческую деятельность в XI — первой половине XII в., когда было переведено все или почти все из сокровищницы учения Гаутамы [Kychanov, 1984] и, как сказано в предисловии к трактату «О достойном поведении», датированном 1188–1189 гг., «Белое Высокое Великое государство (157) уже удерживало господство (158) над Западными землями (159) более 200 лет»[20] [Танг. 36].

Чтобы продемонстрировать масштабы переписки и производства рукописной буддийской книги в Си Ся, обратимся к спискам «Маха праджняпарамита сутры» нашей коллекции. Ко времени появления государства Си Ся она существовала в китайском переводе танского Сюань-цзана в 600 цзюанях объемом в 10 331 лист. Сутра подразделяется на два раздела (первый — 400 цзюаней, второй — цзюани 401–600). Можно полагать, что к середине XII в. тангуты давно и основательно перевели первый раздел из 400 цзюаней и имели перевод второго.

Перевод первых 400 цзюаней сутры имеется в Тангутском фонде ЛО ИВ АН в нескольких списках:

1. Книги-гармоники, обозначенные в каталоге как гармоники малого формата (28,5×13,5), в синих бумажно-матерчатых обложках, 6 строк по 18–20 знаков в строке, без графления строк и полей, с гравюрой, изображающей Будду, излагающего учение о праджне, и докшита. Судя по колофонам, данный список был переписан в 1152–1154 гг. в крепости Инбао (Инбо). Перевод был сделан ранее, дата перевода и переводчики не указаны, есть только помета о «вы-

[20] Сами тангуты вели начало династии и возникновения тангутского государства с момента открытого выступления Тай-цзу (Цзи-цяня), основоположника династии, против господства над тангутами китайской династии Сун. Это подтверждает справедливость нашего отсчета самостоятельного существования государства тангутов с 982 г., а не с 1032 или 1038 г., дат вступления на престол Юань-хао или принятия им титула императора, и не с 884 г. — момента получения Тоба Сы-гуном, предком правящего дома Си Ся, княжеского титула вана от династии Тан.

сочайшей редакции» текста правящим государем Жэнь-сяо. В цзюани 22 (Танг. 334, инв. № 280) есть по два знака из титула императрицы Лян и ее сына, императора (160), что позволяет датировать перевод второй половиной XI в. Основными заказчиками, оплатившими переписку, был Еюй Квию (161), только по сохранившимся пометам он заказал примерно половину текста, и, вероятно, его брат монах Еюй Юйрючэн (162). Во всяком случае, несомненно, что данный список был изготовлен в основном иждивением семьи Еюй.

2. Второй список представлен книгами более высокого качества. Он написан на белой, гладкой и плотной бумаге, бумажно-матерчатые синие обложки тоже более тонкой работы, и шелк, пошедший на их изготовление, более высокого качества. Это и понятно. Генеральным заказчиком этого списка был упоминавшийся выше родственник императорской семьи Хуй Шэн, судя по имени — монах. Созаказчиком был тоже монах Хай Лама (163). Обратим внимание читателя на то, что монашеское имя этого заказчика полностью соответствует титулу далай-лама (кит. *хай* «море», монг. *далай* «океан»). Этот список представляет собой образец тангутской каллиграфии высшего класса. Мы знаем имя обладателя этого прекрасного почерка, им был монах Вэй Хуй бао (164). К сожалению, этот превосходный по исполнению список не содержит сведений ни о времени, ни о месте переписки.

3. Третий список условно назван в каталоге «Списком в желтых бумажных обложках». Здесь мы снова встречаемся с императорским родственником монахом Хуй Шэном и переписчиком монахом Хуй бао, а также заказчиком монахом Хай Лама. Вместе с ними в колофонах указано более 20 заказчиков различных частей текста и много других переписчиков. К сожалению, в этом списке, как и в предыдущем, нет даты и указания на место переписки.

4. Следующий список — это книги-гармоники большого формата с прографленными строками по 7 строк на странице, с узкими полями. Книги в ярко-зеленых или желтых шелковых обложках без узора. Наличие титулов Жэнь-сяо указывает на дату переписки — вторую половину XII в. Фактически весь список изготовлен иждивением семьи Ехуа (152), отмечены и другие долевые заказчики.

5. Пятый список, названный «Серия с наклейками письмом ланджа» из-за небольших листов с ксилографированным текстом заклинаний-дхарани на одном из индийских языков, подклеенных в каждой книге на оборотной стороне последнего листа, в синих матерчатых обложках, был изготовлен иждивением уже упоминавшейся нами семьи Лян в 1201 г.

Кроме пяти списков книг-гармоник «Маха праджняпарамита сутра» представлена еще тремя списками книг-потхи: малого (22,3×44,6), среднего (19×55) и большого (23×62,5) формата:

6. Список книг-потхи малого формата был изготовлен в 1178–1179 гг. Заказчики этого списка разные, зато в цзюани 198 указан владелец книги Ли Чан-лань (165).

7. Потхи среднего формата были изготовлены в 1206–1209 гг. Заказчиком этого списка был добродетельный муж, дхьяна Линрю Иикви (166), а владельцем — Ракя Чэнйоусе (167).

8. Никаких сведений о времени изготовления, лицах и месте появления в свет списка книг-потхи большого формата нет.

Таким образом, первый раздел, или основная часть «Маха праджняпарамита сутры» из 400 цзюаней, был переписан лишь в одном районе территории Си Ся в течение примерно 60 лет восемь раз.

На тангутский язык был переведен и второй раздел сутры.

Об этом свидетельствует серия книг-свитков большого формата (34×78,5 см), написанных на гладкой белой бумаге высокого качества. Дата перевода этого дополнения к основному тексту сутры и дата создания серии книг-свитков с этим текстом нам неизвестны. Заказчиком книг был монах из семьи Лян, монашеское имя Лян Рцзеню Шань Жун [Танг. 150]. Поскольку Лян Рцзеню Шань Жун был заказчиком и списка абсолютно аналогичных книг-свитков с текстом «Маха паринирвана сутры» (40 цзюаней), изготовленного в 1206–1209 гг., мы с достаточным основанием можем датировать этим же временем или близким к нему и книги-свитки с текстом второго раздела «Маха праджняпарамита сутры».

Судя по косвенным указаниям, перевод «Маха паринирвана сутры» также был сделан при одной из императриц Лян, т. е. во второй половине XI в. Кстати, может быть, и этим объясняется усердие семьи Лян в деле выделения пожертвований на переписку сутр.

Помимо списка из книг-свитков «Маха паринирвана сутра» представлена в коллекции ЛО ИВ АН еще в четырех списках: книги-гармоники на желтой бумаге; книги-гармоники в синих обложках с гравюрой; книги-гармоники в темно-синих обложках без гравюры; книги-потхи. Книги-потхи были завершены в 15-й день шестого месяца года Лошади; к сожалению, эта дата не поддается отождествлению с нашим календарем. Основным заказчиком книг-потхи была упоминавшаяся нами ранее семья хара-хотоских чиновников Вэйрви (151).

В четырех списках (два списка книги-гармоники, два списка книги-потхи) представлена в нашем собрании сутра «Да фан гуан фо хуа янь цзин», состоящая из 80 цзюаней.

Точно так же имеется четыре списка «Маха ратнакута сутры» из 100 цзюаней. Серия книг-гармоник «Маха ратнакута сутры» в синих обложках на плотной бумаге была изготовлена в 1162 г. на средства хара-хотоского чиновника из семьи Вэйрви. Серия книг-гармоник в темно-коричневых обложках не датирована, но, поскольку главным ее заказчиком выступает Линрю Иикви (166), заказавший в 1206–1209 гг. серию книг-потхи среднего формата «Маха праджняпарамита сутры», можно думать, что и этот список книг-гармоник «Маха ратнакута сутры» появился приблизительно в то же время. Перевод сутры, судя по данным списка книг-потхи формата 32,5×50 см, был сделан во второй половине XI в. Второй список книг-потхи формата 19,5×54,5 см был изготовлен в 1190 г. иждивением семьи Вэйрви, главным заказчиком был пограничный эмиссар, командир марша в гарнизоне Хара-Хото Вэйрви Шанька (168).

Приведенные выше данные по четырем наиболее объемным сутрам канона Махаяны убедительно показывают, что они существовали во многих рукописных списках. Перевод их на тангутский язык был завершен еще во второй половине XI в. Можно только жалеть о том, что мы не имеем сведений об этой грандиозной работе, проведенной учеными монахами тангутского государства. Все наши списки принадлежат району их находки — тангутскому городу Эд-

зина (Хара-Хото). Если в этом отдаленном регионе, месте ссылки каторжан, кипела столь интенсивная работа по размножению рукописной книги, то можно представить себе, как широко рукописное дело было поставлено в столице тангутского государства городе Чжунсине (современный Иньчуань), в районе столицы и таких старых центрах буддизма на территории Си Ся, как Лянчжоу, Ганьчжоу, Шачжоу и др.

ТАНГУТСКИЕ РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ

Мы уже не раз обращали внимание читателя на то, что тангутская рукописная книга сосуществовала с печатной, ксилографической. Поскольку есть основания полагать, что книгопечатание в Си Ся было делом не монастырским и частным, а государственным, мы вправе предположить, но без полной уверенности, что отсутствие в нашей коллекции печатных книг или фрагментов рассмотренных выше больших сутр свидетельствует о том, что они так и не были изданы ксилографическим способом за годы существования Си Ся.

Это было осуществлено позднее, уже монголами. Как это было и во многих странах, первоначально «книгопечатание не охватывало всех сторон духовной деятельности народа» [Мыльников, 1964. С. 40]. Рукописная книга «развивалась параллельно с книгопечатанием и в некоторые исторические эпохи настолько его дополняла, что без ее учета и использования история литературы, просвещения и общественной мысли выглядела бы крайне неполно и обедненно» [там же. С. 52]. Сказанное полностью относится и к тангутской книге. Ее основной репертуар — буддизм, китайские классические книги (шире — конфуцианская тематика), памятники законодательства, словари и пособия по изучению родного тангутского языка, памятники художественного слова (например, изречения, собрания поэтических произведений), календари, таблицы титулов и должностей и т. п. — представлен как ксилографами, так и рукописной книгой. Можно отметить только одно: если «светская», в данном контексте «небуддийская», книга была, очевидно, чаще печатной, то буддийская книга — чаще рукописной. При этом очевидны случаи, когда рукописные копии делались с печатной книги: например, военный трактат «Сунь цзы» [Танг. 6; Танг. 7] и словарь «Море письмен» [Танг. 14; Танг. 16; Танг. 17], словарь «Цзы цза» [Танг. 19; Танг. 20], «О достойном поведении» [Танг. 36; Танг. 37 и рукопись инв. № 6175, не отмеченные ранее в каталоге], кодекс законов тангутского государства «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)» [Танг. 55] и рукописные добавления к нему «Новые законы года Свиньи» [Танг. 56; Танг. 57].

Способы производства рукописной и печатной книги соседствовали, дополняли друг друга. Эти книги не отличались в своих существенных моментах — брошюровке, размещении текста и т. п. Как печатная книга генетически копировала рукописную — «первопечатные книги стремились не отойти от рукописей, а, напротив, приблизиться к лучшим рукописям, но в новой технике» [Лихачев, 1975. С. 3], так рукописные книги затем копировали печатную.

Производство рукописной книги в тангутском государстве, воспринятое из Китая и от киданей из Ляо, было на высоком уровне и не уступало таковому у означенных соседей. Оно — лучшее свидетельство высокого уровня культуры тангутов и Тангутского государства, ибо вся культурная история человечества подтверждает, что «высота искусства книги определяется высотой самой национальной культуры» [там же. С. 10].

ХРАНЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГ

Сравнительное обилие книг, как в монастырях, правительственных учреждениях, так и в частных руках, предполагало известную организацию библиотечного дела. Монастыри, вне всякого сомнения, имели библиотеки, соответствующим образом организованные. Из тангутского кодекса законов мы знаем, что в Си Ся были государственные архивы, процедура поступления материалов в которые, хранение бумаг и пользование ими регулировались особыми правилами. Подобные правила, может быть, не на уровне общегосударственного законодательства, должны были быть и для библиотек. Библиотечное дело в монастырях Си Ся, естественно, должно было продолжать таковое в Китае и в близкой к тангутам периферии, прежде всего в монастырях Дуньхуана. Как полагает М. И. Демидова, исследовавшая вопрос о дуньхуанских монастырских библиотеках, книги в библиотеке хранились на полках, в особых футлярах или завернутые в ткань. К каждой связке крепилась бирка с шифром. «Шифр связки ставили на висячий ярлык, прикрепленный к футляру связки, и на обложку каждого свитка. Кроме этого шифра на обложке книги также записывали ее порядковый номер в связке» [Демидова, 1974. С. 23].

Мы уже упоминали о наличии в тангутском книжном деле понятия связки, которое, очевидно, шло от китайской связки в 10 цзюаней (*чжи*). Обозначение принадлежности книги к той или иной связке специальным маркировочным знаком мы встречаем в тангутской коллекции только в больших сутрах, состоявших из многих глав-цзюаней. Небольшие по объему сочинения, отдельные книги никаких следов библиотечных шифров не имеют. Поскольку маркировочные знаки (*хань хао*), «номера ящиков», как называет их проф. Нисида Тацуо [1966. С. 598], встречаются только в больших по объему сутрах, вряд ли их можно считать в полной мере библиотечными шифрами наших дней. Эти знаки указывали на принадлежность данной книги к такой-то сутре и определяли ее место в порядке следования глав этой сутры.

В книгах-гармониках эти знаки ставились на обложке — сразу за заглавием книги в ее начале и при повторе заглавия в конце книги — сразу после повтора. Они как бы привязывали данную цзюань к ее связке-десятке. В книге-потхи знак маркировки ставился на каждом листе. И это понятно: книгу-потхи было легче рассыпать. Знак на листе четко относил данный лист к сочинению и указывал его место в нем в совокупности с номером цзюани и пагинацией в пределах этой цзюани. Таким образом, мы в данный момент

склоняемся к тому, что эти маркировочные знаки не являлись библиотечными шифрами в полном смысле слова, а были системой указания места книги в «многотомных» сутрах. Маркировочные знаки должны были удобно запоминаться, желательно составлять связный текст без повторения слов (неслучайно в Китае с этой целью использовали *Цянь цзы вэнь*). Уже при первом взгляде на 40 маркировочных знаков, обозначавших 40 связок, 400 цзюаней основного текста «Маха праджняпарамита сутры», бросалось в глаза наличие двух служебных слов и возникала мысль: не связный ли это текст? Так оно и оказалось. Перед нами очевидное начало мифологического текста о возникновении всего сущего (169):

Не Земля и Небо — источник происхождения [всего сущего],
Пустота беспредельная (широкая), всепобеждающая.
Горы — недр земных вершины,
Духи небесные [там] собираются.
Небесная и земная твердь —
[Наши] батюшка и матушка,
Как счастливая удача, [данная]
В воздаяние за милость,
Яйцо, родящее птенцов, явилось.
Руки еще не были полны (не все еще было исполнено?).
Солнце, луна, звезды
На востоке скрылись, затаились,
Не были видны.

Можно только пожалеть, что объем сутры не позволил сохранить нам тангутский миф о происхождении всего сущего, весьма созвучный соответствующим тибетским мифам.

В сутре «Да фан гуан фо хуа янь цзин» (80 цзюаней) связки-главы маркируются двумя способами. В первом случае — это были восемь знаков, составляющих, видимо, популярное изречение: «Мрак ночи рассеялся — над Восточным прудом взошла луна» (170). Во втором случае использовались просто восемь знаков, составлявшие тангутское название сутры (список потхи 2). Точно так же маркированы в книге-потхи главы «Суварнапрабхаса сутры», восемь ее глав соответствуют восьми знакам, составляющим тангутское название сутры. То, что в данном случае маркирована каждая глава, с нашей точки зрения, лишний раз подтверждает, что эти знаки служили в первую очередь для упорядочения листов в книгах-потхи, а потом уже чем-то вроде шифров в многотомных сутрах. Десять маркировочных знаков для 100 цзюаней «Маха ратнакута сутры» пока, к сожалению, не поддаются переводу.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют нам детально остановиться на социальном аспекте бытования рукописной книги в Си Ся. Мы не знаем стоимости изготовления книг, но можно думать, что угодное религии и верующему дело размножения «книг истины» было доступно в первую очередь людям состоятельным. Но как любой человек мог сделать хоть малое пожертвование храму, так он мог пожертвовать и на переписку книги,

став долевым заказчиком. Имена таковых в большинстве случаев в колофонах книг не упоминались, но что таких лиц было немало, вытекает из самой практики жизни верующих-буддистов. Книги, очевидно, переписывались чаще всего при монастырях писцами — монахами и не монахами. Свидетельств о существовании особых скрипториев при монастырях Си Ся мы не имеем. Не исключено, что все обстояло, как и в монастырях Дуньхуана, где существование скрипториев тоже лишь предполагают [Демидова, 1974. С. 13, 18]. Книгу читал только грамотный, но хранение в доме текста сутры даже неграмотным человеком было делом благим.

Книги конфуцианского содержания, книги по философии были главным образом в обиходе среди чиновничества и лиц образованных. Книги изречений, стихи могли украсить жизнь каждого, кто был грамотен и ценил свою национальную изящную словесность. Рукописи государственного и административного содержания (законы, краткие конспекты наставлений и указов) являлись непременной принадлежностью административных учреждений и их служащих.

О СОБРАНИЯХ ТАНГУТСКИХ КНИГ

Как известно, тангутское государство, именовавшееся самими тангутами как Белое Высокое Великое государство Ся, или государство (народа) ми, и известное в науке под его китайским наименованием Си Ся, было в 1227 г. уничтожено Чингисханом. Тангутская культура погибла, тангутская письменность вышла из употребления и была забыта к концу XVI в., а многоплеменное население тангутского государства в монгольскую эпоху трансформировалось в современное мусульманское население Северо-Западного Китая.

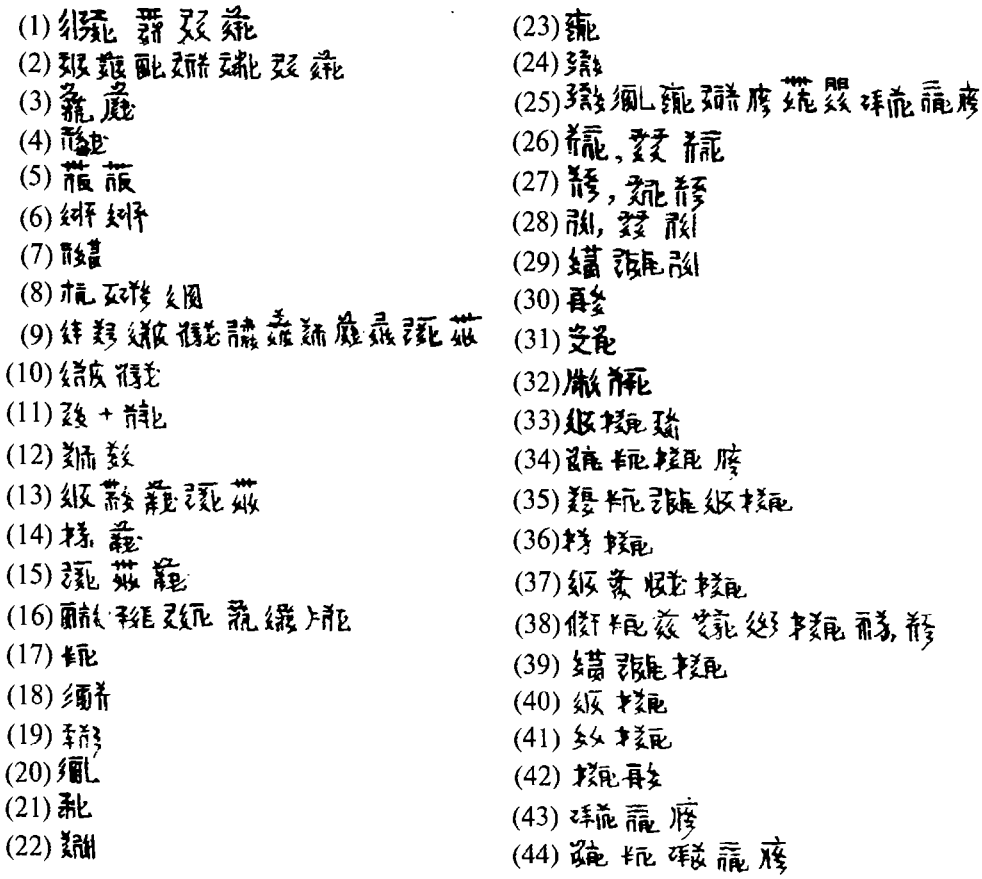
Тангутская книга — впечатляющее доказательство того, что человечество потеряло на своем пути. От культуры, в обиходе которой книга использовалась не в десятках, сотнях и тысячах, а в десятках и сотнях тысяч экземпляров, через несколько сот лет не осталось почти ничего, за исключением отдельных экземпляров книг в монастырях Китая и Японии, и то, как правило, изданных уже при династии Юань после гибели Си Ся. Лишь случайная находка, сделанная П. К. Козловым в развалинах окраинного городка некогда процветавшей страны, приоткрыла завесу над огромной по своим масштабам культурной деятельностью, которая кипела некогда в этом регионе и которая была сведена на нет пожаром войны.

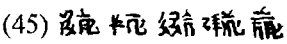
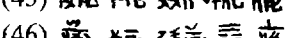
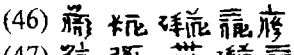
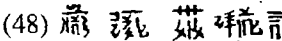
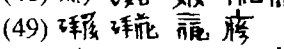
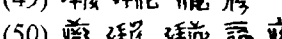
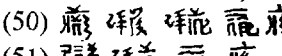
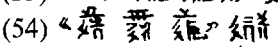
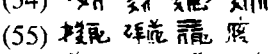
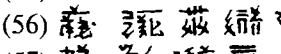
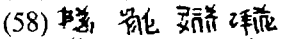
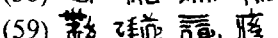
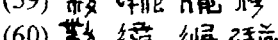
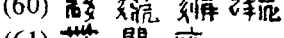
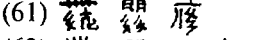
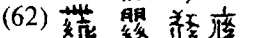
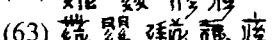
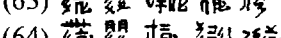
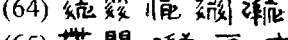
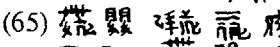
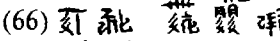
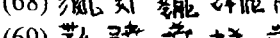
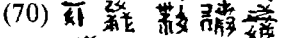
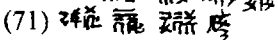
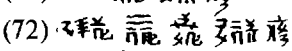
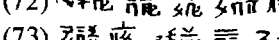
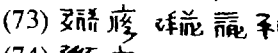
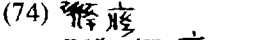
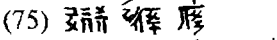
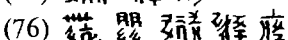
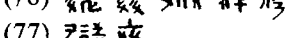
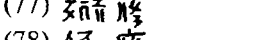
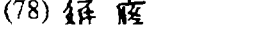
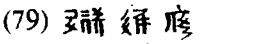
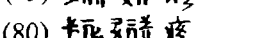
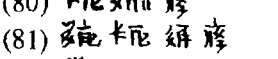
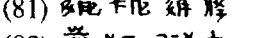
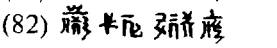
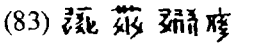
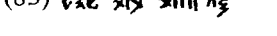
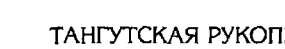
Коллекция тангутской рукописной и печатной книги, хранящаяся ныне в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и насчитывающая более 8 тыс. единиц хранения, — самое большое из имеющихся во всем мире собраний тангутской книги. Его важнейшей особенностью является то, что в нем собраны книги, относящиеся непосредственно ко времени существования тангутского государства.

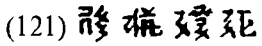
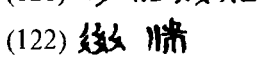
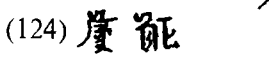
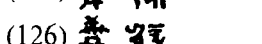
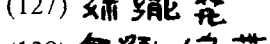
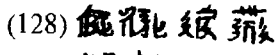
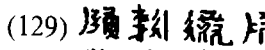
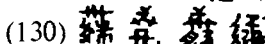
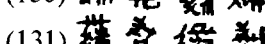
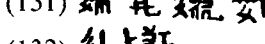
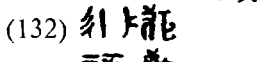
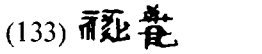
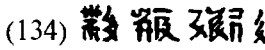
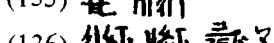
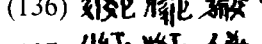
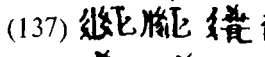
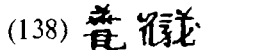
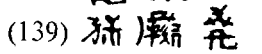
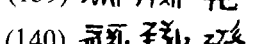
Очевидно, вторым по объему является собрание книг на тангутском языке в Китае. Эти книги хранятся в Пекинской национальной библиотеке и в бывшем

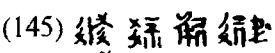
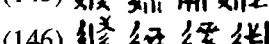
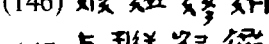
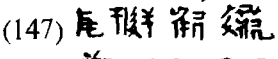
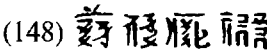
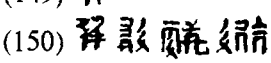
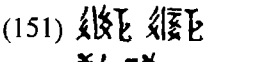
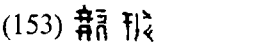
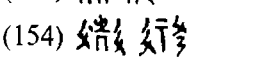
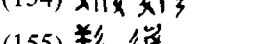
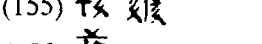
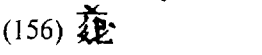
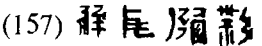
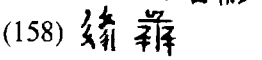
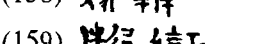
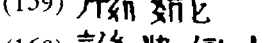
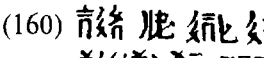
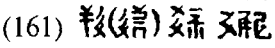
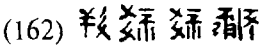
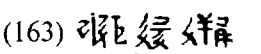
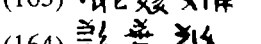
императорском дворце Гугун, ныне музее. В основном это ксилографы, изданные уже после гибели Си Ся при правлении в Китае монгольской династии Юань. Отдельные экземпляры тангутских книг хранятся в Японии (Тоё бунко), это тоже, как правило, поздние юаньские издания. Собрание фрагментов тангутских рукописных и печатных книг, их отдельных листов или частей есть в Британском музее. Это то, что в 1914–1915 гг. было собрано экспедицией А. Стейна в Хара-Хото уже после посещения этого «мертвого города» П. К. Козловым. Известно, что кое-какие материалы на языке Си Ся (тангутском) хранятся в Национальной библиотеке в Париже. В частности, покойный академик П. Гамбис писал автору настоящей статьи о тексте на языке Си Ся, датируемом началом династии Мин. Эта информация нуждается в проверке. Небольшие фрагменты текстов на тангутском языке имеются среди материалов немецких экспедиций начала нашего века в Восточный Туркестан.

ПЕРЕЧЕНЬ НАПИСАНИЯ ИМЕН

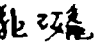
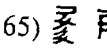
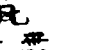
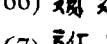
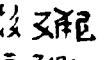
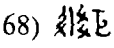

(45)
(46)
(47)
(48)
(49)
(50)
(51)
(52)
(53)
(54)
(55)
(56)
(57)
(58)
(59)
(60)
(61)
(62)
(63)
(64)
(65)
(66)
(67)
(68)
(69)
(70)
(71)
(72)
(73)
(74)
(75)
(76)
(77)
(78)
(79)
(80)
(81)
(82)
(83)
(84)
(85)
(86)
(87)
(88)
(89)
(90)
(91)
(92)
(93)
(94)
(95)
(96)
(97)
(98)
(99)
(100)
(101)
(102)
(103)
(104)
(105)
(106)
(107)
(108)
(109)
(110)
(111)
(112)
(113)
(114)
(115)
(116)
(117)
(118)
(119)
(120)

(121)
(122)
(123)
(124)
(125)
(126)
(127)
(128)
(129)
(130)
(131)
(132)
(133)
(134)
(135)
(136)
(137)
(138)
(139)
(140)
(141)
(142)
(143)
(144)

(145)
(146)
(147)
(148)
(149)
(150)
(151)
(152)
(153)
(154)
(155)
(156)
(157)
(158)
(159)
(160)
(161)
(162)
(163)
(164)
(165)
(166)
(167)
(168)

(169)

1–10	11–20	21–30	31–40
41–50	51–60	61–70	71–80
81–90	91–100	101–110	111–120

	121–130	131–140	141–150	151–160
	161–170	171–180	181–190	191–200
	201–210	211–220	221–230	231–240
	241–250	251–260	261–270	271–280
	281–290	291–300	301–310	311–320
	321–330	331–340	341–350	351–360
	361–370	371–380	381–390	391–400
(170)	1–10	11–20	21–30	31–40
	41–50	51–60	61–70	71–80

ТАНГУТСКИЕ КНИЖНЫЕ ТЕРМИНЫ

Брошюровка квыму[21]

Бумага квы

Владелец книги чхиевэмие

Заказчик тиейшиомие

Кисть для письма нгу

Книга чхие

Переводчик лхеймие

Переписчик сиемие, риамие

Письменный знак, идеограф нди

Разметчик текста (киноварью) чиуриавиемие

Сверщик текста ниамие

Связка, раздел книги в 10 цзюаней же

Сочинять гхые, вие

Цензор риамие

Цзюань, глава па, (?)

[21] Поскольку единой общепризнанной транскрипции тангутских иероглифов не существует, здесь дано чтение тангутских слов на основании реконструкции М. В. Софронова [см.: Софронов, 1968. Кн. 2].

Рис. 50. Гравюра-иллюстрация к предисловию сутры «Золотой блеск». XII в.

Рис. 51. Фрагмент гравюры к сутре «Золотой блеск». Сцена «Грешники»

Рис. 52. Фрагмент гравюры к сутре «Золотой блеск». Сцена «Мясники»

Рис. 53. Ксилограф «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания (1149–1169)»

Рис. 54. Фонетические таблицы тангутского языка. Рукопись. XII в.

ПАМЯТНИКИ ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ТАНГУТСКАЯ КУЛЬТУРА

Культура народа, его образ жизни и образ мышления, отражена в культуре материальной, такой, как материальная культура жизнеобеспечения (орудия труда, одежда, утварь, жилища, пищевые продукты и т. п.), материальная культура нападения и защиты (доспехи, вооружение и т. п.), материальная культура религиозных нужд (храмы, их убранство, объекты и предметы культа), памятники материальной культуры, обеспечивающие эстетические нужды общества, когда, например, произведения искусства (украшения, скульптура, живопись) отделяются от религии, приобретают самостоятельную ценность.

Духовная же культура, особенно прошлого, прежде всего материализуется в памятниках письменности. На примере трех синхронных культур — тангутской, киданьской, чжурчжэньской — можно уверенно сказать, что без памятников письменности, на основе только остатков культуры материальной, невозможно получить достаточно полного представления о культуре народа. О культурах киданей и чжурчжэней мы знаем из сохранившихся китайских письменных источников и из тех памятников культуры материальной, которые в основном добыты археологами. Но практически не сохранились памятники киданьской и чжурчжэньской письменности (то, что имеется, незначительно по числу и маловыразительно), и наши представления об этих культурах, в свое время не менее мощных, чем культура тангутская, значительно уступают тому, что мы знаем о культуре тангутской.

Если взять, к примеру, керамику, то материальная культура тангутов в сохранившихся памятниках имеет столь же индивидуальное лицо, как и культура киданьская. Китайский археолог Ма Вэнь-куань объясняет широкое распространение керамического производства в тангутском государстве недостатком металла в стране. У тангутов преобладала керамика белого цвета, эту особенность тангутской керамики Ма Вэнь-куань связывает с почитанием тангутами белого цвета [Ма Вэнь-куань, 1988. С. 4–5]. Раскопаны частично могилы тангутских императоров [Ли Фань-вэнь, 1983. С. 114–164], найдены в пещерах Дуньхуана росписи, относящиеся ко времени Ся. Наконец, достаточно много памятников материальной культуры Ся привез П. К. Козлов из мертвого города

Хара-Хото. И о материальной культуре тангутов нам, кажется, известно более, чем о культурах киданей и чжурчжэней. Керамика, металл, камнеписные тексты, могилы императоров — это то, что осталось и от культур киданей и чжурчжэней. И даже если мы примем во внимание то, что оставили тангуты в Хара-Хото и Дуньхуане, не будь обнаружены памятники тангутской письменности, наши представления о тангутской культуре вряд ли вышли бы далеко за пределы того, что мы знаем о культурах киданей и чжурчжэней. Именно памятники оригинальной тангутской письменности позволяют узнать о тангутской культуре то, что потеряно в культурах киданьской и чжурчжэньской, несмотря на то, что эти народы также имели свои письменности и, соответственно, свою достаточно богатую литературу на них. Нам уже приходилось писать о том, что как раз находки в Хара-Хото, в общем, заштатном городе тангутского государства, наиболее ярко высвечивают меру утраченного, когда после военного поражения, утери государственности погибает народ (чжурчжэни смогли возродиться в маньчжурах), ассимилируется другими народами и с его постепенным исчезновением и переходом в другую культуру погибает и его прежняя культура. Как и люди, культуры рождаются, живут, расцветают и угасают. О таких культурах можно что-то знать, но возродить их уже невозможно.

Говоря о тангутской культуре, следует иметь в виду тот факт, что за последние три тысячи лет сложилось всего несколько региональных очагов мощных культур, где с той или иной степенью точности можно выделить основную (основные) центральную культуру (культуры) и культуры дочерние. Для Европы таковой являлась греко-римская культура, для стран ислама — арабская, для стран Индостанского полуострова и стран Юго-Восточной Азии — индийская, для стран Восточной Азии — китайская, для стран Латинской Америки — испано-индейская. Признавая известную условность выделения региональных культурных сфер, нередкую нечеткость их границ и даже наличие переходных синтетических культур, мы обязаны принимать во внимание эту реальность.

Для культур Восточной Азии за последние две тысячи лет основной региональной культурой являлась культура китайская. Культуры Кореи, Японии, Вьетнама испытали на себе ее глубокое влияние. Если мы обратимся к примеру японской культуры, воспринимаемой нашими современниками в качестве наиболее оригинальной и самостоятельной, то вот что пишут о «континентальном» влиянии на свою культуру японские историки культуры: «Эпоха ранней истории может быть названа эрой буддийской культуры. Хотя культурное влияние с континента уже пробило себе дорогу в Японию в предыдущие периоды, именно в эту эпоху культуре с континента предстояло, по сути дела, прийти в состояние расцвета в Японии вследствие введения буддизма. Результаты с точки зрения буддийской архитектуры, скульптуры и живописи достаточно удивительны для того, чтобы обеспечить этому периоду название золотого века буддийского искусства. Основная часть ввоза иностранного прийти через (так в оригинале. — *Е. К.*) космополитическое и экзотическое общество Китая, находившееся под правлением династии Тан, чье всеобъемлющее влияние на Японию в этот период привело к тому, что последняя косвенным образом восприняла значительный объем международной культуры» [Ютака Тадзава и др.,

1989. С. 3–4]. С высот величия своей культуры японские историки культуры не стесняются говорить о «всеобъемлющем влиянии» культуры китайской.

А реально существовала и существует в науке тесно связанная с политической ситуацией данного момента проблема меры влияния и самобытности, на наш взгляд, в принципе научно не только не решенная, но и, возможно, не решаемая. Проще образно сказать, что дочерние, точнее, культуры, развивавшиеся под влиянием культуры центральной для данного региона, столь же непохожи друг на друга (и похожи друг на друга), как дети одних и тех же родителей. И материальная, и духовная культуры в равной мере подвержены влиянию культуры «материнской».

Обратимся к тангутской культуре, именно к тому, как она отражена в памятниках тангутской письменности, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН, на современном уровне их изученности.

Тангутская культура периода существования тангутского государства (XI — первая треть XIII в.) развилась из трех основных истоков: культуры цянско-дансянской, собственной культуры тангутов, народа, создавшего государство и господствовавшего в нем; под влиянием культуры китайской (династий Тан–Сун); под воздействием культуры тибетской. Есть основания говорить и о влиянии культуры Индии, прежде всего через буддизм (тексты, буддийская гравюра).

Многие письменные культуры окружавших Китай народов или заимствовали китайское письмо с его модификацией и дополнением его своей письменностью (Япония, Корея, Вьетнам), или создавали свою письменность на основе видоизменения китайского иероглифического письма (кидани, тангуты, чжурчжэни). Тангутское письмо было введено в употребление в 1036 г. и, несмотря на полное внешнее несходство с китайским, создавалось по принципам классификации китайской филологической наукой иероглифики в эту эпоху. Графика тангутской письменности также результат сильного видоизменения графики китайского письма [Кычанов, 1980. С. 209–223].

Что мы можем узнать из памятников тангутской письменности о «коренной» древней культуре тангутов? Тексты сохранили остатки тангутской мифологии, повествующей о возникновении видимого мира. По представлениям, которые мы вправе полагать еще цянско-дансянскими, в первоначальной пустоте (хаосе) зародился некий камень Кулон, камень, обладавший порождающей силой. Он или превратился в гору, или породил гору. Гора обладала способностью роста. Ее вершина стала обителью богов. Появились неизвестно откуда взявшиеся, может быть, порожденные камнем, два существа, олицетворявшие мужское и женское начала. Это был «ветер», дух, птица — белый журавль, луноликий герой, связанный с луной, западной стороной, положивший начало мирозданию. Он «творил» небесную твердь, творил Землю, двигал гору. Возможно, он, двигая гору, отделил Небо от Земли, если это не произошло ранее в процессе роста горы из зародившегося в хаосе камня. Женское начало представляла солнцебедрая (солнценогая, лучи солнца — ноги) девушка, связанная с солнцем. Можно даже допустить, что она сама была солнцем, а персонаж мужского начала — луной. В их любовной игре мужского и женского начал, видимо, появились солнце, луна, звезды, свет отделился от тьмы. Связь представлений о птице, белом журавле, (духе — ветре) и солнцебедрой девуш-

ке ассоциируется со связью ворона и солнца (птицы и солнца), хорошо известной в мировой мифологии, в том числе и в китайской[1].

Культ гор, представление о горе как о связующем звене между землей и небом уходит своими корнями в древнюю культуру цянов и дансянов и общ для тангутов и тибетцев, других тибето-бирманских народов региона, условно называемого «тибето-китайской границей» — Западная Сычуань, Кам, Юньнань, юго-западные области провинции Ганьсу. Тангутский поэт так писал о горах:

Корни гор в земле рождаются.
Вершины их окутаны облаками.
Пестрыми цветами и травами они одеты —
[С одних гор] смотришь вдаль.
[Там] другие горы стоят.
Дикие звери надежно [в горах] укрываются.
Разные типы пристанище [в горах] себе находят.
[Горы] — источник сокровищ,
И неиссякаемый источник вечности.

[*Море значений. Танг. 32. Инв № 144. С. 3а*]

И по тибетским представлениям горы связывали небо и землю, они были «столбами неба», «гвоздями земли». Каждая гора являлась центром данной местности, имела свое персональное божество (божества гор образовывали группу божеств *ньян*). Самыми великими и могущественными были божества высочайших вершин Гималаев, в том числе Джомолунгмы (Эвереста) и Канченджанги. Гора считалась *юл лха*, «божеством местности», «садагом», «владыкой местности». Гору мог заменить камень, установленный на крыше дома. С культом гор и заменяющих их камней был связан и культ *ларце*, куч камней на перевалах (монгольское *обо*) [Кычанов, Савицкий, 1975. С. 164, 235–236].

Первосуществом, вершившим созидательную деятельность в расчлененной камнем-горой пустоте, был, по «Большой оде», белый журавль. «Белый журавль небесную твердь творил», «под твердью небесной журавль белый Ндон», белый журавль «с белых высот спустился, ветром западным выпрямился» [Большая ода. Танг. 25. Инв. № 121]. И по тибетским представлениям белый цвет — цвет неба, а с белизной связано появление первосущества. При сотворении мира из яйца, «белое стало источником силы для героев» и связано с появлением первосущества Емон Джалпо. По бонской традиции, в пустоте появился некто, «тот, кто создан, как владыка бытия», а затем, как олицетворение добра появился «белый человек», «тот, кто любит все сущее». Тибетский поэт Миларепа писал: «Я — сын белой львицы ледников» [Кычанов, Савицкий, 1975. С. 170–171, 292]. Белый журавль тангутских мифов находит известную аналогию в тибетских добуддийских представлениях и в том, что легендарного ос-

[1] См.: Да божо боломидо цзин. Тангутский фонд СПб филиала Института востоковедения РАН. Танг. 334. Здесь на полях связный текст, употребленный для *чжихао*, маркировки каждого десятка глав сутры первого ее цикла из 400 цзюаней. Перевод: [Кычанов, 1988. С. 420]. Вновь собранные крупинки золота на ладони. Танг. 30. Инв. № 741 и 742. Перевод: [Кычанов, 1969. С. 215–219]. Большая ода. Танг. 225. Инв. № 121.

нователя ярлунгской династии первых правителей Тибета Ньятри цэнпо, имевшего глаза, как у птицы, а руки и ноги с перепонками между пальцами, как у гуся, приветствовали журавли:

Он пришел с горных высот,
Господин страны предков,
Он пролился на землю, как дождь,
Он подошел к божественной горе Джангдо,
И громадная, тяжелая гора поклонилась ему.
И деревья, опережая друг друга, поклонились, сошлись вершинами...
Журавли приветствовали его, Ньятри цэнпо,
О цэнпо, чья святость не имеет равной.
Кого приветствуют журавли
И чье имя — свет!

[*Bacot, Thomas, 1940–1946. P. 81, 85–86*]

Белый журавль «спустился с белых высот». Слова «белый», «высокий» (кит. *бай*, *гао*) вошли в официальное наименование тангутского государства — буквально: белый, высокий, Великое государство Ся. Они были и являются объектом самых различных истолкований [ТФ. Кн. 1. С. 33–51; Ли Фань-вэнь, 1983. С. 69–75]. Ныне достаточно основательно можно полагать, что «белое-высокое», «белая высота», «белые высоты» — место происхождения предков если не всего тангутского народа, то правящей династии. В восьмом месяце тангуты приносили жертвы «духу-хранителю, журавлю Мбэ» [Море значений. С. 22а]. В эпоху борьбы богов и кровной мести был убит сын божества Риэ. Мстя за сына, разгневанное божество стало грабить и убивать. И тогда дядя по матери спас от гнева божества «девять братьев с белых высот» [там же. Инв. № 145. С. 22б], предков тангутов. В тангутских текстах мы встречаем такие фразы: «люди белого высокого имеются», «дядю по матери почитают как белое-высокое» и т. д. Таким образом, «белые высоты» — обитель предков, место появления на свет тангутского народа, или части его, так называемых черноголовых. Мбэ был предком черноголовых. Поэтому в наименовании тангутского государства эти слова правильнее всего переводить как «Великое государство Ся [потомков выходцев] с Белого-высокого». Белое-высокое, «белые высоты» служили указанием на божественное происхождение народа (династии). И эти слова были понятны тем, кто знал тангутскую мифологию и тангутские предания. Следует иметь в виду и известную полисемантичность заключенных в этих двух словах представлений. Белый цвет ассоциировался с западом, высота, верх — тоже с западной стороной:

На западе, [там, где земля] возвышается, —
государство тибетцев.
На самом краю, [там, где земля] понижается, —
государство китайцев[2].

[2] Тангутские оды. Инв. № 121. б. п. Литературный перевод Н. А. Невского: «На западе дальнем стоит край высокий Тибет. На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай» [ТФ. Кн. 1. С. 80]. И по представлениям тибетцев «верх означал запад, а низ — восток» [Stein, 1962. P. 24].

В таком прочтении государство именовалось Западное Великое государство Ся. Если принять во внимание, что китайцы по понятным причинам опустили слово «великое», то мы получим китайское наименование тангутского государства Си Ся (Западное Ся) и, таким образом, даже пояснение появления его на свет из самих тангутских реалий, из недр тангутской культуры.

По нашему мнению, отдельно следует рассматривать встречающееся неоднократно в тангутских текстах выражение «река (реки), стекающая (стекающие) с белого-высокого (с белых высот)». В энциклопедии «Море значений, установленных святыми», это выражение упомянуто дважды: «Источник белых рек: Реки, стекающие с белых высот, открываются источники вод. Белые крутизны — опора народа». «Горные хребты длинны и широки: Покрытые снегами горы тянутся, не прерываясь, во всем государстве всего достигают, они — исток рек, стекающих с белых высот» [Море значений. Инв. № 144. С. 22б]. В тангутских изречениях говорится: «Рекам, стекающим с белых высот, названий не дадите, земля красы лишится» [Парные изречения, 1974. С. 110, 189]. В оде «Мудрость» есть строка: «Реки, стекающие с белых высот... край земли» [Тангутские оды, ода «Мудрость». Инв. № 121, б. п.].

Видимо, белые высоты, вершины, с которых сошли предки, полагались и местом рождения рек, не какой-то конкретной реки, а именно рек вообще, в числе которых по месту обитания предков тангутов были и такие великие реки Азии, как Хуанхэ, Янцзыцзян и др. Возможно, это был и какой-то мифический сюжет, который мы просто пока из-за отсутствия информации не в состоянии понять. Но видеть в сочетании «белое — высокое — река» какую-то конкретную реку, например реку Байшуй (Белую реку) в провинции Сычуань [Невский, 1933. С. 33–51] вряд ли правомерно.

С тангутской мифологией и преданиями связано и представление о двух составляющих тангутского народа — черноголовых и краснолицых. Если обратиться к текстам, не очень многочисленным, то следует обратить внимание на то, что раньше ускользало от взора исследователей. Черноголовые чаще всего связаны с небом, краснолицые — с землей.

Под августейшим небом тысячи черноголовых
по благоденствию то низки, то высоки.
На государственной земле мириады краснолицых
по мудрости не равны.

[*там же. С. 36*]

Среди черноголовых в Поднебесной
Нет сомневающихся в своей силе, и духовной, и телесной.
На земле краснолицые родня...
На суше — земле у краснолицых
Любовь имеется, ненависти нет.

[*Большая ода. Инв. № 121, б. п.*]

В тангутских изречениях мы обнаруживаем прямую связь черноголовых с небом: «Земной отец черноголовых с небом породнился — могущество [чер-

ноголовых] возросло» [Парные изречения, 1974. С. 104, 174]. Не возражая против того, что во времена Великого Ся «черноголовыми» и «краснолицыми» в равной мере именовались все тангуты [Чэнь Бин-ин, 1985. С. 126], мы полагаем возможным предположить, что генетически «черноголовые» и «краснолицые» были двумя кланами тангутского народа, корни которых уходили в эпоху, отраженную в мифах, при этом не исключено, что именно черноголовые и их «отец Мбэ» полагались предками правящей династии.

В сочинении энциклопедического характера «Море значений, установленных святыми» наряду с «культурными героями» — предками тангутов — «девушкой из народа», научившей народ пользоваться огнем и выращивать хлебные злаки, .У-лвоном, первоскотоводом, пастухом, «всю жизнь пасшим скот», упоминается и предок черноголовых Мбэ. Ему были свойственны «глубокие замыслы», как мы уже упоминали, поклонения ему совершались в восьмом месяце. В словаре «Море письмен» упоминается сын отца черноголовых .У, очень возможно, что он и .У-лвон, «вечный пастух», одно и то же лицо. Не исключено, что предок черноголовых, это журавль, первотворец мира, ибо в восьмом месяце приносили жертвы «духу-хранителю Мбэ-журавлю».

В свете новых материалов и их иной интерпретации есть необходимость пересмотреть и оду-хвалу предкам — «Гимн священным предкам тангутов». При переводе этой оды [Кычанов, 1970. С. 217–231], я в свое время не распознал главного героя, которому была посвящена ода, — тангутского императора Юань-хао — и не выявил одного из предков. Поэтому заново обратимся к линии предков, о которых говорится в этой оде.

Первым идет «батюшка Ра-ту», о котором сказано, что он не был согласен на малое, думал о великом и женился на тибетской девушке. Видимо, в его имени следует обратить внимание на слово «гора», хотя полное имя — «гора-сеть», «гора-силки» не совсем понятно. У Ра-ту было семь сыновей:

1. Сан-мбэ-лвон (Сан-шишка). Он прославился тем, что разгромил тибетцев.
2. Чие-кэ-ран (Чие-шкатулка). Прославился тем, что сражался с китайцами.
3. Нгве-нгин Рие-ндзай (Нгве-нгин, похожий на коня). О нем сказано, что он «через реку переправился», «внизу не прятался», можно предположить, что с его именем связано какое-то перемещение, переселение тангутского народа.
4. Хво-ха, с эпитетом «отец Хво-ха». Два последующих после его имени знака значат «зеленая ставка». Если это не его имя, то он жил в «зеленой ставке», он «в восточном городе укреплением огородился», возможно жил в замке, тибетском *цзонге*.
5. Нгвин-ди Мэ-ниа (Нгвин-ди, черный теленок), крутолобый, рогатый, схожий с быком. Как и «солнцебедрая девушка», упоминаемая в «Большой оде», он сразился со слоном. Только солнцебедрая девушка сражалась со слоном «большим», а он со слоном «благовонным». Слона он одолел и слону бивни отрезал.
6. Ндиу-ндиу Кви-мбу (Ндиу-ндиу с внешностью собаки). Он прославился тем, что сразился с тигром и вырвал у тигра когти.
7. .А-ндзвон, он употреблен с эпитетом «дедушка», «дедушка .А-ндзвон». Дедушка .А-ндзвон искал пропавшую корову и в результате вышел на край чего-то, что было важно в истории правящего тангутского дома.

Упоминаемая в тексте «матушка А-мба» по логике повествования должна быть той тибетской девушкой, на которой женился Ра-ту. Она и Ра-ту — прародители императорского рода Нгвеми. Среди их семи сыновей (цифра семь сама в традициях мирового фольклора) в полном согласии именно с такими традициями родоначальником непосредственно правящего дома явился младший сын .А-ндзвон. Далее упомянут или его сын, или один из потомков Нгвэндин. Этот предок встречается и в энциклопедии «Море значений, установленных святыми», о нем сказано, что он «имел раба». Его сыном был Ве-нду-пу.

Что же касается их потомка «тангута Ци-хво», то совпадение сведений о нем, содержащихся в оде и в китайских источниках, о том, что он уже при рождении имел два зуба, позволили в свое время уже Н. А. Невскому [ТФ. Кн. 1. С. 76] отождествить его с основоположником (Тай-цзу) династии Нгвеми–Тоба (Ли, Вэймин) Цзи-цянем. Ци-хво — Цзи-цянь прибыл в сопровождении семи всадников (снова цифра семь), чтобы «стать государем». В полном соответствии с тем, что мы знаем о Цзи-цяне из китайских источников, он «собрал народ (то же делали тюркские каганы, позже Чингисхан), созвал тангутов». В 37-й строке оды нами ранее был ошибочно расшифрован знак в сочетании «ветер-рога». Сейчас установлено, что это был титул императора Юань-хао, который открыто в 1038 г. принял императорский титул. Юань-хао (Рога-Ветер) характеризуется как «священномудрый ван», «божественный воин». Все последующие строки оды относятся к нему. Ведь именно он в 1038 г. «отвернулся от» Китая и «взбунтовался». И с этого времени «государство расцвело». Далее говорится о том, что он «просил мира», и хотя из текста оды прямо неясно, о чем идет речь, очень может быть, что это прямой намек на события 1044 г. и заключение мира с Китаем после войны 1040–1044 гг.

Ветер и облака играли еще неясную нам, но важную роль в тангутских преданиях. Один из предков Ве-нду-пу прибыл к «народу-государству» (ср. древнетюркское *эль*) на «облачном коне». Среди тангутских изречений есть одно, где упомянут император Рога-Ветер (Юань-хао). Наш старый перевод:

> Боевые стяги вознесены на облачные хребты,
> Острые мечи привязаны к рогам ветра.
>
> [*Парные изречения, 1974. С. 119, 203*]

может быть и неверен, если принять во внимание, что Облако-хребет (Облачный хребет) и Ветер-Рога (Рогатый ветер), упоминаемые строго параллельно, могут быть именами (титулами) правителей. Один из них — хорошо известный император Юань-хао, второй — неизвестен. Если это так, то изречение следует перевести следующим образом:

> Облачный хребет поднял боевые стяги,
> Ветер-Рога подвязал острые мечи.

При условии, конечно, что в изречении мы не сталкиваемся с той игрой слов, которая была понятна только посвященным.

Таким образом, в письменных памятниках Ся собственную тангутскую культурную струю во многом отразили как раз тангутские оды. Оды в целом трудны для перевода и требуют еще большой работы над их текстами в сопоставлении со всем тем, что мы в данный момент уже знаем о тангутской культуре. В свое время нами был опубликован перевод «Оды в честь собственного пути и обычаев царства Ся» [Кычанов, 1970. С. 277–278] и «Гимна священным предкам тангутов». В данной статье мы хотели бы предложить перевод еще одной тангутской оды «Месяц за месяцем», в одухотворенной поэтической форме повествующей о годичном цикле жизни тангутов и государства Ся:

В первом месяце:
Черноголовые и краснолицые празднуют
на доходы ушедшего года,
в государстве пиры устраивают.
Белая высокая обитель обогрета, ягнятся овцы,
В жилищах солнечно и светло, спят ягнята,
разместившись рядами.
Мудрые сыновья для подкормки
яков и овец заранее приготовили
нежные листья дерева гинко (?).
Блеют овцы, громко отзываются ягнята.
И вот их двое. Месяц у края дороги, голубой,
отправляется в свой дальний и вечный путь.
Путник шагает, одежда его уже не утеплена (без подкладки).
Все замерзшее белое тает,
Все, попавшее в силки зимы, появляется и белеет.
Над западными холмами светит луна, курлычут журавли,
спрашивая друг друга о красоте вешних вод.
Журавли — краса вешних вод. И луна на западной стороне,
и журавли, и обилие вешних вод не исчезают.
Во втором месяце:
По краям дорог зацветают персиковые деревья,
летают дикие черные гуси.
Путник идет, на нем легкие обувь и одежда.
Зимние белые льды растопила весна.
[Люди] заходят в разные кладовые и выходят их них.
С западных холмов светит луна,
курлычут журавли о том, как красива река.
Журавли курлычут, прекрасна река, на западе заходит луна
Летят журавли и нескончаемо большое лицо реки.
В третью луну два рода пернатых в лесах запоют,
возвещая радость стране.
Могучей стране, где воды текут, зеленеют травы
и в горах стреляют диких яков.
На востоке, среди прочных, как алмазы, деревьев,
кукует кукушка, подыскивает себе бамбуковую рощу.

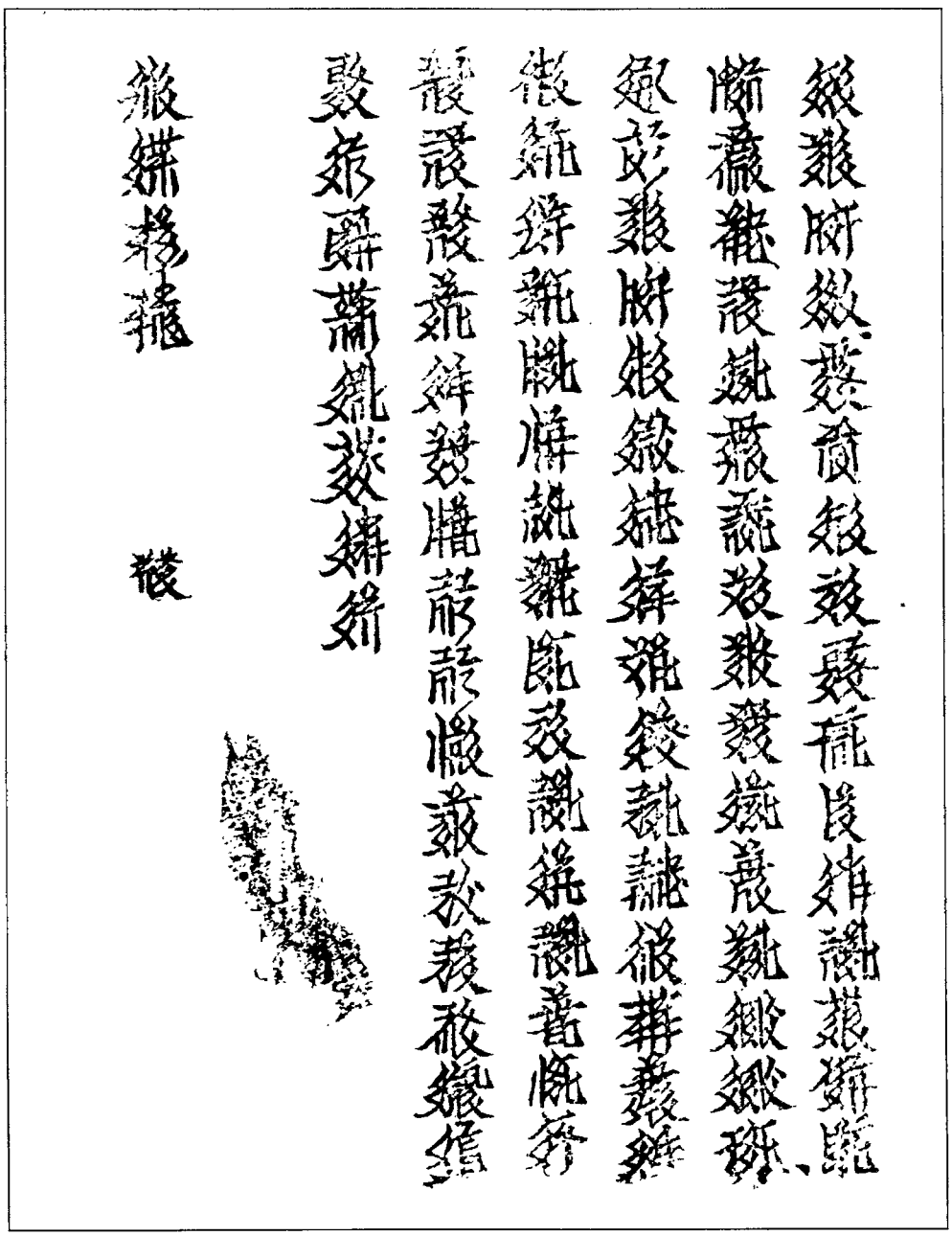

Рис. 55. Тангутский ксилограф. «Большие оды». Первый раздел. Последняя страница

Кукование кукушки, зелень лесов, яркие лучи солнца
[Сулят] обилие «желтой пищи»[3]
и летних овощей, всему миру процветание.
Под огромным ликом небес седеют леса.
В третьем месяце:
Среди деревьев воркуют голуби и горлицы,
государству на радость.
В сильном и славном государстве, солнечным теплом обогретом,
воды текут, появляются ростки зелени,
пробиваются наружу в широкой степи.
На восточной горе кукует кукушка, сажают деревья.
Кукушка кукует, цветущие деревья пронизаны лучами солнца,
Едят пищу из гороха, любуются цветами — не голодное государство.
В четвертый месяц плывущая луна.
Все зазеленело, деревья и травы ласкают взор.
Милостиво раздаются разного рода ценности,
в государстве обильно завтракают.
Кукушка кукует, значит все зеленеет, мощь гор неизменна,
накапливается сила Ян, мужчины устремляют взоры
на женскую красоту.
Среди трав — простор красоте, распускается все, что цветет,
У подножия пагод разнотравье, травы выросли на целый чи[4],
Сражаются с водой, они, как ремни
из кожи антилопы, как путы для коня,
Дружат с водой — версты влажных низин,
простор и радость для черепах. Непостижимая земля!
Четвертый месяц:
Наступил первый день лета, деревьев и трав изобилие.
Разные ценные подарки жалуются за заслуги,
в государстве устраивают пиры.
Кукуют в зелени кукушки, лето пришло.
Нет обнаженных холмов и равнин,
мысли мужей обращены к земле, к ее красе,
Зацвела трава...[5] раскинулась подобно полотнищам
фиолетового шелка. По краям болот разнотравье,
это травы, высокие и низкие,
С волнами борются — как кони,
спутанные ремнями из оленьей кожи.
Росы не вредны, извиваясь, текут ручьи,
прыгают лягушки — земля богов!
Луна плывет в пятый месяц, в стране дожди,
не увядает краса разных трав,

[3] Желтая пища — масло и т. п.
[4] Более 3 м.
[5] Название травы нам неизвестно.

Путник идет, смотрит радостно, вершины холмов
поросли травой, птицы озабочены потомством и не суетятся.
На вершинах травы — шапки черных волос,
не различимы травы для коз, травы для овец.
Змея ползет в чащу дерев. Побагровели силы Инь и Ян,
солнце в зените — бык, дух-податель молока,
владеющий законами мастерства.
В пятом месяце:
В государстве выпадают дожди, цветут деревья и травы.
Путник идет, смотрит на все с любовью.
Красные травы на холмах похожи на петушиные хвосты —
сказано верно.
Камыши надели черные войлочные шапки.
Собирают бараний и козий чеснок.
Ползают большие змеи, точно искусные руки
мужчин и женщин в полдень обучают дойке коров.
Луна плывет в шестой месяц, одни виды зелени
сменяются другими, травы сохраняют свой цвет.
Насекомые летают, жужжат. В стране довольство и радость.
Кузнецы уходят на юг и восток
на зеленые пастбища пасти скот.
На земле следы острых когтей — прошли дикие звери.
Те, кто с ними[6], невелики, [звери] поджидают их,
не прыгают от радости, удовлетворенно мудры.
Красные нити насекомых. Летают орлы.
Солнце движется на ночной покой, прекрасное,
как овечья шерсть!
В шестом месяце:
Голубеют болотистые низины, цветут овощи,
летают бабочки, курлычут журавли, жужжат насекомые —
в государстве радостно!
Красно-жаркие плавильщики пришли с востока.
Простор для летних безумств.
В красных песках...[7] мчатся антилопы кабарга,
с ними голова к голове малыши,
не прыгая от радости радуются, я говорю!
Летают парчово-красные бабочки, орлы.
Солнце сияет, перевалив за десять гор,
подобные парчовой циновке.
Луна плывет в седьмой месяц,
выросли разные злаки, стали тучными дикие животные
и домашний скот — в стране обильные завтраки.
Не валятся наземь шапки под ударами ветра,
желтеют верхушки трав,

[6] Детеныши.

[7] Название неизвестного нам насекомого или пресмыкающегося.

солнце в зените, опускается над водами,
говорят, оно как в орлиных перьях —
длительные радость и долголетие!
У тангутских коней основы седел белые, деревянные,
Дорогой бычьей кожей обтянуты, на один фасон.
Во всех государствах достигшие долголетия люди
живут благополучно — [их жизнь] —
долгая скачка по широкой степи!
В седьмом месяце:
Обилие разного рода злаков, тучнеют домашние
и дикие животные, в государстве пиры.
Вянут верхушки трав, спутанные ветром.
До полудня держится роса, поют перепела —
каждому радость и долголетие.
У коней тангутских сыновей белые, из мягкой кожи,
желто-белым нефритом украшенные седла, у всех такие.
Жеребцов родовитых мужей государства и людей,
живущих долгие годы в достатке рождается.
Луна плывет в восьмой месяц,
горы и равнины залиты солнцем,
созревает золотисто-желтый рис.
На прекрасной земле растет рис, дремлет за полями.
По одному шагают, расходятся сборщики налога,
В местности Мба[8], крылу китайцев из По[9],
делающих железо, раздают на руки черный и белый рис.
Ставят силки для ловли птиц,
Гоняют оленей. Убирают рис —
три вида приобретаемого[10] не теряют.
В восьмом месяце:
Горы и степи залиты желтым солнечным светом, созрели хлеба.
На прекрасной земле, на полях сладко спят хлеба.
Часто появляются те, кто обходит поля[11],
Чиегхонские[12] тангуты и китайцы обрезали преграды,
черные нити и белые нити тянут, тянут — ловят птиц,
Оленей гоняют, жнут хлеба: в трех [этих делах]
оплошностей не допускают.
Луна плывет на девятый месяц.
Убран рис, по травам на вершинах холмов шагают
Мастера. Среди разных трав нет негодных для дела.
Девятого месяца пища прекрасна и разнообразна —
Рису, меду обилье — в государстве радость.

[8] Не установленная нами местность.
[9] То же.
[10] Птиц, оленей и риса.
[11] Сборщики налогов.
[12] Не установленная нами местность.

На рис белый и рис желтый еще не падает иней.
Составляя связки, нанизывают монеты — умные богатеют!
В девятом месяце:
На полях завершена уборка, на высоких местах
выпадает иней, играют свадьбы,
как подобает, по церемониалу.
Созрели все овощи.
Девять видов овощей, основу питания
разными способами заготовляют на зиму.
Румянятся, приодеваются, звучит музыка,
в государстве веселье, обильный урожай белого ячменя
и желтой пшеницы,
Мешки полны — желудку и сердцу довольство.
Луна плывет на десятый месяц.
Полны разного рода кладовые, умные люди
отдыхают, в государстве устраивают пиры.
Народ спокоен и благополучен. В государстве охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры. Ревут олени.
Ветер треплет травы, они мечутся под ветром,
как испуганный конь.
Кричат черные птицы, сбиваются в стаи,
улетают на запад, летят на восток,
Черные стаи птиц белые стены крепостей и жилища не обновят.
В могучем государстве радость,
появляются новые памятные записи!
В десятом месяце:
Все кладовые полны, люди отдыхают от забот,
в государстве пиры.
Народ весел. В стране охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры, кричат олени,
ветер бьет травы, дикие козлы скрываются в лесах.
Гогочут черные гуси, их головы
подобны потухшим головешкам, они улетают на запад,
летят на восток.
В белых городах и черных крепостях покой,
В сильном и доблестном государстве всюду тепло и радость.
Луна плывет в одиннадцатый месяц.
На западных белых горах бродят стада баранов,
собираются у водопоев.
В белые холода загаданные пути не извилисты,
Сыновья тангутов все насквозь видят,
шагают вперед и назад, не запутываясь в важном.
Холодные конские языки и черные олени в изобилии.
В одиннадцатом месяце:
Подданные Белого Высокого спускаются с гор
в густые леса, замерзают реки,

Прямы покрытые льдом дороги.
Сыновья тангутов ходят осторожно, оглядывая дорогу,
[плохая дорога] — любви не преграда!
Холодны зубы лошадей, олени бредут сквозь глухую ночь.
Плывет холодная луна, пропустил пятый день
и рыбок не собрать.
Бьют в барабан час земли-быка, [люди] идут в храмы.
Приближается Новый год, черноголовые и краснолицые
в государстве устраивают пиры.
На год жизнь и у молодых, и у старых удлинилась,
трех колен родня и в будущем году,
головы соединив, все луны снова повторит.
В храмах, домах и самых удаленных уголках страны —
всюду радость, в окнах сельских домов
[видны] соединенные вместе головы.
В двенадцатом зимнем месяце:
Пятые, девятые холода проходят, рыбок выпускают.
Забивают весеннего быка, опасаются пагубы,
насылаемой нечистой силой, лисьих чар.
Перед наступлением Нового года
черноголовые и краснолицые в государстве устраивают пиры.
Молодых и старых людей трех поколений,
подобно многоколенчатому бамбуку
конец месяца и [новый] год соединяют.
В домах, среди старост селений,
нет неявившихся, [все] собрались,
вплоть до правителей самых отдаленных мест.
И пусть все радостно празднуют Новый год!

Какое своеобразное видение и ощущение природы и радостей жизни в гармонии с нею! Сколь необычны метафоры, например солнце — то бык, духподатель молока, то оно прекрасно, как овечья шерсть, то оно подобно парчовой циновке. И жизнь человека, достигшего долголетия, как долгая скачка по широкой степи. Все это образы еще из того тангутского прошлого, когда скотоводство в их жизни было определяющим.

Дошедшие до наших дней памятники тангутской письменности широко отражают китайское влияние. Как и во всех основных странах китайского влияния — Японии, Корее, Вьетнаме, в Великом Ся стала «своей» конфуцианская классика. Мы обнаруживаем в собрании П. К. Козлова фрагменты переводов на тангутский язык «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Сяо цзин» [Китайская классика], сборник цитат из китайских классических книг. Как и военачальники Кореи, Японии, тангутские генералы изучали теорию военного дела по трактатам «Сунь цзы» [Сунь цзы, 1979]. На тангутский язык был переведен политический трактат «Чжэнь-гуань чжэн яо» [там же. № 10], сочинение на темы древней китайской истории «Двенадцать царств» [там же. № 12], энциклопедия «Лес категорий» [Лес категорий].

Между тем влияние китайской идеологии и политической культуры на тангутское государство и общество отнюдь не ограничивалось переводом этих и иных сочинений. Оно было более глубоким и действенным, пронизывая, может быть, жизнь всех слоев общества, а для служилого сословия в чем-то являясь и доминирующим. Именно под значительным воздействием китайской политической идеологии и культуры складывалось представление о том, каков должен быть государь, его сановники, чиновники, образованные люди, определение их места в государстве и обществе. В энциклопедии «Море значений, установленных святыми», говорится: «Люди распределены в пределах девяти степеней рангов. В соответствии с четырьмя высшими степенями рангов и качествами четырех низших степеней рангов они отличаются один от другого. Среди людей, обитающих в пределах [данного] мира, искусные в делах, способные и сильные, умеющие владеть оружием, наставляющие членов своей семьи, люди с мягким характером и характером волевым, все безошибочно и по достоинству получают тот ранг, который они заслужили» [Море значений. Инв. № 2614. С. 31]. Благородные мужи это люди талантливые, образованные, грамотные, способные «умело и соразмерно оценивать достоинства китайских книг» [там же. Инв. № 2644. С. 5]. Однако тангутский благородный муж и гуманный человек отличались от китайского идеала указанных лиц тем, что они были непременно буддистами. Они «всем сердцем признавали истинность учения Будды», «стремились постичь смысл мудрых сутр». Природа гуманного и благородного человека должна была соответствовать природе бодисатвы. «Среди пребывающих во всех мирах гуманный человек близок к священномудрым... Природа человека, почитающего родителей и старших (*сяо*), соответствует природе бодхисатвы» [там же. С. 7]. Если такой человек служит, то он с любовью и почтением относится к родителям, милосерден и сострадателен к людям бедным, людям, подчиненным ему и прислуживающим ему, он нелицеприятен, он потворствует близким родственникам, но и не отталкивает дальних. Такие люди всей душой преданы государю и с уважением относятся к своим учителям. Суть службы государю раскрывается в таких пояснениях: «Служит усердно, почтительно: ревностно проявляет себя на службе государю, почтителен, боится совершить оплошность, не тяготится тем, что часто ходит пешком». «Государю всей душой предан: усердно служит государю, преданно выполняет его поручения посыльного по разным делам, верой и правдой оберегает государево имущество, управляет, способствуя благополучию государя» [там же. Инв. № 2614. С. 10], «при ведении больших и малых, высоких или низких дел сообразуется с законами государства» [там же].

Переводная литература, будучи в оригинале назидательной, для того и переводилась, чтобы продемонстрировать образцы достойного и недостойного поведения, нередко в столкновении разных качеств, например долга и порядочности. «Чу-ни служил при вэйском Лин-гуне. А чиновник Чжао Дунь часто справедливо увещевал Лин-гуна. Лин-гун возненавидел его и тайно послал Чу-ни пробраться в дом Чжао Дуня и убить его... Чу-ни подумал об искренности увещеваний Чжао Дуня и не осмелился убить его. Но так как он никак не мог не выполнить приказа Лин-гуна, то разбил голову об стену и умер» [Лес категорий. С. 39].

Сын, почитающий родителей, должен был пойти на службу и служить достойно. «Тот, кто не служит, не достоин имени почитающего родителей: Почитающие родителей дети там, куда они направлены на службу, доброго имени своего не теряют. Государевых приказов ожидают и преданно их исполняют. В управлениях дела ведут аккуратно, друг с другом дружат, бывают правдивы и искренни. В схватках с врагом храбро сражаются. Почитающие родителей дети это те, которые эти пять дел добросовестно исполняют, имени родительского не порочат» [Море значений. С. 14а].

Кажется, тангуты особенно чтили конфуцианский принцип *сяо*, почитания родителей и старших. Помимо канона «Сяо цзин» на тангутский язык был даже переведен специальный сборник рассказов о *сяо* [Записи о любви].

«Есть три формы *сяо*: Высшее выражение *сяо* это действия государя. Государь в Поднебесной благую силу *дэ* распространяет, на суше-земле *сяо* и *ли* [нормы ритуала и поведения] накапливает. Если *сяо* и *дэ* распространились по государству, то это есть *сяо* государя. Следующее — это *сяо* чиновников. Если чиновник благороден и предан, соблюдает законы и *ли*, не имеет дурной репутации, не ищет наград от государя, служит почтительно своим родителям, то это и есть проявление почтительности чиновником. Если человек сильный и способный направляет свои силу и способности на почитание родителей и служение им, то это и будет проявлением *сяо* со стороны народа государства» [Море значений. С. 16б].

И в данном случае переводятся истории, иллюстрирующие столкновение *сяо* и долга. «В древние времена жил некий ребенок шести лет. О почитании им матери рассказывают следующее. Его мать приготовила рис. Среди евших эту еду чиновников оказался тот, который понял, что это краденая еда. Он спросил об этом ребенка. И тот сказал: "Из-за того, что мать приготовила вкусную еду, она наказания за кражу не избежит". Об этом доложили старшему чиновнику, и тот дал ребенку высокий ранг сына, почитающего мать» [там же. С. 15а]. Ради *сяо* в отношении государя мальчик преступил через *сяо* в отношении матери и закон, запрещавший доносить на родителей о совершенном им преступлении. Во всяком случае, в текстах, переведенных на тангутский язык, обычно долг по отношению к государю и государству оказывался превыше всего.

Китайское влияние было ощутимо и в сложении тангутской филологической науки как составной части духовной культуры общества. Это была тангутская филологическая наука, ибо она касалась тангутского языка. И в то же время тангутские филологи взяли все ценное из китайской филологической науки той эпохи. Мы уже упоминали о том, что тангуты создали свое письмо по образцу китайского, хотя и сделав его внешне совершенно непохожим на него. Они проделали огромную словарную работу, составив ряд словарей родного языка, таких, как рифмический словарь «Море письмен» [Море письмен], прототипом которого послужил китайский словарь «Гуань юнь», словарь омонимов [Тангутские рукописи. № 18], фонетические таблицы [там же. № 22] и т. д.

Во Тхо, составитель словаря «Омонимы» (или «Гомофоны»), писал в 1132 г. в послесловии к своему труду: «Ныне легко установить, что число тангутских письменных знаков возросло [по сравнению с тем], которое [мы] находим при царствовании предков нашего государя. Ради стремления к процветанию уч-

реждено Управление по вырезыванию текстов книг на досках для печатания их способом ксилографии. Его возглавили талантливые тангуты. И отпечатанные способом ксилографии книги распространились по всему миру. Однако затем резчики досок для печатания книг, [одни], гонясь за ничтожной выгодой, путали знаки и изменяли их внешний облик, [другие же], будучи неграмотными и не умея правильно воспроизводить их, отделяли на доске для печатания книг начало знака от его конца и смешивали их правую и левую сторону, что сбивало с толку учащихся. И я, Во Тхо, глядя на это, печалился и потому произвел тщательную проверку [письменных знаков]. Поскольку у меня не хватило тщания выправить прежние многочисленные несообразности и несовпадения в написании [знаков], то пусть мудрецы не сетуют на меня, когда они обнаружат несоответствия». Словарь включал 6133 основных идеографа и 6230 поясняющих [Гомофоны].

В предисловии к «Фонетическим таблицам» их составители в частности писали (1173 г.): «Сейчас просматривали разную литературу. В Тибете и Китае уже имеются фонетические таблицы... Ныне в силу и наших заслуг составление фонетических таблиц... завершено. Они чрезвычайно важны для государства и являются основой процветания и источником истинной мудрости. Они суть источник записи сутр и учения Будды, княжеского церемониала, законодательных актов, приказов, талантливых стихов... Их можно сравнить с Великим морем, глубоким и безбрежным, вбирающим в себя все реки, не усыхающим и не переполняющимся... Среди разных гор самая высокая гора Сумеру, среди всех искусств написание сочинений не имеет себе равных, среди всевозможных сокровищ — литература наивысшая драгоценность» [там же. Фонетические таблицы. Инв. № 620]. Вдумайтесь, в XII в. достижения отечественной филологии почитались основой процветания государства, а литературное творчество — наивысшей драгоценностью. Но уже родился Чингисхан, и нам ясно, что думающим так было не устоять против тех, кто высшим счастьем полагал низвержение врага и захват его имущества и жен.

Позволим себе еще упомянуть тангутско-китайский и китайско-тангутский одновременно словарь, составленный Гулэ Мао цаем в 1190 г.

Гулэ Мао цай писал в предисловии к своему труду: «Все благородные мужи, учась, пополняют свои собственные знания и стремятся унаследовать все то, что осталось нам от прошлых времен. Обучая других, они человеколюбиво стараются послужить благу других людей в наши дни. Разве это не истинно? Что касается письмен тангутов и китайцев, то если судить о них по ветвям (внешнему виду письменных знаков. — *Е. К.*), то они кажутся различными. Если же вникнуть в их корни (суть. — *Е. К.*), то окажется, что они одинаковы... Люди наших дней хотят полностью понимать тангутский и китайский языки. Если [китаец] не знает тангутского языка, то он не сможет быть среди тангутов, если же [тангут] не учил китайского языка, то как он сможет достичь договоренности с китайцами?.. Я, Гулэ Мао цай, хорошо изучил тангутскую и китайскую письменности и благодаря этому разве смею молчать? Преодолев робость, я распределил слова для обучения тангутскому и китайскому языкам по трем разделам [Небо, Земля и Человек], все самое важное собрал в одной книге и расположил фразу за фразой, поясняя их подлинный

смысл. Поскольку [в обоих языках] произношение слов отличается, даны объяснения (транскрипции. — *Е. К.*) там, где можно было подобрать их по сходству [в звуках этих языков]. В тех же случаях, когда произношение [слов в этих языках] не имеет соответствий, правильному произношению может обучить учитель. Я стремился подобрать простые фразы, легко понятные ученикам. Назван словарь "Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени"» [Тангут. фонд. Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени. Инв. № 214].

Думается, что к концу XII в. политическое противостояние Ся с сунским Китаем, характерное для XI в., перешло в сферу известного духовного соперничества с тангутской стороны. После образования государства чжурчжэней Цзинь в 30-х гг. XII в. тангуты не имели общей границы с собственно китайским государством. Но война в Северном Китае пригнала на территорию Великого Ся не только киданей из гибнущего и погибшего киданьского государства Ляо, но и волну беженцев из Китая. Стоит упомянуть о Жэнь Дэ-цзине, выходце из города Сиань, который пытался расколоть государство Ся и стать ваном независимого государства Чу [Кычанов, 1968. С. 241–246]. Окитаивался правящий клан Нгвеми. Великий и славный государь Ся Жэнь-сяо был уже наполовину китайцем. В XII в., особенно во второй его половине, тангуты, возможно, испытывали определенное давление со стороны китайской культуры, как и еще недавно кидани и одновременно с тангутами — одолевшие китайцев чжурчжэни. И хотя, например, те же чжурчжэни полагали, что Ся смогло отстоять свои обычаи и свой язык, давление китайского культурного пресса было очевидно. Наряду с другими причинами именно этим можно попытаться объяснить известный крен буддизма в Ся в конце XII в. в сторону буддизма тибетского. Тангуты, как мы могли видеть из цитированных выше текстов, знали и понимали молодость своей государственности и культуры и глубокие корни таковых у китайцев. Тангуты надеялись на свою молодость и соответственно долгую жизнь их культуры и государства. Неслучайно в «Большой оде» мы читаем такие строки:

> Тангуты и китайцы удачу поделили, и солнцу это очевидно,
> С удачей тангутов, тангутов рожденьем провиденье промедлило...
> Но раньше родившийся, раньше состарится, раньше в прах обратится.
> Выросший позже, позже расцветший, дольше останется молодым
> и сильным.
> Тангуты в середине расцвета, это [они] в центре [внимания] неба.
>
> [*Большая ода, б. п.*]

Увы! Как среди людей позже родившийся не всегда переживает родившегося ранее, так и тангутскому государству оставались считанные десятилетия и Небо отвернулось от него, предав тангутов и их культуру мечу своего очередного любимца Чингисхана.

Будучи тэнгриистами, небопоклонниками и шаманистами близкого к комплексу тибетских верований бон толка, тангуты, очевидно, и в догосударственный период в какой-то мере знали буддизм. Они жили в «буддизме», ибо буд-

дизм процветал в Китае, буддистами являлись их соседи тибетцы и уйгуры, с X в. буддизм прижился в киданьском государстве Ляо. Позже создание тангутского государства и введение в употребление своего письма создало решающее условие для того, чтобы буддизм стал у тангутов государственной или почти государственной религией. В 1038 г. императорским указом была образована специальная комиссия для перевода буддийского канона на тангутский язык, в первую очередь с языка китайского.

Как и в Китае, жизнь буддийской общины проходила под контролем государства, начиная с позволения властей на пострижение в монахи и кончая контролем за переводческой и проповеднической деятельностью. Мощный центр китайского буддизма — пещерные храмы Дуньхуана — оказался в составе тангутского государства. А на северовосточных границах страны действовал другой знаменитый центр китайского буддизма, правда, на территории государства Ляо, а потом Цзинь — комплекс храмов в горах Утайшань. Если конфуцианство было достоянием образованной чиновничье-элитарной части тангутского общества, то буддизм стал достоянием всех — от правящего дома Нгвеми (Вэймин), усердного пропагандиста учения, до простых скотоводов и земледельцев. В сознании людей господствовала кармическая предопределенность. В «Море значений, установленных святыми» мы читаем:

Из-за кармы у всех живых существ
счастье или высокое, или низкое,
Из-за кармы у многих групп живых существ
благополучие неодинаково.

[*Море значений. Инв. № 143. С. 1б*]

Учение Будды, его сутры, разошедшиеся по всему миру,
[это залог] добродетельных поступков
и следования нормам поведения
Ритуал ванов выражается в сочиняемых одах
и в изящных выражениях.

[*там же. С. 2а*]

«Смысл понятий “бедность” и “богатство”: Люди бывают бедными и богатыми: Человек богатый имеет много вещей и продуктов питания, живет, не печалясь. Бедный человек продуктов питания и вещей не имеет, жизнью неудовлетворен.

[Такое состояние] благодаря карме создается:

Что касается богатства, то говорят, что продукты питания и вещи, розданные другим в прошлых жизнях, вдруг в этой жизни становятся большим богатством. [Богатство] — воздаяние, полученное за розданное. Что же касается бедности, то бедными становятся за то, что в прошлых жизнях были жадными и не раздавали [пищу и вещи]» [там же. С. 35б].

«То, что человек благородный или ничтожный, чистый (лично свободный) или раб, определяется его кармой. В этой жизни получаем воздаяние за прошлые дела. И если добрых деяний мало, то и становишься рабом или слугой» [там же. С. 32б].

Благодаря карме люди заключают браки и роднятся друг с другом. «Соединяются благодаря карме: родственники благодаря согласию по карме в прошлых [перерождениях] и в этой жизни становятся родней, благодаря карме становятся внутренними (кровными) или внешними (свойственниками) родственниками» [там же. С. 34а].

Подавляющее большинство памятников тангутской письменности — буддийские сочинения, рукописи и отпечатанные способом ксилографии, а также подвижным шрифтом книги. Буддизм объединял духовную культуру разных народов, населявших тангутское государство. От имени государя буддийский текст часто издавался одновременно на трех языках — тангутском, китайском и тибетском, тиражами в десятки тысяч экземпляров. Двор ратовал о благополучии страны:

Пусть ветры дуют и дожди проливаются своевременно,
Драгоценные хлеба вызревают вечно,
На границах установится мир,
А народ благоденствует[14].

о том, чтобы не пресекся корень династии, о перерождении предков в Чистой земле (раю) будды Амиды. Народ молился о благополучных родах жен и дочерей, о детях, о жизни в достатке, об излечении от болезней, о хорошем перерождении для покойных родителей и близких.

Тангутские, тибетские, китайские, тангутско-китайские буддийские общины (нет сведений о смешанных тангутско-тибетских общинах) отражали духовное единство через многообразие культуры тангутского государства в важнейшей из ее сфер — религии.

Судя по текстам, увеличение переводов с тибетского языка отмечается со второй половины XII в. Кодекс Великого Ся объявлял тибетский язык наряду с тангутским и китайским официальным языком буддизма в стране. Видимо, сформирование ряда школ тибетского буддизма, таких как Кармапа, Кагюпа, Сакья, развитие тантрических учений в Тибете оказали существенное влияние и на тангутский буддизм. Тангутское государство являлось контактной зоной китайского и тибетского направлений в буддизме. Среди иерархов буддизма в Ся в колофонах неоднократно упоминаются знатоки тибетского языка и тибетского канона. Тангутские переводчики и комментаторы нередко для перевода или истолкования каких-либо буддийских сочинений на тангутский язык использовали его китайский или тибетский текст, а также, если он сохранился, текст на санскрите.

В общем представлении тангутов об окружающих народах тибетцы в XI в. уже являли собой образ ревностных буддистов. В сочинении «Крупинки золота на ладони», первоначальном учебнике тангутского письма, есть следующие строки:

Тангуты смело и бодро идут вперед,
Кидани ступают медленным шагом.
Тибетцы большей частью чтут будд и монахов.

[14] Текст Лянчжоуской стелы [Нисида Тацуо, 1964. С. 176].

Китайцы все любят светскую литературу,
Уйгуры пьют кислое молоко.

[*Кычанов, 1979. С. 217*]

От тибетцев в тангутскую книгу попали книги, сброшюрованные способом потхи, прообразом которых послужили стопки сложенных пальмовых листьев. Такой способ брошюровки книг в Китае в то время был малораспространенным. И в тангутском государстве, кажется, книги-потхи были только буддийского содержания. Встречающиеся при буддийских текстах на тангутском языке гравюры частью отражают иконографию буддийской школы ваджраяна, распространенной в Восточной Индии, Непале и Тибете [Грек и др., 1964]. К сфере буддизма относится и дошедшая до наших дней попытка протранскрибировать тибетским письмом тангутский буддийский текст для человека (или людей), явно не умеющего писать по-тангутски.

К сожалению, памятники тангутской письменности не позволяют нам проследить «тибетскую струю» в тангутской культуре вне буддизма, в обыденной жизни. Но хорошо известно, что в культурах прошлого религия играла прогрессивную, объединяющую роль. И эта роль была обусловлена не только чисто религиозными, но и внерелигиозными компонентами веры в самом широком смысле слова — моральными, философскими, эстетическими, которые были включены в религиозное общественное сознание. Ценности буддизма, предписываемые им поведенческие категории были общими для всех народов, населявших государство тангутов Великое Ся. Кроме того, выше мы привели достаточно примеров определенного сходства представлений тибетцев и тангутов на свое происхождение и на окружающий мир.

Выше мы говорили о тангутской культуре как части единого целого — восточноазиатской культуры, в центре которой была культура китайская. Исторически и китайская культура сложилась из разнородных элементов, объединенных мощью единого письма, идеологии трех учений — конфуцианства, даосизма, буддизма, политического учения об императоре-мироустроителе, сыне Неба и обладателе благой силы *дэ*, учения о государстве-центре в Поднебесной.

Тангутская культура была периферийной, восточноазиатской с сильными центральноазиатскими элементами, в которых китайское влияние ощущалось, но не являлось доминирующим. Как достаточно поздняя молодая культура, культура тангутского государства являла собой единство разного. На материале письменных памятников мы попытались показать отдельные существенные слагаемые этого разного: сильная струя собственно древних представлений, особенно отразившихся в одах, изречениях, энциклопедии «Море значений, установленных святыми»; в лучших традициях китайской филологической школы — создание своего письма и огромная словарная работа над собственным языком. Это был буддизм — учение, объединявшее тангутскую культуру с культурами Китая, Тибета и, о чем мы знаем меньше, Центральной Азии. Китайские источники упоминают об участии уйгуров в середине XI в. в переводах буддийского канона на тангутский язык. Дошедшие до нас тангутские тексты не сохранили ссылок на уйгурское участие, но «Сутра золотого блеска»

и на уйгурском, и на тангутском языках имеют одно и то же предисловие, которое по-китайски если и сохранилось, то считается очень редким.

Все тангутское наследие свидетельствует о том, что тангуты ратовали за свой путь не только в политике, но и в культуре. Они стояли перед выбором, о котором в свое время японский ученый Сатоси Накадзима писал как о выборе между буддизмом и конфуцианством. «Тангутские обряды означали развитие и упрочение буддизма, китаизация — конфуцианства» [Сатоси Никадзима, 1937. С. 714]. Нам уже приходилось писать, что в отличие от родственных этнических государств — Тибета и Бирмы — тангутское Великое Ся не стало буддийским теократическим государством. Тангутская культура не стала и исключительно конфуцианской. Присвоив посмертно Конфуцию вслед за киданями титул императора, тангутские политики как бы лишали здравствующего китайского императора исключительности его положения. Ниже самого Конфуция, императора Конфуция, могло быть и несколько сынов Неба, в том числе и император Великого Ся [Кычанов, 1987. С. 130–144]. Можно сказать, что при условии, что каждый из населявших тангутское государство этносов придерживался своей культурной традиции, слагалась и культура именно тангутского государства. Формирование ее в лучшем случае завершалось на рубеже XII–XIII вв. Это была культура, являвшаяся частью восточноазиатской культуры, типа культуры корейской или японской. Она не сложилась как культура центральноазиатская, кочевая, каковой, возможно, была частью современная ей культура киданьская, к сожалению, письменные памятники которой не дошли до наших дней. Суть такой культуры — претворение и упрочение своего наследия через китайскую культуру.

ГОСУДАРСТВО ВЕЛИКОЕ СЯ (982–1227 гг.) И ЕГО КУЛЬТУРА

Хара-Хото, «Черный или мертвый город», «город Черной реки» — Эдзина был пограничным городом Тангутского государства, именовавшегося с рубежа X–XI вв. по-китайски Си Ся, а на родном языке «Великим государством Ся (потомков выходцев) с белых высот». Это был город четвертого разряда из пяти разрядов, на которые подразделялись в середине XII в. тангутские города.

Государство Великое Ся было создано народом тибето-бирманским по своей языковой принадлежности. Самоназвание этого народа *ми* или *минья*, китайцы называли этот народ *дансянами*, тибетцы — *минягами*, а древние тюрки, а позже и монголы — *тангутами*. Под последним наименованием этот народ и вошел в европейскую литературу. Тангуты являлись прямыми потомками цянов, народа не менее древнего, чем китайцы, известного с III тыс. до н. э., населявшего северо-западные и западные области нынешнего Китая. Потомками цянов ныне считаются тибетцы, бирманцы, тибето-бирманские по языку народы пограничного района между собственно Китаем и Тибетом.

В VI–VII вв. н. э. тангуты-дансяны жили в северо-западной Сычуани, в районе современного города Сунпань. В конце VII в. после наступления тибетцев на восток и северо-восток они вместе со своими союзниками сяньбийцами-тугухунями вынуждены были переселиться на север, на южную окраину современного Ордоса. Здесь тангуты прижились и усилились, постепенно составив большинство населения данного региона, в котором кроме тангутов проживали китайцы, тибетцы, уйгуры, туюйхуни, татары.

Во второй половине IX в. после распада Тибетской державы и народного восстания в Китае тангутский правитель Тоба Сы-гун за помощь, оказанную китайскому императору в подавлении восстания, получил в 883 г. должность генерал-губернатора данного района и титул вана (князя) Ся. По традиционным китайским представлениям, именно на этих землях размещалось первое в истории Китая государство Ся, а в конце IV — начале V в. н. э. — государство Да Ся, Великое Ся, управлявшееся потомком гуннов Хэляньбобо. Гибель в 907 г. китайской династии Тан (618–907), распад единого Китая на ряд независимых государств (так называемый период Пяти династий) и появление на северных границах Китая киданьского государства Кидань-Ляо способствовали укреплению самостоятельности тангутов.

После 960 г. с воцарением в Китае новой династии Сун, постепенно объединявшей под своей властью страну, тангутские правители решили начать борьбу за создание своего собственного государства. Один из них, Тоба Цзи-цянь, в 982 г. вступил в открытый конфликт с китайским двором. В 983 г. он создал свой аппарат управления, извне его поддержали кидани. Они признали Цзи-цяня генерал-губернатором данного региона, а в 989 г. киданьский император отдал в жены Цзи-цяню киданьскую принцессу и пожаловал ему титул вана государства Ся. К 997 г. Цзи-цянь отвоевал у китайцев всю южную часть Ордоса, а в 1002 г. овладел городом Линчжоу (современный город Линъу, Нинся-Хуэйский автономный район КНР), который объявил своей столицей. Его государство, судя по китайским источникам, именовалось Ся, а китайцы (первая известная запись под 1001 г.) стали именовать новое государство Си Ся, или Западное Ся. Си Ся — это только китайское наименование тангутского государства, в оригинальных тангутских текстах оно не встречается. Возможно, что уже при Цзи-цяне тангутское государство получило свое полное наименование, и тогда стоит обратить внимание на полисемантизм понятий «белое-высокое» в полном наименовании тангутского государства. Белый цвет и «высокое» в противоположность «низкому» ассоциировались с западом и в определенной интерпретации «белое-высокое» могло пониматься как «западное». И тогда «Белое-Высокое... Ся» было попросту равнозначно китайскому наименованию Си Ся, особенно если учесть, что китайцы могли и не знать сокровенный смысл понятия «белое-высокое».

С Цзи-цяня берет начало правящая династия тангутского государства, именовавшаяся в китайских источниках Тоба (фамилия была позаимствована у сяньбийских правителей Тоба) или Ли (жалованная фамилия императоров Тан). Жаловалась тангутским правителям и фамилия императоров Сун-Чжао. Но их подлинная династическая фамилия была Нгвеми (в китайской передаче Вэймин), и только она встречается в оригинальных тангутских источниках.

В 1004 г. Цзи-цянь погиб в войне с тибетцами. Северо-восточные тибетцы из Амдо, населявшие области современной провинции Цинхай и части провинции Ганьсу (район современного города Увэй), как и уйгуры, которым принадлежал район Ганьчжоу (совр. города Чжанъе) — Шачжоу (совр. город Дуньхуан) в западной части Ганьсу, были недовольны усилением тангутов, отрезавших их от китайских рынков и угрожавших их независимости. Именно поэтому первые полвека существования государства тангутов отмечены частыми их войнами с тибетцами и уйгурами.

После смерти Цзи-цяня власть над тангутами перешла к его сыну Дэ-мину. Дэ-мин в целях своего собственного возвышения присвоил отцу посмертно титул императора. В современной науке нет единого мнения о начальной дате существования тангутского государства. Китайская наука считает таковой 1038 г. — год демонстративного в адрес Китая принятия третьим тангутским императором Юань-хао императорского титула. Иногда указывают 1032 г. — год прихода к власти Юань-хао. Некоторые авторы без каких-либо аргументов принимают за начальную дату 1004 г. — год воцарения Дэ-мина. С точки зрения автора этих строк, наиболее верно указывать 982 г. — год начала открытой борьбы Цзи-цяня за независимость тангутов и создание тангутского государ-

ства. Тем более что никто не отрицает, что Цзи-цянь является Тай-цзу — великим предком, основателем династии.

Политическая история тангутского государства, просуществовавшего 245 лет, сложилась следующим образом. В 1006 г. Дэ-мин заключил мирный договор с Китаем. Сам факт подписания договора означал признание двором Сун самостоятельной значимости тангутского государства. Дэ-мину была пожалована должность генерал-губернатора (цзедуши) армии Диннань (так с середины IX в. китайцами традиционно рассматривался этот регион) и титул Си пин вана — князя, Умиротворителя Запада. Дэ-мин сохранил все принадлежавшие ему территории, армию, реформировал аппарат управления, упорядочил законодательство и ввел при своем дворе церемониал, схожий с китайским придворным церемониалом. В 1028 г. он официально объявил своего сына тайцзы — наследником императорского престола, а его матери пожаловал титул хуанхоу — императрицы. Все это свидетельствовало о том, что в своих владениях он полагал себя и рассматривался как император. В 1020 г. Дэ-мин перенес столицу в город Хуайюань, переименовав его в Синчжоу (совр. город Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР). Замирившись с Китаем, Дэ-мин получил возможность направить все свои усилия на борьбу с тибетцами и уйгурами. Первые тангутские походы на уйгуров были неудачны. Но в 1028 г. тангуты овладели областью Лянчжоу.

В конце 1031 г. Дэ-мин скончался. Власть перешла к его официальному наследнику престола Юань-хао. Юань-хао получил хорошее наследство, богатую, не изнуренную войнами страну и энергично повел дело к официальному признанию соседями тангутской империи — китайским государством Сун и киданьским государством Ляо — и тангутского императора — одним из трех императоров нынешнего континентального Китая. Такое разделение власти было реальностью, неслучайно и современники Ся, и нынешние китайские авторы уподобляют Китай той эпохи триподу-дин, сосуду на трех ногах (Сун, Ляо, Ся). Юань-хао провел серию реформ: модифицировал аппарат управления по образцу китайского, реформировал армию, ввел в 1036 г. в употребление тангутское письмо, а при дворе — тангутские церемониалы и тангутскую музыку. Буддизм признается официальной религией страны. Как свидетельство независимости Юань-хао употребляет свои девизы царствования и 10 ноября 1038 г., ссылаясь на «просьбы» соседей — уйгуров, тибетцев, татар, торжественно принимает титул императора-хуанди. К этому времени он окончательно разгромил ганьчжоуских уйгуров и присоединил к своим владениям округа Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу — все западные области нынешней провинции Ганьсу, включая Дуньхуан. Именно в это время, очевидно, в состав территории Тангутского государства вошел и город Хара-Хото в устье реки Хэйшуй (совр. Эдзин-Гол).

В 1039 г. тангутское посольство повезло в столицу Сун город Кайфэн письмо с предложением о признании Китаем за Юань-хао титула императора. В своем послании императору Сун Юань-хао, в частности, писал: «Мои предки происходят из императорского рода. Когда власть династии Восточная Цзинь (317–420) клонилась к упадку, они положили начало династии Хоу Вэй (386–534). Мой предок Тоба Сы-гун оказал военную помощь династии Тан в последние годы ее существования, за что получил титул и был награжден правом носить фамилию танских императоров. Дед мой, Тоба Цзи-цянь <...> владевший мандатом Неба,

поднял знамя справедливости и покорил все племена. Отец мой <...> постоянно заботился о расширении небольшого владения, которое получил от своих предков. Я неожиданно из запутанных узоров создал малое тангутское письмо, заменил одежды и головные уборы Великой Хань. Как только были введены новые одежды, письмо, обряды и музыка, а ритуальные сосуды были готовы к употреблению, то сразу тибетцы, татары, Чжанъе (ганьчжоуские уйгуры) и Цзяохэ (уйгуры Турфана) — все подчинились мне. Они были недовольны, что я называю себя ханом, и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и требовали, чтобы мой титул соответствовал моему положению. И я выразил желание, чтобы на этих окраинных землях была создана империя. <...> В одиннадцатый день десятого месяца (10 ноября 1038 г.) в пригороде был сооружен алтарь, совершены обряды и я стал титуловаться Основоположником династии, изобретателем письма, полководцем, учредителем законов и церемониала, человеколюбивым и отцепочтительным императором. Государство мое названо Великим Ся, года правления — Да пребудут вечно дарованные Небом церемонии и законы. Я покорно ожидаю, Ваше Величество, что Вы <...> позволите мне в западных землях на окраине вашего государства считаться государем, обращенным лицом к югу (т. е. императором)» [СШ. Цз. 489. С. 3876–3877].

Китайский двор отказался признать Юань-хао императором и объявил его мятежником. Это привело к китайско-тангутской войне 1040–1044 гг. Два года длились кровопролитные сражения, в которых погибли сотни тысяч человек. С 1042 г. противные стороны, видя невозможность никому одержать верх, ограничиваясь мелкими стычками, повели затянувшиеся переговоры о мире. В ходе их были выработаны основные условия заключения мира: Юань-хао в сношениях с Китаем отказывается титуловаться императором, а за эту уступку сунский двор ежегодно выплачивает тангутскому государству контрибуцию в 225 тыс. единиц, в числе которых 152 тыс. кусков шелка, 72 тыс. лан серебра и 30 тыс. цзинь (цзинь — около 600 г) чаю, а также одну тысячу кусков полотна. На этих условиях в 1044 г. был заключен мир. Обе стороны оставались в прежних границах. А в итоге, приобретя контрибуцию, Юань-хао проиграл в международном престиже. Он в нормах дальневосточной дипломатии тех лет признал себя «чэнь» (младшим, или, как часто переводят, вассалом). В дипломатической переписке китайцы именовали его не «хуанди» — императором, как императора Ляо, а только «чжу» — государем, владыкой. От императора Сун в качестве подобия западной инвеституры — права на владение и управление — он получал серебряную с позолотой печать с текстом: «Печать государя государства Ся». С середины XI и до середины XII в., как это было принято в нормах дипломатии той эпохи, отношения между императорами Сун, Ляо и Ся выражались и в терминах родства, принимая во внимание, что Поднебесная — одна семья. Император Сун считался старшим братом императора Ляо и отцом императора Ся; император Ляо — младшим братом императора Сун и дядей императора Ся; император Ся — сыном императора Сун и племянником императора Ляо.

Однако если принять во внимание реальное состояние дел, то в пределах Великого Ся и Юань-хао, и все его потомки после его смерти именовались

императорами, а государство Великое Ся сохраняло полную фактическую независимость, ибо за пределами этикета, подкрепленного силой, никакие волеизъявления императоров Сун или Ляо, а позже и Цзинь для государя (императора) Ся приказами не являлись, а иных мощных противников у государства тангутов не было. Известно, что на официальных аудиенциях император Сун первыми принимал послов Ляо, вторыми — послов Ся, третьими — послов Кореи, четвертыми — Вьетнама.

Заключение договора между Сун и Ся было ускорено нападением на Ся киданей. В 1042 г., воспользовавшись войной между Сун и Ся, кидани, угрожая Сун вторжением, вынудили Китай увеличить контрибуцию, которую они получали с Сун по договору 1005 г. Недовольные мирными переговорами проживавшие там тангуты восстали, воспользовавшись беспорядками в приграничных областях Ляо — кидани во главе лично с императором вторглись на территорию Ся. В восстании тангутских племен на территории Ляо мог быть замешан и тангутский двор, недовольный, в свою очередь, что Ляо не только не поддержало Ся в войне с Сун, но использовало ситуацию в своих корыстных целях. Сунский Китай, для которого киданьское государство было более мощным противником, чем тангуты, заняло в конфликте позицию, благоприятную для Ся. Тангуты разгромили киданей и сразу же предложили им мир. Насколько известно, он ничем обусловлен не был, кроме обмена пленными.

Последние три года своей жизни Юань-хао то жил в уединении в загородном дворце, который он построил для себя неподалеку от столицы в предгорьях Хэланьшаня, то активно занимался проблемами управления, налаживанием хозяйства страны и внешней торговли, прежде всего с Китаем. Погиб Юань-хао в самом начале 1048 г. Он был убит своим сыном, наследником престола, как полагало большинство китайских современников, из ревности, так как отобрал у сына невесту и взял ее себе в жены.

Смерть Юань-хао положила начало длительному периоду в истории Ся, когда власть в стране из-за малолетства императоров попала в руки матерей императриц-регентш и их родственников из клана Лян. Три императора — Лян-цзо (1048–1067), Бин-чан (1067–1086) и Цянь-шунь (1086–1139) — в первые пятнадцать лет своего правления не имели полной власти и во всем зависели от своих матерей и их родни из клана Лян. Отстранение от реального управления страной царствующего клана Вэймин (Нгвеми) вызвало внутренние смуты, а ослабление Великого Ся привело к войнам, поскольку Сун и Ляо, пользуясь слабостью центральной власти в Ся, военным путем пытались разрешить споры с ним или, как сунский Китай, попросту уничтожить тангутское государство.

Не простив своего недавнего поражения, уже в 1049 г. в Ся снова вторглись кидани. На этот раз они дошли до стен столицы Ся, однако снова не сумели нанести тангутам военного поражения. Переговоры о мире длились до 1053 г. Тангуты скотом и продуктами скотоводства оплатили «ущерб», который кидани понесли в итоге их нападения на Ся. Обе стороны остались в прежних границах.

С сунским Китаем во второй половине XI в. тангутское государство помимо незначительных пограничных конфликтов вело две большие войны: в 1081–

1086 гг. и в 1096–1099 гг. В первой войне тангутское государство потеряло город Ланьчжоу (совр. главный город провинции Ганьсу), но устояло. Окончание войны не было оформлено мирным договором. Война 1096–1099 гг. также не принесла успеха ни китайской, ни тангутской стороне. В 1100 г. был заключен мир на основе договора 1044 г. По этому договору тангуты утратили Ланьчжоу и еще город Суйчжоу (совр. город Суйдэ, провинция Шаньси) и несколько пограничных крепостей.

С 1100 г. шестнадцатилетний император Цянь-шунь приступил к самостоятельному управлению страной. Государство Ся вновь стало крепнуть. В первой четверти XII в. произошли новые крупные изменения в Восточной Азии. В 1125 г. киданьское государство было уничтожено чжурчжэнями, основавшими на территории бывшего киданьского государства и северной части Китая свою империю Цзинь (1115–1234). Тангуты поначалу поддерживали киданей, но полный разгром Ляо и затем беспрецедентные военные поражения Сун вынудили их искать дружбу с чжурчжэнями. Последние приобрели нейтралитет Ся тем, что в 1136 г. позволили тангутам присоединить к Ся северные области современной провинции Цинхай с городами Синин (совр. центр провинции Цинхай) и Лэчжоу (совр. город Лэду, провинция Цинхай).

В 1139 г. Цянь-шуня сменил на престоле его сын император Жэнь-сяо. Важно отметить, что матерью его была китаянка и с Жэнь-сяо началась этническая китаизация династии Нгвеми. Правление Жэнь-сяо (1139–1193) было отмечено двумя внутренними смутами. В 1143 г. восстали бежавшие из Ляо в Ся кидани. Восстание совпало с сильным землетрясением. А в 1169–1170 гг. сановник Жэнь Дэ-цзинь пытался расколоть тангутское государство. Китаец Жэнь Дэ-цзинь, уроженец города Сиань, был свойственником дома Нгвеми, его дочь стала женой отца Жэнь-сяо Цянь-шуня. В 1150 г. Жэнь Дэ-цзинь становится главой гражданской администрации Ся, а в 1156 г. канцлером — госяном. Укрепившись в городе Линчжоу, Жэнь Дэ-цзинь, извне через территорию провинции Сычуань заручившись поддержкой Южной Сун, объявляет о своей независимости и создает свое государство Чу. Каковы были внутренние причины, приведшие к такому исходу дела, мы не знаем. Во вне Ся против Жэнь Дэ-цзиня резко выступил император Цзинь, который в беседе с послом Ся, по существу, потребовал казни Жэнь Дэ-цзиня. Неясно, насколько эта поддержка была решающей, но где-то осенью 1170 г. Жэнь Дэ-цзинь был обвинен в государственной измене и казнен.

В остальном пятьдесят с лишним лет правления Жэнь-сяо стали периодом расцвета тангутского государства. В 1170 г., очевидно, после казни Жэнь Дэ-цзиня, был введен в действие новый свод законов Ся, состоявший из 20 глав и 1456 статей. Большая часть этого памятника сохранилась до наших дней. Вторая половина XII в. — это время расцвета буддизма в Ся и тангутской культуры.

Незадолго до смерти Жэнь-сяо у тангутов произошли военные столкновения с чжурчжэнями, которые не ко времени испортили многолетние мирные отношения Ся и Цзинь.

Преемник Жэнь-сяо Чунь-ю (1193–1206) был уже на две трети китайцем. Его матерью являлась китаянка императрица Ло, упоминающаяся в некоторых

памятниках тангутской письменности из Хара-Хото. На годы правления Чунь-ю пришлась решающая победа Чингисхана над его соперниками в монгольских степях. Тангуты так или иначе не только были осведомлены о событиях к северу от их границ, но как-то и вмешивались в эти события, при этом не на стороне Чингисхана. Население монгольских степей тангуты именовали татарами. Видимо, не случайно еще в 1205 г. до великого курултая и провозглашения его всемонгольским ханом Чингис совершил свой первый поход за пределы Монголии именно на Ся. Монголы разграбили западные области Ся, а в столице Тангутского государства произошел переворот. Не без поддержки его матери императрицы Ло Чунь-ю за то, что в трудный час не сумел обеспечить оборону страны, был лишен власти его двоюродным братом Ань-цюанем (1206–1211). Вскоре Чунь-ю умер.

В 1209 г. армии Чингисхана снова вторглись в Ся. На этот раз они осадили столицу. Тангуты просили помощи у Цзинь, но чжурчжэни неразумно отказали им, что позже по наущению монголов привело к тангутско-чжурчжэньской войне 1214–1224 гг., роковой для той и другой из воюющих сторон. Столицу Ся монголы взять не смогли. Но по мирному договору 1209 г. тангутский император отдал в жены Чингисхану свою дочь (Чахэ, третья жена Чингисхана) и признал себя «чэнь» — вассалом монгольского хана. В 1211 г. Ань-цюань отрекся от престола и затем скончался.

Та придворная группировка, которая лишила его власти, посадила на престол не сына Ань-цюаня, а сына одного из великих князей дома Нгвеми. Новый император Цзунь-сян (1211–1223) был уже в годах (около 50 лет), но хорошо образован, имел ученую степень. На его правление пришелся поход монголов на Ся 1217 г. и новая осада столицы. Город снова устоял. В ходе мирных переговоров монголы требовали от тангутов одного — участия в их западном походе на Хорезм-шаха. К этому времени Чингисхану добровольно подчинились уйгуры и тюрки-карлуки. Погибло в Семиречье государство каракитаев Западное Ляо. Чжурчжэни, с которыми тангуты были в состоянии войны, терпели от монголов, начавших в 1211 г. войну с Цзинь, одно жестокое поражение за другим. Северный Китай был опустошен, его готовились превратить в пастбища для скота. И в такой ситуации тангуты отказали Чингисхану в поддержке, за что последний поклялся уничтожить их «до последнего раба».

Пока Чингисхан воевал на западе, в Ся возобладала партия сторонников мира с Цзинь. Они в 1223 г. вынудили Цзунь-сяна отречься от престола в пользу сына Дэ-вана, а в 1224 г. заключили мир с Цзинь. Есть некоторые свидетельства того, что тангуты стали искать союзников против Чингисхана в самой Монголии. Получив эти сведения, Чингисхан принял решение возвратиться из Западного похода. В 1225 г. монгольские послы прибыли в Ся и потребовали от Дэ-вана (1223–1226) в заложники его сына. Тангуты отказали. Весной 1226 г. монгольские войска во главе с Чингисханом появились на северных границах Ся. Одним из первых пал город Эдзина (Хара-Хото). Война еще не закончилась, когда в 1226 г. скончался Дэ-ван. Его сменил один из великих князей, известный из китайских источников как Наньпин ван Ши. Через год, 18 августа 1227 г., во время тангутского похода скончался Чингисхан. Точно не установлено, произошло ли

это до падения столицы Ся или после этого, но клятва Чингисхана уничтожить Великое Ся, гибель монгольского хана на тангутских землях, безусловно, явились причиной того, что население тангутского государства было истреблено с особой жестокостью. Позже на территории монгольского государства в XIII в. была образована область Тангут. На рубеже XIII–XIV вв. при правлении Тангутом монгольского принца Ананда по его инициативе этот район подвергся активной исламизации. При династиях Мин и Цин часть бывшей территории Ся стала областью Нинся (Умиротворенное Ся), а ныне это Нинся-Хуэйский автономный район КНР, значительная часть населения которого — китайцы по языку, мусульмане по религии.

Мы уже упоминали, что полное официальное наименование тангутского государства было (буквально) Белое-Высокое великое государство Ся. В этом названии трудны для интерпретации слова «белый» и «высокий». Существует обширная литература с их истолкованием. По нашему мнению, ряд упоминаний термина в тангутских текстах, в частности таких, как «люди Белого-Высокого», «девять братьев Белого-Высокого», позволяют предположить, что это понятие связано с происхождением правящего клана Нгвеми или тангутского народа вообще. С происхождением его «с белых высот», с ледников на вершинах гор, на которых рождаются великие реки Азии. Эта традиция была знакома и тибетцам. Великий поэт Тибета Миларепа образно полагал местом своего рождения ледник. Здесь связь и с общей для тангутов и тибетцев традицией культа гор, «черных», менее высоких, без снежных вершин и ледников, и «белых», высоких, со снежными вершинами и ледниками. По тангутским мифам, первоначально была пустота, в которой самопроизвольно зародился камень (гора) Кулон. Камень (гора) стал расти и, видимо, отделил Небо от Земли. В тангутских текстах тангуты часто именуются «черноголовыми» и «краснолицыми». Объяснению и этих понятий уделено немало внимания. Нам думается, пока можно предположить, что речь изначально шла о двух тангутских кланах — отцовском, «черноголовых», связанном узами происхождения с Небом, и материнском, «краснолицых», связанном узами происхождения с Землей.

Тангутское государство в пору расцвета занимало территорию великой излучины Хуанхэ и основную часть бывшей провинции Ганьсу между пустыней Гоби и горами Наньшань, лежащую к западу от гор Хэланьшань. Ныне административно это — западная часть провинции Ганьсу, западная часть автономного района Внутренняя Монголия (Хара-Хото находится в аймаке Эдзина), территория Нинся-Хуэйского автономного района, некоторые западные районы провинции Шэньси, северная часть провинции Цинхай. Основными отраслями хозяйства Ся являлись земледелие и скотоводство. Тангуты высевали просо, пшеницу, гречиху, рис, коноплю, хлопок. Имелась разветвленная сеть ирригационных сооружений. Известные еще со времен Ся каналы в районе города Иньчуань производят впечатление своей мощью, а орошаемые земли — своим плодородием. Скотоводство, исконный вид хозяйственной деятельности тангутов, процветало в Алашани и горных районах. Тангуты разводили коней, верблюдов, коров и быков, коз и овец. Современники отмечали обилие скота в Ся, а кони из Ся почитались «лучшими в Поднебесной». Ся славилось

добычей высококачественной соли из озер Ордоса и ревенем, о котором позже писал Марко Поло. Процветало железоделательное и керамическое производство. В Ся была в употреблении своя монета.

Аппарат управления в Ся по сути своей был копией китайского. Гражданскую администрацию возглавлял Государственный секретариат (кит. *Чжуншу*), военную — Тайный Совет (кит. *Шуми*), контрольную — Цензорат (кит. *Юйшитай*). Отдельными отраслями управления хозяйством и сферами административной деятельности ведали управления.

При серьезном анализе тангутское государство, как и государства Ляо и Цзинь, можно характеризовать скорее как рабовладельческое. Население делилось на свободных и рабов: рабов-мужчин *пхинга* и рабынь *нини*. Люди, лично свободные по китайской модели, подразделялись на простолюдинов и тех, кто имел чин, — чиновников. Особый социальный статус был у монахов буддийских и даосских.

Тангуты носили нательные рубахи, распашные халаты, которые у мужчин в повседневной трудовой жизни редко спускались ниже колен, штаны, сапоги с широкими голенищами, нередко тапочки и обмотки на голени. Чиновники носили халаты пурпурного цвета, у военных такие халаты были с узорами. Головные повязки и шапки чиновников различались в зависимости от чина. Халат подпоясывался поясом, который у военных имел чиноразличительное значение в зависимости от количества украшавших его блях и металла, из которого они были изготовлены (золото, серебро, медь). Люди, не состоявшие на службе, простолюдины, носили по преимуществу черные халаты, те, кто не служил, но был из знати, — халаты зеленого цвета. Чин определял возможный характер (размер и украшенность) жилья, выезды, траты на свадьбы и похороны и т. п. С начала правления Юань-хао все мужчины страны носили прическу «туфа», заимствованную от киданей: темя и затылок были острижены, на лоб спускалась челка, а по бокам, по вискам, — две косицы.

Все взрослые здоровые мужчины полагались тягловыми и военнообязанными-приписными. Из четырех приписных в армию брали двух человек: одного — в регулярную армию, второго — во вспомогательные войска. Ударной силой армии являлась конница, элитной ее частью были отряды «железных ястребов», созданные по образцу киданьских. Военная техника помимо оружия и пластинчатых доспехов была представлена инженерными сооружениями для обороны городов и приспособлениями для штурма городов, а также камнеметной артиллерией, в том числе легкими камнеметами, смонтированными на спинах у верблюдов. При дворе служила гвардия — «ожидающие приказаний». «Ожидающие приказаний» не только охраняли дворец и особу императора, но и выполняли разные иные службы. Границы охраняла караульная стража. В стране действовала разветвленная сеть ямской почтовой службы, приказы императора и важные поручения передавались и выполнялись гонцами и чиновниками, чьи полномочия подтверждались различными типами верительных бирок, пайцз, от медных до золотых.

Население Ся было многонациональным (тангуты, китайцы, тибетцы, уйгуры). Тангутское право провозглашало равные права всех подданных вне зависимости от их этнической принадлежности, кроме одного: если два лица

разной национальности были одного чина или социального статуса, а требовалось определить старшего, то старшим считался тангут.

Как и многие народы Центральной Азии, тангуты до принятия буддизма были тэнгриистами, поклонялись Небу как верховному божеству. Их верования были бонско-шаманского толка и частью сохранились и после принятия буддизма. Тангутские шаманы именовались «сы», они совершали жертвоприношения (приносили в жертву коней, быков, овец), обслуживали как двор, так и нужды простого народа, выполняли функции лекарей-знахарей.

Безусловно, тангуты были знакомы с буддизмом в IX–X вв., который подлинно широкое распространение получил, став, в сущности, государственной религией, с 1038 г. В этом году император Юань-хао создал специальную комиссию для перевода буддийского канона на тангутский язык. До этого в 1036 г. было введено в употребление тангутское письмо (главный разработчик Ели Жэнь-юн), созданное по образцу китайского, главным образом с использованием двух основных способов конструирования знаков — идеограмм и фонограмм. Письмо было идеографическим (словесно-слоговым), графика его представляла собой хитроумные видоизменения китайской, возможно, не без влияния письма киданьского. Письмо удовлетворяло природе тангутского языка — тонального и богатого омонимами. Оно насчитывало примерно 6500 знаков.

Переводы буддийского канона на тангутский язык не могли быть начаты ранее введения в употребление своего письма. Через два года после этого акта, в 1038 г., императорским указом была создана особая комиссия для работы над переводами, которую возглавили монах Бай Фа-Синь и чиновник (возможно, монах-чиновник) Чжи Гуан. Сохранился текст на тангутском языке, повествующий об этом событии: «Император <...> государства Ся, начав обновление законов и обрядов в год под циклическими знаками Земли и Тигра (1038 г.), приказал государственному наставнику Бай Фа-Синь и <...> чиновнику Чжи Гуан возглавить тридцать два человека и осуществлять переводы на тангутский язык. На первый год девиза царствования Покой, дарованный Небом (1098 г.), в течение 53 лет переведено из Большой (Махаяна) и Малой (Хинаяна) «Трипитаки» <...> кроме уже получивших до этого распространение текстов <...> 3579 цзюаней». На момент начала переводческой деятельности в Ся имелось единственное издание способом ксилографии буддийского канона на китайском языке — «Канон девиза царствования Кай-бао (971–983 гг.)». Очевидно, что в Ся буддийские тексты до «эпохи переводов» имели хождение на китайском и тибетском языках, возможно, и на уйгурском, а также санскрите или одном из индийских языков. Но, скорее всего, переводы делались с этого издания. В 1062 г. буддийский канон на китайском языке был издан в государстве Ляо. Тексты этого канона также могли стать источником переводов. Переводили тангуты и с тибетского языка, причем со второй половины XII в. переводы с тибетского даже доминировали. Колофоны свидетельствуют, что тангутские переводчики обращались и к текстам на санскрите.

Сохранившиеся тексты и некоторые колофоны к ним позволяют думать, что бóльшая часть канона с китайского языка была переведена в XI в., а в середине XII в. осуществлялась огромная работа по проверке и уточнению старых переводов. Большинство исследователей полагают, что все основные тексты буд-

дийского канона были переведены на тангутский язык. Мы встречаем в текстах упоминание о «Великой "Трипитаке" на тангутском языке».

Судя по своду законов Ся, в середине XII в. в государстве Ся буддийские общины в известной мере формировались по этническому признаку. Упоминаются тангутские буддийские общины, тибетские буддийские общины и тангутско-китайские буддийские общины. Нет упоминаний о тангутско-тибетских и китайских общинах, а также об уйгурских. Языками буддизма являлись тангутский, китайский и тибетский. Монахи были обязаны знать и санскрит, «четко и отчетливо произносить звуки языка санскрита». Существовал обретший силу закона минимум текстов, которые обязаны были знать те монахи, которые претендовали на должности в управлении буддийской сангхой. На тангутском, тибетском и китайском языках следовало уметь читать и понимать сутру «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин», из «Да фан гуан фо хуа янь цзин» главу о «Пусянь пуса син юань пин», «Мяо фа ляньхуа цзин» и др.

Сутры переписывались от руки профессиональными монахами-переписчиками, издавались способом ксилографии, а со второй половины XII в. и подвижным шрифтом, о чем есть упоминания в колофонах. Не исключая возможности частных переводов и изданий, на основании имеющихся колофонов мы пока можем говорить о переводах, издании текстов, их распространении лишь под государственным контролем. На переписку и издание сутр делались частные пожертвования, имена жертвователей нередко указывались в колофонах. Известен случай, когда переписку сутры заказали 78 человек и имена их всех записаны в колофоне. Часты были заказы на переписку главы, половины главы или части главы. Мотивы заказов, упоминаемые в колофонах, схожи с таковыми во всех религиях: забота о загробной жизни, в данном случае хорошем перерождении, желательно в раю будды Амиды умерших родителей, забота о благополучных родах, об избавлении от бедствий и болезней, у императоров — о благополучии страны и сохранении династии. В собрании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН датированные буддийские тексты охватывают период с 1084 по 1225 г.

Центральной фигурой проповеди буддизма был учитель, прежде всего «учитель закона» (кит. *фа ши*). Учителями высших рангов являлись великий наставник (кит. *да ши*), верховный наставник (кит. *шан ши*), государственный наставник (кит. *го ши*) и наставник императора (кит. *ди ши*). Ранее считалось, что последний титул появился только при династии Юань. Он был пожалован Хубилаем Пагба-ламе. Однако этот титул шесть раз встречается в колофонах к текстам на тангутском языке. Пока по имеющимся материалам можно думать, что титул «наставник императора» появился в Ся во второй половине XII в. при правлении императора Жэнь-сяо.

В текстах мало сведений о монастырях и практически нет сведений об их местонахождении, кроме указания на горы Хэланьшань, где жил известный переводчик шрамана Дэ Хуй. Разумеется, храмы и монастыри имелись во всех крупных городах, в столице и ее окрестностях. Часть текстов на тангутском языке из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН была переписана в Хара-Хото. Среди заказчиков упоминаются управляющий транспортными перевозками из Хара-Хото, пограничный военный началь-

ник, местный чиновник, переписчики из Хара-Хото, владелец одного из списков «Праджняпарамита сутры». Есть сведения о переводчиках и переписчиках из города Ганьчжоу (административно Хара-Хото подчинялся именно Ганьчжоу). И очевидно, в Хара-Хото находился монастырь «Явления пяти знаний» (Панча веда). Именно в этом монастыре трудился переводчик Хуй Чжао, упоминаемый в колофонах семь раз, а также монахи Хуй Цун и Цзюе Чжао. С именем упоминаемой в текстах из Хара-Хото императрицы Ло был связан монастырь Небесного благоденствия. Но его местонахождение неизвестно.

В целом, по нашему мнению, в субургане и вне его оказались книги как местного происхождения, так и привозные, из региональных центров и столицы, а также из Китая и, возможно, на тибетском языке из Тибета.

Тангутский буддизм развивался под мощным воздействием китайского и тибетского. На территории Китая формировался китайский текст печатного канона, а в Тибете, после гонений на буддизм, — основные школы тибетского буддизма. Северо-восточные области Тибета, менее пострадавшие от гонений на буддизм, во многом стали прибежищем сохранения учения. Часть этих территорий после тангутско-тибетских войн вошла в состав государства Ся. Если обратиться к авторам сочинений, то мы обнаруживаем около десятка лиц, имевших титулы знатоков китайского и тибетского буддизма: великий учитель йоги тибетского и китайского государств Мин Сюань; поощряющий добродетель в тибетском и китайском государствах великий учитель Хуй Ши; знаток «Трипитаки» Западного Тибета и Китая *фа ши* Лдиэ Качией; знаменитый тибетский и китайский учитель Мин Мань; постигший сокровенное тибетского и китайского учений Рие-ну-лдией-ко; пандита тибетской и китайской «Трипитаки» Рие-милдией-ко-нгэ. Книги с текстами этих авторов не датированы, но важно отметить, что это были люди, знавшие тибетский и китайский буддизм одновременно, и обе ветви учения в то время, вероятно, были более близки, чем в будущем. В числе сочинений, переведенных с тибетского языка, имеются труды Палцега и Наропа, еще одного тибетца, тангутское имя которого было Ве Нджион, толкователя сутр, шастр и винайя, великого учителя, *фа ши* государства Тибет. Под 1153 г. упоминается переписчик-тибетец по имени Шие, с эпитетами «учитель, отшельник», «тот, кто восседает среди дхьяна Западного Тибета».

И были тангуты — знатоки тибетского языка. Переводчик Кво Фа Хуй, знаток «Трипитаки», имел ученую степень магистра тангутской и тибетской словесности. Монах Хуй Чжао — титул «знатока тибетского и тангутского языков».

Если обратиться к воздействию китайской стороны, то среди авторов мы встречаем монаха Хуй Чжу — «великого учителя китайского государства и наставника государя», монаха Хуй Сюань — «китайского наставника императора в тайных учениях». Не исключено, что оба китайца служили при государях Ся. Монах Хуй Шэн занимал пост «руководителя переводов с тангутского и китайского языков». Знаменитый комплекс китайских монастырей в горах Утайшань был близок к Хара-Хото. В 1216 г. в Ся работал переводчик, государственный наставник, чье имя по-тангутски было Гхион Сие Цие (Мин <...>), шрамана с гор Утайшань. Упоминается заказчик, монах Шань Гуан, «шрамана

с гор Утайшань». Среди переводчиков мы находим «фа ши "Трипитаки" на китайском языке Ло Ши». Фа ши «Трипитаки» на китайском языке был и некий Чией Тхонгхо, неясно, китаец или тангут.

В Ся существовал титул «учителя трех тангутских учений». Таковым, к примеру, был монах Фа Бао. Три учения — буддизм, даосизм и конфуцианство — в полной мере нашли свою благодатную почву в тангутском государстве. Как писал безвестный тангутский поэт: «Тибетец, китаец, тангут — у всех [троих] мать одна!» Видимо, в XII в. очень важно было осознание этого культурно-идеологического единства, в котором тангуты старались обрести свой путь, черпая из сокровищницы китайского, тибетского и центральноазиатского буддизма, приняв учение Конфуция и даже вслед за киданями дав Конфуцию посмертно титул императора, наконец, предоставив место и даосизму, — известно, что один из сыновей Юань хао умер, чрезмерно увлекшись даосской практикой поисков бессмертия.

На тангутский язык были переведены классические книги конфуцианства «Лунь юй», «Мэн-цзы» и «Сяо цзин»; фрагменты этих текстов на тангутском языке дошли до наших дней. Есть сборник цитат из китайских классических книг на тангутском языке. Учение о *сяо* — почитании родителей, старших по возрасту, государя, его чиновников, этика и мораль китайского чиновничества было широко перенесено в жизнь общества Ся. Тангутские военачальники изучали знаменитый трактат по военному искусству «Сунь-цзы», на тангутском языке сохранились также части текстов других китайских военных трактатов, например «Три тактики» и «Шесть тактик».

Но было бы глубоко неверным представлять тангутскую культуру и идеологию как некую смесь китайского и тибетского влияний и заимствований. В многонациональном государстве тибетцы, конечно, оставались прежде всего тибетцами, китайцы — китайцами, а уйгуры — уйгурами. Кстати, уйгурское влияние в памятниках культуры Ся пока не выявлено. Основное население страны — тангуты (*ми*, *миняги*) оставались самими собой, какому бы воздействию китайской или тибетской культур они ни подвергались. Да и правящая династия, хотя и китаизировавшаяся благодаря женитьбам императоров на китаянках, в XII в. по-прежнему продолжала начатый предками, и прежде всего Юань-хао, «свой путь». В 1190 г. Гулэ Мао цай, составитель тангутско-китайского словаря «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени», полагал свой труд необходимым для того, чтобы, изучив язык соседа, «китайские мудрецы узнали тангутских, а тангутские мудрецы — китайских». Следует особо отметить гигантскую работу тангутских ученых филологов, не только «изобретших» свое письмо, но и составивших серию словарей родного языка и письма — рифмических, омонимов, синонимов, тематических, фонетические таблицы с целью нормализации произношения молодого литературного языка. Подлинно тангутское жило в тангутской мифологии, частично отраженной в тангутских одах: например, в оде о происхождении правящей династии, в так называемой Большой оде, в оде «Месяц за месяцем». Приведем только один пример из последней:

Во втором месяце:
По краям дорог зацветают персиковые деревья, летают дикие черные гуси,

Путник идет, на нем легкие обувь и одежда.
Зимние белые льды растопила весна...
С западных холмов светит луна, журавли курлычут о том, как
красива река,
Журавли курлычут, прекрасна река, на западе заходит луна,
Летят журавли, и нескончаемо большая поверхность реки.
В третью луну два рода пернатых в лесах запоют, возвещая радость
стране,
Могучей стране, где воды текут, зеленеют травы и в горах стреляют
диких яков.
На востоке среди прочных, как алмазы, дерев, кукует кукушка,
Подыскивает себе бамбуковую рощу.
Кукованье кукушки, зелень лесов, яркие лучи солнца
Сулят обилие «желтой пищи»[1] и летних овощей, всему миру
процветание.
Под огромным ликом небес седеют леса.

В другой оде «О собственном пути и обычаях государства Ся» поэт писал:

Слух о наших победах больших перешагнул границы страны...
Не иссякает источник, ученых мужей порождающий,
Сыновья их придут на смену им в будущем,
Наши обычаи и нравы, утвердившись,
Вознеслись и подобны взлету павлина!

«Свой путь» мы находим и в тангутском праве, под каким бы сильным воздействием китайского оно ни сформировалось, в энциклопедических сочинениях типа «Море значений, установленных святыми», в самом наименовании тангутского государства. Памятники культуры Ся нужно еще изучать и изучать. Множество свидетельств высокого развития культуры Ся найдено достаточно случайно и столь же случайно сохранилось. Все эти богатства имелись на окраине государства, в пограничном городе, который официально упоминается как место ссылки уголовных преступников. Что же тогда имелось в столице, ее окрестностях, в региональных центрах страны? Из таковых сохранился лишь Дуньхуан, не тронутый тангутами, оставившими там следы своей культуры, и не уничтоженный монголами. Остальное погибло. От императорских могил сохранились лишь глинобитные купола надгробий да мелкие обломки поминальных стел и надгробных сооружений. Все погибло, как погибли памятники современных Ся культур киданей и чжурчжэней, вряд ли уступавших по своему развитию тангутской культуре. И лишь благодаря открытию Хара-Хото мы знаем о тангутской культуре не только то, что милостиво оставили потомкам юаньские историки в историях династий Ляо, Цзинь и Сун.

[1] Желтая пища — масло, молоко и т. п.

ДИНАСТИЯ ИМПЕРАТОРОВ СЯ
(посмертные храмовые и личные имена)

1. Тай-цзу (Цзи-цянь)	982 г. — 26 января 1004 г.
2. Тай-цзун (Дэ-мин)	27 января 1004 г. — конец сентября (первая половина октября) 1031 г.
3. Цзин-цзун (Юань-хао)	октябрь 1031 г. — конец 1047 г. или первая половина января 1048 г.
4. И-цзун (Лян-цзо)	январь 1048 г. — конец декабря 1066 — первая половина января 1067 г.
5. Хуй-цзун (Бин-чан)	январь 1067 г. — 18 февраля 1086 г.
6. Чун-цзун (Цянь-шунь)	19 февраля 1086 г. — 1 июля 1139 г.
7. Жэнь-цзун (Жэнь-сяо)	июль 1139 г. — 16 октября 1193 г.
8. Хуань-цзун (Чунь-ю)	октябрь 1193 г. — 1 марта 1206 г.
9. Сянь-цзун (Ань-цюань)	март 1206 г. — 13 сентября 1211 г
10. Шэнь-цзун (Хунь Цзунь-сян)	сентябрь 1211 г — июль 1223 г.
11. Сянь-цзун (Дэ-ван)	26 июля 1223 г. — 25 августа 1226 г.
12. Наньпин ван (Ши, Шидурку)	сентябрь 1226 г. — август 1227 г.

РАЗДЕЛ VI

БУДДИЗМ

ГОСУДАРСТВО И БУДДИЗМ В СИ СЯ

События 30-х гг. XI в., времени окончательного формирования тангутского государства, поставили (мы не знаем, насколько осознанно и остро, но знаем, что действительно поставили) вопрос о том, что станет идеологическим фундаментом нового государства, расположенного на стыке Китая и Центральной Азии, — буддизм или конфуцианство. Впервые на материале китайских источников о Си Ся эту проблему в самом общем плане выдвинул японский исследователь Сатоси Накадзима. По его мнению, император Юань-хао (1031–1048), «выдающийся деятель», «создатель независимого государства», развивал «националистические взгляды». Правления его преемников, императоров Лян-цзо (1048–1066), Бин-чана (1067–1086) и Цянь-шуня (1086–1139), которые становились правителями страны малолетними и вместо них правили их матери, императрицы-регентши, отличались тем, что матери-императрицы всегда стремились восстанавливать тангутские обряды и культуру, а возмужавшие императоры вновь обращались к политике китаизации. «Фаньские (тангутские. — *Е. К.*) обряды означали развитие и упрочение буддизма, китаизация — конфуцианства» [Сатоси Накадзима, 1937. С. 714–729].

Создав свое государство и основав национальную династию, тангуты вскоре встали перед дилеммой выбора идеологического направления для развития этого государства, осознав себя между Тибетом и Китаем в прямом и переносном смысле этого слова (хотя справедливости ради следует сказать, что это промежуточное положение тангутского — дансянского, минягов — народа длилось уже пятое столетие). За кем идти? За тибетцами, уже сделавшими буддизм идеологической основой своего общества и своей государственности, или китайцами, идеологическим фундаментом общества и государства которых являлось конфуцианство? Более того, в составе населения тангутского государства находились многочисленные группы тибетцев и китайцев, носители двух различных идеологических традиций.

К XI в. буддизм давно обосновался в Китае, внедрился в его идеологию и культуру, но не составил антитезу конфуцианству, довольствуясь тем, что вместе с даосизмом стал одной из религий Китая, контролируемой государством (как и даосизм). Конфуцианство, в свою очередь, успешно продвигаясь на восток и юг, став «своим» в Корее, Японии и Вьетнаме, не сумело подняться на Тибетское нагорье и проникнуть в кочевую степь, хотя такие попытки предпринимались и свидетельства этому в текстах сохранились [см., например: Лувсанбалдан, 1961.

С. 20]. Это текст «Сяо цзин» в переводе на монгольский язык [там же] (перевод был сделан при династии Юань, и текст записан квадратным монгольским письмом пхагс-па), а также фрагменты тибетских рукописей из Дуньхуана, хранящиеся в Национальной библиотеке в Париже, среди которых проф. Имаэда Ёсиро и Ариадна Макдональд обнаружили фрагменты переводов древнекитайских сочинений на тибетский язык [Grinstead, 1972a]. Такие материалы весьма интересны; они не меняют общего заключения о том, что в кочевой или полукочевой среде китайские классические книги (конфуцианство) не нашли своих адептов, а лишь подкрепляют его. На наш взгляд, данное явление было связано с различной социально-экономической основой обществ и, соответственно, характером власти. Конфуцианство находило для себя почву там, где безраздельно царило общество земледельцев, а господствующий класс срастался с бюрократией. У кочевников господствующий класс был неразрывно связан с армией и военно-административной системой организации власти. По конфуцианским догмам «вэнь» (усл. «гражданское») должно было первенствовать над «у» («военным»), что совершенно неприемлемо для кочевых и полукочевых обществ.

Тангуты в начале XI в. только начали (хотя и успешно) переходить от скотоводства как основы своей экономики к земледелию, в том числе поливному:

Тангуты смело и бодро идут вперед,
Кидани ступают медленным шагом,
Тибетцы большей частью чтут будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу.

[*Кычанов, 1979. С. 217*]

Они были одержимы идеей «своего пути» (см. «Оду в честь собственного пути и обычаев царства Ся» [Кычанов, 1969. С. 277–278]). Высшим актом этого «своего пути» явилось создание в 1036 г. собственного письма — не тибетского и не китайского, а своего, хотя и созданного по китайскому образцу.

Под небом великим у нас читаются книги свои и
собственный свой этикет,
Не шли за Тибетом, и что ж? — пред нами склонился Тибет!
На суше — земле у нас дела свои сами вершим — и свой
государственный чин,
Не подчинились Китаю, и вот — преклонился пред нами
Китай!

[*ТФ. Кн. 1. С. 80*]

Но здесь необходимо отметить, что, помимо родного языка, фиксируемого теперь своим письмом, собственной мифологии о происхождении видимого мира и людей, преданий о прошлом своего народа и своего правящего рода Нгвеми (Вэймин), у «своего пути» ничего не было. За исключением языка и письменности, прочее «свое» не могло стать надежной основой строительства государства, такого, какими были государства соседей. Поэтому компонентом

«своего пути» должно стать чужое. Государственный аппарат Великого Ся созидается по китайским образцам, но тангуты не спешат обратиться к идеологии, на которой он зиждется, к китайской политической идеологии. Они ищут «другое». И этим «другим» становится буддизм. «В это время, — писал Н. А. Невский, — усиленно переводилась в Тибете буддийская «Трипитака», что положило начало будущему Ганчжуру. Тангутские императоры на манер тибетских князей стали усиленно насаждать буддизм среди своих подданных и, создав тангутскую письменность, вместе с императрицами и влиятельной духовной аристократией принялись за перевод буддийских произведений как с тибетского, так и с китайского языков» [ТФ. Кн. 1. С. 81]. В послесловии к сутре «Го цюй чжуан янь цзе сянь фо мин цзин», тангутский текст которой в юаньском издании хранится в Пекине, опубликованном только два года назад[1], говорится: «Ветер-император государства Ся, заново воспрянув и возвысив этикет, законы и благую силу "дэ", в год под циклическими знаками "моу-янь" (1038 г.) приказал перевести буддийские сутры на тангутский язык наставнику государства (гоши) Бай Фа Синь и сановнику в добродетельном возрасте (возрасте обладания силой "дэ"), докладывающему императрице (хоу бин дэ суй чэнь) Чжи Гуану, которые, сначала первый, а затем второй, возглавили группу [переводчиков] из 32 человек» [Ши Цзинь-бо, 1981. С. 72].

Таким образом, перевод буддийского канона на тангутский язык был начат коллегией переводчиков, созданной государственной властью через два года после введения национального письма, и это рассматривалось как важнейшее государственное мероприятие, имеющее целью укрепить «свой путь». Хорошо известно, что второй и третий государи Ся, Дэ-мин (1004–1031) и Юань-хао, были буддистами. Первыми изданиями, закупленными тангутами в сунском Китае, были буддийские сутры. В 1029 г. Дэ-мин выменял их на лошадей. Вероятно, это были книги сычуаньского издания «Трипитаки» 972–983 гг. В 1034 г. приобрел в Китае сутры Юань-хао. Как центр активной деятельности буддистов в Великом Ся при Юань-хао упоминается в китайских текстах монастырь Цзетансы. В 1047 г. в столице Ся Синчжоу (современный город Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР) был построен монастырь Гаотай, где переводились сутры. Судя по китайским источникам, в этой работе тангутам помогали уйгурские монахи [Кычанов, 1969. С. 286–287], хотя мы пока не имеем каких-либо свидетельств о переводе буддийских текстов с уйгурского на тангутский язык. Сведения китайских источников о переводе буддийских текстов на тангутский язык и о строительстве монастырей Ся изложены в статье проф. Нисида Тацуо [т. 22. Отд. оттиск].

Из колофонов к текстам тангутских буддийских сочинений мы знаем, что тангуты переводили канон с китайского, тибетского языков и санскрита (или одного из индийских языков). Из числа текстов, переведенных при императоре Юань-хао, в более поздних книгах сохранился перевод «Лотосовой сутры». В предисловии к этому переводу сказано: «По указанию, сделанному в своей стране императором Рога-Ветер-Город, тангуты, установив законы и создав письмо, перевели эту сутру» (Лотосовая сутра) [Текст Сутры Лотоса на тангутском [Си Ся]

[1] Работа была опубликована в 1987 г.

языке. Токио, 2005. С. XXVI]). Других текстов, о которых достоверно было бы известно, что они переведены при Юань-хао (Рога-Ветер-Город — титул Юань-хао, см. об этом ниже), нет. Нет у нас и текстов, перевод которых можно было бы датировать временем правления сына Юань-хао Лян-цзо (1048–1066). Однако мы имеем тексты, переведенные во время правления императрицы-регентши Лян, вдовы императора Лян-цзо и матери его преемника, императора Бин-чана (1067–1086), а также тексты, переведенные при самом Бин-чане и во время правления второй императрицы-регентши из дома Лян, вдове Бин-чана и матери императора Цянь-шуня (1086–1139). Вторая императрица-регентша Лян известна и по упоминаниям в китайских источниках — как императрица Чжао цзянь вэнь му, сохранилась и дата ее смерти — 1099 г. По данным уже цитированного нами послесловия к сутре «Го цюй чжуан янь цзе сянь фо мин цзин», к 1090 г. на тангутский язык было переведено 3579 цзюаней сутр махаяны и хинаяны [Ши Цзинь-бо, 1981. С. 72]. Почему временем подведения итогов переводческой деятельности тангутов избран 1090 г., остается пока непонятным. По материалам тангутской коллекции ЛО ИВ АН СССР, за время до воцарения императора Жэнь-сяо (к 1139 г.). было переведено с китайского и тибетского языков 23 сутры, в том числе такие объемные, как «Маха праджняпарамита сутра» [Танг. 334], «Маха паринирвана сутра» [Танг. 335], «Маха ратнакута сутра» [Танг. 357], «Цы бэй дао чан цзуй чань фа» [Танг. 286] и др., т. е. наиболее объемные сочинения китайской «Трипитаки». Разумеется, эти цифры неточны и показывают лишь общую тенденцию переводческой активности тех лет, отраженную в случайно дошедшем материале. О составе тангутской «Трипитаки» и наиболее полном издании ее текстов в Индии в 1971 г. читатель может получить информацию из статьи, написанной проф. Э. Гринстедом [Grinstead, 1972].

За эти приблизительно сто лет существования тангутского государства последнее определило свое отношение к сангхе. Это ясно из надписи 1094 г., сделанной по случаю ремонта пагоды в Лянчжоу. Уже были установлены принципы формирования общин сангхи в многонациональном государстве: тангутские общины соседствовали с тибетскими и смешанными тангутско-китайскими [Тангут. фонд. Новые законы. Гл. IX. Инв. № 827. С. 72; Гл. XV. Инв. № 748. С. 24]. Наличие переводов преимущественно с китайского языка и существование смешанных тангутско-китайских общин свидетельствует о том, что тангутский буддизм тяготел к его китайским традициям и формам. Это могло быть и влияние на тангутов-буддистов таких близких к ним мощных центров китайского буддизма, как Дуньхуан и Утайшань. Правящая династия покровительствовала буддизму, и результаты такого покровительства не заставляли себя ждать. Та же самая пагода в Лянчжоу являла не какие-то чудеса местного значения, а помогла армии Великого Ся разгромить вторгшихся китайцев в войне 1081–1086 гг. Вот как это чудо отражено в надписи на памятной стеле: «В 8-м году девиза царствования “Да-ань” (1083 г.) на востоке государство Хань, тщательно подготовившись, выступило против нас с большой армией, а чтобы окружить нас, тибетская армия вторглась в Лянчжоу. Но в этот момент поднялся черный ветер и все погрузилось в такую тьму, что нельзя стало даже различить друг друга тем, кто держался за руки. Затем яркие лучи света засверкали вокруг пагоды. Обе вражеские армии потерпели поражение и с того момента уже

не могли больше продвигаться вперед» [Громковская, Кычанов, 1978. С. 138]. «Когда вдовствующая императрица лично выехала верхом на коне [во главе войск], яркий свет среди ночи сопровождал ее в пути, то появляясь, то исчезая. Свет этот был подобен сиянию полуденного солнца и, проникнув на китайскую территорию, произвел там большие разрушения. Обо всех этих благоприятных предзнаменованиях, которые в большом числе появлялись до и после, невозможно здесь и рассказать» [там же. С. 139].

Пыльная буря, «черный ветер» могли быть реальностью, однако объяснение военной победы помощью пагоды с реликвией Будды (его зубом) и увековечение этого факта в официальной благодарственной надписи на камне свидетельствуют не только о грубой вере, но и указывают на ту силу, на поддержку которой правящая династия и государство были сориентированы. Этой силой являлся буддизм.

На деле же война, которая реально угрожала существованию тангутского государства [Кычанов, 1969. С. 200–209], была провалена бездеятельностью и соперничеством между собой полководцев Сун, дезинформированных о силе противника и ориентированных на легкую победу, а потому безрезультатно погубивших десятки тысяч своих солдат.

Смутное время правления Бин-чана, когда власть от правящей династии Нгвеми фактически перешла к императрицам Лян, оставило нам единственное любопытное свидетельство издания способом ксилографии сутры не от имени императора или представителя правящей династии, а монаха. Самая ранняя из датированных книг коллекции ЛО ИВ АН СССР (3 сентября 1085 г.) — «Буддха бхашит Амитайус сутра» [Танг. 147. Инв. № 4773] имеет следующий колофон: «Записано в 11-й год 8-й месяц 8-й день девиза царствования "Да-ань" (3 сентября 1085 г.) Белого Высокого Великого государства. Роздал в качестве дара переводчик сутр... толкователь сутр, проповедник закона... монах Шиа Пу. Переписчик монах Лян Чжи Хуй. Резчики досок Ли Шие-те и Чжан Ну». Произошло это за год до кончины Бин-чана, последовавшей 21 августа 1086 г. Больше мы не имеем частных изданий, все прочее издавалось только от имени двора. Зная, что переводы буддийского канона и их распространение были делом государственным и осуществлялись под строгим контролем государства, появление в 1085 г. издания «Буддха бхашит Амитайус сутры» от имени и на средства переводчика мы можем расценивать как отступление от основного принципа существования только государственных изданий в период ослабления власти правящей династии, с одной стороны, и укрепление сангхи, по меньшей мере отдельных ее звеньев, — с другой, и настолько, что она распространяла канонические тексты средствами ксилографирования, т. е. наиболее массового для того времени их тиражирования.

В связи с этим, поскольку мы в подавляющем большинстве имеем тексты середины XII в., мы не можем не предположить, что в XI в. вообще допускалось издание сутр на пожертвования частных лиц. Переписка же и распространение сутр в виде рукописной книги на частные пожертвования были нормой для жизни тангутской буддийской общины вплоть до гибели государства Ся.

Однако уже следующее датированное издание — императорское. В 1094 г. император Цянь-шунь и его мать, вдовствующая императрица Лян, отпечатали тиражом 10 тыс. экземпляров сутру «Амитабха-вьюха», переведенную с тибет-

ского языка [Танг. 347. Инв. № 697]. Это массовое издание было «роздано народу». Совершенно очевидно, что издание сутры и ее распространение были связаны с дворцовым переворотом 1094 г. В этом году сторонники укрепления власти правящей династии Нгвеми со своими войсками напали на фактически управлявших страной представителей клана императриц, клана Лян, который возглавлял Лян Ибу, глава правительства Ся. Клан Лян и его сторонники, за исключением матери-императрицы, были истреблены. К власти вернулись члены клана Нгвеми, а в 1100 г. шестнадцатилетний Цянь-шунь приступил к управлению страной. Его мать, императрица Лян, скончалась в 1099 г. [Кычанов, 1982. С. 212].

9 октября 1106 г. Цянь-шунь осуществил массовое издание «Вималакирти нирдеша» [Танг. 171] от своего имени и имени покойной матери, причем император и его мать были указаны как переводчики сутры [инв. № 709]. Однако это следовало понимать не как подлинное осуществление перевода августейшей семьей, а лишь как высочайший заказ и покровительство таковому, как явствует из колофона к одному из разделов текста [инв. № 2311], где указан подлинный переводчик — шраман Гуан Хуй, а в тексте под инвентарным номером 119 указан редактор перевода, настоятель монастыря Авие — Сие-ндживон (монашеское имя Хуй Сюань). Государственный контроль над переводческой и издательской деятельностью всегда как раз и выражался в том, что правящий государь, по сути своей высочайший цензор, указывался или как переводчик, или как редактор переведенного текста. Одновременно таким способом накапливались религиозные заслуги династии.

Исходя из сказанного выше, можно полагать, что «свой путь» в XI в. предполагал преимущественную опору государственного правления на буддизм, несмотря на отдельные проявления «обращения к китайскому». Вместе с тем можно согласиться с Сатоси Накадзима, что и в этот период буддийское и китайское (конфуцианское) сознательно не противопоставлялось друг другу [Сатоси Накадзима, 1937. С. 729–730].

Почти постоянные войны с Китаем, а также борьба за власть во второй половине XI в. между кланами Моцзан, Лян и Нгвеми при малолетних императорах заставляют нас сделать предположение, что «обращение к китайскому» не столько было средством найти принципиально иную прочную идеологическую основу государственной власти, сколько служило своеобразным орудием во внутриполитической борьбе.

Надо сказать, что тангуты, создавая свое государство, уже в 30-х гг. XI в. придали ему все необходимые атрибуты, сакральные и ритуальные, свойственные природе императорской власти в Китае. Основатель династии Цзи-цянь (982–1004), по утверждению Юань-хао, получил мандат Неба на право основать свою династию (мандат, правда, поименован не «тянь мин», а «цянь фу», но это, возможно, не текст оригинала, а редакторская работа составителей «Сун ши»). Юань-хао объявил девизы царствования (нянь хао). Для первого раза он воспользовался тем, что в объявленном Сун девизе царствования «Мин-дао» (1032–1033) был табуированный для династии Ся иероглиф «мин», входивший в имя отца Юань-хао Дэ-мина. И он заменил девиз царствования «Мин-дао» на «Сянь-дао» (с тем же значением — «светлый, ясный путь»), а в 1034 г. уже принял свой девиз царствования «Кай-юнь» («открытие пути продвижения вперед»).

Отец Юань-хао Дэ-мин объявил посмертно своего отца Цзи-цяня основоположником династии — Тай-цзу. Юань-хао утвердил за Цзи-цянем титул Тай-цзу, а за Дэ-мином — Тай-цзун. Ляо с 1008 г., а Сун с 1021 г. признавали Дэ-мина «ваном Великого государства Ся». Юань-хао титуловался императором (танг. *у-цзу*), а с 10 ноября 1038 г. демонстративно объявил себя хуанди, т. е. использовал титул, по-китайски означающий «император». Он ввел «свои», «новые» обряды, одежды и музыку. Новый девиз правления «Тянь-шоу-ли-фа-яньцзо» был длинен и многозначителен: «Длительное счастье, законы и обряды, дарованные Небом». Юань-хао демагогически отвергал «китайские» шелковые одежды, утверждая, что тангутам «больше пристало носить одежды шерстяные и меховые»: он — ярый буддист и, создавая свое письмо, «думает о переводе буддийского канона на родной язык и в 1038 г. реализует это мероприятие». Однако, если верить «Сун ши», именно при нем был переведен на тангутский язык и первый конфуцианский текст «Сяо цзин». Этот перевод, во всяком случае, в его первоначальном виде, не сохранился. До нас в рукописной книге дошел «вторичный», по выражению Н. А. Невского [ТФ. Кн. 1. С. 85], перевод «Сяо цзина», с комментариями более позднего времени, принадлежащими известному деятелю северосунской династии Люй Хуй-цину (1030–1111), с предисловием (по определению Н. А. Невского), датированным 1095 г. [там же. С. 85]. Сохранившиеся тексты китайских классических книг, переведенные на тангутский язык, изданы факсимиле [см.: Китайская классика]. То, что тангуты первыми перевели текст «Сяо цзина», а затем то же самое сделали монголы, понятно. Из огромного наследия конфуцианской классики текст, повествующий о почитании родителей и старших, наиболее близок и понятен любому народу.

Рис. 56. Знатный тангут с прислужниками. Гравюра. XII в.

Преемник Юань-хао Лян-цзо стал императором в младенческом возрасте. Поэтому долгое время власть находилась у представителей клана Моцзан, из которого происходила мать Лян-цзо. Моцзан были ревностными буддистами, видевшими «свой путь» прежде всего в опоре на буддизм. В 1055 г. по их инициативе из Китая в Ся была доставлена большая партия книг буддийского канона, а около столицы сооружен монастырь Чэнтяньсы. Из построек этого монастыря до XIV в. сохранилась одна ступа. Члены клана Моцзан и малолетний Лян-цзо часто посещали этот монастырь. Там они слушали сутры, которые читали для них уйгурские монахи [ССЦ. Цз. 12. С. 10а; ССШШ. Цз. 19. С. 11б].

Возмужав, Лян-цзо истребил клан Моцзан. А чтобы его действия получили поддержку других государей, при дворе объявил об отказе от тангутского церемониала в пользу китайского. В 1061 г. он отправил сунскому двору письмо, в котором извещал о своей любви к китайским одеждам и головным уборам [Сун ши. Цз. 485. С. 3788]. В 1063 г. Лян-цзо запросил у Китая и получил тексты конфуцианских классических книг, но одновременно сделал заказ и на тексты буддийского канона. И хотя Лян-цзо (если он действительно имел на то твердые намерения) не успел, по-видимому, укрепить конфуцианство в качестве идеологической основы государственного правления и, естественно, не отказался от буддизма, «свой путь» как путь преимущественной опоры на ценности буддизма (не отказываясь и от конфуцианства), путь, намеченный его отцом Юань-хао, был вновь дезавуирован начавшейся борьбой между кланом Нгвеми и кланом вдовствующих императриц Лян. Как и Лян-цзо, императоры в этой борьбе поддержку в укрепления своей власти искали в «обращении к китайскому», в частности к конфуцианству. Однако их усилия оказывались во многом тщетными, поскольку «китайское» в тангутском государстве было сильно скомпрометировано постоянным стремлением Северной Сун ущемить Великое Ся или даже (при удобном случае) уничтожить его.

В 1072 г. тангуты получили из Китая текст «Трипитаки» («Да цзан цзин»), возможно, заказанный еще в 1062 г. Лян-цзо. Этот заказ, вероятно, частично было обещано исполнить к 1066 г. Был ли он исполнен — неясно. Но в 1072 г. тангуты получили буддийские книги в качестве подарка — сунские власти отказались взять за них лошадей.

Придя к власти, сын Бин-чана Цянь-шунь для ее укрепления также пытался прибегнуть к «конфуцианизации» страны. В 1100 г. в столице он открыл государственную школу, куда было принято 300 учеников. Преподаватели стали получать государственное содержание [Сун ши. Цз. 486. С. 3794]. В 1037 г. была открыта и тангутская школа, которая перестраивалась в 1139 г. Выпускники тангутской школы сдавали государственные экзамены и в соответствии с успехами получали чин [ССШШ. Цз. 13. С. 13б–14а].

Любопытно отметить тот факт, что, как и при Лян-цзо, любое деяние, связанное с «обращением к китайскому», сопровождается каким-либо актом на благо буддизма. Почти одновременно с открытием школы Цянь-шунь строит крупный монастырь Вофосы и, как упоминалось выше, издает сутры. Поскольку его правление было длительным и прочным, а последние 15 лет ознаменовалось событиями, обусловившими дальнейший подъем Великого Ся — прекращением китайско-тангутских войн в результате чжурчжэньского вторжения в Китай и крушения Северной Сун, — именно с Цянь-шуня было положено подлинное начало одновременной опоры династии на буддизм и конфуцианство. (В 1120 г. Цянь-шунь взял в жены китаянку по фамилии Цао.)

Тангутская знать, которая не принимала конфуцианства и видела «свой путь» в тангутской культуре и буддизме, не смогла выдвинуть прочных позитивных начал для укрепления государства, изнуренного постоянными войнами. Преемник Цянь-шуня — Жэнь-сяо (полукитаец), хотя и столкнулся с внутренними смутами, но все же в 1139 г. получил страну, которой извне уже никто не угрожал. Сунский Китай потерпел унизительное поражение от чжурчжэней, а с

чжурчжэнями тангутам удалось наладить мирные отношения. Жэнь-сяо продолжает развивать не просто тангутскую культуру, а более широкую по содержанию и объему культуру тангутского государства Ся. Жэнь-сяо женат три раза, и все его жены были китаянки.

Продолжая политическую линию своего отца, Жэнь-сяо в качестве идеологической опоры государства объединил буддизм и конфуцианство, но на новой основе. В 1143 г. при дворце и во всех округах страны были открыты школы. Число учеников в них достигло 3 тысяч (цифра 3700 упомянута в тангутской оде в честь создателя тангутской письменности [ТФ. Кн. 1. С. 80]). В 1145 г. Жэнь-сяо укрепил конфуцианские школы и пожаловал учителям высокие чины и награды. В 1146 г. он официально ввел в Ся культ Конфуция. Конфуцию был пожалован титул императора Вэнь-сюань, во всех окружных и уездных центрах страны были сооружены храмы в его честь, в которых совершались поклонения [ССШШ. Цз. 36. С. 3а].

В 1148 г. в столице была организована так называемая Внутренняя школа, в которой император преподавал лично, а в 1162 г. учреждена тангутская Академия. Естественно, что все эти мероприятия привели к тому, что на тангутский язык стали переводиться конфуцианские книги. Известно, что перевод «Лунь юя» был осуществлен Во Даочуном, видным сановником Ся. Он же написал разъяснения к тексту «Лунь юй». Поначалу в сохранившихся текстах перевода «Лунь юй» в коллекции ЛО ИВ АН СССР можно было предполагать как раз комментарии Во Даочуна, поскольку это был редкий и трудно отождествимый комментарий, но проф. У Циюй, пользуясь редким тайваньским изданием, установил, что перевод вместе с комментариями сделан с издания «Лунь юй», именовавшегося «Лунь юй цюань цзе», автором комментариев которого был Чэнь Сян-дао (ум. 1093 г.) [Wu Chi-yu, 1969. С. 298–315]. В тангутской коллекции ЛО ИВ АН СССР находятся еще два текста переводов «Мэн-цзы» и книги, содержащие переводы отрывков из «Ли цзи», «Цзо чжуань», «Ши цзин» и других конфуцианских классических книг.

Этот синтез буддизма и конфуцианства, может быть, лучше всего выразился в одной строке стихотворного предисловия к сочинению энциклопедического характера «Море значений, установленных святыми»:

> Закон Будды, сутры, разошедшиеся по всему миру, [это и]
> добродетельное поведение (дэ син), и соблюдение норм
> ритуала (ли).
>
> [*Море значений. С. 2а*]

Правление Жэнь-сяо было временем расцвета тангутского государства и его культуры. Подавляющее большинство рукописных и отпечатанных способом ксилографии книг буддийского канона в коллекции ЛО ИВ АН СССР относится именно ко времени его царствования. Самая ранняя рукописная книга [Танг. 67. Инв. № 2727] датирована 22 ноября 1151 г., самая поздняя — 1222 г. [Танг. 225].

Найдя опору государственной власти в буддизме и конфуцианстве, тангуты хотя и чтили в своем государстве буддизм больше, чем это имело место в соседнем Китае, тем не менее, несмотря на славословия буддийских поэтов, име-

новавших в своих творениях императоров «гуманным царем — бодхисатвой», «буддой — сыном Неба» [ТФ. Кн. 1. С. 82], тангутские императоры не были «полудуховными правителями», как полагал Н. А. Невский [там же]. Власть императора основывалась на сакральных принципах китайского образца, чиновники (эти «руки и ноги императора») следовали конфуцианским нормам. Сам император не занимал никакого места в духовной иерархии. А в правовом отношении, в полном соответствии китайскому примеру, буддизм был поставлен под полный контроль государства [см.: Кычанов, 1982].

Надпись 1094 г. гласит:

Желаем, чтобы
На троне прочно сидящий царствовал так же вечно,
Как вечно произрастает восточный бамбук...
Пусть ветры дуют и дожди проливаются вовремя,
Драгоценные хлеба вызревают вечно,
На границах установится мир,
А народ благоденствует!

[*Громковская, Кычанов, 1978. С. 140–141*]

В послесловии к сутре «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин» [Танг. 104] от 5 апреля 1194 г. несколько иными словами говорится то же самое.

«Желаем, чтобы драгоценный престол стоял вечно и прочно, счастье наследующих друг другу государей длилось беспредельно, шесть предков императоров небесной тверди и земле были подобны, три [дела и явления] — обработка земли, ветер и дожди — пребудут в состоянии гармонии, государство станет богатым, подобно великому морю, земные знаки прекрасных гор станут прочнее, богатство и процветание распространятся на все четыре стороны, десять тысяч разных добрых дхарм пусть процветают, чиновники, имеющиеся в Поднебесной, добьются единства и мудрости, на суше-земле люди, неисчислимые по волостям, все встретятся с красивым драконом!»

Из послесловия к сутре «Фо шо шэн дэ чэн сань гуй и цзин» [Танг. 141] от 20 октября 1185 г.: «Царственный корень да будет вечно крепок, священномудрых потомство множится и процветает, живущие в государстве чиновники и народ да будут едины... мертвые и живые — все приобретут хорошую карму!»

В послесловии к сутре «Гуань Милэ пуса Тушэн тоу шуай тянь цзан» [Танг. 320] от 26 октября 1189 г. от имени Жэнь-сяо сказано, что он как заказчик сутры выразил пожелание, чтобы «силою этих заслуг его предки утвердились в Верхних палатах на драгоценных престолах, его чадолюбивая матушка родилась в Цветущей Западной земле, а императорский род не пресекался».

Царственные заслуги выражались в приглашении знаменитых буддийских учителей, организации переводов или сверки старых переводов сутр, тиражировании сутр способом ксилографии в десятках тысяч экземпляров, в молениях, сопровождавших раздачу текста сутры «чиновникам и народу», в религиозных церемониях и постах, в объявлении амнистий по случаю буддийских праздников и т. п.

Тангутские императоры уделяли особое внимание трем сутрам, «защищающим государство» («ху го»): «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин» [Танг. 104; Танг. 318], «Мяо фа лянь хуа цзин» — «Садхармапундарике», или «Лотосовой Сутре» [Танг. 218; Танг. 219], и «Цзинь гуан мин цзуй шэн ван цзин» — «Суварна прабхасауттамараджа сутра» [Танг. 376].

Считалось, что чтение «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин» предотвращает «семь бед»: бед, проистекающих от солнца и луны, звезд, засух, дождей, ветров, гордыни и разбойников, защищает от стихийных бедствий и причинения вреда, обеспечивает богатство и благополучие народу. Слово из сутры «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин» вошло в посмертный титул Жэнь-сяо в сочетании «защищающий города», титул, упомянутый как раз при издании этой сутры в 1194 г. императрицей Ло в годовщину смерти Жэнь-сяо. Дело в том, что тангутские императоры имели по нескольку титулов и в числе их титулов есть серия, связанная с включением слов «город», «стена» (кит. *чэн*). Император Юань-хао имел титул «Ветер-Рог-Город император», зафиксированный в предисловии к «Лотосовой Сутре» [Танг. 218. Инв. № 6253]. Китайский исследователь Бу Пин предполагает, что «ветер-рог» — это термин, означающий способ гадания, и ссылается на упоминание в «Цзю Тан шу», в разделе «И вэнь чжи», сочинение Лян Сяо-гуна «Ветер-Рог» в десяти цзюанях [Бу Пин, 1981. С. 70]. Император Бинчан имел титул «Лицевая сторона-стена-город император» (кит. «Мяньби чэн хуанди»), упоминаемый в надписи на стеле из Лянчжоу. «Мяньби» — буддийский термин, означающий то же, что и «цзо чань» — «заниматься практикой созерцания» [Фосюэ Цыдянь, 1933. С. 1106; Бу Пин, 1981. С. 71]. Император Цяньшунь имел титулы «Светлый город — император» (кит. «Мин-чэн-хуанди») и «Белый город — император» («Бай-чэн-хуанди»). «Мин» в данном случае можно истолковать как технический буддийский термин, означающий иное наименование «мудрости» («чжихуэй») [Фосюэ Цыдянь, 1933. С. 872].

Титул императора Жэнь-сяо «Ху-чэн-хуанди» также может получить буддийское истолкование, где «ху» означает «защищающий», имеет аналогию с «ху го» — «защищающий государство». Жэнь-сяо имел еще титул «Чжу-чэн-хуанди» («Жемчуг-город — император»). Бу Пин толкует «жемчуг» как «драгоценность», а «чэн» как «процветание народа» [Бу Пин, 1981. С. 74].

Притом что частое употребление в титулах слова «город» и его символика остаются непонятными, совершенно очевидно, что в части титулатуры тангутских императоров нашла отражение их протекционистская деятельность в отношении буддизма. По образному выражению Бу Пина, тангуты «почитали конфуцианство и верили в Будду» [там же. С. 74].

В «Крупинках золота на ладони» — памятнике, составленном, по-видимому, в первой четверти XII в., — дела государственные уже поставлены на первое место, хотя и в данном сочинении не говорится о каких-либо конфуцианских текстах:

> Род Нгвеми — многочисленный,
> Уже стали известны как государи над четырьмя морями...
> Наставляют друг друга в управлении страной и делу учатся...
> Блеск и мудрость императорского двора повсюду известны.
>
> [*Кычанов, 1979. С. 216*]

О буддистах же сказано значительно позже, просто и сдержанно:

Монахи читают нараспев сутры,
Пост кончится, ждут пожертвований,
Ищут спасения в вероучении Будды.

[*там же. С. 218*]

Утверждение конфуцианства как учения, ставшего идеологической основой тангутской государственности, вытеснило буддизм из участия в формировании доктрин управления страной, сделало его религиозной идеологией, не претендующей на то, чтобы участвовать в выработке политической идеологии общества и государства, хотя буддизм и был представлен в титулатуре тангутских государей даже после утверждения в стране конфуцианства (у Жэнь-сяо) наряду с какими-то еще неразгаданными чисто тангутскими традициями (например, «город»); вспомним оду о происхождении правящего рода Ся: «Черноголовых каменный *город* на берегу...» [ТФ. Кн. 1. С. 38].

Таким образом, выражение понятия «свой путь» для тангутов, безусловно в предельно схематизированном виде, прошло через следующие этапы. При Юань-хао, во второй четверти XI в., это понятие выражалось в создании идеологической платформы нового тангутского государства как платформы, покоящейся на двух опорах — буддизме (с 1038 г. начат перевод канона под эгидой государства) и копировании принципов китайской государственности, с первым обращением к конфуцианству (перевод «Сяо цзин»). Все это сопровождалось пропагандой *собственного пути* в противоположность *путям* тибетскому и китайскому. Китайское, чиновно-бюрократическое (ритуал, одежды), демонстративно отвергалось в пользу своего, нередко в существе своем следовавшего отвергаемому китайскому образцу. Вторая половина XI в. была отмечена ослаблением власти правящего дома Нгвеми и усилением кланов императриц Моцзан и Лян, двух знатных тангутских кланов, меньше (что совершенно очевидно) подвергшихся китаизации, чем царствующий дом. Распри правящих группировок отягощались непрерывными войнами с сунским Китаем. В своей междоусобной борьбе правящие группировки стремились усилить то одну, то другую из идеологических опор тангутской государственности. Кланы императриц при этом преимущественно склоняются к буддизму и ослаблению китайского влияния. В противоположность им государи из рода Нгвеми, обретая самостоятельность, демонстративно обращаются к «китайскому».

В начале XII в., с утверждением власти Цянь-шуня, достигается известное равновесие «буддийского и китайского» в «своем пути». С середины XII в., с воцарением Жэнь-сяо, в жилы правящей тангутской династии вливается значительная порция китайской крови — фактор, значением которого не стоит пренебрегать. Жэнь-сяо не только наследует равенство «буддийского и китайского» в «своем пути», в сфере государственного управления он явно отдает предпочтение конфуцианству, титуловав Конфуция императором и официально введя в стране его культ. Буддизм же, который и ранее не дал позитивных идей государственного строительства, способных конкурировать с конфуцианскими, отходит на второй план. Здесь помимо причин политического харак-

тера необходимо назвать следующие: тангуты в основном восприняли и развивали китайский буддизм, т. е. буддизм, уже поставленный под контроль сильного государства и не обладавший политической силой. С введением нового кодекса при Жэнь-сяо тангутский буддизм разделил судьбу китайского — попал под полный контроль государства. Отныне он удовлетворял только религиозные и духовные потребности народа и династии.

Однако тангутские императоры в отличие от китайских не порвали с буддизмом; буддизм был верой, охранявшей правящую династию. В титулатуре тангутских императоров появляются и сохраняются знаки их кровной связи с буддизмом: «свой путь» был модифицирован тангутами, но не лишен принципиальных основ. Насколько мы можем судить по источникам, первая четверть XIII в. не привнесла каких-либо существенных изменений в «свой путь». После гибели Великого Ся в 1227 г. рухнули и конфуцианские его основы, а тангутский буддизм, закрепленный в текстах тангутской «Трипитаки» и сохраняемый оставшимися в живых его поборниками, выжил и просуществовал еще по крайней мере 300 лет (безусловно, благодаря поддержке монголов в связи с обращением династии Юань к буддизму). В XVI в., уже при династии Мин, он был поглощен китаеязычным буддизмом, что еще при династии Юань было предопределено двумя факторами: юаньский двор отдавал предпочтение тибетскому буддизму, а тангутский буддизм лишился своей этнической базы, ибо в конце XIII — начале XIV в. население бывшего государства Ся, проживавшее в области Тангут империи Юань, подверглось насильственной исламизации, проводимой местным правителем (монголом, принцем крови); мусульмане Северо-Западного Китая, нынешнее население Нинся-Хуйского автономного района КНР, прямые потомки исламизированного населения юаньской области Тангут.

* * *

Чем интересует нас тангутское прошлое в связи с историей буддизма и конфуцианства? В истории тибето-бирманских народов — три крупнейших могущественных государства: Тибет, Бирма и Великое Ся (Тангутское). Два из них в качестве своей идеологической платформы избрали буддизм и развивались как теократические государства. Безусловно, этому способствовала их территориальная близость к родине буддизма — Индии. Вполне возможно, что и тангуты пошли бы по такому же пути создания своей государственности и ввели бы буддийское, теократическое правление. Однако этого не произошло. Почему? На это есть причины. Их можно назвать несколько. Это — восприятие тангутами (во всяком случае, их значительной частью) китайского буддизма, веками подконтрольного государству и лишенного опыта политической деятельности (о чем говорилось выше). Это и 150-летнее правление прокитайски настроенного дома Нгвеми. Но главная из причин — это близость, точнее говоря, непосредственное соседство Великого Ся с Китаем, влияние институтов которого было не просто огромным, а подавляющим. Китайская государственность (ее идеологической основой было конфуцианство) имела более чем

тысячелетний опыт правления. Она утверждала идущие из глубокой древности сакральные принципы идеологического обоснования императорской власти. Она видоизменила по своему образцу самобытные ранние формы государственности многих народов, инкорпорировавших в свои государства части территорий с китайским населением (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). Идеология китайской императорской власти была таковой, что она в качестве устроителя Поднебесной признавала лишь одного Сына Неба. Наблюдавшаяся в отдельные периоды истории множественность Сынов Неба требовала от Неба «выбора» и передачи в конечном счете мандата Неба на управление Поднебесной какому-то одному из его «сынов» (так, например, ставили вопрос маньчжурские ханы) или поисков каких-то иных основ легитимизации власти. Тангутские государи в лице Жэнь-сяо нашли свой путь — они присвоили Конфуцию титул императора, официально ввели в стране культ Конфуция, поставив императора Конфуция выше здравствующих сынов Неба и в известной мере лишив тем самым китайского сунского императора, а заодно с ним и императора Цзинь права на исключительность своего положения. Вполне земные причины — поражение Северной Сун в войнах с чжурчжэнями — способствовали этому. В такой ситуации буддизм тем более не мог претендовать на то, чтобы стать идеологической основой государственной доктрины в тангутском государстве и, естественно, отступил на второй план.

НАСТАВНИК ИМПЕРАТОРА В ИЕРАРХИИ НАСТАВНИКОВ В БУДДИЙСКОМ ВЕРОУЧЕНИИ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ

В науке хорошо известен факт, когда в царствование императора династии Юань Хубилая (1215–1294) из Тибета в Пекин был приглашен сакьяский вероучитель Пагба-лама и между императором и наставником сложились новые для традиций китайской государственности отношения как отношения, с одной стороны, покровителя религии, императора, а с другой — его наставника (ди ши). В последние годы в науке появился обостренный интерес к происхождению титула (чина) ди ши. Имеющийся тангутский материал может быть полезен для решения этого вопроса. В буддийских текстах на тангутском языке нам известно несколько упоминаний этого титула. В изданном способом ксилографии тексте сутры «Фо шо Амито цзин» [инв. № 6761] упоминается в колофоне наставник императора Мбу Ну, который «переложил» (буквально «передал») сутру. Текст не датирован. В рукописном тексте шастры «Жулай и це чжи бай цзы яо лунь» упоминается «мудрый и просветленный» наставник императора, но без имени. Титул «мудрый и просветленный» совпадает с титулом наставника императора Мбу Ну. Мы не можем утверждать, что речь идет об одном и том же лице, поскольку известен еще один наставник императора с таким же титулом. В ксилографическом издании текста «Шэн шэн хуй пи ань дао гун дэ бао цзи сун юе» упомянут государственный наставник Пура Мбу-нджиу, полный титул которого можно перевести следующим образом: «Мудрый и просветленный наставник императора, толкующий сутры, шастра и винайя, начальник управления буддийской сангхой, все обретший шрамана». Пура Мбу-нджиу «проверил смысл сутры». В тексте «Шэн гуань цзы чжу да бай синь чжи шао ши фа ши» также назван наставник императора «мудрый и просветленный». Все эти тексты не датированы, а при титуле императорских наставников «мудрый и просветленный» мы имеем два имени, что вынуждает нас рассматривать, во-первых, «мудрый и просветленный» в качестве титула, а не монашеского имени, что, может быть, в принципе было бы и допустимо, а во-вторых, документированно полагать, что под титулом «мудрый и просветленный» могло упоминаться не одно и то же лицо.

Есть вторая группа сведений, где наставник императора сопровождается определением «китайский». В качестве автора текста «Фэн ци синь юй жу шунь» назван «китайский великий учитель (да ши), наставник императора, шрамана Жиэ Ндзу (Хуй Чжу)». Автором текста «Цзи сян шан лэ лунь суй е си цзю си цзы чжу и цянь цзунь си вэй чжи го дин жу шунь яо лунь» является «китайский наставник императора в тайных учениях» Жиэ Ндживо́н (Хуй Сюань).

Таким образом, нам известны имена четырех «ди ши»: двух условно тангутских (сисяских) — Мбу Ну (Шэн?) и Пура Мбу-нджиу (Шэн Сянь) и двух «китайских» — Жиэ Ндзу (Хуй Чжу) и Жиэ Ндживо́н (Хуй Сюань). Один ди ши «без имени», а все «тангутские» ди ши имели титул «мудрый и просветленный» («сянь цзюе»). Титул Пура Нджиу «все обретший» известен из сохранившегося фрагмента таблиц должностей и титулов тангутского государства. Это был титул, который получали и великие князья (да го ваны), т. е. титул очень высокий, что свидетельствует о высоком социальном положении наставников императоров в тангутском государстве.

В 1981 г. в одном из монастырей близ Пекина был найден текст, датированный 1447 г., на тибетском и китайском языках. Автором текста назван «мудрый и просветленный наставник императора (сянь цзюе ди ши), толкователь сутр, шастр и винайя, начальник управления гундэсы (буддийской сангхой), обнаживший правое плечо, всеохватывающий великий надзиратель, все обретший шрамана Боло Сянь Шэн».

Это, бесспорно, Пура Мбу-нджиу упоминаемого ранее тангутского текста. Тангутская фамилия Пура передана по-китайски как Боло, а его монашеское имя Шэн Сянь дано в обратном, может быть, как раз и правильном порядке. Поскольку титул «все обретший» был в XIV в. уже непонятен, он передан в транскрипции, но, что примечательно, как раз в той самой, в которой он может быть транскрибирован и по тангутскому первоисточнику. Таким образом, благодаря последнему тексту мы можем уверенно полагать, что Пура (Боло) Мбу-нджиу (Шэн Сянь или Сянь шэн?) жил при императоре Жэнь-сяо, т. е. во второй половине XII в. В тексте «Фо шо Амито цзин» наряду с наставником императора Мбу Ну упоминается «наставник в учении Чхиа Жиэ». Это хорошо известный и из китайских текстов, происходящих из Си Ся, популярный вероучитель Дэ Хуй, также современник императора Жэнь-сяо. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что в тангутском государстве титул «ди ши» появился во второй половине XII в.

Определенную неясность оставляют китайские вероучители в ранге ди ши. Неясно, идет ли речь об этнических китайцах, или ди ши из Китая, или, наконец, о каких-то течениях в учении, считавшихся китайскими. Судя по упоминанию китайского ди ши, специалиста в тайных учениях, последние вряд ли были привилегией китайцев.

Подводя итоги, мы можем твердо утверждать одно: чин ди ши появился в государстве Си Ся во второй половине XII в. Был ли он одновременно и в Тибете (или Китае), сказать пока трудно. Приведенный выше тангутский материал надежно подтверждает то, что было уже известно из текста, найденного в Китае. К сожалению, тексты не датированы, и уточнить датировку пока не представляется возможным.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Тангутское государство возникло в областях с многовековой традицией исповедания буддизма [Кычанов, 1968. С. 283–294], и буддизм утвердился в нем как религиозное мировоззрение с определенной социальной заданностью. «Благородный человек или низкий, свободный (буквально "чистый") или раб — обусловлено прошлыми причинами (*кармой*). В этой жизни получаем воздаяние [за прошлые поступки], и если мало накоплено выгод (заслуг), то станешь рабом или слугой» [Море значений. С. 32б], — читаем мы в тангутском сочинении энциклопедического характера «Море значений, установленных святыми», официальном издании, опубликованном ведомством печати 1 июня 1183 г. Кармой определялось и то, богат ли был человек в этой жизни или беден: «Каким станешь человеком — богатым или бедным... — определяется кармой» [там же. С. 35б]. Надежным оружием социального воздействия было и хорошо развитое к этому времени в северном буддизме учение о рае и аде. В тексте лянчжоуской стелы, точнее, «Возведенной по императорскому указу стеле с памятной надписью у пагоды Благодарения» (1094 г.), тангутские вероучители разъясняли:

В мир высший величайшего блаженства
Продвигаются по одному, и мало тех, кто его
достигает.
В ад на тягчайшие муки
Миллионы спешат, и туда попадающих много.

[*Tatsuo Nishida, 1964. P. 162*]

В ксилографированном, а значит, изданном массовым тиражом плакатике с изображением сфер перерождений и пояснительным к нему текстом (без даты) указывается, что в сфере животных переродится тот, кто «не любит слушать добрых наставлений чиновников», «не исполняет приказов», «не соблюдает законов». В ад попадет тот, кто «не склоняется перед высшими», «не отличает высших от низших», «не сохраняет верность своему государству». В мир вечно

Рис. 57. Божество Луны. Хара-Хото. Государственный Эрмитаж

голодных демонов Прета должен попасть тот, кто «был непочтителен», «не верил в будд и дхарму», «видя, как делают пожертвования другие, не следовал [их примеру]»[1]. Короче, буддизм выступал как учение, объяснявшее и оправдывавшее внесоциальными причинами социальное неравенство, как учение, отражавшее объективно интересы господствующего класса и его государства.

Тангутский правящий дом Нгвеми (Вэймин), как, по-видимому, и большинство тангутской правящей элиты, был постоянным и усердным приверженцем буддизма, хотя, как это и было принято в те годы на Дальнем Востоке, проявлял полную веротерпимость и в равной мере известный интерес и к культу предков, и к даосизму, и к конфуцианству. Н. А. Невский полагал, что все тангутские «императоры, во всяком случае во времена императора Жэнь-сяо (1139–1193), были, по-видимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора "гуманным царем — бодисаттвой" и даже "буддой — сыном Неба"» [ТФ. Кн. 1. С. 82]. Хорошо известны на материалах из Хара-Хото издательская деятельность тангутских императоров, их личное участие в переводах Канона на тангутский язык, их щедрые пожертвования буддийским храмам и общинам. Но сразу заметим, что в документах, относящихся к государственно-правовой сфере, упоминаний о высших духовных санах тангутских императоров или о принадлежности их к высшему духовенству, тем более о принадлежности их к известному позже институту «живых будд», нами пока не обнаружено. Император контролировал и направлял деятельность буддийских общин (*сангхи*), но не как высший духовный иерарх, а как «государь милостью божьей», «сын Неба», верховный правитель и законодатель, мироустроительным заботам и воле которого было подчинено все, что находилось на территории его государства.

Тангутский государственный механизм копировал в целом китайский. Китайское государство и китайские представления о государстве к XI в. уже давно не допускали бесконтрольной буддийской проповеди и деятельности *сангхи*. Термин *сы*, которым с династии Суй (VI в.) по-китайски назывался буддийский храм или монастырь, должен был означать, что данный храм или монастырь был

[1] Данный плакатик хранится в Отделе зарубежного Востока Государственного Эрмитажа.

сооружен именно с ведома правительства [Yoshio Saeki, 1951. P. 81]. Так, в 713 г. был издан приказ разрушить все буддийские монастыри и храмы, выстроенные без разрешения, без приказа императора (*у чи сыюань*). Такой же указ был обнародован в 955 г. [Gernet, 1956. P. 6, 42].

Монастыри находились в ведении одного из государственных управлений (при Тан вначале *сы бу* — «управление жертвоприношений», позднее *гун дэ сы* — «управление достойных и заслуженных»), вступление в монашество находилось под контролем властей, и нарушение формальностей строго наказывалось [Twitchett, 1956. P. 125]. Новопосвященному монаху выдавалось удостоверение о посвящении (*дуде*), благодаря чему он лично получал освобождение от налогов, трудовой повинности и воинской службы, т. е. обычных обязанностей перед государством совершеннолетнего мирянина. Уход в монастырь означал именно выход из системы государственных повинностей, монах вычеркивался из списков учета его семьи (*хуцзи*) и заносился в другие списки — «списки монахов» (*сэнцзи*), которые, так же как и подворные списки людей светских, велись уездными властями. Дубликаты списков монахов пересылались из уезда в округ, а оттуда в государственное управление, ведавшее делами буддийской общины [ibid. P. 134]. Освобождались ли в танском Китае монастыри от уплаты налогов вообще, пока точно не установлено [ibid. P. 144]. По мнению известного исследователя финансовой администрации Тан Д. С. Твичета, привилегия буддийской церкви в сфере финансов состояла скорее в том, что она стояла вне обычных (каких именно — это для танского времени еще необходимо выяснить) фискальных отношений с администрацией [ibid. P. 546].

Образ жизни бродячего монаха не одобрялся законом. Еще в указе от 472 г. говорилось: «Некоторые *бикшу* не живут в монастырях, а многие годы бродят из деревни в деревню и совершают различные поступки, несовместимые с законом и добрыми нравственными порядками. Предписывается группам, состоящим из пяти семей и несущим солидарную ответственность, отказывать в приюте незарегистрированным монахам» [Gernet, 1956. P. 37].

Тангутское государство имело одну особенность — оно было неоднородным по этническому составу. Это отразилось и на организации *сангхи*. Общины верующих создавались по принципу этнической принадлежности. В уже упоминавшейся выше лянчжоуской стеле есть сведения о существовании при пагоде Благодарения по крайней мере двух общин — китайской и тибетской. В тексте названы «инспектор двух, китайской и тибетской, общин при пагоде Благодарения, монах-чиновник, носящий красные одежды, Вандон Нджиейнгиу», «младший надзиратель за ма-

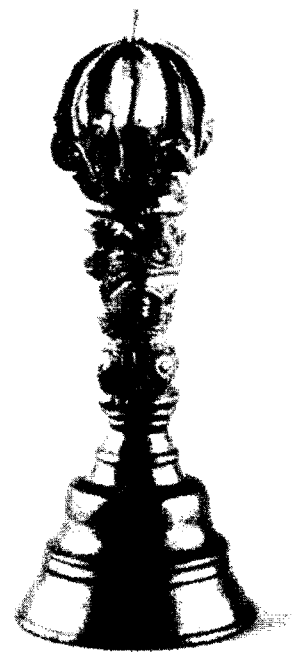

Рис. 58. Колокольчик

стерами, [ремонтировавшими пагоду], глава китайской общины при пагоде Благодарения, носящий красные одежды, монах Цзю Чжи-цин» и «младший надзиратель за мастерами, ремонтировавшими пагоду, заместитель главы китайской общины при пагоде Благодарения, носящий красные одежды, Бай Чжи-и» [Tatsuo Nishida, 1964. P. 274–275]. В «Новых законах» мы встречаем упоминания о «тангутских общинах» [Новые законы. Гл. IX. С. 72], «тибетских общинах» и смешанных «тангутско-китайских общинах» [там же. Гл. XV. С. 24]. Мы пока не знаем, существовали ли тангутско-тибетские смешанные общины. Сказывалось ли в создании общин по этническому признаку наличие различных школ буддизма (для Тибета XI–XII вв. — время сформирования основных сект)? Возможно, но не обязательно, ибо известные нам тексты нигде не подчеркивают антагонизма или противоречий между различными школами толкования учения.

В Великом Ся законом не допускалась бесконтрольная проповедь учения. Буддистам, прибывавшим из Тибета и Индии, запрещалось, не доложившись властям, без их санкции толковать «закон» [там же. Гл. XI. С. 4а]. Более того, законом не дозволялось говорить в проповеди все то, что «вводило бы народ в заблуждение и не соответствовало закону, не способствовало бы поддержанию истинного спокойствия» [там же. С. 6а]. Чиновники, власти были обязаны подвергать аресту любого проповедника, нарушившего этот закон, и осуждать виновного на три года каторжных работ за то, что он действовал вразрез с учением (*дхармой*) [там же].

Закон преследовал ясновидцев, а также шарлатанов, пытавшихся показной святостью извлекать выгоду для себя: «Запрещается любому человеку вести подстрекательские речи и заявлять: "[Я] вижу лучи божественного света, исходящие от Будды!" — и [тем самым] вводить в заблуждение своих домочадцев и простой народ и требовать: "Желаю получить воздаяние за [свои] заслуги!" Если же закон будет нарушен, то в том случае когда [подстрекательские] речи [виновного] будут носить особо тяжкий характер и вызовут вредные сомнения [у людей], то о том, какую меру наказания может получить [виновный], следует доложить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями. Если же [подстрекательские] высказывания [виновного] несерьезны и не вызывают вредных сомнений [у людей], то [виновному] один год [каторжных работ]. В том случае когда [виновный] не остановится и снова будет вести такие же разговоры, то по рассмотрению того, что [он] говорит, [а также того], какую меру наказания дать [виновному] и можно или нельзя сослать [его], [обо всем этом] следует доложить в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями» [Кодекс. Гл. XII. С. 3а–3б].

Следует заметить, что не нужно, как это иногда бывает, путать подобные запреты с борьбой с ересью, ибо буддизм в Китае, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии существовал во множестве сект, ни одна из которых не отрицала существа доктрины и при разнообразии признаваемых лучшими путей к спасению не объявляла другие злостными заблуждениями, подлежащими искоренению. Подобные вышеуказанным законы означали факт отношений буддизма с государством вообще, а не поддержку государством исключительно

одного направления в развитии учения. Тангутское государство равно признавало и китайские общины с преобладанием учений школы Чань и амитаизма, и тибетские, где преобладали тантристские идеи.

Наряду с существованием общин, сформированных по этническому признаку, закон различал монахов, носящих желтые, черные, красные или фиолетовые одежды. Хотя в тангутском государстве населению вообще было запрещено носить одежды из тканей желтого и красного цветов, для монахов было сделано исключение. «Лицам из числа принявших обет монашества, тем, кто живет [не в монастырях][2], а дома, поскольку они надевают одежды особого покроя, можно носить рясы (*цзяша*) и юбки желтого цвета. Монахам, покинувшим семьи и [живущим в монастырях][3], можно носить юбки и рясы желтого цвета, однако носить желтые плащи-накидки (*баоцзы*) не разрешается» [там же. Гл. VII. С. 19а–19б].

Все святые места — храмы, культовая скульптура и иконы, буддийские и небуддийские — культа небесных светил, Конфуция, древнего тангутского культа духов-хранителей равно оберегались законом. «Любому человеку, — говорится в "Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169)", — запрещается обворовывать, портить и разрушать изображения будд, храмы, изображения святых поборников веры, полотна с рисованными портретами Конфуция и [образами] почитаемых небесных духов. Если же закон будет нарушен, то зачинщику шесть лет, пособникам три года [каторжных работ]. Если же в числе тех, кто произвел разрушения, [окажутся] монахи или приписанная [к храму] прислуга, то мера наказания таковым каждый раз должна быть увеличена на одну степень по сравнению с мерой наказания, определенной [по закону за то же преступление] постороннему человеку. Если [кто-то] ничего не сломал, а [только что-то] украл [в храме] и, принеся жертву божеству, ушел, то с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок. Когда же стоимость [похищенного и, следовательно, причиненного ущерба] велика, то [виновному] выносится более суровый приговор с учетом наказания за то, как была совершена кража — без применения или с применением насилия, наказания в зависимости от стоимости [краденого] в денежном выражении, а также наказания за те разрушения, которые были произведены [в храме]» [там же. Гл. III. С. 36а–36б].

Только храмы и императорский дворец могли быть украшены в тангутском государстве лепкой и крыты цветной черепицей. «Кроме буддийских храмов, храмов божеств небесных светил, храмов духов-хранителей и императорского дворца, на домах чиновников и народа не должно быть украшений [в виде] лепестков цветов, и не разрешается украшать [их] красной, синей и зеленой черепицей» [там же. Гл. VII. С. 21а].

Уголовные и гражданские дела, связанные с монастырями, храмами и монахами, подлежали не местному и не ведомственному, а особому государеву расследованию [там же. С. 8б].

---

[2] Кит. *цзай цзя*.

[3] Кит. *чу цзя*.

Рис. 59. Мытье и обритие головы у женщины, вступающей в монашескую общину

Управления, ведавшие делами буддийской церкви, относились ко второму, высокому классу управлений тангутского государства, управлений, непосредственно следовавших за Главным императорским секретариатом по управлению гражданскими делами (Чжуншу) и Главным управлением военными делами (Шуми). Таких управлений было три: управление достойной и заслуженной *сангхой*, управление достойных и заслуженных, покинувших семью [монахов] и управление достойных и заслуженных, ищущих спасения в *дхарме* [там же. Гл. X. С. 26б]. Очевидно, что эти управления вели дела буддийской общины (*сангхи*), дела монахов и дела буддистов вообще. Руководство управления достойных и заслуженных, ищущих спасения в *дхарме*, состояло из одного главного начальника, его помощника, одного чиновника в должности «принимающий решения» и двух в должности «передающий приказы». Управление достойных и заслуженных, покинувших семью, имело штат из шести «государственных наставников»[4], двух «следящих за дисциплиной» (*вэйгуань*)[5], шести чиновников в звании «способные проповедники» (*бяньда*) и шести чиновников «передающих приказы». Управление достойной и заслуженной *сангхой* (оно же — управление достойных и заслуженных, оставшихся в семье) имело в составе своего руководства шесть «государственных наставников», двух «следящих за дисциплиной», четырех помощников, шесть «принимающих решения» и шесть «передающих приказы» [там же. С. 32а].

Стать монахом в тангутском государстве можно было только с позволения властей и не сразу, а пройдя определенный подготовительный срок. Постриже-

[4] Кит. *го ши.*

[5] Очевидно, администраторы *сангхи*, которые при Тан назывались *вэйна.*

ние в монахи в обход закона строго каралось, вплоть до наказания смертной казнью. В кодексе говорится: «Когда в благоприятное время будет производиться пострижение [лиц] различных категорий[6] в монахи, то монахами могут становиться две категории юношей[7]: юноши, [уже состоящие] при монашеской общине (послушники), и юноши из "постоянно живущих"[8], а также юноши из числа "ищущих спасения в *дхарме*" (верующих мирян). Посвящение в монахи лиц прочих категорий запрещается. Когда же закон будет нарушен, то и тех, кто посвящал в монахи, и тех, кто был посвящен в монахи, зачинщик подлежит смертной казни путем удавления, а пособникам двенадцать лет [каторжных работ]. Если тот, кого постригли в монахи, еще не достиг совершеннолетия, то [он] наказанию не подлежит. Тому же, кто сделал [его] монахом, приговор выносится в соответствии с законом. Что касается наставников, находившихся там, где происходило [незаконное] обращение в монашество, то [им] выносится то же наказание, что и зачинщикам. Если [о совершении беззакония] знали ревизоры, то [им] выносится наказание на одну степень меньшее, чем наказание пособникам. В том случае, когда кто-то из них взял взятку, [ему] выносится более суровый приговор, как [за нарушение настоящего закона], так и за "взятку с нарушением закона"» [там же. Гл. XI. С. 37б–38а]. Таким образом, монахом не мог стать взрослый или пожилой крестьянин, ремесленник, чиновник и т. п., если он в юношеские годы не сделал этого. Человек, судьба которого, место которого в системе государственной службы уже определились ранее, был неволен изменить его, покинуть мирскую жизнь в угоду служению вере.

«Запрещается входить в общину и становиться монахами слугам, [лицам] категории "для особых поручений"[9], служащим вспомогательных войск[10]…[11] старым и слабым» [там же. С. 36а–36б]. Наказание — смертная казнь.

Не могли стать монахами *пхинга* — лично несвободный мужчина, принадлежавшей частному лицу, без его позволения, и служащий вспомогательных войск без особого на то предписания. «*Пхинга*, принадлежащему любому человеку, без предоставления [свидетельства] о добровольном согласии [на то] его владельца или хозяина, а служащему вспомогательных войск без особого на то предписания становиться монахами, ищущими спасения в *дхарме*, запрещается» [там же. С. 33а]. Ограничение прав пострижения в монахи распространялось также на лиц некоторых дефицитных профессий, в частности резчиков досок для печатания книг способом ксилографии. «Особо запрещается уходить [в монахи] тем, кто принадлежит к категории резчиков знаков [на досках для печатания книг]. Если кто-то из таковых стал монахом, то [он] также должен оставаться в списках резчиков знаков [на досках для печатания книг]» [там же].

---

[6] Речь идет о различных сословных и социальных группах населения Ся.

[7] Термин, очевидно соответствовавший кит. *тун син* — «ученик», «новичок».

[8] «Постоянно живущие» (кит. *чан чжу*) — несвободные люди, крестьяне и ремесленники, прикрепленные к храмам и монастырям в качестве служек и людей, обязанных доставлять средства для деятельности храма и священнослужителей.

[9] Дворцовая прислуга высшего разряда.

[10] Солдаты войск снабжения, инженерных и т. п.

[11] В тексте лакуна.

Монахиней могла стать только вдова или девушка, на которую никто не предъявлял своих прав, не выданная замуж. «Если есть женщина — вдова или девушка, еще не выданная замуж, преданно, с душой исполняющая законы Будды, на которую никто не предъявляет своих прав и которая желает стать монахиней, то на нее должны быть поданы сведения и проверены ревизором, [после чего она] может стать монахиней, "остающейся дома", или монахиней, "покинувшей семью". При этом матери и жены "передающих приказы" управлений третьего класса, столоначальников Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военными делами и всех лиц, занимающих еще более высокое положение, должны надеть красные одежды, а все прочие могут надеть желтые» [там же. С. 38а–38б]. Пока мы не в состоянии сказать, что скрывалось за ношением одежд разного цвета — различие ли сект или же разница в социальном статусе монаха или монахини. Судя по цитированному выше тексту, скорее последнее.

Наконец, общая формула запрета: не разрешается каждому «становиться монахом самому, по своему личному усмотрению» [там же. С. 38б], и последствия, вытекающие из его нарушения, изложены в пространной статье кодекса, которую мы тоже процитируем полностью: «Любому человеку, не вошедшему в число тех, кому действительно официально дозволено стать монахом, становиться монахом самому, по своему личному усмотрению, запрещается. Если закон будет нарушен и кто-то станет выдавать себя за монаха, то в том случае, когда [виновному] еще нет пятнадцати лет, [он] наказанию не подлежит и принимать доносы [на него] не разрешается. На всякого же человека пятнадцати лет и старше следует доносить, и устанавливаются нижеследующие награды за донос и меры наказания [виновным] по приговору:

[1]. Всякий человек из числа тех, кто, достигши совершеннолетия, обманным путем стал монахом, в том случае если он, будучи совершеннолетним, обманным путем добился на то позволения, то о получивших незаконно государев указ, [позволяющий стать монахом], следует сообщить в вышестоящие инстанции и приговор [таковым] выносится как [лицам], действовавшим по добытому обманом государеву указу[12]. Что касается тех, кто не имел позволения [стать монахом, добытого обманным путем], а просто с этой целью исключил себя из [податных] списков, то [таковые] подлежат смертной казни путем удавления. Прочие, кто не исключал себя из [податных] списков и не добывал обманом позволения [стать монахом], а просто выдавал себя за монаха, получают шесть лет [каторжных работ]. Если [данное лицо] уже было осуждено [за подобный обман] и после этого снова не перестало делать то же самое, то приговор [виновному] каждый раз выносится [только] за новое преступление. Если кандидат на должность[13] [лица, ставшего обманным путем монахом,] или на-

[12] Наказание — смертная казнь путем обезглавливания; оно считалось более тяжким, чем удавление, так как при этом расчленялось тело казнимого, что доставляло дополнительные страдания в загробной жизни.

[13] В тангутском государстве по образцу китайской системы протекций при выдвижении на службу (*инь*, *баожэнь*) существовал институт кандидатства на должности. Кандидатами на должность могли быть сыновья, братья, прочие родственники, а иногда и не родственники лица, занимавшего какую-либо должность в государственном аппарате Ся.

правляющий[14] знали о [незаконных действиях виновного], но не донесли [на него], то [таковые] каждый раз получают наказание на две степени меньшее, чем [мера наказания, вынесенная] преступнику. Что касается родных — отца или матери, то не донесший [на них] в соответствии с дозволением скрывать преступление, совершенное родным отцом, наказанию не подлежит. [При сокрытии преступления] других родственников поступать также в соответствии с особыми указаниями об уменьшении меры наказания [не донесшим на родственников]. Что касается награды за донос [о лице, незаконно ставшем монахом], то следует руководствоваться законом, предусматривающим выдачу наград за донос о разных преступлениях. [Сумма награды] должна быть взыскана с преступника, а если [он] уплатить ее не в состоянии, то выдана за счет государя.

[2]. *Пхинга*, обманом ставший монахом, также получает наказание, а награда за донос [о нем] выдается так же равно в соответствии с вышеуказанным, как и [за донос] о любом человеке, обманом ставшем монахом. Если кто-то из них не попадет в число наказуемых смертью, а подлежит наказанию каторжными работами, то следует поступать, исходя из постановлений об отправке [таких людей] на особо [тяжелые работы].

[3]. Если глава общины, [его] помощники, "решающие дела", старшие групп знали, что к их общине принадлежит лицо, обманом ставшее монахом, и не донесли [об этом], то за то, что [они] не воспрепятствовали [нарушению закона], им по приговору определяется мера наказания на две степени меньшая, чем наказание преступнику.

[4]. Если старшие и младшие чиновники, занимающие должности всех классов в пограничных и внутренних [районах страны], армейские направляющие, младшие направляющие, заменяющие в своих войсковых частях лиц, не достигших еще должности эмиссара, ответственные за размещение войск, лица, временно исполняющие обязанности эмиссаров, знали, что кто-то из их подчиненных обманным путем стал монахом, не препятствовали [этому] и не донесли [об этом] государю, то приговор [им] выносится по тому же закону, что и в вышеуказанных случаях главам общины.

[5]. Если окажется, что [в общине] действительно есть такие люди, которые стали монахами обманным путем, а глава общины, [его] помощники, "решающие дела", старшие групп и имеющиеся налицо направляющие, а также чиновники, армейские младшие направляющие, ответственные за размещение [войск], не подпадают под особые указания о тех лицах, которые знали о преступлении, или хотя [они] и не знали ничего [о нарушении закона], но являлись [в тот период, когда закон нарушался,] теми, кто ведал делами, то [таковым] за то, что [они] не несли службы исправно и не воспротивились беззаконию, с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок.

[6]. Монахам, юношам простого звания, запрещается или не вносить [свое] имя в [податные] списки, или исключать [свое] имя из [податных] списков и тем самым уклоняться от несения трудовых повинностей и уплаты налогов,

[14] Наименование одной из низших должностей в армии и администрации.

или становиться учениками у *бяньда* (проповедников). Если же закон будет нарушен и [кто-то из таковых] будет исключен из [податных] списков или не включен [в них], обманным путем станет монахом, сменит общину или *гвон*[15], то в соответствии с вышеизложенным [виновным] выносится та же мера наказания, которая определяется реально существующим, не исключенным из поданных списков как умершим [лицам], достигшим совершеннолетия и не внесенным в [податные] списки, сменившим *гвон* и ставшим монахами в числе [лиц] той же, одинаковой с их собственной, категории. Если [виновный] еще не был посвящен обманным путем в монашество, а действительно значится в [податных] списках и является туда, куда положено, то сопровождавшие [его] туда [лица] и *бяньда* наказанию не подлежат.

[7]. На юношей-простолюдинов, ставших монахами, а также на «постоянно живущих» [при монастырях и храмах], на имущество храмов и монастырей и приписанных к ним крестьян из числа тех, на кого подаются [податные] списки в соответствии с вышеуказанным в кодексе законов о составлении [податных] списков "постоянно живущих" при буддийских общинах, [списков храмового] имущества и монахов, должны быть поданы списки в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами и списки юношей и крестьян в управление императорской гвардией, в каждое [из указанных учреждений] отдельно, и [эти списки] подлежат ревизии.

[8]. Когда [нам] подчинятся монахи и миряне из другого государства, то в течение ста дней [они] должны быть представлены в военно-полицейское управление, а люди из управления сами должны выяснить подлинные имена, фамилии и возраст [этих людей], а у имеющихся в их числе монахов — что знают они из учения Будды, кто из них является наставником [веры] и какого [они придерживаются] закона, и по инстанции подать официальный доклад [об этом] тем должностным лицам, которые ведают [такими] делами. Если в течение ста дней донесение [о таких людях] не будет подано, а [они сами] будут сокрыты, проданы, использованы [на работах], поделены и сделаны [людьми, принадлежащими] частным лицам, то приговор [виновным] выносится по закону [о наказаниях] за скрытую кражу[16] с учетом стоимости [похищенного][17]. Если при этом [должностным лицом] была взята взятка за сокрытие [таких людей] или допущено принуждение [их] к работе, то [виновному] четыре года [каторжных работ]. Если же человек, который подчинился [нам], также сам добровольно соглашался на то, чтобы его скрывали, то [виновный] за неявку властям в течение одного года наказанию не подлежит. Если же [таковой] будет скрываться более года и [о нем] донесет другой человек, то [виновному] два года [каторжных работ], а если [он] сам донесет на себя, то освобождается от наказания. Тому, кто скрывал его, приговор выносится по закону.

---

[15] *Гвон* — низшая административно-хозяйственная единица в тангутском государстве. Все производительное население Ся было разверстано по *гвонам*. Самовольная смена *гвона* каралась смертной казнью. Слово происходит от китайского *юань* — «двор», «хозяйство».

[16] Кража, совершенная тайно, не на виду, в отличие от открытого похищения или ограбления с применением или без применения насилия и оружия.

[17] В данном случае величины покупной цены человека такого же пола и возраста в данный момент на местном рынке.

[9]. Монахам, получившим дозволение стать "покинувшими семью", не регистрироваться в списках общины и тем самым пребывать неизвестно где запрещается. Монах, начиная с того дня, когда [он] стал [таковым], в течение ста дней должен доложить [о себе] должностному лицу и лично сам встать на учет в списках той общины, к которой [он] принадлежит. Если закон будет нарушен и [таковой] не встанет на учет, то [виновному] один год [каторжных работ]. Вознаграждение за донос [о таковом] должно быть выдано [доносчику] в соответствии с законом о выдаче вознаграждений за донос о различных преступлениях. Если и после вынесения приговора [таковой] снова не встанет на учет, то [он] должен быть лишен монашеского сана и переведен в число обычных юношей (послушников).

[10]. Монахам любой общины, юношам (послушникам) из простых людей, принадлежащим к [какой-либо общине], не быть в той же общине, подавать официальные прошения о переводе в другие [общины], менять общину запрещается. Когда же закон будет нарушен и община сменена, то [виновному] двенадцать лет [каторжных работ] по закону о [наказаниях] за смену *гвона* [лицом], выполнявшим легкую работу и оказавшимся в числе других [лиц], ему подобных.

[11]. Любой женщине запрещается становиться монахиней, не получив на то дозволения. Если закон будет нарушен, то в том случае, когда у [виновной] есть хозяин и она является *нини*[18] другого человека, то [ей] четыре года [каторжных работ]. Если же у нее не было хозяина и никто не мог воспрепятствовать [ее поступку], то [ей] два года [каторжных работ]. Награда за донос в сумме двадцати связок монет должна быть взыскана с преступницы и выдана [доносчику]. В том случае, когда и после вынесения [ей] приговора [виновная] снова не оставит [попыток стать монахиней], то приговор [ей всякий раз] должен выноситься как за новое преступление.

[12]. Если в общине глава общины, [его] помощники, "решающие дела", старшие групп знали о той, которая [без дозволения] стала монахиней, и не доложили [о ней], то за ту, которая может быть наказана четырьмя годами, [виновным] шесть месяцев, а за ту, которая может быть наказана двумя годами, три месяца [каторжных работ]. Мужу или хозяину женщины, которые тоже знали [об этом] и не донесли, приговор выносится по тому же закону, что и главе общины.

[13]. Если действительно скончается какой-то монах, имевший дозволение быть [монахом], "покинувшим семью", а отец, дядя по отцу, сын, брат, внук или какой-то родственник этого [покойного], а также его однофамилец, подделав или уничтожив запись в документе и полагаясь на дозволение стать [монахом], "покинувшим семью", данное другому, [обманным путем] станет монахом, то приговор [виновному] выносится по закону о [наказаниях лиц], ставших обманом монахами» [там же. С. 38б–43а].

Наказывался и парикмахер, который, зная обстоятельства дела, стриг голову лицу, пытавшемуся стать монахом. «Если парикмахер острижет волосы какому-либо человеку, обманом ставшему монахом, зная при этом, что [тот] не

[18] *Нини* — лично несвободная женщина, принадлежащая частному лицу.

монах, то [виновный] по приговору получает наказание на три степени меньшее, чем преступник. Если же [он] не знал, что [это ненастоящий монах], то с [него] за то, что он не выяснил тщательно обстоятельств дела, с имеющего ранг штраф пять связок монет, простому человеку десять палок» [там же. С. 44а].

Итак, очевидно, что стать монахом в тангутском государстве по собственному волеизъявлению, без позволения властей было просто невозможно, за это полагалось строгое наказание, как и за попытку стать монахом обманным путем, в обход закона. Государство было заинтересовано в полном учете всего, а особенно мужского, самодеятельного населения, тех, кто платил поземельный налог и прочие налоги, отбывал трудовую повинность, т. е. привлекался к общественным работам и служил в регулярной армии и вспомогательных войсках: средневековая армия Дальнего Востока требовала большой обслуги, хозяйственной и инженерной. Уход взрослого мужчины в монахи означал для государства потерю полноценного тяглого. Поэтому самовольное исключение себя из списков тяглых каралось смертной казнью. Именно по этой причине юноши-послушники простого звания (§ 6 вышеуказанной статьи) не исключались из общих податных списков населения и привлекались к трудповинности. На них, на «постоянно живущих» и крестьян, очевидно, приданных храму или монастырю, подавались списки в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, а на юношей-послушников простого звания и крестьян как на возможных потенциальных солдат — еще и в управление императорской гвардией, притом эти списки проверялись (§ 7). Полноправные монахи, уже прошедшие обряд посвящения и перешедшие из учеников, юношей-послушников в число монахов, «покинувших семью», тоже не исчезали из-под контроля государства. Они заносились отныне не в подворные списки, а в списки общины. Монах был лишен права по своему усмотрению сменить общину. За это полагалось тяжкое наказание — двенадцать лет каторжных работ. Общая для тангутского государства система разверстки самодеятельного населения по административно-хозяйственным единицам, территориальным, производственным или иным и строгого контроля над ним, выражающаяся в запрете под страхом смертной казни менять место приписки, была распространена и на буддийские общины. Двенадцать лет каторги вместо смертной казни означали реализацию общего положения о смягчении для монахов наказания за любое преступление на одну степень. «Если монах, носящий желтые, черные, красные или фиолетовые одежды, совершит преступление, то наказание [ему] уменьшается на одну степень по сравнению с наказанием, которое [получает за такое же преступление] простой человек[19]. Кроме того, монахи, носящие красные и фиолетовые одежды, наказанные годом [каторжных работ], должны быть лишены должности, предписанной носящим красные или фиолетовые одежды.

[19] «Простой человек» — по тангутскому праву, лицо лично свободное («чистое», ср. кит. *лян*) в отличие от лично несвободных, принадлежащих государству или частным лицам людей; не имеющее ранга за службу, который давал узаконенные привилегии в правовом противопоставлении людей, имеющих ранг и не имеющих ранга.

Те из них, кто по правилам о [государственных] управлениях или имея низкий или высокий пост — по указанию соответствующего параграфа закона не могут быть лишены своего поста, то они и не должны быть в числе лиц, [лишаемых должности]. Если же [монах] совершил тяжкое преступление, мера наказания ему была уменьшена, а сам он был отстранен от должности, то [после] отбытия срока наказания монахи, носящие желтые и черные одежды, должны быть отстранены от монашества на пять лет, а монахи, носящие красные и фиолетовые одежды и равные им по должности, — на шесть лет. С наказуемыми каторжными работами и имеющими при этом ранг следует поступать в соответствии со степенью их ранга[20]. Если монах ранга не имеет, то должен отбывать каторгу по закону. По истечении срока наказания [отбывший каторгу монах] должен быть передан в качестве юноши-послушника в тот монастырь, к которому он ранее был приписан» [там же. Гл. II. С. 15а–15б].

Государству, действовавшему уголовному кодексу были подсудны уголовные преступления монахов, совершенные ими по отношению друг к другу. Так, в главе XIV была статья, к сожалению не сохранившаяся, о которой мы знаем только по указателю-оглавлению, о мерах наказания за драки, возникшие между высшими и низшими по положению в *сангхе* монахами [там же. Оглавление].

Освобождение от повинностей, налогов и отработок — в Китае буддийские монахи сами не работали на земле, они в лучшем случае были надсмотрщиками и организаторами работ [Gernet, 1956. P. 92] — и смягчение в случае совершения преступления меры наказания на одну степень — вот те правовые привилегии монахам, которые мы знаем из тангутского права.

Если лица, ставшие в соответствии с законом монахами, выпадали из списка тяглых, то это еще не означало, как правильно отметил для Танской эпохи Д. Твичет, что государство не контролировало хозяйственную деятельность буддийских общин. Храмы и монастыри подавали властям сведения об имуществе храма, «постоянно живущих» и о крестьянах, приписанных к монастырю (§ 6 и 7 цитированной ранее статьи). Мы знаем статьи, ограничивающие самодеятельность храма и общины в самообеспечении, хотя бы за счет пожертвований верующих. Так, число «постоянно живущих» при храме было ограничено законом в зависимости от суммы пожертвований, получаемых им. «Когда какой-то человек устраивает праздник благодарения по случаю завершения постройки храма или когда прошли годы и [храм] обветшал, то по случаю [его] ремонта или специальной перестройки, то [таковой] должен проводиться по уставу проведения праздников благодарения и просить монахов [для храма] не разрешается. В тех случаях, когда храм построен заново, если устраивается праздник благодарениям и выделяются "постоянно живущие" [для обслуживания храма], то тем, кто состоит в монашеской общине, нельзя просить [для храма] новых монахов, а только в том случае, если имеется возможность [выделить] монахов из той старой общины, где их много, [они] должны быть выделены. Если же тех [монахов], которые могут быть выделены [для нового или

[20] Т. е. уменьшать меру наказания в зависимости от величины ранга.

перестроенного храма], нет, то допускается использовать для храма прислужников общины и "постоянно живущих", тех, кто прикреплены к ней, [из расчета, что они] могут получить "постоянно живущих" при выделении [пожертвований], оцениваемых в одну тысячу связок монет, двух человек и монаха, носящего красные одежды, одного, при выделении [пожертвований, оцениваемых] в две тысячи связок монет; ["постоянно живущих"] три человека и монаха, носящего красные одежды, одного, при выделении [пожертвований, оцениваемых], начиная от трех тысяч связок монет и выше, одинаково, [храм может получить "постоянно живущих"] пять человек и монахов, носящих красные одежды, двух. В монахи должны быть посвящены юноши-послушники из других старых общин. [Они] должны быть в ведении новой общины, и продавать [их] какому-либо человеку запрещается» [Кодекс. Гл. XI. С. 33б–34б]. Возможно, государство регламентировало только число людей, непосредственно об-

Рис. 60. Глиняные фигуры жертвователей из храма, раскопанного в окрестностях Хара-Хото

служивавших храм, «постоянно живущих» и монахов, ставя их количество при храме в зависимость от его дохода (пожертвований верующих), который сам по себе не ограничивался.

Государство поддерживало храмы и монастыри экономически, выделяя им наряду с пожертвованиями людей частными лицами «постоянно живущих» из числа государевых (государственных) людей. В «Новых законах» ясно сказано об этом. Здесь упоминаются «государевы и частные всех общин "постоянно живущие"». В XII в. «постоянно живущие» при храмах были частично освобождены от налогов в пользу государства: они не несли всех трех видов повинностей, связанных с работой на земле (уплаты поземельного налога, поставок сена и трудповинности), одновременно и постоянно; в один год они уплачивали поземельный налог, а в следующем поставляли сено и отрабатывали трудповинность. Это было естественно, так как часть своего труда и дохода они обязаны были отдавать храму или монастырю. С 1212 г. эти привилегии «постоянно живущих» были отменены [Новые законы. Гл. XV. С. 1–5], безусловно, в прямой связи с угрозой монгольского завоевания.

«Постоянно живущие» храмов, монастырей буддийских общин обрабатывали землю. Монастыри имели землю, с которой платили неполный налог, что очевидно из постановлений о частичном освобождении от него. Мы имеем некоторые сведения о размерах земельных владений (пахотные земли) буддийских монастырей в тангутском государстве. В монастырях «Помощь государству» (знаменательное название!) и «Повсеместная святость» «постоянно живущие» обрабатывали 131 цин 59 му земли (примерно 835 га), из которых 67 цин 28 му принадлежали монастырю «Помощь государству» и 64 цин 31 му — монастырю «Повсеместная святость», т. е. каждый из монастырей имел более 400 га земли. Из этих земель в монастыре «Помощь государству» 47 цин 67 му земли (327 га), которые ранее были освобождены от отработок и поставок сена, в начале XIII в. были обложены денежным налогом в сумме 584 связок 950 монет из расчета 2 связки монет с 1,5 цина (9,15 га) земли. В монастыре «Повсеместная святость» денежный налог взимался с 46 цин 66 му (320 га) земли в сумме 624 связок 850 монет. Оставшиеся земли (около 80 га) заново были обложены поставками сена и отработками. Монастырь «Сокровищница моря» имел 50 цин 71 му (348 га) земли, из которых 21 цин 4 му (130 га) были освобождены от отработок по трудповинности и поставок сена. С прочих земель (около 218 га) взимался денежный налог в размере 257 связок 500 монет [там же. С. 5–12].

Можно подсчитать, что три вышеупомянутых монастыря имели в среднем каждый по 394 га земли, две трети которой в начале XIII в. облагались денежным налогом. Много земли было у этих монастырей или мало — судить трудно. Мы не имеем сведений об общей площади обрабатываемых земель в тангутском государстве, о размерах частного землевладения, т. е. лишены материала для сравнения. Отметим только одно, что размеры земельных владений этих монастырей были близки к тем, которыми реально располагали монастыри в танском Китае, они имели в среднем по 40, реже по 50 цин земли [Gernet, 1956. P. 135]. Для нашей темы важно, что государство облагало, хотя и не по полной таксе, земли, принадлежащие или данные в пользование монастырям, взимая с

них натуральный (поставки сена) и денежный налоги, а также привлекая людей, приписанных к монастырю, к несению трудповинности. В данном случае очень любопытно еще отметить и то, что нормы отработки определялись не количеством тяглых людей, а количеством земель, за которые государство требовало отработки.

Мы уже указывали, что освобождение земель, принадлежавших монастырям, с «постоянно живущими» на них от налога не было постоянным. Оно носило периодический характер и определялось или указом императора, или документом, именуемым *юйчжацзы* (императорским предписанием), или же решением властей, принятым по докладу, поданному на имя государя. С 1181 г. с этой целью стали использоваться только *юйчжацзы*, при этом полное освобождение монашеской общины (чжун) от поставок сена и отработок даже на время отныне было запрещено [Тангут. фонд. Новые законы. Гл. XV. С. 20–25].

По некоторым косвенным данным, общины могли продавать землю, пожалованную им ранее государем. «Если любой человек, — читаем мы в кодексе, — покупает обрабатываемую землю, испрошенную монахами, ищущими спасения в *дхарме*, или какими-либо старшими или младшими чиновниками у государя и принадлежащую управлению сельского хозяйства, или же землю, принадлежащую родственникам [государя] и относящуюся к числу "внутренних" земель[21], то в течение одного года начиная со дня покупки он обязан доложить об этом в транспортное управление[22] и [данные земли] должны быть включены в списки земель, обрабатываться и засеваться в соответствии с законом и облагаться налогом» [Кодекс. Гл. XV. С. 12б–13а]. Очень интересно, что на пожалованную монастырю или чиновникам за службу землю, которая даже могла отчуждаться владельцем, четко сохранялся знак первособственника — государя или членов правящего рода, его родственников.

Таким образом, государство контролировало не только личный состав буддийской общины, но и ее экономическую деятельность. Контроль этот, очевидно, производился специальными инспекторами. «Что касается назначения инспекторов в общины [монахов], "покинувших семью", то в [общине], имеющей "постоянно живущих" и доход, оцениваемый от одной тысячи до тридцати тысяч связок монет, назначается инспектором один человек, [в общине], имеющей доход, оцениваемый свыше тридцати тысяч связок монет, назначаются [инспекторами] два человека, а [в общины], имеющие доход свыше пятидесяти тысяч связок монет, поровну три человека. Что касается тех людей, которые должны быть назначены на должности [инспекторов в монашеских общинах], то это должны быть пожилые и способные люди, не распоряжающиеся [лично] "постоянно живущими", почитаемые и на службе, и в [своей] семье, но способные еще обладать твердой волей, ясными намерениями и умеющие вести дела в соответствии с законом» [там же. Гл. XI. С. 36а]. Мы видим, что доходы разных

[21] Так назывались земли в центральных районах Ся.

[22] Управление, которое ведало сбором налогов и транспортировкой на государевы (государственные) склады собранных зерна, сена и топлива.

общин сильно рознились. Они были и довольно высокими, и если за пятьдесят лет — с середины XII до начала XIII в. — цены в Ся существенно не изменились и денежный курс остался также без особенно резких перемен, то вышеупомянутый денежный налог с монастырских земель был невысоким, если не просто символическим.

Буддийские общины создавались при храмах и монастырях с ведома государства, как, собственно, строились и сами храмы и монастыри. Процесс создания новой общины при новом храме также регламентировался, хотя храм и мог быть выстроен или отремонтирован на частные пожертвования. Как мы уже отмечали выше, для начала предписывалось выделять для нового храма монахов из старых общин и только в случае их нехватки допускалось пострижение в монахи новых людей. Таким образом, ядро будущей новой общины составлял храм и выделенные ему монахи и «постоянно живущие», причем число тех и других было прямо связано с пожертвованиями, полученными храмом, оцениваемыми в денежном выражении, т. е. экономическим потенциалом храма [там же. С. 33б–34б].

Община буддистов-мирян создавалась вокруг такого храма и тех вероучителей-монахов, которые были при нем, и процветание храма прямо зависело от его благосостояния, ибо только наличие у общины средств на приличное содержание храма и монахов, наставников в вере, могло гарантировать по закону их достаточное число. Очевидно, что государство не желало видеть бедных монахов, и монах-нищий, не символически, в угоду догмату веры, а действительно живущий подаянием, его не устраивал, что вполне понятно (см. цветную вклейку «Двуглавый Будда. XII в. Эрмитаж»).

Община, группировавшаяся вокруг монастыря или храма, возможно, объединявшая вокруг крупного монастыря ряд мелких храмов, имела свою определенную законом администрацию. Возглавлял ее глава общины, у которого были помощники (заместители). Далее в руководство общины входили инспектора общины и администраторы в должности «решающих дела». Община делилась на группы, каждая из которых возглавлялась старшим группы. Очевидно, только в крупных группах было еще более дробное деление на группы меньшей численности, возглавляемые лицами, должности которых именовались «направляющие». Мы уже упоминали, что должность «направляющий» была низшей административной и командной должностью в тангутском государственном аппарате и тангутской армии вообще (с вариантом «младший направляющий»). В разных звеньях тангутского государственного механизма «направляющие» возглавляли группы людей от нескольких человек до нескольких десятков человек.

Существовал также Совет Великой сангхи. Очевидно, что он ведал делами общин, но был ли он организацией, общей для всей страны, или органом региональным, остается неясным. Упоминается Совет Великой сангхи в следующей статье: «В том случае, когда окажутся вакансии на должности главы общины, [его] помощников, "принимающих решения", старшего в сангхе и другие, относящиеся к высшей администрации общины (*чжун гуаньда*), то если Совет Великой сангхи действительно сделал выбор, то [избранное лицо], соответственно, должно быть возвышено и [должность] должен занять [этот] новый

человек, назначенный снизу. Если же в данной общине нет человека, который мог бы быть возвышен, то на должность должен быть назначен способный человек из другой общины» [там же. С. 33а–33б].

Кроме вышеназванных должностных лиц в каждой общине назначались два эконома (*тицзюй*). «Что касается совместных священных трапез (*шэн ян*) в общинах в [нашем] государстве, то из "постоянно живущих" [при общине], тех, кто прикреплен к ней, два человека назначаются экономами (*тицзюй*), [один] главным, а [другой] помощником. Прочих членов общины назначать экономами запрещается. Когда же закон будет нарушен и будет назначено [экономом то лицо, которое] не имело [на это] права, то и тому, кто назначил, и тому, кто должен быть назначен, одинаково с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок» [там же. С. 33б]. Назначение экономов из числа «постоянно живущих», а не монахов, возможно, было связано с представлением о том, что монахи должны заниматься делами духовными и не иметь прямого контакта с миром корысти и наживы. Мы знаем, что монахам закон запрещал собирать налог и брать в долг что бы то ни было [там же. Гл. IX. С. 7б]. Монахам запрещалось иметь дорогие вещи и оружие — золотые и золоченые ножи, мечи, копья, уздечки, седла, украшать уздечки и седла чистым нефритом и т. п. [там же. Гл. VII. С. 20б–21а]. Монах рассматривался как лицо, удалившееся от мира и семьи. В этом смысле с правовой точки зрения примечательно, что монахи были освобождены от коллективной ответственности по принципу *юаньцзо* — общесемейной ответственности семьи или клана за наиболее тяжкие преступления против государя и государства, совершенные одним из их членов. Если мятежниками оказывались родители монаха, он, вопреки общему правилу, не привлекался к ответственности за их проступок, а если мятежником был сам монах, за совершенное им преступление не отвечали его родители [там же. С. 70]. Как лицам, заботящимся исключительно о духовных интересах людей, монахам наряду с тюремными надзирателями и врачами был разрешен доступ к больным заключенным [там же. Гл. IX. С. 33б].

Должностные лица *сангхи*, монахи, рассматривались как государственные служащие, а не как администрация какого-то общественного организма, независимого от государственного аппарата, ибо они, как и представители всего прочего служилого сословия, гражданского и военного, имели ранги. «Что касается управлений всеми главами монашеских общин, то [они] могут вызывать для получения печатей [лиц, получающих ранги]. Вызывать за получением ранговых печатей [монахов] из больших пограничных общин (*бянь дачжун*) не разрешается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок» [там же. Гл. X. С. 15а]. Не только монах, занимающий должность в государственном управлении, но и монах — должностное лицо в *сангхе* — не имел права получать временное освобождение от службы (отпуск) без разрешения соответствующих органов государственной власти. «Что касается предоставления сроков освобождения от службы государственным наставникам (*го ши*), наставникам в буддийском вероучении (*фа ши*) и наставникам в медитации (*дин ши*), начальнику, [его] помощникам и "передающим приказы" управления достой-

ных и заслуженных, ищущих спасения в дхарме, а также кому-либо из чиновников, состоящих на службе в [этих] управлениях, то [они в случае просьбы об отпуске на срок] от одного до десяти дней, а главные секретари (*чжан ши*) и главы монашеских общин [в случае просьбы об отпуске на срок] в пределах двадцати дней должны обращаться с докладами в управление достойных и заслуженных по принадлежности, а [управление] должно предоставить [им] освобождение от службы. Если же [потребуется освобождение от службы на срок] больший, чем этот, то в донесении должны быть сделаны [соответствующие] изменения. Государственные наставники, наставники в буддийском вероучении и наставники в медитации, не состоящие на службе в управлениях, должны обращаться с донесениями прямо в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или, соответственно, довести свою просьбу до вышестоящих инстанций, а [те, в свою очередь,] должны предоставить им освобождение от службы на срок, который им положен» [там же. Гл. X. С. 6а–6б].

Грамотность и определенная степень буддийской образованности были наиважнейшими условиями как посвящения в монашеский сан, так и тем более получения какой-либо должности в администрации общины и управлениях по делам религии.

«Если кто-либо из юношей, принадлежащих к монашеской общине ищущих спасения в дхарме, читает две сутры — "Лотосовую сутру" и "Праджняпарамита сутру о добродетельном князе, который защитил свое государство", умеет при чтении [священных] текстов совершать ритуальные поклонения, чисто и гладко произносит звуки [языка] санскрита, то [таковые] должны быть представлены главе общины или инспектору общины и [о них] должно быть доложено в управление достойных и заслуженных и, соответственно, в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами. [По этому делу] должны быть опрошены направляющие [этих] юношей, инспектора общины, глава общины, [его] помощники, "принимающие решения", а также имеющиеся налицо люди [из данной общины]. Должны быть вызваны контролеры и те, кто передает дела [на выдвигаемых людей], и наведены [необходимые] справки в списках [населения]. Если [окажется], что эти юноши действительно [хорошего] корня, то [им] должен быть определен устав поведения. Если же они уже усвоили ранее упомянутый [первоначальный устав поведения], то после доклада о том в вышестоящие инстанции [они] должны войти в общину послушников, остающихся в семье. Прочие юноши, придерживающиеся устава поведения простых людей или относящиеся к [лицам] иных категорий, обязаны знать ранее упоминавшийся [первоначальный] устав, хотя [им] и не разрешается становиться членами монашеских общин» [там же. Гл. XI. С. 32а–32б].

«Если в нашем государстве окажутся юноши из числа тангутов, китайцев, тибетцев, те, кто придерживается устава поведения простых людей и принадлежит к общине ищущих спасения в дхарме, или из числа тех, кто ранее принадлежал к общине ищущих спасения в дхарме и которых можно назначить настоятелями, то в том случае, когда [в их числе] имеются знающие от начала до конца и способные толковать [доктрину] *мадхья* и [ее учение] о ста

видах всех качеств разума и его агентах[23], сутру "Хуа янь"[24], [шастру] "Ци синь"[25] и постигшие требующие повседневного выполнения обряды *фа ши* (*видхи*), то государственный наставник, [лица], ранее занимавшие посты настоятелей, учителя специальных дисциплин и имеющиеся знатоки тибетского языка обязаны тщательно изучить их деяния и поведение, и если [данные юноши] действительно постигли [все это], то что касается юношей, придерживающихся устава поведения простых людей, то [они] должны быть введены в монашескую общину, одеты в красное и назначены настоятелями. [Однако] ранги [таковые] получать не могут.

Если [кто-то из таких юношей] уже прежде состоял в общине ищущих спасения в дхарме, то в том случае, когда [они] ищут спасения в дхарме, [они] должны стать монахами. Одинаково, что касается всех тех, кто ранее носил желтое, то [теперь] они обязаны носить красное и могут быть назначены настоятелями. Преданные чиновники могут получить ранг. Что же касается имеющихся среди таковых тангутских и китайских монахов, то равно не знающих [вышеуказанного] запрещается назначать настоятелями» [там же. С. 32б–33а].

Наконец, более высокие официальные требования предъявлялись к буддийской образованности тех монахов, которые должны были уже в полном смысле слова перейти на государственную службу и стать чиновниками Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами. Это равно касалось тангутов, китайцев, тибетцев — тангутское законодательство в принципе, скажем, в отличие от более позднего юаньского, почти не знало прав, вытекающих из факта национальной принадлежности лица. «Если в числе тангутских, китайских и тибетских юношей есть такие, которые хорошо знают и могут читать *сутры* и *гатхи*, то те из них, которым определен устав поведения, по одному или по двое[26], каждый могут быть назначены на должности начальников и "передающих приказы" в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами. Каждая из одиннадцати *сутр* и *гатх*, которые должны уметь читать [означенные лица], указана ниже и должна читаться [ими] в соответствии с установленными правилами. [Кандидатам на эти должности] следует определить устав поведения, и если у знающего [эти *сутры* и *гатхи*] и умеющего читать [их] нет возражений [против его назначения на должность], то [о нем] должно быть доложено в вышестоящие инстанции и [он] должен стать монахом, "покинувшим семью".

---

[23] Кит. *вэй ши чжун дао* и *бай фа* или *вэй бай фа* — доктрина школы Дхармалакшана, согласно которой все вещи являются плодом разума и не содержат сами в себе ничего ни реального, ни нереального. Учение школы Дхармалакшана о ста образах или «вещах» делит их на пять групп: 1) *синь фа* — «восемь восприятий»: глазами, ушами, телом, разумом и т. п.; 2) *синь со ю фа* — «пятьдесят одно состояние духа»: докука, жадность, ненависть, раскаяние и т. п.; 3) *сэ фа* — «пять физических органов и их шесть способов чувствования»: ухо слышит, нос обоняет и т. п.; 4) *бу сян ин син* — «двадцать четыре неопределенных или не ограниченных условиями элемента»: непостоянство, текучесть, время и т. п.; 5) *у вэй* — «шесть бездействий»: пустота, недвижение и т. п.

[24] Да фан гуан фо хуа янь цзин.

[25] Да чэн ци синь лунь.

[26] Один — действительно состоящий на службе, а второй — кандидат на эту же должность.

Сутры на тангутском и тибетском [языках], которые должен уметь читать [кандидат на должность]:

1. Праджняпарамита сутра о человеколюбивом князе, защищавшем государство[27].
2. Истинный смысл имени Маньчжушри[28].
3. [Глава] о деятельности, молитвах и обетах бодхисатвы Самантабхадры[29].
4. Тридцать пять будд[30].
5. Мать святого Будды[31].
6. *Гатха* о счастье, процветании и защите государства[32].
7. Глава о пуса Гуаньинь[33].
8. Поклонение Великой Праджне[34].
9. Всепобеждающая [дхарани] о макушке Будды[35].
10. [Великая дхарани-сутра] о незапятнанной чистоте и блеске[36].
11. Ваджрачхедикапраджня [парамита-сутра], полный текст с *гатхами*.

Сутры и *гатхи* на китайском [языке], которые должен уметь читать [кандидат на должность]:

1. Праджняпарамита сутра о человеколюбивом князе, защищавшем государство.
2. [Глава] о деятельности, молитвах и обетах бодхисатвы Самантабхадры.
3. Тридцать пять будд.
4. *Гатха* о счастье, процветании и защите государства.
5. Всепобеждающая [дхарани] о макушке Будды.
6. Мать святого Будды.
7. О великом молении[37].
8. Глава о пуса Гуаньинь.
9. Сутра павлина[38].
10. *Гуан да фа юань сун*.
11. Славословие Шакья[39]» [там же. С. 34б–35б].

Не оценивая этого списка в плане доктринальном, укажем только, что два сочинения из него были тесно связаны с идеей защиты и способствования про-

---

[27] «Жэнь ван ху го баньжо боломидо цзин». Санскритское название неизвестно. См.: A Catalogue of the Buddhist Tripitaka by Bunjan Nanjio. Oxford, 1883. № 965.

[28] «Вэньчжу пуса цзуй шэн чжэньши мин и цзин».

[29] «Да фан гуан фо хуа янь цзин пусянь пуса син юань пин».

[30] «Фо шо сань ши у фо мин ли чань вэнь».

[31] «Фо шо шэн фо му баньжо боломидо цзин».

[32] Может быть, «Цзисянь цзе гата». См.: [Тангутские рукописи и ксилографы / Сост. З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов. М., 1963. № 74].

[33] Из «Мяо фа ляньхуа цзин».

[34] Текст, точно нам неизвестный. Возможно, какой-либо обрядовый текст, связанный с «Да божо боломидо цзин».

[35] Возможно, сама сутра «Цзуй шэн толони цзин» или часть ее.

[36] У хоу цзин гуан да талони цзин.

[37] Нам не удалось отождествить это название сочинения ни с одним из буддийских произведений на китайском языке.

[38] «Фо шо да кунцюе чжу ван цзин».

[39] «Шицзя фо цзань». Санскритское название неизвестно. См.: [Hobogirin, 1931. № 942].

цветанию государства и включение их в списки на всех трех языках вряд ли является случайным.

Мы не знаем точно, для какой службы использовались чиновники-монахи. Можно только полагать, что из их числа назначались должностные лица, связанные с делами религии. Упоминания о монахах, занимающих чисто светские по своему назначению должности, нам абсолютно неизвестны. Монах отличался от чиновника — светского лица — тем, что не мог передать заслуженные им ранги по наследству. «Если в [нашем] государстве кто-то из монахов, имеющих ранг и получивших дозволение стать [монахом], "покинувшим семью", заявит: "Прошу передать [мой ранг] по наследству сыну или брату!", то принимать [от него] официальное прошение и передавать [его ранг] по наследству не разрешается. Если закон будет нарушен, то тому, кто принял официальное прошение, и тому, кто подавал [его], одинаково с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок» [там же. С. 43б].

Монах мог покинуть общину и снова стать мирянином только с позволения самой общины, ни о каком вмешательстве администрации в эти дела неизвестно, кроме перерегистрации данного лица из списков общины в подворные списки. Выход из общины означал для человека известное поражение в правах в светской жизни. Бывшим монахам запрещалось служить при особе государя, и они могли рассчитывать только на низкие должности и тяжелую работу: «В том случае, когда в [нашем] государстве окажется тот, кто, получив дозволение общины, добровольно решил [снова] стать мирянином, то [таковому] запрещается быть в числе чиновников, которые лично представлены в списках [лиц, претендующих] прислуживать в государевых покоях, на аудиенциях или [служить] постельничими в [спальных] покоях [государя]. Если же [такой человек] пожелает войти в число [лиц] тех категорий, которые исполняют тяжелую работу, — служащих в армии, "ожидающих приказаний", [лиц] для особых поручений, то [о нем] должно быть доложено в вышестоящие инстанции и [он] назначен на службу туда, куда [он] пожелал, и снят с учета [в общине]. Если в числе таковых окажутся те, которых сопровождают юноши-послушники, то [этих юношей] делать служащими вспомогательных войск запрещается, а [они должны получить] специально выделенное [для них] кандидатство на должность» [там же. С. 43а–43б].

Наконец, государство ограничивало претензии общины на наследство умершего верующего. Хотя тангутское право, как и все дальневосточное средневековое право, не признавало при распределении наследства завещательную волю покойного, при выделении доли из наследства общине принималось во внимание именно волеизъявление умершего, правда, только в тех случаях, когда не было законных наследников и имущество покойного должно было отойти государству. «Если какой-либо знатный мужчина или какая-либо знатная женщина сменят тело (умрут) и по окончании семь раз по семи (сорокадевятидневного) поста [в их наследстве] будет иметься нечто, могущее оказаться полезным для государя, то при выделении той доли [наследства], которая должна быть отдана монахам, следует исходить из указанного в распоряжении [покойного], а того, что не вошло туда, просить самим монахам не разрешается. Если же закон будет нарушен и [они что-то] попросят, то тому, кто подал официальную

просьбу, и тому, кто ее принял, одинаково с имеющего ранг штраф одна лошадь, простому человеку тринадцать палок. [Лично] получать [имущество] монахи не должны» [там же. С. 44а].

В обмен на вышеуказанные права контроля над буддийскими общинами государство брало на себя правовую защиту храмов от всяких третьих лиц, посягающих на целостность храмов или их имущество. Данное положение отражено в нескольких статьях кодекса: «Всякому человеку запрещается резать в храме скот, убивать животных и ловить птиц. Если закон будет нарушен, то [виновному] шесть месяцев [каторжных работ]» [там же. С. 44б]. «Государевым гонцам и тем, кто едет по важным делам, всем прочим людям запрещается располагаться на ночлег в любом [буддийском] храме или храме Гуаньда вэньмяо (даосском), въезжать туда верхом, привязывать там любое домашнее животное и испражняться [в храме], а служкам и монахам приводить [в храм], к которому они принадлежат, и оставлять там для проживания женщин из [своей] семьи. Если закон будет нарушен, то [с виновных], имеющих ранг, штраф одна лошадь, простым людям тринадцать палок. Что касается [храмовых] служек, то они должны проживать за пределами [храма]» [там же. С. 44б]. «Любому человеку запрещается проживать в [буддийском] храме и храме Гуаньда вэньмяо (даосском). Когда же закон будет нарушен, то [виновному] выносится наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в храме животного. Если юноша простого происхождения, принадлежащий к общине, должен прислуживать [в храме] и имеет право жить в общине, то [о нем] следует доложить тому, кто ведает [этими делами], а если [он] имеет право жить там, то [его] можно поселить в храме. Когда же [о нем] не доложат и [он] самовольно поселится [там], то [ему] по приговору выносится наказание по закону [о наказаниях за подобные преступления] посторонних людей» [там же. С. 44б–45а].

«Если какой-то человек сочтет необходимым в [буддийском] храме или храме Гуаньда вэньмяо (даосском) пробить стену, вырыть колодец или добывать глину, то [обо всем этом] следует доложить чиновнику, ведающему [этими] делами, и испросить у него письменное позволение, [после чего] следует поступать в соответствии с тем, что было дозволено. Если же закон будет нарушен и [кем-то] не будет испрошено письменное разрешение, а самовольно пробита стена, вырыт колодец или добыта глина, то [виновному] выносится приговор по закону [о наказании] любого человека за проживание в храме» [там же. С. 45а].

Тангутские законы, касающиеся правового положения буддийских общин, были во многом аналогичны соответствующим им по времени сунским, но не идентичны им.

Тангутские законы допускали появление в стране буддийских монахов из других стран и только требовали установления контроля над их проповеднической деятельностью, китайские же вообще запрещали являться в страну иноземным, в частности уйгурским, монахам, предусматривая для нарушителей закона наказание восемьюдесятью ударами палкой [Eichhorn, 1968. P. 68, 170][40]. Если буд-

[40] Первая цифра после кодового номера труда В. Айххорна означает указание страницы немецкого перевода, вторая — воспроизведенного в его книге китайского оригинала.

дийский монах совершал уголовное преступление в тангутском государстве, то он подлежал наказанию, имея право лишь на смягчение его на одну степень по сравнению с мирянами, и если он имел ранг за службу, то на уменьшение его в зависимости от величины своего ранга. Сунские же монахи получили право откупа от наказания за все преступления, наказуемые палками и каторжными работами, т. е., имея средства, фактически могли избавиться от наказания [ibid. P. 1–2, 105]. Тангутский монах, отбыв уголовное наказание, через какой-то срок, пять-шесть лет, мог вернуться в *сангху*. Сунские монахи за совершение более или менее серьезного преступления — кражу, обман, причинение ранения, любое «частное», не затрагивающее интересов государства преступление (*сы цзуй*) или «общественное», направленное против интересов государства преступление (*гун цзуй*), наказываемые ссылкой, или в случае рецидива, повторного совершения незначительного преступления, наказуемого только битьем палками, подлежали неукоснительному возврату в мир [ibid. P. 3, 106].

Сунское право также не допускало принятия монашеского сана без позволения властей, но санкции его, во всяком случае, в конце XII в., в годы царствования Цин-юань (1195–1200), были мягче, чем тангутские. За самовольное обритие головы и ношение монашеских одежд полагалось три года каторжных работ, наставнику, если он знал, что данное лицо незаконно стало монахом, полагалось два года каторги, настоятелю храма или монастыря — сто палок [ibid. P. 29, 128]. Незаконная купля-продажа удостоверений на право постричься в монахи наказывалась двумя годами каторжных работ [ibid.]. Молодому послушнику, если он, даже пройдя экзамены, остригался до получения свидетельства на право стать монахом, полагалось сто палок [ibid.].

Сунское законодательство установило возраст (юношам — с 19 лет, девушкам — с 14 лет), по достижении которого можно было становиться послушником, учеником (*тун син*) и готовиться к принятию монашеского сана [ibid. P. 30, 130]. В тангутском праве таких точных возрастных ограничений не было, хотя, как мы уже отмечали, человеку средних лет или пожилому путь в монашество был, по существу, закрыт.

Как и в тангутском государстве, монахи в Китае не могли покинуть монастырь или отправиться куда-либо без позволения настоятеля и получения соответствующего документа от монастыря или храма. За самовольный уход в зависимости от степени виновности полагалось или 80 палок, или 100 палок и изгнание из монашества [ibid. P. 43, 141]. Тангутское право за самовольный уход монаха карало значительно строже.

Отличались экзаменационные требования для учеников, готовящихся принять монашество. Если тангутские законы точно определяли круг текстов, которые необходимо было знать, то современные им китайские ограничивались указанием на то, что экзаменующийся имел право не читать наизусть «Да божо цзин», а должен был знать наизусть сто листов текстов сутр или уметь правильно читать пятьсот листов текста. Женщинам была сделана скидка до 70 и 200 листов соответственно. Экзаменовала кандидатов государственная комиссия из пяти человек, которую на уровне округа возглавлял заместитель начальника округа — *тунпань*. Экзаменующимся задавалось 10 вопросов, и на все требовалось дать правильные ответы. Отбор был чрезвычайно жестким, и из каждых ста человек,

желающих стать буддийским монахом, выбирали лишь одного [ibid. P. 11, 109; Twitchett, 1956. P. 113–114]. Жак Жерне полагал, что экзамены на право пострижения в монахи были введены по аналогии с экзаменами на получение права на должность в государственном аппарате. По его мнению, в Китае не было традиций монашества и буддизм многое был вынужден копировать с системы организации чиновничества. «Сходство, — пишет он, — зашло достаточно далеко, поскольку светские власти очень скоро установили систему экзаменов для монахов» [Gernet, 1956. P. 91]. Сказанное в полной мере относится и к тангутскому государству, развивавшемуся в русле этой китайской традиции.

В Китае закон запрещал буддийским и даосским монахам общаться друг с другом — положение, отсутствующее в известных нам памятниках тангутского права. Буддийским монахам в Китае было запрещено напиваться до состояния опьянения (наказание — возвращение в миряне), тогда как тангуты к пьянству относились вообще довольно снисходительно, в случае совершения некоторых преступлений состояние опьянения считалось даже смягчающим вину обстоятельством. Китайским буддийским монахам не позволялось иметь дело с женщинами, посещать военные лагеря (наказание — сто палок), заниматься изучением военного дела (два года каторги и ссылка на 500 ли, 250 км), вносить и держать на территории монастыря и в храмах орудия ловли и убийства [Eichhorn, 1968. P. 61, 164–165; 69–70, 171–172]. В сунском Китае, если монах умирал, а также если он изгонялся из общины, настоятель в течение 10 дней был обязан забрать обратно его документы на право быть монахом и его фиолетовую рясу [ibid. P. 64, 167].

Как мы видим, между тангутским и современным ему сунским законодательством есть немало точек соприкосновения. Не совпадая в деталях, и те и другие законы едины в главном — в установлении постоянного и эффективного контроля за деятельностью *сангхи* на территории своей страны.

Более сложным для сопоставления, даже самого поверхностного, является вопрос об экономическом контроле государства над *сангхой*, закрепленном в правовых актах. Мы уже упоминали в начале мнение специалиста в этих вопросах, английского историка китайского Средневековья Д. Твичета, который установил, что в эпоху Тан буддийские общины, монастыри и храмы были в особых по сравнению с мирянами фискальных отношениях с государством, но каких — это остается неясным в деталях. Жак Жерне полагал, что «в принципе монахи и монахини были освобождены от всех повинностей и ни в коем случае не привлекались к работам по трудповинности» [Gernet, 1956. P. 25], хотя такой порядок не соблюдался. При Тан стремление поставить *сангху* под общий экономический контроль вызвало массу споров и придало критике буддизма прежде всего именно социально-экономический аспект. Ко времени существования тангутского государства в Китае этот вопрос в определенной мере был решен. В годы Синин (1068–1086) и после 1145 г. «в два приема», как пишет Жак Жерне, монахи стали облагаться ежегодным налогом *чжу* и *цянь* в размере 15 связок монет, который являлся компенсацией за освобождение их от несения трудовой повинности [ibid. P. 29–30]. Такой налог в тангутском государстве нам неизвестен, но важна общая тенденция к обложению *сангхи* налогом и, следовательно, установлению контроля над ее доходами.

В сунском Китае был известен еще один способ получения государством дохода с *сангхи*, о котором мы пока не встречали упоминаний в тангутских источниках. Как известно, стать монахом можно было только с позволения властей, и с конца Тан продажа властями удостоверений на право пострижения в монахи превращается в обычное дело. При Сун продажа этих удостоверений в отдельные годы достигала такого размаха, что ими торговали на рынках, перепродавая в спекулятивных целях.

Можно указать еще на одно различие между сунским и тангутским законодательством о буддийских общинах. Если в Китае монахи (*сангха*) платили 15 связок монет с души ежегодно, то, по тангутскому законодательству, налог платило не лицо за уход в монашество, своеобразный ежегодный откуп от государства, а вся община, ибо налогом облагался не личный состав общины подушно, а земля общины и сама община в целом. Это больше соответствовало букве учения, теории о *сы фан сэн у*, «имуществе *сангхи* четырех стран света». «Имеется, — говорится в Виная из "Махишасака", — пять видов имущества, которые принадлежат *сангхе* четырех стран света (*чатурдишасангхасья*). Они не должны находиться ни в чьем владении, не могут быть ни проданы, ни поделены. Что же это такое? Это земля, на которой живет *сангха*, постройки, предметы повседневного пользования, фруктовые деревья, цветы и фрукты» [ibid. P. 63]. Отрицая стремление к наживе, буддийское учение на ранних этапах выдвинуло теорию о «восьми нечистых вещах», которыми, по одному из вариантов, являлись золото и серебро, рабы и рабыни, коровы и овцы, зернохранилища, торговля и умение готовить вкусную пищу. Но, как справедливо замечает Жак Жерне, «постоянная собственность (*чан чжу*) буддийской церкви обычно как раз и состояла из этих нечистых имуществ» [ibid. P. 67], которая «очищалась» благодаря принадлежности Трем драгоценностям — Будде, закону и *сангхе*.

Естественно, что государство не могло оставлять без внимания эту «нечистую» собственность, ставшую таким путем «чистой». Частично оно само создавало ее, поддерживая монастыри пожертвованиями земли и людей, которые эту землю обрабатывали. Мы уже упоминали выше, что китайские монахи, как правило, не работали сами на земле. Думается, что подобное же положение было и в тангутских общинах. Это привело к созданию при храмах и монастырях групп людей разного статуса, которые работали на *сангху*. Среди таковых тангутское законодательство четко называет «постоянно живущих» и глухо упоминает каких-то крестьян, о которых пока ничего определенного сказать невозможно. В Китае люди, прикрепленные к буддийским общинам, известны по крайней мере с V в. Это так называемые *сэнци ху* — «семьи *сангхи*» или *сы ху* — «семьи монастырей» [ibid. P. 96–97]. При этом, по утверждению специалиста, «вторжение светских властей в создание "семей сангхи" очевидно» [ibid. P. 99].

О «постоянно живущих» первые сведения были получены из документов, найденных в Дуньхуане. Семьи «постоянно живущих», *чан чжу босин*, могли вступать в брачные отношения только друг с другом, «постоянно живущие» не должны были брать жен или мужей из крестьян, зависимых от светской администрации, *сян сы босин*. Любопытно, что вопреки принципу дальневосточного

права — «приплод остается с матерью (самкой)», принципу, равно распространявшемуся на животных и лично несвободных людей, если мужчина «постоянно живущий» вступал в интимную связь с женщиной, зависимой от светских властей, ребенок, появившийся на свет от такой связи, становился «постоянно живущим», т. е. приписанным к *сангхе*. «Из поколения в поколение, — говорится о "постоянно живущих" в одном из дуньхуанских документов, — наши люди усердно должны исполнять свою работу... Дети и взрослые, каждый из них, должны платить налоги и отбывать трудповинности, установленные монастырем» [ibid. P. 103]. «Постоянно живущие» не были рабами, так как сами могли иметь рабов [ibid.], они, что крайне важно для нашей темы, не были и под безраздельным контролем *сангхи*, так как «светская администрация сохраняла право надзора за этими семьями» и всегда «была информирована о числе монастырских крестьян» [ibid. P. 106].

В Китае, как и в тангутском государстве, списки «постоянно живущих» подавались в государственную администрацию [ibid. P. 103–104]. В Дуньхуане «постоянно живущие» были объединены в группы (*туань*), во главе каждой из которых стоял старший (*туань тоу*) [ibid. P. 104]. О существовании подобных групп в тангутском государстве нам неизвестно. Цитируя один из документов из Дуньхуана (893 г.), Ж. Жерне предположил, что сбор фуража, о котором идет речь в этом документе, был налогом, собираемым с *сангхи* светской администрацией для нужд армии [ibid. P. 107]. Тангутские законы, как мы видели выше, подтверждают, что буддийские общины облагались поставками сена, и тем самым указывают на справедливость догадки Ж. Жерне. При династии Ляо статус крестьян, пожертвованных буддийским монастырям, был определен, пожалуй, наиболее отчетливо. Такие крестьяне именовались *эр шуй ху* — «семьи, облагаемые двумя налогами», один из которых шел на содержание монастыря, храма, *сангхи*, а второй — государству. У киданей эти крестьяне оставались под контролем светской администрации [ibid. P. 110].

Земельные владения буддийских монастырей складывались из пожертвований частных лиц и государства. Мы, кроме этих сведений, не располагаем пока никакими конкретными материалами для изучения земельной собственности или земельных держаний буддийских монастырей в тангутском государстве. Ж. Жерне, исследовавший этот вопрос на китайском материале, пришел к выводу, что монастырям и храмам жертвовались в первую очередь сады, лесистые участки, плантации бамбука, пастбища, но не земли, засеваемые зерновыми культурами и обрабатываемые крестьянами [ibid. P. 120]. «В VIII в., — пишет Ж. Жерне (сведения эти интересны для нас прежде всего благодаря тому, что они касаются будущих территорий тангутского государства. — *Е. К.*), — монастырям Шэньси и Ганьсу государством были пожалованы значительные по размеру пастбища, и можно полагать, что все эти земли не были засеяны, а часто использовались по своему прямому назначению» [ibid. P. 121]. Монастыри получали в пожертвование и обрабатываемые земли, а в эпоху Тан также скупали их у крестьян. При династии Сун эта практика получила самое широкое распространение. В одном из докладов в управление сельского хозяйства от 1075 г. говорилось, что многие простые люди (*босин*) жертвуют, закладывают или продают свои поля и постройки буддийским и даосским храмам и мо-

настырям [ibid. P. 128]. Но государство не оставляло этот процесс бесконтрольным. Если в тангутском государстве, как мы видели, был закон, определяющий число монахов и «постоянно живущих» при монастыре его доходами, то в Китае, еще при Тан, в 722 г., был издан закон, определяющий количество земли, находящейся во владении монастыря, числом монахов и монахинь: если в монастыре было менее 50 монахов, он мог иметь не более 5 цин (27 га) земли, если было более 50 монахов — 7 цин (38 га), а если в монастыре жило больше 100 монахов или монахинь, он мог иметь не более 10 цин (54 га) земли [ibid. P. 130]. В данном случае важно не то, сколь строго соблюдался этот закон, а то, что государство следило за процессом формирования земельных владений монастырей и как-то своей властью стремилось урегулировать его. Нерешенным, в том числе и для тангутского государства, остается вопрос о правах собственности монастырей на пожалованные им земли. В Японии в XII в. земли, пожалованные монастырям, прежде всего рознились по своему источнику. От того, кем был жертвователь, зависели и права собственности монастыря на землю. Если земля была пожертвована государством (императором) или высшими сановниками, монастырь мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Если земля была пожалована простым крестьянином, последний терял с нее какую-то часть доходов и какие-то права на нее, но оставался ее собственником [Asakawa, 1916. P. 313–342]. Вспомним, что единственное имеющееся в нашем распоряжении упоминание по этому вопросу относится к праву монахов продавать землю, пожертвованную именно государем. Это позволяет предполагать возможность наличия в тангутском государстве положения, схожего с тем, которое было в современной ему Японии. Собственно, и государь (в тангутском государстве) не терял полностью прав на землю, а только отказывался от доходов с нее, ибо проданная монахом земля должна была сразу же быть внесена в налоговые регистры и вновь облагаться налогом и повинностями в пользу государя (государства) (см. цветную вклейку «Пещерные храмы Аньси, Юйлинь»).

Не давая точной оценки положения дел в тангутском государстве, укажем, что нам представляется, что, как и в Китае, вопреки некоторым бытующим представлениям буддийские монастыри владели незначительным процентом всех обрабатываемых земель. По подсчетам Ж. Жерне, при Тан к 750 г. монастырям принадлежало всего около 4% обрабатываемых в стране земель [Gernet, 1956. P. 137]. Ж. Жерне мотивированно предполагает, что так называемая экономическая критика буддийских монастырей со стороны чиновничества была вызвана не огромными земельными владениями *сангхи*, а тем фактом, что «монахи, составляя лишь один процент населения всего Китая, владели четырьмя процентами пахотной земли, что уже создавало повод для скандала» [ibid. P. 137].

Определить юридический характер земельной собственности буддийской общины в тангутском государстве, а также в Китае и Японии той эпохи чрезвычайно трудно. Объем власти (права использовать землю по своему свободному волеизъявлению) и интереса (доходов с земли) не был одинаков для разных категорий земель буддийской общины. Вероятно, наиболее перспективным будет исследование этих прав с позиций учения о «разделенной собственности», «do-

minium divisum», предложенного в свое время проф. А. В. Венедиктовым. «Именно под углом зрения разделенной собственности, — писал А. В. Венедиктов, — может быть правильнее всего понят ряд земельных отношений... в частности, ряд переходных форм землевладения, при которых держатель земельного участка, полученного от государства, из временного или пожизненного пользователя превращался в наследственного его владельца и приобретал право распорядителя или с согласия, или под контролем верховного собственника — государства» [Венедиктов, 1948. С. 72]. «Феодальное право признавало за сеньором не только право на определенную долю прибавочного продукта, непосредственно присваиваемого вассалом, но и определенные правомочия по распоряжению леном, определенную долю власти над выделенной в лен землей. В условиях натурального хозяйства этот раздел власти и дохода (интереса) между сеньором и вассалом означал с точки зрения феодального права раздел права собственности на землю между ними» [там же. С. 176]. Решение задачи, определение юридического характера землевладения буддийской *сангхи* требует еще, в частности для тангутского государства, новых материалов и новых дополнительных усилий. Ясно, что здесь смыкались правомочия и правоотношения по меньшей мере трех юридических лиц — *сангхи*, государства и крестьянства. Регулировались эти отношения известными правовыми нормами государства.

Мы не упоминаем о крестьянах, добровольно переходивших под покровительство монастырей, отдавая общине часть урожая [Gernet, 1956. P. 110–112]. Такие факты из тангутских первоисточников нам пока неизвестны. О тех крестьянах, которые как-то зависели от монастыря и на которых монастырь подавал государству списки, ничего не известно в интересующем нас аспекте, а именно: были ли это крестьяне, пожалованные монастырю, или же крестьяне, добровольно перешедшие под покровительство монастыря.

Итак, жизнь буддийской общины в Ся протекала под постоянным контролем государства. Странствующий монах, вольно проповедующий учение, монастырь или храм, возведенные в укромном месте только по желанию верующих мирян и монахов, мирянин, внезапно захотевший стать монахом и простым принятием монашеского обета осуществивший свое стремление жить жизнью духовной, — явления, с позиций действовавшего законодательства, немыслимые в тангутском государстве, да и в Китае тоже. Вспомним, что человек, самовольно исключивший себя из податных списков, подлежал смертной казни, а монах, сменивший без разрешения властей общину, наказывался 12 годами каторжных работ.

Государство держало под постоянным контролем личный состав *сангхи* и ее экономическую деятельность. Оно взимало налоги с доходов *сангхи*. Те льготы, которые *сангха* получала по сравнению с мирянами, оплачивались тем, что она должна была идеологически оправдывать интересы государства и в проповеди учения добиваться от верующих мирян неукоснительного выполнения тех обязанностей, которые государство на них возлагало. Соответствующие тексты были процитированы на первых страницах данной статьи.

В тангутском государстве каждый занимал отведенное ему место и был прикреплен к нему. Сила, которая удерживала данное лицо на его месте, была обратно пропорциональна его положению — чем выше стоял человек на социаль-

ной лестнице, тем слабее он был прикреплен только к данному месту, тем большими возможностями социальной мобильности он обладал. *Сангха* также была вписана в эту гигантскую пирамиду, в основании которой находились лично несвободные люди, частные и государственные, а на вершине — тангутский государь с титулом сына Неба. Монах был лишен права перемещаться из общины в общину по своей воле, и уход от светской жизни означал для человека свободу духовной жизни в рамках, ограниченных буддийским вероучением, где он мог подняться до высот буддийской философии и логики, но не полную личную свободу жить там и жить так, как бы ему хотелось.

РАЗДЕЛ VII

КОНЕЦ СИ СЯ

ГИБЕЛЬ СИ СЯ

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА ТАНГУТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

С 1205 г. начались регулярные нападения монголов на Си Ся. Си Ся было первым государством, на которое напали монголы, добыча была велика и заманчива.

Осенью 1207 г. монгольские войска снова появились у границ Си Ся. «Осенью, — описывает этот поход Рашид-ад-дин, — так как [племена] области Тангут постоянно бунтовали, не платили дани (мал) и не выказывали должного уважения, Чингисхан вторично выступил на войну против них и в ту пору покорил всю ту область и вернулся назад победителем» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 151][1]. На этот раз монголы овладели городом Валохай (Уйрака)[2] и, закрепившись в нем, грабили пограничные области Си Ся до весны 1208 г. Аньцюань собрал войска и блокировал занятые монголами районы. Монголы, в свою очередь, не решались атаковать большую тангутскую армию и ограничивались мелкими нападениями. В пятом месяце (15 июня — 14 июля) 1208 г. из-за жары и нехватки продовольствия монголы покинули территорию Си Ся [ЮШ. Гл. 1. С. 30; Иакинф, 1829. С. 40].

Полностью завоевать тангутское государство, как об этом пишет Рашид-ад-дин («покорил всю ту область»), монголы тогда еще не смогли.

---

[1] Вряд ли тангуты обязывались после нападения 1205 г. платить дань монголам. Они еще были сильны и думали о сопротивлении.

[2] Наименование крепости Валохай совпадает с наименованием столицы Си Ся в мусульманских источниках, в «Сокровенном сказании» и у Марко Поло. Однако мы знаем, что во время похода 1207–1208 гг. монголы не захватывали столицы Си Ся. Видимо, была взята крепость того же или очень похожего наименования. Об этом писал Палладий Кафаров в комментарии на путешествие Марко Поло: «С Еригаем не надобно смешивать Урахай, часто упоминаемый в истории войн Чингисхана с тангутским королевством. Урахай была крепость при одном горном проходе в Алашаньских горах... в них существует более 40 тесных проходов, ведущих в область Нинся. Самый просторный и удобный из них нами называется Чимукоу. Он не более 80 футов в ширину, может быть, при этом дефилее и существовала крепость Урахай» [Кафаров, 1902. С. 21–22]. Аналогичную точку зрения высказывал и Ту Цзи. По его мнению, Улахай — «древний город, находился в монгольском Алашане, на границе с ганьчжоуским уездом Шаньсянь, монгольское название Алакээла» [см.: Ван Го-вэй, [б. г.]. С. 47а].

В 1207 г. чжурчжэни приказали выкупить всех рабов-тангутов, находящихся в Цзинь, и позволить им возвратиться в Си Ся. Это распоряжение, отданное еще до второго похода монголов на Си Ся, возможно, является следствием каких-то переговоров между двумя странами о совместной борьбе с монголами. Во всяком случае, и чжурчжэни явно тревожились за свою судьбу, так как после курултая 1206 г. Чингисхан даже формально перестал признавать себя зависимым от Цзинь.

Весной 1209 г. монгольские войска снова вторглись в Си Ся. Тангутская армия, возглавляемая наследником престола, приняла бой с монгольскими войсками и была разбита. Помощник наследника, главнокомандующий Гао Лин-гун был взят монголами в плен [ЮШ. Гл. 1. С. 30]. В четвертом месяце монголы вторично взяли город Валохай. Несмотря на упорное сопротивление тангутского гарнизона, которым командовал полководец Сиби, город пал [там же]. После этого монголы двинули свои войска к столице Си Ся и вскоре овладели заставой Имынь, защищавшей подступы к городу. Застава Имынь находилась в узком горном проходе и служила местом дислокации одного из 12 военно-административных округов Си Ся. Этот горный проход оборонялся 50-тысячной армией. Когда монгольские войска подошли к проходу, тангуты атаковали их и нанесли монголам поражение. Монголы отступили и стали собирать силы для нового удара. Два месяца обе армии стояли друг против друга. Но тангуты, как всегда, ничего не сделали для закрепления и развития первого успеха. Они выжидали. Через два месяца легкая монгольская конница атаковала лагерь тангутов. Тангуты отразили атаку монголов и начали преследование бегущего противника. И тут они неожиданно попали в засаду, заранее устроенную монголами. Армия Си Ся была разгромлена, многие тангутские полководцы были взяты в плен [там же; ССШШ. Гл. 40. С. 2а–2б].

Осенью 1209 г. монгольские отряды впервые появились у стен Чжунсина — столицы Си Ся. На городскую стену для обороны города поднялся сам государь. Стены Чжунсина оказались достаточно прочными, чтобы выдержать длительную осаду. В то же время у монголов еще не было опыта по взятию больших городов, мастерства осады, которым они овладели позднее, после знакомства с китайской осадной техникой. Стояла глубокая осень. Начались сильные дожди. Монголы решили запрудить протекавшую вблизи реку и затопить город. По приказу Чингисхана была возведена большая плотина. Потоки воды хлынули в город. Много жителей столицы Си Ся утонуло. Аньцюань отправил посольство к чжурчжэням, прося их срочно двинуть войска для оказания помощи осажденной столице. Наиболее благоразумные из цзиньских сановников предлагали императору Цзинь оказать тангутам помощь. «Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас, — говорил один из них. — Лучше уж совместно с Си Ся атаковать их» [ССШШ. Гл. 40. С. 2б]. Однако Вэй Шао-ван, новый государь Цзинь, вступивший на престол в 1209 г., был настроен против тангутов. «Моему государству выгодно, — заявил он в ответ, — когда враги его нападают друг на друга. О чем же [нам] беспокоиться?» [там же]. Неразумная политика чжурчжэней впоследствии дорого обошлась им и миллионам людей разных стран. Отказ императора Цзинь под-

держать тангутов расстроил возможный союз Си Ся и Цзинь, который при условии его неукоснительного соблюдения мог бы еще в то время сдержать монголов.

Пока шли эти переговоры, вода в запруженной реке из-за непрерывных дождей все прибывала. В Чжунсине начали рушиться подмытые водой дома. Вода угрожала стенам города. Вместе с тем напор воды неожиданно спас столицу Си Ся. В двенадцатом месяце (29 декабря 1209 г. — 26 января 1210 г.) бурный поток прорвал сооруженную монголами плотину. Монголы были вынуждены снять осаду и начали переговоры о мире. В «Сокровенном сказании» сохранилось красочное описание переговоров Ань-цюаня (Бурхана, как государь Си Ся именуется в монгольских источниках) с представителем монгольской армии Эда. Бурхан предложил быть правой рукой Чингисхана. Кроме того, он сообщил: «Ужасались мы слухам о славном имени Чингисхана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоей правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко (т. е. живем оседло), а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам.
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно...».

[*Сокровенное сказание. С. 181*]

И поэтому тангуты просили разрешить им поставлять монголам верблюдов, охотничьих соколов и т. п., т. е. платить дань, но не участвовать в их завоевательных походах. Ань-цюань согласился признать себя зависимым от Чингисхана и отдать ему в жены свою дочь [см.: ЮШ. Гл. 1. С. 30]. Тангутская принцесса, известная в источниках по имени Чахэ, стала третьей женой Чингисхана. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы оставили в Си Ся наместника (правителя шихнэ) и гарнизоны [Рашид-ад-дин, 1960. Кн. 1. С. 144]. Монголы вернули обратно тангутского полководца Лин-гуна, плененного в 1209 г.

Поход 1209 г. был первым большим успехом Чингисхана за пределами монгольских степей. Добившись от тангутов признания зависимости, он мог рассчитывать на осуществление своих дальнейших завоеваний. Победа над Си Ся резко возвысила в глазах соседей представление о силе монголов и деморализовала многих их будущих противников. Важнейшим последствием войны явилось и то обстоятельство, что чжурчжэни не поддержали в трудный час своих соседей. После поражения тангутов такой союз стал невозможен. Более того, монголы вскоре вынудили Си Ся начать войну с Цзинь. Война с Ся действительно была «грандиозным маневром» [Grousset, 1941. P. 215], и, поскольку репетиция удалась, монголы приступили к осуществлению своей более важной задачи — сокрушению могущества чжурчжэней, от которых они так долго зависели.

ТАНГУТСКО-ЧЖУРЧЖЭНЬСКАЯ ВОЙНА 1214–1224 гг.

После походов на Си Ся Чингисхан в марте 1211 г. собрал новый большой совет на берегах Керулена. Обсуждался один вопрос — о войне с чжурчжэнями. На этот раз монголы обеспечили себе тылы и фланги и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы потягаться с Алтан-ханами. По мнению Груссэ, Рашид-ад-дин рисует подготовку войны против чжурчжэней «как грандиозный реванш за все старые обиды, причиненные древним монголам древними чжурчжэнями» [ibid. P. 216], ибо в данный момент Чингисхан выступал даже в роли «мстителя за древних владетелей Пекина — китаев (киданей. — *Е. К.*)» [ibid. P. 217]. С 1211 г. монгольские войска начали регулярные нападения на Цзинь.

В конце лета 1211 г. тангуты второй раз решили искать спасения от монголов в смене государя. Ань-цюань, очевидно, не без настойчивых требований окружавших его сановников, отрекся от престола и через месяц на 42-м году жизни скоропостижно скончался. Ему было дано посмертное имя императора Цзинь-му и храмовое имя Сян-цзун.

Несмотря на то что у Ань-цюаня был родной сын Чэн Чжэнь, на престол был посажен Цзунь-сян — ставленник группировки, осуществившей переворот, сын Ци го чжун у вана Янь-цзуна [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Новому государю Си Ся уже было около пятидесяти лет. Раньше он много занимался науками, имел степень цзиньши и даже занял первое место на столичных экзаменах. В 1212 г. Цзунь-сян получил от чжурчжэней грамоту на титул Ся го вана. Чжурчжэни в это время находились в крайне затруднительном положении. Их император был вынужден покинуть среднюю столицу Чжунду (Пекин). Монголы овладели важнейшими центрами Цзинь. Тангуты, выполняя союзные обязательства перед монголами, продолжали пограничные налеты на Цзинь. Они мстили чжурчжэням за отказ Цзинь помочь им в трудную минуту и не скрывали этого. В то же время эти налеты приносили им большую добычу.

И все же связи между Си Ся и Цзинь еще полностью не прекратились. Чжурчжэни надеялись на благоразумие тангутов и поэтому прислали Цзунь-сяну грамоту на титул. В свою очередь, в Си Ся имелось достаточно много людей, считавших войну с Цзинь гибельной для тангутов. Именно благодаря их энергии нападения тангутов на Цзинь ограничивались пограничными набегами.

В 1213 г. чжурчжэньский полководец Хушаху убил своего государя Вэй Шао вана и занял престол. Новый государь Цзинь (Сюань-цзун) ценой громадных усилий в 1214 г. добился заключения мира с монголами. Северные районы Цзинь были оккупированы монгольскими войсками. Новый император избрал своей резиденцией город Кайфэн [История дома Цзинь. С. 333а]. По некоторым данным, в этом же 1214 г. монголы три раза вторгались на территорию Ся [ССЦ. Гл. 27. С. 5а].

Но и после заключения мира с чжурчжэнями монголы продолжали грабить их территории. Тангуты также совершали набеги на границы Цзинь.

С 1214 г. началась война между Си Ся и Цзинь, причинившая большой ущерб обеим воюющим сторонам. Постепенно в войну с Цзинь стало втягиваться и южносунское государство. Си Ся через тибетских монахов вело переговоры с китайскими властями в Сычуани о совместных нападениях на Цзинь [СШ. Гл. 39. С. 277]. Тангуты оказали поддержку восставшему цзиньскому чиновнику из Ланьчжоу Чэн Чэнь-сэну [ЦШ. Гл. 134. С. 827]. Однако вскоре они потерпели два больших поражения, и тангутский цзайсян прислал подарки ко двору Цзинь [там же]. Это не улучшило взаимоотношений Си Ся и Цзинь. Тангутско-чжурчжэньская война затянулась до второй половины 1224 г., и можно смело сказать, что она значительно ускорила уничтожение обоих государств монголами.

В 1216 г. чжурчжэни предприняли большой поход на Си Ся, который в конце года возглавил сам государь Цзинь. Чжурчжэньские войска осадили Яньчжоу, Ючжоу, Сячжоу, Вэйчжоу, Линчжоу и другие важные центры восточных районов Си Ся [там же]. Поход не принес цзиньским войскам большого успеха, тем более что, пока чжурчжэни осаждали города Си Ся, тангуты в союзе с монголами вторглись в западные области Цзинь [там же. Гл. 14. С. 106].

Чжурчжэньские армии спешно возвратились на свои исходные рубежи. На следующий год Сюань-цзун, чувствуя невозможность организовать новый поход против Си Ся, предложил заключить мир [там же. Гл. 108. С. 678]. Но местные военачальники докладывали, что «тангуты категорически не желают заключить мир» [там же. Гл. 134. С. 827]. Чжурчжэни не отправили свое посольство в Си Ся. Через некоторое время чжурчжэням удалось поймать тангутского шпиона, который во время допроса заявил: «Как только Цзунь-сян услышал, что Великая Цзинь желает вести переговоры о мире, он тотчас запретил пограничным чиновникам нападать на ее западные окраины» [там же]. Чжурчжэням осталось лишь сожалеть, что они не отправили посольства. На этот раз они ограничились тем, что отдали приказ своим войскам не нападать на Си Ся [там же].

После вторичной осады монголами столицы Си Ся в 1217 г. некоторые тангутские государственные деятели активно выступили за заключение мира с чжурчжэнями. Один из руководителей шуми — Су Янь-синь настаивал на немедленном мире с Цзинь и заключении союза с чжурчжэнями для совместной борьбы против монголов [ССШШ. Гл. 41. С. 1а], последнее нападение которых ясно показало, что они не оставят Си Ся в покое. Первоначально этой придворной группировке удалось добиться некоторого успеха. В 1218 г. в Баоань, Суйдэ и Цзячжоу были получены письма из Си Ся, в которых тангуты просили открыть пограничные рынки и установить прежние отношения между странами.

По мнению цзиньских сановников, эта инициатива исходила от самого Цзунь-сяна [ЦШ. Гл. 134. С. 827]. Склонялись к миру и чжурчжэни. Однако, когда в первой половине 1219 г. цзиньский двор рассматривал мирные предложения тангутов, он расценил их как попытку усыпить бдительность чжурчжэньских войск на границах Си Ся. Удобный момент для союза против монголов был упущен. С 1218 г. основные силы монголов были заняты войной на западе. Союз Ся и Цзинь и дружное выступление против монголов с тыла могли бы поставить Чингисхана в трудное положение. Но взаимная вражда тангутов и

чжурчжэней, подогретая пятилетней войной, и страх перед монголами, понуждавшими тангутов к этой опасной для них войне, брали верх над благоразумными доводами тех немногих, кто и при тангутском, и при цзиньском дворах понимал всю пагубность этой войны.

Поскольку война не прекращалась, тангуты решили искать себе союзника. В 1218 г. во владения Сун пробрались два буддийских монаха с секретным письмом из Си Ся, в котором тангуты выражали желание «вместе с китайцами обдумать план операций против чжурчжэней, чтобы возвратить захваченные ими земли» [СШ. Гл. 486. С. 3796].

В 1219 г. между тангутами и чжурчжэнями происходили непрерывные военные столкновения. Источники упоминают о том, что в этом году чжурчжэни думали предпринять попытку возвратить Ланьчжоу, который, по-видимому, ранее был занят тангутами. Но от этой попытки они вскоре отказались, сославшись на дальность и тяжесть пути [ЦШ. Гл. 113. С. 712].

В 1220 г. тангуты овладели рядом новых пограничных областей Цзинь в Шэньси. Как раз в этот момент чжурчжэни приняли решение перенести столицу в Чанъань и поэтому расквартировали большие воинские силы в городе Гунчжоу, одновременно направив в Си Ся письмо с предложением о мире [СШ. Гл. 486. С. 3796]. Наличие больших армий Цзинь на границе с Си Ся встревожило тангутов. Цзунь-сян спешно послал своих послов в Сычуань. Один из командующих китайскими войсками — Не Цзы-шу — приказал привести в боевую готовность пограничные гарнизоны. К концу года между тангутами и китайцами была достигнута договоренность о совместном выступлении. Решили, что сунские войска будут штурмовать города, а тангутские — действовать в открытом поле. Осада Гунчжоу союзными войсками кончилась их поражением. Город не был взят, а тангуты и китайцы потеряли более 10 тыс. человек [там же. Гл. 40. С. 281]. Это сразу охладило пыл союзников. В дальнейшем они так больше и не смогли договориться о совместных действиях. Помешали этому и возвратившиеся с запада монголы, которые принудили тангутов сопровождать их отряды в походах на Цзинь.

Коварство монголов и то крайне тяжелое положение, в котором оказалось тангутское государство из-за длительных войн с Цзинь и грабительских набегов монгольских орд, вновь и вновь заставляло государственных деятелей Си Ся выступать с предложениями о мире с чжурчжэнями.

В 1223 г. Цзунь-сян собрал войска всех 12 военных округов, намереваясь снова напасть на Гунчжоу. Один из видных чиновников цензората, Лян Дэ-и, подал по этому случаю доклад государю, в котором писал: «Страна воюет уже более десяти лет. Поля ее опустели, народ оказался в тяжелом положении. Хотя даже женщины и дети знают, что государство находится на краю гибели, сановники во дворце распевают хвалебные песни, а по ночам устраивают пиры. У них связаны языки, а рты как будто зажаты клещами. Сам наследник престола печалится о своем отце и алтаре предков. Он предложил широкий план действий. Но его правдивые слова не были услышаны. В одно прекрасное время престол будет уничтожен, а [его обладатели] сами позорно изгнаны и заключены в тюрьму. Разве небо ежегодно не предвещает несчастья? Я надеюсь, что Вы, государь, окажете помощь народу и восстановите мир с соседними страна-

ми. Призываю вернуться в Голубой дворец[3] и пополнить его запасы. Тогда вскоре и сановники, и народ с охотой повинуются, и опасности будут преодолены» [ССШШ. Гл. 41. С. 16б–17а]. За этот смелый доклад Лян Дэ-и уволили со службы, и последние годы жизни он провел в изгнании. Однако силы оппозиции были уже настолько значительны, что в конце 1223 г. Цзунь-сян был вынужден отречься от престола в пользу своего второго сына Дэ-вана, а сам принял титул Верховного императора.

Первый сын Цзунь-сяна Дэ-жэн незадолго до этого отказался от права на престол. В начале 1223 г. Цзунь-сян отправлял Дэ-жэна в поход против Цзинь. Дэ-жэн был противником продолжения войны с чжурчжэнями и в ответ на распоряжение отца сказал: «Войска противника очень сильны. Не лучше ли заключить с ним мирный договор?» Цзунь-сян ответил смеясь: «Это не тебе знать. Они потеряли Ланьчжоу и так и не смогли вернуть его. Какая же у них сила?!» Дэ-жэн еще более настойчиво стал уговаривать его не предпринимать похода. Однако Цзунь-сян даже не захотел его слушать. Тогда Дэ-жэн просил лишить его прав наследника престола и решил стать монахом. Цзунь-сян разгневался и сослал Дэ-жэна в Линчжоу. Засуха и неурожай, однако, все равно заставили государя Ся отказаться от похода, а затем и от престола в пользу своего второго сына Дэ-вана [ЦШ. Гл. 134. С. 827–828]. Приняв титул Верховного императора, Цзунь-сян удалился вслед за сосланным первым сыном в Линчжоу. По этому случаю город Линчжоу был объявлен западной столицей Си Ся, а город Чжунсин (Синчжоу) — восточной.

Немногим более чем через два года Цзунь-сян скончался на 64-м году жизни. Его посмертное имя — император Ин-вэнь, храмовое имя — Шэнь-цзун [СШ. Гл. 486. С. 3796].

Дэ-ван пришел к власти уже в преклонном возрасте. Однако он сразу проявил себя решительным и энергичным государственным деятелем и спешно принял самые неотложные меры для обеспечения безопасности Си Ся. Дэ-ван немедленно предложил чжурчжэням заключить мир и приложил много стараний для повышения боеспособности тангутской армии.

В конце 1224 г. между Си Ся и Цзинь был заключен мирный договор. Отныне Цзинь стало именоваться старшим братом, а Си Ся — младшим. В переписке каждая из сторон пользовалась своим девизом лет правления. Тангуты пытались выторговать для себя ежегодные выплаты, но их попытки не увенчались успехом [ЦШ. Гл. 134. С. 828]. Долгожданный мир облегчил положение Си Ся, но не принес спасения тангутскому государству. Война Си Ся с Цзинь, продолжавшаяся более десяти лет, принесла обоим государствам десятки тысяч загубленных жизней, голод и разорение. Пока Си Ся и Цзинь истощали друг друга в этой ненужной войне, монголы атаковали тех и других, не встречая должного сопротивления.

И Ань-цюань, и Цзунь-сян не смогли мобилизовать все силы тангутского государства для борьбы с монгольской опасностью. Борьба за власть при дво-

[3] Голубой дворец (Цин гун) — образное название дворца наследника престола и часто его самого. Лян Дэ-и призывал Цзунь-сяна вернуться к рассмотрению и осуществлению планов наследника престола Дэ-жэна.

ре, отсутствие единой политической линии приносили большой ущерб обороноспособности страны. Пример тому — бесславная десятилетняя война с чжурчжэнями.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ НА СИ СЯ. ГИБЕЛЬ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как уже упоминалось, монголы заставили тангутов выступить в поход вместе с ними против Цзинь. Первый такой поход состоялся в конце 1216 г. Тангуты условились с монголами о нападении на район Яньани. Они напали на заставу Тунгуань и взяли ее [ЦШ. Гл. 14. С. 106].

А через год коварные союзники во второй раз напали на столицу Си Ся. Очевидно, монголы рассчитывали покончить с тангутским государством накануне великого похода на запад. Их притязания к своим невольным союзникам были так велики и провокационны, что тангуты просто были не в состоянии выполнить все требования монголов. В таких условиях монголам нетрудно было отыскать благовидный предлог для нападения на Си Ся.

В 1217 г. монгольские войска форсировали Хуанхэ и осадили Чжунсин, предварительно захватив и разграбив города, встретившиеся на их пути. Цзунь-сян струсил, отказался лично возглавить оборону. Он приказал наследнику престола, своему старшему сыну Дэ-жэну, оставаться в столице и защищать ее, а сам уехал в Силян. Оттуда он выслал к монголам посольство просить мира и заранее был готов принять любые их условия [ЮШ. Гл. 1. С. 31; ЦШ. Гл. 15. С. 111]. Цзунь-сян возвратился в столицу только тогда, когда монгольские войска отступили.

Поскольку монголам сразу не удалось овладеть столицей Ся, а повторение столь же длительной осады не входило в их расчеты, они согласились на заключение мира.

Прежде всего монголы потребовали, чтобы тангуты приняли участие в их походе на запад против государства Хорезм-шахов. По сведениям «Сокровенного сказания», посол Чингисхана обратился к тангутскому государю со следующим требованием: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ, который порвал мои златые бразды».

Тангуты категорически отказались участвовать в походе. По словам «Сказания», «не успел еще Бурхан (т. е. Цзунь-сян. — *Е. К.*) дать ответ, как Аша-гамбу и говорит: "Не иметь силы, так незачем и ханом быть". И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом». Оскорбленный отказом, Чингисхан пообещал расправиться с тангутами после возвращения из Западного похода. «Мыслимо ли стерпеть такое оскорбление от Аша-гамбу? — сказал он. — За подобные речи что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но оставить это сейчас, когда на очереди другие задачи. И пусть сбудется это тогда, когда с помощью Вечного Неба я ворочусь, крепко держа золотые бразды» [Сокровенное сказание. С. 186–187].

В то время когда монгольские армии сражались в оазисах Хорезма, на берегах Инда и в далеких степях южной России, оставшийся наместник в современном Пекине монгольский полководец Мухали продолжал войну с Цзинь. Хотя тангуты и отказались участвовать в походе на запад, у них не хватило решимости совершенно порвать с монголами. В 1221 г. Мухали обратился к тангутам за разрешением провести войска через территорию Си Ся для нападения на цзиньский округ Цзячжоу. Тангуты пропустили монгольскую армию.

Кроме того, Цзунь-сян выслал 50-тысячный корпус, который присоединился к монголам. Монголы овладели Цзячжоу и решили оставить в городе гарнизон, так как Цзячжоу являлся важным стратегическим пунктом на тангутско-чжурчжэньской границе. Это известие взволновало Цзунь-сяна, который понимал, сколь опасным было такое соседство для него. Тангутский посол Мину обратился к Мухали с запросом. Во время приема встал вопрос о церемониале. Мухали заявил Мину: «Ты смотришь снизу вверх на своего государя, твой государь — на моего государя — вот таков церемониал!» Мину ответил: «Я не могу совершить коленопреклонения, не получив на то приказа». Он уехал, и тангутские войска покинули монгольский лагерь. Чтобы припугнуть тангутов, Мухали напал на Яньань. Тогда тангутский посол преподнес в дар монгольскому полководцу коня и совершил коленопреклонение [ЮШ. Гл. 119. С. 892; Гл. 149. С. 1071; ССЦ. Гл. 27. С. 21а–21б].

В последние дни 1221 г. тангуты вместе с монголами напали на крепость Аньсайбао, но были разбиты чжурчжэнями [ЦШ. Гл. 112. С. 707]. В этом же году на службу к монголам перешел тангутский полководец Ебу Ганьбу [ЮШ. Гл. 132. С. 920].

Летом следующего 1222 г. тангуты опять вместе с монголами напали на Цзинь [там же. Гл. 149. С. 1071]. Цзунь-сян выполнял все указания монголов. Монголы почти совсем перестали считаться с ним. В 1223 г. они обвинили тангутов за неудачу в одной из битв с чжурчжэнями и напали на тангутский округ Цзиши (район Кукунора). Десять дней монгольские отряды грабили и убивали местное население. Получив известие о том, что чжурчжэни приняли решение атаковать их с тыла, монголы отступили [ССШШ. Гл. 41. С. 16а–16б].

В это время Цзунь-сян отрекся от престола. Сменивший его Дэ-ван приложил все силы для укрепления обороноспособности страны. Узнав о смене правителя Си Ся, происшедшей без их ведома и не в их пользу, монголы выслали войска для устрашения тангутов с заданием опустошить центральный горный район Си Ся — Хэланьшань. На этот раз монголам пришлось столкнуться с тангутскими войсками. Они не смогли нанести им поражение и впервые были вынуждены удалиться ни с чем. К тому же командовавший монгольскими войсками Ши Тянь-сян был тяжело ранен стрелой в голову [ЮШ. Гл. 147. С. 1059].

Весной 1224 г. Дэ-ван открыто порвал отношения с монголами. Он принял все меры, чтобы прекратить войну с Цзинь. Ко всем племенам к «северу от песков» (Гоби) он отправил тангутские посольства с предложением заключить союз против монголов. Тангутам удалось добиться согласия отдельных племен поддержать их в борьбе против монголов. В ответ на это монголы совершили два новых нападения на территорию тангутов. Они осадили Шачжоу, но месячная осада города не принесла им победы. Подкоп, который они подвели

под городскую стену, был обнаружен тангутами и по приказу их командующего Цзипа Сыи «забросан огнем». Много монголов погибло, и они были вынуждены снять осаду [ССШШ. Гл. 42. С. 1а–1б].

Вторая группа монгольских войск осенью 1224 г. атаковала Иньчжоу. Тангутский полководец Тахай вывел свои войска навстречу монголам и принял бой. Сражение было упорным, и в нем участвовали с той и с другой сторон довольно большие армии. Монголы, предводительствуемые Болу и Лю Хэйма, разбили тангутов, которые потеряли в этом сражении убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек. Иньчжоу был взят монголами и разграблен. Возвращаясь, монголы угнали с собой несколько сот тысяч голов скота, захваченного у окрестных кочевников [ЮШ. Гл. 119. С. 893; Гл. 149. С. 1068][4]. В это время поступило известие о скором возвращении монгольских армий из похода на запад. Все северные союзники Си Ся моментально отказались от прежнего союза и рассеялись по степи.

Дэ-ван решил вступить в переговоры с Чингисханом. В феврале 1225 г. Чингисхан вернулся в свою орду. Одной из причин его быстрого возвращения были перемены, происшедшие в Си Ся. «Чингисхан, — сообщает Джувейни, — решил возвратиться из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного возвращения его было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали между подчиненными смуту и мятежи» [Juvaini. 1956. P. 139].

Известие о неверности тангутов привело Чингисхана в негодование. В марте монгольский посол прибыл в Си Ся и потребовал от Дэ-вана, чтобы тот послал к Чингисхану в качестве заложника своего сына. Тангутский двор был в растерянности. Отказать монголам — значит дать им повод для нового нападения. Об этом говорил на заседании совета шумиши Ли Юань-цзи: «Своим отказом мы сами дадим им повод для войны. Положение Цзинь катастрофическое. Они (чжурчжэни) сами не в состоянии обороняться. Разве они смогут помочь нам?» Он и другие сановники предлагали послать наследника престола заложником к Чингисхану. Но Дэ-ван отказался последовать их совету. «Я только что восстановил мир с Цзинь, — сказал он, — и надеюсь общими силами устоять против северного врага. Жэн — мой единственный сын. Послать его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться. Зачем спешить!» [ССШШ. Гл. 42. С. 3а]. И он отказал монгольскому послу. Кроме того, Дэ-ван принял врага Чингисхана — Чилагэсякуня [ЮШ. Гл. 1. С. 32]. Этим самым он открыто бросил ему вызов.

Вся страна готовилась к обороне. Сторонники войны с монголами обращались к Дэ-вану с различными проектами спасения родины. Нам известен текст доклада чиновника цензората Чжан Гун-пу. В семи пунктах доклада излагалась обширная программа укрепления государства. Чжан Гун-пу предлагал:

1. Собрать всех разбежавшихся во время голода и войн людей. Всем возвратившимся на старое местожительство дать жилье, продовольствие и одежду.

2. Послать посольство к монголам и дать Чингисхану в заложники наследника престола, чтобы у монголов не было повода немедленно начать войну.

[4] *Между прочим, крайне любопытно, что в биографии Лю Хэй-ма тангуты названы Си Ся тан-у* — сисяские тангуты.

3. Восстановить разрушенные города и водоемы и подготовиться к обороне. «Все крепости, построенные на путях в Хэси, которые граничат с противником на протяжении 1000 ли, или испорчены, или не существуют», как можно скорее привести в боевую готовность.

4. Научиться оборонительному бою. При этом Чжан Гун-пу самые большие надежды возлагал на «цянов из Суйчжоу и Ючжоу, на которых опирались при создании государства и которые из поколения в поколение выступали против Сун и Цзинь».

5. Создать систему сигнализации между Си Ся и Цзинь. «Обе страны должны установить на границе сигнальные огни и организовать разведку. Если одна сторона предприняла поход, то другая откликнулась бы на него, если одна сторона оказалась бы в трудном положении, то другая пришла бы ей на помощь. Тогда у наших войск будет высокий боевой дух и на нас никто не осмелится напасть».

6. Ввести строгую экономию, чтобы обеспечить создание запасов для армии. «На страну обрушились бедствия войны. Народ беспокоится, не имеет времени для обработки земли и ткачества. При этом казна истощается. Сейчас во дворце и управлениях [чиновники] проматывают средства. Заслуженные сановники и родственники государя получают высокие награды. Следует прекратить расточительство и ввести строгую экономию, чтобы снабдить армию средствами для походов. Войско укрепится, если будет достаточно продовольствия».

7. Выждать удобный момент и нанести удар по противнику [ССШШ. Гл. 42. С. 3б–5а].

Проведя эти мероприятия, Чжан Гун-пу надеялся вывести страну из создавшегося положения.

Основной задачей он справедливо считал разгром монголов. Для этого в качестве первого шага Чжан Гун-пу предлагал создание мощной армии и укрепление обороны страны. Вторым этапом он считал нападение на противника, т. е. поход против монголов. Основными условиями выполнения этого плана предполагались подъем экономики страны, временный мир с монголами, союз с Цзинь и опора на коренное тангутское население страны. Последнее из условий выполнения плана представляет особый интерес. По-видимому, после гибели Ляо и разгрома Северной Сун в Си Ся было очень много перебежчиков из этих государств.

Возможно, это в какой-то мере даже ослабило Си Ся, пришельцы чаще и быстрее выражали недовольство, и им гораздо легче было сменить одного покровителя на другого. Этим, на наш взгляд, и может быть объяснено особое выделение Чжан Гун-пу роли коренных тангутских племен в усилении обороноспособности государства. Полное осуществление планов Чжан Гун-пу и других подобных проектов, возможно, дало бы некоторые результаты.

Но для этого у тангутов не оказалось времени. В конце 1225 г. Чингисхан лично встал во главе монгольских войск и выступил в поход на Си Ся. Перед походом Чингисхан отправил Дэ-вану письмо следующего содержания: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия

мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, совершив сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета» [Сокровенное сказание. С. 189–190].

Вся сила первого удара монгольских войск обрушилась на Хэйшуй (Эдзина, Хара-Хото). Весной 1226 г. город Хара-Хото оказался в руках монголов [ЮШ. Гл. 1. С. 32]. В боях за Хэйшуй тангуты потеряли несколько десятков тысяч человек.

Летние месяцы монголы, спасаясь от жары, провели в горах Хэйчуйшань. Отсюда они совершали грабительские набеги на окрестные районы Си Ся. В начале лета 1226 г. монголы овладели Сучжоу. Город оказал им упорное сопротивление. Чингисхан, разгневанный тем, что город долго не сдается, приказал, как только город падет, вырезать всех его жителей. После взятия Сучжоу монголами гибели избежало лишь сто шесть семей [там же. Гл. 1. С. 32; Гл. 122. С. 916]. Большой цветущий город превратился в деревню.

Овладев Сучжоу, монгольские войска повернули на восток, к сердцу тангутского государства. На их пути стоял большой город Ганьчжоу. Осада Ганьчжоу длилась недолго. Город пал, его населению была дарована жизнь. Это необычное для монголов решение было вызвано следующим обстоятельством. У командующего гарнизоном Ганьчжоу Цзюйе Целюй была некогда любимая наложница, которая родила ему сына. Не желая делать ее первой женой, он удалил ее от себя. Когда мальчик, которого назвали Чахань, подрос, мать рассказала ему о своем изгнании и сообщила, что у его отца от его первой жены тоже есть сын, младший брат Чаханя. В детстве Чахань как-то раз пас скот в степи. Играя, он втыкал в землю палку, вешал на палку шапку и совершал перед ней коленопреклонения, пел песни и танцевал. За этим занятием его и застал однажды во время охоты Чингисхан. Пораженный столь необычным поведением мальчика, он спросил Чаханя, почему тот кланяется шапке. Чахань ответил, что, если он один, он поклоняется шапке, если же с ним есть кто-нибудь, то он почитает старшего. Ответ настолько понравился Чингисхану, что тот взял Чаханя к себе в услужение — Чахань участвовал во многих походах монголов и к моменту войны с Си Ся служил тысячником в монгольской армии. Во время осады Ганьчжоу Чахань привязал к стреле письмо, в котором объявил своему отцу, командовавшему обороной Ганьчжоу, о своем присутствии в монгольских войсках, уговаривал его подчиниться и просил показать ему младшего брата. Цзюйе Целюй был склонен подчиниться монголам. Он принял прибывшего для переговоров монгольского посла и показал Чаханю с городской стены его младшего брата. Одновременно он готовил город к капитуляции.

Группа патриотически настроенных горожан, возглавляемая Ачжо — помощником Цзюйе Целюя, приняла решение обороняться до конца. Ачжо и его сторонники убили Цзюйе Целюя и его сына, а вместе с ними прикончили и монгольского посла. Несмотря на все усилия горожан, Ганьчжоу не выдержал длительной осады и пал. Ачжо и все его люди погибли в бою. Чингисхан

решил истребить всех жителей Ганьчжоу, а город сровнять с землей. Лишь слезные мольбы Чаханя спасли городское население от истребления, а город — от полного разрушения [ЮШ. Гл. 120. С. 899; Рашид-ад-дин, 1952. С. 144–145].

Бедствия, причиняемые монгольским нашествием, были усугублены страшной засухой, обрушившейся на Си Ся летом 1226 г. «Во всех городах Хэси травы и деревья пожелтели от засухи. Населению нечего было есть» [ССШШ. Гл. 42. С. 8б].

В начале осени 1226 г. монгольские войска подошли к Лянчжоу. Командующий гарнизоном Ва Чжацзэ сдал город монголам без сопротивления [ЮШ. Гл. 1. С. 32; Гл. 146. С. 1054]. Вскоре смежные с Лянчжоу области Си Ся также были захвачены монголами.

В это время скончался Дэ-ван, предпоследний государь Си Ся, отчетливо понимавший, что его государство и династия находятся на краю гибели. На тангутский престол взошел один из тангутских князей — Наньпин ван Сянь (Шидурку — в монгольских и мусульманских источниках) [СШ. Гл. 486. С. 3796][5].

Осенью 1226 г. монгольские армии в девяти местах форсировали Хуанхэ и заняли уезд Инли, граничивший с округом Ланьчжоу [ЮШ. Гл. 1. С. 32]. В конце года монголы осадили Линчжоу. Стотысячная армия Ся под командованием Вэймин Лин-гуна дала генеральное сражение монголам под стенами этого города. Подробности этой грандиозной битвы неизвестны. Завершилась она полным разгромом тангутской армии. Линчжоу пал. Перед монгольскими войсками был открыт путь к столице Си Ся. В одиннадцатом месяце 1226 г. (21 ноября — 20 декабря) монголы в третий раз осадили Чжунсин [там же. Гл. 120. С. 899]. Последняя осада столицы тангутского государства длилась около года. Весной 1227 г. Чингисхан покинул монгольский лагерь под Чжунсином с намерением подчинить еще не находящиеся под властью монголов крайние западные и южные области Си Ся. Ускоренным маршем монгольские отряды двинулись к тибетско-тангутской границе и овладели городом Цзиши [там же]. Оттуда Чингисхан повернул свои войска вновь на север и овладел Шачжоу [там же. Гл. 122. С. 916]. В боях за Шачжоу монгольские войска понесли большие потери и даже едва избежали поражения, попав в устроенную тангутами засаду.

После взятия монголами Шачжоу в основном все области Си Ся оказались под властью Чингисхана. Только столица еще продолжала оказывать сопротивление. Население Ся «зарывалось в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел» монголов [ССЦ. Гл. 28. С. 116]. Но спаслись лишь один-два человека из ста. «Белые кости покрыли степь» [там же]. В течение года тангутское государство было, по существу, стерто с лица земли. Его столица была обречена на скорую гибель. Жаркое лето отсрочило падение Чжунсина. Чингисхан укрылся от жары в горах Люпаньшань.

[5] По мнению П. Поуха, Шидургу является монгольским переложением тангутского титула «Those» (тибетское Dro-rje) — «блестящий», великолепный, который соответствовал монгольскому титулу «хан» (дай) [Poucha. P. 285].

Рис. 61. Обломки каменных стел, установленных на могилах тангутских императоров

Сянь начал с монголами переговоры о капитуляции. Тангутский государь объявил монголам: «Если [Чингисхан] даст мне отсрочку, согласится считать меня сыном и в этом поклянется, то я выйду [к нему]» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 144]. Монголы согласились дать тангутам месячный срок для подготовки к капитуляции.

В это время Чингисхан сильно заболел. Умирая, он приказал никому не говорить о его смерти и убить государя Си Ся, как только он явится в монгольскую ставку для переговоров. По сведениям одних источников (Рашид-ад-дин), Чингисхан умер до капитуляции Си Ся. По другим данным («Сокровенное сказание»), он умер вскоре после падения Чжунсина. Во всяком случае, когда Сянь со своей свитой прибыл в ставку Чингисхана, он немедленно был умерщвлен.

Монголы овладели столицей Си Ся и подвергли ее страшному опустошению. Падение Чжунсина совпало с сильным землетрясением, которое разрушило до основания и без того истерзанный долгой осадой город. Государство Си Ся перестало существовать [ССШШ. Гл. 42. С. 14а].

Население тангутского государства подверглось поголовному избиению. Особая ненависть монголов к тангутам была вызвана тем, что они оказывали монгольским войскам долгое упорное сопротивление, и тем, что именно на тангутской земле нашел свою гибель Чингисхан. В «Сокровенном сказании» в уста Чингисхана вкладываются следующие слова, якобы сказанные им после уничтожения Си Ся: «Так как я истребил тангутов до потомков их и даже до последнего раба — Мухули-мусхули-угай-болган, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: "Мухули-мусхули-угай"» [Сокровенное сказание. С. 191].

Возможно, и не говорил Чингисхан этих страшных слов, но бесспорно, в «Сокровенном сказании», героическом эпосе, посвященном памяти Чингисхана и составленном после его смерти, нашла отражение та жестокая расправа, которую монголы учинили над населением Си Ся. Мрачный кортеж мчался мимо разрушенных и сожженных городов тангутского государства, убивали всякого встречного — человека и зверя на земле, птицу в воздухе, рыбу в воде. Так везли прах великого полководца в его родную Монголию.

О жестоком истреблении тангутов сообщают и более поздние источники. Джувейни в «Истории завоевателя мира», которая была написана им в 1252–1253 гг., так повествует о завоевании Си Ся: «Когда Чингисхан возвратился из земель запада в свой старый лагерь на востоке, он выполнил свое намерение против Тангута. И после этого целый район был очищен от злобы его врагов и они все были завоеваны и порабощены...» [Juvaini, 1956. P. 180].

Юаньский автор Юй Цзи писал: «Ся погибло. Области и уезды опустошены войсками. Храмы и школы разрушены до основания. Только в Ганьчжоу остались от них незначительные следы. В Синчжоу есть доска от ворот храма императоров да вырезанный на камне текст песни "Линчжи"[6], сочиненной государем Ся. В Лянчжоу есть дворец и крытая галерея» [Юй Цзи. Гл. 4. С. 46].

Так трагически кровью тангутского народа была вписана последняя страница в историю Си Ся.

Тангутское государство первым приняло на себя удар монголов. Вражда Си Ся и Цзинь, которую монголы ловко использовали, помешала в первые годы монгольских завоеваний организации единых антимонгольских действий на Дальнем Востоке.

Тем не менее война с Си Ся и Цзинь потребовала от монголов больших усилий. Попытки покончить с тангутами и чжурчжэнями до похода на запад окончились неудачей. И Си Ся, и Цзинь оказали монголам более упорное сопротивление, чем Кучлук, овладевший троном кара-китайских гурханов, чем войска Хорезм-шаха, чем правители Ирана. Как раз в то время, когда монгольские войска вышли в южнорусские степи и происходила знаменитая битва при Калке, Чингисхан получил известие о подготовке тангутов к войне, об их попытках, отчасти успешных, создать антимонгольскую коалицию в степях самой Монголии, наконец, известие о столь нежелательном для него мире между Си Ся и Цзинь. Именно поэтому монголы были вынуждены приостановить военные действия на западе. Дальнейшее завоевание Си Ся, а затем и Цзинь (в 1234 г.) задержало монголов на Дальнем Востоке. Поэтому мы считаем себя вправе указать на то, что упорное сопротивление, которое оказали тангуты и чжурчжэни монголам, примерно на десять лет отсрочило вторжение монголов в Восточную Европу.

Именно на этом трагическом этапе его истории судьба тангутского народа оказалась тесно связанной с судьбами многих племен и народов Азии и Европы, над которыми нависла угроза монгольского завоевания.

О СУДЬБАХ ТАНГУТОВ И ИХ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СЯ

Итак, в начале сентября 1227 г. монгольские конники ворвались в сдавшуюся на милость победителей столицу Си Ся — город Чжунсин. Почти все население тангутской столицы было уничтожено. Ее храмы, дворцы и библиотеки обращены в развалины. Некогда цветущие оазисы опустели. Многие города лежали в развалинах. Часть из них, даже такие многонаселенные в прошлом, как Сячжоу, Иньчжоу, Ючжоу, Шичжоу и др., так и не были восстановлены после монгольского нашествия. На месте процветавшего Белого Высокого го-

[6] Линчжи — грибовидное растение, которое, по преданию, вырастает в тех случаях, когда государь чтит старцев и заветы старины. Символ благоденствия и долголетия.

сударства Ся на карте Азии появилась область Тангут[7], территория которой после завоевания монголами всего Китая была поделена между провинциями Ганьсу и Шэньси.

Чтобы побежденные помнили о покорности, а победители — о славе оружия предков, в 1287 г. столичный округ Си Ся получил название Нинся, что означало по-китайски «усмиренное Ся» [ЮШ. Гл. 60. С. 456]. Рашид-ад-дин (1247–1318), труд которого был закончен в 1311 г., сообщает, что первоначально монголы называли территорию Ся Кашин, от китайского Хэси, земли к западу от реки Хуанхэ. «Когда Кашин, сын Угедэй каана и отец Кайду, скончался, имя Кашин стало запретным (курик). С этого времени снова называют эту страну Тангут, и ныне (т. е. на рубеже XIII–XIV вв. — *Е. К.*) ее также именуют этим названием» [Рашид-ад-дин, 1953. С. 143][8].

В течение всего XIII в., несмотря на уничтожение тангутского государства, входившие в него ранее области продолжали рассматриваться как единое целое. Марко Поло, посетивший эти края между 1271–1274 гг., проехал всю территорию Си Ся с запада на восток. И всюду при описании виденных им городов он указывает на их принадлежность к «стране Тангут», «тангутской большой области», «области Тангут» [Путешествие Марко Поло, 1910. С. 74–96].

Не раз упоминают о Тангуте совершившие то же путешествие, что и Марко Поло, в одно с ним время, только в обратном направлении, христианские монахи — уйгуры Саума и Маркос [История Мар Ябалаха III, 1958].

Очень долго это название сохранялось у монголов за территорией, лежащей между Ордосом и Хамийским оазисом с востока на запад и между пустыней Гоби и горами Наньшань с севера на юг.

Марко Поло впервые подробно ознакомил Европу с географией Азии. Но на одной из первых средневековых европейских карт Азии, составленной на основе сведений Марко Поло в 1375 г., область Тангут не обозначена. Указан лишь самый большой город области — Ганьчжоу. Вероятно, при составлении карты были учтены более поздние сведения Одорика, посетившего Китай в 1327–1329 гг. и указавшего бывшую территорию Си Ся под китайским названием — Ганьсу [Cordier, 1895. P. 19; 1896. P. 434, 445–446]. Был ли указан Тангут на «карте монгольской Азии», полученной в 1318 г. папой Иоанном XXIII, нам неизвестно [Bernard, 1933. P. 6].

В зависимости от источника информации — монгольского или китайского — данная местность и именовалась в европейских источниках то Тангут, то Ганьсу.

Название Тангут встречается на первых русских картах Сибири и Северного Китая, составленных во второй половине XVII в. Так, на одной из первых карт Сибири, составленной в 1667 г. в Тобольске под руководством воеводы Петра Годунова, мы встречаем упоминание о «земле тангутской». «Земля тангутская» указана на карте между «мугальцами» с запада и «царством китайским» с востока.

---

[7] «Как проедешь тридцать дней по той степи, о которой я говорил, тут город великого хана Сасион, страна зовется Тангутом» [Путешествие Марко Поло, 1909. С. 74]. Сасион — город Шачжоу.

[8] Уже в середине XIII в. (в 1252–1253 гг.) Ата Малик Джувейни писал о Си Ся как о стране Тангут.

Данная карта была составлена в самом Тобольске, а приложенное к ней описание основывалось на показаниях «тобольских служилых людей, приезжих бухарцев и служилых татар» [Андреев, 1960. С. 40–41]. Упоминается область Тангут и на другой карте Сибири, известной как чертеж А. А. Виниуса и датируемой 70–80-ми годами XVII в. Среди указанных на карте местностей обозначена «земля Тангутска, в сей орде всего 32 города» [там же. С. 54]. Русские карты Сибири XVII в. составлялись по показаниям местных татар и приезжих купцов, торговавших с Монголией и Китаем. Основные сведения о Китае были сообщены монголами, среди которых бывшая территория Си Ся и даже Тибет долгое время были известны прежде всего под именем Тангут[9], по названию того народа, с которым монголы столкнулись здесь впервые.

Мирза Хайдар, который писал свою историю в Кашмире в 1544–1547 гг., упоминает Тангут как южную границу первоначального местожительства татар. Он уже счел необходимым пояснить, что такое Тангут: «Имя Тангут часто упоминается в могульских историях. В начале завоеваний Чингисхана он послал туда армию.

Уктай-каан также, когда приводил в порядок свои владения, послал несколько лиц в Тангут среди прочих мест; и из того, как о нем говорят историки, очевидно, что это была очень важная провинция. К тому времени король этой страны носил имя Шидурку. Большинство историков считают, что их армия насчитывала 800 тыс. человек. Однако в настоящее время даже неизвестно, где он (т. е. Тангут. — *Е. К.*) был» [Dughlat, 1895. P. 360].

Португальцы, первые из европейцев, прибывшие в Китай морским путем в 1514 г., как и все купцы и миссионеры, последовавшие за ними, сразу знакомились с основными провинциями собственно Китая. Для них бывшая территория Си Ся была прежде всего далекой провинцией Ганьсу. Так она и обозначена на первых современных картах Китая начиная с XVIII в., например в атласе Дюгальда.

Название Тангут сохранилось за тибетоязычными племенами Ганьсу и Кукунора как в европейской, так и главным образом в русской литературе XIX в., где мы встречаем его, например, у Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлова и других путешественников. В данном случае и западноевропейские, и русские авторы опирались на монгольскую традицию, не лишенную, в свою очередь, реальных исторических оснований, как будет показано в дальнейшем.

История человечества изобилует фактами уничтожения целых государств и народов. В этом смысле судьба тангутов Си Ся не представляет собой чего-то особенного. Но гибель целого народа, редко истребляемого поголовно, никогда не была единовременной. Всегда это был более или менее длительный процесс вымирания и ассимилирования, процесс, своеобразный для каждого народа. И пути исчезновения тангутского народа и затухания культуры Си Ся сложились по-своему.

[9] «В древности Сицзан назывался Туфань. При династиях Юань и Мин он стал называться Усыцзан. Другие называли его Тангут, а также Тубот» [Шэн у цзи. Т. 5. С. 103].

Во время многократных походов монголов на Си Ся, и особенно во время похода 1226–1227 гг., значительная часть населения Си Ся была уничтожена. Тем не менее через 30–50 лет после гибели Си Ся европейские путешественники пишут об области Тангут как о процветающем районе Монгольской империи. По сведениям В. Рубрука, относящимся к 1253–1255 гг., тангуты «храбрые люди», у которых «водятся очень сильные быки (яки. — *Е. К.*) и которые пользуются своим письмом» [Иоанн де Плано Карпини, 1910; Рубрук, 1910. С. 109, 110, 155]. Марко Поло сообщает, что в Тангуте «городов и замков тут довольно», народ занимается земледелием, ремеслами и торговлей [Путешествие Марко Поло, 1910. С. 74–96].

Поэтому, казалось бы, существует некоторое противоречие между сведениями источников об истреблении тангутов и последующими наблюдениями путешественников, побывавших в этой стране. На наш взгляд, это кажущееся противоречие можно объяснить следующим образом.

Во-первых, несмотря на проявленную монголами жестокость, часть населения Си Ся уцелела. Более того, через 30 лет оставшиеся в живых тангуты оказались в монгольском государстве даже в привилегированном положении, попав позднее в высшую категорию покоренного населения Китая — сэму. В Тангуте сложились, таким образом, более благоприятные жизненные условия для тангутов и мусульман, составивших вместе с монголами большинство городского населения бывшей территории Си Ся. Приток населения из Монголии и областей Запада был как раз второй причиной расцвета городов Тангута. Тангут оказался в центре великого караванного пути, связывающего восточную и западную части Монгольской империи. Возрождение этих городов происходило, таким образом, на новой экономической и даже этнической основе и было связано со значительной заменой состава их населения.

Однако еще более значительные сдвиги происходили в составе сельского населения, в среде тангутских кочевников и земледельцев, составлявших основу тангутского народа. Монголы вытеснили тангутов с самых удобных кочевий и прежде всего заселили плодородные степи и полупустыни Ордоса и Алашаня. Тангутские скотоводы, оставшиеся в этих районах после гибели Си Ся, вскоре также были вынуждены откочевать на юг — юго-запад, в Амдо и горы Наньшань, куда уже до этого бежало много их соплеменников.

Соседний Тибет с его родственным тангутам населением был главным и естественным приютом беженцев из Си Ся.

Как известно, тангуты заселили Ордос, а затем и Алашань после переселения в эти районы в VII в. из области междуречья верховьев Янцзыцзяна и Хуанхэ. Как в монгольскую эпоху, так и в наши дни среди минягского населения Амдо имелись и имеются потомки древнего минягско-дансянского населения, из среды которого вышли тангуты Си Ся, и одновременно потомки тангутов, бежавших на юг в XIII в. Возможно, что первые проживают в основном в северо-западных районах Сычуани, вторые — в верховьях Хуанхэ, близ озера Кукунор.

Наличие минягского населения в Амдо и связь его с бывшим населением Си Ся отмечаются многими авторами, и все они соглашаются с возможным его происхождением из двух указанных выше источников. Французский тибето-

лог Р. Штейн справедливо задавал вопрос: «Не вызвано ли расположение минягов в современном Сикане, подтверждаемое по меньшей мере до XVIII столетия, переселением населения севера на юго-запад после уничтожения королевства Ся Чингисханом?» [Stein, 1951. P. 227].

Думается, что мы вправе ответить на этот вопрос утвердительно. Наличие племен минягов в районе Кукунора подтверждается наблюдениями Г. Ц. Цыбикова. Минягов он лично встречал в районе озера Дабусун-нур, монголы-олоты сообщили ему о племенах минягов, живущих на севере Кукунора [Цыбиков, 1919. С. 60, 431]. Н. В. Кюнер в свое время в работе «Описание Тибета» писал: «Районом скрещивания... различных рас является Кукунор и прилегающая часть Ганьсу на севере и востоке; здесь монголы отчасти вытеснили, отчасти ассимилировали коренных жителей средневекового тибетского (тангутского) королевства Си Ся (X–XIII вв.) и вместе с дунганами, бывшими тюрками, образовали закваску в последующем процессе смешения племен» [Кюнер, 1907. С. 23].

Подобные высказывания исходят из наличия в Амдо племен минягов и оправданного предположения о переселении в Амдо части тангутских племен после гибели Си Ся. В тибетских источниках мы обнаруживаем прямые указания на переселение тангутов. В некоторых тибетских хрониках сохранилась генеалогия государей Си Ся. По мнению Р. Штейна, исследовавшего эту генеалогию, «нет сомнений, что генеалогия, данная тибетским текстом под названием минягов, подразумевает королей Си Ся, по меньшей мере в первой ее части» [Stein, 1951. P. 236].

Всего в генеалогии указано 17 государей, из них 8 — после последнего государя Си Ся, убитого Чингисханом. В хронике отмечается, что после гибели Си Ся государи тангутского рода, бежавшие в Тибет, утвердились в качестве владетелей одного княжества, находящегося в Западном Тибете, неподалеку от Сиккима. И самое интересное, что короли Сиккима «также претендуют на то, чтобы их рассматривали в качестве потомков минягов» [ibid. P. 236–237]. Это единственное известное нам прямое свидетельство о переселении тангутов в Тибет после гибели Си Ся.

В китайских источниках население китайско-тибетской границы еще с Сунской эпохи именуется сифань [Thomas, 1948. P. 64–68]. Очень любопытно, что этот же термин мы встречаем в ксилографированных изданиях Си Ся на китайском языке. В послесловиях к сутрам не раз указывается, что та или иная сутра читалась на языках сифань, фань и китайском. При этом под языком сифань в данном случае в Си Ся подразумевался тибетский язык. (Сами себя, как мы помним, по-китайски тангуты называли фань, на родном языке — ми.)

После гибели Си Ся название сифань было перенесено китайскими авторами и на тангутское население Си Ся. Встречается термин «сифань» и в «Мин ши»: «Сифань, т. е. си цян (западные цяны), состоят из многих племен. Они живут вдоль всей западной границы от Шэньси через Сычуань до Юньнань» [Мин ши. Гл. 330. С. 2333]. В монгольском языке для населения Северо-Восточного Тибета закрепляется наименование тангуты, в тибетском — собирательное амдова. Об одной из групп населения этого района Г. Ц. Цыбиков писал: «Тангут называют этих людей монголы. Сами они называют себя или бо(д)

ба, т. е. тибетец, или амдова (амдосец), или еще по более частному названию своего племени, например, миньяг» [Цыбиков, 1919. С. 57]. В языках различных народов племена Северо-Восточного Тибета получили разное наименование. Но все эти имена, как справедливо объяснил В. Рокхилю один тибетский лама, были «взаимозаменяемыми» [Rockhill, 1958. P. 278] и обозначали в конечном счете одну и ту же группу племен. Племена этой группы смешивались между собой, в их среду проникали и инородные, в частности монгольские, элементы. И мы можем полагать, что немалую роль в процессе этого смешения сыграли тангуты Си Ся, покинувшие свою родину после нашествия монголов. Таким образом, исчезновение значительной части тангутского народа как народа самостоятельного связано с растворением его в общей массе родственных тибетоязычных племен Амдо. Неслучайно многие авторы указывают на возможную связь языков и диалектов Амдо с исчезнувшим языком Си Ся — сопоставление, которое действительно в какой-то мере должно помочь исследованию тангутского языка [Roerich, 1958. P. 6].

Вторым путем исчезновения населения Си Ся была ассимиляция его монголами. За четверть века войн с Си Ся монголы много раз уводили с собой на север большие группы пленных, которые оставались в Монголии и постепенно там ассимилировались. В биографии мастера-лучника Долотая, тангута по происхождению, рассказывается, что его дед Сячоу после покорения Чингисханом Си Ся был вывезен в Монголию. В Монголии Сячоу дали имя Цеяньулань и назначили сотником мастеров-лучников. Сячоу скончался в Каракоруме (Хэлинь). Изготовлением луков занимались все потомки Сячоу — сын Тархутай, внуки Коко и Долотай [ЮШ. Гл. 134. С. 952][10]. Одновременно в монгольскую армию включаются тангутские отряды [там же. Гл. 122. С. 916].

По свидетельству Рашид-ад-дина, «из племени тангут было множество эмиров» [там же] при юаньском дворе. К их числу относился Учаган-нойон, командир главной тысячи Чингиса, а затем при Угедэе командующий всеми монгольскими войсками на границе Китая. Старшим эмиром большой орды жены Чингисхана был тангут Бурэ-нойон [там же]. Мы находим тангутских полководцев в войсках Бату-хана в России (Сили кяньбу) [там же. С. 916] и в монгольских гарнизонах Ирана [Рашид-ад-дин, 1960. С. 145].

Биографии многих юаньских полководцев, тангутов по происхождению, помещены в «Юань ши». Один из них, Ли Хэн, происходил из правящего тангутского дома Вэймин (Юйми, в транскрипции «Юань ши»). Вэй-чжун, отец Ли Хэна, был внуком последнего государя Си Ся. Семилетний Вэй-чжун просил, чтобы и его убили вместе с отцом.

Однако один из монгольских князей взял Вэй-чжуна в свой дом. Вэй-чжун служил в монгольской армии и отличился во время завоевания Китая. Его сын Ли Хэн в 1270 г. стал темником, а в 1278 г. был назначен командую-

[10] В «Алтан дебтере», в песне, которая поется при поднесении кобыльего молока тенгриям весной в связи с культом Чингисхана в Ордосе, есть следующее место: «Доля четырех детей верных мастеров, отдавших силы государевой службе: ордосского Сира, китайского Вана, сартаульского Кенгуя и тангутского Балбу. Они, начиная с государя, всем делали панцири и доспехи, сокрушали заклятых хвастливых врагов. У этих мастеров крепость серого камня, они всей правдой служили великому государю» [Жамцарано, 1961. С. 223].

щим монгольскими войсками на юге Китая, в Гуандуне, и овладел Гуанчжоу (Кантоном). В 1282 г. Ли Хэн вышел в отставку, но вскоре получил приказ императора сопровождать наследника престола в походе во Вьетнам. Здесь Ли Хэн и погиб в возрасте 50 лет, настигнутый отравленной стрелой. Один из его сыновей служил темником в монгольской армии [ЮШ. Гл. 129. С. 959–960].

Аньбо, монгольский полководец-тангут, отличился в войне с мятежным князем Найянем и за свои заслуги был назначен Хубилаем командующим тангутским сторожевым отрядом при дворе государя. После смерти Аньбо был пожалован титул гуна области Нинся [там же. Гл. 133. С. 984]. Из правящего дома Си Ся происходил и полководец Буянь Тэмур. Он отличился во время подавления восстаний местных племен на юге Китая (1352 г., провинция Хугуан) [там же. Гл. 144. С. 1044]. Важные посты на юге Китая занимал тангут Синдзи, предки которого, начиная с прадеда Доцзи, служили монгольским ханам [там же. С. 1044–1045]. Тангут Фу Шоу был знатоком китайских классиков и служил президентом министерства финансов. При последнем императоре Юань Шунь-ди (1333–1368) он участвовал в подавлении восстания племен мяо на юге Китая. Погиб при взятии минскими войсками одного из городов Южного Китая [там же. С. 1045–1046].

Кроме того, видными монгольскими полководцами, тангутами по происхождению, были Епу-ганьбу [там же. Гл. 132. С. 977] и его внук Цзяо-хуади [там же], а также Ли Чжэнь (Вочэнь) [там же. Гл. 124. С. 917], Лайабачи [там же. Гл. 129. С. 955] и многие другие. Все эти наиболее известные деятели монгольской армии из числа тангутов были окружены своими родственниками и соплеменниками. Родовые связи в среде тангутов были всегда весьма сильны.

Поэтому мы вправе считать, что часть тангутов была ассимилирована монголами. Об этом свидетельствует и наличие монгольских племен тангут в современной Монголии. «Тангуты, уведенные в качестве пленных в Монголию, — писал Г. Е. Грум-Гржимайло, — образовали там отдельную этническую группу, о чем свидетельствуют роды "тангут" "тангы-стут" и др. среди халхасцев в хошуне Ушин и др. Они кочевали, по-видимому, в Хангайских горах» [Грум-Гржимайло, 1926. С. 597].

Цыбэн Жамцарано писал об ордосских монголах: «По племенному составу ордосцы составляют такую же пеструю картину, как и чахары. Наряду с уйшин, далат, хангин встречаются херейты (кереиты), чахары, тангуты, уйгурчины и пр.» [Жамцарано, 1961. С. 194]. Интересно, что и в Иркутской области до сих пор есть бурятский хошун Тангут[11].

Ассимиляция тангутов монголами, несомненно, имела место и среди тангутского кочевого населения, оставшегося на бывшей территории Си Ся. Ордос и Алашань очень быстро были целиком заселены монголами, и оставшееся там тангутское население было ассимилировано ими или откочевало на юг.

[11] Эти сведения были сообщены автору заведующим кафедрой монгольской филологии ЛГУ Д. А. Алексеевым и старшим научным сотрудником Бурятского комплексного научно-исследовательского института Г. А. Туденовым, за что автор, пользуясь случаем, выражает им свою благодарность.

Итак, вторым не менее важным фактором в исчезновении тангутского народа была ассимиляция тангутов монголами.

Третья группа тангутов, главным образом ученое сословие и городское население Ся, была китаизирована.

Первым свидетельством этого являются сведения о переселении части тангутов после гибели Ся в Южный Китай. Так, например, в первой половине XIV в. в городе Чжэньцзян проживало три семьи тангутов, состоящих из 35 человек, и 19 тангутов-одиночек [Moule, 1936. P. 161–162].

Тангутские ученые в период существования государства Ся, как правило, владели китайским языком и хорошо знали китайскую литературу. Китайский язык был для них вторым языком, и естественно, что после гибели Си Ся избежавшие гибели или перебравшиеся в Южный Китай тангуты вскоре заняли видное место среди ученых юаньского Китая.

Для характеристики деятельности тангутских конфуцианцев при династии Юань, людей, блестяще образованных и в результате некитайского происхождения пользующихся особым доверием монголов, характерна карьера Гао Чжи-яо. Семья его из поколения в поколение давала государям Си Ся ученых служилых людей. Сам Гао Чжи-яо получил степень цзиньши. После гибели тангутского государства он укрылся в горах Хэланьшань близ столицы Си Ся. Однажды Угэдэй потребовал представить ко двору способных людей из старых знатных семейств Си Ся (Хэси). В числе других к нему был отправлен и Гао Чжи-яо. Угэдэй принял его на государственную службу. В лице Гао Чжи-яо конфуцианские ученые Китая приобрели при монгольском дворе стойкого защитника их интересов. В 1237 г. он выступил в защиту своих соотечественников, конфуцианских ученых Лянчжоу, притесняемых вторым сыном Угэдэя Кодуанем (Годаном). Гао Чжи-яо предложил возобновить при юаньском дворе систему государственных экзаменов, чтобы отделить конфуцианцев от общей массы покоренного населения и позволить им служить монголам в качестве чиновников, учителей, ученых. В 1238 г. его предложение было принято, и монголы начали брать на государственную службу конфуцианцев. В 1251 г. Гао Чжи-яо добился от Мункэ освобождения конфуцианцев от трудовой повинности. Когда некоторые ученые-конфуцианцы юга Китая при завоевании его монголами были обращены в рабство, Гао Чжи-яо добился от Хубилая их освобождения.

Гао Чжи-яо был ученым академии Ханьлинь, созданной при юаньском дворе. В 1237 г. по его предложению в юаньском государстве был учрежден традиционный китайский орган управления — цензорат (юйшитай). Гао Чжи-яо убеждал монгольских чиновников, укрепившихся на китайской земле, во всем следовать китайским законам. Некоторое время Гао Чжи-яо занимал высокие посты по управлению бывшей территорией Си Ся [ЮШ. Гл. 125. С. 933–934]. По мнению известного американского синолога Л. К. Гудрича, Гао Чжи-яо был «одним из самых выдающихся конфуцианских ученых тринадцатого столетия». Л. К. Гудрич считает, что именно деятельность Гао Чжи-яо помогает нам объяснить резко возросший интерес монгольского двора к образованию в последние годы правления Хубилая [Goodrich, 1957. P. 3]. В 1288 г. в юаньской империи было уже 24 тысячи ученых-конфуцианцев и 143 частные академии [ibid.]. Сын Гао Чжи-яо, Жуй, как и его отец, работал в академии Ханьлинь и одно время

занимал должность помощника командующего тангутскими военными отрядами [ЮШ. Гл. 125. С. 934].

Другим видным ученым юаньской эпохи, тангутом по происхождению, был Юй Цюэ. Его предки из поколения в поколение были военачальниками Си Ся. Сам Юй Цюэ с детства проявил большие способности к литературе. В 1333 г. он получил степень цзиньши и поступил на государственную службу, а затем работал в академии Ханьлинь. В это время он принимал активное участие в работе комитета Токто по составлению истории династий Ляо, Цзинь и Сун. Последние годы жизни Юй Цюэ провел на юге Китая, где командовал войсками, подавлявшими восстание местных племен мяо и яо. Как и Ли Хэн, он скончался от ран, и ему посмертно был пожалован княжеский титул. При династии Мин на месте его погребения был воздвигнут храм [там же. Гл. 143. С. 1041–1042].

Нам известна также судьба тангутского ученого Дорчи. Представители рода, из которого происходил Дорчи (рода Ва, судя по имени отца Ва Чжанцзэ), неизменно служили историографами при тангутском дворе. Гао Чжи-яо помог Дорчи сохранить имя и титул предков. В 15-летнем возрасте Дорчи уже прекрасно знал китайскую классику — «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Шу цзин» и другие и отлично разбирался в комментаторской литературе. В его биографии упоминается любопытный факт. Хубилай, «принимая во внимание, что сыновья и младшие братья (бывших государственных деятелей. — *Е. К.*) Си Ся талантливы, пожелал устроить для них экзамен и взять на службу [тех, кто его выдержит]». Дорчи удачно выдержал этот экзамен и был направлен на службу на родину, в Тангут. Он добился согласия монгольского двора на устройство в Тангуте военно-земледельческих поселений. Благодаря его трудам началось восстановление ирригационных сооружений страны. Последние годы своей жизни Дорчи служил в Юньнани, там же продолжали жить и служить его потомки [там же. Гл. 134. С. 990].

Как знаток и умелый комментатор китайских классиков прославился и тангут Иляньчжэнь Бань. Вначале он служил в личной охране императора Жэньцзуна (1312–1321), а с 1319 г. перешел в академию Ханьлинь. С 1322 г. он — командир тангутского отряда императорской стражи, затем эконом наследника престола и один из высших чиновников Ганьсу. Одно время ему было поручено командование русским сторожевым отрядом в императорской резиденции. Иляньчжэнь Бань скончался в 1354 г. в Центральном Китае. Ему посмертно был пожалован княжеский титул. Его сын Пудашили был придворным историографом [там же. Гл. 145. С. 1047].

Из «Юань ши» мы также знаем о тангутском ученом Ян Дорчжи, с которым император обсуждал китайских классиков и танское сочинение «Чжэнь-гуань чжэн яо». Ян Дорчжи был женат на китаянке. После смерти ему был пожалован титул Гуна государства Си Ся. Сын Ян Дорчжи пошел по стопам отца и трудился в академии Ханьлинь [там же. Гл. 179. С. 1261]. Другие тангутские ученые и сановники тоже прочно оседали в Китае. В Сычуани жил и служил тангут по происхождению Тохудань [там же. Гл. 134. С. 993]. Тангут Гуаньиньду был уже уроженцем округа Синьчжоу (современный уезд Синьсин, Гуандун). В 1327 г. он получил степень цзиньши и стал правителем департамента Гуйдэ (провинция Хэнань) [там же. Гл. 192. С. 1334].

Таким образом, в юаньском Китае было довольно много выходцев из Си Ся и их потомков, которые занимали высокие административные посты и славились своей ученостью[12].

Тангуты имели то преимущество, что они, пожалуй, единственные из народностей группы сэму, были прекрасными знатоками конфуцианства и одновременно пользовались доверием монголов. И когда такие люди потребовались монголам, овладевшим всем Китаем, они нашли их в тангутском ученом сословии. Как свидетельствует несколько вышеприведенных биографий, тангуты-чиновники были рассеяны по всему Китаю. После гибели династии Юань в 1367 г. они, наполовину окитаившиеся до этого (смешанные браки, употребление главным образом китайского языка, чисто китайское образование), при династии Мин постепенно были совершенно ассимилированы китайцами. «После гибели империи Си Ся, — пишет Ван Чжун, — правящий род и часть фаней (тангутов) слились с китайцами, большинство остальных фаней (тангутов) приняли китайскую культуру, на центральные районы Си Ся полностью распространялась китайская культура и к концу династии Юань они уже ничем не отличались от внутренних областей (Китая)» [Ван Чжун, 1962. С. 31].

Таков был третий путь исчезновения тангутского народа.

Сохранились ли непосредственные потомки тангутов Ся? По мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, прямые потомки тангутов Ся в настоящее время «населяют только Наньшань и северное подгорье последнего» [Грум-Гржимайло, 1926. Т. II. С. 670]. Позднее мнение Г. Е. Грум-Гржимайло разделял Ю. Н. Рерих, так же как и Г. Е. Грум-Гржимайло, лично посетивший Ганьсу и смежные районы Тибета. Он считал, что для исследования языка и письменности Си Ся в первую очередь нужно было бы обследовать «язык северных миньяков, кочующих в горах Наньшань к северу от Хохо-нура (Кукунора. — *Е. К.*), этих прямых потомков тангутов, основателей царства Си Ся. Интересно провести обследование группы сифаней Тоба, которые в настоящее время почти перешли на китайский язык, но сохранили песни на тибетском наречии миньяков» [Рерих, 1958а. С. 111–112]. Эти исключительно важные свидетельства двух русских ученых-путешественников, лично посетивших указанные районы, позволяют думать, что и в настоящее время среди тибетских племен Ганьсуйского и Сикан-Тибетского автономных районов Китая могут быть обнаружены прямые потомки тангутов Си Ся. Ю. Н. Рерих считал, что после гибели династии Юань сифани Тоба постепенно утрачивали свой язык и все больше и больше китаизировались.

Вместе с тангутским народом исчезла и тангутская культура. Тангутская культура как часть культуры тибетоязычных народов сыграла свою роль в истории культуры Центральной Азии.

---

[12] При жертвоприношениях Чингисхану, когда происходил разлив вина и раздел мяса жертвенных животных, монголы всегда вспоминали и тангутских сановников, которые служили их предкам. Ц. Жамцарано писал, что раздел порций имел глубокий смысл «как воспоминание заслуг, оказанных разными лицами и племенами в деле создания монгольского государства... Во время таких разделов выделялась также доля детей мудрых советников, послуживших верой и правдой: первого советника Оджеу, Уйгурского Сармана, Тангутского Гоо и Татарского Гохо, известных своей честностью. А о будущих делах они узнавали от государя, непосредственно напоминали ему о мнениях Совета и охраняли государственную безопасность» [Жамцарано, 1961. С. 222].

Культурное влияние тангутов на монголов было, по-видимому, значительным. На раннем этапе истории монгольского государства это сказалось в заимствовании монголами некоторых элементов культуры Си Ся, в частности в принятии при монгольском дворе тангутской церемониальной музыки [ЮШ. Гл. 68. С. 523], в использовании тангутских ремесленников, например лучников, о чем говорилось выше, и т. п. Позднее оно проявилось в широком привлечении монголами на службу тангутских ученых. Тангутские ученые внесли немалый вклад в сохранение традиций китайской культуры при юаньском дворе.

Среди дошедших до наших дней культурных памятников династии Юань есть и работы, принадлежащие кисти тангутов.

Мы уже упоминали о том, что тангут Юй Цюэ, писатель и государственный деятель Юань, участвовал в составлении историй династий Ляо, Цзинь и Сун. Собрание его сочинений существует и поныне под названием «Цинян шань фан цзи». В «Сы ку цюань шу цзун му ти яо» Юй Цюэ характеризуется как представитель своеобразного направления в поэзии [Цинь дин сы ку цюань шу цзун му ти яо, 1910. Цз. 167. С. 67]. Среди составителей истории династии Сун был и поэт-каллиграф тангут Ва Юй луньду. Его стихи также сохранились до наших дней и включаются в сборники юаньской поэзии [Флуг, 1933. С. 160]. К. К. Флуг, собравший сведения о тангутах — писателях юаньской династии, называет еще Мэн Фана и Чжан Сюн-вэя — тангутов, писавших свои сочинения также на китайском языке [там же]. Деятельность этих ученых в какой-то мере была продолжением тех замечательных успехов, которых добилась тангутская культура в XII в. Мы уже упоминали о том, что после гибели тангутского государства монголы заняли обширные степные и полупустынные районы Си Ся. Здесь они вплотную столкнулись с буддийской культурой тангутов и уйгуров Ганьсу, проживающих в Си Ся. Благодаря этому контакту тангутская культура, и в первую очередь буддизм, стали широко проникать в монгольскую среду.

В 1244 г. к монгольскому хану Годану прибыл известный вероучитель Тибета Сакья-Пандита. По мнению Ю. Н. Рериха, «постройка буддийских монастырей при ставке Годана показывает, что ко времени прибытия Сакья-Пандиты влияние буддизма было значительным и что через тангутское царство монголы времен империи были хорошо знакомы с тибетской культурой» [Рерих, 1958б. С. 340]. Мы можем полагать, что буддийская культура Ся широко заимствовалась монголами и сыграла видную роль в принятии монголами буддизма. Благодаря буддизму при Юань продолжало употребляться тангутское письмо, на котором существовала обширнейшая буддийская литература. Тангутский язык — один из шести языков знаменитой буддийской надписи 1345 г. из Цзюйюнгуань [Bonaparte, 1985]. Более того, в XIV в. монгольское правительство неоднократно переиздавало буддийские каноны на тангутском языке. Приказ о подготовке к изданию «Трипитаки» на тангутском и китайском языках был отдан первоначально Хубилаем. С приходом к власти Тэмура издание было приостановлено, однако вскоре возобновлено. В 1302 г. готовые отпечатанные тексты были разосланы во все тангутские монастыри. Судя по колофону одной из сутр этого издания, оно было подготовлено Гуаньчжуба. Кроме того, известно об издании сутр на тангутском языке в 1307, 1310, 1312, 1315 гг. [ЮШ. Гл. 18. С. 147; ССЯЦ. Т. 1. С. 4–7, 13].

Поскольку стела из Цзюйюнгуань датирована 1345 г., мы можем утверждать, что тангутская письменность продолжала оставаться в широком употреблении на всем протяжении существования династии Юань. Правда, сфера ее применения была резко ограничена только буддийскими произведениями. Но не исключено, что она была в ходу и в частной переписке между тангутами, продолжавшими, несомненно, хранить и свою старую литературу времен Си Ся.

Тангутская письменность изредка употреблялась и для написания легенд на монетах. Так, зафиксирована монета, легенда которой одновременно написана письмом пхагс-па, по-тангутски и по-персидски [ССЯЦ].

С установлением династии Мин тангутская письменность постепенно начинает совсем выходить из употребления. Из буддийской литературы ее активно вытесняет тибетский язык. Все это было связано прежде всего с исчезновением самой тангутской народности, ассимилируемой тибетцами, монголами и китайцами. Однако еще и в минскую эпоху мы имеем сведения об употреблении тангутского письма. В монастырях было еще много сутр на языке Си Ся, изданных в юаньское время.

Еще в последние годы правления династии Мин были люди, знавшие письмо Си Ся. В Берлинской государственной библиотеке хранится тибетская рукопись Ганьчжура, датированная годами правления Вань-ли (1573–1620). Знакомясь с этим текстом, китайский ученый Чэнь Янь-кэ обнаружил на полях приписку по-тангутски [там же. Т. 1. С. VII]. Очевидно, она могла быть сделана сразу после выхода в свет данного текста Ганьчжура, т. е. во всяком случае не ранее конца XVI в. В то время знание тангутского языка, вероятно, было достоянием весьма немногих ученых и буддийских монахов. Примерно к концу минской династии относится и сообщение одного из китайских источников, что у некоего Ли Сы-коу из Цинъян (Ганьсу) имелось сочинение «Си Ся ши лу»; возможно, что это был даже первоисточник на тангутском языке. По мнению Чэнь Янь-кэ, «в годы правления минского императора Шэнь-цзуна (1573–1620) книг на языке Си Ся... у жителей Северо-запада должно было быть немало» [там же]. Этого же мнения придерживался Ван Цзин-жу, считавший, что «во внутренних землях Китая при Мин и даже, возможно, при Цин были люди, знавшие тангутскую письменность» [Си Ся вэнь чжуань хао, 1932. С. 5].

Следовательно, не исключено, что по крайней мере до начала XVII в. были люди, знавшие письменность Си Ся и умевшие читать памятники, написанные этим письмом. В последующие столетия письмо Ся было забыто.

Разрозненные сведения различных источников о судьбах тангутского народа и затухании культуры Си Ся недостаточны для того, чтобы можно было сделать твердые и далеко идущие выводы. Тем не менее анализ их свидетельствует о следующем:

1. Бóльшая часть населения Си Ся была уничтожена во время гибели тангутского государства. Однако тангуты исчезли далеко не сразу и в юаньское время они представляли значительную группу населения провинций Ганьсу и Шэньси.

2. В памяти соседних народов о бывшей территории Си Ся надолго сохранилось представление как о стране Тангут. Название «Тангут» было перенесено монголами на соседние северо-восточные районы Тибета и их население и

именно в этой интерпретации проникло в русскую и западноевропейскую литературу.

3. В годы правления монголов в Китае и последующие столетия происходил активный процесс ассимиляции тангутского народа тибетцами, монголами и китайцами. Наиболее быстро и полно этот процесс охватил те группы тангутов, которые были заброшены монгольским нашествием в Северо-Восточный Тибет, Монголию и Внутренний Китай. Процесс ассимиляции тангутов, вероятнее всего, завершился в минскую эпоху.

4. Не исключено, что и в настоящее время непосредственные потомки тангутов Си Ся сохранились в горах Наньшань, к северу от Кукунора.

5. Тангутская культура оказала воздействие на культуру монголов, а тангутские ученые и государственные деятели занимали видное место в культурной и политической жизни юаньского Китая и немало сделали для пропаганды китайской культуры среди завоевателей.

6. Последнее представление о бытовании тангутской культуры может быть связано с употреблением тангутского письма. Тангутская письменность вышла из широкого употребления после гибели династии Юань и была совершенно забыта на рубеже XVI–XVII вв. Ее исчезновение может быть связано с исчезновением тангутского народа. Вопрос о том, насколько предполагаемые прямые потомки тангутов Си Ся в горах Наньшань сохранили свою самобытность, требует специального исследования.

* * *

Около двух с половиной веков существовало тангутское государство Си Ся в самом центре Азии. Его появление было результатом закономерного развития дансянских племен от постепенного разложения первобытнообщинного строя, возникновения классов и до создания собственной государственности.

На территории современного Китая с древнейших времен жили различные народы. На определенных исторических этапах они создавали свои государства с интересными и самобытными культурами. Таковыми были, например, государства гуннов и тугухунь, древних тюрок и уйгуров, тибетское государство и государство Наньчжао, позднее государство киданей, чжурчжэней. Появление тангутского государства было также неизбежным итогом развития тангутского народа, а созданная тангутами культура явилась ценным вкладом в сокровищницу культур народов Центральной Азии.

Создание самобытной тангутской культуры проявилось в закреплении, очень часто в государственном порядке, собственных нравов и обычаев, в великом творческом акте изобретения собственного письма, в появлении тангутской письменной светской, буддийской и конфуцианской литературы. Тщательная разработка фонетики и лексики родного языка явилась результатом больших успехов тангутской филологической науки. Мы можем говорить о самобытной тангутской музыке и своеобразной тангутской школе буддийской живописи. И, наконец, грамотность не была в тангутском государстве привилегией незначительной прослойки чиновников и буддийских монахов. Ибо не только для

них в большом числе писались, переводились и издавались немалыми и для наших дней тиражами книги самого различного содержания. Тангутская книга была одной из лучших для своего времени, и поныне тангутское книгопечатание составляет определенный и зримый этап развития не только центральноазиатской, но и общечеловеческой культуры.

К сожалению, еще не прочитаны и не изучены очень многие ценные памятники тангутской письменности. Знакомство с ними расширит наши представления о тангутской литературе и тангутском праве (своды законов Си Ся). Ждут своего изучения тангутская живопись и памятники материальной культуры тангутов, которые сохранили для нас от песков пустыни стены мертвого города Хара-Хото.

Тангутское государство играло важную политическую роль в истории Центральной Азии и Дальнего Востока домонгольского времени. При определении статута того или иного государства тех лет в указанном регионе всегда необходимо учитывать специфические формы взаимоотношений между государствами. Чисто внешне эти взаимоотношения, как правило, были облечены в покровы родственных отношений отца и сына, дяди и племянника, деда и внука и т. п., имея в виду старшинство первого и якобы второстепенную роль второго. Для этого необходимо было лишь признание старшинства одного из партнеров в переписке (и то не всегда) да засвидетельствование его символической присылкой даров. Эти формы и в те времена не воспринимались как реальное подчинение одних государств другим, тем более они не могут восприниматься так в наше время.

Именно это мы должны иметь в виду, когда речь идет и о тангутском государстве. Признавая формальное старшинство Сун, Ляо и Цзинь, Си Ся всегда, на всем протяжении своей истории было государством независимым. И его политическая роль в истории Центральной Азии определяется той независимой политикой, которую оно проводило.

В течение двух с половиной веков тангутское государство было одним из трех самых могущественных государств Дальнего Востока — Сун, Ляо (позднее Цзинь) и Си Ся.

Существование тангутского государства повлияло на судьбы ряда народов Центральной Азии. В ходе полувековых войн тангуты уничтожили уйгурские ханства Ганьсу. После продолжительной борьбы они овладели некоторыми территориями восточнотибетских племен.

Появление тангутского государства резко ослабило связи сунского государства с западом. Перестали действовать древние сухопутные пути из Китая в Индию и Среднюю Азию. Неоднократные попытки китайцев открыть новый караванный путь через Северо-Восточный Тибет и Наньшань закончились неудачей. Это не могло не сказаться на экономике и политике Китая. В области внешней политики это выразилось в постоянном стремлении северосунских правителей уничтожить тангутское государство. В области экономики это привело в конечном счете к значительной переориентации китайской внешней торговли с сухопутной на морскую. Произошло существенное изменение торговых путей в этом районе Дальнего Востока. Выплата контрибуций Ляо и Си Ся, непрерывные войны с тангутами в XI в. стали источником финансовых и

военных затруднений Сун и тем самым одной из косвенных причин знаменитых реформ Ван Ань-ши.

Тангутское государство, претендовавшее на земли восточнотибетских племен, совершенно очевидно помешало Северной Сун захватить эти территории еще в XI в. Упорное сопротивление тангутов объективно помогло многим народам мира в борьбе с монгольским нашествием.

Можно только сожалеть о том, что мы не имеем никаких сведений о взаимоотношениях Си Ся с караханидами и кара-китаями, татаро-монгольскими и тюркскими племенами.

Современные китайские авторы дают очень односторонние оценки роли Си Ся. Так, Чжоу Лян-сяо в статье «О Чингисхане» довольно безапелляционно заявил, что «двухсотлетняя экспансия Си Ся сыграла огромную разрушительную роль для китайской истории» [Чжоу Лян-сяо, 1962. С. 5]. Поскольку несправедливость его оценки была совершенно очевидна, Ван Чжун, выступивший в следующем номере «Лиши яньцзю» со статьей «О возникновении Си Ся», значительно смягчил резкость такой формулировки и подчеркнул, что «возникновение Си Ся отнюдь не было полностью отрицательным и реакционно противоречащим ходу исторического развития» [Ван Чжун, 1962. С. 32]. Ошибка китайских авторов заключается в том, что они оценивают роль Тангутского государства только с точки зрения собственно китайской истории.

В связи с этим необходимо сказать и о том влиянии, которое оказывали культуры соседних народов на культуру Си Ся. Тангутская культура развивалась под сложным влиянием китайской, тибетской и уйгурской культур.

Китайское влияние особенно сказывалось на формировании государственного управления, создании системы образования и на идеологии правящего класса. Гораздо менее оно ощущалось в организации вооруженных сил, материальной культуре, повседневном быте. Особенно сильно китайская культура оказывала влияние на господствующий класс тангутского общества. Это выражалось в хорошем знании китайского языка, являвшегося международным языком Дальнего Востока того времени, в принятии в какой-то мере системы китайского образования, основанной на изучении классических книг, в значительном влиянии конфуцианской идеологии. Конфуцианство было идеологическим оружием в руках тангутской знати для подчинения собственного народа.

Однако основная масса тангутского народа говорила на родном и только родном языке, писала своим письмом, носила одежды своего покроя и сохраняла древние тангутские обычаи. Народ был действительным хранителем самобытной культуры. Тангутская правящая верхушка также не была заинтересована полностью воспринять китайскую культуру. Она заимствовала прежде всего то, что ее интересовало. Часть господствующего класса никогда не отказывалась от собственной культуры.

Тибет влиял на тангутскую культуру прежде всего как мощный религиозный центр. Это сказывалось в переводе тибетских буддийских сочинений, в проникновении тантрического буддизма в тангутский буддизм, в сильном влиянии тибетской школы иконописи на тангутскую. Тибетское влияние могло быть значительным в повседневном быту и на народную культуру. Но при исследовании этих процессов (когда мы будем располагать соответствующими источ-

никами) всегда следует помнить о том, что мы имеем дело с культурами различных, но родственных народов. Уйгуры способствовали распространению буддизма в Си Ся, уйгурское влияние ощутимо в тангутской иконописи. Наконец, очень вероятно, что тангуты позаимствовали у уйгуров опыт разведения верблюдов.

Под влиянием соседних культур и сложилась оригинальная тангутская цивилизация. Мы уже говорили о том, что самобытный характер тангутской культуры признавался современниками.

В статье «Гибель Си Ся» на основании доступных нам источников мы постарались воссоздать историю тангутского государства, сыгравшего заметную роль в истории Центральной Азии и Дальнего Востока. Не все этапы истории тангутов и их государства удалось осветить равномерно. Многое еще требует проверки и переоценки. Многое ждет новых материалов. Была лишь сделана попытка воспользоваться тангутскими источниками. Но именно им и принадлежит будущее в деле изучения истории и культуры тангутского народа на новых материалах.

МОНГОЛО-ТАНГУТСКИЕ ВОЙНЫ И ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА СИ СЯ

Тангутское государство Си (Западное), или Да (Великое) Ся[1] (982–1227), было первым большим государством, которое подверглось нашествию войск Чингисхана. Почти по всей северной границе, протянувшейся от Ордоса до Хамийского оазиса, вдоль южной окраины пустыни Гоби, тангуты граничили с татаро-монгольскими племенами[2]. Естественно, что они находились с ними в постоянном контакте. Однако до нас дошли очень скудные сведения об этих связях, а в тангутских первоисточниках они пока вообще не обнаружены[3]. Свидетельством этих связей являются отношения тангутов с одним из монгольских племен — кэрэитами. Известно, что Кэрабэтай (Керандай) — брат главы племени кэрэитов Он-хана (Ван-хана) — в детские годы попал в плен к тангутам и впоследствии дослужился в Си Ся до поста правителя области, получив титул джакамбу[4]. Одна из его дочерей стала женой государя тангутов [Рашид-ад-дин, 1952. С. 109]. Благодаря этим связям тангуты и оказались втянутыми в события, развернувшиеся в монгольской степи.

В молодые годы Он-хан был разбит своим дядей Гур-ханом и обратился за помощью к Есугэй-багатуру, отцу Чингисхана. Есугэй разгромил Гур-хана, и тот бежал в Кашин (Хэси) на территорию тангутского государства [там же.

---

[1] В Китае с начала XI в. тангутское государство именовалось Си Ся (Западное Ся). С 1038 г. оно официально называлось Да Ся (Великое Ся), а в более поздних (конец XI — XII в.) тангутских документах — Белое Высокое Великое государство Ся. Как называли тангуты свое государство до 1038 г., пока неизвестно.

[2] На китайской карте, указывающей границы тангутского государства в середине XI в. (по нашему мнению, между 1066 и 1081 гг.), вдоль всей северной границы Си Ся стоят пометы «дадань пзе» («татарская граница»). См.: Атлас карт тангутского государства Си Ся. Рукопись ГБИЛ. Ф. 274. № 1250. С. 36–38. Описание атласа и публикацию некоторых карт см.: [Кычанов, 1959б].

[3] Есть надежда, что такие сведения могут встретиться при изучении тангутских документов из Хара-Хото и фрагмента тангутской летописи типа китайских *шилу*, недавно обнаруженной нами в тангутском фонде ЛО ИНА и рассказывающей о событиях, относящихся к 1163–1168 гг. См.: [Тангут. фонд ЛО ИНА. Инв. № 4189]. Монголо-татарские племена, именуемые по-тангутски «тата», не раз упоминаются в тангутском «Измененном и заново утвержденном своде законов (эпохи) Небесное Процветание (1149–1169 гг.)».

[4] «Значение [слов] джа — область [вилаят], а камбу — великий эмир, т. е. [обоих вместе] "Великий эмир области"». См.: [Рашид-ад-дин, 1952. С. 109]. Толкование титула см. также: [Pelliot, 1951. P. 226–227; Рерих, 1958б. С. 335].

С. 110], где он и нашел приют[5]. Вскоре и самому Он-хану пришлось искать спасения в землях тангутов от преследований найманского Инанч-хана. Но поскольку «в городах уйгуров была смута (*бӯлқāқ*), он остался без приюта» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 110][6], укрылся в стойбище Чингисхана. Существование каких-то тангутско-кэрэитских связей (возможно, через джакамбу) подтверждается и поступком Сангуна (Илха), сына Он-хана. В 1203 г. Он-хан, поссорившись с Чингисханом, был разбит и погиб. Сангун бежал через селение Ишик-балагасун[7] в Си Ся [ЮШ. Гл. 1. С. 30], а оттуда, по-видимому, перебрался в Тибет (Бури-Тибет, Цайдам) [Рашид-ад-дин, 1952. С. 134; Martin, 1942. P. 196–197]. Согласно «Юань ши», Сангун оставался в Си Ся и занимался грабежами и потому был изгнан тангутами на территорию уйгуров (в Гуйцы) [ЮШ. Гл. 1. С. 30].

В 1204 г. Чингисхан, разгромив найманов, стал полновластным правителем монгольских степей. А на следующий год монголы совершили первое нападение на Си Ся. Можно предположить, что предлогом для нападения послужил тот факт, что тангуты принимали беглых кэрэитских ханов. Но не исключено, что Чингис попросту решил испытать силу своей армии и одновременно дать войскам обогатиться [Martin, 1942. P. 197]. Как бы там ни было, именно тангутское государство стало первым объектом походов Чингисхана. Сам он в этом походе не участвовал, он воевал с найманами на Алтае.

Весной (в апреле-мае) 1205 г. монгольские войска под командованием Елюй Ахая перешли северную границу тангутского государства где-то в районе Эдзин-Гола, возможно к западу от него, захватили крепость Лицзили (Лигили) и разрушили ее, а затем взяли и разграбили город Лосы (Лоши, Клин Лоши), опустошили округа Гуачжоу и Шачжоу и с наступлением лета ушли обратно, уведя с собой пленных и угнав огромные стада скота, в том числе много верблюдов [ЮШ. Гл. 1. С. 30; Рашид-ад-дин, 1952. С. 149–150; 1960. С. 143–144].

Сведения о первом походе монголов на Си Ся[8] противоречивы, до сих пор не установлено местонахождение крепости Лицзили и города Лосы, который, по словам Рашид-ад-дина, был «очень крупным городом»[9]. Тангутское государство имело по тем временам одну из сильнейших армий в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Тангуты выдержали семь кровопролитных войн с китайским государством Северное Сун[10] и две больших войны с киданями[11], раз-

[5] Возможно, что Гур-хан нашел приют в одной из имевшихся в Ся христианских общин. Как известно, кэрэиты были христианами несторианского толка [см.: История Мар Ябалаха III, 1958. С. 66–67].

[6] По данным «Шэн у цинь чжэн лу» («Описание личных походов священновоинственного [императора Чингиса]»), Он-хан был в Си Ся.

[7] Комментаторы Рашид-ад-дина Б. И. Панкратов и О. И. Смирнова видят в этом названии наименование города Ицзина, т. е. Хара-Хото.

[8] По сведениям биографии Елюй Ахая [ЮШ. Гл. 150. С. 1077; Рашид-ад-дин, 1952. С. 149], первый поход на Си Ся имел место в 1202 или 1203 г.

[9] Х. Десмонд Мартин полагал, что речь идет о современном городе Маоши и Цзиньта на Эдзин-голе [см.: Martin, 1942. P. 197].

[10] В 982–1004, 1040–1044, 1071–1072, 1081–1086, 1096–1099, 1102–1107, 1114–1119 гг.

[11] В 1044–1045 и 1049–1053 гг.

громили уйгуров, выиграли сражения с тибетцами и чжурчжэнями. Однако последние полвека перед первым нашествием монголов были годами мирной жизни Тангутского государства. И давно не воевавшие тангуты не сумели дать должный отпор сильному врагу. Тангутский правитель Чунь-ю (1193–1206) пытался принять меры для борьбы с монголами. Был отдан приказ восстановить разрушенные крепости и селения. В стране была объявлена амнистия, а столица Си Ся город Синцин в знак избавления от грозившей опасности был переименован в Чжунсин. Осенью 1205 г. тангуты, узнав о готовящемся нападении монголов на чжурчжэньское государство, договорились с цзиньским главнокомандующим в Хэдуне Ваньянь Тяньцзи о взаимной поддержке и выслали войска на помощь. Но тут тангуты столкнулись с той же тактикой, которую они сами не раз применяли против своих врагов. Монголы уклонились от сражения. Тангутская армия, перейдя границу, двигалась несколько дней, так и не встретив противника. Получив сведения о том, что монголы разгромили чжурчжэней, тангуты повернули назад [ССШШ. Гл. 39. С. 106–116].

Внешнеполитическими трудностями страны воспользовался двоюродный брат тангутского правителя Чжэньицзюнь ван Ань-цюань (1206–1211). В начале 1206 г., опираясь на поддержку придворных кругов, считавших, что Чунь-ю не сумел обеспечить безопасность страны, и при поддержке матери правителя, вдовствующей императрицы Ло, он совершил переворот, лишил Чунь-ю престола и сам стал государем. Через несколько месяцев Чунь-ю внезапно умер в изгнании [Сун ши. Гл. 486. С. 3786]. Императрица Ло отправила посольство в Цзинь с сообщением о перевороте и просила признать Ань-цюаня правителем Си Ся. Осенью 1206 г. чжурчжэни признали Ань-цюаня ваном Ся [ЦШ. Гл. 134. С. 826].

В том же 1206 г. в Монголии собрался курилтай глав монголо-татарских племен, на котором Тэмуджин был провозглашен Чингисханом, «государем сильным и великим» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 150] или «ханом могучим» [Д'Оссон, 1937. С. 77]. А осенью 1207 г. монгольские войска снова вторглись в пределы Тангутского государства. По сведениям Рашид-ад-дина, «осенью, так как [племена] области Тангут постоянно бунтовали, не платили дани (мал) и не выказывали должного уважения, Чингисхан вторично выступил на войну против них и в ту пору покорил всю эту область и вернулся назад победителем» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 151]. Однако эти сведения неточны. Трудно поверить, что после первого похода монголов в 1205 г. тангуты обязались платить им дань. Более вероятно сообщение о том, что они не выказывали никакого уважения к Тэмуджину, особенно в связи с провозглашением его Чингисханом, и это могло послужить предлогом для нового похода монголов. Во время этого похода монголы не покорили Си Ся. Более того, поход 1207 г., как и первый, имел локальное значение. На этот раз монголы вторглись в Алашань и продолжали двигаться в восточном направлении к горам Хэланьшань. Здесь они овладели городом Валохай (Уйрака) [ЮШ. Гл. 1. С. 30] и, закрепившись в нем, грабили соседние районы до весны 1208 г. Тангутские войска блокировали занятые монголами местности, но не перешли к активным действиям. В свою очередь, монголы тоже не решались атаковать многочисленную тангутскую армию и ограничивались мелкими нападениями. В конце весны 1208 г. из-за жары и

нехватки продовольствия монгольские войска покинули территорию Си Ся [Иакинф, 1829. С. 40].

Во втором походе монголы направили главный удар на горные проходы, ведущие в долину Хуанхэ, где находилась столица тангутов. «Урахэй, — писал Палладий Кафаров, — была крепость при одном горном проходе в Алашаньских горах» [Кафаров, 1902. С. 21–22]. Х. Д. Мартин полагал, что это современный Баян-Хото (Динъюаньин) [Martin, 1942. P. 198]. Однако не исключено, что Валохай указан на уже упоминавшейся старинной карте Си Ся XI в. под названием Вэйлинь. Этот населенный пункт, судя по карте, как раз находился на дороге, ведущей через горы Хэланьшань к столице Си Ся. Второй поход монголов на государство тангутов, таким образом, тоже преследовал цели грабежа и разведки. И на этот раз тангуты снова оказались способными лишь на пассивное сопротивление.

Усиление монголов (в источнике сказано: «В это время монголы ото дня на день усиливались» [Сюй цзы чжи. Гл. 158. С. 1728]) обеспокоило чжурчжэней. В 1207 г. они, сочувствуя Си Ся и, может быть, зная о готовящемся походе, позволили вернуться в Си Ся всем рабам-тангутам. Это распоряжение, отданное еще до похода 1207 г., возможно, было следствием каких-то переговоров между двумя странами о совместной борьбе с монголами. Чжурчжэни были явно встревожены, когда после курултая 1206 г. Чингисхан перестал признавать себя их вассалом, а затем вообще «порвал с Цзинь» [там же]. Пассивность тангутов придавала Чингису уверенность в своих силах, и он активно готовился к войне не только с Си Ся, но и со своим главным врагом — чжурчжэнями.

Перед началом большой и затяжной войны с Цзинь Чингисхан в 1209 г. предпринял попытку уничтожить Си Ся. Этому предшествовало одно немаловажное обстоятельство. В начале весны 1208 г. Чингисхану подчинились уйгуры [там же. С. 1731], и тангутское государство оказалось блокированным с запада.

В третьем месяце (6 апреля — 6 мая) 1209 г. монгольские войска под командованием самого Чингисхана вторглись в Си Ся. Тангутская армия во главе с наследником престола вступила в сражение с монголами и была разбита. Помощник главнокомандующего тангутский полководец Гао Лин-гун[12] попал в плен. Продвигаясь вперед, войска Чингисхана в мае вновь заняли город Валохай (Улахай). Сиби, начальник гарнизона, города был взят в плен [там же; ЮШ. Гл. 1. С. 30]. Монголы двинулись к столице Си Ся. В одном из горных проходов Алашаня, у заставы Имынь, их поджидала 50-тысячная тангутская армия под командованием члена императорской фамилии Вэймин Лин-гуна. Когда монгольские войска подошли к горному проходу, тангуты атаковали их и нанесли поражение. Монголы отступили. Однако и на этот раз тангуты не сумели развить успех. Они выжидали. Два месяца Чингис собирал новые силы. И два месяца обе армии стояли друг против друга. Получив подкрепление, монголы начали наступление. Монгольская конница незначительными силами атаковала лагерь тангутов. Отразив атаку монголов, тангуты поверили в победу и на-

[12] «Лин-гун» в именах Гао Лин-гуна, Вэймин Лин-гуна, скорее всего, не собственное имя, а титул. По происхождению это китайское слово, означающее «Его превосходительство начальник».

чали преследование бегущего противника. Монголы только этого и ждали. Увлеченная преследованием тангутская армия попала в заранее подготовленную монголами засаду и была полностью уничтожена. Многие тангутские полководцы оказались в плену [ССШШ. Гл. 40. С. 2а–б]. Застава Имынь пала, и монгольские отряды впервые появились под стенами столицы Си Ся. Началась осада города. Свой лагерь Чингисхан разбил в Бован-мяо, храме предков тангутских государей.

Тангуты упорно сопротивлялись. Сам тангутский правитель Ань-цюань не раз поднимался на городские стены. К счастью, стены Чжунсина оказались достаточно прочными, чтобы выдержать длительную осаду. К тому же монголы еще не имели опыта взятия больших городов, которым они овладели позднее, после знакомства с военной техникой китайцев, чжурчжэней, тангутов [Martin, 1942. P. 201]. Стояла глубокая осень. Начались сильные дожди. Осада явно затягивалась. Тогда монголы решили запрудить протекающую поблизости реку и затопить город. По приказу Чингисхана была сооружена большая плотина. Потоки воды хлынули в город. Положение осажденных ухудшилось. Ань-цюань срочно отправил посольство к чжурчжэням с просьбой выслать войска. Наиболее благоразумные цзиньские сановники, видимо, и раньше выступавшие за союз с Си Ся против монголов, предлагали немедленно начать войну с Чингисханом. «Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас, — говорил один из них. — Лучше уж совместно с Си Ся атаковать их и в хвост и в гриву!» [ССШШ. Гл. 40. С. 2б]. Но только что занявший престол цзиньский государь Вэй Шао-ван относился к тангутам враждебно. «Моему государству выгодно, — заявил он в ответ, — когда враги его нападают друг на друга. О чем же беспокоиться?» [там же]. Чжурчжэни отказались помочь тангутам.

Чжунсин был на краю гибели. В городе начали рушиться подмытые водой дома. Опасность угрожала стенам города.

Но случилось непредвиденное. В январе бурный поток прорвал сооруженную монголами плотину и затопленным оказался монгольский лагерь. Монголы начали переговоры о мире. С этой целью представитель Чингисхана Эда прибыл к Ань-цюаню. По-видимому, монголы в первую очередь настаивали на том, чтобы тангуты стали их союзниками в последующих войнах. Но тангуты, соглашаясь быть «правой рукой» Чингисхана, настойчиво отказывались стать участниками его походов, ссылаясь на свою оседлость: «Кочуем мы недалеко, а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам.
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно».

[*Сокровенное сказание. С. 180*]

Вместо участия в войнах тангуты предложили монголам большой выкуп — верблюдов, сукна, охотничьих соколов: «Так докладывал Бурхан (тангутский

государь. — *Е. К.*). И он сдержал свое слово: собрал со своих тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам» [там же. С. 181]. Ань-цюань отдал также Чингисхану в жены свою дочь. Тангутская принцесса, известная в монгольских источниках под именем Чахэ, стала третьей женой Чингисхана [ЮШ. Гл. 1. С. 30; Сюй цзычжи. Гл. 158. С. 1731]. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы оставили в Си Ся наместника (правителя — шихнэ) и гарнизоны [Рашид-ад-дин, 1952. С. 144], что маловероятно, так как победа монголов была далеко не полной, а последующий ход событий исключает наличие монгольских гарнизонов.

Но тангуты были вынуждены признать свою зависимость от Чингисхана.

Весной 1210 г., видимо, согласно договору, монголы отпустили взятого ранее в плен тангутского полководца Вэймин Лин-гуна.

Поход 1209 г. был первой большой победой Чингисхана за пределами монгольских степей. Тангутское государство слыло сильным противником, и победа над ним возвысила монголов в глазах соседних народов и поколебала уверенность у многих их будущих противников. В решающий момент войны 1209–1210 гг. чжурчжэни отказались поддержать своих соседей. Союз Си Ся и Цзинь при условии его неукоснительного соблюдения мог бы сдержать натиск монголов. После подчинения тангутов Чингисхану такой союз стал невозможен, ему помешали не только зависимость тангутов от Чингисхана, но и их обида на неразумный отказ соседей. Война с тангутами закончилась победой, и Чингисхан незамедлительно приступил к осуществлению своей главной задачи — сокрушению могущества чжурчжэней, вассалом которых он был.

С 1211 г. монгольские войска регулярно нападали на Цзинь.

А в Си Ся третье монгольское нашествие, как и первое, привело к смене государя. В 7-м месяце (10 августа — 9 сентября) 1211 г. Ань-цюань был вынужден отречься от престола: через месяц он скоропостижно скончался на 42-м году жизни. На престол был посажен ставленник группировки, осуществившей переворот, Цзунь-сян [СШ. Гл. 486. С. 3796].

После начала войны монголов с чжурчжэнями тангуты по настоянию монголов и в отместку Цзинь грабили пограничные районы чжурчжэньского государства. В конце концов в 1214 г. это привело к войне между Си Ся и Цзинь, длившейся десять лет. В 1216 г. чжурчжэни предприняли большой поход против Си Ся во главе с самим императором. Они осадили Яньчжоу, Ючжоу, Сячжоу, Вэйчжоу, Линчжоу и другие важные центры восточных районов Си Ся [ЦШ. Гл. 134. С. 827] (в современном Ордосе). Однако пока чжурчжэни осаждали тангутские города, на Цзинь напали монголы. Тангутские войска поддержали монголов и в конце осени 1216 г. взяли цзиньскую заставу Тунгуань [там же. Гл. 14. С. 106]. Однако через месяц чжурчжэньский полководец Ваньянь Сабу разбил тангутов в Динси, затем чжурчжэни нанесли поражение монголам и возвратили Тунгуань [Сюй цзы-чжи. Гл. 160. С. 1759].

В феврале 1218 г.[13] монголы предприняли вторую попытку уничтожить Си Ся. Монгольские войска осадили Чжунсин, предварительно захватив и разграбив ряд городов, встретившихся на их пути. Цзунь-сян струсил и отказался

[13] По мнению Дай Си-чжана, поход был в конце 1217 г. [см.: ССЦ. Гл. 27. С. 11б–12а].

лично возглавить оборону столицы. Он приказал своему старшему сыну Дэжэну, наследнику престола, оборонять город, а сам уехал в Силян и оттуда выслал к монголам посольство для переговоров о мире [ЮШ. Гл. 1. С. 31; Сюй цзы-чжи. Гл. 161. С. 1765; ЦШ. Гл. 15. С. 111]. В это время монголы готовились к походу на Запад. Повторение длительной осады столицы Си Ся не входило в их расчеты; Си Ся втянулось в столь выгодную для монголов войну с Цзинь. Поэтому, судя по «Сокровенному сказанию», монголы выдвинули одно-единственное условие — чтобы тангутские войска присоединились к походу на государство Хорезм-шахов. Посол Чингисхана обратился от его имени к императору Си Ся с такими словами: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ[14], который порвал мои золотые бразды» [Сокровенное сказание. С. 186]. Тангуты ответили решительным отказом. Чингисхан, пообещав расправиться с ними после похода на запад, увел войска с их территории [там же. С. 187].

Это была не простая угроза. Надо было готовиться к новой войне. А для этого нужен был мир с чжурчжэнями. В 1218 г. тангуты обратились к цзиньскому двору с мирными предложениями [ССШШ. Гл. 41. С. 1а; ЦШ. Гл. 134. С. 827]. Чжурчжэни отказались. Тогда тангуты пытались вступить в союз с государством Южное Сун [Сун ши. Гл. 486. С. 3796], на этот раз против Цзинь, по-видимому рассчитывая этим маневром повлиять на чжурчжэней.

В то время как монгольские армии вели войны в оазисах Хорезма, на берегах Инда и в далеких степях южной России, оставшиеся в Монголии полководцы Чингисхана не переставали тревожить границы Цзинь. Война с чжурчжэнями и страх перед монголами вынуждали тангутов стать их «невольными помощниками» [Martin, 1942. P. 208]. Существует мнение, что в конце 1221 г. тангутское посольство ездило для переговоров в ставку Чингисхана на Запад[15]. Возможно, какие-то переговоры имели место, поскольку в октябре тангуты разрешили монгольскому полководцу Мухали провести войска через территорию Си Ся для нападения на цзиньский округ Цзячжоу. 50-тысячный тангутский корпус присоединился к монгольским войскам. Взяв Цзячжоу, монголы оставили там гарнизон и угрожали пограничным областям Си Ся, Цзунь-сян отправил к Мухали посла. Мухали потребовал, чтобы тангутский посол встал перед ним на колени. Но посол Мину (Марбу) ответил, что он не может совершать коленопреклонение, не получив на то приказ своего государя. Чтобы припугнуть тангутов, Мухали напал на пограничный с Си Ся город Яньань. Мину, видимо, с согласия Цзунь-сяна, вернулся в лагерь Мухали, подарил ему коня и совершил коленопреклонение [ЮШ. Гл. 119. С. 892; Гл. 149. С. 1071; Сюй цзы-чжи. Гл. 162. С. 1777].

---

[14] У Хэниша — «на мусульман» [Haenish, 1948. S. 128].

[15] Мартин пишет: «Из дневника даоского мудреца Чан-чуня мы узнаем, что 27 октября 1221 г. святой и его свита встретили тангутского посла, возвращающегося от Чингисхана» [Martin, 1942. P. 207]. В тексте дневника Чан-чуня посол назван «дун Ся ши» («посол с востока [из] Ся» [Чан-чунь чжэнь Сию цзи. Гл. 1. С. 8]. Поскольку речь идет не о после из Си Ся, а о «после с востока из Ся», а Ся было древним названием Китая вообще, русский переводчик «Си ю цзи» Палладий Кафаров считал, что речь идет просто о «китайском после», указав в примечании, что это был посол из Цзинь [см.: ТЧРДМ. С. 306, 409. Прим. 305].

В конце 1221 — летом 1222 г. тангуты вместе с монголами вели военные действия против государства Цзинь [ЦШ. Гл. 112. С. 707; ЮШ. Гл. 149. С. 1071]. С покорностью обреченного Цзунь-сян исполнял все приказания монголов. Некоторые представители тангутской знати стали переходить на службу к Чингисхану. Так в 1221 г. на сторону монголов перешел тангутский полководец Ебу Ганьбу [ЮШ. Гл. 123. С. 920]. Монголы все меньше считались со слабовольным тангутским государем. В 1223 г., потерпев неудачу в одном из сражений с чжурчжэнями, они обвинили в поражении тангутов и под этим предлогом десять дней грабили тангутский округ Цзиши. Лишь получив известие, что чжурчжэни намерены атаковать их с тыла, монголы отступили [ССШШ. Гл. 41. С. 16а–16б].

Эти события вызвали возмущение той части тангутских сановников, которые решительно были за активное сопротивление врагу, справедливо видя в этом единственный путь к спасению государства от гибели. По их настоянию в конце 1223 г. Цзунь-сян был вынужден отречься от престола в пользу своего второго сына Дэ-вана, а сам принял титул Верховного императора [ЦШ. Гл. 134. С. 827–828; ССЦ. Гл. 27. С. 26а–26б] и поселился в Линчжоу. Этот город был объявлен западной столицей государства Си Ся, а Чжунсин (Синчжоу) — восточной.

Новый тангутский правитель Дэ-ван проявил себя решительным и энергичным государственным деятелем и принял срочные меры для укрепления обороноспособности тангутского государства. В конце 1224 г. по инициативе тангутов между Си Ся и Цзинь был заключен мирный договор [Сюй Цзы-чжи. Гл. 162. С. 1785; ЦШ. Гл. 134. С. 828]. Война Си Ся и Цзинь, продолжавшаяся около десяти лет, только ускорила гибель обоих государств. Пока они истощали друг друга, монголы нападали на тех и других, не встречая должного сопротивления.

Одновременно Дэ-ван начал энергично готовиться к войне с монголами, понимая, что от того, сумеет ли он противостоять их натиску, зависит судьба государства и всего тангутского народа. Полководцы Чингисхана, узнав об этом, решили предупредить намерения тангутов и выслали войска, чтобы опустошить центральные районы Си Ся. Но они сразу же столкнулись с тангутскими войсками. Монгольские отряды были рассеяны, а их командующий Ши Тяньсян тяжело ранен [ЮШ. Гл. 147. С. 1059].

Во втором месяце (21 февраля — 22 марта) 1224 г. Дэ-ван предпринял смелую попытку создать союз против монголов с племенами «к северу от песков» [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. В данном случае имелись в виду или племена Монголии, недавно подчиненные Чингисханом, или племена, живущие на территории Джунгарии, к северу от пустыни Такламакан [Martin, 1942. P. 210–211], но в любом случае племена, жившие не на территории Си Ся и только недавно подчинившиеся Чингисхану. Это была смелая попытка организовать военный союз в тылу монгольской армии. Вначале этот союз складывался успешно, если не все, то часть племен, проживавших «к северу от песков», дали согласие оказать тангутам помощь в войне с Чингисханом [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. Однако об этом стало известно монголам.

В тот момент у них не было армии, способной совершить большой поход на Си Ся, и все же имеющимися силами они осадили город Шачжоу. Однако и на этот раз месячная осада не принесла им победы. Подкоп, который они подвели

под городскую стену, был обнаружен тангутами и «забросан огнем». Монголы были вынуждены снять осаду [там же. С. 16]. Осенью они вновь напали на Си Ся, на этот раз с востока. Был взят город Иньчжоу и разграблены его окрестности [ЮШ. Гл. 119. С. 893; Гл. 149. С. 1068].

В феврале 1225 г. Чингисхан возвратился в свою орду на берега реки Толы. Одной из причин его прибытия были перемены, происшедшие в политике Си Ся. «Чингисхан, — сообщает Джувейни, — решил возвратиться из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного возвращения его было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали колебания между подчиненными и мятежи» [Juvaini, 1958. P. 139].

В марте 1225 г. посол Чингисхана прибыл к Дэ-вану и потребовал, чтобы тот послал в орду в качестве заложника своего сына. Дэ-ван ответил отказом: «Я только что восстановил мир с Цзинь и надеюсь общими усилиями устоять против северного врага. Жэн — мой единственный сын. Послать его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться. Зачем спешить!» [ССШШ. Гл. 42. С. 3а]. Через некоторое время Дэ-ван приютил врага Чингиса, сына найманского хана Чилахэянькуня (Шилгаксан-хону) [ЮШ. Гл. 1. С. 32]. Это уже был открытый вызов.

В ноябре 1225 г. Чингисхан лично возглавил монгольскую армию, выступавшую в последний поход на Си Ся. Перед началом похода Чингисхан отправил Дэ-вану письмо с объявлением войны: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета» [Сокровенное сказание. С. 190].

Весной 1226 г. монгольские отряды вторглись в Си Ся. После упорных боев пал город Хэйшуй (Эдзина, Хара-Хото). Тангуты и союзные им племена (сали, тэлэ, чиминь), поддержавшие их, видимо, в силу прежнего договора 1224 г., были разгромлены, потеряв несколько десятков тысяч человек убитыми [ЮШ. Гл. 1. С. 32; ССЦ. Гл. 28. С. 70]. Монгольским воинам был дан приказ: «Можете брать тангутов по своему усмотрению, так как они будут взяты в плен или найдены каждым из вас» [Haenisch, 1948. S. 134][16].

От Хара-Хото, двигаясь вверх по течению реки Эдзин-гол, монголы надвое рассекли территорию Си Ся и вышли в предгорья Наньшаня. Здесь, в горах Хэйчуйшань, Чингисхан разбил летний лагерь. Отсюда монголы стали совершать набеги в соседние области Си Ся. В 5-м месяце 1226 г. (28 мая — 25 июня) монголы овладели городом Сучжоу. Население города оказало врагу упорное сопротивление. Чингисхан, разгневанный тем, что город не покорился, приказал вырезать всех его жителей. Уцелело только 106 семей. На месте большого

[16] В переводе С. А. Козина: «Истребив тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих тангутов на поток и разграбление войску» [Сокровенное сказание. С. 190].

цветущего города стала деревня, оставшиеся в живых жители были вынуждены заняться земледелием [ЮШ. Гл. 1. С. 32; Гл. 122. С. 916].

Вскоре пал другой большой город западных районов Си Ся — Ганьчжоу [Сюй цзы чжи. Гл. 163. С. 1796]. Населению этого города была сохранена жизнь только потому, что в войсках Чингисхана служил тысячником сын правителя Ганьчжоу Чахань, с детства воспитанный при дворе. Чингисхан первоначально решил истребить всех жителей Ганьчжоу, а город сровнять с землей. Лишь слезные мольбы Чаханя спасли город и его население [ЮШ. Гл. 120. С. 899; Рашид-ад-дин, 1952. С. 144–145].

Засуха и голод, обрушившиеся на Си Ся летом 1226 г., усугубили бедствия, вызванные монгольским нашествием.

В августе 1226 г. монголы подошли к Лянчжоу. Командующий гарнизоном города Ва Чжецзэ сдал город без боя. Предав огню и мечу все соседние районы, монголы под командованием Чингисхана повернули к Хуанхэ и заняли Инли (декабрь) и другие прибрежные населенные пункты, обеспечив себе переправу через реку. В это время скончался предпоследний тангутский правитель Дэван [Сун ши. Гл. 486. С. 3796; Сюй Цзы-чжи. Гл. 163. С. 1796]. На престол взошел один из тангутских князей — Наньпин ван Сянь (Шидургу в монгольских и мусульманских источниках) [Сун Ши. Гл. 486. С. 3796][17].

В декабре 1226 г. монголы форсировали Хуанхэ и осадили Линчжоу. Тангутская 100-тысячная армия под командованием Вэймин Лин-гуна сделала отчаянную попытку преградить путь монгольским войскам к столице Си Ся. Подробности этого грандиозного сражения неизвестны, но окончилось оно для тангутов трагически. Тангутская армия была полностью разгромлена. Линчжоу пал. Чингисхан стал лагерем в Яньчжоу [Сюй цзы чжи. Гл. 163. С. 1798]. Перед монгольской армией открылся путь на столицу Си Ся.

Зимой 1226/27 г. началась последняя осада столицы тангутского государства. Как и в прежних боях под стенами Чжунсин, тангуты упорно сопротивлялись. Тогда весной 1227 г. Чингисхан решил подчинить еще не завоеванные монголами крайние западные и южные области Си Ся. Их отряды овладели городом Цзиши на тибетско-тангутской границе [там же. Гл. 164. С. 1799; ЮШ. Гл. 120. С. 899]. Оттуда Чингис повернул свои войска на север и взял Шачжоу [ЮШ. Гл. 122. С. 916]. В боях под Шачжоу монгольские войска понесли большие потери и едва избежали поражения, попав в устроенную тангутами засаду. После взятия монголами Шачжоу практически вся территория Си Ся, за исключением столицы, оказалась под властью Чингисхана. Началось поголовное истребление населения. В «Сюй цзы чжи тун цзянь» сообщается: «Монголы полностью покорили города и области Си Ся. Его жители зарывались в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел, но спаслись лишь один-два человека из ста.

[17] Хэниш полагал, что всех тангутских правителей монголы называли бурханами, т. е. буддами, поскольку тангутские правители были полудуховными-полусветскими лицами. Так как убивать будду было неудобно, а Чингис твердо решил уничтожить Си Ся и его государей, он приказал именовать последнего государя Си Ся Шидургу (верный, преданный), которого можно было без особых осложнений предать смерти за нарушение верности [Haenisch, 1933. С. 546–547]. По мнению П. Поуха, Шидургу было переложением тангутского титула *Tho-ce* (тибетское *rDo-rje*) — блестящий, великолепный, соответствовавшего монгольскому титулу «хан» [Poucha. P. 285].

Белые кости покрыли степь» [Сюй Цзы-чжи. Гл. 164. С. 1800]. В течение весны и начала лета 1227 г. тангутское государство оказалось стертым с лица земли. Его столица была обречена. По-видимому, только сильная летняя жара отсрочила ее падение. Чингисхан, уже больной, должен был покинуть осаждавшие Чжунсин войска и укрыться в горах Люпаньшань. Тангутский правитель начал переговоры с монголами о капитуляции. По сведениям Рашид-ад-дина, он сообщил, что «если [Чингисхан] даст мне отсрочку, согласится считать [меня] сыном и в этом поклянется, то я выйду [к нему]. Чингисхан поклялся и дал ему отсрочку на определенный срок» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 144].

Окончательная гибель Си Ся связана со смертью Чингисхана. Сведения о времени и месте смерти Чингиса противоречивы. Рашид-ад-дин сообщает, что Чингисхан перед смертью сказал своим приближенным: «Вы не объявляйте о моей смерти и отнюдь не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители Тангута в назначенное время выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте!» В пятнадцатый день среднего месяца осени года Свиньи, соответствующего месяцу рамазану 624 г. (15 августа — 14 сентября 1227 г.), он покинул [этот] тленный мир и оставил престол, владение и государство [своему] именитому уругу. Эмиры, согласно его приказу, скрывали его кончину, пока тот народ [тангуты] не вышел из города. [Тогда] они перебили всех» [там же. С. 233]. По сведениям «Сокровенного сказания», Чингис умер уже после падения столицы Ся; при этом источник тоже подтверждает наличие приказа Чингисхана о поголовном истреблении тангутского народа: «Разгромив тангутский народ и покончив с Идуху Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: "Так как я истребил тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули — мусхули угай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: "Мухули — мусхули угай"». Дважды ополчась на тангутский народ за нарушение данного слова, Чингисхан, после окончательного разгрома тангутов, возвратился и взошел на небеса в год Свиньи (1227)» [Сокровенное сказание. С. 191][18]. Монголы, овладев столицей Си Ся, подвергли ее страшному опустошению. Государство Си Ся перестало существовать. Мимо разрушенных городов и пылавших селений мчался мрачный кортеж с телом Чингисхана, сметая все на своем пути: «по дороге они убивали все живое, что им попадалось, пока не доставили [гроба] в орды [Чингисхана и его детей]» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 233].

О жестоком поголовном истреблении монголами тангутов и уничтожении памятников их культуры сообщают и более поздние источники: «Когда Чингисхан возвратился из земель запада в свой старый лагерь на востоке, — пишет Джувейни (1252–1263), — он выполнил свое намерение выступить против Тангута. И после этого целый район был очищен от злобы его врагов и они все были завоеваны и порабощены» [Juvaini, 1958. P. 180]. Юаньский автор Юй Цзи писал: «Ся погибло. Области и уезды были опустошены войсками. Храмы и школы разрушены до основания» [Юй Цзи. Гл. 4. С. 46].

[18] В переводе Хэниша: «Затем он поработил тангутский народ, Илху Бурхана сделал Шидурху, и, убив его, он приказал истребить тангутский народ до последнего колена, отцов и матерей и целые роды» [Haenish, 1948. S. 135].

И тангутский народ, и тангутская культура погибли от нашествия Чингисхана. Те, кто уцелел от меча завоевателей, постепенно ассимилировались тибетцами, монголами, китайцами [Кычанов, 1965а. С. 154–165]. Лишь отрывочные сведения говорят о том, что среди современного населения предгорий Наньшаня могут быть найдены прямые потомки тангутов Си Ся [Рерих, 1958б. С. 111–112]. Самобытная тангутская культура исчезла почти бесследно. Оригинальное тангутское письмо было забыто навсегда. Лишь случайная находка тангутских книг и рукописей в одном из субурганов у стен Хара-Хото, окраинного города Эдзина тангутского государства, позволяет говорить о высокоразвитой культуре тангутов [Кычанов, 1961б. С. 176–183].

Таким образом, последний поход Чингисхана завершился гибелью целого народа и его культуры.

В последние годы у некоторых китайских историков появилась тенденция замалчивать губительные для многих народов, в том числе и китайского, последствия войн Чингисхана. Существование и развитие таких государств, как киданьское, чжурчжэньское, тангутское, они пытаются трактовать лишь как «необходимый подготовительный этап» [Ван Чжун, 1962. С. 20] для объединения их в «единое государство» (*цюанъ го*), под которым подразумевается Китай. Предполагая, что цель оправдывает средства, отдельные авторы утверждают: «Мы имеем все основания признать, что подчинение уйгур Чингисхану и походы на Цзинь и Ся, бесспорно, и с точки зрения военной, и с точки зрения политической явились подготовкой и репетицией завершения великого объединения всей страны» [Чжоу Лян-сяо, 1962. С. 5]. А поскольку для тангутов Си Ся «великое объединение» означало их поголовное истребление, его оправдывают вопреки исторической истине, будто «двухсотлетняя экспансия Си Ся сыграла разрушительную роль для китайской истории» [там же]. Между тем нельзя скрыть того, что из 167-летнего соседства тангутов и Северного Сун 54 года между этими государствами велись войны, почти все по тем или иным причинам начатые именно Северным Сун. А некоторые из них, как, например, война 1081–1086 гг., откровенно ставили цель уничтожить Си Ся. Точку зрения Чжоу Лян-сяо и некоторых его коллег не разделяли многие китайские историки 60-х гг. [см.: Материалы конференции в Хух-Хото... 1962. С. 164], считавшие, что «возникновение Си Ся отнюдь не было полностью отрицательным и реакционным, противоречащим ходу исторического развития» [Ван Чжун, 1962. С. 32].

Тангутское государство первым приняло на себя удар армий Чингисхана. Вражда Си Ся и Цзинь помешала этим странам объединиться в войне с Чингисханом, и это ускорило их гибель. При сунском дворе, как и за сто лет до этого, не поняли опасности, угрожавшей Китаю. Как когда-то северосунские войска помогали чжурчжэням добивать киданей, а потом половина Китая оказалась под властью Цзинь, так и в XIII в. южносунские полководцы оказывали помощь монголам в их походах на Цзинь, и во второй половине XIII в. весь Китай оказался в руках новых завоевателей. Китайский народ сотнями тысяч жизней заплатил за это «великое объединение»!

Войны с Си Ся и Цзинь потребовали от армий Чингисхана больших усилий. Замыслы покончить с тангутами и чжурчжэнями до похода на запад окончи-

лись неудачей. Они сопротивлялись упорнее, чем Кучлук, овладевший троном кара-китайских гур-ханов, чем войска Хорезм-шахов, чем правители Ирана. На покорение Си Ся понадобилось 22, а на покорение Цзинь 23 года. Как раз в то время, когда монгольские войска вышли в причерноморские степи, Чингисхан получил известие о подготовке тангутов к войне, об их попытках, отчасти успешных, создать античингисхановскую коалицию и, наконец, сообщение о столь нежелательном для него мире между Си Ся и Цзинь. В какой-то мере именно поэтому он вынужден был приостановить военные действия на Западе. Завоевание Си Ся (1227 г.), а затем и Цзинь (1234 г.) задержало монголов на Дальнем Востоке по крайней мере на 10 лет и тем самым отсрочило их вторжение в Восточную Европу.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПОМОЩНИКА КОМАНДУЮЩЕГО ХАРА-ХОТО (март 1225 г.)

Работа по изучению тангутских документов из Хара-Хото трудна и увлекательна. Пока выбор документа для перевода и исследования определяется, к сожалению, не важностью его содержания, а часто внешними обстоятельствами — в первую очередь степенью сохранности и характером почерка, ибо чтение скорописных документов, возможно самых интересных, представляется делом будущего. Вынося на суд читателя данный тангутский документ из Хара-Хото, мы руководствовались при его выборе тем, что текст его сохранился от начала и до конца и написан четким почерком, с небольшим числом элементов скорописного письма.

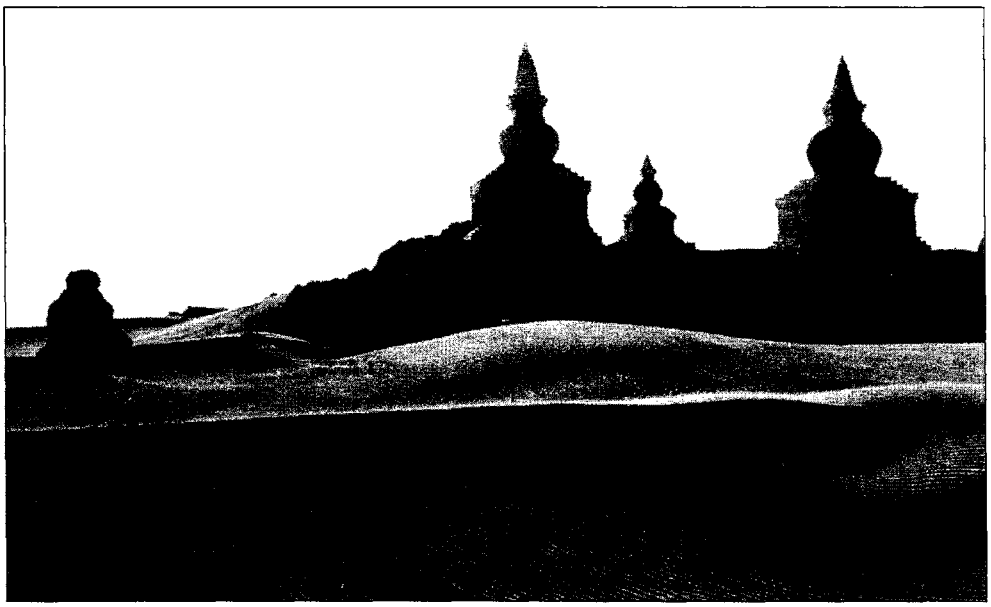

Рис. 62. Хара-Хото. Ступа за пределами стен Хара-Хото

Этот документ, хранящийся под инвентарным номером 8185 в тангутском фонде ЛО ИВ АН СССР, имеет размер 19,3×45,5 см и написан на серой, тонкой, прозрачной бумаге, с частотой линий горизонтальной сетки 6 на один сантиметр, достаточно широко употреблявшейся и прочной и потому в обиходе называемой нами «деловой бумагой». Текст документа состоит из 19 строк по 16 знаков в полной строке. Неполны строки 1, 17–19. Документ датирован с точностью до месяца — 11 марта — 9 апреля 1225 г. (судя по контексту, он был составлен не ранее 21 марта) и имеет на обратной стороне тамгу-подпись.

ПЕРЕВОД

[1] Заместитель командующего [города] Черной реки, душион[1] Сужиай Мбэношион[2] доводит до [Вашего] сведения:

Одиннадцатого дня сего месяца (21 марта) на основании приказа, полученного от Повелителя, Сучжоуского управляющего пограничными делами, держателя золотой пайцзы, прибыли официальные бумаги из уездов Ичжу[3] и Синъань[4] и разосланы приказы-оповещения по военно-полицейскому управлению[5] Западного двора[6]. Повелитель, держатель золотой пайцзы, посол управления иноземцами[7] приступил к выполнению своей задачи. [5] В сопровождении держателя серебряной пайцзы и прочих приписанных к посольству лиц вместе со скотом и людьми [он], пройдя через Ичжу, прибудет в [город] Черной реки. Извещаю, что [для посольства] по перечню [мною уже] подготовлены кони и

---

[1] Душион. Тангутский титул или наименование ранга, возможно только военного. Встречается также в тексте документа № 2736. «Ду» — вероятно, от китайского «ду» 都 — «отряд из ста солдат, глава, командир». «Шион» — в китайской транскрипции «шан», значит «сопротивление, оборона». Можно допустить, что данный титул просто означал «начальник, командир обороны» города и т. п. Однако пока приходится признать, что точное значение термина не установлено. Возможно, это тангутская передача китайского «дучжан» 都長, как предположил Л. Н. Меньшиков.

[2] Мбэношион — имя значимое, его можно перевести как «Железная пагода».

[3-4] Уезды Ичжу и Синъань до сих пор не были известны нам ни по китайским, ни по тангутским источникам. Поскольку через Ичжу лежал путь в Хэйшуй, Хара-Хото, можно полагать, что этот населенный пункт находился в долине реки Эдзин-Гол, являвшейся самой удобной дорогой из Сучжоу в Хара-Хото. Синъань мог быть где-то по соседству.

[5] Военно-полицейское управление — военно-административные округа, на которые делилась территория тангутского государства Великое Ся; одна из административных единиц тангутского государства.

[6] Западный двор — административный центр западных областей Ся. Были также Северный, Южный и Восточный дворы. Их статус и точные функции пока не установлены. Возможно, они отражали какое-то еще более крупное, чем двенадцать военно-полицейских округов, подразделение территории тангутского государства — по типу нескольких столиц в государствах Бохай, Ляо, Цзинь.

[7] Управление иноземцами — буквально «иноземное подворье», орган управления в государственном аппарате Ся, неизвестный нам ранее. Надо думать, что это был центральный орган страны, ведающий взаимоотношениями тангутского государства с соседями. Это управление, вероятно, появилось в конце XII или в XIII в., так как оно не упоминается ни в перечне административных управлений Ся в «Измененном и заново утвержденном кодексе законов [девиза царствования] Небесное процветание (1149–1169)», ни в соответствующем разделе тангутско-китайского словаря «Перл в руке» (1189), памятниках, хранящихся в Тангутском фонде ЛО ИВ АН СССР.

[жертвенное] угощение духам-хранителям[8]. Извещаю, что как только будет получен приказ, местный [чиновник] Мбэношион[9] лично и действительно срочно примет [все] меры к тому, чтобы явиться к Вам на аудиенцию. Извещаю, что как [чиновники], имеющие отношение к делу командования войсками, так и те люди, которые ведают в [городе Черной реки] обороной города, скотоводством, земледелием, обводнением земель и дополнительными трудовыми повинностями[10], [а также] и прочие [должностные лица], находящиеся недалеко от границы, [10] в одном дне [пути от города Черной реки], выступив с ночи, к утру [прибудут для Вашей встречи]! Кроме того, у нас также подготовлены [для Вас] сведения о [людях], отправившихся на сезонную весеннюю перекочевку и на весенние полевые работы, и поступившие на данный момент заявления от тех, кто намерен [нам] подчиниться[11]. Когда же в [мое] отсутствие кто-то из лиц, несущих службу в поселениях внутренних [вверенных мне районов], проявит нерадивость по службе[12], то в соответствии с совершенным проступком дела [на виновных], связанные со снабжением и распоряжением людьми, будут переданы младшему [управляющему] городом пограничному эмиссару[13], городскому инспектору[14] Нгвежиай Нджэушань. [Если же допустившим упущение по

---

[8] Слово «ниа» значит «дух», «дух-хранитель». Словосочетание «мэнвин», буквально «губы — глотка», встречалось нам в контексте с вероятным значением «угощение» [Кодекс. Гл. XX. С. 11а]. Отсюда наш условный перевод: «[жертвенное] угощение духам-хранителям».

[9] Слово «нин» значит «прошлый», «давний». В сочетании со словами «должностное лицо», «служащий» оно встречается в текстах в значении «служащий местной, сельской управы», а в сочетании со словом «деревня» оно имеет значение «родина». Ср.: китайское «гусян».

[10] «Ндончиу» — дополнительные трудовые повинности. «Чиу» значит «дело», «работа», «служба», «ндон» — «косой», «неправильный», «дополнительный». Это словосочетание в значении «дополнительные работы при выполнении трудовой повинности» встречалось нам в «Измененном и заново утвержденном кодексе законов».

[11] «Те, кто подчинился» — буквально «прибытие тех, кто склонил голову [с выражением покорности]». Город Черной реки находился на границе тангутского государства, в районе, где наряду с оседлым населением долины Эдзин-Гола и по берегам озер, расположенных в его устье, было большое кочевое население. Кочевники, особенно нетангуты, не всегда признавали наличие государственной границы и нередко меняли «подданство», переходя из одной страны в другую — из Цзинь в Ся, из Ся в Цзинь или, как должно было быть в районе Хара-Хото, из владений татаро-монгольских племен в Ся и обратно. Кроме таковых всегда имелись просто перебежчики с той и с другой стороны. Это было явление реальное и житейски важное, поэтому, например, в тангутских законах «покорившийся», т. е. пришедший в Си Ся, — лицо, часто упоминаемое, и правилам оформления приема пришельцев, их размещения отведено немало статей. Из монгольских степей в Ся на протяжении полувека до гибели тангутского государства приходило немало беглецов, в том числе таких видных, как Гур-хан кэрэитский, кэрэитский Тоорил-хан (Ван-хан), его сын Сангум, и, наконец, мы знаем, что весной 1225 г. тангуты приняли Шилгаксан-хону, сына найманского хана, разгромленного Чингисом. О таких переселенцах и перебежчиках, конечно не столь знатных, как названные выше, и идет речь в документе.

[12] «Кайрие» — слово, часто встречающееся в кодексе тангутских законов. Означает любое упущение, допущенное чиновником в выполнении его задачи или служебного долга.

[13] Пограничные эмиссары — среднее звено служащих в пограничных районах тангутского государства. Должность, часто упоминается в кодексе законов. Точный круг обязанностей данного должностного лица нам пока неясен.

[14] Городской инспектор — должность, тоже часто упоминаемая в кодексе законов. Судя по всему, это было второе по положению лицо в городской администрации после «управляющего городом», «городского головы». Возможно, что сфера его обязанностей распространялась только на

службе чиновникам] дорога [до города Черной реки] дальняя и [они] останутся дома ждать [решения], а [их проступки] не будут связаны с упущениями в делах снабжения, то [их дела] нелицеприятно[15] предварительно рассмотрит тунпань[16], а [их] допрос и передачу дел [ему] на решение[17] осуществит [15] Хуа Кивешань. С воодушевлением мною отправлены те, кто даст знать [во вверенном мне районе о Вашем прибытии], официальные бумаги и донесения [об этом] вручены [гонцам] и пущены в ход. Прошу решения Повелителя, держателя золотой пайцзы, и ответного распоряжения на полученное [им это] донесение по следующему вопросу: когда Повелитель, держатель золотой пайцзы, будет уже недалеко, то может или нет Мбэношион [лично] срочно прибыть [к нему]?

Год Курицы девиза царствования Небесное спокойствие, второй месяц (11 марта — 9 апреля 1225 года).

Мбэношион

Итак, документ связан с событиями весны 1225 г, с ожидаемым прибытием в город Черной реки (Хара-Хото) управляющего пограничными делами Сучжоуского округа, в который входил Хара-Хото, держателя золотой пайцзы (т. е. сановника высокого ранга, которого Мбэношион в своем донесении именует Повелителем), направляющегося в качестве посла к северным соседям тангутского государства. Поэтому естествен первый вопрос, на который следует попытаться ответить: что это было за посольство и куда оно направлялось?

Весной 1225 г. обстановка в районе Хара-Хото не могла быть спокойной. В феврале этого года Чингисхан возвратился в свою орду на берега реки Толы и готовился выполнить данное им семь лет назад обещание посчитаться с тангутами за отказ принять участие в походе на Запад [Сокровенное сказание. С. 187]. В марте 1225 г., т. е. в том месяце, когда был написан наш документ, посол Чингисхана прибыл к тангутскому государю Дэ-вану и потребовал, чтобы тот послал в орду в качестве заложника своего сына. Мы знаем, что Дэ-ван ответил монголам отказом. Тангутским сановникам, сторонникам отправки заложника, он заявил: «Я только что восстановил мир с Цзинь (речь идет о мире 1224 г., положившем конец спровоцированной Чингисханом войне между тангутами и чжурчжэнями. — *Е. К.*) и надеюсь общими усилиями устоять против северного врага (т. е. Чингисхана. — *Е. К.*). Жэн — мой единственный сын. Послать

город, не выходя за его пределы, хотя в нашем случае Нгвежиай Нджэушань был одновременно и пограничным эмиссаром.

[15] «А ни» — буквально «[с] одним лицом». Употребление слова «ни», «лицо» в контекстах, связанных с нелицеприятным или тенденциозным рассмотрением дел, часто встречается в кодексе законов.

[16] Тангутское «тунньджие» в переводе соответствует китайскому «тунпань». В современном Ся сунском Китае тунпань был должностным лицом со статусом, который в европейских эквивалентах оценивается положением вице-префекта, заместителя управляющего округом.

[17] «Куань» — термин делопроизводства. По существовавшему в тангутском государстве порядку дело, связанное со служебным проступком или любым преступлением, рассматривалось местной администрацией, а если решение по нему не выносилось, оно передавалось в другие инстанции, более компетентные, для доследования и вынесения решения (приговора). «Куань», судя по кодексу законов, как раз термин, означавший такую передачу дел.

его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться! Зачем спешить?» [ССШШ. Гл. 43. С. 3а]. Но мы не знаем, сколько времени длились переговоры. Возможно, поездка управляющего пограничными делами Сучжоуского округа и была связана с ходом этих или иных переговоров между тангутами и монголами. Если это так, то документ дает нам новые важные сведения о том, кто был направлен тангутским послом к монголам. Вероятно, дело не терпело отлагательств, посольство было сформировано в ближайшей к территории Монголии области во главе с управляющим пограничными делами, чиновником, наделенным высокими полномочиями, ибо он имел золотую пайцзу, а сопровождало его второе лицо, держатель серебряной пайцзы. Они представляли управление, ведавшее делами иноземцев, орган тангутского государственного аппарата, составлявший, по-видимому, своеобразное министерство иностранных дел, учреждение, до сих пор неизвестное нам по документам XI–XII вв. и, вероятно, появившееся в конце XII — начале XIII в. О прохождении посольства были официально оповещены районы долины реки Эдзин-Гол, где проходил его путь, и местные чиновники готовились к встрече. Одним из них и был Сужиай Мбэношион, заместитель командующего города Черной реки. Мы можем попытаться поставить вопрос о том, почему донесение писал помощник командующего, а не сам командующий. Дело в том, что командующего войсками в Хара-Хото в эти предгрозовые дни могло как раз не быть. Из другого тангутского документа [Тангут. фонд. Инв. № 2736; Kyčanov, 1971. P. 189–201] мы знаем, что в седьмом месяце (18 июля — 16 августа) 1224 г. управляющий обороной города Черной реки Мбэнин Нджживува просил о переводе его в другое место и о замене его уйгуром Шион (Железо). Последний знак в имени подателя исследуемого нами сейчас донесения тоже Шион (Железо). Не одно и то же ли это лицо? Мы пока не вправе утверждать это, но и не вправе отказаться от такого предположения. Возможно, просьба Мбэнина Нджживува была удовлетворена. Он был переведен в другое место, на юг, поближе к своей престарелой матери, в Минша (эта область находилась к юго-западу от современного Линъу, Ганьсу), о чем он слезно молил, а исполнять его обязанности стал Сужиай Мбэношион, уйгур по национальной принадлежности, если судить по документу № 2736. Ему дали тот же титул, который был и у Нджживува, — душион вместо прежнего жиайгхо, но не дали серебряной пайцзы, которую имел Нджживува. Время было смутное, страх перед монгольским нашествием очевиден — неслучайно Нджживува так рвался с севера на юг, и более высокого по рангу командира подобрать сразу было нелегко. Это все, конечно, предположения, которые могут подтвердиться, а могут и не подтвердиться, хотя очевидно следующее: Сужиай Мбэношион был на март 1225 г. административно старшим лицом в Хара-Хото, и именно он готовил встречу посла и своего вышестоящего начальника, испрашивая у него разрешения представиться лично.

Донесение, собственно, и состоит из краткого перечня подготовительных мероприятий к встрече посла и запроса о возможности представиться ему лично еще на подступах к городу. Для посольства подготовлены кони — снабжать сменными лошадьми послов и членов посольств, а также всех прочих лиц, едущих по государственным делам, да еще с пайцзой, было в тангутском государстве прямой обязанностью местных властей и местного населения. Сам Мбэ-

ношион и все чиновники далекого провинциального города Черной реки — кто тогда мог знать, что через семьсот лет благодаря находкам этих уникальных документов его на какой-то момент даже сочтут столицей тангутского государства! — готовы лично явиться на глаза высокому начальству — все, кто командует войсками, ведает земледелием и скотоводством, трудовыми повинностями и орошением земель, все, кто находится на расстоянии дня пути от границы, чей приход не будет осложнен дальней дорогой и трудностями пути. Подготовлены сведения о тех, кто отсутствует в связи с весенними работами на полях и перекочевками скота. Порядок наказания тех, кто в отсутствие верховного местного судьи Мбэношиона допустит упущения по службе, твердо установлен. Особенно это касается тех, кто допустит промахи «в снабжении» города, видимо, всем — продовольствием, хлебом и скотом, фуражом, оружием и военным снаряжением. Из документа № 2736, доклада Нджибува, мы знаем, что к осени 1224 г. продовольственное положение в Хара-Хото было тяжелым. Особое выделение в донесении проступков, связанных со снабжением, заставляет думать, что оно продолжало оставаться нелегким и весной 1225 г. Страшная война, гибельная для государства тангутов, надвигалась, и мы хорошо знаем, что посольство тангутов, возглавляемое сучжоуским управляющим пограничными делами, который, вероятно, ехал к Чингису, не смогло предотвратить ее.

Однако мы не можем отказаться и от другого предположения — сучжоуский управляющий пограничными делами мог ехать и к врагам Чингиса, к возможным союзникам в борьбе с ним. Хорошо известно, что даже в зените своей славы Чингис никогда не чувствовал себя в полной безопасности в своих родных монгольских степях. Еще в феврале-марте 1224 г. Дэ-ван предпринял попытку добиться заключения союза против Чингиса с племенами, живущими «к северу от песков» [ССШШ. Гл. 42. С. 1а]. В данном случае речь могла идти и непосредственно о племенах Монголии, относительно недавно покоренных Чингисом (кэрэиты, нэйманы, сторонники Джамухи, уцелевшие татары и меркиты), или о племенах, живших к северу от пустыни Такламакан, как предполагал Х. Д. Мартин [Martin, 1942. P. 210–211].

Известие об этих переговорах дошло до Чингиса и вынудило его поспешить с возвращением на родину. «Чингис решил возвратиться из Пешавара к себе домой. И причиной для столь поспешного его возвращения было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали колебания между подчиненными и мятежи» [Juvaini, 1958. P. 139]. Так что посольство могло ехать к каким-то лицам или группам лиц, оппозиционно настроенных к Чингису. Но это предположение нам кажется менее вероятным. Скорее всего, сучжоуский управляющий ехал непосредственно к Чингису, и из нашего документа мы узнаем об одной из деталей обмена посольствами и переговоров, которые продолжались весь 1225 г., а завершились вторжением армий Чингиса, предводительствуемых им лично, на территорию тангутского государства весной 1226 г. Первой жертвой этого вторжения и был город Черной реки, Эдзина, Хара-Хото.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДУНГАН

Дунгане сформировались на основе одной из групп хуэй. «В эпоху Юань, — пишут А. М. Решетов и Н. Н. Чебоксаров, — сложилась своеобразная группа хуй как ответвление китайского этноса, принявшая мусульманство» [Решетов, Чебоксаров, 1973. С. 105]. Консолидирующая роль ислама в формировании этой группы населения Китая и его влияние на отчуждение современных китайцев-мусульман от всех прочих китайцев были настолько велики, что название религии, звучащее по-китайски как «хуэйцзяо», стало названием этнорелигиозных групп, исповедовавших ее, как китайских, так и некитайских по этнической принадлежности. До 1949 г. хуэй называли нередко всех мусульман Китая — китайцев, уйгуров, казахов и др. После образования Китайской Народной Республики под хуэй стали понимать только мусульман, говорящих на китайском языке [Решетов, 1972. С. 139]. Суть споров об этногенезе хуэй в следующем: были это китайцы, принявшие ислам (вариант — «местные китайцы, смешавшиеся с мусульманами») [там же. С. 141], или, наоборот, — некитайские этнические группы, исповедовавшие ислам и принявшие китайский язык.

Справедливость мнения о «правомерности выделения (добавим, нынешних. — *Е. К.*) хуэй в народность» [там же. С. 144] оправдана. Однако происхождение каждой из групп хуэй: ганьсу-шэньсийской (северо-западной), фуцзяньской и юньнаньской — следует рассматривать отдельно.

Обратимся теперь к истории формирования тех китайцев-мусульман, которые проживают ныне в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. Именно их часть попала в Восточный Туркестан, переименованный цинскими властями в 80-х гг. XIX в. в Синьцзян, а затем в пределы современной Средней Азии. Само слово «дунган» (дун-гань), скорее всего, лишь обозначает по-китайски, что эти люди суть выходцы из восточных (дун) районов провинции Ганьсу (гань), т. е. как раз тех мест, которые входят в территорию Нинся-Хуэйского автономного района [Сушанло, 1971. С. 50].

С точки зрения научного подхода к проблемам этногенеза не существует народов, в формировании которых не участвовали бы различные этнические компоненты. Этот подход нередко противоречит обыденному сознанию, которое отстаивает исконность, «чистоту» происхождения своего народа, отсутствие

в нем иноплеменных примесей. Незнание этнической истории своего народа может стать источником националистических, шовинистических и расистских взглядов. Это замечание не относится прямо к этногенезу дунган, но оно связано с дилеммой: являются ли хуэй китайцами, принявшими мусульманство, или же это мусульмане, усвоившие китайскую культуру и язык. Такая формулировка, отражающая крайние позиции в изучении прошлого дунган, и ныне нередко присутствует при решении этой проблемы, хотя и в завуалированной форме. Есть несколько точек зрения, каждая из которых близка к одной из этих крайних позиций. Возьмем для примера работы советских исследователей. В 1972 г. А. М. Решетов писал: «Каким бы ни был субстрат северных хуэй, их формирование шло на основе китайского языка и культуры при сильном влиянии мусульманской религии» [Решетов, 1972. С. 140]. В целом постановка вопроса, как нам представляется, правильная, хотя автор неоправданно считает, что процесс этот протекал примерно в VII–XIII вв. [там же]. Ни о какой сколько-нибудь заметной роли ислама в том регионе, где сложилась будущая этнорелигиозная группа хуэй, до второй половины XIII в. не приходится и говорить. Это был мир буддизма махаяны, принимавшего повсюду специфическую национальную окраску: китайскую, тибетскую, тангутскую, уйгурскую и т. д. Ислам и христианство исповедовали на этой территории небольшие общины выходцев с Запада, бывших по своему социальному положению преимущественно купцами.

Хуэй не просто «ответвление китайского этноса», и в их формировании участвовали не только китайцы.

Китайские авторы, особенно из числа мусульман, считают, что хуэй — это китаизированные некитайцы-мусульмане — персы, арабы и т. п. [Сушанло, 1971. С. 53 сл.]. Надо сказать, что эта точка зрения импонировала и импонирует части мусульманской элиты хуэй, ибо тем самым хуэй, и дунгане в том числе, оказывались потомками арабов, того народа, который выдвинул из своей среды самого Мухаммеда. Никто не оспаривает фактов оседания согдийцев, выходцев из Персии и из арабской среды, в западных районах танского Китая, но столь же очевидно, что из-за своей малочисленности эти группы выходцев с Ближнего Востока не могли стать основным ядром нынешних хуэй. Историк и этнограф М. Сушанло пишет: «Советские дунгановеды единодушно считают, что субстратом в формировании дунганской народности были местные... народы» [там же. С. 51]. Автору этой статьи как историку, имеющему дело с регионом формирования хуэй, такая постановка вопроса кажется наиболее верной с учетом того факта, что в число «местных народов» входили и китайцы. Время сложения этнорелигиозной группы хуэй и этнические компоненты, вошедшие в ее состав, — вот что было и должно быть впредь объектом пристального внимания и исследования в тех случаях, когда ставится вопрос об этногенезе хуэй и дунган. Настоящее сообщение привлекает новые материалы, не использовавшиеся ранее при рассмотрении этногенеза дунган, и на их основе поднимает два вопроса: 1) возможно ли было участие тангутов государства Си Ся (982–1227) в этногенезе дунган и какова была роль государства? 2) когда началась активная исламизация региона?

Мы уже упоминали о том, что до XIII в. нет никаких сколько-нибудь исторически достоверных данных о существовании в нынешнем Северо-Западном

Китае достаточно многочисленных групп мусульман, говоривших на китайском языке. Район будущей провинции Ганьсу фактически и при Тан (VI–X вв.) не был подолгу частью китайского государства, и проживало здесь смешанное население: китайцы (Дуньхуан, Линчжоу — современный Линъу — и ряд других местностей), с IX в. уйгуры, которые до 1036 г. правили всей западной частью Ганьсу (Ганьчжоуское, Сучжоуское и Шачжоуское ханства), тибетцы (район города Лянчжоу и южнее), тангуты (центральные округа Ордоса и восточные склоны гор Хэланьшань).

Как показывают данные китайской статистики тех лет, даже в годы, когда эти области входили в состав китайского государства, например в X в., китайцы в них были в меньшинстве. Так, в округе Сячжоу проживало 19 290 семей тангутов и 2096 семей китайцев [Кычанов, 1968. С. 16]. Примерно такое же соотношение китайского и тангутского населения было и в других округах. После 1036 г. тангуты овладели всей территорией будущей провинции Ганьсу. Тангутское государство было в современном понимании многонациональным, в нем проживали тангуты, китайцы, тибетцы, уйгуры. Ни о каком формировании хуэй в период существования тангутского государства источники говорить не позволяют. Значит, хуэй как народность могли сложиться только после гибели тангутского государства Си Ся (после 1227 г.).

Бывшее население Си Ся было ассимилировано в том гигантском ассимиляционном реакторе, которым всегда был Китай для соседних малых народов, даже независимо от воли правящих династий. Более миллиарда нынешних китайцев — это плоды не только естественного роста китайского населения, но и гигантской ассимиляционной работы китайского этноса и его культуры, исключительно стойких и активных в этом отношении. Мы уже писали о том, что после разгрома Си Ся войсками Чингисхана часть тангутов Си Ся оказалась среди восточнотибетских племен, часть была ассимилирована монголами, а большая часть — китаизирована [Кычанов, 1965а]. Китаизация происходила в двух регионах: в собственно Китае, куда была переселена часть тангутов (таких было меньшинство), и на месте, на бывшей территории Си Ся, как раз там, где сформировалась этнорелигиозная группа хуэй. Состав населения на территории будущей китайской провинции Ганьсу во второй половине XIII в. был чрезвычайно пестрым: здесь жили тангуты Си Ся, китайцы, тибетцы, уйгуры — бывшие жители государства Си Ся, монголы-завоеватели, выходцы из районов Средней Азии, заброшенные сюда войной [Кычанов, 1968. С. 315–330]. Таким образом, если мы стоим на тех позициях, что хуэй северо-запада Китая сформировались в Восточном Ганьсу (современный Нинся-Хуйский автономный район), а других данных у науки нет, то вывод, уже сделанный М. Сушанло о том, что «языком этнического формирования дунганской народности в районах северо-запада Китая стал китайский язык, носителями которого в этих местах были тангуты, главным образом городские и оседлые части остатков тангутского населения Си Ся» [Сушанло, 1971. С. 71], и, добавим, местные китайцы, — логичен и правилен. Он не противоречит сделанному нами ранее выводу о том, что те тангуты, которые остались на территории своего бывшего государства Си Ся (Западное Ся), ставшей областью Нинся (Покоренное Ся), были китаизированы. Во второй половине XIII — начале XIV в.

местное население будущей Восточной Ганьсу — тангуты Си Ся, китайцы, проживавшие и ранее в Си Ся, уйгуры, тибетцы, монголы, народности, пришедшие с монголами, — все, для кого в государстве Юань китайский язык стал единственным и естественным языком общения, слились постепенно в единый этнос — не чисто китайский, а смешанный по происхождению, который и стал основой нынешних хуэй-дунган. Китайцы были лишь одной из его частей. Вот почему вывод о том, что хуэй — это просто китайцы-мусульмане, если речь идет об этногенезе хуэй, неточен.

Очень существенным является вопрос, как это произошло. Когда и почему ислам стал господствующей религией в этом регионе? Короче, нужны факты, которые подтверждали бы процесс исламизации местного населения. Старое объяснение о пришельцах из Средней Азии, с Ближнего Востока, из стран исповедания ислама малоубедительно. Сколько бы таких пришельцев ни было, их всегда было значительно меньше местного населения, буддийского по вероисповеданию, будь то тангуты, китайцы или уйгуры.

Нужна была сила, заставившая местное население обратиться к исламу, политическая сила, власть, насаждавшая ислам. И такая сила, оказывается, была. Этой силой, которая произвела исламизацию области Тангут (так в конце XIII в. монголы именовали бывшую территорию Си Ся) и превратила разноплеменное население Тангута в мусульман (хуэй), говорящих по-китайски, как ни странно, были сами монголы, а среди них хан Ананда, внук знаменитого Хубилай-хана, правитель области Тангут. Отец Ананды (китайская транскрипция — Ананьда) Мангала (кит. Мангэла) был третьим сыном Хубилая [ЮШ. Цз. 107. С. 840; Рашид-ад-дин, 1960. С. 154]. Оба они, Мангала и Ананда, отец и сын, имели титулы Аньси ванов (князей Умиротворителей Запада). Мангала получил этот титул в 1271 г. Ананда, который наследовал его в 1279 г. [ЮШ. Цз. 108. С. 843], был ярым приверженцем ислама.

У Мангала часто умирали дети, и воспитывать Ананду поручили одному туркестанскому мусульманину по имени Мехтар Хасан Ахтачи. «Жена этого человека, по имени Зулейха, выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима, он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 208].

Придя в 1279 г. к власти, Ананда прежде всего «бóльшую часть стопятидесятитысячного войска монголов, которые от него зависят... обратил в мусульманство» [там же]. Так как Ананда «сделал обрезание большинству монгольских мальчиков и обратил в ислам бóльшую часть войска» [там же], последовал донос Хубилаю и арест Ананды. На первый раз Ананду спасло лишь то, что его войска были нужны Хубилаю в борьбе за сохранение престола. И Хубилай по совету жены своей Кокчин-хатун освободил Ананду, решив не обращать внимания на то, что «все те войска и население области Тангут — мусульмане и упорствуют в этом», предоставив ему «самому разбираться в своей вере» [там же. С. 209]. Преемник Хубилая хан Тимур вообще благосклонно относился к исламу, и при нем Ананда «много радел о мусульманстве» [там же]. Если при воцарении Тимура (Чэн-цзуна) в 1295 г., по предположению Рашид-ад-дина, Ананде было около 30 лет, значит, он родился около 1265 г. Биографии Ананды в «Юань ши» (хроника династии Юань) нет. По описанию того же

Рашид-ад-дина, Ананда был «смуглый, с черной бородой, высокого роста и полнотелый» [там же]. Ставка Ананды была у озера Чаган-Нора [там же. С. 185]. Ананда активно насаждал ислам в Тангуте в течение всего царствования Тимура. Со смертью Тимура, после воцарения У-цзуна, Ананда был втянут в борьбу монгольских принцев и, по данным «Юань-ши», в 1307 г. «пожалован смертью» [там же. С. 194; ЮШ. Цз. 22. С. 173; Цз. 108. С. 843]. Именно поэтому мы не находим его биографии в истории династии Юань.

Деятельность Ананды по насаждению ислама не пропала даром. Неслучайно современник его, Рашид-ад-дин, отметил в своем труде, что «из положения Ананды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана, они войдут толпами в веру Аллаха... они войдут толпами и станут правоверными и единобожниками-мусульманами... и их дети, и внуки» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 209]. Рашид-ад-дин не ошибся. Шли они толпами или нет, но их дети и внуки, внуки тех, кто населял область Тангут, — тангутов, китайцев, уйгуров, монголов, тибетцев и других племен и народов, государственным языком которых в период Юань был китайский, где-то в XIV в. постепенно слились в единую группу мусульман, жителей империи Юань, говоривших по-китайски либо оставшихся еще двуязычными. С приходом к власти китайской династии Мин она была полностью китаизирована и образовала ту группу китайцев-мусульман северо-запада, на основе которой сложились и современные дунгане. По происхождению — это смесь ряда этносов, в которой, как было показано выше, весомой была и тангутская струя. Те антропологические признаки, которые отличают хуэй от китайцев — слабо выраженный эпикантус, высокое переносье, более сильный рост бороды, были характерны как для тангутов Ся, так и для северо-восточных тибетцев [Кычанов, 1968. С. 65–66]. Однако каких-либо следов тангутской культуры в культуре хуэй и дунган пока не выявлено.

ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАНГУТ ИМПЕРИИ ЮАНЬ (XIII–XIV вв.)

Вопрос о судьбах населения Си Ся после уничтожения этого государства Чингисханом в конце лета — начале осени 1227 г. не раз рассматривался историками региона. Проблема четко подразделяется на два основных вопроса: вопрос о судьбах многонационального населения тангутского государства — тангутов (ми, миняг), китайцев, тибетцев, уйгуров и др., и вопрос о том, как и почему население бывшей территории Си Ся превратилось в китайцев-мусульман, новую этноконфессиональную общность.

Та часть населения Си Ся, которая не погибла во время завоевания и покинула в ходе войны и позже территорию Си Ся, оказалась в Тибете и прилегающих к нему районах провинций Цинхай и Сычуань, в центральных районах Китая и в Монголии, куда было уведено немало ремесленников и иных полезных для монголов людей. Известно, что тангуты служили в монгольской армии и участвовали в монгольских походах на запад. В Юаньской империи они получили достаточно высокий статус сэму.

Территорией после ее завоевания первоначально управлял сын Угэдэя Кодан, его ставка была в Силян (Увэй). В 1261 г. на бывшей территории Си Ся было создано управление Си Ся синшэн. В 1272 г. регион был пожалован третьему сыну Хубилая Мангэле, Мангэла получил титул Аньси вана. После его смерти титул Аньси вана и управление регионом перешли к сыну Мангэлы Ананде. При правлении Ананды в 1281 г. было восстановлено управление Си Ся синшэн, до этого просуществовавшее только один год и ликвидированное в 1273 г.

Ананда был вовлечен в борьбу за престолонаследие, потерпел в этой борьбе поражение и в 1307 г. казнен. Бывшая территория Си Ся была включена в Ганьсу синшэн.

Известно, что юаньские власти расселяли жителей бывшей территории Си Ся как во внутренние районы Китая, так и на территорию нынешней провинции Синьцзян и, в свою очередь, заселяли бывшую территорию Си Ся переселенцами из других регионов.

Для решения вопроса об исламизации региона существенны сведения о мусульманах, живших на бывшей территории Си Ся до образования этого го-

сударства и в период его существования. Небольшие мусульманские и христианские общины были в этом районе при династии Тан. Но в целом этот обширный район между Дуньхуаном и храмовыми комплексами Утайшань являлся заповедником буддизма. Таковым он оставался и в период существования Си Ся. Ни китайские, ни тангутские — на языке Си Ся — первоисточники ничего не упоминают о мусульманах или христианах, проживавших на территории тангутского государства. Свод законов Си Ся (1149–1169) много раз упоминает о буддистах и даосах и их общинах, но ни слова не говорит об общинах мусульманских или христианских. Поэтому если таковые и имелись, то роль их была ничтожной, и нет оснований говорить о достаточно многочисленном мусульманском населении в этом регионе в XI–XII вв.

Роль ислама резко возросла на этой территории после гибели Си Ся. Возможно, имело место и значительное распространение христианства, поскольку из текста на сирийском языке «Истории Мар Ябалахи III и раббан Саума» мы узнаем о том, что имелся пост митрополита Тангута, а ехавшие из Пекина в Иерусалим два монаха-несторианца, уйгуры по этнической принадлежности, обнаружили по пути в Тангуте собратьев-христиан, «помыслы которых были чисты», а вера «весьма горяча». Были ли это христианские общины, которые существовали еще при Си Ся, или это были какие-то переселенцы, остается неизвестным, так же как и неизвестна дальнейшая судьба этих христиан, скорее всего, подвергшихся исламизации.

Число мусульман на бывшей территории Си Ся возрастает в XIII в. Как полагают, это были переселенцы из Средней Азии, из бывшего государства Хорезм-шаха, а возможно, и из более отдаленных регионов, оказавшихся в сфере монгольских завоевательных войн. Как бы там ни было, в середине XIII в. на бывшей территории тангутского государства проживало смешанное население из бывших жителей Си Ся — тангутов, китайцев, тибетцев, уйгуров и прочих этносов, о которых мы не знаем или знаем, но не можем их идентифицировать, например неких шаньго, и новых переселенцев из Средней Азии, с территории нынешней провинции Синьцзян, монголов и бывших насельников Монголии, китайцев, из смежных ранее с Си Ся и из глубинных районов Китая. К населению, исповедавшему буддизм, который пока еще не утратил своего значения, присоединились мусульмане, христиане и люди иных вероисповеданий.

На данном этапе сыграла свою роль хорошо известная веротерпимость монголов, та «свобода вероисповеданий», которая была характерна для правителей Юань. Естественно предположить, что, как и для всей огромной территории Юань, основным языком общения этой смешанной по населению территории стал или становился китайский язык, точнее, даже то, что китайский язык попросту не утратил своего значения, поскольку и во времена Си Ся он являлся вторым языком в этом государстве наряду с тангутским и был равноправным языком буддизма вместе с тангутским и тибетским. Это достоверно известно из законов тангутского государства.

Как же вдруг этот регион стал исламским, самым большим на сегодняшний день районом проживания многомиллионной массы китайцев-мусульман, этноконфессиональной общности, говорящей по-китайски, считающей себя ки-

тайцами и исповедающей ислам? Мусульманская элита этого региона не прочь считать себя потомками выходцев с Ближнего Востока, прежде всего арабов. Но если таковые и есть, то число их ничтожно. Мы уже говорили, что нет сведений о сколько-нибудь заметном числе мусульман в этом регионе в XI–XII вв., нет и сохранившихся или развалин мусульманских культовых сооружений (мечетей, мазаров, медресе и т. п.). Версия о том, что в формировании населения, исповедующего ислам, в этом регионе ведущую роль сыграли выходцы с Ближнего Востока и из Средней Азии в VIII–X вв. или позже переведенные сюда монголами, неубедительна. Поскольку выпадает период XI–XII вв., время существования государства Си Ся, то значит, что все-таки все произошло после 1227 г., после гибели Си Ся, во время существования в Китае династии Юань. Не могли круто изменить религиозную ориентацию региона и мусульмане — выходцы из Средней Азии.

Сделать что-то такое могла только монгольская властная сила этого периода. И, к счастью, имеется источник, который подтверждает версию о том, что местное многонациональное население обратили в ислам именно монголы. Этот источник — «Сборник летописей» Рашид-ад-дина.

Случилось так, что внук реального основателя юаньской династии императора Хубилая (Ши-цзу) Ананда оказался ярым приверженцем ислама. У его отца, третьего сына Хубилая, упоминавшегося выше Мангала, часто умирали дети. Когда родился Ананда, родители, стараясь сберечь его, поручили вскармливание и воспитание ребенка семье некоего мусульманина из Средней Азии по имени Мехтар Хасан Ахтачи. «Жена этого человека по имени Зулейха выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима, он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски». Таким образом, Ананда впитал в себя ислам с молоком своей кормилицы, был сам обращен в ислам с детства, имел мусульманское образование и слепо следовал догматам веры. Для него, монгольского принца, ислам стал образом и символом жизни, как писал Рашид-ад-дин, «вера укрепилась в его сердце и была непоколебима».

Обратить иноверца в ислам — одна из задач верующего мусульманина. Вспомним хотя бы то, что этого требовали афганские моджахеды от советских военнопленных, и часто небезуспешно. Поэтому, придя в 1279 г. к власти, став Аньси ваном и правителем области Тангут, Ананда, используя свое положение, прежде всего «бóльшую часть стопятидесятитысячного войска монголов, которые от него зависят... обратил в мусульманство». Рашид-ад-дин подчеркивает, что в ислам были обращены в первую очередь те, кто зависели от Анандy, что это был волевой акт, т. е. та же практика принуждения, которой пользовались за несколько сот лет до этого арабы, «убеждая» непокорных принять ислам жестким дополнительным налогообложением. Итак, следуя этому накатанному пути, Ананда, как сообщает Рашид-ад-дин, «сделал обрезание большинству монгольских мальчиков и обратил в ислам большую часть войска».

Это вызвало недовольство, и один из подданных Ананды, некто Сартак, подал на Ананду донос Хубилаю. Хубилай, лично симпатизировавший буддизму и много сделавший для поддержки буддистов на бывшей территории Си Ся, для издания буддийских текстов на тангутском языке, тогда еще живом,

приказал Ананду арестовать. Однако дальше ареста дело не пошло. Войска и люди Ананды были нужны Хубилаю. В конце 1276 г. сын Хубилая Номухан, назначенный ранее наместником города Бэйтин, был захвачен родовитыми заговорщиками, во главе которых стоял двоюродный брат Хубилая — Хайду. Внуком Толуя, сына Чингисхана, Тог-Темуром, сыновьями также враждебного Хубилаю Арик-Буки Номухан был вывезен в Золотую Орду. Лишь в 1284 г. Номухан вернулся в Пекин. Хотя Хайду открыто не поддерживал заговорщиков, арестовавших сына императора Юань, он был вне власти Хубилая и правил областями, расположенными к северо-западу от юаньской империи, создавая постоянную угрозу правителю последней. Ананда и его армия были ближе всех к владениям Хайду. Кроме того, нужно было снабжать зерном столицу великой монгольской империи город Каракорум, ради чего Хубилай неоднократно принимал меры к развитию земледелия в Тангуте, откуда зерно должно было поступать в Монголию. И, наконец, Хубилай, бодисатва, идентифицировавшийся с бодисатвой Маньчжушри, как истинный монгол своего времени, считался и покровителем ислама, и в его владениях мусульмане даже были освобождены от регулярного налогообложения. Финансами империи с 1262 по 1286 г. руководил мусульманин Ахмед. Он поощрял мусульманскую торговлю и выступал защитником мусульман в Китае. Он был убит китайцами-заговорщиками в апреле 1282 г.

С 1282 по 1291 г. влиятельным лицом в правительстве Хубилая был Санга, который тоже покровительствовал мусульманам и даже добился создания школ по изучению «мусульманского письма». Таким образом, в окружении самого Хубилая всегда были защитники ислама.

Отношение же лично Хубилая к исламу было противоречивым. Однажды он принимал торговцев-мусульман. Во время обеда те отказались есть мясо, поскольку бараны были зарезаны не по мусульманскому обычаю, а по-монгольски. Это была глубокая обида Хубилаю и как императору, и как монголу, требовавшему уважения к своим обычаям. Хубилай в 1280 г. издал указ о запрещении в столичной области резать овец по-мусульмански. В 1287 г. он даже намеревался издать указ об изгнании всех мусульман из Китая, но Санга отговорил его делать это, ибо что стало бы с образом покровителя мусульман? Действительно, все свое царствование Хубилай поощрял исламизацию юго-западной провинции Юньнань. Там до 1279 г. правил мусульманин Саид Аджан, а затем его сыновья Назир-ад-дин и Месуд-ад-дин. Таким образом, отношение буддиста Хубилая к исламу все его царствование было противоречивым, но отнюдь не антиисламским. Именно в силу этих причин, когда жена Хубилая Кокчин-хатун заступилась за арестованного Ананду, Хубилай послушался жены и отпустил его из-под ареста. По Рашид-ад-дину, и без Ананды дело исламизации шло успешно, «ибо все те войска и население области Тангут — мусульмане и упорствуют в этом», т. е. не только бóльшая часть войска, но и часть населения Тангута уже была обращена в ислам.

Выпущенный из под ареста Ананда «много радел о мусульманстве», и, как далее писал Рашид-ад-дин, «из положения Ананды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана — "они войдут толпами в веру Аллаха", они

войдут толпами и станут правоверными и единобожниками». Последнее могло относиться к лишенным веры в единого бога буддистам. Даже Сартак, который донес на Ананду, «теперь тоже стал мусульманином, и он — один из его старших эмиров».

По описанию Рашид-ад-дина, Ананда был человеком «смуглым, с черной бородой, высокого роста и полнотелый». После смерти Хубилая и его преемника Тимура (Чэн-цзуна), в годы воцарения У-цзуна Ананда оказался втянутым в междоусобную борьбу монгольских принцев. Группировка, которую он поддерживал, потерпела поражение, и в 1307 г., по сведениям «Юань ши», Ананда был «пожалован смертью». Это обстоятельство, очевидно, стало причиной того, что жизнеописание Ананды не было включено в составленную и без того достаточно небрежно «Историю Юань» («Юань ши»), а потомки и наука лишились важнейших сведений о хоть каких-то деталях исламизации области Тангут империи Юань, бывшей территории тангутского государства Си Ся.

Рашид-ад-дин не ошибся в одном: силою ли жители Тангута и их дети и внуки «толпами вошли в веру Аллаха» или нет, но представляется достаточно достоверным, что многоязычное население области Тангут — тангуты, китайцы, уйгуры, тибетцы, монголы, люди из Средней Азии, люди иных национальностей и из иных мест в пределах государства Юань, имея общим языком язык китайский, где-то в XIV в. образовали единую группу, этноконфессиональную общность «хуй», китайцев-мусульман. Окончательная «китаизация» этой общности, скорее всего, произошла и завершилась при династии Мин.

Это был тот же процесс, в ходе которого уйгурское население нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района из буддистов стало мусульманским. Важным условием быстрой исламизации области Тангут стало применение властной силы, и переход смешанного населения региона в ислам был в значительной мере насильственным, хотя, возможно, что формы принуждения были и достаточно гибкими. Большое значение имела гибель государства Си Ся, которое поддерживало буддийское вероисповедание населения данного региона, физическое уничтожение в ходе завоевания Си Ся в период с 1205 по 1227 г. большей части населения тангутского государства. От многонационального и в годы существования Си Ся населения остались осколки этносов, размытые дополнительно сменой состава населения региона, ставшего «коридором», «проходным двором» между собственно Китаем и областями Средней Азии и Ближнего Востока.

Немаловажным стал фактор веротерпимости монголов и монгольской правящей элиты в особенности. Части этой элиты были шаманистами, буддистами, христианами-несторианцами, мусульманами. Терпимость оборачивалась безразличием к насильственному обращению какой-то части населения в ту или иную веру, если это не затрагивало чьих-то политических интересов. Столь же существенным для территории государства Юань явилось то, что и Китай традиционно не имел единой веры, и островки ислама были на его территории и до середины XIII в. Объяснимо и то, что языком новой этноконфессиональной общности стал китайский язык. Это был общий язык для многонациональной империи Юань, в которой подавляющее большинство составляли этниче-

ские китайцы (хань). Часть вновь обращенных в ислам также была этническими китайцами. Новая вера имела язык религии (арабский), но не имела своего языка общения. Как для западных окраин монгольского господства, территории Золотой Орды, также переживавшей успехи исламизации, языком общения стал язык половцев-кыпчаков (позже — татарский), так для мусульман Юань — китайский.

Процессы ассимиляции на территории Китая протекали с глубокой древности и не завершены до сих пор, как и в других частях света. Десятки неханьских этносов стали китайцами, и бывшее население государства Си Ся не представляло собой исключения. Те тангуты, которые поселились в глубинных районах Китая, тоже стали китайцами. Потомки правящего дома Си Ся Нгвеми (Ли), недавно обнаруженные в провинции Цинхай, если они действительно потомки, тоже уже китайцы. Еще раз хочется сказать, что не надо только полагать, что все это чисто китайское явление. Процессы аккультурации и ассимиляции проходят во всем мире. Что касается юаньского периода и исламизации бывшей территории Си Ся, то следует, видимо, учесть, что при юаньской династии изменился статус мусульман в Китае, «они были уже не эмигранты, временно проживающие в пределах китайского государства, но подданные правителя Китая» [Кузнецов, 1996].

Монголы, бесспорно, способствовали исламизации части населения Евразии от Сарая на Волге и до Пекина. В наши дни бесспорной новой активизации ислама исследование практики исламизации в далекую эпоху XIII–XV вв. по-своему актуально.

Если не будет найдено каких-то сенсационных данных о большом числе китайцев-мусульман в Китае при династиях Тан и Сун (а это маловероятно), то общепризнанный вывод о появлении основной части этноконфессиональной общности китайцев-мусульман именно в юаньское время, справедлив. Резкое возрастание числа китайцев-мусульман не только за счет миграции или естественного размножения, как иногда принято было считать, а в результате обращения в ислам значительных масс населения, прежде всего на бывшей территории погибших государств — тангутского Си Ся и государства Дали на территории провинции Юньнань, пока удовлетворительно объяснимо только сведениями, сохранившимися у Рашид-ад-дина.

«ШУ ШАНЬ ЦЗИ» («СОБРАНИЕ ЗАПИСЕЙ О ДОБРЫХ ДЕЛАХ») — НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О СУДЬБАХ ТАНГУТСКОГО (СИ СЯ) НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ВЕЛИКОГО СЯ (982–1227 гг.)

В 2001 г. Народным издательством провинции Ганьсу была опубликована обнаруженная в 1985 г. книга «Шу шань цзи» — «Документы об оставшемся населении Си Ся при династии Юань с комментариями» [Юань дай, 2001] — сборник разного рода документов семьи потомков тангутов Си Ся (Танъу — Ян) с 1358 до 1629 г. Книга состоит из трех разделов: 1. Шань су — добрые обычаи. 2. Юй цай — поощрение талантов и 3. Син ши — деяния. Памятник хранился в семье Ян, уезд Пуян, провинция Хэнань. Основателем семьи был тангут (фамилия юаньского времени Танъу), семья была во времена монгольского господства в Китае в брачных отношениях с некоторыми другими семьями некитайской национальности, в числе которых наиболее известна семья тюрков-карлуков. Издатели данной книги полагают ее важнейшим свидетельством китаизации и конфуцианизации потомков Си Ся — клана Танъу и карлуков клана Боянь. Книга воспринимается и как важное доказательство того научного положения, которое в конце XX в. получило распространение в Китае, — первоначально представители этнически некитайских народов воспринимали китайскую культуру, а затем, особенно после установления этапа брачных отношений с китайцами, подвергались полной китаизации, т. е. вначале имела место аккультурация, а затем наступала ассимиляция.

Книга имеет предисловия XVI в. от 1535 и 1567 гг., составленных при династии Мин (1368–1644), и предисловия последующего цинского времени от 1738 и 1840 гг. На данный момент книга хранится в семье Ян в двух рукописных экземплярах в деревне Яншибалань уезда Пуян провинции Хэнань.

Основателем семьи (клана) Ян полагается сотник гвардии (шивэй байфучжан) Танъу Чунси, который проживал в округе Кайчжоу, в уезде Пуян, в мест-

Рис. 63, 64. Основания колонн при могилах тангутских императоров

ности Шибаланьсай. Предположительно, он умер около 1300 г. Его жизнеописания в «Истории династии Юань» («Юань ши») нет. Его дед и отец служили в монгольской армии, участвовали в завоевании чжурчжэньского государства Цзинь (погибло в 1234 г.) и китайского Южное Сун (уничтожено монголами в 1269 г.). В награду за преданную службу семья получила под пастбища и охотничьи угодья земли на территории современной провинции Хэнань.

Источники — камнеписные тексты стел, эпитафии, хвалебные стихи — единодушны в том, что клан Танъу–Ян происходил из тангутского государства Си Ся (982–1227). В тексте стелы от 1367 г. как бы от имени Танъу Чунси, говорится: «Я — Ян. Этот клан из поколения в поколение жил в горах Хэланьшань, Нинся. Мой предок, посмертное имя которого Танъу Тай, в первые годы существования государства (монголов. — *Е. К.*) служил в армии, имел заслуги и получил чин даньпо[1]. В 1235 г. вместе с братьями императора (Угэдэя. — *Е. К.*) участвовал в походе на юг, подчинял непокорившиеся государства, штурмовал города, умер от болезни в походном лагере (1259 г.). ...Предок, посмертное имя которого Люйма[2], продолжил его дело. Атаковал города, бился в открытом поле. ...Когда великое дело (покорения Китая. — *Е. К.*) было завершено (1269 г.), отправился в округ Кайчжоу, в восточную часть уезда Пуян, где ведал пастбищами (цао ди). ...(С того времени) до сегодняшнего дня (1367 г.) прошло сто лет и сменилось шесть поколений. ...Предок Чжун-сянь гун[3] построил школу...»

[1] Чин в управлении тысячью, его получали только монголы и представители сословия сэму (см. о сэму далее в тексте).

[2] Танъу Люйма (1248–1328) служил в армии Юань с 1268 по 1273 г. Именно при нем семья получила земли в Пуян.

[3] Танъу Дахай (1280–1344).

Происхождение клана Танъу–Ян из Си Ся подтверждается целым рядом текстов. В стихах Чжан И-нина (1280–1369) назван сяский клан Танъу [Шу шань цзи. С. 45]. В хвалебной оде от 1367 г. говорится:

Выдающиеся мудрецы Си Ся
Почитали древность,
Искренне ценили обычаи народа.
Девять поколений семьи
Жили в Пуян.

[*там же. С. 58*]

В надписи от 1372 г. мы читаем: «Господин Ян Сян-сянь, его предки жители Хэлань (горы Хэланьшань), позднее переселились в Чаньюань (Пуян). Сменилось четыре поколения. Обрабатывая землю и разводя тутовники, (они) разбогатели... построили храм Шуньлэ (Радости), библиотеку Чунъи (Почитание справедливости), сделали девизом своей жизни — "делать добро — самая большая радость"».

В тексте от 1738 г. сообщается, что клан Танъу сменил фамилию на Ян с приходом к власти династии Мин [там же. С. 272]. В тексте от 1527 г. Ван Чунцина (1484–1565) мы читаем: «Господин (основатель клана) родился в Хэлань... поселился в Юйлинь (местность на бывшей территории Си Ся. — *Е. К.*), человек из западных иноземцев стал китайцем» [там же. С. 1].

В приложении к изданию текстов издателями составлена родословная клана Танъу–Ян:

1235 г. Танъу Тай участвует в монгольских походах на юг против Южной Сун, получает чин даньпо.

1248 г. У Танъу Тая родился сын Танъу Люйма, представитель второго поколения клана Танъу.

1258 г. В возрасте 60 лет умирает Танъу Тай.

1268–1273 гг. Танъу Люйма участвует в войнах с Сун. Переселяется в Шибаланьсай, в восточную часть уезда Пуян провинции Хэнань. Здесь он получает от казны пастбища для своего скота и включается в списки местного населения.

1271 г. Как человек сословия сэму (см. ниже) Танъу Люйма приписывается к Шаньдун-Хэбэйской монгольской армии.

1279 г. Известно, что Танъу Люймы служит в монгольской гвардии левого крыла (цзо ю мэнгу шивэй циньцзюнь).

1280 г. У Танъу Люймы родился сын Танъу Дахай, другое китайское имя Чжун-сянь, представитель третьего поколения клана Танъу.

1283 г. Танъу Люйма освобождается от военной службы, возвращается в Пуян, где вносится в списки местного населения в соответствии со своей сословной принадлежностью.

1300 г. родился представитель четвертого поколения клана Танъу — Танъу Чунси, сын Танъу Дахая, внук Танъу Люймы.

1328 г. В возрасте 81 года скончался Танъу Люйма.

1329–1330 гг. Танъу Дахай (Танъу Чжун-сянь) получает чин сотника.

1338 г. Танъу Чунси, представитель четвертого поколения клана Танъу, назначается сотником в темничество (ваньху) Татарской армии (татали цзюньминь).

1341 г. Танъу Дахай (Танъу Чжун-сянь) составляет договор взаимоотношений членов общины, сгруппировавшейся вокруг храма Лунвансы.

1344 г. Танъу Дахай (Танъу Чжун-сянь) скончался в возрасте 65 лет.

1351 г. Восстание Красных повязок против монгольского господства династии Юань. Танъу Чунси укрывается от восставших в столице Юань городе Даду (Пекин).

1356 г. Танъу Чунси оказывает помощь правительственным войскам зерном и сеном в подавлении восстания.

1357 г. Учрежденная Танъу Чунси читальня получает от властей официальное наименование *Чунъи шуюань*. Танъу Чунси составляет книгу о жизни своего клана «Шу шань цзи».

1363 г. Танъу Чунси ремонтирует и расширяет библиотеку.

1368 г. Установление в Китае правления власти национальной династии Мин, клан Танъу принимает фамилию Ян.

1535 г. Составляется генеалогия клана Ян, включающая девять поколений.

1567 г. Генеалогия доводится до двенадцати поколений.

1738 г. Генеалогия доводится до шестнадцати поколений.

1840 г. Генеалогия доводится до двадцати одного поколения.

1920, 1939 гг. Сделаны новые добавления к генеалогии клана Ян.

1983 г. Обнаружена стела «Танъу гун би».

1985 г. Обнаружен текст «Шу шань цзи» [там же. С. 321–323].

На фоне все возраставшего в Китае интереса к прошлому тангутского государства Си Ся открытие стелы о клане гунов (почтенных господ) Танъу, а затем книги «Шу шань цзи» стало известной сенсацией, и в 1997 и 1999 гг. проходит два симпозиума по изучению этих текстов.

Далее мы остановимся на проблемах, поднятых на этих симпозиумах: на происхождении клана Танъу, его положении при династии Юань, его брачных связях при династии Юань, его просветительской деятельности, его конфуцианизации и китаизации.

Хорошо известно, что выходцы из государства Си Ся, хотя и уничтоженного Чингисханом, играли заметную роль в жизни государства Юань. В системе этнических сословий Юань (монголы, сэму, ханьжэнь — северные китайцы, шире население бывшего чжурчжэньского государства Цзинь, включая китайцев, чжурчжэней, киданей, бохайцев и т. д.) и наньжэнь (китайцев и других этносов государства Южное Сун), тангуты были отнесены к этносу сэму (людей, отличающихся цветом глаз, шире обликом, от монголов и китайцев), в которое входили мусульмане — выходцы с запада, уйгуры, найманы, онгуты, кипчаки, канглы, карлуки, тибетцы, асу (предки осетин), тангуты [там же. С. 131][4]. Часть сэму — уйгуры, тюрки-карлуки, онгуты и др. подчинились монголам добровольно. Тибетцы — полудобровольно, под прямой угрозой большого монгольского вторжения в Тибет. Найманы, кипчаки, тангуты, асу в раз-

[4] По мнению Бай Биня, в число сэму вошло до 30 этнических групп [см.: Бай Бинь, 2001. С. 158].

ное время были покорены монголами. Мусульмане были включены в число сэму по вероисповеданию, а не по этнической принадлежности. Они часто были выходцами с запада и в большом числе состояли на монгольской службе в эпоху Юань. Общее, что объединяло людей сословия сэму, это их происхождение из-за пределов государств Цзинь и Сун. Все сэму служили в монгольской армии и различных административных и хозяйственных управлениях Юань. Думается, что понятие сэму и в самой Монголии, и в других покоренных монголами территориях за пределами Юань не использовалось.

О судьбах тангутов при династии Юань писали не раз [Кычанов, 1965а. С. 154–165][5]. В сборнике статей, посвященных изучению «Шу шань цзи», имеется статья Ян Кай-цзяня «Таблица материалов о людях Си Ся в эпоху Юань», в которой упомянуто более 230 имен.

Существенным является вопрос — были ли люди из семьи Танъу просто выходцами из государства Си Ся, государства многонационального, или они были представителями титульной нации, этническими тангутами. Повод для сомнения вызвало дополнение к надписи от 1840 г., в котором говорилось, что предки клана Ян были людьми из Хэланьшань, Нинся, государство Монгол. И монгольский император династии Юань пожаловал им фамилию Танъу [Шу шань цзи. С. 273]. Из числа обсуждавших эту проблему китайских исследователей Чжу Шао-хоу полагает, что фамилия Танъу (Тангут) была пожалована семье после гибели Си Ся и это указывает только на то, что представители семьи были выходцами из погибшего государства Си Ся, без обозначения их этнической принадлежности. Шэн Чунь-юе и Ма Ху-цинь, опираясь на другой текст, утверждают, что Танъу Тай происходил из города Лянчжоу (современный Увэй, провинция Ганьсу) и мог быть или цяном (тангутом), или тибетцем [там же. С. 85, 105–106]. Всего в текстах упоминаются три места, откуда происходили предки клана Танъу — район гор Хэланьшань, Юйлинь, местность на западе территории бывшего государства Си Ся, и Лянчжоу, современный Увэй. Все эти местности находились на территории государства Си Ся, и фамилия клану Танъу была дана или по месту его происхождения (после гибели Си Ся его территория при монголах называлась область Тангут), или по его этнической принадлежности — тангуты. Тюркский этноним «тангут» относился к населению южной части Ордоса (дансяны — тангуты) и встречается впервые в VIII в. в орхонских надписях [Малов, 1959. С. 16, 20]. Этноним был воспринят монголами, он широко используется в «Тайной истории монголов» («Юань чао би ши»), где под тангутами недвусмысленно понимается правящая династия и население государства Си Ся. Происходивший из Си Ся клан Танъу–Ян, если принимать во внимание четыре основных этноса Си Ся — тангутов, китайцев, уйгуров и тибетцев, не мог происходить из уйгуров или китайцев, в данном случае монголы не могли допустить смешения, и был скорее из тангутов или тибетцев, последнее допустимо, но маловероятно, тибетцы занимали свое особое место при юаньском дворе. Первоначально после обнаружения текстов клан Танъу–Ян сочли происходившим из монголов, тем более что сами ныне живу-

[5] См.: Статьи китайских авторов в вышеназванном сборнике «"Шу шань цзи" яньцзю лунь цзи», недавнюю статью на эту тему патриарха европейского китаеведения [Franke, 2002. S. 226–268].

щие представители клана Ян предпочитали считать своими предками монголов и даже желали записаться в национальные меньшинства [«Шу шань цзи» яньцзю лунь цзи. С. 105]. Китайские исследователи от этой мысли быстро отказались, но высокий культурный уровень клана Танъу побудил некоторых из них прийти к довольно неожиданному выводу — предками клана Танъу–Ян были китайцы, но ассимилированные еще во времена Си Ся тангутами-дансянами [там же. С. 107]. Ли Цин-лин указывает, что монголы все население Си Ся без различия их этнической принадлежности называли тангутами [там же. С. 116]. Поэтому, учитывая то, что предки клана Танъу происходили из Лянчжоу, они могли быть или тангутами, или тибетцами. Действительно, район Лянчжоу еще до образования Си Ся в большом числе был заселен тибетцами. Ли Цин-лин также полагает, что есть возможность считать Танъу Тая монголом, поскольку он служил в монгольской армии. Но в монгольской армии служили самые разные люди сословия сэму, поэтому Танъу Тай и его сын Танъу Люйма были или монголами, или сэму. Далее он пишет, что «тангут» являлось тюркским и монгольским общим наименованием предков тангутов Си Ся дансянов и самих тангутов и поэтому он не сомневается в конечном итоге в дансянско-тангутском происхождении клана Танъу–Ян [там же. С. 160]. Несмотря на некоторые сомнения, я полагаю, что клан Танъу –Ян можно считать происходящим от тангутов, титульной нации государства Си Ся, монголы хорошо знали китайцев, тибетцев, уйгуров, и называть их тангутами у них не было никаких оснований.

Чингисхан не любил тангутов за их упорное сопротивление его воле и был намерен уничтожить их «до последнего раба». Что-то он успел для этого сделать сам, что-то было сделано его преемниками, особенно учитывая тот факт, что Чингисхан умер на тангутской земле. Основное ядро тангутской народности было уничтожено жестокостью покорения Си Ся, бегством тангутов в Тибет и Китай, угоном ремесленников в Монголию. Народность, в течение более двухсот лет созидавшая свою культуру, сплотившая в одно государство проживавших на территории Си Ся тибетцев, уйгуров и китайцев, была распылена, рассыпана войной. Если китайцы, тибетцы, уйгуры, проживавшие ранее в Си Ся, были лишь небольшими частями крупных этносов, то дансянское население северо-западного района современной провинции Сычуань (Сунпань), из которого вышли тангуты Си Ся, иное тибето-бирманское по языку цянское население этих районов, уже изрядно тибетизированное, крупным самостоятельным этносом не являлось. Сохранившимся после жестоких войн тангутам Си Ся не на что было опереться. И это несмотря на то, что положение тангутов при внуке Чингисхана Хубилае изменилось к лучшему. Хубилай ценил в тангутах хороших стойких воинов и талантливых людей [Шу шань цзи. С. 243], хотя на примере Танъу Тая и Танъу Люймы мы видим, что их брали на монгольскую службу и раньше. При Хубилае в конце XIII в. на тангутском (Си Ся) языке издавались способом ксилографии тексты буддийского канона. Тангутов стали назначать на те же должности, что и монголов. Как и все этносы сословия сэму, они стали занимать второе после монголов место в управлении империей. Можно не сомневаться, что это тоже стало одной из причин рассеивания и окончательного постепенного исчезновения тангутского народа через сто лет

после гибели Си Ся. Потомки тангутов Си Ся становятся одними из самых преданных слуг юаньской династии. Ян Кай-цзянь видит в этом «одну из трудно объяснимых причин гибели тангутского народа» [там же. С. 259].

Тексты «Шу шань цзи» на примере клана Танъу дают возможность проследить процесс ассимиляции этого клана китайским этносом. Возможно, Танъу Тай, Танъу Люйма, Танъу Дахай первоначально были трехязычны, т. е. сохраняли еще родной язык и знали монгольский и китайский языки. Китайский прежде тоже был общим языком общения на территории Си Ся. Члены этого клана служили в монгольской армии и пользовались теми благами, которые давала эта служба. Эти блага выражались прежде всего в получении земли для пастьбы скота и охоты, т. е. пастбищных и охотничьих угодий в тех местах, где до этого издавна проживало оседлое земледельческое китайское население. Известно, что Северный Китай, территория государства Цзинь были страшно опустошены монгольской конницей. Население государства Цзинь на 1235 г. уменьшилось в десять раз: с 45 810 000 по переписи 1207 г. до 4 754 575 чел. по переписи 1235 г. [там же. С. 109]. Значительная часть населения Цзинь была физически уничтожена, часть бежала на юг, в Южное Сун. По словам источника, положение было таково, что «земли были обширны, а людей было мало» [там же]. Известно, что монголы первоначально вообще хотели превратить Северный Китай в пастбища для скота. Елюй Чуцай, потомок киданьского правящего дома, уговорил Чингисхана не делать этого, доказав хану, что поощрять крестьян заниматься земледелием и брать с них налоги зерном и тканями более выгодно, чем истребить их, а их земли обратить в пастбищные и охотничьи угодья. Была принята программа создания военных поселений. Офицерский, в нынешнем понимании, состав монгольской армии, монголы и сэму могли или сами селиться в удобных местах, или, как клан Танъу, получали землю в пожалование от хана. Карлукскому родственнику клана Танъу Боянь Цзун-дао, после покорения Сун приписанного к Шаньдун-Хэбэйской армии в том же уезде Пуян, также были пожалованы земли под пастбища. Как сказано в тексте стелы, посвященной Боянь Цзун-дао, «вначале, когда пришли люди с севера, их обычаем была охота (сыновья Боянь Цзун-дао "находили радость в том, чтобы мчаться на коне и охотиться с соколами и собаками"). Позже постепенно они научились обработке земли, посевам и стали как китайцы» [там же. С. 226]. Получившие землю монголы и сэму, так же как и кланы Танъу, Боянь, в эпоху правления династии Юань были приписаны к военной службе, «сидя на коне, они были готовы воевать, сойдя с коня становились скотоводами и военнопоселенцами». Почти все такие семьи при династии Мин стали местными помещиками [там же. С. 86].

Процессы утраты своей этнической принадлежности начались еще при династии Юань. Хэ Гуан-би полагает, что «тангутам, воевавшим в юаньской армии, не разрешали возвращаться в родные места» [там же. С. 2]. Оторванность от родного этноса явилась сильной предпосылкой к ассимиляции. В этом процессе особое место принадлежало и установлению брачных отношений. Судя по текстам, при правлении династии Юань в XIII — первой половине XIV в. клан Танъу имел брачные связи как с представителями сословия сэму, так и с китайцами.

Женой основателя клана Танъу Тая, возможно, была тангутка, точных сведений о ней нет. У его сына Танъу Люймы жена была карлучка. Она родила

пятерых сыновей, один из них женился на найманке, остальные четверо — на китаянках. В следующем, четвертом поколении в клане было одиннадцать сыновей, у троих жены были — монголка, карлучка, найманка, восемь женились на китаянках [там же. С. 128]. В пятом поколении было двадцать два брата, два брата взяли в жены карлучку и найманку, двадцать женились на китаянках. В шестом поколении тридцать один брат и в седьмом сорок девять братьев — все женились только на китаянках [там же. С. 16]. Наиболее знатным родственником клана стал карлук Боянь Цзун-дао. Его жизнеописание сохранилось в «Юань ши» (цз. 190). Он был образованным человеком, членом академии Ханьлинь, в 1344 г. участвовал в составлении «Цзинь ши» («Истории чжурчжэньского государства Цзинь»). Боянь Цзун-дао вместе с женой и детьми был убит восставшими во время свержения власти династии Юань [там же. С. 228].

Таким образом, можно предположить, что представители первого, второго и третьего поколений еще могли сохранять в семье родной язык. Одновременно они были монголоязычны — монгольский язык был для них языком общения на службе, и, вероятно, если не со второго, то с третьего поколения — китаеязычны в общении с местным населением, своими китайскими женами и их детьми. Кроме того, китайский язык, даже при наличии монгольского, был основным языком общения населения Китая и при династии Юань. Китаизация клана Танъу началась изнутри, с браков с китаянками, а усвоение китайской культуры шло наряду с утратой своей культуры. В последние десятилетия, изучая историю ассимиляции китайским этносом других этносов, китайские историки развивают тезис: «вначале усвоение китайской культуры, а затем китаизация». Клан Танъу, представители которого еще при династии Юань стали конфуцианцами и просветителями местного масштаба, казалось бы, хороший тому пример. Автор первого по последовательности предисловия к изданию «Шу шань цзи», проф. Хэнаньского университета Чжу Шао-хоу, пишет, что книга — важный источник изучения процессов конфуцианизации и китаизации, в данном случае клана Танъу и карлуков. Первоначальным в китаизации было «культурное единение, а уж затем кровное. Пуянский клан Си Ся Танъу и тюркский Карлук шли по этому пути. Они вначале приняли китайскую культуру, узнали конфуцианство, а уж затем стали вступать в браки с китайцами» [там же. С. 2]. Этот вывод не совпадает с материалами текстов, как мы видели ранее, ибо уже в третьем поколении из пятерых сыновей клана Танъу четверо женились на китаянках. Их отец Танъу Дахай упорядочил деятельность общины, группировавшейся вокруг храма Лунвансы, было ли это чисто административное или административно-конфуцианское мероприятие — неясно.

Реально конфуцианизация клана Танъу началась с Танъу Чунси, представителя четвертого поколения. Известно, что он получил школьное конфуцианское образование, он и его братья имели конфуцианские имена, его имя было Сян-сянь. Танъу Чунси открыл школу и выделил землю, доходы с которой шли на ее содержание. Число учащихся было более 50, была основана школьная библиотека, воздвигнут семейный храм Шуньлэ (Радости). Полагают, что Танъу Чунси получил высшее конфуцианское образование в столице, в Гоцзыцзянь. В эту школу набиралось от 300 до 400 студентов, которые в течение трех лет изучали китайскую классическую литературу. Раз в месяц студенты сдавали

экзамены, в конце года происходил экзамен по итогам годичного обучения. Знания оценивались по десятибалльной системе, на следующий курс переводились только те, кто получил восемь баллов и выше. Танъу Чунси отучился в школе все три года [«Шу шань цзи» яньцзю лунь цзи. С. 147].

Не ставя под сомнение общий тезис: сперва аккультурация, а уж затем ассимиляция, следует еще раз отметить, что в клане Танъу физическое окитаивание членов клана шло рука об руку (и даже опережало) усвоение китайской конфуцианской культуры. Некоторые авторы успех конфуцианизации клана объясняют и высокой степенью влияния китайской культуры на Си Ся [там же. С. 86]. В этом есть свой резон, хотя первые представители клана Танъу были людьми военными, это очевидно, но очень возможно, что людьми знакомыми с китайской письменной культурой, хотя бы и в тангутских переводах.

Обнаружение генеалогий и разного рода текстов, связанных с одним кланом в течение 700 лет, сам по себе факт знаменательный. Эти документы — важный источник о судьбах если не тангутов, то выходцев из государства Си Ся, источник по истории правления в Китае династии Юань, по очень актуальной для Китая проблеме ассимиляции многих народов, живших некогда на современной территории КНР. Население самой многонаселенной страны в мире — результат не только естественного прироста одного этноса, но и результат трех тысячелетий ассимиляционных процессов, в которых китайский этнос и китайская культура одерживали и одерживают верх. Китай не исключение. Процессы ассимиляции имели место в прошлом и происходят и поныне во всем мире. Ассимиляция — важнейшая составляющая истории человечества, становления, выражаясь словами В. Маяковского, «единого человеческого общежития». Это болезненный процесс, и всегда интересно знать, как это в разных конкретных случаях происходило и происходит реально, с учетом таких факторов, как завоевание, разные формы инкорпорации одних народов в среду других, прежде всего с образованием государств, культурное влияние, заимствование языка и т. д. и т. п. Почему украинцы, белорусы и русские считают себя отдельными этносами, а китайцы севера и юга, которые не понимают языка друг друга, одним этносом? В случае с кланом Танъу мы видим, как семья некитайского происхождения, пройдя через жесткое монгольское влияние, восприняла китайский язык и китайскую культуру даже на ее известном элитарном уровне. Как раз китайская культура генеалогических таблиц и сохранения связанных с жизнью предков текстов оставили в памяти современного клана Ян сведения о далеких некитайских предках. Многие ли в этом мире из числа простых смертных знают историю своей семьи на протяжении 700 лет?

В тексте родословной дома Ян «Ян ши цзун пу» на лицевой стороне слева имеется стихотворное примечание, двумя строками из которого я и закончу информацию о клане Танъу–Ян:

Не было бы предков,
Кто бы начал наш род?
В книге не кончаются слова.
Словами не кончаются таблицы с именами предков!

[*Шу шань цзи. С. 1*]

АККУЛЬТУРАЦИЯ КАК ПУТЬ К АССИМИЛЯЦИИ
(на примере тангутов Си Ся, XIII–XVI вв.)

Может ли усвоение одним этносом культуры другого стать причиной исчезновения этноса? Этот вопрос представляет не только научный, но и практический интерес. На всем протяжении истории человечества одни этносы поглощались другими или растворялись в других. Шли и продолжают идти глобальные процессы созидания региональных культурных областей, например исламских. В наши дни отчетливо прослеживается тенденция культурной унификации человечества независимо от расовой и этнической принадлежности его составляющих. Английский язык настойчиво становится языком всеобщего международного общения, американо-европейская культура в ощутимой мере начинает определять образ жизни и образ мышления населения всех пяти континентов. В многонациональных государствах происходит аккультурация и как следствие ассимиляция, поглощение малых этносов господствующим или более крупным этносом. Такие процессы протекают в Китае, России, США, странах Латинской Америки, Австралии и т. д.

Возможно, этот процесс может получить более глубокий анализ в результате изучения исторических примеров далекого прошлого. Я хотел бы, в частности, остановиться на факте исчезновения тангутского этноса, причиной которого было не только монгольское нашествие и уничтожение Чингисханом государства тангутов Си Ся (982–1227), как я первоначально думал и не раз о том писал. Исчезновение тангутского этноса было также следствием усвоения им китайской культуры еще в период существования государства Си Ся.

Не секрет, что миллиард с лишним китайцев — результат не только естественного роста китайского этноса, но и следствие ассимиляции этим этносом многих народов и народностей, населявших территорию Китая с глубокой древности. Последний пример тому маньчжуры. В VII–IX вв. н. э. сформировался восточноазиатский культурный регион, включавший в себя Китай, Корею, Японию, Вьетнам. Общая письменность, способная обслужить разные по строю языки, становится латынью Восточной Азии. Идеологией этой регионально-культурной общности были буддизм и конфуцианство. От других регионально-культурных общностей той эпохи (исламской и христианской) восточно-

азиатская регионально-культурная общность отличается тем, что буддизм не стремился занять место единственной религии, а влияние конфуцианства ограничивалось образованной частью общества и чиновничеством при сохранении повсюду национальных форм религии (культ предков, религиозный даосизм в Китае, синто в Японии и т. п.). Культурное лидерство Китая является общепризнанным.

Такой Восточная Азия вступила в X век. До объединения Китая под властью монгольской династии Юань Китай, по образному выражению китайских историков, был подобен триподу — сосуду на трех ножках, одной из которых был собственно Китай, второй — тангутское государство Си Ся, а третьей последовательно киданьское государство Ляо и чжурчжэньское Цзинь.

Рассмотрим для начала три этноса — киданьский, чжурчжэньский и тангутский. Два первых существенное отступление в пользу китайской цивилизации эпохи Сун сделали еще на этапе своего государственного строительства после победоносных войн и включения в состав своих государств больших массивов китайского населения. И кидани, и чжурчжэни развили самобытные формы государственного устройства, которые, однако, довольно быстро были либо оттеснены на второй план, либо упразднены мощной китайской государственностью.

Что касается тангутов, то их государственность зародилась внутри китайскойцивилизации — предки правящей династии Нгвеми служили *цзедуши* при династии Тан. Японский ученый Сатоси Накадзима еще в 1930-х гг. на примере тангутского государства поставил вопрос о существовавшем выборе пути: это мог быть свой путь или путь китайской цивилизации. Тангутское государство создавалось в войне с Сун, поэтому вначале идея «своего пути» возобладала. Как для киданей, так и для тангутов в известном смысле воплощением «своего пути» являлось изобретение письменности. И та и другая письменность, как позже чжурчжэньская, отличались от китайской, хотя и сформировались под влиянием последней. Этап прямого заимствования китайского письма корейцами, японцами и вьетнамцами в X в. и позже уже миновал. По этой причине китайское письмо прямо не было заимствовано, хотя оно вполне удовлетворило бы тангутский язык, да и остальные тоже. Широкое внедрение буддизма в его традиционных китайских формах в определенной мере вписало вышеупомянутые народы в круг восточноазиатской цивилизации и без прямо-

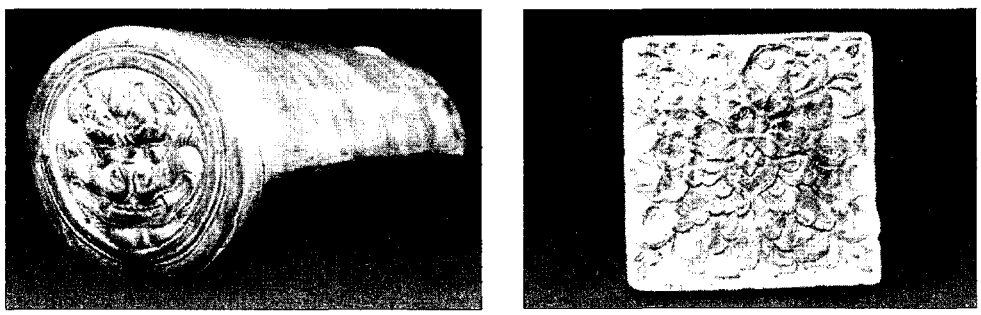

Рис. 65, 66. Концевая черепица из могил тангутских императоров

го заимствования письменности. Параллельно государственность заимствует конфуцианскую идеологию, происходит рецепция права.

Поначалу, еще в период следования «своему пути», государственная машина китаизируется быстрее, чем китайская цивилизация проникает в быт и культуру простого народа основного этноса. После завоевания Ляо чжурчжэнями кидани, естественно полагая своим врагом чжурчжэней, еще более обращаются к китайской культуре. Плодом таких контактов явился, например, Елюй Чуцай, который в начале XIII в. сделал много для того, чтобы направить монголов в русло китайской государственности и достижений китайской цивилизации. Завоеватели-чжурчжэни, доживавшие в китайской части своего государства Цзинь, быстро утрачивали свой язык и национальную культуру. Сожаления чжурчжэней по этому поводу зафиксировали китайские источники.

Но вернемся к тангутам и государству Си Ся. XI в. явился веком активного усвоения китайского буддизма. Большинство исследователей сходятся на том, что в XI и к концу первой трети XII в. бытовавшая на то время китайская «Трипитака» была переведена на тангутский язык и пропагандировалась как в рукописной, так и отпечатанной способом ксилографии книге. Император Ся Цяньшунь был женат на китаянке и, начиная с его сына, знаменитого императора Жэнь-сяо, династия становится по крови полукитайской, а затем почти полностью китайской. Обнаруженные недавно потомки династии, проживающие в провинции Цинхай, — типичные китайцы: их предки после гибели Си Ся служили местными туземными администраторами *тусы* в данном регионе.

В XII в. отсутствовала общая граница между собственно Китаем (Южной Сун) и государством Си Ся. С другой стороны, доля китайского населения в тангутском государстве возросла за счет беженцев из приграничных регионов Сун, оккупированных чжурчжэнями. Один из таких беженцев, Жэнь Дэ-цзинь, выдав свою дочь за императора Ся, настолько окреп, что пытался (правда, безуспешно) расколоть Си Ся и образовать свое собственное государство Чу.

О процветании тангутской (Си Ся) культуры и одновременно об уровне китайского проникновения в тангутскую письменную культуру мы можем судить по дошедшим до наших дней памятникам тангутской письменности. На тангутский язык переводится китайская конфуцианская каноническая литература — сочинения Лунь юй, Мэн-цзы, Сяо цзин, китайские военные трактаты — *Сунь-цы*, *Сань люе*, *Лю тао*, бытуют тексты широко пропагандирующие китайскую конфуцианскую мораль, такие как «Вновь собранные записи о *сяо*», «Море значений, установленных святыми», «Двенадцать царств», апокриф о встрече Лао-цзы и Конфуция «Записи у алтаря примирения Конфуция» и т. п. В общественной жизни ведется широкая пропаганда идей *сяо*, широко интерпретируемых как преданная служба государю, в том числе и в армии. Публикуется тангутско-китайский словарь (1190 г.). И хотя составитель этого словаря, Гулэ Мао цай, сетует на недостаточное знание тангутами китайских достижений, а китайцами — тангутских, можно думать, что с середины XII в. усиливается проникновение китайского языка и в область быта, особенно среди просвещенной части населения — чиновников, буддийских иерархов и т. п. Примером тому могут служить смешанные тангутско-китайские буддийские общины. Из свода законов Ся XII в. мы знаем о существовании на территории Си Ся

тангутских, китайских, тибетских и смешанных тангутско-китайских общин. В Тибете в XI–XII вв. происходит формирование основных школ тибетского буддизма. Со второй половины XII в. усиливается влияние тибетского буддизма на буддизм в Си Ся. При тангутском дворе появляются *ди ши*, наставники императора, институт которых позднее возрождается во взаимоотношениях сакьяского Пагба-ламы и императора Юань Хубилая. Правда, этот институт вообще может быть не тибетского, а именно тангутского (сисяского) происхождения.

Мы не имеем сведений о бытовании смешанных тибетско-тангутских общин, а это означает, что на бытовом уровне китайская буддийская культура была ближе и понятнее. По-видимому, существовал слой фактически двуязычного и равно свободно живущего в двух культурах населения. Книжность на китайском языке существовала в Си Ся почти наравне с книжностью тангутской, о чем свидетельствует найденная тангутская библиотека из знаменитого *субургана* в Хара-Хото. Число текстов на тибетском языке в ней практически ничтожно. Китайская идеологическая установка в отношении иноземцев вроде киданей, тангутов, чжурчжэней заключалась в том, чтобы преобразить их (*хуа*), превратить их из *шэн* («диких», «нецивилизованных», т. е. не владеющих достижениями китайской цивилизации) в *шу* («зрелых», «цивилизованных», т. е. хотя бы в какой-то мере приобщившихся к китайской цивилизации).

Надо сказать, что и тангутское право, а значит, и государственная политика Си Ся не препятствовали успехам китайской культуры на тангутской почве. Если в Ляо, особенно на первом этапе, были правовые ограничения на браки с китайцами и китайцы и кидани жили по разному праву — одни по китайскому, другие по киданьскому, а в Цзинь существовали этнические сословия и поначалу чжурчжэньские поселения *моукэ* и *мэнъань* были, по сути, островами чжурчжэней-завоевателей в море китайского населения, то в Си Ся никогда не было ограничений по национальному признаку. Правда, существовавший в 30-х гг. XI в. закон о прическе *туфа*, обязательной для всех мужчин в государстве, как будто бы превращал китайцев в иноземных подданных, но, подобно обязательному ношению китайцами косы при чжурчжэнях и при маньчжурах, прическа *туфа* была лишь чем-то вроде пометы в паспорте о гражданстве. Коса, которую носили китайцы, не спасла от ассимиляции чжурчжэней, живших в китайской среде, равно как и маньчжуров. По тангутским законам, из этнической принадлежности лица никаких особых прав не вытекало. Тангутскому языку и письменности не отводилось какой-то особой роли, от чиновника требовалась грамотность без разъяснений, о каком языке шла речь. Существовала лишь оговорка, что в случае необходимости определить старшего при полном равенстве чинов старшим полагался тангут.

Думается, что во второй половине XII в. тангуты, как и чжурчжэни, ощущали реальную угрозу ассимиляции. В текстах это нашло отражение в стремлении подчеркнуть значимость своей культуры. Это видно из таких выражений, как: «Тангуты смело и бодро идут вперед», «Раньше родившийся раньше и погибнет» (подразумевается китайская культура. — *Е. К.*), [китайцы] не знают тангутских мудрецов» (в смысле, «а следовало бы знать» и т. п. — *Е. К.*). Короче, у нас есть основания полагать, что к тому времени, когда в 1205 г. на Си Ся

обрушились впервые удары монгольской конницы, аккультурация в сторону общекультурного слияния населения тангутского государства с заметным уклоном в сторону китайской цивилизации имела место. Думается, что наиболее подготовленными к китаизации были чиновники и вообще грамотная часть населения. Смерть Чингисхана в 1227 г., которая произошла на территории Си Ся, и как следствие этого жестокое истребление тангутов серьезно подорвали основы самостоятельного бытования тангутской народности. В XIII в., при Хубилае, предпринимаются меры к восстановлению оросительных систем на бывшей территории Си Ся («для поддержания буддийских монахов», как сообщается в тексте «Юань ши»), производится учет населения в 1267 г. и даже создается специальное бюро *Си Ся хуй минь изюй* («Проявления милосердия к народу Си Ся»). Издаются буддийские *сутры* на тангутском языке. Но в 1272 г. отменяются все наследственные чины Си Ся, а на территории Си Ся появляются воинские формирования из мусульман.

Хубилай был монголом на китайском троне. Китайский язык стал общим языком населения Юань (сам Хубилай говорил по-китайски, но не знал китайской грамоты). Отметим также, что чем большей была мера адаптации китайской культуры и языка в период до объединения всех завоеванных народов в империю Юань, тем легче и быстрее протекал затем процесс унификации населения империи и его ассимиляции. Оставшаяся некитайская часть населения Си Ся, выжившая после разгрома, не бежала в сопредельные районы Тибета и не была угнана в Монголию (ремесленники). Она начала быстро китаизироваться, а часть тангутов, как известно, оказалась в центральных районах Китая. Как неэтнические китайцы, а потому более близкие монголам, тангуты принимались на службу в юаньскую администрацию.

На бывшей территории Си Ся китайский язык превратился в основной язык общения, постепенно вытеснив тангутский, который утратил свой статус государственного языка. В конце XIII в., когда бывшей территорией Си Ся, именовавшейся в разных источниках по-разному — Си Ся, Хэси, Кашин, Тангут, правил монгольский принц Ананда, расквартированные на этой территории гарнизоны юаньской армии, а затем и местное население были обращены в ислам. Замешанный в заговоре против центральной власти, Ананда был казнен, а на бывшей территории Си Ся постепенно сложилась новая этноконфессиональная общность — китайцы-мусульмане, значительной частью которых стало бывшее население тангутского государства Си Ся, в том числе и собственно тангуты. Тангуты как самостоятельная этническая общность перестали существовать. То же самое произошло и с теми киданями и чжурчжэнями, которые остались на территории Юань, живя за пределами Маньчжурии, ее глубинных районов. Позже, через пятьсот лет, история повторилась и в случае с чжурчжэнями Маньчжурии, поначалу ставшими маньчжурами, а затем в течение трехсот лет почти полностью окитаившимися и ныне являющимися составной частью китайского этноса.

Этносы, утратившие свою политическую самостоятельность, оберегает от ассимиляции либо религия (лучший пример — евреи и караимы, исповедующие иудаизм), либо упорное сопротивление чужой культуре, что чаще всего случается в местах компактного проживания того или иного этноса, истори-

ческой памятью о тех бедах, которые принес ему господствующий этнос, культура которого, насильственно или нет, подавляет его. В свою очередь, это ведет к изменению политической ситуации. Так, в России ассимиляционные процессы в настоящее время приостановились из-за массового обращения населения к религии, например у народов, исповедующих ислам, а также из-за обретения нового государственного статуса бывшими автономиями и усиления роли родного языка. В крупных городах, таких, как Москва и Петербург, интерес к своей культуре у нерусского населения поддерживается имеющимися здесь национальными культурными центрами. Вместе с тем было бы неправильно полагать, что не столь давно провозглашенная общность под названием «советский народ» существовала только на бумаге и что процессы ассимиляции прекратились вообще.

Возвращаясь к судьбе тангутов, следует отметить, что очаги тангутской культуры также продолжали сохраняться во многом благодаря тангутским буддийским общинам, которые, по всей видимости, просуществовали до середины XVI в. Постепенно они утратили свою роль и были заменены китайскими. Остались только китайцы, которые, впрочем, и в наши дни помнят, что их отдаленные предки были *си ся жэнь* («людьми Си Ся»). Мне лично таких встречать приходилось.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СЯ

982 — Цзи-цянь бежал в Дицзиньцзэ после того, как его старший брат Цзи-пэн покорился — Сун.

983 — Цзи-цянь попросил в жены киданьскую принцессу и установил союз с киданьским двором.

986 — Цзи-цянь получил от киданей должность Диннань цзедуши.

989 — Цзи-цянь получил в жены киданьскую принцессу.

990 — Кидани пожаловали Цзи-цяню титул Ся го ван.

1002 — Цзи-цянь овладел городом Линчжоу и переименовал его в Сипинфу.

1003 — Цзи-цянь перенес свою ставку из Сячжоу в Сипинфу. У сына Цзи-цяня Дэ-мина родился сын Юань-хао. Цзи-цянь овладел городом Силянфу. Тибетский правитель Фаньлочжи притворно подчинился Цзи-цяню, а затем внезапно атаковал его. Цзи-цянь был ранен.

1004 — Цзи-цянь умер. На престол взошел его сын Дэ-мин. Кидани пожаловали Дэ-мину титул Сипин ван. Сунский двор пожаловал Дэ-мину должность Диннаньцзюнь цзедуши и титул Сипин вана.

1008 — Дэ-мин совместно с киданями напал на ганьчжоуских уйгуров. Уйгуры помирились с киданями, а Дэ-мину нанесли поражение.

1009 — Новый поход тангутов на Ганьчжоу. Ганьчжоуский хан Елогэ разбил тангутов.

1010 — Кидани атаковали уйгуров и взяли город Сучжоу. Кидани пожаловали Дэ-мину титул Сяго ван.

1026 — Дэ-мин совместно с киданями атаковал Ганьчжоу.

1028 — Юань-хао атаковал уйгуров и взял город Ганьчжоу. Дэ-мин объявил Юань-хао наследником престола.

1030 — Ганьчжоуские и сучжоуские уйгуры подчинились Ся. Дэ-мин просил в Китае буддийские сутры.

1031 — Кидани отдали Юань-хао в жены принцессу и пожаловали ему титул Сяго гун.

1032 — Скончался Дэ-мин. Престол наследовал Юань-хао. Кидани пожаловали ему титул Сяго ван, сунский двор — Сипин ван.

1033 — Юань-хао ввел единую мужскую прическу туфа. Учредил штат чинов.

1034 — Юань-хао просил в Китае буддийские сутры.

1035 — Начал войну с тибетским государством Цзюесыло.

1036 — Учреждены 12 военно-полицейских (военных) округов страны. Поход на уйгуров, взяты города Гуачжоу, Шачжоу и Сучжоу. Вся территория Хэси вошла в состав государства Ся. Создано тангутское письмо.

1037 — Открыты Тангутская и Китайская школы.

1038 — Юань-хао принял титул императора. Государство назвал Великое Ся. Создал комиссию по переводу буддийского канона на тангутский язык.

1039 — Учрежден Государственный Совет и сформированы 16 управлений.

1040 — Начало китайско-тангутской войны 1040–1044 г.

1044 — Заключен мир между Ся и Сун. Юань-хао получил от сунского двора титул Сяго чжу, признал себя вассалом (чэнь). Сун обязались предоставлять ежегодные выплаты Ся. Нападение киданей на Ся.

1045 — Кидани потерпели поражение в войне с Ся.

1047 — У Юань-хао родился сын Лян-цзо.

1048 — Наследник престола Нинлингэ убил своего отца Юань-хао. Моцзан Эпан убил Нинлингэ. Престол унаследовал младенец Лян-цзо. Править страной стал Моцзан Эпан.

1050 — Построен храм Чэнтяньсы с шарира Будды.

1056 — Моцзан Эпан дал своей дочери, матери Лян-цзо, титул императрицы.

1061 — Лян-цзо казнил Моцзан Эпана, взял себе жену из клана Лян.

1063 — Тангуты получили из Китая классические книги и «Трипитаку».

1067 — Умер Лян-цзо. Престол наследовал его сын Бин-чан. Власть в стране оказалась в руках клана его матери императрицы Лян.

1069 — Сунский двор пожаловал Бин-чану титул Сяго чжу.

1075 — На границах Ся сосредоточены сунские войска.

1076 — Бин-чан стал самостоятельно править страной.

1081 — Начало наступления сунских войск на Ся по 5 направлениям.

1082 — Тангуты нанесли поражения войскам Сун.

1084 — Татары разграбили Ганьчжоу.

1085 — Умерла императрица Лян.

1086 — Умер Бин-чан. Престол наследовал его сын Цянь-шунь.

1091 — Татары ограбили район гор Хэланьшань.

1094 — Истреблен весь клан Лян.

1095 — Восстановлен храм Хугосы в городе Лянчжоу. Установлена памятная стела.

1096 — Начало новой большой войны Сун и Ся. 1099. Бин-чан взял правление страной в свои руки. В Ганьчжоу построены храмы Вофосы и Чунсинсы.

1101 — Открыто Государственное училище. Начало составления свода военных законов Ся.

1105 — Цянь-шунь получил в жены киданьскую принцессу. Кидани просили Сун прекратить войну с Ся.

1106 — Заключен мирный договор между Сун и Ся.

1113 — Завершено составление свода военных законов «Яшмовое зеркало командования войсками годов Чжэнь-гуань (1101–1113)».

1114 — Начало серии новых войн между Сун и Ся.

1122 — Ся выслало войска в помощь киданям против чжурчжэней.

1123 — Кидани пожаловали Цянь-шуню титул императора Ся.

1124 — Цянь-шунь признал себя вассалом Цзинь.

1127 — Чжурчжэни создали марионеточное государство Чу, установили границу — между Цзинь и Ся.

1132 — Издан словарь омонимов тангутского языка «Инь тун».

1136 — К Ся присоединен район города Синин.

1137 — Цзинь отдали Ся земли округов Цзиши, Лэчжоу и Кочжоу.

1139 — Умер Цянь-шунь. Его сын Жэнь-сяо взошел на престол.

1140 — На территории Ся подавлено восстание киданей.

1141 — Жэнь-сяо поднесли титул «Утверждающий справедливость и изгоняющий зло император».

1143 — Сильное землетрясение в Ся. Указ об открытии школ в каждом округе и уезде.
1146 — Конфуцию присвоен титул Вэньсюаньди. В округах страны открыты храмы для совершения жертвоприношений Конфуцию.
1147 — В Ся введена система государственных экзаменов.
1149 — Начало составления кодекса законов Ся.
1150 — Цзинь поставили под контроль рынки торговли между Ся и татарами.
1153 — Уйгуры представили дань Ся.
1154 — Тангуты закупили в Цзинь конфуцианские сочинения.
1156 — Чжурчжэни по всей границе с Ся установили систему сигнальных огней.
1158 — В Ся учрежден монетный двор для отливки монеты.
1160 — Китаец Жэнь Дэ-цзинь на тангутской службе получил титул Чу вана.
1162 — Изобретателю тангутского письма Ели Жэнь-юну присвоен титул Гуан-хуй вана.
1167 — Китаянка госпожа Ло, жена Жэнь-сяо, стала императрицей.
1169 — Завершено составление кодекса законов Ся.
1170 — Жэнь Дэ-цзинь поднял мятеж. Мятеж подавлен.
1183 — Умер госян Ва Дао-чун. Составлена энциклопедия «Море значений, установленных святыми».
1189 — Большое молитвенное собрание в монастыре Дадуминьсы. Роздано 150 тыс. цзюаней буддийских текстов на тангутском и китайском языках.
1190 — Гулэ Мао цай составил тангутско-китайский словарь «Фань-хань хэши чжан чжун чжу».
1193 — Скончался Жэнь-сяо. Сын Чунь-ю взошел на престол. Сын правителя кереитов Илха бежал в Ся. Тангуты вытеснили кереитов в Гуйцы.
1205 — Монгольские войска разграбили западные районы Ся. Столица Синцинфу переименована в Чжунсинфу.
1206 — Чунь-ю лишен трона. На престол взошел Ань-цюань.
1207 — Монголы напали на Ся и взяли город Волохай.
1209 — Поход Чингисхана на Ся. Тангуты просят помощи у Цзинь, но не получают ответа.
1211 — Ань-цюань лишен трона. На престол взошел Цзунь-сян.
1214 — Нападения Ся на Цзинь. Начало войны Ся и Цзинь.
1217 — Очередное вторжение монголов в Ся. Цзунь-сян поручил оборону столицы сыну Дэ-жэну, а сам переехал в Силян.
1218 — Тангуты отказались участвовать в западном походе Чингисхана.
1220 — Ся и Сун договорились совместно нападать на Цзинь.
1223 — Дэ-жэн взят под арест в городе Линчжоу. Наследником объявлен Дэ-ван. Цзунь-сян посадил на трон Дэ-вана, а сам принял титул Тайшанхуан.
1224 — Дэ-ван отправил послов ко всем племенам севера с предложением объединиться для борьбы с монголами. Монголы осадили город Шачжоу. Тангуты предложили чжурчжэням заключить мир, считаться государствами-братьями и оказывать друг другу помощь в борьбе с монголами.
1225 — Монгольские послы прибыли в Ся и потребовали в заложники сына Дэ-вана.
1226 — Чингисхан лично возглавил поход на Ся. Умер Дэ-ван. На престол взошел Наньпин ван Сянь. Монголы осадили Чжунсинфу.
1227 — Чингисхан умер в походной ставке в уезде Циньшуй. Сянь убит монголами. Ся погибло.

ГОСУДАРИ ВЕЛИКОГО СЯ

Цзи-цянь	991–1004
Дэ-мин	1004–1032
Юань-хао	1032–1048
Лян-цзо	1049–1067
Бин-чан	1068–1086
Цянь-шунь	1087–1139
Жэнь-сяо	1140–1193
Чунь-ю	1194–1206
Ань-цюань	1206–1211
Цзунь-сян	1211–1223
Дэ-ван	1223–1226
Сянь	1226–1227

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив востоковедов СПб. — Архив востоковедов Санкт-Петербурский филиал Института востоковедения РАН.

[Б. г.] — без года издания.

[Б. м.] — без места издания.

[Б. п.] — без пагинации.

Без названия — Рукопись без названия // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. № 4189 [На тангут. яз.].

Гомофоны — Гомофоны: Словарь // Тангут. фонд. Инв. № 207.

ГТЛШИ — Гу Тан люй шу и (древний текст «Кодекса династии Тан с комментариями») // Сы бу цункань. Шанхай, 1936.

ДДШЛ — «東都事略», 王偁, 乾隆乙卯年鐫. Дун ду ши люэ / Сост. Ван Чэн. [Б. м.], 1787.

Записи о любви — Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим / Факсимиле рукоп., изд. текста, введ., пер. и коммент. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. LXXXVII. М., 1990.

История Мар Ябалаха III — История Мар Ябалаха III и раббан Саумы / Иссл., пер. с сир. и прим. Н. В. Пигулевской. М., 1958.

Итс Р. Ф. Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама... — *Итс Р. Ф.* Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама, в собраниях музея антропологии и этнографии // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. XVII. 1957.

Каталог — Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Сост. Е. И. Кычанов. Киото, 1999.

Китайская классика — Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»). Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указ. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. IV. М., 1966.

Книга свода — Книга свода тюркских наречий. [На араб. яз.] / Пер. К. Б. Старковой. Стамбул, 1914.

Кодекс — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) (Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и прим. Е. И. Кычанова: В 4 кн. Кн. I: Исследование // Памятники письменности Востока. LXXXI. 1. М., 1988.

Кодекс, 1987–1989 — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169) (Нгу ле кэу сёу ндин кэн нси) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и прим. Е. И. Кычанова: В 4 кн. // Памятники письменности Востока. LXXI. (1, 2, 3, 4). М., 1987–1989.

Крупинки золота — Вновь собранные крупинки золота на ладони // Тангут. фонд ЛО ИВ АН СССР. Инв. № 741. [На тангут. яз.].

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР.

Кычанов, 1987–1989. Публикация памятника — *Кычанов Е. И.* Публикация памятника и его перевод: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Изд. текста, пер. с танг., исслед. и прим. Е. И. Кычанова: В 4 кн. Кн. I: Исследование; Кн. II: Гл. 1–7; Кн. III: Гл. 8–12; Кн. IV: Гл. 13–20 // Памятники письменности Востока. LXXXI. 1, 2, 3, 4. М., 1987, 1988, 1989.

Лес категорий — Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, вступ. ст., пер., коммент. и указ. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. XXXVIII. М., 1983.

ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения.

ЛО ИВ АН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

ЛО ИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии.

ЛПЦ — «隆平集», 曾鞏, 康熙四七年. Лунпин цзи / Цзэн гун. [Б. м.], 1708.

ЛШ — «遼史», 脱脱等. Ляо Ши (История династии Ляо) / Сост. Токто и др. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).

МОИП — Московское общество испытателей природы.

Море значений — Шие нгу во нгон (Море значений, установленных святыми). [Б. м.], 1183 // Тангут. фонд. Танг. 32. № 145.

Море значений, 1997 — *Кычанов Е. И.* Море значений, установленных святыми // Памятники письменности Востока. IV. СПб., 1997.

Море письмен — Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов / Пер. с тангут., вступ. ст. и прил. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. М., 1969.

МЦБТ — «夢溪筆談», 沈括, 叢書集成, 上海, 1936 年. Мэнци би Тань / Сост. Шэнь Ко. Шанхай, 1936. (Цун шу цзи чэн).

Невский. Неоконч. ст. — *Невский Н. А.* Неоконченная статья о тангутской письменности // Архив востоковедов ЛО ИВ АН. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 2.

Нисида Тацуо. ИТЯ — *Нисида Тацуо.* Изучение тангутского языка.

Новые законы — Новые законы года Свиньи [1212] // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. [На танг. яз.].

Парные изречения — Вновь собранные драгоценные парные изречения // Тангут. фонд. Инв. № 763.

Парные изречения, 1974 — Вновь собранные драгоценные парные изречения / Пер., коммент. и исслед. Е. И. Кычанова. М., 1974.

Перл в руке — Перл в руке: Словарь // Танг. фонд ЛО ИВ АН. № 224.

Пословицы и поговорки народов Востока — *Аникин В. П.* Мудрость народов: Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.

Пэкрён чхохэ — Пэкрён чхохэ: Антология лирических стихотворений рёнгу с корейским переводом / Изд. текста, пер. и предисл. Д. Д. Елисеева // Памятники литературы народов Востока. Тексты, малая серия. VI. М., 1960.

Рабство — Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

РГБ — Российская государственная библиотека.

СББЯ — «四部備要», 中華書局, 上海, 1936, 年. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936 (Чжун хуа шу цзюй).

Си Ся цзи — *Дай Си-чжан.* Си Ся цзи. Пекин, 1924. [На кит. яз.].

Си Ся шу ши — Си Ся шу ши (Описание событий в Си Ся) / Сост. У Гуан-чэн. Пекин, 1936.

Словарь синонимов — Словарь синонимов // Тангут. фонд ЛО ИНА. № 2539. Датирован 1189.

Собрание светлых слов — Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям // Тангут. фонд ЛО ИНА. № 4166.

Сокровенное сказание — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

СПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербурский филиал Института востоковедения РАН.

ССЦ — «西夏記», 戴錫章, 京華印書局刷印, 甲子歲朝 立春日. *Дай Сичжан.* Си Ся цзи (Записки о Си Ся). Пекин, 1924.

ССЦШБМ — «西夏紀事本末», 張鑑, 光緒年. Си Ся цзи ши бэнь мо / Сост. Чжан Цзянь. Гуансюй, 1875–1908.

ССШЛ — «西夏事略», 王仁, 靖康要錄, 五, 上海, 1938, 年. Си Ся ши люе (Изучение Си Ся) / Сост. Ван Чэн // Цзин-кан яолу. Кн. 5. Шанхай, 1938.

ССШШ — «西夏書事», 吳廣成, 北平, 1934, 年. Си Ся шу ши (Описание событий в Си Ся) / Сост. У Гуан-чэн. Бэйпин, 1934.

ССЯЦ — «西夏研究», 王靜如, 北平, 1931–1932, 年. Си Ся яньцзю (Изучение Си Ся) / Сост. Ван Цзин-жу. Бэйпин, 1931. Т. I; 1932. Т. II; 1932. Т. III.

СТШ — «新唐書», 歐陽修. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Ч. 1–2 / Сост. Оуян Сюй. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.].

СУДШ — «新五代史», 歐陽修. Синь у дай ши / Сост. Оуян Сюй.

СШ — «宋史», 脫脫等. Сун ши (История [династии] Сун) / Сост. Токто и др. Шанхай, 1935–1936. [На кит. яз.].

СШСГЧЦЧ — «宋史夏國傳集註», 羅福萇, 待時軒叢刊. Сун ши Ся го чжуань цзи чжу / Сост. Ло Фу-чан. Шанхай, 1937. (Дай ши сюань цун кань).

Сун ши — Сун ши (История [династии] Сун). Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо).

Сы бу … — Сы бу… (текст № 3). 1935.

Сы бу … — Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. (Чжун хуа шуцзюй).

Сюй цзы чжи — Сюй цзы чжи тунцзянь чан бянь (Продолжение «Всеобщего зерцала», помогающего управлению) / Сост. Ли Дао. 1991.

Тангут. кодекс — Измененный и заново утвержденный свод законов девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169) // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. Танг. 55. [На танг. яз.].

Тангутские оды — Тангутские оды // Тангут. фонд. Инв. № 121.

Тангутские рукописи — Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов. М., 1963.

Танг. рук. б. н. — Тангутская рукопись без названия // Тангут. фонд. Танг. 59. Инв. № 4189.

Тангут. фонд — Тангутский фонд Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

ТФ — *Невский Н. А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

ТЧРДМ — Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. 1866.

У Гуан-чэн. Си Ся шу ши — 吳廣成, 西夏書事, 北京, 中華民國廿有四年; 張鑑, 西夏紀事本末; 戴錫章, 西夏紀, 北京, 1924; 羅福萇, 宋史夏國傳集註.

УДХЯ — «五代會要», 王溥, 上海, 1935, 年. У дай хуйяо / Сост. Ван Пу. Шанхай, 1935.

ФХХШЧЧЧ — Фань хань хэ ши чжан чжун чжу // Тангут. фонд ЛО ИВ АН. Инв. № 214.

ЦДГЧ — «契丹國志», 葉隆禮, 乾隆癸丑孟夏刊. Цидань го чжи / Сост. Е Лун-ли. 1793.

ЦС — Цзе сёу. (Новые законы) // Тангут. фонд. Танг. 56.

ЦТШ — «舊五代史», 薛居正. Цзю Тан шу / Сост. Лю Ди. Шанхай, 1936.

ЦУДШ — «舊五代史», 薛居正. Цзю у дай ши (Старая история пяти династий) / Сост. Сюэ Цзюйчэн. Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо).

ЦФЮГ — «册府元龜», 王欽, 北京, 1960 年. Цэ фу юань гуй / Сост. Ван Цинь. Пекин, 1960.

ЦЧТЦ — «資治通鑑», 司馬光. Цзы чжи тун цзянь / Сост. Сыма Гуан. (Сы бу бэй яо).

ЦШ — «金史», 脫脫等. Цзинь ши (История (династии) Цзинь). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).

ЧБ — «續資治通鑑長編», 李燾, 浙江書局, 光緒七年. Сюй цзы чжи тун Цзянь чан бянь / Сост. Ли Тао. 1881. (Чжэцзян шуцзюй).

ЮШ — 元史, 宋濂. Юань ши. (История [династии] Юань) / Сост. Сунн Лянь. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).

Яшмовое зерцало управления — «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» (Чхуа-мбиоу сы ти мбиу) // Тангут. фонд. Танг. 59.

AM — Asia Major.
AOH — Acta Orientalia Hungarica.
BEFEO — Bulletin de l'Ecole français d'Extrême Orient.
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies.
CAJ — Central Asiatic Journal.
Chrestomatie Mandchou — Chrestomatie Mandchou, ou Recueil de texts Mandchou par J. Klaproth. Paris, 1828. N 4.
Divanu — Divanu lugat-it-türk tercürnesi. T. III. Istanbul, 1943. (Пер. текста С. Н. Муратова).
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Society.
JA — Journal Asiatique.
JCBRAS — Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society.
JOAS — Journal of the American Oriental Society.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
Juvaini — *Juvaini Ala-ad-Din Ata Malik.* The history of the world-conqueror / Transl. A. Boyle. London, 1958. Vol. I.
JWCBRS — Journal of the West China Border Research Society.
Lost Empire — Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara-Khoto (X–XIII century) / Thissen Bomemisza Foundation. Milano, 1993.
Mém. prés. div. sav. — Memoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Большая ода // Танг. фонд. Танг. 25. Инв. № 121. [Б. п.].

Зновь собранные крупинки золота на ладони // Тангут. фонд ЛО ИВ АН СССР. Инв. № 741. [На тангут. яз.]. [Крупинки золота][1].

Зновь собранные драгоценные парные изречения // Тангут. фонд. Инв. № 763. [Парные изречения].

Гомофоны: Словарь / Тангут. фонд. Инв. № 207. [Гомофоны].

Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169) (Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси) // Танг. фонд. Танг. 55. [Тангут. кодекс].

История дома Цзинь, царствовашего в северной части Китая с 1114 по 1233 год / Пер. с манчж. Г. Розова // Архив СПб. филиала ИВ РАН. Разд. 1. Оп. 1. № 3.

Лотосовая сутра // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. Танг. 218.

Невский Н. А. Неоконченная статья о тангутской письменности / Архив востоковедов ЛО ИВ АН. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 2. [Невский. Неоконч. ст.].

Новые законы // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. Танг. 56.

Новые законы года Свиньи [1212] // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. [На танг. яз.]. [Новые законы].

Перл в руке. Словарь // Танг. фонд ЛО ИВ АН. № 224. [Перл в руке].

Рукопись без названия // Танг. фонд ЛО ИВ АН СССР. [На тангут. яз.]. [рукопись без названия].

Словарь синонимов / Тангут. фонд ЛО ИНА. № 2539. Датирован 1189. [Словарь синонимов].

Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям // Тангут. фонд ЛО ИНА. № 4166. [Собрание светлых слов].

Тангутская рукопись без названия // Тангут. фонд. Танг. 59. Инв. № 4189. [Танг. рук. б. н.]

Тангутские оды // Тангут. фонд. Инв. № 121. [Тангутские оды].

Фань хань хэ ши чжан чжун чжу // Тангут. фонд ЛО ИВ АН. Инв. № 214. [ФХХШЧЧЧ].

Цзе сёу. (Новые законы) // Тангут. фонд. Танг. 56. [ЦС].

Чхуа-мбиоу сы ти мбиу («Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)») // Тангут. фонд. Танг. 59. [Яшмовое зерцало управления].

Шие нгу во нгон (Море значений, установленных святыми). [Б. м.], 1183 // Тангут. фонд. Танг. 32. № 145. [Море значений].

«Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» (Чхуа-мбиоу сы ти мбиу) // Тангут. фонд. Танг. 59. [Яшмовое зерцало управления].

[1] В квадратных скобках даются сокращения, использованые во внутритекстовых ссылках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимушкин О. Ф. Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. I. М., 1987.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVI век. М.; Л., 1960.

Аникин В. П. Мудрость народов: Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961. [Пословицы и поговорки народов Востока][1].

Бай Бинь. Юань дай Танъу ши юй Си Ся и минь (Клан Танъу в эпоху Юань и потомки населения Си Ся) // «Шань шу цзи» яньцзю лунь цзи (Сб. статей по изучению «Шань шу цзи») / Ганьсу Жэнь минь чубаньше. Ланьчжоу, 2001.

Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов: Собрание сочинений. М., 1955. [На кит. яз.].

Бичурин И. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Бичурин И. История Тибета и Хухунора 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. по Р. Х. СПб., 1833.

Бу Пин. Си Ся хуанди чэнхао као // Нинся шэхуэй кэсюе. 1981.

Буддизм в переводах: Альманах. СПб., 1992. Вып. 1; 1993. Вып. 2.

Бурдуков А. Образцы баитских пословиц // Живая старина. 1910. Вып. III.

Бюллетень Пекинской национальной библиотеки: Спец. вып., посв. языку Си Ся. 1932. № 3.

Бэй ши. Шанхай, [б. г.]. (Сы бу бэй яо).

Бяньвэнь о Вэймоцзе, бяньвэнь «Десять благих знамений» // Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии / Изд. текста, предисл., пер., коммент. Л. Н. Меньшикова. М., 1963.

Ван Го-вэй. Шэн У цин чжэн лу цзяочжу (Записки о личных военных походах, священномудрого и воинственного). Пекин, 1935. (Хайлин Ван ши цзэн дин цзай бань).

Ван Жэнь-цзинь. Си ся вэнь чо. [Б. м.], 1904. (Шисюе цуншу).

Ван Цзин-жу. Си Ся яньцзю. Т. 1–3. Бэйпин, 1931–1932.

Ван Цзин-жу. Си Ся яньцзю. Ч. 1. Пекин, 1932. [На кит. яз.].

Ван Цзин-жу. Четырехъязычная легенда на монете «Чжи-юань тун бао», хранящейся у господина Шидинхайфан (Ши-дин-хай-фан ши соцзан сы ти цзы Чжи-юань тун бао цяньвэнь). Отд. оттиск.

Ван Чжун. Лунь Си Ся ди син-ци (О возникновении Си Ся) // Лиши яньцзю. 1962. № 5.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии в древние времена. СПб., 1857.

Васильев В. П. Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии. СПб., 1883.

Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.

[1] В квадратных скобках даются сокращения, использованые во внутритекстовых ссылках.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Вновь собранные драгоценные парные изречения / Пер., коммент. и исслед. Е. И. Кычанова. М., 1974. [Парные изречения, 1974].

Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим / Факсимиле рукоп., изд. текста, введ., пер. и коммент. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. LXXXVII. М., 1990. [Записи о любви].

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975.

Воробьев М. В., Итс Р. Ф. Работы китайских археологов // Советская археология. Т. XXI. 1954.

Воробьева-Десятовская М. И. Рукописная книга в культуре Индии // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. II. М., 1988.

Го ли. Бэйпин тушугуань гуанькань, ди сы цзюань (т. 4). Ди сань хао (вып. 3). Си Ся чжуань хао. № 31. Бэйпин, 1932.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24.

Грек Т. В., Дьяконова Н. В., Кречетова М. Н., Лубо-Лесниченко Е. И., Рулдова М. Л. Изучение памятников тангутской культуры из Хара-Хото в Эрмитаже // Государственный Эрмитаж, 1764–1964: Тез. докл. на юбил. науч. сессии. Л., 1964.

Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунеджим-Баши, с переводом и примечаниями. СПб., 1874.

Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

Грум-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия Государственного географического общества. 1933. Т. 65.

Гу Тан люй шу и (древний текст «Кодекса династии Тан с комментариями») // Сы бу цункань. Шанхай, 1936. [ГТЛШИ].

Гу Тан люй шу и (древний текст «Кодекса династии Тан с комментариями»). Шанхай, 1930.

Гуан юй ту. [Б. м.], 1799.

Гэн Шао-цзян. Тянь цзы — Мэ (Сыновья Неба — Мэ) // Цянцзу лиши вэньхуа вэнь цзи: Сб. статей по культуре и истории цянов. Аба, 1993.

Дай Си-чжан. Си Ся цзи. (Записки о Си Ся). Пекин, 1924. [На кит. яз.]. [ССЦ], [Си Ся цзи].

Дай Яньхуэй. Тан люй тун лунь. Тэйбэй, 1964.

Дамдинсурэн Цэдэм. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.

Двенадцать царств. Факсимиле рукописи / Изд. текста, исслед., пер. с тангут., коммент., табл. и указ. К. Ю. Солонина // Памятники культуры Востока. II. СПб., 1995.

Дмитриева Л. В. Турецкая арабописьменная рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. I. М., 1987.

Демидова М. И. Дуньхуаньская книга как памятник китайской культуры конца IV — первой половины IX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.

Д'Оссон К. История монголов. Т. I. Иркутск, 1937.

Древнекитайская философия. Собрание текстов: В 2 т. М., 1974. Т. 1.

Дун ду ши люэ / Сост. Ван Чэн. [Б. м.], 1787. [ДДШЛ].

Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940.

Дэн Ми-ши. Критические суждения о книге древних и современных родов и фамилий // Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936.

Е Лунли. Цидань го чжи (История государства киданей). [Б. м.], 1793. [ЦДГЧ].

Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе: Из путешествия в южную Монголию в 1910 г. // CAJ. Vol. VI. 1961. N 3.

Журавлев Ю. И. Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны // Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1961. Т. XXIII: Восточно-Азиатский сборник. II.

Записки о священных войнах (Шэн у цзи). Шанхай, 1935–1936. Гл. 5. (Сы бу бэй яо).
Записки о Си Ся (Дай Си чжан). Бэйпин, 1924.
Зельин К. К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // Вестник Древнего Востока. 1967. № 2.
Зубер С. М. Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. I. Л., 1940.
Иакинф [*Н. Я. Бичурин*]. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
Иванов А. К изучению тангутского языка // Известия Российской Императорской АН. СПб., 1909. Сер. VI. Т. III. № 12–18. С. 1221–1233.
Иванов А. И. Документ из Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Российской Императорской АН. СПб., 1913.
Иванов А. И. Памятники тангутского письма // Известия Российской Академии наук. 1918.
Ивановский А. Материалы для истории инородцев юго-западного Китая. [Б. м.], 1887. Т. 1. Ч. 1.
Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169) (Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси): В 4 кн. Кн. I: Исследование / Изд. текста, пер. с танг., исслед. и прим. Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. LXXXI. 1. М., 1988. [Кодекс].
Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169) (Нгу ле кэу ле сёу ндин кэн нси): В 4 кн. / Изд. текста, пер. с танг., иссл. и прим. Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. LXXI. (1, 2, 3, 4). М., 1987–1989. [Кодекс, 1987–1989].
Иннокентий. Полный китайско-русский словарь. Пекин, 1909.
Иоанн де Плано Карпини. История монголов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Пер. Малеина. СПб., 1910.
История [династии] Юань (Юань ши). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).
История литературы наси. Куньмин, 1959. [На кит. яз.].
История Мар Ябалаха III и раббан Саумы / Исслед., пер. с сир. и прим. Н. В. Пигулевской. М., 1958. [История Мар Ябалаха III].
Итс Р. Ф. Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама в собраниях музея антропологии и этнографии // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. XVII. 1957. [Итс Р. Ф. Одежда ляо и яо (мань) Вьетнама...].
Ифэнгэ (*Иванов А. И.*). Си Ся го шу шо // Го сюе цзи кань. Т. 1. 1923. № 4.
Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Сост. Е. И. Кычанов. Киото, 1999. [Каталог].
Кафаров П. Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на Путешествие Марко Поло по северному Китаю. СПб., 1902.
Кепинг К. Б. Рукописный фрагмент военного трактата «Сун цзы» в тангутском переводе // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1972. М., 1977.
Кепинг К. Б. Тангутский язык: Морфология. М., 1985.
Китай / Главное управление геодезии и картографии МВД СССР. М., 1956.
Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»). Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указ. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. IV. М., 1996. [Китайская классика].
Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 6.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Книга правителя области Шан / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М., 1968.
Книга свода тюркских наречий. Стамбул, 1914. [На араб. яз.]. (Пер. К. Б. Старковой). [Книга свода].
Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. [Сокровенное сказание].
Козина Е. М. Основные категории лично несвободного населения в танском Китае // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». 1. М., 1976.
Козлов П. К. Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1948.

Козлов П. К. Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923.

Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. СПб., 1902.

Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. IV. Л., 1947.

Крюков М. В. Род патронимиии в Древнем Китае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.

Кузнецов Б. И. О фонетическом характере тангутского письма // Филология и история стран зарубежной Азии: Тезисы докладов научной конференции восточного факультета 1965/1966 уч. г. Л., 1966.

Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая. Ч. 1–3 // Информационные бюллетени. 1996. № 7–9. Ислам при династии Юань. Ч. I.

Кычанов Е. И. Гимн священным предкам тангутов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1968. М., 1970.

Кычанов Е. И. Государственное устройство Си Ся // Уч. зап. ЛГУ. 1959а. № 281. Сер. востоковед. наук. Вып. 10.

Кычанов Е. И. Государство и буддизм в Си Ся // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987.

Кычанов Е. И. Государство Си Ся (982–1227): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1960а.

Кычанов Е. И. Два этюда по истории предков тангутов // Кунсткамера: этнографические тетради. Т. 10. СПб., 1996.

Кычанов Е. И. Два этюда по истории предков тангутов // Петербургское востоковедение. Т. 10. СПб., 1998.

Кычанов Е. И. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225) // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1972. М., 1977а.

Кычанов Е. И. Из истории тангутского права // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1970. М., 1974а.

Кычанов Е. И. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. 15. 1962а.

Кычанов Е. И. Из истории экономики тангутского государства Си Ся (982–1237) // Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969б.

Кычанов Е. И. К вопросу о происхождении тангутов // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961а.

Кычанов Е. И. К изучению структуры тангутской письменности // КСИНА. № 68. 1964а.

Кычанов Е. И. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба, Вэймин, Вамо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964б.

Кычанов Е. И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина // Страны и народы Востока. Вып. I. М., 1959б.

Кычанов Е. И. Кодекс тангутского государства XII в. // Народы Азии и Африки. 1983. № 2.

Кычанов Е. И. Крупинки золота на ладони: Пособие для изучения тангутской письменности // Жанры и стили литературы Китая и Кореи. М., 1969.

Кычанов Е. И. Культура Си Ся и ее место среди культур Центральной Азии // Вестник истории мировой культуры. 1961б. № 6.

Кычанов Е. И. Море значений, установленных святыми // Памятники письменности Востока. IV. СПб., 1997. [Море значений, 1997].

Кычанов Е. И. Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана // КСИНА. Вып. 75. М., 1965а. № 69, 76.

Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. 1978. № 2.

Кычанов Е. И. Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР // Страны и народы Востока. Вып. 2. М., 1961в.

Кычанов Е. И. Об одном обряде религии Бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XI. 1960б.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

Кычанов Е. И. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982.

Кычанов Е. И. Публикация памятника и его перевод: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и прим. Е. И. Кычанова: В 4 кн. Кн. I: Исследование. Кн. II: Гл. 1–7. Кн. III: Гл. 8–12. Кн. IV: Гл. 13–20 // Памятники письменности Востока. LXXXI. 1, 2, 3, 4. М., 1987, 1988, 1989. [Кычанов, 1987–1989. Публикация памятника].

Кычанов Е. И. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник 1969. М., 1972а.

Кычанов Е. И. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988.

Кычанов Е. И. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // КСИНА. № 69. 1965б.

Кычанов Е. И. Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1971. М., 1974б.

Кычанов Е. И. Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1972. М., 1977б.

Кычанов Е. И. Тангутские письменные памятники из Хара-Хото как исторический источник // Историография и источниковедение истории стран Азии. Вып. I. 1965в.

Кычанов Е. И. Тангутские пословицы (проблемы перевода и исследования) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов 1-й годичной научной сессии ЛО ИНА, март 1965. Л., 1965г.

Кычанов Е. И. Тангутское письмо в истолковании самих тангутов // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980.

Кычанов Е. И. Тангуты и Запад // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971.

Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI веке // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.

Кычанов Е. И. Что такое «Новые законы» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). М., 1972б.

Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. М., 1975.

Кюнер Н. В. Описание Тибета. Ч. II. Владивосток, 1907.

Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, вступ. статья, пер., коммент. и указ. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. XXXVIII. М., 1983. [Лес категорий].

Ли Дао. Сюй цзы чжи туи цзянь чан бянь (Добавления к Продолженному Всеобщему зерцалу, управлению помогающему). 1881.

Ли Фань-вэнь. О тангутских официальных печатях // Исследования по тангутоведению. [Б. м.], 1983. [На кит. яз.].

Ли Фань-вэнь. Си Ся го мин бянь (Суждение о наименовании Си Ся) / Си Ся яньцзю луньцзи.

Ли Фань-вэнь. Си Ся линму чуту цяньби каошу (Изчение обломков стрел, извлеченных из могил государей Си Ся) // Си Ся яньцзю луньцзи (Сб. статей по изучению Си Ся). Иньчуань, 1983.

Ли Цзи фу. Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи.

Ли Э. Ляо ши ши и. [Б. м.], 1931–1934. (Ляо хай циншу).

Линь-цзи лу / Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. очерк И. С. Гуревич // Памятники культуры Востока. XV. СПб., 2001.

Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // Рукописная и печатная книга. М., 1975.

Лиши яньцзю. 1962б. № 4–5.

Ло Фу-и. Си Ся вэнь цунь. [Б. м.], 1934.

Ло Фу-чан. Краткий очерк письменности государства Си Ся. 羅福萇 西夏國書略說 待時軒叢刊 上海 頁. Шанхай, 1937.

Ло Фу-чан. Сун ши Ся го люэшо. Шанхай, 1937а. (Дай ши сюань цун кань). [На кит. яз.].

Ло Фу-чан. Сун ши Ся го чжуань цзи чжу (Комментарии и дополнения к описанию государства Си Ся) // История династии Сун. Шанхай, 1937б. (Дай ши сюань цун кань).

Ло Фу-чан. Ся го шу чжан чжун шо. Шанхай, 1937в. (Дай ши сюань цун кань).

Лоу Цзу-и. Материалы по истории китайской почты. Нанкин, 1958. [На кит. яз.].

Лувсанбалдан Х. Ачлалат номын тухай. Улаан-баатар, 1961.

Лунпин цзи / Цзэн гун. [Б. м.], 1708. [ЛПЦ].

Лю Жэнь-гуан, Ху Юй-си. Во то гу чжи ды чу бу яньцзю (Первые шаги к исследованию бумаги нашего государства) // Вэньу (памятники письменной и материальной культуры). № 5. 1976.

Лю Линь-шэн. История китайского парного стиля. Шанхай, 1936–1937. (Чжунго вэньхуа ши цуншу).

Люй Чао. Сибэй чумуе (Скотоводство северо-западного Китая). Шанхай, 1955.

Ляо Ши (История династии Ляо) / Сост. Токто и др. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо). [ЛШ].

Ма Вэнь-Куань, Нянси Линъу яо (Керамика Линъу в Нянси) // Каогу сюэ чжуань кань. Т. 26. Пекин, 1988.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Тексты и исследования. М.; Л., 1959.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности уйгур в Ганьчжоу // Си-гаку дзаси. 1962. Т. 71. № 10. [На яп. яз.].

Марков Г. Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967.

Мартынов А. С. О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1981. Ч. II.

Материалы конференции в Хух-Хото, посвященной 800-летию со дня рождения Чингисхана // Лиши яньцзю. 1962. № 4.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899.

Меньшиков Л. Н. Описание китайской части коллекции Хара-Хото (фонд П. К. Козлова). М., 1984.

Меньшиков Л. Н. Раннепечатные издания из Хара-Хото (Китайская часть фонда П. К. Козлова ИНА АН СССР) // КСИНА. Вып. VII. 1961.

Мин ши (История династии Мин). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).

Минаев И. П. Путешествие Марко Поло по северному Китаю / Пер. ст.-фр. текста. СПб., 1902.

Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов / Пер. с танг., вступ. ст. и прил. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2 // Памятники письменности Востока. XXV. М., 1969. [Море письмен].

Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дзитэн. Токио, 1955–1960. [На яп. яз.].

Мыльников А. С. Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания // Книга: Исследования и материалы. Сб. 9. М., 1964.

Мэн Нань. О миграциях в эпоху Юань оставшегося населения Си Ся и его слиянии с другими народами // Вестник университета Нинся. 1995. № 3.

Мэнци би тань / Сост. Шэнь Ко. Шанхай, 1936. (Цун шу цзи чэн). [МЦБТ].

Невский Н. А. О наименовании тангутского государства // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 3. 1933.

Невский Н. А. Очерк истории тангутоведения // Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960а.

Невский Н. А. Тангутская письменность и ее фонды // Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. М.; Л., 1936.

Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. М., 1960б. [ТФ].

Ниида Нобору. Тюгоку хосэй си кэнкю (Изучение истории законодательства в Китае). Т. 1. Токио, 1959.

Ниида Нобору. Тюгоку-но хо-то сякай-то рэкиси (История права и морали в Китае). Токио, 1967.

Нисида Тацуо. Изучение тангутского языка.

Нисида Тацуо. Сэй ка-но буккё-ни-цуитэ. Нанто. Т. 22 (отд. оттиск).

Нисида Тацуо. Сэйка го-но кэнкю. (Исследование языка Си Ся). Токио, 1964. Т. 1; 1966. Т. 2. [На яп. яз.].

Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. Г. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972.

Окадзаки Сэйро. Распространение дансянов в эпоху Тан // Тохоси ронсо. Т. I. 1947. [На яп. яз.].

Окадзаки Сэйро. Сэйка но Ри Гэн-ко токухацурэй // Тохо гакухо. Т. 19. 1961.

Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образа тибетского письма) // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914.

Осабо Кадзуо. Сэйка кинен ко // Сирин. 1933. Т. 18. № 3.

Оссон К. Д. История монголов. Т. 1. Иркутск, 1937.

Палладий А., Попов П. С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888.

Пан Цзи-син. Извлеченный из земли [текст] «Муни шиянь» на древней бумаге и техника изготовления бумаги в эпоху Хань // Вэньу. 1977. № 5.

Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.; Л., 1956.

Пигулевская Н. В Сирийские и сиротюркский фрагмент из Хара-Хото и Турфана // Советское востоковедение. 1940. № 1.

Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.

Познышев С. В. Очерки основных начал науки уголовного права. М., 1923.

Попов П. С. Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р. Х. СПб., 1880.

Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.

Поршняков С. М. Карательная система китайского уложения хана Юнь-Дженъ. СПб., 1909.

Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов: Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. Т. 1. СПб., 1875.

Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888.

Пржевальский Н. М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883.

Прославление писцов. Папирус Честер Битти. VI. (Пер. А. Ахматовой).

Путешествие Марко Поло по северному Китаю / Пер. ст.-фр. текста Н. П. Минаева. СПб., 1909.

Пэкрён чхохэ: Антология лирических стихотворений рёнгу с корейским переводом / Изд. текста, пер. и предисл. Д. Д. Елисеева // Памятники литературы народов Востока. Тексты, малая серия. VI. М., 1960. [Пэкрён чхохэ].

Пэн Синь-вэй. Чжунго хобиши (История денежного обращения). Шанхай, 1954.

Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. [Рабство].

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-билика В. В. Радлова // Записки Императорской АН. Т. XXII. № 2. Приложение. СПб., 1893.

Раевич С. И. Вопросы феодального права // Советское право. 1929. Вып. 3.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М., 1953. Т. I. Кн. 1; М.; Л., 1952. Кн. 2.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1960.

Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII–XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958а.

Рерих Ю. Н. Основные проблемы тибетского языкознания // Советское востоковедение. 1958б. № 4.

Решетов А. М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. М., 1972.

Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев // Расы и народы. Вып. 3. М., 1973.

Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин, 1931.

Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. Ч. I–III. Харбин, 1924.

Сатоси Накадзима. Сэй ка-ни-окэру сэйкёку-но суйси-то бунка // Тохо гакухо. 1937. № 6.

Се Чжи-лю. Дуньхуан ишу сюйлу, тубань сыэр. Шанхай, 1957.

Си Ся вэнь чжуань хао. 1932. № 3.

Си Ся и вэнь чжи.

Си Ся ши люе / Сост. Ван Чэн // Цзин-кан яо лу. Кн. 5. Шанхай, 1938. [ССШЛ].

Си Ся шу ши (Описание событий в Си Ся) / Сост. У Гуан-чэн. Бэйпин, 1934. [ССШШ].

Си Ся шу ши (Исторические события в Си Ся) / Сост. У Гуан-чэн. Бэйпин, 1935. [ССШШ] , [Си Ся шу ши].

Си Ся цзи ши бэнь мо / Сост. Чжан Цзянь. Гуансюй, 1875–1908. [ССЦШБМ].

Си Ся яньцзю (Изучение Си Ся) / Сост. Ван Цзин-жу. Бэйпин, 1931. Т. I; 1932. Т. II; 1932. Т. III. [ССЯЦ].

Синицын В.М. Геотектонический фактор в изменении климата Центральной Азии // Бюллетень МОИП. Отд. геологии. 1949. Т. XXIV.

Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Ч. 1–2 / Сост. Оуян Сюй. Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [СТШ].

Синь у дай ши / Сост. Оуян Сюй. [СУДШ].

Смолин Г. Я. Антифеодальное восстание в Китае. М., 1974.

Согабэ Сидзуо. Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэнкю (Изучение связей Японии и Китая в формировании сущности законов «люй-лин»). Токио (Киото), 1967.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «Mongol-un niguca tobciyan». Юань Чао Би ши. Монгольский обыденный изборник / Пер. С. Е. Козина. М.; Л., 1941. Т. I.

Солонин К. Ю. Памятники культуры Востока. II. СПб., 1995.

Софронов М. В. Грамматика тангутского языка: В 2 кн. / Отв. ред. Н. И. Конрад. М., 1968.

Суй шу. История династии Суй. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.].

Сун син тун (Свод уголовных наказаний династии Сун) // Го-у-юань фачжи цзюй. [Б. м.], 1918.

Сун ши (История [династии] Сун). Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [Сун ши].

Сун ши (История [династии] Сун). Шанхай, 1936. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [Сун ши].

Сун ши (История [династии] Сун) / Сост. Токто и др. Шанхай, 1935–1936 (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [СШ].

Сун ши Ся го чжуань цзи чжу / Сост. Ло Фу-чан. Шанхай, 1937. (Дай ши сюань цун кань). [СШСГЧЦЧ].

Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер., введ., коммент., грамат. очерк, словарь и прил. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. XI. М., 1979.

Сушанло М. Дунгане. Фрунзе, 1971.

Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. (Чжун хуа шуцзюй). [СББЯ].

Сэ Чжи-лю. Дуньхуан ишу сюйлу, тубань сыэр. Шанхай, 1957.

Сюй Бин-чан. Цзяо Цзинь Ваньянь Синь шэнь Дао бэй шу хоу // Шисюэ цзикань. 1936. № 1.

Сюй Мэн-синь. Сань чао бэй мэн хуй бянь. 1878.

Сюй цзы чжи тун цзянь чан бянь (Продолжение «Всеобщего зерцала», помогающего управлению). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо). [Сюй цзы чжи], [ЧБ].

Сюй цзы чжи тун Цзянь чан бянь / Сост. Ли Тао. 1881. (Чжэцзян шуцзюй). [ЧБ].

Сюнь Кэ. Чжунсин сяо цзи. Шанхай, 1936. (Цун шу цзи чэн).

Сяо цзин. Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо).

Тан Кёдзи. Со дай-но «дзинуси», «добоку» канкэй (Отношения хозяев и слуг при династии Сун) // Тоё гаку хо. 1971. Т. 53.

Тан лю дянь / Вэнь хау чубаньше. Тайбэй, 1974.

Тан люй шу и (Свод законов династии Тан). Шанхай, 1930. (Цун шу цзи чэн).
Тан люй шу и (Свод законов династии Тан). Шанхай, 1935. (Цун шу цзи чэн).
Тан люй шу и (Уголовные законы династии Тан, с комментариями и разъяснениями). Шанхай, 1931. (Цун шу цзи чэн).
Тан хуй яо. Пекин, 1955.
Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов. М., 1963. [Тангутские рукописи].
Терентьев-Катанский А. П. Датировка тангутских книг и рукописей из Хара-Хото // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1971. М., 1974.
Терентьев-Катанский А. П. К истории тангутской рукописной книги // Письменные памятники Востока: Ежегодник 1972. М., 1977.
Терентьев-Катанский А. П. Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981.
Терентьев-Катанский А. П. «Неизвестные» знаки в памятниках тангутской письменности // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Тез. годичн. науч. сессии ЛО ИНА. Л., 1965.
Терентьев-Катанский А. П. «Неизвестные» знаки в памятниках тангутской письменности // Эпиграфика Востока. Т. 19. 1969.
Тодай-ни окэру токо но идзю ни цуйтэ // Сикан. Т. 26–27.
Торчинов Е. А. Введение в буддологию: Курс лекций. СПб., 2000.
Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. 1866. [ТЧРДМ]
Тун дянь (Уложение династии Тан). Шанхай, 1935. (Вань ю вэнь ку).
Тунчжи: Энциклопедия. 1935. Т. 72.
У Гуан-чэн. Описание событий в Си Ся (Си Ся шу ши). Бэйпин, 1935.
У Гуан-чэн. Си Ся шу ши (Описание событий в Си Ся). Пекин, 1935. [На кит. яз.].
У Гуан-чэн. Си Ся шу ши (Описание событий в Си Ся). Пекин, 1936.
У Гуанчэн. Си Ся шу ши. Пекин, 1934.
У дай хуйяо / Сост. Ван Пу. Шанхай, 1935. [УДХЯ].
У Чэн-ло. Чжунго дулян хэн ши. Шанхай, 1936.
У ши цзи люэ (Краткие записи о начале сущего). Чэнду, 1990. Т. 1. [На кит. яз.].
Фан Хао. Вклад буддизма эпохи Сун в производство бумаги и книгопечатание в Китае // Далу цзачжи. Т. 41. Вып. 4. Тайбэй, [б. г.]. Отд. оттиск.
Флуг К. К. Из истории книгопечатания в Китае (X–XIII вв.) // Советское востоковедение. 1940. № 1.
Флуг К. К. История китайской печатной книги сунской эпохи (X–XIII вв.). М.; Л., 1953.
Флуг К. К. По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся // Библиография Востока. Вып. 2–4. 1933.
Фосюе цыдянь. Шанхай, 1933.
Халидов А. Б. Рукописная книга в арабской культуре // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. I. М., 1987.
Хамаганов М. П. Бурятская фольклористика. Улан-Удэ, 1962.
Хун Хао. Сунмо цзи вэнь (Собрание сведений о Сунмо). Ч. 1. [Б. м.], 1933–1934. (Ляохай цуншу).
Цзин-жу Ван. Изучение Си Ся. Вып. 1. Бэйпин, 1932.
Цзинь ши (История (династии) Цзинь). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [ЦШ].
Цзы чжи тун цзянь / Сост. Сыма Гуан. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.]. [ЦЧТЦ].
Цзэн Гун-лян и др. У цзин цзун яо. Сы ку цюань шу. Пекин, 1934.
Цзю Тан шу / Сост. Лю Ди. Шанхай, 1936. [ЦТШ].
Цзю у дай ши (Старая история пяти династий) / Сост. Сюэ Цзюй-чэн. Т. 28. Шанхай, 1935. (Сы бу бэй яо). [ЦУДШ].
Цзян Шань-го. Хань цзы ды цзучэн хэ синчжи. Пекин, 1960.
Цзян Шань-го. Хань цзы синти сюэ. Пекин, 1959.
Цинь дин сы ку цюань шу цзун му ти яо. Пекин, 1910.
Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
Цэ фу юань гуй / Сост. Ван Цинь. Пекин, 1960 [На кит. яз.]. [ЦФЮГ].

Цюй Ин-шэн. Избранные инлянь эпохи Сун. Бэйпин, 1932.
Чан-чунь чжэнь Сию цзи (Записка о путешествии па запад праведника Чан-чуня). Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).
Чаньские истины / Пер. с кит., предисл. и коммент. К. Ю. Солонина. СПб., 1998.
Черниловский Т. Д. Анализ и история китайской письменности. Владивосток, 1927.
Чжан Цзянь. Си Ся цзиши бэньмо. 1886.
Чжоу Лянь-сяо. Гуаньюй Ченцзисы-хань (О Чингизхане) // Лиши яньцзю. 1962. № 4.
Чжоу Чунь. Си Ся шу. Предисловие датировано 1796.
Чжоу Ши-дэ. Собрание танских дуйлян. Раздел «Император». Рукопись Пекинской государственной библиотеки. Предисловие датировано 1741 г. Без пагинации.
Чжоу шу. Шанхай, 1936. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.].
Чжэн Ганн-чун. Си чжэн Дао ли цзи. Шанхай, 1936.
Чи Сю Ганьсу тунчжи. [Б. м., б. г.].
Чу Шао-тан. География нового Китая. М., 1953.
Чугуевский Л. И. Заемные документы из Дуньхуана // VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН (Краткие сообщения). М., 1971.
Чэнь Бин-ин. Си Ся вэньу яньцзю (Изучение памятников материальной кльтуры Си Ся). Иньчуань, 1985.
Чэнь Цзун-сян, Дэн Вэнь-фэн. Байлан гэ яньцзю (Исследование песни Байлан). Чэнду, 1990.
Чэнь Ши-дао. Хоу Шань сяньшэн цзи. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо).
Чэнь Янь-кэ. Введение к комментарию и параллельным текстам на санскрите, тангутском, тибетском и китайском языках сутры «Фо му да куньцюе мин вач цзин» (Си Ся вэнь Фо му да куньцюе мин ван цзин Ся фань цзан хань хэ пи цзяо ши, сюй) // Изучение Си Ся. Вып. I. С. VII.
Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века / Свод. текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. М.; Л., 1957.
Шаркшинова Н. О. Бурятский фольклор. Иркутск, 1959.
Ши Цзинь-бо. Си Ся вэнь «Го цюй чжуан янь цзе цянь фо мин цзин» фа юань вэнь чжэн // Шицзе цзунцзяо яньцзю. 1981. № 1.
Ши Цзинь-бо. Си Ся хо цзы бань вэньсянь цзи ци тецзянь (Материалы Си Ся, напечатанные подвижным шрифтом, и их особенности) // Лиши вэньу (Исторические памятники). 1997. № 6.
Ши Цзинь-бо, Хуан Чжэн-хуа, Не Хун-инь. Лэй линь яньцзю (Исследование «Лэй линь»). Иньчуань, 1993.
Ши Цзинь-бо, Ясин Ашури. Си Ся хэ хуйху хо цзы иньшуа шу яньцзю (Изучение техники книгопечатания подвижным шрифтом в Си Ся и у уйгуров). Пекин, 2000.
Шу шань цзи. Яньцзю лунь цзи. (Сб. статей по изучению «Шань шу цзи») / Ганьсу Жэнь минь чубаньше. Ланьчжоу, 2001.
Шу шань цзи: Яньцзю юнь цзи (Собрание записей о добрых делах).
Шэнь Ко. Беседы с кистью в Мэнци. Шанхай, 1936. (Цун шу цзи чэн).
Шэньси тунчжи. [Б. м.], 1735.
Э цзан Хэйчэн вэньсянь (Памятники письменности из [города] Хэйчэн (Хара-Хото), хранящиеся в России. (Серия начата в 1997).
Эноки Кадзуо. О Се но Ки ка эйро ни цуйтэ // Мокко гакухо. Т. 1. 1944.
Юань дай Си Ся и минь вэньсянь «Шу шань цзи» цзяочжу» // Документы об оставшемся населении Си Ся при династии Юань с комментариями. Ганьсу жэньминь чубаньшэ. Лань-чжоу, 2001.
Юань чао би ши / Пер. С. А. Козина. Т. 1. М.; Л., 1941.
Юань ши (История [династии] Юань) / Сост. Сун Лянь. Шанхай, 1935–1936. (Сы бу бэй яо). [На кит. яз.].
Юе Чжай. Цзы юань. Шанхай, 1954.
Юй Цзи. Дао юань сюэ гу лу. (Записки об изучении древностей Дао-юанем). [Б. м., б. г.]. (Сы бу бэй яо).

Юйвэнь Мао-чжао. Да Цзинь го чжи. [Б. м.], 1798.

Ютака Тадзава, Сабура Мацубара, Сюнсукэ Окуда, Ясунари Нагахата. История культуры Японии: Обзор / МИД Японии. 1989.

Якубовский А. Я. Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв. // Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. IV. 1947.

Ямато Сумико. О переселениях дансянов в эпоху Тан // Сикаи. Т. 26–27. [На яп. яз.].

Anderson J. G. Researches into the prehistory of the Chinese // Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin. N 15. Stockholm, 1943.

Arakawa S. About the rhymes in Tangut verses: Reanalysis of Tangut rhyming poetry in *San shi shu ming yani wen* // Kyoto University Linguistic Research. Vol. 20. Kyoto, 2001.

Asakava K. The Life of a Monastic Shō Medival Japan // Annual Report of the American Historical Association. 1916. N 10.

Bacot J., Thomas F. W., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang rélatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940–1946.

Bailey H. W. Ttagutta // BSOS. Vol. X. 1941. Pt. 3.

Bexell G. Some Observations on the Population in the Nan-Shan. Reports from the scientific expedition to the north-western provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin. Ed. VIII. Stockholm, 1954.

Berghardi A., Zach E. von. Einige Bemerkungen über Si-Hia-Schrift und -Sprache // Ostasiatische Zeitschrift. 1918–1919. N 7.

Bernard H. Aux Portes de la Chine. Les missionnaires du XVI siècle, 1514–1580. Tientsin, 1933.

Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. IV. Paris, 1937.

Bonaparte, Prince Roland. Documents de l'époque mongole des XIII et XIV siècles. Paris, 1985.

Boodberg P. A. The language of the T'o-pa Wei // HJAS. 1938. Pt. I.

Buddhism in the Sung / Ed. P. N. Gregory and D. A. Getz, Jr. // Studies in East Asian Buddhism / Kuroda Institute. N 13. Honolulu, 1999.

Bulletin of the National Library of Peiping. 1930. Vol. 4. N 3. Issue. 1932.

Bushell S. W. The Hsi Hsia dynasty of Tangut, their money and peculiar Script // JNCBRAS. 1895–1896. Vol. XXX.

Carter T. F. The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N. Y., 1955.

Chang Chi-yun. Military Administration and Command // Chinese Culture. 1968. Vol. 9. N 1.

Chavannes Ed. Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'après les estampages de M. Ch. E. Bonrin // Mém. prés. div. sav. 1904. T. XI. Pt. II.

Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitan et Jou-tchen // JA. 1897. Mai-juin; 1898. Mai-juin.

Chen K. K. Note on the Sung and Yuan Tripitaka // HJAS. 1951. Vol. 14. N 1–2.

Chrestomathie Mandchou, ou Recueil de textes Mandchou par J. Klaproth. Paris, 1828. N 4.

Clauson G. The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // AM. 1964. N. S. Vol. XI.

Cordier H. L'extrême Orient dans l'atlas catalan de Charles V, roi de France // Bulletin de géographie et descriptive. Paris, 1895.

Cordier H. Les Voyages en Asie au XIVe siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone. Paris, 1896.

Dai Si-chzhan. Si-Sia tszi (Zapiski o Hsi-Hsia) (Dai Xi-zhang, Hsi-Hsia ji [Notes on Hsi-Hsia]). 1924. Òsziuan 2.

Devéria G. L'ecriture du royaume de Si-Hia ou Tangout // Mém. prés. div. sav. 1898. T. XI. Pt. 1.

Divanu lugat-it-türk tercürnesi. T. III. Istanbul, 1943. (Пер. текста С. Н. Муратова).

Dragunov A. A. A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) // Works in the Asiatic Museum / Academy of Science. N 31. Leningrad, 1932.

Dughlat Mirza Muhammad Haidar. The Tarikh-i-Rashidi. A History of the Moghuls of Central Asia. London, 1895.

Eberhard W. Das Toba-Reich Nordchinas. Leiden, 1949.

Eichhorn W. Beitrag zur Rechtlichen Stellung des Buddhismus und Taoismus in Sung-Staat / Übers. der Sektion «Taoismus und Buddhismus» aus dem «Ch'ing-Yuan Tiao-Fa Shih-Lei» (Kap. 50 und 51). Leiden, 1968. (Monograph. des T'oung Pao. Vol. VII).

Ekval K. B. Cultural Relations on the Kansu-Tibetan Border. Chicago, 1939.
Fergusson J. C. Political parties of the Northern Sung Dynasty // JNCBRAS. 1927. Vol. LVIII.
Franke H. Diplomatic mission of the Sung State, 960–1279. Canberra, 1981.
Franke H. Seitenwechsel zum Feind. Tanguten im Dienst der mongolischen Eroberer // Saeculum. 2002. Bd. 53. Hlb. II.
Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. 1–5. Berlin, 1952.
Gernet J. Les aspects économiques du bouddhisme dans la société chinoise du Ve au Xe siècle. Saigon, 1956.
Goodrich L. Movable type printing: two notes // JAOS. 1974. Vol. 94. Pt. 4.
Goodrich L. C. Westerners and Central Asians in Yuan China // Oriente Poliano. Studi e conferenze tenute all'Is. M. E. O. in occasione del VII centenario della nascita di Marco Polo. Roma, 1957.
Grinstead E. Analisis of Tangut Script // Scandinavian Institute of Asian Studies. Lund, 1972a. (Monograph Series. N 10).
Grinstead E. The Tangut Tripitaka. New Delhi, 1973.
Grinstead E. The Tangut Tripitaka, Background Notes // Sung Studies News Letter. 1972b.
Grousset R. L'empire mongol // Histoire du Monde. T. VIII. Paris, 1941.
Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1948.
Haenisch E. Die letzten Feldzüge Cinggis Han's und sein Tod // AM. Vol. IX. 1933.
Hamilton J. R. Les Ouighours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955. (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. X).
Histoire des campagnes de Gengis khan / Trad. et annot. par P. Pelliot et L. Hambis. T. I. Leide, 1951.
Hôbôgirin. Dictionnaire encyclopédique du buddhism d'après les sources chinoises et japonaises. Tokyo, 1931. N 942.
Holm F. V. The Nestorian Monument. Chicago, 1909.
Howorth H. H. The northern frontiers of China. Pt. VI: Hai or Tangut // JRAS. 1883. Vol. XV.
Imaeda Y. Identification de l'original chinois du Pelliot tibétain 1291 — traduction tibétaine du Zhanguoce // AOH. 1980. T. XXXIV. Fasc. 1–3.
Isaka Hideo. Shina mindzoku seika shi. Tokyo, 1943.
Jamaji H. A Jučen-Japanese-English Glossary. Tokyo, 1956.
Juvaini Ala-ad-Din Ata Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. I. [Juvaini].
Karlgren B. Grammata Serica Recensa // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. N 29. Stockholm, 1957.
Kracke E. A. Civil Service in Early Sung China. London, 1953.
Kychanov E. I. From the History of Tangut Translation of the Buddhist Canon // Tibetan Buddhist Studies. 1984. (Bibliotheca Orientalis Hungarica. Vol. XXIX. 1).
Kychanov E. I. Monuments of Tangut Legislation (12–13th centuries) // Études Tibétaines. Actes du XXIX Congrès international des Orientalistes, L'Asiathèque. Paris, 1976.
Kyčanov E. I. A Tangut document of 1224 from Khara-Khoto // AOH. 1971. T. XXIV. Fasc. 2.
Laufer B. The Si-hia Language, a Study in indo-chinese Philology // T'oung Pao. 1916. Vol. XVII.
Li E. Liao shi shi yi (Sources on the History of the Liao Dynasty). 1936.
Liu Ch'ao-yang. On the Conquering of Ch'iang Fang by Emperor Hsiao // Studia Serica. 1946.Vol. V.
Lost empire of the Silk Road: Buddhist art from Khara-Khoto (X–XIIIth century) / Ed. M. B. Piotrovskiy. Milan, 1993. [Lost Empire].
Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost Türken (t'u-küe). Wiesbaden, 1958. Bd. II.
Luc Kwanten. On the Inventor of the Tangut Script // JAOS. 1977. Vol. 97. N 3.
Luc Kwanten. Imperial Nomads. A History of Central Asia: 500–1500. Philadelphia, 1979.
Martin H. D. The Mongol Wars with Hsi-Hsia (1205–27) // JRAS. 1942. Pt. 3–4.
Masao Mori. A Study on Uygur documents of loans for Consumption // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1961. N 20.
Maspero H. Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stern en Asie centrale. London, 1953.

Morisse M. G. Contribution préliminaire l'étude de l'ecriture et de la langue Si-hia // Mém. prés. div. sav. Ser. 1. Vol. XI. 2. Paris, 1904.

Morse W. R., Yen Yin. Ancient historical aboriginal ethnic groups of Szechwan // JWCBRS. Vol. VIII. 1936.

Moule A. C. Christians in China before the year 1550. London, 1936.

Nebesky-Wojkowitz R. v. Die tibetische Bon Religion // Archiv für Volkerkunde. Bd. II. 1947.

Nevsky N. A. A brief manual of the Si-hia characters with Tibetan transcriptions // Research review of the Osaka Asiatic society. 1926. N 4. P. 19–20.

Niida Noboru. The Relations between the law of the T'ang and Sung dynasties and that of the Koryo dynasty // To-ho gaku. 1965. N 30.

Niida Noboru. A Study of Chinese Legal History: Land Law and Law of Transactions. Tokyo, 1960.

Nishida T. The Hsi-Hsia Avatamsaka sutra. Kyoto, 1977.

Nishida T. Seika-go no kenkyuu (A Study of the Hsi-Hsia Language): In 2 vols. Tokyo, 1964. Vol. 1.

Olbricht P. Die Tanguten and ihre Geschichte bis zur Gründung von Si-Hia // CAJ. 1956. Vol. II. N 2.

Ou Koei-hing. La Peine d'après le code des T'ang. Shanghai, 1935.

Ögel B. Ein Torn ach China in 10 Jhdt // CAJ. 1961. Vol. VI. N 3.

Pei W. C. Archaeological Reconnaissance in Kansu corridor and Kokonor region in North-West China // Contribution from the Institute of Geology. 1948. N 8.

Pelliot P. Les débuts de l'imprimerie en Chine. Paris, 1951. (Œuvres posthumes de Paul Pelliot. IV).

Pelliot P. Les documents chinois trouvés par la Mission Kozlov à Khara-Khoto // JA. 1914. Mai-juin.

Pelliot P. Sur quelques manuscrits sinologiques conservés en Russie // T'oung Pao. 1932. Vol. XXIX.

Poucha P. Mongolische Miszellen // CAJ. Vol. I. N 4.

Pulleyblank E. G. Origins and Nature of Chattel Slavery in China // Journal of Economic and Social History of the Orient. 1958. Vol. 1.

Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Paris, 1937. (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. IV).

Reischauer E. O., Fairbank J. K. East Asia: the Great Tradition. London, 1960.

Richardson H. E. A tibetan Inscription from Royal La-Khang, and a Note on Tibetan Chronology from A. D. 841 to A. D. 1042 // JRAS. 1957. Pt. 1.

Rockhill W. W. The origin of the word «Tangutan». 1958.

Roerich G. N. Le parler de l'Amdo. Etude d'un dialecte archaique du Tibet. Roma, 1958. (Seria Orientale Roma. XVIII).

Roerich G. N. The Blue Annals. Pt. I // The Royal Asiatic Society of Bengal. (Monograph. series. Vol. VII).

Saeki P. Y. The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo, 1951.

Saeki P. Y. The Nestorian Monument in China. London, 1928.

Sedlaček K. Китайская классика в тангутском переводе (рец.; отд. оттиск, полученный от автора; место публикации не указано).

Soothill W. E. A dictionary of Chinese Buddhist terms. London, 1937.

Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Khan-Su and Eastern Iran. Vol. 1–4. Oxford, 1928.

Stein A. Memoir on the Maps of Chinese Turkistan and Kansu from the Surveys made during sir Aurel Sein Exploration. Duhara Dun, 1923.

Stein R. A. La civilization tibétaine. Paris, 1962.

Stein R. A. Le tribus anciennes des marches sino-tibétaines. Paris, 1961.

Stein R. A. L'épopée tibetaine de Gesar dans sa version lamaïque de Ling. Paris, 1956.

Stein R. A. Mi-niag et Si-hia, géographie historique et légendes ancestrales // BEFEO. Hanoi, 1951. T. XLIX. 1947–1950.

Stein R. A. Une source ancienne pour l'histoire de l'épopée tibétaine, le Rlans Po-ti bse-ru // JA. 1962. T. CCL. Fasc. 1.

Sun shi (История династии Сун) (Sung shi [History of the Sung Dynasty]). 1935.

Tasch R., Thomas F. W. Ancient folk-literature from North-Eastern Tibet / Introd., texts, transl. and notes // Acta Orientalia. 1957. T. VII. N 2–3.

Ter Haar B. White Lotus Teaching in Chinese Religious History. Leiden, 1992.

The Monuments of the Culture of the Orient. I–IV. 1997.

Thomas F. W. Ancient folk-literature from North-Eastern Tibet. Berlin, 1957.

Thomas F. W. Nam, an Ancient Language of the Sino-Tibetan Borderland. London, 1948.

Thomas F. W., Clauson G. L. M. A Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters // JRAS. 1927a. April.

Thomas F. W., Clauson G. L. M. A Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters // JRAS. 1927b.

Tucci G. The Tumbs of the Tibetan Kings. Roma, 1950. (Seria Orientale Roma).

T'ung-tsu Ch'u. Law and society in traditional China. Paris. 1965.

Twitchett D. C. The Monasteries and China Economy in Medieval Times // BSOAS. 1957. Vol. XIX.

Twitchett D. C. The Monastic estates in T'ang China // AM. 1956. N. S. Vol. V.

Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Leipzig, 1920.

Wittfogel K., Fêng Ch'ia-shêng. History of Chinese society Liao (907–1125) / App. V. Khara-Khitay. Philadelphia, 1949. (Transactions of American Philosophical Society. N. S. Vol. 36).

Wu Ch'eng-lo. Chung-kuo tu-liang heng shih. Shanghai, 1936.

Wu Chi-yu. Sur la version tangoute d'un commentaire du Louen-yu conservée à Leningrad // T'oung Pao. 1969. Vol. LV. Livre 4–5.

Zenryu Tsukamoto. Chinese Buddhism in the Middle Period of the Tang Dynasty. Kyoto, 1933.

纪晓嵐 (The Sea of Knowledge as Arranged by the Saints). F. 146. (Inv. № 145).

吳廣成 Kuang-ch'êng, Hsi-Hsia - 書事 shu-shi. Peking, 1935. Ch. 42. F. lab.

文選 Wên-hsüan, 陳情表 Ch'en Ching-piao (Die Chinesische Anthologie) II / Übers. aus dem Wen Hsuan // Harvard — Yenching Institute studies. XVIII. 1958.

李范文, 西夏間史, 銀川. 1979. 31 頁

吳天墀, 西夏史稿, 成都. 1980. 218 頁

夏漢字典, 北京. 1997. № 0976.

李范文. 西夏官印考釋. —西夏研究論集. 寧夏人民出版社, 1983.

宋史; 卷 486, 四部備要; 上海、1936. 3796 頁.

吳廣成, 西夏書事, 北京, 中華民國廿有四年; 張鑑, 西夏紀事本末; 戴錫章, 西夏紀, 北京, 1924; 羅福萇, 宋史夏國傳集註.

四部備要, 上海. 1935

王靜如, 西夏研究, 二北平. 1932. 86 頁

呂氏春秋, 1875, 卷十四, 14a 頁

古今圖書集成, 中華書局影印. 1935. 卷 69, 48a 頁

床史, 卷 491. [Б. м.], 1836. 18a 頁

(Тунчжи). 72. 卷 上海. 1935. 838頁 o

西夏紀 • 甲子歲 (1924 年) 朝立春日開雕戴錫章海王册丶京華印書局刷印, 9a, 頁, 16 卷, 116 頁 [Си Ся цзи].

宋史 [Сун ши] 道光十六年重修 (1836 年), 485 卷, 23a 頁.

西夏書事青浦吳廣成西齋纂道光乙酉年金集 (1826 年) o 北平隆福寺文奎堂影印36卷, 2a 頁 [Си Ся шу ши].

曾公亮, 武經總要, 四庫全書 Цзэн Гун-лян и др. У цзин цзун яо. Сы ку цюань шу. Пекин, 1934.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Е. И. КЫЧАНОВА, КОТОРЫЕ ВОШЛИ В ДАННУЮ КНИГУ

1. Тангутский миф о Белом журавле и солнцебедрой девушке // Кюнеровские чтения 1993–1994 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С. 5–6.
2. «Гимн священным предкам тангутов» // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования: Ежегодник 1968. М., 1970. С. 217–231.
3. К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 148–160.
4. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо). М., 1964.
5. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С. 146–153.
6. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина // Страны и народы Востока. Вып. 1. География, этнография, история / Под ред. В. В. Струве. М., 1959.
7. Государство Си Ся // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 57–78.
8. Политика тангутского государства в период правления Юань-Хао // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 136–162.
9. Ослабление центральной власти и войны Си Ся в середине XI в. // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 170–173, 183–188.
10. Тангутское государство на пути к новому подъему // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 200–209, 217–222.
11. Тангутское государство во второй половине XII в. // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 227–235.
12. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 69: Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. М., 1965. С. 180–196.
13. Тангутские пайцзы // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 266–270.
14. Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. М., 1974. С. 309–326.
15. Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах // Страны и народы Востока Вып. 22: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1980. С. 137–146.
16. «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)» государства Си Ся как источник по истории практики обмена посольствами на Дальнем Востоке в XI–XII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVI. СПб., 1995. С. 88–102.

17. Взятка в тангутском праве (XII–XIII вв.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб., 1997. С. 53–57.
18. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-Гуань (1101–1113 гг.)» // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования: Ежегодник 1969. М., 1972. С. 229–243.
19. Правила награждения героев в армии Си Ся // Languages and history in East Asia. Festschript for Tatsuo Nishida on the Occasion of his 60th Birthday. Kyoto, 1988. С. 119–135.
20. «Железные ястребы — кони и конница в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.)». (Статья публикуется впервые.)
21. Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. // Общество и государство в Китае. М., 1981. С. 75–94.
22. Из истории экономики тангутского государства Ся (982–1227 гг.) // Страны и народы Востока. Вып. XIII: География, этнография, история. М., 1969. С. 113–121.
23. Люди, принадлежавшие государю (государству). (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)») // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 232–239.
24. Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986. С. 218–239.
25. Служба складов в тангутском государстве // Страны и народы Востока. Вып. XXIII. Дальний Восток (история, этнография, культура). М., 1982. С. 62–68.
26. Законы, регулировавшие ведение скотоводческого хозяйства в тангутском государстве Си Ся (XII–XIII вв.) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 38–52.
27. Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Февраль 1981 г. Ч. 1. М., 1982. С. 108–113.
28. Договор займа по тангутскому праву // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Ч. 1. М., 1983. С. 153–157.
29. Два тангутских этюда // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 10. СПб., 1996. С. 5–10.
30. Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник 1972. М., 1977. С. 146–152.
31. Тангутский документ № 8203 // Issues in Eurasian Languidge (1) CSEL. Series 3 / Department of Linguistics, Kioto University. Kioto, [s. a.]. P. 9–20.
32. Тангуты и Запад // Страны и народы Востока Вып. X. Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. М., 1971. С. 157–162.
33. Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчженьской империи Цзинь // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973. С. 136–142.
34. Тангутское письмо в истолковании самих тангутов // Разыскания по общему и китайскому языкознанию М., 1980. С. 209–223.
35. К изучению структуры тангутской письменности // КСИНА. 1964. М., 1968.
36. «Крупинки золота на ладони» — пособие для изучения тангутской письменности // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969. С. 213–222.
37. Культура Си Ся: Письменность, просвещение, музыка, живопись // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 259–271.
38. Тангутские изречения // Советская этнография. 1971. Май-июнь. С. 113–119.

39. Несколько предварительных замечаний по поводутангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» Писменные памятники Востока. 1. 2004. С. 147–159.
40. Фрагменты перевода на тангутский (Си Ся) язык сочинения У Цзина «Чжэнь-гуань чжэн яо» //Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: XXII. СПб., 2004. С. 75–83.
41. Тангутская текстология // История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2002. С. 98–104.
42. Тангутская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 373–422.
43. Памятники тангутской письменности и тангутская культура // Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 389–414.
44. Государство Великое Ся (982–1227) и его культура // Страны и народы Востока. Вып. XXXI: Страны и народы бассейна Тихого Океана. Кн. 6. М.; СПб., 2002. С. 66–81.
45. Государство и буддизм в Си Ся // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987. С. 130–145.
46. Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в тангутском государстве Си Ся // Научная конференция «Дальневосточный буддизм»: История, философия, психология: Тез. докл. СПб., 1992. С. 37–39.
47. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века. М., 1982. С. 28–62.
48. Гибель Си Ся // Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 298–334.
49. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и в Европе. М., 1970. С. 46–61.
50. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.) // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник 1972. М., 1977. С. 139–145.
51. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. 1978. Март-апрель. М., 1978. С. 95–99.
52. Этнические и религиозные изменения в области Тангут империи Юань (XIII–XIV вв.)
53. «Шу Шань Цзи» (Собрание записей о добрых делах») — новый документ о судьбах тангутского (Си Ся) населения после гибели великого Ся (982–1227 гг.). (Рукопись.)
53. Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, XIII–XVI вв.) // Восток: история и культура. СПб., 2000. С. 101–107.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ ПО ТАНГУТОВЕДЕНИЮ

Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим: Факсимиле рукописи / Изд. текста, введ., пер. и коммент. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. LXXXVII. М., 1990.

Вновь собранные драгоценные парные изречения: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер. с танг., вступ. ст. и коммент. Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. XL. М., 1974.

Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

Двенадцать царств: Факсимиле рукописи / Изд. текста, исслед., пер. с танг., коммент., таблицы и указ. К. Ю. Солонина // Памятники культуры Востока. Т. 2. СПб., 1995.

Запись у алтаря о примирении Конфуция: Факсимиле рукописи / Изд. текста, пер. с танг., вступ. ст., коммент. и словарь Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. CXVII. М., 2000.

Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Изд. текста, пер. с танг., исслед. и примеч. Е. И. Кычанова: В 4 кн. // Памятники письменности Востока. LXXI. (1, 2, 3, 4). М., 1987–1989. [Кодекс, 1987–1989].

Книга 1: Исследование // Памятники письменности Востока. LXXXI. 1. М., 1988.

Книга 2: Факсимиле, перевод и примечания (гл. 1–7) // Памятники письменности Востока. LXXXI. 2. М., 1987.

Книга 3: Факсимиле, перевод и примечания (гл. 8–12 // Памятники письменности Востока. LXXXI. 3. М., 1989.

Книга 4: Факсимиле, перевод и примечания (гл. 13–20) // Памятники письменности Востока. LXXXI. 4. М., 1989.

Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Сост. Е. И. Кычанов; вступ. ст. Т. Нисида; изд. подг. С. Аракава. Киото, 1999.

Кепинг К. Последние статьи и документы. СПб., 2003.

Кепинг К. Б. Тангутский язык: Морфология. М., 1985.

Кепинг К. Б., Терентьев-Катанский А. П. Апокриф о лянском У-ди в тангутском переводе // Письменные памятники Востока. 1978–1979. М., 1987. С. 86–89, 366–367.

Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй. Мэн цзы. Сяо цзин):Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указ. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. IV. М., 1966.

Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. М., 1965.

Кычанов Е. И. Император Великого Ся. Новосибирск, 1991.

Кычанов Е. И. Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» // Письменные памятники Востока. I. 2004. С. 147–159.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1969.

Кычанов Е. И. «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань (1101–1113) // Письменные памятники Востока. I (II). Весна-лето 2005. С. 5–34.

Лес категорий: Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, вступ. ст., пер., коммент. и указ. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. XXXVIII. М., 1983.

Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. Н. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

Меньшиков Л. Н. Описание китайской части коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото. М., 1984.

Море значений, установленных святыми: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, предисл., пер. с танг., коммент. и прил. Е. И. Кычанова // Памятники культуры Востока. IV. СПб., 1997.

Море письмен: Факсимиле тангутских ксилографов / Пер. с танг., вступ. ст. и прилож. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. Приложения // Письменные памятники Востока. XXV. М., 1969.

Смешанные знаки (трех частей мироздания): Факсимиле ксилографа / Вступит. ст., пер. с танг. А. П. Терентьева-Катанского; Под ред. М. В. Софронова; Реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М. В. Софронова // Памятники письменности Востока. CXXI. М., 2000.

Софронов М. В. Грамматика тангутского языка. Кн. 1–2. Материалы для фонетической реконструкции. М., 1968.

Сунь цзы в тангутском переводе: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер., введ., коммент., грамат. очерк, словарь и прил. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. XLIX. М., 1979.

Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов. М., 1963.

Терентьев-Катанский А. П. Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981.

Терентьев-Катанский А. П. Материальная культура Си Ся. М., 1993.

Gong Hwang-cherng. Collected Papers on Tangut Philology // Language and Linguistics / Institute of Linguistic. Taibei, 2002. (Monograph. Series. November C 2–1).

Grinstead E. Analyses of the Tangut Script // Scandinavian Institute of Asian Studies. Lund, 1972. (Monograph. Series. N 10).

Dunnel R. Tanguts and the Tangut State of Ta Hsia. Ann-Arbor; Michigan; London, 1983.

Dunnel R. The Great State of White and High: Buddhism and State Formation in Eleventh Century Xia. Honolulu, 1996.

Keping K. B. Lianzhou bilingual Stele. A new Study // T'oung Pao. 1998. Vol. LXXXIV. P. 376–379.

Lin Ying-chin. Research on Sun-tzy ping-fa in Tangut. Vol. 1–2. Taipei, 1994.

Lost Empire of the Silk road Buddhist art from Khara-Khoto (X–XIII century) / Ed. M. B. Piotrovsky. Milan, 1993.

Luc Kwanten. The Timely Pearl: A 12-th Century Tangut-Chinese Glossary. Vol. I: Chinese Glosses / Indiana University. Bloomington, 1982. (Ural and Altaic Series. Vol. 142).

Studies on Sino-Tibetan Languages // Papers in Honor of Professor Hwang-cheng Gong on His Seventieth Birthday / Institute of Linguistics. Taibei, 2004.

Ван Тянь-шунь. Си Ся дили яньцзю (Изучение географии Си Ся) / Си Ся яньцзю цуншу. З. Ганьсу вэньхуа чубаньшэ. Ланьчжоу, 2002.

Гулэ Мао цай. Фань-Хань хэши Чжан чжун чжу (Тангутско-китайская жемчужина в руке, отвечающая запросам времени) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 1989.

Кэцянофу, Ли Фань-вэнь, Ло Моу-кунь. Шэнли и хай яньцзю (Изучение «Моря значений, установленных святыми») / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 1995.

Ли Хуа-гуй. Сун-Ся гуаньси ши (История взаимоотношений Сун и Си Ся) / Хэбэй жэньминь чубаньшэ. Баодин, 1998.

Ли Фань-вэнь. Ся — Хань цзыдянь (Тангутско-китайский иероглифический словарь) / Чжунго шэхуй кэсюеюань чубаньшэ. Пекин, 1997.

Ли Фань-вэнь. «Тун и» и ши («Словарь синонимов», перевод и коммент.) / Си Ся яньцзю. Чжунго кэсюеюань чубаньшэ. Т. 1. Пекин, 2005.

Мин Пёнхун. Соха хуги кёбин са ёнгу (История внешнеполитических связей в последний период существования Си Ся) // Че осип хве пакса хагви нонмун чи дао кёсу Квон Сокпон. 12. 1991.

Не Хун-инь. Си Ся вэнь «Дэ син цзи» яньцзю (Изучение сборника «О достойном поведении» на языке Си Ся). Ланьчжоу, 2002.

Нисида Тацуо. Сэйка моцзи (Письмо Си Ся). Токио, 1967.

Нисида Тацуо. Сэйка го-но кэнкю (Изучение языка Си Ся). Токио, 1964. Т. 1; 1966. Т. 2.

Окадзаки Сэйро. Тангут-то кодай рэкиси кэнкю (Исследования по древней истории тангутов). Kyoto, 1972. (Oriental Research Series. 27).

Си Ся тун ши (История Си Ся) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 2005.

Си Ся Тянь-шэн люйлин (Законы Си Ся годов правления Тянь-шэн) / Пер. Ши Цзинь-бо, Не Хунинь, Бай Бинь / Чжунго шэньси фалюй дяньцзи чзичэн. Кэсюэчубаньшэ, 1994. Т. 5.

Си Ся юй бицзяо яньцзю (Сравнительное исследование тангутского языка) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 1999.

Тан Кай-цзянь. Дансян Си Ся ши таньвэй (Введение в историю дансянов Си Ся). [Б. м., б. г.].

Чжан Инь-шэн. Си Ся вэньхуа гайлунь (О культуре Си Ся) / Ганьсу вэньхуа чубаньшэ. Ланьчжоу, 1995.

Чжун Куан, У Фэнь-юнь, Ли Фань-вэнь. Си Ся цзянь ши (Краткая история Си Ся) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 2001.

Чэнь Бин-ин. «Чжэнь-гуань юйцзинь Цзян» яньцзю (Изучение «Яшмового зеркала командования войсками лет правления Чжэнь-гуань») / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 1995.

Ши Цзинь-бо вэнь цзи (Собрание сочинений Ши Цзинь-бо) / Шанхай цышу чубаньшэ. Шанхай, 2005.

Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэн-хуа. «Вэнь хай» яньцзю» (Изучение словаря «Море письмен»). Пекин, 1983.

Ши Цзинь-бо. Си Ся фоцзяо ши люе (Краткая история буддизма в Си Ся) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 1988.

Ши Цзинь-бо. Си Ся чубань яньцзю (Изучение издательской деятельности в Си Ся) / Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань, 2005.

Хань Сяо-ван. Си Ся Ван лин (Могилы ванов Си Ся). Ганьсу вэньхуа чубаньшэ. Ланьчжоу. 1995.

Хань Сяо-ван. Си Ся даоцзяо чутань (Введение в изучение даосизма Си Ся) / Ганьсу вэньхуа чубаньшэ. Ланьчжоу, 1998.

Ху Жо-фэй. Си Ся цзюнь ши чжиду яньцзю (Исследование системы военного дела в Си Ся) / Нэй мэнгу дасюе чубаньшэ. Хухэхотэ (Хуххото), 2003.

Ху Юй-бин. Ханьвэнь Си Ся вэньсянь цункао (Исследование сведений о Си Ся в китайских текстах) / Ганьсу чубаньшэ. Ланьчжоу, 2002.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Алексеев Д. А. 657
Аллах 54, 690, 694, 695
Алтан-хан 640
Алудай 157, 382
Ама 25, 49
А-мба 556
'А-мбах 25, 31, 33
Амида 33, 455, 475, 569, 582
Ананда 10, 579, 689–691, 693–695, 710
Андерсон 36
.А-ндзвон 555, 556
Ань Лу-шань 30
Аньбо 657
Аньда (Аэрдань) 65
Аньцзыло 95, 375
Ань-цюань 89, 160, 382, 578, 586, 637, 638, 639, 640, 643, 669, 671, 672, 714
Аракава Синтаро 478
Арик-Буки Номухан 694
Арслан 55
Ахмед 694
Ахуа Кэташань 357
Ачжо 648
Аша-гамбу 80, 644
Аюй Квию 530

Б

Бай Фа-синь 506, 581, 591
Бай Чжи-и 608
Балбу 656
Бао Шицза 533
Бао Юань 450
Бату-хан 377, 656
Белый журавль 15–17, 355, 551–553
Бернхарди А. 404, 405, 407, 411, 417, 437
Би Шэн 481, 482
Бин-чан 85, 120, 121, 123, 127–132, 137, 187, 458, 576, 586, 589, 592, 593, 596, 599, 713
Боянь 697
Бу Пин 599
Бугорук 159
Будда 57, 95, 206, 319, 373, 392, 429, 443, 454–457, 459, 475, 476, 478, 480, 505, 514, 520, 533, 535, 564, 566, 568, 593, 597, 599, 600, 608, 614, 625, 630, 713
будда Амитаба 455, 456
будда Шакьямуни 475
Бурхан 639, 644, 647, 648, 671, 675
Бурэ-нойон 656
Бушель С. В. 402
Буянь Тэмур 657

В

Ва Дао-чун 151, 446, 447, 714
Ва Чжанцзэ 659
Ва Чжацзэ 649
Ва Чжецзэ 676
Ва Юй луньду 447, 661
Валхи Канндиунджи 190
Вамо 45, 49, 50
Ван Ань-ши 111, 120–123, 665
Ван Вэнь-юй 129
Ван Гун-чэнь 119
Ван Жэнь-чи 467, 473
Ван Си 424
Ван Сун 105
Ван Цзин-жу 36, 189, 262, 458, 474, 495, 662
Ван Цзянь 440, 452
Ван Цунь 61
Ван Чжун 49, 50, 111, 453, 660, 665
Ван Чжун-бао 104
Ван Чжун-цзинь 483
Ван Чжун-чжэн 125
Ван Чжэн 482

Ван Шу 140, 141
Ван Юнь 462
Ван Янь 103
Ван Янь-дэ 57, 458
Ван Яо-чэнь 107
Ванахай 155, 381
Ванли 40
Ван-мин 106
Ванндон Нджиейнгиу 607
Ван-хан 159, 667, 682
Вань-ли 662
Вань-цзы 53, 54
Ваньянь 137
Ваньянь Лян 153, 155, 156, 381
Ваньянь Сабу 672
Ваньянь Сиинь 158
Ваньянь Тяньцзи 669
Ваньянь Цзун-дао 157
Ван-юн 105
Ве-нду-пу 556
Венедиктов А. В. 322, 633
Виниус А. А. 653
Виттфогель К. 458
Во Даочун 597
Во Тхо 565, 566
Вон Тву-мбиу 483
Вэй Хуй бао 536
Вэй Шао-ван 382, 383, 638, 640, 671
Вэйбаомо 135
Вэйи 532
Вэйи Шанька 532
Вэймин 25, 31, 45, 48, 49, 50, 72, 137, 190, 216, 225, 287, 354, 426, 431, 467, 531, 532, 556, 568, 573, 576, 590, 606, 656
Вэймин (Тоба) Юань-хао 71
Вэймин [?][?], Хату 190
Вэймин [?]нде 190
Вэймин Ваваю 531
Вэймин Лингун 87, 649, 670, 672, 676
Вэймин Лиушань 190
Вэймин Ньджиндиеу 190
Вэймин Тундже 190
Вэймин Тхикхва 190
Вэймин Тхиндзиу 190
Вэймин Хуаньво 106
Вэймин Цзи 128, 136
Вэймин Цзюехай 531
Вэйму 90
Вэйрви 534, 537
Вэйрви Ланьква 530
Вэйрви Шанька 537
Вэйрви Юква 530
Вэй-чжун 656
Вэнь-сюань 463, 597
Вяткин Р. В. 483

Г

Гамбис П. 542
Гао Лин-гун 64, 638, 670
Гао Цзи-сюань 103
Гао Цзун-юй 125, 126
Гао Чжи-яо 658, 659
Гао-цзун 140
Гаутама 535
Ги-мих 26, 31
Ги-нех 25, 30, 33
Го Куй 121
Го Фа Хуй 533
Го Цзы-и 30
Годан 658, 661
Годунов П. 652
Горький А. М. 471
Гохо 660
Григорьева О. С. 362
Гринстед Э. Д. 389, 448, 473, 483, 523, 592
Грум-Гржимайло Г. Е. 77, 294, 653, 657, 660
Груссэ Р. 640
Гуан Хуй 594
Гуань-инь 441, 455, 625
Гуань-сюй 69
Гуаньчжуба 661
Гудрич Л. К. 483, 658
Гулэ Мао цай 390, 424, 453, 566, 584, 708, 714
Гурбелджин 79
Гур-хан 159, 376, 667, 668, 682
Гхион Сие Цие (Мин <...>) 583
Гхому [?]су 190
Гхон (Во) 504
Гэйми 354
Гэн Шао-цзян 354, 355
Гэсэр 30, 32, 70, 94, 95

Д

Дай Си-чжан 71, 262, 672
Дамдинсурэн Ц. 70, 94, 95
Дао Хуй 449, 474, 475
Даши Ялинь 154
Деверия Г. 262, 389, 402, 410, 437, 438
Дедушка Йа-цхан 31
Демидова М. И. 516, 519, 539
Джагамбу 159
Джамуха 685

Джувейни 376, 377, 384, 646, 650, 652, 675, 677
Ди Цин 104
Дигунай 381, 382
Дипамкара 443
Дмитриева Л. В. 484
Долоба 142
Долотай 656
Дорчи 659
Доцзи 657
Драгунов А. А. 449, 474, 487
Ду Фан 101
Дуло Чжун 120
Дунчжань 95, 96, 156, 375
Дэ Мяо 533
Дэ Хуй 460, 533, 582, 604
Дэ-ван 383, 384, 578, 586, 643, 645–647, 649, 674–676, 683, 685, 714
Дэ-жэн 643, 644, 673, 714
Дэ-мин 33, 52–55, 69, 88, 89, 91, 98, 434, 435, 441, 456, 463, 503, 504, 505, 507, 573, 574, 586, 591, 594, 595, 712
Дэн Лун 439
Дэн Мин-ши 48, 50
Дэу... Хуй Мин 533
Дюгальд 653

Е

Ебу Ганьбу 645, 674
Ели 91, 105, 436, 503
Ели (Ири) 507
Ели (Ири) Ван-юн 102, 104–106
Ели Жэнь-юн 389, 434–439, 441, 503, 507, 581, 714
Ели Юй-ци 106, 434, 435, 436, 503
Елисеев Д. Д. 471
Елогэ 53–55, 88, 712
Елюй Ахай 668
Елюй Даши 141, 142, 144, 146, 375, 376
Елюй Дигу 117
Елюй Жэнь-сянь 117
Елюй Чуцай 452, 703, 708
Емон Джалпо 552
Епу-ганьбу 657
Есугай 159
Есугэй-багатур 667
Ехуа 534, 536
Ехуа На<...>ю 530
Ехуа чэнчжи 532
Ехэ 534
Ехэ Нацзичэн 531
Еци 40
Еюй 536
Еюй Квию 536
Еюй Юйрючэн 536

Ж

Жамцарано Ц. 660
Жерне Ж. 629–632
Жи Ми 461
Жи Чэн 461
Жиэ Ндживон (Хуй Сюань) 604
Жиэ Ндзу (Хуй Чжу) 604
Жэжэ 354
Жэла Гунцзи 149
Жэн 354, 384, 646, 675, 683
Жэнь 157
Жэнь Дэ-хун 149
Жэнь Дэ-цзинь 145–152, 156–158, 160, 381, 382, 567, 577, 708, 714
Жэнь Фу 101
Жэнь-ай 138, 140
Жэньдо 127
Жэньдо Эдин 125
Жэнь-сяо 9, 85, 89, 144–157, 160, 190, 381, 436, 439, 440, 441, 446, 460, 461, 463, 513, 524, 536, 567, 577, 578, 582, 586, 592, 596–602, 604, 606, 708, 713, 714
Жэнь-цзун 102, 157, 190, 216, 586, 659
Жэнь-цзы 153
Жэнь-чжун 29, 78, 149
Жэнь-ю 160
Жэнь-юн 5, 434, 436

З

Зулейха 689, 693

И

И Цин 533
Иакинф (Бичурин) 5, 35
Ибрагим Мутофорил 484
Иванов А. И. 27, 262, 389, 404, 436, 438, 451, 494, 495
Идуху-Бурхан 677
Илха 159, 668, 714
Илько-Сингун 159
Иляньчжэнь Бань 659
Имаэда (Ёсиро) 590
Ин Пан 530
Инанч-хан 668
Ин-вэнь 643

Ин-да 491
Индра 351
Ини Фа Хай 533
Иоанн XXIII, папа 652
Ири 389, 390, 424, 436, 437, 503, 504, 506, 507
И-син 462
Исихама Дзюнтаро 262, 495, 499
Итэ 524

Й

Йа-цхан 26, 31, 33

К

Кайду 652
Калгрен Б. 27, 280
Кара Д. И. 512
Картер Т. Ф. 508
Кафаров П. 460, 637, 670, 673
Кво Фа Хуй 583
Кенгуй 656
Кепинг К. Б. 497, 499, 500, 512
Керандай 159, 376, 667
Клосон Дж. 389
Кодан 691
Кодуань 658
Козин С. А. 675
Козлов П. К. 5, 82, 84, 198, 207, 262, 266, 351, 362, 378, 403, 437, 466, 483, 493, 494, 500, 502, 526, 541, 542, 549, 563, 653
Коко 656
Кокчин-хатун 689, 694
Колоколов В. С. 389
Конфуций 147, 463, 464, 492, 497, 500, 571, 584, 597, 600, 602, 609, 708, 713
Котвич В. Л. 262
Кочетова С. М. 377, 443
Кракке Е. К. 110
Кузнецов Б. И. 389
Кун Ин-да 491
Кун Цин-цзюе 476
Кун-цзы 447
Кучлук 385, 651, 679
Кхон Ваймбай 357
Кэн Санка 532
Кэрабэтай (Керандай) 376, 667

Л

Лао-цзы 497, 708
Лауфер Б. 404
Лвепу Ниекхие 190
Лдиэ Качией 583
Ли 41, 42, 48, 427, 491, 556, 573, 696
Ли Бай-яо 488
Ли Вэнь-гуй 105, 106
Ли Гу бо 484
Ли Дэ мяо 533
Ли Дэ-мин 504, 505
Ли Кэ-чжуань 121
Ли Ли-цзунь 96
Ли Сы-коу 662
Ли Сянь 33, 124
Ли Фань-вэнь 259, 364
Ли Хэн 656, 657, 659
Ли Цзи-цянь 59
Ли Цзинь-жунь 153
Ли Чан-лань 536
Ли Чжи-бо 463
Ли Чжэнь (Вочэнь) 657
Ли Ши-ло 386, 452
Ли Шие-те 593
Ли Юань-жу 441, 442
Ли Юань-хао 59, 61, 68
Ли Юань-цзи 384, 646
Ли-вэй 40
Лин-гун 564, 639
Линрю Иикви 536, 537
Лионжие Неулхиелдие 357
Ло 9, 157, 158, 160, 461, 462, 513, 525, 526, 578, 583, 599, 669, 714
Ло Фу-чан 262, 389, 404, 405, 407, 411, 434, 437, 495
Ло Фу-чэн 262, 495
Ло Ши 533, 584
Ло Ши-чан 46, 452
Лома 54
Лоуши 139, 140
Лу 128, 492
Лу Цзин 96
Лук Квантен 503, 504, 505
Лунбу 156
Лунцза 142
Лунь (Куньчисэ) 49
Лэ 506
Лэкуйвэй (Юаньхао) 506, 507
Лэужэ Лиошиевай 357
Лю Пин 98, 99, 100
Лю Хэй-ма 646
Лю Чан-цзо 126, 128
Лю Чжэн 154
Люй Хуй-цин 497, 523, 595
Люй Юйло (Цзисян) 524
Люй-шэн 51

Лян 30, 38, 73, 120–122, 124, 126, 127, 130, 132, 134, 135, 137, 152, 187, 189, 225, 232, 458, 467, 523, 534, 536, 537, 576, 592–594, 596, 600, 713
Лян Дэ-и 642, 643
Лян Дэ-ян 450, 466, 467, 469, 473
Лян Ибу 130, 594
Лян Имай 128, 130
Лян Рцзенго Шаньжун 532
Лян Рцзеню Шань Жун 534, 537
Лян Сяо-гун 599
Лян Хавачун 534
Лян Хавачэн 524, 534
Лян Хаваюй 524, 534
Лян-Дэ-ян 467
Лян-цзо 57, 85, 119, 132, 137, 215, 216, 446, 458, 576, 586, 589, 592, 595, 596, 712

М

Ма Вэнь-куань 549
Ма Хуай-дэ 104
Ма Шу-пин 189
Майхэ 48
Макдоналд А. 590
Мангал 689, 693
Мангэл 689, 691
Маньчжушри 625, 694
Мао Цзы-юань 476
Мар Ябалаха III 465, 692
Марбу 673
Маркос 464, 465, 652
Мартин Х. Д. 376, 668, 670, 685
Масао Мори 360
Масперо Э. 360, 361
Махмуд ибн ал Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари 54
Махмуд Кашгарский 54, 55, 56
Мачжаньцзюе 96, 97, 375
Ма-Чин 56
Мбевэй Гоунцзэн 534
Мбу Ну 603, 604
Мбу Ну (Шен?) 604
Мбэ 553, 555
Мбэнин Ндживува 275, 684, 685
Менделеев Д. И. 409
Меньшиков Л. Н. 458, 461, 526, 681
Мехтар Хасан Ахтачи 689, 693
Миларепа 552, 579
Мин Аньда 65
Мин Дао 447
Мин Мань 583
Мин Сюань 583
Минбу 534
Мино 52
Мину 645, 673
Мин-цзун 441
Мирза Хайдар 653
Мицзан 156
Мицинь 40
Миядзаки Итисада 47
Молухуй 40
Морис М. Г. 262, 389, 402, 403, 407, 437, 494
Морцзе Вонго 534
Моцзан 137, 152, 458, 594–596, 600, 713
Моюй Гоурцзи 534
Мункэ 658
Мупо 156
Мухали 645, 673
Мэйин Доцзи 100
Мэн [?] 190
Мэн Фан 661

Н

Назир-ад-дин 694
Найянь 657
Нанглха 460
Наньпин ван Сянь 649, 676, 714
Наньпин ван Ши 578
Наропа 583
Нгвежиай Нджэушань 682, 683
Нгвеми 199, 216, 274, 354, 355, 478, 556–568, 573, 576–579, 590, 593, 594, 596, 599–601, 606, 696, 707
Нгвеми Чхясвеу (Вэймин Дэ-мин) 504
Нгве-нгин Рие-ндзай 555
Нгвин-ди Мэ-ниа 555
Нгвэ-ндин 556
Нгуджви Мбеуйеу 189
Нгух-ндех 26, 31, 33
Ндиу-ндиу Кви-мбу 555
Ндон 16, 552
Нду-нджиу 356
Не Цзы-шу 642
Невский Н. А. 18, 24–29, 32, 41, 48, 75, 199, 262, 356, 389, 405, 407, 411, 427, 431, 436, 438, 448–451, 457, 461, 464, 467, 474, 486, 487, 495, 499, 503, 523, 553, 556, 591, 595, 598, 606
Ни 43
Нинмин 463
Нисида Тацуо 19, 25–27, 262, 263, 389, 396, 430, 461, 495, 499, 539, 591
Нисымэн Вопулин 92

Номухан 694
Нонгка 354
Нриу-нриу 25, 30, 33
Нуше Эцзи 92
Ньятри цэнпо 553
Нюйнюй Цзунмин 530
Няньхань 142, 153

О

Одорик 652
Окадзаки Сэйро 47, 84, 85, 87
Ольбрихт Петер 39, 47
Ольденбург С. Ф. 377, 442, 443
Оногава Хидэми 47
Он-хан (Ван-хан) 376, 667, 668
Осабэ Кадзуо 71
Оуян Сю 107, 215

П

Пагба-лама 582, 603, 709
Палладий А. 186
Палцег 583
Паи 441
Пан Цзи 103, 106
Панкратов Б. И. 668
Панпай 156
Пань Цзи-син 508
Пигулевская Н. В. 464
Поло Марко 78–80, 83, 86, 291, 292, 460, 580, 637, 652, 654
Попов П. С. 186
Попова И. Ф. 486
Потанин Г. Н. 75, 82, 653
Поух П. 649, 676
Почао 40
Прета 606
Пржевальский Н. М. 76, 79, 653
Пу ван 149
Пудашили 659
Пуллиблэнк Э. Г. 269, 321
Пура (Боло) Мбу-нджиу (Шэн Сян или Сянь шэн?) 603, 604
Пхали Киуцу 190
Пху (Пу) 504
Пэй Вэнь-чжун 36

Р

Ра 16
Радлов Р. 55
Ракя Чэнйоусе 536
Рамбу Кхавачэн 532
Рар 30
Рар-ту 24, 25, 29–34
Ра-ту 555, 556
Рашид-ад-дин 10, 11, 80, 83, 159, 637, 639, 640, 650, 652, 656, 668, 669, 672, 677, 689, 690, 693–696
Рерих Ю. Н. 402, 660, 661
Решетов А. М. 686, 687
Рие-ми-лдией-ко-нгэ 583
Рие-ну-лдией-ко 583
Риешань 357
Риэ 553
Ркачэн 529, 532
Рокхиль В. 656
Рубрук В., де 29, 78, 654
Рунгхе [?][?] 190

С

Саид Аджан 694
Сакья-Пандита 661
Самантабхадра 625
Сан И 101
Санга 694
Сангум 682
Сангун 668
Сан-мбух-лон 24, 30, 33
Сан-мбэ-лвон 555
Сарман 660
Сартак 693, 695
Сатоси Накадзима 435, 436, 571, 589, 594, 707
Саума 464, 465, 652, 692
Се Лян 140, 141
Се хук 26
Седлачек К. 389
Сех-хох 26, 31, 32, 33
Сиби 638, 670
Сие-ндживон 594
Сили Кяньбу 377, 656
Сими 274
Синицын В. М. 77
Син-цзун 119
Сир 656
Сифэн 40
Сифэн Бу-лай 30
Си-цзун 155, 441
Смирнова О. И. 668
Со 441
Софронов М. В. 262, 355, 363, 364, 389, 392, 499, 545

Стейн А. 77, 481, 542
Су Шоу-синь 54
Су Янь-синь 641
Сужиай Мбэношион 681–684
Сунур 95
Сун-Чжао 573
Сучжили 147, 190
Сушанло М. 687, 688
Сыдоду 53
Сыма Гуан 120, 126, 131, 216, 452
Сыигиу Лдива 188
Сюань Су 489, 491, 492
Сюань-цзан 535
Сюань-цзун 640, 641
Сюй Кан-цзун 82
Ся Сун 102, 103
Сян Юй 492
Сян-цзун 640
Сянь 650, 714
Сянь Юй 489
Сянь-лин 143
Сяньшунь 55
Сяо 144
Сяо Далдэ 118
Сяо Пуну 118
Сяо Хой 114, 115, 117–119
Сяса цзяньпу 95
Сячжань 96, 97
Сячоу 656

Т

Тай-цзу 64, 148, 556, 574, 586, 595
Тай-цзу (Цзи-цянь) 535
Тай-цзун 139, 225, 446, 448, 486, 488, 489, 491, 492, 586, 595
Тамура Дзицудзо 85
Танъу 697–705
Танъу Чунси 697, 698
Тархутай 656
Татхагата 479, 480
Тахай 646
Твичет Д. 607, 617, 629
Те 31
Тегэ 156
Темучжин 218
Терентьев-Катанский А. П. 502
Тимур 689, 690, 695
Тоба 6, 31, 32, 38, 40–42, 45–50, 52, 92, 354, 412, 449, 556, 573, 660
Тоба Вэй 41, 46–49
Тоба Дэ-мин 91
Тоба Ли-вэй 40
Тоба Пи-гу 40
Тоба Сы-гун 31, 32, 42, 91, 441, 535, 572, 574
Тоба Цзи-цянь 51, 91, 573, 574
Тоба Цянь-шунь 131
Тоба Чи-цы 30, 41, 88
Тоган-хан 55
Тог-Темур 694
Толуй 694
Томас Ф. В. 40, 47, 468
Тон (?) Киэнну 188
Тоорил-хан 682
Торчинов Е. А. 477
Тохудань 659
Ту Цзи 637
Туденов Г. А 657
Тхаблха 460
Тэмуджин 669
Тяньци ван 114

У

У 419
У Гуан-чэн 149, 160, 262
У Линь 153
У Тин 154
У Тянъ-чи 364
У Цзин 486
У-ван 36
У-ди 523
.У-лвон 555
У-цзун 690, 695
У-Циюй 597
Угэдэй 652, 656, 658, 691, 698
Уктай-каан 653
Улу 381, 382
Улу (Ши-цзун) 153
Уцимай 139
Учаган-нойон 656

Ф

Фа Бао 584
Фа Хуй 531, 533
Фа Чжао 455
Фа Чжао Дачжулиньсы 455
Фа Шицза 533
Фан Сюань-лин 492
Фан Чжун-янь 103
Фандан 40
Фань Вэнь-чжэн 61
Фань Чжун-янь 61, 68, 69, 101, 102

Фаньлочжи 89, 94, 712
Флуг К. К. 436, 444, 445, 448, 481, 503, 661
Франке О. 47
Франке Г. 212, 216
Фу Шоу 657
Фу Юе 489
Фу-цзы (Конфуций) 492
Фу-шэн 293
Фуэр 147
Фуянь 65
Фэйтин 40
Фэн Цзя-шэн 458

Х

Хай Лама 536
Хайду 694
Хань 35, 64, 186, 354, 489, 492, 493, 508, 592
Хань И 97
Хань Ци 101, 102, 103
Ханьго ван 114
Хво-ха 555
Хироаки Ямадзи 421
Хорезм-шах 154, 264, 385, 578, 644, 651, 673, 679, 692
Хорчи 280
Хох-хах 25, 30, 33
Ху Ши-цзян 152
Хуа ван 489, 492
Хуа Кивешань 683
Хуан Чао 32, 42
Хуан Ши-гун 448, 498
Хуанцзыдянь 216
Хуань Ли-чжо 190
Хубилай 9, 10, 582, 603, 657–659, 661, 689, 691, 693–695, 702, 709, 710
Хуй Бао 536
Хуй Мин 449, 474, 475, 476, 531
Хуй Сюань 583, 594
Хуй цзун 131, 586
Хуй Цун 583
Хуй Чжао 532, 533, 583
Хуй Чжу 583
Хуй Ши 583
Хуй Шэн 531, 536, 583
Хуньмо 49
Хушаху 640
Хэ Шэнь 61
Хэда 144, 145, 146, 148
Хэла 381
Хэла (Си-цзун) 381
Хэляньбобо 48, 572
Хэниш Х. 673, 676, 677

Ц

Цао 144, 596
Цао Даоань 533
Цао Цун 104
Цах Э., фон 404, 405, 407, 411, 417, 437
Цеяньулань 656
Цзешэцзюе 156
Цзинь Цзун-чи 461
Цзиньван Чагэ 149
Цзинь-му 640
Цзи-пу 61
Цзи-пэн 32, 712
Цзи-хуань 463
Цзи-цянь 31–33, 52, 53, 69, 91, 94, 109, 285, 287, 292, 456, 462, 463, 556, 573, 574, 586, 594, 595, 712
Цзонгка 354
Цзун Нин 476
Цзун Цзэ 141
Цзун-ва 380
Цзун-ван 139
Цзун-дао 215, 216
Цзун-шэн 447
Цзунь-сян 578, 640, 641–643, 644, 645, 672, 673, 674, 714
Цзы Гун 497
Цзы Лу 497
Цзю Цзин-чжоу 190
Цзю Чжи-цин 608
Цзюе Чжао 583
Цзюесыло 7, 70, 94–97, 99, 100, 142, 143, 375, 712
Цзюйе Целюй 648
Цзюйи 153
Цзян Шаньго 393
Цзяо Цзинь-янь 440, 452
Цзяо-хуади 657
Ци го чжун у ван Янь-цзун 640
Ци-хво 556
Цин-ли 481
Цин-юань 628
Цинань линвэнь 95
Цих-хох 31
Цхигхо Агхиенинвай 357
Цхигхо Райлхиекхви 357
Цыбиков Г. Ц. 655
Цыбэн Жамцарано 657

Цянь-шунь 81, 85, 133–145, 152, 224, 225, 232, 376, 379–381, 439, 458, 460, 576, 577, 586, 589, 592–594, 596, 599, 600, 708, 713
Цяоцзя 156

Ч

Чан-чунь 673
Чахань 648, 649, 676
Чахэ 578, 639, 672
Чебоксаров Н. Н. 686
Чжан Гун-пу 646, 647
Чжан Кан 103
Чжан Ну 593
Чжан Пу 53
Чжан Сюн-вэй 661
Чжан Цзун-дао 215, 216, 217
Чжан Цзянь 68, 69, 73, 95, 262
Чжао 48, 216
Чжао Дунь 564
Чжао Хун-чжи 492
Чжао Цзы 190
Чжао цзянь вэнь му 592
Чжао Чжэн 103
Чжао Юй-цинь 121
Чжи Гуан 506, 581, 591
Чжи Хуй 593
Чжи Цзи-сянь 461
Чжоу 186, 461, 533
Чжоу Лян-сяо 665, 678
Чжоу Мэй 104
Чжоу Син-сы 424
Чжу Гэ-лян 448
Чжу Сюй-лянь 489
Чжуанлан 156
Чжун Ши-хэн 105
Чжун Э 122, 125, 127
Чжэ 141, 155
Чжэ-цзун 130, 135
Чжэнь-гуань 191, 198, 224, 225, 231–233, 235, 241, 242–258, 296, 305, 312, 449, 486–489, 491, 492, 713
Чжэньицзюнь ван Ань-цюань 160, 669
Чие-кэ-ран 555
Чией Тхонгхо 584
Чилагэсякунь 646
Чилан 147
Чилахэянькунь 675
Чин 56
Чингисхан 9, 59, 64, 79, 80, 82, 157, 159, 198, 218, 264, 280, 286, 376, 377, 383–385, 442, 541, 556, 566, 567, 578, 579, 637–641, 644, 646–651, 653, 655, 656, 660, 665, 667–679, 682, 683, 688, 691, 694, 700, 702, 703, 706, 710, 714
Чих 30
Чих-кух-рух 25, 30, 35
Чу-ни 564
Чуйчжэ 156
Чун-цзун 143, 586
Чунь-цю 128, 449
Чунь-ю 157, 158, 160, 513, 526, 578, 586, 669, 714
Чхиа Жиэ 604
Чхиа-мбиоу 266
Чэн Цянь 489, 491
Чэн Чжэнь 640
Чэн Линь 97
Чэн Чэнь-сэн 641
Чэн-цзун 689, 695
Чэнь 474
Чэнь Кан-бо 154
Чэнь Сян-дао 597
Чэнь Цзи-цзинь 476
Чэнь Янь-кэ 662
Чэнь-ань 138, 140, 144

Ш

Ша Дао Хуй 476
Шавани Э. 40, 47, 262
Шан Ян 219
Шань Гуан 583
Шань Дао 455
Шань Чэн 374
Шастина Н. П. 81
Шеулиен Шиопон 190
Ши 534, 586
Ши Тянь-сян 645, 674
Ши Цзинь-бо 475, 480, 483, 500
Шиа Пу 593
Шидаг 460
Шидургу 676, 677
Шидурку 649, 653
Шидурху 677
Шие 583
Шижо 53, 54
Шижэ 53
Шилгаксан-хона 384, 675, 682
Шион (Железо) 684
Ши-цзу 693
Ши-цзун 89, 153, 156, 157, 341, 381
Штейн Р. А. 27–29, 31, 41, 46, 95, 655
Шунь 36

Шэн Сянь 604
Шэн-вэнь 143
Шэн-дэ 157
Шэнцюаньлун 96
Шэнь Ко 436, 503
Шэнь-цзун 119, 130, 586, 643, 662

Э

Э Ли 190
Эберхард В. 40, 46
Эда 639, 671
Эцзан Цюйхуай 90
Эюй 135

Ю

Юань Шунь-ди 657
Юань Вэй 446
Юань-хао 8, 29, 46, 48, 49, 55, 57, 69, 71–73, 78, 81, 83–85, 87, 88, 90–100, 102–111, 114, 115, 118, 119, 124, 132, 147, 215, 231, 232, 291–293, 374, 375, 377, 389, 412, 434–436, 439, 441, 453, 456, 457, 463, 503, 504, 506, 507, 535, 555, 556, 573–576, 580, 581, 584, 586, 589, 591, 592, 594, 595, 596, 599, 600, 712, 713
Юе ван 160
Юе ван Жэнь-ю 160
Юе Ши 65
Юй 355
Юй Цзи 446, 651, 677
Юй Цинь-лун 52
Юй Цюэ 659, 661
Юй Чжи-нин 489, 491
Юй-ци 434, 436, 503
Ютэ Далян 530
Юэло 512, 534

Я

Ямамото Сумико 29, 45
Ян 505, 559, 560, 697–702, 705
Ян [?][?] 190
Ян [?]-чжун 190
Ян Гань 128
Ян Дин 119, 120
Ян Дорчжи 659
Ян Се И 533
Ян Ту 190
Ян Цзе 103
Ян Цзинь 474
Ян Шоу-су 90
Ян-ди 128
Яншибалань 697
Янь 420
Янь-цзун 87
Янь-ю 447
Яо-цинь 506
Яхэ 524

A–Z

Ngwe-źweiź 366, 367, 369
Se'u 31
Se-hu 31
V далай-лама 95
'yiəw yah ɾajñan ṿe 430

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Агань 97
Айшань 288
Алакэзла 637
Алашайское кочевье 80
Алашань 42–44, 49, 51, 52, 57, 59, 73, 75–77, 92, 286, 292, 475, 579, 637, 654, 657, 669, 670
Алашань, горы 86
Алашаньские горы 75, 76, 637, 670
Алашаньский хребет 76
Алтай 668
Амдо 9, 30, 45, 51, 454, 455, 502, 573, 654–656
Амур 137
Аньдин 129
Аньсайбао 645
Аньси 77, 79, 84, 296, 689, 691, 693
Аньцзян 133
Аньчуху, река 137
Аньэр 95
Аньюань 100, 101, 120
Арабский халифат 484
ас-Син 54, 375

Б

Багдад 465
Байкал 158
Байлань 45
Байта 494
Байцаопин 125
Байшуй 28, 554
Байшуйцзян 29
Байюйшань 76
Баласа гун 55
Баоань 109, 641
Баотоу 76
Баоцзин 345
Баоцзинь 73, 174
Баян-Хото 670
Белая река 24, 28, 41, 554
Бенгалия 442
Бирма 571, 601
Ближний Восток 10, 11, 205, 484, 485, 687, 689, 693, 695
Бован-мяо 671
Боро-балгасун 82
Бохай 5, 8, 137, 493, 681
Булгарское государство 264
Бэйтин 694
Бэйшань 75, 76, 77, 531
Бянь (Кайфэн) 374

В

Валохай (Уйрака) 637, 638, 669, 670
Варшава 265
Великая Китайская стена 30, 51, 75, 76
Византия 216, 307, 508
вместилище Черных гор 176
Внутренняя Монголия 466, 502, 530, 579
Волга 696
Восток 52, 154, 321, 442, 490, 506
Восточная Азия 207, 208, 212, 214, 217, 385, 486, 493, 500, 550, 577, 706, 707
Восточная Ганьсу 688, 689
Восточная Европа 385, 651, 679
Восточная Индия 377, 442, 570
восточная столица государства Си Ся 674
Восточный двор 176, 182, 204, 297, 313, 489, 681
Восточный Иран 212
Восточный Тибет 142, 428, 468, 469
Восточный Туркестан 203, 214, 508, 542, 686
Вофосы 460, 596, 713
Вьетнам (Цзя-очжи) 207, 321, 491, 493, 550, 551, 563, 576, 589, 657, 706

Вэй, река 101
Вэйди 173
Вэйдицзюнь 175
Вэйлинь 670
Вэйфуцзюнь 64
Вэйхэ, река 75, 121
Вэйчжоу 49, 64, 101, 103, 105, 134, 146, 641, 672
Вэньсянь 29

Г

Гань 73
Ганьин 291
Ганьсу 7, 10, 30, 35–37, 39–41, 44, 47, 49, 56, 72, 75, 76, 79, 80, 92, 104, 174–176, 264, 286, 382, 427, 455, 466, 502, 552, 573, 574, 577, 579, 631, 652–655, 659–662, 664, 684, 686, 688, 691, 697, 710
Ганьчжоу 49, 53, 55–57, 59, 64, 71–73, 78, 81, 83, 88, 94, 95, 100, 127, 130, 133, 174, 288, 375, 457, 460, 531, 538, 573, 583, 648, 649, 651, 652, 676, 712, 713
Гаоли 141, 153, 155, 207, 208
Гаопин 109
Гаотай 57, 291, 457, 591
Гаочан 7, 95, 485
Гаучжоу 49
Германия 508
Гималаи 77, 552
Гирин 158
Гоби, пустыня 5, 52, 56, 59, 75, 130, 138, 139, 376, 384, 497, 579, 645, 652, 667
город Черной реки 681–685
Госиньсо 212
Гуа 73
Гуандун 657, 659
Гуанчжоу (Кантон) 657
Гуачжоу 55, 56, 72, 94, 95, 127, 159, 199, 288, 375, 458, 574, 668, 712
Гуйдэ 659
Гуйхуачэн 65
Гуйцы 159, 668, 714
Гуйшуньчжоу 61
Гумбольта хребет 75
Гумбум 28
Гунчжоу 65, 143, 383, 642
Гунчэнь 119

Д

Дабусун-нур 655
Дайсинлин 95
Дали 5, 696
Дальний Восток 25, 30, 46, 137, 143, 148, 186, 189, 191, 205–209, 211, 225, 272, 304, 321, 328, 349, 358, 379, 384–386, 444, 446, 484, 485, 490, 500, 502, 503, 512, 516, 606, 608, 616, 651, 664–666, 668, 679
Дамаск 508
Данхэ 75, 77
Датан 173
Датанцзюнь 175
Датун 75
Датунхэ 77
Дацин 91
Даши 203, 204, 214, 374
Дашунь 103, 104
Даянь 128
Джангдо 553
Джомолунгма (Эверест) 552
Джунгария 674
Дигун 174
Дидао 68
Дин 73
Динбяньцзюнь 141, 155
Диннань 32, 73, 574, 712
Динси 127, 672
Динсяньшань 463
Динчжоу 146, 147
Динюань 174, 345, 670
Дун нюй го 45
Дунтин 36
Дун-шэн 65
Дуньхуан 6, 59, 75, 77, 85, 276, 442, 455, 468, 469, 483, 496, 508, 539, 541, 549, 550, 568, 573, 574, 585, 590, 592, 630, 631, 688, 692
Дэвэйчэн 155
Дэго (Динган) 174
Дэчжоу 49

Е

Евразия 696
Европа 481, 484, 485, 503, 550, 651, 652
Египет 423
Егрегайа 292
Ергинул 78
Еригай 637
Еху 39, 45

Ж

Жоэргай 29

З

западная столица государства Си Ся 674
Западная Сычуань 552
Западное Великое государство Ся 554
Западное Ляо 10, 141, 154, 578
Западное Ся 5, 50, 187, 323, 554, 573, 667
Западный двор 111, 174, 176, 182, 681
Западный край 6
Западный Тибет 583, 655
Золотая Орда 694, 696

И

Иерусалим 464, 692
Имынь 638, 670, 671
Инбао (Инбо) 530, 535
Инд 645, 673
Индия 374, 445, 455, 459, 483, 485, 506, 514, 522, 551, 592, 601, 608, 664
Индостанский полуостров 550
Инли 64, 649, 676
Иншань 481
Иньчжоу 30, 32, 41, 42, 44, 69, 72, 73, 122, 125, 174, 176, 463, 646, 651, 675
Иньчуань 57, 73, 76, 174, 382, 538, 574, 579, 591
Иран 203, 214, 385, 484, 651, 656, 679
Ихэ 128
Ихэчжай 133
Ицзинай 64
Ичжу 681
Ишик-балагасун 668
Ишуй, река 138, 380

К

Кавказ 264
Кайпин (бин) 174
Кайфэн 100, 104, 115, 125, 141, 153, 215, 216, 374, 574, 640
Кайчжоу 697, 698
Кайюнь 90
Калка 651
Кам 9, 79, 454, 552
Канпичион 460
Кан-цзин 131
Канченджанга 552
Каолао 108
Каравун Каб-джал 159
Каракорум 656, 694
Кашин 159, 652, 667, 710
Кашмир 653
Керулен 640
Кидань-Ляо 572
Киргиз 456
Клин-Лоши 159, 668
Ко 73
Корё 381
Корейский полуостров 493
Корея (Гаоли) 141, 207, 212, 267, 307, 321, 381, 455, 484, 491, 493, 550, 551, 563, 576, 589, 706
Кочжоу 49, 61, 69, 143, 380, 713
Кочо (Гаочан) 7, 8, 485
Кукунор, озеро 30, 35–37, 39, 45, 51, 53, 59, 69, 72, 75, 77–80, 94, 95, 100, 142, 199, 286, 375, 380, 645, 653–655, 660, 663
Кукунорская впадина 75
Кулон 579
Курбан-Беласут 159
Кэдунь 375

Л

Лайпин (бин) 174
Ланьчжоу 39, 45, 68, 76, 95, 124, 126, 129–131, 136, 137, 140, 143, 287, 375, 577, 641–643, 649
Ланьшань 461, 531
Ланьшаньская обитель 531
Ланьшаньская пагода Цзуаинь 531
Латинская Америка 550, 706
Лигили 159, 668
Лин 73, 99, 126
Линтао 37
Линхун 345
Линчжоу 30, 51, 52, 69, 72–74, 81, 124–126, 128, 131, 134, 141, 144, 145, 150, 175, 176, 288, 291, 292, 381, 463, 573, 577, 641, 643, 649, 672, 674, 676, 688, 712, 714
Линъу (Линчжоу, Ганьсу) 99, 174, 176, 345, 446, 573, 684, 688
Линъушань 69
Линьсянь 68
Линьтао 39, 68
Линьфу 60, 65, 99, 101, 103
Линьхэ, река 137
Линьчжоу 39, 104, 123, 157
Лихэ 76
Лицзили 159, 668
Лицзин 96
Лопочуань 37
Лосы 159, 668
Лоу 122
Лоулань 427

Лохэ 76
Лохэчуань 121
Лочжоу 143
Лоши 506, 668
Лу 128
Лунхун 73, 174
Лунчжоу 64, 73, 174, 176
Лунчжэнь 65, 68
Луншань 36
Лхаса 37
Лэ 73
Лэду 577
Лэчжоу 61, 69, 70, 143, 173, 577
Люпаньшань 76, 101, 649, 677
Лянчжоу 7, 52–56, 59, 71–73, 78, 81, 91, 94–97, 124, 125, 175, 288, 291, 375, 402, 432, 437, 447, 459, 504, 538, 574, 592, 599, 649, 651, 658, 676, 688, 701, 702, 713
Ляньдао 108
Ляо 5, 8, 44, 51, 52, 55, 56, 59, 65, 68, 71, 75, 90, 98, 104, 106, 107, 109–120, 122, 127, 128, 134, 135, 137–140, 144, 146, 155, 158, 207, 208, 210–212, 215, 216, 232, 293, 294, 317, 358, 360, 377, 379, 380, 381, 384, 385, 431, 458, 490, 491, 493, 500, 539, 567, 568, 574–577, 580, 581, 585, 631, 647, 659, 661, 664, 681, 707–709
Ляочжоу 380

М

Маньчжурия 710
Маонючэн 95
Маосянь 45
Маоши и Цзиньта на Эдзин-Голе 668
Маоюань 174
Маха Чин 56
Ма-Чин 56
Мба 561
Ме 16
Ми 202, 268
Минго 52
Минфу 108
Минша 64, 73, 74, 276, 684
Миньсянь 39
Миньцзян 45, 354, 355
Миньцян 39
Миньчжоу 49
Миньшань 28, 39
Мито 101
Мичжи 41, 51, 75, 125, 128
Могаоку 483
Монголия 159, 213, 280, 342, 352, 376, 384, 578, 650, 651, 653, 654, 656, 657, 663, 669, 673, 674, 684, 685, 691, 692, 694, 701, 702, 710
Мунэй 69
Мэйшань 530
Мэншань 158
Мяочуань, река 96, 97

Н

Нае 176
Наланда 442
Наньан 108
Наньвэй 61, 64, 73, 74
Нань-моу (Наньмоу?) 127, 291
Наньмунэйдянь 124
Наньцзунбао 142
Наньчжао 5, 493, 663
Наньшань 40, 59, 75, 76, 104, 286, 292, 579, 652, 654, 660, 663, 664, 675, 678
Наньшаньские горы 31, 51
Наньюань 76, 530
Наоэбао 121
Небесная страна 47
Непал 9, 377, 442, 570
Нижний Кам 455
Нинбяньчжоу 68
Нинся 10, 64, 83, 579, 637, 652, 657, 688, 698
Нинюаньчжай 103
Нонни 137
Няньбо 95, 97
Няньцзин 174, 176

О

Ордос 6, 7, 30, 32, 42–44, 48, 49, 51, 59, 65, 72, 73, 75, 82, 93, 97, 287, 291, 292, 313, 374, 379, 469, 475, 572, 573, 580, 652, 654, 656, 657, 667, 672, 688, 701
Ордосское плато 76
Орхон 159, 375
Оттоманская империя 484

П

Париж 483, 542, 590
Пекин 128, 188, 402, 464, 486, 494, 591, 603, 604, 640, 645, 692, 694, 696, 700
Персия 687
Пешавар 376, 384, 646, 675, 685
Пинло 176
Пинся 42, 88, 134
Пиншуй 76

По 561
Принаньшанье 57, 73, 287
Пуян 697–689

Р

Рим 216, 464
Рихтгофена хребет 75
Россия 5, 437, 645, 656, 673, 706, 711
Русь 264
Рязань 377

С

Саймынь 100, 101, 104, 120, 128, 133
Самарканд 484
Саньвэй (Ганьсу) 36
Саньгуаньчжай 127
Саньцзюечуань, река 118
Саньчуанькоу 100
Сарай 696
Сасион 652
Сатам 94, 95
Северный двор 119, 135, 174, 176, 182, 204, 297, 313, 681
Северо-Восточный Тибет 377, 655, 656, 663, 664
Семиречье 146, 376, 578
Сиань 140, 145, 174, 176, 567, 577
Сианьчан 291
Сибирь 652, 653
Сижун 30, 41
Сикан 44, 655
Сикан-тибетский автономный район 660
Сикким 9, 655
Силян 118, 127, 173, 175, 463, 644, 673, 714
Силян (Увэй) 691
Силянфу 64, 175, 712
Син 73
Синвэй 174
Синин 27, 29, 39, 45, 53, 54, 61, 69, 70, 72, 73, 75, 77, 95, 137, 143, 287, 374, 375, 380, 577, 629, 715
Сининчжоу 143
Синцин 57, 73, 118, 121, 124, 125, 140, 152, 160, 174, 175, 382, 463, 669
Синцинфу 69, 714
Синчжоу 64, 69, 73, 105, 111, 125, 134, 141, 287, 288, 446, 574, 591, 643, 651, 674
Синъань 681
Синьсин 659
Синьцзян 6, 7, 55, 56, 92, 104, 142, 373, 374, 376, 377, 427, 686, 691, 692
Синьцзян-уйгурский автономный район 695
Синьчжоу 659
Сипинфу (Линчжоу) 69, 463, 150, 712
Сихай 64
Сихэ 60, 61, 64, 65, 69, 134
Сицзан 653
Сицилия 508
Сицинь 73, 151
Сичжоу 68, 203, 204, 214, 374
Сишоубаотайцзюнь 68
Средиземноморье 516
Средняя Азия 6, 10, 11, 146, 203, 212, 214, 374, 484, 664, 686, 688, 689, 692, 693, 695
Су 73
Суй 99, 128
Суйдэ 68, 120–123, 125, 127, 129, 577, 641
Суйчжоу 42, 68, 72, 73, 120, 121, 136, 137, 174, 577, 647
Сулахэ 77
Сумеру 502, 505, 566
Суми (мянь) чай 174
Сумпа 468, 469
Сунгари, река 137
Суннань 6, 39, 41, 45, 468, 572, 702
Сунчжоу 39, 41, 46
Сучжоу 7, 49, 55, 56, 59, 64, 72, 73, 78, 81, 94, 133, 290, 291, 300, 315, 375, 457, 458, 574, 648, 675, 681, 685, 712
Сучжоуский округ 684
Сучжоуско-Ганьчжоуский район 530
Сучжоуское ханство 688
США 706
Сыва 37
Сычуань 6, 7, 29, 39, 41, 44, 45, 75, 150, 152, 153, 354, 381, 457, 468, 481, 499, 554, 572, 577, 641, 642, 654, 655, 659, 691, 702
Сюаньвэй 88, 173
Сюаньвэйцзюнь 175
Сюаньдэ 174
Сюаньхуафу 73
Сюнчжоу 61
Ся Кашин 652
Сяньян 489, 492
Сячжоу 30–32, 41, 42, 44, 69, 72, 73, 89, 101, 102, 118, 122, 124–126, 131, 144–146, 160, 174, 288, 291, 292, 293, 374, 463, 641, 651, 672, 688, 712
Сячуань, река 125

Т

Тайвань 500
Тайюань 155
Такламакан 376, 674, 685

Тангут 9, 10, 56, 159, 286, 375, 464, 465, 579, 601, 637, 650, 652, 653, 654, 655, 657, 659, 662, 669, 677, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 701, 710
Танлунчжэнь 117, 118
Танлян 288
Танчжоу 49
Таохэ 39, 45
Таочжоу 143, 156
Тибет 5, 7, 9, 27–29, 35, 42, 44, 264, 274, 352, 373, 377, 389, 442, 454, 457, 460, 466, 469, 493, 502, 522, 533, 553, 566, 569–572, 579, 583, 589, 590, 591, 601, 603, 604, 608, 653–655, 660, 661, 668, 691, 700, 709, 710
Тибетское нагорье 51, 589
Тобольск 652, 653
Тола, река 159, 675, 683
Тотокоу 292
Тоувэйхэ 76
Трансильвания 484
Тубот 653
Тугухунь 37, 39, 45, 47
Тунгуань 644, 672
Тунюань-цзюнь 64
Турфан 6, 75, 92, 203, 212, 214, 377, 575
Туфа 40, 47
Туфань 40, 41, 47, 86, 92, 454, 653
Тэнри 461
Тэцзинь 288
Тяньдушань, горы 124, 127, 134, 436
Тяньдэ 138, 139, 140
Тянься 191
Тяньсяцинъюсы 525
Тяньцинсы 525
Тянь-Шань 141

У

У 61, 298, 313
Убао 128
Удинхэ, река 76, 122, 125
Удинчуань, река 125
Уйрака 637, 669
Улахай 64, 637
Урахай 637
Урахэй 670
Усыцзан 653
Утайшань, горы 98, 455–457, 568, 583, 584, 592, 692
Ушин 657
Уюань 173
Уянь 127

Ф

Фаньхэцзюнь 73
Ферганская долина 52
Футу 128
Фуцзин 174
Фуцзянь 497
Фучжоу 68, 98, 100, 102–104, 123, 141, 174
Фуянь 60, 61, 65, 99, 103, 125, 134, 141
Фэнчжоу 64, 65, 97, 103, 114, 124

Х

Хамийская впадина 75, 77
Хамийский оазис 55, 72, 375, 652, 667
Хангайские горы 657
Ханчжоу 476
Ханьбо 288
Ханьлинь 658, 659, 704
Ханьюань 288
Хаошуйхэ, река 134
Хара-Хото 5, 19, 27, 69, 73, 74, 78, 81, 82, 84, 85, 159, 174, 176, 198, 207, 262, 266, 275, 351, 356, 358–363, 366, 367, 369, 370, 377, 378, 391, 403, 437, 441–445, 448, 449, 455, 456, 458, 461, 462, 464, 466, 483, 493, 494, 502, 526, 530–532, 534, 537, 542, 550, 572, 574, 578, 582, 583, 585, 606, 618, 648, 664, 667, 668, 675, 678, 680, 681–685, 709
Харугун-хан 79
Хатайские страны 55
Хатун-сыны 55, 56, 57
Хашин 159
Хорезм 645, 673
Хотан 6, 128
Хоуцяо 100
Хохо-нур 660
Хуай 73
Хуайдэ 140
Хуайчжоу 69
Хуайюань (Синцин) 73, 81, 101, 174, 291, 345, 463, 574
Хуайюаньсянь 175
Хуайюаньчжэнь 69
Хуанхэ, река 27, 29, 35, 39, 40, 44, 45, 47, 51, 52, 59, 61–64, 69, 72, 73, 75–77, 79, 91, 99, 103, 114, 117, 118, 124, 126, 139, 140, 145, 175, 176, 287, 288, 300, 315, 374, 379, 380, 427, 554, 579, 644, 649, 652, 654, 670, 676
Хуанчжоу 142
Хуаньцзян 76
Хуаньцин 60, 61, 65, 99, 100, 103

Хуаньчжоу 69, 98, 121
Хуачжоу 99, 176
Хуаюн 345
Хубэй 481
Хугуан 657
Хуйчжоу 65, 72, 153
Хукуан (кун, кэ) цзюнь 173, 175
Хун 73
Хундэчжай 43
Хунчжоу 73, 99, 133
Хупухэ, река 126
Хэбэй 99, 126
Хэдун 160, 669
Хэйчуйшань 648, 675
Хэйчэн 69
Хэйшуй 64, 69, 73, 74, 174, 176, 369, 459, 574, 648, 675, 681
Хэлань 427, 699
Хэланьшань, горы 75, 89, 118, 145, 383, 531, 576, 579, 582, 645, 658, 669, 670, 688, 689, 698, 699, 701, 713
Хэлинь 656
Хэло 64
Хэнань 659, 697, 698
Хэншань, горы 41, 51, 76, 101, 122, 125, 127, 134
Хэси 43, 64, 99, 174, 461, 462, 647, 649, 652, 658, 667, 710, 712
Хэцин 141
Хэцинцзюнь 65, 82
Хэчжоу 49, 95, 96, 127, 142, 143, 376

Ц

Центральная Азия 5, 35, 44, 48, 51, 59, 60, 77, 82, 89, 94, 148, 185, 225, 233, 264, 286, 304, 329, 358, 361, 370, 384, 385, 386, 433, 437, 441, 444, 453–455, 464, 466, 468, 469, 471, 473, 485, 502, 512, 514, 527, 570, 581, 589, 608, 660, 663, 664, 666, 668
Центральная китайская равнина 98, 150
Цзе 298, 313
Цзетансы 457, 591
Цзечжоу 64
Цзинцзянь 105
Цзинчжоу 61, 72, 145
Цзинъюань 60, 61, 65, 99, 103, 134, 141
Цзинь 5, 9, 68, 75, 111, 137–143, 148, 150, 151–158, 160, 185, 187, 191, 204, 208, 210, 212–216, 270, 286, 293, 294, 297, 313, 341, 379–386, 448, 449, 452, 490, 493, 494, 497, 500, 509, 567, 568, 576–578, 580, 585, 602, 638–647, 651, 659, 661, 664, 669, 670, 672–675, 678, 679, 681–683, 698, 700, 701, 703, 707–709, 713, 714
Цзиньмин 133
Цзиньминчжай 100
Цзиньсу 114, 118, 141
Цзиньсучжоу 65
Цзиньтан 121, 127
Цзиньюань 99
Цзицзя 35, 36
Цзиши 61, 69, 73, 143, 380, 645, 649, 674, 676, 713
Цзишичжоу 143
Цзон 24, 28
Цзосяи цзяньцзюньсы 74
Цзунгэ, река 28, 53, 95, 96, 375
Цзуншуй 28
Цзюду 64
Цзюйюнгуань 138, 379, 494, 661, 662
Цзюйянь-гучэн 64
Цзюфэншань 520
Цзюэ 70
Цзяду 128, 133
Цзянчжэнцзюнь 64
Цзяньчжун 157
Цзяохэ 92, 575
Цзяочжи 207, 208
Цзячжоу 641, 645, 673
Ци 140–143
Цинтан 70, 95, 96, 130
Цинхай 6, 7, 29, 44, 573, 577, 579, 691, 696, 708
Цинхайское плато 75, 77
Цинцзянь 101, 105
Цинцзяньхэ 76
Цинчжоу 30, 41, 69, 104, 108, 121, 125, 155
Циншилин хребет 75
Цинъюаньцзюнь 125, 126
Цинъян (Ганьсу) 30, 41, 42, 51, 101, 662
Цинь 489, 490, 492
Циньфэн 64, 103
Циньцзя 288
Циньчжоу 64, 103, 121
Циньян 100
Цицзи 288
Цяньфодун 455

Ч

Чаган-Нор, озеро 690
Чанбайшань, горы 137
Чанъань 30, 196, 206, 455, 642
Черная река 572

Чжанцзябао 102
Чжанъе 7, 92, 573, 575
Чжишань 533
Чжоушуй 76
Чжуаньюй 128
Чжунвэй 64
Чжунду (Пекин) 640
Чжунсин (Синчжоу) 73, 160, 174, 175, 538, 638, 639, 643, 644, 649, 650, 651, 669, 671, 672, 674, 676, 677
Чжэнго (цзян) 174
Чжэньжунцзюнь 53, 127
Чжэньи 160
Чжэньицзюнь 73, 459, 669
Чжэньу 174
Чжэньцзян 658
Чжэньяньцзюнь 64, 69
Чимукоу 637
Чиша 292
Чиюань 173, 345
Чиюаньсянь 175
Чу 36, 55, 150, 151, 382, 567, 577, 708, 713
Чэнпин 108
Чэнтяньсы 57, 73, 458, 595, 713
Чэнчжоу 64

Ш

Ша 73
Шаньси 42, 75, 90, 103, 139, 455, 577
Шаньчжоу 96, 142, 374
Шаньшань 374, 427
Шахэ, река 124
Шачжоу 49, 55, 56, 59, 72, 73, 77, 78, 94, 95, 104, 133, 159, 174, 176, 199, 271, 288, 301, 314, 375, 458, 538, 573, 574, 645, 649, 652, 668, 674, 676, 712, 714
Шачжоуское ханство 688
Ши 73
Шибаланьсай 698, 699
Шичан 156
Шичжоу 69, 99, 125, 651
Шичэн 28
Шоло 64
Шолохэло 64
Шоулин 157
Шуйхэ 76
Шуньнин 133
Шэнсы 114
Шэнчжоу 72
Шэньси 35, 41, 44, 51, 61, 75, 114, 127, 286, 466, 502, 508, 579, 631, 642, 652, 655, 662
Шэху 45

Э

Эдзина (Хара-Хото) 10, 74, 198, 366, 369, 377, 448, 466, 530, 531, 537, 572, 578, 579, 648, 675, 678, 685
Эдзин-Гол, река 27, 28, 44, 51, 59, 69, 75, 76, 455, 574, 668, 675, 681, 682, 684
Эдзинэ 76
Эрчжоу 72

Ю

Ю 73
Юаньчжоу 174, 176
Южный двор 119, 135, 140, 154, 174, 176, 182, 681
Юйлинь 51, 699, 701
Юйлиньку 79, 84
Юймынь 59
Юйниншань 531, 533
Юйтянь 128
Юйчжи 288
Юн 73
Юнлэ 127, 128, 131
Юнчжоу 69, 73, 174
Юншоубаотайцзюнь 68
Юньнань 552, 655, 659, 694, 696
Юньчжун 140, 153
Ючжоу 44, 69, 72, 99, 104, 109, 121, 122, 125–127, 134, 641, 647, 651, 672

Я

Ялуцзян 137
Янцзы 36, 140, 153
Янцзыцзян 554, 654
Янь 73, 90, 126, 128
Яньань 98, 100, 127, 130, 644, 645, 673
Яньаньфу 69
Яньчжоу 69, 72, 98, 100, 101, 103, 104, 133, 145, 641, 672, 676
Яньшуй 76
Япония 207, 267, 321, 438, 455, 484, 491, 493, 541, 542, 550, 551, 563, 589, 632, 706, 707

SUMMARY

This book is a collection of articles and several excerpts from the monograph "Outline of the History of the Tangut State" (1968, in Russian) written by Professor E. I. Kychanov. This monograph is the result of more than forty years of work at reconstructing the history and culture of the Tangut State of the Great Xia (982–1227), which fell under the blows of the army of Genghis Khan.

In two years from now the 100-year anniversary will be celebrated since the day when the famous Russian traveler P.K. Kozlov found a whole library of hand-written and printed books in Tangut language in the dead city of Khara-Khoto in the deserted sands of Southern Gobi. The Tangut culture had been almost completely forgotten by this time. The collection of the P.K. Kozlov fund, which has more than eight-thousand items, was placed in the Asian Museum of the Russian Academy of Sciences, and since 1930, when the Asian Museum became part of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR, has been kept in this Institute. The collection is currently in St. Petersburg in a branch of the Institute.

The articles in the given collection were written by the author in various years, and their contents reflect the consistent successes at researching the Tangut culture over the last fifty years. These articles are published in their original format, and thus there are repetitive parts in these articles and several contradictory statements, which the reader should be warned about beforehand.

The author, who is a historian by education, has noted that little research has been published on Tangut philology, although he has always tried to include Tangut philology in his own work.

The science of Tangut studies has followed the following stages over the last one-hundred years:

1. The largest assimilation of Chinese sources about the Tangut state is made. E. I. Kychanov took an active part in this stage, which can be seen from the articles published in this collection. Work is being continued even now by Chinese and Japanese authors (see bibliography). Unfortunately there haven't been any materials published in Chinese recently that would cardinally change our understanding of the Great Xia.

2. Expansion of knowledge about Tangut writing by decoding Tangut dictionaries from Khara-Khoto. E. I. Kychanov directed the Tangut Group of the Leningrad branch of the Institute of Asian Peoples, which prepared deciphering and

publication of the Tangut dictionary "Sea of Characters" (1969). At the beginning stage E. I. Kychanov cooperated with M.V. Sofronov on phonetic reconstruction of the Tangut language and it was he who recommended to K. B. Keping that he focus on studying the grammar of the Tangut Language.

3. The stage of translations and publications of Tangut texts. E. I. Kychanov took part in this work by making translations and publishing documents on Tangut law.

A collection of articles on Tangut studies by the professor Shi Tsin-bo has published in China. A collection of articles on Tangut philology has been published in Taiwan by the academician Yong Hwang-cherng (see bibliogrpahy). Professor Li Fan-ven has renewed the series of "Xi Xia Studies," in the first volume of which it is also planned to reprint a series of former studies on the language, culture, history, and documents of the Xia Xia written by various authors. The given publication suits the context of these beginnings quite well.

China is a state with many nationalities and many confessions. The process of the appearance of national states and various ethnic groups in what is now the territory of modern-day China was carried out over a period covering more than one and a half-thousand years. This process continued right up until the formation in the 16th–17th centuries of the Manchurian state. This process was historically natural, and reflected the social-economic and political maturity of the ethnic groups that created their own states under suitable conditions. The history of one of these states is quite well presented in the articles published here by E. I. Kychanov.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Раздел I
ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Тангутский миф о Белом журавле и Солнцебедрой девушке 15
«Гимн священным предкам тангутов» 18
К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) 35
К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо) 45
Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. 51
Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина 59
Государство Си Ся 71
Политика тангутского государства в период правления Юань-хао 94
Ослабление центральной власти и войны Си Ся в середине XI в. 117
Тангутское государство на пути к новому подъему 133
Тангутское государство во второй половине XII в. 144

Раздел II
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся 163
Тангутские пайцзы 186
Из истории тангутского права («Десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) 190
Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах 198
«Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)» государства Си Ся как источник по истории практики обмена посольствами на Дальнем Востоке в XI–XII вв. 207
Взятка в тангутском праве (XII–XIII вв.) 219
Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-Гуань (1101–1113 гг.)» 224
Правила награждения героев в армии Си Ся 235

«Железные ястребы» — кони и конница в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.) ... 264
Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. ... 266

Раздел III
ЭКОНОМИКА ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Из истории экономики Тангутского государства Ся (982–1227 гг.) ... 285
Люди, принадлежавшие государю (государству) (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)») ... 295
Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.) ... 304
Служба складов в тангутском государстве ... 323
Законы, регулировавшие ведение скотоводческого хозяйства в тангутском государстве Си Ся (XII–XIII вв.) ... 329
Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) ... 343
Договор займа по тангутскому праву ... 347
Два тангутских этюда ... 351
Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото ... 356
Тангутский документ № 8203 ... 362

Раздел IV
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ

Тангуты и Запад ... 373
Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь ... 379

Раздел V
ПИСЬМЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА

Тангутское письмо в истолковании самих тангутов ... 389
К изучению структуры тангутской письменности ... 402
«Крупинки золота на ладони» — пособие для изучения тангутской письменности ... 423
Культура Си Ся: письменность, просвещение, музыка, живопись ... 434
Тангутские изречения ... 466
«Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» — уникальный памятник книгопечатания подвижным шрифтом ... 474
Фрагменты перевода на тангутский (Си Ся) язык сочинения У Цзина «Чжэнь-гуань чжэн яо» ... 486
Тангутская текстология ... 493
Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) ... 502

Памятники тангутской письменности и тангутская культура 549
Государство Великое Ся (982–1227 гг.) и его культура 572

Раздел VI
БУДДИЗМ

Государство и буддизм в Си Ся 589
Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в тангутском государстве Си Ся 603
Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве 605

Раздел VII
КОНЕЦ СИ СЯ

Гибель Си Ся 637
Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся 667
Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.) 680
Новые материалы об этногенезе дунган 686
Этнические и религиозные изменения в области Тангут империи Юань (XIII–XIV вв.) 691
«Шу шань цзи» («Собрание записей о добрых делах») — новый документ о судьбах тангутского (Си Ся) населения после гибели Великого Ся (982–1227 гг.) 697
Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, XIII–XVI вв.) 706

Хронология событий в тангутском государстве Ся 712
Государи Великого Ся 715
Список сокращений 716
Список источников 720
Список литературы 721
Список публикаций Е. И. Кычанова, которые вошли в данную книгу 735
Список основных трудов по тангутоведению 738
Указатель имен 741
Указатель географических названий 751
Summary 759

TABLE OF CONTENTS

Foreword 5

Section 1
HISTORY OF THE TANGUT STATE

The Tangut myth about the white crane and the sun-hipped girl 15
"Hymn to the saintly ancestors of the Tanguts 18
On the question of the origin of the Tanguts (based on Chinese sources) 35
On the problem of the ethnogeny of the Tanguts (Toba — Veimin — Vamo) 45
From the history of the Tangut-Uighur wars in the first half of the XI cent. 51
Chinese hand-written atlas of map of the Tangut state of the Xi Xia, kept in the State Library of the USSR in the name of V.I. Lenin 59
The state of the Xi Xia 71
The politics of the Tangut state in the period of the rule of Yuan-hao 94
The weakening of central power and wars of the Xi Xia in the middle of the XI cent. 117
The Tangut state on the path to new development 133
The Tangut state in the second half of the XII cent. 144

Section II
THE STATE MECHANISM OF THE TANGUT STATE

Tangut sources on the state-administrative apparatus of the Xi Xia 163
Tangut paitzes 186
From the history of Tangut law ("Ten crimes" of Chinese middle age law in the Tangut code of the XII cent.) 190
The Tangut code of law in the XII century on peoples from other tribes and other lands 198
"The changed and re-approved code [bill of ruling] of Heavenly Prosperity (1149–1169)" of the state of the Xi Xia as a source for the history of the practice of exchanging embassies in the Far East in XI–XII cent. 207
Bribes in Tangut law (XII–XIII cent.) 219
Code of martial laws of the Tangut state "The Jasper speculum of ruling during the years of the rule of Chzhen-guan (1101–1113)» 224
Rules for honoring heroes in the army of the Xi Xia 235

"Iron hawks" — horses and the cavalry in the Tangut state of the Xi Xia (982–1227) ... 264
Documents of Tangut legislation on the social structure of the Tangut society XII–XIII cent. ... 266

Section III
ECONOMICS IN THE TANGUT STATE

From the economic history of the Tangut state of the Xia (982–1227) ... 285
People belonging to the ruler (the state) (As per materials from the "Changed and re-approved code [bill of ruling] of Heavenly Prosperity (1149–1169)") ... 295
Ownership of people in the in the Tangut state of the Xi Xia (982–1227) ... 304
Storage services in the Tangut state ... 323
Laws regulating cow farming in the Tangut state of the Xi Xia (XII–XIII cent.) ... 329
Laws regulating payment for the land tax in the Tangut state of the Xi Xia (XII cent.) ... 343
Loan contract as per Tangut law ... 347
Two Tangut etudes ... 351
Tangut document about the loan under security from Khara-Khoto ... 356
Tangut document № 8203 ... 362

Section IV
RELATIONS WITH NEIGHBORS

Tanguts and the West ... 373
From the history of interaction between the Tangut state of the Xi Xia and the Chzhurchen empire of Tszin ... 379

Section V
TANGUT WRITTEN LANGUAGE AND CULTURE

Tangut written language in the interpretation of the Tanguts themselves ... 389
On how to study the structure of Tangut written language ... 402
"Grains of gold on my palm" — a guide for studying Tangut written language ... 423
Culture of the Xi Xia: Written language, enlightenment, music, painting ... 434
Tangut aphorisms ... 466
"Collection of words given from one to another over three generations" — a unique document of book-printing using moveable type ... 474
Fragments of translations into Tangut language (Xi Xia) of the works by U Tszin "Chzhen-guan-chzhen yao" ... 486
Tangut textology ... 493
Tangut handwritten books (second half of the XII — first quarter of XIII cent.) ... 502
Documents of Tangut written language and Tangut culture ... 549
The state of the Great Xia (982–1227) and its culture ... 572

Section VI
BUDDHISM

The state and Buddhism in the Xi Xia 589
The emperor's mentor in the hierarchy of mentors in the Buddhist dogma in the Tangut state of the Xi Xia 603
Legislative status of the Buddhist communes in the Tangut state 605

Section VII
END OF THE XI XIA

Downfall of the Xi Xia 637
Mongol-Tangut wars and the downfall of the Xi Xia state 667
Report of the assistant of the commander of Khara-Khoto (March, 1225) 680
New materials about the ethnogeny of the Dungan 686
Ethnic and religious changes in the Tangut area of the Yuan Empire (XIII–XIV cent.) 691
"Shu shan tszi" ("Collection of notes on good deeds") — a new document about the fates of the Tangut (Xi Xia) population after the death of the Great Xia (982–1227) 697
Acculturization as a path to assimilation (using the example of the Tanguts of the Xi Xia, XIII–XVI cent.) 706

Chronology of the events in the Tangut State Xia 712
Rulers of the Great Xia State 715
List of abbreviations 716
List of sources 720
Bibliography 721
List of the publications by E. I. Kychanov included in this book 735
List of the main works in the field of Tangut studies 738
List of names 741
List of geographical names 751
Summary 759

Научное издание

Евгений Иванович Кычанов

ИСТОРИЯ
ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ответственный за выпуск *О. С. Капполь*
Редактор *М. М. Козлова*
Корректоры *В. О. Кондратьева, Н. В. Нестерова, Е. С. Васильева*
Верстка *С. В. Кузнецова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.
Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
Подписано в печать 10.09.2008. Печать офсетная. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 61,92. Тираж 800 экз. (РГНФ — 300 экз.) Заказ № 566.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 41.

Е. И. КЫЧАНОВ

ИСТОРИЯ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Евгений Иванович Кычанов,
доктор исторических наук (с 1971 г.), профессор (с 1986 г.),
родился 22 июня 1932 г. в г. Сарапуле (Удмуртия).
После окончания средней школы поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета на кафедру истории стран Дальнего Востока. В 1955 г. поступил в аспирантуру сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. Работал с 1958 г. в должности младшего, а с 1965 г. – старшего научного сотрудника. Специализировался по тангутоведению – изучению истории тангутского государства Великое Ся (982-1227 гг.) и памятников тангутской письменности из коллекции П. К. Козлова, найденных в 1908 г. в мертвом г. Хара-Хото. Е. И. Кычанов продолжил работу по инвентаризации и каталогизации тангутских рукописей и ксилографов. В 1968 г. опубликовал первую на европейском языке историю тангутского государства – «Очерк истории тангутского государства» и в 1970 г. защитил эту книгу в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.
В середине 1960-х гг. руководил созданной при кабинете Дальнего Востока Ленинградского отделения Института народов Азии Тангутской группой (К. Б. Кепинг, В. С. Колоколов, А. П. Терентьев-Катанский). Работа отечественных тангутоведов (включая М. В. Софронова в Москве) и их зарубежных коллег – Нисида Тацуо (Япония), Ши Цзинь-бо, Ли Фань-вэня, Бай Биня, Не Хун-иня, Хуан Чжэн-хуа (Китай) позволила в начале 70-х гг. начать чтение текстов на тангутском языке. В этой работе Е. И. Кычанова интересовал в первую очередь перевод памятников тангутского законодательства. Свод законов государства Ся – «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149-1169 гг.)» был опубликован в конце 1980-х гг. В настоящее время Е. И. Кычанов – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Работает над переводом «Новых законов» Ся (первая четверть XIII в.) и дальнейшим упорядочиванием хранения тангутского фонда. Написал несколько научно-популярных книг по истории Центральной Азии и Китая.

ISBN 978-5-8465-0866-8

